

Институт языкознания
Российской академии
наук

Тамбовский государственный
университет имени
Г.Р. Державина

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 2 (58)

МАТЕРИАЛЫ
XII МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА
ПО КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

30 мая – 1 июня 2024 г.

Часть II

ISSN 2071-9639

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА
НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.А. ДОБРОЛЮБОВА
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ**

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 2 (58)

**МАТЕРИАЛЫ XII МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА
ПО КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ
30 мая – 1 июня 2024 года**

Часть II

Москва – Тамбов – Нижний Новгород
2024

УДК 40 *Серия включена в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации результатов диссертаций.*
ББК 80
K57

Зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52638 от 25 января 2013 г.
Индекс 79191 в каталоге периодики «Урал Пресс» на 2024 г.

Редакторский совет:

Болдырев Н.Н., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор);
Иванов А.В., доктор филологических наук, профессор (отв. редактор выпуска);
Демьянков В.З., доктор филологических наук, профессор;
Бабина Л.В., доктор филологических наук, профессор;
Виноградова С.Г., доктор филологических наук;
Панасенко Л.А., доктор филологических наук;
Потанина Н.Л., доктор филологических наук, профессор;
Фурс Л.А., доктор филологических наук, профессор;
Шарандин А.Л., доктор филологических наук, профессор;
Златев И., доктор филологии, профессор (Лунд, Швеция);
Талми Л., доктор филологии, профессор (Буффало, США);
Козлова Е.А., кандидат филологических наук, доцент (отв. секретарь)

Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н.Н. Болдырев; М-во науки и высш. обр. РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – Москва : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008–. ISBN 978-5-89016-442-1

Вып. № 2 (58) : материалы XII Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 30 мая – 1 июня 2024 г. : в 2 частях. Ч. II / отв. ред. вып. А.В. Иванов. – Москва : ФЛИНТА, 2024. – 714 с.
ISBN 978-5-9765-5514-3 (Общ.)
ISBN 978-5-9765-5516-7 (Ч. II)

В этом выпуске периодического издания «Когнитивные исследования языка» представлены материалы XII Международного конгресса по когнитивной лингвистике, в которых освещаются теоретические и методологические вопросы концептуализации и категоризации реальный меняющегося мира в языке, проблематика мультимодального поворота в лингвокогнитивных исследованиях, дискурсивных стратегий, тактик и практик в когнитивной проекции, перевода в аспекте когнитивного моделирования, когнитивных исследований в терминологии и коммуникации, метакогнитивных исследований, искусственного интеллекта в аспекте его связей с когнитивной лингвистикой, когниции в ее социальном измерении.

Издание адресовано филологам, специалистам в области гуманитарного знания и смежных областей, а также всем, кто интересуется проблемами соотношения языка, мышления и действительности.

УДК 40
ББК 80

ISBN 978-5-9765-5514-3 (Вып. № 2 (58)). Общ.)
ISBN 978-5-9765-5516-7 (Ч. II)
ISBN 978-5-89016-442-1

© Коллектив авторов, 2024
© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2024
© ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова», 2024
© Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2024
© Издательство «ФЛИНТА», 2024

ISSN 2071-9639

**MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DERZHAVIN TAMBOV STATE UNIVERSITY
NIZHNY NOVGOROD STATE LINGUISTICS UNIVERSITY
THE RUSSIAN COGNITIVE LINGUISTS ASSOCIATION**

COGNITIVE STUDIES OF LANGUAGE

Volume 2 (58)

**PAPERS OF THE 12TH INTERNATIONAL CONGRESS
ON COGNITIVE LINGUISTICS
May 30 – June 1, 2024**

Part II

Moscow – Tambov – Nizhny Novgorod
2024

The publication is included in the List of publications recommended by Higher Assessment Board of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of candidate and doctoral dissertations.

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roscommnadzor),
Certificate of Registration PI No. FS77-52638.

The volume enters the catalogue of periodicals of Ural Press agency of 2024. The index is 79191.

Editorial Board:

Boldyrev N.N., Doctor of Philology, Professor (editor-in-chief);

Ivanov A.V., Doctor of Philology, Professor (volume editor-in-chief);

Demyankov V.Z., Doctor of Philology, Professor;

Babina L.V., Doctor of Philology, Professor;

Vinogradova S.G., Doctor of Philology;

Panasenko L.A., Doctor of Philology;

Potanina N.L., Doctor of Philology, Professor;

Furs L.A., Doctor of Philology, Professor;

Sharandin A.L., Doctor of Philology, Professor;

Talmy L., Doctor of Philology, Professor (Buffalo, USA);

Zlatev J., Doctor of Philology, Professor (Lund, Sweden);

Kozlova E.A., Candidate of Philology, Associate Professor (executive secretary)

Cognitive studies of language / editor-in-chief N.N. Boldyrev ; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Derzhavin Tambov State University, The Russian Cognitive Linguistics Association. – Moscow : Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences ; Tambov : Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2008–.
ISBN 978-5-89016-442-1

Vol. 2 (58): Papers of the 12th International Congress on Cognitive Linguistics. May 30 – June 1, 2024 : in 2 parts. Part II / volume editor-in-chief A.V. Ivanov. – Moscow : FLINTA Publishers, 2024. – 714 p.

ISBN 978-5-9765-5514-3 (General)

ISBN 978-5-9765-5516-7 (Part II)

The issue of the “Cognitive Studies of Language” presents the materials of the 12th International Congress on Cognitive Linguistics, which cover theoretical and methodological issues of conceptualisation and categorisation of the realities of the changing world in language, the problems of multimodal turn in linguocognitive studies, issues of discourse strategies, tactics and practices in cognitive projection, translation in the aspect of cognitive modelling, cognitive studies in terminology and communication, metacognitive studies, artificial intelligence in its relation to linguocognitive research, cognition in its social dimension.

This collection of papers will be welcomed by university scholars, linguists and all specialists who are interested in language, cognition and reality interface.

ISBN 978-5-9765-5514-3 (Vol. 2 (58). General)

ISBN 978-5-9765-5516-7 (Vol. 2 (58). Part II)

ISBN 978-5-89016-442-1

© Authors of the articles, 2024

© FSBEIHE “Derzhavin Tambov State University”, 2024

© Nizhny Novgorod State Linguistics University, 2024

© The Russian Cognitive Linguists’ Association, 2024

© FLINTA Publishers, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ, ТАКТИКИ И ПРАКТИКИ В КОГНИТИВНОЙ ПРОЕКЦИИ	18
<i>Абросимова Л.С.</i> Когнитивно-прагматические аспекты функционирования мемов	18
<i>Аmineва Т.А.</i> Художественный дискурс для юношества в когнитивном осмыслении (на материале романа Корнелии Функе «Tintenherz»)	22
<i>Антонова Е.Н.</i> Фразеологическая и паремиологическая апперцепция современной языковой личности.....	25
<i>Бекреева Ю.В.</i> Характеризация деятеля как инферентный вывод на основе предикатной линии биографического нарратива	29
<i>Белоглазова Е.В.</i> Грамматические средства конструирования концептуальных доминант русско-центрического дискурса	34
<i>Белошицкая Н.Н.</i> Дискурсивные стратегии через призму категории драматургичности	37
<i>Берзина Г.П.</i> Реализация коммуникативной тактики «компромисс» в бесконфликтной языковой коммуникации	41
<i>Беспалова Е.В.</i> Формирование оценочных смыслов в ландшафтном дискурсе немецкой прессы	45
<i>Богатикова Ю.А.</i> Когнитивная категоризация события в новостном тексте	49
<i>Бронникова О.В., Головки А.С.</i> Дискурс веб-сайта национального парка.....	53
<i>Власова А.А.</i> Идеологические модели в американском медиадискурсе.....	57
<i>Водяницкая А.А.</i> Лингвоаксиологические аспекты дискурса современных экспатов: образ России	60
<i>Воронцова Ю.А.</i> Коммуникативная стратегия троллинга в комментирующих высказываниях.....	64
<i>Галактионова Н.А.</i> Обрядовая поэзия и ее интерпретация в поэтическом тексте.....	68
<i>Герус А.И.</i> Сквозь призму текстов Шекспира: интертекстуальность как способ коммуникации	71
<i>Говорова Л.А., Лебедев Л.В.</i> Лингвокогнитивный анализ дискурсивных стратегий латиноамериканских мигрантов (на материале американского медийного дискурса).....	74
<i>Голикова М.С.</i> Латинский язык в современном европейском политическом дискурсе	78
<i>Горбылева А.В., Шевченко Т.И.</i> Стратегии участников в бесконфликтном дискурсе: распределение времени по данным американского корпуса.....	82
<i>Грибанова Т.И.</i> Когнитивные аспекты хеджирования в англоязычном политическом интервью	86
<i>Данилова Е.А.</i> Языковые средства репрезентации научно-технических достижений в медиадискурсе	89
<i>Дронова Н.П.</i> Назидательно-дидактическая стратегия и тактики в комическом дискурсе фастнахтшпиля.....	93
<i>Евграфова М.О.</i> Когнитивные исследования в инструктивном дискурсе	97
<i>Ерещенко М.В.</i> Механизмы воздействия в сетевом дискурсе	101
<i>Загументов А.В.</i> Пустозерский дискурс как объект языковедческого исследования.....	105
<i>Захарова О.С.</i> Способы репрезентации рациональной оценки в англоязычном аналитическом обзоре валютного рынка.....	109
<i>Иванова Ю.Е., Михалева Е.И.</i> Аргументативное взаимодействие русскоговорящих участников в англоязычной дискуссии.....	112
<i>Катермина В.В.</i> Прагматико-аксиологический компонент офисной культуры англоязычного неологического дискурса	116
<i>Климова Т.В.</i> Лингвокогнитивные скрепы как средство актуализации ментальных структур в рождественских обращениях Елизаветы II в 2010 и 2015 гг.	120

<i>Колесникова О.И., Завалина Ю.О.</i> Лингвокреативная стратегия концептуализации мира в детском дискурсе	124
<i>Комкова Н.И.</i> Особенности репрезентации концепта МЕЧТА в прозе Б.В. Шергина	128
<i>Коннова М.Н., Нахрачев И.Д.</i> Языковая глобализация и ценностные трансформации в русском спортивном дискурсе	131
<i>Коннова М.Н., Хорохорина С.Е.</i> Пространственные метафоры в поэзии Э. Дикинсон: к вопросу о ценностной интерпретации времени	135
<i>Ланцова В.В.</i> Ороним «скала» в испанском топонимическом пространстве	139
<i>Красин А.А.</i> Коннотация как часть идеологии: черты языковой личности колониального чиновника	142
<i>Кутцов А.Е.</i> Дискурсивные маркеры как средство вербализации речемыслительных процессов в художественном дискурсе	146
<i>Кутцов А.Е.</i> Дискурсивные частицы в моделях противительного отрицания как средства организации тема-рематической структуры художественного текста	149
<i>Лаенко Л.В.</i> Дискурсивная обусловленность избирательности номинаций цвета	153
<i>Ланских Д.Ю.</i> Когнитивно-дискурсивный анализ взаимодействия персуазивности и экспрессивности в речах экс-президента США Д. Трампа в 2020–2021 гг.	157
<i>Лебедев Л.В., Говорова Л.А.</i> Номинативное поле концептуальной диады ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ в произведении В. Набокова «Отчаяние»	160
<i>Миронова М.Ю.</i> Вопросительное высказывание как средство аргументации в научном дискурсе	163
<i>Монгилева Н.В.</i> Код субъективной позиции дискурса межличностных отношений	167
<i>Насибуллова Г.Р.</i> Интенциональность прецедентных феноменов в художественном дискурсе авторов-женщин	170
<i>Огнева Е.А.</i> Когнитивный публицистический конструкт VICTORY / ПОБЕДА в архитектонике текстового когнитивного кода книги Дж. Рида «Ten Days that shook the World»	174
<i>Онал И.О.</i> Метафорическое моделирование военного конфликта в секторе Газа в британском медиадискурсе	177
<i>Пономарева О.Б., Пономарева Е.Ю.</i> Когнитивно-дискурсивная интерпретация текста в когнитивной поэтике (на материале поэзии В. Набокова)	181
<i>Попова Г.Е.</i> Смысловый диссонанс как речекогнитивный механизм	186
<i>Рябова И.Ю.</i> Специфика эвиденциального маркирования в романном жанре	190
<i>Рябуха О.В., Лобанова А.К., Комарова Д.О.</i> К вопросу о реализации когерентности в медиатексте	194
<i>Рябцева Е.С.</i> «Раньше-то раньше, когда мама была девчонкой»: прошлое в зеркале костромского диалектного дискурса	197
<i>Сахарова А.В.</i> Эпистемические модальные показатели проблематической достоверности и субъектная организация естественнонаучного текста	201
<i>Седова Н.К.</i> Особенности реализации концептуальной метонимии в англоязычном спортивном дискурсе	204
<i>Семенова Ю.В.</i> Неоднозначность и метафора в поэтическом тексте	207
<i>Сивова Т.В.</i> Как описать цвет камыша: опыт полидискурсивного исследования	211
<i>Соколова В.Л., Голубкова Е.Е.</i> Дискурсивный механизм и концептуальные основания лингвостилистической кластеризации в англоязычных коротких шутках	215
<i>Соколова В.Л.</i> Дискурсивные основания и концептуальная структура англоязычного портретного интервью в журнале «Interviewmagazine.com»	219
<i>Сокорева Т.В.</i> Актентуация и возраст: когнитивный аспект	222
<i>Соловьева Ю.О.</i> Стратегии и тактики в разъясняющих текстах современного российского популярно-юридического дискурса	226
<i>Талыбова Я.С., Монгилева Н.В.</i> Метафора «Университет – Путешествие» в дискурсе университетского веб-сайта	230
<i>Терехова А.А.</i> Актуализация основных ценностей в англоязычной медицинской рекламе: социо-когнитивный подход	233
<i>Тивьяева И.В.</i> Лингвокогнитивный анализ мнемического опыта нарратора в мемуарном	

тексте	237
<i>Туруз Т.Р.</i> Спейсемы как тип проксемных единиц фонового терминала текстовых когнитивных сцен (на материале романов Г. Джеймса «Крылья голубки» и Г. Зудермана «Фрау Зорге»)	240
<i>Чекмаева Н.А.</i> Дискурсивные стратегии взаимодействия с другим и воздействия на адресата в академическом общении	244
<i>Чернова И.В.</i> Мультиmodalность и дискурс дистанционного образования	248
<i>Чулкова Е.Д.</i> Ономаσιологические новации в конструировании персонажа в историческом дискурсе	252
<i>Шевелева Е.О., Родионова Е.Р.</i> «Cats in the museum» или лингвистические способы негативизации образа России в западных СМИ (на примере публикаций о культуре в британском издании «The Guardian»)	256
<i>Широкова Е.Н.</i> Эвфемизмы в социальных сетях: когнитивно-дискурсивный аспект	260
ПЕРЕВОД В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ	265
<i>Абакумова О.Б.</i> Модифицированные пословицы в газетных текстах: анализ пословичного сценария и поиск переводных эквивалентов	265
<i>Анисимов В.Е.</i> Феномен локализации кинозаголовка в рамках когнитивно-эвристической модели перевода (на материале французского кинодискурса)	268
<i>Бредис М.А.</i> Особенности перевода пословиц разноструктурных языков с оппозицией концептов БОГАЧ – БЕДНЯК	272
<i>Вишнякова О.Д., Липгарт А.А.</i> Транслируемость и концептуальный анализ как лингвокогнитивные составляющие переводческого процесса	276
<i>Глухова О.В.</i> Метафорическое моделирование в аспекте перевода (на примере концепта ЖЕНЩИНА)	279
<i>Голубина К.В.</i> Когнитивная модель перевода русского жестового языка: к постановке проблемы	282
<i>Губочкина Л.Ю.</i> Особенности интерпретационного перевода антропоморфных образов	286
<i>Гудкова К.В.</i> Когнитивные основы лингвистического переноса синтаксических структур английского языка при переводе на русский	290
<i>Донина О.В.</i> О возможности корпусного сопоставительного анализа скрытой языковой категоризации	294
<i>Ду Канцэ.</i> Когнитивный потенциал прецедентных женских образов при передаче названий брендов	298
<i>Етимахова А.С.</i> Международный свод сигналов – 1931 как язык-посредник	300
<i>Загоруй А.А., Абакумова О.Б.</i> Концептуальная метафора в пословицах о времени: аспекты перевода	304
<i>Зубков О.Д.</i> Влияние качества исходного стимула на глазодвигательное и речевое поведение синхронных переводчиков	307
<i>Ильминская В.И.</i> Авторские пословицы Джона Р.Р. Толкина в романе «Властелин колец»	311
<i>Казенас О.А., Григорьева А.Б.</i> Некоторые аспекты интерпретационного поля концептов EAU / WASSER во французских и немецких народных сказках	315
<i>Калинин А.Ю.</i> Детерминанты вариативности выбора единиц ориентирования при межъязыковом переводе	319
<i>Карамышев Е.А., Зимарева О.Л.</i> Особенности перевода английской диалектной энантиосемической лексики	323
<i>Нильсен Е.А., Николаев В.О.</i> К методам выявления индивидуального стиля переводчика	327
<i>Петрова И.М., Глотова Я.А.</i> Когнитивный аспект антонимического перевода (на материале пары русский-английский языки)	330
<i>Пташкин А.С.</i> Сенсорная лексика здоровья в рассказе А.К. Дойла «Отстал от жизни» в русском и английском языках	334
<i>Разумных Е.В.</i> Schubladendenken vs Outside the box thinking: когнитивный анализ фразеологических интерпретаций концепта МЫШЛЕНИЕ в немецком, английском и русском языках	337

<i>Сафина М.Р.</i> Концептуальная метонимия как механизм перевода	341
<i>Серова И.Г., Поднекс Е.А.</i> Когнитивное моделирование поэтической авторской картины мира В. Высоцкого в переводах на английский язык	345
<i>Скворцов Я.А.</i> Особенности передачи дискурсивных формул типа «как бы да» в русско-английском переводе (на материале корпуса параллельных текстов)	349
<i>Соколова А.В.</i> К проблеме перевода хедж-маркеров, содержащих глаголы ментальных действий	353
<i>Судейманова О.А.</i> Русские инфинитивные безличные модели в переводческой перспективе	357
<i>Устинова Т.В.</i> Интерпретирующая и текстообразующая функции грамматического времени: переводоведческий аспект	360
<i>Чертouсова С.В.</i> Концептуальная метафора как инструмент обучения устному переводу ..	364
<i>Швецова Ю.О., Первалова А.В.</i> Опыт экспериментального метакогнитивного моделирования процесса перевода	368
<i>Шлетьев Д.Н.</i> Релевантность: содержание и законное место в теории	371
<i>Шутмова Н.В.</i> Гипаллага в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: репрезентация в переводе Дж. Фейлена	375
<i>Яременко В.И., Чурпына О.Г.</i> Постерный доклад и TED TALK как стратегии обучения студентов-лингвистов устному академическому дискурсу	379
КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ...383	
<i>Алексеева Л.М., Бурдина О.Б., Мишланова С.Л.</i> Когнитивно-коммуникативные аспекты медицинской и фармацевтической терминологии	383
<i>Арыджан Д.</i> Когнитивный аспект неглагольной предикации	386
<i>Беликова Г.В.</i> Фреймовая семантика прозвищной номинации как средство экспликации кодов культуры (на примере французского языка)	390
<i>Бочарникова Е.А.</i> Актуализация интердискурсивности в научном историческом тексте	394
<i>Голубкова Е.В.</i> Концепт и фрейм как инструменты дискурсивного анализа	398
<i>Дашченко И.А.</i> Художественный концепт-доминанта как когнитивный текстовый аттрактор	402
<i>Дзюба Е.В.</i> Векторы лингвокогнитивной асимметрии и картина мира	405
<i>Духнова М.А., Ерофеева Е.В.</i> Когнитивные метафоры гармонии и формы в стихотворении О. Мандельштама «Раковина»	409
<i>Дяо Жуй.</i> Когнитивный анализ категории одушевленности и рода в русском языке (на примере слова «ферзь»)	413
<i>Епринцева Ю.Н.</i> Особенности конструирования французских фразеологизмов с компонентом «эмоциональная оценка субъекта»	417
<i>Зенкова Т.Л.</i> Концепт СОЧИ в зеркале гонимов	421
<i>Иванов А.В.</i> Многоязычная терминология языкознания как потенциальный объект стандартизации и унификации	425
<i>Исаева И.П.</i> Метафора в зеркале аналогии	428
<i>Кожухова И.В.</i> Элементы карнавальной культуры в Интернет-комментариях	431
<i>Кутимская А.Ю.</i> Когнитивные механизмы терминологизации базового концепта KREDIT / КРЕДИТ в немецкой и русской лингвокультуре	434
<i>Кушнерук С.Л., Курочкина М.А.</i> Миромоделирование как объект исследования в современной лингвистике	438
<i>Леонтьева А.В., Савельева Е.Б., Котова Е.Г.</i> «Grey / Gray Literature»: семантическая диффузность цветообозначения	442
<i>Мангова О.Б., Дегтярева Е.А.</i> Акронимы-омонимы как особые номинативные единицы в англоязычном военном дискурсе	446
<i>Месропян Л.М.</i> Когнитивные и эмоциональные схемы как конструкты воздействующей коммуникации	449
<i>Налдеева Л.Е.</i> Метонимия при формировании двухкомпонентных зоонимов	453
<i>Нелюбова Н.Ю.</i> Гастрономическая лексика как основа формирования концептуального поля ЕДА во французских и русских паремиях	455

<i>Никитина В.В.</i> Политически корректная лексика как латентное проявление расовой дискриминации в США	459
<i>Озерова Е.Г.</i> Когнитивная лингвопоэтика через призму терминов и понятий.....	463
<i>Остапенко И.А.</i> Социокогнитивная специфика англоязычной юриспруденции в гендерных координатах	466
<i>Песина С.А., Санжарова О.Н.</i> Региональная терминология как объект когнитивного исследования	470
<i>Петрова Т.Е.</i> О чем говорят глаголы тела: когнитивно-дискурсивный подход	473
<i>Петросян М.С.</i> Семантические особенности англоязычных неологизмов, обозначающих фобии, в медицинском дискурсе.....	477
<i>Таскаева А.В., Питина С.А.</i> Коммеморативные топонимы Челябинской области как часть героической парадигмы региона	481
<i>Пташкин А.С.</i> Сенсорика средств выражения категории health в шотландской сказке о трех зеленых троллях из Глен Невиса	484
<i>Родин В.А., Киселева С.В.</i> Определение содержательного ядра терминов строительной техники в когнитивном аспекте (на примере термина «bucket»).....	488
<i>Рослянова Т.С.</i> Когнитивные аспекты изучения терминологии ирландских фольклорных танцев	492
<i>Рылов С.А.</i> Когнитивный подход к сопоставительной славянской терминологии (на материале чешской и русской грамматической терминологии).....	496
<i>Сергиенко Н.А., Глушак В.М., Литовченко А.С.</i> Ценности как объект лингвокогнитивного и лингвокультурологического анализа.....	500
<i>Топорков П.Е.</i> Концептуализация ситуаций в биноминативных предложениях (на материале конструкций с предикативами – оценочными именами).....	503
<i>Федяева Е.В., Тарабакина А.А.</i> О соотношении понятий «архетип» и «образная схема» как элементов пред-знания.....	506
<i>Хомякова Е.Г.</i> Homo sapiens в современной лингвистической парадигме.....	510
<i>Цзинь Тао.</i> Картина мира: удачный ли термин для лингвистики?.....	514
<i>Шрамко А.Е.</i> Научно-популярный дискурс как пространство вербализации концепта ИНТЕЛЛЕКТ	518
МЕТАКОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	522
<i>Генералова Л.М.</i> Концептуальная метафора как средство концептуализаций событий в политической блогосфере	522
<i>Дмитриенко Е.В.</i> Комбинаторные девиации и девианты в межъязычии.....	525
<i>Закурдаева Н.В.</i> Синергетическая модель передачи информации в политическом медиадискурсе	529
<i>Кирюхин Д.В., Мухина Е.А.</i> Методы коррекции когнитивных нарушений у студентов, обучающихся иностранным языкам в неязыковом вузе	533
<i>Клепикова Т.А.</i> Языковые рефлексы когнитивных искажений	537
<i>Конькова И.И.</i> Метаструктуры научно-технического дискурса как средство расстановки смысловых акцентов.....	540
<i>Мишуклова М.В.</i> Исследование когнитивной составляющей атрибутивных конструкций японского языка, описывающих концепт ПРИРОДА	543
<i>Новикова Н.Д.</i> Специфика самокритики во внутренней речи героев с расстройствами аутистического спектра	547
<i>Щербак А.С.</i> «Ономастическая дистрибуция» как фактор концептуального содержания конфликтности	551
КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ	554
<i>Балабас Н.Н., Шмарев Д.С.</i> Телескопия как тенденция современного словообразования.....	554
<i>Балабас Н.Н.</i> Расширение когнитивного потенциала слова.....	558
<i>Гусева С.Э.</i> Метафорические неологизмы в компьютерном дискурсе английского языка.....	561
<i>Калинин С.С., Шарнин М.М.</i> Использование методов машинного обучения для исследования оценочных семантических примитивов (на примере анализа примитивов «добро» и «зло») в современном русском языке).....	565

<i>Кацеева А.В.</i> Структурно-семантические особенности электронных текстов для чтения на английском языке.....	568
<i>Литвиненко Т.Е.</i> Метафорический образ цифровой личности в современной художественной коммуникации	572
<i>Ляшева М.Н., Режук З.В.</i> Функционально-прагматический аспект использования зооморфной метафоры в информационных телеграм-каналах	576
<i>Макарова А.С.</i> Прием синтаксического параллелизма как способ семантизации концептов в православных медиатекстах	579
<i>Маник С.А.</i> Практики функционально-когнитивной классификации лексики в современной лексикографии.....	583
<i>Олизько Н.С.</i> Университетский медиадискурс: пропаганда в эпоху цифровизации	587
<i>Осьмак Н.А.</i> Сибирь как опыт: образ региона в финноязычном дискурсе (на материале корпусных данных)	591
<i>Пак Н.С.</i> Концептуальная интеграция в английском осложненном предложении как фактор выбора приема предредактирования текстов для машинного перевода	595
<i>Пильгун М.А., Ерофеева И.В.</i> Манипулятивные технологии в медиапространстве: когнитивный аспект.....	598
<i>Плотникова А.М.</i> «Цифровая усталость» в концептуальной и языковой картинах мира	604
<i>Суворина Е.В., Шевелева Е.О.</i> Лингвокогнитивное исследование лексического триплета «Power – Strength – Force».....	607
<i>Чупахина А.О.</i> Фрейм «Artist» как когнитивное основание дискурса интервью о цифровом искусстве.....	611
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА.....	616
<i>Велис Л.А.</i> Большие языковые модели и ольфакторный опыт: проблема релевантного именованя	616
<i>Дроздова Т.В.</i> Двойственность категориального статуса искусственного интеллекта как концептуальный признак реалии и его объективация в текстах СМИ (на материале русского языка).....	619
<i>Дубровская О.Г.</i> Эвфемизация как способ нейтрализации конфликтогенных смыслов: естественный vs искусственный интеллект	623
<i>Зорина Е.С., Мызникова Я.В.</i> Работа с большими языковыми моделями в ходе клинических практик студентов (опыт лингвистической клиники СПбГУ)	626
<i>Ненашева Ю.А.</i> Просодический фактор в синтезировании речи	630
<i>Новикова А.В.</i> Применение принципов когнитивной лингвистики в машинном переводе	634
<i>Скрышников И.В.</i> Интерпретационные проблемы LLM: загадки образного языка.....	638
<i>Томарева И.Г.</i> Взаимодействие ИИ и когнитивной лингвистики: актуальное положение и будущие направления.....	642
<i>Трубочкин А.В.</i> Метод языкового синтеза в анализе расширения семантического объема значений английских фразово-глагольных конструкций <i>X OUT</i>	646
<i>Шабалина В.Я.</i> Признаки искусственного интеллекта в методическом дискурсе	650
<i>Яркова Е.Л.</i> Когнитивная лингвистика и искусственный интеллект: обучение английскому языку на основе когнитивных подходов.....	658
КОГНИЦИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ	659
<i>Алешина А.А.</i> Репрезентация концепта СОЛЬ в русских заговорных текстах	659
<i>Баландина И.Д., Юздова Л.П., Москвитина Т.Н.</i> Когнитивные аспекты топонимического миромоделирования (на материале топонимов Англии)	663
<i>Ковалева О.Н.</i> Параметры профессиональной социализации человека (на материале повести Алексея Варламова «Гора»).....	667
<i>Коцюбинская Л.В.</i> Метафора как средство медийного информационного противоборства (на материале публикаций о XXII Зимних олимпийских играх в британской и российской прессе)	670
<i>Кошкарлова Н.Н.</i> Расширение значения предлога ‘про’ как семантический и когнитивно-дискурсивный феномен	674
<i>Лебедева И.С.</i> Конструирование социального мира в судебном дискурсе.....	677

<i>Лямзина С.А.</i> Горизонт текстовой прецедентности как фактор языковой биографии, играющий важную роль в повышении эффективности речевой реабилитации у пациентов с афазией	681
<i>Москвитина Т.Н.</i> Когнитивный аспект изучения топонимов (на примере американских топонимов).....	684
<i>Николаева М.Н.</i> Пословицы и поговорки в культурном поле социального пространства Италии	688
<i>Пигалева М.В.</i> Признаки искусства в наивном толковании русских информантов.....	692
<i>Садуов Р.Т.</i> Моделирование восприятия города через семиотический ландшафт и медиаресурсы: где граница спонтанного?.....	696
<i>Топорова В.М., Беляева Н.Л.</i> Концепты ВЕРА и ПРАВДА в семантическом пространстве русского языка.....	698
<i>Фадеева Г.М.</i> Язык дискурса воссоединения Германии (1990) и осмысление исторических событий.....	702
<i>Шевченко Л.Л.</i> Аллюзивная метафора как средство репрезентации национально-культурной специфики авторской картины мира	705
<i>Ширяева Т.А., Гончарова Е.А.</i> Базовые и категориальные признаки концепта SUCCESS в профессиональной англоязычной сетевой коммуникации	709

CONTENTS

DISCOURSE STRATEGIES, TACTICS AND PRACTICES IN COGNITIVE PROJECTION	18
<i>Ambrosimova L.S.</i> Cognitive-pragmatic aspects of meme functioning.....	21
<i>Amineva T.A.</i> Artistic discourse for youth in cognitive reflection (based on the novel “Tintengerz” by Cornelia Funke)	25
<i>Antonova E.N.</i> Phraseological and paremiological apperception of modern linguistic personality ..	29
<i>Bekreyeva Yu.V.</i> Characterization of a person as an inference based on a predicate line of a biographic narrative	34
<i>Beloglazova E.V.</i> The role of grammar in constructing conceptual mainstays in Russia-centered discourse.....	37
<i>Beloshitskaya N.N.</i> Discourse strategies through the prism of the category of dramaturgy.....	41
<i>Berzina G.P.</i> Realization of a “Compromise” communicative tactics in conflict-free language communication.....	45
<i>Bespalova E.V.</i> Estimated sense formation in landscape discourse of German press	48
<i>Bogatikova Yu.A.</i> Cognitive categorization of news texts.....	52
<i>Bronnikova O.V., Golovko A.S.</i> Discourse of the national park website	56
<i>Chekmaeva N.A.</i> Discourse strategies of interacting with “other” to influence addressee in academic talk	247
<i>Chernova I.V.</i> Multimodality and the distance learning discourse	251
<i>Chulkova E.D.</i> Onomasiological innovations in the construal of personality in historical discourse.....	255
<i>Danilova E.A.</i> Language peculiarities of representation of scientific and technical achievements in media discourse.....	92
<i>Dronova N.P.</i> Educational-didactical strategy and tactics in the comic discourse of Fastnachtspiel	96
<i>Evgrafova M.O.</i> Cognitive research and instructive discourse.....	101
<i>Ereshchenko M.V.</i> Mechanisms of influence in network discourse	105
<i>Galaktionova N.A.</i> Ritual poetry and its interpretation in poetic text.....	70
<i>Gerus A.I.</i> Through the lens of Shakespeare’s texts: intertextuality as a means of communication	74
<i>Govorova L.A., Lebedev L.V.</i> Cognitive linguistic analysis of discourse strategies used by Latin American migrants (based on American media discourse).....	77
<i>Golikova M.S.</i> The Latin language in modern European political discourse.....	81
<i>Gorbyleva A.V., Shevchenko T.I.</i> Strategies in a non-conflict discourse: timing in spoken American corpus.....	85
<i>Gribanova T.I.</i> Cognitive aspects of linguistic hedging in English political interviews	89
<i>Ivanova Yu.E., Mikhaleva E.I.</i> Argumentative interaction of Russian-speaking participants in English discussions	115
<i>Katermina V.V.</i> Pragmatic and axiological components of office culture of English neological discourse.....	119
<i>Klimova T.V.</i> Linguistic and cognitive connectors as a means of actualizing mental structures in Elizabeth II’s Christmas addresses (2010, 2015).....	123
<i>Kolesnikova O.I., Zavalina Yu.O.</i> Linguocreative strategy for conceptualizing the world in children’s discourse	127
<i>Komkova N.I.</i> Features of the representation of the concept DREAM in the prose of Boris Shergin.....	131
<i>Konnova M.N., Khorokhorina S.Ye.</i> Spatial metaphors in the poetry by Emily Dickinson: axiological interpretation of time revisited.....	139

<i>Konnova M.N., Nakhrachev I.D.</i> Linguistic globalization and axiological shifts in Russian sports discourse	135
<i>Korneva V.V.</i> The oronim “Rock” in the Spanish toponymic space.....	142
<i>Krasin A.A.</i> Connotation as a part of ideology: features of the linguistic personality of a colonial statesman	145
<i>Kuptsov A.E.</i> Discourse markers as a means of verbalization of speech-thinking processes in fictional discourse	149
<i>Kuptsov A.E.</i> Discourse particles in models of negative negation as a means of organizing the theme-rheme structure of a fictional text	153
<i>Laenko L.V.</i> Discourse conditioning of colour terms selectivity	156
<i>Lanskikh D.Yu.</i> Cognitive-discourse analysis of interaction between persuasion and expression in speeches by the US ex-president Donald Trump in 2020–2021	160
<i>Lebedev L.V., Govorova L.A.</i> Nominative field of the conceptual diad LIFE–DEATH in V. Nabokov’s novel “Despair”	162
<i>Mironova M.Yu.</i> Interrogative statement as an instrument of argumentation in scientific discourse.....	166
<i>Mogulyova N.V.</i> The code of the subjective position of interpersonal relations discourse	170
<i>Nasibullova G.R.</i> The intentionality of precedent phenomena in women’s artistic discourse	173
<i>Ogneva E.A.</i> The cognitive journalistic construct VICTORY in the architectonics of the textual cognitive code of the book “Ten Days that shook the World” by J. Reed	177
<i>Onal I.O.</i> Metaphorical modeling of Gaza-Israel military conflict in British media discourse	181
<i>Ponomareva O.B., Ponomareva E.Yu.</i> Cognitive-discursive interpretation of the text in cognitive poetics	185
<i>Popova G.E.</i> Semantic dissonance as a cognitive mechanism of speech	189
<i>Ryabova I.Yu.</i> The specifics of evidential labeling in the novel genre	193
<i>Ryabukha O.V., Lobanova A.K., Komarova D.O.</i> On the issue of coherence in mediatexts.....	197
<i>Riabtseva E.S.</i> “Before, before, when mother was a girl”: the past in the mirror of Kostroma dialect discourse.....	201
<i>Sakharova A.V.</i> Epistemic modal indicators of problematic reliability and the subjective organization of scientific texts	203
<i>Sedova N.K.</i> Distinctive implementations of conceptual metonymy in English-language sports discourse	206
<i>Semyonova Yu.V.</i> Ambiguity and metaphor in poetic text.....	210
<i>Sheveleva E.O., Rodionova E.R.</i> Cats in the museum”: linguistic means of building the negative image of Russia in Western media (based on publications in “The Guardian” about Russian culture-related events)	260
<i>Shirokova E.N.</i> Euphemisms in social networks: the cognitive-discursive aspect	264
<i>Sivova T.V.</i> How to describe the colour of reed: the experience of polydiscursive study	214
<i>Sokolova V.L.</i> Discursive foundations and conceptual structure of the English-language personality interview on “Interviewmagazine.com”	222
<i>Sokolova V.L., Golubkova E.E.</i> Discursive mechanism and conceptual foundations of shaping linguostylistic clusters in the English-language one-liner jokes.....	218
<i>Sokoreva T.V.</i> Accentuation and age: the cognitive aspect.....	225
<i>Solovyeva Yu.O.</i> Strategies and tactics in explanatory texts of contemporary Russian popular legal discourse.....	229
<i>Talybova Ya.S., Mogulyova N.V.</i> Metaphor “University – Journey” in the university website discourse.....	232
<i>Terekhova A.A.</i> Actualization of core values in English-language medical advertising: a socio-cognitive approach.....	236
<i>Tivyayeva I.V.</i> Linguocognitive analysis of the narrator’s mnemonic experience in memoir prose	240
<i>Tuguz T.R.</i> Spacenames as a type of proxeme units in the background terminal of the cognitive scene in “The Wings of Dove” by H. James and “Frau Sorge” by H. Sudermann.....	244
<i>Vlasova A.A.</i> Ideological models in American media discourse.....	60
<i>Vodyanitskaya A.A.</i> Linguoaxiological aspects of the discourse of modern expats:	

the image of Russia	63
<i>Vorontsova Yu.A.</i> Communicative trolling strategy in commenting statements.....	67
<i>Zagumenov A.V.</i> The discourse of Pustozersk as an object of the linguistic research.....	109
<i>Zakharova O.S.</i> Means of representation of rational evaluation in the English-language analytical review of the foreign exchange market	112
TRANSLATION IN THE ASPECT OF COGNITIVE MODELLING	265
<i>Abakumova O.B.</i> Modified proverbs in newspaper texts: analysis of proverbial scenario and selection of translation equivalents	268
<i>Anisimov V.E.</i> Phenomenon of the film title localization within the framework of the cognitive-heuristic model of translation (based on the material of the French film discourse).....	271
<i>Bredis M.A.</i> Features of translating proverbs of typologically different languages with the opposition of the concepts RICH MAN – POOR MAN.....	275
<i>Chertousova S.V.</i> Conceptual metaphor as a tool in interpreter training.....	368
<i>Donina O.V.</i> On the possibility of corpus-based comparative analysis of hidden linguistic categorization	297
<i>Du Kangze.</i> Cognitive potential of precedent female images in brand name translation	299
<i>Epimakhova A.S.</i> The 1931 International Code of Signals: a pivot language?.....	303
<i>Glukhova O.V.</i> The metaphorical modelling in translation (on the basis of the concept WOMAN)	282
<i>Golubina K.V.</i> Towards a cognitive model of Russian sign language interpreting	285
<i>Gubochkina L.Yu.</i> Interpreting translation of anthropomorphic characters.....	289
<i>Gudkova K.V.</i> Cognitive basis of linguistic transfer of English syntactic structures into Russian translation	293
<i>Ilminkaya V.I.</i> John R.R. Tolkien’s proverbs in “The Lord of the Rings”	315
<i>Kalinin A.Yu.</i> Determinants of variability in choosing working unit in interlingual translation	323
<i>Karamyshev Ye.A., Zimareva O.L.</i> Some features of translating English enantiosemic words.....	326
<i>Kazenas O.A., Grigoreva A.B.</i> Some aspects of the interpretative field of the concepts EAU / WASSER in French and German folk tales	319
<i>Nilsen E.A., Nikolaev V.O.</i> On the methods of translator’s individual style identification	330
<i>Petrova I.M., Glotova Ya.A.</i> The cognitive aspect of antonymic Russian–English translation	333
<i>Ptashkin A.S.</i> Sensory means of expressing health in the story “Behind the Times” by A.C. Doyle in Russian and English.....	337
<i>Razumnykh E.V.</i> Schubladendenken vs Outside the box thinking: the cognitive analysis of phraseological units representing the concept of THINKING in German, English and Russian	341
<i>Safina M.R.</i> Conceptual metonymy as a translation mechanism	344
<i>Serova I.G., Podneks E.A.</i> Cognitive modelling of the author’s poetic world view in the translations of V. Vysotsky’s poetry into English	349
<i>Shlepnev D.N.</i> Relevance: its substance and legitimate place in translation studies	374
<i>Shutemova N.V.</i> Hypallage in “Eugene Onegin” by A.S. Pushkin: representation in translation by J. Falen	378
<i>Shvetsova Yu.O., Perevalova A.V.</i> Experimental research of metacognitive modeling in translation.....	370
<i>Skvortsov Ya.A.</i> Russian discourse formulae such as “kak bi da” in Russian-to-English translation.....	353
<i>Sokolova A.V.</i> Hedge structures with mental verbs: consecutive translation problem	357
<i>Suleimanova O.A.</i> Russian impersonal infinitive sentences in Russian-to-English translation perspective	360
<i>Ustinova T.V.</i> Interpretative and text-forming functions of grammatical time: a translation-study perspective.....	364
<i>Vishnyakova O.D., Lipgart A.A.</i> Transferability and conceptual analysis as linguocognitive constituents of translation process	278
<i>Yaremenko V.I., Chupryna O.G.</i> Poster presentation and TED TALK as strategies of academic discourse.....	382

<i>Zagoruy A.A., Abakumova O.B.</i> Conceptual metaphor in proverbs about time: aspects of translation	307
<i>Zubkov O.D.</i> Eye-tracking and speech behavior of simultaneous interpreters mediated by the stimulus quality	311
COGNITIVE STUDIES THROUGH THE PRISM OF TERMS AND NOTIONS	383
<i>Alekseeva L.M., Burdina O.B., Mishlanova S.L.</i> Cognitive-communication aspects of medical and pharmaceutical terminology	386
<i>Arican D.</i> Cognitive aspect of non-verbal predication	390
<i>Belikova G.V.</i> Frame semantics of nickname nomination as a means of expressing cultural codes	394
<i>Bocharnikova E.A.</i> Interdiscursivity actualization in a scientific historical text	398
<i>Danilenko I.A.</i> Literary dominant concept as a cognitive text attractor	405
<i>Diao Rui.</i> Cognitive analysis of the category of animation and gender in the Russian language (by the example of the word “Ferz”)	416
<i>Dukhnova M.A., Erofeeva E.V.</i> Cognitive metaphors of harmony and form in O. Mandelstam’s “The Shell”	413
<i>Dziuba E.V.</i> Vectors of linguocognitive asymmetry and the worldview	409
<i>Fedyayeva E.V., Tarabakina A.A.</i> On correlation between the notions of “Archetype” and “Image Schema” as elements of precognition.....	510
<i>Golubkova E.V.</i> Concept and frame as tools of discourse analysis	402
<i>Isaeva I.P.</i> Metaphors in the mirror of analogies.....	431
<i>Ivanov A.V.</i> Multilingual linguistic terminology as a potential object of standardisation and unification.....	428
<i>Khomyakova E.G.</i> Homo sapiens in modern linguistic paradigm	514
<i>Kozhukhova I.V.</i> Elements of carnival culture in Internet comments.....	434
<i>Kushneruk S.L., Kurochkina M.A.</i> World-modeling as object of research in modern linguistics ...	441
<i>Kutimskaja A.Ju.</i> Cognitive mechanisms of terminologization of the basic concept of KREDIT / CREDIT in German and Russian linguistic cultures	437
<i>Leontieva A.V., Saveleva E.B., Kotova E.G.</i> “Grey / Gray Literature”: semantic ambiguity of colour designation.....	445
<i>Mangova O.B., Degtyareva E.A.</i> Acronyms-homonyms as special nominative units in English military discourse.....	449
<i>Mesropyan L.M.</i> Cognitive and emotional schemas as constructs of influencing communication	452
<i>Naldeeva L.E.</i> Metonymical formation of two-component compound words – zonyms	455
<i>Nelyubova N.Yu.</i> Gastronomic vocabulary as the basis for the formation of the conceptual field of FOOD in French and Russian premisses	458
<i>Nikitina V.V.</i> Politically correct vocabulary as a latent manifestation of racial profiling in the USA.....	463
<i>Ostapenko I.A.</i> Gender specific metaphor usage in English legal discourse	469
<i>Ozerova E.G.</i> Cognitive linguopoetics through the prism of terms and concepts.....	465
<i>Pesina S.A., Sanzharova O.N.</i> Regional terminology as an object of cognitive research	473
<i>Petrosyan M.S.</i> Semantic features of english neologisms designated phobias in medical discourse.....	480
<i>Petrova T.E.</i> What do body verbs say: a cognitive-discursive approach.....	477
<i>Ptashkin A.S.</i> Sensorics of the means of expressing the category of health in the Scottish fairy-tale about the three men of Glen Nevis.....	487
<i>Rodin V.A., Kiseleva S.V.</i> Definition of the substantive core of construction equipment terms (based on the example of the term “Bucket”)	492
<i>Rosyanova T.S.</i> Cognitive aspects of study in terminology of Irish folk dances.....	495
<i>Rylov S.A.</i> Cognitive approach to comparative Slavic terminology (on the material of Czech and Russian grammatical terminology)	499
<i>Sergienko N.A., Glushak V.M., Litovchenko A.S.</i> Values as an object of linguocognitive and linguocultural analysis.....	503

<i>Shramko A.E.</i> Popular scientific discourse as a space for verbalization of the concept INTELLIGENCE	521
<i>Taskaeva A.V., Pitina S.A.</i> Commemorative toponyms of Chelyabinsk region as a part of heroic paradigm	483
<i>Toporkov P.E.</i> Conceptualization of situations in bi-nominative sentences (based on constructions with predicatives – evaluative nouns)	506
<i>Tszin Tao.</i> Picture of the world: is the term appropriate for linguistics?	517
<i>Yeprintseva Yu.N.</i> Features of construction of French phraseological units with the component “Emotional assessment of the subject”	420
<i>Zenkova T.L.</i> The concept SOCHI in the mirror of godonyms	424
METACOGNITIVE STUDIES	522
<i>Dmitrienko E.V.</i> Combinatorial deviations and deviants in interlanguage	529
<i>Generalova L.M.</i> Conceptual metaphor as a means of conceptualizing events in the political blogosphere	525
<i>Kiriukhin D.V., Mukhina E.A.</i> Methods of correction of cognitive impairments in students studying foreign languages at a non-linguistic university	536
<i>Klepikova T.A.</i> Cognitive distortions as represented in language	539
<i>Konkova I.I.</i> Metastructures in scientific and technical discourse as means of semantic accents placement	543
<i>Mishukova M.V.</i> Research on cognitive component of attribute structures used to describe the concept of NATURE in Japanese language	546
<i>Novikova N.D.</i> The specifics of self-criticism in the internal speech of characters with autism spectrum disorders	550
<i>Shcherbak A.S.</i> “Onomastic distribution” as a factor conceptual of conflict	553
<i>Zakurdaeva N.V.</i> Synergic model of information transmission in political media discourse	532
COGNITIVE STUDIES OF LANGUAGE IN THE AGE OF DIGITALISATION	554
<i>Balabas N.N.</i> Expanding the cognitive potential of the word	561
<i>Balabas N.N., Shmarev D.S.</i> Telescoping as a trend of modern word formation	557
<i>Chupakhina A.O.</i> The frame “Artist” as a cognitive basis of the interview discourse about digital art	615
<i>Guseva S.E.</i> Metaphorical neologisms in computer discourse of the English language	564
<i>Kalinin S.S., Charnine M.M.</i> A machine learning-based approach for analyzing the evaluative semantic primes (on the example of primes “Good” and “Bad” in contemporary Russian)	568
<i>Kashcheyeva A.V.</i> Structural-semantic features of electronic texts for reading in English	572
<i>Liasheva M.N., Rezhuk Z.V.</i> Functional-pragmatic aspect of the use of zoomorphic metaphor in informational telegram channels	579
<i>Litvinenko T.E.</i> Digital personality metaphors in modern fiction	575
<i>Makarova A.S.</i> Method of syntactic parallelism as a way of semantization of concepts in orthodox media texts	583
<i>Manik S.A.</i> Practices of functional-cognitive classification of vocabulary in contemporary lexicography	587
<i>Olizko N.S.</i> University media discourse: propaganda in the age of digitalisation	591
<i>Osmak N.A.</i> Siberia as an experience: the image of the region in Finnish-language discourse: a corpus-based study	595
<i>Pak N.S.</i> Conceptual integration in English semi-complex sentence as a factor for choosing pre-editing techniques	598
<i>Pilgun M.A., Erofeeva I.V.</i> Manipulative technologies in the media landscape: the cognitive aspect	603
<i>Plotnikova A.M.</i> “Digital fatigue” in the conceptual and language worldviews	607
<i>Suvorina E.V., Sheveleva E.O.</i> Linguocognitive study of the lexical triplet “Power – Strength – Force”	611

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND COGNITIVE LINGUISTICS.....	616
<i>Drozдова T.V.</i> Dual category attribution of artificial intelligence as a conceptual feature and its objectifying in Russian mass-media texts	622
<i>Dubrovskaya O.G.</i> Euphemization to neutralize negative messages: Natural vs Artificial Intelligence.....	626
<i>Iarkova E.L.</i> Cognitive linguistics and artificial intelligence: teaching English through cognitive approaches	654
<i>Nenasheva Yu.A.</i> Prosodic factor in text to speech synthesis	634
<i>Novikov A.V.</i> Applying the principles of cognitive linguistics to machine translation.....	638
<i>Shabalina V.Ya.</i> Signs of artificial intelligence in the methodological discourse	654
<i>Skrynnikova I.V.</i> LLM interpretation problems: mysteries of figurative language	642
<i>Tomareva I.G.</i> The interaction of AI and cognitive linguistics: current situation and future directions.....	646
<i>Trubochkin A.V.</i> Natural language synthesis in the study of semantic extension of the lexical meaning of <i>X OUT</i> constructions in modern English	650
<i>Velis L.A.</i> Large language patterns and olfactory experience: the problem of relevant naming	619
<i>Zorina E.S., Myznikova Ya.V.</i> Large language model in clinical practice (the case of the linguistic clinic of Saint Petersburg University).....	630
COGNITION IN THE SOCIAL DIMENSION	659
<i>Aleshina A.A.</i> Representation of the concept SALT in the texts of Russian spells	662
<i>Balandina I.D., Yuzdova L.P., Moskvitina T.N.</i> Cognitive aspects of toponymic world modeling (based on the material of toponimes of England)	666
<i>Fadeeva G.M.</i> Language of the discourse of Germany’s reunification (1990) and understanding historical events.....	705
<i>Koshkarova N.N.</i> Meaning extension of the preposition “pro” as semantic, cognitive and discursive phenomenon	677
<i>Kotsyubinskaya L.V.</i> Metaphor as a tool of media warfare (a case-study of British and Russian press publications on the 22 nd Winter Olympic games).....	673
<i>Kovaleva O.N.</i> Parameters of professional socialization (on Alexey Varlamov’s story “The Mountain”).....	670
<i>Lebedeva I.S.</i> Social world construction in courtroom	681
<i>Lyamzina S.A.</i> Horizon of textual precedent as a factor of language biography which plays an important role in improving effectiveness of speech rehabilitation of aphasic patients	684
<i>Moskvitina T.N.</i> Cognitive aspect of studying toponyms (based on the example of American toponyms).....	688
<i>Nikolaeva M.N.</i> Proverbs and sayings in the cultural field of the social space of Italy.....	692
<i>Pigaleva M.V.</i> Signs of art in the naive interpretation of Russian informants.....	695
<i>Sadnov R.T.</i> Modeling the perception of a city through semiotic landscape and media resources: where is the boundary of the spontaneous?	698
<i>Shevchenko L.L.</i> Allusion-based metaphor as a means of representing national specifics of the author’s worldview	709
<i>Shiryayeva T.A., Goncharova E.A.</i> Basic and categorical features of the concept SUCCESS in professional English network communication	713
<i>Toporova V.M., Belyaeva N.L.</i> The concepts of FAITH and TRUTH in the semantic space of the Russian language	702

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ, ТАКТИКИ И ПРАКТИКИ В КОГНИТИВНОЙ ПРОЕКЦИИ

*Л.С. Абросимова (Ростов, Россия)
Южный федеральный университет
lara.abrossimova@mail.ru*

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕМОВ

Мемы представляют собой явление Интернет-культуры, которое приобрело большую популярность в последние десятилетия. В статье рассматриваются когнитивно-прагматические аспекты мемов, включая их влияние на восприятие, память, эмоциональные реакции и социальное взаимодействие. Описываются некоторые стратегии, основанные на когнитивных процессах и используемые с целью вызова реакции у пользователей.

Ключевые слова: мем, интернетлор, когниция

Мемы – это изображения, текст или видео, часто сопровождаемые юмористическими подписями, которые быстро распространяются в Интернете. Этот феномен Интернет-культуры привлекает внимание исследователей не только как социокультурное явление, но и как объект изучения в области когнитивной психологии и лингвистики.

Преобладание аудиовизуального общения и использование записывающих устройств, телефонной связи, Интернета повлияло на создание новой коммуникационной среды. На данный момент мы стали свидетелями формирования нового типа коммуникации: сетевой или Интернет-коммуникации, тексты которой складываются в «интернетлор» и обладают некоторыми свойствами фольклора (воспроизводимость, изменяемость, анонимность или утрата авторства, использование клише, и др.).

Проблема определения «Интернет-фольклора» нашла отражение в работах таких исследователей как М.Д. Алексеевский, А.С. Каргин, А.С. Костина, Т.И. Сулова, Г.И. Власова, Д.А. Радченко, О.В. Лутовина, Ю.С. Ланская, В.М. Розин, В.В. Метальникова, О.В. Фролова, А.А. Петрова, В.П. Рукомошникова, Н.А. Джаилова, Т.В. Быстрова и др. Однако стоит отметить, что до сих пор все еще не была сформирована единая терминологическая база, поэтому для новой формы фольклора можно встретить следующие обозначения: *Интернет-фольклор, сетевой фольклор, виртуальный фольклор, интернетлор, netlore, computerlore, computer folklore, virtual folklore, cyberlore, e-Folklore, digital folklore.*

Прогресс дал возможность пользователям сети Интернет подходить более креативно к процессу передачи информации, что и сказалось на создании новых единиц интернетлора – «мемах». Сам термин «мем» (англ. «meme») был впервые использован английским ученым Р. Докинзом в книге «Эгоистичный ген», в которой он соотносит культуру и генетическую эволюцию и определяет «мем» как

единицу передачи культурного наследия (мем – неологизм, образованный от греч. «mimete» – имитация и слова «gene» – ген) [Докинз 2013: 109]. Если в основе генов лежит физический процесс: репродукция и реплицирование (размножение), то в основе мемов лежат ментальные процессы: наблюдение, имитация, научение и др. Р. Докинз в своей работе причисляет к мемам любую идею или поведение (например, мода, язык, религия, спорт). В последующие годы к вопросу об определении *мема* подходили исследователи разных гуманитарных наук.

В психологии мемы рассматриваются не как составляющие поведения, а как феномены деятельности человеческого сознания, психических действий человека и культурной наследственности, т. е. мемы представлены знаниями, которые могут приводить к различным последствиям во внешнем мире. Р. Броуди отмечает, что при таком подходе «мемы формируют «программное обеспечение» нашего сознания» [Броуди 2007: 33]. Он дает следующее определение: «мем – единица информации, которая содержится в сознании. Мем воздействует на события таким образом, чтобы в сознании других людей возникло большее количество его копий» [Броуди 2007: 36]. Автор также высказывает идею о существовании способа эффективной передачи мемов или «инфицирования людей мемами» и вводит термин «психический вирус». Похожую концепцию можно найти в книге Д. Рашкофф, где аналогом «психологического вируса» будет «медиавирус» (с разницей только в среде обитания), который тоже состоит из мемов – «концепции в форме идеологического кода» [Рашкофф 2003: 14].

Одной из наиболее подробных работ про мемы является книга Л. Шифман «Memes in Digital Culture», в которой Интернет-мемы представлены как «(а) группа цифровых единиц, которые разделяют общие характеристики содержания, формы и/или позиции, (б) которые были созданы с осознанием существования этих единиц и (с) находятся в обороте, имитируются и/или трансформируются множеством пользователей через Интернет» [Shifman 2014: 41].

А.Б. Шалимов точно подмечает комплексность структуры данной единицы Интернет-коммуникации, т. е. «целую совокупность мемов, передаваемых и воспринимаемых человеком целостно, а не по отдельности» [Шалимов 2011: 96]. Следовательно, в данном случае речь идет о том, что мем «из простейшей единицы информации преобразуется в совокупность стереотипов» [там же].

Выделяется множество классификаций мемов, а также инструментов их создания. К наиболее распространенным можно отнести текстовые фрагменты, узнаваемые изображения, так называемые «фотожабы» – результат творческой переработки изображений при помощи графических редакторов, видеосюжеты, анимированные картинки (гифки), креолизованные мемы (сочетания изображения и текста) и др.

Мемы и восприятие. Одним из когнитивных аспектов функционирования мемов является их восприятие. Создатели мемов используют различные визуальные и текстовые элементы, которые могут включать яркие цвета, контрастные изображения и нестандартные шрифты, способствующие их более эффективному восприятию целевой аудиторией. Данные стратегии нацелены на формиро-

вание первого визуального впечатления, которое играет важную роль в понимании мема и его часто юмористического или иронического посыла.

Мемы и память. Мемы часто содержат краткие и запоминающиеся тексты, что способствует их закреплению в памяти. Исследования показывают, что люди легче запоминают информацию, представленную в виде мемов, чем традиционные тексты. Доказано, что изображения, сопровождаемые текстом, легче запоминаются, чем исключительно текстовая информация. Это связано с тем, что создание мемов может включать мнемонические стратегии, такие как рифмованные фразы, игру слов, ссылки на популярные культурные и исторические явления или актуальные события.

Мемы и эмоциональные реакции. Мемы, как правило, направлены на вызов эмоциональных реакций у читателей: смеха, негодования, восхищения и т. д., что может оказать влияние на то, как пользователи воспринимают и интерпретируют содержание мемов. Эмоциональные реакции позволяют более прочно закреплять в памяти информацию, полученную из мемов. В качестве примера можно привести мем «Грустный Уилл Смит» (Sad Will Smith), который получил распространение в англоязычном и русскоязычном сообществах. Креолизованный текст, который передает большой спектр эмоций (уныние, грусть, стресс, боль и т. д.), основан на интервью с Уиллом Смитом и его женой Джадой. Во время разговоров про измены по лицу Уилла Смита было видно, что тема для него тяжелая и именно этот кадр пользователи сети Twitter стали изначально использовать для описания многих ситуаций. Позже мем распространился по другим сетям и сообществам.

Мемы и социальное воздействие. Мемы часто являются комментариями к текущим событиям и социокультурным явлениям. С точки зрения социального воздействия, мемы могут отражать и формировать общественное мнение или настроение, определенные стереотипы, культурные представления и нормы общественного поведения. Они могут стать предметом обсуждения, обмена мнениями и коммуникации между пользователями. Анализ мемов, отобранных из Интернет-сети в 2020-2021 гг. показал, что наиболее актуальными социальными явлениями для Америки того времени являлись коронавирусная инфекция, митинги BLM (Black Lives Matter), карантин, выборы президента, попытка захвата Капитолия; для России – коронавирус, самоизоляция, поправки в конституцию, обнуление президентских сроков, события в Беларуси, митинги. Путем обмена мемами и их комментирования пользователи могут формировать онлайн-сообщества, привлекать в них новых участников, предпринимать различные действия. Важно отметить, что неоднозначное восприятие и толкование мемов может приводить к конфликтным ситуациям, характеризующимся «различной трактовкой и оценкой существующих знаний о мире (и о языковых нормах) в сознании отправителя или получателя информации, что и приводит к конфликту интерпретаций, влекущему за собой речевой конфликт в той или иной форме» [Болдырев 2023: 30].

Мемы в межкультурной коммуникации. Мемы – это образцы культурной информации, которые передаются из одного сознания в другое, непосредственно

формируют и передают ключевые действия и менталитет социальной группы [Knobel, Lankshear 2007]. Мемы являются своего рода неортодоксальными лингвокультурами, поскольку данные единицы несут в себе информацию о представителях как культур, так и различных субкультур. Данные единицы могут включать лексику, традиционно относимую к языковым средствам реализации лингвокультурной информации. Интернет-мемы уже были соотнесены с прецедентными феноменами, причем как в текстовой и визуальной части, включающей элементы интертекстуальности, так и в примерах-источниках прецедентных феноменов, на которые могут ссылаться авторы. Примером может послужить известный в США мем «Karen». Изначально слово «Karen» появилось в 2019 г. как сленгизм, обозначающий раздраженную женщину, которая считает, что ей все дозволено. В 2020 г. термин стал применяться к белым привилегированным женщинам, нетерпимым к людям, которые ниже их по социальному статусу. Вскоре появились креолизованные тексты про данного персонажа, изображающие белых женщин средних лет с косым каре (асимметричной прической). В подобных мемах актуализируется не только лингвокультурная информация, связанная с текущими событиями в стране, но и обыгрывание ценностей культуры. Карэн – персонаж, ставящий себя выше всех без веской причины или каких-либо заслуг. Ее главная мотивация в том, что она находится выше в иерархии, чем другие, а это идет в разрез с культурами «горизонтального типа», к которым относится Америка.

Изучение когнитивно-прагматических аспектов мемов представляет новый уровень понимания этого феномена Интернет-культуры. Мемы влияют на восприятие, память, эмоции и социокультурное восприятие пользователей. Они также отражают сложное взаимодействие между языком, культурой и когнитивными процессами. Дальнейшие исследования в этой области могут помочь лучше понять, как мемы формируют современную Интернет-культуру и взаимодействуют с когнитивными процессами.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Путь к бесконфликтной языковой коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 28-31.
- Броди Р.* Психические вирусы. Как программируют ваше сознание. М.: Поколение, 2007.
- Докинз Р.* Эгоистичный ген / пер. с англ. Н.О. Фомина. М.: АСТ: CORPUS, 2013.
- Раикофф, Д.* Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / пер. с англ. Д. С. Борисов. М.: Ультра. Культура, 2003.
- Шалимов А.Б.* Мем-театр: влияние культуры новых медиа на познание мира человеком // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2011. № 43. С. 94-97.
- Knobel M., Lankshear C.* Online memes, affinities, and cultural production // A New Literacies Sampler. Knobel and Lankshear, 2007. Pp. 199-227.
- Shifman L.* Memes in Digital Culture. Cambridge, MA: MIT Press, 2014.

Larisa S. Abrosimova (Rostov, Russia)
Southern Federal University

COGNITIVE-PRAGMATIC ASPECTS OF MEME FUNCTIONING

Memes are an internet culture phenomenon that has gained great popularity in recent years. This article outlines the cognitive-pragmatic aspects of memes, including their influence on perception,

memory, emotional state, and social interaction. The paper describes some key strategies based on cognitive processes and used to evoke users' reaction.

Key words: meme, internetlore, cognition

Т.А. Аминева (Самара, Россия)

Самарский государственный социально-педагогический университет

amineva@sgspu.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС ДЛЯ ЮНОШЕСТВА В КОГНИТИВНОМ ОСМЫСЛЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА КОРНЕЛИИ ФУНКЕ «TINTENHERZ»)

В статье рассматриваются такие понятия как художественный дискурс и концепт, описываются особенности романа Корнелии Функе «Tintenherz», выявляются ключевые концепты PFLICHT, ARBEIT, GEMÜTLICHKEIT, VERANTWORTUNG, LIEBE, характерные для книги.

Ключевые слова: художественный текст, художественный дискурс, молодежный роман, концепт

В современном мире появляется все больше романов фэнтезийного характера. Их читают не только подростки и дети, но и взрослые. Одним из таких романов стало произведение известной немецкой писательницы Корнелии Функе, написанное в 2003 г. и ставшее первой книгой трилогии про «Чернильный мир» (Tintenwelt). В Германии этот роман считается молодежным романом (Jugendroman), в России его называют романом-фэнтези, некоторые исследователи относят его к жанру литературной сказки [Комиссарова 2017].

Изучением особенностей этого произведения занимались многие ученые. Так, Е.В. Несмачнова исследовала особенности трансформации текста в процессе экранизации [Несмачнова 2015], А.А. Филимоненко обратилась к особенностям перевода реалий [Филимоненко 2023], Е.В. Комиссарова посвятила свою диссертацию исследованию понятия литературной сказки на примере трилогии Корнелии Функе [Комиссарова 2017], А.В. Бесова попыталась охарактеризовать две реальности в этом романе [Бесова 2021]. Как мы видим, тщательно изучался и жанр романа, и его герои. Но пока исследователи не смогли открыть тайну, почему же этот роман пользуется такой популярностью и по сей день, спустя 20 лет. Все вышесказанное, по нашему мнению, и свидетельствует об актуальности данного исследования.

Мы хотели бы обратиться к рассмотрению этого романа в когнитивном аспекте, попытаться выявить концепты, которые присущи для этого романа как примера художественного дискурса.

Обратимся к характеристике такого понятия как «художественный дискурс». Понятия «художественный текст» и «художественный дискурс» взаимосвязаны. По мнению Т.А. Сидоровой, художественный текст можно считать результатом дискурсивной деятельности, учитывая коммуникативную, социокультурную и когнитивную природу дискурса [Сидорова 2018: 164].

Важным свойством является отражение в дискурсе коллективного, национального сознания наряду с авторским сознанием. Именно поэтому в образно-

словесной структуре художественного дискурса отражаются этнокультурные ценностные ориентиры, стереотипы, ценностные оппозиции, концепты, ценности [Сидорова 2018: 164].

В художественных концептах «заключены понятия, представления, чувства, волевые акты, приписываемые автором своим персонажам или увиденные читателем текста» [Кострова 2021: 20].

К базовым этнокультурным концептам немецкой культуры исследователи относят такие концепты как ORDNUNG (порядок), DISZIPLIN (дисциплина), EFFIZIENZ (действенность, эффективность), GESETZ (закон), PFLICHT (долг), PÜNKTLICHKEIT (пунктуальность, точность, аккуратность), PLANUNG (планирование), VERANTWORTUNG (ответственность), ZUVERSICHTLICHKEIT (надежность, уверенность), SICHERHEIT (безопасность, уверенность), GEMÜTLICHKEIT (уют, уютность), ARBEIT (работа) [Кострова 2021: 22].

Какие же ключевые концепты мы можем увидеть в романе Функе «Чернильное сердце»?

Итак, главная героиня этого романа, девочка Мэгги, двенадцати лет, живет со своим отцом Мо, переплетчиком книг. Она не помнит свою маму и не знает, что с ней случилось. Ср.: *Und mit zehn Jahren glaubte sie nicht mehr an eine Mutter, die Mo nur erfunden hatte, sondern an eine, die einfach fortgegangen war. So etwas kam vor. Und solange Mo da war, hatte sie eine Mutter auch nie sonderlich vermisst* [там же: 92].

Они живут достаточно уединенно, часто переезжают с места на место. Отец много работает. Ср.: *Es ist schließlich nicht das erste Mal, dass ich wegen eines Auftrags wegmuss, während du Schule hast* [там же: 22].

Единственными и постоянными спутниками Мэгги являются книги. Они повсюду. Мир книг – это мир Мэгги и Мо. Ср.: *Mo war ihr Zuhause, Mo und ihre Bücher und vielleicht noch dieser Bus, der sie von einem fremden Ort zum anderen brachte* [там же: 38].

Мэгги живет в мире, в котором чувствует себя уверенно и спокойно. Она очень любит своего отца Мо и доверяет ему. Но появление на пороге их дома незнакомца (Staubfinger) меняет их жизнь. Ср.: *Eine Ahnung, klebrig von Angst, machte sich in ihrem Herzen breit: dass mit diesem Fremden, dessen Name so seltsam und doch vertraut klang, etwas Bedrohliches in ihr Leben geschlüpft war* [там же: 16].

Девочка узнает тайну своего отца, которая проливает свет на исчезновение ее матери. Она открывает в себе дар вычитывать героев из книг. Из-за фантастических событий в ее жизни Мэгги вынуждена действовать самостоятельно, у нее появляются новые знакомые и вместе они противостоят угрозе. Мэгги находит свою первую любовь и не раз находится на грани жизни и смерти. В конце книги меняется и семейные отношения. Она наконец-то находит свою маму. И это тоже является определенным испытанием для нее, ведь она совсем ее не помнила.

Можно ли сказать, что в этой фантастической истории проявляются характерные для немецкой культуры концепты? По нашему мнению, ключевые концепты здесь ARBEIT, SICHERHEIT, VERANTWORTUNG, PFLICHT, GEMÜTLICHKEIT выявляются.

Отец Мо обладает редкой профессией, он переплетает книги, «лечит» их («Bücherarzt»), колесит по всей стране от заказчика к заказчику. Работа позволяет ему прокормиться, но и является его любимым делом. Ср.: *Die Tür zur Goldkammer stand offen. Eigentlich war es nichts als eine Abstellkammer, aber Meggie hatte den kleinen Raum so getauft, weil ihr Vater dort seine wertvollsten Materialien lagerte: das feinste Leder, die schönsten Stoffe, marmorierte Papiere, Stempel, mit denen man Goldmuster in weiches Leder drückte...* [Funke 2003: 27].

Мо, как отец, воспитывающий свою дочь без матери, обладает обостренным чувством долга. На нем лежит ответственность за то, что произойдет с Мэгги, за ее жизнь. Ср.: *Bitte, Meggie, vergiss dieses Buch!, raunte er ihr zu. Es bringt Unglück. Ich besorge dir hundert andere* [там же: 58].

Мо не расстается с единственным экземпляром книги Феноглио «Чернильное сердце», так как надеется вернуть свою жену из мира поглотившей ее книги.

Концепт «Gemütlichkeit» неразрывно связан с описанием жилища Мо и Мэгги, в котором книги находятся везде. Ср.: *Überall in ihrem Haus stapelten sich Bücher. Sie standen nicht nur in Regalen wie bei anderen Leuten, nein, bei ihnen stapelten sie sich unter den Tischen, auf Stühlen, in den Zimmerecken. Es gab sie in der Küche und auf dem Klo, auf dem Fernseher und im Kleiderschrank, kleine Stapel, hohe Stapel, dicke, dünne, alte, neue ... Bücher. Sie empfingen Meggie mit einladend aufgeschlagenen Seiten auf dem Frühstückstisch, trieben grauen Tagen die Langeweile aus – und manchmal stolperte man über sie* [там же: 22].

Наряду с вышеуказанными концептами, мы хотели бы подчеркнуть, что еще одна очень важная тема, проходит через весь роман. Это тема Любви. Любовь Мэгги к своему отцу: Ср.: *Aber Meggie hätte ihm gern ähnlicher gesehen. Es gab kein Gesicht auf der Welt, das sie mehr liebte* [там же: 19].

Любовь отца к Мэгги и к своей жене. Ср.: *Ihren Vater blickte sie ganz anders an – als könnte er sie vor allem Bösen und Dunklen in der Welt bewahren* [там же: 110].

Любовь к книгам и чтению. Ср.: *Doch Meggie nahm ihre Bücher noch aus einem anderen Grund auf jede Reise mit. Sie waren ihr Zuhause in der Fremde – vertraute Stimmen, Freunde, die sich nie mit ihr stritten, kluge, mächtige Freunde, verwegen und mit allen Wassern der Welt gewaschen, weit gereist, abenteuererprobt. Ihre Bücher munterten sie auf, wenn sie traurig war, und vertrieben ihr die Langeweile, während Mo Leder und Stoffe zuschnitt und alte Seiten neu heftete, die brüchig geworden waren von unzähligen Jahren und ungezählten blätternden Fingern* [там же: 25].

Bei mir ist jedes Buch gut aufgehoben, antwortete Elinor ungnädig. Das weißt du. Sie sind meine Kinder, meine tintenschwarzen Kinder, und ich hege und pflege sie [там же: 56].

Любовь к искусству писать и создавать книги. Ср.: *Ein berühmter Schriftsteller hat mal geschrieben: Man kann einen Schriftsteller als dreierlei ansehen: als Geschichtenerzähler, als Lehrer oder als Magier ... aber das Übergewicht hat der Magier, der Zauberer* [там же: 560].

Без реализации концепта ЛЮБОВЬ, который помогает Мэгги измениться, повзрослеть, открыть в себе новые качества, роман не имел бы такого успеха у подростков.

Литература

Бесова А.В. Две реальности в романе К. Функе «Чернильное сердце»: визуальный аспект // Реальность и «Другая реальность» в литературе и культуре: визуальные аспекты. М. РГГУ: 2021. С. 24-28.

Комиссарова Е.В. Лингвостилистические особенности литературной сказки в немецком языке (на примере трилогии Корнелии Функе «Tintenherz», «Tintenblut», «Tintentod»): автореф. дис. ... канд. филол. наук, Смоленск, 2017.

Кострова О.А. Немецкий художественный текст: когнитивные и лингвокультурные аспекты / О.А. Кострова, Е.В. Беспалова, Ю.А. Блинова, О.В. Омелькина; под общ. ред. О.А. Костровой. М.: Флинта, 2021.

Несмачнова Е.В. Литературный текст и кинотекст: логика трансформации (на примере романа Корнелии Функе «Чернильное сердце и его экранизации») // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 9: исследования молодых ученых. 2015. № 13. С. 156-160.

Сидорова Т.А. Художественный текст и художественный дискурс как объекты интерпретации: теоретический аспект. Архангельск: САФУ, 2018. С. 160-167.

Филимоненко А.А. Особенности перевода реалий в произведении Корнелии Функе «Чернильное сердце» // XVIII Семеновские чтения. Якутск: СВФУ, 2023. С. 126-129.

Funke C. Tintenherz. Hamburg: Cecilie Dressler Verlag, 2003.

Tamara A. Amineva (Samara, Russia)

Samara State University of Social Sciences and Education

ARTISTIC DISCOURSE FOR YOUTH IN COGNITIVE REFLECTION (BASED ON THE NOVEL “TINTENHERZ” BY CORNELIA FUNKE)

The article deals with such terms as artistic discourse and concept, describes the features of Cornelia Funke's novel “Tintenherz”, identifies the key concepts PFLICHT, ARBEIT, GEMÜTLICHKEIT, VERANTWORTUNG, LIEBE, characteristic of this book.

Key words: literary text, artistic discourse, youth novel, concept

Е.Н. Антонова (Москва, Россия)

*Государственный университет по землеустройству
stchl@yandex.ru*

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ АППЕРЦЕПЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье анализируются фрагменты лингвистического эксперимента, посвященного изучению дискурсивных возможностей современной языковой личности. Рассматриваются особенности фразеологической и паремиологической апперцепции студентов первого и второго курсов неязыкового вуза. Путем описания результатов двух пунктов вопрос-ответной формы сделаны некоторые выводы о языковой подготовке молодежи.

Ключевые слова: фразеологизм, паремия, языковая личность, апперцепция, дискурсивные возможности, когнитивные способности

Современное поколение живет в иной языковой действительности и, следовательно, по-своему интерпретирует различные языковые явления, в том числе формируемые и формулируемые на протяжении длительного времени. При этом, по словам О.В. Ломакиной, «общегуманитарная установка человек в языке выявила необходимость определения социальных ролей» [Ломакина 2018: 17], что

обуславливает исследовательский интерес не только к языковым процессам, но и когнитивным способностям различных социальных пластов. Научная проблематика настоящей работы основывается на изучении фразеолого-паремиологической грамотности студентов 1-2 курсов неязыкового вуза. Актуальность исследования связана с поэтапным описанием динамики и тенденций развития в узусе устойчивых языковых структур. С целью изучения различных форм дискурса в когнитивной проекции был проведен опрос «Дискурсивные возможности современника», включающий 15 пунктов и выявляющий общий лингвокультурный уровень современной языковой личности (о языковой личности см., к примеру, в [Сычева 2015б]). Респондентами выступили 598 человек, ответивших на вопросы творческого, сравнительно-сопоставительного, когнитивного характера.

Второй и третий пункты данного теста были посвящены устойчивым языковым структурам: «2. Недолго думая, напишите три фразеологизма. Коротко объясните их значение, как понимаете. 3. Напишите первую пришедшую на ум поговорку или поговорку. О чем она?». При обработке результатов был составлен обобщенный портрет современной языковой личности сквозь призму фразеологической и паремиологической апперцепции, т. е. отчетливого интроспективного восприятия элементов сознания.

Приведенные студентами фразеологизмы условно можно разделить на следующие группы, иллюстрирующие понимание денотативно-сигнификативных свойств языковых единиц:

1) интерпретируемые адекватно (*бить баклуши – ничего не делать, ничем не заниматься, бездельничать; ни свет ни заря – рано; как снег на голову – неожиданный; вешать лапшу на уши – обманывать; кот заплакал – мало; хлеб насущный – что-то жизненно необходимое; прибрать к рукам – самовольно завладеть чем-либо и др.*);

2) с погрешностями в интерпретации (*душа в душу – вместе; точка зрения – свое мнение; повесить нос – грустить; довести до белого каления – разозлить; море по колено – все ничем; заморить червячка – отдохнуть; манна небесная – приятная неожиданность; клевать носом – быть невнимательным; выйти сухим из воды – без проблем выйти из спора; душа в душу (жить душа в душу – уживаться); задеть за живое (заставить человека переживать); как сонная муха – медленно; лясы точить – разговаривать; как свинья в апельсинах – в хороших условиях и др.*);

3) со структурно-семантическим искажением (*медведь на ухо встал – не иметь слуха; как по маслу – хорошо идет работа чего-то; души не чаить – сильно любить; сверкая пятками – быстро; когда так на горе свистнет – что-то никогда не произойдет; крокодильи слезы – плакать без причины (в т.ч. грамматическая погрешность в приведенной дефиниции); ни рыба, ни мясо – непутевый (в данном случае наблюдается пунктуационно-синтаксическое нарушение и присутствует интерпретационное несоответствие); как пальцем об асфальт – очень просто (эвфемизм, умышленно искаженное жаргонное выражение); мышная возня – мелкая, надоедливая суета; бить баклуши – лениться; спусти*

рукава – у знатных людей были длинные рукава из-за которых нельзя было выполнить какую либо работу (приводится этимология вместо толкования) и др.);

4) некорректная грамматическая формулировка дефиниции (*сложна руки – бездельничать; зубы стучат – холодно; льет как из ведра – сильный дождь; спустя рукава – делать что-то, не стараясь, лень; золотые руки – о мастере в своем деле; родиться в рубашке – удачливый; кому под хвост – неудача; душа в душу – понимать друг друга (в т. ч. неточности в понимании значения); сердце в пятаки ушло – испугался и др.).*

Кроме того, интересным аспектом обработки результатов стал анализ синонимии дефиниций, предложенных студентами (*мастер на все руки: человек, способный во всем – умелый человек – умелец – все умеет – талантливый; души не чаять: обожать – сильно любить; душа в душу: в гармонии – дружно – мирно, полюбовно и др.*). На данный вопрос зафиксированы также ответы типа «*А что такое фразеологизм?»*, «*Не помню*».

Присутствовали фразеологизмы без пояснения значения: *зуб за зуб, око за око; дареному коню в зубы не смотрят; во все тяжкие; ежу понятно; семи пядей во лбу; Троянский конь; дамоклов меч; манна небесная; как с гуся вода; как снег на голову, вешать лапшу на уши, водить за нос, волосы дыбом и др.*

Были приведены и предикативные устойчивые структуры, относящиеся при широком подходе к фразеологическим выражениям, или паремиям, которым было посвящено следующее задание вопрос-ответной формы: *Без труда не выловишь и рыбку из пруда – ленью ничего не добьешься; Под лежащий камень вода не течет – если ничего не делать, то проблема не уйдет; Копейка рубль бережет – любая сумма денег, вне зависимости от номинала, имеет свой вес; крылатые выражения «А ларчик просто открывался – из басни Крылова, означающее легкое решение проблемы, которую не могли решить сложными методами», «А Васька слушает, да ест (о том, кто не обращает внимания на уговоры кого-либо и продолжает делать свое) и др.*

Особую популярность в данном тестировании имели такие устойчивые сочетания слов, как *бить баклуши, кот заплакал, сложна руки, душа в душу, рукой подать, мастер на все руки* и т.д.

При обработке результатов было выяснено, что большинство ответов соответствовало первым двум группам, а именно: а) с корректным воспроизведением фразеологических единиц, б) с нарушениями в подборе дефиниций. Полученные сведения углубляют представления о современном состоянии фразеологии на пользовательском уровне в среде носителей языка и расширяют сферу когнитивных исследований по данному направлению [Антонова 2021; Антонова, Волкова 2021].

В ответах на третий вопрос были приведены паремии, затрагивающие различные обобщенные темы. Приведем примеры.

Бытовые: *Встречают по одежке, а провожают по уму (первое впечатление и отношение к человеку); Бедность не порок (не осуждать за бедность); В тихом омуте черти водятся (с виду тихий а на самом деле нет); Шила в мешке не утаишь (тайное всегда становится явным); Без труда не выловишь и рыбку из пруда (чтобы достичь чего-то, нужно долго и упорно работать); Искать*

иголку в стоге сена (искать что-то, что трудно найти).

Философские: *Жизнь прожить – не поле перейти (перейти поле – довольно легкое задание, посильное каждому, а прожить жизнь очень сложно из-за множества трудностей, встречающихся в судьбе каждого человека); Что посеешь, то и пожнешь (все неудачи и несчастье – результат твоего поведения и поступков); Век живи, век учишь (всегда следует учиться).*

Хронологические: *При царе Горохе (давно было); Делу время – потехе час (о правильном распределении приоритетов и времени); День на день не приходится (никогда не знаешь, как одно и то же действие/ситуация развернется при изменении внешних факторов); Тише едешь, дальше будешь (не торопиться).*

В ответах наблюдались структурно-семантические погрешности, опечатки и прома: **Без труда не вытацишь** <не выловишь> и **рыби / рыбки из пруда**; **Время – делу, потехе – час** (говорит о том, что нужно большую часть своего времени тратить полезно, а меньшую – отдыхая); **Когда рак на горе свиснет** (никогда); **Что посеешь – то и пожмешь** (твои изначальные, возможно, необходимые действия влекут за собой такие же последствия).

В ряде случаев отсутствовало толкование устойчивой структуры: *Семь раз отмерь, один отрежь; Любишь кататься, люби и саночки возить; Хороша ложка к обеду; Не имей сто рублей, а имей сто друзей.*

В некоторых реакциях респонденты упрощали себе графическую задачу, заменяя слова цифрами: *7 раз отмерь и 1 раз отрежь; Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей (о том, что друзья важнее).*

В иных примерах вместо пословицы или поговорки использовались другие структуры паремнологического характера, например, скороговорки: *Проворонила ворона вороненка.*

По частотности воспроизведения превалировали такие предикативные устойчивые конструкции: *Век живи – век учишь; Без труда не вытацишь (не выловишь) и рыбку из пруда; Делу время, потехе час* и пр.

Таким образом, адекватные ответы выявляют общеязыковую культуру, умение использовать медиадискурс в качестве консультанта [Антонова, Зацепина, Рудинова 2022], обнаруживают знания в области классической фразеологии, афористики и паремнологии [Сычева 2015а]. На этом основании формируется общий портрет языковой личности, обладающей достаточными когнитивными способностями. В результате исследования был установлен уровень языковой подготовки молодого поколения, основанной на понимании устойчивых языковых конструкций, была получена информация о процессах апперцепции, а также механизмах спровоцированной рефлексии и интроспекции при изучении дискурсивных возможностей современников.

Литература

Антонова Е.Н. Фразеология современной лингвопоэтики в таксономическом аспекте // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2021. № 64. С. 105-120.

Антонова Е.Н., Волкова О.Н. Русскость поэтического фразеологизма в контексте лингвокультуры // Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре пограничья. Брянск: Брянский гос. ун-т им. академика И.Г. Петровского, 2021. С. 353-358.

Антонова Е.Н., Зацепина Е.А., Рудинова Ю.И. Коммуникативное событие в образе паремий русского медийного дискурса // Вестник МГОУ. Серия: русская филология. 2022. № 3. С. 6-19.

Ломакина О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль. М.: РУДН, 2018.

Сычева Е.Н. Поэтическая фразеология и афористика Ф.И. Тютчева (структурно-семантический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2015а.

Сычева Е.Н. Фразеологическая система в структуре языковой личности (на примере поэтической фразеоматики Ф.И. Тютчева) // Вестник Брянского гос. ун-та. 2015б. № 3. С. 207-212.

*Elena N. Antonova (Moscow, Russia)
State University of Land Use Planning*

PHRASEOLOGICAL AND PAREMIOLOGICAL APPERCEPTION OF MODERN LINGUISTIC PERSONALITY

The article analyzes fragments of a linguistic experiment devoted to the study of the discursive capabilities of a modern linguistic personality. The features of phraseological and paremiological apperception of first and second year students of a non-linguistic university are considered. By describing the results of two points of the question-answer form, some conclusions are drawn about the language training of young people.

Key words: phraseological unit, proverb, linguistic personality, apperception, discursive capabilities, cognitive abilities

*Ю.В. Бекреева (Минск, Белоруссия)
Минский государственный лингвистический университет
bekreyeva@mail.ru*

ХАРАКТЕРИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЯ КАК ИНФЕРЕНТНЫЙ ВЫВОД НА ОСНОВЕ ПРЕДИКАТНОЙ ЛИНИИ БИОГРАФИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

В статье представлена интерпретация психолингвистического эксперимента, как читатель через текст, описывающий деятельность, составляет знание-мнение о характере ее участника – деятеля. Материалом для эксперимента послужили имя исторического деятеля Беларуси князя Миндовга и текст о его деятельности. Новизна исследования состоит в эмпирическом обосновании инферентного вывода о личностных качествах деятеля с опорой на семантику предиката. *Ключевые слова:* инференция, психолингвистический эксперимент, характеристика деятеля, биографический нарратив, предикат, актантно-предикатные структуры

В центре внимания современной когнитивной лингвистики находятся процессы формирования, хранения и активации информации или знания в языковой репрезентации и соответствующих ей ментальных структурах сознания [Болдырев 2004: 20]. Одной из актуальных проблем в рамках данного направления является вопрос выводимости знаний из семантики языковых единиц. Когнитивная операция, в ходе которой происходит обработка поступающей информации и реализуется вывод на основе домывливания данных опыта и контекста, определяется как *инференция* [Кубрякова 2004: 411]. Как отмечает О.К. Ирисханова, «языковая деятельность в значительной степени связана с инферентными модусами обработки информации» [Ирисханова 2014: 61].

В нашем исследовании мы обращаемся к инференции характеристики человека (деятеля) из семантики языковых единиц биографического нарратива. Под последним понимается текст, описывающий ситуации с участием исторической персоналии и основанный на фактах его жизнедеятельности. Цель статьи – раскрыть, как читатель через текст, описывающий деятельность, составляет знание-мнение о характере ее основного участника – деятеля.

В качестве объекта исследования избрана предикатная линия текста – совокупность предикатов с актантно-аргументной структурой, выражающих пропозиции. Смысловая связь в предикатной линии выстраивается между пропозициями с общим пропозициональным элементом, а именно – номинацией референта (имени деятеля). Предметом исследования является знание о характеристиках референта, выводимое из предикатной линии и воплощенное в новых вербальных единицах.

Гипотеза исследования состоит в том, что словесное описание деятельности замещает непосредственное наблюдение за поведением человека и служит особым способом концептуализации, который заключается в познании личности персонажа биографического нарратива на основе восприятия и интерпретации языковых знаков, избранных автором для описания действий и поведения персонажа. Освоение множества текстов об одном человеке оказывает влияние на степень сформированности устойчивого представления о его личности, которое становится частью персональной картины мира.

Методом исследования избран психолингвистический эксперимент по направленному ассоциированию. Участниками эксперимента выступили 70 студентов 2 курса Минского государственного лингвистического университета. Эксперимент проводился на белорусском языке, поэтому в анкетной части эксперимента был включен вопрос о языковой компетенции (все студенты как граждане Республики Беларусь владеют двумя государственными языками – русским и белорусским). 32% респондентов отметили свободное владение белорусским языком в повседневной жизни; 55% описали языковую компетенцию как «могу разговаривать достаточно хорошо, читаю и понимаю»; 13% отметили пассивное владение, умение читать и понимать по-белорусски. Анкетирование после проведения эксперимента подтвердило, что все стимулы на белорусском языке были знакомы и понятны испытуемым.

Эксперимент был спроектирован на платформе Psytoolkit и проводился в два этапа с интервалом в две недели. На первом этапе испытуемым в качестве стимулов выступили имена исторических деятелей, которые внесли вклад в развитие культуры и государственности Беларуси. Задача данного этапа – выявить системные знания о личности деятеля, сформировавшиеся у носителя языка из услышанных и прочитанных ранее текстов и стоящие за семантикой имени собственного. Экспериментальное задание мотивировало испытуемых на определение категории человека (стимульный вопрос – *Хто ен?*), его личностных качеств (стимульный вопрос – *Які ен чалавек?*), значимых действий человека (стимульный вопрос *Што ен зрабіў?*).

Второй этап эксперимента предполагал оценку способности читателей осуществлять характеризацию деятеля через вывод имплицативных семантических признаков, заложенных в контекстуальном значении предикатов. Материалом для эксперимента послужили короткие биографические нарративы о деятеле, смоделированные таким образом, чтобы актантно-предикатные структуры индуцировали определенные качества действующему персонажу.

Представим фрагмент эксперимента на примере текста о князе Миндовге. Факты для моделирования стимульного текста были отобраны из имеющихся биографических нарративов о князе Миндовге и намеренно сконцентрированы таким образом, чтобы предикатная линия транслировала характеристику властного, амбициозного и агрессивного человека:

Миндоўг валодаў уласным замкам – «града́м», але паступова пашырыў свае землі і захатіў уладанні сваіх пляменнікаў Таўцівіла і Эдзівіда. Ён дабіраўся да ўлады, забіваючы і зганяючы з зямлі ня толькі сваіх кроўных сваякоў-канкурэнтаў, але і іншых гаспадароў. Так летаніс згадвае, што Миндоўг забіў князя Вішымутта Булевіча «і жонку яго забраў і браццю яго пабіў». Калі Миндоўг пачаў княжыць адзін ва ўсёй зямлі Літоўскай, ён стаў ганарыцца і ўзняў славаю і гонарам вялікім і нікога не ставіў уровень з сабой. Миндоўг больш ваяваў, чым мірна кіраваў сваёй краінай.

В предикатной линии номинация референта (*Миндоўг*) функционирует в роли агенса, предикаты, соответственно, имплицитно агентивные признаки активности, волитивности, инициативы. Атрибут человека «власть» в рамках дихотомической иерархии участников ситуации «главный, имеющий власть – подчиненный» транслируется через семантику нескольких предикатов (*валодаць, княжыць, кіраваць*). Атрибут «власть» эксплицитно выражен в актантно-предикатной структуре *дабіраўся да ўлады*, предикат актуализирует признаки «сильное желание», «целеустремленность», «усилие». Способ достижения желаемого (власти) передается через деструктивные предикаты (*зганяць, забіваюць*), имплицитно признаки «агрессия» и «сила». Последующая синтаксическая конструкция подчеркивает неоднократность указанных действий. Предикат *забіць* повторяется при описании новой ситуации, корень *біць*- дублируется в еще одном предикате *пабіць*. Признаки «агрессия» и «сила» имплицитно представлены в предикатах приобретения *захатіць* и его контекстуального синонима *збраць*. Предикат приобретения *пашырыць* также сопровождается деструктивным глаголом, который описывает способ приобретения. В качестве пациентивных актантов при деструктивных глаголах выступают термины родства (*пляменнікі, сваякі, жонка, брацця*), что предполагает актуализацию оценочного признака «социально неодобряемое поведение». Группа предикатов *ганарыцца, ўзняўся* в сочетании с актантами *славаю і гонарам*, фразеологически связанный предикат *не ставіў уровень з сабой* отражают еще один вид социально неодобряемого поведения, имплицитно характеризуя характеристики «высокомерный», «горделивый» и т. п. Последняя фраза описывает типичное действие – *ваяваць*, которое контекстуально акцентируется антитезой *мірна*.

Представленный в задании текст о деятельности князя Миндовга отображает негативный образ деятеля. После прочтения текста испытуемым было предложено ответить на вопрос «*Што ен за чалавек?*». В конце эксперимента испытуемые получили пояснение к экспериментальным текстам и узнали о намеренном моделировании мнения потенциального читателя.

Результаты эксперимента подтвердили гипотезу: реакции большинства испытуемых были семантически согласованы с атрибутивными признаками человека, заложенными в контекстуальных значениях предикатов. Самая частотная реакция в поле ответов – *жорсткі* (14). Семантически схожие реакции – *дрэнны* (6), *бязлітасны* (4), *злы* (4), *грозны*, *краважадны*, *вар’ят*. Инференциальный вывод данных характеристик деятеля осуществлялся испытуемыми с опорой на семантику деструктивных предикатов. Респонденты также называли категории деятелей, соответствующие употребленным в тексте деструктивным предикатам: *воін*(6) – *ваяваў*, *ваявода* – *ваяваў*, *забойца* – *забіў*, *захопнік* – *захапіў*, *заваеўнік* – *ваяваў*, *захапіў*, *збраў*. Отметим, что в большинстве случаев при инферировании категории деятеля испытуемые активировали знания словообразовательных моделей «действие – деятель». Глагол *ганарыцца* стимулировал две словообразовательные реакции, отражающие качества: *ганарысты*, *ганарлівы парасюк*.

Вторая группа реакций характеризует отношение к власти: *уладны* (3) *уладарны*, *вастны эгаіст*, *тыран*; *чалавек, які дабіваецца ўсяго, ходзячы па галавах*; *кар’ерыст*, *жестокі правіцель, але ў гэтым яго магутнасць*; *моцны кіраўнік*. Большинство характеристик имеют отрицательную оценку, но последние две реакции из приведенного списка отражают положительную оценку атрибута власти, актуализируя признак «сила».

Несколько реакций описывают жадность (*ненасытны*, *сквапны*, *зайздросны*) или психотип личности (*эгаіст*, *эгаістычны*, *нарцыс*). В данном случае, видимо, имеет место инференция по линии предикатов приобретения и соответствующих способов приобретения (деструктивные предикаты).

Три реакции характеризуют интеллект референта: *хітры*, *разумны*, *глупы*. Обращает внимание противоположность единичных реакций *разумны* – *глупы*. Инференциальный вывод подобных реакций может быть обусловлен эффектом прайминга: в предшествующем стимульном тексте превалировали предикаты интеллектуальной деятельности, направляя ассоциирование на характеристику умственных способностей референта. В данном задании предикатов интеллектуальной деятельности нет, но, видимо, испытуемые «были настроены» на оценку интеллекта на основе описания действий.

Несмотря на большинство отрицательных характеристик среди реакций встретились варианты положительной оценки деятеля, которые не были имплицированы в стимульном тексте: *адважны*, *моцны*, *кароль*, *заснавальнік*, *пераможца*, *харошы*. Инференция может объясняться опорой на собственный опыт и фоновые знания испытуемого.

Аргументом в пользу такой интерпретации реакций с положительными характеристиками деятеля служат данные первого этапа эксперимента. В первом этапе эксперимента только 76% испытуемых указали категорию деятеля, 67%

описали действия и 70% дали ему характеристику. Большинство ответов на первый вопрос (*Хто ен?*) включали категорию «князь» (83%): *вялікі князь, літоўскі князь, князь ВКЛ*. Характеристики, представленные в ответах, достаточно разнообразны. Первые по частотности характеристики отражены в Диаграмме 1.

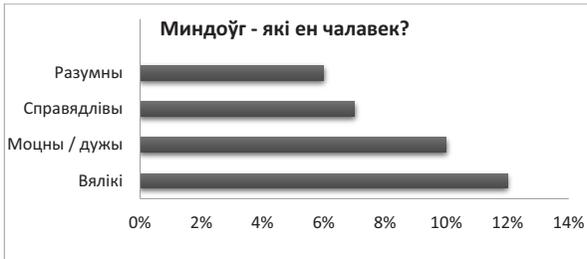

Диаграмма 1. Міндоўг - які ен чалавек?

В описании действий можно выделить три основные тематические группы: группа «кіраваць» (*кіраваў ВКЛ / дзяржавай, правіў, уладарыў*), группа «павялічыць тэрыторыю» (*павялічыў / пашырыў тэрыторыю / землі / межы дзяржавы, аб'яднаў землі, далучыў землі, стварыў ВКЛ, узбуініў тэрыторыю*), группа «воеваць» (*ваяваў, адваяваў месца князя, заваяваў дзяржаву, біўся з крыжакамі*). Соотношение указанных групп к общему числу ответов представлено в Диаграмме 2.

Диаграмма 2. Міндоўг - што ен зрабіў?

Данные первого этапа эксперимента демонстрируют, что в языковом сознании большинства испытуемых сформирован положительный образ князя Міндоўга. В описаниях действий, представленных в реакциях испытуемых, имплицированы атрибуты «власти» и «силы», что коррелирует с самыми частотными реакциями на задание по атрибуции характеристик. Во втором этапе эксперимента текст, моделирующий отрицательный образ деятеля, повлиял на процесс инференции характеристик у большинства испытуемых.

На основе проведенного эксперимента можно сделать вывод, что актуализация и инференция характеристик человека в предикатной линии текста зависит не только от импликации текста, но и от компетенции читателя, в том числе от сложившихся в его сознании оценочных установок. Характеристика действующего лица по значению глагола осуществляется как познавательная операция,

активирующая смысловые связи между действием и вероятной характеристикой действующего лица, предполагающая обращение к мысленному лексикону, к личному опыту, знанию контекста.

Литература

Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18-36.

Ирсаханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Yuliya V. Bekreyeva (Minsk, Belorussia)

Minsk State Linguistic University

CHARACTERIZATION OF A PERSON AS AN INFERENCE BASED ON A PREDICATE LINE OF A BIOGRAPHIC NARRATIVE

The article presents an interpretation of a psycholinguistic experiment on how a reader forms a knowledge-opinion about the character of a doer based on a text describing his activity. The material for the experiment was the name of the historical figure of Belarus, Prince Mindovg, and a narrative text about his actions. The novelty of the study lies in the empirical evidence of the inference about the personal qualities of the doer based on the semantics of predicates.

Key words: inference, psycholinguistic experiment, characterization of a person, biographical narrative, predicate, actant-predicate structures

Е.В. Белоглазова (Санкт-Петербург, Россия)

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
evbeloglazova@herzen.spb.ru*

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ДОМИНАНТ РУССО-ЦЕНТРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА*

Исследование направлено на выявление роли грамматических конструкций в выстраивании концептуальных доминант руссо-центрического дискурса на материале корпуса заголовков англоязычных книг о России. Сопоставительный анализ функционирования генитивных конструкций показал, что слово «Russia», является репрезентантом двух разных концептов – ВЛАСТЬ и НАРОД.

Ключевые слова: руссо-центрический дискурс, концептуальная доминанта, генитивная конструкция, корпус, одушевленность, русизм

1. Введение

Дискурсообразующей концептуальной доминантой руссо-центрического дискурса является концепт RUSSIA, вербализуемый открытым множеством лексических средств, преимущественно представленных ксенонимами-русизмами,

* Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена (проект № 1ВГ).

ядро которых составляют: (а) номинации России в разные периоды ее существования (*Russia, Soviet Union, USSR, the Russian Empire, Muscovy*), (б) наименования опорных географических объектов и регионов (*Moscow, St. Petersburg / Leningrad / Petrograd, Siberia, Crimea, Russian Far East* и т. д.), (в) имена политических лидеров, возглавлявших страну в разное время (*Ivan the Terrible, Peter the Great, Stalin, Gorbachev, Putin* и т. д.), (г) имена деятелей культуры (*Dostoevsky, Pushkin, Tolstoy, Ulanova* и т. д.), (д) культуронимы-русизмы (*boyar, bolshev*, cossack, tsar / czar, KGB, gulag* и т. д.).

Анализ корпуса заголовков англоязычных книг о России *Rossica-T-Eng* позволил выявить и другие концептуальные доминанты руссо-центрического дискурса, но одновременно высветил недостаточность методов корпусной лингвистики. Поскольку в вербализации концептов может участвовать открытое множество языковых средств, не ограничиваясь лексическим уровнем, в выявлении концептуальных доминант и реконструкции их структуры нецелесообразно полагаться лишь на частотности отдельных слов [Белоглазова, Генидзе 2023].

В статье делается попытка дополнить ранее проведенное исследование концептуальных доминант, основанное на анализе списка частотных слов и списка ключевых слов корпуса *Rossica-T-Eng* анализом некоторых грамматических конструкций, показавших в исследуемом корпусе заметную частотность. Непосредственным фокусом данного исследования являются генитивные конструкции, а именно (1) *s'*-конструкция («*Russia's N*»), (2) *of*-конструкция («*N of Russia*») и прилегающая к ним (3) конструкция с прилагательным *Russian* («*Russian N*»).

2. Материал исследования

Для целей исследования был составлен корпус заголовков англоязычных книг о России, охватывающий период с конца XVII в. по XXI в. и насчитывающий на данный момент 457 заголовков.

Корпус был подвергнут обработке стандартными инструментами корпусного анализа с помощью корпусного менеджера *AntConc* [Anthony 2023], а также ручному аннотированию по 7 группам параметров.

Из корпуса были извлечены выборки цепочек, репрезентирующих генитивные конструкции с «*Russia*» в позиции посессора (см. Табл.).

Таблица. Выборка конструкторов

Тип конструкции	Частотность
<i>Russia's N</i>	22
<i>N of Russia</i>	6
<i>Russian N</i>	58

Отправной точной для исследования послужила рабочая гипотеза о том, что грамматические конструкции привносят свое значение, не выводимое из значений составляющих их элементов [Mark, Francis 2014: 47], и, следовательно, участвуют в концептуализации.

3. *S'*-конструкция vs *of*-конструкция

Как отмечал А. Юкер, в современном английском языке сосуществующие предложная и флективная генитивные конструкции являются практически взаи-

мозаменяемыми в большинстве контекстов [Jucker 1993: 121]. В то же время, исследователи [Altenberg 1982; Hinrichs, Szmrecsanyi 2007; Rosenbach 2003, 2008] отмечают и различия:

- семантическое: S'-конструкция тяготеет к одушевленным посессорам, of-конструкция – к неодушевленным;
- прагматическое: тематичность – свойство s'-конструкции;
- фонологическое: конечный шипящий является фактором выбора of-конструкции;
- синтаксическое: усложненная именная группа, выражающая посессора, является фактором выбора of-конструкции.

При этом наиболее важным из отмеченных параметров выбора конструкции является одушевленность [Rosenbach 2014: 231].

Ярко выраженное предпочтение s'-конструкции, частотность которой в исследуемом материале в 3,5 раза превышает частотность of-конструкции, свидетельствует об одушевленности как составляющей концепта RUSSIA в руссо-центрическом дискурсе.

На одушевленность также указывает факт совстречаемости статонима Russia и антропонимов в позиции посессора в идентичных конструктах, например:

Russia's War / Putin's / War Stalin's War.

Russia's Quiet Revolution / Gorbachev's Unfinished Revolution.

4. Собственно генитивные конструкции vs конструкция с прилагательным Russian

Сопоставляемые конструкции, при всем своем сходстве, демонстрируют минимальную долю совпадений в категории «обладаемое». Выявлено лишь 4 цепочки, допускающие взаимозаменяемость, 3 из которых номинируют действие, т. е. подразумевают одушевленность посессора:

Russian / Russia's + invasion / aggression / conquest.

При этом подавляющее большинство конструктов включают в позиции обладаемого лексику культурно-интеллектуальной (*literature / court / art / interpreter / culture / film / music / tradition / classics / folklore / chronicles / palace / theater / houses / fashion industry / myths / thought / nationalism / soul / orientalism / writers / history / disinformation*) или социо-экономической сферы (*empire / land / imperial family / peasant / pivots / market economy / zone / threat / nation*).

5. Заключение

Сопоставление функционирования трех генитивных конструкций в руссо-центрическом дискурсе показало, что слово «Russia», по сути, является репрезентантом двух разных концептов:

(1) концепт ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ, где Russia фактически приравнивается к ее главе. Этому концепту свойственна одушевленность и выраженная негативная оценочность, что проявляется в сочетаемости с негативно коннотированной лексикой (*war, armed, secret, frozen, massacre, invasion* и т.д.);

(2) концепт НАРОД, который отличает нейтральная или слабо положительная оценочность, а наиболее выраженной составляющей оказывается КУЛЬТУРА.

Данное наблюдение согласуется с ранее сделанными выводами о том, что ВЛАСТЬ и КУЛЬТУРА являются концептуальными доминантами русско-центрического дискурса.

Литература

Белоглазова Е.В., Генидзе Н.К. Rossica и Belarossica: общие и культурно-специфические маркеры дискурсов иноязычного описания России и Беларуси // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 4. С. 108-115.

Altenberg B. The genitive v. the of-construction: A study of syntactic variation in 17th century English. Malmö: CWK Gleerup, 1982.

Anthony L. AntConc (Version 4.2.4) [Computer Software]. Tokyo, Japan: Waseda University, 2023. URL: <https://www.laurenceanthony.net/software>.

Hinrichs L., Szmrecsanyi B. Recent changes in the function and frequency of Standard English genitive constructions: A multivariate analysis of tagged corpora // English Language and Linguistics. 2007. Vol. 11 (3). Pp. 437-474.

Jucker A. The genitive versus the of-construction in newspaper language // The Noun Phrase in English. Its Structure and Variability / ed. by A. Jucker. Heidelberg: Carl Winter, 1993. Pp. 121-136.

Mark T., Francis S. Language, gesture, bodily stance: grammar as a multimodal system // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2014. № 7 (336). С. 40-47.

Rosenbach A. Animacy and Grammatical Variation – Findings from English Genitive Variation // Lingua. 2008. No. 118. Pp. 151-171.

Rosenbach A. Aspects of iconicity and economy in the choice between the s-genitive and the of-genitive in English // Determinants of Grammatical Variation in English / ed. by G. Rohdenburg and B. Mondorf. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2003. Pp. 379-412.

Rosenbach A. English genitive variation – the state of the art // English Language and Linguistics. 2014. Vol. 18 (2). P. 215-262.

Elena V. Beloglazova (Saint Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University

THE ROLE OF GRAMMAR IN CONSTRUCTING CONCEPTUAL MAINSTAYS IN RUSSIA-CENTRED DISCOURSE

The research is based on the corpus of book titles and is aimed at revealing the role of grammatical constructions in shaping the conceptual mainstays of the Russia-centered discourse. The contrastive analysis of the functioning and structure of genitive constructions allows to conclude that the lexeme *Russia* serves to represent two distinct concepts – POWER and NATION.

Key words: Russia-centered discourse, conceptual mainstay, genitive construction, corpus, Russianism, animacy

Н.Н. Белошицкая (Архангельск, Россия)
Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
n.beloshickay@narfu.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КАТЕГОРИИ ДРАМАТУРГИЧНОСТИ

В статье предлагается подход к анализу реализации дискурсивных стратегий с точки зрения драматургичности дискурса. Драматургичность – это прагматическая категория, которая поз-

воляет рассматривать речевое поведение языковой личности как целенаправленный, творческий процесс реализации коммуникативного замысла в определенном социокультурном контексте. Когнитивные составляющие драматургичности определяют необходимость использования инструментария когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: драматургичность дискурса, планирование, самопрезентация, тональность, языковая личность, дискурсивная стратегия

Повышение значимости презентационного компонента коммуникации в современных условиях определяет актуальность изучения драматургичности дискурса.

Сама постановка вопроса о драматургичности социальных интеракций не нова. Наиболее известной концепцией анализа социального взаимодействия через театральную метафору постановочности является социодраматургический подход Ирвинга Гофмана. Канадский социолог разрушил представление о социальном взаимодействии как мире свободно действующих личностей и предложил систему категорий, которые позволяют анализировать повседневное взаимодействие как реализацию структурных отношений. Гофман полагал, что «драматургия межличностного общения создает предсказуемый и достаточно безопасный общественный мир» [Гофман 2003: 8]. Фреймы социального взаимодействия подобно ментальной схеме организуют восприятие реальности, обеспечивая понимание события и целенаправленное, осознанное участие в нем человека. Категория драматургичности связана с лингвосемиотической категорией театральности [Олянич 2004], является градуированной и жанрово обусловленной категорией. Средства реализации этой категории и основные тактики определяются социокультурными нормами, а также качеством прагматической компетенции участников социальных интеракций. Рассмотрение действия категории драматургичности не может ограничиваться лишь прагматическим вектором. Анализ эффективности социальных интеракций предполагает прежде всего оперирование инструментарием когнитивной лингвистики. «Эффективная «настройка» индивидуальных концептуальных систем коммуникантов относительно друг друга также обусловлена целым рядом коммуникативных и социокультурных факторов, связанных с интенциями и желаниями участников коммуникации (...) когнитивными и коммуникативными стратегиями и тактиками речевого поведения» [Болдырев 2023: 6].

Драматургичность жанровой развертки предполагает планирование интеракции и может находить выражение в самопрезентации и коррекции дискурсивных тактик в ходе реализации той или иной дискурсивной стратегии. Феномен презентации себя в дискурсе получил философское осмысление в модели драматургической деятельности Юргена Хабермаса. Исследователь определяет драматургическое действие как в первую очередь относящееся «не к одинокому актору, а к участникам интеракции, составляющим друг для друга публику, перед глазами которой они позиционируют себя» [Хабермас 2022: 108]. Понятие самопрезентации в процессе коммуникативного взаимодействия как стилизация выражения своих переживаний, раскрытие своей субъективности (мыслей, желаний, чувств), управление впечатлением – определяется ключевым в драматургической модели действия. Заслуживает внимания тот факт, что философское понимание драматургичности как

самопрезентации в процессе социального взаимодействия пересекается с лингвокультурологической концепцией типизируемой личности – «узнаваемого представителя определенной группы людей, поведение которого соответствует стереотипным представлениям о таких людях» [Карасик 2021: 110]. Концепт лингвокультурного типажа «как квант переживаемого знания о тех или иных людях» [Карасик 2021: 111] в сознании носителя языка является конечным продуктом по осмыслению отрезка символически организованной социальной действительности и содержит оценочные характеристики, ожидаемые модели поведения, актуализируемые в условиях конкретной социокультурной ситуации. В связи с этим уместна и отсылка к классификации типов языковых личностей, выделяемых на основе стратегических предпочтений в конфликтных интеракциях [Горелов, Седов 2001].

Освоение символически организованной реальности предполагает постижение особенностей дискурсивных практик в очень разных коммуникативных ситуациях. Стратегии коммуникации во многом определяются и ритуализацией речевого мышления. Справедливо замечает О.С. Иссерс: «Языку свойственно сведение разнообразных ситуаций к стандарту, в котором воплощен предшествующий опыт человека (...) ритуализация позволяет прогнозировать возможные речевые действия и реализовывать стратегический подход» [Иссерс 2008: 18-19]. Это дает основания для анализа драматургичности дискурсивных стратегий носителей языка, т. е. выделения моделей организации речевого поведения, отличающихся той или иной степенью продуманности, нарочитости, осознанности для эффективной реализации своего речевого замысла. Нормы коммуникативного взаимодействия санкционированы жанровыми предписаниями: «Разные жанры дают участникам общения неодинаковый набор возможностей: так, одна степень языковой свободы в разговоре по душам и совершенно другая – в семейной ссоре» [Седов 2004: 86]. В качестве примера анализа драматургичности социальных интеракций используем отрывки из текстов художественных произведений. Представленные в них типизированные модели коммуникативных ситуаций (фреймы) образуют общий фонд знакомого опыта. Примеры взяты из Национального корпуса русского языка. Предваряя анализ, отметим, что драматургичность внутрижанрового речевого поведения определяет общую тональность интеракции, что позволяет предполагать тональность в качестве основного механизма реализации драматургичности речевого поведения. Иными словами, рассматривая драматургичность дискурса как общую стратегию, та или иная тональность будет тактикой, реализующей генеральную стратегию.

Пример 1:

– Борис Александрович, я слышал, что завтра в райисполкоме будет утверждаться протокол собрания от 11 марта.

Да, да.

И значит, вопрос по поводу моей квартиры там тоже будет утверждаться? Нет, ваш вопрос завтра решаться не будет. Он будет разбираться отдельно.

– Почему отдельно? – А это мне неизвестно. – Борис Александрович, вы уж, пожалуйста, извините, если что не так, но, мне кажется, вы забыли о своем обещании и опять занимаетесь махинациями. – Владимир Николаевич, **в таком тоне я с собой разговаривать не позволю.** – Борис Александрович, мне **трудно с вами**

разговаривать в другом тоне. Мне кажется странным, что вы, считая себя человеком недупным, не понимаете, что в конце концов вас просто выгонят из председателя... Обрыв разговора, частые гудки: ту-ту-ту-ту [ruscorpora.ru].

Ситуация относится к жанру формального разговора. Участники интеракции обладают разными коммуникативными позициями – позиция власти в лице председателя и просителя – в лице автора. Любопытно то, как автор обыгрывает ситуацию, принимая метапозицию стороннего наблюдателя – далее по тексту он буквально описывает свои стратегии и постановочность поведения адресата. Этот художественно обработанный отрывок этнографического наблюдения очень показателен – автор тонко улавливает тональность, имплицитную канцеляритами председателя, что не мешает ему выбрать провокативную тактику прямого обвинения во вред общественным прагматическим интересам. Намеренность провокации является неожиданным речевым ходом, усиливающим агональность интеракции. Коммуникативный провал очевиден – собеседник, выбрав тактику благородного негодования, прекращает общение. Выбранная адресантом тональность дает адресату сообщения право обидеться и продемонстрировать эту обиду закрепленной в языке формулой – *в таком тоне я с собой разговаривать не позволю*. Концептуальное закрепление в языке подобных формул в виде клишированных оборотов – *в таком тоне, в такой манере* и подобные – свидетельствует о механизмах рефлексии, самокоррекции и перестройки реализации дискурсивной стратегии, что в свою очередь маркирует драматургичность дискурса.

В следующем примере участник интеракции эффективно выстраивает коммуникативную, минимизируя риск конфликта посредством кооперативной тактики построения беседы. Следует обратить внимание на рефлексию автора относительно реакции собеседника на потенциально опасный риторический ход адресанта: *пропустила колкость... и тоном светской беседы продолжила*. Жанр светской беседы требует искусности в использовании прагматически уместных и социально одобряемых коммуникативных тактик и предполагает высокую степень постановочности и продуманности речевого поведения.

Пример 2: *Садись за стол. Я-то на прием, там фуришет, а ты, бедная, на работе... – Да, ничего, спасибо, мы привычные... Хотя не откажусь. Журналиста, как волка, ноги кормят. Он всегда ищет... – Чего не потерял, – парировала я и налила бокалы. Она пропустила колкость мимо ушей и тоном светской беседы продолжила... [ruscorpora.ru].*

Изучение категориальной природы драматургичности дискурса помещает в центр рассмотрения языковую личность, речевое поведение которой опосредовано нормами и ценностями определенного социокультурного контекста. Существует дискурсивная и жанровая специфика драматургичности, обусловленная как правилами, определяющими развертывание жанров, так и принадлежностью коммуникантов к тому или иному лингвистическому типуажу.

Литература

- Болдырев Н.Н. Принцип бесконфликтности языковой коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 3. С. 5-15.
Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2001.

- Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН, 2003.
- Карасик В.И. Языковая пластика общения: монография. М.: Гнозис, 2021.
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография. М.: ЛКИ, 2008.
- Национальный корпус русского языка. 2003–2024. URL: ruscorpora.ru.
- Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. Волгоград: Парадигма, 2004.
- Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004.
- Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. М.: Весь мир, 2022.

*Nataliya N. Beloshitskaya (Arkhangelsk, Russia)
Northern (Arctic) Federal University*

DISCOURSE STRATEGIES THROUGH THE PRISM OF THE CATEGORY OF DRAMATURGY

The paper puts forward the approach to discourse strategies analysis from the perspective of the discourse dramaturgy. Dramaturgy is a pragmatic category considering speech behaviour of a language personality as a focused creative process of the communicative act implementation in a particular sociocultural context. Cognitive components of dramaturgy determine the necessity to exploit the conceptual framework of cognitive linguistics.

Key words: discourse dramaturgy, planning, self-presentation, tonality, language personality, discourse strategy

*Г.П. Берзина (Новосибирск, Россия)
Новосибирский военный институт им. генерала И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации
bgp55@mail.ru*

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ТАКТИКИ «КОМПРОМИСС» В БЕСКОНФЛИКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Данная статья представляет результаты исследования реализаций коммуникативной тактики *компромисс* в бесконфликтной языковой коммуникации, которое проводилось на материале немецкого языка. Как было установлено в исследовании, для реализации коммуникативной тактики *компромисс* в немецком языке используются лексические, лексико-грамматические, грамматические, просодические, невербальные средства.

Ключевые слова: бесконфликтная коммуникация, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, компромисс, немецкий язык

Концепция антропоцентризма, восходящая к трудам М.М. Бахтина, И.А. Бодуэна де Куртенэ, В.В. Виноградова, Л.В. Щербы, В. фон Гумбольдта, рассматривает язык как когнитивную и коммуникативную деятельность, в которой субъект речи выступает в качестве организующего центра этой деятельности. Коммуникативная деятельность включает языковую и речевую деятельность. Если языковая деятельность направлена на созидание языка, изменяющегося во времени и на всех его уровнях, то речевая деятельность направлена на использование языка для коммуникации. Коммуникацией традиционно принято называть

социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации как в межличностном, так и в массовом общении по разным каналам при помощи различных вербальных и невербальных коммуникативных средств (Н.Д. Арутюнова, Т.Г. Винокур, В.З. Демьянков, О.С. Иссерс, Т.А. ван Дейк и др.).

Рассмотрение коммуникации в качестве стратегического процесса проводится в исследованиях многих ученых, усилия которых направлены на выявление стратегий общения или речевых тактик. Так, по определению О.С. Иссерс, «коммуникация – это стратегический процесс, базисом для него является набор оптимальных речевых ресурсов. Передача сообщений в процессе коммуникации может быть рассмотрена как серия решений говорящего» [Иссерс 2003: 10]. Задачей данного исследования явилось изучение реализации тактики *компромисс* в бесконфликтной коммуникации и выявление способов ее языкового оформления. Материалом для исследования послужили тексты немецкоязычных художественных произведений Ф. Кафки, Э. М. Ремарка, М. Фриша, Г. Грасса.

С точки зрения личностных отношений и оценок, соблюдения или нарушения социальных норм традиционно различаются *кооперативная / бесконфликтная* и *конфронтационная / конфликтная* коммуникации. При бесконфликтной коммуникации оценки, отношения, установки, предпочтения коммуникантов не противоречивы, находятся в соответствии, поэтому тексты / дискурсы строятся в тональности согласия. Проблеме бесконфликтной языковой коммуникации с позиций концептуального взаимодействия с учетом коллективного, индивидуального, профессионального знаний коммуникантов в рамках нормативного общения посвящены исследования Н.Н. Болдырева [Болдырев 2022; 2023].

Как отмечает Н.Н. Болдырев, бесконфликтная языковая коммуникация с позиций концептуального взаимодействия и форм языкового сознания предполагает учет и прогнозирование отправителем общего культурно-образовательного уровня, интеллектуальных способностей получателя информации, объема и структуры знаний, социального статуса, системы ценностей, норм, стереотипов, используемых схем и критериев оценки адресата, языковых средств разного уровня, способность получателя информации использовать те же когнитивные и языковые механизмы формирования и понимания смыслов с целью их распознавания и правильной интерпретации в соответствующем контексте [Болдырев 2023: 9-10].

Процесс бесконфликтной языковой коммуникации можно представить как постоянное соотнесение коммуникативной информации с системой концептуальных и языковых категорий коммуникантов. В процессе коммуникации происходит согласование концептуальных схем, представляющих собой способ предметной организации информации на базе системы знаний, полученных субъектом в результате его взаимодействия со средой и самим собой. Речевое взаимодействие как явление когнитивно-дискурсивного плана имеет целью оказание воздействия на собеседника, которое достигается за счет вербальных и невербальных каналов, направленных на изменение ментального состояния партнера по коммуникации в результате применения коммуникативных стратегий и тактик.

При этом следует отметить, что речевая деятельность в большинстве случаев мотивируется неречевыми целями и задачами. В связи с этим выделяются два наиболее важных типа целей в процессе коммуникации, которые в большинстве случаев имеет в виду говорящий: результат сообщения, т. е. *общая стратегия* речевой деятельности говорящего и частные способы достижения коммуникации (*конкретные тактики*), которые соответствуют той или иной ситуации общения. Изучение стратегии говорящего не представляется возможным, так как это единица в высшей степени абстрактная, реализующаяся на когнитивном уровне сознания субъекта.

Коммуникативные стратегии и тактики можно рассматривать как когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего. В то же время коммуникативные тактики производят впечатление доступных анализу единиц, имеющих языковое выражение. Коммуникативная тактика соотносится с набором отдельных коммуникативных намерений, динамическим использованием языковых ресурсов и речевых умений. Выбор коммуникативной тактики зависит от коммуникативной цели говорящего.

Одной из тактик социального взаимодействия и методом разрешения многочисленных противоречий между коммуникантами является тактика *компромисс* (лат. *compromissum* 'соглашение'), *компромиссная тактика*, которая помогает снять противоречия сторон при взаимодействии. Компромиссная тактика характеризуется балансом интересов конфликтующих сторон и тактикой взаимной уступки, означает готовность субъекта идти на компромисс в обмен на уступки противоположной стороны. Иначе говоря, тактика *компромисс* заключается в уважении к противоположной позиции и в желании изменить конфликтную ситуацию в результате критического диалога. Лингвистическое оформление компромисса представляет особый интерес, потому что компромиссная тактика является одним из условий бесконфликтной и эффективной коммуникации.

Язык как средство осмысленной коммуникации содержит в своей структуре единицы, способные наиболее полно, рационально воплощать замысел говорящего и наиболее эффективно осуществлять его стратегические цели. Изучение языкового оформления речевой тактики *компромисс* позволило выделить языковые средства, которые являются показателями вынужденного согласия / уступки при использовании тактики *компромисс* в бесконфликтной языковой коммуникации в немецком языке.

При описании процесса принятия компромиссных решений авторы произведений часто используют языковые средства для передачи невербальных компонентов коммуникативной ситуации, например: на *уровне просодии*: за счет изменения эмоциональных состояний коммуникантов происходит изменение параметров силы голоса, темпа речи, интонации; на *невербальном уровне*: поза, жесты (*die Arme ausbreiten, mit dem Kopf verdammt nicken*;) сопровождающие вербальные сообщения, мимика (*sein Gesicht wurde demütig*), выражение глаз (*die Augen niederschlagen*) молчание и др. Перечисленные невербальные компоненты помогают авторам художественных произведений имплицитно передать готовность

говорящего пойти на компромисс в сложной коммуникативной ситуации.

Достижение компромисса, согласия, односторонней или двусторонней уступки между коммуникантами эксплицитно находит выражение в языке: 1) на лексическом уровне: лексика уступительной семантики (*nachgeben, klein begeben, fügsam*); *einen Kompromiss finden*; маркеры согласия: *ja, also gut, na gut, in Ordnung*; маркеры положительной коннотации: *gut, schön, erfreulich, richtig* и др.; 2) на лексико-грамматическом уровне: предлоги *ungeachtet, trotz, bei*; уступительные союзы (*obwohl, zwar ... aber, wenn auch, auch wenn*); 3) на грамматическом уровне: употребление частиц (*doch, aber, schon, auch*), вводных слов, предложно-именных словосочетаний (*trotz aller Widrigkeiten, ungeachtet der Differenzen*), словосочетаний *man kann, mag kann; ich bin einverstanden* (Perfekt), простых и сложных синтаксических высказываний, сослагательного наклонения; модальных слов: *jawohl, zweifellos, wirklich*; модальных глаголов (*mögen, lassen*).

Предлоги, союзы, частицы, модальные слова в высказываниях, связанные с фокусом внимания говорящего, обладают когнитивной функцией: употребление этих элементов дискурса изменяет когнитивное и эмоциональное состояние субъекта по мере того, как он понимает или строит высказывание. Порядок следования частей, фиксирующий синтаксические позиции предикаций, выступает как естественное средство организации диалогического уступительного дискурса. Уступительный дискурс рассматривается как речевой продукт языковой личности, используемый для достижения цели склонить адресата к компромиссу, согласию, уступке при помощи вербальных, невербальных средств и с учетом коммуникативной ситуации.

Исследование компромиссных решений, компромиссных тактик в бесконфликтной коммуникации заслуживает дальнейшего изучения, так как именно они позволяют избежать конфронтации и прийти к результату, который устраивал бы взаимодействующие стороны, т. е., развивая общение и предпринимая шаги к взаимным компромиссным тактикам, коммуниканты могут достичь определенного успеха в коммуникации и изменить характер коммуникации.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Болдырев Н.Н. Концептуальное взаимодействие как фактор бесконфликтной языковой коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 31-36.
- Болдырев Н.Н. Бесконфликтная языковая коммуникация: программа исследования // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 25-30.
- Болдырев Н.Н. Принцип бесконфликтности языковой коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 3. С. 5-15.
- Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: КомКнига, 2005.
- Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
- Демьянков В.З. Кооперированность общения и стремление понять собеседника // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. С. 28-36.
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС, 2003.

Galina P. Berzina (Novosibirsk, Russia)
*Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev
of the National Guard Troops of the Russian Federation*

REALIZATION OF A “COMPROMISE” COMMUNICATIVE TACTICS IN CONFLICT-FREE LANGUAGE COMMUNICATION

This article presents the results of a study of representations of compromise communicative tactics in conflict-free language communication, which was conducted on the material of the German language. As it was found in the study, lexical, lexical-grammatical, grammatical, prosodic, non-verbal means are used to realize the communicative tactics of compromise in the German language.

Key words: conflict-free communication, communicative strategy, communicative tactics, compromise, German language

Е.В. Беспалова (Самара, Россия)
*Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева
bespalowa@mail.ru*

ФОРМИРОВАНИЕ ОЦЕНОЧНЫХ СМЫСЛОВ В ЛАНДШАФТНОМ ДИСКУРСЕ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЫ

В статье анализируются языковые средства формирования оценочных смыслов в русле антропоцентрического подхода. Автор рассматривает эксплицитную, имплицитную, эпистемическую, рациональную и эмоциональную оценку. Короткая заметка и статья обнаруживают довольно большую плотность оценочных высказываний, отвечающих цели дискурсивной практики и задачам журналиста.

Ключевые слова: антропоцентрический подход, оценочная категоризация, эксплицитная оценка, имплицитная оценка, дискурс прессы

Формирование оценочных смыслов в дискурсе связано в русле когнитивистики с процессами оценочной категоризации [Болдырев 2021: 178] и должно изучаться в русле антропоцентрического подхода [Нефедов 2021], так как при «оценочной категоризации точкой отсчета является человек и его шкала ценностей» [Болдырев 2021: 182]. Антропоцентрический подход в анализе оценки в научном дискурсе был успешно применен С.Т. Нефедовым, который показал зависимость характера и содержательной структуры формулируемых оценок от цели конкретного вида дискурсивной практики (научно-исследовательской, научно-экспертной или научно-обучающей) и обосновал функционально-коммуникативное варьирование языка оценок в них [Нефедов 2021].

Мы рассмотрим способы формирования оценочных смыслов в ландшафтном дискурсе немецкой прессы. Предпосылками исследования явилась актуальность ландшафтной проблематики для немецкого читателя. Как показывает материал исследования, подборка номеров газеты «Süddeutsche Zeitung» [SZ: 2023] и статей журнала «Spiegel» [Spiegel: 2022], ландшафты довольно часто попадают в поле зрения немецкой прессы; их состояние, перспективы, возможности преобразования обсуждаются в ряде материалов политического, экономического, научного, экологического, рекламного характера, подвергаются оценке,

что находит свое выражение в высказываниях оценочной семантики. Оцениваться могут объекты природного и рукотворного ландшафта с точки зрения их красоты, полезности, престижности, безопасности, жизнеспособности.

Специфика формирования оценочных смыслов в дискурсе о ландшафтах на немецком языке связана с особенностями системы языка. Участники дискурса в практике формулирования или декодирования высказываний вовлекаются в сопоставление системной категоризации, отражающей «наши знания о мире так, как они зафиксированы в значениях языковых единиц, включая коллективную оценку предметов и событий» и функциональной категоризации, предполагающей различного рода шкалирование и оценку, необходимые для формирования суждений и высказываний» [Болдырев 2021: 180].

Тематический характер дискурса, его институциональные характеристики, тип газетного текста, способны в той или иной степени влиять на выбор языковых средств оценки, на степень ее выраженности (эксплицитная / имплицитная) и ориентации на участников дискурса (автороцентричная / адресатоцентричная) или норму в отношении объектов ландшафта.

Прокомментируем некоторые результаты исследования. В большинстве текстов выявляется комплекс / сеть языковых средств, формирующих оценочные смыслы в соответствии с целью участников дискурсивной практики.

Пример (1) иллюстрирует тип текста «короткая заметка», ориентированный на сообщение информации [Burger 2005: 213]. В нем тематизируется способность немецких лесов сохраниться в период засухи. Целью заметки является привлечение внимания читателей к актуальным экологическим проблемам потепления климата и сохранения немецких ландшафтов. Первое высказывание, заглавие, содержит несколько имплицитных оценочных смыслов, формируемых словосочетанием «немецкий лес» (*der deutsche Wald*), актуализирующим значимость этого типа ландшафта для лингвокультурного сообщества читателей, а также трудности противостояния погодным условиям словосочетанием «пережить жаркое лето» (*einen Hitzesommer überstehen*) и формой общего вопроса, допускающего отрицательный ответ, что имплицитно отрицательную оценку такого развития событий.

(1) *Übersteht der deutsche Wald noch einen Hitzesommer, Peter Wohlleben? ...Die Waldvorhersage ist komplizierter als Wettervorhersage. Unsere heimischen alten Laubwälder sind bisher ganz gut durch die trockenen Sommer gekommen... Gute Nachrichten gibt es über die Lernfähigkeit von Eichen und Buchen! Sie scheinen sich der Sommertrockenheit anzupassen... Die grünen Riesen verschaffen uns etwas Zeit – wir wissen aber nicht, wo die Anpassungsfähigkeit endet* (Spiegel vom 30.12.22, S. 115).

В примере (1) представлен комплекс высказываний, содержащих оценочную категоризацию в соответствии с разного рода ценностными ориентациями. Эпистемическая оценка проявляется в высказываниях известного в Германии лесовода и автора книг о жизни лесов Петера Вольлебена, который на основании своих наблюдений говорит о возможном развитии ситуации, сообщает «хорошие новости», метафоризируя высоко оцениваемую в современном обществе способность к обучению (*Lernfähigkeit von Eichen und Buchen*) и приспособлению к

условиям среды, в частности, к летним засухам. Его высказывание, однако, модализируется, приобретая оттенок эвиденциальности (*Sie scheinen sich der Sommertrockenheit anzupassen*). Кроме того, он оговаривает сложность выводов, прибегая к стратегии концептуальной интеграции. Концептуальное пространство ПРОГНОЗИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВОСТИ ЛЕСА К ПОГОДНЫМ УСЛОВИЯМ АНОМАЛЬНОЙ ЖАРЫ ЛЕТОМ (*Waldvorhersage*) интегрируется с концептуальным пространством ПРОГНОЗ ПОГОДЫ (*Wettervorhersage*), возможность построения достоверных выводов оценивается как более сложная (*ist komplizierter*), следовательно, имплицитруется смысл «менее достоверная, чем прогноз погоды». Лиственные леса как живые организмы персонифицируются и оцениваются с точки зрения их способности перенести неблагоприятные погодные условия (*überstehen, durch die trockenen Sommer kommen*). Элемент положительной эмоциональной оценки имплицитруется в номинации «зеленые великаны» (*die grünen Riesen*) в высказывании, содержащем вывод об их роли для человечества.

Пример (2) иллюстрирует тип текста «газетная статья», ориентированный на передачу информации об особенностях архитектуры Копенгагена, сопровождающийся выражением мнения журналиста [Burger 2005: 214-215]. Оценочная категоризация распространяется здесь на городской ландшафт.

Цель журналиста ясно прослеживается в тексте статьи: сформировать мнение о городе как о современном продуманном пространстве для жизни. Заглавие (*Eine Stadt fürs Leben*) представляет собой предикацию, в которой профилируется предназначение города, имплицитующее положительную оценку. В подзаголовке присутствует как имплицитная, так и эксплицитная положительная оценка ландшафта города. Так, положительная оценка архитектуры города обосновывается в перечислении принципов застройки. Вербализующие их системные средства – лексические единицы – содержат имплицитную положительную оценку в данном контексте, так как называемые ими реалии соответствуют принятым в обществе ценностям и установкам на увеличение площадей, предоставляемых в общественное пользование, организацию велосипедного движения, возможности вторичного использования городских площадей для организации активного досуга горожан. Эксплицитная оценка представлена номинацией «мировая столица архитектуры» (*Welthauptstadt der Architektur*) и словосочетанием «вызывает желание городского будущего» (*macht Lust auf die urbane Zukunft*).

(2) *Eine Stadt fürs Leben*

Viel öffentlicher Raum, Vorrang für Radfahrer und eine Skipiste auf der Müllanlage: Als «Welthauptstadt der Architektur» macht Kopenhagen Lust auf die urbane Zukunft.

... gekrönt 2023 durch den UNESCO-Titel Welthauptstadt der Architektur...

... zeigt ... mit viel Humor, wie aus einem Ort zum Davonlaufen ein Sehnsuchtsort wurde...

Eisbaden sowie Saunieren am Hafen und in den Kanälen ist ein Riesending für die Einheimischen.

«Unsere Stadt ist dicht bebaut, aber ziemlich niedrig, deshalb fühlt sie sich einladend an, und die meisten Orte haben menschliche Proportionen» (SZ vom 18.-

19.02.23, S. 63).

В основном тексте сообщения положительная оценка многократно обосновывается, подвергаясь оценочной категоризации. В подкрепление рациональной положительной оценки называются конкретные факты, дата и почетное наименование города от ЮНЕСКО, профилируются виды досуга горожан. Эмоциональная оценка формируется за счет использования лексических единиц *gekrönt*, *Sehnsuchtsort*, *ein Riesending*. Оценочная сеть содержит и противопоставление (*Ort zum Davonlaufen*), показывающее развитие города. Автор статьи вводит в текст цитаты высказывания горожан для создания эффекта достоверности положительной оценки, которая в приводимом примере формулируется имплицитно, через описание ощущений от города (*fühlt ... sich einladend an*) и его соразмерности человеку (*menschliche Proportionen*).

Таким образом, тексты немецкой прессы формируют оценочные смыслы относительно современных природных и рукотворных ландшафтов, задействуя сеть разнообразных оценочных средств языка. Короткая заметка и статья обнаруживают довольно большую плотность оценочных высказываний, отвечающих цели дискурсивной практики и задачам журналиста. При формировании оценочного смысла важную роль играет внутриязыковой и экстралингвистический контекст, система ценностей и установок современного общества. Антропоцентрический подход к изучению средств формирования оценочных смыслов позволяет, с одной стороны, учесть целевые установки автора материалов, а с другой – выявить имплицитные оценки, связанные с особенностями коллективной картины мира реципиентов.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.

Нефедов С.Т. Варьирование оценки в коммуникативных практиках научного дискурса // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Язык и литература. 2021. № 18 (4). С. 760-778.

Burger H. Mediensprache. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2005.

Spiegel, Nr. 1 vom 30.12.2022.

SZ – Süddeutsche Zeitung, Nr. 38-48 vom 14.–27.02.2023.

Ekaterina V. Bepalova (Samara, Russia)

S.P. Korolev Samara National Research University

ESTIMATED SENSE FORMATION IN LANDSCAPE DISCOURSE OF GERMAN PRESS

The Paper dials with language means of estimated sense generation using the anthropocentric approach. The Author regards some kinds of estimate: an explicit, an implicit, an epistemic, rational and emotional ones. In short news stories as well as in newspaper articles there are a lot of estimated utterances corresponding with the aim of discourse praxis and with journalist tasks.

Key words: anthropocentric approach, estimated categorization, explicit estimate, implicit estimate, press discourse

КОГНИТИВНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ СОБЫТИЯ В НОВОСТНОМ ТЕКСТЕ

Рассматриваются формы переосмысления события, послужившего поводом для новостных сообщений. На примерах показано, как в зависимости от источника информации – от официальных СМИ до пародийных новостей – факт проходит ряд интерпретационных трансформаций. Когнитивная оценка события проходит ряд стадий: (не)проверенный факт, карнавализация факта, карнавализованное событие как новый факт, циклизация новостного сюжета.

Ключевые слова: когнитивная категоризация, медиалингвистика, фикциональный текст, нефикциональный текст, карнавализация, новость, новелла

Статья продолжает исследование дискурса СМИ, в котором происходит постоянный процесс переосмысления реальных событий с точки зрения их когнитивного восприятия как реальных или вымышленных. Как было отмечено, читательская оценка текста часто не совпадает с авторской интенцией, что, в свою очередь, становится поводом для рефлексии оценки текста по признаку правда / вымысел и созданию карнавализованных новостей-пранков (см. [Троценкова, Богатикова 2023]). По М.М. Бахтину, такие тексты псевдоновостей можно соотнести с выделяемым им словесным видом народной смеховой культуры: «существовали и другие разновидности смеховой латинской литературы, например, ...пародийные хроники» [Бахтин 1990: 20]. В современной ситуации, как отмечает В. Изер, возможен двусторонний процесс: «если литература становится действительностью, то и действительность превращается в игру» [Изер 2004: 25]. Рассмотрим примеры интерпретации перехода информации от 1) текста новости о факте, 2) к игровому тексту и 3) игровому событию как поводу для новости, 4) циклизации новостей / псевдоновостей, что показывает изменения когнитивной категоризации одного и того же события по параметру правда / вымысел или не/фикциональный текст.

1. Новость о факте поступает из официального источника информации, «Российская газета», 09.10.2023: «Анатолия Чубайса заметили в аэропорту Тель-Авива» (<https://rg.ru/2023/10/09/rt-anatoliia-chubajsa-s-zhenoj-zametiliv-aeroportu-tal-aviva.html?ysclid=lp6xoplsk2198784026>). Затем и в другом официальном источнике, где неподтвержденность факта акцентирована в заголовке: «В израильском аэропорту заметили мужчину, похожесго на Чубайса», «РИА Новости», 9.10.2023 (<https://ria.ru/20231009/aeroport-1901608318.html>). Эта новость приобрела актуальность как в связи с обострением палестино-израильского конфликта, так и с тем, что ранее внимание к переезду А. Чубайса в Израиль привлек президент РФ в речи на ДВЭФ 12.09.23: «Путин заявил, что Чубайс удрал из России», «РИА Новости», 12.09.2023 (<https://ria.ru/20230912/rosnano-1895765105.html>). События имеют последовательный, или хроникальный, характер, поскольку встраиваются в когнитивную картину мира во взаимосвязи с уже известными фактами, оценками, концептами.

2. Новость (1) проходит следующий этап интерпретации там же, в комментариях читателей, что переводит событие в разряд смеховых «аналитических» текстов: *«Спокойно, не кипишите, товарищ Чубайс на задании», «Путин что, ждет его обратно?»* (орфография оригинала здесь и далее сохранена – Ю.Б.). Отметим появление в комментариях аллюзии на художественные произведения (песня 1939, книга 1960, фильм 2023 «Run, Rabbit»): *«Беги, Толя, беги. Везде и всегда теперь – Беги»,* факт категоризируется читателями на основании имеющихся художественных концептов.

Затем происходит оценка новости в неофициальных источниках информации, например, новостных Телеграм-каналов: *«Анатолий Чубайс, так называемый «Всадник Апокалипсиса», вслед за которым всегда приходит беда, где бы он не появлялся, был замечен в аэропорту имени Бен-Гуриона, чтобы вылететь из Тель-Авива, куда он ранее бежал из Москвы»,* (https://t.me/grey_zone) издание, которое публикует новую информацию на условиях анонимности.

Полный переход факта в фикциональный дискурс происходит в резонансном Телеграм-канале пародийных новостей «Империя очень зла». Читателям предложено вымышленное интервью: *«Хочу посмотреть мир, – Анатолий Чубайс поделился планами на будущее. Российский экономист со своей женой <...> собрались в кругосветное путешествие. – Я устал от политики, от бизнеса. Всех денег не заработаешь, я заслужил отдых. Мы с женой решили, что хотим просто отключить телефоны побыть вдвоем, встретить старость. <...> Куда мы держим путь? Еще даже не решили...».* Хотя данный канал предупреждает в самоописании: *«Осторожно, возможен, фейк и жесткая сатира. Неписанное художественным вымыслом, все совпадения случайны»* (<https://t.me/verysexudasha>), озабоченность его деятельностью была выражена в Государственной Думе РФ, «RTVI», 18.11. 2023 (<https://rtvi.com/news/deputat-ostanina-poprosila-mvd-i-rkn-proverit-kanal-imperiya-ochen-zla/>).

3. Сам факт смехового переосмысления в неофициальных «аналитических каналах» становится предметом реальной новости. О новых анекдотах на тему новости из п. 1. сообщается в официальных новостях: *«После побега Фридмана в Россию Чубайс угодил в политический анекдот дня»* (<https://tsargrad.tv/news/posle-pobega-fridmana-v-rossiju-chubaj-s-ugodil-v-politicheskij-ankdot-dnja>). Таким образом, (а) факт поездки и (б) факт наличия анекдота проходят когнитивную категоризацию как реальные события. Новость возвращается в нефикциональный дискурс с продолжением: *«Чубайс сообщил о возвращении в Израиль после поездки в ОАЭ», «Коммерсантъ», 11.10.2023* (<https://www.kommersant.ru/doc/6267863>), что развивает последовательную хроннку реальных событий.

4. Завершает цикл этап, на котором создаются полностью вымышленные тексты новостей, например, на юмористическом, пародийном портале ИА «Панорама», стилизованном под новостные СМИ: *«Чубайса вывезли из Израйля на пломбированном самолете»* (<https://panorama.pub/news/cubajsa-vyvezut-iz-izraila-na>), где процесс категоризации новых событий по признаку правда/вымысел, факт/оценка становится основным художественным средством подачи текста,

см. подробнее [Богатикова 2023]. Главная особенность процесса реинтерпретации событий заключается в том, что карнавализованная информация, оформленная в газетном и публицистическом стиле, нередко ошибочно интерпретируется как правдивая, она может влиять на реальные события, т. е. приобретает свойства перформативного речевого акта. Так, понятие «информационная гигиена» становится предметом общественной озабоченности, деятельность сатирических новостных изданий обсуждается в органах законодательной власти: *«В России предлагают ввести маркировку для публикующих фейки сообществ в соцсетях»*, *«Автором этой инициативы выступил лидер ЛДПР Леонид Слуцкий <...>»*, «Радио России», 17.10.2023, (<https://smotrim.ru/video/2699113>). Анализ примеров показывает, что в дискурсе СМИ происходит постоянный переход границы не/фикциональности текстов, при этом в сознании читателей поступающая информация всегда так или иначе соотносится с категориями правда / вымысел. В свою очередь, качество когнитивной категоризации по данному признаку описывает относительно новое понятие «цифровая гигиена», которое требует дальнейшего изучения.

Если проводить более широкие исторические параллели, очевидна аналогия с процессами осмысления новых форм существования общества в средневековой городской литературе. В исследованиях отмечено, что в XIII в. популярным видом итальянской городской литературы был жанр «новеллино», от итал. «новость», где «структура новеллы завершена», как в жанре художественной литературы, но «новелла имеет внутренний импульс к циклизации» [Стадников 2009: 57]. Современные новости и формы их переосмысления также имеют свойство циклизации. В следующей новости *«Чубайс в Израиле занялся разбором гуманитарки пострадавшим от атаки ХАМАСа»*, «Московский комсомолец», 15.10.2023 (https://t.me/mk_ru/44332) прослеживается развитие события-сюжета.

Складывающаяся последовательность событий переосмысливается и в других документально-художественных формах: *«Чот подумалось о фильме про Чубайса в стиле НТВ. – <...> В младшей группе детского сада он организовал свой первый кооператив и смог обанкротить и его и сад и управляющее садом РАНУ. – Первую энергосистему Анатолий развил в собственной квартире, <...>. – В Израиле был выпущен специальный закон, запрещающий Чубайсу иметь любые юридически значимые отношения с энергетической системой и службами страны <...>»*, (<https://t.me/batyachitaet>) – на авторском канале рефлексиируются как факты, так и гротескно-художественная форма их подачи на телевидении.

Развитие сюжета цикличной по характеру «новости-новеллы» поступает с присоединением действующего лица, похожего по модели поведения. Шуточный комментарий к статье из п. 1, *«Галкин* вчера тоже сказал, что улетает на гастроли в Англию. Осунулся. Сильно переживает, но гастроли!!! Простите»*, вскоре реализуется в новостях: *«Максим Галкин* анонсировал тур по Европе в разгар войны в Израиле, (*физическое лицо, выполняющее функции иноагента)»*, «РИА Новости», 16.10.2023 (<https://ria.ru/20231016/galkin-1903023080.html>)

Подводя итог, можно говорить о последовательности когнитивных преобразований, которую проходит текст о событии. Реальная новость в газетном

стиле становится поводом для комментирования и переосмысления в различных, по-своему художественных, формах. Комментарии к новостям являются анализом, оценкой, вероятностным прогнозированием последующего поведения участников событий. В свою очередь, оценка и прогнозирование переводят текст в пространство творческого когнитивного моделирования. Факт появления анекдотов становится предметом следующей реальной новости, участники новостного дискурса следят за происходящим, действующие лица-персонажи новостей-новелл дают повод для новых текстов. В результате складывается динамичный циклический нарратив-хроника, бытующий в СМИ и социальных сетях, который «позволяет людям координировать свои индивидуальные когнитивные системы, это приводит к возникновению интерперсональных синергий, новых, более сложных когнитивных систем, возможности которых выше, чем у когнитивных систем индивидов в них участвующих» [Троценкова 2023: 55-56]. Сравнение с жанрами средневековой литературы закономерно, поскольку в обоих случаях происходит смена форматов информации и познания, а сегодня это становление человека-пользователя информационных социальных сетей, где необходима метаосведомленность о категориях оценки информации для ее адекватного применения в быстро меняющейся реальности.

Литература

Бактин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990.

Богатикова Ю.А. Правдоподобие как аспект читательского восприятия текста // Филологические науки. 2023. № 2 (март). С. 54-61.

Изер В. Изменение функций литературы // Современная литературная теория. Антология. М.: Флинта; Наука, 2004. С. 22-45.

Стадников Г.В. Зарубежная литература и культура Средних веков, Возрождения, VII века. М.: Академия, 2009.

Троценкова Е.В. «Коммуникативный паразитизм» в российском сегменте телеграм-каналов // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: языкознание. 2023. Т. 22, № 5. С. 53-71.

Троценкова Е.В., Богатикова Ю.А. Рефлексия доверия к информации в комментариях читателей о правдоподобии новостей-шутки // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 108-112.

Yulia A. Bogatikova (Moscow, Russia)

National University of Science and Technology "MISIS"

COGNITIVE CATEGORIZATION OF NEWS TEXTS

The article deals with the cognitive categorization of news as non-fictional or fictional texts, which depends on the source of information. From official news to parody news texts facts are cognitively re/interpreted as non-fiction based of Bakhtin's theory of carnivalization.

Key words: cognitive categorization, mediallynguistics, fiction, non-fiction, news, carnivalization, concept

О.В. Бронникова (Тюмень, Россия)

Тюменский государственный университет
o.v.bronnikova@utmn.ru

А.С. Головки (Тюмень, Россия)

Тюменский государственный университет
a.s.golovko@utmn.ru

ДИСКУРС ВЕБ-САЙТА НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА

В статье рассматривается дискурс веб-сайта национальных парков Челябинской области «Зигалга» и «Таганай», который функционирует как бленд субдискурсов различной жанровой принадлежности. Выявляются особенности формирования концептуальной картины мира его участников.

Ключевые слова: веб-сайт, Интернет-дискурс, интердискурсивность, когнитивное взаимодействие, национальный парк

В современном мире невозможно представить социальное взаимодействие без использования Интернета, социальных сетей, сайтов и т. д. Функционал данных платформ открывает широкие возможности не только для общения и коммуникации, но и для повышения спроса и узнаваемости, продвижения городов, объектов культурно-исторического и экологического наследия.

Объектом исследования настоящей статьи является Интернет-дискурс сайтов национальных парков (далее – НП) Челябинской области «Зигалга» (<https://zigalga.org>) и «Таганай» (<https://taganay.org>). Мы определяем дискурс веб-сайта как рекламный текст, в котором взаимодействуют текст, контекст, различные мультимодальные средства, направленные на продвижение, повышение привлекательности и узнаваемости национального парка.

Следует отметить, что цифровизация трансформирует дискурс и ведет к появлению новых способов взаимодействия его участников и как следствие – зачастую к взаимодействию различных типов дискурса, что довольно активно анализируется в ряде работ. Так, В.Е. Чернявская всесторонне исследует понятие интердискурсивности [Чернявская 2016]. О.С. Иссерс указывает на появление ряда смежных терминов, а именно: интердискурсивность, полидискурсивность, дискурсивная гетерогенность [Иссерс 2018: 55]. Е.В. Беспалова вводит понятие когнитивного взаимодействия, «которое выражается в том, что концептуальные характеристики одного дискурса «накладываются» на концептуальные характеристики другого дискурса», что непосредственно воздействует на участников дискурса, инициирует изменения в их концептуальной картине мира» [Беспалова 2021: 438]. По мнению О.С. Иссерс, причины этого можно увидеть в подвижности границ дискурсов в современных реалиях [Иссерс 2018: 55], а также когерентности, реконтекстуальности, открытости, многоуровневости, мультимодальности и мультимедийности самого Интернет-дискурса, в котором коммуникативные практики могут быть обширны в зависимости от типа коммуникативной цели и той цифровой платформы, на которой размещается информация. Различные типы дискурсов в связи с этим можно обозначить как субдискурсы в рамках одного глобального Интернет-дискурса, который обладает когнитивностью

и многотемностью [Беспалова 2021: 438]. Таким образом, Интернет-дискурс можно обозначить как интердискурсивный. В задачи нашего исследования входит выявление субдискурсов веб-сайта национальных парков и особенностей формирования концептуальной картины мира его участников.

Участниками дискурса сайта национальных парков являются авторы размещенных на сайтах текстов, представляющие туристическую отрасль и нацеленные на привлечение возможно большего числа посетителей. Получатели – это массовый адресат, потенциально заинтересованный в путешествиях на природу и в получении новой информации о возможностях и выгодах подобных путешествий.

Обратимся к анализу главной страницы сайтов НП Челябинской области: «Таганай» и «Зигальга», где гостю предлагается структурированный «Путеводитель», включающий следующие блоки: «Главная», «О парке», «Новости», «Туризм», «Экопросвещение», «Услуги», «Галереи» (у НП «Таганай»), «Контакты». Первое, на что обратит внимание пользователь сайта – это смена визуального сопровождения: на фотографиях можно увидеть, как сменяют друг друга высотные пояса. Южная темнохвойная тайга переходит в субальпийские луга. А выше 1000 м. находится горная тундра, гольцы и курумы – каменные россыпи (НП «Зигальга»). В каждом из разделов представлена полная информация о парке, об актуальных событиях, о правилах посещения, о маршрутах и об услугах, предоставляемых потенциальному туристу, а также контактная информация, которая позволяет пользователям связаться с администрацией национального парка.

Нами было выявлено наличие четырех субдискурсов: рекламного, научно-популярного, экологического и ландшафтного.

В ландшафтном субдискурсе НП профилируется многообразие ландшафтных форм, уникальность природных достопримечательностей: *Останцы Страж Зигальги и Каменный Замок, гора Круглая, Ущелье Евлахта, гора Поперечная, Гора Мерзлый Утес*. Актуализируется ряд положительных смыслов: КРАСОТА, МАСШТАБ, УНИКАЛЬНОСТЬ, МНОГООБРАЗИЕ.

Интердискурсивность проявляется в тех случаях, когда наряду с представлением ландшафта актуализируется рекламный субдискурс, целью которого является выгодно представить рекламируемый объект, в данном случае НП. При этом больший эффект воздействия на целевую аудиторию достигается через интеграцию нового знания в модель мира получателя имплицитно, в «мягкой форме», в данном случае за счет взаимопроникновения субдискурсов. Так, упоминается большое количество форм организации досуга: *гостевые дома (приюты Метеостанция, Киалимский кордон, Гремучий ключ, Белый ключ, Центральная усадьба) и туристические базы с разным уровнем комфорта (туристический комплекс «Иремель», база отдыха «Рахат Тюлюк», горный приют «Тайга», гостевой дом «Казачья застава», коттеджный комплекс «Хозяин тайги», приют «Пилигрим» и др.)*, идет имплицитная апелляция к потребностям клиентов различной этнической принадлежности, социального статуса и достатка, все из которых стремятся к комфортному отдыху и интересному времяпровождению. Профилируется идея ДОСТУПНОСТИ предлагаемого отдыха.

Это подкрепляется указанием на многообразие экскурсий и туров: так, в НП «Таганай» – это экологическая тропа «Путешествие по Европе и Азии», экскурсия «Таганай за 600 шагов (Черная скала)» и «На краю леса», маршруты: «К Большой Каменной Реке», «К вершине света (Двуглавая сопка)», «В центр гранатовой короны», «К подножию Рифея (Круглица)», «К вечному ветру (Метеостанция)». Все названия обладают ярко выраженной метафоричностью. Лексические единицы характеризуются положительной коннотацией, эмотивностью и высокой степенью оценочности, что также способствует заинтересованности потенциальных клиентов. Профилируются концептуальные характеристики, связанные со сферами ПУТЕШЕСТВИЕ, ИССЛЕДОВАНИЕ, ПРИКЛЮЧЕНИЕ. Идет апелляция к эмоциональной сфере через указание на уникальность (**Единственное место на Южном Урале, где можно обнаружить следы древнего ледника**) и исключительные характеристики национальных парков (**Самая высокая (1389 м) и массивная гора национального парка «Зигальга»**).

В экологическом субдискурсе профилируется идея о сохранении природных комплексов как уникальных и эталонных природных участков, так и идея о создании условий для туризма и отдыха в природных условиях и формирования экологического самосознания. В НП «Таганай» осуществляется эколого-просветительская деятельность, главной целью которой является **«пропаганда бережного отношения к природе путем формирования позитивного экологического мышления и развития экологической (природоохранной) культуры среди широких слоев населения»**. В НП «Зигальга» особое внимание уделяется волонтерскому движению, где **«Стать волонтером национального парка может любой желающий. Главное – любовь к природе и желание внести свой вклад в ее сохранение»**.

Элементами экологического субдискурса являются тексты экологической тематики о природе и окружающей среде. На сайтах НП «Таганай» и «Зигальга» можно увидеть, что **«18 видов занесены в Красную Книгу Челябинской области и России. Очень редки и нуждаются в охране: скопа, беркут ...»**; **«... являются редкими и требуют охраны. В Красную Книгу Челябинской области занесены такие реликтовые растения как ... включены виды, нуждающиеся в особом внимании к их состоянию в природной среде»**; **«... планируется реализация очень значимого общероссийского природоохранного проекта по реинтродукции (возвращению в природу) редких видов...»**; **«Охраняемые растения парка...»**. Активизируются концептуальные характеристики, связанные с УНИКАЛЬНОСТЬЮ, НЕЗАЩИЩЕННОСТЬЮ / УЯЗВИМОСТЬЮ природных объектов, делается акцент на формирование экологического мышления у посетителя сайта. При этом фокус смещен с субъекта деятельности (человека) на природу (**нуждается, находится и т.д.**).

Когнитивное взаимодействие наблюдается, когда при переходе пользователя с главной страницы обоих сайтов во вкладку «Экопросвещение», с одной стороны, идет апелляция к потребностям высшего порядка и делается акцент на **эколого-просветительской деятельности национальных парков**, а с другой – присутствуют элементы научно-популярного субдискурса, в котором раскрывается своеобразие флоры и фауны: **«Всего на территории национального парка**

встречаются 55 видов млекопитающих»; «...можно встретить большое количество эндемиков, а также редкие флористические виды (Тайник сердцевидный, Пухонос альпийский.. и другие)». В НП «Таганай» «дикий мир – это многочисленные представители самых разнообразных животных... вслед за растениями происходит взаимопроникновение и смешение фауны Сибири и Центральной России, юга и севера...; более 1000 видов беспозвоночных». Профилируются концептуальные характеристики МНОГООБРАЗИЕ, УНИКАЛЬНОСТЬ, МАСШТАБНОСТЬ, ПРИРОДОСБЕРЕЖЕНИЕ.

На визуальном уровне данные субдискурсы представлены в виде фотографий и видео ландшафта, природных объектов, животных, людей, занимающихся природно-охранной деятельностью.

Анализ представленных данных позволяет сделать вывод о том, что в дискурсе национального парка можно установить точки пересечения и наложения рекламного, научно-популярного, экологического и ландшафтного субдискурсов через профилирование следующих концептуальных характеристик: КРАСОТА, МАСШТАБ, УНИКАЛЬНОСТЬ, МНОГООБРАЗИЕ, ДОСТУПНОСТЬ, ПУТЕШЕСТВИЕ, ИССЛЕДОВАНИЕ, ПРИКЛЮЧЕНИЕ, УНИКАЛЬНОСТЬ, НЕЗАЩИЩЕННОСТЬ / УЯЗВИМОСТЬ, МНОГООБРАЗИЕ, МАСШТАБНОСТЬ, ПРИРОДОСБЕРЕЖЕНИЕ. Когнитивное взаимодействие субдискурсов способствует формированию целостного образа и всесторонней репрезентации национального парка как уникально красивого, масштабного природного объекта, идеального для созерцания природы, проведения досуга и формирования уважительного и бережного отношения к природе.

Литература

Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: Флинта, 2016.

Иссерс О.С. Новые типы текстов в сфере гостиничного бизнеса // Вестник ВолГУ. Серия 2: языкознание. 2018. № 2. С. 53-62.

Беспалова Е.В. Ландшафтные концепты в Интернет-дискурсе: формирование экологического сознания // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 437-440.

Национальный парк «Зигальга». URL: <https://zigalga.org>.

Национальный парк «Таганай». URL: <https://taganay.org>.

Olga V. Bronnikova (Tyumen, Russia)

Tyumen State University

Anna S. Golovko (Tyumen, Russia)

Tyumen State University

DISCOURSE OF THE NATIONAL PARK WEBSITE

The article analyses the discourse of national park websites “Zigalga” and “Taganay” (Chelyabinsk region). This type of Internet discourse represents a blend of subdiscourses, which enable to convey various conceptual meanings.

Key words: website, Internet discourse, interdiscursivity, cognitive interaction, national park

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В АМЕРИКАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье предлагается метод анализа текстов медиадискурса, позволяющий выявлять значимые для общественного диалога идеологические модели. На материале текстов о протестах Black Lives Matter, взятых из ведущих американских изданий, описываются три модели осуществления протестной деятельности. Ценности, отраженные в моделях, соотносимы с прогрессивной, либеральной и консервативной политическими позициями.

Ключевые слова: критический дискурс-анализ, медиадискурс, идеологические модели, ценности

Современные медиа выступают центральными участниками общественного диалога, активно поддерживая системы ценностей и продвигая идеологии, манифестируемые через язык и текст [Lukin 2017]. Ценности играют ключевую роль в построении идеологий, выступая основой для социальной и культурной оценки реальности [van Dijk 1998: 74]. Исследователи рассматривают ценности как устойчивые вербальные модели нормального и желаемого, формулируют их в виде ценностных суждений и признают в качестве смысловой основы взаимодействия участников общественного диалога [Fairclough, Fairclough 2012; Лукьянова, Толочин 2019]. Ввиду того, что ценности связываются с вербальными моделями, фреймами, существующими в сознании человека и закрепленными с помощью словесных знаков [Fillmore 1985], эффективным инструментом исследования представляется лингвистический анализ.

В ходе исследования, проводимого в русле критического дискурс-анализа, было изучено 100 статей о протестах движения Black Lives Matter, отобранных в процессе работы с электронными архивами трех ведущих американских медиа (The USA Today, The New York Times, The Wall Street Journal).

В первую очередь была установлена базовая ценностная рамка (фрейм), в которую помещается протестная проблематика. Альтернативные варианты распределения социальной ответственности сталкиваются друг с другом в конкурентной борьбе за власть и влияние, но пространство для споров и дискуссий обеспечивает разделяемая базовая ценность, без которой диалог становится принципиально невозможен [Казаков 2023: 333]. Право на протест занимает важнейшее место в ценностной картине мира американского социума и гарантируется Первой поправкой к Конституции США. Убеждение в том, что любой гражданин США может выйти мирный протест, чтобы напрямую обратиться к правительству, разделяется всеми участниками лингвокультурного сообщества и закреплено в национальном самосознании. В связи с этим смысловой основой изученных статей, а также более широкого общественного диалога о протестах Black Lives Matter (BLM) в 2020 г., участниками которого являются медиа, выступает следующее дескриптивное ценностное суждение, отражающее естественную модель взаимодействия между социальными акторами: *The First*

Amendment guarantees Americans the right to peacefully protest and petition the government, which permits meaningful social change. Это суждение, как и идеологические суждения ниже, реконструировано с помощью лексико-семантических маркеров, обнаруженных в текстах, которые отсылают к ценности протеста (*First Amendment activities, Americans on American streets, legacy of protesting inequalities in the U.S.*), обозначают участников модели (*protesters, demonstrators, officials*) и их типичные действия (*to march, to demand, to reform*).

На основе вышеописанной дескриптивной ценностной модели, служащей общей почвой для дискуссии по этому общественно значимому вопросу, возникают прескриптивные модели ее реализации и поддержания в случае ценностного конфликта, обусловленные определенной идеологией. Идеологическая модель формируется за счет способа представления ситуации конфликта, репрезентации социальных акторов и выдвигаемых решений, которые проявляются на языковом уровне посредством ряда идеологических маркеров и оценочных лексических элементов.

Издание *The USA Today* продвигает модель, названную нами «Протест прямого действия»: *Black Americans and their allies should practice nonviolent forms of direct action to fight against police brutality and establish social justice.* Ценностный конфликт, раскрываемый в текстах этого издания, состоит в том, что право на протест, заложенное базовым суждением, нарушается, и законные протесты сторонников движения BLM жестко подавляются такими негативно оцениваемыми акторами как власти и полицейские («*police violence*»; «*use of excessive force*»; «*the federal government unleashes paramilitary forces against its own people*»). Ответственными, положительно оцениваемыми акторами в рамках модели назначаются угнетаемые чернокожие американцы, и те, кто поддерживает их в борьбе против полицейского насилия и системного расизма. Идеологическая модель рассматривает различные формы так называемого «прямого действия» (*direct action*), а именно гражданское неповиновение («*civil dissent*»), рисование граффити («*street paintings across the US*»), перекрытие дорог и улиц («*blocked bridges to traffic, shut down a city block to host an impromptu block party, organized a massive sit-in*»), как необходимые для привлечения внимания к острым расовым проблемам («*physically stopping society to run business as usual is the power of protest*»), перераспределения финансирования в пользу уязвимых меньшинств («*invest money into poor communities of color toward quality education systems, access to affordable housing and health care*») и внедрения серьезных системных реформ («*a complete overhaul of legal and political systems*»). Приоритетными ценностями, на которые нацелено издание, являются социальная справедливость («*social justice*») и расовое равенство («*equity, racial equality*»). Такие ценности характерны для прогрессивной политической позиции [Pew Research Center 2021].

Статьи *The New York Times* прагматически направлены на продвижение модели «Протест по инициативе снизу»: *Activists should take up responsibility for organizing protests and together with the authorities make every effort to deescalate tensions, avoid acts of violence and maintain the atmosphere of constructive cooperation.* Описываемый в статьях издания ценностный конфликт заключается в том, что

нормальное осуществление права на протест становится невозможным из-за радикалов, которые провоцируют полицейских и насильственными действиями дискредитируют мирных протестующих и само движение BLM («*undermined by agitators trying to sabotage it*»; «*discredit the protest movement and its goals*»). Ответственными акторами должны выступить активисты и местные лидеры, которым следует тщательно организовывать «инициативу снизу» («*grass-roots organizing*»; «*signing up volunteers, holding trainings and making sure people had a ride or gas money to get to the multiple daily protests*»), призывать протестующих не прибегать к насилию («*keep things peaceful and focused on the Black Lives Matter cause*») и разрабатывать реформы совместно с властями («*working to change the city's courts, police policies and political leadership*»). Эта модель делает акцент на ценности конструктивной дискуссии и кооперации между властями и гражданами («*discuss ideas for police reform*»; «*reach an agreement with demonstrators*», «*negotiate change*»). Такие ценностные ориентиры соотносимы с либеральной позицией [Graham, Haidt, Nosek 2009].

В The Wall Street Journal мы находим модель «Протест в рамках закона»: *The authorities and the police should manage protest activity to maintain law and order and ensure that protests do not affect the safety of citizens*. В сердце конфликта, представленного в статьях, находятся политические группы («*advocacy groups*»), в том числе движение BLM, которые используют протесты в своих интересах и агрессивно, прибегая к насилию, требуют перераспределения полицейского бюджета, что грозит вызвать кризис общественной безопасности («*violence and property damage*»; «*the pressure from activists*», «*push for reallocating police department funding*»). Авторитетные акторы, власти и полиция, должны взять на себя ответственность по контролю мирного осуществления протестной активности, не идя на поводу протестующих, но и не нарушая их права на протест («*defend federal property*»; «*tamp down protests*»). Издание ориентируется на такие ценности как порядок и безопасность («*public safety*», «*the safety of communities*», «*order*»), что свойственно консервативной позиции [там же].

Таким образом, чтобы выявить продвигаемую в тексте или текстах идеологическую модель, необходимо в первую очередь установить ценностную рамку, на основе которой идет обсуждение и формулируется конфликт. Способ представления ситуации конфликта, репрезентация социальных акторов и выдвигаемые решения, реализуемые через ряд лексико-семантических маркеров, указывают на определенную идеологическую перспективу. Представляется, что предложенный аналитический метод позволяет проводить четкие идеологические различия, укорененные в отличных предпочтениях в сфере общественного устройства, между группами текстов, описывающих одни и те же общественные явления.

Литература

Казаков И.В. Происхождение и классификация политических идеологий: междисциплинарный подход // Политическая наука. 2023. № 1. С. 322-337.

Лукьянова Е.А., Толочин И.В. Ценностные суждения и смысловая организация общественно-политической дискуссии // Ценностная картина мира англоязычного социума. СПб.: СПбГУ, 2019. С. 204-213.

Fairclough I., Fairclough N. Political Discourse Analysis: A Method for Advanced Students. London, New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2012.

Fillmore C. Frames and the semantics of understanding // *Quaderni di Semantica*. 1985. No. 6. Pp. 222-254.

Graham J., Haidt J., Nosek B.A. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations // *Journal of personality and social psychology*. 2009. No. 96 (5). P. 1029.

Lukin A. Ideology and the text-in-context relation // *Functional Linguistics*. 2017. No. 4. Pp. 1-17.

Pew Research Center Beyond Red vs. Blue: The Political Typology. 2021. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2021/11/09/beyond-red-vs-blue-the-political-typology-2>.

van Dijk T.A. Ideology: a multidisciplinary approach. London: SAGE Publications, 1998.

*Assol A. Vlasova (Saint Petersburg, Russia)
ITMO University*

IDEOLOGICAL MODELS IN AMERICAN MEDIA DISCOURSE

The paper proposes a methodological tool that allows to identify ideological models functioning in a national conversation in media texts. Articles from mainstream American media covering Black Lives Matter protests are studied and three models of protest are described. The values reflected in the models correspond to the progressive, liberal and conservative political stances.

Key words: critical discourse analysis, media discourse, ideological models, values

*A.A. Водяницкая (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
vodyanickayaaa@mgpu.ru*

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРСА СОВРЕМЕННЫХ ЭКСПАТОВ: ОБРАЗ РОССИИ

Работа посвящена анализу лингвоаксиологических аспектов дискурса современных экспатов, проживающих в России. На материале 16 фильмов, повествующих о жизни экспатов, проведена категоризация ценностно значимых аспектов их профессиональной и повседневной деятельности в нашей стране. Как показал анализ эмпирической базы, к основным ценностям экспаты относят характер русских людей, традиции, возможности для образования и профессиональной деятельности в России, русскую кухню, архитектуру и природу, а также возможности реализовывать творческий потенциал.

Ключевые слова: ценности, аксиология, экспаты, дискурс, ценностное отношение

В настоящее время лингвоаксиологические исследования дискурса частотно становятся объектом изучения лингвистов [Сулейманова 2017; Suleimanova, Vodyanitskaya 2020]. Дискурс экспатов (от английского *xpatriate*, т. е. живущий за пределами родины) как часть миграционного дискурса исследуется в связи с аксиологическими [Дубовский, Заграевская 2017] и педагогическими [Жуковская 2020] аспектами.

В качестве предмета нашего исследования выступают лингвоаксиологические аспекты высказываний современных экспатов о России. Материалом исследования послужили фильмы проекта «Не иностранец», в которых рассказываются «истории о тех, кто любит Россию, для кого Россия стала второй Родиной, кто приехал, сменил климат, образ жизни и постепенно становится русским» [Не иностранец

(vmeste-rf.tv): URL], а также фильмы проекта «Выпускники России» [Выпускники России (youtube.com): URL].

Методика исследования включает несколько этапов: снятие скриптов 16 фильмов; выделение оценочных высказываний в адрес России и русских в речи героев фильмов; типологизация оценочных высказываний с учетом объекта, основания оценки и других ее структурных элементов [Вольф 2006]; анализ ценностной составляющей нарратива экспатов в России.

Как показал анализ, в качестве объекта оценки в фильмах выступают русские традиции, характер русских людей, российское образование, возможности для жизни в России, особенности изучения русского языка, архитектура и природа, а также кухня.

Отметим, что ценностное отношение экспатов к России и русским прослеживается на первом этапе ознакомления с фильмами, а именно в их названиях, представленных в форме цитаты «Где, как не в России работать и развиваться?» (В. Аль-Нашаш, Иордания); «Россия – страна с огромными возможностями» (Дэвид Хендерсон-Стюарт, Великобритания); «Люблю общественный транспорт, медицину и людей» (А.Л. Эстевес, Бразилия); «В русской культуре закреплено братство» (С. Свенсон, Германия); «С русскими легко говорить о важном» (С. Окснер, США).

Описывая характер русских людей, экспаты отмечают силу и мощь русского духа, *готовность преодолевать любые трудности*, что особенно ярко показано в используемой представителем Иордании В. Аль-Нашашем метафоре: *Однажды я поехал непосредственно на завод и увидел, как варят чугуны, как работают сварщики. И я почувствовал температуру, но не от стали, которая там варится, а от работников* (В. Аль-Нашаш, Иордания).

С этими ребятами я прошел через лед и пламя. 12 лет я прожил в России. Я обрусел (В. Аль-Нашаш, Иордания).

Другим ценностно значимым параметром русского характера для экспатов является *высокий уровень ответственности* русского человека: *Российские мужчины более самостоятельны. Мужчины здесь готовы брать на себя ответственность. Они не боятся семьи и детей* (хореограф А.Л. Эстевес, Бразилия).

Русские научили меня быть ответственной, дисциплинированной (М. Рубалкаба, Куба).

В большинстве проанализированных примеров подчеркивается готовность русских людей помочь и поддержать друга в беде: *В Японии друзья нужны только для похода в кафе, приятного времяпрепровождения. В России я растянула связки на ноге, и мама моей подруги помогла мне с лекарствами и поддерживала* (балерина К. Карита, Япония).

Приведем еще ряд примеров: *В Бразилии дружба – это веселье. В России с друзьями может не быть постоянно весело, но вас точно поддержат* (журналист Ана Ливия Эстевес, Бразилия).

Русские очень очаровательные очень гостеприимные очень эмоциональные... Русские намного более эмоциональные, больше переживают и все это

связано с душой (глава крупного российского часового завода Д. Хендерсон-Стюарт, Великобритания).

Переводчик Д. Лоуэнфельд, который перевел на английский язык такие произведения как «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, «Несвятые святые» Т. Шевчунова, стремится передать русский характер в переводе: **Столько тепла, столько любви и столько юмора – вот эта черта, она тоже должна быть показана** (Д. Лоуэнфельд, США).

Среди **русских традиций** выделяют дачу и собирание грибов (К. Эштон, Великобритания), русскую баню, тосты: **«Я очень люблю все традиции, связанные с русской баней, что там кушаем, болтаем часами это очень-очень мне нравится. Я полностью тоже вошел в традицию тостов»** (Д. Хендерсон-Стюарт, Великобритания).

Экспаты отмечают высокий уровень образования в России. Так, описывая успехи своего сына в математике, Д. Хендерсон-Стюарт подчеркивает: **«У русских очень высокий уровень математики, и это, правда, просто благодаря математическому обучению, которое он получил в России, его уровень был намного выше, чем уровень детей такого же возраста в Англии, он сделал за 20 минут то, что они должны были написать за два часа»** (Д. Хендерсон-Стюарт, Великобритания).

Большинство экспатов отмечают как ценность красоту природы России.

«Я очень хочу побывать на Байкале. Говорят, там действительно красиво. И я тоже хочу посетить Владивосток» (К. Карита, Япония).

Среди **архитектурно значимых объектов** экспаты выделяют красоту российского метро (К. Эштон), масштабность зданий: **«Япония – маленький остров. И из-за этого в Японии все так туго. Улицы узкие, и между домами может быть 5 мм. Потолок обычно тоже очень низкий. Мне там очень туго. А здесь, в России, здания огромные, широкие улицы, все ездят свободно»** (К. Карита, Япония).

«В России самое красивое метро в мире» (писатель и преподаватель английского языка К. Эштон, Великобритания).

С **точки зрения традиций русской кухни** экспаты как ценность отмечают, что отдают предпочтение именно русской кухне (холодцу, пельменям, борщу). Кроме этого, многие подчеркивают, что научились готовить: **И я очень люблю готовить. Сам готовлю много русских блюд: борщ, пельмени, чебуреки (пчеловод Б. Форестер, Швейцария (проживает в Переяславле-Залесском, вступил в казачество))**.

Среди возможностей для творческой реализации экспаты выделяют возможность исполнять песни: **Вот эта казачья песня мне очень нравится. Ну, конечно, я хочу учиться лучше петь. Песни могут за душу тронуть, у швейцарских песен такого нет»** (Б. Форестер, Швейцария).

Выводы

Как показал анализ, рассмотренные фильмы представляют ценный источник для изучения жизнедеятельности экспатов как с лингвоаксиологической, так и с лингвокультурологической точек зрения, поскольку все экспаты рассказывают о

своей жизни в России на русском языке. Большинство из них владеет разговорным русским языком, тогда как, например, К. Эштон пишет книги на русском языке («Извините, я иностранец»). С лингвистической точки зрения, выделенные ценностные аспекты выстраиваются с помощью метафор, сравнений; широко используется контраст. Герои фильмов маркируют ценностное отношение к России и русским с помощью высказываний *мне нравится, я особенно люблю, для меня важно* и других.

Как представляется, перспективу исследования составит дальнейшее изучение лингвоаксиологических аспектов жизни экспатов в России. На данном этапе был проанализирован устный дискурс экспатов. Наряду с этим интерес представляет литературное творчество экспатов, где они раскрывают свое отношение к России в формате микробологов, интервью (серия бесед с экспатами в рамках проекта «Шекспир плачет»), опубликованных книг и других ресурсов. Так, например, в книге Крейга Эштона «Извините, я иностранец», детально анализируется гимн Российской Федерации с аксиологической точки зрения; рассматриваются особенности изучения русского языка с различными примерами и пояснениями.

Таким образом, дискурс экспатов является ценным источником для анализа лингвоаксиологических аспектов восприятия России и русских представителями различных лингвокультур.

Автор выражает благодарность доктору филологических наук, профессору кафедры языкознания и переводоведения ИИЯ МГПУ, Профессору года федерального уровня-2023 Ольге Аркадьевне Сулеймановой за советы и рекомендации в ходе проведения исследования.

Литература

- Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М.: УРСС; КомКнига, 2006.
- Дубовский Ю.А., Заграевская Т.Б.* Модель исследования аксиологического образа мигранта в русской лингвокультуре Северного Кавказа // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017. № 4. С. 81-90.
- Жуковская А.А.* Дистанционное обучение экспатов русскому языку как иностранному // Вестник МГПУ. Серия: педагогика и психология. 2020. № 4 (54). С. 106-113.
- Проект «Не иностранец».* URL: Не иностранец (vmeste-rf.tv).
- Сулейманова О.А.* К вопросу о нормативности письменного академического дискурса // Вестник МГПУ. Серия: филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 2 (26). С. 52-61.
- Официальный канал Всемирной ассоциации выпускников России. URL: AlumniRussia – YouTube.
- Suleimanova O.A., Vodyanitskaya A.A.* Interfering Discourses in Academic Dialogue Evolution // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Vol. 95. Pp. 952-961.

Albina A. Vodyanitskaya (Moscow, Russia)
Moscow City University

LINGUOAXIOLOGICAL ASPECTS OF THE DISCOURSE OF MODERN EXPATS: THE IMAGE OF RUSSIA

The paper focuses on the analysis of linguo-axiological aspects of the discourse of modern expats living in Russia. The analysis of 16 films on expats' life in Russia revealed which aspects of their life in our country they consider most significant and valuable. Among them are: the character of Russian people, traditions, opportunities for education and professional career in Russia, Russian cuisine and

opportunities to realize creative potential.

Key words: values, axiology, expats, discourse, attitude

Ю.А. Воронцова (Белгород, Россия)

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина

vorontsova73@mail.ru

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ТРОЛЛИНГА В КОММЕНТИРУЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ

В статье рассматривается троллинг как коммуникативная стратегия конфликтного речевого поведения в Интернет-комментарии. Выявляются тактики и тактические приемы, актуализирующие деструктивный характер комментирующих высказываний. Отмечается, что Интернет-комментарий как инструмент общения в виртуальной среде обладает высоким потенциалом для развития коммуникативного конфликта.

Ключевые слова: Интернет-комментарий, коммуникативная стратегия, конфликтное речевого поведение

Интернет-комментарий как неподготовленный и неформальный способ общения в виртуальной среде, основанный на взаимодействии пользователей, составляет неотъемлемую часть многоаспектной системы Интернет-дискурса, поэтому он обладает высоким потенциалом для развития коммуникативного конфликта.

Ситуативный характер; разнородность коммуникантов; анонимность; устно-письменный характер коммуникации; отсутствие барьеров в процессе речевого взаимодействия (сокращенная коммуникативная дистанция); статусное равноправие коммуникантов; аттрактивность; неограниченное количество участников (полилогичность); асинхронность; коллоквиализация общения и другие релевантные дискурсивные характеристики сетевой коммуникации обусловили характер выбора стратегий и тактик Интернет-комментария. Сфокусируем внимание на деструктивной стратегии троллинга, чаще всего реализуемой в виртуальной дискурсивной практике. Материалом для исследования стали комментирующие высказывания к новостным, развлекательным сообщениям, опубликованным в социальной сети ВКонтакте (орфография и пунктуация авторов комментариев сохранены).

Троллинговая стратегия опирается на тип коммуникативного поведения, *приводящего к конфликтному взаимодействию, основанному на способе ведения диалога в агрессивной, издевательской, провокационной, оскорбительной манере. Данная коммуникативная стратегия относится к группе конфликтных, так как используется для достижения перлокутивного эффекта обидеть, унижить, понизить статус оппонента, дискредитировать и т. п.*

Для троллинговой стратегии характерно игнорирование принципов вежливости, отсутствие рациональной аргументации, выражение собственного мнения и его установка как общепринятого факта. Например, в группе ВКонтакте «Честный список | Белгород» задан вопрос для управляющей компании. Хочу понять, что происходит с отоплением. Верните тепло в мою квартиру. Холод собачий. Комментарии: К 1: *На горячую линию мэру напиши.* К 2: *Кто так*

мер? Кто меры принимает? К 3: Затупок пиши в управляющую компанию, но не сюда, идиотка!

Использование императива в рамках тактики речевого воздействия (*На горячую линию мэру напиши*), приема языковой игры как тактического инструмента для создания остроумного высказывания, оживления дискуссии (*Кто так мер? Кто меры принимает?*), лексических единиц с отрицательной коннотацией (*затупок, идиотка*), характерных для тактики оскорбления, обусловлено необходимостью выразить различные намерения участников виртуальной коммуникации, т. е. построить общение таким образом, чтобы развести смыслы по разным категориям оценки, которая включает деструктивные и конструктивные проявления, и «укладывается в такой оценочный ряд: провокация, подстрекательство, издевательство, оскорбление, шельмование <...>, оживление дискуссии, интеллектуальная игра» [Синельникова 2016: 271].

В Интернет-комментариях троллинговая стратегия может реализовываться в разновекторных тактиках. Например, в группе Вконтакте «Mash | Мэш» размещена информация о том, что очередную жертву телефонных террористов задержали в Саратове. Бедолага поверил «капитанам полиции» и выбил страйк: взял кредит, перевел деньги на «безопасный счет» и поджег подъезд. <...> Балбеса задержали и возбудили на него уголовное дело по статье «Теракт». Комментарии: К 1: *Это же надо таким идиотом быть.* К 2: *Ладно бы пенсионеры они доверчивые, а тут 21 год жертва тик тока.* К 3: *Отброс.* К 4: *Разве бывает такая непродвинутая молодежь.* К 5: *Дураков по определению больше. В любом поколении...* К 6: *Кто вас делает таких глупых?* К 7: *Ну что вы пристали, ну не все люди умные. В МММ тоже бабки носили.* К 8: *Это не жертва, а тупой козел.* К 9: *Надо было дол...ом, чтобы не имея денег взять кредит и перевести просто потому, что кто-то позвонил, мне кажется даже дети в детском саду знают эту схему мошенничества, но нет...* К 10: *Дебил.* К 11: *Видать совсем болезный юноша... Скучно ему жилось наверное. Проверить бы его головушку на адекватность... Может его в дурку надо, а не нары.* К 12: *Прекрасное время, кстати. Все недоумки себя проявят.* К 13: *ФСБ красавчики, такого Джеймс Бонда поймали!!! Операция века!!! Бесподобно!!! Фантастика!!! Шедеврально!!!* К 14: *«А если дуб как дерево родишься баобабом...».* К 15: *Ну реальный балбес! Ох, щедра матушка Русь – никогда не оставит нас без идиотов!* К 16: *Включайте Штирлица.* К 17: *Есть же идиоты.* К 18: *Дур@к в квадрате.* К 19: *Придурок.* К 20: *21 год, ума нет.* К 21: *Такой молодой и такой глупый.*

Контент вызывает отклик читателей и дискуссию в комментариях. Коммуникативная тактика сотрудничества ставит задачу объединить комментаторов, это реализуется с помощью тактического приема единения и проявляется в создании смыслового и эмоционального единства при репрезентации негативной оценки описываемого поступка, в подкреплении аргументом «несоответствие возраста и поведения», тем самым выстраивается матрица взаимопонимания между всеми участниками коммуникации. Параллельно с тактиками сотрудничества и единения пользователи используют тактику оскорбления, основанную

на оскорбительных высказываниях эксплицитного (*глупый, дебил, балбес, недоумок, болезненный юноша, тупой козел* и др.) и имплицитного типа (*непродвинутая молодежь, не все люди умные, А если дуб как дерево родишься баобабом... и др.*), умаляющих интеллектуальные качества героя информационного материала. Подобная деструктивная коммуникативная деятельность комментаторов основана на одинаковом дискурсивном понимании, это порождает единство в вынесении и принятии отрицательной оценки относительно поведения, чтобы подчеркнуть ответственность личности за порицаемый поступок. Следует заметить, что коммуникативная позиция некоторых пользователей выражается прецедентными феноменами (*Джеймс Бонд, Штирлиц, Человек-Паук, А если дуб как дерево родишься баобабом...*), что обусловлено их способностью реконструировать имплицитные смыслы, которые включаются в содержание общего семантического пространства. Подобные реплики-комментарии ориентированы на фоновые знания других участников виртуального общения.

В рамках троллинговой стратегии могут быть использованы одновременно несколько коммуникативных тактик. Например, В группе Вконтакте «Сама женственность. Юмор. Вдохновение» размещено интервью Валентины Рубцовой, которая рассказала и показала, как изменились они с мужем за годы совместной жизни. Комментарии: К 1: *Как это ей 46 лет? Я в шоке.* К 2: *Амлуа-травести, маленькая собачка до старости щенок.* К 3: *Травести – это актриса играющая мальчиков.* К 4: *Маленькая собачка до старости щенок.* К 5: *А жизнь то обоих потаскала.* К 6: *Нужно краситься!* К 7: *Вот почему многие пишут, если мелкая, то молодо выглядит? Да не выглядит она молодо. Сухая, худощавая. Где тут молодо?* К 8: *Точно звезда?* К 9: *А ядом брызжут одни красавицы.* К 10: *Это нормально из чата в чат... диванные критики, самая охренительная ветвь, красивее и умнее.* К 11: *Похоже у вас куча комплексов.* К 12: *Сериял стремный, для имбецилов, как можно смотреть.* К 13: *Ну все тут такие добрые в комментариях, капец.* К 14: *Терпеть ее не могу, отвращение вызывает.* К 15: *Что так? Почему? Вроде приятная.* К 16: *Красивая???? Точно не про нее.* К 17: *У вас комплекс неполноценности?* К 15: *Похоже это у вас куча комплексов.* К 18: *Все бы ничего, но в 40 лет играть 20-ти летнюю перебор конечно. Ее как не гримеруй сорокет просвечивает.* К 17: *Ты где этого старого ... нашла? Хотя и сама далеко не красotka...* К 16: *Думайте иногда, что пишете.* К 17: *Не тупи...*

Основная тема статьи связана с долгосрочными семейными отношениями, однако вступающие в обсуждение участники предлагают новый ракурс комментирования события, касающихся внешности, ролей в кино и т. д. Реплики-комментарии порождают реакции, выражающие согласие или возражение, происходит навязывание своего мнения, позиции, тем самым возникает своеобразный полилог-дискуссия, в основе которой лежит речевой конфликт, детерминированный когнитивными разногласиями участников виртуальной коммуникации, изначально являющихся носителями разных убеждений, представлений и т. д. Полилог приобретает характер взаимных обвинений и оскорблений. «Нормонарушающий характер общения всегда связан с риском провоцирования конфликтных языковых ситуаций, т. е. конфликтов знаний, мнений, интерпретаций» [Болдырев 2023: 21].

Фокусирование на разных смысловых элементах интерпретации информации порождает разновекторную оценку (*приятная / не красотка*). В комментариях разными участниками оцениванию подвергаются физические характеристики героя информационного сообщения. Концептуальный признак «непривлекательность» выражается лексическими, фразеологическими и грамматическими средствами явно (*сухая, худощавая, не красотка, не выглядит молодо, далеко не красотка, Где тут молодо?, «Красивая????»*) и косвенно (*Маленькая собачка до старости ценок*). При этом наблюдается категоричность отрицательной оценки. Дискуссия посредством троллинговой стратегии развивается в конфликтной манере и параллельно репрезентируется тактиками оскорбления и оценки.

Итак, достижение коммуникантами поставленных целей общения обеспечивается выбором и реализацией коммуникативной стратегии, которая не только составляет определенный сценарий поведения одного из коммуникантов в конкретных дискурсивных условиях, но и «организует и регулирует речевое поведение адресанта, подразделяя его на ряд подчиненных действий (ходов), объединенных прагматическими связями» [Молявина 2022: 98]. Коммуникативные стратегии и тактики в Интернет-комментарии основаны на *экспрессивно-оценочной форме речевого действия, нарушающего коммуникативно-прагматическую норму поведения участников общения*. В Интернет-комментарии присутствует конфликтный тип взаимодействия, основанный на троллинговой стратегии, которая конструируется репертуаром деструктивных тактик, направленных на понижение статуса коммуникативного партнера.

Литература

Болдырев Н.Н. Учет коллективного и индивидуального знания в бесконфликтной языковой коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3 (54). С. 21-27.

Молявина Е.А. Коммуникативная стратегия: природа, классификация и прагматика // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2022. № 7 (862). С. 94-99.

Синельникова Л.Н. Дискурс троллинга // Дискурс-Пи. 2016. № 3-4. С. 271-279.

Yuliya A. Vorontsova (Belgorod, Russia)

I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs in Russia

COMMUNICATIVE TROLLING STRATEGY IN COMMENTING STATEMENTS

The article considers trolling as a communicative strategy of conflict speech behavior in Internet comments. The tactics and tactical techniques that actualize the destructive nature of commenting statements are revealed. It is noted that Internet commentary as a tool of communication in a virtual environment has a high potential for the development of communicative conflict.

Key words: Internet commentary, communication strategy, conflict speech behavior

ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье исследуются возможности концептуального анализа текстов русской заговорной традиции и ее преломление в поэзии символиста К. Бальмонта. Делается вывод о том, что понимание и глубокое знание русской стихотворной заговорной поэзии, сохранение внешней семантико-смысловой и образной структуры не поддерживается другими уровнями текстовой организации произведения: ритмической, суггестивной, логико-формальной.

Ключевые слова: концептуальный анализ, интерпретация, семантико-смысловая и ритмическая организация текста, суггестия

Заговорная и заклинательная поэзия, в которой сосредоточены представления предков о магической силе слова – большая часть фольклорных жанров. В определенный период истории заклинания изучались с материалистической стороны, т. е. как предрассудки, которые давно пережили себя. Заговорная поэзия становилась предметом исследовательского интереса еще два века назад, ее изучали представители мифологической школы, лингвисты, культурологи и т. д. Проблемами речевого воздействия Б.Ф. Поршнев, Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, И.А. Стернин, О.С. Иссерс, Е.В. Шелестюк, Г.А. Копнина. Собственно специфика речевых формул заговоров становилась предметом изучения в трудах А.Н. Афанасьева, О.М. Фрейденберг, Н.И. Коноваловой, Е.Н. Елионской. Суггестивная лингвистика фиксирует, что фольклор изживает свою традиционную сущность как устное народно-поэтическое творчество и начинает трактоваться как народная магическая практика [Шуляк 2013: 31]. Именно с этой позиции рассматривает обрядовую поэзию М.В. Галушак, С. Толстая [Галушак 2019: 46; Толстая 2005]. Интерес автора лежит в русле изучения механизмов речевого воздействия на человека посредством речевых формул заговоров и ритмико-семантических фраз. Именно ритмическая организация заговоров позволяет говорить об их психофизиологическом воздействии, что не всегда прослеживается в попытках переосмысления этих текстов в художественных экспериментах авторов-символистов. Л.Г. Бабенко предлагает модель концептуального анализа текста, целью которого является обнаружение и интерпретация базовых концептов литературного произведения. В художественном тексте концепт формируется на синтагматической основе, и можно отчетливо определить его внутритекстовую природу несмотря на то, что концептуальное пространство текста формируется на высоком уровне абстракции на основе сращения общих признаков, вербализуемых на внешнем уровне текста словами и коллокациями одной семантической области, что обуславливает и определяет цельность его концептосферы [Бабенко 2004: 101]. Анализ лингвокультурологического концепта в заговорной поэзии и ее преломление во вторичных текстах предполагает также культурологию

ческую интерпретацию. Потому важно исследовать концепт как знак во взаимосвязи с окружающим миром и контекстом, с выходом в экстралингвистическую область психологии, этнографии, ритмологии и т. д. Важно также определить слоты, отражающие аллюзии на прецедентные тексты, культурные символы, что позволило бы верно интерпретировать элементы образно-поэтической структуры текста с позиции гипотетико-выводного знания о мире, которое лежит как в основе заговорной поэзии, так и в различных ее обработках. Это позволит зафиксировать вероятностный фрагмент ментального мира, формирующийся в сознании реципиента. [Кубрякова 2000].

Изучение структуры поэтического сборника «Жар-птица», исследование образной структуры стихотворения, мифопоэтический и структурный анализ произведения символиста помогают выявить ключевые идеи произведения. В «Жар-птице...» Бальмонт, по его словам, стремился по известным отрывкам былин, заговоров, мифов собрать психологический портрет древних славян. Цикл из 119 стихотворений объединен в 4 раздела: 266 «Ворожба», о славянских легендах и преданиях – «Зыби глубинные», о русских былинах – «Живая вода», о языческих мифах славян – «Тени богов светлоглазых». [Галактионова 2021: 265].

Творческое переосмысление заговоров – устойчивый интерес поэта-символиста. Он не только переосмыслил русские народные заговоры, находясь в очередном кругосветном путешествии, но и создал книгу «Белый зодчий», куда вошли малайские заговоры.

Опыты Бальмонта подвергались критике еще в период выхода сборников; не изменилось мнение об этом и в современных исследованиях: поэт не придерживался правил заговорной поэтики, скрещивал функции мифологических объектов и т. д. Собственно, именно эксперименты символиста Бальмонта 1905-1907 гг., и сборник «Жар-птица» послужили в журнале «Весы» поводом для дискуссии о формах освоения литературой мифопоэтических традиций [Коровашко 2009]. Бальмонт стремился воссоздать мир психологических переживаний древнего славянина. Этим обусловлен интерес к работам А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» и Е.В. Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила», к сочинениям Всеволода и Ореста Миллера, Ф.Е. Корша, Ф.И. Буслаева. Идея мифореконструкции может быть признана общей для символистов [Парочкина 2016: 21]. В Брюсов отказал поэту во вкусе и способности к подлинному поэтическому переживанию, источником которого стала заговорная поэзия. Однако в канве фольклорного текста авторский замысел не сосредоточен именно на суггестивном воздействии, но является оригинальной стилизацией народной поэзии. Бальмонт изучил книгу Сахарова «Сказания русского народа», и 19 заговоров стали предметом его творческой переработки. Были проанализированы тексты заговоров, и особое внимание мы сосредоточили на следующих тематических группах: хозяйственные заговоры – «Заговор на посадку пчел в улей», заговоры охранительные», «Заговор ратника» и «Заговор от металлов и стрел». Для них характерно дословное воспроизведение речевых формул, последовательное сохранение логики заговора, повторы, но отсутствует присущая заговору ритмико-тональная основа. Поэт не стремится соблюдать все аспекты реализации магической

функции языка предельно точно. Номинативный аспект наиболее полно отражен, поскольку создает внешний облик поэтического текста и прямо отсылает к прецедентному тексту: он использует слова с фиксированным образно-символическим значением, концептуально наполненные. В меньшей степени затронут предикативный аспект, определяющий особую синтагматику лексических единиц, но тем не менее стремящийся отразить мифологическую опору на причинно-результативное мышление. Бальмонт полностью переосмысливает психоэнергетический аспект заговорной традиции, его суггестивное воздействие. Здесь нарушение ситуации провозглашения заговора, его потенциальная возможность влиять на активизацию ассоциативных и эмоциональных связей, возможно, обусловлены собственнотечкой манерой К. Бальмонта, который много выступал со своей поэзией и особой формой декламации, характерной для начала XX в. Разрыв между традиционной заговорной ритмикой и сложившейся традицией публичных выступлений выступает мотивом нарушения ритмической организации стиха и исключает произведения символиста из суггестивной заговорной поэзии.

Литература

- Бабенко Л.Г.* Филологический анализ текста: Теория. М.: Академический проект, 2004.
- Бальмонт К.Д.* Жар-Птица. М.: Скорпион, 1907.
- Галактионова Н.А.* «Славянское древо» К. Бальмонта как отражение единства славян и их представлений о мироустройстве // Новое и традиционное в переводоведении и преподавании русского языка как иностранного сборник статей. Баня-Лука: Панъевропейский университет «Апейрон», 2021. С. 264-272.
- Галуцак М.В.* Сопоставительный анализ речевых формул заговоров и ритмов Е.Д. Марченко // Вестник Курганского гос. ун-та. 2019. № 1. С. 45-49.
- Коровашко А.* Заговоры и заклинания в русской литературе XIX–XX веков. М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2009.
- Кубрякова Е.С.* О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь и речевая деятельность. М., 2000.
- Парочкина М.М.* Мифопоэтические и фольклорные корни поэзии К. Бальмонта // Научные ведомости. Серия: гуманитарные науки. 2016. № 28 (249). Вып. 32. С. 20-27.
- Сахаров И.П.* Сказания русского народа. М.; Берлин: директ-Медиа, 2021.
- Толстая С.М.* Ритм и инерция в структуре заговорного текста // Заговорный текст. Генезис и структура. М.: Индрик, 2005. С. 292-309.
- Федорова Н.И.* Русский народный заговор от недуга в зеркале психолингвистики // Вестник Башкирского ун-та. 2014. Т. 19. № 2. С. 528-532.
- Шуляк С.А.* Аспекты исследования классификации текстов-заговоров // Балтийский гуманитарный журнал. 2013. № 1. С. 31-33.

Nelly A. Galaktionova (Tyumen, Russia)

*Tyumen Higher Military Engineering Command Order of Kutuzov School
named after Marshal of Engineering Troops A.I. Proshlyakov*

RITUAL POETRY AND ITS INTERPRETATION IN POETIC TEXT

The possibilities of conceptual analysis of texts of the Russian conspiracy tradition and its refraction in the poetry of the symbolist K. Balmont are being investigated. It is concluded that the understanding and deep knowledge of Russian poetic conspiracy poetry and the preservation of the external semantic-semantic and figurative structure is not supported by other levels of textual organization of the work: rhythmic, suggestive, logical-formal.

Key words: conceptual analysis, interpretation, semantic-semantic and rhythmic organization of the text, suggestia

*А.И. Герус (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
a.gerus@spbu.ru*

СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕКСТОВ ШЕКСПИРА: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ КОММУНИКАЦИИ

В статье исследуется использование механизма интертекстуальности в художественном тексте на материале романа М.Л. Рио «If We Were Villains» (2017). По результатам анализа выявлено, что интертекстуальность в художественном тексте может использоваться для реализации следующих функций: эстетической, структурной, характерологической, сюжетообразующей.

Ключевые слова: интертекстуальность, прецедентный текст, художественный текст, контекст, темная академия

Во времена стремления к максимальной емкости при передаче информации интертекстуальность остается продуктивным механизмом коммуникации, поскольку прецедентный текст — «единица осмысления человеческих жизненных ценностей сквозь призму языка с помощью культурной памяти», значением которой является «репрезентация какого-либо культурно значимого текста» [Костомаров, Бурвикова 1996: 297]. Такие единицы формируют когнитивную базу реципиента и служат для порождения и декодирования новых смыслов: «при декодировании интертекстуальных включений языковая структура отсылает реципиента к фреймам, т. е. к прецедентным текстам, которые, превратившись в многоплановую когнитивную единицу, вызывают у реципиента различные образы и понятия» [Лукшик 2010: 54-55]. Интертекстуальность, таким образом, состоит в смене субъектов речи, благодаря которой «значительно повышается импликационный и модальный потенциал текста и самый текст оказывается звеном в общей цепи культурного общения человечества» [Арнольд 79: 2002].

Материалом для исследования механизма интертекстуальности послужили содержащие интертекстуальные включения фрагменты романа американской писательницы М.Л. Рио «If We Were Villains» (2017), в котором методически применяются все аспекты жанра темной академии, тесно связанного с жанром кампусного романа [Амоако 2022; Nguyen 2022]. Темная академия (англ. *dark academia*) – явление массовой культуры, в рамках которого эстетизируются и романтизируются академическая среда, образование в области гуманитарных наук и искусств, элитарность знания, классическое искусство и соответствующая атрибутика. Литературные произведения в рамках жанра, отправной точкой для которого послужил роман Донны Тартт «The Secret History» (1992), характеризуются комбинацией следующих тропов: закрытое учебное заведение, группа связанных общими интересами обучающихся и загадочная смерть.

В центре сюжета романа «If We Were Villains» находятся семеро студентов академии Деллехера, где в закрытой от окружающего мира обстановке будущие

драматические актеры самозабвенно погружаются в изучение и постановку произведений Уильяма Шекспира – фундаментальной для эстетики темной академии фигуры: «*Dellecher was less an academic institution than a cult*» [Rio 2017]. Корпус пьес одновременно используется как определитель единого поля прецедентных текстов для самих персонажей и ограничитель источников интертекстуальных включений для читателя, ведь «в основе восприятия художественного слова лежит диалог писателя с читателем, творческое понимание которого обусловлено его культурой, содержанием его тезауруса, его личностью и окружающей его действительностью» [Арнольд 2002: 73]. По И.В. Арнольд, цитата представляет собой нечто наподобие линзы первоначального контекста, через которую смотрит читатель [там же], и в этом смысле преднамеренное введение чужих слов в романе Рио становится значимым сразу на двух уровнях образно-смысловой структуры произведения: взаимодействия реципиента с художественным текстом и взаимодействия персонажей с окружающим их миром.

С точки зрения формальной структуры, прием интертекстуализации реализуется в заглавии романа, в последующем основном тексте, а также в способе организации самого текста. Интертекстуальное включение в заглавии имеет сильную позицию, и потому используемая автором деформация цитаты получает особое внимание реципиента, «иницируя герменевтическое прочтение текста, в процессе которого актуализуется активный интертекстуальный тезаурус» и даже вовлекает реципиента в языковую игру [Богданова 2020: 16]. Отделение компонента *as* союза *as if* не нарушает связь с прецедентным текстом, который предоставляет исходный ситуативный контекст для осмысления фразы, но изменяет формируемый с помощью данной связи итоговый смысл: придаточное образа действия, являющееся частью сложного предложения в реплике персонажа трагедии превращается в придаточное условия с союзом *if*, и о результатах реализации данного условия читатель приглашается узнать из дальнейшего повествования. Таким образом, при деформации интертекстуального включения в сознании реципиента не только актуализируется прецедентный текст, но и активируется механизм выявления смысловой значимости этой деформации.

Поскольку данный элемент образно-смысловой структуры романа имеет ключевое значение, автор далее по тексту предоставляет дополнительную возможность обратиться к формулировке, использованной в трагедии «Король Лир»: «*This is the excellent foppery of the world, that, when we are sick in fortune – often the surfeit of our own behavior – we make guilty of our disasters the sun, the moon, and the stars... as if we were villains on necessity; fools by heavenly compulsion; knaves, thieves, and teachers by spherical predominance; drunkards, liars, and adulterers by an enforced obedience of planetary influence; and all that we are evil in, by a divine thrusting-on!*» [Rio 2017]. Однако и в данном случае наблюдается намеренное изменение пунктуации – перед *as if we were villains* вводится дополнительное средство привлечения внимания читателя в виде многоточия, которое, безусловно, значимо для понимания персонажа, который произносит свою реплику.

Большинство интертекстуальных включений, хотя они и выделяются кур-

сивом для удобства распознавания в тексте романа, при этом не являются точными цитатами, а представляют собой художественную переработку, имитирующую осмысление прецедентных текстов и воссоздание их фрагментов во внешней и внутренней речи персонажей. Такая имитация становится продуктивной, ведь при соответствующих условиях «прецедентный текст, храня определенный изначальный смысл, обладает способностью, попадая в поле человеческого восприятия, обновлять и приумножать этот смысл» [Костомаров, Бурикова 1996: 298]. Модификация фрагментов прецедентных текстов способствует, с одной стороны, созданию более реалистичных образов, а с другой – становится средством воссоздания особенностей мышления персонажей, реализуя характерологическую функцию.

Воссозданию такого способа мышления во многом способствуют повествование от лица персонажа и изображение его внутренней речи, которые призваны показать непровольность актуализации фреймов, сформированных текстами Шекспира, в сознании Оливера даже десять лет спустя после событий, произошедших в академии Деллехера. Процесс актуализации фрейма в сознании Оливера можно проследить при его воспоминании образа воробья из трагедии «Гамлет» во время одной из ключевых сцен романа. Актуализация фрейма сначала проявляется во внутренней речи персонажа в виде разрозненных фрагментов прецедентного текста, а затем манифестируется в финальном фрагменте уже в реплике, обращенной к друзьям: «*Since no man knows aught of what he leaves, what is't to leave betimes?*» [Rio 2017]. Эта сцена позволяет проследить весь процесс от неосознанного сопоставления двух сходных ситуаций Оливером, скорость реакции которого замедлена шоковым состоянием, до вербальной реакции в виде фрагмента прецедентного текста, который мгновенно распознается другими персонажами и как конкретный эмоциональный отклик, и как указание на определенный тип ситуации, усвоенный ими из прецедентного текста. Это можно объяснить тем, что, как отмечает Ю.Н. Караулов, «прецедентные тексты, представляя собой готовые интеллектуально-эмоциональные блоки – стереотипы, образцы, мерки для сопоставления, используются как инструмент, облегчающий и ускоряющий осуществляемое языковой личностью переключение из «фактологического» контекста мысли в “ментальный”» [Караулов 2010: 220].

От количества интертекстуальных включений в речи персонажей складывается впечатление, что тексты Шекспира составляют значительную часть их общей когнитивной базы. Именно возможность разделить опыт посредством актуализации знакомого фрейма делает коммуникацию в группе столь успешной и желанной: «*How could we explain that standing on a stage and speaking someone else's words as if they are your own is less an act of bravery than a desperate lunge at mutual understanding? An attempt to forge that tenuous link between speaker and listener and communicate something, anything, of substance*» [Rio 2017].

Речь героев при этом часто оформляется в виде реплик, что характерно для драматических произведений. Повторяется структура драматического произведения и формальное строение романа – вместо глав текст разделен на акты, каждый из которых содержит пролог и сцены, а последний акт также эпилог. Прологи и

эпилог перемещают читателя на десять лет после периода описываемых в сценах событий. Такая композиция обрамления исповеди Оливера представляется органичной, ведь она так же привычна для персонажа, как и образы пьес Шекспира.

Таким образом, интертекстуальность в романе Рио «If We Were Villains» не только реализует эстетическую функцию, но используется на различных уровнях конструирования образно-смыслового единства художественного текста – от структуры до создания образов персонажей.

Литература

- Арнольд И.В.* Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта; Наука, 2002.
- Богданова К.В.* Лингвокогнитивные аспекты аллюзивности (на примере интертекстуальных включений в англоязычной массовой культуре): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2020.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 297-302.
- Лукиш Л.* Когнитивный подход к проблеме интертекстуальности (на примере немецких и венгерских рекламных текстов) // Вестник Московского ун-та. Серия 19: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 4. С. 52-59.
- Ataoko A.* Dark Academia's Roots Lie in the Campus Novel // JSTOR Daily. 2022. September 8. URL: <https://daily.jstor.org/dark-academias-roots-lie-in-the-campus-novel>.
- Nguyen M.* Nostalgia in dark academia // East-West Cultural Passage. 2022. 22 (1). Pp. 54-72.
- Rio M.L.* If we were villains. NY: Flatiron Books, 2017.

Alena I. Gerus (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

THROUGH THE LENS OF SHAKESPEARE'S TEXTS: INTERTEXTUALITY AS A MEANS OF COMMUNICATION

The article focuses on intertextuality as device employed in a literary text as it is presented in M.L. Rio's novel "If We Were Villains" (2017) containing intertextual inclusions. The analysis revealed that intertextuality in a literary text can be used to implement the following functions: aesthetic, structural, identifying, plot-forming.

Key words: intertextuality, precedent text, fiction, context, dark academia

Л.А. Говорова (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
govorovalilya@gmail.com
Л.В. Лебедев (Москва, Россия)
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
leoneedlebedev@gmail.com

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ МИГРАНТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА)

В статье исследуется когнитивное содержание используемых латиноамериканскими мигрантами коммуникативных стратегий в процессе межкультурного взаимодействия на неродном для них языке и проводится их лингвокогнитивный анализ на базе американского медиадискурса.

Ключевые слова: мигранты, латиноамериканцы, Latinos, дискурс, лингвокогнитивный анализ, коммуникативные стратегии, языковая игра

Известно, что, анализируя языковое сознание отдельно взятого этноса, можно обнаружить совокупность общих черт, отличающих описываемую языковую общность от других. Иначе говоря, полученный метакогнитивный опыт, мотивационно-прагматические и культурные установки, мировоззренческие доминанты и ценностные приоритеты носителей языка находят свое отражение в знаковых репрезентациях речеведенческой сферы [Радбиль 2018: 226-227].

На протяжении многих веков культурно-исторический опыт латиноамериканцев был сопряжен с тесным взаимодействием со множеством других лингвокультур (европейской, индейской, африканской, американской), что наложило отпечаток на особенности их самоидентификации и способов ее проявления, а также оставило свой неизгладимый след на их коллективной памяти. Принимая во внимание тот факт, что языковая идентичность латиноамериканцев органично связана со спецификой социокультурных и политических процессов, происходящих в их странах, а также учитывая их территориальную общность, мы считаем возможным рассматривать и систематизировать дискурсивные маркеры идентичности, обнаруживающиеся и встречающиеся на постоянной основе в речемыслительной деятельности латиноамериканских мигрантов, и анализировать их с позиций лингвокультурологии и когнитивистики.

«...Медийный дискурс, определяя особенности когнитивной парадигмы общества, становится объектом междисциплинарных исследований, а также является источником аутентичных текстов, содержащих сведения об этнокультурном коде» [Стародубова 2021: 26]. В связи с этим материалом для исследования послужило интервью на английском и испанском языках с известной медийной личностью *J Balvin*, который является представителем латиноамериканского языкового сообщества и в настоящий момент проживает на территории США.

Наблюдение за особенностями самовыражения латиноамериканских мигрантов в медийном дискурсе и лингвокогнитивный анализ их коммуникативного поведения на базе концептуальных представлений в сфере социальной и индивидуальной этики, религии и философии позволяют нам прийти к выводу о том, что *Latinos* в процессе межкультурного взаимодействия придерживаются трех основных тактик:

- упоминание своего происхождения;
- поиск и маркировка «своих»;
- обращение к родному языку и культурам, позволяющим занять доминирующую позицию в разговоре.

Представим отрывок недавнего интервью *J Balvin* из американского шоу «The Tonight Show Starring Jimmy Fallon», где ведущий первым обращается к приглашенной звезде (*J Balvin*) [YouTube]:

– *You sent me one of your Jordan Sneakers. Medellin Sunset.*

– *Medellin Sunset. Yes.*

– *Thank you for sending them to me, by the way.*

– *Thank you. Shout-out to Medellin, Colombia* (ред. Произносит названия на

испанском языке), *my country*.

– *Absolutely.*

– *So, the story about this is like, you know, I'm the first Latino that has their own Jordan. So, like, I used to dream to have Jordans, actually, because in Colombia it was hard to get them.*

– *To even have them!*

– *They didn't even have the money, right? ...And the beautiful thing about this one is like, I was in my house looking at the beautiful sunset, and I was like, «Colombia has such a beautiful sunset», especially the one from my city, Medellín. And I was like, «You know, I have the chance to put on my sneakers the name of my city and make sure I represent Latinos everywhere I go» So here is the Medellín Sunset Jordan 3s... (ред. Дискурсивная стратегия неоднократного упоминания своего происхождения).*

– *By the way, good for you for always remembering where you came from too and always giving a shout-out to Medellín, because don't ever forget where you come from, you know?... And I'm from Medellín (ред. Здесь можно наблюдать смену языковой стратегии ведущего и переход на юмористическую тональность для создания последующей языковой игры между ним и интервьюированным).*

– *Yes. Porque...like, remember...¿cuando estábamos, cuando crecíamos en Medellín, te acuerdas de eso o no te acuerdas? (ред. Переключение языкового кода на родной для звезды язык способствует тому, что J Balvin начинает говорить громче и вести себя более уверенно, занимая доминирующую позицию в разговоре).*

– *Sí, sí, sí.*

– *Exactamente. ¿Y te acuerdas que jugábamos fútbol y estábamos en el barrio todo el tiempo hablando y bailando reggaetón?*

– *Sí, sí, sí.*

– *Exactamente.*

Все это время публика, увлеченная языковой игрой, не перестает бурно реагировать и смеяться, что позволяет нам прийти к умозаключению о том, что среди присутствующих есть и другие представители латиноамериканского языкового сообщества, проживающие в США, которые владеют как английским, так и испанским языком.

Зная об ограниченности количества испанских речевых средств в лексическом запасе ведущего, J Balvin, обращаясь к нему, выбирает новую коммуникативную стратегию:

– *¿Tú sabes que me debes un millón de dólares?*

– *Uh...*

– *Me debes un millón de dólares. ¿Alguien sabe español por allí? (ред. Певец на испанском языке обращается к сидящим в зале в поиске «своих»).*

В ответ он получает согласие американской публики также на испанском языке и продолжает вести с ними диалог на испанском, придерживаясь стратегии доминирования. Далее зрители в студии по просьбе звезды переводят на английский то, что было сказано, а ведущий заканчивает языковую игру односложным *sí*, позволяющим нам сделать вывод о том, что он не был доволен сменой своей

роли в игре на второстепенную, поскольку привык самостоятельно задавать направление ментальной активности приглашенных гостей. После этого по инициативе ведущего снова происходит переключение кода «на естественных границах речевого потока: в конце фразы, синтаксического периода, при наиболее спокойном режиме общения — по завершении обсуждения какой-либо темы» [Крысин 2021: 22].

Таким образом, лингвокогнитивный анализ дискурсивных стратегий латиноамериканских мигрантов на материале американского медийного дискурса дает нам возможность на примерах рассмотреть, выделить и описать основные коммуникативные стратегии, к которым прибегают носители испанского языка, проживающие на территории США при реализации плана содержания своего речевого поведения. Стоит отметить, что ведущей дискурсивной практикой *Latinos* при решении различных коммуникативных задач на английском языке является обращение к родному языку, который выступает в качестве защитного механизма и основного инструмента, помогающего снять нервное напряжение и бороться со стрессом. Вместе с тем подобный анализ лингвокультурных параметров дискурсивных практик латиноамериканских резидентов США также позволяет раскрыть своеобразие языковой идентичности латиноамериканских мигрантов в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах.

Литература

- Крысин Л.П.* Очерки по социолингвистике. М.: Флинта, 2021.
Радбиль Т.Б. Когнитивистика. Нижний Новгород: ННГУ, 2018.
Стародубова О.Ю. Медийный дискурс в лингводидактическом аспекте // Вестник Российского нового ун-та. Серия: человек в современном мире. 2021. № 1. С. 26-34.
YouTube. URL: <https://youtu.be/oiUdM3w6J9Y?si=IXMDe78ORabKdK0v>.

Liliia A. Govorova (Moscow, Russia)

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Leonid V. Lebedev (Moscow, Russia)

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

COGNITIVE LINGUISTIC ANALYSIS OF DISCOURSE STRATEGIES USED BY LATIN AMERICAN MIGRANTS (BASED ON AMERICAN MEDIA DISCOURSE)

This article examines the cognitive content of the communicative strategies used by Latin American migrants in the process of intercultural interaction in a language not native to them and conducts their linguocognitive analysis based on the American media discourse.

Key words: migrants, Latin Americans, Latinos, discourse, cognitive linguistic analysis, communication strategies, language-game

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ ЕВРОПЕЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье представлены результаты исследования использования латинского языка в политическом дискурсе. В ходе исследования были найдены и проанализированы примеры употребления латинского языка в речах современных политиков, выявлены самые распространенные формы и цели использования латинского языка. Исследование показало, что политики используют латинский язык с различными коммуникативными целями: для увеличения авторитетности высказывания и четкости формулировки политических понятий, демонстрации социального статуса, формирования оппозиции своей – чужой, сглаживания негативной информации. *Ключевые слова:* латинские пословицы, латинские фразы, неолатынь, политический дискурс, социолингвистика

Современные политики часто используют латинские выражения в своей речи, а некоторые даже цитируют отрывки из латинских или древнегреческих авторов [Campbell 2019]. Латинский язык и политический дискурс онтологически имеют тесную связь, так как институт политики был сформирован античным греко-римским миром. На протяжении Средних веков и в недавнем прошлом политики и дипломаты XVI–XIX вв. использовали латинский язык в своей корреспонденции и как разговорный язык [Haye 2003; Helander 2012]. Однако какую цель преследуют современные политики XXI в., используя латинский язык в своей речи, особенно в публичных выступлениях на широкую аудиторию?

Цель исследования заключалась в анализе примеров использования латинского языка в речах современных европейских политиков, определении форм и целей использования латинского языка в политическом дискурсе. Актуальность исследования связана с важностью понимания целей использования латинских выражений для адекватной интерпретации информации и перевода. На основе контент-анализа текстов, скриптов и видео записей выступлений европейских политиков методом сплошной выборки был сформирован перечень форм использования латинского языка.

1. Одна из самых частых форм использования латинского языка в политическом дискурсе – латинские **термины**, которые являются основой политического языка. Это широко используемые термины и понятия, которые можно классифицировать следующим образом:

а) заимствования из латинского языка, например, *император* (от лат. *imperator* – повелитель), *диктатор* (*dictator* – диктатор), *вето* (*veto* – запрещаю), *вотум* (*votum* – желание, воля), *класс* (от лат. *classis* – класс), *коррупция* (от лат. *corruptio* – подкуп) и т. д.;

б) составные слова с использованием латинских корней, например, *абсолютизм* (от лат. *absolutus*), *авторитаризм* (*auctoritas* – власть), *геноцид* (*gens* – род и *caedere* – убивать), *коммунизм* (*communis* – общий), *консерватизм* (*conservare* – сохранять, охранять), *легитимность* (*legitimus* – законный), *цивилизация*

(civilis – гражданский, государственный), *импичмент* (impedivi – воспрепятствовал, пресек) и т. д.;

с) многие философы политической мысли (например, Т. Гоббс, И. Кант, Д. Локк) осмыслили политику при помощи уточнений латинских понятий, наделяли их собственным авторским толкованием: *jus, recta ratio, leges naturales, imperium, potestas, lex, servus, concilium, senatus, ecclesia* и т. д. Эти термины в авторской интерпретации часто цитируют современные политики.

2. В политическом дискурсе европейских лидеров широко используются **устойчивые латинские выражения**, такие как *ad hoc, per se, et cetera, inter alia, in situ, ipso facto, quid pro quo*. Такие выражения имеют общее теоретическое значение и часто используются в современных языках, особенно в речи образованных людей. Латинский язык в данном узусе выходит за нормы обыденного современного живого разговорного языка, включает иной регистр, придает речи величественность и авторитетность, воссоздает атмосферу древнеримской империи. Как отмечал Дж. Оруэлл в своей статье «Политика и английский язык», в некоторых случаях латинское слово является единственным подходящим выбором, особенно при использовании новых научных терминов. «Возможно, вам даже нужен тот дополнительный оттенок помпезности и изысканности, который привносят латинские слова» [Orwells 1946: 256].

Часть этих фраз имеет узкопрофессиональное юридическое, медицинское происхождение: *de jure, de facto, status quo, ad nauseum*. Их использование подчеркивает юридический характер, законность речи или профессионализм политика. Это повышает статус высказывания, подспудно создает образ политика как специалиста.

3. Крылатые выражения с историческим подтекстом, представляют собой популярный вид фраз, который отсылает к конкретным историческим событиям. Среди самых известных можно выделить: *alea jacta est; veni, vidi, vici; carpe diem; dura lex sed lex; per aspera ad astra; si vis pacem, para bellum; sic transit gloria mundi*. Посредством таких выражений политиками транслируется определенный подтекст, показывается особый взгляд на проблему или событие. Например, в своих речах Борис Джонсон обращался к фразам Цезаря, таким как *veni, vidi, vici* или *alea jacta est*, чтобы подчеркнуть уверенность в правильности выбора и его исторически значимые положительные последствия [Mount 2022].

В использовании крылатых выражений наблюдаются свои особенности:

а) двойное цитирование, когда вспоминается другой политик, который уже употребил эту фразу так же в политической речи. Такое использование подчеркивает преемственность власти, традицию;

б) перевод латинской фразы на современный язык. Например, *как говорили древние: суров закон, но закон*. Такая версия используется для адаптации латинского выражения для широкой публики;

с) изменение фразы и формирование новых смыслов через парафраз хорошо известных крылатых выражений. На такие эксперименты отваживаются только политики, которые хорошо знают латинский язык и не боятся быть уличенными в ошибке. Известные выражения переделываются или даются не в самой широкой

известной версии. Например, *per ardua ad astra* (вместо *per aspera ad astra*) или *пришел, увидел и убил* (вместо *пришел, увидел, победил*).

4. Использование имен и событий из древнеримской истории является распространенной практикой среди политиков. Это позволяет им ассоциировать себя с героями прошлого и «дорисовывать» собственную историю. Например, Борис Джонсон, обращаясь к школьнику в Норвуде в марте 2013 г., сравнил свое возможное назначение на пост премьер-министра с призывом Цинцинната покинуть свой плуг и возглавить Рим. В своей последней речи перед отставкой он также использовал аналогичную метафору, заявив, что он «подобно Цинциннату возвращается к своему плугу», таким образом он подчеркнул связь со своими предшественниками и создал эпическую атмосферу [Mount 2022].

Можно выделить следующие основные цели использования вышеперечисленных форм латинского языка в современном политическом дискурсе.

1. Увеличение авторитетности высказывания, легитимности деятельности политика, а также подчеркивание профессионализма и традиционализма.

2. Латинский язык служит маркером для определения социального статуса. Классическое образование, основанное на изучении латинского и древнегреческого языков, является неотъемлемой частью европейской культуры и признаком аристократического элитарного качественного образования. Это образовательная система, которая в Европе и сегодня ассоциируется с высоким социальным статусом [Campbell 1968]. Таким образом, использование латинского языка – это демонстрация хорошего образования политика и, следовательно, принадлежность к элите [Arnold 1907]. Использование латинских фраз может служить установлением границ между «своим» и «чужим». Наиболее часто латынь используется политиками в университетах с целью подчеркнуть единение с образованной публикой.

3. В той или иной мере все рассмотренные формы и цели использования латинского языка в политическом дискурсе имеют свои традиционные корни и прослеживаются в прошлых столетиях. Один из аспектов, наиболее отражающий диахронические изменения в использовании латинского языка в политических выступлениях, связан со спецификой латинского языка. Латинский язык имеет четкую структуру, логику и высокую смысловую четкость. Исходно использование латинского языка в политических выступлениях должно было способствовать ясности высказывания и отсутствию пустословия. В наше время мы наблюдаем противоположный эффект из-за разделения между небольшой группой людей, знающих латынь, и широкой аудиторией, которая не понимает смысла латинских фраз. Латинский язык придает высказыванию авторитетности, однако его смысл не всегда может быть понятен широкой публике, поэтому современные политики часто используют латинский язык для шифрования смысла и смягчения высказываний. В выступлении на благотворительном вечере в 2007 г. Борис Джонсон отметил: «Дело в том, что латинские слова уклончивы... Между «вы уволены» и «мы хотим реструктурировать всю операцию» огромная разница» [Mount 2022]. Таким образом, эффект использования латинского языка в политических выступлениях зависит от аудитории. Если публика понимает значение

фразы или термина, это устанавливает особую связь. В случае непонимания эффект может быть противоположным: публика запутывается. Использование латинского языка позволяет минимизировать возможный негативный эффект, который возник бы при использовании более ясного языка для выражения мысли.

С опорой на результаты исследования можно сделать вывод, что латинский язык в политическом дискурсе является важным инструментом коммуникации, который используется в различных целях. Он может быть использован для упрощения формулировки и более четкого определения политических понятий, для подчеркивания статуса и авторитетности высказывания, сглаживания негативного смысла и для манипуляции аудиторией. Латинский язык является социальным маркером говорящего и его использование может иметь особую семантическую нагрузку и социальное послание. Политическим аналитикам и переводчикам следует уделить особое внимание переводу латинских фраз в речах современных политиков, чтобы определить цель высказывания и максимально адекватно передать его смысл. Перспективой дальнейших исследований является анализ диахронических процессов в использовании латинского языка в политическом дискурсе.

Литература

- Arnold E.V.* Latin and Politics // The Classical Review. 1907. Vol. 21, No. 3. Pp. 65-67.
Campbell F. Latin and the Elite Tradition in Education // The British Journal of Sociology. 1968. Vol. 19, No. 3. Pp. 308-25.
Campbell G. Why posh politicians pretend to speak Latin // OUPBlog. Oxford University Press, 2019.
Haye T. Die lateinische Sprache als Medium mündlicher Diplomatie /| Vorträge und Forschungen: Gesandtschaftsund Botenwesen im spätmittelalterlichen Europa 2003. Vol. 60. Pp. 15-32.
Helander H. The Roles of Latin in Early Modern Europe // L'annuaire du Collège de France. 2012. No. 111. Pp. 885-887.
Mount H. Who was Cincinnatus – and why does Boris use so many Latin words? // The Oldie. 2022, Sept. 06.
Orwells G. Politics and the English Language // Horizon. 1946. Vol. 13.76. Pp. 252-265.

Maria S. Golikova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

THE LATIN LANGUAGE IN MODERN EUROPEAN POLITICAL DISCOURSE

The article presents the results of the study of Latin language use in political discourse. The study found and analysed examples of Latin language use in the speeches of modern politicians, identified the most common forms and purposes of Latin language use. The study showed that politicians use Latin for various communicative purposes: to increase the authority of the statement and the clarity of the wording of political concepts, to demonstrate social status, to form the opposition between their own and others, to smooth out negative information.

Key words: Latin proverbs, Latin phrases, Neo-Latin, political discourse, sociolinguistics

А.В. Горбылева (Москва, Россия)

*Дипломатическая академия МИД Российской Федерации
nastyagorbyleva@gmail.com*

Т.И. Шевченко (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
tatashvchenko@mail.ru*

СТРАТЕГИИ УЧАСТНИКОВ В БЕСКОНФЛИКТНОМ ДИСКУРСЕ: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ ПО ДАННЫМ АМЕРИКАНСКОГО КОРПУСА

В статье рассматриваются два аспекта временной организации диалога: когнитивный и социокультурный. Когнитивный аспект основан на полной согласованности речевых действий двух участников. Социокультурный аспект состоит в специфике американского бесконфликтного дискурса. Выявленные стратегии речевого поведения дифференцируются в зависимости от социальных ролей (лидер / ведомый), гендера, региона и этноса.

Ключевые слова: американский вариант английского языка, тайминг, когнитивная согласованность, социокультурная специфика, дискурсивные стратегии

Достижения школы конверсационного анализа (E. Schegloff, J. Local, A. Wichmann, E. Couper-Kuhlen, B.B. Szczepek Reed) состоит в том, что внимание ко всем проявлениям речевого действия двух сторон в диалоге дало описание правил взаимодействия, необходимых для полной когнитивной согласованности, т. е. взаимопонимания и успешного совместного решения прагматических задач общения. Одно из самых неожиданных решений состоит в том, что последовательность реплик, по мнению Э. Купер-Кулен, представляется как ритмичная смена действующих лиц, при которой каждый последующий речевой шаг согласуется с ритмом речи предшественника, что было показано на материале английского, немецкого и итальянского языков [Auer, Couper-Kuhlen, Muller 1999]. Очевидно, этому способствует участие всех полимодальных средств звучащей речи, которые интегрированы в процесс речевого восприятия и производства речи [Rosenblum 2005]. При этом спорной остается оценка таких явлений как наложение реплик, которые Купер-Кулен считает моментом предвосхищения завершения реплики предшественника на основании полученных сигналов семантико-синтаксического и просодического характера, а также других невербальных знаков. Отмечается, что собеседники, как правило, стремятся избежать или максимально ограничить такие периоды совместного говорения.

В литературе появились данные о длительности одновременного говорения в полилоге, описанные для шведов и смоделированные для диалоговых систем этой страны-производителя [Strömbergsson et al. 2013]. Мы полагаем, что несмотря на доказанную способность нейросетей ИИ вести беседу на основе машинного обучения на больших данных, адресная подготовка с учетом социокультурного языкового контекста очень важна. Так, например, речевые стратегии американцев имеют заметное отличие от стратегий европейцев и русских [Американское коммуникативное поведение 2001]. Американский лингвист-

культуролог Д. Таннен отмечала, что француженки склонны перебивать американских собеседниц; жители Германии выбирали темы разговора, которые американцы тщательно избегали и считали провокационными; внутри своей страны коммуникативные стили жителей Калифорнии и Нью-Йорка также заметно отличаются [Tannen 2005]. Исследование на базе корпусной речи в процессе межкультурного общения на английском языке в Европе показало, что в диалогах, где участниками были американец, итальянцы, немцы, чешка и финн, американец чаще всех инициировал совместное говорение и перебивал собеседников, на втором месте оказались итальянцы, на третьем – финн [Пшеничнова 2022]. Выявленная стратегия доминирования, вероятно, могла быть индивидуальной характеристикой психотипа экстраверта: по данным полилогов, в американском корпусе было отмечено противопоставление «лидеров» и «не-лидеров», что проявилось в распределении пауз различной длительности. «Лидеры», как показала статистика, использовали шанс получить слово в полилоге, максимально сокращая паузу при смене реплик, после чего переходили к медленному темпу и длительным паузам, включая хезитацию и повторы [Сокорева 2023].

С целью получения объективных данных о темпоральной организации диалогов в бесконфликтном дискурсе жителей США, отражающей их стратегии в межличностном общении, были проанализированы длительность реплик и пауз в корпусе американской разговорной речи Santa Barbara Corpus of Spoken American Speech [Du Bois et al. 2000]. Все говорящие являются носителями американского варианта английского языка, географически происходят из разных регионов США: западное побережье (Калифорния), Северо-Восток (Монтана) и восточное побережье (Массачусетс). Акустический анализ выполнен с помощью программы PRAAT.

Результаты исследования показали, что в большинстве случаев (85%) смена реплик происходит посредством паузы, когда говорящий завершает свое высказывание самостоятельно. Тем не менее в каждом диалоге есть случаи перебивания (15%), когда на конец реплики первого собеседника накладывается начало реплики второго собеседника. Примечательно, что наименьшая доля случаев перебивания (5%) при смене реплик зарегистрирована в диалоге, участниками которого являются представительницы коренного населения Америки, а именно индейского племени Кроу.

В отношении длительности пауз между репликами двух собеседников оказалось, что в дружеском диалоге американцев в отличие от европейцев наиболее часто практикуются средние и длительные паузы (свыше 200 мс): в большинстве случаев (69%) собеседники не торопятся с ответной репликой, предпочитая обдумать свое высказывание (см. Рис. 1). Мы предполагаем, что подобная дискурсивная стратегия может быть обусловлена дружеским, бесконфликтным характером анализируемых диалогов, в которых собеседники преимущественно стремятся к согласованности. Около трети пауз – короткие (до 200 мс), т. е. часть смены реплик (31%) происходит плавно, практически беспаузально. Это подтверждает теорию Купер-Кулен о том, что тайминг при переходе от одного го-

ворящего к другому ритмичен. Потому в наших диалогах около трети пауз совсем незаметны, собеседник попадает в ритм.

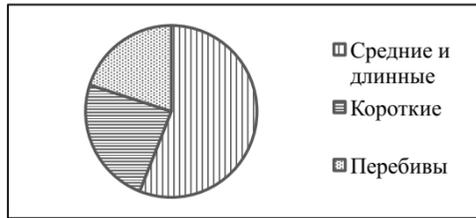

Рис. 1. Типы смен реплик

Анализируя длительность реплик, мы выявили, что один из двух собеседников диалога добивается лидерства путем большего времени говорения. В пяти из шести беседах дискурсивная стратегия лидера заключается в том, что он говорит как минимум в два раза больше собеседника, т. е. занимает в два раза больше времени от общей длительности беседы (см. Рис. 2). Подобная стратегия была выявлена также в полилогах [Сокорева 2023]. В нашем материале лишь в одной беседе (между представительницами индейского племени) время говорения распределилось сбалансированно, лидер не был выявлен. Мы предполагаем, что подобную сбалансированную дискурсивную стратегию можно объяснить спецификой культурных норм общения данного этноса.

Ранее корреляционный анализ по критерию Спирмена установил отрицательную корреляцию между временем говорения собеседника и частотой его попыток перебить собеседника ($r = -.673$, $p = .017$) [Горбылева, Шевченко 2021]. Это свидетельствует о том, что синхронное говорение, заканчивающееся перебиванием, как правило, инициируется собеседником, который меньше говорил до этого момента, и потому эта тактика является средством регуляции времени говорения в диалоге.

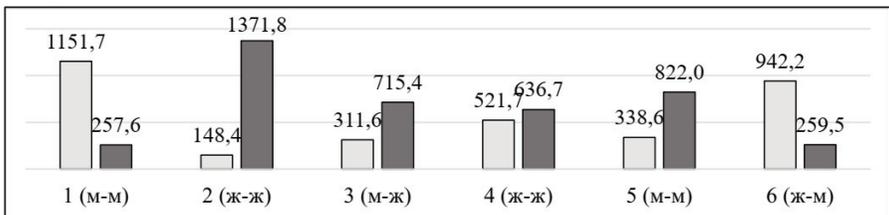

Рис. 2. Общая длительность говорения в шести диалогах

Таким образом, стратегии участников бесконфликтного дискурса проявились в их когнитивном взаимодействии: распределении ролей с доминантным коммуникативным поведением «лидеров», совокупное время реплик у которых вдвое превышает время говорения «не-лидеров»; в согласованных речевых ходах-репликах и в длительности пауз, часть которых относится к «неслышимым», а большинство остальных пауз свидетельствует о замедленном течении беседы; и, наконец, в тенденции «не-лидеров», т. е. пассивных участников, инициировать

совместное говорение, сигнализируя о желании высказаться, в том числе о готовности прервать реплику собеседника.

Социокультурные нормы темпоральной организации бесконфликтного дискурса варьируют от региона к региону (от Запада к Востоку), от состава участников, учитывая гендерный состав гомогенных или гетерогенных пар (женщины больше говорят, мужчины чаще перебивают), от этнического состава участников (англосаксов или представителей индейского племени). Но в целом позитивное мышление, культивируемое в обществе, не позволяло нарушить ритмическое движение беседы, что было установлено на материале спонтанной речи в определенный период времени (запись 2000 г.).

Литература

Американское коммуникативное поведение: научное издание // под ред. И.А. Стернина и М.А. Стерниной. Воронеж: ВГУ, 2001.

Горбылева А.В., Шевченко Т.И. Смена реплик в дружеской беседе: пересматривая американские гендерные стереотипы // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 1 (843). С. 57-66.

Пиеничнова Ю.С. Европейский английский (Euro-English): национальные черты речи итальянцев в межкультурной коммуникации на английском языке // Collegium Linguisticum. 2022. М.: МГЛУ, 2022. С. 150-155.

Сокорева Т.В. Паузы как сигналы распределения ролей в полилоге // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С. 114-119.

Auer P., Couper-Kuhlen E., Muller F. Language in Time: The Rhythm and Tempo in Spoken Interaction. Oxford: Oxford University Press. 1999.

Du Bois J.W. et al. Santa Barbara corpus of spoken American English. Philadelphia: Linguistic Data Consortium, 2000. URL: www.linguistics.ucsb.edu/research/santabarbaracorpus.

Rosenblum L.D. Primacy of multimodal speech perception // The Handbook of Speech Perception / ed. by D.B. Pisoni, R.E. Remez. L.: Blackwell, 2005. Pp. 51-78.

Strömbergsson S., Hjalmarsson A., Edlund J., House D. Timing responses to questions in dialogue // Proc. Interspeech. 2013. Pp. 2584-2588.

Tannen D. Conversational Style: analyzing talk among friends. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Anastasia V. Gorbyleva (Moscow, Russia)

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Tatiana I. Shevchenko (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

STRATEGIES IN A NON-CONFLICT DISCOURSE: TIMING IN SPOKEN AMERICAN CORPUS

The article examines two aspects of the temporal organization of dialogue: cognitive and sociocultural. The cognitive aspect is based on the complete coordination of the speech acts of two participants. The sociocultural aspect lies in the specifics of American non-conflict discourse. The identified strategies of speech behavior are differentiated depending on social roles (leader / follower), gender, region and ethnicity.

Key words: American English, timing, cognitive coordination, sociocultural specifics, discourse strategies

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ХЕДЖИРОВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ

В статье изучаются когнитивные основания хеджирования в англоязычном политическом интервью. Автор рассматривает контекстуально обусловленные ментальные процессы, влияющие на выбор говорящим хеджирующих средств и отражающие специфику поставленной прагматической задачи и коммуникативной ситуации в целом. Материалом исследования послужили данные Корпуса Современного Американского Английского (СОСА).

Ключевые слова: ментальные процессы, адаптация фрейма, хеджирование, хедж, англоязычное политическое интервью

1. Введение

Хеджирование как компенсаторная тактика реализуется на разных языковых уровнях в рамках различных типов дискурса и является одним из условий эффективной межличностной коммуникации [Lakoff 1972; Escandell-Vidal 2017; Романовская, Сунагатулина 2017; Lebedeva, Orlova 2019]. Прагматический потенциал хеджирования обусловлен его тесной связью с целым рядом коммуникативных понятий, включая оценку, интенциональность, вежливость. Успех речевого взаимодействия во многом зависит от прогностических способностей говорящего и его умения при необходимости предотвратить возможный нежелательный результат последующего действия, сохранив при этом как собственное «лицо», так и «лицо» собеседника [Brown, Levinson 2014; Litvinova, Larina 2023]. В связи с этим особый интерес представляет изучение факторов, определяющих выбор оптимального хеджирующего средства, а также механизм порождения хеджированного высказывания, т. е. каким образом хеджирование как результат когнитивной деятельности позволяет выбрать эффективную модель речевого поведения, в наибольшей степени отвечающей поставленной коммуникативной задаче. Исследование проводилось на материале англоязычного политического интервью, источником послужили данные Корпуса Современного Американского Английского (СОСА).

2. Теоретические основания

В основе исследования лежит понимание фрейма [Fillmore, Baker 2001; Martinovski 2013] как основополагающей когнитивной категории, определяющей коммуникативное поведение участников дискурса. В силу своей социально-культурной природы фрейм характеризуется наличием устойчивых признаков, обеспечивающих его успешное распознавание. В структурном плане фрейм можно представить как совокупность элементов так называемых верхних и нижних уровней, первые из которых отражают базовые, устойчивые признаки, тогда как вторые – признаки, актуализирующиеся в рамках конкретной ситуации общения. При этом признается динамический характер фрейма, когда менее стабильные признаки могут становиться доминирующими, поднимаясь с нижних на

верхние уровни, и наоборот [Иссерс 2007]. В процессе коммуникации фрейм, содержащий прототипические данные о событии, его обстоятельствах и пр., подвергается модификации на основе анализа говорящим коммуникативного контекста. Это позволяет ему выбрать ту репрезентативную модель, которая обеспечит более успешный результат межличностного взаимодействия за счет конкретизации требований, предъявляемых к искомому фрейму [Wang 2010; Schwarts-Fiesel 2012].

Хеджирование представляет собой сложное языковое и социокультурное явление и включает различные средства реализации, многие из которых обретают хеджирующий потенциал только при наличии определенных дискурсивных условий. В связи с этим возрастает роль контекста и прагматической задачи как факторов, обуславливающих выбор оптимального хеджирующего средства.

3. Результат исследования

Хеджирование основывается как на общих, прототипических представлениях говорящего о коммуникативном событии, так и на ситуационных когнитивных процессах, что и обуславливает выбор репрезентативной модели речевого поведения в конкретной ситуации общения. Использование этой тактики в рамках политического интервью позволяет политику решать задачи, стоящие перед ним как в конкретной коммуникативной ситуации, так и в долгосрочной перспективе: выбранный им способ представления информации способен повлиять на то, как в дальнейшем будет развиваться его политическая карьера. Политическое интервью как тип дискурса предполагает смягчение оценки политическим деятелем собственных действий, поступков оппонентов и событий, а также более мягкую форму выражения несогласия и побуждения к действию. Приведенные ниже примеры демонстрируют роль хеджирующих средств в адаптации глубинного фрейма и выборе оптимальной, с точки зрения говорящего, репрезентативной модели в рамках речевого акта с высокой степенью потенциального вреда Rx [Brown, Levinson 2014: 76].

(1) *I believe that if we didn't do something, there were some pretty high risks that not just Wall Street banks, but all banks would collapse.*

В этом высказывании происходит активация глубинного фрейма аффективного неприятия сложившейся ситуации. При этом политик, комментируя бездействие правительства в период кризиса, подвергает опасности как собственное «лицо», так и «лицо» правительственных чиновников, ответственных за поддержку финансового сектора. Стараясь снять с себя ответственность за содержание высказывания, избежать упреков в излишне резкой негативной оценке и категоричности, говорящий использует целый набор хеджирующих средств: *I believe* (акцентирование субъективности), *we* (неопределенно-личная референция), *some* (неопределенная референция), *pretty* (литотное смягчение). В результате такой адаптации фрейма, с одной стороны, минимизируется опасность возникновения конфликтной ситуации, а с другой – демонстрируется разумная оценка говорящим складывающейся ситуации, что благоприятно сказывается на его имидже как политика.

(2) *It might sound unpopular, but the President of the United States should run our home policy, and not the United Nations.*

Критическое отношение интервьюируемого политика к действиям США на внешней и внутренней арене приводит к активации фрейма побуждения к действию. Учитывая возможные негативные последствия для говорящего как представителя правящей партии, он прибегает к модификации фрейма посредством использования хеджирующей вставной конструкции *It might sound unpopular / odd, weird* и т. д., где в качестве центрального хеджирующего компонента выступает эпистемический модальный глагол *might*, передающий неуверенность говорящего. Это позволяет политику менее определенно высказать идею о необходимости смены вектора в политике США, а именно о превалировании вопросов внутренней политики страны над ее международной деятельностью в рамках ООН.

(3) *I don't think taxes should be raised by \$500 billion and therefore, I will repeat Obama Care.*

В ходе речевого акта активируется аффективный фрейм несогласия: говорящий неприятно удивлен предстоящим повышением налоговой ставки. Обезличивание высказывания (пассивная форма инфинитива *be raised*) позволяет политику обезопасить себя от нежелательной критики в свой адрес со стороны федерального правительства. Используя глагол *think*, передающий мнение (*reporting verbs*), говорящий ограничивает степень истинности высказывания своей личной точкой зрения, что снижает категоричность несогласия.

4. Выводы

В статье рассматриваются когнитивные основания использования хеджирования в англоязычном политическом интервью и определяется роль коммуникативного контекста при выборе хеджирующего средства. В процессе речевого общения происходит активация глубинного фрейма, социально-культурной ментальной картины, характеризующейся наличием устойчивых признаков, обеспечивающих его успешное распознавание говорящим в рамках конкретной ситуации. В результате анализа ситуативных параметров, прагматической задачи и оценки возможных последствий осуществления речевого акта происходит модификация фрейма и создание репрезентативной модели, обладающей новыми свойствами, что определяет лингвистический выбор говорящего.

Литература

- Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2003.
- Романовская Л.В., Сунагатуллина Г.Х.* Митигативная стратегия смягчения оценки в дискурсе англоязычных политических интервью // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2017. № 13. С. 133-140.
- Brown P., Levinson S.* Politeness: some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Escandell-Vidal V.* Notes for a restrictive theory of procedural meaning: cognitive, philosophical and sociopragmatic perspectives // *Doing Pragmatics Interculturally*. Amsterdam: De Gruyter Mouton, 2017. Pp. 81-102.
- Fillmore Ch.J., Baker C.F.* Frame semantics for text understanding // *Proceedings of WordNet and Other Lexical Resources Workshop, NAACL*. Pittsburgh, Pennsylvania, 2001.
- Lakoff G.* Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // *Chicago Linguistic Society Papers*. 1972. No. 8. Pp. 183-228.
- Lebedeva I.S., Orlova S.N.* Semantics and pragmatics of the double modal *might could* // *Training Language and Culture*. 2019. No. 3 (2). Pp. 71-84.

Litvinova A.V., Larina T.V. Mitigation tools and politeness strategies in invitation refusals: American and Russian communicative cultures // Training, Language and Culture. 2023. No. 7 (1). Pp. 116-130.

Martinovski B. Reciprocal adaptation and problem reframing in group decision and negotiation // Journal of group decision and negotiation. 2013. Vol. 23, No. 3. Pp. 497-514.

Schwartz-Fiesel M. On the status of external evidence in the theories of cognitive linguistics // Language Science. 2012. Vol. 34 (6). Pp. 656-664.

The Corpus of Contemporary American English. URL: <http://www.english-corpora.org/Coca>.

Wang Y. Analyzing hedges in verbal communication: An adaptation-based approach // English language teaching. 2010. Vol. 3, No. 3. Pp. 120-124.

Tatiana I. Gribanova (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

COGNITIVE ASPECTS OF LINGUISTIC HEDGING IN ENGLISH POLITICAL INTERVIEWS

The article discusses cognitive processes underlying speakers' choices of hedging strategies in English political interviews with regard to situational pragmatic factors and speakers' intentions. The materials for the analysis have been obtained from The Corpus of Contemporary American English (COCA).

Key words: mental processes, frame modification, hedging, hedge, English political interviews

Е.А. Данилова (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

elizavetada080@mgpu.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ В МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются некоторые элементы создания медиаобраза научного достижения в англоязычном медиадискурсе. Проанализированы стратегии создания медиаобраза научного достижения, основанные на акцентуации его новизны и значимости для дальнейшего развития науки и технологий. В результате исследования был определен семантический кластер прилагательных, реализующих стратегию акцентуации инновационного характера научного исследования в англоязычном медиадискурсе.

Ключевые слова: научно-техническое достижение, медиадискурс, медиаобраз, коммуникативная стратегия, семантический кластер

В основе современного постиндустриального общества лежат технологии и научные достижения, которые определяют вектор дальнейшего развития цивилизации. При этом общественное мнение о тех или иных достижениях науки и техники не всегда однозначно. Так, например, глобальные научные и технологические круги с большой осторожностью относятся к внедрению инструментов генеративного искусственного интеллекта, получивших широкое распространение в последние несколько лет.

Очевидно, что ключевую роль в формировании общественного мнения играют СМИ, которые «транслируют определенные социальные и политические смыслы и значения, создают медиарепрезентацию или медиаинтерпретацию ре-

альной действительности» [Чупрына, Кригер 2021: 43]. В статье рассматриваются некоторые элементы создания медиаобраза научного достижения в англоязычном медиадискурсе. Актуальность исследования связана в первую очередь с тем, что в современной лингвистике отсутствует достаточное количество научных данных о языковых средствах, которые могут влиять на декодирование информации о научно-технических достижениях массовым реципиентом. Кроме того, медиарепрезентация научного достижения сопряжена с явлением интерференции дискурсов, и медийное представление научного достижения имеет ряд особенностей, характерных для научного дискурса, рекламного дискурса и медиадискурса (см., например, в [Шевченко 2010; Иванова, Тивьяева, Евсина 2013; Тивьяева, Сеничкина 2016; Борисова 2018; Собынина, Хохлова 2018; Маркетинговая лингвистика 2019; Тивьяева 2019]).

Одна из стратегий создания медиаобраза научного достижения основана на акцентуации его новизны и значимости для дальнейшего развития науки и технологий. Рассмотрим языковые средства реализации данной стратегии в англоязычном медиадискурсе на примере публикаций об искусственном интеллекте и нейронных сетях. Цель исследования состоит в выявлении и семантическом описании языковых маркеров научного достижения, акцентирующих его инновационный характер и его возможные недостатки.

Исследовательской единицей выступает контекст, в котором обозначаются, объясняются и оцениваются научно-технические достижения. Критерием включения контекста в эмпирическую базу являлось наличие в контексте оценочных прилагательных, описывающих научно-технические достижения. Источником языковых данных послужили ресурсы Technowize [Technowize: URL] и Digitaltrends [Digitaltrends: URL], которые представляют собой онлайн-журналы, ориентированные на цифровые технологии. Из публикаций, представленных на данных ресурсах за 2022 и 2023 гг., методом сплошной выборки были отобраны контексты, в которых идет речь о научно-технических достижениях, связанных с искусственным интеллектом и нейросетями. Таким образом, общий объем эмпирической базы исследования составил 50 контекстов об инновационных технологиях, основанных на применении искусственного интеллекта и нейросетей.

Анализ фактических языковых данных позволил выявить семантический кластер прилагательных, реализующих стратегию акцентуации инновационного характера научного достижения. В структуре кластера выделяются несколько семантических групп прилагательных.

1. Семантическая группа прилагательных, подчеркивающих новаторство. В настоящую группу входят такие прилагательные, как *innovative*, *cutting-edge*, *advanced*, *ground-breaking*, *unconventional*. Отметим, что выбранные прилагательные стилистически маркированы и демонстрируют высшую степень проявления признака. Например: The *innovative* Bing AI image generator <...> [Technowize: URL]. – Инновационный генератор изображений Bing, работающий на основе технологий искусственного интеллекта <...> (здесь и далее перевод наш – Е.Д.); The fusion of artificial intelligence and creativity has given birth to *a new era of awe-inspiring* artwork [Digitaltrends: URL]. – Сочетание искусственного интеллекта и

творчества породило новую эру впечатляющих произведений искусства; **Cutting-edge** system employs advanced algorithms [Technowize: URL]. – Инновационная система использует усовершенствованные алгоритмы.

Выбор прилагательных автором направлен на создание положительной оценки и выражает его стремление придать высшую оценку научно-техническому достижению.

2. Семантическая группа прилагательных, указывающих на доступность научно-технического достижения рядовым пользователям и специалистам, представлена такими прилагательными, как *accessible, free, available, obtainable, convenient*. Например: Bing Image Creator is open to anyone with a Microsoft account, making it **accessible** to a wide range of users [там же]. – Bing Image Creator опубликован в открытом доступе для всех, у кого есть учетная запись Microsoft, что делает его доступным для широкого круга пользователей.

Пример прилагательных, указывающих на доступность, демонстрирует тот факт, что доступность включает удобство использования средств искусственного интеллекта или нейросети, а также возможность использования продукта или технологии в свободном бесплатном доступе.

3. Семантическая группа прилагательных, указывающих на уникальность, включает следующие лексические единицы: *crucial, significant, major, remarkable, unparalleled*: The advancements of VR Headsets ... offering users an **unparalleled sensory experience** [там же]. – Передовые характеристики VR-гарнитур ... предлагают пользователям беспрецедентные сенсорные впечатления; **Visually stunning and remarkably realistic** images <...> [Digitaltrends: URL]. – Визуально потрясающие и удивительно реалистичные изображения <...>; The IBM InfoSphere data Server appears to be a **crucial information mix** [Technowize: URL]. – Сервер данных IBM InfoSphere представляет собой важнейший информационный комплекс.

4. Прилагательные, указывающие на недостающие технические или функциональные характеристики. Инновационная характеристика может быть негативной и подчеркивать недостающие свойства технического объекта. В настоящую группу входят такие прилагательные как *incomplete, imperfect, unhandy, incompetent*. Например, <...> **lack complete** spatial computing features [Digitaltrends: URL]. – <...> не имеют полных функций пространственных вычислений; <...> **aren't practical** enough for most people [там же]. – <...> недостаточно практичны для большинства людей.

Автор медиатекста обладает необходимыми сведениями о техническом объекте и эксплицирует свое мнение касательно недостающих признаков объекта, связанные с утечкой данных, а также неполного интерфейса возможностей искусственного интеллекта.

Отметим, что адресант медиатекста может использовать несколько семантических групп прилагательных в одном контексте, акцентируя разные признаки. Например: While Bing Image Creator is **free** to use, there is a **small catch** [Digitaltrends] – Хотя Bing Image Creator можно использовать бесплатно, есть небольшая загвоздка. Частотность контекстов приводится ниже (см. Табл.).

Семантическая группа	Количество употреблений (%)
Группа прилагательных, подчеркивающих новаторство	42
Группа прилагательных, указывающих на доступность научно-технического достижения рядовым пользователям и специалистам	26
Группа прилагательных, указывающих на уникальность	23
Группа прилагательных, указывающих на недостающие технические или функциональные характеристики	9

Целью исследования было выявление элементов создания инновационного медиаобраза научного достижения в англоязычном медиадискурсе. Результаты анализа фактических языковых данных позволили выявить стратегию акцентуации инновационного характера научно-технического достижения, которая репрезентируется в медийном тексте посредством прилагательных, образующих особый семантический кластер. Статистический анализ прилагательных позволил выделить частотные прилагательные, в которые входят прилагательные, подчеркивающие новаторство, и малоиспользуемые прилагательные, которые подчеркивают недостающие признаки и лежат в зоне пересечения функциональности и практичности в использовании научно-технического достижения.

Литература

- Борисова Е.Г. Рекламный дискурс: в чем его особенности? // Медиалингвистика. 2018. Т. 5. № 4. С. 436-444.
- Иванова В.И., Тивьяева И.В., Евсина М.В. Англоязычная научная коммуникация как инструмент презентации результатов исследований // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. № 4.
- Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста: коллективная монография / отв. ред. Л.Г. Викулова и Е.Г. Борисова. М.: Флинта, 2019.
- Собянина В.А., Хохлова И.В. Языковая репрезентация миграции в немецких СМИ. М.: МГПУ, 2018.
- Тивьяева И.В. Лингвокультурная и профессиональная адаптация текста научной статьи при переводе на английский язык // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф / под ред. И.И. Валуйцевой. М.: МГОУ, 2019. С. 607-614.
- Тивьяева И.В., Сеничкина Н.С. Локализация, перевод сопроводительной документации к программному обеспечению и подготовка технических переводчиков // Вестник Тульского гос. ун-та. Серия: лингвистика и лингводидактика. 2016. № 1. С. 209-218.
- Чурьина О.Г., Кригер Е.И. Языковая репрезентация социополитической реальности в дискурсе американских СМИ // Вестник МГПУ. Серия: филология. Теория языка. Языковое образование. 2021. № 1 (41). С. 42-52.
- Шевченко В.Д. Теория интерференции дискурсов (на материале англоязычной публицистики). Самара: Изд-во «Самарский университет», 2010.
- Digitaltrends. URL: <https://www.digitaltrends.com>.
- Technowize. URL: <https://www.technowize.com>.

*Elizaveta A. Danilova (Moscow, Russia)
Moscow City University*

LANGUAGE PECULIARITIES OF REPRESENTATION OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL ACHIEVEMENTS IN MEDIA DISCOURSE

The article delves into certain components involved in shaping the media representation of scientific achievements in English media discourse. It analyzes the strategies employed to construct a compel-

ling media image of a scientific accomplishment, with a focus on emphasizing its novelty and significance in advancing science and technology. The study identifies a semantic cluster of adjectives that operationalize the strategy of highlighting the innovative character of scientific advancements in English media discourse.

Key words: scientific and technical achievement, media discourse, media representation, communicative strategy, semantic cluster

Н.И. Дронова (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
dronovanina@yandex.ru*

НАЗИДАТЕЛЬНО-ДИДАКТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКИ В КОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ФАСТНАХТШПИЛЯ

Рассматривается комплекс коммуникативных стратегий и тактик, применяемых в комическом драматическом типе дискурса. Установлена особая роль назидательно-дидактической стратегии, показаны приемы, участвующие в образно-оценочной вербализации стратегий и тактик.

Ключевые слова: стратегия, кооперация, конфронтация, назидание, комизм, пародия

Проблема структурно-содержательной организации дискурса, применения стратегий, тактик и приемов в реализации собственных интенций коммуникантов и достижении коммуникативного эффекта на материале различных типов дискурсов, в особенности политического, продолжает оставаться в фокусе внимания лингвистов-когнитологов. В данной статье представляется целесообразным описание стратегий и тактик речевого поведения субъекта в рамках комической ситуации в драматическом дискурсе фастнахтшпиля, в котором можно наблюдать многообразие аномальных, противоречащих здравому смыслу речевых моделей поведения человека, обусловленных рамками карнавально-масленичного дискурса с его «перевернутой картиной мира» (*verkehrte Welt*), с центральным персонажем – шутом / дураком (NARR) и доминантным свойством человека - глупостью (NNARRHEIT / DUMMHEIT) на материале известного фастнахтшпиля Г. Сакса (1494—1576) «*Der Roßdieb zu Fünsing*» (1553) (Фюнзингенский конокрад и вороватые крестьяне). Специфика этого типа дискурса заключается в том, что это – «полиадресатный дискурс», для которого характерна «множественность точек зрения, эмоциональность и рациональность оценок, действия принципа реалистичности или искаженности» [Петрова 2017: 4], что влияет на выбор стратегий и тактик коммуникантов. Когнитивно-дискурсивный подход как комплекс приемов анализа позволяет исследовать не только социокультурные знания и языковую специфику данного типа дискурса, но и специфику его коммуникативно-прагматической направленности, типологии тактик и приемов. За единицу исследования принимается «минимальная диалогическая единица», определяемая как «последовательность реплик адресата и адресанта со следующими особенностями: 1) все реплики связаны единой темой; 2) диалог начинается абсолютно независимым и кончается абсолютно зависимым речевым

актом; 3) все отношения иллокутивного вынуждения и самовынуждения выполнены; 4) внутри данной последовательности не существует другой, отличной от нее, которая удовлетворяла бы условиям» [Иссерс 1999: 43]. В настоящее время разработаны разные подходы к классификации стратегий и тактик в достижении коммуникативных целей, однако в данном многообразии можно отметить два доминирующих типа коммуникативных стратегий: кооперационные (неконфронтационные) – фронтационные стратегии с соответствующим набором тактик и приемов, обусловленных типом дискурса (Иссерс 1999; Паршина 2005; Аكوпова 2013; Морева 2015; Петрова 2017 и др.).

Для комического дискурса фастнахтшпиля характерны не только вышеперечисленные стратегии, но и назидательно-дидактическая стратегия, связанная с необходимостью воспитания человека в переходный период от позднего средневековья к Новому времени. По определению В.И. Карасика, «основная цель назидательного дискурса состоит в социализации человека, в том, чтобы превратить человека в члена социума, разделяющего систему ценностей, знаний и убеждений, норм и правил поведения этого общества» [Карасик 1999: 5]. Назидательно-дидактическая стратегия Сакса направлена на адресата-публику, ее прагматический смысл может быть сформулирован как тезис «смотрите, как мыслить и поступать нельзя» (морально-этический аспект). «Негативная дидактика» включает как поучение, наставление, так и обличение, предостережение, запрет, диктуемых в данный временной период церковью и социумом.

Как показывают наблюдения над комплексом ситуаций, развертываемых в фастнахтшпилях, автор нередко использует в коммуникативном взаимодействии участников стратегии последовательного перехода от ситуации бесконфликтности, кооперации к конфликту в гротескно-утрированной форме. Например, в вышеупомянутом шпиле наблюдается четкий переход от стратегии кооперации в процессе поиска и принятия оптимального, а фактически противоречащего здравому смыслу решения (отпустить вора на четыре недели с тем, чтобы он после жатвы вернулся на свое повешение) – к стратегии конфронтации, завершающейся конфликтом (потасовкой). Триада конституирующих способов концептуализации и вербализации комического – пародия, гротеск, ирония обуславливают «двойной смысл» речемыслительной деятельности персонажей, что, в свою очередь, предопределяет выбор стратегий, тактик и приемов, как персонажей в ходе развертывания события, так и автора. В фастнахтшпилях речь идет о пародии на «комику самого бытия» (М. Бахтин), источником которых является повседневная жизнь человека, его взаимодействие и коммуникация с миром. В вербальной репрезентации стратегий и тактик автором используются во всем многообразии элементы народной смеховой культуры: комические имена персонажей, гротескные преувеличения, шутовство, многочисленные грубые ругательства, предрасудки, словесные и физические потасовки, вызывающие всеобщий смех. «Смеховой аспект универсален и распространяется на все» (М. Бахтин), в данном случае на ситуацию, поведение человека, его речемыслительную деятельность. Смех – это составляющий компонент назидательно-дидактической стратегии.

Стратегия кооперации включает следующие тактики: 1) **тактика самопрезентации**, вербализуемая конструкциями с личным местоимением первого лица, мн. ч., например, *Wir Bauern aus Dorfgemein*, антропоморфной метафорой *als die Alten erwählt*, иронически профилирующей признак «мудрости старейшин», глаголами мысли, поиска решения: *bedenken*, *beratschlagen* и др.; 2) **тактика учета ценностных ориентиров адресата** (О.Н. Паршина): все участники разделяют единство мнений по поводу ценностных аспектов бытия, представленных релевантными концептами: *KORN* (хлеб) – груб. *FRESSEN* (досл. жратва) – *KOSTEN* (расходы), что дало повод для принятия, на первый взгляд, рационального (поля жалко!), а фактически, абсурдного решения. Например, *Mein Kornfeld nah am Galgen ist, / die Leute in das Korn mir träten*. Расходы комически обозначены сочетанием 30 Kreuzer с аллюзией на 30 сребреников, выданных вору на пропитание на период его «отпуска»; 3) **тактика солидаризации** в поиске решения эксплицируется комплиментами, вербализуемыми гиперболой с оценочно-положительной коннотацией в прямом смысле и иронически-оценочной в имплицитной форме. Например, *der allerklügste Rat, die beste Meinung, einen feinen Rat geben*. «Бесконфликтная языковая коммуникация предполагает: 1) нормативное владение коллективным знанием о мире и общепринятой системой ценностей; 2) согласованность индивидуальных интерпретаций, в том числе, оценочных, этих знаний и ценностей со стороны отправителя и получателя информации. Нарушение этих двух основных требований неизбежно ведет к конфликту знаний, мнений, оценок и, как следствие, к речевому конфликту между участниками коммуникации» [Болдырев 2023: 29].

Стратегия конфронтации в шпиле включает следующие типы тактик: 1) **тактика дискредитации** вербализуется ключевой негативно-оценочной номинацией *Dieb*, идентифицирующей собеседника с персонажем-конокрадом. Ср.: *So hat ein Dieb 'nen Dieb bestohlen*; 2) **тактика взаимного обвинения** объективирована упреками в воровстве предметов повседневного крестьянского быта: *Mistgabel, Eisenschien*; 3) **тактика оскорбления** осуществляется на основе использования грубых разговорно-окрашенных лексических единиц с семантикой «умственной неполноценности»: гипербола *Tropf aller Tropfe, du unverschämter grober Lötsch!*, эмоционально-экспрессивные проклятия: *Treff dich die Pest!* и др.; 4) **тактика агрессивной физической атаки**, представленная автором комически в сцене потасовки с привлечением знаний из сферы наивной анатомии, отражающих физические последствия конфликта: *alle seine Zähn, zwei Zähn flogen aus der Nasen, das Blut nicht stillen* и др.

Назидательно-дидактическая стратегия: 1) **тактика правоучения и предостережения**. Комизм ситуации состоит в том, что в мире «наизнанку» в функции «назидающего» выступает персонаж-конокрад, будучи сам далеко не безгрешным, что усиливает эффект эмоционального воздействия на зрителя. Например, *Sollt ich denn die vier ganzen Wochen / betteln herum im ganzen Land / euch Fünsingern wär's eine Schand*. Назидание вора строится на апелляции к моральным регулятивам в социальной среде, например, к понятию чувства стыда

Schand. Пословицы в его речи как знак народной мудрости дополняют «нравоучения»: *Leichter sei Schwören denn Rübengraben* (Легче дать клятву, чем репу копать), *Wir tragen Wasser an einer Stangen* (пьем воду из одного колодца); 2) **тактика обещания / «одурачивания»** крестьян применяется вором в ритуале клятвы, что вербально выражается предложной конструкцией заверения bei meinem Eid, auf einen harten Eid schwören, гиперболой с семантикой заверения в надежности клятвы – zu noch größerer Sicherheit. Особую роль в «масленичном одурачивании» играет символический атрибут шута – красный колпак die rote Karpe, который конокрад оставляет наивным крестьянам в залог как аргумент для выполнения клятвы; 3) **тактика дискредитации / «осмеяния»**, которую в «перевернутом мире» вор в роли карнавального шута/хитреца применяет по отношению к своим собеседникам, используя вербальные репрезентации с семантикой «умственной ущербности» / карнавальной «дурачности» из обыденного разговорного языка с негативно-оценочной коннотацией. Ср.: die Narren, синонимы die Lauern, с локальным уточнителем die Fünsinger Lappen, гипербола größte Narren, атрибуты с оценкой пренебрежения toll und einfältig, глагол vertrauen, выражающий смысл «доверия и доверчивости простаков» и др. Примечательно, что в финале шпилья актуализируется **стратегия и тактика примирения всех**, объект смеха и порицания не наказывается, а назидания персонажа и автора приравниваются к пожеланиям, обычно вербализуемым фразой wünscht Hans Sachs. Таким образом, специфика дискурса фастнахтшпилья заключается в выборе автором назидательно-дидактической стратегии как доминирующей, в экспликации которой используются как стратегии кооперации и конфронтации (негативная дидактика), так и многочисленные тактики, структурирующие эксплицитно и имплицитно соответствующие нравоучения в рамках картины мира начала Нового времени.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Путь к бесконфликтной языковой коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 28-32.
- Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Омский гос. ун-т: 1999.
- Карасик В.И.* Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы линвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград: Волгоградский гос. педагогический ун-т, 1999. С. 5-19.
- Петрова Н.Ю.* Принципы и стратегии перспективизации в драматическом тексте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2017.
- Sachs H.* Fastnachtspiele. Leipzig: Philipp Reclam jun., 1973. S. 210-221.

Nina P. Dronova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

EDUCATIONAL-DIDACTICAL STRATEGY AND TACTICS IN THE COMIC DISCOURSE OF FASTNACHTSPIEL

The article examines a complex of communicative strategies and tactics used in the comic dramatic type of discourse. The special role of the edifying and didactic strategy is established, and the techniques involved in the figurative and evaluative verbalization of strategies and tactics are shown.

Key words: strategy, cooperation, confrontation, edification, comedy, parody

*М.О. Евграфова (Архангельск, Россия)
Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
EvgrafovaMasha@yandex.ru*

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИНСТРУКТИВНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются возможности применения когнитивного подхода при изучении инструктивного дискурса с помощью айтрекинга. Особое внимание уделяется стратегиям постредактирования машинного перевода инструкции к бытовой технике. Оценивается, как когнитивная нагрузка влияет на качество постредактирования результата машинного перевода.

Ключевые слова: инструктивный дискурс, инструкция к бытовой технике, айтрекинг, стратегия постредактирования машинного перевода, когнитивная нагрузка

В настоящем исследовании для определения понятия «дискурс» используется терминология Н.Д. Арутюновой и А.А. Кибрика. Арутюнова понимает под дискурсом связный текст, рассматриваемый вместе с экстралингвистическими элементами, а также речь как целенаправленное социальное действие и как составляющую взаимодействия людей и когнитивных процессов, происходящих в их мозге [Арутюнова 1990]. Кибрик также объединяет понятия «дискурс» и «текст» и выделяет динамическую, постоянно развивающуюся во времени природу языковой деятельности первого и статическую сущность второго, являющуюся результатом языковой деятельности [Кибрик 2003: 10]. Таким образом, дискурс рассматривается в соответствии с процессом коммуникации, так как он проявляется именно в ней. При этом принимается во внимание тот факт, что процесс коммуникации описывается только в связи с когнитивными процессами, происходящими в мозге участников коммуникации при порождении и восприятии речи, поэтому дискурс рассматривается не только с точки зрения коммуникативного подхода, но и когнитивного [Жоканова 2005].

В.И. Карасик при изучении дискурса выделяет персональный и институциональный типы. В первом типе дискурса говорящий рассматривается как самостоятельная личность с развитым внутренним миром, а во втором – как часть социального института [Карасик 2000: 5-10]. Инструктивный дискурс, рассматриваемый в нашем исследовании, выделяется в рамках институционального типа дискурса.

Инструктивный дискурс определяется как процесс создания инструкции, в результате которого получается текст как свод правил и достигается соответствующая ему предполагаемая реакция адресата, выраженная его конкретными предвиденными действиями [Кондрашкина 2016: 57]. Для достижения этой цели в тексте инструкции используются следующие лексические, грамматические и синтаксические средства передачи информации: глаголы в повелительном наклонении, терминологические единицы, специальная лексика, фразовые глаголы и др. При выполнении постредактирования машинного перевода текста инструкции к бытовой технике с английского языка на русский важно учитывать перечисленные особенности для того, чтобы избежать ошибок при их передаче в языке перевода (см. Табл.).

Таблица. Сравнение количества обнаруженных ошибок среди участников инструментального исследования

Название вида ошибок (количество в результате МП)	Участники инструментального исследования								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Буквализмы (69)	13	21	32	18	20	37	13	24	12
Терминологические единицы (38)	4	9	14	6	13	13	10	7	4
Многосложные слова (27)	7	9	16	10	10	17	7	12	8
Фразовые глаголы (8)	3	2	5	5	3	1	2	4	3
Причастные атрибутивные словосочетания (5)	2	–	4	3	3	4	2	1	1
Глаголы в повелительном наклонении (6)	–	1	2	3	1	1	2	1	1
Вторично-предикативные конструкции (2)	–	–	–	1	1	2	2	–	1

При изучении инструктивного дискурса возможно применение технологии айтрекинга. В рамках нашей работы было проведено инструментальное исследование, участниками которого стали студенты, имеющие навыки постредактирования машинного перевода. В качестве стимульного материала использовался текст инструкции к тостеру Fortress № TOSS13 [Fortress Toaster User Manual Model No.: TOSS13] и результат его машинного перевода.

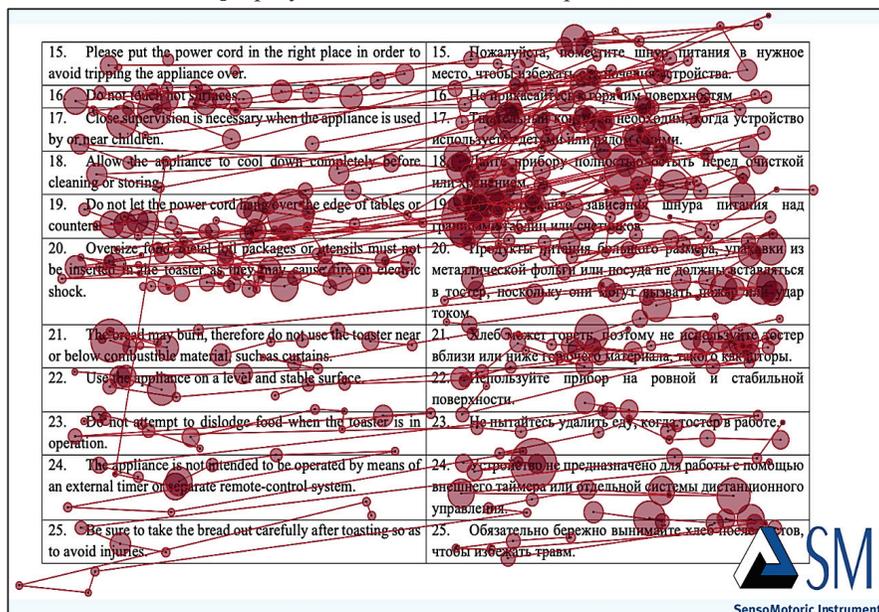

Рис. 1. 1 – 3 участник

По итогам качественного анализа видеозаписей и изображений графиков движения взгляда каждого участника, а также аудиозаписи, которая велась во время всего инструментального исследования, была выделена наиболее часто используемая стратегия анализа результата машинного перевода среди участников

(см. сравнение стратегий: Рис. 1 – участник сначала работал с исходным текстом, а затем переходил к анализу результата машинного перевода и Рис. 2 – участник преимущественно работал с результатом машинного перевода), произведена попытка определить причины следования той или иной стратегии с точки зрения постредактирования машинного перевода (зависимость от опыта работы с конкретной системой машинного перевода в определенной языковой паре и тематике текста инструкции), а также оценена эффективность применения каждой из них с учетом качества проведенного анализа результата машинного перевода (см. Табл.: участники 1, 2 и 6 работали преимущественно с результатом машинного перевода, остальные обращались к исходному тексту).

По результатам оценки тепловых карт по всем участникам инструментального исследования были обнаружены зоны, которые наиболее часто привлекали внимание студентов, а также зоны с ошибками, которые они упускали из виду (см. Рис. 3: красным выделены наиболее часто встречающиеся среди участников зоны интереса). Также была проведена оценка влияния когнитивной нагрузки на результат анализа результата машинного перевода.

<p>5. During the toasting process, you may observe the toasting color. If it is satisfying, you can press the CANCEL button to cancel the operation at any time.</p>	<p>5. Во время процесса тостинга вы можете наблюдать цвет тостинга. Если он удовлетворяет требованиям, можно нажать кнопку CANCEL для отмены операции в любое время.</p>
<p>6. To toast the bread taken out from refrigerator. Set color to your desired color by pressing LIGHTER or DARKER button. Press carriage handle down vertically until it is positioned in place. Press DEFROST button, and its indicator will be illuminated. The bread will be toasted to your desired color in this mode.</p>	<p>6. Чтобы тостить хлеб, вынесенный из холодильника. Установите нужный цвет, нажав кнопку LIGHTER или DARKER. Нажимайте на ручку каретки вертикально до ее установки на место. Нажмите кнопку DEFROST (РАЗМОРОЗИТЬ), и ее индикатор будет подсвечен. Хлеб будет поджарен до желаемого цвета в этом режиме.</p>
<p>7. To reheat the cold toasted bread, press carriage handle down vertically until it is positioned in place. Press the REHEAT button, and its indicator will be illuminated. Toasting time is fixed in this mode. As long as the time is running over, the carriage handle will be automatically sprung up and the reheating process will be ended.</p>	<p>7. Для повторного нагрева холодного поджаренного хлеба нажмите на ручку каретки вертикально до тех пор, пока она не будет установлена на место. Нажмите кнопку REHEAT (НАГРЕТЬ), и ее индикатор будет подсвечен. В этом режиме фиксируется время тостинга. Пока время продолжается, ручка каретки автоматически поднимается вверх и процесс повторного нагрева заканчивается.</p>
<p>CAUTION</p>	<p>Внимание</p>
<p>1. If the toaster starts to smoke, press CANCEL button to stop toasting immediately.</p>	<p>1. Если тостер начинает курить, нажмите кнопку CANCEL, чтобы немедленно прекратить тостить.</p>
<p>2. Remove all protective wrapping before using the toaster.</p>	<p>2. Снимите все защитные обертки перед использованием тостера.</p>
<p>3. Avoid toasting the food with extremely runny ingredients such as butter.</p>	<p>3. Избегайте тостить пищу с чрезвычайно жидкими ингредиентами, такими как масло.</p>

Рис. 2. 2 – 6 участник

8. Keep the appliance and its cord out of reach of children less than 8 years.	8. Держите прибор и его шнур в недоступном для детей возрасте менее 8 лет.
9. With any indication of malfunction (including power cord), please stop using the appliance immediately to avoid hazard. Take it to the authorized service center for repair. Do not attempt to repair or change any parts by yourself.	9. При наличии любых признаков неисправности (включая шнур питания) следует немедленно прекратить использование устройства во избежание опасности. Отнесите в авторизованный сервисный центр на ремонт. Не пытайтесь самостоятельно восстановить или изменить какие-либо детали.
10. Please turn off and unplug the appliance before cleaning or maintenance.	10. Перед очисткой или обслуживанием выключите и отключите устройство.
11. Clean the surface of the appliance with dry cloth. Do not use corrosive detergent or solvent to clean. Do not swash the appliance with water.	11. Очистите поверхность прибора сухой тканью. Не используйте для очистки коррозирующее моющее средство или растворитель. Не мойте прибор водой.
12. Please turn off and unplug the appliance when not in use, make sure the power is off before pulling out the plug and do not pull the cord.	12. Выключите и отключите устройство, когда оно не используется, убедитесь, что питание выключено, прежде чем выдергивать вилку, и не тяните шнур.
13. When the appliance is not in use for a prolonged period, please turn it off, unplug it, pack it well and store it in dry cool place.	13. Когда устройство не используется в течение длительного периода времени, пожалуйста, выключите его, отключите, упакуйте его хорошо и храните в сухом прохладном месте.
14. Forbid to put flammable and explosive objects around the appliance, and do not use the appliance in an environment full of flammable gas and powder. Keep away from any fire and heat sources.	14. Запретить помещать легковоспламеняющиеся и взрывоопасные предметы вокруг прибора и не использовать прибор в среде, полной легковоспламеняющегося газа и порошка. Держитесь подальше от любых источников огня и тепла.

26. Do not use the appliance outdoors.	26. Не используйте прибор на открытом воздухе.
27. The temperature of accessible surfaces may be high when the appliance is operating.	27. Температура доступных поверхностей может быть высокой, когда устройство работает.
28. The surfaces are liable to get hot during use.	28. Поверхности могут нагреваться во время использования.
29. The outer surface may get hot when the appliance is operating.	29. Внешняя поверхность может нагреваться при работе устройства.
30. Warning: You must pay attention to the potential risk of burning when taking out the toasted slices with less than 85mm length.	30. Предупреждение: Вы должны обратить внимание на потенциальный риск ожога при извлечении поджаренных ломтиков длиной менее 85 мм.
OPERATION INSTRUCTION	
ОПЕРАЦИЯ	
1. Put bread slice into the bread slot, two slices can be inserted at most every time. Only the regular slice can be placed into the bread slot. The irregular bread can only be toasted on the toast rack and by only one piece every time. When toasting on the toast rack, press down the rack control handle to make the toast rack uplift, then put the bread on the toast rack. Lift the rack control handle to reset the toast rack after use.	1. Положите ломтик хлеба в прорезь хлеба, два ломтика можно вставить максимум каждый раз. В прорезь для хлеба можно поместить только обычный ломтик. Нерегулярный хлеб можно поджарить только на стойке для тостов и только по одному куску каждый раз. При тосте на стойке для тостов нажмите на ручку управления стойкой для подъема стойки для тостов, затем положите хлеб на стойку для тостов. Поднимите ручку управления стативом, чтобы сбросить тостовый статив после использования.
Note:	Примечание:
- Make sure the crumb tray is completely positioned in place before use.	- Перед использованием убедитесь, что лоток с крошкой полностью расположен на месте.

Рис. 3. Тепловые карты по всем участникам исследования

Таким образом, использование айтрекинга при изучении постредактирования машинного перевода текста инструкции к бытовой технике является перспективным направлением исследования инструктивного дискурса.

Литература

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 154.

Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.

Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003.

Коканова Е.С. Английские сентенциальные наречия в когнитивно-дискурсивном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.

Кондрашкина Е.Ю. Инструктивный дискурс в коммуникативно-прагматическом аспекте // Вестник МГОУ. Серия: русская филология. 2016. № 5. С. 55-62.

Fortress Toaster User Manual Model No.: TOSS13 // Fortress. URL: https://www.fortress.com.hk/pdf/BP_11170953_EN.pdf.

Maria O. Evgrafova (Arkhangelsk, Russia)
Northern (Arctic) Federal University

COGNITIVE RESEARCH AND INSTRUCTIVE DISCOURSE

The paper concerns the possibilities of applying the cognitive approach to studying the instructive discourse with the use of eye-tracking. Special attention is given to the strategies of post-editing machine translation of the user manual for the household appliance. It is estimated how cognitive load effects the quality of post-editing machine translation output.

Key words: instructive discourse, user manual for the household appliance, eye-tracking, strategy of post-editing machine translation, cognitive load

М.В. Ерещенко (Ростов, Россия)
Южный федеральный университет
mar.ereshchenko@yandex.ru

МЕХАНИЗМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ В СЕТЕВОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются вопросы механизмов воздействия в сетевом дискурсе. Любая коммуникация предполагает воздействие, которое в сетевом дискурсе проявляется в изменении статуса адресата, где он становится объектом воздействия. Планируя ту или иную форму воздействия, участники сетевого общения выбирают определенную коммуникативную тональность, социальную роль, моделируемую соответствующим жанром сетевого дискурса.

Ключевые слова: воздействие, сетевой дискурс, жанры речи, формат коммуникации

Многомерность и партитурность коммуникативного поведения реализуется в совмещении планов общения: зоны фатики и информатики, воздействия, самопрезентации и др. Поскольку любая коммуникация предполагает воздействие, тот факт, что адресат узнает, интерпретирует, понимает информацию в заранее заданном формате, пытается предпринять какие-то действия, является результатом прямых или не прямых элементов воздействия. Стратегия коммуникации в сетевом дискурсе проявляется в изменении статуса адресата, где он становится объектом

воздействия, выполняющим то или иное действие [Ерещенко 2023: 437].

Тотальное расширение сетевого дискурса, который является объединением людей, имеющих близкие интересы, привело к максимальному сокращению дистанции общения, размывая грани между приватным и публичными форматами коммуникации. Э. Холл, основываясь на типовом расстоянии между участниками общения, принятом в той или иной культуре, выделил следующие дистанции между коммуникантами: дружеская, интимная, социальная и публичная [Hall 1969]. Противопоставление приватной и публичной коммуникации намеренно нарушается в сетевом дискурсе, ломаются привычные стереотипы: устанавливается и поддерживается сокращенная коммуникативная дистанция, характеризующаяся поддержанием фоновой вежливости [Карасик 2019].

Преследуя определенную коммуникативную цель и планируя ту или иную форму воздействия, участники сетевого общения выбирают коммуникативную тональность для целостного восприятия и понимания текста «целостная интерпретация выполнена в одной тональности» [Демьянков 1989: 140]. В сетевом дискурсе, в зависимости от жанра сетевого общения и коммуникативных намерений его участников, отмечается специфическое проявление коммуникативной тональности. Исследование сетевого дискурса позволило выделить более десяти типов коммуникативной тональности: статусная, информативная, манипулятивная, агрессивная, фатическая, торжественная, шутливая, идеологическая, гипотетическая, эзотерическая, менторская, фасцинативная [Карасик 2007].

Сокращение дистанции общения и выбор определенной тональности представляют собой некий инструментарий для воздействия на адресата. Сетевой принцип организации коммуникации базируется на равенстве его участников, пытающихся произвести впечатление, взаимное воздействие. В результате такого общения коммуниканты намеренно или ненамеренно сообщают информацию о себе (information given and information given off) [Goffman 1981]. Стремясь быть «на виду», найти новую идентичность, участники сетевого общения примеряют разную социальную одежду, разные социальные статусы, создают себе образы, наполняя их деталями, комбинируя и сочетая системы кодов и знаков, заставляя адресатов смотреть, видеть и верить [Олянич 2007: 103]. Социальная сеть способна эффективно регулировать объем таких знаков, а также их насыщенность информацией и эмоциями. Выстраиваются когнитивных моделей освоения виртуальной действительности [Болдырев 2009; Болдырев 2019].

Результатом сетевой коммуникации и развития сетевых сообществ являются социальные действия. В связи с этим целесообразно обратиться к типологии социальных действий, предложенной Ю. Хабермасом, в которой выделяются телеологические, нормативные, драматургические и коммуникативные действия. Суть этих социальных действий состоит в достижении определенной цели в процессе разыгрывания и смены ролей, интерпретации сигналов при взаимодействии коммуникантов и при помощи действий, обусловленных ценностями данного общества [Habermas 1984: 85-86].

Основу виртуальных стратегий составляют стратегии непрямого взаимного

воздействия образа на адресатов и адресатов на образ. Механизмами такого воздействия становятся удивление, очаровывание, эпатаж, тщательная разработка сценария и его вариантов (в зависимости от реакции участников сетевого общения), эксплуатация авторитета, ценностные ориентиры группы, готовность принять предлагаемый, а иногда навязанный социальной сетью образ [Полборн 2003]. В данном случае проблемы кризиса идентичности и стремление найти новую идентичность, могут привести к поиску новых социальных ролей и социальных практик: возраст, гендер, образование, принадлежность к той или иной лингвокультуре, групповая идентичность. Рождение новой социальной роли моделируется соответствующим жанром сетевого дискурса. Размещая тексты в жанре репортажа, можно легко моделировать образ «журналиста или репортера». Образу «лидера, управленца, коуча» поддерживаются агитативными, «звезды или модели» – демонстративными, «психолога, наставника» – прескриптивными [Карасик 2019]. Становится все сложнее определить степень искренности, взволнованности, заинтересованности.

Так, например, в социальной сети TenChat копирайтер размещает пост «Успешный бизнес, искусство продаж или позвольте другим думать иначе». Данный текст является ярким примером демонстратива, где тип воздействия – убеждение (персуазивность в узком смысле), включающее элементы внушения путем аргументации, рассуждения, убеждения и доказательства и скрытая манипуляция (попытка оказать давление на адресата и предложить деловому сообществу услуги копирайтера). Интенциональное состояние адресанта определено, но форма высказывания сознательно избирается такой, чтобы не сигнализировать адресату об истинном интенциональном состоянии адресанта [Ерещенко 2023: 212]

Воздействующий характер коммуникации подтверждается целым набором механизмов (орфография и пунктуация в авторской редакции): ссылка на собственный опыт – «Позвольте другим думать иначе!! На эту мысль меня натолкнула невролог из Москвы, с которой работаем над контентом»; тематическое развитие «И так по каждому пункту. Я – мне – мое»; осуждение «Удивляет другое (эмодзи «задумчивое выражение лица») Люди, у которых не получается, с удивительным упорством не хотят выходить из своего мира и продолжают гнуть свою линию»; критический комментарий «Если вы не ездите на Феррари или наоборот – если не едите Доширак, то это не значит, что так не делают другие. Пока вы думаете: «Это никому не нужно», – другие делают миллионы на бижутерии или тех самых пластиковых коробочках для бананов»; тезис, ссылка на собственный опыт и аргументация «Мы все очень разные. При этом я не отрицаю наиболее общие, классифицированные специалистами (социологами, маркетологами, психологами) модели поведения. Но если один отлично воспринимает информацию на слух, то другому (как мне) нужно записать, прочитать»; назидание и намек «Когда вы закрываете какие-то каналы восприятия информации, подаете свой товар/продукт слишком однобоко со своей колокольни – вы, прежде всего, обедняете себя, лишаете себя возможностей»; совет «Поэтому советую...». В репликах-комментариях находим экспрессивную коммуникативную интенцию в

форме похвалы и манипулятивный расчет на то, чтобы вызвать чувство гордости: «Отличный пример про контейнер для банана», «Татьяна, хорошие примеры!». Репродуктив – передача чужой речи посредством пересказа, перефразирования, повтора и валюатив (согласие, присоединение к мнению), благодарность, похвала: «Ох уж эти ориентиры на самого себя») «да кому это может быть интересно?», «да об этом и так уже все знают», «я б за такую цену не купила» А за этими вопросами целый мир покупателя скрывается») Очень нужный пост! Спасибо)). «Татьяна, расширение горизонтов возможностей и каналов связи с клиентами Разные соцсети, разные темы, форматы... все это важно, если есть желание привлечь клиентов!» – подтверждение наличия контакта, намек – коммуникативная интенция с прагматическим смыслом «у меня много клиентов и мне нужны еще клиенты». Присоединение к мнению и одобрение от автора поста «Верно!», затем уточняющий вопрос «Вы ведете еще какие-то соцсети?». В ответной реплике – коммуникативный регулятив и попытка смены темы. «Да! ... запрешенку вела и до ее запрета, поэтому продолжаю. Есть клиенты. Вк полгода веду, уже парочка клиентов есть. ТГ веду. И есть еще ТГ только для эфиров, туда собираю людей со всех площадок, чтобы была опция пообщаться, но все же в одном месте, а то меня на все не хватит».

Таким образом «воздействие в сетевом дискурсе представляет собой активность субъекта, направленную на изменение или сохранение установок и мнений адресата, и соотносится с информированием и самовыражением как однопорядковыми категориями, реализующими коммуникативную функцию общения» [Карасик 2023: 49].

Литература

- Болдырев Н.Н.* Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. № 4. С. 25-77.
- Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2019.
- Демьянков В.З.* Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М.: МГУ, 1989.
- Ереценко М.В.* Единица информационного импакта: семиотический статус и интродуктивная функция дискурсообразования // Когнитивные исследования языка. 2023. № 2 (53). С. 433-440.
- Ереценко М.В.* Информация в сетевом дискурсе: распространение и интерпретация // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 210-214.
- Карасик В.И.* Жанры сетевого дискурса // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 49-55.
- Карасик В.И.* Типы воздействия в сетевом дискурсе // Язык – речь – текст в интернет-коммуникации. Нижний Новгород: ННГУ, 2023. С. 49-55.
- Карасик В.И.* Языковые ключи. М.: Гнозис, 2007.
- Олянич А.В.* Презентационная теория дискурса. М.: Гнозис, 2007.
- Полборн Р.* Образ и предвкушение. М.: Флинта, 2003.
- Goffman E.* Forms of Talk. Oxford: Blackwell, 1981.
- Habermas J.* The Theory of Communicative Action. Vol. 1. Reason and the Rationalization of Society. L.: Heinemann, 1984.
- Hall E.T.* The Hidden Dimension. N.Y.: Anchor, 1969.

*Margarita V. Ereshchenko (Rostov, Russia)
Southern Federal University*

MECHANISMS OF INFLUENCE IN NETWORK DISCOURSE

The article examines the issues of mechanisms of influence in network discourse. Any communication involves an impact, which in network discourse manifests itself in a change in the status of the addressee, where he becomes the object of influence. When planning this or that form of influence, participants in network communication choose a certain communicative tone, a social role, modeled by the corresponding genre of network discourse.

Key words: influence, network discourse, speech genres, communication format

A.V. Загуменнов (Вологда, Россия)

*Вологодская духовная семинария Вологодской епархии
Русской Православной Церкви
zaw1991@mail.ru*

ПУСТОЗЕРСКИЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье впервые в научный оборот вводится понятие «пустозерский дискурс». Описаны фазы его становления и состав участников (протопоп Аввакум, инок Епифаний, поп Лазарь, диакон Федор). В первом приближении нами дана характеристика обличения как одной из дискурсивных стратегий и раскрыты перспективы дальнейшего изучения.

Ключевые слова: текст, институциональный дискурс, дискурсивная стратегия, языковая личность, церковный раскол

Введение

Понимаем ли мы дискурс как совокупность всех текстов носителя языка [Чернявская 2001; Караулов 2010], или как «общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе» [Карасик 2002: 194], мы в конечном итоге апеллируем не к абстрактным категориям, а к конкретному человеку «с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин 2009: 5], т. е. к языковой личности. В этом, на первый взгляд, бескомпромиссном тезисе выявлена специфика всей когнитивной парадигмы: без мыслящего субъекта нет ни перцепции, ни когниции, ни тактик, ни стратегий. По этой причине мы не можем согласиться с точкой зрения, отрицающей возможность применимости термина дискурс «к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [Арутюнова 1990: 136-137]. Принятие этой позиции ведет к необоснованному отказу от развития диахронического русла дискурсивных исследований. Более того, аргумент об утраченных связях с жизнью, которые «не восстанавливаются непосредственно» можно считать несостоятельным и с точки зрения феноменологии восприятия [Merleau-Ponty 1962], и с точки зрения истории повседневности [Февр 1991].

В отличие от других исследований, где осмысливается наличие того или иного дискурса у пустозерских узников (Аввакум, Епифаний, Лазарь, Федор) [Маматов

2023; Шпаковский 2023], мы утверждаем наличие самого пустозерского дискурса как объекта языковедческого исследования со своей тематикой, участниками, жанровой спецификой и когнитивным содержанием.

1. Пустозерский дискурс: особенности объекта изучения

В первой половине XVI в. возникло несколько ошибочных мнений и убеждений, которые в дальнейшем влияли на проведение богослужения в русской православной церкви. Спустя столетие патриарх Никон осуществляет то, что необходимо было сделать задолго до этого: начинается корректура якобы «неправильных» мест в текстах часослова, миней, октоихов и других значимых книг. Против этих изменений восстало старое духовенство, протест которого на первых порах подавлялся физически. В 1666-1667 гг. был созван Большой Московский собор, на котором, с одной стороны, был низвергнут из сана патриарх Никон, а с другой – сосланы в Пустозерск наиболее влиятельные идейные лидеры сопротивления. В их число вошли протопоп Аввакум, инок Епифаний, поп Лазарь и диакон Федор. После ссылки они продолжают активную текстовую деятельность, создав значительное письменное наследие. Власть посчитала, что творческая активность идеологов староверия опасна, в результате чего всех четверых сожгли заживо в срубе 14 апреля 1682 г.

Приведенная историческая справка очерчивает контуры диалектики обсуждаемого объекта исследования. До определенного момента Аввакум, Епифаний, Лазарь и Федор выступают как носители институционального типа дискурса – религиозного. На этом этапе нет отчетливой творческой деятельности, неизвестны жанровые предпочтения, а биографические сведения частично реконструируются по авторским сочинениям более позднего периода. Впоследствии начало церковной реформы становится, метафорически выражаясь, пусковым механизмом оформления персонального дискурса для каждой из четырех языковых личностей в пределах институционального дискурса. Решаются вопросы внутри церкви, идеологи староверия противопоставляют себя сторонникам реформы патриарха Никона, но пока еще не входят в оппозицию к действующей власти. Решение Большого Московского собора и вся дальнейшая биография пустозерских узников формирует новый семиотический объект. Пустозерский дискурс – это новый, оформленный персональными дискурсами, институциональный дискурс в рамках более глобального и старого институционального дискурса Московского государства. Он в равной мере противопоставлен и выходит за пределы решения вопросов внутри церкви, генерируя модели восприятия окружающей действительности.

Пустозерский дискурс с точки зрения развития проходит следующий ряд фаз становления.

1. Нулевая фаза – будущие языковые личности-участники дискурса выполняют функции в пределах текущих речемыслительных процессов. Мы можем лишь предполагать на уровне гипотезы характерные коммуникативные действия, контекстные параметры общения, его жанровые особенности и все то, что входит в определение дискурсивной стратегии [Семенова, Корсунская 2010].

2. Подготовительная фаза – речемыслительные процессы и текстовая деятельность «до» и включая Большой Московский собор 1666-1667 гг. Этот этап можно также назвать ранним этапом церковного раскола XVII в. Уже обнаруживаются документы и сочинения языковых личностей, их самих уже воспринимают как единую группу («Изложение дѣла объ Аввакумѣ, Лазарѣ, Епифаніѣ, Ѳеодорѣ и подьякѣ Ѳеодорѣ» [Материалы для истории раскола 1876: 26]), но они еще не достигли Пустозерска.

3. Продуктивная фаза – Пустозерск становится центром творческой активности языковых личностей вплоть до их казни. Именно здесь пишутся ключевые тексты Аввакума [РИБ 1927], Епифания [Пустозерский сборник 1975], Лазаря [Материалы для истории раскола 1878] и Федора [Материалы для истории раскола 1881].

4. Мемориальная фаза – период после казни упомянутых идеологов староверия, включая наши дни. Творческое наследие живет после смерти их авторов, переписывается и хранится в рукописях. Сами языковые личности обретают новый семиотический статус, почитаются в лике мучеников, а с XX в. для них написаны специальные службы для церковного поминания [Библиотека литературы 2020].

Как видно из представленной типологии, пустозерский дискурс отличается характерной асимметрией хронотопа: если изначально он стал результатом объединения персональных дискурсов в одном локусе, то впоследствии он сам превращается в интенциональный объект при осмыслении «со стороны». При этом изменяется состав участников во времени. Аввакум, Епифаний, Лазарь и Федор как инициаторы-деятели текстового пространства после своей казни становятся смысловыми ядрами текстовой деятельности их последователей, обретая тем самым «семиотическое бессмертие».

2. Обличение как дискурсивная стратегия

Объемы статьи не позволяют раскрыть обличение как дискурсивную стратегию у всех четырех пустозерских узников, поэтому мы представим итоги анализа только по сочинениям протопопа Аввакума. Еще в годы пребывания в Даурской ссылке в одной из записок о зверствах воеводы Афанасия Пашкова обнаруживается следующий эпизод. Иакова Красноярского за опрометчивое пожелание («только бы-де воевода по государеву указу ехаль прямою дорогою, и мы бы-де нужи такие не терпѣли» [РИБ 1927: 702]) подвергся пыткам и был убит. Аввакум вспоминает: «И к моему, протопопову, зимовью мертваго кинул под окошко, что онъ, Ияковъ, на пыткѣ твориль Иисову молитву» [РИБ 1927: 702]. Далее им указано, что «ево, Аѳонасьевы, ругательства сказат странно и страшно: при смерти их и причащат мнѣ не даваль, и пречистыя тайны у меня отнял, и держал у себя въ коробке» [РИБ 1927: 704]. Эти две детали задают характеристику Афанасия Пашкова как невосприимчивого к адекватным предложениям коммуниканта. Отметим сдержанный тон в описываемых событиях. Очевидно, сама ситуация не позволяет переключиться на иные коммуникативные регистры, поскольку Аввакум зависим от расположения Афанасия Пашкова. Сама «записка» по жанру не письмо или челобитная (нет ни обращения, ни адресатов), а летопись или разновидность мартирія: указан год и подробно перечислены пострадавшие от зверств воеводы. «Об-

личается» же нехристианское поведение: Иаков Красноярский погибает как мученик, с именем Иисуса Христа на устах. Запрет на причастие умирающего по меркам XVII столетия – преступление не столько против священника, сколько против самого Бога, ведь смертный лишает умирающего пребывания в жизни вечной. Аввакум не говорит прямо, кем он видит Афанасия Пашкова – по крайней мере, сейчас. В челобитной, посланной царю Алексею Михайловичу, протопоп высказывается максимально ясно: «Ей, государь, не помнить Бога: или попь, наш братъ, или инокъ, – всѣхъ равно губить и мучит, огнем жжетъ и погубляетъ» [РИБ 1927: 729-730]. Достаточно подробно об Афанасии Пашкове сказано и в общеизвестном «Житии...» Аввакума, где значительные фрагменты также посвящены обличению, но уже в ином коммуникативном регистре.

Заключение

Пустозерский дискурс как особый объект исследования сложен тем, что это итог разлома, раскола институционального дискурса дискурсами персональными. Это, образно выражаясь, «рубец» на дискурсивной ткани культуры, со своими узорами языковых и жанровых предпочтений, стратегий и тактик. Только реконструировав языковые личности всех четырех пустозерских узников, мы сможем адекватно описать когнитивное содержание всего обсуждаемого семиотического образования, однако этот шаг в перспективе дальнейших исследований.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137.
- Библиотека литературы Древней Руси. Т. 20 (XVIII–XX века). СПб.: Наука, 2020.
- Богин Г.И.* Обретение способности понимать: работы разных лет. Т. 1. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2009.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010.
- Маматов Г.М.* Жанровые элементы маририя в «Житии Протопопа Аввакума, им самим написанном» // Вестник ТГУ. 2023. № 493. С. 73-81.
- Семенова А.В., Корсунская М.В.* Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения. М.: Ин-т социологии РАН, 2010.
- Февр Л.* Бои за историю (= Combats pour L'histoire). М.: Наука, 1991.
- Чернявская В.Е.* Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. СПб.: С.-Петербургский гос. ун-т экономики и финансов, 2001. С. 11-22.
- Шпаковский М.В.* Религиозно-философское учение протопопа Аввакума: историко-философское исследование: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2023.
- Merleau-Ponty M.* Phenomenology of perception. London: Routledge & K. Paul, 1962.

Источники

- Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита: [т. 1-9] / под ред. Н. Субботина. М.: Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1875–[1895].
- Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л.: Наука, 1975.
- Русская историческая библиотека. Т. 39: Памятники истории старообрядчества XVII века. Кн. 1, вып. 1. СПб., 1927.

*Alexander V. Zagumennov (Vologda, Russia)
The Vologda Theological Seminary of the Vologda Diocese
of the Russian Orthodox Church*

THE DISCOURSE OF PUSTOZERSK AS AN OBJECT OF THE LINGUISTIC RESEARCH

The article introduces the concept of Pustozersk's discourse into scientific circulation for the first time. We described the phases of its formation and the participants' structure (Protopope Avvakum, Monk Epiphanius, Priest Lazarus, Deacon Fedor). As a first approximation, we characterize denunciation as one of the discursive strategies and outline the prospects for further study.

Key words: text, institutional discourse, discursive strategy, linguistic personality, church schism

*О.С. Захарова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
st111446@student.spbu.ru*

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РАЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ АНАЛИТИЧЕСКОМ ОБЗОРЕ ВАЛЮТНОГО РЫНКА

В статье рассматриваются способы репрезентации рациональной оценки в жанре аналитического обзора валютного рынка. В аспекте частеречной принадлежности используемых языковых средств выявлены прилагательные, существительные, глаголы и наречия, которые могут являться нейтральной лексикой и терминами, функционируя в качестве эпитетов, сравнений, метафор, олицетворений, метонимий. Кроме того, рациональная оценка подвергается актуализации с помощью повторов и риторических вопросов. Оценка может быть выражена одним словом, словосочетанием, целым предложением, а также выходить за его рамки, формируя оценочный контекст. Объектами рациональной оценки становятся ситуации слабости валюты, малоэффективные меры, предпринимаемые для ее поддержки, а также несвоевременная реакция участников рынков на меняющиеся экономические показатели.

Ключевые слова: англоязычный дискурс, аналитический обзор валютного рынка, категория оценки, рациональная оценка, языковая репрезентация рациональной оценки

Жизнь современного общества, процессы познания мира человеком, сопряженные с категорией оценки, рассматриваемой в когнитивной лингвистике как деятельность по освоению ценности объекта [Арутюнова 1988; Вольф 1985; Шутмова 2022а, 2022б], тесно связаны со средствами массовой информации и медийным дискурсом, в наиболее широком понимании представляющим собой «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская 2006: 21]. Ярким представителем медийного дискурса является экономический медиадискурс, в частности такое его направление как валютные рынки, аналитические обзоры которых являются источником материала для исследования, проводимого на базе англоязычного сайта деловых СМИ «The Economist».

Оценка, реализуемая в дискурсе посредством «совокупности разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих по-

ложительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [Баженова 2003: 139], на основании соотношения эмоционального и рационального компонентов семантики традиционно подразделяется на эмоциональную и рациональную. Последняя ориентирована на практическую деятельность человека и характеризуется «критериями физической или психической пользы, направленностью на достижение определенной цели, выполнение некоторой функции, соответствие установленному стандарту» [Арутюнова 1988: 76-77].

В аспекте частеречной принадлежности используемых языковых средств в ходе исследования выявлены прилагательные, существительные, глаголы и наречия. Они могут являться нейтральной лексикой и терминами, функционируя в качестве эпитетов, сравнений, метафор, олицетворений, метонимий. Кроме того, рациональная оценка подвергается актуализации с помощью повторов и риторических вопросов. Оценка может быть выражена одним словом, словосочетанием, целым предложением, а также выходить за его рамки, формируя оценочный контекст.

Следующий фрагмент аналитического обзора иллюстрирует репрезентацию отрицательной рациональной оценки посредством **метафор** *ugly duckling* 'гадкий утенок', *doctors* 'врачи', *doses (of intervention)* 'меры (вмешательства)', **метафорически переосмысленного глагола** *squeeze* 'выдавливает', **эпитетов** *hapless* 'незадачливый', *sickly* 'болезненный' **нейтральной лексики** *little discernible effect* 'малозаметный эффект', *unilaterally* 'в одностороннем порядке', *decline* 'падение', *huge outflows* 'огромные оттоки' и **терминов** *intervention* 'интервенция, вмешательство', *investment* 'инвестиции': *There once was an ugly duckling. Many supposed causes of the euro's weakness do not stand up to scrutiny. The hapless doctors from the European Central Bank (ECB) have once more been intervening in foreign-exchange markets to try to revive their sickly currency, the euro. They have had little discernible effect. Intervention seldom works; on the rare occasions it does, it usually has to be coordinated with other central banks and used to squeeze speculators. But the ECB's latest doses of intervention, unlike its first in September, were carried out unilaterally. And the euro's decline has been driven not by speculators, but by huge outflows of direct and portfolio investment from Europe to America* [Economist 2000a]. Повторение термина *intervention* 'интервенция, вмешательство' акцентирует внимание читателя на объекте отрицательной оценки, которая дается ситуации слабости валюты и малоэффективных, краткосрочных мер, предпринимаемых ЕЦБ для ее поддержки.

Рассмотрим еще один пример, показывающий разнообразие средств репрезентации рациональной оценки: *The ECB is right to make one thing plain: that it is past time for the euro to get off its sickbed. But has it in fact been a victim of market misdiagnosis? Most popular explanations for its decline do not stack up. Some argue that the euro's weakness reflects the American economy's faster growth rate. That gap may now have almost closed, which could explain why the euro has recovered slightly over the past couple of weeks. But the "growth-gap" explanation does not fully explain exchange-rate movements. The Australian dollar, for instance, has plunged by almost as much as the euro against the greenback, and yet Australia's growth rate has roughly matched America's in recent years. A lot of the American dollar's strength has*

nothing to do with relative growth rates [Economist 2000a]. В данном случае оценка снижающегося курса европейской валюты репрезентируется посредством логического **сравнения** с аналогичным падением курса другой валюты относительно доллара, произошедшего на фоне иных факторов, что позволяет автору обосновать вывод о силе американской валюты: *has plunged by almost as much as the euro* ‘упал почти так же сильно, как и евро’, **олицетворений** *past time for the euro to get off its sickbed* ‘евро уже давно пора вставать с постели больного’, *victim* ‘жертва’, *the euro has recovered* ‘евро восстановился’, а также при помощи **риторического вопроса**, призванного заронить в сознание читателя сомнения по поводу истинных причин слабости европейской валюты и склонить его к принятию аргументов, приводимых автором впоследствии: *But has it in fact been a victim of market misdiagnosis?* ‘Но стал ли он на самом деле жертвой ошибочного диагноза рынка?’. **Рекурренция** словосочетания *growth rates* ‘темпы роста’ позволяет сфокусировать внимание на главном объекте рациональной оценки – на связи изменения курса валюты с усилением или ослаблением экономики страны.

В следующем контексте негативная рациональная оценка слишком длительного периода, понадобившегося участникам рынков для осознания факта сохранения низкого уровня инфляции, выражена посредством существительного *an age* ‘столетие, вечность’, имеющего значение *a very long time* ‘очень долгое время’ [Cambridge Dictionary: URL], характеризующего медленную скорость реагирования на меняющуюся ситуацию, что в условиях высокой динамичности валютных рынков воспринимается отрицательно. Отметим и метонимическое осмысление ситуации на рынках в следующем примере: *Remember, says Klaus Friedrich, chief economist at Dresdner Bank in Frankfurt, that it took the markets an age to accept that low inflation was likely to endure* ‘Помните, говорит Клаус Фридрих, главный экономист Dresdner Bank во Франкфурте, что рынкам понадобилась целая вечность, чтобы признать, что низкая инфляция, скорее всего, сохранится’ [Economist 2000b].

Анализ показал разнообразие средств актуализации рациональной оценки в жанре англоязычного обзора валютного рынка. Объектами рациональной оценки становится ситуация слабости валюты, малоэффективные, краткосрочные меры, предпринимаемые ЕЦБ для ее поддержки, слишком медленное, запоздалое осознание участниками рынков сложившейся экономической ситуации.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
- Баженова Е.А. Категория оценки // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 139-146.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.
- Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации. М., 2006. № 2. С. 20-33.
- Шутемова Н.В. Виды экспертной оценки творчества И. Наховой в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2022а. Т. 14, вып. 3. С. 56-68.
- Шутемова Н.В. Параметр значимости в реализации категории оценки в искусствоведческом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2022б. № 3. С. 469-472.

The Economist. There once was an ugly duckling. Many supposed causes of the euro's weakness do not stand up to scrutiny. 2000a. URL: <https://www.economist.com/leaders/2000/11/09/there-once-was-an-ugly-duckling>.

The Economist. Bouncing back? There are signs that the euro's tumbling days may be drawing to a close. 2000b. URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2000/11/02/bouncing-back>.

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>.

*Olga S. Zakharova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

MEANS OF REPRESENTATION OF RATIONAL EVALUATION IN THE ENGLISH-LANGUAGE ANALYTICAL REVIEW OF THE FOREIGN EXCHANGE MARKET

The article discusses the ways of representing rational evaluation in the genre of analytical review of the foreign exchange market. Adjectives, nouns, verbs and adverbs have been identified in the aspect of the part of speech belonging of the language means used. They can be neutral vocabulary and terms, functioning as epithets, comparisons, metaphors, personifications, and metonymies, in addition, rational assessment is actualized through repetition and rhetorical questions. Evaluation can be expressed in a single word, phrase, or whole sentence, as well as go beyond it, forming an evaluative context. The objects of rational assessment are situations of currency weakness, ineffective measures taken to support it, as well as the untimely reaction of market participants to changing economic indicators.

Key words: anglophone discourse, analytical review of the foreign exchange market, evaluation category, rational evaluation, rational evaluation representation

*Ю.Е. Иванова (Москва, Россия)
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
YUEIvanova@fa.ru*

*Е.И. Михалева (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
MihalevaEI@mgu.ru*

АРГУМЕНТАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОГОВОРЯЩИХ УЧАСТНИКОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДИСКУССИИ

В статье рассматриваются особенности дискуссионного общения русскоязычных студентов на английском языке. Кратко суммируются и излагаются основные характеристики и цель коммуникации в дискуссии. Выявляются и описываются основные проблемы в аргументативном взаимодействии студентов, которые не позволяют придать дискуссии продуктивный характер. *Ключевые слова:* англоязычная дискуссия, русскоязычные студенты, воздействие в коммуникации, аргументативное взаимодействие

Неослабевающий интерес к многостороннему общению со стороны ученых, разнообразные фокусы и подходы в рассмотрении этого явления, с одной стороны, а также необыкновенная продуктивность дискуссии в разработке и принятии решений в различных дискурсах (деловом, педагогическом, политическом, массово-информационном и др.), с другой, позволяют говорить об *актуальности* выбранной темы.

Особенно актуальной эта проблема становится для студентов, уже в достаточно высокой степени владеющих лексикой и грамматикой английской речи, ее фонетическим оформлением, но имеющих сложности при творческой интерактивной работе, когда необходима аргументация с целью убеждения собеседников в своей точке зрения, а также продуктивное взаимодействие с участниками коммуникации. Требуется специальная работа по развитию и совершенствованию этих качеств, учитывая тот факт, что на школьной ступени образования данной компетенции не уделяется специального внимания; ввиду этого не все студенты способны правильно оценивать и действовать в ситуации диалогического общения на английском языке.

Следует отметить, что в отечественной лингвистике для формы общения, в которой участвует более двух коммуникантов, используется термин «полилог». Однако существует и другая точка зрения, разделяемая нами в данном исследовании, согласно которой в диалоге может быть любое число участников; это процесс общения между двумя и более лицами [Энциклопедия «Кругосвет»: URL].

В зарубежной лингвистической традиции для описания коммуникации подобной полилогу употребляются термины «диалог», «conversation», «interaction», «discourse». Д. Кристал выделяет только такие формы общения как монолог и диалог, причем в диалоге могут принимать участие более двух коммуникантов [Crystal 2007: 263]. Автор исходит из идеи деления по признаку вовлеченности сторон в общение: так, монолог не предполагает вопросно-ответной формы общения и какой-либо ответной реакции, тогда как в диалоге они играют главную роль [там же: 262-266].

Многие исследователи, занимающиеся вопросами взаимодействия в диалогическом дискурсе (Т. Ван Дейк, В.И. Карасик, К.К. Фаизова и др.), справедливо отмечают «сложность в овладении данного вида коммуникации, требующей знания этапов ведения диалога, умения аргументировать свою позицию, выстраивать контраргументы, убеждать и воздействовать на партнеров по коммуникации, а также взаимодействовать с ними» [Иванова 2019: 138]. Другими словами, в общении должны быть задействованы и реализованы коммуникативные, перцептивные и интерактивные умения. Причем, по нашему мнению, интерактивность играет ключевую роль в общении, превращая отдельные речевые высказывания в целостное коммуникативное событие, вынуждая участников интенционально подходить к аргументации, прогнозировать речевое поведение собеседников и выстраивать аргументы с учетом знаний языковой картины мира адресата для оказания желаемого воздействия.

Важно отметить, что основной характеристикой коммуникации в дискуссии выступает адресованность речи, которая определяет ее успешность и помогает обеспечить оптимальное восприятие информации партнером по коммуникации. Целью речевого акта будет стремление адресанта сделать понятными для адресата свои коммуникативные интенции [Иванова 2016]. Выбор наиболее эффективных стратегий и тактик воздействия и взаимодействия с партнерами по коммуникации обеспечит оптимальный результат. В соответствии с этим подходом, в убеждающей коммуникации можно наблюдать взаимовлияние говорящего и

слушателей, в результате которого «осуществляется коррекция модели мира обоих коммуникантов» [Иссерс 2012: 25]. Как справедливо отмечают Н.Н. Болдырев и В.С. Григорьева целью аргументативного вида коммуникации будет «внесение возможных изменений в модель мира адресата или адресатов и установление консенсуса между говорящим и слушающим или слушающими посредством убеждающего дискурса» [Болдырев, Григорьева 2020: 47].

Материалом для анализа послужили аудиозаписи англоязычных дискуссий русскоговорящих студентов-лингвистов 1 и 2 курса с достаточно высоким уровнем владения языком (B2).

Начнем наш анализ с общих моментов, характерных для студенческих аргументативных дискуссий за круглым столом, которые предполагают наличие общей темы для обсуждения, четко заданной структуры, ролей участников, выражающих определенную позицию в отношении темы, их активное равноправное взаимодействие с соблюдением тактик ведения дискуссии. От студентов требуется взаимодействовать со своим оппонентом и с другими участниками беседы, грамотно владея просодическими средствами, демонстрируя ритмико-интонационную выразительность речи. Техники речевого взаимодействия (навыки поддержания разговора, уточнение позиции говорящего, (не-)согласие и др.) должны соответствовать их корректному просодическому оформлению, эмоционально-модальному значению тонов, синтагматическому членению высказывания в соответствии со смысловой и грамматической структурой предложения.

В ходе дискуссии для русскоязычных студентов было главным обсудить проблему с разных сторон, но зачастую это приводило к непоследовательному обсуждению, когда собеседники не развертывали аргументы друг друга, а выдвигали новые и затем вновь возвращались к тем, что были уже предложены другими участниками. Это может характеризовать студентов как пассивных слушателей, поскольку такая коммуникация свидетельствует о невовлеченности в общение и сфокусированности лишь на своем мнении в ожидании момента, когда можно высказать свою позицию. С другой стороны, можно предположить, что невладение стратегиями и тактиками взаимодействия в ходе коммуникации, уменьшение их значимости не позволяет собеседникам сотрудничать. Конфликтность данного вида дискурса и различия в когнитивных сферах и опыте участников предполагают выдвижение различных аргументов, но в коммуникации отсутствует интегративность, наблюдается слабая связь между компонентами дискуссии. Безусловно, что в сочетании со стратегиями кооперации, солидаризации, создания положительной тональности общения аргументы собеседников звучали бы более убедительно. Таким образом, основная цель аргументативной дискуссии, заключающаяся в достижении консенсуса по обсуждаемой теме, не достигается. Участники остаются при своих мнениях, предложенные аргументы носят разрозненный характер и не вплетаются органично с помощью многообразных стратегий и тактик в комплексную структуру дискурса. Участники коммуникации не могут анализировать и интерпретировать знания, поступающие в процессе дискуссии, чтобы использовать их максимально выгодно в процессе дальнейшего обсуждения.

Для русскоязычных студентов не характерно начинать дискуссию с самого весомого аргумента. В большинстве случаев аргументы не основаны на каких-либо фактах, статистике или демонстрационных примерах, что снижает их репрезентативность. В ходе коммуникации русскоязычные студенты очень редко начинают с отзеркаливания позиции партнера, чтобы затем на ее фундаменте выстроить свою точку зрения. Участники демонстрируют внимание к чужой позиции чаще при несогласии, но не повторяют идею, а лишь высказывают свое мнение. При таком подходе реплики русскоговорящих студентов звучат достаточно резко.

Кроме того, прагматическая реализация замысла должна выражаться в корректном просодическом оформлении высказывания, грамотной вариативности тонов, ритма, мелодики, а также тембра говорящих. Однако в речи русскоязычных билингвов наиболее частотными интерферируемыми элементами явились сбивчивость ритма, ядерные тоны воспроизводятся с погрешностями в контурном оформлении – русификация ядерных тонов, мешающая передаче эмоционально-модального значения. Отсутствие маркеров отгораживания, являющихся ярким примером достижения равностатусной и эффективной коммуникации в британской лингвокультуре [Михалева 2022], также свидетельствует о просодической интерференции на когнитивном уровне, демонстрируя связь между внешней формой и внутренним содержанием в речи ненативных носителей английского языка.

Литература

- Болдырев Н.Н., Григорьева В.С.* Доминантный принцип и интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе. Тамбов: Принт-Сервис, 2020.
- Иванова Ю.Е.* Компаративный анализ лингвокультурологических особенностей дискуссии в англоязычном и русскоязычном полилоговом общении // *Язык и культура*. 2019. № 48. С. 137-153.
- Иванова Ю.Е.* Стратегии и тактики взаимодействия с аудиторией и их проявление в деловой презентации // *На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания*. 2016. № 1 (7). С. 65-70.
- Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2012.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
- Михалева Е.И.* Прагматические особенности хеджирования в академическом дискурсе // *Вестник МГПУ. Серия: филология. Теория языка. Языковое образование*. 2022. № 1 (45). С. 113-124.
- Фаизова К.К.* Интонационная структура полилога (экспериментально-фонетическое исследование на материале современной французской драматургии): дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1988.
- Энциклопедия «Кругосвет». URL: <http://www.krugosvet.ru>.
- Crystal D.* How language works. New York: Penguin Group, 2007.
- Van Dijk, Teun A.* Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. New York: Cambridge University Press, 2008.

Yulia E. Ivanova (Moscow, Russia)

Financial University under the Government of the Russian Federation

Elena I. Mikhaleva (Moscow, Russia)

Moscow City University

ARGUMENTATIVE INTERACTION OF RUSSIAN-SPEAKING PARTICIPANTS IN ENGLISH DISCUSSIONS

The paper focuses on the features of Russian students' communication behaviour in English language discussions. The main characteristics and the purpose of discussions are briefly summarized and

stated. The problems in the argumentative interaction, which do not allow discussions to become productive are identified and described.

Key words: English language discussion, Russian-speaking students, persuasion, argumentative interaction

*В.В. Катермина (Краснодар, Россия)
Кубанский государственный университет
veronika.katermina@yandex.ru*

ПРАГМАТИКО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ОФИСНОЙ КУЛЬТУРЫ АНГЛОЯЗЫЧНОГО НЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются прагматические и аксиологические особенности англоязычных неологизмов офисной культуры. Проведенный анализ данных электронных словарей позволил выявить влияние анализируемых неологизмов на мировосприятие англоязычного общества посредством экспликации определенных институционально-заданных ценностей в дискурсе, обслуживающем данный институт.

Ключевые слова: неологизмы, дискурс, офисная культура, прагматика, аксиология

Эволюция средств Интернет-связи вызвало резкий рост неологических единиц. Их формирование «отразило в себе радикальные культурные трансформации, повлекшие за собой изменение картины мира. Интернет стал пространством изобретения и фиксации неологизмов в речи, универсальной площадкой для коллективного словотворчества – многообразия жанров сетевого общения повлекло за собой расширение возможностей рядовых участников Интернет-дискурса в плане сотворения неологизмов» [Зенина 2019: 65].

Новые слова воссоздают и передают «изменения коллективного сознания, передают специфику познавательной деятельности и установок современного человека, являются зримым носителем общественных ценностей» [Липириди 2021: 3]. Д. Кристалл дает следующую характеристику неологической единицы: «создание новых лексических единиц как реакция на изменение обстоятельств внешнего мира, приобретающее определенную актуальность внутри речевого сообщества в определенное время. Новые слова в определенной степени передают идею новизны. Новые слова в языке постоянно входят в лексикон для описания новых концепций и технологий и того, что они для нас значат» [Crystal 1995: 234].

Материалом исследования послужили примеры, извлеченные методом сплошной выборки из лексикографических электронных источников (Wordspy, Urban Dictionary, Cambridge Dictionaries Online Blog) за период 2017–2023 гг. Данные словари были выбраны потому, что в них заключена лексика, отображающая характерные черты коллективного создания новых слов.

В последние годы наблюдается научный и практический интерес к феномену корпоративной культуры. Обращение к этому явлению отражает «стремление использовать потенциал корпоративной культуры с целью повышения эф-

фективности деятельности предприятий и организаций, гармонизации социально-трудовых отношений. Достижение практических целей невозможно без серьезного теоретического освоения понятий, связанных с корпоративной культурой, однако в отечественной науке до сих пор нет однозначного определения многих понятий, осознания того, каков их потенциал, можно ли его увеличивать и какие механизмы для этого требуются. В этой ситуации представляет интерес изучение корпоративной культуры с позиций теории языка, выявление определенных закономерностей функционирования и взаимосвязи языковых единиц и элементов культуры в сфере корпоративных коммуникаций» [Селютин 2007: 3].

Корпоративная культура рассматривается как «фактор, который может быть использован для максимизации эффективности деятельности организации, укрепления ее целостности, улучшения механизмов социальной сплоченности работников, повышения их производительности и мотивации труда» [Селютин 2007: 7].

Современные сотрудники ищут удобные, вдохновляющие пространства, которые создают ощущение спокойствия и непринужденности, открывая двери для процветания творчества. Чтобы адаптироваться к этому изменению, дальновидные компании все чаще строят офисы с учетом жилых условий.

Новой тенденцией офисного дизайна может служить «ресиммерческая архитектура» – рабочие места, созданные так, чтобы чувствовать себя как дома: *resimercial – a resimercial office combines elements of «residential» and «commercial», with comfortable furniture and design that makes it look more like a room in a home.*

Сочетание «жилого» и «коммерческого» повторно-коммерческого дизайна привносит аспекты дома в современное рабочее пространство. Отдавая приоритет благополучию сотрудников, эта философия дизайна не только улучшает эстетику рабочего пространства, но также повышает производительность и общую удовлетворенность работой. Это беспроблемная ситуация, которая включает естественное освещение, удобную мебель и элементы, вызывающие ощущение домашнего уюта, такие как теплое освещение, мягкий текстиль и растения, а также плавную технологическую интеграцию. Этот совмещенный подход привлек внимание работодателей, стремящихся создать динамичную и привлекательную рабочую среду.

Современный офис и рабочее место – важный инструмент для продуктивной работы. Неудивителен в связи с этим тот факт, что в англоязычном неологическом дискурсе появляются единицы, называющие офис (*walden zone – a room or office that contains no technology, particularly devices that have Internet connections; pivot space – an area of an office that can be used for different purposes*), рабочий стол (*standing desk – a desk at which a person stands rather than sits; smart desk – a computerized desk that can be raised for use while standing and can monitor such things as the user's movements, time spent at the desk sitting or standing, and calories burnt, and prompt the user to move about or stand up, etc.*), другие офисные предметы (*cloffice – closet that has been turned into a small office space; boffice – a bed used as a workspace by someone who works from home*).

Так, современный офис может представлять собой пространство, в котором

нет никаких технологий, особенно устройств, подключенных к Интернету. Считается, что каждому современному человеку необходима «зона Уолдена». Этот термин был придуман американским писателем Уильямом Пауэрсом в его недавнем бестселлере «Блэкберри Гамлета: Практическая философия построения хорошей жизни в эпоху цифровых технологий». Он утверждает, что мы слишком связаны, чтобы уйти от общества – как это сделал Генри Дэвид Торо, написав «Уолден, или Жизнь в лесу».

Новые рекомендации по организации офисного пространства, возникшие в связи с пандемией, существенно повлияли на тенденции обустройства современного офисного дизайна и оборудования. С одной стороны, важна эргономика и комфорт рабочего места, а с другой – безопасная работа в офисе. В этой ситуации акцент делается на гибкость планировки и концепцию Pivot Space – новую модель дизайна офисного пространства (*pivot space – an area of an office that can be used for different purposes*).

Офис должен быть многофункциональным и гибким, чтобы соответствовать текущим требованиям. Сегодня рабочее место должно быть организовано таким образом, чтобы естественно соблюдать социальную дистанцию и в то же время позволять – при необходимости – проводить безопасные встречи в компании. Офис должен быть легко узнаваем в любое время.

Поскольку сейчас и в обозримом будущем многие работают и будут работать из дома, люди проявляют творческий подход к своим рабочим местам. Диваны, кухонные столы и даже шкафы стали псевдоофисами. То же самое произошло и с офисами.

Клофис – это офисное помещение, созданное из чулана (*cloffice – closet that has been turned into a small office space*). Это тихое место, которое идеально подходит для звонков через Zoom.

Бофис – это кровать, используемая, как рабочее место для работы из дома (*boffice – a bed used as a workspace by someone who works from home*). Хотя бофис можно использовать для любого вида работы, для которого не требуется ничего, кроме ноутбука и телефона, он отлично подходит для конкретной задачи, требующей сосредоточенности и для которой есть крайний срок.

Концепция «умного» пространства распространяется и на рабочие столы. «Умный стол» – это компьютеризированный стол, который можно поднять для использования стоя и который может отслеживать такие параметры, как движения пользователя, время, проведенное за столом сидя или стоя, а также сожженные калории, а также предлагать пользователю передвигаться или вставать и т. д. (*smart desk – la computerized desk that can be raised for use while standing and can monitor such things as the user's movements, time spent at the desk sitting or standing, and calories burnt, and prompt the user to move about or stand up*). Синонимом может служить и неологизм *standing desk – a desk at which a person stands rather than sits* (стоячий стол – стол, за которым человек стоит, а не сидит).

Появление в языке новых концептов, так же, как и отрицание существующих, отражает «диалектическую природу всего происходящего: зарождение,

функционирование (взаимодействие и взаимовлияние), уход. Изучение процессов пополнения словарного состава того или иного языка позволит выявить связь между динамикой когнитивно-словообразовательных механизмов, имеющих место в лексической системе языка, и общими тенденциями языковой эволюции, а также изменениями в языковой картине мира» [Абросимова 2011: 108].

Англоязычные неологизмы офисной культуры показывают изменения, вызванные сменой парадигмы и помещением человека в центр языка и культуры. С их помощью возможно прогнозировать возможные социальные, культурные и технологические изменения. Анализируемые неологические единицы обладают склонностью выходить за пределы границ своих обычных употреблений, что связано с их когнитивно-прагматическим и аксиологическим потенциалом. Данные неологизмы – это единицы, рассмотрение и анализ которых необходимо для создания многогранной лингвистической модели.

Литература

Абросимова Л.С. Неологизмы как фактор изменения языковой картины мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1 (26). С. 106-110.

Зенина И.Н. Когнитивные и прагматические факторы образования новых слов в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 23-27.

Литуриди С.Х. Семантико-аксиологические и когнитивно-прагматические особенности сетевых английских неологизмов туристического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2021.

Селютин А.А. Корпоративная культура вуза как совокупность текстов: лингвокультурологический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007.

Crystal D. An Encyclopedic Dictionary of Language and languages. Oxford: Oxford University Press, 1995.

<http://cambridge.org>.

<http://www.urbandictionary.com>.

<http://www.wordspy.com>.

Veronika V. Katermina (Krasnodar, Russia)
Kuban State University

PRAGMATIC AND AXIOLOGICAL COMPONENTS OF OFFICE CULTURE OF ENGLISH NEOLOGICAL DISCOURSE

The article examines pragmatic and axiological features of English neologisms of office culture. The analysis of data from electronic dictionaries made it possible to identify the influence of the analyzed neologisms on the worldview of the English-speaking society through the explication of certain institutionally specified values in the discourse serving a given institution.

Key words: neologisms, discourse, office culture, pragmatics, axiology

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ СКРЕПЫ КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ МЕНТАЛЬНЫХ СТРУКТУР В РОЖДЕСТВЕНСКИХ ОБРАЩЕНИЯХ ЕЛИЗАВЕТЫ II В 2010 И 2015 ГГ.

В статье рассматриваются лингвокогнитивные скрепы в качестве лингвопроекций ментальных структур в Рождественских обращениях Елизаветы II 2010 и 2015 гг. Обоснован факт, что фреймы сопряжены с такими когнитивными скрепами как проксемы и хронемы, в то время как сценарии коррелируют с когнитивными скрепами, номинирующими историко-культурологические явления.

Ключевые слова: скрипт, фрейм, лингвокогнитивные скрепы, Рождественское обращение, Елизавета II

Работы, посвященные проблемам, тенденциям и перспективам исследования дискурса, свидетельствуют о том, что изучение механизмов и приемов воздействия на слушателя в ходе дискурса, способов, с помощью которых в дискурсе концептуализируется действительность, а также «персоналогические разработки в области дискурсивных индикаторов личностных свойств» являются актуальными областями исследований в дискурсологии [Павлова 2018: 20]. Однако практически отсутствуют публикации, посвященные когнитивным исследованиям такой разновидности политического дискурса как Рождественское обращение главы государства. Мало работ, в которых предлагаются концепции когнитивного моделирования дискурса. В проводимом исследовании за основу взята концепция триадномодульной когнитивной модели дискурса Е.А. Огневой и посредством интерпретативного подхода делается попытка соотнести языковые номинанты лингвокогнитивных скреп с некоторыми из ментальных структур, описанных в когнитивной науке. Под когнитивными скрепами в исследовании понимаются ментальные узлы, обеспечивающие целостность когнитивного сценария разворачивающегося дискурса [Огнева 2022: 1989].

Одними из традиционно выделяемых в когнитивной лингвистике ментальных структур являются фрейм и скрипт. Под фреймом понимают «структурированные концепты, а именно: собственно фрейм, схему, сценарий и когнитивную модель» [Болдырев 2014: 108], т. е. фрейм – это вид концепта. Упрощенно можно обозначить фрейм как «пакет информации о стереотипной ситуации» [Болдырев 2001: 33], он обусловлен культурой экспериенцера, представляет собой «канонизированное знание» [там же], фрейм всегда упорядочивает знания о стандартной ситуации, в его структуре обязательно отражены такие признаки, благодаря которым фрейм узнается любым членом языкового сообщества [Болдырев 2014: 111]. Несмотря на то, что фрейм структурирует знание о стандартной ситуации, он не неизменен. Так, Ж. Фоконье, М. Тернер, И. Суитсер, говоря о взаимосвязи фрейма и дискурса, указывали, что процесс порождения дискурса – это ни что иное как «последовательное развертывание ментальных пространств, след-

ствием чего является исчезновение, усиление или трансформация элементов исходных фреймов» [Соколова 2007: 237]. Фрейм, таким образом, рассматривается как динамическая структура с активными зонами. Ч. Филлмор определял фрейм как типичное событие с определенным набором участников [Рахилина 2016: 13].

По вопросу определения понятия скрипта исследователи выражают достаточно схожие взгляды. Так, согласно концепции М. Минского, скрипт – это одна из разновидностей структуры сознания. В отличие от фрейма скрипт представляет собой схему события, такую структуру сознания, в которой привычные ситуации описываются как стереотипные смены событий, «набор ожиданий о том, что должно произойти дальше» [Schank, Abelson 1977: 125]. В другой трактовке скрипт это знание того, как поступят другие участники ситуации. Скрипт, или сценарий, состоит из ряда актов или эпизодов, которые в свою очередь разбиваются на более дробные единицы, значение которых зависит от культурных и социальных факторов [Дарбанов 2017: 76]. По определению Н.Н. Болдырева, скрипты (сценарии) – это «динамически представленный фрейм как разворачиваемая во времени определенная последовательность конкретных этапов, эпизодов, фрагментов» [Болдырев 2014: 55].

В исследовании констатируется тот факт, что в структуре дискурса содержатся номинанты, которые функционируют как лингвокогнитивные скрепы, представляющие собой лингвопроекции «ментальных узлов, обеспечивающих целостность когнитивного сценария дискурса» [Огнева 2022: 1989]. Сочетание в одном номинанте хронемно-проксемных либо хронемно-лингвокультуремных, либо проксемно-лингвокультуремных свойств делает данный номинант когнитивной скрепой. По нашему мнению, разные типы когнитивных скреп сопряжены с разными ментальными структурами, а именно – скрепы культурологического, исторического типа сопряжены со скриптом, а проксемно-хронемные – с ментальной структурой фрейма. Так как ежегодное Рождественское обращение монарха к нации является значимым и ожидаемым событием в жизни британского народа и жителей стран Содружества и представляет собой особый тип политического дискурса, то его изучение может позволить выявить некий алгоритм его построения, определить его постоянные и переменные характеристики и обнаружить особенности организации конкретно взятого обращения в связи с событиями того года, когда оно было зачитано. С этой целью для изучения взяты обращения 2010 и 2015 гг.

Лейтмотивом рождественского обращения 2010 г. является объединение людей посредством различных коммуникативных приемов. В начале обращения королева отсылает слушателей к событиям четырехсотлетней давности, когда король Иаков VI (он же Иаков I) поручил группе ученых, богословов того времени составить текст единой Библии с целью преодоления религиозных разногласий в обществе. В этой части обращения присутствует значительное количество исторических и культурологических номинантов, формирующих когнитивные скрепы, в которых номинируются и проксемные свойства. В следующих примерах номинанты «*King James the Sixth of Scotland*» (*Король Шотландии Яков VI*), «*the throne of England*» (*трон Англии*), «*Hampton Court*» (*дворец Хэмптон*

Корт), «*the King James or Authorized Bible*» (утвержденная Библия или Библия Короля Якова) в совокупности с глаголами *inherited* (унаследовал), *divided* (разделенная), *convened* (созвал), *agreed to commission* (согласился поручить) активизируют ментальную структуру скрипта, содержанием которого является знание о том, как в государстве того времени инициировались и происходили значимые реформы: от осознания наличия определенной проблемы к действиям правителя (лидер, группа влиятельных лиц), который проводит реформу, что приводит к разрешению проблемы. Еще один скрипт, который реализуется при помощи хронемы «*history*» (история) в сочетании с «*turbulence*» (волнение, беспокойство), дополненной когнитивной скрепой «*the birth of Jesus Christ*» (рождение Иисуса Христа) и хронемой «*today*» (сегодня), глаголами «*survived*» (пережил), «*given*» (данный), «*celebrate*» (праздновать), представляет собой знание о том, как нечто становится ценностью, а именно: нечто зарождается в смутные времена, затем проверяется временем, вследствие чего получает заслуженное признание. Скрипты, сопряженные с указанными когнитивными скрепами, придают обращению динамизм, предполагают идею перемен, причем перемен во благо.

Далее в своем обращении королева Елизавета II через такие номинанты как проксемы «*in the parks of towns and cities, on village greens up and down the country*» (в парках больших и маленьких городов, на деревенских лужайках по всей стране), хронему «*every week*» (каждую неделю), и далее через расширительную проксему «*throughout the world*» (по всему миру) в сочетании с хронемой «*give up their time to participate in sport*» (посвящают свое время занятиям спортом) активизирует ментальную структуру фрейма, содержанием которого является пакет знаний, «картинка» о том, где и когда люди занимаются спортом.

Обращение 2015 г. построено вокруг темы Рождества как особого времени, когда люди по-особенному испытывают благодарность за все, что имеют, надеются на лучшее, испытывают радость от такого знакомого рождественского ритуала как украшение елки гирляндами и звездой или ангелом на вершине. Когнитивные скрепы в данном обращении реализуются посредством темпорально-лингвокультурного узла «*Christmas*» (Рождество), темпорально-проксемно-лингвокультурных узлов «*In 1949, I spent Christmas in Malta*» (В 1949 году я проводила Рождество на Мальте), «*70 years since the end of the Second World War*» (70 лет с момента окончания Второй мировой войны), «*a Christmas tree for Trafalgar Square*» (рождественская елка для Трафальгарской площади), «*Prince Albert's time*» (время принца Альберта) и проксемно-лингвокультурного узла «*gathering round the tree*» (сбор вокруг рождественской елки). Можно утверждать, что данные номинанты репрезентируют когнитивные скрепы, так как все они сочетают все сразу несколько характеристик – место, время и историко-культурную составляющую. Но в отличие от обращения 2010 г. большинство выявленных когнитивных скреп сопряжены с ментальной структурой фрейма, поэтому вызывают в ментальном пространстве статичные картинки, основными компонентами которых являются рождественская ель, елочные украшения, сам процесс украшения ели, ель, на которой горят десятки огней, члены семьи вокруг рождественской елки. Так как данный фрейм знаком не только представителям

британского общества, но и всего христианского мира, можно предположить, что обращение королевы Елизаветы нашло отклик у слушавших и смотревших его.

Изучение текстов Рождественских обращений королевы Елизаветы II в 2010 и 2015 гг. как информативных модулей дискурса позволило выявить наличие в них значительного количества лингвокогнитивных скреп различного типа, выполняющих функцию когнитивных аттракторов и сопряженных с ментальными структурами фрейма и скрипта.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: ТГУ им. Г.П. Державина, 2014.

Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. 2001. С. 25-36.

Дарбанов Б.Е. Теория схемы, фрейм, скрипт, сценарий как модели понимания текста // Актуальные вопросы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 6-2. С. 75-78.

Огнева Е.А. Концепция информативного кода лингвокогнитивных скреп в модели дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 6. С. 1987-1992.

Павлова Н.Д. Дискурс: актуальные направления и перспективы психолингвистических исследований // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 6. С. 16-26.

Рахилина Е.В., Тестелец Я.Г. Научное наследие Ч. Филлмора и современная теория языка // Вопросы языкознания. 2016. № 2. С. 7-21.

Соколова О.В. Категория фрейма в когнитивной лингвистике // Вестник АГТУ. 2007. № 1. С. 236-239.

Schank R.C., Abelson R.P. Scripts, plans, goals, and understanding: an inquiry into human knowledge structures. Hillsdale, N.J.: Erlbaum associates, 1977.

Queen Elizabeth II Christmas Broadcast 2010. URL: www.royal.uk/christmas-broadcast-2010.

Queen Elizabeth II Christmas Broadcast 2015. URL: <https://www.royal.uk/christmas-broadcast-2015>.

Tatiana V. Klimova (Yelets, Russia)
Lyceum no. 5 of the town of Yelets

LINGUISTIC AND COGNITIVE CONNECTORS AS A MEANS OF ACTUALIZING MENTAL STRUCTURES IN ELIZABETH II'S CHRISTMAS ADDRESSES (2010, 2015)

The article examines linguistic and cognitive connectors as a linguistic projection of mental structures in the Christmas addresses of Elizabeth II in 2010 and 2015. It is shown that frames are associated with such cognitive connectors as proxemes and chronemes, while scenarios correlate with cognitive connectors nominating historical and cultural phenomena.

Key words: a script, a frame, linguistic and cognitive connectors, the Christmas address, Elizabeth II

О.И. Колесникова (Киров, Россия)
Вятский государственный университет
usr08728@vyatsu.ru

Ю.О. Завалина (Киров, Россия)
Вятский государственный университет
usr08728@vyatsu.ru

ЛИНГВОКРЕАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МИРА В ДЕТСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье представлены результаты исследования лингвокреативного потенциала языковой личности ребенка – старшего дошкольника, который реализуется в детском дискурсе при продуцировании семантических девиаций. Концептуализация мира в фактах детских инноваций осуществляется посредством наложения семантических пространств с помощью лингвокогнитивных механизмов замещения, уподобления и переключения на художественный модус языка.

Ключевые слова: детский дискурс, концептуализация, лингвокреативность, стратегия, семантические девиации, лингвокогнитивные механизмы

Специфика концептуальной картины мира детей заключается, по данным лингвокогнитивных исследований, в ментальных продуктах креативного освоения окружающей реальности, осуществляемого на всех уровнях языковой способности индивида, среди которых важнейшим признается семантический. По мнению А.М. Шахнаровича, семантический компонент «пронизывает» всю схему порождения речи и имеет особые задачи на каждом этапе создания высказывания... семантический компонент задает перформатив, в котором фиксируются несобственно языковые, т. е. интенционально-коммуникативные, характеристики высказывания» (см. в [Сигал 2021: 552]). Как правило, любой адресант речи реализует ту или иную стратегию, действуя при репрезентации концептуализуемого объекта в дискурсе интуитивно или осознанно в соответствии со своим ментальным лексиконом.

Детский дискурс можно определить как повседневный бытовой дискурс, в котором реализуются интенции автора речи (адресанта-ребенка) на уровне доступных для его когнитивного развития и языковой способности механизмов означивания и концептуализации фрагментов картины мира.

Основой для любого речевого действия при означивании объекта считается ассоциирование, и вербализация личностного смысла, которая наблюдается у детей, имеет творческий характер, так как их языковая личность характеризуется лингвокреативным мышлением. Многочисленные факты инноваций детской речи, в том числе семантические модификации, основаны на живом и нестандартном ассоциировании, и это тот случай, когда нормы ассоциирования – как и нормы выбора варианта словообозначения реалий картины мира – находятся в стадии становления.

В настоящее время изучение лингвокреативности как характерного для мышления дошкольников свойства в детском дискурсе ведется в разных аспектах: типологии детских речевых инноваций с позиции языковой нормы [Цейтлин 2022]; как поле реализации языковой игры, на всех уровнях которой ребенком

«эксплуатируются возможности установления многомерных ассоциативных связей и интерпретационных версий при считывании прототипа в игровом слове» [Гридина 2018: 13]; с точки зрения влияния национально-культурных факторов и национального менталитета [Луань 2022]; в аспекте воздействия медиасреды на детскую языковую личность [Данюшина 2014] и т. д.

В.И. Заботкина считает, что в основе лингвокреативности лежит когнитивный механизм девиации / отклонения. В случае семантических отклонений фиксируется нарушение отношения «знак – референт», а при концептуальных девиациях нарушаются «отношения между концептуальными структурами исходного и нового значений» [Заботкина 2022: 82]. В детском дискурсе, в нашем понимании, это четкое разграничение провести сложно, так как концептуальная структура исходного значения детьми, продуцируемыми семантические инновации, еще не освоена, и они вынуждены проводить субъективные ассоциативные связи, обеспечивая в инпуте осмысленность / интерпретированность внеязыковой реалии на основе кажущихся взрослому носителю языка нетипичных / девиантных отношений.

Материалом исследования продуктов применения лингвокреативной стратегии послужили факты «детского языка» его носителей, в основном, 5-6 лет, представленные в словарях В.К. Харченко. В коллекции этих словарей отражены «одноразовые», «временные» и условно-семейные» детские слова и их значения. Словарные факты представляют собой ситуативные высказывания с кратким указанием их условий (с кем и в какой ситуации употребляют данное слово дети). С целью установления когнитивных механизмов, лежащих в основе лингвокреативной стратегии, нами был осуществлен отбор фактов, содержащих семантические девиации. Как известно, к пяти годам словотворческий бум постепенно исчерпывает свои возможности в силу когнитивного развития носителей языка, но в дискурсе старшего дошкольника демонстрируются попытки освоить фрагменты картины мира на основе уже сформировавшихся когнитивных путей «случайно» и спонтанно найденных неузальных семантических связей. Трудно не согласиться с утверждением Т.А. Гридиной, указывающей на соотносительность семантических инноваций детской речи «с ментальной доминантой личностного смысла и образно-эвристической доминантой языкового сознания ребенка» [Гридина 2020: 70]. С лингвокогнитивных позиций, в языковом сознании происходит «наложение» двух разных семантических пространств: носитель языка-ребенок находит в своем лексиконе знак, содержащий нужный концептуально-семантический признак, и, ассоциируя, проводит нетипичные связи для актуализации этого признака.

Как показывает анализ материала, наложение семантических пространств осуществляется с помощью трех разных механизмов, которые можно разграничить по степени осознаваемости условного характера репрезентанта образуемого продуцентом речи ментального образования. Подчеркнем, что в дискурсе степень близости / отдаленности накладываемых семантических пространств для ребенка не представляет особой значимости, о чем говорит серьезная коммуникативная тональность дискурса (пометы «шутл», используемая составителем словарей, нет ни в одном из приводимых далее примеров).

1. При оперировании когнитивным механизмом **замещения** в детском языковом сознании происходит «сближение» предметов (объектов), принадлежащих разным понятийным сферам на основе общих признаков, найденных субъектом дискурса. Как известно, в реальных речевых ситуациях ребенок смело и нестандартно «ассоциирует», т. е. сближает в мыслях то, что он называет, с тем, что напоминает ему этот предмет или явление» [Колесникова 2002: 7]. Наибольшей частотностью в исследуемом материале обладает замещение отсутствующей в лексиконе дошкольника номинации обозначаемого объекта (например, дерева или его частей) ассоциатом с когнитивными признаками сферы «человек». Так, в следующем диалоге фиксируется замещение «кора дерева = кожа»: *Воспитатель: какое это дерево? – Береза. – Как вы догадались? – По белой коже.* (4 г.) [Харченко 2001: 77]. Жидкая консистенция пищевого продукта вербализуется через признак, ему не свойственный, но принадлежащий той же сфере («пища»): о яблочном пюре – *Сделай мне опять яблоки **вмятку!*** (6,6 л.) [Харченко 2005: 80]. Нередки случаи отклонения при наименовании действия: *А эта улица куда **впадает?*** (5,6 л.) [там же: 78]. Семантическая девиация может сопровождаться словообразовательной – «О громоотводе: ***Отгонятель** грозы* (5 л.) [там же: 347].

2. Когнитивная сфера «человек» доминирует и при действии второго когнитивного механизма – **уподобления**. Так, в высказывании *Машина стоит на одной **ножке.** И мотоцикл тоже.* (6,8 л.) [Харченко 2002: 311] ассоциативная связь проводится в языковом сознании ребенка на основании сходства структурного внешнего признака двух объектов: транспорт «стоит» на колесе, как человек на ноге. Установление общих внешних признаков может сопровождать неосознаваемую метафоризацию при отождествлении: увидев одинаковые автомобили, стоящие рядом, ребенок восклицает: *«Смотрите, **машины-близнецы!**»* (5 л.) [Харченко 2001: 21]. Впрочем, в детском дискурсе осознаваемая метафоризация также весьма частотна: антропоморфизация – имманентное свойство детской картины мира. Пересечение семантических пространств в этом случае может быть обусловлено прагматическими факторами и, в частности, объясняться интенцией интенсифицировать проявляемый признак, например, *У тебя ручка **недокормленная:** в ней паста кончается* (5,8 л.) [Харченко 2005: 315]; *Пчела чуть не вонзила в меня свой **кинжал*** (5,11 л.) [там же: 209]. Единичным характером отличается оценочный дискурс с «отдаленной» аналогией, мотивируемой, видимо, усвоенным образцом из экспрессивно-эмоциональной речи взрослого – см. пример высказывания ребенка о бесснежной и теплой зиме – *Вот зима-а! Как **пирожок с мясом!** – Почему пирожок с мясом? – Одно название* (5 л.) [там же: 301].

3. **Механизм преднамеренной смены модуса** вербализации объекта восприятия – с обиходно-бытового на художественный – обнаруживается в фактах детского дискурса, отображающих мысленный переход говорящего субъекта в условную ситуацию. Моделируется воображаемое семантическое пространство, которое адресант вполне осознанно и целенаправленно вербализует, сравнивая концептуализируемый фрагмент мира с уже интериоризованным. В следующих фактах выход в иную когнитивную сферу обусловлен субъективным выбором объекта, которым оперирует ребенок не для конструирования отсутствующего

фрагмента языковой картины мира (как, например, в случае: «Нашупала пальцем бугорок твердого неба: *Здесь как горка, чтоб на санках кататься*» (5,7 л.) [Харченко 2005: 106]), а для передачи особого взгляда на отрезок реальности: *Дождь иголками в лужу вбивается* (4,10 л.) [там же: 78]; «После уборки: У нас здесь *так чисто, как будто ангелы здесь живут*» (5,8 л.) [там же: 19].

Таким образом, концептуализация мира в детском дискурсе может осуществляться на основе лингвокреативной стратегии, сущность которой заключается в репрезентации фрагментов языковой картины мира старшего дошкольника с помощью наложения разных семантических пространств. Установленные механизмы такого наложения – замещение, уподобление и переключение на иной (художественный) модус языка – позволяют считать природу ассоциативно-вербальной сети языковой личности ребенка-старшего дошкольника мобильной и постоянно совершенствующейся.

Литература

- Гридина Т.А.* Феномен вербальной креативности в свете инноваций детской речи: методология анализа // Стратегические ориентиры современного образования: сб. науч. статей. Ч. 2. Екатеринбург: Уральский гос. педагогический ун-т, 2020. С. 69-72.
- Гридина Т.А.* Вербальная креативность ребенка: от истоков словотворчества к языковой игре. Екатеринбург: Уральский гос. педагогический ун-т, 2018.
- Данюшина Л.А.* Детский дискурс как феномен формирующейся языковой личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2014.
- Заботкина В.И.* Креативность личности в языке и коммуникации // Вестник РГГУ. Серия: литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 8. Ч. 2. С. 182-192.
- Колесникова О.И.* Поэтическая речь в мире детей. Киров: Вятский гос. педагогический ун-т, 2002.
- Луань Л.* Русский детский дискурс с позиции китайской лингвокультурной традиции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2022.
- Сигал К.Я.* Онтогенез языковой способности в концепции А.М. Шахнаровича // Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021). М.: Ин-т языкознания РАН, 2021. С. 550-553.
- Харченко В.К.* Словарь-тезаурус детской речи. Белгород: БелГУ, 2001.
- Харченко В.К.* Словарь современного детского языка. Т. 1. Белгород: БелГУ, 2002.
- Харченко В.К.* Словарь современного детского языка. М.: Астрель, 2005.
- Цейтлин С.Н.* Детские речевые инновации // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 5. С. 36-41.

Olga I. Kolesnikova (Kirov, Russia)
Yatka State University
Yulia O. Zavalina (Kirov, Russia)
Yatka State University

LINGUOCREATIVE STRATEGY FOR CONCEPTUALIZING THE WORLD IN CHILDREN'S DISCOURSE

The article presents the results of a study of the linguistic and creative potential of the linguistic personality of an older preschooler child, which is realized in children's discourse when producing semantic deviations. The conceptualization of the world in the facts of children's innovations is carried out through the imposition of semantic spaces using linguocognitive mechanisms of substitution, assimilation and switching to the artistic mode of language.

Key words: children's discourse, conceptualization, linguistic creativity, strategy, semantic deviations, linguistic cognitive mechanism

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «МЕЧТА» В ПРОЗЕ Б.В. ШЕРГИНА

Статья посвящена изучению концепта МЕЧТА как семантически неотъемлемой части концептосферы Б.В. Шергина. На материале рассказов разных лет выявлены лексемы, участвующие в репрезентации обозначенного концепта, отражающие доминантные ценности поморов, зачастую сопряженные с выбранным ими ремеслом.

Ключевые слова: концепт МЕЧТА, лексема, концептосфера, язык поморов, язык Б.В. Шергина, художественный текст, концептуальная информация

С точки зрения когнитивной лингвистики превалирующим объектом художественного текста является концепт [Комкова 2021: 98]. Исследование концептосферы того или иного автора «подразумевает последовательное рассмотрение отдельных концептов в контексте всего его творческого наследия» [Ломакина 2019: 781]. Концептосфера состоит из нескольких уровней: концепт-идея, концепт – авторский замысел, концепт-образ, концепт-художественный прием, концепт-языковой элемент [Ломакина 2015: 122], содержащих в себе некую концептуальную информацию. Следует отметить, что та концептуальная информация, которую «кодирует язык, является наиболее существенной, и именно концепт определяет семантику языковых единиц, используемых для его передачи» [Болдырев 2021: 84].

Система ценностей и особенности нравственных мировоззрений отдельного этноса отражены в произведениях писателей конкретного региона [Ломакина 2021: 172]. Произведения Б.В. Шергина как транслятора культуры Поморья [Комкова 2021: 75] включают не только узуальную лексику и фразеологию, но и окказиональную, на которую оказали влияние именно эндемические особенности, характеризующие быт, обычаи, культуру Архангельского края [Комкова 2021: 100].

Вообще суровое своеобразие поморской жизни, труда мастеров-корабельщиков напрямую связаны с выбранным ими ремеслом, о котором «грезят они еще несмышленишами мамкиными, и несут эту думу до последних дней своих, которые чтут на берегах несопкойного Белого моря» [Горелов 1983: 8], поэтому концепт МЕЧТА является одним из определяющих концептов в творчестве Шергина.

Цель данной статьи – изучить особенности репрезентации концепта МЕЧТА в прозе Шергина. Материалом исследования стали такие рассказы писателя, как «Миша Ласкин», «Для увеселенья», «Матвеева радость», «Слово о Ломоносове».

В выбранных нами рассказах основным лексическим средством репрезентации концепта МЕЧТА является одноименная лексема. Согласно «Словарию русского языка», лексема *мечта* имеет пять лексико-семантических вариантов: «1. Что-либо, созданное воображением, понятием. 2. Процесс создания в воображении каких-либо образов, представляемых как существующие. 3. Мысль, дума о чем-либо сильно желаемом, манящем; стремление, желание. 4. *Разг.* О чем-либо являющемся пределом желаний (употребляется как высшая оценка чего-либо). 5. О чем-либо нереальном, несуществующем или неосуществимом» [МАС: 404].

Данный концепт репрезентируется в прозе Шергина в третьем значении, но при этом значительно углубляется за счет понимания семантики лексемы не просто как ‘желания, побуждения’ но и грез ‘о чем-то нереальном, являющемся пределом самых сокровенных стремлений’ [Комкова 2021: 102].

Так, в рассказе «Миша Ласкин» друзья, будучи еще детьми, мечтали о своем собственном суденышке, и каждый день вставали спозаранку, чтобы улучшить простую шхунку, купленную Мишей на их общие сбережения. Эти детские «чаяния семимильными шагами приближали героев наших к достижению высшей цели – корабельному строительству» [Горелов 1984: 4]: «*Мечтали мы о легкой лодочке. И вот такая лодка объявилась в дальней деревушке... Миша сам туда ходил... Лодка стоила не дешево, но... Мишино желание и старание, и мастер не только сбавил цену, но и сделал льготу: половину денег сейчас, половину – к началу навигации*» («Миша Ласкин»). Употребление глагола *мечтали* вместо однокоренного существительного усиливает ценность упований мальчишек, придает им незамедлительное действие [Лихачев 2014: 44]. Существительное *лодка* в рассказе символизирует саму надежду друзей на обретение долгожданной покупки и выступает контекстуальным синонимом к существительным *желание* и *старание*. Употребление суффикса субъективной оценки в лексеме *лодочка* придает ожиданиям героев «неподдельную чистоту и искренность, свойственным подчас исключительно детскому характеру» [Горелов 1984: 4]. Лексема *мечта* синтезируется в рассказе посредством двух значений [Зализняк 2010: 14]: ‘стремление обладать желаемой вещью, являющейся при этом пределом всех грез’.

Мечта для помора «порой жизни превыше, ибо лишь ее достижение дарит долгожданное счастье» [Горелов 1983: 10]. В рассказе «Для увеселения» повествователь долгие годы стремится попасть на необитаемый островок, где погибли братья Иван и Ондreja Личутины, так как во время ночевки их карбас отбило от берега, и они не смогли вернуться домой. Но братья не предались унынию, а высекли на деревянной столешнице для чистки рыбы себе вечную память, передаваемую потомками из уст в уста. Для рассказчика увидеть эту дощечку, высеченную руками братьев, значит, «приобщиться к общему корабельному делу навеки, сулящему то морские дары, то неминуемую гибель, а разве есть для помора чаяние сокровеннее, чем чаяние породниться с теми, кто изо дня в день преодолевают загадочную гладь седого молчаливого Гандвига?!» [там же]: «*История, рассказанная мезенским стариком, запала мне в сердце. Повидать место покоя безвестных художников стало для меня заветной мечтой*» («Для увеселения»). Фразеологическая единица – трансформ *запала мне в сердце* актуализирует ни с чем не сравнимое для повествователя стремление осуществить свою *мечту* – увидеть оттиск братьев своими глазами. Лексема *мечта* выступает в значении ‘непреодолимого стремления к чему-либо’.

Поморы умеют мечтать как никто другой, а «грезят они всегда, в первую очередь, о собственном карбасе, ибо это пропитание, ибо это свобода и счастье» [там же: 8]. В рассказе «Матвеева радость» главный герой Матвей Корелянин долгие годы грезит о собственном судне, чтобы больше не работать на хитрого купца Василия Зубова, который после каждой морской экспедиции отнимает у

него все до последней крохи. Матвей хочет обеспечить детей и жену, хотя его супруга Матрена ни разу не попрекает мужа, пусть живут они бедно и тяжело, ведь Зубов, обещавший продать им карбас, забрал все деньги, собранные за столько лет, а корабль переписывать на Матвея отказался. И вот, когда надежды почти нет, «Матюшке приходит на помощь его еще детская мечта»: на Севере устанавливается советская власть, и его делают председателем местного рыбопромышленного товарищества, «ибо в глубине души он всегда верил, а вера и есть мечта, только счастливо сбывшаяся» [там же]: «*За зиму скончил я ремонт. Сам не спал и людям спуску не давал... но все это время я проживал в радужных мечтах*» («Матвеева радость»). Просторечный глагол *skonчил* настраивает читателя («на плавную манеру повествования жизни простого Архангельского мужика, созидает ее, как живую» [там же: 7]. Использование компонента лексемы *мечта* в составе фразеологической единицы в *радужных мечтах* придает повествованию «оттенок положительного финала в Матвеевой жизни, полной невзгод и суровых испытаний» [там же]. Лексема *мечта* репрезентирована в значении ‘о чем-либо являющемся пределом исполнения всех желаний’ при сопутствующей семантизации [Зализняк 2010: 14] грез как ‘стремления достижения наивысшей цели’.

В рассмотрении концепта *мечта* наиболее показательным, на наш взгляд, является рассказ «Слово о Ломоносове», подтверждающем, что искренние и честные желания человека, подкрепленные «недюжинным трудолюбием и усердием всегда доставят его в край осуществившихся стремлений» [Горелов 1983: 11]. М.В. Ломоносов, будучи выходцем из богатой поморской семьи, мог продолжить дело своего отца, но он отправляется в далекую и «пока такую чужую для него Москву, ибо тяга к знаниям всего сильнее в нем. Подкупает в Михайло и то, что даже в чужих краях он остается истинно русским, простым мужиком, получающим бездну знаний не сколько для себя, сколько для народа русского» [Горелов 1984: 5]: «*Об Европах мечтать было нечего, но Михайло начал собирать сведения насчет Петербургской академии*» («Слово о Ломоносове»). Употребление существительного *singularia tantum ob Европах* во множественном числе придает конструкции оттенок просторечия и актуализирует желание героя учиться лишь во благо России. Шергин вновь использует глагол *мечтать* вместо существительного *мечта*, тем самым наращивая градиционную последовательность действия: от простого студента до известного на весь мир ученого. Лексема *мечта* приведена в значении ‘мысль о чем-то сильно манящем’.

Таким образом, концепт МЕЧТА в рассказах Шергина репрезентирован в значении ‘непреодолимое стремление к достижению заветной цели, включающей грезы о чем-то едва ли осуществимом, но при этом безмерно желанном’, и максимально приближен к лингвокультурной репрезентации: от понимания мечты как желаний и заветных чаяний каждого человека до веры в то, что владение морским промыслом станет свершением самых заветных иллюзий, ставших явью в волшебном крае, на Поморской земле.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021.

Горелов А. Поморское узорочье // Шергин Б., Писахов С. Сказы и сказки. М.: Современник, 1983. С. 6-15.

Горелов А. «Словесный жемчуг» Бориса Шергина // Шергин Б. Повести и рассказы. Л.: Лениздат, 1984. С. 3-9.

Зализняк А.А. Из заметок о любительской лингвистике. М.: Русский Мир, 2010.

Комкова Н.И. Лексико-фразеологическое пространство художественной прозы Б.В. Шергина: дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.

Лихачев Д.С. Заметки о русском. М.: Колибри, 2014.

Ломакина О.В. Концептуализация общечеловеческих ценностей в пословицах (на материале русского, узбекского и таджикского языков) // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 172-175.

Ломакина О.В. Фразеологические средства вербализации концепта «смерть» в творчестве Л.Н. Толстого // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 780-785.

Ломакина О.В. Фразеология в языке Л.Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2015.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. К-О / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984.

Nina I. Komkova (Tula, Russia)

Nikita Demidov Tula Institute of Management and Business

FEATURES OF THE REPRESENTATION OF THE CONCEPT “DREAM” IN THE PROSE OF BORIS SHERGIN

The article is devoted to the study of the concept DREAM as a semantically integral part of the conceptual sphere of prose of Boris Shergin. The lexemes involved in the representation of the designated concept are revealed, reflecting the dominant values of the Pomors, often associated with their chosen craft, based on the material of stories from different years.

Key words: the concept DREAM, lexeme, conceptual sphere, the Pomors' language, the Boris Shergin's language, literary text, conceptual information

М.Н. Коннова (Калининград, Россия)

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта
mkonnova@kantiana.ru*

И.Д. Нахрчев (Калининград, Россия)

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта
i.nakhrchev@gmail.com*

ЯЗЫКОВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЦЕННОСТНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В РУССКОМ СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ

На примере сочетаний с прилагательным *комфортный* анализируются смысловые смещения, происходящие в содержательном пространстве русскоязычного спортивного дискурса последней четверти века. Демонстрируется, что изменения сочетаемости отражают процесс языковой глобализации и эксплицируют аксиологические сдвиги, происходящие в русской языковой картине мира под влиянием американского варианта английского языка.

Ключевые слова: спортивный дискурс, глобализация, когнитивный сдвиг, аксиология, модели сочетаемости

Современный спортивный дискурс имеет синтетический, эклектичный характер. Присущая ему открытость, способность «наслаиваться» на другие типы

дискурса сближает спортивный дискурс с дискурсом масс-медиа, посредством которых происходит распространение спортивной и около-спортивной информации [Зильберт 2001: 107]. Медиа-пространство спорта – неотъемлемая часть жизни современного общества, платформа для обсуждения финансовых, социальных и политических вопросов [Sadri et al. 2022]. В условиях экономической глобализации и стремительного развития цифровой медиа-индустрии международные спортивные соревнования приобретают статус глобальных медиа-событий, обладающих значительным символическим, экономическим и политическим потенциалом [Mauro 2020].

К числу основных факторов, определяющих состояние русского спортивного дискурса последних трех десятилетий, относится языковая глобализация, осуществляемая в форме активного проникновения в русскоязычные тексты элементов американского варианта английского языка – слов, фразеологизмов, грамматических форм, синтаксических конструкций и семантических моделей. В отличие от традиционных для спортивного дискурса интернационализмов, представлявших собой этнокультурно нейтральные знаки, «в которых универсальному плану содержания соответствовал наднациональный план выражения» [Свое vs чужое 2019: 330], англоглобализмы входят в русский язык не как имена новых реалий, но как словесные символы чужого когнитивного и культурного опыта.

В настоящей статье влияние языковой глобализации на ценностное содержание спортивного дискурса рассматривается на примере функционирования субстантивных сочетаний с прилагательным *комфортный*. Образованное в середине XIX в. от заимствованного из английского языка существительного *комфорт*, оно вплоть до конца минувшего столетия «находится в тени» своего семантического дублета – однокоренного прилагательного *комфортабельный* (англ. *comfortable*) и значительно уступает ему по частотности употреблений. В 1990-2000-х гг. стремительная экспансия образа «комфортной жизни» приводит к экстраполяции идеи комфорта, первоначально ограниченной представлением о внешнем благополучии, на все сферы жизнедеятельности индивида и социума. Этот процесс сопровождается максимальным расширением семантической валентности прилагательного *комфортный*. В сочетаниях с именами широкого смыслового спектра, как предметными (напр., *комфортная обувь*), так и абстрактными (напр., *комфортное искусство*), анализируемое прилагательное реализует синкретичное значение «удобный, благоприятный для человека, его жизнедеятельности и самочувствия», «доставляющий приятные ощущения».

Согласно данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), в спортивном дискурсе первые фиксации субстантивных конструкций с прилагательным *комфортный* относятся к началу 2000-х гг.: *комфортный задел* (2000), *комфортное преимущество* (2001), *комфортный счет* (2002), *комфортный отрыв* (2003), *комфортный перевес* (2003). Ср.:

(1) После сделанных Давыденко накануне смелых заявлений о том, что на грунте Хьюитт фаворитом не является, австралийцы от Хьюитта ждали только победы, причем убедительной. Будто его и без этого не давит пресс статуса первой ракетки, от которой требуется побеждать всегда, везде, даже если не очень

то и хотелось. Хьюитт начал бодро. Первым делом создал себе *комфортный отрыв*, сделал дежурный брейк и приготовился на чистом классе довести первую партию до конца без дополнительных усилий. Давыденко отвечать не спешил. <...> А стоило начаться второму сету, как все изменилось [Известия, 30.05.2003; здесь и далее примеры приводятся по НКРЯ].

Значение, присущее прилагательному *комфортный* в примере (1), отличается от узуального для неспециализированных текстов значения физического или психологического довольства. Семы предельности, присущие единицам ближайшего контекста – «ждали *только победы, причем убедительной*», «статус *первой ракетки*», «*побеждать всегда, везде*» – актуализируют типичные для спортивного дискурса антитезы «победа» vs «поражение», «сила» vs «слабость». В традиционной русскоязычной картине мира пограничная ситуация преодоления, ассоциируемая с актуализируемым в приведенном примере образом борьбы, несовместима с идеей умеренности, передаваемой прилагательным *комфортный*. Возникновение сочетания *комфортный отрыв*, в котором определение замещает более привычные для подобного контекста слова *значительный, существенный, достаточный*, свидетельствует о произошедшем в значении слова *комфортный* семантическом сдвиге. Очевидно, что смысловое смещение является результатом иноязычного влияния, а именно англоязычных текстов спортивного дискурса, где сочетания с прилагательным *comfortable* фиксируются с первой трети XX в., ср.:

(2) *Here a stretch of rough water called forth desperate efforts, threw two capsized sportsmen to the waiting rescue ships, gave a comfortable lead to a seaworthy Corker sea sled driven by Charles P. Stevens [Time Magazine, 25.06.1928; Time Corpus 2023] – рус., букв.: В этом месте участок бурной воды потребовал [от участников гонки] отчаянных усилий, выбросил двух опрокинувшихся спортсменов на поджидавшие их спасательные суда, обеспечил удобное преимущество [во времени] мореходным саням «Коркер» под управлением Чарльза П. Стивенса.*

В примере (2) прилагательное *comfortable* выступает в роли смещенного определения, реализуя метонимическое значение «*вселяющий спокойствие и уверенность, не создающий беспокойства*» (ср. «allowing to be relaxed; causing no worries, difficulty, or uncertainty, e.g. The team has a *comfortable* 6–0 lead [a large lead that makes a victory seem certain]» [The Britannica Dictionary 2023]).

Обращает на себя внимание отличие эмоционально-оценочных коннотаций, сопровождающих определения англ. *comfortable* – рус. *комфортный* в примерах (1) и (2). Англоязычное новостное сообщение лишено отчетливой прагматической специфики. Русскоязычный репортаж структурируется антитезой «[завышенные] ожидания [болельщиков]» vs «реальность». Сочетание *комфортный отрыв* соотносится с представленным в первой части примера стереотипным образом теннисиста – «первой ракетки мира». Прилагательное *комфортный* актуализирует не только перенесенное из английского языка значение «достаточный для уверенности в победе», но и дополнительные прагматические семы легкости, простоты, удобства, которые сформировались у прилагательного *комфортный* в рамках неспециальных дискурсов. В примере (1) эти со-значения эксплициру-

ются словами *дежурный* («ставший привычным вследствие постоянного употребления»), *на чистом классе* («с показным мастерством»), *без дополнительных усилий*. Антитеза, вводимая союзом *а* – «А стоило начаться второму сету, как все изменилось» – подчеркивает преждевременность выводов о предстоящей победе, сообщая всему предшествующему фрагменту – и в его составе сочетанию *комфортный отрыв* – ироническое звучание.

Ироническое прочтение в целом не является типичным для функционирования прилагательного *комфортный* в спортивном дискурсе. В подавляющем большинстве случаев оно выступает синонимом привычных в данном контексте оценочных слов – *значительный* (напр., *отрыв*), *большой* (напр., *преимущество*), *явный* (напр., *перевес*), *необходимый* (напр., *задел*), *хороший* (напр., *результат*). Отличие прилагательного *комфортный* в сочетаниях подобного рода – его отчетливая субъективно-психологическая модальность, в рамках которой единственной точкой референции при оценке реальности оказывается «я» говорящего. Еще одна особенность его семантики – идея умеренности, предполагающая отсутствие каких-либо крайних состояний, отрицательных или положительных. Так, сочетание *комфортная ничья* (2008) указывает на результат, не только устраивающий говорящего, но и достигнутый им без чрезмерного напряжения сил. Ср.:

(3) В первом четвертьфинальном матче Лиги чемпионов ... травму получил самый важный игрок Barcelona – Лионель Месси. В Париже без не вышедшего на второй тайм лидера команда Вилановы добилась вполне *комфортной ничьи* 2: 2 [Коммерсант, 12.04.2013].

В рамках спортивного дискурса идеи «умеренности» и «уравновешенного» довольства, которые актуализирует словом *комфортный*, могут вступать в конфликт с традиционными для русской картины мира представлениями о спорте как преодолении. Семантическая несовместимость наблюдается в сочетаниях с субстантивами агональной семантики, напр., *комфортный противник*, *комфортный соперник* (англ. *comfortable rival*). Имплицитный оксюморон заключает в себе смысловая структура сочетания *комфортная победа*, представляющее кальку англ. *comfortable victory* («предсказуемо легкая победа»). Образ преодоления, лежащий в основе внутренней формы слова-символа *победа*, предполагает предельность, которая характерна наиболее частотных коллокаций с этим существительным, напр., *полная, окончательная, великая, блестящая, славная (победа)*. В сочетании *комфортная победа* идея преодоления нивелируется.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что перенос англоязычных коллокативных моделей на почву русского спортивного дискурса нередко отличается высокой долей искусственности. Характерной особенностью функционирования англоглобализмов в спортивном дискурсе является, с одной стороны, их суженное, по сравнению с узуальным, значение, с другой – обязательное наличие прагматического, оценочного компонента. Входя в спортивный дискурс языка-реципиента, англоглобализмы становятся своеобразными «порождающими моделями», активная экспансия которых приводит к аксиологическому переформатированию русскоязычной картины мира. Механическое калькирование сочетаний с прилагательным *комфортный* (англ. *comfortable*)

приводит, с одной стороны, к размыванию аксиологических границ спортивного дискурса, с другой – к деаксиологизации ценностно значимых для русской лингвокультуры слов-символов.

Литература

Зильберт А.Б. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС-ПРЕСС, 2001. С. 103-112.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

Свое vs чужое в дискурсивных практиках современного русского языка. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2019.

Mauro M. Media discourse, sport and the nation: narratives and counter-narratives in the digital age // Media, Culture & Society. 2020. No. 42 (6). Pp. 932-951.

Sadri S.R., Buzzelli N.R., Gentile P., Billings A.C. Sports Journalism Content When No Sports Occur // Communication & Sport. 2022. No. 10 (3). Pp. 493-516.

The Britannica Dictionary. URL: <https://www.britannica.com/dictionary/comfortable>.

Time Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/time>.

Mariia N. Konnova (Kaliningrad, Russia)

Immanuel Kant Baltic Federal University

Ivan D. Nakhrachev (Kaliningrad, Russia)

Immanuel Kant Baltic Federal University

LINGUISTIC GLOBALIZATION AND AXIOLOGICAL SHIFTS IN RUSSIAN SPORTS DISCOURSE

Drawing on the sample of substantive collocations with the adjective *comfortable* in linguistic corpora we discuss semantic shifts that have affected Russian sports discourse during the last quarter of the century. We demonstrate that the changes in combinability reflect a constant and still accelerating process of linguistic globalization while simultaneously explicating axiological changes that occur in the Russian linguistic world-view under the influence of American English.

Key words: sports discourse, globalization, axiology, cognitive shift, combinability patterns

М.Н. Коннова (Калининград, Россия)

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

mkonnova@kantiana.ru

С.Е. Хорохорина (Калининград, Россия)

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

sofiakhorokhorina@gmail.com

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МЕТАФОРЫ В ПОЭЗИИ Э. ДИКИНСОН: К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВРЕМЕНИ

Рассматриваются особенности авторской интерпретации конвенциональной для английской лингвокультуры пространственной метафоры жизни-плавания в стихотворении Э. Дикинсон «On this wondrous sea» (1853 г.). Демонстрируется, что неожиданное смещение хронологического фокуса метафоры, сообщающее новизну традиционному иносказанию, является средством экспликации ценностных приоритетов американской поэтессы.

Ключевые слова: пространство, время, ценность, концептуальная метафора, поэтический дискурс, Э. Дикинсон

Метафоричность и, шире, иносказательность – отличительное свойство поэтической речи, «естественное следствие недолговечности человека и надолго задуманной огромности его задач», которые вынуждают поэта «объясняться мгновенными и сразу понятными озарениями» [Паустернак 1991: 414]. Метафоричность, являющая собой «стенографию большой личности, скоропись ее духа» [там же], особенно присуща творчеству поэтов метафизического склада. Способные уловить внутреннее сходство внешне несопоставимых явлений, они, обращаясь к привычным метафорическим схемам, меняют их изнутри, создавая неожиданные по своей парадоксальной логике образы. Цель статьи – анализ особенностей авторской интерпретации конвенциональных пространственных метафор в стихотворении Э. Дикинсон «On this wondrous sea» [Emily Dickinson Archive 2023].

Пространственные метафоры – один из ведущих механизмов осмысления времени. Отношения между понятийными областями времени и пространства имеют системный характер: темпоральные фреймы обусловлены соответствующей совокупностью фреймов, используемых для описания объектов в линейном пространстве. По аналогии со свойствами сферы-источника время понимается как нечто одномерное, однонаправленное и динамичное [Duffy, Evans 2017: 294]. Метафора представляет собой не столько однородную, унифицированную модель, сколько спектр разнообразных возможностей, структурированный по нескольким функциональным осям [Sobolev 2009: 904]. Одновременная активация источниковой (пространства) и целевой (времени) сфер в процессе творческого переосмысления действительности приводит к возникновению авторских окказиональных метафор, в которых когнитивно выделенными оказываются новые, неожиданные аспекты привычных темпоральных моделей.

Содержательное пространство стихотворения «On this wondrous sea» структурирует когнитивная модель LIFETIME IS A VOYAGE («ЖИЗНЬ – ЭТО МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ»), которая представляет собой синтез двух концептуальных метафор, регулярно участвующих в осмыслении бытийных категорий, – LIFE IS A JOURNEY THROUGH TIME (ЖИЗНЬ – ЭТО ПУТЬ ВО ВРЕМЕНИ) и TIME IS A BODY OF WATER (ВРЕМЯ – ВОДНОЕ ПРОСТРАНСТВО). Мотив жизни-плаванья, традиционный для англоязычной и, в частности, американской литературной традиции (подробнее см. в [Freese 2015]), получает в стихотворении Э. Дикинсон рельефно-точное, редкое по степени достигаемой в нем логической стройности и образно-словесной прозрачности выражение:

On this wondrous sea	In the peaceful west
Sailing silently,	Many the sails at rest –
Ho! Pilot, ho!	The anchors fast –
Knowest thou the shore	Thither I pilot thee –
Where no breakers roar –	Land Ho! Eternity!
Where the storm is o'er?	Ashore at last!

Хронотопические координаты произведения, задаваемые в I стихе словом-символом *sea* («море»), приобретают многомерность аллегории благодаря эпитету *wondrous* («удивительный»). Он соотносит описываемую в стихотворении картину с аксиологическим пространством чуда. Деепричастный оборот II стиха – *sailing silently* – вводит ключевой для произведения образ плаванья. Наречие

silently («тихо, беззвучно»), оттеняющее сосредоточенное безмолвие плывущих на корабле, синкретично передает эмотивные со-значения благоговейного изумления, рождаемого таинственностью неизведанного морского пути. Обращение III стиха – *Ho! Pilot, ho!* – служит началом диалога, составляющего структурно-событийный стержень произведения. Двукратный повтор междометия *ho* («эй!») вторит размеренному ритму морских волн. Передающее одновременно и удивление, и радость, восклицание *ho!* обрамляет существительное *pilot*, указывающего на собеседника лирического героя. Слово-символ *pilot* совмещает прямое значение – «рулевой, лоцман» – с иносказательным – «руководитель, наставник», вводя образ того, кто, зная особенности морского пути, прокладывает единственно правильный курс, минуя опасности. Развернутый вопрос следующих трех стихов (IV-VI) намечает конечную цель плавания, идея которой приобретает символическую обобщенность вследствие введения архаичных форм *knowest* («знаешь ли»), *thou* («ты»): *Knowest thou the shore / Where no breakers roar – / Where the storm is o'er?* (букв. «Знаешь ли берег, где не ревут буруны, и шторм миновал?»).

Цель пути, единственность которой оттеняется определенным артиклем – *the shore* – характеризуется «от противного» – прекращением тревог, преследующих каждого, кто плывет по житейскому морю. В V и VI стихах опасности пути метафорически описываются словами *breakers* («буруны») и *storm* («шторм»). Обозначающее пенные волны, с шумом разбивающиеся у скал, слово *breaker* имплицитно образ бедствий, причины которых, подобно каменистым отмелям, скрыты от глаз наблюдателя. Семантика неограниченной, неопредельной длительности, присущая слову *storm* («буря»), соотносится с идеей непрекращающегося волнения, изнутри возмущающего водное пространство.

Вторая строфа, начинающаяся ответом прежде безмолвного собеседника (VII-X стихи), указывает на цель плавания, обобщенно определяемую через направление пути: *In the peaceful west / Many the sails at rest – / The anchors fast – / Thither I pilot thee* (букв. «На мирном западе / Многие корабли в покое / Бросают свои якоря / Туда я веду тебя»). Вводимый пространственным маркером *in the... west* («на... западе») образ запада актуализирует многомерную идею конца, завершения, итога – окончания дня при закате солнца и, метафорически, достижения предела личного бытия и границы видимого мира. Смещенный метонимический эпитет *peaceful* («мирный»), перекликающийся с наречием II стиха *silently* («тихо, безмолвно»), вводит антитезу «шторм – штиль», метафорически соотносимую с образами времени и вечности. Сопряжение в VII-VIII стихах основ *peace[ful]* – *rest* вводит аллюзию на слова молитв погребения *Rest in peace* (ср. лат. *Requiescat in pace* – «Покойся с миром»), помещая поэтические образы в предельно высокий ценностный контекст. Семы постоянства и твердости, присущие глагольной метафоре *the anchors fast* (IX стих), усиливают контрастное звучание образов открытого моря, бурного и изменчивого, и гавани, тихой и защищенной. Слово *anchor* («якорь») символически актуализирует мотив надежды, соотнося поэтический образ с прецедентным пространством Священного Писания. В Послании к Евреям ап. Павла упование на Сына Божия уподобляется «якорю безопасному и крепкому» (ср.: *We have this hope as an anchor for the soul, firm and*

secure [Hebrew 6: 19] / ... мы, прибегшие взяться за подлежащую надежду, которая для души есть как бы *якорь* безопасный и крепкий [Евр. 6: 18-19]).

Размеренное звучание второй строфы нарушается синкопированным ритмом последних стихов: *Land Ho! Eternity! / Ashore at last!* (букв. «Смотрите, вон земля! Вечность! / На берегу наконец!»). Метафорическое совмещение в контексте XI стиха сигнального возгласа моряков *Land, ho!* («Берег виден!») и абстрактного имени *eternity* («вечность») придает образу вечности неожиданную и поэтически-парадоксальную конкретность, делая его зримым и осязаемо конкретным. Актуализируемые субстантивом *land* («земля, суша») семы твердости, непоколебимости, устойчивости оттеняют неизменность вечного бытия, противоположного непрестанно сменяющим друг друга бурунам и штормам временного, земного существования. Стихотворение завершает восклицание *Ashore at last!* («Наконец-то на берегу»). Идея осуществления задуманного, передаваемая наречием *at last*, сопряжена с эмотивными со-значениями удовлетворения, радости. Нейтрально-разговорный контекст употребления наречия сообщает ему функционально-прагматические коннотации обыденности, привычности. Возглас последнего стиха звучит парадоксально по отношению к тайне вечности, образ которой был намечен предшествующим словом-символом *Eternity*.

Новизна авторской интерпретации обусловлена смещением когнитивного фокуса при экспликации метафоры жизни-плаванья. Традиционно образ вечности относится к области пресуппозиций. Подобно рождению, которое является началом жизненного пути, вечность как его итог составляет то «предварительное», «фоновое» знание, которое предшествует метафоре и предвосхищает ее. Внимание сосредоточено прежде всего на времени – пространстве, в котором пребывают говорящий (автор стихотворения) и слушающий (читатель). Э. Дикинсон, логически последовательно актуализируя схему LIFETIME IS A VOYAGE («ЖИЗНЬ – ЭТО МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ»), переносит акцент со средней фазы путешествия – времени – на ее цель и итог – вечность. Благодаря предельно конкретной, почти осязаемой образности предшествующих звеньев развернутой метафоры категория вечности выводится из области пресуппозиций и становится смысловым центром стихотворения. Форма диалога, в которую облечена метафора, рождает ощущение соприсутствия и соучастия. Стилистическая антитеза повседневности (*Ashore at last!*) и инобытия (*Eternity!*), возникающая в сильной позиции финальных стихов произведения, подчеркивает предельную реальность вечности как долгожданной и достигнутой цели. Можно заключить, что смещение пространственного фокуса эксплицирует телеологические и ценностные ориентиры мировосприятия Э. Дикинсон – индивидуально-авторской картины мира, в которой временное предшествует вневременному, переходящее и изменчивое – вечному и неизменному.

Литература

- Пастернак Б. Собрание сочинений. Т. 4. М.: Художественная литература, 1991.
Duffy S., Evans V. The top trumps of time: Factors motivating the resolution of temporal ambiguity // *Language and Cognition*. 2017. Vol. 9, No. 2. Pp. 293-315.
Emily Dickinson Archive. URL: https://www.edickinson.org/editions/2/image_sets/12169040.

Mariia N. Konnova (Kaliningrad, Russia)

Immanuel Kant Baltic Federal University

Sofiya Ye. Khorokhorina (Kaliningrad, Russia)

Immanuel Kant Baltic Federal University

SPATIAL METAPHORS IN THE POETRY BY EMILY DICKINSON: AXIOLOGICAL INTERPRETATION OF TIME REVISITED

Drawing on Emily Dickinson's poem "On this Wondrous Sea" (1853) we discuss cognitive mechanisms that generate novel meanings and images in conventional metaphors. We demonstrate that changes in the interpretation of conventional spatial metaphors of time exemplify axiological and teleological priorities of the author.

Key words: space, time, value, conceptual metaphor, poetic discourse, Emily Dickinson

В.В. Корнева (Воронеж, Россия)

Воронежский государственный университет

kornevaolentina@mail.ru

ОРОНИМ «СКАЛА» В ИСПАНСКОМ ТОПОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье анализируются универсальные когнитивные признаки скалы, на основании которых она выделяется в особую естественную категорию. Выявляются также культурно специфические признаки данного элемента рельефа, который в испанской лингвокультуре репрезентируется тремя лексемами, а в русской – двумя. Описываются семиотический потенциал разных номинаций скалы в испанской лингвокультуре и когнитивные механизмы образования и закрепления в языке вторичного знания в виде топонимических единиц разной структуры.

Ключевые слова: ороним, топоним, категоризация, концептуальная интеграция, концептуальная деривация, испанский язык

В последние годы в когнитивно-дискурсивной парадигме особый интерес лингвистов-когнитологов вызывает изучение интерпретативной функции языка, в частности, изучение того, как уже существующие знания о тех или иных предметах и категориях используются для образования нового знания, которое в результате когнитивной обработки и применения определенных когнитивных механизмов и схем фиксируется в языке в виде вторичных языковых структур (см., например, в [Бабина 2003; Болдырев 2022; Вторичные структуры в языковой картине мира 2022]). Предметом нашего анализа являются когнитивные основания вторичного семиозиса обозначений скалы в испанском ономастическом пространстве. Материалом для исследования послужили данные словаря испанских топонимов П. Селдрана [Celdrán 2009].

Познание человеком географического пространства начинается с того, что он вычленяет из окружающего пространства разные природные объекты в результате их категоризации и объединения в определенные естественные катего-

рии, для обозначения которых в языке создаются специальные языковые единицы. Категории в семантическом пространстве языка, таким образом, представляют собой схваченные телом знака определенные структуры знания, которые могут использоваться не только как средство первичной номинации объекта, но и как средство вторичной номинации принципиально иных объектов.

Скала, которая в словарях определяется как высокая каменная возвышенность, обладает в сознании этноса набором категориальных (когнитивных) признаков, одни из которых являются универсальными, а другие – культурно специфическими. К числу первых относятся параметрическое свойство (высота), материал (камень) и размер (большой). Дальнейшая дифференциация данного элемента рельефа – оронима в разных лингвокультурах осуществляется на разных основаниях. В частности, в русском языке в лексемах *скала* и *утес* зафиксировано различие в форме именуемого объекта: *утес* – это обрывистая скала. В испанской же лингвокультуре дифференциальными признаками скалы, репрезентируемой лексемами *peña*, *peñasco* и *roca*, являются размер (большой у *peñasco* и *roca*) и местонахождение (*peña* и *peñasco* находятся только на суше, а *roca* может быть как на суше, так и в воде).

Знание и осознание универсальных и этноспецифических признаков тех или иных категорий имеет, на наш взгляд, принципиальный характер, поскольку последние являются отражением этноспецифичности национальной языковой картины мира и проявляются не в единичных фактах языка, а носят достаточно системный характер и в той или иной степени проявляются в креативной деятельности носителей определенного языка и культуры.

Имена собственные, как известно, являются вторичными языковыми структурами, они появляются в результате онимизации – переходе имен нарицательных в имена собственные – онимы. Не являются исключением в этом отношении и топонимы. На ранней стадии освоения географического пространства естественно-географический принцип был универсальным принципом топонимации, благодаря которому появились названия поселений, отражавшие природные особенности мест обитания человека. Создавались такие топонимы путем переноса названия элемента рельефа на название населенного пункта, закрепляя тем самым в языке новое знание на основе концептуальной деривации, точнее, концептуальной деривации метонимического типа (о типах концептуальной деривации см. в [Бабина 2003; Болдырев 2022]).

Топонимы такого рода носят универсальный характер. Более того, они относятся к древнейшим пластам топонимической системы любого языка [Суперанская 2009], в том числе и испанского [Корнева, Тужикова 2023]. На карте Испании географические названия с топоосновой *скала* имеют и иберийское (1), и кельтское (1), и баскское (4), и доримское (2), но чаще всего латинское происхождение (37). Среди них производных топонимов всего два: *Cueto* (баск. *Kotor* ‘скала, утес’) и *Quer* (дорим. *kar-*, *kariu* ‘камень, скала’) [Celdrán 2009: 288-289, 748].

По мере расширения знаний об окружающем пространстве и все большем его освоении происходит утрата дифференциальной силы производных топонимов, в том числе и топонимов с компонентом *скала*, а это неизбежно приводит

к тому, что на смену им приходят названия, включающие те или иные отличительные признаки скалы, такие как ее местонахождение, размер, цвет, утилитарная оценка и др. Естественно, что при этом происходит усложнение не только семантической, но и формальной структуры топонима. Независимо от того, какую словообразовательную структуру имеет топоним – является ли он производным, сложным или составным, в основе его создания лежат когнитивные процессы, такие как концептуальная интеграция – взаимодействие разных концептов как определенных структур знания об объектах, их свойствах и характеристиках, которые в поверхностной (формальной) структуре топонима репрезентируются разными языковыми средствами.

В частности, в производных географических названиях диминутивный суффикс актуализирует небольшой размер скалы: *Pinilla* (лат. *pinnea* + *-ulla* ‘маленькая скала’), а собирательный суффикс – общую характеристику местности: *Carranza* (баск. *aitz* ‘скала’ + *arrantza* ‘скалистая местность’), тогда как значение местонахождения вербализуется приставкой: *Sopena* (лат. *sub-* ‘под’). Иными языковыми средствами локативное значение эксплицируется в сложных и составных топонимах, второй компонент которых независимо от формы его репрезентации конкретизирует местонахождение именуемого объекта относительно другого объекта, будь то источник или конкретная река, как в следующих примерах: *Penagua* (лат. *pinnadeaquas* ‘скала у источника’), *Pina de Ebro* (лат. *pinna* ‘скала у [реки] Эбро’). Признак «цвет» и в составных, и в сложных названиях репрезентируется исключительно прилагательным: *Penya Rotja* (лат. *pinna rubea* ‘красная скала’), *Peñalba* (лат. *pinna alba* ‘белая скала’). Редкими в составе топонимаций оказываются компоненты «флора» и «фауна», которые вербализуются как существительным, так и прилагательным: *Peñaflor* (лат. *pinna* + *flos*, *Floris* ‘скала цветов’) и *Peñalver* (лат. *pinna* + *viridis* ‘зеленая скала’); *Penáguila* и *Peña Aguilera* (лат. *pinna* + *guila* = ‘орлиная скала’).

Признаки «форма» и «материал» в названиях с топоосновой *peña* представлены крайне редко. Топоним *Peñalén* указывает на сглаженную форму скалы (лат. *pinna* + *tenis* ‘плоский’), а признак «материал» отмечен в докельтских и кельтских названиях: *Carpio* (докельт. *kar-* + иберо-баск. *-pe* + *idu* ‘каменная скала’), *Cantalajas* (кельт. *kanto* + *lawsa* ‘каменная плита’, ‘плоский и большой камень’).

Топонимы типа *Perafort* (лат. *petra fuerte* ‘сильная скала’), *Penedés* (лат. *pinnetum* ‘скалистая крепость’), *Peñacerrada* (лат. *pinna cerrada* ‘закрытая скала’), имеющие значение «крепость на скале», как и приведенные выше географические названия, тоже основаны на концептуальной интеграции, однако в них задействованы также механизмы концептуальной деривации метафорического типа, и их можно трактовать средством выражения утилитарной оценки.

В заключение отметим, что согласно нашим данным, лексемы *peña*, *peñasco* и *roca* обладают разной топонимической продуктивностью: *peña* образует 68 топонимов, *roca* – 54, а *peñasco* – только 3 [Корнева, Тужикова 2023]. Соответственно разными оказываются и связи вербализуемых ими концептов с другими концептами. Когнитивным основанием образования испанских производных,

сложных и составных топонимов выступает концептуальная интеграция как результат взаимодействия концепта СКАЛА, репрезентируемого разными лексемами, с такими концептами как ПРОСТРАНСТВО (МЕСТО) (32), РАЗМЕР (15), ЦВЕТ (15), ОЦЕНКА (10). Кроме этих доминантных связей концепта СКАЛА в испанском топонимиконе отмечены связи с концептами ФЛОРА (2), ФАУНА (2), ФОРМА (3) и МАТЕРИАЛ (11). Правда, данное заключение о многообразии и разнообразии концептуальных связей относится только к концепту РЕÑA, поскольку у концепта ROSA отсутствуют связи с концептами ФЛОРА, ФАУНА, ФОРМА и МАТЕРИАЛ, тогда как концепт PEÑASCO взаимодействует лишь с концептом ПРОСТРАНСТВО (МЕСТО). Это может служить еще одним доказательством этноспецифичности мировосприятия, отраженной в испанских топонимах, в которых, как и в случае категоризации самого оронима скала, форма оказывается малозначимым элементом.

Литература

Бабина Л.В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003.

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция вторичных структур в языковой картине мира / Когнитивные исследования языка. 2022. № 1 (48). С. 19-79.

Когнитивные исследования языка. 2022. № 1 (48).

Корнева В.В., Тужикова Д.Б. Оротопонимы в испанской языковой картине мира. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2023.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Celdrán P. Diccionario de topónimos españoles y sus gentilicios. Madrid: Espasa Calpe, S.A., 2009.

Valentina V. Korneva (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

THE ORONIM “ROCK” IN THE SPANISH TOPONYMIC SPACE

The article analyzes the universal cognitive characteristics of a rock, on the basis of which it is identified as a special natural category. The author reveals culture-specific features of this relief element, which in Spanish linguistic culture is represented by three lexemes, and in Russian by two. The semiotic potential of different nominations of rock in Spanish linguistic culture and the cognitive mechanisms of formation and consolidation in the language of secondary knowledge in the form of toponymic units of different structures are described.

Key words: oronym, toponym, categorization, conceptual integration, conceptual derivation, Spanish

А.А. Красин (Москва, Россия)

Российский технологический университет – МИРЭА
krasin.artyom@gmail.com

КОННОТАЦИЯ КАК ЧАСТЬ ИДЕОЛОГИИ: ЧЕРТЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ КОЛОНИАЛЬНОГО ЧИНОВНИКА

В исследовании проанализированы лексико-семантические проявления коннотативности в дневниковом и мемуарном дискурсе и сделаны выводы о потенциальной плодотворности сопоставительного рассмотрения мемуаров и дневников одного и того же автора для формирования более полной картины ментального пространства определенной языковой личности в

когнитивно-дискурсивной парадигме.

Ключевые слова: дискурс, дневники, мемуары, языковая личность, коннотация, семантика, идеология

Исследуя дискурс, невозможно не опираться на наработки когнитивной лингвистики и работы ученых данного направления. Особенно актуально применение когнитивно-дискурсивной парадигмы при исследовании экстралингвистических факторов, влияющих на материал. Как отмечала Е.А. Кубрякова, дискурс – это «разветвленная структура знания... [которая] может и должна рассматриваться во всех социо-, культурно- и личностно- обусловленных прагматических условиях ее порождения» [Кубрякова 2021: 125]

Одним из языковых проявлений таких условий может выступать лексико-семантический пласт. А.И. Смирницкий [1956: 43] ввел термин «лексико-семантический вариант слова», который он связывал с проблемой воспроизводимости и тождества. Отдельно Смирницкий отмечал «эмоционально-экспрессивные, стилистические моменты», которые, однако, рассматривал как «дополнение, приложение к основному в слове». Многие лексикографы возвращались к этой проблеме, используя понятие «коннотации» или «коннотативности».

О.С. Ахманова указала на ингерентную коннотацию, присущую лексическому значению слова вне контекста, и адгерентную коннотацию, формируемую контекстом [Akhmanova 1972: 17]. И.М. Кобозева отмечала коллективность коннотации, которые включают «отсылку не к индивидуальному пользователю знака – говорящему, а ко всему языковому коллективу» [Кобозева 2000: 92].

Важным для целей нашего исследования представляется рассуждение Р. Барта, который в свою очередь опирался на структуралистскую теорию Л. Ельмслева: «Что касается коннотативного означаемого, то оно обладает всеобъемлющим, глобальным и расплывчатым характером: это – фрагмент идеологии» [Барт 2001: 13].

В политической лингвистике коннотация, связанная с донесением идеологии, кодируется термином «идеологема». Так, Т.Б. Радбиль определяет идеологему как «любое словесное обозначение значимых для личности духовных ценностей, при котором как бы размывается прямое, предметное значение слова, а на первый план выходят чисто оценочные, эмоционально-экспрессивные коннотации, не имеющие опоры в непосредственном содержании слова» [Радбиль, 2012: 22].

Указанное выше определение идеологемы, связанное с социокультурным измерением коннотации, особенно важно, если обратиться к исследованию коннотаций, характерных для лексики в текстах, относящихся к разным типам дискурса, но вышедших из-под пера одного и того же автора. Данное исследование ставит целью найти когнитивные закономерности такого варьирования при переходе от мемуаров к личному дневнику.

Материалом для исследования послужили дневники и автобиография сэра Чарльза Д. Белгрейва. Белгрейв на протяжении более 30 лет, с 1926 по 1957 гг., был экономическим советником хакимов Хамада ибн Исы и Салмана ибн Хамада из династии Аль-Халифа. Хотя формально советник был подчинен правителям

Бахрейна, Белгрейв был тесно связан с МИД Британии. Личные дневники Белгрейва никогда не публиковались отдельной книгой, но могут быть найдены в сетевых библиотеках. Оригинал дневников хранится сейчас в архиве Университета Эксетера. Мемуары Белгрейва под названием «Личная колонка» («Personal Column») впервые были опубликованы в 1960 г.

Предметом анализа выступает коннотация оценочных суждений об одном из представителей бахрейнской элиты, шейхе Исе ибн Али, фактически отстраненном от власти собственным сыном при содействии британских колониальных сил.

Daly & I called on old Sir Issa bin Khalifa, the Sheikh's father, who was deposed. He is an old man, over 80, as obstinate as a mule, & very childish & frightfully conservative. Quite a venerable old party walking on with long stick. He told Daly that though apparently fit he was really very sick, and he, Daly, had the only medicine. He meant that he wanted more money from the state [Belgrave: Archives]. Дэли & я заглянули к старому сэру Исе бин Халифа, отцу Шейха, который был отстранен от власти. Он старик, ему больше 80, упрямый как осел & очень инфантильный & до ужаса консервативный. Смотрится весьма почтенно, когда прогуливается со своей длинной тростью. Он сказал Дэли, что несмотря на свой здоровый вид, на самом деле, он тяжело болен и у него, Дэли, есть единственное лекарство. Он имел в виду, что ему нужно больше денег от государства [здесь и далее перевод мой – А.К.].

Иса ибн Али Аль Халифа (Али – имя отца, Аль Халифа – имя рода, «фамилия») был отстранен от власти по инициативе британских властей, не согласившись с настоятельно рекомендованной административной унифицирующей реформой. Как представитель условно «антибританской» партии, идеологический противник Белгрейва, в дневниках Иса ибн Али наделяется отталкивающими личностными характеристиками: «упрямый как осел, & очень инфантильный & до ужаса консервативный».

«The view over the water at sunset time is gorgeous, & crowds of sailing boats going to & fro, & to the other island, Muharrak, where the Sheikh's old father Sir Isa bin Khalifa, who was deposed, sits in his castle & sulks, & tries all the time to stir people up against the present ruler... He was offered a pension but has refused to touch it at all, altogether a most inconvenient personage. I shall have to call on him» [там же]. Вид воды на закате прекрасен & кучи лодок, плавающих туда-сюда & на другой остров, где старик-отец Шейхов, сэр Иса бин Халифа, который был отстранен от власти, сидит в своем замке & дуется & все время пытается настроить народ против нынешнего правителя... Ему было предложено денежное содержание, но он отказался даже притрагиваться к нему, в общем совершенно невыносимый тип. Мне все же придется нанести ему визит.

Обратим внимание на противоречие в описании Исы ибн Халифы: «отказался даже притрагиваться к нему (денежному содержанию)» – «ему нужно больше денег».

В мемуарах это представление выражено в смягченной форме: «He was a little old man with a white beard, beautifully dressed in an old-fashioned style; though differences are not very discernible, there are fashions in Arab clothes. He was dignified and extremely frigid. He paid no attention to me, probably regarding me as an

interloper. When Daly enquired after his health he replied, 'Though I may appear to be well, in truth I am ill, and only you have the medicine to make me well again.' As we left I asked Daly the meaning of this cryptic remark. It referred to the allowance which the Shaikh received from the government, which he considered inadequate» [Belgrave, 1972: 29]. Он был старичком с седой бородой, красиво одетый в весьма старомодном стиле; хотя различия не так заметны, в арабской одежде есть разные стили. Он был величав и сдержан. Мне он не уделил внимания, вероятно, воспринимая меня как незваного гостя. Когда Дэли осведомился о его здоровье, он ответил, 'Хотя может казаться, что я в добром здравии, на самом деле, я болен, и только у вас есть лекарство, чтобы меня вылечить'. Когда мы ушли, я спросил Дэли о смысле этой загадочной ремарки. Она относилась к содержанию, которое шейх получал от правительства, и считал недостаточным.

Важно отметить, что и сам Иса ибн Али пришел к власти в результате восстания, поддержанного британской армией, и за его правление были подписаны договор о протекторате и ряд исключительных соглашений, запретивших Бахрейну предпринимать любые внешнеполитические шаги без консультаций с британским правительством. Когда британские реформы стали активнее преобразовывать внутреннюю политику, то Иса ибн Али был вынужден отдать фактическую власть своему сыну, Хамаду, хотя, согласно традиционному взгляду, происходящее явно было нарушением порядка наследования власти. Интересно отметить, что сейчас бахрейнские источники указывают началом правления Хамада ибн Исы 1932 год, год смерти Исы ибн Али.

Краткий анализ представления Исы ибн Али в дневниках и мемуарах Чарльза Белгрейва позволяет не только глубже понять источник, но и предоставляет возможность наметить основные черты ментального пространства такой специфической языковой личности, как британский колониальный чиновник в государстве, находящемся под британским протекторатом.

Литература

- Барт Р. S/Z*. М.: УРСС, 2001.
Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: УРСС, 2000.
Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.
Радбиль Т.Б. Мифология языка Андрея Платонова. М.: Флинта, 2012.
Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956.
Akhmanova O.S. Linguostylistics: Theory and Method. MGU, 1972.
Belgrave C. Personal Diaries 1926-1957. University of Exeter Archives. GB 29 EUL MS 148.
Belgrave C. Personal Column. A history of Bahrain 1926-1957. Beirut: Librarie du Liban Publishers, 1972.

Artem A. Krasin (Moscow, Russia)
Russian Technological University

CONNOTATION AS A PART OF IDEOLOGY: FEATURES OF THE LINGUISTIC PERSONALITY OF A COLONIAL STATESMAN

The study analyses lexical and semantic manifestations of connotation in diary and memoir discourse and concludes that a comparative investigation of diaries and memoirs by the same author may be potentially fruitful for formulating a more detailed image of a specific linguistic personality's mental

space in cognitive and discourse paradigm.

Key words: discourse, diary, memoirs, linguistic personality, connotation, semantics, ideology

*А.Е. Купцов (Ярославль, Россия)
Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского
kupcov.a@mail.ru*

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ КАК СРЕДСТВО ВЕРБАЛИЗАЦИИ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Исследование посвящено анализу коммуникативно-прагматического диапазона дискурсивного маркера *you know* в англоязычном художественном дискурсе. Цель исследования – изучение коммуникативно-прагматических функций дискурсивного маркера *you know* в художественном дискурсе. Задача исследования – выявить функциональный диапазон дискурсивного маркера *you know* и изучить характер влияния исследуемого дискурсивного маркера как языкового средства репрезентации информации на коммуникативную цель высказывания в художественном дискурсе.

Ключевые слова: дискурс, художественный дискурс, дискурсивный маркер, высказывание, контекст

Функционально-коммуникативный подход рассматривает дискурс как процесс конструирования смысла высказывания в контексте социального взаимодействия и использования языковых средств для эффективного воздействия. Начиная с развития теории организационной коммуникации, а именно, с теории текста и дискурса, изучению дискурсивных маркеров уделяется пристальное внимание из разных теоретических ориентаций, применяемым к разноструктурным языкам.

Изучение дискурса позволяет понимать, как люди используют язык для создания социальных, национальных, культурных и др. контекстов, так как видение мира отражается в дискурсе через выбор различных языковых средств, которые маркируют культурные, социальные и идеологические особенности говорящего и его сообщества. Таким образом, дискурс является важным инструментом социального контроля и определения социальных норм и ценностей [Бабаян 2023; Кубрякова 2004; Купцов 2022; Шилова 2023а; Шилова 2023в].

Так, В.Н. Бабаян детерминирует дискурс как единство текста, контекста и ситуации общения. Текст рассматривается как последовательность связанных высказываний, которые имеют определенную структуру и функцию. Контекст содержит факторы, которые влияют на коммуникацию, такие как социальный статус коммуникаторов, цель общения, тема и др. Ситуация общения определяет условия, в которых происходит коммуникация [Бабаян 2023]. Таким образом, дискурс – это не просто набор отдельных слов и фраз, но структурированная и связанная речь, которая имеет определенную цель и контекст. Что касается художественного дискурса, то он отражает особенности культурно-языковой идентичности и миропонимание этноса, т. е. передает особенности менталитета и философии народа, создавая уникальную атмосферу и передавая глубокий смысл.

В центре нашего исследования – изучение и описание семантического и коммуникативно-прагматического диапазона дискурсивного маркера *you know* в англоязычном художественном дискурсе.

Современная лингвистика, а также когнитология, этнолингвистика, лингвокультурология и др. характеризуются возросшим вниманием к проблемам языковой картины мира, личности, национального характера. Художественный дискурс и дискурсивные маркеры отражают лингвокультуры, которые существуют в определенном обществе или культуре: определенные культурные нормы и ценности могут быть отображены в языковых формах, используемых в литературе, и наоборот, художественные произведения могут влиять на формирование и изменение лингвокультур.

Теория дискурсивных маркеров предполагает, что в любом лингвистическом сообщении существуют определенные конструктивно-семантические единицы, которые несут семантическую нагрузку в высказывании и имеют важную функцию связывания и организации текста в определенную структуру, отражая социальную реальность, т. е. данные лексемы в языке создают когерентность художественного текста [Купцов 2017; Николаева 2005; Шилова 2023б; Fraser 1976].

Анализ лингвистической литературы позволил выявить, что в современном английском языке дискурсивными маркерами могут быть как части речи (например, союзы, предлоги, местоимения, частицы и др.), так и словосочетания, фразы и даже целые предложения, т. е. элементы речи могут обладать дискурсивным употреблением и иметь различные коннотативные значения [Купцов 2022; Шилова 2023а]. На основе анализа различных точек зрения относительно дискурсивных маркеров представляется целесообразным выделить их основные характерные черты:

- 1) данные лексические единицы не несут смысловой нагрузки;
- 2) дискурсивные маркеры являются когерентнообразующими единицами языка;
- 3) дискурсивные маркеры отличаются в зависимости от контекста и социальной ситуации, играют важную роль в процессе интерпретации высказывания, соотнося информацию высказывания с референциями предыдущих высказываний, и отличаются коммуникативной релевантностью, влияя на структуру дискурса;
- 4) употребление дискурсивных маркеров зависит от национально-культурных особенностей и языковых норм [Купцов 2022].

Таким образом, понятия «дискурс», «художественный дискурс» и «дискурсивные маркеры» определяются по-разному, так как в их основу лингвисты кладут различные субстанциональные признаки.

Как показал анализ имеющегося в нашем распоряжении материала, дискурсивный маркер *you know* в англоязычном художественном дискурсе довольно часто используется в рамках аргументирования, убеждения, подтверждения какого-либо факта и т. д. Приведем примеры контекстов, в которых дискурсивный маркер *you know* используется говорящим / пишущим в качестве средства реализации речевых актов.

- (1) Передача информации. «*For Hate Week. You know – the house-by house*

fund. I'm treasurer for our block. We're making an all-out effort – going to put on a tremendous show» (Orwell).

Дискурсивный маркер используется для передачи информации, которую говорящий / пишущий считает известной собеседнику.

(2) Подтверждение. «*That's obvious; but, **you know**, that's not the part that interests me most*» (Maugham).

Дискурсивный маркер может использоваться для подтверждения того, что говорящий / пишущий согласен с высказыванием собеседника.

(3) Уточнение. «*Yes, something of that kind. A great many young girls are like that, **you know***» (Orwell).

Дискурсивный маркер используется для уточнения дополнительной информации, а также для того, чтобы ввести коммуникатором аргумент в часть контекста.

(4) Призыв к вниманию. «***You know**, their marriage customs when we first settled in the islands were so shocking that I couldn't possibly describe them to you*» (Maugham).

Дискурсивный маркер эксплицитно призывает к вниманию в высказывании, указывая на новый переход к новой теме или точки зрения. Кроме того, *you know* используется для подчеркивания важности аспектов высказывания и установления связей между ними, играя важную роль в создании структуры и логической последовательности высказывания.

(5) Подчеркивание значимости высказывания. «*Ours are low islands, **you know**, not like these. Coral. These are volcanic*» (Maugham).

Дискурсивный маркер в определенных контекстах способен выражать сожаление, помогает установить эмоциональную связь между коммуникаторами и установить важность того, о чем говорится в высказывании.

(6) Выражение эмоционального состояния. «*That's right. Forgive them. I've loved them, **you know**, always loved them*» (Maugham).

Дискурсивный маркер помогает выразить эмоциональное состояние коммуникатора в высказывании путем указания на то, как говорящий / пишущий чувствует относительно того, о чем он говорит. Маркер *you know* помогает установить эмоциональную связь между говорящим и слушателем, что, в свою очередь, улучшает понимание и взаимодействие между ними, убедительно передавая точку зрения коммуникатора.

Таким образом, исследуемый дискурсивный маркер обладает довольно широким семантическим и коммуникативно-прагматическим диапазоном, выполняя различные функции в структуре художественного дискурса. Изучение функционирования дискурсивных маркеров в художественном дискурсе позволяет глубже понять процессы конструирования смысла в социальном взаимодействии и использовать языковые средства для эффективного коммуникативного воздействия.

Литература

Бабаян В.Н. Молчалиый наблюдатель как продуцент диалогического дискурса терциарной речи // Вестник Ивановского гос. ун-та. Серия: гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 34–43.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Купцов А.Е. Эмфатические конструкции и частицы как средство актуализации ремы в испанском предложении // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 438-441.

Купцов А.Е. Дискурсивные частицы в художественном тексте: коммуникативно-прагматический и лингвокультурный аспекты. Ярославль: Ярославский гос. педагогический ун-т им. К.Д. Ушинского, 2022.

Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: УРСС, 2005.

Шилова Н.В. Дискурсивные частицы как средства выражения коммуникативной структуры предложения // Когнитивные исследования языка. 2023а. № 3-2 (54). С. 335-339.

Шилова Н.В. Отрицательная оценочная семантика дискурсивных маркеров во франкоязычном художественном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2023б. № 4 (55). С. 680-683.

Шилова Н.В. Метод проектов как инновационная педагогическая технология // Проблемы современного педагогического образования. 2023в. № 78-4. С. 277-280.

Fraser B. The Verb-Particle Combination in English. New York: Academic Press, 1976.

Alexander E. Kuptsov (Yaroslavl, Russia)

K.D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University

DISCOURSE MARKERS AS A MEANS OF VERBALIZATION OF SPEECH-THINKING PROCESSES IN FICTIONAL DISCOURSE

The research is devoted to the analysis of the communicative and pragmatic range of the discourse marker *you know* in English-language fictional discourse. The purpose of the study is to study the communicative and pragmatic functions of the discourse marker *you know* in fictional discourse. The aim of the study is to identify the functional range of the discourse marker *you know* and to study the nature of the influence of the studied discourse marker as a linguistic means of representing information on the communicative purpose of the utterance in fictional discourse.

Key words: discourse, fictional discourse, discourse marker, utterance, context

А.Е. Купцов (Ярославль, Россия)

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

kupcov.a@mail.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ ЧАСТИЦЫ В МОДЕЛЯХ ПРОТИВИТЕЛЬНОГО ОТРИЦАНИЯ КАК СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ ТЕМА- РЕМАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Исследование посвящено анализу коммуникативно-прагматического диапазона дискурсивных частиц в моделях противительного отрицания в испано- и русскоязычном художественном дискурсе. Анализ предложений на материале испанского и русского языков позволил выявить, что наиболее важными функциями дискурсивных частиц являются актуализация, рематизация и организация тема-рематиической структуры художественного текста.

Ключевые слова: дискурс, художественный дискурс, дискурсивные частицы, отрицание, тема-рематиическая структура

Как известно, дискурс может быть устным или письменным, индивидуальным или коллективным, формальным или неформальным, включая не только лексемы, но и невербальные элементы, такие как жесты, мимика, интонация и

другие факторы, которые влияют на его смысл и эффективность. Изучение дискурса позволяет понимать, как люди используют язык для создания социальных, национальных, культурных и др. контекстов, так как видение мира отражается в дискурсе через выбор различных языковых средств, которые маркируют культурные, социальные и идеологические особенности говорящего и его сообщества. Таким образом, дискурс является важным инструментом социального контроля и определения социальных норм и ценностей [Бабаян 2023; Купцов 2022; Шилова 2023а; Шилова 2023б].

Среди существующих в лингвистической науке разнообразных концепций относительно природы и сущности понятий «дискурс» наиболее релевантным, на наш взгляд, представляется определение понятия «дискурс» как сложного коммуникативного явления, приведенное В.Н. Бабаяном, который детерминирует **дискурс** как связный монологический или диалогический текст, который представляет собой семантически и грамматически связанную последовательность предложений-высказываний (высказываний-реплик) в устной или письменной форме, обращенный к слушателю / читателю (адресату), отражающий целостную коммуникативно-речевую ситуацию и учитывающий в качестве экстралингвистических факторов всех ее участников [Бабаян 2023].

Е.С. Кубрякова указывает на тот факт, что дискурс – это «... форма использования языка в реальном (текущем) времени, которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризующего, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее существования и, конечно же, ее целями». Представляется важным рассматривать дискурс в когнитивно-дискурсивном и коммуникативно-дискурсивном аспектах. Е.С. Кубрякова отмечает, что при коммуникативно-дискурсивном подходе рассматриваются коммуникативно-прагматические цели, а при когнитивно-дискурсивном подходе внимание уделяется репрезентации знака, а также моделированию мира [Кубрякова 2004].

Теория дискурсивных маркеров предполагает, что в любом лингвистическом сообщении существуют определенные конструктивно-семантические единицы, которые несут семантическую нагрузку в высказывании, а также имеют важную функцию связывания и организации текста в определенную структуру, и создания социальной реальности. Они помогают выразить связь между предложениями и идеями, а также указывают на различные отношения между ними, организуя информацию в логическую последовательность идей и связность, т. е. использование данных лексических единиц является одним из способов создания когерентности художественного текста [Купцов 2022; Николаева 2005]. Когерентность текста также достигается путем использования связующих слов и выражений, повторов и синонимов, а также правильного порядка слов и фраз в предложениях. Следует отметить, что актуальный синтаксис исследует предложение как динамическую структуру, ориентированную на конкретную речевую ситуацию и отражающую с помощью специфических средств функциональную

перспективу, актуальное членение, возникающее в процессе речи. Основное назначение актуального членения заключается в коммуникативной организации предложения. Возникая в процессе функционирования предложения в речи, актуальное членение определяет коммуникативную направленность и коммуникативную структуру последнего, т. е. устанавливает, в соответствии с конкретной речевой ситуацией и коммуникативным намерением говорящего / пишущего, степень информативности частей предложения и выделяет основные смысловые элементы высказывания – тему и рему [Купцов 2017; Шилова 2023в].

Среди универсальных средств выражения коммуникативной структуры предложения-высказывания, таких как порядок слов, специальные выделительные синтаксические конструкции, артикль, интонация, фразовое ударение, особое место занимают частицы, которые относятся к числу самостоятельных лексических единиц, отличающихся ярко выраженной коммуникативной направленностью.

В рамках настоящей работы под дискурсивными частицами понимаются слова или фразы, которые используются для связывания предложений и идей в коммуникации или тексте, что делает речь более естественной и плавной. Анализ лингвистической литературы позволил выявить, что почти во всех грамматиках современных европейских языков традиционно неизменяемые части речи: наречия, предлоги, союзы, частицы, а также другие лексико-грамматические элементы могут выполнять в определенных контекстах функции, которые не соответствуют тем, которые они обычно выполняют в рамках предложения-высказывания. Таким образом, то, что мы сегодня называем «дискурсивными частицами», должным образом не признается, оно приписывается различным элементам речи, которые могут иметь дискурсивное употребление и иметь различные семантические денотативно-коннотативные значения [Бабаян 2023; Купцов 2022; Шилова 2023а; Шилова 2023б].

Анализ примеров позволил выявить, что в предложениях-высказываниях испано- и русскоязычного художественного дискурса, встречается несколько случаев употребления дискурсивных частиц (*исп.*) *sólo*, (*рус.*) *только* в моделях противительного отрицания вместе с частицей *no* в испанском языке и частицей *не* в русском языке, что, как выяснилось, придает отрицательному предложению повышенную эмоциональность и экспрессивность, усиление выразительности речи; при этом в качестве ремы выступают все компоненты высказывания. Например:

1) **подлежащее**

Los perros, carajo, se las comieron los perros. Chau, cojo. Sal, no te disculpes y bájate de una vez. A Prolongación Meigos, Ludovico. No sólo el señor Lozano era un aprovechador (Llosa);

Так она бабушку вызвала, с утра до полуночи просидела и все до точки выжила. Оказывается, 10 лет в районе под самым носом властей работала организация «Лепта вдовицы». Не только старые станичники, но и их дети, невестки, внуки отчисляли по пяти процентов со всех доходов (Домбровский).

2) **сказуемое**

Una noche regresó del paseo diario aturrida por la revelación de que no sólo se

podía ser feliz sin amor sino también contra el amor (Márquez);

Пророк **не только сел** с ними за стол, но и посадил еще подобранного на дороге мытаря Матфея-Левия сына Алфеева (Тендряков).

3) **дополнение**

*El Esclavo se inclinó hacia él. La palidez abarcaba **no sólo su rostro**, también su cuello y sus manos: bajo la piel se distinguían unos manantiales azules* (Llosa);

Сильных эмоций в моей жизни было куда больше, чем расчетливых прозрений. **Не только у поэтов** чувственное получает перевес над рассудочным (Тендряков).

4) **определение**

*A estas alturas, el zamarro de borrego iba perdiendo prestigio, a pesar del canesú, y las gentes urbanas, especialmente los ricos de España y del extranjero, preferían los forros de alimañas españolas, **no sólo más bellos** sino de menos bulto y más abrigados* (Delibes);

Я уважаю ваши боевые заслуги, Николай Григорьевич, но считаю ваши методы воспитания **не только упрощенными**, но и порочными. Да, порочными! (Васильев).

5) **обстоятельство**

*Tuvo que morderse la lengua para no contarle que él había sido un participante asiduo de aquel concurso anual que llegó a interesar a poetas de grandes nombres, **no sólo en el resto del país** sino también en otros del Caribe* (Márquez);

Да, и **не только сейчас**, а уже давно. Давно отец для вас – досадная обязанность, житейский долг, который полагается выплачивать (Тендряков).

Таким образом, дискурсивные частицы в моделях противительного отрицания в предложении-высказывании испано- и русскоязычного художественного дискурса играют важную роль с позиции репрезентации определенной дополнительной информации, а также в выражении коммуникативной структуры предложения. Отметим, что необходимо учитывать факторы, которые влияют на экспрессивность и актуализацию: семантико-прагматические свойства частицы, контекстное окружение, стилистическую функцию (роль), а также синтаксическое построение предложения.

Литература

Бабаян В.Н. Молчалиый наблюдатель как продуцент диалогического дискурса терциарной речи // Вестник Ивановского гос. ун-та. Серия: гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 34-43.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Купцов А.Е. Эмфатические конструкции и частицы как средство актуализации ремы в испанском предложении // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 438-441.

Купцов А.Е. Дискурсивные частицы в художественном тексте: коммуникативно-прагматический и лингвокультурный аспекты. Ярославль: Ярославский гос. педагогический ун-т им. К.Д. Ушинского, 2022.

Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: УРСС, 2005.

Шилова Н.В. Дискурсивные частицы как средства выражения коммуникативной структуры предложения // Когнитивные исследования языка. 2023а. № 3-2 (54). С. 335-339.

Шилова Н.В. Отрицательная оценочная семантика дискурсивных маркеров во франкоязычном художественном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2023б. № 4 (55). С. 680-683.

Шилова Н.В. Использование чат-ботов при изучении иностранных языков // Проблемы современного педагогического образования. 2023в. № 79-1. С. 388-391.

Alexander E. Kuptsov (Yaroslavl, Russia)

K.D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University

DISCOURSE PARTICLES IN MODELS OF NEGATIVE NEGATION AS A MEANS OF ORGANIZING THE THEME-RHEME STRUCTURE OF A FICTIONAL TEXT

The research is devoted to the analysis of the communicative and pragmatic range of discourse particles in models of negative negation in Spanish- and Russian-language fictional discourse. The analysis of sentences based on the material of the Spanish and Russian languages revealed that the most important functions of discourse particles are actualization, rematization and organization of the theme-rheme structure of a fictional text.

Key words: discourse, fictional discourse, discourse particles, negation, theme-rheme structure

Л.В. Лаенко (Воронеж, Россия)

Воронежский государственный университет

lvlaenko@mail.ru

ДИСКУРСИВНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ИЗБИРАТЕЛЬНОСТИ НОМИНАЦИЙ ЦВЕТА

Статья посвящена выявлению факторов дискурсивной обусловленности избирательности номинаций цвета в дискурсах автомобильной промышленности, живописи, декоративной косметики, дизайна интерьера, кулинарии. В результате анализа текстов как результатов отмеченных дискурсов определены вариативные структурные типы атрибутивных комплексов, номинирующих цвет, различная степень их востребованности, в том числе и деривационные модели формирования семантики таких комплексов, ориентированные на использование преимущественно нецветовых номинаций в функции цвета. Делается вывод об определяющей роли внутрдискурсивных когнитивных и коммуникативных задач с последующей реализацией дискурсивных функций в избирательности цветообозначений с фокусом при их создании на прагматическое воздействие внутренней формы.

Ключевые слова: имена цвета, структура атрибутивного комплекса, деривационная модель, дискурс, функция

В дискурсе как деятельности с помощью языковых средств представителями лингвокультур решаются различные коммуникативные и когнитивные задачи. При этом с одной стороны, используется накопленный лексико-семантический и функциональный потенциал, в том числе и известные механизмы вербализации, с другой – в силу соответствующих экстралингвистических причин в дискурсе рождаются абсолютно все новации разной природы (лексико-семантические, словообразовательные, морфологические, синтаксические, текстограмматические, формально-структурные и др.).

Вызывает в связи с этим исследовательский интерес такое положение дел,

когда разные дискурсы проявляют определенную избирательность в выборе номинативных средств репрезентации отдельно взятой категории, а также в креативировании лексических новаций, что, как представляется, обусловлено внутридискурсивным характером коммуникативных и когнитивных задач.

В фокусе исследования находится категория цвета, вербализация конститuentов которой по-разному проявляется в выбранных для анализа дискурсах: автомобильной промышленности, живописи, кулинарии, декоративной косметики, дизайна интерьера.

Выбор лексико-семантической группы «имена цвета» в качестве объекта исследования определяется ее принадлежностью к лексике, выражающей истинно важные понятия для носителей языка. Тесно связанная с жизнью человека, его эстетическими идеалами и прагматическими намерениями, область имен цвета является потенциально динамичной и с полным правом может расцениваться не только как памятник культуры народа и зеркало его души, но и как средство воздействия и манипулирования восприятием и сознанием человека в определенных сферах жизни. Цветообозначение, возможно, в большей мере, чем какая-либо сфера языка антропоцентрично и этноцентрично: оно имеет некое специфическое измерение в языке, релевантное в аспекте коммуникативной значимости.

В системе языка цветковые прилагательные представляют наиболее структурированный фрагмент лексического строя, в течение многих десятилетий привлекающий внимание исследователей различных направлений гуманитарных наук. В собственно лингвистических исследованиях цветолексики основное внимание уделяется значительности ее роли в формировании языковой картины мира, концептуализации такого феномена, месту цветовой лексики в процессах познания. Несмотря на значительное число работ, посвященных изучению цветообозначений в различных ракурсах, их исследование не потеряло своей актуальности.

В работе предпринята попытка выявления степени востребованности словообразовательных и семантических вариантов таких единиц в отмеченных типах дискурса с фокусом на традиционное и инновационное в номинативных процессах.

Корпус выборки (336 цветообозначений; далее – ЦО) состоит из групп основных ЦО как единиц с наиболее широкой сферой семантического действия (*white, black, grey, blue, purple, yellow, orange, brown, pink, red, green*), составных ЦО, образующихся сообразно словообразовательным конвенциям английского языка (что следует расценивать как традиционное):

– первого типа, состоящего из атрибутов $A^1 + A$ (*deep white, bright pink* и др.), которые обладают конкретизирующей цветовой семантикой благодаря первому компоненту номинации (A^1), выступающему в данном случае в качестве модификатора значения основного имени цвета (A). Эту модель логично отнести к параметрическому типу, т. е. к таким, которые способны образовывать целый ряд параметрических значений – а именно тех, которые оцениваются человеком с точки зрения некоей нормы – достаточности / недостаточности цвета, высокой / низкой степени насыщенности и интенсивности цвета, градации признаков;

– второго типа $A^2 + A$ (*Bochara red*), где A^2 – нецветовое прилагательное, развившее в силу определенных причин качественное (цветовое) значение, а A –

цветовое прилагательное,

– третьего типа $A^2 + A^2$ (*Castilian gold*), состоящих из нецветовых ЦО,

– конверсивных однословных ЦО – номинаций посредством отдельного A^2 (*Burgundy*).

Путем наблюдения над использованием анализируемых единиц в текстах анализируемых профессиональных сфер английской лингвокультуры выявляются наиболее востребованные структурные типы атрибутивных сочетаний с маркированием степени их востребованности.

Так, в текстах всех дискурсов, но с разной степенью частотности, востребованы основные ЦО (кулинария – 55%, живопись – 19,6%, косметика – 13,3%, дизайн интерьера – 11,3%, автомобильная промышленность – 7,4%) и атрибуты типа A^2 (косметика – 47%, живопись – 32,1%, дизайн интерьера – 32,1%, автомобильная промышленность – 31,8%, кулинария – 20%); атрибутивные комплексы $A^1 + A$ используются в текстах всех дискурсов, кроме автомобильной промышленности (кулинария – 25%, живопись – 19,6%, дизайн интерьера – 7,5%), косметика – 6%); атрибутивные комплексы $A^2 + A$ – в текстах всех дискурсов, кроме кулинарного (автомобильная промышленность – 56,1%, дизайн интерьера – 49,1%, косметика – 33,7%, живопись – 28,6%); атрибутивные комплексы $A^2 + A^2$ – лишь в текстах автомобильной промышленности (4,7%).

Определяющим фактором такой избирательности структурных типов ЦО является ориентированность каждого дискурса на реализацию внутрдискурсивных функций: рекламной (автомобильная промышленность, косметика, дизайн интерьера), эстетической (живопись, дизайн интерьера), информационно-идентифицирующей (кулинария), психотропной (дизайн интерьера).

Дискурсивная обусловленность избирательности ЦО проявляется и в плане деривационных моделей, сообразно которым создаются новационные нетривиальные номинации цвета. По стратегии данных моделей первостепенной является смыслоцветообразующая функция мотивирующей основы и дальнейший процесс абстрагирования признака от его первоначального носителя с результирующим эффектом – образованием цветоименования. На синхронном уровне именно эти цветоновообразования – наиболее мотивированные как обладающие способностью вызывать прямые ассоциации с определенными объектами окружающей действительности.

Самое большое количество новообразованных ЦО представлено в текстах дискурса автомобильной промышленности, демонстрирующих использование номинаций, первый компонент которых образован от названий представителей флоры (*maple red*), представителей фауны (*Dolphin grey*), плодов (*almond green*), металлов (*brass orange*), драгоценных камней (*sapphire*), пород (*magma red*), времен года (*autumn orange*), напитков (*wine*), продуктов питания (*mustard*), материалов (*leather*), красителей (*crimson*), спортивных игр (*polo green*), танцев (*flamenco black*), планет (*Sirius white*), наименований социальных статусов (*samurai white*), исторических / известных личностей (*Cleopatra*), церемоний (*Funeral black*), географических реалий (*Almery Beige, champagne*), мифологических персонажей (*Poseidon green*).

В текстах о живописи наиболее востребованы те номинации цвета, первый компонент которых образован от названий красителей (*sienna*), химических элементов (*cadmium orange*), драгоценных камней (*jade green*), плодов (*olive*), географических реалий (*Indian red*) и имен художников (*Vandyke brown*).

В текстах из области декоративной косметики налицо предпочтительность использования номинаций цвета посредством прилагательных, образованных от названий представителей флоры (*moss grey, reseda green*), представителей фауны (*canary yellow*), плодов (*mallow pink*), драгоценных камней (*pearl white*), красителей (*terracotta*), драгоценных металлов (*bronze*), явлений природы (*smoke blue*), продуктов питания (*caramel*), напитков (*cocoa brown*), географических реалий (*Bordeaux*).

В текстах, репрезентирующих сферу дизайна интерьера, наиболее частотными являются составные номинации, первый компонент которых образован от названий представителей флоры (*fuchsia purple*), представителей фауны (*mouse grey*), плодов (*pistachios green*), веществ (*ash grey*), географических реалий (*French nude*), напитков (*tea brown, coffee brown*), продуктов питания (*chocolate, cream*), камней (*orchid*), металлов и веществ.

В текстах, которые представляют дискурс кулинарии, налицо предпочтение следующим типам ЦО, образованных от названий металлов (*golden, silver*), продуктов питания (*milky*), растений (*mint*).

Представляется, что основным фактором частотности употребления цветовой номинации того или иного типа, на наш взгляд, является коммуникативно-дискурсивная специфика текстов определенной профессиональной сферы жизнедеятельности человека, с одной стороны, и фокус при их создании на прагматическое воздействие внутренней формы ЦО, с другой.

Источники исследования

- Color compact (авторемонтные эмали). МоТip B.V. Wolvenga, The Nether Lands, 2021.
Oriflame (January-December 2016). Oriflame Beauty Products Company, 2016.
Sadolin (авторемонтные эмали). АККС, 2019.
The Dairy Book of Home Management. Macdonald Educational Ltd, 1990.
Trends 2017 (Homes and Garden). South bank Publishing Co Ltd, part of the IPS Media group of companies, King's Reach Tower. London, 2017.

Ludmila V. Laenko (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

DISCOURSE CONDITIONING OF COLOUR TERMS SELECTIVITY

The paper aims at revealing factors of discourse conditioning of colour terms selectivity in automobile industry, painting, décor cosmetics, interior design, culinary discourses. The analysis of texts as the results of such discourses demonstrates variable attributive complexes structure types, nominating colour, different degree of their demand, as well as derivational models of forming attributive complexes semantics, focused on preferably non-colour nominations in colour function. In conclusion, the determining role of intradiscursive cognitive and communicative goals provided by the realization of discourse functions in the process of conditioning colour terms selectivity with the focus on their pragmatic inner form influence while being created is stated.

Key words: colour terms, attributive complexes structure, derivational model, discourse, function

*Д.Ю. Ланских (Екатеринбург, Россия)
Уральский федеральный университет
имени первого президента России Б.Н. Ельцина
daniil_lanskikh@yahoo.com*

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПЕРСУАЗИВНОСТИ И ЭКСПРЕССИВНОСТИ В РЕЧАХ ЭКС-ПРЕЗИДЕНТА США Д. ТРАМПА В 2020–2021 ГГ.

В статье рассматривается взаимодействие языковых категорий персуазивности и экспрессивности на материалах речей экс-президента США Д. Трампа. Исследование показало, что сочетание различных экспрессивных языковых средств для манифестации персуазивной интенции помогает в достижении желательного перлокутивного эффекта.

Ключевые слова: персуазивность, экспрессивность, языковые категории, политический дискурс

Политический дискурс — это совокупность речевых актов, направленных на реализацию политических целей, играющая важную роль в формировании общественного мнения и принятии политических решений [Будаев, Чудинов 2010]. Всепроникающая роль политики в жизни современного общества свидетельствует об актуальности данного исследования. Когнитивные аспекты политического дискурса играют важную роль в формировании политического сознания и политической культуры, влияя на восприятие адресатом политических реалий, событий и явлений, а также на конечное политическое решение, такое как, к примеру, голос в пользу той или иной повестки или кандидата в ходе электоральной кампании. Одним из основных средств убеждения в политическом дискурсе является модусная категория экспрессивности. В работе мы рассматриваем языковые категории персуазивности и экспрессивности, а также характер их взаимодействия в узком, практически ориентированном аспекте, носящем прикладной характер в рамках устного перевода политического дискурса США.

Персуазивность (лат. *persuasio*, англ. *persuade*, рус. убеждать) входит в сферу категорий модусного плана. По мнению Е.А. Гончаровой, она является «одной из возможных составляющих коммуникативной стратегии текста» [Гончарова 2001: 120], обнаруживаясь в коммуникативных ситуациях, связанных с коммуникативной стратегией «убеждения, манипулирования сознанием речевого партнера и его поведением» и выражаясь посредством тех средств языка, которые направлены на «соблазнение речевого партнера к изменению определенной поведенческой социально-индивидуальной позиции, к принятию им определенного решения» [Гончарова 2001: 123]. Персуазивность представляется мощным и эффективным инструментом речевого воздействия на адресата сообщения в целях изменения его точки зрения в угоду интересам отправителя персуазивного сообщения. Подобные свойства делают персуазивную коммуникацию ценнейшим инструментом в арсенале политика, желающего привлечь потенциального избирателя на свою сторону, а также свидетельствует о необходимости выявления режима взаимодействия между категориями персуазивности и экспрессивности.

Другой языковой категорией, играющей немаловажную роль в политическом дискурсе, является *экспрессивность* (лат. *expressio*, англ. *express*, рус. выражать). А.П. Чудинов отмечает, что «экспрессивность высказываний предполагает максимальное использование выразительных средств, что делает восприятие текста интересным для адресата, придает тексту эстетическую значимость» [Чудинов 2012: 53-59], в силу чего данная языковая категория также представляется исключительно важной для американских политических деятелей, использующих эмоциональную составляющую политического дискурса в целях убеждения потенциальных избирателей. Целью любого политика побуждение к принятию выгодной повестки дня, вследствие чего неизбежна потребность апеллировать к эмоциональному настрою адресата. Тем не менее исследователи языковых категорий отмечают, что категории эмоциональности, эмотивности и экспрессивности, при всей своей близости, отнюдь не тождественны. В.И. Шаховский [1978: 3-25] связывает экспрессивность главным образом с интенсификацией (то есть, усилением воздействия, оказываемого высказыванием), в то время как эмоциональность в первую очередь связана с выражением чувств, испытываемых самим отправителем сообщения, его субъективного отношения к тому или иному явлению. Экспрессивность, по мнению О.И. Графовой и М.И. Рогова [2021: 18-23], подразумевает возможность порождаемого сообщения оказывать определенное воздействие на сознание и поведение реципиента, выступая как более широкая, нежели эмоциональность, образность или интенсивность, языковая категория, специально предназначенная для усиления воздействия, оказываемого содержанием текста. Это позволяет сделать вывод о том, что экспрессивность, являясь независимой и главенствующей над эмоциональностью, выступает одновременно с этим эффективным способом оказания убеждающего воздействия, наслаиваясь тем самым на категорию персуазивности.

Ниже представлен репертуар наиболее наглядных примеров речевых стратегий и тактик, представленных в ходе предыдущего исследования по данной тематике [Дедюхина Ланских 2023: 50-59], составленный в соответствии с классификацией речевых стратегий и тактик О.Н. Паршиной [Паршина 2005: 48], составленный с опорой на когнитивно-лингвистический портрет одного из наиболее узнаваемых и склонных к экспрессии политических деятелей США экс-президента США Дональда Трампа. Общий объем речей и расшифровок, взятых из таких источников как официальный сайт Белого Дома, видеохостинг YouTube, а также сайтов крупных и уважаемых американских новостных изданий, составил 17 часов видеозаписей речей и 100 страниц расшифровок. Этот репертуар затрагивает лишь малую и наиболее иллюстративную часть из огромного разнообразия текстов, относящихся к политическому дискурсу США за 2020–2021 гг.:

1. Использование метафор и аналогий. Политические лидеры часто используют метафоры и образные сравнения, чтобы объяснить сложные политические концепции. Это средство реализации убеждения представляет повышенный интерес для оратора, поскольку благодаря образной природе фразеологизмов возможно построение речи эмоциональным и интересным для реципиента путем.

Ниже можно видеть примеры употребления метафор, обнаруженные в ходе исследования в текстах расшифровок речи Трампа в ходе Национального съезда Республиканской Партии, состоявшегося 28 августа 2020 г. на Южной лужайке Белого Дома, взятых с официального веб-сайта Белого Дома США.

He has spent his entire career on the wrong side of history. Трамп обращает внимание реципиента на бессмысленность карьеры своего политического противника, потраченной впустую во имя неверных идеалов, не выдержавших проверку временем.

Biden is a Trojan horse for socialism. Используя это экспрессивное, метафоричное выражение, Трамп обличает своего политического противника Джо Байдена, обвиняя его в симпатиях к левым идеям, в частности, социализму, а также их скрытому продвижению в американском истеблишменте. Эти идеи, по мнению Трампа, являются опасными для американского политического устройства и образа жизни.

2. Тактика адресного обращения к Америке как к общему ценностному кластеру и объекту прозопопеи. В случае примеров, приведенных ниже, объектом прозопопеи выступает Америка как общий ценностный кластер, позволяющий объединить и направить в требуемом для оратора направлении усилия избирателей.

Now, after just 100 days, I can report to the nation, America is on the move again. America is rising anew. America's moving, moving forward. But we can't stop now. For America, nothing is impossible.

3. Экспрессивный эпитет. В примерах содержатся эмоционально коннотированные эпитеты, обладающие оценочным компонентом в своем значении. К примеру, эпитет *soul-crushing* обладает ярко выраженной негативной коннотацией, относясь к конформизму, явно несимпатичному оратору. В то же время, мы можем наблюдать мелиоративный эпитет *tremendous*, подчеркивающий и усиливающий значимость заслуг учителей и необходимость отдать им дань заслуженного уважения.

Joe Biden's campaign has even published a 110-page policy platform co-authored with Far-Left Senator crazy Bernie Sanders. В примере эпитет *crazy* выполняет роль интенсификатора отрицательной оценки, демонстрируя подчеркнуто-негативное отношение Трампа к сенатору от Демократической партии Берни Сандерсу. Трамп считает левые политические взгляды и мотивированные ими действия Сандерса безумными и вредными для американского общества, подчеркивая это в своей речи, адресованной избирателям.

Использование местоимения *we* в качестве агенса предложения способствует в известной степени объединению отправителя дискурса и его адресатов, создает чувство сопричастности и сближения.

We will hire MORE police, increase penalties for assaults on law enforcement, and surge federal prosecutors into high-crime communities.

We will BAN deadly Sanctuary Cities, and ensure that federal healthcare is protected for American Citizens – not illegal aliens.

This is the unifying national agenda that will bring our country TOGETHER.

Литература

- Гончарова Е.А. Персуазивность и способы ее языковой реализации в дискурсе рекламы // Проблемы теории европейских языков. 2001. Вып. 10. С. 120-130.
- Графова О.И., Рогов М.И. Трансляция экспрессивности политической речи в переводе на русский язык (на материале фултонской речи У. Черчилля) // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 3. С. 18-23.
- Дедюхина А.С., Ланских Д.Ю. Репертуар персуазивных речевых тактик для осуществления избранной политической стратегии // Политическая лингвистика. 2023. № 1 (97). С. 50-59.
- Паришина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: автореф. дис ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005.
- Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2006.
- Шаховский В.И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвостилистики // Проблемы семасиологии и лингвостилистики. 1975. № 2. С. 3-25.
- Budaev E.V., Chudinov A.P. Modern political linguistics. URL: <http://philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.html>.

Danil Y. Lanskih (Yekaterinburg, Russia)

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

COGNITIVE-DISCOURSE ANALYSIS OF INTERACTION BETWEEN PERSUASION AND EXPRESSION IN SPEECHES BY THE US EX-PRESIDENT DONALD TRUMP IN 2020–2021

The present study examines the interaction between the linguistic categories of persuasion and expression as seen on the materials of speeches by the ex-President of the USA Donald Trump. The study has shown that combination of different expressive language tools to manifest persuasive intention aids in achieving the desirable perlocutionary effect.

Key words: persuasion, expression, linguistic categories, political discourse

Л.В. Лебедев (Москва, Россия)

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
leoneedlebedev@gmail.com*

Л.А. Говорова (Москва, Россия)

*Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
govorovalilya@gmail.com*

НОМИНАТИВНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ДИАДЫ «ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ» В ПРОИЗВЕДЕНИИ В. НАБОКОВА «ОТЧАЯНИЕ»

Статья посвящена описанию номинативных концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ и методам их вербализации в романе Владимира Набокова «Отчаяние». Концепты рассматриваются через призму индивидуального восприятия, формирующего лингвосемантическое пространство романа. В ходе исследования описаны и проанализированы слова, вступающие в диадическое взаимодействие в рамках вышеупомянутого концепта, выявлена частотность их употребления. *Ключевые слова:* Владимир Набоков, номинативное поле концепта ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ, концепт СВЕТ, концепт ТЬМА, «Отчаяние» / «Despair»

Современные исследования в области когнитивной лингвистики позволяют исследователям проводить реконструктивные разработки в области изучения номинативного поля концепта или ряда связанных концептов. Номинативное поле

концепта представляет собой «совокупность языковых средств, объективирующих (вербализующих, репрезентирующих, овнешняющих) концепт в определенный период развития общества» [Попова, Стернин 2007: 51]. Исходя из определения, возможна реконструкция номинативного поля концепта и/или связной концептуальной диады с опорой на текст художественного произведения как источник письменной фиксации языковых средств и цельное лингвосемантическое пространство, виртуальное и реальное [Бабенко, Казаринов 2003: 17]. Так, реконструкция номинативного поля концептов может происходить посредством использования метода верификации и комплексного статистического анализа представленного лингвистического материала [Калинникова, Анисимов 2022].

В рамках исследования анализируется номинативное поле концептуальной диады «жизнь-смерть», занимающей центральное место в лингвосемантическом поле романа В. Набокова «Отчаяние» и методы его вербализации. В.Ю. Лебедева рассматривает концептуальную диаду «жизнь-смерть» как отражение не физического, а метафизического плана существования человека. Понятие жизни и смерти сдвигается от понимания физических состояний к психическим, моральным и метафизическим категориям [Лебедева 2009].

Анализируя текст романа «Отчаяние», можно выделить следующие лексемы, номинирующие концептуальную диаду (см. Табл.).

Таблица. Лексемы, номинирующие концептуальную диаду «жизнь-смерть» в романе В. Набокова «Отчаяние»

Лексема	Частота употребления
<i>Смерть</i>	29
Гибельный	11
Мертвый	16
Пустота	12
Болезненный	19
Убийство, убивать	27
Кончатъ	17
Труп	17
Тело	18
<i>Жизнь</i>	31
Жизненный	15
Живой	6
Существовать	24
Работать	16
Двигать, движение	23
Думать	17
Дух	25
Творчество	18

Для выявления частотности употребления лексем нами был использован сервис VX Language acquisition, который позволял составлять словари на основе частотности употребления лексем и из словоформ в заданном тексте.

Анализируя лексико-семантическое пространство романа, можно отметить, что понятие смерти в данном романе неразрывно связано с телесностью: «Нет, я заснуть не мог, и все мое тело тянулось и ломалось, как на дыбе. Но теперь, когда

я кончаю, когда мне, в общем, нечего больше рассказать...»; «я нашел говорливого безумца с резкими телодвижениями... Счастье, которое он испытал, встретив меня..., восставшего из мертвых». Это может быть обусловлено как сюжетным мотивом романа (подставная смерть, убийство), так и отношением собственно автора к смерти как физическому явлению, находящему отражение в теле человека (лексемы труп, тело, болезнь). Помимо этого, концепт смерти связан с концом человека как идеи и окончанием его деятельности: «он упал не сразу, сперва закончил движение, еще относившееся к жизни»; «и вот, по инерции доканчивая эту жалкую шутку, он, уже насквозь пробитый, ко мне обратился лицом». Здесь концепт СМЕРТЬ входит в диадическое взаимодействие с концептом ЖИЗНЬ. Жизнь рассматривается В. Набоковым как движение, работа, способность творить, думать, изобретать, что находит свое отражение в тексте романа: «Лишь дару проникать в измышления жизни, врожденной склонности к непрерывному творчеству я обязан тем»; «интуитивные игры, творчество, вдохновение – все то возвышенное, что украшало мою жизнь»; «Боялся я, в этом неверном мире отражений, не выдержать, не дожить до какой-то необыкновенной, ликующей, всеразрешающей минуты, до которой следовало дожить непременно, минуты творческого торжества, гордости, избавления, блаженства». Помимо этого, жизнь ассоциируется с деятельностью и движением, что выражается через диадическое взаимодействие со смертью: «Теперь, когда в полной неподвижности застыли черты, сходство было такое, что, право, я не знал, кто убит – я или он».

Таким образом, можно сделать вывод, что концепты ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ представляются в романе в диадическом взаимодействии: жизнь представляется через антонимию смерти, тогда как смерть выступает отрицанием жизни. Данные концепты не сливаются, но образуют единое семантическое пространство, позволяющее рассматривать их как концептуальную диаду, формирующую лингвосемантическое пространство романа «Отчаяние».

Литература

Бабенко Л.Г. Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. М.: Флинта: Наука, 2003.

Калиникова Е.Д., Анисимов В.Е. Корреляционный анализ как метод верификации исследования номинативного поля концепта // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 334-341.

Лебедева В.Ю. Мотив метафизической смерти в русских романах В. Набокова: дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2009.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.

Leonid V. Lebedev (Moscow, Russia)

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Liliia A. Govorova (Moscow, Russia)

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

NOMINATIVE FIELD OF THE CONCEPTUAL DIAD “LIFE-DEATH” IN V. NABOKOV’S NOVEL “DESPAIR”

This article is dedicated to the description of the nominative concepts LIFE and DEATH and the methods of their verbalization in Vladimir Nabokov’s novel “Desire”. In this article, we will examine

the concepts of LIFE and DEATH through the prism of individual perception, which shapes the linguistic-semantic space of the novel. The result of the research is the identification of the frequency of usage, analysis, and description of words that enter into dyadic interaction within the aforementioned concept.

Key words: Vladimir Nabokov, nominative field of “LIFE-DEATH” concept, concept of LIGHT, concept of DARKNESS, “Despair”

*М.Ю. Миронова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
mkpr@yandex.ru*

ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК СРЕДСТВО АРГУМЕНТАЦИИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Цель исследования состоит в изучении коммуникативно-прагматических функций вопросительных конструкций в англоязычном научном дискурсе. Определено, что в научных произведениях вопросительные высказывания используются для передачи дополнительного интенционального содержания, в большинстве случаев – в аргументативной функции.

Ключевые слова: научный дискурс, вопросительное предложение, аргументация

На современном этапе научно-технического прогресса научный дискурс играет огромное значение как вербальное средство передачи познавательного опыта человека. Проведенные исследования научного дискурса, в основном, ставили своей целью изучение его аксиологических характеристик (Е.А. Баженова, Н.В. Данилевская, В.И. Карасик), стратегий и тактик (Л.Н. Маслова, Т.Н. Хомутова, В.Е. Чернявская и др.), структурно-содержательных особенностей (П.Б. Кузьменко, Ю.Н. Науменко и др.), культурно специфичного своеобразия (Н.Г. Бурмакина, П.Б. Кузьменко и др.). Несмотря на значительное количество работ, посвященных научному дискурсу, его коммуникативно-прагматические особенности остаются недостаточно изученными.

Представляя новое научное знание, исследователь всегда заинтересован в том, чтобы его сообщение было услышано, понято и принято адресатом. В связи с этим авторы научных произведений сталкиваются с необходимостью использования различных приемов для достижения своих коммуникативных намерений. Среди синтактико-стилистических средств обращают на себя внимание вопросительные высказывания. Являясь более эмоционально нагруженным, чем утверждение, вопросительное предложение увеличивает иллюкутивную силу высказывания, способствуя рефлексивности и изменению посткоммуникативного поведения адресата.

На первый взгляд вопросительное высказывание должно реализовывать иллюкутивную цель, состоящую в запросе информации. Например, в данном примере однозначно выражается интенциональное значение вопросительной конструкции: *The tracheal branches to the muscles of the limbs, and, to a less extent, of the body wall, tend to contain air in their finest ramifications at all times; and the question arises why these branches are not subject to the osmotic pressure of the gen-*

eral tissue fluids? The answer probably is that these branches, lying between the muscle fibres, are influenced more by the local changes in these muscles than by the osmotic pressure of the general body fluids (Y.B. Wigglesworth. The Extent of Air in the Tracheoles of some Terrestrial Insects [<https://www.semanticscholar.org>]) / *Ветви трахеи, ведущие к мышцам конечностей и, в меньшей степени, к стенке тела, как правило, всегда содержат воздух в своих тончайших ответвлениях; и возникает вопрос, почему эти ветви не подвержены осмотическому давлению общих тканевых жидкостей? Ответ, вероятно, заключается в том, что на эти ответвления, лежащие между мышечными волокнами, в большей степени влияют локальные изменения в этих мышцах, чем осмотическое давление общих жидкостей организма.* В представленном фрагменте у автора есть ответ на поставленный им вопрос, и он излагает его в дальнейшем повествовании. В данном случае автор олицетворяет себя с читателем, а вопрос выступает в своей первичной функции – запрос неизвестной информации.

Нередко в высказывании на фоне эксплицированной иллюкутивной силы появляется и другая, вследствие чего вопросительное предложение получает способность передавать больше смысла, чем содержит его поверхностная структура. Анализ англоязычных научных произведений позволил установить, что вопросительное высказывание обладает возможностью реализации широкого спектра речевых интенций: привлечение внимания адресата к сообщаемой информации, выражение предположения (при отсутствии у автора однозначного ответа на вопрос), побуждение к рефлексии, изменение убеждений другой стороны. Перечисленные действия осуществляются автором в основном в аргументативных целях.

В аргументации различают тезис, т. е. утверждение, которое говорящий считает нужным представить аудитории, и аргумент, предназначенный для поддержки тезиса. В случае с вопросительными конструкциями, они представляют собой суждение с утверждением противоположного, когда тезис заключается автором в повествовательную часть высказывания, а истинность этого тезиса отрицается или подвергается сомнению при помощи вопросительной части [Баранов 1990]. В качестве примера представлен фрагмент, в котором вопросительное высказывание актуализирует значение несогласия с существующими научными положениями в силу обнаружения новых фактов.

When we see a child with otorrhoea of painless and gradual onset, with glands round the ear and perhaps facial paralysis, we say «This is a typical picture of tuberculous mastoiditis», but is it really so? (H. Ross Souper. Tuberculous Mastoiditis in Children: Results of Treatment [<https://www.semanticscholar.org>]) / *Когда мы видим ребенка с безболезненной и постепенно начинающейся оториноларингией, с железами вокруг уха и, возможно, параличом лица, мы говорим: «Это типичная картина туберкулезного мастоидита», но так ли это на самом деле? Вопросительное высказывание предвяряет последующую аргументацию, которую автор предлагает для обсуждения научному сообществу: *We endeavour to confirm the diagnosis histologically and bacteriologically but we cannot always do so. Formerly one regarded all such cases as tuberculous. In a recent case the only organism we were able to recover was the Bacillus influenza in pure culture, and the granulation tissue**

was said to be non-tuberculous / Мы стараемся подтвердить диагноз гистологически и бактериологически, но не всегда можем это сделать. Раньше все подобные случаи рассматривались как туберкулезные. В недавнем случае единственным организмом, который нам удалось выделить, была бактерия *Vaccillus influenza* в чистой культуре, и было заявлено, что грануляционная ткань не является туберкулезной. Как видно из представленного контекста, говорящий указывает на противоречие между положениями старого знания и предположением, основанном на новых экспериментальных данных. Однако автор не озвучивает свою точку зрения напрямую. Согласно А.Н. Баранову, аргументирующий может специально вводить вопросительную конструкцию, чтобы показать свою беспристрастность и не навязывать точку зрения [Баранов 1990]. При этом предполагается, что адресат выделит из вопроса отстаиваемый тезис (в импликации – безболезненная и постепенно начинающаяся оториноларингия с железами вокруг уха и, возможно, параличом лица не является типичной картиной туберкулезного мастоидита), что позволит инициировать дополнительные размышления адресата. Так, в приведенном фрагменте функциональная направленность вопросительного высказывания состоит в выражении предположения и приглашении собеседника к диалогу и совместному научному поиску.

Дополнительная иллюкутивная функция очевидна и у вопросительного высказывания в следующем примере: *It is customary to take these migrations for granted as a reflection of the ecological preferences of the species concerned. Yet is this acceptable?* (A.D. Bradshaw. Genostasis and the limits of evolution [<https://www.semanticscholar.org/>]) / Принято воспринимать эти миграции как нечто само собой разумеющееся, как отражение экологических предпочтений соответствующего вида. Но приемлемо ли это? Как видно из примера, вопросительная реплика субъекта дискурса указывает на истинностную оценку говорящим пропозиции и побуждает адресата подвергнуть сомнению достоверность общепринятого мнения. Выражая формальный вопрос, вопросительное высказывание тем не менее имплицитно утверждает следующее: *Миграции не являются отражением экологических предпочтений соответствующего вида.*

Цель введения вопросительной конструкции может заключаться в том, чтобы снизить категоричность высказывания, когда необходимо озвучить уверенное несогласие, например: *They found that the present distribution of N.I. in the world was closely correlated with that of climate. Is this sufficient to justify their conclusion? The nasal index is only one of many physical characters which have evolved in response to environment over a long period of time. So far then there is no justification for singling out the nasal index and dispensing with it as a racial criterion any more than other physical character, like hair character, skin colour, thickness of skin, distribution of sweat glands, etc., which may also vary in relation to environmental influence* (A. Davies. A Re-Survey of the Morphology of the Nose in Relation to Oliincite [<https://www.semanticscholar.org/>]) / Они обнаружили, что сегодняшнее распределение носового индекса в мире тесно коррелирует с климатом. Достаточно ли этого, чтобы оправдать их вывод? Носовой индекс является лишь одним из многих физических признаков, которые эволюционировали в ответ на воздействие

окружающей среды в течение длительного периода времени. Таким образом, пока нет никаких оснований выделять носовой индекс и отказываться от него в качестве расового критерия, как и от других физических характеристик, таких как характер волос, цвет кожи, толщина кожного покрова, распределение потовых желез и т. д., которые также могут варьировать в зависимости от воздействия окружающей среды. Если бы цель автора была иной, т. е. заключалась только в том, чтобы выразить свое противоположное мнение (несогласие с научными положениями), высказывание, скорее всего, имело бы форму утверждения. Однако, так как прямолинейное выражение несогласия противоречит нормам общения, принятым в западноевропейской культуре, автор апеллирует к ментальной реакции собеседника, предлагая ему проанализировать предлагаемые аргументы и прийти к принятию правильного решения самостоятельно.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что поскольку вопросительные высказывания, как правило, сопровождаются обоснованием заложенного в вопросе тезиса, можно полагать, что вопросительные конструкции используются субъектом англоязычного научного дискурса для реализации иллюкутивной цели аргументации. Целеустановкой автора при применении этой тактики является указание на существование иной точки зрения и побуждение собеседника к ее рассмотрению. При этом по своей семантике вопросительные высказывания не являются средством навязывания адресату способа поведения.

Литература

Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990.

Варгина Е.И. Научный текст: функция воздействия: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004.

Гудкова К.В. Когнитивно-прагматический анализ аргументации в аналитической газетной статье: на материале британской прессы: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.

Копыл Д.А. Современный англоязычный научный дискурс: коммуникативно-прагматический потенциал убеждения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2013.

Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов / под ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 195-222.

Цурикова Л.В. Коммуникативный диапазон вопросительных предложений в дискурсе: на материале английского и русского языков. Воронеж: ВГУ, 2001.

Marina Yu. Mironova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University of Economics

INTERROGATIVE STATEMENT

AS AN INSTRUMENT OF ARGUMENTATION IN SCIENTIFIC DISCOURSE

The purpose of the research is to study the communicative and pragmatic functions of interrogative constructions in English-language scientific discourse. It is determined that in scientific works interrogative statements are used to convey additional intentions, mostly argumentation.

Key words: scientific discourse, interrogative sentence, argumentation

КОД СУБЪЕКТИВНОЙ ПОЗИЦИИ ДИСКУРСА МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рассматривается код субъективной позиции в дискурсе межличностных отношений. Анализ направлен на вычленение элементов, реализующих кодовые смыслы. Обсуждается код свободного выбора французского дискурса, интерпретирующего социокультурные представления о ценностном отношении к партнеру по общению.

Ключевые слова: дискурсивный код, код субъективной позиции, французский дискурс межличностных отношений, код свободного выбора

Код субъективной позиции – феномен социальной и лингвистической природы, возникающий в дискурсивной деятельности вследствие ее конвенциональности социокультурным практикам. Мишель Фуко связывает существование подобных феноменов с правилами формации, которые навязываются в соответствии с неким видом анонимной единообразности всем индивидуумам, которые пытаются говорить в этом поле [Фуко 1996: 47-63]. Согласно У. Эко, код вносит некоторое ограничение в сферу возможных событий в коммуникативном акте через контуры ожиданий и значимых психологических феноменов [Эко 2004: 38, 95-96]. По мнению Э. В. Чепкиной, дискурсивный код – часть правил, конституирующих дискурсивные практики и интерпретирующих типичную деятельность субъектов дискурса [Чепкина 2000].

Выделение кода субъективной позиции основывается на следующих теоретических концепциях: дискурсивных практик (М. Фуко), области коннотативных означаемых (Р. Барта), субъектного оценочного позиционирования (В.И. Карасика), теории текстопорождающих практик (Э. Чепкиной).

В коммуникативном акте говорящий может занимать различные субъективные позиции по отношению к объекту речи. Субъективная позиция может быть выражена эксплицитно как эмоция, мнение, оценка, так и имплицитно через оценочную характеристику событий и действий. В концепции Фуко субъективность складывается из различных планов прерывности, места и статусов, «из которых» говорит субъект [Фуко 1996: 55].

Под влиянием социокультурной среды в определенном дискурсе формируется **поле регулярности** различных позиций субъективности [Чепкина 2000: 13]. О существовании дискурсивного кода сигнализируются следующие особенности: 1) *противопоставленность* элементов кода другим элементам без данного интерпретационной нагрузки [Чепкина 2000: 34]; 2) *наличие* репертуара символов-означающих, способных нести кодовые значения или выполнять смысловое различие в контексте высказывания; 3) *смыслы*, допустимые с точки зрения этого кода, и, наоборот, которые выносятся за рамки дискурса [Чепкина 2000: 35].

Код субъективной позиции дискурса межличностных отношений – закрепленные за определенными элементами прагматические характеристики зна-

ков, автоматически воспроизводимые в рассуждениях и мнениях, дифференцирующие базовую установку говорящего о межличностном взаимодействии.

Анализ французских высказываний о межличностных отношениях позволяет констатировать существование **кода свободного выбора**. В выражении мнений о поступках и действиях в сфере межличностных взаимодействий французский дискурс регулярно демонстрирует указания на свободное волеизъявление человека.

Код свободного выбора реализуется в лексемах *choix* выбор, *choisir* выбирать для репрезентации смыслов о возможных действиях и поступках. Ср.: *Il faudrait qu'elle se mette en tête que j'ai plu 10 ans et qu'elle va pas choisir pour moi toute ma vie. Надо бы, чтобы она поняла, что мне больше не 10 лет, и что она не может решать за меня всю жизнь // Il faut donner le choix de pouvoir entendre son linge dehors. Необходимо дать им право развешивать белье на улице.*

Для смыслов о намерениях и желаниях регулярно используется *être motivé* быть мотивированным. Ср.: *Le problème c'est qu'il est souvent malade, il est très fragile du coup souvent pas motivé pour une petite sortie en boîte ou autres. Проблема в том, что он часто болеет, может хандрить ни с того, просто не хотеть куда-то идти.* Возможные синонимы *vouloire* хотеть, *desirer* желать, *souhaiter* желать профилируют процесс эмоционального переживания. Тогда как значение *être motivé* сильнее выделяет внешний стимул, вследствие которого происходит переживание. Эмоциональное состояние субъекта остается его личным пространством. Ср.: *Je comprends que tu ne sois pas motivé à reprendre contact avec ce genre de personnage. Я понимаю, что ты не мотивирована вновь общаться с такими людьми.* Элементом кода является также лексема *libre* в функции атрибута действия. Ср.: *chacun est libre de construire sa vie comme il l'entend. Каждый волен строить свою жизнь так, как он ее понимает.*

Возможность выбора имплицитно предполагает существование нескольких решений / вариантов действий. Тем самым контекст высказываний «притягивает» ассоциативные смыслы об ответственности индивида за свой поступок. Ср.: *Ensuite libre à toi de choisir la relation que tu souhaites avec lui. И потом, ты свободна выбирать отношения такие, какие ты с ним хочешь // Cette relation est quasi obligatoire, à moins que l'autre ait disparu volontairement de la vie des enfants. Эти отношения не являются обязательными хотя бы потому, что другой добровольно исчез из жизни детей* (рассуждения о том, обязан ли человек поддерживать отношения с отцом, бросившем семью).

Код свободного выбора создает ограничение на смыслы о давлении, воздействиях на другого человека, вмешательстве в его личные проблемы. Поэтому высказывания, в которых говорящий выражает свое мнение / дает совет, регулярно демонстрируют вводные конструкции *Je crois / Je suppose / J'espère*. Ср.: *Je crois qu'il faut répondre immédiatement. Я считаю, что надо ответить немедленно.* Подобные указания на себя позволяют говорящему дифференцировать сообщаемую информацию о положении дел и субъективную позицию говорящего. Ср.: *Je suis certain que tout le monde répondrait Я уверен, что все ответили бы... // ...vue de ma petite fenêtre, j'essaierai de communiquer exclusivement par écrit dans*

un premier temps глядя из своего окошка, я попытался бы пообщаться исключительно письменно первое время.

В рамках кода свободного выбора лексема *imposer* навязывать, *imposant* навязчивый предопределены негативными коннотациями. Ср.: *On entend souvent des histoires de belles-mères imposant leurs choix*. Мы часто слышим истории о том, как свекрови навязывают свой выбор // *D'autres cherchent à prendre le dessus en imposant un rapport de force qu'ils veulent en leur faveur*. Другие стремятся доминировать, навязывая баланс сил, который им выгоден. Оценивание партнера как *imposant* является веской причиной расставания, не требующей каких-либо объяснений. Ср.: *elle le trouvait imposant* она считала его навязчивым.

Чрезмерная учтивость, настоячивые просьбы интерпретируются как неуважение и нарушают нормы общения. Ср.: *dès qu'on vient ils veulent nous inviter à manger. Bref ils en font trop, ça en est presque une obsession*. Как только мы приезжаем, они приглашают нас есть. Они это делают слишком, почти маниакально. В данном примере негативная оценка поступка предопределена: хозяева не уважают выбор гостей. Но говорящий как представитель родной лингвокультуры знает и о том, что позволять кому-либо оказывать на себя давление, также неприемлемо. Поэтому в рамках кода свободного выбора в высказывание введена форма *presque* почти, смягчающая степень навязчивости.

Ср.: *Pourquoi vous imposeriez-vous une situation amoureuse inconfortable pour vous? Зачем вам навязывать себе некомфортную для вас романтическую ситуацию?* Форма глагола сигнализирует о том, что задающий вопрос придерживается коде свободного выбора по отношению к адресату. С помощью возвратной формы и времени имплицитируется ответственность субъекта за то, что собеседник сам создал себе данные обстоятельства, а значит может их изменить.

Дискурсивный код свободного выбора структурирует высказывание об отношениях с позиций принципиальной возможности выбирать партнера по общению, по отношениям. Поэтому лексема *famille* семья может приобретать отрицательные коннотации тягостной необходимости, обязанности по природе. Ср.: *En France on a un proverbe: on choisit ses amis, pas sa famille*. Во Франции есть поговорка: выбирают друзей, а не семью.

Дискурсивные коды формируются в определенной культуре, но объясняются современным состоянием дискурсивной среды, зависимостью определенных закономерностей дискурса от индивидуальных интерпретаций социокультурных представлений.

Возникающая регулярно субъективная позиция свободного выбора в дискурсе межличностных отношений является следствием социальных идей и представлений. Код свободного выбора во французском дискурсе межличностных отношений позволяет говорящему конструировать свое мнение с позиций уважения личности и личностного пространства, необходимости соблюдения общественно-правовых норм. Участники коммуникации не озвучивают социальные идеи о правах и свободах личности. Они конструируют актуальные высказывания, осмысляя эти идеи как основу комфортных межличностных взаимодей-

ствий. Код свободного выбора индивидуализирует социальные идеи в коммуникативных ситуациях через репертуар экономичных лингвистических средств. Значимое отношение к партнеру по общению выражено знаками-сигналами уважения его выбора.

Литература

Фуко М. Археология знания. К.: Ника-Центр, 1996.

Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды. Екатеринбург: УрФУ, 2000.

Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 2004.

Natalya V. Moguilyova (Kostanay, Kazakhstan)

A. Baitursynov Kostanay Regional University

THE CODE OF THE SUBJECTIVE POSITION OF INTERPERSONAL RELATIONS DISCOURSE

The code of subjective position in interpersonal relations discourse is considered. The analysis is aimed at isolating elements that implement code meanings. The code of free choice of French discourse, which interprets sociocultural ideas about the value attitude towards a communication partner is discussed.

Key words: discourse code, subjective position code, French discourse of interpersonal relations, free choice code

Г.Р. Насибуллова (Казань, Россия)

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Guz1983@mail.ru

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ АВТОРОВ-ЖЕНЩИН

В статье исследуются прецедентные феномены в художественном дискурсе современных авторов-женщин в аспекте интенциональности. Делается попытка определения основных интенций употребления прецедентных феноменов в художественном тексте. В ходе исследования установлено, что интенциональность является дискурсообразующей категорией, прецедентные феномены выполняют различные функции. Делается сравнительный анализ художественного дискурса представителей современной русской, татарской и английской прозы.

Ключевые слова: дискурс, прецедентный феномен, стратегия, интенция, автор-женщина

Женская проза конца XX – начала XXI вв. является отдельным пластом современной литературы, дискурсом, который имеет своеобразные стратегии и тактики. Одной из отличительной чертой женского художественного дискурса является стратегия прецедентности, которая устанавливает коммуникативные, коннотативные и прагматические связи не только между художественными текстами, но и различными дискурсами. К прецедентным феноменам женщина-автор обращается также для создания глубинного смыслового пласта текста.

Прецедентный феномен воспринимается как «уникальное явление, значимое для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, име-

ющее сверхличный характер, т. е. хорошо известное и широкому окружению данной личности» [Повентьева 2014: 10]. В исследовании мы опираемся на следующую классификацию прецедентных феноменов: прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентный текст и прецедентная ситуация [Красных 1997: 10].

Прецедентные феномены находятся в центре внимания научных исследований в разных аспектах: лингвокультурологическом, семантическом, коммуникативно-прагматическом, функциональном и т. д. (Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, Г.Г. Слышкин, Ю.А. Сорокин и др.). В работе мы ставим цель выявить и описать прагматические особенности прецедентных феноменов на материале дискурса современной художественной женской русской, татарской и английской прозы, на основе этого изучить особенности интенциональности женского художественного дискурса.

Материалом для исследования мы выбрали произведения Анны Матвеевой [3], Фирузы Замалетдиновой [2] и Джоанн Харрис [8], которые являются представителями новейшей литературы и творчество которых отличается индивидуальностью, метафоричностью языка и богатством жанро-стилевого своеобразия от своих современников. Выбор этих трех авторов для сравнительного анализа обусловлен также тем, что их творчество насыщено прецедентными феноменами, а их тексты близки в идейно-стилевом плане.

Современные авторы-женщины целенаправленно включают прецедентные феномены в семантическое пространство художественных текстов в связи с тем, что они подчеркивают и выделяют смысловые аспекты ценностных ориентиров в конкретном контексте, способны распознаванию и декодированию национальных и универсальных смыслов, которые в художественном тексте представлены в «свернутом» виде. Но все же особая роль отводится возможности воздействия художественного дискурса на адресата, так как автор при помощи прецедентных феноменов ведет коммуникацию с читателем.

При помощи таких методов исследования как описательный, контекстуальный и интертекстуальный, метода филологического анализа мы попытались изучить основные виды интенций в женском художественном дискурсе применительно к функционированию в нем прецедентных феноменов.

Изначально термин «интенция» использовался в схоластической философии и выражал цель, намерение, направленность сознания, мышления. В современной науке наряду с философией данное понятие употребляется и в психологии как направленность сознания на реальный или воображаемый предмет. В лингвистике оно связано с развитием теории речевых актов Дж. Остина.

Отдельные речевые акты создают связный текст, имеющий общую текстовую интенцию, которая проявляется в семантическом пространстве художественного текста и выражает эстетическую задачу автора. В связи с этим мы можем утверждать, что интенциональность текста является одним из важнейших параметров текстуальности наряду с такими как когезия, когерентность, информативность, диалогичность, интертекстуальность и т. д.

Дискурсивная интенция является основой формирования дискурса как сово-

купности текстов, находящихся в сложном многоуровневом воздействии. Исходя из этого можем утверждать, что интенциональность является дискурсоформирующей категорией. Художественному дискурсу свойственна интенция эстетического воздействия, так как основная функция художественного произведения – это эстетическая функция. При включении прецедентных феноменов в художественное пространство автор руководствуется интенцией, «направленной на распознавание читателем прецедентных феноменов в тексте и стимулирование ассоциативных связей мышления адресата в результате активизации фоновых знаний» [Перевышина и др. 2006: 161]. Фоновое знание – это «обобщенное знание участниками коммуникативного акта реалий материальной жизни, ситуативных и коннотативных реалий, стоящих за обозначающими их языковыми знаками, необходимом для адекватной и полной интерпретации порождаемых высказываний» [Словарь социолингвистических терминов: URL].

Интенцию использования прецедентных феноменов в женском художественном дискурсе можно разделить на два вида: репрезентационная, т. е. «направленность сознания на определенный объект – концепт или пропозицию» [Безуглая 2009: 250] и коммуникативная интенция – «намерение говорящего донести до адресата свою репрезентационную интенцию и вызвать у него определенную реакцию» [Там же].

Проанализировав практический материал, мы можем выделить ключевые интенции употребления прецедентных феноменов в художественном дискурсе авторов-женщин: интенция оценки и интенция характеристики события. Например, в рассказе А. Матвеевой «Под факелом» произведение, написанное главным героем Марком Платоновым, оценивается со следующим прецедентным феноменом: «Язык – сочный, как его омоним на тарелке. Ружья стреляют, персонажи уверенно шагают к финалу – и не на глиняных, не на картонных ногах» [Матвеева 2019: 32]. Прецедентность основывается на отсылке к известной фразе А.П. Чехова. Один прецедентный феномен может выполнять и коммуникативную, и репрезентационную функцию, что ярко проявляется в следующем примере из дискурса А. Матвеевой: «Гримм быстро опьянел, начал доставать свои работы... Мастер скорбно несет на Голгофу свои картины, одну за другой» [Матвеева 2019: 35]. Голгофа – это холм, где, по Новому Завету, был распят Иисус Христос. В этом примере мы видим также снижение прецедентных образов, что можно назвать часто употребляемой стратегией в художественном дискурсе современных авторов-женщин.

В художественном дискурсе Ф. Замалетдиновой диалоги строятся на прецедентных высказываниях, герои друг другу отвечают поговорками, пословицами: «Тик кая барсан да, бер этгэхияттер инде, туган. Хастаның баш очында эжэл утырыр, ди бит...» [Замалетдинова 2020: 316] («Везде нас ждет одно и то же, туган. Говорят, над каждым больным сидит палач»). На это собеседник отвечает следующим образом: «Шулай да һәркемнең тормыштан өлеше бар, аласы көмеше бар... Безгә ул көмеш эләкмәде ләса...» [Замалетдинова 2020: 316] («Все же у каждого есть в этой жизни своя доля. Только мы остались ни с чем»).

Ярким примером сплетения коммуникативной и репрезентационной интенций является пример из рассказа Дж. Харрис «Надежда и Вера идут в магазин»:

«If that's from Priscilla, sweetheart,» she said primly, «then you're Ginger Rogers» [Harris 2006: 85] («Если это от Прицелии, то ты Джинджер Роджерс»). Джинджер Роджерс — знаменитая американская актриса, певица и танцовщица. Это прецедентное имя дает характеристику события, выражает его невозможность, так как Надежда сидит в коляске и поэтому она не только танцевать, но и ходить не может.

В художественном дискурсе Матвеевой приоритетными сферами-источниками прецедентных феноменов являются *Устное народное творчество, История, Русская и зарубежная классическая литература, Мифология, Религия, Кинематография*. А в художественном пространстве Замалетдиновой наряду с *Устным народным творчеством* преобладают *Песни*. Автор обращается к татарским народным и авторским песням, что передает лиричность данному дискурсу. В художественном дискурсе Харрис мы наблюдаем частотное обращение к следующим сферам-источникам: *Литература, Устное народное творчество, История, Религия, Мифология*. Харрис очень часто обращается к сказкам, использует сказочных персонажей, ситуации из сказок для оценки и характеристики героев и событий своих произведений.

В заключение мы можем сказать, что прецедентные феномены в художественном дискурсе современных авторов-женщин имеют различные интенции. Авторы обращаются к ним, чтобы расширить художественное семантическое пространство текста и создать ассоциативные связи в сознании читателя между различными дискурсами и тем самым воздействовать на него. Обширный ряд сфер-источников доказывает, насколько многослойны данные связи.

Литература

Безуглая Л.Р. Прагмалингвистическая концепция И.П. Сусова // Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. Винница: Нова Книга, 2009. С. 249-260.

Замалетдинова Ф. Уходить, любя. Казань: Татар. книж. изд., 2020 (на татарском).

Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация. М.: Филология, 1997. С. 5-12.

Матвеева А. Подожди, я умру – и приду. М.: Издательство АСТ, 2019.

Повеньева Е.В. Прецедентное имя как феномен интертекстуальности в англоязычном художественном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014.

Перевождица И.Р., Остапова Л.Е. Оказиональные композиты с прецедентными феноменами как средства экспликации культурно-коммуникативной информации в художественных текстах писательницы-нобелиата Эльфриды Елинек // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 1 (5). Ч. 2. С. 160-163.

Словарь социолингвистических терминов. URL: <http://sociology.niv.ru/doc/dictionary/sociolinguistics/index.htm>.

Harris J. Jigs and Reels. L.: Black Swan, 2006.

Guzel R. Nasibullova (Kazan, Russia)
Kazan (Volga Region) Federal University

THE INTENTIONALITY OF PRECEDENT PHENOMENA IN WOMEN'S ARTISTIC DISCOURSE

This article examines precedent phenomena in the artistic discourse of modern female authors in the aspect of intentionality. An attempt is made to determine the main intentions of the use of precedent phenomena in a literary text. As a result of the study, it is argued that intentionality is a discourse-

forming category; precedent phenomena perform various functions. A comparative analysis of the artistic discourse of representatives of modern Russian, Tatar and English prose is made.

Key words: discourse, precedent phenomenon, strategy, intention, female author

Е.А. Огнева (Белгород, Россия)

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ogneva@bsu.edu.ru*

КОГНИТИВНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ «VICTORY / ПОБЕДА» В АРХИТЕКТОНИКЕ ТЕКСТОВОГО КОГНИТИВНОГО КОДА КНИГИ ДЖ. РИДА «TEN DAYS THAT SHOOK THE WORLD»

В статье впервые представлена авторская концепция функционирования информативной проекции текстовых когнитивных конструктов в формате двух типов моделей: линейной информативной модели и нелинейной информативной модели. Интерпретируется когнитивный публицистический конструкт VICTORY / ПОБЕДА в качестве нелинейной информативной модели, реализованной в постреволюционной советской России в первой половине XX в. Установлено, что сочетание всех типов текстовых когнитивных аттракторов в архитектонике текстового когнитивного конструкта VICTORY / ПОБЕДА предстает в качестве триггера развертывания нелинейной информативной модели функционирования публицистического текста Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир» в мировом революционном социуме.

Ключевые слова: публицистический текст, текстовый когнитивный код, текстовый когнитивный конструкт, информативная проекция, линейная информативная модель, нелинейная информативная модель

Текстовая архитектоника в свете сопряжения информативных проекций когнитивных конструктов является одним из актуальных исследовательских ракурсов современной когнитивной интерпретации текстовых форматов знания, воспринимаемых в качестве интеллектуального продукта авторской интенции как продуцента «когнитивных доминант» [Болдырев 2019] в различных «типах текстов» [Sedykh et al. 2017: 811-815].

В проводимом исследовании под информативной проекцией текстовых когнитивных конструктов предлагается понимать вторичную информативную матрицу, представляющую собой интерпретативную надстройку над такими текстовыми когнитивными конструктами как «текстовые концепты, текстовые когнитивные фреймы, текстовые когнитивные сценарии, текстовые когнитивные сцены» [Огнева 2023: 742]. Перечисленные конструкты образуют текстовый когнитивный код.

Кодирование и декодирование текстовой когнитивной информации представляют собой перманентный процесс функционирования информативной проекции когнитивных конструктов. Номинанты, посредством которых осуществимо такого рода функционирование, являются «результатом развития всей лингвистической системы языка» [Жирова 2016: 111] применительно к текстовым форматам.

Кодированные и декодирование текстовых когнитивных конструктов в виде информативной проекции предлагается рассмотреть в качестве следующих двух

типов моделей: а) линейная информативная модель; б) нелинейная информативная модель. Линейная информативная модель выстраивается при прочтении текста отдельно взятым адресатом или реципиентом, в то время как нелинейная информативная модель сфокусирована на синергии различных информативных проекций текстовых когнитивных конструктов адресатами или реципиентами текста в пределах социумной группы или социума.

Функционирование текста в формате линейной информативной модели, реализуемой в сопряжении двух процессов: 1) порождение, т. е. кодирование, текстовых когнитивных конструктов под влиянием интенции автора; 2) декодирование текстовых когнитивных конструктов в момент каждого нового прочтения текста с последующим обсуждением текста.

Нелинейная информативная модель функционирования текста осуществима в условии обмена информативными проекциями текстовых когнитивных конструктов в пределах социума или социумной группы реципиентов, результат деятельности которых обусловлен сопряжением лингвистических и экстралингвистических факторов.

Так, популярность книги Джона Рида «Ten days that shook the world» («Десять дней, которые потрясли мир») в послереволюционной Советской России XX в. было обусловлено тем, что публицистические конструкты, составляющие текстовый когнитивный код, функционировали в рамках нелинейной информативной модели в пределах нового создаваемого социума посредством создания множественности информативных проекций текстовых когнитивных конструктов под влиянием экстралингвистических факторов.

Продуктом этого текстового когнитивного кода, нелинейная информативная модель которого приобрела значительные масштабы функционирования, был Рид, американский журналист, писатель и репортер, ставший свидетелем октябрьских революционных событий в России в 1917 г. и детально описавший все увиденное в своей знаменитой вышеуказанной книге, нацеленной на то, чтобы «формировать определенные взгляды» [Трофимова 2018: 174].

Одним из текстовых когнитивных конструктов нелинейной информативной модели является сопряженный текстовый когнитивный конструкт VICTORY / ПОБЕДА. Специфика его ядерно-периферийной архитектоники заключается в синергии статичных и динамичных параметров номинантов вследствие того, что «интенция автора является решающим фактором отбора языкового материала» [Даниленко 2022: 7].

Рассматриваемый текстовый когнитивный формат VICTORY / ПОБЕДА больше, чем текстовый концепт. Он представляет собой сопряжение параметров текстового концепта и текстового когнитивного сценария.

Ядро рассматриваемого текстового когнитивного конструкта, лексема *victory*, употреблена в 12 главах книги 33 раза, в чем можно увидеть сакральность описываемых Ридом событий созидания нового мира для самого автора книги.

Приядерную зону составляют словосочетания различной природы, например: 1) номинант-эмотив *feel the victory* (*чувствовать победу*); 2) номинант-

идиологема *only by the victory of proletarian dictatorship* (только победой диктатуры пролетариата); 3) номинант-милитаризированный лексический таймер *about war to victory* (война до победы); 4) номинант-историзм *the victory of the Proletarian Revolution* (победа пролетарской революции); 5) номинант-лингвокультурема *the victory of Socialism* (победа социализма). Остальные номинанты приречной зоны соотносятся с указанными пятью группами номинантов.

Динамичная часть текстового когнитивного конструкта репрезентирует различные грани победы. Например, трехтерминальный сценарий, в котором смысловое ядро каждого терминала выражено причастием в роли имени существительного и именем существительным: (1) *announcing the victory of the Proletarian Revolution*; (2) *the liberation of the Bolsheviks still in prison*; (3) *calling upon the Army front* [Reed: ch. IV] (*Сообщение о победе пролетарской революции, освобождение большевиков, все еще находящихся в тюрьмах, обращение к армии на фронте*). В терминалы данного когнитивного сценария входят: идеологический лексический таймер-номинант *пролетарская революция*, номинант-историзм *большевики*, милитаризированный лексический таймер *армия на фронте*. В рассматриваемой нелинейной информативной модели выявлены различные по количеству терминалы с различной структурой.

В девятой главе, название которой – это ядерная лексема *victory* исследуемого текстового когнитивного конструкта, Рид применил в качестве текстового когнитивного аттрактора текст приказа номер 1.

Следующим текстовым когнитивным аттрактором главы предстает текстовый темпоральный когнитивный аттрактор *Tuesday morning*. В целом в данной отделе взятой части текстового когнитивного кода (девятой главе книги) выявлены все типы текстовых когнитивных аттракторов характерных для всего текста произведения, типология которых была представлена ранее, а именно: «(1) текстовый тематический когнитивный аттрактор; (2) текстовый идеологический когнитивный аттрактор; (3) текстовый темпоральный когнитивный аттрактор; (4) текстовый проксемный когнитивный аттрактор; (5) текстовый лингвокультурный когнитивный аттрактор» [Огнева 2022: 90].

Сочетание выявленных текстовых когнитивных аттракторов, номинанты которых входят в состав рассматриваемого текстового когнитивного конструкта VICTORY / ПОБЕДА, определяется в исследовании в качестве триггера развертывания нелинейной информативной модели функционирования публицистического текста книги Рида в условиях обмена информативными проекциями текстовых когнитивных конструктов в пределах российского постреволюционного социума в первой половине XX в.

Литература

- Болдырев Н.Н. Когнитивные доминанты языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2019. № 36. С. 43-53.
- Даниленко И.А. Роль текстовых когнитивных аттракторов при построении вариативных текстовых миров // Вестник МГОУ. Серия: лингвистика. 2022. № 1. С. 6-13.
- Жирова И.Г. От слова к значению слова и концепту // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1-1 (55). С. 111-115.
- Огнева Е.А. Типология текстовых когнитивных аттракторов в документальной прозе (на

материале произведения Дж. Рида «Ten Days that Shook the World») // Филология и новое знание: сборник материалов II Российской научной конференции с международным участием. Белгород: БелГУ, 2022. С. 88-96.

Огнева Е.А. Текстовый когнитивный код // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-2 (54). С. 742-746.

Трофимова Н.А. Специфические черты публицистического дискурса (на материале газеты The New York Times) // Лексикография и коммуникация – 2018. Сборник материалов IV Международной научной конференции / отв. ред. А.П. Седых. Белгород: Белгородский гос. национально-исследовательский ун-т, 2018. С. 173-177.

Reed J. Ten Days that Shook the World. Project Gutenberg Literary Archive Foundation PMB 113 1739 University Ave. Oxford, MS 38655-4109.

Sedykh A.P. et al. Text definition of classifying type. Humanities and Social Science Reviews. 2019. Vol. 7. No. 5. Pp. 811-815.

Elena A. Ogneva (Belgorod, Russia)
Belgorod State National Research University

THE COGNITIVE JOURNALISTIC CONSTRUCT “VICTORY” IN THE ARCHITECTONICS OF THE TEXTUAL COGNITIVE CODE OF THE BOOK “TEN DAYS THAT SHOOK THE WORLD” BY J. REED

The article presents for the first time the author’s theory about functioning of the informative projection of textual cognitive constructs in the format of two models’ types such as: a linear informative model, and a nonlinear informative model. The cognitive journalistic construct VICTORY is interpreted as a nonlinear informative model implemented in post-revolutionary Soviet Russia in the first half of the 20th century. It is established that the combination of all types of textual cognitive attractors in the architectonics of the textual cognitive construct VICTORY appears as a trigger for the deployment of a nonlinear informative model’s functioning in the journalistic text of J. Reed’s “Ten Days that Shook the World” forming for the world revolutionary society.

Key words: journalistic text, text cognitive code, text cognitive construct, informative projection, linear informative model, nonlinear informative model

И.О. Онол (Новосибирск, Россия)
Новосибирский военный институт им. генерала И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации
onal@corp.nstu.ru

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА В СЕКТОРЕ ГАЗА В БРИТАНСКОМ МЕДИДИСКУРСЕ

В статье представлен анализ метафорической репрезентации военного конфликта в секторе Газа (являющегося частью израильско-палестинского военного конфликта) в британском медийном дискурсе. Выявляются основные сферы-источники, задействованные в метафоризации различных компонентов конфликта, призванные сформировать в массовом сознании определенные образы и стереотипы.

Ключевые слова: метафора, концептуальная метафора, метафорическая модель, метафорическое моделирование, военный конфликт, медиадискурс

Медиадискурс занимает важное место в современной коммуникации, поскольку оказывает значительное влияние на интерпретацию общественно-политических событий. Согласно Т. ван Дейку, другие виды дискурса (политический,

религиозный, академический и др.) находят выражение при содействии и поддержке средств массовой информации [Van Deik 1993: 241], реализующих интерпретационную функцию коммуникации, которая, переплетаясь с функцией воздействия, придает меняющейся картине мира определенный мировоззренческий оттенок, ту или иную идеологическую модальность [Добросклонская 2019: 107]. Наиболее ярко указанные функции проявляются в информационно-аналитических сообщениях о военных конфликтах и ситуациях политического противостояния, которые играют решающую роль в развитии международных отношений и являются наиболее обсуждаемыми темами в современном политическом дискурсе. При этом ключевым инструментом, кодирующим социальные смыслы и используемым СМИ для воздействия на общественное восприятие, является метафора. По убеждению Дж. Чартериза-Блэка, метафора имеет три измерения: лингвистическое (расширение семантики языковой единицы), когнитивное (развитие мышления при установлении связи между областью-источником и областью-мишенью) и прагматическое (оценка объекта / ситуации, выраженная говорящим с помощью метафоры) [Charteris-Black 2004].

Цель исследования заключается в выявлении особенностей метафорического моделирования военного конфликта в секторе Газа в британском медийном дискурсе (на материале изданий *The Economist* и *The Guardian*). Метафорические модели, являющиеся объектом данного исследования, выступают как одно из средств формирования у реципиентов определенного представления об указанной ситуации.

Основными структурными компонентами военного конфликта в Газе являются субъекты конфликта (группировка ХАМАС, Израиль и Палестина) и объект конфликта (сектор Газа и его население); участники и/или свидетели конфликта (другие страны); кроме того, метафоризации подвергаются такие аспекты как действия участников конфликта и предполагаемый исход ситуации.

• Субъекты конфликта

Группировка «ХАМАС». При освещении военного конфликта в секторе Газа группировке ХАМАС приписывается роль «злодея», обречшего население Газы на страдания. Вероятно, в силу очевидности данного факта, метафорические модели, используемые британскими СМИ для описания этого субъекта конфликта, относительно немногочисленны. ХАМАС описывается как «неоднородное движение» (*Hamas by no means a homogeneous movement*), «разрастающаяся финансовая империя» (*a sprawling financial empire*), «вооруженное ответвление Братьев-мусульман» (*an armed offshoot of the Muslim Brotherhood*). Природоморфные метафоры «ХАМАС – это вещество (субстанция)», «ХАМАС – это растение», лежащие в основе указанных номинаций, задают негативное отношение к группировке и актуализируют такие концептуальные признаки, как непредсказуемость и неуправляемость.

Израиль и его руководство. Значительно больший резонанс вызывает у британских журналистов-обозревателей позиция и действия израильского руководства и прежде всего его главы – Б. Нетаньяху. Анализ языкового материала

показывает, что наиболее часто осмысление текущего положения премьер-министра Израиля осуществляется с помощью морбиальной метафоры. Б. Нетаньяху приписывается «политическая слабость», «политический паралич»: (1) *Mr Netanyahu exposes his **political weakness** with his inability to rein in junior ministers*; (2) *Mr Netanyahu's **political paralysis** means he cannot plan what to do with Gaza when the fighting stops*. Наконец, в ряде публикаций израильский лидер характеризуется как «живой труп», что ставит под сомнение его «политическое выживание» по окончании военных действий в Газе: (3) *He's ignoring calls to resign but, politically, he is **a dead man walking***; (4) *Once again the main issue at stake would be Mr Netanyahu's **political survival***.

- **Объект конфликта – Сектор Газа и его население**

С начала военных действий ХАМАС в Газе в октябре 2023 года к уже ставшему традиционным описанию спорной территории как «тюрьмы под открытым небом» (*open-air prison*) добавились новые номинации, отражающие текущее положение: Газа – «ловушка» и «кладбище для населения»: (7) *Today, **this prison** is becoming the **graveyard of a population trapped** between war, siege and deprivation*. Представление жителей Газы как узников, обреченных на смерть, повышает эмоциональную насыщенность медиатекстов, призывающих к решению конфликта и осуждающих действия (или бездействие) вовлеченных в него сторон.

В ряде контекстов жители Газы имплицитно отождествляются с участниками эксперимента, проводимого Израилем во главе с Б. Нетаньяху (8), а также с жидкостью (субстанцией), просачивающейся в соседнее государство (Египет) (9): (8) *The day of horror Israel has just experienced signals the end of **the Netanyahu experiment** in violent coexistence*; (9) *Egypt... is being pressed by the US... to open the gates and accept **a flood of Palestinians***.

- **Другие участники / свидетели конфликта**

Палестинская национальная администрация (ПНА). ПНА репрезентируется с помощью морбиальных метафор, представляющих ее как организм, страдающий от хромоты (9), либо пораженный параличом или атрофией (10), что делает ее неспособной принимать важные решения: (9) *Meanwhile, the PA will **limp on** in the West Bank, becoming ever more ineffective and irrelevant*; (10) *...the task might seem less daunting if they [western diplomats] had not simply watched, or worse connived, in the **PA's slow atrophy***.

США и Великобритания. Среди других государств-участников конфликта наибольшее обсуждаемым в британских СМИ является Америка – «вернейший» (*staunchest*) или «ключевой» (*key*) союзник Израиля; в меньшей степени освещается поведение других стран, включая Великобританию, и их лидеров.

- **Действия субъектов и участников конфликта**

Анализ фактического материала показывает, что ведущей моделью для презентации событий в секторе Газа является метафора «Военный конфликт – это (азартная) игра», в которой прежде всего принимают участие Израиль и ХАМАС (11, 12, 15), в то время как США и Великобритания являются либо участниками игры (13), либо зрителями, делающими ставки и подбадривающими Израиль (15): (11) *Israel might have gone **all-in against Hamas**. All it takes is one errant or deliberate*

missile... that leads to many Israeli casualties, and all bets are off; (12) *Should Hamas choose the path of total destruction for its cynical power play to dominate Palestinian politics?* (13) *Sunak was firmly in play*; (14) *...the US may be backing the wrong horse, and underestimating the resilience of Hamas in Gaza*; (15) *Israel's endgame is to push Palestinians into Egypt – and the west is cheering it on*.

Значительно реже задействуется метафорическая модель «Военный конфликт – это спектакль», в рамках которой Б. Нетаньяху является сценаристом, а его американский коллега Дж. Байден выступает в роли консультанта: (15) *Netanyahu orders Israeli military to prepare for any scenario in countering Hezbollah*; (16) *A hostage deal would enable Biden to claim that his behind-the-scenes influence with Israel's leadership <...>, is proving effective*.

• Предполагаемый исход конфликта

Основным метафорическим образом, используемым в британском медиадискурсе для осмысления создавшейся ситуации и потенциальных способов решения конфликта, является метафора «пути». Обнаруживается целый ряд номинаций, актуализирующих данную модель: «политический тупик», в котором находится Израиль (*political deadlock*); дороги, доступные субъектам и участникам конфликта (*the path of total destruction, the few political avenues, two paths before the US* и т. п.); горизонт, который могут увидеть стороны в случае достижения мира (*a more hopeful horizon*) или же его отсутствие в обратном случае (*lack of economic or political horizon*).

Второй по частотности в исследуемом материале является «строительная» метафора, проявляющаяся в высказываниях о том, что по окончании военных действий в Газе будет необходимо «построить стабильную администрацию» (*to rebuild some kind of stable administration*), что «арабские соседи» могли бы оказать помощь в восстановлении Газы (*Arab neighbours <...> could fund the rebuilding of Gaza*), а между жителями Газы и Западного берега не мешало бы укрепить доверие (*West Bank and Gaza that can begin building trust among its own people and, vitally, with the Israelis*).

Таким образом, метафорическое моделирование военного конфликта в секторе Газы в британском медиадискурсе прагматически строится на представлении событий как катастрофы; при этом экспликация неспособности израильского лидера и его союзников найти решение проблемы осуществляется с помощью морбиальной метафоры, что, вероятно, призвано убедить аудиторию в крайней необходимости привлечения для этой цели других сторон. Использование театральной и игровой метафор для описания текущего положения дел в секторе Газы позволяет авторам дать отрицательную оценку ситуации, вызывая негативные эмоции аудитории, напоминая, что война в Газе – это «сценарий» составленный политическими деятелями, или организованная ими же азартная игра. Будущее конфликта, а, следовательно, и жителей Газы, репрезентируется с помощью метафор пути и строительства, первая из которых предполагает зависимость исхода конфликта от правильного выбора политических лидеров, вторая же подразумевает необходимость предпринять определенные усилия по деэскалации конфликта и восстановлению мирных отношений между вовлеченными в него сторонами.

Литература

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь). М.: Флинта, 2019.

Charteris-Black J. Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis. New York: Palgrave Macmillan, 2004.

Van Dijk T.A. Elite Discourse and Racism. London: Sage, 1993.

Inna O. Onal (Novosibirsk, Russia)

*Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev
of the National Guard Troops of the Russian Federation*

METAPHORICAL MODELING OF GAZA-ISRAEL MILITARY CONFLICT IN BRITISH MEDIA DISCOURSE

The article analyzes the metaphorical representation of the military conflict in the Gaza Strip, which is part of the Israeli-Palestinian military conflict, in British media discourse. It identifies the main source areas involved in the metaphorization of various components of the conflict, which are designed to form certain images and stereotypes in the mass consciousness.

Key words: metaphor, conceptual metaphor, metaphorical model, metaphorical modeling, military conflict, media discourse

О.Б. Пономарева (Тюмень, Россия)

*Тюменский государственный университет
obronomareva@list.ru*

Е.Ю. Пономарева (Тюмень, Россия)

*Тюменский государственный университет
elurpon@gmail.com*

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА В КОГНИТИВНОЙ ПОЭТИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ В. НАБОКОВА)

В статье рассматриваются основные положения когнитивной поэтики как отрасли когнитивной лингвистики, использующей основы когнитивного знания для изучения литературных текстов с позиции возможного читательского восприятия. Данное утверждение отражает стремление когнитивной поэтики объединить две позиции взаимодействия читателя (а значит, и исследователя) с художественным текстом: процесс чтения, происходящий одновременно с «наблюдающим сознанием» индивида. Личностное восприятие литературного текста – единственно возможная интерпретация в сфере когнитивной поэтики, поскольку наиважнейшую роль в понимании языка играет индивидуальный контекст, который привносит читатель: собственные неповторимые эмоции, чувства, знания и опыт.

Ключевые слова: когнитивная поэтика, личностное восприятие литературного текста, индивидуальный контекст, литературный опыт, воплощенное понимание

Когнитивная поэтика – новейшая дисциплина в сфере когнитивной лингвистики, использующая основы когнитивного знания для изучения литературных текстов с позиции возможного читательского восприятия, поскольку «текст существует только в момент прочтения» [Stockwell 2020: 2]. Это утверждение отражает стремление когнитивной поэтики объединить две позиции взаимодействия чита-

теля (а значит, и исследователя) с художественным текстом: процесс чтения, происходящий одновременно с «наблюдающим сознанием» индивида [там же]. Личностное восприятие литературного текста – единственно возможная интерпретация в сфере когнитивной поэтики, поскольку наиважнейшую роль в понимании языка играет индивидуальный контекст, который привносит читатель: собственные неповторимые эмоции, чувства, знания и опыт.

П. Стоквелл [Stockwell 2020] утверждает, что когнитивная поэтика отлична от дисциплины когнитивной лингвистики, поскольку она не просто занимается систематическим анализом прочтения художественного текста, но и делает акцент на идиосинкразические ментальные процессы, лежащие в основе формирования и интерпретации художественных образов. Когнитивную поэтику можно определить как «теоретический и практический подход, занимающийся разработкой литературоведческой проблематики (прежде всего восприятие структур текста) на основе допущений о процессах и состояниях человеческого разума» [Burdorf, Fasbender 2007: 387].

Объектом изучения когнитивной поэтики являются литературные тексты, однако в русле когнитивно-поэтического подхода текст рассматривается не как часть исследовательского материала, а как основа для возникновения так называемого литературного опыта читателя. Стоквелл оперирует понятием «литературный опыт» ('literary experience'), подчеркивая динамическую природу процесса чтения, где читательское восприятие постоянно изменяется на всех уровнях концептуальной организации как результат взаимодействия с языковыми средствами литературного текста. Литературный опыт выражает «мир, внутреннее содержание которого выходит далеко за пределы слов на страницах книг» [Stockwell 2020: 102].

Литературный опыт первичен для когнитивной поэтики, и для его изучения используются знания из областей лингвистики, когнитивистики и литературоведения. Исследование литературного опыта как взаимодействия читателя с художественным текстом подразумевает моделирование и объяснение «когнитивных процессов создания текста, методов их возможного эксплицирования и последующего декодирования читателями» [Андреева 2009: 3]. Согласно К.А. Андреевой [там же: 18], когнитивно-поэтический подход во многом перекликается с отечественной стилистикой декодирования текста. Сближение данных дисциплин обуславливается их приверженностью принципам текстоцентричности, антропоцентризма и признанием вхождения читателя в текст произведения. По Н.Н. Болдыреву [2014: 14], «понимание и изучение языка как средства познания мира, формирования и выражения мысли, хранения и организации знания в человеческом сознании, обмена знаниями и лежит в основе когнитивного подхода к языку». Язык рассматривается как продукт не отдельной системы человеческого сознания, а всеобщих когнитивных процессов, которые позволяют человеку концептуализировать знание в результате воплощенного понимания ('embodied understanding') [Андреева 2009: 63]. Текст также существует только в процессе интерпретации «двух сознаний, двух субъектов» [Бахтин 2000: 301]; «Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом)» [Бахтин

1995: 132]. Подход М.М. Бахтина имеет ярко выраженный антропоцентрический характер, ученый акцентирует диалог автора и читателя как выражение межтекстовых отношений, которые он определяет как процесс «интерсубъективности». Важно отметить преемственность идей Бахтина в современной когнитивной парадигме языка, где семантика слова не сводится к его словарному значению и дополнительно включает индивидуальные смыслы, вносимые участниками.

В целом, эволюция теории диалогизма Бахтина под влиянием парадигм (пост)структурализма представляет собой смещение акцента исследовательской деятельности с автора как создателя текста на сам текст и его структуру. Можно сказать, что данное направление привело к положительным результатам, поскольку отчасти совпало с современной исследовательской парадигмой, рассматривающей текст как «генератор смыслов» [Кузьмина 2011: 19]. Так, Ю.М. Лотман [1981] утверждает, что текст обладает специфической имманентной структурой, определенным кодом, используемым для передачи информации («презумпция кодированности»). Текст как отдельное произведение обладает двумя основными функциями: передачей знаний и генерацией новых смыслов.

Процесс создания новых значений строится на взаимодействии кодов при «вхождении» текста в культурный пласт, так называемый «текст в тексте». Основой порождения новых смыслов при этом выступают различия в кодовых системах авторского построения и читательского восприятия текста [там же]. Большое влияние на развитие теории интертекстуальности в лингвистике оказал подход М. Риффатера [1987; 1990], главной особенностью которого является смещение фокуса субъекта исследования с текста на читателя. Исследователь отдает главную роль культурной и языковой компетенции читателя, который «должен» обладать определенным запасом знаний для идентификации и интерпретации межтекстовых референций, т. е. определенным тезаурусом.

По М. Риффатеру [1990: 57], интертекстуальность – это переплетение функций, которое составляет и регулирует отношения между текстом и интертекстом. Интертекст представляется ученым как один или несколько текстов, которые читатель должен знать для того, чтобы понимать произведение литературы с позиции его всеобщей значимости. М. Риффатер также отмечает, что процесс распознавания интертекстуальных референций происходит в две ступени: *mimetic / semiotic reading*, где изначально читатель определяет лишь общее содержание текста, а при повторном прочтении декодирует глубинный смысл произведения, заключающийся, к примеру, в интертекстуальных отсылках и стилистических приемах. Концепция интертекстуальности М. Риффатера представляется намного более ориентированной на читателя, чем предшествующие исследования. Исследователь отмечает, что на восприятие текста влияют практический опыт, эмоции, личные воспоминания и ассоциации читателя, поскольку читатель занимает активную позицию по отношению к тексту, который либо подтверждает, либо опровергает его собственный тип мышления. В связи с этим М. Риффатер [1987: 372] говорит о тенденции «интерпретировать текст, основываясь не на его сущности, а на личных реакциях читателя». Интерпретирующая функция является основной в попытке проникнуть в мир автора, его чувства и переживания.

В качестве примера рассмотрим один из поэтических текстов Владимира Набокова, где автор ностальгически вспоминает Россию.

К России

*Отвяжись, я тебя умоляю!
Вечер страшен, гул жизни затих.
Я беспомощен. Я умираю
от слепых наплываний твоих.
Тот, кто вольно отчизну покинул,
волен выть на вершинах о ней,
но теперь я спустился в долину,
и теперь приближаться не смей.
Навсегда я готов затаиться
и без имени жить. Я готов,
чтоб с тобой и во снах не сходиться,
отказаться от всяческих снов;
обескровить себя, искалечить,
не касаться любимейших книг,
променять на любое наречье
все, что есть у меня, – мой язык.*

*Но зато, о Россия, сквозь слезы,
сквозь траву двух несмежных могил,
сквозь дрожащие пятна березы,
сквозь все то, чем я смолоду жил,
дорогими слепыми глазами
не смотри на меня, пожалей,
не ищи в этой угольной яме,
не нацупывай жизни моей!
Ибо годы прошли и столетья,
и за горе, за муку, за стыд, –
поздно, поздно! – никто не ответит,
и душа никому не простит.*
[Набоков 1939].

Очень часто в обличительных речах мелькают ссылки на его, пожалуй, самое известное и противоречивое стихотворение «К России». В. Набоков говорит России «отвяжись», «приблизиться не смей», «не смотри на меня, пожалей». Конечно, восприятие начала стихотворения как ненависти к России неверное и весьма поверхностное. На самом деле это не попытка отделаться, а скорее мольба измученного тоской человека (здесь вспоминается трепетная любовь Набокова, как и Бродского, к родному городу – Петербургу). А продолжение, меняющее суть, где Набоков говорит, что готов отказаться от всего, даже от своего имени, от любимых книг, от языка... искалечить себя. Но отрешивается он не от страны, а от тоски по ней. Да и тут во второй части стихотворения Набоков говорит, что ему до слез важно и дорого сердцу то, что он оставил, чем дышал, пока рос: оставленные могилы предков, березки, дорогие глаза ныне «слепой» страны... Тоска разъедает душу, горе отравляет разум, иногда почти физически ощущается. И писатель умоляет не Россию, а тоску по ней не искать его, дать покоя. Никак нельзя про автора таких строк сказать, что он позабыл и не любил свою Родину – Россию, что смеялся над ней и не ценил и «предал» ее тем, что жил в другой стране и писал на языке той страны. Доминантой стихотворения является ностальгия, тоска по Родине, к которой он обращается как к живому человеку, (повелительное наклонение, разговорная тональность, аттракторами в лексическом составе являются слова с дополнительными негативными коннотациями экспрессивного, эмотивного, разговорного стиля.) Читатель с тезаурусом, близким авторскому, проникнется тоской и отчаянием автора, тоскующему по родной стране. Читатели, не знакомые с писателем или мало читавшие его, могут буквально воспринять ряд слов в их денотативном значении: «отвяжись, не смотри, приближаться не смей» и т. д.

Стилистический контекст в этом стихотворении основан на эффекте контраста значительности темы и небрежного, разговорного тона, а внутри темы – контраст жизни и смерти, общественного и личного. Функция стилистического контекста состоит не в том, чтобы снять многозначность, а напротив добавить новые значения, зависящие от комбинаторных приращений смысла. Стилистический контекст позволяет создать добавочные коннотации и обеспечить максимальное приближение тезауруса читателя к авторскому восприятию. Интерпретирующая функция является основной в попытке проникнуть в мир автора, его чувства и переживания.

Литература

- Андреева К.А.* Введение в когнитивную поэтику: учебное пособие. Тюмень: Вектор Бук, 2009.
- Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.
- Бахтин М.М.* Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.
- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.
- Кузьмина Н.А.* Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса // Электронный научный журнал «Медиаскоп». 2011. № 1. URL: <https://mediascope.ru/node/755>.
- Лотман Ю.М.* Текст в тексте: труды по знаковым системам. // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. 1981. Т. XIV. С. 3-18.
- Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000.
- Набоков В.В.* Ангелом задетый: Стихи. Вып. 2. М.: СПб.: Вся Москва, 1990.
- Burdorf D., Fasbender Ch.* Metzler Lexikon Literatur. Begriffe und Definitionen. Berlin: Springer Verlag, 2007.
- Riffaterre M.* Intertextual Unconscious // Critical Inquiry, 1987. Vol. 13. No. 2. Pp. 371-385.
- Riffaterre M.* Compulsory reader response: the intertextual drive // Intertextuality: theories and practices / ed. by M. Worton and J. Still. Manchester: Manchester University Press, 1990. Pp. 56-78.
- Stockwell P.* Cognitive Poetics. London: Routledge, 2020.

Olga B. Ponomareva (Tyumen, Russia)

Tyumen State University

Elena Yu. Ponomareva (Tyumen, Russia)

Tyumen State University

COGNITIVE-DISCURSIVE INTERPRETATION OF THE TEXT IN COGNITIVE POETICS

This article presents the basic principles of cognitive poetics, a branch of cognitive linguistics which studies literary texts from the point of the reader's perception. This approach reflects the intention of cognitive poetics to unite dual perception of the literary text: the process of reading which takes place simultaneously with the analysis of the text (when the reader acts as a researcher). The personal perception of the literary text is the only possible interpretation in the sphere of cognitive poetics, as the individual context plays the most important role in the sphere of cognitive poetics when the reader adds his own individual context involving his emotions, feelings, knowledge and experience.

Key words: cognitive poetics, personal perception of the literary text, individual context 'literary experience', 'embodied understanding'

СМЫСЛОВОЙ ДИССОНАНС КАК РЕЧЕКОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ

Когнио-семантические интеракциональные отношения, отраженные в высказывании, рассматриваются как ассонансные и диссонансные. Ассонансные отношения достигаются аддитивными когнио-дискурсивными стратегиями, диссонансные смыслы рождаются неаддитивными стратегиями, определяющими интерперсональный фон коммуникации.

Ключевые слова: речекогнитивный диссонанс, неаддитивные когнитивно-дискурсивные стратегии, интенциональные доминанты, вторичная релевантность высказывания

Смысловой диссонанс (СД) понимается нами как *неполное понимание* или *частичное непонимание* текстовой информации в устной и письменной форме.

Следуя основным постулатам теории релевантности [Sperber, Wilson 1995], мы можем говорить о смысловом диссонансе как об ущербной релевантности высказывания, исходящего от коммуниканта к коммуниканту и понимаемого как интеракциональная информационно-деятельностная (иллюкутивно-перформативная) квантовая субстанция [Кибрик 2018], порождающая взаимодействие двух интерпретативных интенциональностей, т. е. *сопрягаемых смыслов* (продуктов понимания) субъектов, взаимодействующих в данной речевой интеракции [Попова 2023].

Из множества работ, посвященных проблеме непонимания и неполного понимания, сошлемся выборочно на исследования коммуникативных неудач [Мустайоки 2015], типов непонимания [Демьянков 1989] и отсутствия того или иного типа знания в когнитивных системах коммуникантов [Болдырев 2016].

В дополнение к уже существующим исследованиям мы рассмотрим несколько контекстов смыслового диссонанса, который в отличие от принятой трактовки *когнитивного диссонанса* не затрагивает критической степени противоречия между внутренними и внешними (навязанными) релевантностями когнитивной системы субъекта интеракции [Алферов, Курашенко, Попова 2016; Попова 2020].

Помимо таких очевидных трактовок контекстов непонимания как отсутствие «общих», «фоновых» и т. д. знаний мы обнаружили и исследовали несколько типов речекогнитивных интеракций, в которых смысловой диссонанс выступает когнитивным триггером компенсаторных механизмов интерпретации, снимающих критическую иррелевантность речевой интеракции [Попова 2023].

Предварительно представим категориальную оппозицию СД в перспективе его ортогонального противочлена – смыслового (когнитивного) ассонанса.

Ассонансом можно назвать *внутреннее состояние удовлетворенной потребности* понимания, согласие принять как первичную семантическую данность информацию, поступающую в модульное пространство когнитивной системы коммуниканта [Fodor 1986]. Три уровня процесса понимания легко распределяются в соответствии с тремя ипостасями речевого акта – локуцией, иллю-

куцией и перлокуцией, т. е. понимание высказывания как сложной агрегации фонетических слов, понимание интенции отправителя и «принятие» как предварительный (первичный) перлокутивный эффект. Природа этого «принятия» состоит в акцептации сообщения как такового, как идентификация самого (ф)акта речи, адресованной получателю. Иллокуция в данном случае понимается как первичное речевое намерение осуществить определенный тип речевого акта как грамматической дискурсивной единицы (ассертива, квестива, императива и проч.).

На более высоком уровне понимания иллокуция связывается с интенциональностью отправителя, определяемой многочисленными факторами, объединяемыми в понятии когнитивной контекстуальной модели [Dijk 2008]. Результатом такого панконтестуального понимания, основанного на механизмах интерпретации, формирующей те или иные контекстуальные модели, является смысл получателя [Болдырев 2018]. Высшей степенью когнитивно-коммуникативного, т. е. смыслового ассонанса является совпадение смысла получателя со смыслом отправителя [Ирисханова 2018].

В противном случае речь идет о смысловом диссонансе – явлении весьма сложном и в отличие от когнитивного диссонанса не получившем до сих пор системного описания и концептуализации (ср. в [Попова 2020]).

Первым контекстом смыслового диссонанса является диссонанс «внутренних релевантностей собеседников» [Шюц 2004], т. е. диссонанс когнитивных, в том числе и знаниевых, тезаурусов и *интенциональных доминант*. Под *интенциональными доминантами* мы понимаем приоритетные «интенциональные состояния» индивида (ЛЮБОВЬ, НЕНАВИСТЬ, ЗАВИСТЬ и т. д.) [Searle 1985], т. е. совокупность отношений коммуниканта к обстоятельствам коммуникации: позиции (референту), к внутренним релевантностям отправителя сообщения, к результату когнитивного сопряжения концептуальных контекстных моделей участников речевой интеракции. Результатом (перлокутивным эффектом) такого типа СД является не столько непонимание, сколько несогласие с собеседником, неприятие его интенциональных доминант и речевой интенциональности. В бытовом языке этот тип СД определяется обычно простой формулой «разошлись во взглядах». Это самый «тяжелый» и базовый случай СД, преодолеть который очень сложно в силу различных психологических (установки, когнитивные искажения и т. д.) или институциональных (политические взгляды, социальный статус и т. д.) *интенциональных доминант* адресанта и адресата (ср. [Болдырев, Григорьева 2018]).

Вторым контекстом смыслового диссонанса выступает полное или частичное непонимание, связанное в большей степени с планом выражения, с дискурсивными особенностями и интенциональными мысли-рече-деятельностными состояниями коммуникантов. В этом случае речевая интенциональность говорящего может сводиться к двум принципиальным стратегиям – *эмпатической* (аддитивной) и *эристической* (неаддитивной) [Ирисханова 2014; Тамразова 2020]. Аддитивная когнитивно-речевая стратегия направлена на оптимизацию релевантности высказывания для адресата, т. е. уменьшения его инференциальных интерпретативных усилий. Эмпатия как технически когнитивное понятие

[Tomasello 2009] заключается в конструировании когнитивной системы и интенциональных доминант собеседника и в случае предполагаемого СД априорного снятия нерелевантности за счет различных мультимодальных (мимика, жесты, интонация, дискурсивные маркеры) средств, позволяющих *получателю* максимально приблизиться к смысловой интенциональности *отправителя*.

Неаддитивные стратегии основаны на усложнении инференциальных усилий собеседника в расчете на «общие / фоновые знания», коммуникативную компетентность, ассонанс и когнитивный резонанс внутренних релевантностей собеседников. Таковы различного рода игры пресуппозиций и импликаций, намеренные двусмысленности, намеки, подразумевания, прецедентные тексты / имена, аллюзии, парадоксы, ирония и др. проявления юмора. Такие стратегии мы называем эристическими [Алферов, Попова, Тамразова 2019] в силу их намеренного, «провокационного» смыслового диссонанса и нарушения первичной релевантности высказывания. По мнению Д. Герэртса, здесь имеет место эмпатия второго порядка (*second order empathy*), связанная с обработкой двусмысленности выражения [Geeraerts 2020]. Если эмпатия – это способность видеть точку зрения другого, то эмпатия второго порядка – это способность концептуализировать адресата как ментальную метамодель, переходя от формулы первичной эмпатии «я знаю, что ты знаешь» к формуле вторичной эмпатии «я знаю, что ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь». Собеседник основывается на релевантности второго порядка с опорой на метарепрезентацию когнитивной модели (интенциональных доминант) партнера по коммуникации в отношении определенного объекта (оценка, предубеждения, контекст и т. д.) [Sperber, Wilson 1995].

Проведенное экспериментальное исследование [Попова 2023] на основе оценки респондентами степени понимания прецедентных феноменов в дискурсе телесериала «Доктор Хаус» (House, MD) показывает, что существуют определенные уровни смыслового диссонанса, когда респонденты включают несколько модулей (не)понимания и интерпретации, позволяющих «здесь и сейчас» инкапсулировать те или иные элементы СД, опираясь на описанные выше уровни понимания, и интроспективно разместить их на шкале между критическим непониманием (иррелевантностью), частичным СД, активирующим компенсаторные механизмы интерпретации, – до полной идентификации прецедентного феномена в оригинальном тексте и/или в переводе, например, в таких репликах персонажей фильма: *Lucy in the Sky with Diamonds*; – *How was the play Mrs. Lincoln?*; – *What the Freud is that about?*; – *Tell that to the guys on the «Kursk»* [Алферов, Попова 2017; Попова 2023].

Литература

Алферов А.В., Курашенко И.Г., Попова Г.Е. The dynamics of Russia's conceptualization in the parliamentary discourse in contemporary Europe // Вестник Пятигорского гос. лингвистического ун-та. 2016. № 1. С. 117-121.

Алферов А.В., Попова Г.Е. Некоторые лингвокогнитивные аспекты художественного перевода // Вестник Пятигорского гос. лингвистического ун-та. 2017. № 1. С. 69-71.

Алферов А.В., Попова Г.Е., Тамразова И.Г. Эфемерные лакуны: релевантность дискурсивной тональности в переводе // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 94-104.

- Болдырев Н.Н.* Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 4 (49). 2016. С. 10-20.
- Болдырев Н.Н.* Концептуальная деривация как основа вторичной языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. С. 37-42.
- Болдырев Н.Н., Григорьева В.С.* Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 15-24.
- Демьянков В.З.* Ошибки продуцирования и понимания (интерпретирующий подход) // Речевые приемы и ошибки: Типология, деривация и функционирование. Пермь: ПГУ, 1989. С. 22-34.
- Ирисханова О.К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Ирисханова О. К.* Когнитивный резонанс и его вербальные и невербальные проявления // Когнитивные исследования языка. 2018. № 32. С. 334-344.
- Кибрик А.А.* Русский мультиканальный дискурс. Ч. 1. Постановка проблемы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 70-80.
- Мустайоки А.* Коммуникативные неудачи сквозь призму потребностей говорящего // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 553-559.
- Попова Г.Е.* Когнитивный резонанс как функция интеракционального энталамирования // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42). С. 285-290.
- Попова Г.Е.* Концептуализация релевантности в когнитивно-семиотической модели коммуникативной интеракции. Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2023.
- Тамразова И.Г.* Эристика как социокультурный вызов и тип эмоционального интеллекта // Когнитивные исследования языка. 2020. № 1 (40). С. 251-268.
- Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.
- Dijk van T.A.* Discourse and Context. A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Fodor J.A.* La modularité de l'esprit. Paris: Éditions de Minuit, 1986.
- Geeraerts D.* Empathic Viewpoint and Intersubjective Ambiguity // Наука без границ: синергия теорий, методов и практик: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. О.К. Ирисханова. М.: МГЛУ, 2020. С. 12-13.
- Searle J.R.* L'Intentionnalité. Essai de philosophie des états mentaux. Paris: Éditions de Minuit, 1985.
- Sperber D., Wilson D.* Relevance: Communication and Cognition. Oxford; Cambridge: MA, 1995.
- Tomasello M.* Why We Cooperate / M. Tomasello, C. Dweck, J. Silk, B. Skryms, E. Spelke. Cambridge, MA: MIT Press, 2009.

Galina E. Popova (Astrakhan, Russia)
Astrakhan State Technical University

SEMANTIC DISSONANCE AS A COGNITIVE MECHANISM OF SPEECH

The cognitive-semiotic interactive relations reflected in the utterance are considered as assonant and dissonant. Assonant relations are achieved by additive cognitive-discursive strategies, dissonant meanings are born by non-additive strategies that define the interpersonal background of communication.

Key words: speech cognitive dissonance, non-additive cognitive-discursive strategies, intensional dominants, secondary relevance of utterance

СПЕЦИФИКА ЭВИДЕНЦИАЛЬНОГО МАРКИРОВАНИЯ В РОМАННОМ ЖАНРЕ

Исследуются особенности конструирования эвиденциального высказывания в романе, созданном в интердискурсе на стыке двух полярных концептуальных областей – художественной литературы и права. Литературная практика парресии – высказать истину – определяет спектр эвиденциальных речеповеденческих стратегий автора, нашедших выражение в тексте в ряде эвиденциалов – единиц текста, указывающих на засвидетельствованность описываемых правовых реалий.

Ключевые слова: интердискурс, эвиденциальность, репортативно-экспериментальная эвиденциальность, эвиденциальная речеповеденческая стратегия, маркер эвиденциальности

Под интердискурсом понимается единое гетерогенное лингвосоциокультурное пространство, сформированное на стыке правового и художественного типов дискурса, во многом обусловленное исторической реальностью (социальным вертикальным контекстом) [Дзюба, Рябова 2022: 59-76]. Непосредственным репрезентантом интердискурса (далее – ИД) является текст романа, «впитавший» идеологические, психологические, прагматические и иные характеристики индивидуально-авторской и коллективной концептуальной картины мира. Надежным проводником в мир подвергшейся художественно-образной обработке правовой реальности становится автор, обладающий особыми типами социально-языкового сознания (правового, лингвокреативного, цитатного и др.), «участным» мышлением, личным профессиональным опытом и имеющий знакомства в юридической сфере. Его главная социальная функция – осветить случаи несправедливости, происходящие в правовой сфере, максимально доступно и широкоформатно, т. е. посредством художественной литературы. Эта коммуникативная программа требует от него целой гаммы речеповеденческих стратегий, доказывающих факт истинности описываемых событий и результирующих в романе эвиденциальной природы. В качестве такого романа выбран «Холодный дом» Ч. Диккенса, который с опорой на реальные факты повествует о беспорядках в Канцлерском суде Англии в историческую эпоху середины XVIII – начала XIX вв.

Согласно Н.А. Козинцевой, эвиденциальность – «область рамочных значений, представляющих собой указание на источник сведений» [Козинцева 1994: 92]. Заметим, что разные авторы определяют данное явление по-разному: от «пересказываемости», «опосредованности», «(не)очевидности» до «засвидетельствованности» / «заглазости» (в русской традиции) [Макарцев 2013: 18-20]. Вслед за Р. Ницоловой, полагаем, что «эвиденциальность представляет собой когнитивное состояние говорящего, связанное с получением информации из определенного источника...» [Ницолова 2006: 26–28]. Источником может быть сам автор как непосредственный реципиент или другой человек, ставший свидетелем события. Так, эвиденциальность (далее ЭВ) – когнитивный феномен, находящий отражение на разных уровнях тексто- и смылопорождения в романе.

Исследователи обозначают различные типы ЭВ: прямая (сведения, извлекаемые из памяти самим говорящим) и косвенная (сведения, полученные от др. лица); прямая (direct), репортативная (reported), конклюдивная (inferring как свидетельства, основанные на причинно-следственной связи) [Макарцев 2013: 16, 58]. В.А. Плулунгян разграничивает три вида ЭВ в зависимости от типа доступа к информации: 1) прямой-личный доступ (видел); 2) непрямо-личный (вывел инференции); 3) непрямо-неличный (сообщили) [Плулунгян 2011: 338].

ЭВ в романе «Холодный дом» обусловлена тем фактом, что Диккенс в силу жизненных обстоятельств и своей профессиональной деятельности в области права был осведомлен о подробностях работы «этого зловреднейшего из старых грешников». М. Мэтьюз пишет: «Критика Чарльза Диккенса в адрес юристов и судов была основана на его собственном опыте работы с правовой системой...» [<https://www.mimimatthews.com/2015/04/06/law-meets-literature-bleak-house-and-the-british-court-of-chancery/>]. Писатель еще больше «познакомился» с Канцлерским судом, когда подал прошение о судебном запрете против человека, опубликовавшего имитацию его романа «Рождественская песнь». Иск в конечном итоге обошелся ему дороже, чем ущерб, который он смог взыскать. Когда произошел другой эпизод нарушения авторских прав, решил, что терпеть это дешевле, чем идти в суд [там же].

Особым свидетельством эвиденциальной природы романа становится предисловие, в котором Диккенс эксплицирует парресиастические намерения (высказать истину) с указанием на источники сведений – личный опыт и сведения коллег: «A Chancery judge once had the kindness **to inform me...** that the Court of Chancery... was almost immaculate... There had been, he admitted, a trivial blemish or so in its rate of progress...; **I mention here** that everything forth in these pages concerning the Court of Chancery **is substantially true, and within the truth.** The case of Gridley is in no essential altered from **one of actual occurrence**, made public by a **disinterested person who was professionally acquainted** with the whole of the monstrous wrong from beginning to end» [Dickens 2018: 5]. На основании сказанного определим, что применительно к роману целесообразно говорить о синкретическом типе ЭВ – репортативно-экспериментальной (от англ. report ‘сообщить’ и experience ‘опыт’) – без разграничения источника сведений, полученных лично или от коллег (термин «экспериментальная эвиденциальность» использует С.Г. Татевосов [2007: 373]). Кроме того, явление ЭВ неотделимо от феномена эпистемической ответственности автора, когда он отвечает за то, о чем повествует.

Репортативно-экспериментальный тип ЭВ проявляется на разных уровнях тексто- и смыслопорождения: лексико-семантическом (на уровне слова и высказывания), структурно-синтаксическом (на уровне предложения), повествовательном (на уровне структуры романа) в виде маркеров эвиденциального маркирования или эвиденциалов. Этот спектр языковых средств отражает индивидуально-авторские речеповеденческие стратегии, призванные создать определенные условия для максимального погружения реципиента в мир правовых реалий и в концептуальную картину мира автора. Под эвиденциальной речеповеденче-

ской стратегией понимается глобальное когнитивное усилие автора создать максимально приближенный к реальности, засвидетельствованный (документом, личным присутствием, пересказом, чьим-то умозаключением и т. д.) образ судебно-правовой действительности. Среди доминантных эвиденциальных речеповеденческих стратегий автора в романе «Холодный дом» обозначим некоторые – стратегию приближения пространства, стратегию единения автора и читателя, стратегию цитирования, стратегию отсылки к коллективному фонду знаний, стратегию включения иножанровых элементов, стратегию создания прецедентности и др.

Обратимся к примерам. Корреляция текущего момента с моментом описания события и создание тем самым эффекта засвидетельствованности реализуется посредством стратегии приближения пространства и маркеров ЭВ – указательного местоимения «этот» в словосочетаниях «этот Канцлерский суд», «этот день (ныне)»: «Never can there come fog too thick, never can there come mud and mire too deep, to assort with the groping and floundering condition which **this High Court of Chancery**, most pestilent of hoary sinners, holds **this day** in the sight of heaven and earth» [Dickens 2018: 9].

Посредством использования стратегии единения автора и читателя, репрезентированной в личном местоимении «мы, нам» создается общее для обоих (писателя и реципиента) пространство и достигается тот же самый эффект «проживания» одной и той же ситуации вместе здесь и сейчас: «It is but a glimpse of the world of fashion that **we** want on this same miry afternoon. It is not so unlike the Court of Chancery but that **we** may pass from the one scene to the other, as the crow flies» [там же: 17].

Стратегия отсылки к коллективному фонду знаний отражается в слове «общеизвестно»: «This scarecrow of a suit has, in course of time, become so complicated that no man alive knows what it means. The parties to it understand it least, but **it has been observed** that no two Chancery lawyers can talk about it for five minutes without coming to a total disagreement as to all the premises» [там же: 12].

Приемы прямой и скрытой цитации, репрезентирующие общую речеповеденческую стратегию цитирования, создают максимально достоверную «вставку» в романе, функционирующую на границах двух феноменов – интертекстуальности и ЭВ: «A sallow prisoner has come up, in custody, for the half-dozen time to make a personal application «**to purge himself of his contempt**,» which, being a solitary surviving executor who has fallen into a state of conglomeration about accounts of which it is not pretended that he had ever any knowledge, he is not at all likely ever to do» [там же: 11-12]. Об источнике данных реципиент может только догадываться, однако графический маркер цитации функционирует в качестве эвиденциала.

В структуру романа Диккенс включает письмо юристов к одной из героинь романа – Эстер, при этом частично трансформируя жанр письма, интегрируя в него компонент жанра загадки. Как следствие, феномен репортативно-экспериментальной ЭВ, представленный стратегией включения иножанровых элементов, усложняется за счет графического приема акронимизации (опущения букв) и реализуется непосредственно в тексте романа «нового» формата как когнитивный феномен, подверженный авторской рефлексии. Приведем отрывок письма:

«Our *clt* Mr. Jarndyce being *abt* to *rece* into his house, under an Order of the *Ct* of *Chy*...» [там же: 43]. Свидетельством негуманной природы судопроизводства на когнитивном уровне становится запутанность судебных дел.

Подводя итог, подчеркнем, что репортативно-экспериментальная ЭВ, представленная рядом авторских эвиденциальных стратегий, проявляется на различных уровнях текста: лексическом, графическом, повествовательном, когнитивном и др.

Заключение

Интердискурс, функционирующий на стыке двух концептуальных областей, обладает парресиастической природой, которая находит выражение в тексте романа в авторских речеповеденческих стратегиях, определяющих специфику маркеров эвиденциального высказывания («мы» – маркер единения, «этот» – маркер приближения пространства, элемент загадки – маркер запутанности и т. д.). Репортативно-экспериментальная ЭВ реализуется как сложноорганизованный когнитивный феномен, тесно связанный с категориями эпистемической ответственности, авторской позиции, интертекстуальности и др. и в дальнейшем может быть изучен как категориальный феномен.

Литература

- Дзюба Е.В., Рябова И.Ю. Категория событийности в интердискурсе // Филологический класс. 2022. Т. 27, № 3. С. 59-76.
- Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92-104.
- Макаричев М.М. Эвиденциальность в пространстве балканского текста. СПб.: Нестор-История. 2013.
- Ницолова Р. Взаимодействие эвиденциальности и адмиративности с категориями времени и лица в болгарском языке // Вопросы языкознания. 2006. № 4. С. 27-45.
- Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Татевосов С.Г. Эвиденциальность и адмиратив в багвалинском языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб.: Наука, 2007. С. 351-397.
- Dickens Ch. Bleak House I. М.: T8RUGRAM/Original. 2018.
- Matthews M. Law Meets Literature: Bleak House and the British Court of Chancery. URL: <https://www.mimimatthews.com/2015/04/06/law-meets-literature-bleak-house-and-the-british-court-of-chancery>.

Irina Yu. Ryabova (Yekaterinburg, Russia)
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

THE SPECIFICS OF EVIDENTIAL LABELING IN THE NOVEL GENRE

The article examines the peculiarities of constructing an evidential statement in a novel created in the interdiscourse at the crossroad of two polar conceptual fields – fiction and law. The literary practice of *parresia* – to express the truth – defines the range of evidential speech and behavioral strategies of the author that are expressed in the text of the novel in a number of evidentials – units of text indicating the real nature of the described legal realities.

Key words: interdiscourse, evidentiality, report-experience evidentiality, evidential speech strategy, evidentiality marker

О.В. Рябуха (Санкт-Петербург, Россия)

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Санкт-Петербургский государственный
университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
ovyabukha@mail.ru*

А.К. Лобанова (Санкт-Петербург, Россия)

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
post.lobanova@yandex.ru*

Д.О. Комарова (Санкт-Петербург, Россия)

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
dkomarova604@gmail.com*

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ КОГЕРЕНТНОСТИ В МЕДИАТЕКСТЕ

Когерентность связана с продуцированием и восприятием текста, помещенного в локальный и глобальный контекст. Предложения в когерентном медиатексте связаны как между, так и со всем текстом, обладающим определенной тематической, семантической и концептуальной направленностью.

Ключевые слова: когерентность, когезия, медиатекст, когнитивная операция, текстовые категории, лингвистическая и экстралингвистическая информация

Семантическое и синтаксическое единство, связность и согласованность, когезия (формальное, структурное единство) и когерентность (непрерывность смыслов), логичное и упорядоченное изложение идей непосредственно влияют на качество любого текста, на то, насколько полно автор сможет передать свое «слово» читателю. Когерентность и когезия («coherence and cohesion») – многогранные категории текста, неотъемлемая часть его текстуальности, которые в лингвистике принято рассматривать с трех основных точек зрения. В некоторых работах отечественных и зарубежных лингвистов говорится о том, что они синонимичны или тождественны, в других их противопоставляют (понимая как формально-грамматические, внутренние связи и смысловое единство текста), третья группа исследователей (З.Я. Тураева, М.А.К. Хэллiday, Р. Хазан, М. Хоуи) использует один термин «cohesion», когезия, связность или непрерывность для описания всех средств связности текста, делая акцент на том, что когезия «выявляет, как текст организован в семантическое целое» [Halliday 1976: 4].

Существует мнение о вторичности когезии по отношению к когерентности, поскольку когерентность, являясь гораздо более абстрактным понятием, «отвечает» за смысловую уровень текста, «семантико-прагматические (тематические и функциональные в том числе) аспекты смысловой и деятельностной интерактивной) связности дискурса, как локальной, так и глобальной» [Макаров 1998: 195]. Хотя остается неоспоримым факт, что обе категории обеспечивают целостность и единство речевого произведения, направлены на реализацию определенной коммуникативной интенции автора, очевидно то, что когезия может служить одним из способов реализации когерентности в тексте, формальным ее воплощением.

В статье предлагается опереться на понятие когерентности как категории внешней прагматической связности текста, которая соответствует понятийно-смысловому уровню, который, в свою очередь, не обязательно эксплицируется

посредством конкретных языковых единиц, но может быть полон имплицитных связей. Текст когерентен для реципиента, если его прочтение позволяет реконструировать ментальный образ действительности. С таким подходом связано понятие когнитивной когерентности, когда получатель сообщения активно участвует в его воссоздании, используя текстовые индикации автора. Фоновые знания, пресуппозиция, ассоциативность становятся, таким образом, неотъемлемыми факторами создания когерентности в тексте.

И.Р. Гальперин, говоря о категории целостности текста, но не используя термин «когерентность», утверждает, что последняя опирается на завершенность, интеграцию (связанность частей в единое целое и процесс, обеспечивающий эту связанность) и модальность [Гальперин 2006]. Ю.Н. Земская и Н.С. Болотнова также не употребляют в своих исследованиях термин «когерентность» и, описывая понятие целостности, упоминают проспекцию и ретроспекцию (и их фактическую реализацию через дистантную катафору и анафору) в качестве механизмов ее создания. Н.С. Валгина вводит понятие «ключевые слова», которые используются в одном текстовом пространстве, являясь его семантическим центром, и становятся механизмом построения внутритекстовых имплицитных и эксплицитных связей. Механизмы создания когерентности сложны, не формализованы, взаимосвязаны и зачастую встречаются одновременно в рамках одного текста.

В современной лингвистике ряд ученых (Т. ван Дейк, Н.С. Валгина, М.Л. Марков) выделяют глобальную и локальную (линейную) когерентность. Локальная когерентность текста основывается на организации фраз и предложений в линейной последовательности с использованием таких средств реализации как субституция, рекуррентия, действительские элементы, конъюнкция, эллиптические структуры и синтаксический параллелизм [Жучкова 2014: 156]. Стоит отметить, что многие лингвисты относят вышеуказанные элементы к средствам когезии, разграничивая ее с понятием когерентность.

При создании речевого высказывания автор текста располагает средствами реализации локальной когерентности таким образом, чтобы их порядок был логичным, полным, а сами средства были объединены одной темой. В момент порождения высказывания автор использует всевозможные связующие компоненты, такие, как общие фоновые знания коммуникантов, эксплицитные и имплицитные структуры, пропозиции и пресуппозиции и т. д.

Глобальная когерентность, с другой стороны, реализуется через тематическое, семантическое и концептуальное единство, в основе ее лежит ориентированность на коммуникативную установку. Данный тип помогает связать каждое отдельное высказывание с общим смыслом текста для выражения основной мысли. Глобальная когерентность определяется автором на начальном этапе создания любого текста и предполагает установление логической модели описываемой ситуации, актуальных связей. Как результат, образуется речевой продукт, который представляет собой единый и логически структурированный текст, выражающий мысли автора, который получает реципиент. Ключевые слова текста играют важную роль в реализации глобальной когерентности, так как именно они помогают объединить текст и его составляющие по темам и концептам.

М.Л. Макаров описывает схожую типологию, однако в отличие от предложенной выше классификации, отдельно выделяет тематическую когерентность (в его терминологии – когеренция). Этот тип когерентности формируется вокруг одной глобальной темы. В объемных текстах это качество проявляется наиболее наглядно, так как ключевые «мотивы» и «темы» неоднократно повторяются в течение всего текста. [Макаров 2003: 125]. Термин «тематическая когерентность» в работе Макарова схож с определением «глобальной когерентности» в работах других авторов. Глобальная когерентность, по Макарову, – это отношения каждого конкретного нового высказывания к общему плану коммуникации. Поскольку обмен высказываниями в речи обусловлен различными ментальными стратегиями, планами, сценариями, когнитивными схемами интерактантов, каждый новый ход должен быть скорректирован в соответствии с глобальной темой коммуникации и подстроен под нее.

Организация текста, выстроенного и подчиненного определенной теме, характерна для всех типов медиатекста, но прежде всего для текста статей, видеорепортажей и рекламных текстов. Употребление в тексте слов, относящихся к одному лексико-семантическому полю, использование синонимов, повторов, гипонимов и гиперонимов помогает выстроить единое текстовое пространство, репрезентирующее определенные концепты, которыми оперирует автор.

В качестве примера реализации когерентности посредством тематической организации текста обратимся к недавно опубликованной в «The Guardian» статье по злободневной проблеме чрезмерного использования телефона как средства коммуникации в социальных сетях. Статья придерживается классической структуры, где в начале автор описывает суть проблемы – что, где и когда происходит, кто является участником данных действий, а далее следует подробный анализ причин и особенностей происходящего. В самом начале посредством контекстуальных синонимов вводится тема статьи, слово *phone* приравненное к *his most intimate possession* и фразы *unregulated screen use*, *excessive phone use*, используемые как синонимы к словам *addiction*, *compulsion*, задают тон повествованию и передают отношение автора к описываемой проблеме. Ассоциативные элементы концепта ТЕЛЕФОН, репрезентируемые в тексте, отсылают читателя к положительным и негативным аспектам цифровой коммуникации; с одной стороны, *connection*, *love*, а с другой – зависимость от постоянной вовлеченности в цифровую среду: «No notification dot is like no love», «loneliness», «depression» [I kept a diary... 2024].

Выстраивание высказываний, соотносимых с выбранной повествовательной линией, предполагает отбор и категоризацию информации, представляемой читателю. Как пишет А. Фетцер в своей работе «Textual coherence as a pragmatic phenomenon» («Текстовая когерентность как прагматический феномен»), «в процессе создания и интерпретации текста определенная информация отбирается, кодируется и одновременно категоризируется... Когерентность текста зависит как от лингвистической, так и экстралингвистической информации. Более того, достижение когерентности текста является когнитивной операцией, основанной на разнообразных логических операциях» [Fetzer 2012: 448]. Таким образом, ко-

герентность помогает сконструировать общий план коммуникации между автором и читателем, а также сформировать когнитивные модели, позволяющие осмыслить и репрезентировать представленную информацию.

Литература

- Гальперин И.П.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: УРСС, 2006.
- Жучкова И.И.* О сущности и специфике использования терминов «cohesion» (связность) и «coherence» (цельность) в англоязычном и русском языкознании. 2014. № 3. С. 155-159.
- Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
- Макаров М.Л.* Языковое общение в малой группе: опыт интерпретативного анализа дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1998.
- Fretzer A.* Textual coherence as a pragmatic phenomenon // The Cambridge Handbook of Pragmatics / ed. by K. Allan, K.M. Jaszczolt. New York: Cambridge University Press, 2012.
- Halliday M.A.K.* Cohesion in English. London: Continuum, 1976.
- Sammadder R.* I kept a diary of how I use my phone. The results were depressing // The Guardian, 2024. URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2024/jan/08/phone-quitting-diary-week-two>.

Olga V. Ryabukha (Saint Petersburg, Russia)

Herzen State Pedagogical University

The Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications

Aleksandra K. Lobanova (Saint Petersburg, Russia)

Herzen State Pedagogical University

Darya O. Komarova (Saint Petersburg, Russia)

Herzen State Pedagogical University

ON THE ISSUE OF COHERENCE IN MEDIATEXTS

Coherence is closely linked with producing and interpreting a text, placed in a local and global context. The sentences in a coherent mediatext are interrelated, dependent on each other and on the text that possesses a certain thematic, semantic and conceptual qualities, as a whole.

Key words: coherence, cohesion, mediatext, cognitive operation, text categories, linguistic and extra-linguistic information

Е.С. Рябцева (Екатеринбург, Россия)

Уральский федеральный университет

имени первого президента России Б.Н. Ельцина

e.s.riabtseva@urfu.ru

«РАНЬШЕ-ТО РАНЬШЕ, КОГДА МАМА БЫЛА ДЕВЧОНКОЙ»: ПРОШЛОЕ В ЗЕРКАЛЕ КОСТРОМСКОГО ДИАЛЕКТНОГО ДИСКУРСА

На материале дискурса диалектоносителей Костромской области рассматривается категория *прошлого*: выделяются основные лексемы, маркирующие *прошлое* и относящиеся к нему реалии; выделяются два временных «пласта» прошлого; анализируются группы основных изменений, маркирующих для диалектоносителей *прошлое* и отличающих его от *настоящего*.

Ключевые слова: диалект, дискурс, время, наивная картина мира, прошлое

Одной из основных категорий сознания и осмысления окружающего мира является *время*. Но это также одна из категорий, не обладающая абсолютными

характеристиками восприятия и меняющая свой «вид» в различных лингвокультурах, как относящихся к разным языкам, так и присущих разным формам существования одного и того же языка. *Время* как категория сознания привлекает внимание множества исследователей и изучается в различных аспектах (см. список литературы, посвященной этому вопросу, в [Калиткина 2010]).

Целью работы является исследование «свойств» прошлого, тех его особенностей, по которым оно отличается от настоящего; обнаружение тех реалий, которые «унесло время», что оказалось принципиально значимо для носителей определенной культуры. Вслед за Г.В. Калиткиной дискурс понимается как «использование языка, за которым стоит национально и исторически обусловленная ментальность» [Калиткина 2010: 3] и «совокупность текстов, связанных <...> интенсионально» [там же].

Основным источником материала послужили полевые записи Топонимической экспедиции УрФУ, собранные на территории Костромской области. По электронной базе лексической картотеки Топонимической экспедиции была проведена выборка контекстов, содержащих лексемы *раньше, ранешний/-ий, давно, до нас, старинный, старик и сейчас*, составившая около 300 контекстов.

При наличии общего обозначения прошлого как *раньше, давно*, на территории Костромской области фиксируется устойчивое выражение *раньше-то раньше*, номинирующее «давнопрошедшее» время. Как правило, оно соотносится с периодом, предшествующим жизни информантов (либо затрагивающим их раннее детство), как, например, в контексте, вынесенном в заглавие этой статьи – костр. мак. *Раньше-то раньше, когда мама была девчонкой* или костр. шар. *Это раньше-то раньше, до нас еще*.

Другими лексемами, разделяющими поколения и их опыт, становятся *старинный* и *ранешний*: костр. вохом. *Это старинные люди <помнили>, а мы-то чего – дико-надико*; костр. окт. *Ранешные люди так <хлеб> пекли*; костр. нерех. *Были они староверы. Они были в ранешние времена, пели хоры*. Почти терминологичным является и обозначение *старики*: костр. окт. *У стариков <дербá>, а наше поколение говорило <чистка>*. Такое деление звучит, казалось бы, достаточно странно, поскольку говорящему про «стариков» и самому больше 70 лет – но сам он себя к «старикам» не относит. Как правило, поколениями *стариков* для диалектоносителей являются поколения их родителей и бабушек-дедушек: костр. меж. *Края – это бархоты у нас. Это очень старинное слово. Еще моя бабушка... Не раз она <говорила>*; костр. чухл. *Еще моя мать дипломаты носила, старинное это пальто* и др. Таким образом, *старинный* и апеллирующий к опыту *стариков* описывают принципиально иной культурно-исторический уклад, относящийся к дореволюционному периоду и единоличному хозяйству. Отсылка к *старине* и *старикам* не зависит от поколения информантов и в равной степени встречается и у современных поколений «детей войны», и у тех, с кем беседовали в 1970-е гг. (и кто, соответственно, сам имел опыт жизни при другом типе хозяйства). Однако принципиальным оказывается наличие разницы в культурно-бытовом укладе.

Такое деление прошлого на два «потока» не является уникальным для данной территории и, вероятно, представляет собой общедиалектную (по крайней мере, севернорусскую) особенность восприятия времени. Г.В. Калиткина, анализируя восприятие времени в сознании диалектоносителей Среднего Приобья, обозначает эти «потоки» как *прошлое vs старина* и отмечает: «Старина – мифична, она (чаще всего) не прожита человеком, прошлое же, фундированное личным опытом, оказывается реальным, подлинным <...> в отличие от старины, прошлое лично ориентировано» [Калиткина 2010: 28].

Апелляция к опыту предыдущих поколений также отмечается как особенность диалектного дискурса многими исследователями (см., напр., в [Гольдин 2002; Громов 2003]) и, вероятно, базируется на особенностях социального уклада. Как отмечает Т.И. Вендина, в диалектном коллективе выделяются две генерационные группы: старики и дети [Вендина 2017: 48], и естественным образом группа «детей» в некоторой мере наследует культурную память «стариков» через устную традицию, попутно мифологизируя ее.

Анализ контекстов позволяет выявить определенные группы «примет» прошлого – тех изменений, которые произошли в духовной и материальной жизни диалектного социума.

1. Языковые изменения. С одной стороны, дискурс диалектоносителей отмечает постепенное ослабевание говора, уход из употребления многих региональных слов, вызванные как борьбой с диалектом в советское время, так и распространением литературного языка посредством радио и телевидения: костр. слав. *Сейчас вот баранки, а раньше витушки были, все одно*; костр. пыщ. *В старину-то белку векишей называли и др.* Здесь «старинное» становится синонимом «диалектного» [Бондаренко 2021: 74]. Однако контексты позволяют отметить и другую ситуацию – изменчивость самого диалекта, когда разные поколения одного и того же социума могут употреблять различные диалектные слова для обозначения одной и той же реалии: костр. пав. *Было старинное устюжки, они же – быкань и валуи*; костр. шар. (о траве) *Это сейчас ее белоуской называют, а раньше безволоской звали.*

2. Изменения бытовых реалий. Здесь самой заметной областью являются изменения в одежде и общем внешнем виде: костр. пав. *Долгая такая оболочка ('одежда') была, это до нас носили, а мы уж отстали*; костр. чухл. *Старые, старые до нас уж носили самишуру* (вид женского головного убора); костр. пав. *А раньше причесывали, чтобы нигде не отпрянули волоски-те, чтобы были вместе. Ранешное-то как, а не то, что туда-сюда волосы болтаются.*

Другой заметной областью изменений является посуда: костр. вохом. *Ендовá помню у нас еще была посуда старинная; Старинные черепени были деревянные. Раньше все деревянное было. Сейчас в ведре затвáриваем хлеб.*

Как ушедшие в прошлое воспринимаются некоторые виды повозок: костр. чухл. *Андрэс – это все старинное, нонче ведь нет таких андрэсов* (о повозке для перевозки сена).

3. Изменения уклада затрагивают не только способы осуществления сельскохозяйственных работ (костр. кад. *А старики вагой поля разрабатывают, это*

дерево такое, чтобы пенек-то вытащить; костр. шар. Стога-то вручную металл, сейчас все в рулоны сворачивают, а тогда и в завиданьях такого не было), но также и приготовление еды (костр. шар. Старые ранешные люди только подовый хлеб и пекли; Пирог раньше не как сейчас делали. Раскладываешь одну стенку, накладываешь по-хорошему, чтобы баско было, много), организацию дома (костр. вохом. В избе-то не было заборок эдак, как сейчас) и перемены, произошедшие в промыслах и ремеслах (костр. шар. Сейчас проще, а раньше ойна вытилливали пилой).

Также изменения уклада вызывают смену повседневных правил, связанных с приемом пищи; см. в [Осипова 2023: 375-383]. Эти нормы касаются как организации трапезы (костр. с-слав. Раньше все ели из общей миски, а сейчас всем подрыльчек (блюдец) подавай), так и временных норм (костр. вохом. Раньше обед-то был в 8–9 часов утра, а в обед как у нас сейчас с 12 до двух была пажужна).

5. Как основная перемена в культурном пласте воспринимается уход традиции праздничных коллективных гуляний, а также повседневных вечерних собраний молодежи (вечерок, беседок). Такие коллективные гуляния являются для народного сознания ярким маркером ушедшего времени и создают образ веселого прошлого – в противопоставлении настоящему: костр. шар. Раньше на бесёдки собирались, весело гуляли, не то, что сейчас; Интересно было раньше. А сейчас ни вечерок, ничего нет. А в клуб придешь, только вот руками машут.

Другие отмечаемые диалектоносителями изменения в этой сфере связаны с детскими играми (костр. пав. В чйжика играли, в лапту, а сейчас никто не играет, все музыка в телефонах; костр. с-слав. Раньше-то много игр было, не то, что сейчас: и в городки играли, и в мяч, и в короначки, ну, прятки) и свадебным обрядам (костр. ост. Это ранешные свадьбы, теперь ушло это. Сейчас придумывают ерунду – то приходят все в синем, то тамаду зовут).

6. Кроме того, отмечаются и природные изменения. Одни из них вызваны объективным изменением ландшафта, вызванным отсутствием разработок земли и леса, а также сокращением численности сельского населения: костр. шар. Кто поедет в лес? Вот поле какое было, все коров пасли. Все заросло. Все лесом ведь заросло. Там стога стояли. В детстве хорошо было: тут накосишь, мечешь, поле широкое. А сейчас один лес стоит поганый. Все заросло. Другие же довольно трудно объяснить физическими причинами: костр. окт. В реке небольшие были верхоплавки, а сейчас издохли; костр. пав. Сейчас бодачие быки пошли, природа что ли на них действует или они дичают; костр. вохом. Бычи ягоды были, сейчас не найдешь; костр. шар. Раньше если погода суровая, так она не меняется, а сейчас – смотри – все какие-то полосы, полосы: голубые, и темные, и седые – каких только нет. А этого не было раньше.

Таким образом, анализ дискурса костромских диалектоносителей позволяет выделить «временные пласты» прошлого и довольно точно привязать их к конкретным историческим периодам, а также обозначить сферы, в которых произошли значимые для носителей данной культуры изменения, разделившие настоящее и прошлое.

Литература

- Бондаренко Е.Д. Наивная лингвистика и диалектное языковое сознание. М.: Индрик, 2021.
- Вендина Т.И. Диалектное слово: вчера, сегодня, завтра // Вестник Костромского гос. ун-та. 2017. Т. 23. С. 44–49.
- Гольдин В.Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник. М.: Наука, 2002. С. 58–64.
- Громов Д.В. Фольклорные тексты о «ранешней» Библии // Живая старина. 2003. № 1. С. 42–44.
- Калиткина Г.В. Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2010.
- Осотова К.В. Севернорусская лексика пицци и питания в этнолингвистическом аспекте: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2023.

Ekaterina S. Riabtseva (Yekaterinburg, Russia)

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

“BEFORE, BEFORE, WHEN MOTHER WAS A GIRL”:

THE PAST IN THE MIRROR OF KOSTROMA DIALECT DISCOURSE

Based on the material of the discourse of dialect speakers of the Kostroma region, the category of the past is considered: the main lexemes that mark the past and the realities related to it are identified; two time “layers” of the past are distinguished; groups of main changes that mark the past for dialect speakers and distinguish it from the present are analyzed.

Key words: dialect, discourse, time, naive picture of the world, past

A.B. Сахарова (Москва, Россия)

Институт философии Российской академии наук

Hanna.lazareva@gmail.com

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ МОДАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПРОБЛЕМАТИЧЕСКОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ И СУБЪЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ТЕКСТА

В статье на материале текстов научных статей по физике, материаловедению и механике рассматривается корреляция между количеством модальных показателей проблематической достоверности и количеством соавторов научного текста. Показано, что авторы текстов с большим числом соавторов в большей степени склонны выражать сомнения при описании своего исследования и его результатов.

Ключевые слова: эпистемическая модальность, проблематическая достоверность, эпистемология, научный консенсус

Эпистемическая модальность – это категория, особым образом проявляющая себя в текстах научных статей в связи с ценностными установками и особенностями реализации научного процесса. Под эпистемической модальностью в этом контексте мы понимаем «семантику и средства языкового выражения уверенности / неуверенности говорящего в достоверности сообщаемого, в другой терминологии – достоверности / недостоверности (предположительности), персуазивности» [Проблемы функциональной грамматики 2020: 246].

В лингвистике распространено разделение эпистемических модальных значений (и показателей) на категорические (*несомненно, разумеется, бесспорно* и пр.), простые (индикатив, не осложненный модальными показателями) и проблематические (*видимо, вероятно, наверное* и пр.): «к категорической достоверности относят разные оттенки уверенности говорящего в пропозиции, к проблематической достоверности – оттенки неуверенности» [Межеричкая 2009, с. 106].

В рамках настоящего исследования мы попробуем выявить корреляции между лингвистическим показателем – частотой маркеров языковой эпистемической модальности со значением проблематической достоверности – и субъектной структурой научного текста. В качестве показателя, отражающего субъектную структуру, были выбраны данные о количестве соавторов научного текста. Иными словами, рассматривается корреляция между лингвистической характеристикой текста и особенностями индивидуального или коллективного субъекта, представленного в нем. На основании этих наблюдений мы попытаемся сделать выводы об особенностях мышления и сознания авторов текстов, а возможно, и о некоторых особенностях социальной организации научных практик.

Анализ проводился на материале текстов научных статей на русском языке по физике, механике, материаловедению и металлургии, написанных с 1999 по 2020 гг. Рассмотренная выборка состояла из 472 современных научных статей общим объемом 3 118 995 словоформ. Значение проблематической достоверности рассмотрено в настоящем исследовании на лексемах и конструкциях *видимо, по-видимому, вероятно, вероятнее всего, возможно, скорее всего, насколько нам известно, очевидно* (в синтаксической позиции вводного слова), *наверное*, а также частицах: *едва ли, вряд ли*.

Статьи были разбиты на три группы по количеству соавторов: 1 автор, 2–3 соавтора и более 4 соавторов. Такое разделение позволяет отразить некоторые содержательные особенности научных статей: обычно статьи с более чем 4-мя соавторами отражают результаты экспериментальных исследований, а статьи с меньшим количеством соавторов – теоретических и обзорных. Также в отдельную группу были выделены «индивидуальные» статьи – с 1 автором.

Эпистемические модальные показатели проблематической достоверности встречались в **56% текстов (263 текста)**. Частотность (ipm) эпистемических модальных показателей проблематической достоверности составила 287,0 на 1000000 словоформ.

Статьи с одним автором показывают самую высокую степень субъективности – в них встречается больше всего эпистемических модальных показателей всех видов, в том числе и маркеров проблематической достоверности. При этом вопреки ожидаемому снижению уровня субъективности (выраженному в количестве модальных маркеров) при увеличении числа соавторов мы наблюдаем рост частотности (ipm) маркеров **проблематической достоверности** на выборке статей с **более, чем 4-мя соавторами (2,14)** по сравнению с выборкой статей с **2-3 соавторами (1,91)**.

Объяснение такого эффекта, на наш взгляд, носит экстралингвистический

характер. Рост количества показателей проблематической достоверности в статьях с большим числом соавторов может быть вызван особенностями реализации научных практик большими научными группами, в частности, трудностями в коммуникации между участниками исследования или общим ощущением «отстраненности» пишущего соавтора от общего результата работы. Также причина может быть в меньшей уверенности специалистов в экспериментальных методиках по сравнению с теоретическими выводами и математическими расчетами.

Можно также предположить, что эти данные говорят о том, что указанные показатели проблематической достоверности не столько выражают свое языковое значение неуверенности, сколько выполняют некоторую другую прагматическую функцию. Все рассмотренные нами показатели проблематической достоверности в той или иной степени во многих контекстах имеют дополнительную прагматическую функцию «слов-загородок» – слов, задача которых состоит в том, чтобы сделать понятия более размытыми («Words whose job it is to make things fuzzier» [Lakoff 1972: 195]). Иными словами, большое количество показателей проблематической достоверности в экспериментальных текстах с большим количеством соавторов говорит не столько о неуверенности, сколько о желании пишущего автора снять с себя ответственность за практики научного исследования, результаты которых он часто не может валидировать и оценить в связи со сложностью и большим разнообразием использованных экспериментальных методик.

Указанные данные могут поставить вопрос о надежности знания при распределенном познании даже внутри научного сообщества – и вопрос о реальности некого «научного консенсуса»: ведь если даже ученые – соавторы одной научной статьи – квалифицируют «коллективное знание» как в меньшей степени надежное и достоверное, чем индивидуальное, то, вероятно, еще большим будет разброс мнений среди представителей различных научных групп и направлений.

Литература

Межеричук М.И. К вопросу о соотношении эпистемической модальности и категории эвиденциальности // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та. Серия 9. 2009. № 4. С. 105-108.

Проблемы функциональной грамматики: Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий. М.: Языки славянской культуры, 2020.

Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // Journal of Philosophical Logic. 1973. No. 2. Pp. 458-508.

Anna V. Sakharova (Moscow, Russia)
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

EPISTEMIC MODAL INDICATORS OF PROBLEMATIC RELIABILITY AND THE SUBJECTIVE ORGANIZATION OF SCIENTIFIC TEXTS

The article examines the correlation between the number of modal indicators of problematic reliability and the number of co-authors of a scientific text based on the texts of scientific articles on physics, materials science and mechanics. It is shown that authors of texts with a large number of co-authors are more likely to express doubts when describing their research and its results.

Key words: epistemic modality, problematic validity, epistemology, scientific consensus

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТОНИМИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена особенностям актуализации концептуальной метонимии как механизма формирования семантики частотных языковых единиц в англоязычном спортивном дискурсе. Рассматриваются случаи реализации метонимии, характерные для разных видов спорта. Также показано, как метафорические концепты сочетаются с метонимическими, образуя конфигурации, лежащие в основе семантики терминологических и нетерминологических единиц.

Ключевые слова: концептуальная метафора, метонимия, концепт, спортивный дискурс, когнитивная семантика

Исследуя метафору и метонимию как основание активных номинативных процессов в англоязычном спортивном дискурсе, мы пришли к выводу, что репертуар метафорических концептов, которые лежат в основе семантики частотных языковых единиц, может быть условно разделен на несколько блоков концептов различного типа и уровня сложности: блок базовых концептов, а также тематические блоки «Человек», «Культура» и «Природа» [Порохницкая, Седова 2021]. Концептуальный анализ семантики терминологических и нетерминологических единиц англоязычного спортивного дискурса показал, что некоторые из описанных нами концептов реализуются как метонимические, и позволил сделать ряд выводов о сходствах и различиях реализации метонимии при описании спортивных событий в футболе и фигурном катании. В частности, было отмечено, что некоторые случаи актуализации метонимии как механизма формирования семантики языковых единиц характерны только для одного из двух рассматриваемых нами видов спорта.

Что касается фигурного катания, продуктивным представляется процесс семантического переноса, при котором один из элементов программы спортсмена или пары используется для обозначения выступления в целом, причем в каждой из четырех дисциплин (мужское и женское одиночное катание, парное катание, спортивные танцы) для обозначения программы в целом используются элементы, характерные именно для этой дисциплины. Так, в мужском и женском одиночном катании, где одним из важнейших технических элементов являются прыжки, для обозначения победы глаголы *to jump* и *to leap* (*прыгать*) используются в составе словосочетаний типа *to jump/to leap to the lead* и *to jump/to leap to the top*. Стоит подчеркнуть, что данные языковые единицы используются при описании выступления в целом, в то время как успех выступления зависит не только от прыжков, но и других технических элементов, которые отображаются в первой оценке, выставляемой судьями, а также от компонентов программы, выполнение которых отражается во второй оценке. В качестве примера использования рассматриваемой языковой единицы можно привести высказывание, в котором сообщается о победе российского фигуриста на Чемпионате Европы 2022: *Mark Kondratiuk leaps*

to the top of the podium to claim the European Champion Title (Марк Кондратюк прыгнул на вершину пьедестала и завоевал титул чемпиона Европы) [ISU Figure Skating (@isufigureskating). <https://www.instagram.com>, 14.02.2022]. Следует добавить, что семантика рассматриваемых языковых единиц формируется при участии концептов кластера «Тело человека» и базовых концептов ДВИЖЕНИЕ и ПРОСТРАНСТВО, которые выводят в фокус направление движения и положение в пространстве соответственно и которые в рассматриваемых случаях реализуются как метонимические, а не метафорические.

При описании выступлений фигуристов в парных дисциплинах подобным образом используются глаголы *to fly* и *to soar* (*лететь*). Например, в сообщении о победе российской спортивной пары в первой части соревнований на этапе серии Гран-при используется словосочетание *to fly to the top* (букв. *взлететь на вершину*): *Top spot for Anastasia Mishina and Aleksandr Galliamov as they fly to the top of the Pairs Short Program and a season's best (Первое место у Анастасии Мишиной и Александра Галлямова, которые заняли первое место в короткой программе у пар и получили лучший результат в сезоне)* [ISU Figure Skating (@isufigureskating). '11.11.2021]. Отличительной чертой парного катания можно считать наличие технических элементов, в ходе исполнения которых партнер поднимает или подбрасывает партнершу в воздух. Эти элементы являются обязательными для парного катания и отсутствуют в одиночном катании. Представляется, что в данном случае концепт, который лежит в основе семантики глаголов *to fly* и *to soar* и который мы относим к тематическому блоку «Природа», реализуется и как метафорический, и как метонимический. Метафорический перенос позволяет омыслить спортсменом, выполняющих элементы, во время которых партнерша отрывается ото льда, в образе существ, умеющих летать, а метонимический перенос позволяет использовать указание на отдельные элементы для описания выступления в целом.

Что касается случаев реализации метонимии, характерных для футбола, концептуальный анализ показал, что распространенным является осмысление соперничества между целыми командами в виде соперничества отдельных игроков, которые входят в состав этих команд, т. е. являются их частью. В качестве примера можно привести высказывание из публикации, предвещающей матч этапа плей-офф Лиги чемпионов 2021/2022: *Which player will go further in the #UCL? (Кто из игроков пройдет дальше в #ЛЧ?)* [UEFA Champions League (@championsleague). <https://www.instagram.com>, 21.01.2022]. В этом случае противостояние футбольных клубов «Ливерпуль» и «Пари Сен-Жермен» осмысливается как соперничество двух игроков, Мохаммеда Салаха и Ашрафа Хакими, изображенных на опубликованной фотографии и выступавших за соответствующие команды. Следует отметить, что в рассматриваемом высказывании также вербализуются базовые метафорические концепты ДВИЖЕНИЕ и ОБЪЕКТИВАЦИЯ. Первый позволяет рассматривать выступление игроков на турнире как движение по направлению к победе, а второй – представить победу как конкретный пункт назначения.

Еще одним примером подобной реализации метонимии в футболе может

служить высказывание из письменного репортажа, опубликованного по завершении матча между командами «Барселона» и «Ювентус» на групповом этапе Лиги чемпионов 2020/2021: *This was the 36th meeting between great rivals Messi and Ronaldo on the international, European and domestic stage* (Это была 36-я встреча великих соперников Мессу и Роналду на мировой, европейской и внутренней арене) [Barcelona 0-3 Juventus: Cristiano Ronaldo scores two penalties as Juve seal Group G. BBC Sport. <https://www.bbc.co.uk>, 09.12.2020]. В данном случае матч между двумя командами осмысливается как встреча двух игроков, представляющих противоположные команды. Следует отметить, что в рассматриваемом высказывании метонимия реализуется совместно с метафорой. Метафорический концепт, который лежит в основе семантики языковой единицы *stage* (*сцена*) и который мы относим к тематическому блоку «Культура», позволяет представить спортивное соревнование в виде выступления в сфере искусства.

Концептуальный анализ языкового материала, отобранного из образцов англоязычного спортивного дискурса, посвященных футболу и фигурному катанию, показал, что подобные случаи использования метонимии распространены в репортажах и комментариях, посвященных футболу, и не характерны для описания соревнований по фигурному катанию. Однако можно предположить, что реализация метонимии как механизма, который позволяет осмыслить матч или серию матчей между двумя командами как встречу двух отдельных игроков, имеет место при освещении событий в других командных видах спорта.

Литература

Беляевская Е.Г. О внутренней структуре концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. 2018. № 32. С. 540-548.

Беляевская Е.Г. Внутренняя форма языка: когнитивные модели семантики // Когнитивные исследования языка. 2020. № 4 (43). С. 80-108.

Порохницкая Л.В., Теплякова С.М. Реализация метонимических концептов в семантической структуре эвфемизмов (сопоставительный ракурс) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. № 9 (825). С. 195-201.

Порохницкая Л.В., Седова Н.К. Система концептуально-метафорической репрезентации в англоязычном спортивном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 612-615.

Nadezhda K. Sedova (Moscow, Russia)

Moscow State Institute of International Relations (University)

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

DISTINCTIVE IMPLEMENTATIONS OF CONCEPTUAL METONYMY IN ENGLISH-LANGUAGE SPORTS DISCOURSE

The paper is concerned with the peculiarities of the implementation of conceptual metonymy as a mechanism for forming the semantics of frequent language units in English-language sports discourse. Cases of implementation of metonymy characteristic of different sports are considered. The paper also shows how metaphorical concepts combine with metonymic ones, forming configurations that underlie the semantics of terminological and non-terminological units.

Key words: conceptual metaphor, metonymy, concept, sports discourse, cognitive semantics

НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ И МЕТАФОРА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье изучается языковая неоднозначность, наблюдаемая в рамках когнитивной метафоры в поэтическом тексте. На примере стихотворения Р. Уоттс прослеживаются возможные стратегии разрешения неоднозначности путем ее снятия либо сохранения (на уровне слова, словосочетания, метафоры в целом) в процессе восприятия поэтических метафор.

Ключевые слова: неоднозначность, когнитивная метафора, поэтический дискурс, лингвокогнитивная стратегия, лингвистический анализ художественного текста

Языковая единица является неоднозначной, если предполагает наличие «одновременно нескольких различных смыслов» [Зализняк 2006: 21]. Неоднозначность может относиться к языковому и к речевому аспектам языковых единиц (слова, высказывания, текста). Изучается неоднозначность в различных видах дискурса: в политическом и рекламном [Соколова 2023] – как средство манипуляции; в юридическом [Блинова, Белов 2020] – как нарушение текстовых норм; в юмористическом [Oaks 2010] – как основа языковой игры; в поэтическом – как художественная задача [Перцов 2000; Ахапкин 2019]. Р. Якобсон считал, что «неоднозначность (*ambiguity*) – это внутренне присущее, неотчуждаемое свойство любого направленного на самого себя сообщения, короче, естественная и существенная особенность поэзии» [Якобсон 1975: 221].

В лексикологии метафора рассматривалась как «наиболее живая, распространенная и продуктивная разновидность полисемии» [Калинин 2013: 236]. С развитием методов когнитивной лингвистики метафора признана «не только источником многозначности, но и универсальным инструментом когнитивной деятельности» [Зализняк 2006: 58], как перенос элементов значения сферы-источника на область сферы-цели. Художественная метафора изучается особо. П. Стоквелл считает, что поэтическая метафора наделена «большим потенциалом для творческой интерпретации, а значит – большим потенциалом неоднозначности» [Stockwell 2005: 107]. Он же обращает внимание на «двустороннюю направленность» художественной метафоры, ее способность не только выделять отдельные семы в сфере-цели, но и трансформировать понятие-источник [там же: 111]. Дж. Лакофф отмечал, что все оригинальные авторские метафоры являются частным случаем универсальных концептуальных метафор. Например, персонификация смерти в виде жнеца строится на базе метафоры DEATH = ACTION, включающей производителя действия, в сочетании с метафорой PEOPLES = PLANTS [Lakoff 1989].

Стихотворение британской поэтессы Ребекки Уоттс [Watts 2016], р. 1983 г., насыщено метафорами; к ним относим все выражения, построенные на базе ментальной метафорической модели независимо от их формальной реализации, в том числе сравнительные обороты [Stockwell 2005: 107-108]. В Табл. 1 приведен текст и выявленные в нем метафоры. В ходе анализа использованы обобщенные данные толковых словарей [CD: URL; MWD: URL; OD: URL] и корпуса английского языка [EC: URL].

Таблица 1. Метафоры в стихотворении Р. Уоттс Turning*

0	Turning		
1	Now it's autumn		
2	and another year in which I could leave you	(another) YEAR = (sinking)	M1
3	is a slowly sinking ship.	SHIP	
4	The air has developed edges		
5	and I am preparing to let myself lie	AIR = ? (to develop edges)	M2
6	in a curtained apartment,		
7	safe in the <i>knowledge</i> that strangers	KNOWLEDGE = CONTAINER	M3
8	have ceased to gather and laugh	(to be safe in)	
9	in the lane below		
10	and the brazen meadow no longer	MEADOW = INQUISITOR	M4
11	presumes to press its face to the window	(brazen, to presume, to press	
12	like an inquisitor.	face)	
13	Soon even the river will evince a thicker skin,	BREATH = ? (to flower)	M5
14	my breath each morning will flower white,	(summer) SCHEMES = COCK-	M6
15	and all of summer's schemes will fly like cuckoos.	OOS (to fly)	
16	The leaves are turning and the trees		
17	are shaking them off. Bonfire smoke	PROMISE = SMOKE (to linger)	M7
18	between us like a promise lingers.		

* В скобках указан элемент, на основе которого производится метафорический перенос в случае, если он эксплицитно выражен в тексте. Метафоры пронумерованы в той последовательности, как они встречаются в тексте (см. правую колонку).

M3, выраженная идиомой *safe in the knowledge that*, – лексикализованная метафора ЗНАНИЕ = ВМЕСТИЛИЩЕ. Основание переноса – предикат *safe*, который сохраняет неоднозначность, будучи применен одновременно к конкретной и абстрактной сущностям. Остальные шесть метафор – окказиональные. *Year* и *ship* в M1 соотносятся по общему свойству: очередной (год) и тонущий (корабль); «год» входит в метафору ВРЕМЯ = ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ.

В M2 *air* метафорически трансформируется с помощью действия *has developed edges*. По корпусным данным, колокация *develop edges* (мн. ч.) отсутствует, в колокации с ед. ч. *edge* является препозитивным определением существительного, на которое направлено действие (например, *edge computing / solutions*). Основные словарные значения *edge* распределяются по двум группам: дальняя от края точка или линия; острая режущая часть объекта. *The air has been developed edges* – неснимаемая неоднозначность. Действие можно понимать либо как расширение краев-границ «воздуха», либо как раскрытие «воздухом» его опасных, острых элементов. В связи упоминанием в тексте примет похолодания, вероятно понимание «холодный воздух – вызываемые холодным воздухом неприятные ощущения». Отмечается пересечение M2 и M5 по структуре и содержанию: *air – to develop* и *breath – to flower*.

Аналогия между входящими в персонификацию M4 *meadow* и *inquisitor* строится на базе многозначного прилагательного *brazen*. Основные словарные

значения: наглый, неприкрытый; латунный, медный – как цвет или материал. В этом контексте применяются одновременно оба значения. В значении черты характера *brazen* служит началом развертывания метафоры. В линейно воспринимаемом словосочетании неоднозначность *brazen* не снимается. Значения *inquisitor*: 1) человек, задающий множество трудных вопросов, особенно заставляющих собеседника чувствовать угрозу; 2) служитель инквизиции Римской католической церкви. В словарях значение, связанное с задаванием вопросов, дано как основное или единственное, таким образом, общая сема *inquisitor* и *brazen meadow* – бесперомонное, навязчивое действие.

В основе М5 – визуальный образ, представляющий выдыхаемый на холоде воздух как белый цветок. Перенос осуществляется по предикату *to flower white*, где *to flower* интерпретируется по его основному значению – *to produce flowers*, тем самым включается в концептуальную метафору PEOPLE = PLANTS.

Общий элемент для *schemes* и *cuckoos* в М6 эксплицирован в предикате *fly*. Для многозначного слова *scheme* очевиден выбор основного словарного значения – «план или система действий или организации чего-л.». Можно предположить возможность применения значения *fly* для метонимического использования *schemes*, например, к листам бумаги с написанными на них «планами», которые могут «разлетаться». Другой вариант интерпретации – путем сравнения структуры М7 со структурой М1. В обоих случаях понятие-источник сопровождается атрибутом, который, как показано в анализе М1, может выступать как семантическая параллель атрибута понятия-цели. Если эту стратегию, выявленную для М1, применить к М6, то для *summer's* можно выделить семы, общие с *fly*. В отличие от «планов», «лето» гораздо проще представить летящим: встречается выражения *summer has flown*, *summer flow by* и др., в которых реализуется более общее значение *time flies* (реализация когнитивной метафоры ВРЕМЯ = ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ). В случае выбора этой стратегии задействуется также сема быстроты перемещения птиц и быстротечности времени (лета). Выбор стратегии остается потенциальным.

В М7 при соотнесении *promise* и *smoke* актуализируется действие – *to linger (between us)*. Основное словарное значение данного глагола – «тянуться», в котором выделяются семы «долго» («дольше, чем ожидалось») и «медленно»; также в словарях отмечается значение ослабления, затухания. «Дым» благодаря своей способности «затемнять» (*obscures*) связан с обманом (см. идиому *smoke and mirrors*); также и «обещание» может быть «лживым» (*false*), «неопределенным» (*vague*). Для «обещания» и «дыма» выделяются общие элементы значения: наличие источника (*bonfire / we, от us*); зримость («обещание» как внешнее выражение намерения, «дым» как видимые частички углерода); способность «пребывать дольше, чем нужно» (актуализируется с помощью *lingers*); способность скрывать то, что есть / обманывать.

Итак, в большинстве случаев в рамках метафоры наблюдается стратегия сохранения языковой неоднозначности на уровне отдельного слова (*safe* в М3, *brazen* в М4, *schemes* в М6), на уровне словосочетания (*has developed edges* в М2)

или при интерпретации метафоры в целом (M2, M7). В метафоре могут актуализироваться как основные значения ее элементов (M1, M4, M5), так и периферийные (M7). Отмечается системный характер метафор, что влияет на стратегию их интерпретации. С одной стороны, текстовые метафоры включаются в общеязыковую систему концептуальных метафор (M1, M5, M6), с другой – сами образуют систему, представленную, например, аналогичной структурой (M1 и M6) или сходными сферами концептуализации (*air* в M2 и *breath* в M5). Встречаются метафорические структуры, один из элементов которой представляет собой другую метафору (M1, M6) или метонимию (M6). В целом, можно констатировать большое разнообразие лингвокогнитивных стратегий разрешения неоднозначности в области поэтической метафоры.

Литература

- Ахапкин Д.Н.* Бистабильные тексты: о когнитивных механизмах поддержания неразрешимой многозначности // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 136-145.
- Блинова О.В., Белов С.А.* Языковая неоднозначность и неопределенность в русских правовых текстах // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Право 4. 2020. С. 774-812.
- Зализняк А.А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Калинин А.В.* Лексика русского языка. М.: Флинта, 2013.
- Перцов В.* О неоднозначности в поэтическом языке // Вопросы языкознания. 2000. № 3. С. 55-82.
- Соколова О.В.* Неоднозначность как средство языковой манипуляции и расширения смысла в политике, рекламе и поэзии // Известия Восточного ин-та. 2023. № 1. С. 93-105.
- Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: за и против. М.: Прогресс, 1975. С. 193-230.
- Lakoff G., Turner M.* More than cool reason: a field guide to poetic metaphor. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1989.
- Oaks D.D.* Structural ambiguity in English: an applied grammatical inventory. London: Bloomsbury Academic, 2010.
- Watts R.* The Met Office Advises Caution. Manchester: Carcanet Press Ltd., 2016.
- CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>.
- EC – English Corpora. URL: <https://www.english-corpora.org>.
- MWD – Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary>.
- OD – Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>.

Yulia V. Semyonova (Moscow, Russia)

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

AMBIGUITY AND METAPHOR IN POETIC TEXT

Language ambiguity observed within cognitive metaphor in the poetic text has been considered in the article. Possible strategies of overcoming ambiguity by its eliminating or continuing (on the level of word, phrase, or the whole metaphor) in the process of poetic metaphors perception have been traced on the example of R. Watts's poem.

Key words: ambiguity, cognitive metaphor, poetic discourse, linguocognitive strategy, linguistic analysis of literary text

КАК ОПИСАТЬ ЦВЕТ КАМЫША: ОПЫТ ПОЛИДИСКУРСИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Представлены результаты носящего полидискурсивный характер исследования, посвященного реконструкции сегмента цветовой концептосферы флористического пространства языка на примере колористических описаний камыша. Установлен спектр, значимый в описаниях растения (28), доминанта (*коричневый*), функциональный потенциал цветowych описаний растения, описан манифестирующий прототипичность цвета камыша процесс продуцирования терминов цвета на основе колористической описания растения.

Ключевые слова: лингвистика цвета, термин цвета, фитоним, концептосфера цвета, языковая картина мира

Исследование, имеющее полидискурсивный характер (материалом послужили лексикографические источники, данные направленного ассоциативного эксперимента, проза К.Г. Паустовского, НКРЯ), выполнено в русле лингвистики цвета и имеет целью реконструкцию сегмента цветовой концептосферы флористического пространства русского языка на примере колористических описаний камыша. Обращение к текстам различных дискурсов позволит получить комплексное актуальное представление о специфике цветовой визуализации растения.

Цвет камыша. Лексикографические источники в дефиниции растения цветовой признак не фиксируют. Ср.: *камыш* ‘высокое травянистое растение сем. осоковых, растущее по берегам рек, озер, на болотах’ [БТС 2000]; *камыш* ‘дикорастущее высокое водное или болотное травянистое растение сем. осоковых’ [РСС 2002: 546].

Цвет камыша. Ассоциативное пространство (*коричневый*). В ходе проведенного нами НАЭ, в котором приняли участие 611 респондентов (студенты ГрГУ им. Янки Купалы; 17–20 лет; 314 (жен.), 297 (муж.)), респондентам было предложено привести «цветовую» реакцию на стимул-фитоним «камыш». *Статистика НАЭ:* всего цветовых реакций на стимул «камыш»: 579, различных реакций: 35, одиночных: 20, отказов: 32. *Результаты НАЭ:* коричневый 399: 228 (ж), 171 (м); зеленый 87: 39 (ж), 48 (м); болотный 11: 6 (ж), 5 (м); черный 11: 4 (ж), 7 (м); серый 9: 6 (ж), 3 (м); темно-коричневый 9: 4 (ж), 5 (м); желтый 7: 3 (ж), 4 (м); темно-зеленый 6: 1 (ж), 5 (м); белый 5: 1 (ж), 4 (м); синий 4: 1 (ж), 3 (м); коричнево-зеленый 3: 2 (ж), 1 (м); бежевый 2: 2 (м); зелено-коричневый 2: 2 (м); зеленый, коричневый 2: 2 (ж); коричневый, белый 2: 1 (ж), 1 (м); болотистый 1: 1 (м); бурый 1: 1 (м); голубой 1: 1 (м); грязно-коричневый 1: 1 (ж); зеленоватый 1: 1 (м); золотой 1: 1 (ж); карий 1: 1 (ж); коричневый с зеленым 1: 1 (м); кремовый 1: 1 (м); охра 1: 1 (м); песочный, светло-желтый, пшеничный 1: 1 (ж); салатный 1: 1 (м); (бел.) светла-карычневый 1: 1 (ж); светло-коричневый 1: 1 (ж); седой 1: 1 (м); серо-белый 1: 1 (м); темноватый коричневый 1: 1 (ж); темный коричневый 1: 1 (м); тускло-коричневый 1: 1 (ж); черно-зеленый 1: 1 (м); нет ответа 32: 8 (ж), 24 (м). Ср. с

СОТРС: камыш – зеленый, зелень 1 [СОТРС 2011: 356]. РАС не фиксирует цветовые реакции. Таким образом, спектр включает **20** значимых в описании камыша терминов цвета: *бежевый, белый, болотистый / болотный, бурый, голубой, желтый, зеленый, золотой, карий, коричневый, кремовый, охра, песочный, пшеничный, салатный, седой, серый, синий, черный*; 9 призванных тонко дифференцировать цветовое впечатление композитов (*грязно-коричневый, зелено-коричневый, светло-коричневый, тускло-коричневый* и др.) и 3 цепочки цвета, двух- и трехкомпонентные (*зеленый, коричневый; коричневый, белый; песочный, светло-желтый, пшеничный*). Доминанта – *коричневый*.

Цвет камыша. Проза мастера художественного слова К.Г. Паустовского (*черный*) демонстрирует изобразительно-выразительный потенциал дескрипций камыша: заросли **камыша с черными тугими головками**. Поэтому берега зовут «чернями». *Издали они напоминают узкую кайму, проведенную тушью по бледному горизонту* [Паустовский 1981: 458]; *Берега зовут здесь «чернями» потому, что они заросли камышом с тугими черными головками, похожими на валики пишущих машин* [Паустовский 1983: 99]. Она же обуславливает наше обращение к лучшим образцам литературы, представленным в НКРЯ.

Цвет камыша. Основной корпус НКРЯ (*зеленый*) фиксирует **19** терминов цвета в описании растения: *зеленый (зазеленеть, зеленеть, зеленый, зелень, светло-зеленый, сине-зеленый, темно-зеленый)* 28, *черный (аспидно-черный, почернеть, чернеть, черный)* 13, *желтый (желтизна, желтый, пожелтеть, прожелть, темно-желтый)* 11, *коричневый (бархатно-коричневый, коричневый)* 11, *золотой (золотить, золотой)* 6, *серый* 5, *бурый (бурый, побуреть)* 4, *сизый (серебряно-сизый, сизый)* 4, *бронзовый (бронзово-красный, бронзовый)* 2, *изумрудный* 2, *охра* 2, *седой* 2 / *сивый* 1, *синий (сине-зеленый, темно-синий)* 2, *белый* 1, *голубой* 1, *киноварь* 1, *красный (бронзово-красный)* 1, *рыжий* 1, *серебряный (серебряно-сизый)* 1. Спектр расширяется лексемами со зн. ‘свет’ (*блистать, лосниться, лучиться, сверкать, светлый, сиять*) 6 и ‘тьма’ (*потемнеть, темнеть, темный*) 5, имплицитный цвет (*спелый*) 1. НКРЯ фиксирует функционирование терминов цвета *камышовый* 7, *камыш* 1, (цв.) *сухого камыша* 1. Ср.: *ее котята то черные как уголь, то голубые как топаз, то камышового цвета* (Садулаев); **Волосы цвета сухого камыша он аккуратно зачесывал набок, организуя справа беленькую канавку проборчика** (Терехов); сопровождающееся уточнением цвета: *поговорил о войне и хуторских новостях, пощурил на Дарью зеленые, камышовые глаза* (Шолохов) [НКРЯ: URL].

Цвет камыша. Поэтический корпус НКРЯ (*зеленый*) фиксирует **8** терминов цвета: *зеленый (зеленый, зелень, темно-зеленый)* 9, *желтый (желтеть, желтый, пожелтеть)* 4, *черный (почернеть, чернеть, черный)* 4, *золотой (золотой, золоченый, позолота)* 3, *кровавый (кровь)* 1, *пурпурный (пурпур)* 1, *седой* 1, *серебряный (серебро)* 1. Спектр расширяется лексемами со зн. ‘свет’ (*блеск, блестеть, сиять*) 3 и ‘тьма’ (*темный*) 1; со значением интенсивности цвета (*прозрачный*) 1, имплицитным цветом (*траур*) 1 [там же].

Функциональный потенциал колористических дескрипций, согласно НКРЯ, реализуется в следующих функциях 1) онтологической: *То, что подразумевают*

обычно под камышом – прибрежное растение с **коричневыми** «плюшевыми» **свечками** – не камыш вовсе (Мифы); Рядом протекала речка Кевсала с поросшими **зеленым камышом** берегами (Гнеушев); И принялась **грызть белый** узловатый **корень камыша** (Троепольский); 2) темпоральной: **острыми сине-зелеными** стрелами пробивался **новорожденный** камыш – среди высохших прошлогодних будыльев (Бабаян); шелестят листья **сизоватого молодого** камыша, под ними торчат **рыжие** копыя **прошлогоднего**, обломанные ветром (Алеев); а также Сквало морозом реку, **Хватило траву, Пожелтел** камыш (Толстой); 3) изобразительно-выразительной: **Пока не вступит мой преемник, Раздвинув золотой** камыш (Лившиц); **Берега Белой сторожат солдатъе – камыши, И камыш подходит к аулам, Солнце бьет по зеленым дулам** (Багрицкий); с использованием лексики живописи: **колки березовые и камыши налились кинovarью** (Залыгин); с актуализацией др. кодов: соматического – **синие озера ее глаз** с зарослями **черных** камышей – **ресниц** – по краям (Алексеев); **Он растер земли сырые колья С листьями седого** камыша (Прокофьев); религиозного – **Камыш, над мертвой речкой стоя, Как жуткий траур шелестел** (Нарбут); взаимосвязи цвета и света: **Закатный пурпур** сетью тонкой На камыши набросило (Янковская); актуализацией синестезии: **Золотисто шелестели** за Иртышом камыши (Иванов); шершавые прямоугольники, своим **бархатно-коричневым цветом** они напоминают головки камыша (Кригер); 4) прототипической: **подошел к Петру, сказал, мерцающая камышовой зеленью прижмуренных глаз** (Шолохов) [там же].

Цвет камыша. Рекламный дискурс (Avito.ru) подтверждает прототипичность цвета камыша, демонстрируя активность колористических дескрипций растения в продуцировании терминов цвета: **ИЖ Москвич 412, цвет камыши**. Цвет: коричневый; **Мутоновая шуба с капюшоном, цвет «камыши»**. Цвет: коричневый. Так, выявлено **14** терминов цвета, основанных на цветовой дескрипции камыша: (цв.) **бежевый камыш, зеленовато-камышовый, зеленый камыш, камыш с зеленью, камыш светлый / светлый камыш, камыш серый / серый камыш, камыш темный / темный камыш, камыш, камышовый кот, камышовый, коричневый камыш, сухой камыш с зеленью, сухой камыш, темно-камышовый**. Ср.: (цв.) **камышовый, бронзовый камыш, заросли камыша, камышовая тишь** [Василевич 2005: 195]. Специфика функционирования терминов цвета проявляется в 1) утилитарном характере цвета: **Спальный мешок, цвет камыши** (камуфляж); **Маскировочная сеть цвета зеленый камыш**; **Сумка Premium Disc для чучел уток, цвет светлый камыш**; **Халат маскировочный, цвет сухой камыш**. **Идеальная маскировка для охоты на водоплавающую дичь**; 2) точной передаче цвета (прагматика рекламного дискурса): **Пальтовый велюр темно-зеленый (камышовый или темный хаки)**; **Столешница для кухни, цвет 226 Камыш**; спорадически 3) оценочности: **Костюм спортивный бренда Elis. Безумно красивый зеленовато-камышовый цвет**; **Норковая шубка, благородный камышовый цвет!** [Avito: URL].

Таким образом, в колористических дескрипциях камыша актуализируется **28** терминов цвета: **бежевый, белый, болотистый / болотный, бронзовый, бурый, голубой, желтый, зеленый, золотой, изумрудный, карий, кинovarь, коричневый, красный, кремовый, кровавый, охра, песочный, пурпурный, пшеничный, рыжий,**

салатовый, седой / сивый, серебряный, серый, сизый, синий, черный. В результате сопоставления списочных составов цветообозначений (НАЭ – № 1, НКРЯ № 2, ПК НКРЯ № 3) выявляем ядро и периферию цвета: во всех списках фиксируются *желтый, зеленый, золотой, седой, черный*; в двух – *белый, бурый, голубой, коричневый, охра, серый, синий* (№ 1, 2), *серебряный* (№ 2, 3). Ряд терминов цвета фиксируется в одном из списков: *бежевый, болотистый / болотный* (№ 1), *изумрудный, рыжий, сивый* (№ 2); также единожды: *карий, кремовый* (№ 1), *киноварь* (№ 2), *пурпурный* (№ 3). С количественной точки зрения, доминирует *коричневый*. Спектр расширяется лексемами со зн. 'свет' и 'тьма', со зн. интенсивности, имплицитным цветом.

Выявленная количественная доминанта цвета (*коричневый*), а также активная реализация прототипической функции являются свидетельством сложившегося у носителя языкового сознания устойчивого цветового представления о растении, с другой стороны – носители языка активно используют предоставляемые русским языком изобразительно-выразительные возможности в описании растения. Вместе с тем позиция растения в классификации (Травянистые растения. Древовидные и пальмовидные травы → Не дающие съедобных плодов: декоративные, лекарственные, технические, сорные растения. Кормовые травы. Их цветки → Водные и споровые растения. Древовидные травы → Водные или болотные растения (55; 417) [РСС 2002: 546]) все же накладывает некоторый отпечаток на создание колористических дескрипций, терминов цвета (утилитарность цвета, скупая оценочность).

Литература

- Авито – Сайт объявлений. URL: <https://www.avito.ru>.
БТС – Большой толковый словарь русского языка / ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1: Романы и повести. 1981. Т. 7: Сказки. Очерки. Литературные портреты. М.: Художественная литература, 1981–1986.
РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 1 / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: ИРЯ РАН, 2002.
СОТРС – Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы / под ред. Н.Д. Голева. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2011.
Цвет и названия цвета в русском языке / под ред. А.П. Василевича. М.: КомКнига, 2005.

Tatyana V. Sivova (Grodno, Belorussia)
Yanka Kupala State University of Grodno

HOW TO DESCRIBE THE COLOUR OF REED: THE EXPERIENCE OF POLYDISCURSIVE STUDY

The results of polydiscursive research devoted to the reconstruction of a segment of the Russian colour conceptsphere on the example of reed colour descriptions are presented. The compound of significant in the plant colour descriptions (28 units) is established; the dominant colour (*brown*) is identified; the functional potential of plant colour descriptions is revealed; the process colour terms producing on the basis of colouristic descriptions of the plant is described.

Key words: linguistics of colour, colour term, phytonym, colour conceptsphere, language picture of the world

В.Л. Соколова (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
Дипломатическая академия МИД Российской Федерации
sokolova_mglu@mail.ru*

Е.Е. Голубкова (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
katemg@yandex.ru*

ДИСКУРСИВНЫЙ МЕХАНИЗМ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОЙ КЛАСТЕРИЗАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КОРОТКИХ ШУТКАХ

Статья обращается к одновременной реализации нескольких лингвистических и стилистических средств – лингвостилистическим кластерам в англоязычных коротких шутках (one-liners). В результате исследования приводится типология выявленных кластеров и делаются выводы о дискурсивном механизме организации рассматриваемых кластеров, а также об их структурных и концептуальных основаниях.

Ключевые слова: дискурсивное программирование, коммуникативное программирование, стилистический кластер, парампросодия, каламбур, игра слов, англоязычный дискурс шутки

Общеизвестно, что юмористический дискурс представляет собой один из самых сложных и противоречивых объектов исследования по целому ряду причин: это и культурные аллюзии, понятные только носителям определенной лингвокультуры, это и некоторые тематические предпочтения, необычные для других наций (например, черный юмор), это и невербальные средства, часто сопровождающие англоязычные шутки и анекдоты (серьезное выражение лица – poker face – у британцев), и отмеченное в исследовании М.А. Ухановой наличие устойчивых сочетаний и неспецифичных для других языков конструкций (например, Complex Object) [Уханова 2023]. Среди причин, по которым англоязычный юмор может быть мало понятен другим нациям можно назвать и тенденцию к формированию кластеров лингвостилистических средств и приемов в англоязычном юмористическом дискурсе. Именно к лингвостилистическим кластерам в одной из разновидностей англоязычных шуток (коротких шутках – one-liners) и к дискурсивным и концептуальным механизмам образования этих кластеров и хотелось бы обратиться в данном исследовании.

Для обозначения одновременной реализации нескольких стилистических и/или лингвистических средств используется несколько терминов. Наиболее ранний из них – стилистическая конвергенция, введенный в 1959 году М. Риффатером [Riffaterre 1959]. Результатом стилистической конвергенции является так называемый «лингвостилистический кластер» [Соколова 2013], термин, используемый для целей настоящего исследования. Соответственно, процесс образования кластеров определяется как лингвостилистическая кластеризация.

Для анализа особенностей лингвостилистической кластеризации в англоязычных коротких шутках мы обратились к механизму дискурсивного программирования, в основе которого лежит взаимообусловленность элементов дис-

курса [Соколова 2022]: один элемент дискурса «программирует» другой. В концептуальном плане дискурсивное программирование основано на фреймовом механизме реализации: дискурсивно программирующая часть высказывания актуализует терминал или целый фрейм дискурсивно программируемой части. В целях настоящего исследования релевантными представляются характеристики дискурсивного программирования в зависимости от его направленности, реализованности-нереализованности и связи с контекстом. В отношении направленности мы различаем прямое (когда первым следует дискурсивно программирующий компонент), обратное (когда первым следует дискурсивно программируемый компонент), двойное дискурсивное программирование, когда один и тот же компонент является и дискурсивно программирующим и дискурсивно программируемым. В плане реализованности мы различаем реализованное и не реализованное дискурсивное программирование: когда коммуникативные ожидания, устанавливаемые программирующим высказыванием, оправдываются или не оправдываются. Применительно к связи дискурсивного программирования с контекстом мы различаем контекстуальное и экстраконтекстуальное дискурсивное программирование.

Материалом исследования послужили 250 англоязычных коротких шуток, расположенных на таких ресурсах как reddit.com, jokojokes.com, goodhousekeeping.com, pepuptheday.com, parade.com, www.scarymommy.com. Для анализа были отобраны шутки с лингвостилистическими кластерами, в которые входит риторический прием парапросдокия, основанный на эффекте обманутых ожиданий. В большинстве рассмотренных примеров (но не во всех) парапросдокия сочеталась со стилистическими приемами каламбур и/или игра слов. В общей сложности было выявлено четыре основные модели лингвостилистических кластеров, в которых имеет значение порядок реализации их компонентов.

Первая – наиболее распространенная из них (67% всего рассмотренного материала) – включает парапросдокию и каламбур и/или игру слов.

Why are ghosts bad at lying? Because you can see right through them (pepuptheday.com).

В этой шутке, которая переводится на русский язык как: «Почему приведения не умеют лгать? – Их видно насквозь» можно говорить о не реализованном дискурсивном программировании, поскольку в поверхностной структуре ответа на заданный вопрос («приведения не умеют лгать, так как сквозь них можно видеть») не происходит актуализации фрейма, дискурсивно программируемого вопросом о неумении лгать и соответственно реализуется риторический прием парапросдокия, основанный на эффекте обманутых ожиданий. Одновременно с парапросдокией данный лингвостилистический кластер содержит стилистический прием каламбур, основанный на реализации двух значений выражения *to see through smb.*: буквальном и переносном («понимать чьи-либо намерения»). В этом случае реализуется обратное дискурсивное программирование, когда терминал *to see through smb.* дискурсивно программирует фрейм *TO TELL LIES*, частью которого он является.

Вторая модель лингвостилистических кластеров включает сначала стилистический прием каламбур и/или игру слов, а затем парапросдокию. Эта не часто реализуемая модель (в 5% рассмотренных примеров), тем не менее она интересна своей динамической структурой.

The man who invented Velcro has died. RIP (parade.com).

В данном примере сначала реализуется прямое дискурсивное программирование терминала *RIP* (*rest in peace*) фреймом *DIE*. Далее, в рамках макро-фрейма *JOKE* происходит обратное экстраконтекстуальное дискурсивное программирование от фрейма *RIP* на терминал *the sound that Velcro makes* (*'rip-rip'*) фрейма *THE MAN WHO INVENTED VELCRO* и соответственно реализация стилистического приема игры слов и риторического приема парапросдокия.

Третья модель лингвостилистических кластеров объединяет риторический прием парапросдокия, культурную аллюзию и игру слов или каламбур.

What does the Loch Ness monster eat? Fish and ships (readersdigest.co.uk).

В этой шутке дискурсивное программирование, осуществляемое вопросом *What does the Loch Ness monster eat?* первоначально остается частично нереализованным, поскольку *ships* не является терминалом фрейма *FOOD*, программируемого вопросом о том, что ест Лохнесское чудовище. Частично реализованное дискурсивное программирование создает эффект обманутых ожиданий (парапросдокия). Именно этим риторическим приемом и ограничился бы комический эффект, создаваемый дословным переводом данной шутки на русский язык: «Что ест Лохнесское чудовище? Рыбу и корабли». В англоязычной же версии шутки комический эффект не создается исключительно парапросдокией, поскольку для носителей англоязычной культуры *fish and ships* может оказаться триггером для реализации культурной аллюзии на созвучное популярное британское блюдо *fish and chips*. *Fish and chips* является терминалом фрейма *FOOD*, программируемым вопросом о том, что ест Несси, и таким образом реализуется первоначальное дискурсивное программирование вопроса. Благодаря этому механизму происходит трансформация звукового облика *ships* в его омофон *chips* и соответственно можно говорить о стилистическом приеме игра слов, основанном на омофонии (*chips-ships*).

Четвертая модель лингвостилистических кластеров включает культурную аллюзию, парапросдокию и разновидность игры слов.

When life gives you melons, you might be dyslexic (parade.com).

В этом лингвостилистическом кластере *When life gives you melons* реализует культурную аллюзию, осуществляя экстраконтекстуальное дискурсивное программирование фрейма *WHEN LIFE GIVES YOU LEMONS, MAKE LEMONADE*. Поскольку фрейм *WHEN LIFE GIVES YOU MELONS, YOU MIGHT BE DYSLEXIC* не соответствует фрейму *WHEN LIFE GIVES YOU LEMONS, MAKE LEMONADE*, имеет место парапросдокия. Далее реализуется игра слов, основанная на обратном дискурсивном программировании от фрейма *DYSLEXIC* на его подфрейм *signs of dyslexia*, латентно реализуемый с помощью своего подтерминала *changing the order of letters* (*melons* (*lemons*)).

Следует отметить, что завершение процесса кластеризации лингвостилистических средств во всех рассмотренных примерах происходило в рамках макро-фрейма ЖОКЕ, т. е. процессы образования кластеров не прекращались (происходило прямое, обратное или двойное дискурсивное программирование), пока не реализовались такой терминал данного макро-фрейма как *deceived anticipations*. Таким образом, данный макро-фрейм выступил в качестве своеобразного триггера процесса кластеризации лингвостилистических средств в рассмотренных примерах.

Проведенное исследование позволяет нам сделать следующие выводы о дискурсивных механизмах лингвостилистической кластеризации в англоязычных коротких шутках:

– в качестве основного механизма лингвостилистической кластеризации в исследованном материале может рассматриваться механизм дискурсивного программирования;

– в англоязычных коротких шутках лингвостилистические кластеры формируются динамически, при этом имеет значение порядок реализации компонентов кластеров;

– завершение процесса кластеризации лингвостилистических средств в англоязычных коротких шутках происходит в рамках макро-фрейма ЖОКЕ.

Литература

Соколова В.Л. Стилистические кластеры в англоязычном медиадискурсе: структурные особенности и прагматический потенциал // Вестник МГЛУ. 2013. № 17 (677). С. 70-78.

Соколова В.Л. Особенности явления коммуникативного программирования и его реализация на разных уровнях англоязычного дискурса // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2022. № 1 (856). С. 99-106.

Уханова М.А. Конструкционный подход к созданию комического эффекта в англоязычных анекдотах // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С.666-669.

Riffaterre M. Criteria for style analysis // Word. 1959. 15: 1. Pp. 154-174.

Vera L. Sokolova (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Ekaterina E. Golubkova (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

Financial University under the Government of the Russian Federation

DISCURSIVE MECHANISM AND CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF SHAPING LINGUOSTYLISTIC CLUSTERS IN THE ENGLISH-LANGUAGE ONE-LINER JOKES

The article addresses the clusterization cases of linguistic and stylistic means in English language one-liner jokes. As a result of the study the authors are drawing up a typology of linguostylistic clusters based on their research material and making conclusions about the discursive mechanism organizing these clusters as well as their structural and conceptual foundations.

Key words: discursive programming, communicative programming, stylistic cluster, paraprosookian, pun, play on words, English one-liner discourse

ДИСКУРСИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОРТРЕТНОГО ИНТЕРВЬЮ В ЖУРНАЛЕ INTERVIEWMAGAZINE.COM

В статье анализируется дискурс англоязычного портретного интервью, представленный в журнале *interviewmagazine.com*. В результате исследования выявляются три модели дискурсивной и концептуальной организации рассмотренного материала, что позволяет сделать предположения о некоторых закономерностях и тенденциях в структурировании дискурса англоязычного интервью-портрета.

Ключевые слова: англоязычное портретное интервью, дискурсивное программирование, отсроченное дискурсивное программирование, реализованное дискурсивное программирование, нереализованное дискурсивное программирование

В настоящее время англоязычное портретное интервью стало одним из популярных среди исследователей англоязычных медиа-жанров. В течение последних десятилетий были рассмотрены такие аспекты англоязычного интервью-портрета как когнитивные и дискурсивные аспекты функционирования паремий [Константинова 2011], стратегии выражения оценочности [Воробьева 2014], стилистические средства самопрезентации медийной личности [Воробьева 2023]. Тем не менее на этом уровне возможности лингвистического анализа портретного интервью не исчерпываются, поскольку каждое из исследований посвящено преимущественно одному из многочисленных аспектов этого жанра.

В рамках статьи с целью выявления некоторых закономерностей и тенденций в организации англоязычного портретного интервью рассматриваются его дискурсивные основания и концептуальная структура.

В качестве дискурсивного механизма, структурирующего англоязычное интервью, мы обращаемся к выявленному нами механизму дискурсивного программирования [Соколова 2023], в основе которого лежит свойство одних элементов дискурса предопределять («программировать») другие. В соответствии с этим механизмом вопросительное высказывание программирует последующее наличие ответа, начальные элементы устойчивых сочетаний программируют последующие и т. п. Релевантным для данной статьи представляются такие характеристики дискурсивного программирования как его реализованность / нереализованность и динамика реализации (с одновременной реализацией или отсроченное многостадийное). В концептуальном плане механизм дискурсивного программирования имеет фреймовую структуру, в которой незаполненные слоты дискурсивно программирующих фреймов заполняются дискурсивно программируемыми терминалами / подфреймами.

В исследовании мы обратимся только к базовым и к дискурсивно маркированным случаям дискурсивного программирования в рассматриваемых портретных интервью. К базовым схемам дискурсивного программирования, соответ-

ствующим прототипической вопросно-ответной структуре интервью, можно отнести случаи **реализованного дискурсивного программирования**, где программируемый фрейм следует непосредственно за программирующим.

JOSH O'CONNOR: *Had you worked in that kind of way before?*

CHRISTIAN FRIEDEL: *Not really.* My first movie was with Michael Haneke, *The White Ribbon*. It was a movie that was so precise: the script, the lines, the situations... (Christian Friedel Tells Josh O'Connor About Making *The Zone of Interest*, January 2, 2024).

В этом примере дискурсивно программирующий вопрос *Had you worked in that kind of way before?* реализует фрейм EXPERIENCE с незаполненным слотом *presence of specific experience*. Ответ *Not really* заполняет незаполненный слот, а последующее развитие ответа заполняет альтернативный слот *presence of a different experience* фрейма EXPERIENCE. Заполнение альтернативного слота является в данном случае обязательным, так как односложный отрицательный ответ без реализации альтернативы явился бы маркером диалога-конфликта, лишенного положительных стратегий кооперации. Исключением является определенный вкрадчивый стиль интервью, где прямой и короткий вопрос программирует аналогичный ответ.

YORKE: [...] *Are you good at saying no?*

CUMBERBATCH: *No.* (Benedict Cumberbatch, November 2, 2017).

В рассмотренном материале (20 интервью с медийными персонами) 73% диалогических единств представляли собой случаи реализованного дискурсивного программирования, когда программируемый ответ следовал сразу (или почти сразу) за программирующим его вопросом.

Среди маркированных случаев дискурсивного программирования интервью на сайте *interviewmagazine.com* можно выделить случаи **реализованного отсроченного многостадийного дискурсивного программирования**.

ELIZA DOUGLAS: [...] *When people ask about what you do, where do you usually start?*

GRAW: It's a question that's always very *difficult for me to answer* (A). I must admit that *it varies according to who asks* (B). I've come to say *often* (a) that *I'm a writer and that I write both art history, art criticism, and fiction* (1). *If I'm at the doctor* (b), I might say *I'm a publisher* (2), because this is a context where the publisher implies more authority. *Sometimes* (c) I would even add *curator* (3) because *I have recently started to curate shows*. *If it's a more scholarly environment* (d), I might mention that *I'm a professor* (4). So it depends, *but the thread that runs through all my activities is writing* (Isabelle Graw and Eliza Douglas on Freud, Fear, and Friendship, December 28, 2023).

В этом примере исходным дискурсивно программирующим высказыванием является вопрос интервьюера *When people ask about what you do, where do you usually start?* Данный случай дискурсивного программирования можно считать реализованным благодаря тому, что слот фрейма JOB / PRIMARY ACTIVITY, заполняется подфреймом WRITING. Тем не менее актуализация данного подф-

рейма происходит через 592 печатных знака после программирующего высказывания, что позволяет рассматривать данный случай дискурсивного программирования как отсроченный. Многостадийным дискурсивное программирование в рассматриваемом примере можно считать, поскольку подфрейм WRITING, являющийся терминалом фрейма JOB / PRIMARY ACTIVITY, реализуется постепенно через свои терминалы *writer writing both art history, art criticism, and fiction* (3); *publisher* (4); *curator* (5); *professor* (6).

Кроме того, в этом примере отмечается случай многостадийного дискурсивного программирования, параллельно инициируемого респондентом в ходе ответа на поставленный вопрос. Иницирующим дискурсивно программирующим высказыванием является терминал *difficult to answer* (A), фрейма QUESTION, актуализующий дискурсивно программируемый фрейм A VARIETY OF RESPONSES, который, в свою очередь, реализует дискурсивное программирование через постепенное заполнение слотов подфрейма ADDRESSEES OF RESPONSES (B): *often* (=most people) (a), *doctor* (b), *sometimes* (=some people) (c), *a scholarly environment* (d).

Таким образом, на отсроченное многостадийное дискурсивное программирование, заданное в данном примере интервьюером, накладывается многостадийное дискурсивное программирование, заданное самим интервьюируемым. Отметим, что примеры отсроченного многостадийного дискурсивного программирования в рассмотренном материале не являются многочисленными (7% всех рассмотренных диалогических единств).

Наконец, заслуживают внимания случаи **нереализованного дискурсивного программирования**, когда дискурсивно программируемый фрейм или терминал фрейма так и не реализуются, либо «ложно» реализуются, обманывая коммуникативные ожидания аудитории, как в следующем примере.

[Interviewer] The last book that *disappointed you, and why?*

[Jinwoo Chong] *Prince Harry's book* was... *fine*. Even if I'd basically already read it by reading every article that divulged its secrets before its on-sale date (Jinwoo Chong on Ling Ma, Prince Harry, and Curating High-Brow Bookshelves, March 21, 2023).

Первоначально в данном диалогическом единстве слот программирующего фрейма A DISAPPOINTING BOOK заполняется терминалом *Prince Harry's book*, однако, сразу после этого происходит смена фрейма, к которому относится терминал *Prince Harry's book*, на фрейм A FINE BOOK, и, таким образом, дискурсивное программирование вопроса остается нереализованным. Отметим, что подобные случаи в рассмотренном материале были крайне редкими и составили не более 3% проанализированных примеров.

Проведенное исследование дискурсивных оснований и концептуальной структуры англоязычного портретного интервью в журнале *interviewmagazine.com* позволяет сделать следующие выводы:

– дискурсивные основания и концептуальная структура рассмотренных интервью в целом соответствуют традиционной схеме диалогического взаимодействия, когда дискурсивно программируемый фрейм следует за дискурсивно программирующим, таким образом, оправдывая коммуникативные антиципации аудитории и облегчая ее восприятие новой информации;

– случаи реализации отсроченного многостадийного дискурсивного программирования не являются распространенными, и их наличие можно объяснить желанием интервьюируемого взаимодействовать с читателем и удерживать его внимание в процессе реализации нескольких стадий своего ответа;

– случаи нереализованного дискурсивного программирования являются редкими, что предположительно обусловлено стилистическими особенностями ресурса *interviewmagazine.com*, ориентированного на организацию динамичного и информационно исчерпывающего диалогического взаимодействия.

Литература

Воробьева Н.В. Стратегии оценочности в англоязычном портретном интервью // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2014. № 17 (703). С. 109-120.

Воробьева Н.В. Стилистический потенциал самопрезентации медийной личности в интервью // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2023. № 7 (875). С. 16-22.

Константинова А.А. Когнитивно-дискурсивные аспекты функционирования англо-американских паремий в дискурсе печатного интервью-портрета // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2011. № 3–2. С. 393-403.

Соколова В.Л. Attention, Please! Or Discursive Means and Communicative Strategies of Attention Direction in English Discourse. Коммуникативные стратегии управления вниманием аудитории (английский язык). М.: МГЛУ, 2023.

Vera L. Sokolova (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

DISCURSIVE FOUNDATIONS AND CONCEPTUAL STRUCTURE OF THE ENGLISH-LANGUAGE PERSONALITY INTERVIEW ON INTERVIEWMAGAZINE.COM

The article addresses features of the discursive and conceptual structure of the English language personality interview on *interviewmagazine.com*. The study reveals three models of discursive and conceptual organization of the research material, which enables the author to make conclusions about the discursive trends and regularities in the discourse of English celebrity interviews.

Key words: English personality interview, English celebrity interview, discursive programming, delayed discursive programming, implemented discursive programming, unimplemented discursive programming

Т.В. Сокорева (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

jev-t@yandex.ru

АКЦЕНТУАЦИЯ И ВОЗРАСТ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Формирование и развитие акцентуации в речи индивида идет параллельно с когнитивным становлением личности. В результате проведенного анализа корпуса американской диалогической речи было установлено, что успешная коммуникация у представителей среднего и старшего поколений на фоне физиологических изменений в организме обеспечивается компенсаторными просодическими характеристиками речи.

Ключевые слова: акцентуация, возраст, просодия, компенсаторные изменения, американский английский

Акцентное выделение, также известное как «фразовое», «ядерное» или «тоническое» ударение, является предметом широкого спектра современных исследований, касающихся как его формы, так и его функций. Говоря о форме, необходимо отметить, что достижение эффекта выделенности слова или словосочетания во фразе – это результат взаимодействия нескольких просодических характеристик речи, а именно частоты основного тона (ЧОТ), длительности, интенсивности и тембра, причем ведущую роль в этом процессе в разных языках выполняют разные компоненты [Бурая и др. 2018]. К функциям акцентуации относят организующую, ритмообразующую, контрастирующую, дискурсивную, а также способность передавать различные смысловые оттенки высказывания и т. д.

Формирование и развитие акцентной структуры в речи индивида происходит постепенно, параллельно с когнитивным развитием человека, начиная с детства, с освоения родного языка. Известно, что фонологическая система в языковом сознании ребенка имеет свои этапы развития, причем на определенных стадиях усвоения фонологическая система, обеспечивающая процессы говорения ребенка, не равна фонологической системе, обеспечивающей процессы восприятия им речи окружающих [Богомазов 2009].

Дети с самого раннего возраста проявляют способности к распознаванию информации, заложенной в просодической структуре слов и фраз. Новорожденные и младенцы могут распознавать слова с разными моделями ударения [Morse 1972], разным мелодическим контуром [Kuhl, Miller 1975], а также реплики, относящиеся к типологически разным с точки зрения их ритмической организации языкам [Nazzi et al. 1998]. Дети постарше способны сегментировать длинные предложения на составные части, ориентируясь на пограничные просодические характеристики, распознавать отдельные слова по акцентной структуре слов и впоследствии использовать просодию для изучения новых слов.

В течение первого года жизни способности распознавания фонетической составляющей родного языка у детей совершенствуются и становятся более специфичными для конкретного языка. Ряд исследований подтверждает формирование у младенцев так называемой «настройки» не только на фонологические категории родного языка в рамках сегментных различий, но и на просодическую вариативность, проявляющуюся в таких явлениях как, например, терминальный тон и лексическое ударение [Skoruppa et al. 2011]. К концу первого года жизни у детей формируются специфические навыки распознавания определенных просодических характеристик родного языка, которые также помогают детям идентифицировать и усваивать синтаксические структуры [Seidl 2007].

Таким образом, необходимо отметить, что просодия играет немаловажную роль в процессе развития языковых способностей ребенка, облегчая в раннем детстве распознавание слов, границ фраз и предложений, способствуя верной сегментации речи на отдельные слова, обеспечивая «настройку» всей системы на родной язык, а также ускоряя изучение новых слов и распознавание уже знакомых лексических единиц.

Процесс развития просодических характеристик речи, впрочем, не останавливается после овладения языковыми способностями, совершенствование навыков

говорения и грамотного акцентного выделения, или акцентуации, информации в высказывании продолжается в течение всей жизни человека. Значение последнего для осуществления успешной коммуникации неоспоримо. Однако в среднем возрасте на первый план выступают уже другие просодические характеристики, призванные частично компенсировать физиологические потери организма индивида.

В исследованиях овладения английским языком возрастные изменения просодии рассматриваются как развитие и совершенствование языковых навыков. В то же время во взрослой жизни, согласно мнению ряда ученых, они являются признаками упадка и ухудшения работы речевой системы, вызванными биологическими процессами [Linville 2001; Beck 2010].

В овладении навыками родного английского языка развитие фонологической системы связано, в том числе, и с постепенным овладением акцентным ритмом речи, т. е. с переходом со слогового ритма речи в раннем детстве на акцентный речевой ритм с возрастом. Согласно разным исследованиям, овладение акцентными просодическими характеристиками происходит в возрасте от четырех до шести лет [Grabe et al. 1999; Vihman 2015]. После этого возраста создается впечатление, что никакое развитие, не говоря уже об улучшении акцентной ритмической структуры, не считается необходимым. Постоянный возрастной спад показателей ЧОТ, а также замедление темпа речи описываются в литературе как признаки ухудшения состояния и старения организма [Beck 2010; Reubold et al. 2010].

Исследование автора данной статьи тем не менее говорит о том, что жизненный опыт оказывает непосредственное влияние на просодию речи, и благодаря социальной практике носители американского английского языка вырабатывают более эффективные способы и речевые привычки для оптимизации процесса общения [Shevchenko, Sokoreva 2018]. Траектория развития просодической системы с течением жизни, несомненно, отражает преимущества среднего возраста – благоприятного жизненного этапа как в социальном, так и в физическом плане.

Изучение комплекса просодических характеристик речи на материале корпуса американских диалогов подтвердило тот факт, что спад показателей ЧОТ, а также замедление темпа речи с возрастом компенсируется увеличением вариативности максимальных показателей частоты основного тона и увеличением диапазона голоса, исследованных в рамках методики PVI (pairwise variability index) [Sokoreva, Shevchenko 2016]. Увеличение выделенности акцентируемых слогов в американском английском за счет усиления указанных выше просодических параметров облегчает распознавание речи. Таким образом, траектория развития просодии достигает своего пика в среднем возрасте и способствует эффективной коммуникации, каким бы ни было физическое состояние человека.

Физический спад и ухудшение состояния организма с возрастом, отмеченные ранее в исследованиях просодии речи, уравниваются компенсационными изменениями, обеспечивающими выделенность акцентных / ударных слогов. Большинство изменений происходят до или в среднем возрасте, который положительно оценивается с точки зрения социальных характеристик и физического развития человека. Речь старшего поколения остается ясной и внятной в силу использования компенсаторных просодических характеристик, облегчающих понимание

на фоне уменьшения максимальных значений ЧОТ и интенсивности. Возрастные изменения просодии, таким образом, носят не только отрицательный, но и положительный характер, что способствует облегчению коммуникации.

Литература

- Богомазов Г.М.* Система языка и языковое мышление: общезыковые проблемы, детская речь, фонетика и орфография, семантика, словообразование, грамматика, синтаксис, образное мышление, поэтическое мировоззрение и текст художественной литературы. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
- Буряя Е.А., Галочкина И.Е., Шевченко Т.И.* Фонетика современного английского языка. Теоретический курс. М.: Издательский центр «Академия», 2018.
- Beck J.M.* Organic variation of the vocal apparatus // *The Handbook of Phonetic Sciences* / Hardcastle W.J., Laver J., Gibbon F.E. (eds). Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. Pp. 155-201.
- Grabe E., Post B., Watson I.* The Acquisition of Rhythmic Patterns in English and French / 14th ICPH599 Proceedings. San Francisco, 1999. Pp. 1201-1204.
- Kuhl P., Miller J.* Speech perception in early infancy: Discrimination of speech sound categories // *Journal of the Acoustic Society of America*. 1975. Vol. 58 (S56). URL: <https://doi.org/10.1121/1.1995272>.
- Linville S.E.* Vocal Aging. San Diego: Singular Publishing Group, 2001.
- Morse P.* The discrimination of speech and nonspeech stimuli in early infancy // *Journal of Experimental Child Psychology*. 1972. No. 13. Pp. 477-492.
- Nazzi Th., Bertoncini J., Mehler J.* Language Discrimination by Newborns: Toward an Understanding of the Role of Rhythm // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 1998. Vol. 24 (3). Pp. 756-766.
- Reubold U., Harrington J., Kleber F.* Vocal aging effects on F0 and the first formant: A longitudinal analysis in adult speakers // *Speech Communication*. 2010. No. 52. Pp. 638-651.
- Seidl A.* Infants' use and weighting of prosodic cues in clause segmentation // *Journal of Memory and Language*. 2007. No. 57. Pp. 24-48.
- Shevchenko T., Sokoreva T.* Corpus Data on Adult Life-Long Trajectory of Prosody Development in American English, with Special Reference to Middle Age // *Lecture Notes in Artificial Intelligence*. 2018. LNAI 11096. Springer. Pp. 606-614.
- Skoruppa K., Cristia A., Peperkamp S., Seidl A.* English-learning infants' perception of word stress patterns // *Journal of the Acoustic Society of America*. 2011. No. 130. URL: DOI: 10.1121/1.3590169.
- Sokoreva T., Shevchenko T.* Starting a Conversation: Indexical Rhythmical Features across Age and Gender (a corpus study) // *Lecture Notes in Computer Science*. 2016. LNAI. 9924. Pp. 495-505.
- Vihman M.M.* Acquisition of the English Sound System. *The Handbook of English Pronunciation* / Reed M., Levis, J.M. (eds). Oxford: Wiley Blackwell, 2015. Pp. 333-354.

Tatiana V. Sokoreva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

ACCENTUATION AND AGE: THE COGNITIVE ASPECT

The emergence and elaboration of accentuation in an individual's speech goes hand in hand with the cognitive development of a personality. The analysis of the American dialogue speech corpus revealed that successful communication among middle-aged and elderly people is provided by compensatory prosodic characteristics in their speech appearing in parallel with the imminent physiological changes in the body.

Key words: accentuation, age, prosody, compensatory changes, American English

Ю.О. Соловьева (Москва, Россия)
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
solovieva-julia2009@yandex.ru

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В РАЗЪЯСНЯЮЩИХ ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПОПУЛЯРНО-ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются стратегии и тактики, направленные на оптимизацию коммуникативного воздействия в диаде «юрист-клиент» посредством текстов популярно-юридического дискурса. Разъясняющие тексты жанра «юридическая консультация» направлены на передачу процедурных правовых знаний неспециалистам в адаптированной форме и содержат как информацию о релевантных правовых нормах, так и указания на возможность их применения в конкретных юридических ситуациях.

Ключевые слова: популярно-юридический дискурс, стратегия, тактика, процедурные знания, юридическая консультация

Современный российский популярно-юридический дискурс, образование которого было обусловлено необходимостью передачи специальных правовых знаний адресатам без юридического образования и профессиональной подготовки, служит реализации нескольких целей, чем объясняется его жанровое разнообразие.

В зависимости от целевой установки варьируют способы адаптации специальной информации и терминологическая плотность рассматриваемых текстов. Цель статьи – рассмотреть стратегии и тактики, используемые в текстах популярно-юридического дискурса жанра «юридическая консультация», направленных на передачу процедурных правовых знаний неспециалистам. Под «процедурным знанием» мы, вслед за В.И. Карасиком, понимаем «своеобразный набор инструкций относительно способов получения определенного знания, типовые модели его адаптации соответственно уровню познающего субъекта и ориентиры его использования в практической деятельности» [Карасик 2009: 33]. В качестве материала исследования послужили ответы юристов, опубликованные в рубрике «Общественная приемная» национального правового журнала «Человек и Закон» за 2022–2023 гг., а также ответы, размещенные в разделах юридической помощи на сайтах российских юридических компаний.

Исследователи выделяют различные функциональные типы текстов, адаптированных для информирования населения о тех или иных вопросах права. В частности, А.А. Дьякова в своей работе описывает информативный, комментирующий и воздействующий типы адаптированных текстов [Дьякова 2011: 82]. Мы, в свою очередь, считаем возможным выделить разъясняющий тип адаптированных текстов, содержащий как непосредственно информирование о правовой норме, так и объяснение способов ее применения в той или иной юридической ситуации. По нашим наблюдениям, в разъясняющих текстах популярно-юридического дискурса жанра «юридическая консультация» преобладают *информирующая стратегия* и *стратегия самопрезентации*.

Для реализации информирующей стратегии используются следующие тактики:

1. Тактика объяснения применяемой нормы.

Порядок оформления и сохранности тайны завещания определен в главе 62 Гражданского кодекса РФ [Человек и Закон 2023: 30].

Согласно пункту 4 статьи 578 Гражданского кодекса РФ даритель вправе отменить дарение на объект недвижимости в случае, если он пережил одаряваемого, если такое условие закреплено в договоре дарения [Человек и Закон 2022: 42].

Согласно абз. 2 ст. 122 ТК РФ, право на использование отпуска за первый год работы возникает у работника по истечении шести месяцев его непрерывной работы у данного работодателя [<https://pravo163.ru/category/ugz/>].

Уголовная ответственность за сбыт холодного и метательного оружия установлена статьей 222 Уголовного кодекса РФ [Человек и Закон 2023: 47].

Такая ответственность предусмотрена частью 1. ст. 157 Уголовного кодекса РФ, и наступает за злостное уклонение родителя от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей [<https:// юристы-сочи.рф. вопросы-ответы/>].

К языковым средствам в рамках данной тактики мы относим использование терминологии (*тайна завещания, даритель, одаряемый, объект недвижимости, договор дарения* и т. д.) и дискурсивных клише юридического дискурса (*порядок определен, вправе отменить, условие закреплено, ответственность установлена/предусмотрена* и т. д.), а также многочисленные отсылки к релевантным законодательным текстам. Обратим внимание на отсутствие в ряде случаев компрессии при указании законодательных текстов и документов, к которым производятся отсылки (*главе 62 Гражданского кодекса РФ, пункту 4 статьи 578 Гражданского кодекса РФ, статьей 222 Уголовного кодекса РФ*), что определяется предполагаемым отсутствием соответствующих пресуппозиций у адресата-неспециалиста.

2. Тактика экземплификации.

– Относится ли кухонный нож к холодному оружию? (М. Усканов, г. Липецк).

– Нет, не относится <...> В общем, это удобный инструмент, без которого не обойтись людям при приготовлении пищи и во время еды. Непосредственно к холодному оружию относятся кинжалы, боевые, национальные, охотничьи ножи, сабли, шашки, мечи и другое клинковое оружие, а также штыки, копья, боевые топоры, иное режущее, колющее и рубящее оружие. В группу холодного оружия относятся также кастеты, нунчаки, кистени и другое оружие ударно-дробящего воздействия [Человек и Закон 2023: 46].

В данном примере помимо ответа на конкретный вопрос адресата юрист дает подробную справку о том, какие предметы в соответствии с российским законодательством относятся к категории «холодное оружие». Отметим использование амплификации как типа интерпретации информации в данном ответе. По мнению Карасика, амплификация призвана акцентировать приращение новой

информации и соответствует реме общения [Карасик 2009: 39]. С.В. Первухина определяет подобное семантическое развертывание как «денотатную экспликацию», которая делает текст более понятным для адресата путем создания у него релевантного понятийного аппарата [Первухина 20: 230].

– В нашем поселке одна известная личность постоянно «малюет» мерзкие картинки на автобусных остановках и других общественных местах. Что делать? (Н. Грузлов, г. Орск)

– Надо обратиться к местному уполномоченному полиции <...> Недавно суд в Вологодской области наказал штрафом в размере шести тысяч рублей шестидесятилетнего мужчину, который аэрозольным баллончиком с краской расписал нецензурными словами навесы на двух автобусных остановках [Человек и Закон 2023: 42].

В последнем фрагменте тактика реализуется посредством ссылки на конкретное дело с описанием похожей ситуации и указанием последствий правонарушения.

3. Тактика установления доверительного контакта. Данная тактика является сопутствующей, но, тем не менее, необходимой для реализации информирующей стратегии и передачи знания целевому адресату. Юрист демонстрирует сочувственное отношение к адресату, задающему вопрос, и тем самым показывает, что выступает на его стороне. К языковым средствам реализации данной тактики мы относим вопросно-ответные конструкции, имитирующие ситуацию реального (контактного) общения со специалистом, использование оценочной и эмоционально-окрашенной лексики (в частности, использование пейоративов при оценке действий лиц, с которыми обращающийся за помощью адресат вступает в конфликт), а также разговорного синтаксиса.

– Могут ли наследники завершить оформление права на земельный участок, если наследодатель не успел это сделать при жизни? (А. Грочнев, г. Серпухов).

– К сожалению, нет, не могут. Наследникам не переходит право наследодателя, которое он не успел при жизни реализовать [Человек и Закон 2022: 40].

– Здравствуйте! Проблема состоит в том, что отец ребенка не платит алименты по решению суда уже 4 года.

– Добрый день!

Найти управу на отца вашего ребенка можно, если предпринять все необходимые действия для привлечения его к уголовной ответственности. Такая ответственность предусмотрена частью 1. ст. 157 Уголовного кодекса РФ, и наступает за злостное уклонение родителя от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей [https:// юристы-сочи.рф.вопросы-ответы].

Поскольку вторичной функцией текстов жанра «юридическая консультация» выступает рекламная, направленная на привлечение новых клиентов, стратегия самопрезентации используется в таких текстах наряду с информирующей. Основной тактикой является **тактика самопродвижения**, акцентирующая высокий профессионализм специалиста, отвечающего на вопросы обывателей, нуждающихся в юридической помощи. Отмечаем частое использование лексемы

«бесплатный» при рекламировании юридических услуг. По нашему наблюдению, акцент на безвозмездном оказании услуг характерен для текстов российской юридической рекламы [Соловьева 2023: 2012].

Хотите получить бесплатную юридическую консультацию от адвоката Анатолия Антонова? Подпишитесь на Телеграмм-канал и задайте свой вопрос в чате [https://pravo163.ru/category/ugz].

– Может ли несовершеннолетний быть собственником недвижимости?

– Конечно, действующее российское законодательство не запрещает несовершеннолетним гражданам иметь в собственности недвижимое имущество <...> Требуется юридическая консультация по земельным или иным вопросам, связанным с недвижимостью? Получите правовую поддержку прямо сейчас [https://pravo163.ru/category/ugz].

В ходе анализа текстов жанра «юридическая консультация» были определены две доминантные стратегии: информирующая и стратегия самопрезентации. Выявленные стратегии соответствуют целевым установкам популярно-юридического дискурса в данном жанре и направлены, с одной стороны, на распредмечивание специальной информации для адресата, и, с другой – на популяризацию правовых знаний в адаптированной форме среди неспециалистов, а также на продвижение услуг профессиональных юристов.

Литература

Дьякова А.А. Основные характеристики функциональных типов текстов юридического дискурса, адаптированных к условиям медийного дискурса // *Lingua mobilis*. 2011. № 6 (32). С. 79-86.

Карасик В.И. Комментарий как жанр герменевтического дискурса // *Язык, коммуникация и социальная среда*. Вып. 7. 2009. С. 32-47.

Первухина С.В. Структурно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики адаптированного текста: дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2015.

Соловьева Ю.О. Лингвостилистические характеристики рекламы в сфере права // *Маркетинговая лингвистика: учебник / под. ред. Л.М. Гончаровой и О.А. Ксензенко*. М.: ИНФРА-М. 2023.

Человек и Закон. 2022. № 7. С. 40-48.

Человек и Закон. 2023. № 1. С. 42-50.

Человек и Закон. 2023. № 2. С. 44-52.

Человек и Закон. 2023. № 4. С. 30-37.

*Yuliya O. Solovyeva (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

STRATEGIES AND TACTICS IN EXPLANATORY TEXTS OF CONTEMPORARY RUSSIAN POPULAR LEGAL DISCOURSE

Strategies and tactics enhancing the communicative impact in the “lawyer-client” dyad employed in the texts of popular legal discourse are analyzed. Explanatory texts of the “legal counseling” genre are aimed at conveying procedural legal knowledge to non-specialists and contain both information about the relevant legal norms and their application in specific legal situations.

Key words: popular legal discourse, strategy, tactics, procedural knowledge, legal counseling

Я.С. Талыбова (Костанай, Казахстан)
Костанайский региональный университет
ya.talybova@gmail.com
Н.В. Монгилева (Костанай, Казахстан)
Костанайский региональный университет
77772456222@mail.ru

МЕТАФОРА «УНИВЕРСИТЕТ – ПУТЕШЕСТВИЕ» В ДИСКУРСЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ВЕБ-САЙТА

Статья посвящена метафорическому моделированию имиджевого образа университета в текстах главных Интернет-страниц американских веб-сайтов. Рассматривается реализация модели УНИВЕРСИТЕТ – ПУТЕШЕСТВИЕ. Делаются выводы о суггестивном потенциале метафорической модели.

Ключевые слова: дискурс университетского веб-сайта, метафоры путешествия, образ университета

Веб-сайт вуза является одним из способов позиционирования университета на рынке образовательных услуг в сложившихся условиях высокой степени информатизации современного общества. Тексты страниц веб-сайта вуза исследуются в пространстве дискурсов более высокого порядка (Д.А. Гербер, А.Г. Кандинова, Е.Н. Пескова). Многие ученые выделяют дискурс университетского веб-сайта как синкретический продукт, полученный путем слияния институционального (по статусно-ролевому общению), университетского (по тематике) и Интернет-дискурсов (по каналу передачи), интегрирующий ряд особенностей: интерактивность, мультимедийность, поликодовость, гипертекстуальность, гетерогенность и т. д. (Г.Н. Трофимова, Е.И. Литневская, М.Ю. Сидорова, Л. Воборил и др.).

В настоящей работе мы определяем дискурс университетского веб-сайта как разновидность университетского Интернет-дискурса, представленный в совокупности тематически-регламентированных и функционально нагруженных текстов на веб-сайте учебного заведения.

Специфика содержания главных Интернет-страниц предопределена коммуникативными целями: сообщить сведения о вузе, сформировать положительный образ высшего учебного заведения, привлечь целевого адресата (потенциальные студенты, партнеры, широкая общественность и др.) [Талыбова, Монгилева 2022]. Для реализации вышеупомянутых целей используются различные лингвистические приемы / средства воздействия на посетителей веб-сайта.

Метафоры путешествия относятся к одним из наиболее первичных и универсальных метафор в различных языках, культурах и религиях мира [Lakoff, Johnson 1980]. Тем не менее она признается мощным когнитивным инструментом маркетинговых стратегий в создании благоприятного имиджевого образа [Wang 2020].

В фокусе внимания данной работы находится метафорическая модель УНИВЕРСИТЕТ – ПУТЕШЕСТВИЕ (UNIVERSITY – JOURNEY) в текстах университетских веб-сайтов. Материалом для анализа послужили главные веб-страницы 50-ти американских вузов. Единицей анализа выступают контексты с метафорическими образами сферы-источника JOURNEY.

Для того чтобы установить сопоставления между заданными адресантом сферами знаний UNIVERSITY и JOURNEY, необходимо принимать во внимание наличие нескольких потенциальных референтов. Так, в метафорах концепт UNIVERSITY может иметь буквальное значение (здание, контингент студентов и преподавателей) и категорию ситуаций (обучение, научно-исследовательская деятельность, внеаудиторная деятельность, события в стенах вуза). Концепт JOURNEY представляет собой сложное ментальное образование, состоящее из понятийного компонента (передвижение куда-либо с определенной целью) и ценностного (положительная оценка увиденного в путешествии, отрицательная оценка трудностей в пути) (Ю.А. Козлова, О.А. Николаева).

Анализ текстов главных страниц веб-сайтов американских вузов показал следующие потенциально релевантные метафорические проекции:

1. УНИВЕРСИТЕТ – НАЧАЛО ПУТЕШЕСТВИЯ / ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Университет описывается как место инициации действия, направленного на прохождение пути. Используются глаголы динамики движения (*start, begin*), а также существительные (*adventure, path, journey*). В подобных фразах университет обозначен либо именем собственным (*Indiana University*), либо лексемами пространственной семантики (*here*).

Here's where the next step of your adventure starts.

Your path starts here

Your journey begins at Indiana University.

2. УНИВЕРСИТЕТ – ПУТЬ

Учебное заведение предстает в образе пути (*path*). Метафорические выражения всегда акцентируют целенаправленность пути. В качестве конечной точки выступают понятия высокой степени абстракции: будущее, карьера, открытия, единство.

A path to the career and future you always wanted

Ambitious path for JHU's future

A path to discovery

A journey to unity

3. УНИВЕРСИТЕТ – ПРОВОДНИК

В предложении *Professors who care about where you are – and where you're going* сотрудники вуза в лице профессорского состава предстают в роли турагентов, в чьи обязанности входит надзор за исполнением предоставляемых услуг и забота о комфорте клиента на протяжении всего путешествия.

Следующий пример отражает ценности вуза, которые направляют и сопровождают на пути к цели (*At Yeshiva University, our five core Torah values comprise our moral compass and guide us toward a better future*).

4. СТУДЕНТ – ПЕРВОПРОХОДЕЦ

Эта составляющая метафорической проекции является наиболее частотной на страницах вузовского веб-сайта, что доказывает их направленность на потенциальных абитуриентов. Метафоры репрезентируют студентов как агентов различных действий:

– он самостоятельно определяет и прокладывает путь (*carve your path / chart*

your course / make way for a parade of possibilities, make way for your future at Tulane / find your way around Brown).

– преодолевает препятствия на своем пути (*For those who push the boundaries of what it means to learn*).

– совершает открытия во время своего путешествия (*At Johns Hopkins, you can explore ideas that interest you, find people who inspire and challenge you, make discoveries that change your life – world / Explore degrees and certificates for all stages of your journey / Explore the limitless possibilities / Explore countless paths opportunities that Brown has offer / explore exciting ways to engage in and outside of the classroom*).

Элементы метафорической проекции «действия в пути» (*explore, make*) высвечивают определенные концептуальные аспекты мишени УНИВЕРСИТЕТ: *ideas that interest you, limitless possibilities*. С одной стороны, это имиджевые характеристики вуза, предоставляющего столь безграничные возможности, вдохновляющих преподавателей, интересные занятия. Но с другой, имплицитруется образ потенциального студента – многозадачного гения, активного преобразователя, способного воспользоваться возможностями. Во фразе *For those who push the boundaries of what it means to learn* выражение *push the boundaries* активизирует смысл «упорство», «нестандартность», «решительность».

Проделанный анализ показывает, что наиболее частотным и детализированным является элемент СТУДЕНТ – ПЕРВОПРОХОДЕЦ. Выводы доказывают студентоцентрированность текстов главных страниц университетского веб-сайта. Образ вуза сконструирован через метафорический образ студента. Имиджевыми характеристиками учебного заведения становится способность удовлетворить потребности и интересы студента, обеспечить его самостоятельность, уважать его свободу выбора. Обучающийся представлен равноправным партнером учебного взаимодействия.

Литература

- Талыбова Я.С., Монгилева Н.В. Атрактивный потенциал университетских веб-сайтов // Известия КазУМОиМЯ им. Абылай хана. Серия: филологические науки. 2022. № 4 (67). С. 195-207.
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Wang J. A Comparative Analysis of JOURNEY Metaphors in Marketing English // *Advances in Social Sciences Research Journal*. 2020. No. 7. Pp. 304-313.

Yana S. Talybova (Kostanay, Kazakhstan)
A. Baitursynov Kostanay Regional University
Natalya V. Moguilyova (Kostanay, Kazakhstan)
A. Baitursynov Kostanay Regional University

METAPHOR “UNIVERSITY – JOURNEY” IN THE UNIVERSITY WEBSITE DISCOURSE

The article is devoted to the metaphorical modeling of the university image in the texts of the Internet homepages of American websites. The implementation of the UNIVERSITY – JOURNEY model is considered. Conclusions are drawn about the suggestive potential of the metaphorical model.

Key words: university website discourse, journey metaphors, university image

АКТУАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ РЕКЛАМЕ: СОЦИО-КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

Создание эффективного взаимодействия между англоязычными медицинскими организациями и потребителями рекламных кампаний осуществляется с помощью вербализации ценностей и антиценностей, которые в современных реалиях реализуются через два типа рекламных текстов: транслирующие и транслируемые. Каждый из обозначенных видов текстов характеризуется собственными лингвистическими особенностями трансляции (анти)ценностей.

Ключевые слова: ценности, вербализация ценностей, медицинская реклама, социокогнитивный подход, транслируемые и транслирующие ценности

Современная медицинская реклама играет важную роль в обеспечении эффективного информационного обмена и формировании качественного когнитивного ландшафта в разрезе отношений между медицинской организацией и потребителем рекламного текста. Реклама, охватывающая сферу медицины, так же, как и любая другая, согласно словарю Т.Ф. Ефремовой, представляет собой мероприятия, преследующие целью создать широкую известность или популяризировать что-то через активную трансляцию информации о медицинском товаре или услуге [Ефремова 2000: 826]. Передача важной информации о товаре или услуге осуществляется с помощью различных манипулятивных технологий, высказываний, апелляции к лидерскому мнению, афоризмов и т. д. Но так или иначе любой рекламный текст, особенно вызывающий эмоции, неважно положительные или отрицательные, прибегает к воздействию на потребителя и его восприятие рекламируемого объекта через ценностные установки [Ковалева 2013: 126].

Вербализация ценностей осуществляется посредством рекламного текста, который в современных реалиях может формировать эмоциональную связь и мотивационные обоснования к взаимодействию между потребителем и рекламирующей свои услуги медицинской организацией [Воейкова 2010: 91]. Исследования показывают, что эмоциональная связь и мотивация являются ключевыми факторами при принятии решений потенциальными пациентами – потребителями услуг в области здравоохранения [Головина 2017: 74]. Акцентирование внимания на ценностях или даже антиценностях в медицинской рекламе позволяет вызвать эмоциональный отклик у потенциальных клиентов и создать мотивацию для выбора конкретного медицинского предложения, товара или услуги. Так, например, рекламная кампания «Every mind matters» (ЕММ), проведенная в Великобритании, придает огласке обсуждение такой проблемы как психическое здоровье населения. Ряд роликов, снятый с участием королевской семьи, призывает заботиться о своем психическом здоровье, апеллируя к антиценности «молчания». Лидеры мнений призывают говорить о болезни, не замыкаясь в себе, и обсуждать такую часть жизни населения, как ментальное здоровье [Голубых 2019: 164]. Монархи говорят в своей речи: «Everyone knows that feeling, when life gets on top of us. All over the country, millions of us face challenges to our mental

health – at all ages – at all intensities, and for all sorts of reasons... There are things we can do. From today, there's a new way to help turn things around. Every Mind Matters will show you simple ways to look after your mental health» [Кнох 2019]. Этот текст не фиксирует никаких признаков «продажи», он констатирует факт наличия проблемы и, подкрепляет эмоциональное воздействие на слушателя данного текста с помощью лексических повторов, добавляет экспрессии с помощью идиом. Монархи приближены к «мирским» делам, они тем самым провоцируют ценностно-эмоциональный резонанс в обществе. Эта рекламная кампания привела к следующим результатам: из 20 участников фокус-группы с людьми разного возраста, пола и географии проживания по Англии, интерес к проблеме и ретрансляции ее вовне проявили все 100%: 12 человек сообщили о травмах, 11 сообщили о чувстве изоляции, у 10 выявились хронические психические расстройства и т. д.

Согласно проведенному анализу 124 рекламных текстов медицинских учреждений Великобритании, в том числе текстов рекламной кампании ЕММ, представляется важным отметить выявленную закономерность, путем которой современное общество формирует двусмысленные «правила игры» в области рекламы, влияющей на потребителя с помощью ценностных ориентиров. Результаты исследования позволяют выделить два типа рекламных текстов: одни «транслирующие» (39%), другие «транслируемые» (61%). К первой категории относятся те тексты, которые в большей степени ориентированы на «продажу», здесь наблюдается более агрессивный подтекст (коммерческий в 43% от общего процента транслирующих текстов со словами «buy», «unpack», «spend money», и некоммерческий в 57% с применением слов «look», «pay attention» и др., а также с визуальным выделением важных «не призывающих» к действию слов). Ко второй категории, представленной в большей степени, относятся тексты, где отсутствует призыв к действию и подчеркивается фактическое положение дел в отношении того или иного вопроса, связанного с медицинским посланием («Your smoking harms your child», «Stupid names don't help» и др.).

Итак, транслирующие тексты – это те рекламные сообщения, которые с помощью рекламного текста навязывают свое видение ценностных ориентиров и формируют таким образом лояльную аудиторию бренда, дифференцируя ее от общей массы, попадающей под действие рекламы. Такие тексты нацелены на привлечение внимания людей, они описывают преимущества товара или услуги и передают тем самым ценность. Реализация подобного воздействия на читателя рекламного текста происходит чаще всего посредством экспрессивного использования грамматических категорий, насыщения текста рядами однородных членов предложения, перифраза, олицетворения и др. Транслирующие тексты санкционируют приоритеты, диктуют свои ценностные установки и часто идут вразрез с фактической картиной мира, превознося ценность рекламируемого товара или услуги. В качестве примера транслирующего рекламного текста можно привести текст рекламного баннера Национальной службы здравоохранения Великобритании (NHS), на котором без лишних изображений на сплошном фоне написаны слова «How are YOU?», где слово «you» выделено другим цветом.

Ниже мелким шрифтом располагается еще одна фраза: «Because there's only one you». Мы понимаем, что NHS требует от своей аудитории задуматься о себе, поставить себя на первое место, в то время как общество диктует иные ориентиры: оно мотивирует заботиться о ближнем, ставить кого-то выше по значимости, забывая о себе. Этот рекламный текст явно диссонирует с установившимися шаблонами, поскольку медицинская организация не призывает в данном высказывании привести кого-то за руку на обследование, как обычно это бывает. Служба здравоохранения, наоборот, просит забыть о других и вспомнить о себе, агрессивно аргументируя свой призыв тем, что «мы у себя одни».

Транслируемые тексты – это, наоборот, такие элементы рекламы, которые не мотивируют к изменениям, они констатируют факты, объясняют имеющийся опыт потребителя, передают впечатления и эмоции автора, тем самым привлекая внимание к предложенному средству или услуге. Наиболее частотные из этих ценностей: опыт («This product really helped me»), эмоции и впечатления («I was amazed by the results»), уникальность («This is a unique product» и т. д. Транслируемые рекламные тексты «отзеркаливают» общественные настроения с помощью таких языковых средств как эпитеты, сравнения, метафоры, гиперболы, олицетворения и т. д. Примером транслируемого текста является текст другого баннера NHS, который размещался на различных площадках (оффлайн и онлайн) во время пандемии 2020 г., в то время, как самой важной задачей в обществе было соблюдение социальной дистанции, и, соответственно, заботы о ближнем во избежание распространения коронавируса. Именно тогда NHS выпустили рекламное объявление с фото врача и текстом «I'm staying at work for you, you stay at home for us». Призыв оставаться дома не противоречил установкам общества, он, наоборот, органично «подстроился» под приоритеты масс. NHS таким образом удовлетворяла две потребности – потребность рекламировать свою организацию и все ее службы даже в период пандемии, а также потребность в сохранении и поддержании статуса социально этичной организации, ориентированной в первую очередь на интересы отдельного человека и общества в целом, своего конечного потребителя, активно опираясь на его же эмоции и установки. Пример вышеприведенного текста, зачитанного королевской семьей в рекламе ЕММ, относится также к этому типу.

Не вызывает сомнений, что вербализация ценностей посредством и тех и других рекламных текстов в современной медицинской рекламе позволяет организациям в сфере здравоохранения адаптировать свои рекламные стратегии и предложения таким образом, чтобы в лучшем свете выделиться среди конкурентов. Помимо эмоциональной связи, возникающей между потребителем и медицинской организацией вследствие прочтения рекламного текста, транслируемого или транслирующего, у клиента формируется доверие и лояльность к бренду, как это продемонстрировано в рекламной кампании ЕММ. Вербализация и активное транслирование ценностей целевой аудитории создает глубокую связь и эмоциональную привязанность у клиентов, а также способствует более эффективной коммуникации и влечет за собой успех для самого бизнеса, так как

она является основой для разнообразных видов взаимодействия людей в различных профессиональных контекстах [Shiryayeva 2023: 392].

Из вышеизложенного следует, что вербализация ценностей в современной медицинской рекламе не только способствует привлечению внимания потенциальных клиентов организации здравоохранения посредством влияния на их эмоциональное состояние в момент и после потребления информации из рекламного текста, но и приводит к требуемым профессиональным результатам, нацеленным на продвижение медицинских товаров и услуг. В свою очередь, рекламные тексты о медицине, основанные на вербализации ценностей, существуют в двух видах и оказывают запланированное рекламодателем эмоциональное воздействие на потребителя. Выявлено, что транслирующие и транслируемые рекламные тексты о медицине по-разному актуализируют центральную идею рекламной медицинской кампании, но оба вида нацелены на достижение стопроцентного результата в любой из интерпретаций.

Литература

- Воейкова А.А.* Психолингвистическое исследование рекламных текстов // Вопросы психолингвистики. 2010. № 11. С. 88-99.
- Головина Ю.Е.* Особенности интернет-продвижения медицинских учреждений // Лучшая научная статья 2017. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. С. 74-76.
- Голубых А.А.* «Медикализация» современной англоязычной интернет-рекламы (на материале рекламных видеороликов видеохостинга Youtube) // Вестник Самарского ун-та. История, педагогика, филология. 2019. № 4. С. 162-169.
- Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
- Ковалева А.В.* Основы социальной рекламы. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2013.
- Клех Р.* 'NATIONAL TAKEOVER' What time and channel is Meghan, Harry, Kate and William's NHS Every Mind Matters advert on tonight? // The SUN. 2019. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/10085724/meghan-harry-kate-william-nhs-advert>.
- Shiryayeva T.A.* Advertising slogan as a reflection of socio-cultural reality: sociocognitive perspectives // Когнитивные исследования языка. 2023. No. 3-1 (54). Pp. 390-395.

Alina A. Terekhova (Pyatigorsk, Russia)
Pyatigorsk State University

ACTUALIZATION OF CORE VALUES IN ENGLISH-LANGUAGE MEDICAL ADVERTISING: A SOCIO-COGNITIVE APPROACH

The generation of effective interaction between English-speaking medical organizations and consumers of advertising campaigns is carried out through the verbalization of values and anti-values, which is realized through two types of advertising texts: broadcast and broadcasted. Each of the designated types of texts is characterized by its own linguistic features of the translation of (anti)values.

Key words: values, verbalization of values, medical advertising, socio-cognitive approach, values which broadcasts by itself, values which broadcasted any external idea

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ МНЕМИЧЕСКОГО ОПЫТА НАРРАТОРА В МЕМУАРНОМ ТЕКСТЕ

В статье предлагается алгоритм лингвокогнитивного анализа мнемического опыта нарратора в мемуарных текстах. Разработанная методика опирается на ментальную лексику, которая выступает вербализатором когнитивных процессов в естественном языке. Используя мемуары Принца Гарри «Spare» в качестве материала для кейс-стади, мы демонстрируем возможности лингвокогнитивного анализа мнемического опыта нарратора для целей дальнейшего изучения структурно-содержательной организации мемуарного нарратива.

Ключевые слова: мнемический процесс, память, нарратив, нарратор, мемуары, лингвокогнитивный анализ

Мемуарная проза наряду с другими автобиографическими жанрами образует особый пласт художественной и документальной литературы, в которой сюжетный центр повествования формируется авторскими воспоминаниями, определяющими логику построения и развития сюжетной линии. Центральной фигурой автобиографического текста является автор как субъект воспоминаний, носитель мнемического опыта, объективируемого в словесной форме [Меркулова 2006; Дубнякова, Кашина 2017]. Поскольку воспоминания являются отправной точкой автобиографического нарратива, относительно которой задаются пространственно-временные координаты повествования, при анализе любого текста, в основе которого лежит субъективный мнемический опыт автора, важно получить вербальную проекцию опыта памяти нарратора.

В настоящем исследовании предлагается алгоритм лингвокогнитивного анализа мнемического опыта нарратора в мемуарном тексте с опорой на ментальную лексику, репрезентирующую когнитивные процессы в естественном языке [Июмдин 2010; Сулейманова, Демченко 2018]. Продемонстрируем на примере мемуаров принца Гарри «Spare» возможности лингвокогнитивного анализа мнемического опыта нарратора в контексте его корреляции со структурной организацией мемуарного текста.

На первом этапе исследовательской процедуры были отобраны контексты, эксплицитно репрезентирующие работу механизма памяти нарратора. Отбор релевантных контекстов производился на основе поиска по ключевым словам – глаголам и существительным соответствующей семантики, получившим подробное описание в [Тивьяева 2018]. В результате поисковых операций было зарегистрировано 53 контекста, содержащих глагол *to remember* во всех формах, 27 контекстов употребления существительного *memory* в форме единственного и множественного числа, 17 контекстов с глаголом *to recall*, 13 контекстов с глаголом *to forget*, 8 контекстов с глаголом *to remind*, два контекста с глаголом *to recollect* и существительным *recollection*, два контекста, содержащих глагол *to memorize*, и один контекст употребления глагола *to misremember*. Отметим также, что

помимо базовой лексики соответствующей семантики, нами были зарегистрированы лексические единицы, указывающие на мнемическую деятельность имплицитно, в определенных контекстуальных условиях, выступая в том числе в качестве маркеров «многоступенчатой ретроспекции» [Тивьяева 2007], например: *When I think about that trip, my **mind goes** immediately to that fire – just as my skinny body did then* [Prince Harry, the Duke of Sussex 2023] (*процесс воспоминания*); *These phrases **remain in my mind** like darts in a board* [Prince Harry, the Duke of Sussex 2023] (*процесс хранения в памяти*). Эти и подобные им контексты не были включены в основную выборку.

На втором этапе исследования была проведена отбраковка языкового материала. В частности, из общей выборки были исключены контексты, в которых субъектом мнемического процесса, репрезентируемого глаголом или существительным соответствующей семантики, являлся не нарратор. Таким образом, итоговый объем полученной выборки составил 81 контекст. Следует отметить, что указанное количество меньше, чем простая сумма контекстов употребления мнемической лексики в рассматриваемом тексте, что объясняется эпизодическим употреблением нескольких лексических единиц соответствующей семантики в рамках одного предложения или сверхфразового единства. Так, например, в следующем предложении работа механизма памяти манифестируется сразу тремя релевантными лексическими единицами: *Despite my clear **memory** of not wanting to **remember** her, I was also trying gamely not to **forget** her* [Prince Harry, the Duke of Sussex 2023].

Третий этап исследования предполагал распределение отобранных контекстов на четыре группы в соответствии с базовыми процессами памяти (в скобках указано количество контекстов): контексты, репрезентирующие процесс помещения информации в память (2); контексты, репрезентирующие процесс хранения информации в памяти (31); контексты, репрезентирующие процесс восстановления информации из памяти (22), и контексты, репрезентирующие процесс утраты информации из памяти (13). Помимо вышеуказанных групп в процессе обработки языковых данных были также зарегистрированы три группы полипроцессуальных контекстов: контексты, репрезентирующие процессы хранения и восстановления информации из памяти (4); контексты, репрезентирующие процессы хранения и утраты информации из памяти (5); контексты, репрезентирующие процессы восстановления и утраты информации из памяти (4).

На последующих этапах на основе контент-анализа отобранных контекстов был определен характер протекания мнемической деятельности нарратора, установлены репрезентируемые объекты мнемических процессов, степень их детализации и сопутствующий эмоциональный фон.

Анализ адвербиальных коллокатов мнемических глаголов и атрибутивных коллокатов мнемических существительных в обследованных контекстах позволил определить, что в основе представления опыта памяти нарратора лежит противопоставление точности (полноты) / неточности (фрагментарности) хранящейся в памяти информации. Ср. целостные воспоминания: *I **vividly remember** that thought flashing through my mind. And I remember waiting patiently for Pa to*

confirm that indeed Mummy was all right. And I remember him not doing that [Prince Harry, the Duke of Sussex 2023]. – фрагментарные воспоминания: *The news must have come in the form of a phone call, though I only dimly recall holding the phone, hearing the words* [Prince Harry, the Duke of Sussex 2023].

При этом в качестве объектов процессов памяти нарратора выступают члены королевской семьи (*But I vividly remember Willy and me riding them out to the deepest part of the channel, circling while waiting for the big ferries to come* [Prince Harry, the Duke of Sussex 2023]), собственные чувства, мысли и переживания (*I vaguely remember that shock, though I can't remember much else about our first week at the castle; I remember thinking: Crash... OK.* [Prince Harry, the Duke of Sussex 2023]), предметы обстановки (*I remember the mounds of flowers all around us* [Prince Harry, the Duke of Sussex 2023]), действия других людей (*I remember they talked to the press about their music and their mission* [Prince Harry, the Duke of Sussex 2023]), сенсорные образы (*I remember feeling numb. I remember clenching my fists. I remember keeping a fraction of Willy always in the corner of my vision and drawing loads of strength from that. Most of all I remember the sounds, the clinking bridles and clopping hooves of the six sweaty brown horses, the squeaking wheels of the gun carriage they were hauling* [Prince Harry, the Duke of Sussex 2023]). Среди основных тем, составляющих предмет мемуарного нарратива, можно указать следующие: взаимоотношения с членами королевской семьи и ближайшим окружением, семейные события, детские и юношеские годы, внутренний мир нарратора, военная служба, публичность, брак и отцовство. Обращение к людям и эпизодам из прошлого нередко сопровождается зрительными, слуховыми и тактильными образами, а также вызывают определенную эмоциональную реакцию нарратора.

Сложная конфигурация людей и событий из прошлого, реконструируемых нарратором, коррелирует с сюжетно-композиционной структурой мемуарного нарратива – нелинейной, политемпоральной, многоплановой – и общей тональностью повествования. Мнемический опыт нарратора лежит в основе структурно-содержательной организации текста мемуаров и является определяющим при построении сюжета, на что указывает и сам автор: *Whatever the cause, my memory is my memory, it does what it does, gathers and curates as it sees fit, and there's just as much truth in what I remember and how I remember it as there is in so-called objective facts. Things like chronology and cause-and-effect are often just fables we tell ourselves about the past* [Prince Harry, the Duke of Sussex 2023].

Очевидно, что образ нарратора мемуарного текста не идентичен личности автора, поскольку формат автобиографического текста дает автору возможность представить собственную интерпретацию событий прошлого, управляя содержанием и формой его подачи. Аналогично вербальная проекция мнемического опыта нарратора не будет в полной мере отражать когнитивную деятельность автора, направленную на обработку информации о событиях прошлого, однако позволит получить представление о работе механизма авторской памяти и его участии в структурировании мемуарного нарратива. Предложенный алгоритм лингвокогнитивного анализа мнемического опыта нарратора направлен на решение данной задачи и может быть применен практически к любому мемуарному тексту.

Литература

Дубякова О.А., Кашина Т.А. Коммуникативно-прагматические особенности личного дневника // Вестник МГПУ. Серия: филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 1 (25). С. 42-49.

Иомдин Б.Л. Ментальная лексика: память и ее функционирование // Проспект активного словаря русского языка / отв. ред. акад. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 465-494.

Меркулова М.Г. Ретроспекция в английской «новой драме» конца XIX – начала XX века: истоки и функционирование. М.: Прометей, 2006.

Сулейманова О.А., Демченко В.В. Использование BIG DATA в экспериментальных лингвокогнитивных исследованиях: анализ семантической структуры глагола SHUDDER // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. С. 466-472.

Тивьяева И.В. Когнитивно-коммуникативная концепция мнемической деятельности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2018.

Тивьяева И.В. Роль видовременных форм глагола в реализации категории ретроспекции в художественном тексте // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2-2. С. 55-60.

Prince Harry, the Duke of Sussex. Spare. Transworld Publishers, Penguin Random House, 2023.

Irina V. Tivyaeva (Moscow, Russia)
Moscow City University

LINGUOCOGNITIVE ANALYSIS OF THE NARRATOR'S MNEMONIC EXPERIENCE IN MEMOIR PROSE

The paper proposes an algorithm for linguocognitive analysis of the narrator's mnemonic experience in memoir texts. The method relies on the examination of mental vocabulary, which serves as a linguistic representation of cognitive processes in natural language. Using Prince Harry's memoirs "Spare" as a case study, we demonstrate the possibilities of linguocognitive analysis of the narrator's mnemonic experience in correlation with the structural organization of the memoir text.

Key words: mnemonic process, memory, narrative, narrator, memoirs, linguocognitive analysis

T.P. Tuguz (Belgorod, Russia)
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
tuguz@bsu.edu.ru

СПЕЙСЕМЫ КАК ТИП ПРОКСЕМНЫХ ЕДИНИЦ ФОНОВОГО ТЕРМИНАЛА ТЕКСТОВЫХ КОГНИТИВНЫХ СЦЕН (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Г. ДЖЕЙМСА «КРЫЛЬЯ ГОЛУБКИ» И Г. ЗУДЕРМАНА «ФРАУ ЗОРГЕ»)

Статья посвящена исследованию концепта «художественное пространство», которое является одним из главных составляющих художественного текста. Исследуются спейсемы – одна из распространенных разновидностей проксем в художественном тексте. Спейсемы как часть фонового терминала когнитивных сцен выявлены на основе разноязычных произведений – «Фрау Зорге» Г. Зудерманна и «Крылья голубки» Г. Джеймса.

Ключевые слова: художественный текст, концепт, когнитивная сцена, информационный терминал, фоновый терминал, спейсема

Исследование текста является одним из актуальных вопросов современной лингвистики. В настоящий момент существует несколько определений термина «текст». Например, Ю.М. Лотман характеризует текст как «сложное устройство, хранящее многообразные коды» [Лотман 2010: 121]. Он отмечает, что текст допускает множество интерпретаций в процессе функционирования. И.Р. Гальперин считает, что текст – это «сообщение, объективированное в виде письменного документа» [Гальперин 2020: 18-19]. По его мнению, текст относится к системе речи, а не языка, и является результатом речетворческого процесса.

Лингвисты отмечают, что художественный текст состоит из ряда концептов, присущих определенному автору. С.А. Аскольдов определяет концепт как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов 1997: 269]. Е.С. Кубрякова рассматривает концепт как «многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире». [Кубрякова 1996: 90-93].

Концепт «пространство» является одной из важнейших составляющих художественного текста. Являясь одной из основных категорий понимания мира, пространство формирует структуру художественного произведения и позволяет читателю погрузиться в происходящие события.

Проведенные ранее исследования показали, что этот концепт часто репрезентируется в рамках когнитивной сцены. Этим термином обозначается «комплексный исследовательский конструкт, который описывает взаимодействие двух и более коммуникантов» [Тугуз 2021: 107].

Существуют два типа когнитивных сцен – трехтерминальная и четырехтерминальная. Четырехтерминальная сцена состоит из адресата, адресанта, информационного терминала и фонового терминала. В трехтерминальной сцене отсутствует фоновый терминал [Огнева, Кузьминых 2014: 6].

Проведенные ранее исследования показали, что одним из самых распространенных репрезентантов невербальной коммуникации являются проксемы, которые довольно часто встречаются в фоновом терминале когнитивных сцен. Проксемы делятся на следующие группы: 1) «существительные и словосочетания, семантика которых маркирует художественное пространство»; 2) «глаголы движения»; 3) «топонимы»; 4) «пейзажные единицы» [Огнева 2021: 56].

Первая группа проксем обозначена в работе авторским термином «спейснema». В свою очередь, существует два типа спейснema: существительные и конструкции, обозначающие местонахождение человека, а также существительные и конструкции, обозначающие месторасположение предмета.

Материалом исследования послужили разноязычные произведения Г. Джеймса «Крылья голубки» и Г. Зудермана «Фрау Зорге». В ходе исследования был применен метод когнитивно-герменевтического анализа. Как показали ранее проведенные исследования, в обоих произведениях спейснema являются вторым по частотности типом проксем. Самым распространенным типом проксем являются глаголы движения, на третьем месте – пейзажные единицы, на четвертом – топонимы [Тугуз 2021: 107].

В примерах приняты следующие условные обозначения: ИИ – информационный импульс, римские цифры обозначают очередность информационных импульсов.

Пример 1. Спейснема, обозначающая местонахождение человека в художественном пространстве произведения.

(ИИ I) «*Oh, you weak thing!*» her father kindly sighed.

(ИИ II) «*For you and me together*», she went on, «*the other hundred would do something*».

(ИИ III) «*And what would do the rest?*».

(ИИ IV) «*Can you yourself do nothing?*».

(фондовый терминал) «*He gave her a look; then, slipping his hands into his pockets and turning away, stood for a little at the window (спейснема) she had left open*» [James 2017: 4].

В номинативном поле этой когнитивной сцены два коммуниканта – Кейт и Лайонел. Они образуют два терминала «адресант ↔ адресат».

Информационный терминал состоит из четырех коммуникативных импульсов. В структуре фонового терминала, который следует за четвертым коммуникативным импульсом, выявлена проксема «*wayside inns*». Данная проксема указывает на месторасположение героя в художественном пространстве романа.

Пример 2. Спейснема, обозначающая месторасположение предмета в художественном пространстве произведения.

(фондовый терминал) «*It had been agreed between them that lighted candles at wayside inns (спейснема), in strange countries, amid mountain scenery, gave the evening meal a peculiar poetry <...> It was now as if, before this repast, Milly had designed to «lie down»; but at the end of three minutes more she was not lying down, she was saying instead: <...>*».

(ИИ I) «*What was it that, in New York, on the ninth, when you saw him alone, Dr. Finch said to you?*». <...>

(ИИ II) «*No—you never told me*», said Milly. «*And I don't mean*», she went on, «*during the twenty-four hours while I was bad, when your putting your heads together was natural enough. I mean after I was better – the last thing before you went home*» [James 2017: 42].

В номинативном поле данной когнитивной сцены два коммуниканта – Милли и миссис Стрингем. Они образуют два терминала «адресант ↔ адресат».

Информационный терминал состоит из двух коммуникативных импульсов. В структуре фонового терминала, который предшествует первому коммуникативному импульсу, выявлена проксема «*wayside inns*». Эта проксема указывает на месторасположение предмета в художественном пространстве романа.

Пример 3. Спейснема, обозначающая местонахождение человека в художественном пространстве произведения.

(фондовый терминал) «*Als er am andern Nachmittag aus der Schule heimkehrte, sah er die Mutter in Hut und Mantille, ihrem Sonntagsstaat, in der Laube (спейснема) sitzen. Ihre Wangen waren noch bleicher als sonst, die Hände, die in dem Schoße lagen, zitterten. Sie schien auf ihn gewartet zu haben, denn als sie ihn nahen*»

sah, atmete sie erleichtert auf».

(ИИ I) «Willst du fortgehen, Mama?» fragte er verwundert.

(ИИ II) «Ja, mein Junge», erwiderte sie, «und du sollst mit mir kommen» [Sudermann 1911: 19].

В номинативном поле данной когнитивной сцены два коммуниканта – Пауль и его мама. Они образуют два терминала «адресант ↔ адресат».

Информационный терминал состоит из двух коммуникативных импульсов. В структуре фонового терминала, который предшествует первому коммуникативному импульсу, выявлена проксема «die Laube». Эта проксема указывает на местонахождение героя в художественном пространстве романа.

Пример 4. Спейсгема, обозначающая месторасположение предмета в художественном пространстве произведения.

(ИИ I) «Ach, pfui doch!» erwiderte er unwillig, «du machst mich zum Narren».

(ИИ II) «Warum soll ich dich zum Narren machen?» fragte sie, «du hast mir ja nichts zuleide getan». <...>

(ИИ III) «Ach, das ist zu dumm», sagte er und wandte sich ab.

(фондовый терминал) «Die Sonnenuhr im Garten (спейсгема) des «weißen Hauses» war die erste große Enttäuschung seines Lebens» [Sudermann 1911: 23].

В номинативном поле данной когнитивной сцены два коммуниканта – Пауль и Эльсбет. Они образуют два терминала «адресант ↔ адресат».

Информационный терминал состоит из трех коммуникативных импульсов. В структуре фонового терминала, который следует за третьим коммуникативным импульсом, выявлена проксема «der Garten». Эта проксема указывает на месторасположение предмета в художественном пространстве романа.

Таким образом, исследование показало, что в обоих романах преобладают спейсгема, обозначающие местонахождение человека. Спейсгема, обозначающие месторасположение предмета, являются менее частотными проксемами.

Предложенный алгоритм исследования проксем в фоновом терминале когнитивных сцен позволяет выявить особенности данного сегмента.

Литература

Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997.

Лотман Ю.М. Чему учатся люди (статьи и заметки). М.: Рудомино, 2010.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: URSS, 2020.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996.

Огнева Е.А. Типология текстовых проксем в свете романо-германского перевода // Гуманитарные исследования. 2021. № 2 (78). С. 54-58.

Огнева Е.А., Кузьминых Ю.А. Архитектоника текстовой когнитивной сцены: проблемы моделирования и интерпретации. М.: Эдитус, 2014.

Тугуз Т.Р. Особенности репрезентации проксем в фоновом терминале когнитивных сцен (на материале произведения Генри Джеймса «Крылья голубки») // Филологический аспект. 2021. № 11 (79). С. 105-112.

James H. The Wings of the Dove. М.: T8 RUGRAM, 2017.

Sudermann H. Frau Sorge. Boston; New York: D.C. Heath & Company, 1911.

*Tamara R. Tuguz (Belgorod, Russia)
Belgorod State National Research University*

SPACENAMES AS A TYPE OF PROXEME UNITS IN THE BACKGROUND TERMINAL OF THE COGNITIVE SCENE IN “THE WINGS OF DOVE” BY H. JAMES AND “FRAU SORGE” BY H. SUDERMANN

This article is devoted to the study of the concept of “literary space”, which is one of the main components of a literary text. The spacenames, one of the most common types of proxemes in a literary text, are under study. Spacenames as a part of the background terminal of cognitive scenes are discovered on the basis of multilingual works – “Frau Sorge” by H. Sudermann and “The Wings of Dove” by H. James.

Key words: literary text, concept, cognitive scene, information terminal, background text, spacename

*Н.А. Чекмаева (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
chekmaevana@mgpu.ru*

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С «ДРУГИМ» И ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА В АКАДЕМИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ

В работе рассматриваются особенности выстраивания эффективной коммуникации в академическом дискурсе на примере когнитивно-дискурсивного анализа взаимодействия говорящего с Другим в процессе воздействия на адресата. Делается вывод о динамичности академической коммуникации, возникающей вследствие переключения говорящего между названными участниками дискурса.

Ключевые слова: коммуникация, публичная лекция, диалог, эксплицитный, имплицитный

Исследование речевой деятельности в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы предполагает анализ социально релевантных стратегий, применяемых участниками общения в заданной коммуникативной ситуации с целью выявления механизма выстраивания эффективной коммуникации. Как отмечает Н.Н. Болдырев, успешность взаимодействия участников коммуникации определяется рядом факторов, среди которых: 1) стремление к продуктивному общению; 2) желание обменяться информацией; 3) намерение выслушать собеседника; 4) готовность к обсуждению другой точки зрения [Болдырев 2023: 6]. Успешная коммуникация не является случайным явлением, она представляет собой результат следования тщательно продуманной стратегии (см., например, в [Карданова-Бирюкова 2018; Абдульмянова 2022]).

Под дискурсивной стратегией, вслед за Л.В. Цуриковой, мы понимаем «потенциально возможные интерактивные способы осуществления коммуникативно значимых действий в дискурсе и способы их выражения» [Цурикова 2007: 4]. Выбор языковых средств, реализующих дискурсивную стратегию, обусловлен экстралингвистическими обстоятельствами ситуации общения (см., например, в [Викулова, Кулешова, Вяткина 2014]).

В академическом дискурсе в жанре публичной лекции лектор стремится заинтересовать адресата в теме обсуждения, расширить его представления о мире

[Gotti 2014], следовательно, в речи говорящего будут преобладать языковые средства, направленные на установление доброжелательных отношений и способствующие изложению информации в доступной форме. При этом воздействие на аудиторию осуществляется путем обращения говорящего к Другому, под которым в работе понимается участник коммуникации, присутствующий в дискурсе, но не обязательно участвующий в нем. Взаимодействие с Другим может происходить по следующим моделям: 1) *я – они*, т. е. вносится информация об обращении говорящего к представителям научного сообщества; 2) $я^1 – я^2$, где говорящий вступает в квазидialog с самим собой. Как отмечается в работе О.А. Сулеймановой, вовлечение говорящим фигуры Другого делает академический дискурс принципиально диалогическим пространством [Сулейманова 2018].

Рассмотрим дискурсивные стратегии взаимодействия с Другим и воздействия на адресата в академическом дискурсе на примере анализа фрагментов из лекции Н.Н. Болдырева [2018], посвященной языку и структуре сознания.

Мы поднимаем сегодня с вами очень важную тему о том, какую роль играет язык для нашего сознания. Иногда очень часто говорят, и в том числе специалисты по языку, что какое право мы вообще имеем говорить о сознании, какое право мы вообще имеем делать какие-то выводы, какое право мы вообще имеем, грубо говоря, лезть в сознание? Хотелось бы еще раз вернуться к тому, что единственный надежный доступ к нашему сознанию обеспечивает только язык.

В этом примере лектор использует стратегию кооперации, направленную на включение адресата в единое коммуникативное пространство, что проявляется через прямое обращение к аудитории *мы поднимем сегодня с вами очень важную тему*. Далее фокус говорящего смещается на фигуру имплицитного Другого, реконструируемого в качестве «субъекта» неопределенно-личной конструкции *часто говорят, что*. Неопределенно-личная конструкция, согласно исследованию О.А. Сулеймановой, имплицитно подразумевает тип множества участников некоего события, при этом может обозначать как невключенность, так и включенность говорящего в это множество или немаркированность по этому признаку [Сулейманова 2000: 291]; ср.: *у нас часто говорят* и *в лингвистике говорят*. В первом случае говорящий включен в событие, во втором случае может вноситься информация как о готовности говорящего войти в круг Других и разделить их мнение, так и о его нежелании это сделать (*кто-то так говорит, но не я*). Причины «сокрытия» субъекта действия могут быть различными. Так, например, говорящий может намеренно скрывать от адресата свое знание о субъекте действия: *меня предупредили*; обобщенно говорящий может быть известен, кто является субъектом действия: *а к тебе опять пришли*; говорящий считает ненужным конкретизировать субъект действия, представляя его в обобщенном плане: *самая несчастная судьба быть начальником планового отдела. Без конца тебя проглотят, без конца ругают...*; говорящий передает позицию официального учреждения: *просят не шуметь* [Шелякин 1991: 71]. Позиция говорящего, как правило, извлекается из контекста. В приведенном фрагменте из лекции Н.Н. Болдырев подчеркивает, что единственным надежным инструментом, позволяющим

исследовать сознание, является язык, следовательно, ученый не разделяет позицию Других, считающих иначе: *Какое право мы имеем говорить о сознании? Какое право мы имеем лезть в сознание?*, при этом собственную точку зрения лектор вводит, избегая категоричности, с помощью маркера *хотелось бы*. Данная единица дискурсивна, так как выходит за рамки грамматического значения согласительного наклонения, передающего информацию о возможности в неопределенном времени [Русская грамматика 1980], и, скорее всего, позволяет говорящему в тактичной форме выразить собственную позицию: *хотелось бы еще раз вернуться (= подчеркиваю), что единственный надежный доступ к нашему сознанию обеспечивает только язык*.

В следующем фрагменте лектор приводит слова Другого в форме косвенной речи. Согласно интерпретации, предложенной в [Русская грамматика 1980: 485], в случае с косвенной речью авторский план (голос говорящего) отделен от плана чужой речи (голоса Другого), при этом говорящий не просто пересказывает чужую речь, но подчиняет ее собственным интенциям: *И, наконец, третья отсылка, это В.З. Демьянков, я надеюсь, фамилия вам знакома, один из наших отечественных лингвистов, который активно занимается когнитивной лингвистикой. Он еще в 92 году писал, что лингвистика представляет собой не только знание чисто языковых законов и правил, это знание и восприятие, представление о том, как работает наше сознание <...> Вот, исходя из этого, мы с вами и будем сегодня говорить о языке и структуре сознания*.

В данном случае можно сделать вывод об обращении лектора к фигуре эксплицитного Другого с целью усиления аргументации позиции в пользу наличия тесной взаимосвязи языка и сознания.

Рассмотрим следующий пример, в котором прослеживается взаимодействие говорящего с Другим по модели $я^1 - я^2$, маркируемое лексической единицей *наверное*: *Самое главное, что существует мнение, что наш мозг нагружен всего на 10%. Почему-то некоторые воспринимают эту фразу, что надо грузить его больше – на 20, 30, 40, 50, используя все возможности. Нет, задумайтесь, остальные 90%, **наверное**, работают на эти 10, обеспечивают его функционирование*.

Взаимодействие с Другим по модели $я^1 - я^2$ свидетельствует о размышлении лектора, занимающего позицию имплицитного собеседника (идентичного с ним интеллектуально, но отличного личностно). Подобный контроль собственных действий, принимающих форму автокоммуникации, способствует объективизированию субъективных впечатлений [Успенский 2012: 10-11]. Иными словами, говорящий вступает в квазидialog как бы с самим собой, вовлекая при этом адресата и побуждая его к осуществлению когнитивного действия, направленного на совместное размышление относительно истинности того или иного умозаключения.

Таким образом, применение дискурсивных стратегий в публичном академическом общении предполагает обращение говорящего к Другому при формировании научной картины мира адресата. Основную трудность в изучении фактора Другого образуют формы его присутствия в дискурсе – эксплицитная и имплицитная (в большей степени), а также систематизация языковых средств, при по-

мощи которых Другой может быть реконструирован, что и обуславливает необходимость дальнейшего исследования. Более того, переключение говорящего между Другим и адресатом в академической коммуникации создает динамику особого типа, в основе которой – смена речевого субъекта высказывания.

Литература

Абдульмянова Д.Р. Языковая способность как фактор коммуникативного поведения в интернет-пространстве: экспериментальное исследование // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 2. С. 166-176.

Болдырев Н.Н. Открытая лекция «Язык и структура сознания». 2018. URL: https://youtu.be/K-_mh2n928w.

Болдырев Н.Н. Принцип бесконфликтности языковой коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 3. С. 5-15.

Викүлова Л.Г., Кулешиова А.В., Вяткина А.А. Формирование коммуникативного пространства для детей и подростков: иллюстративный журнал (на материале французской прессы) // Актуальные процессы в социальной и массовой коммуникации. Ярославль: Ярославский гос. педагогический ун-т, 2014. С. 231-249.

Карданова-Бирюкова К.С. Особенности коммуникативного поведения носителей русского языка в межличностном общении (экспериментальное исследование) // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: языкознание. 2018. Т. 17. № 1. С. 85-97.

Русская грамматика: в 2 т. Т. II. М.: Наука, 1980.

Сулейманова О.А. Академический дискурс как непрерывный диалог с Другим // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия. М.: Ленанд, 2018. С. 180-199.

Сулейманова О.А. Релевантные типы безличных синтаксических структур и их семантические корреляты: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000.

Успенский Б.А. Ego Loquens. Язык и коммуникационное пространство. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2012.

Цурикова Л.В. Дискурсивные стратегии как объект когнитивно-прагматического анализа коммуникативной деятельности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (13). С. 98-108.

Шелякин М.А. О семантике неопределенно-личных предложений // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 62-71.

Gotti M. Reformulation and recontextualization in popularization discourse // Iberica. 2014. No. 27. Pp. 15-34.

Natalia A. Chekmaeva (Moscow, Russia)
Moscow City University

DISCOURSE STRATEGIES OF INTERACTING WITH “OTHER” TO INFLUENCE ADDRESSEE IN ACADEMIC TALK

The paper focuses on principles of effective communication in academic talk through cognitive discourse analysis into the speaker’s interaction with Other whom he can rely on to reveal his stance to the addressee. Thus, academic discourse is seen as a dialogic domain where the speaker switches from one participant to another.

Key words: communication, public talk, dialogue, explicit, implicit

МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ И ДИСКУРС ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена исследованию понятия мультимодальности и его места в дискурсе дистанционного образования, представляющего собой речевой акт между педагогом и учеником, разворачивающийся в виртуальном пространстве и состоящий из множества различных модусов передачи смысла и содержания обучения.

Ключевые слова: мультимодальность, дискурс, дискурс дистанционного образования, поликодовые тексты, коммуникация

Поворот отечественной лингвистической науки в сторону исследования явления мультимодальности стал, на наш взгляд, особенно заметен в 2023 г. Практически каждая всероссийская или международная научная конференция, посвященная исследованию дискурса, не обходится без упоминания мультимодальности как важного элемента коммуникации, опирающегося на понимание модальности как «типа внешнего стимула, воспринимаемого одним из чувств человека, в первую очередь зрением и слухом» [Кибрик 2010: 135]. Анализ дискурса с точки зрения мультимодального подхода – это набирающая популярность парадигма исследования, которая расширяет изучение языка как такового до изучения языка в сочетании с изображениями, жестами, музыкой, которые так же, как и язык несут в себе важный источник информации о мире и человеке [O’Halloran 2011].

Развитие человеко-машинного взаимодействия или, иными словами, виртуального или Интернет-дискурса по пути большего сближения с естественной межличностной коммуникацией привело к созданию мультимодальных компьютерных систем, позволяющих пользователям распределять контент между разными модальностями, сделав его восприятие более удобным, более адаптивным, более надежным [Cohen, Oviatt 2006]. Ни для кого не секрет, что максимальное разнообразие одновременно используемых модальностей характерно для современного Интернет-пространства, сочетающего множество взаимодействующих средств – графических (статических и движущихся) и звуковых. При этом мультимодальность означает не просто задействование различных средств передачи информации и наличие нескольких каналов связи, но их непрерывное взаимодействие и взаимопроникновение. «Мультимодальный подход предполагает, что сообщение распространяется через все коммуникативные модусы, где каждый модус является лишь частичным носителем глобального значения сообщения» [Kress 2002: 6]. Таким образом, «изучение текста, включающего изображения и звуки, бросает вызов обычному дискурсивному анализу, так как сосредоточиваться лишь на языке и игнорировать остальные модусы означает упускать многое из потенциальных смыслов современного виртуального и интерактивного поликодового текста» [McKay 2006: 599].

Под дискурсом дистанционного образования, который является отправной точкой нашего исследования, мы понимаем «особую форму коммуникации

между обучающими и учащимися, организованную посредством информационных технологий, и ввиду удаленности участников дискурса друг от друга, осуществляемую при непосредственной методологической и программной поддержке образовательного учреждения, в котором работает учитель и обучается ученик» [Катермина, Чернова 2022: 41]. Место, которое занимает мультимодальность в дискурсе дистанционного образования, весьма значительно, так как, во-первых, данный тип дискурса протекает в виртуальной среде, что предполагает использование разнообразных аудио-визуальных способов передачи информации; поэтому данный вид коммуникации мультимодален всегда, а во-вторых, тексты в широком понимании, которые создаются в обучающих целях должны максимально задействовать все сенсорные каналы восприятия и обработки информации, чтобы обучение было наиболее эффективным. В исследовании мы затронем один из модулей передачи сообщения, воздействующий на зрительный канал восприятия информации, и постараемся проанализировать, какое место информация, представленная в визуальной форме, занимает в дискурсе дистанционного образования, какую играет роль и какие выполняет функции.

Никто не станет отрицать тот факт, что информация, в которой текст сопровождается графикой (как в виде статичных, так и в виде динамичных изображений), воспринимается и обрабатывается мозгом быстрее и легче, чем сплошное полотно из букв и пунктуационных знаков. Особенно актуальным данное утверждение стало в последнее время, в эру различного рода «граммов», когда объем изображения в публикуемых сообщениях значительно превышает объем написанного текста. Человека сейчас больше заботит визуальная составляющая сообщения, как она представлена, как работают цвета и композиция, насколько информативно само изображение, а не текст, сопровождающий его. Образование, являющееся своего рода лакмусовой бумажкой социума, не может обойти современную тенденцию стороной и становится более внимательным к визуальной форме представления обучающего материала.

Раньше отсутствие картинок в книге считалось маркером серьезности литературы, сейчас же существует высокая вероятность того, что учащийся даже не откроет книгу, в которой не будет изображений, а говоря об электронном виде представления материала, который во много раз затрудняет восприятие, надеяться на то, что кто-то будет долго и вдумчиво читать текст с экрана, даже не приходится. Однако в связи с этим следует оговориться, обратив внимание на то, что изображения тоже бывают разными, и здесь мы не имеем в виду то, что конкретно представлено на рисунке, а то какую функцию он реализует. Таких функций выделяют несколько: художественную или эстетическую, репрезентативную, организующую, реляционную, преобразующую и интерпретативную, где визуальные эффекты добавляются к тексту «для красоты»; иллюстрируют то, как выглядит какой-либо объект, о котором идет речь в тексте; показывают качественные взаимосвязи между контентом (ментальные карты, диаграммы), количественные соотношения между элементами контента (гистограммы и круговые диаграммы), то, как изменяется объект в пространстве и времени (видео-ролики);

визуальные эффекты, которые делают неосязаемые явления видимыми и конкретными [Clark, Mayer 2016]. Приведем несколько примеров изображений, использованных при проведении дистанционных занятий по курсам практики языка и теории языка на факультете иностранных языков (Рис. 1, 2).

Рис. 1. Пример художественной функции изображения (Unsplash)

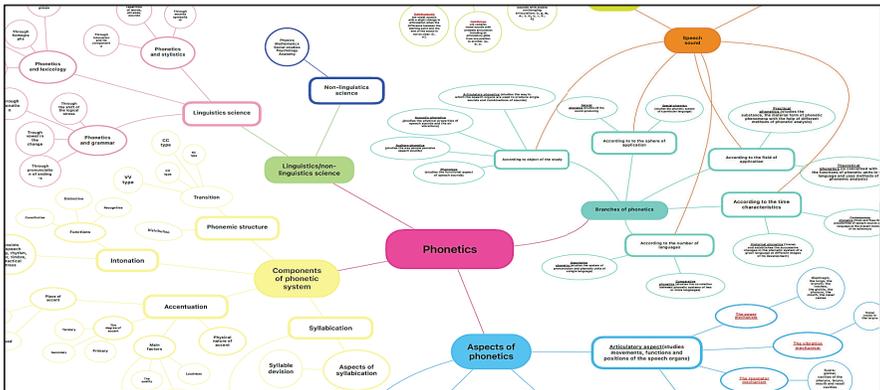

Рис. 2. Пример организующей функции изображения

Рис. 1 был выбран педагогом в качестве иллюстрации к уроку по теме Stages in life. Учащимся предлагалось рассказать, кто изображен на фотографии, какой этап жизни изображение иллюстрирует, и как бы каждый из учащихся дополнил изображение, описав внешность запечатленного на снимке человека, его эмоции, тем самым активизировав ранее изученный вокабуляр по темам Appearance и Emotions. Тем самым, как видим, изображение помимо выполнения эстетической функции запускает речь, снимая барьер между ранее изученным и новым материалом при полном отсутствии текста, сопровождающего иллюстрацию.

На Рис. 2 изображена ментальная карта, выполненная с помощью программы Xmind AI одним из студентов по дисциплине «Теория языка», которая преподавалась в дистанционном формате во время пандемии коронавируса, показывающая

взаимосвязь между всеми элементами курса при минимальном наполнении карты текстом. Во время проведения зачетных мероприятий студенту разрешалось использовать, подготовленную им карту при ответе на вопросы экзаменатора, преобразовав информацию из схемы в полноценные предложения.

Мы видим, что визуальной информации отводится значительное место в дискурсе дистанционного образования. Остается вопрос о роли текстовой информации, представленной как в печатном, так и в устном формах. Свою функцию текст не теряет, но он также становится модальным. Слова облачаются в привлекательную графическую форму, выдержанную в едином стиле, залитую цветом, инструкции к заданиям озвучиваются, либо появляются на экране синхронно с видеоизображением.

Делая вывод о том, как мультимодальность связана с дискурсом дистанционного образования, мы можем утверждать, что данный тип дискурса не может существовать без возможности передачи информации через подключение различных модусов, синхронная работа которых способна воздействовать одновременно на разные каналы восприятия сообщения (органы чувств) для достижения наибольшей эффективности обучения, значительно осложненного наличием «препятствия» между учеником и педагогом.

Литература

Катермина В.В. Чернова И.В. Языковая личность современного родителя в контексте изучения дискурса дистанционного образования // Вестник Чувашского гос. педагогического ун-та им. И.Я. Яковлева. 2022. № 2 (115). С. 38-48.

Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика. Когнитивные исследования. Т. 4. М.: Ин-т психологии РАН, 2010. С. 135-152.

Clark R.C., Mayer R. E. E-Learning and the Science of Instruction: Proven Guidelines for Consumers and Designers of Multimedia learning. L.: John Wiley & Sons. 2016.

Cohen P.R., Oviatt S.L. Multimodal interaction with computers // Encyclopedia of language and linguistics / ed. by K. Brown. Oxford: Elsevier, 2006. Pp. 376-386.

Kress G. The multimodal landscape of communication // Medien Journal. 2002. V. 4. Pp. 4-19.

McKay S. Media and language: Overview // Encyclopedia of language and linguistics. Oxford: Elsevier, 2006. V. 8. Pp. 597-602.

O'Halloran K.L. Multimodal Discourse Analysis // Hyland K., Paltridge B. (eds). Companion to Discourse. London and New York: Continuum, 2011.

Unsplash – Интернет-источник визуальных эффектов. URL: unsplash.com.

Irina V. Chernova (Krasnodar, Russia)
Kuban State University

MULTIMODALITY AND THE DISTANCE LEARNING DISCOURSE

The paper is devoted to the study of the concept of multimodality and its place in the discourse of distance learning, which is defined as a speech act between a teacher and a student, unfolding in virtual space and consisting of many different modes of conveying the meaning and content of learning.

Key words: multimodality, discourse, distance learning discourse, polycode texts, communication

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ В КОНСТРУИРОВАНИИ ПЕРСОНАЖА В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В работе с применением когнитивно-ономасиологического подхода исследуются новации в конструировании исторических персонажей, определяемые дискурсивными модификациями. На материале научного, публицистического и художественного вариантов исторического дискурса устанавливаются изменения в составе ономасиологических компонентов при конструировании персонажей.

Ключевые слова: когнитивно-ономасиологический анализ, корпусный анализ, исторический персонаж, исторический дискурс, междискурсивное взаимодействие

В настоящей работе с опорой на теории когнитивно-ономасиологического подхода к изучению номинации разрабатывается процедура анализа ономасиологической категории РЕФЕРЕНТ на примере конструирования исторических персонажей (личностей) в историческом дискурсе с учетом его междискурсивного взаимодействия с другими видами дискурса (научный, публицистический, художественный). В ходе анализа исследуется состав ономасиологических компонентов категории и определяются ономасиологические новации, обусловленные дискурсивными модификациями. Материалом анализа являются русскоязычные и англоязычные контексты в энциклопедиях и энциклопедических словарях (научный дискурс), а также в корпусах НКРЯ и СОСА публицистических и художественных текстов, в которых используются прямые номинации исторических персонажей – политических деятелей XX века – И. Сталина, М. Горбачева, W. Churchill, M. Thatcher, J.F. Kennedy, D. Eisenhower. Критериями отбора персонажей послужили: 1) высокий рейтинг среди исторических персонажей [Булгакова 2011], 2) репрезентативность в трех вариантах исторического дискурса.

Основным методом анализа является когнитивно-ономасиологический анализ [Blank 1999; Cuyckens et al. 2003; Беляевская 2008; Киосе 2022], опирающийся на синтаксическую семантику контекстов (клауз) с включенной номинацией референта (см. ономасиологическую концепцию речевой деятельности Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1999]). Анализ включает два этапа: 1) установление семантических компонентов и ролей в клаузах, содержащих номинации персонажей (используется состав семантических ролей ФреймБанк [Ляшевская, Кашкин 2015]), 2) установление ономасиологических компонентов и когнитивных ролей при конструировании референта (используется состав когнитивных ролей в теории Дж. Пустейовского [Pustejovsky 1991]). Особенности в проявлении ономасиологических компонентов и когнитивных ролей, обусловленных модификациями дискурса (появлением его вариантов), рассматриваются в качестве ономасиологических новаций, являющихся предметом анализа данной работы.

В ходе первого этапа был проведен анализ семантических компонентов и ролей в клаузах, содержащих номинации персонажей, из 23-х (в совокупности) словарей и энциклопедий (БРЭ, БСЭ, БЭС, РЭ, ЛС РОССИЯ, Кругосвет, БАПЭ,

СП, КИС, Britannica, Oxford Learner's Dictionary, New world encyclopedia, Dictionary of World History, Collins English Dictionary, World Encyclopedia, Longman Dictionary of Contemporary English, Webster's New World College Dictionary, The Free Dictionary, UXL Encyclopedia of World Biography, Dictionary.com, Vocabulary.com, Europe Since 1914: Encyclopedia of the Age of War and Reconstruction) и 240 примеров из публицистических и художественных текстов НКРЯ и СОСА. Анализу подверглись все значимые части речи, входящие в состав клауз, описывающих исторических персонажей; при выборке материала мы ограничились первым предложением словарной статьи и первыми 20 примерами корпуса (у одного автора учитывался только один пример). При анализе публицистических текстов из корпусов применялись фильтры «общественно-деловая сфера», «публицистика» в НКРЯ и ACAD, NEWS в СОСА. В итоге установлены 27 семантических ролей, среди которых одинаково часто проявляют себя при описании каждого из шести персонажей следующие:

Тема – пассивный участник ситуации, который не меняется в ходе ее развития: (1) *Горбачев Михаил Сергеевич – президент СССР в 1990-1991 гг., Генеральный секретарь ЦК КПСС в 1985-1991 гг.* (КИС).

Признак – тот аспект объекта / участника, который отличает его от других, а также сам объект или участник: (2) *Dwight D. Eisenhower (born October 14, 1890, Denison, Texas, U.S. – died March 28, 1969, Washington, D.C.) 34th president of the United States (1953–61), who had been supreme commander of the Allied forces in western Europe during World War II* (Britannica).

Момент – точка во времени, в котором локализуется ситуация: (3) *Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (псевд. – Коба и др.) (1878-1953) – политический деятель, Герой Социалистического Труда (1939), Герой Советского Союза (1945), Маршал Советского Союза (1943), Генералиссимус Советского Союза (1945)* (БЭС).

Срок – отрезок времени, в котором локализуется ситуация: (4) *Churchill Sir Winston (1874–1965) a British politician in the Conservative Party who was prime minister during most of World War II and again from 1951 to 1955* (Longman Dictionary of Contemporary English).

Место – участок пространства, где локализуется ситуация: (5) *John F. Kennedy (born May 29, 1917, Brookline, Massachusetts, U.S. – died November 22, 1963, Dallas, Texas) 35th president of the United States (1961–63), who faced a number of foreign crises, especially in Cuba and Berlin, but managed to secure such achievements as the Nuclear Test-Ban Treaty and the Alliance for Progress* (Britannica).

Агент – активный участник ситуации, целенаправленно изменяющий что-либо во внешнем мире (при глаголах физического воздействия, состояния): (6) *Руководил стачкой доведенных до отчаяния нефтяников молодой, талантливый и решительный революционер Джугашвили-Сталин* (НКРЯ).

Говорящий – участник ситуации, произносящий что-либо (при глаголах речи): (7) *Winston Churchill is supposed to have said: «With integrity, nothing else counts. Without integrity, nothing else counts»* (СОСА).

На втором этапе анализа с опорой на выделенные ранее семантические роли

были установлены ономаσιологические компоненты, входящие в состав четырех когнитивных ролей [Pustejovsky 1991]: конститутивной (характеризующей внутреннюю структуру референта), формальной (внешняя структура референта), телической (актуализирующей целевую установку референта) и агентивной (происхождение референта). Приведем некоторые примеры. Пример (8) иллюстрирует ономаσιологические компоненты, представляющие конститутивную роль: *Активный участник ситуации, целенаправленно изменяющий что-либо во внешнем мире (President Kennedy); Пассивный участник ситуации, который никак не меняется в ходе ее развития (statesmanship, failure, nerve); Отрезок времени, в котором локализуется ситуация (October 1962)*, а также и формальную роль: *Тот аспект объекта или участника, который отличает его от других (Cuban missile [crisis], another [failure]): (8) Later, when **President Kennedy ended the Cuban missile crisis in October 1962 without invading Cuba, these men saw not statesmanship but another failure of nerve** (COCA).*

В примере (9) представлены компоненты агентивной роли: *Основной участник ситуации, который претерпевает определенное воздействие самостоятельно или при помощи другого участника (allies, Israel); Другой участник ситуации, который оказывает определенное воздействие на основного участника (administration), а также компонент, который представляет телическую роль: Воздействие, которое оказывается на основного участника ситуации (to back down, to withdraw): (9) Reluctant to be identified with either Zionism or imperialism **the administration of U.S. President Dwight Eisenhower hastily stepped in to force its European allies to back down and Israel to withdraw, quickly and nearly unconditionally** (COCA).*

Для установления ономаσιологических новаций, проявляющихся в вариативности в распределении ономаσιологических компонентов и когнитивных ролей в трех вариантах исторического дискурса, был проведен статистический анализ по трем выборкам (научный, публицистический, художественный варианты исторического дискурса). В связи с тем, что выборка оказалась непараметрическая (коэффициент Шапиро Уилка $< .001$), установление значимости различий в распределении компонентов проводилось при помощи теста ANOVA non-parametric (Фридмана), в результате которого было выявлено наличие значимых различий у компонентов, представляющих конститутивную роль, где χ^2 составляет 10.3 при $p = 0.006$. Основные различия были отмечены у компонентов *Активный участник ситуации, целенаправленно изменяющий что-либо во внешнем мире; Активный участник ситуации, произносящий что-либо; Участок пространства, где локализуется ситуация*, которые показали значительный рост в научном vs ненаучном (публицистическом и художественном) дискурсе. Это указывает на то, что в художественном варианте исторического дискурса референт-исторический персонаж чаще представляется как агентивный, также используется прямая речь референта – сделанные наблюдения демонстрируют ономаσιологические новации в конструировании референта в ненаучном дискурсе. Вместе с тем наблюдается снижение частотности компонента *Отрезок времени, в котором локализуется ситуация*, который имеет высокие показатели в научном

дискурсе (которому более свойственны точные временные рамки описания события с участием референта), но неактивно проявляет себя в публицистическом и художественном вариантах дискурса – в последних может наблюдаться искажение пространственно-временных координат события с участием референта в художественных целях.

Таким образом, проведенный анализ позволил установить ряд ономаσιологических новаций в отношении конструирования исторических персонажей, которые проявляются при междискурсивном взаимодействии исторического дискурса, с одной стороны, и научного, публицистического и художественного дискурсов, с другой. Установлено, что новации проявляются в изменении частотности (активности) ряда ономаσιологических компонентов каждой из когнитивных ролей; значимые различия проявляются в изменении частотности (активности) компонентов, входящих в конститутивную роль.

Литература

- Беляевская Е.Г.* Компонентный анализ vs концептуальный анализ // Вестник МГЛУ. 2008. № 554. С. 140-146.
- Булгакова И.В.* Знаменитые люди XX века. Ростов-на-Дону: Владис, 2011.
- Киосе М.И.* Лингвокреативность имени собственного в дискурсе: когнитивно-семиотические основания // Когнитивные исследования языка. 2022. № 51. С. 486-496.
- Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986.
- Ляшевская О.Н., Кашкин Е.В.* Типы информации о лексических конструкциях в системе ФреймБанк // Труды Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова. 2015. № 6. С. 464-556.
- Blank A.* Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical semantic change // *Historical Semantics and Cognition* / ed. by A. Blank, P. Koch. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999. Pp. 61-90.
- Suyckens H., Dirven R., Taylor J.R.* Cognitive Approaches to Lexical Semantics. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.
- Pustejovsky J.* The Generative Lexicon // *Computational Linguistics*. 1991. Vol. 17 (4). Pp. 409-421.

Evdokia D. Chulkova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

ONOMASIOLOGICAL INNOVATIONS

IN THE CONSTRUAL OF PERSONALITY IN HISTORICAL DISCOURSE

The study develops a cognitive onomasiological approach to exploring the innovations in the construal of historical personalities, which are attributed to discourse modifications. Featuring scientific, publicist and fiction types of historical discourse, the work identifies the variance in onomasiological components in the construal of personalities.

Key words: cognitive onomasiological analysis, corpus analysis, historical personality, historical discourse, interdiscourse transfer

Е.О. Шевелева (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
shevelev28@mail.ru

Е.Р. Родионова (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
reinisovna@mail.ru

«CATS IN THE MUSEUM» ИЛИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ НЕГАТИВИЗАЦИИ ОБРАЗА РОССИИ В ЗАПАДНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИКАЦИЙ О КУЛЬТУРЕ В БРИТАНСКОМ ИЗДАНИИ «THE GUARDIAN»)

Цель статьи – выявить основные стратегии негативизации образа России в медиатекстах «The Guardian» о российских культурных событиях в и за пределами РФ. На основе когнитивно-дискурсивного анализа определены основные концептуальные блоки, служащие как средством поддержания и укрепления отрицательного отношения к России, так и средством смягчения манипулятивного воздействия текста. Делается попытка обосновать существование новых или аналитических статей особого типа в современном медиапространстве.

Ключевые слова: культурное событие, концепт, конфликт, война, медиатекст

Изучение современных западных медиатекстов демонстрирует возрастание числа деструктивных технологий, используемых зарубежными СМИ с целью негативизации любой деятельности России как в пределах государства, так и на международной арене. Однако до сих пор изучению специфики применения конфликтной лексики подвергались англоязычные статьи, освещавшие внутри- и внешнеполитические события с участием РФ.

Цель данной статьи – провести когнитивно-дискурсивный анализ публикации британского издания «The Guardian», посвященных различным российским культурным событиям, произошедшими в России и за ее пределами, и выявить в них языковые средства негативизации образа России.

Современное глобальное медиапространство представляет собой измененную модель массовой коммуникации, где объективное освещение события уходит на второй план, уступая место семантико-когнитивным механизмам формирования дискурса определенного типа, обладающего мощным программирующим потенциалом, поскольку характеризуется внедрением в смысловую плоскость сообщения конфликтных концептов. Изучение англоязычных медиатекстов различных новостных изданий не только подтверждает это наблюдение, но и позволяет констатировать перенос деструктивной риторики с освещения военных конфликтов на события культурной жизни общества. При этом подобный гибридный информационно-манипулятивный конструкт активно используется авторами медиатекстов с целью формирования в сознании реципиента необходимого образа кого бы или чего бы то ни было, в нашем случае российского государства. Мы намеренно используем понятие «образ», поскольку согласны с рядом исследователей в том, что образ обладает большей статичностью по сравнению с имиджем. Так, по мнению О.В. Нешкес, образ способен сохранять устойчивость на протяжении значительного отрезка времени, а также отражать ранее

не вербализованные свойства объектов [Нешкес 2023: 24].

Опуская такие аналитические этапы изучения дискурса как определение и описание суперструктуры и макроструктуры дискурса (в терминах Т. ван Дейка), остановимся на анализе когнитивно-прагматического уровня отобранных медиатекстов, под которым, вслед за О.В. Нешкес, мы понимаем описание определенных техник и тактик авторов медиатекстов, составляющих дискурсивную стратегию негативизации [там же: 65].

I. Основной тактикой негативизации по-прежнему остается присутствие в текстах статей отсылок к конфликту на Украине. Поскольку макроструктура статей изначально не предполагала связи с внешнеполитическими событиями, авторы суживают номинативную плотность концепта «война» и ограничиваются такими лексическими единицами как 1) наименование боевых действий – *war, invasion, annexation, landgrab, the attack, the Ukraine campaign, Russia's offensive*; 2) указания на ведение боевых действий – *troops launched their invasion, entered Ukraine, Putin sent troops to, a lengthy battle, Russian troops have seized the city, are advancing towards* и т. п.

В ряде изученных статей включение прямых отсылок к конфликту несет очевидный манипулятивный заряд, намеренно сбивая внимание реципиента с сути культурного события на событие военное. Приведем наиболее яркие примеры:

1) There may still be a soft ban on the importing cultural products from Russia into the UK **while the war rages on in Ukraine**, but someone has let this one in under the wire. Produced by a Moscow-based production company called Licensing Brands (a fabulously utilitarian name worthy of *the Stalinist era*), Cats in the Museum is an animated feature that delivers just what its own title suggests. There are some cats, and they are in a museum (<https://www.theguardian.com/film/2023/dec/18/cats-in-the-museum-review-hermitage-museum-russian-cartoon>).

2) Valery Gergiev, the star Russian conductor and *prominent supporter of Vladimir Putin*, has been installed as general director of Moscow's Bolshoi theatre, in the latest appointment of a *Kremlin loyalist* to a leading cultural institution. <...>

Gergiev, 67, has been *close to Putin* since the early 1990s and *publicly supported the president* many times, including appearing in a television ad for his 2012 campaign, supporting the 2014 **annexation of Crimea** and conducting a patriotic concert in the Syrian city of Palmyra in 2016.

He was once one of the world's busiest international conductors but has emerged as a persona non grata in the west for his *refusal to distance himself from Putin* since **the start of the war in Ukraine** (<https://www.theguardian.com/world/2023/dec/01/putin-loyalist-valery-gergiev-installed-as-director-of-bolshoi-theatre>).

3) Russia's central bank has halted the circulation of a new 1,000 ruble note after Orthodox priests complained that the image of a church dome lacked a cross – even though it does not have one in real life. <...>

The Orthodox leader, Patriarch Kirill, **has endorsed the Kremlin's offensive in Ukraine**.

В изученных контекстах отмечается так называемая «кластерная репрезен-

тация» лексических единиц, вербализующих иные концепты. В частности, в примерах (2) и (3) нами отмечена лексическая объективация концепта «поддержка» (или его разновидностях «преданность» и «лояльность»). Семантика продолжительности и масштабности конфликта (концепты «время» и «размах») объективируется такими единицами как a *full-scale war*, an *all-out assault*, a *lengthy battle*.

Подобная же связка «война» и «поддержка» («лояльность») наблюдается и в следующем примере, описывающем грядущие новогодние телепередачи на российском телевидении:

4) So, who will be on the box in Russia this New Year's Eve? You can be sure that *pro-Putin pop singer Shaman* will make an appearance. **After Russia's invasion of Ukraine**, the 32-year-old had a hit song with lyrics such as: «I am Russian. I go all the way... I am Russian. To spite the whole world» (<https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/dec/23/moscow-awash-with-tinsel-and-lights-but-christmas-as-usual-an-illusion>).

II. Предвзятый образ России как полицейского государства строится посредством лексических единиц, вербализующих концепт «жестокость» («насилие»): *its shadowy spy agents, Putin's regime, totalitarian rule, a heavily guarded courtroom, detained thousands for simple acts of protest, officers threatened, was tortured, was beaten, a string of heavy sentences, behind bars, the Stalinist era, the weight of terrible history, forced labour camps of the Stalin era* и т. д. При этом номинативная плотность данного концепта возрастает в статьях о деятелях культуры, не поддержавших решение российского президента в феврале 2022 г. и публично выступивших с осуждением политики российского государства.

5) Russian authorities have also **cracked down on cultural figures who have criticised the war**, with many purged from their jobs (<https://www.theguardian.com/world/2023/dec/01/putin-loyalist-valery-gergiev-installed-as-director-of-bolshoi-theatre>).

III. Третья тактика, отмеченная нами в изученном материале, связана с реализацией концепта «обман» («иллюзия»). В частности, в статье о подготовке москвичей к празднованию Нового года, автор эксплицитно указывает на то, что атмосфера праздника создана искусственно (3), а также прибегает к двум другим тактикам, указанным выше (1) и (2) соответственно:

6) Down at my local Moscow supermarket, *western Christmas carols and songs are playing on a loop* (6). This year Ding Dong Merrily on High and All I Want for Christmas Is You sound curiously out of place. <...>

At least they still like our music (4). As I push my trolley down the bread aisle, *Abba's Happy New Year strikes up, sung in Russian* (6). In Russia it's new year, rather than Orthodox Christmas (7 January), that is the main national holiday.

Moscow is awash with tinsel, trees and illuminations (5). Along with the seasonal supermarket music, they **help create an illusion** (3), one that **the authorities** are keen to **sustain** (3) and *many Russians* (7) **more than happy to embrace** (4): **the illusion of normality** (3), **the sense that this festive season in Russia is no different from what has come before** (3). **In truth, normality ended** (3) nearly two years ago when **Russia launched a full-scale invasion of Ukraine** (1). <...>

Instead of Santa, Russia has Grandfather Frost (ably assisted by his sidekick, the Snow Maiden). So, what will he be giving Russians for new year? Grandad Frost's sack will, I suspect, *be overflowing with Chinese goods* (5). Many international brands have left the Russian market, but *Chinese smartphones and tablets, washing machines and fridges have taken their place* (5). There are *far more* (5) *Chinese cars on the roads, too*.

Before they open their presents, Russians *enjoy* (4) their traditional New Year's Eve feast. Across 11 timezones, families will *tuck into* (4) Olivier salad (potatoes, carrots, peas, pickled cucumbers, eggs, sausage and mayonnaise) and «herring under a fur coat». <...>

Not that he's in danger of losing: his most vocal critics are either **in exile or in prison** (2) (<https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/dec/23/moscow-wash-with-tinsel-and-lights-but-christmas-as-usual-an-illusion>).

Несмотря на реализацию всех трех тактик негативизации в статье наблюдается обратный смысловой эффект и определенное нивелирование негативного воздействия на реципиента за счет объективации концептов «удовольствие» (4), «изобилие» (5), «толерантность» (6), «количество» (7).

Непонимание и некоторую досаду вызывает у автора и тот факт, что россияне поддерживают свое руководство несмотря на все то, чего, по мнению автора, они лишились – ‘*Many Russians are more than happy to embrace*’. Поиски ответа на вопрос ‘*why so many Russian citizens embrace...*’ относит нас к стержневому концепту, составляющему ядро образа России на Западе – образу странной, непонятной, «чужой» страны.

Проведенный анализ позволяет нам сделать следующие выводы.

1. Поиск материала для анализа показал, что публикации о российских культурных событиях в качественной британкой прессе (в частности, «The Guardian») немногочисленны, а их тематика разрозненна.

2. Несмотря на то, что изначально основная цель подобного рода публикаций – освещение **культурных** событий (мероприятий), здесь концептуальная сетка, служащая смысловым каркасом статьи, в обязательном порядке содержит вербализаторы таких конфликтогенных концептов как «война», «репрессии» («насилие»), «обман». Включение в смысловое содержание статьи подобных политизированных элементов, не относящихся к ее тематике, может свидетельствовать о существовании в медиaprостранстве публикаций особого типа, название которым еще предстоит дать.

3. Изученный материал наглядно демонстрирует своего рода концептуальный диссонанс, или (в терминах В.С. Нечаевой) концептуальный конфликт. Концептуальному блоку, реализующему общую стратегию негативизации и несущему мощный манипулятивный заряд, противостоит концептуальный блок «поддержка», обладающий суггестивным потенциалом.

4. Современный англоязычный медиадискурс (в нашем случае посвященный культурным событиям) характеризуется присутствием концептуальных блоков, реализующих разнонаправленные функции – с одной стороны, манипуля-

тивно-программирующую функцию, с другой – суггестивную. Именно концептуальный блок, выполняющий суггестивную функцию, способен смягчить негатив, побудив реципиента задуматься, а, следовательно, отнестись к антироссийской тональности предлагаемой информации критически.

Литература

Нечаева В.С., Зеленина А.Н. Смена фокуса и управление когнитивным конфликтом при создании образа России в немецкоязычных новостных медиатекстах // Политический имидж России в западных СМИ в лингвистическом ракурсе: коллективная монография / под ред. Л.В. Моисеенко. Воронеж: Научная книга, 2020. С. 121-153.

Нешкес О.В. Культурно-прагматические аспекты вербализации образа России в испанских дипломатических документах второй половины XVIII века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2023.

Evgeniia O. Sheveleva (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

Elena R. Rodionova (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

“CATS IN THE MUSEUM”: LINGUISTIC MEANS OF BUILDING THE NEGATIVE IMAGE OF RUSSIA IN WESTERN MEDIA (BASED ON PUBLICATIONS IN “THE GUARDIAN” ABOUT RUSSIAN CULTURE-RELATED EVENTS)

The paper aims to identify key strategies of forming the negative image of Russia in “The Guardian” articles on Russian domestic and foreign cultural events. The cognitive-discursive analysis helped reveal major conceptual blocks, some of which serving as the means of maintaining and strengthening the negative attitude to Russia, while others as the means of softening the manipulative character of the text. The paper attempts to justify the presence of a specific type of articles in contemporary media space.

Key words: cultural event, concept, conflict, war, media text

Е.Н. Широкова (Нижний Новгород, Россия)

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
shirokelen@yandex.ru*

ЭВФЕМИЗМЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются графически выделенные эвфемизмы, используемые в социальных сетях с целью избежания блокировки контента. Описываются их строение, функции, а также способы образования, такие как демегафоризация, контаминация концептов, метаязыковое перифразирование. Показана значимость фоновых знаний адресата для дешифровки камуфлирующих эвфемизмов.

Ключевые слова: языковой знак, эвфемизм, метаязыковая перифраза, фоновые знания

Вариативность языка, позволяющая по-разному означивать одну и ту же внеязыковую действительность, о чем писал еще А.А. Потебня, тесно связана, во-первых, со сложной структурой самого языкового знака – наличием у него

экстенционального и интенционального типов значения, во-вторых, со способами соотнесения языковых и познавательных структур и со знаниями самого носителя языка о внеязыковой действительности. В частности, важным является то, что «отношения репрезентации между концептуальной и языковой системами проявляются преимущественно на категориальном уровне и связывают, прежде всего, сами категории, а не их отдельные элементы» [Болдырев 2019: 39]. Причем механизмы расширения вариативных возможностей языка различны. Так, при означивании одной и той же ситуации внеязыковой действительности в последней актуализируются одни компоненты и затемняются другие, что обуславливает разную комбинацию используемых языковых знаков, а также семантических признаков, формирующих актуальные интенциональные значения знаков. В таком избирательном восприятии внеязыковой действительности проявляется действие доминантного принципа организации языкового сознания, заключающегося в ориентации «человека на определенные знания, их структуру и содержание, коллективно или индивидуально значимые элементы и ценности» [Болдырев 2019: 39].

Наряду с этим активно используется вторичная номинация, в частности, эвфемизмы. В рамках когнитивного подхода эвфемизмы рассматриваются как знаки вторичной номинации, связанные с переосмыслением имеющегося знания и с его оценочной интерпретацией, в результате чего у знака формируются новые концептуальные и категориальные связи [Щербань 2019: 568]. Цель данной работы – описание эвфемизмов социальных сетей в когнитивно-дискурсивном аспекте. Актуальность такого исследования определяется тем, что специфика Интернет-коммуникации, формирование новых жанров, а также трансформация традиционных жанров оказывают влияние на речь коммуникантов социальных сетей, что проявляется и в активных процессах, связанных с эвфемизацией.

Одной из основных функций эвфемизации в области социальных отношений является камуфлирующая (вуалирующая) [Крысин 1994]. Активность данной функции в социальных сетях связана с обходом адресантами требований контентных платформ к контенту и соответственно ограничений на использование определенных тематических групп лексики – социально-политической, инвективной, медицинской и т. п. Специфика реализации данной функции эвфемизации в социальных сетях заключается в том, что авторы контента заинтересованы в том, чтобы эвфемизмы были замечены и расшифрованы адресатами, поэтому эвфемизмы данной группы нередко графически маркируются в текстах. При этом наблюдается:

– создание эвфемизмов путем замены буквенных графических знаков небуквенными (астерисками, дефисами, знаками компьютерной клавиатуры и т. п.), например: *Только это был не су***цид, а трагическая случайность; Сделайте мне тр***дол!*; *И был он безнадежно мертв. Причем судя по тр-му окоченению и тр-м пятнам, достаточно давно, не менее трех часов* (<https://dzen.ru/a/ZY9BdeEygRpWmx4U>); *Время ох@ительных историй* (<https://t.me/s/Mikle1On>);

– выделение эвфемизмов в текстах небуквенными графическими знаками (кавычками, скобками и т. п.), например: *Выступивший на проходящем в Астане*

саммите Организации тюркских государств премьер-министр Венгрии Виктор Орбан резанул серпом прямо по «фаберже» всем казахским национал-м и прочим «заукраи-ам»; Лидеры ЕС хотят, чтобы «У» продолжала бороться, а они будут предоставлять ей финансирование и вооружение; При этом наш Африканский корпус, который в значительной мере сформирован на базе «музыкантов», уже прибыл в Буркина-Фасо и приступил к выполнению задач; Во-первых, они дают на Запад, чтобы их подопечный Израиль заканчивал «безобразничать» (<https://dzen.ru/a/ZZP4hTnG4kyLi-lx>); – А вы вот этого козла спросите, сколько он баб <перелюбил> при живой-то жене!; – Он меня газом хочет отравить, но у него <фи> чего выйдет!; – Бардак, <распутная женщина>, полнейший! (<https://dzen.ru/a/ZY9BdeEygRpWmx4U>).

В обоих случаях использование небуквенных графических знаков фокусирует внимание читателей на эвфемизмах и способствует активации разноуровневых структур знания, необходимых для дешифровки эвфемизмов.

Эвфемизмы, созданные путем замены буквенных графических знаков небуквенными, являются, как правило, однословными. Структура эвфемизмов, выделенных в текстах небуквенными графическими знаками, неоднородна. Они могут быть однословными: Они думают, что «У» победит, а Россия проиграет, после этого в России сменится руководство и они будут вести переговоры уже с новым руководством России (<https://dzen.ru/a/ZZP4hTnG4kyLi-lx>); реже – однофонемами: Почему мы должны со всяким, извините, «Г» работать?; однословными: Соседи вообще уже <офигели>, издеваются как хотят!; могут быть выражены описательными оборотами (словосочетаниями и предложениями): Эх, <распутная женщина>, чувствуете, да?; Я из <Название соседнего государства, где происходят общеизвестные события> вернулся, на передке был, но только чуток осколками посеколо (<https://dzen.ru/a/ZY9BdeEygRpWmx4U>).

При образовании эвфемизмов, выполняющих камуфлирующую функцию в социальных сетях, используются все традиционные способы образования эвфемизмов (о способах и средствах образования см. в [Крысин 1994; Порохницкая 2018: 6–47]). Рассмотрим некоторые специфические черты таких эвфемизмов. Во избежание блокировки контента в социальных сетях для шифровки обценной и грубой бранной лексики используются эвфемизмы-лексемы и эвфемизмы-описательные обороты с нейтральной или разговорно-сниженной окраской. Причем в дискурсе авторских блогов замещенные инвективы могут выполнять как (1) номинативную функцию, так и (2) эмоционально-экспрессивную функцию: (1) Все, теперь мне <песец> настанет. Сдохну <нафи> ...; Сожитель было дернулся, я и ему <вдевал> до кучи; /.../ а других баб по сто раз на дню <любишь>; Ну а потом слово за слово, Серега завелся и его <отлупил>. (2) – Вот ведь, <распутная женщина>, чего получилось-то!; – <Распутная женщина>! – беззвучно, но понятно выругалась Надежда Юрьевна и хлопнула по столу ладонью; – Ааа, <самка собаки, распутная женщина>, больно! (<https://dzen.ru/a/ZY9BdeEygRpWmx4U>).

Однако эмоционально-экспрессивная функция вторична по отношению к номинативной функции языкового знака-инвективы, обладающего полнозначительным значением. Замещающие их эвфемизмы, выделенные графически в

тексте, сохраняют структурно-семантическую позицию инвектив в предложении и тем самым репрезентируют их функции, в том числе выражения эмоций. Но даже в том случае, когда эвфемизмы употребляются как эмотивы, они остаются в сознании коммуникантов номинативными единицами с определенным набором семантических признаков, которые в какой-то степени коррелируют со значением инвектив. В таком случае дешифровка эвфемизмов опирается на частичную корреляцию значений и функций языковых знаков, связанных отношениями замещения, что предполагает активацию разноструктурных языковых и внеязыковых знаний.

При этом эвфемизмы могут создаваться на основе демегафоризации: (1) <Песец> вам <самки собаки>! – дурным голосом завопил он; (2) – А вы вот у этого <средства предохранения> спросите! – кивнул он на отца (<https://dzen.ru/a/ZY9VdeEygRpWmx4U>). В таких случаях с помощью эвфемизмов объективируется зона-источник метафоры. Адресат, на основе своих языковых знаний, знаний моделей метафорических переносов с одной концептуальной области на другую дешифрует эвфемизмы, а именно: <самка собаки> → модель: ЖИВОТНОЕ → ЧЕЛОВЕК <средство предохранения> → модель: МЕДИЦИНСКОЕ ИЗДЕЛИЕ → ЧЕЛОВЕК.

Во всех случаях для дешифровки необходима активация языковых знаний о коннотативных и функционально-стилистических различиях между эвфемизмом и замещаемой им лексемой. Причем, если при эвфемизации происходит «улучшение» коннотативного фона, то при дешифровке происходит обратный процесс – процесс «ухудшения», восстановления коннотативного ореола лексемы-инвективы.

Наряду с этим при создании эвфемизмов могут наблюдаться более сложные процессы, как в примере *резанул серпом прямо по «фаберже» всем казахским национал-м* (<https://dzen.ru/a/ZZP4hTnG4kyLi-lx>). Эвфемизм *фаберже* строится на основе контаминации двух концептуальных областей – «ювелирные изделия» и «органы человека», общими компонентами которых выступают их репрезентанты (*яйца, яички*), объединенные мотивационными отношениями. Причем элиминация этих объединяющих компонентов затрудняет дешифровку эвфемизма и требует активации фоновых знаний адресата, в первую очередь связанных с ассоциативными значениями прецедентного имени *Фаберже*.

К способам создания камуфлирующих эвфемизмов также можно отнести метаязыковые перифразы, т. е. перифразы, содержащие метаязыковой комментарий. Такие перифразы относим к эвфемизмам на основании общности целей их использования и частных функций, например: *В следующий раз я тебе <нецензурное название мужских половых органов> отрежу!; Тут-то и пришло осознание, что мы стоим аккурат в луже воды, культурно называемой «фекальной»; Понятно, что это был классический ложный вызов. Вот только неизвестная <нецензурное оскорбление> скорее всего не шутила, а за что-то мстила; – Мы ворота и забор передельваем. Столбы все сгнили и все <нецензурный синоним «упало»>* (<https://dzen.ru/a/ZY9VdeEygRpWmx4U>).

Таким образом, одной из причин активного использования эвфемизмов в социальных сетях является желание обойти ограничения контентных платформ на использование определенных групп лексики. Для фокусировки внимания адресата такие эвфемизмы выделяются в тексте графически. Среди способов создания камуфлирующих эвфемизмов можно выделить: деметафоризацию, контаминацию концептов, метаязыковые перифразы. Дешифровка таких эвфемизмов предполагает активацию разноструктурных языковых и внеязыковых знаний адресата.

Литература

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 37-44.

Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин, 1994, № 1-2. С. 28-49. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm?ysclid=lq9dlim9td226961839>.

Порохницкая Л.В. Концептуальные модели в семантике эвфемизма. М.: МГЛУ, 2018.

Щербань О.В. Семантическая деривация в английской фразеологии как инструмент эвфемизации // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 568-572.

Elena N. Shirokova (Nizhny Novgorod, Russia)

N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

EUPHEMISMS IN SOCIAL NETWORKS: THE COGNITIVE-DISCURSIVE ASPECT

The paper discusses graphically highlighted euphemisms used in social networks to avoid blocking content. Their structure, functions, as well as methods of formation, such as demetaphorization, contamination of concepts, metalinguistic paraphrasing, are described. The importance of the addressee's background knowledge for deciphering camouflaging euphemisms is shown.

Key words: linguistic sign, euphemism, metalinguistic periphrasis, background knowledge

*О.Б. Абакумова (Орел, Россия)
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
abakumova-ob@mail.ru*

МОДИФИЦИРОВАННЫЕ ПОСЛОВИЦЫ В ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ: АНАЛИЗ ПОСЛОВИЧНОГО СЦЕНАРИЯ И ПОИСК ПЕРЕВОДНЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ

Статья посвящена проблемам анализа смысла пословичного высказывания в текстах СМИ с помощью когнитивно-дискурсивной модели КДМ, а также когнитивным аспектам переводоведения, которые включают решение сложных проблем перевода модифицированных паремий как наиболее культурно-нагруженных единиц языка, отражающих культурно-специфические концепты.

Ключевые слова: пословицы, модификации, газетный текст, перевод, пословичный сценарий, когнитивно-дискурсивное моделирование

Когнитивная лингвистика как научное направление изначально базировалась на исследованиях лексической и грамматической семантики, а в дальнейшем предмет ее изучения значительно расширился в целом ряде отношений [Болдырев 2014: 27-32]. Стали изучаться дискурсивные явления, визуальные каналы коммуникации, взаимодействие между когнитивной и социолингвистической проблематикой [Кибрик 2023: 56]. Появилось когнитивное переводоведение, в рамках которого исследователи предлагают рассматривать такие явления как *концептуальная аппроксимация* для передачи контекстуальных значений культурно-специфических концептов [Калинин 2022: 672-676]. Культурно-специфические концепты всегда вызывают трудности в работе переводчика. Часто такие концепты бывают составляющими семантики фразеологизмов. Как справедливо пишет А.Ю. Калинин, межъязыковой перевод как акт двойной коммуникации представляет собой процесс порождения на новом языке вторичного в смысловом отношении текста, предназначенного для интерпретации его адресатами с учетом актуального значения элементов исходного высказывания, коммуникативной ситуации, цели перевода, а также культурно-когнитивных особенностей получателей [там же: 675].

В статье речь идет о переводе модифицированных пословиц в газетном тексте. Чтобы правильно перевести пословицу, переводчику нужно сделать следующее:

- 1) выявить коммуникативные эпизоды, где употребляется пословица и определить узкий и широкий контекст ее употребления;
- 2) оценить описанную в тексте коммуникативную ситуацию и определить коммуникативную стратегию говорящего, использующего пословицу, ее прагматическую функцию;
- 3) оценить референтную ситуацию (тему) и установить иерархию ее участников, отношения между ними, определить тип этой ситуации, чтобы он совпал с

семантическим инвариантом типовой ситуации, описанной пословицей;

4) выбрать подходящий способ перевода пословицы, которая назвала бы и смоделировала ситуацию на языке перевода и выразила отношение говорящего так, чтобы вызвать нужную реакцию со стороны слушающего [Гончарова, Абакумова 2022: 384].

Отечественными и зарубежными исследователями выделены типы видоизменения пословиц, которые можно считать универсальными. Наибольшее внимание уделяется трем основным типам: добавление, опущение и замена. Выделяется также способ образования, который называют блендингом или контаминацией. Описывая изменения в структуре традиционных пословиц (трансформации в грамматике, морфологии и фонологии), исследователи выделяют следующие типичные модификации структуры этих знаков, которые связаны с изменением: 1) компонентов пословиц (звуков, слов, клаузул внутри паремии); 2) количеством компонентов, которые могут опускаться или добавляться; 3) расположением измененных элементов (в начале, в середине, в конце слова или предложения, или в разных местах пословичного предложения).

Рассмотрим употребление трансформированной пословицы в рекламном тексте с помощью модели КДМ (когнитивно-дискурсивного моделирования смысла пословицы в тексте / дискурсе) [Абакумова 2013].

Одним из материалов данного исследования послужила рекламная кампания американской деловой газеты «The Wall Street Journal», а именно рекламный постер, на заднем фоне которого изображена сложенная газета с названием издания, а на переднем плане большими фигурными буквами написан слоган *Money talks. We translate*. Благодаря лаконичному изображению и кратко, но яркому слогану реклама «The Wall Street Journal» привлекает внимание читателей и потенциальных клиентов. Для анализа необходимо рассматривать все сообщение рекламы, однако особый интерес представляет собой пословица *Money talks*, (*Деньги решают все*), которая в данном контексте модифицируется за счет дополнения новой клаузы.

Если принять во внимание тот факт, что электронный словарь Multitran предлагает толкование пословицы *Money talks* как *Деньги говорят сами за себя*, то весь рекламный слоган целиком можно перевести таким образом: *Деньги говорят. Мы переводим*. Калькированный перевод пословицы в совокупности с дополнительной клаузой демонстрирует количественный способ трансформации пословицы и представляет собой расширенную метафору персонификации денег. В качестве вариантов можно предложить следующее: *Деньги решают проблемы, мы помогаем*. В этом случае прагматическая функция окказиональной пословицы так же сохраняется, как и персонификация денег. В некоторых случаях можно рассмотреть и простой вариант с сохранением прагматической функции аттракции и прозрачного предложения помощи в оформлении денежных документов, но с потерей экспрессивности и образности, что может снизить перлокутивный эффект, но может и вызвать больше доверия у взрослого населения: *Если у Вас сложности с оформлением финансовых документов, мы всегда к Вашим услугам!*

Коммуникативная составляющая. Авторы данного постера прибегают к

использованию социально ориентированного стратегического действия, которое направлено на широкий круг читателей, и представляют интересы издательства. Функция модифицированного пословичного высказывания в сильной позиции заголовка текста, появившегося в результате дополнения клаузы, связана с привлечением внимания (фатическая, или аттрактивная) и с функцией когнитивной экономии, которая все же нуждается в некотором декодировании.

Констативная (когнитивная) составляющая. Пропозиция высказывания выражена предикатами *talks* и *translate*. Когнитивная составляющая отражает когнитивное использование языка как наложение трех типов фреймов:

Образный фрейм: в центре ситуации-фрейма находится материальный объект, который персонализируется и наделяется способностью говорить и решать все проблемы.

Обобщенный фрейм: По классификации Г.Л. Пермякова, это 1 логико-семиотическая модель: Если вещь обладает одним свойством, то она обладает и другим. В данном примере, если у человека есть деньги, он может решить свои проблемы.

Конкретно-ситуативный фрейм: любой, не обладающий специальными знаниями в экономических и деловых вопросах, но желающий разбираться в теме и быть в курсе последних новостей человек может обращаться в газету «The Wall Street Journal», где ему помогут во всем разобраться (*We translate – мы поможем в них разобраться; мы их «переводим»*).

Экспрессивная составляющая. В использовании данной поговорки можно проследить эпистемическую, аксиологическую и деонтическую модальности (употребляя поговорку *Money talks*, авторы говорят об установившихся в обществе нормах решать большинство проблем с помощью денег и убеждают в этом своего читателя). Как базовая, так и институциональная форма поговорки эксплицитно имеет форму ассертива (деньги решают проблемы), а косвенно выражается директив (обращайтесь к нам).

Регулятивная составляющая. Данный рекламный слоган полностью опирается на социальные нормы, ценности и традиции, которые установлены на западе, газета издается в Нью-Йорке и нацелена в основном на англоязычную аудиторию и американского читателя. По классификации норм поведения, которую предлагает В.И. Карасик [Карасик 2004], фиксированные в семантике поговорки *Money talks* деонтические нормы можно отнести к утилитарным нормам реализма: Следует знать правду и предпочесть наибольшее благо (и наименьшее зло); Следует обращаться за помощью к профессионалам.

Проведенный анализ показал, что авторы газетных статей часто используют модифицированные поговорки для привлечения внимания читателей, но эти окказиональные пословичные образования редко используют один тип трансформаций. Чаще всего это комбинации синтаксических, лексических и фонетических модификаций, которые приводят к изменению как структуры, так и семантики, смысла базового пословичного высказывания. Они представляют большую сложность для перевода, поскольку полного переводческого эквивалента достичь невозможно, остается только использовать способ (или скорее тактику) концептуальной аппроксимации, приближения к культурно-специфическому

концепту, что, конечно, связано с его правильной интерпретацией в контексте статьи и сохранением в первую очередь его прагматической функции в тексте.

Литература

Абакумова О.Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2013.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов: ТГУ им. Г.П. Державина, 2014.

Гончарова И.В., Абакумова О.Б. Психолингвистические аспекты перевода фразеологизмов // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Орел: ОГУ имени И.С. Тургенева, «Картуш», 2022. С. 379-385.

Калинин А.Ю. Концептуальная аппроксимация в переводе материалов аудиовизуальных СМИ // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 672-676.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис. 2004.

Кибрик А.А. Исследование экзотического языка: когнитивные аспекты // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3 (54). Ч. 1. С. 51-58.

Olga B. Abakumova (Orel, Russia)

I.S. Turgenev Orel State University

MODIFIED PROVERBS IN NEWSPAPER TEXTS: ANALYSIS OF PROVERBIAL SCENARIO AND SELECTION OF TRANSLATION EQUIVALENTS

The paper deals with problems of sense analysis of proverbs in the texts of mass media by means of cognition-discourse model of proverb's sense actualization (CDM), as well as cognitive aspects of translatology, that include solving complex problems of translation of modified proverbs as the most culturally loaded language units representing culturally specific concepts.

Key words: proverbs, modifications, newspaper texts, translation, proverbial scenario, cognition-discourse modelling

В.Е. Анисимов (Москва, Россия)

*Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
anisimov.vladislav.95@mail.ru*

ФЕНОМЕН ЛОКАЛИЗАЦИИ КИНОЗАГОЛОВКА В РАМКАХ КОГНИТИВНО-ЭВРИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО КИНОДИСКУРСА)

В статье рассматривается феномен локализации кинозаголовка в рамках когнитивно-эвристической модели перевода, предложенной А.Г. Минченковым, на материале французских кинофильмов комедийного жанра. Результатом исследования является вывод о преимущественном сохранении концептов и их семантических составляющих при локализации кинозаголовков указанных кинофильмов в российском прокате.

Ключевые слова: кинодискурс, французский кинодискурс кинотекст, кинозаголовков, локализация, концепт

Современный этап развития и функционирования кинематографа в России характеризуется относительной блокадой со стороны стран Запада и резким уменьшением присутствия европейских кинофильмов в отечественном прокате.

Важную роль в продвижении кинофильма на экраны является кинозаголовок, выступающий в качестве значимой семантико-семиотической доминанты кинофильма [Максименко, Подлегаева 2019: 168] и обладающий рядом важных признаков, способных повлиять на восприятие кинофильма потенциальным зрителем на предпросмотровом этапе.

Локализация, в свою очередь, является не просто переводом текста (в данном случае – кинотекста) с одного языка на другой, а адаптацией текста к социокультурным реалиям страны-реципиента. Важную роль в локализации кинофильма и в особенности его отдельных элементов, функционирующих на предпросмотровом этапе (кинозаголовок, синопсис, слоган, постер, трейлер кинофильма), играет передача заложенных в них когнитивных смыслов, реалий и связей, позволяющих оказать влияние на потенциального зрителя до просмотра кинофильма и склонить его к просмотру конкретного кинофильма. В данном контексте феноменология локализации кинотекста лежит в поле когнитивно-эвристической модели перевода А.Г. Минченкова, в рамках которой концепт «оказывается объектом перевода, т. е. той мыслительной сущностью, которую переводчик стремится объективировать средствами языка перевода» [Минченков 2007: 152]. Таким образом, локализация кинозаголовка представляет собой передачу заложенного в нем названия под когнитивное сознание представителей целевой аудитории в конкретной стране.

В качестве материалов исследования нами были отобраны 50 заголовков французских кинофильмов комедийного жанра. Выбор рассматриваемых кинофильмов обусловлен популярностью жанра комедии у французского зрителя: согласно новостному portalу Allociné, за 2023 г. во Франции в прокат вышло 144 кинофильма комедийного и смешанного жанра (комедийно-драматических, комедийно-биографических и др.), 58 из которых были позднее локализованы в российском прокате [Allociné: URL].

Рассмотрим адаптацию кинозаголовков французских комедий с точки зрения апелляции к ключевым концептам потенциального зрителя в процессе локализации кинофильма в российском прокате. Исходное название кинофильма *Les complices* (2023, дословный перевод – «Сообщники / Соучастники») содержит отсылку к преступлению, которое совершается группой людей, находящихся в предварительном сговоре, что должно ассоциировать французского зрителя с концептом ПРЕСТУПЛЕНИЕ / CRIME (отражено в словарной статье Dictionnaire Larousse [Larousse: URL]). Комедийный характер кинопроизведению придает тот факт, что соседи главного героя – киллера – случайно оказываются втянутыми в его криминальное прошлое, желая помочь ему найти работу и ничего не зная о его деятельности. Локализованный кинозаголовок «Не буди во мне киллера» теряет заложенную в оригинальном названии отсылку к участию нескольких лиц в преступной деятельности, в то же время сохраняя апелляцию к концепту ПРЕСТУПЛЕНИЕ при помощи лексемы «киллер», которая в сознании русскоязычного зрителя должна ассоциироваться со значениями «убийство, наемный убийца» и др., что также отражено в толковых словарях современного

русского языка [Ожегов, Шведова: URL]. Таким образом, полностью трансформировав название кинофильма в угоду большей броскости, авторам-локализаторам удалось сохранить заложенный в исходном кинозаголовке концепт ПРЕСТУПЛЕНИЕ / CRIME. При этом концептуальная составляющая изменилась с номинации вторичного действующего лица (сообщник – соучастник, помощник в неблагоприятном деле) [там же: URL] на первичное (киллер – убийца, исполнитель заказного убийства) [там же: URL], семантически переключая фокус внимания потенциального зрителя с героев-семейной пары (сообщников киллера) на героя-убийцу в отставке, в то время как в исходном названии акцент преимущественно сделан на его «сообщников».

Комедия *Menteur* (2022, дословный перевод – «Лжец»), исходный заголовок которой содержит прямую отсылку к концепту ЛОЖЬ / MENSONGE локализуется для российского зрителя под названием «Не звезды!», которое одновременно является более броским и ориентировано на молодежную аудиторию. Сленговая лексема «звездеть», имеющая значение, согласно «Словарю русского арго» В.С. Елистратова, «врать, фантазировать, обманывать» [Елистратов: URL], позволяет полностью сохранить исходный концепт ЛОЖЬ / MENSONGE для российского зрителя. Согласно словарю Larousse глагол *mentir*, от которого образовано данное существительное, имеет значение «Не давать точного отражения реальности, маскировать ее» (*Ne pas donner un reflet exact de la réalité, la déguiser*) [Larousse: URL], что коннотативно представляется более мягким по сравнению с русскоязычным аналогом «лгать – говорить или писать неправду» [Ожегов, Шведова: URL; Даль: URL], а также лгать на кого-то [Даль: URL], что также не отражается во франкоязычной лексеме. Таким образом, замена лексемы позволяет сохранить присутствие концепта ФАНТАЗИЯ в значении «приукрашивать реальность» и избежать резко-отрицательных номинаций.

В то же время присутствуют случаи частичного несоответствия оригинального и локализованного кинозаголовков и потери содержащихся в исходном названии кинофильма семантических составляющих. Так, кинофильм *Irréductible* (2022, дословный перевод – «Несгибаемый, несговорчивый, убежденный сторонник») повествует о судьбе сотрудника, отправленного в опасную командировку для того, чтобы он написал заявление на увольнение. Лексема исходного заголовка *irréductible*, согласно словарю Larousse, характеризует человека, яростно отстаивающего свои принципы и не идущего на компромиссы (*Personne farouchement opposée à quelque chose et qui n'accepte aucune compromis*), что является наиболее близким к концепту FERMETE DU CARACTERE / ТВЕРДОСТЬ Локализованное для российского зрителя название «Неувольняемый» утрачивает одну из сем рассматриваемого концепта – морально-волевой компонент личности, готовой идти до конца и отстаивать свои интересы («стойкость»). Взамен него локализованный кинозаголовок в своей основе содержит сему «тот, кого нельзя уволить», что отражается в использовании страдательного причастия настоящего времени в качестве номинации. Концептуальное тождество франкоязычных компонентов *irréductible* = *fermeté du caractère* = *non réduit* (несговорчивость = твердость характера = невозможность принудить) представляет собой совокупность элементов, отражающих

как французские социокультурные реалии в области трудовой деятельности (сложности в увольнении работника), так и национально специфический концепт VOLONTE / ПРОЯВЛЕНИЕ ВОЛИ. Данное тождество распадается в русскоязычной локализации кинозаголовка вследствие прагматических трансформаций, связанных с отсутствием рассматриваемых социокультурных и ментальных феноменов. Отметим, что частичная потеря семантической составляющей исходного названия при локализации во многом обусловлена желанием локализаторов сделать название более броским и соответствующим комедийной направленности кинопроизведения, что могло быть сделано в угоду маркетинговой составляющей, необходимой для продвижения кинофильма в российском прокате.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о преимущественном сохранении концептов и их семантических составляющих при локализации заголовков французских кинофильмов комедийного жанра в российском прокате. Отметим, что соответствие концептов в исходных и локализованных кинозаголовков может быть вызвано совпадением основных составляющих концептуальной картины мира у французского и русского зрителей. В то же время нами были выявлены случаи утраты исходных сем оригинальных кинозаголовков, причиной чему, вероятно, является необходимость продвижения кинофильма в прокате другой страны, в связи с чем маркетинговой, рекламной и прагматической составляющей кинозаголовка начинает отводиться центральная роль.

Литература

- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://slovardalja.net>.
- Елистратов В.С.* Словарь русского арго. URL: <https://rus-russian-argo.slovaronline.com>.
- Максименко, О.И., Подлегаева, Е.П.* Проблема перевода названий мультисемiotических текстов (на примере переводов названий серий мультисериала «Смешарики» на английский язык) // Вестник МГОУ. Серия: лингвистика. 2019. № 2. С. 167-175.
- Минченков А.Г.* Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности. СПб.: Антология, 2007.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com>.
- Allociné. URL: <https://www.allocine.fr/films/genre-13005/pays-5001/decennie-2020>.
- Larousse Dictionnaire de Français. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-mono-langue>.

Vladislav E. Anisimov (Moscow, Russia)
Moscow State Institute of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

PHENOMENON OF THE FILM TITLE LOCALIZATION WITHIN THE FRAMEWORK OF THE COGNITIVE-HEURISTIC MODEL OF TRANSLATION (BASED ON THE MATERIAL OF THE FRENCH FILM DISCOURSE)

The article examines the phenomenon of localization of the film title within the framework of the cognitive heuristic translation model proposed by A.G. Minchenkov, based on the material of French comedy films. The result of the study is the conclusion about the preferential preservation of concepts and their semantic components in the localization of the comedy film titles in the Russian box office. *Key words:* film discourse, French film discourse, film text, film title, localization, concept

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОСЛОВИЦ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ С ОППОЗИЦИЕЙ КОНЦЕПТОВ «БОГАЧ – БЕДНЯК»

В статье представлены результаты сопоставительного анализа образности пословиц, отражающих оппозицию концептов БОГАЧ и БЕДНЯК, в 11 разноструктурных языках (флективных, агглютинативных и изолирующих). Для исследования использовались пословичные словари и сборники. Рассматриваются особенности словарного перевода некоторых пословиц, их общие и этноспецифические образы. Выявляется общность семантики пословиц типологически разных языков. Полученные результаты могут быть использованы при составлении двуязычных и многоязычных словарей пословиц.

Ключевые слова: поговорка, концепт, богач, бедняк, компаративистика, образность, общее, этноспецифический компонент

В переводе пословиц, как и других текстов, большую роль играют понимание и интерпретация [Ремхе 2015: 17]. Понимание пословицы как когнитивный процесс может быть очень сложным из-за релятивного характера ее семантики, который связан с семантической вариативностью пословиц [Бредис, Иванов 2022: 21]. При переводе пословиц для двуязычного или многоязычного пословичного словаря важен аутентичный перевод, передающий базовое значение пословицы, а также иноязычные эквиваленты, определяющие возможные контексты употребления [там же: 22].

Цель работы – сопоставительный лингвокультурологический анализ пословиц 11 типологически разноструктурных языков для выявления ключевых пословичных образов, общего и этноспецифического в репрезентации оппозиции концептов БОГАЧ и БЕДНЯК в поговорках рассматриваемых языков, а также рассмотрение особенностей перевода ряда пословиц.

Материалом исследования послужили 124 пословицы, отобранные методом сплошной выборки из авторской картотеки, полученной из сборников и словарей русских, латышских, латгальских, английских, турецких, алтайских, тувинских, кхмерских, монгольских, калмыцких и японских поговорок: «Алтайские пословицы и поговорки (Алтай кеп ле укаа сөстөр)» Н.Р. Ойноткиной (2010); «Большой словарь русских пословиц» В.М. Мокриенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой (2010); «Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая» Б.Х. Тодаевой (2007); «Пословицы и поговорки тувинского народа» Б.К. Будупа (2020); «Японские пословицы и поговорки и их русские аналоги» Л.Ю. Хронопуло (2021); «Толковый словарь кхмерских пословиц» Ли Тхайли (2011, на кхмерском языке); «Latviešu sakāmvārdi un parunas» P. un M. Birkerti (1997); «Latgaļu parunas un sokomvōrdi» В. Opincāne (2000); A Dictionary of Turkish Proverbs (1993) M. Yurtbaşı.

Аксиологически важная в паремиологической картине мира народов оппо-

зияция концептов БОГАЧ и БЕДНЯК отражает когнитивную интерпретацию действительности. Под концептом мы понимаем оперативную содержательную единицу ментального лексикона, упорядоченной ментальной репрезентации картины мира [Проектный словарь-справочник...2022: 88, 130]. В ходе анализа паремий с оппозицией концептов БОГАЧ и БЕДНЯК выявилось несколько групп согласно структурно-семантическим моделям: **Богачу везет – бедному не везет; У богача деньги (скот) – у бедного дети; Бедняк подражает богачу** и др. Мы рассмотрим образность пословиц из перечисленных групп и приведем примеры особенностей адекватного словарного перевода некоторых из них.

В большинстве рассмотренных пословиц для выражения везения богача, и невезения бедняка используются самые разные образы: рус. *Богатому ветер в спину, а бедному – все в лицо; У богатого груз в корабле, а у бедного – хлеб в суме*; латышск. *Bagātam i velns palīdz, nabagam i dievs nepalīdz* ‘Богатому и черт помогает, бедному и Бог не помогает’; латгалск. *Bogatam i čortis bārnu leigoj, a bednieam nav kod i pošam leigot* ‘Богатому и черт детей укачивает, а бедному и самому некогда укачивать’; англ. *The rich man spends his money, the poor man his strength* ‘Богач тратит свои деньги, бедняк – свои силы’; турецк. *Zengin helvasını baldan pişirir, züğürt derman için pekmez bulamaz* ‘Богатые готовят халву с медом, а бедные не могут найти патоку для лечения’; алт. *Жокту кижжи јоболонду, / Јонго јјүрзе, айбыланду. / Бай кижжи мактулу, Барган јери күндүлү* ‘Бедный человек жалкий, / Среди людей всегда с просьбами, Богатый человек славный, / Везде он с почесьями’.

Среди ключевых образов этих паремий содержатся этнически маркированные (этнолингвомаркеры – термин О.В. Ломакиной), которые иногда следует оставлять в словаре без перевода и давать комментарий. Так, турецк. *Zengin arabasını dağdan aşırır, züğürt düz ovada yolunu şaşırır* ‘Арба богача проедет и через горы, а бедняк и на гладкой равнине дорогу не найдет’. В переводе турецкое *araba* ‘повозка’ лучше перевести как *арба* для большей адекватности перевода и сохранения этнокультурного колорита.

Во многих языках характеристики богача и бедняка связаны с концептом **Семья** через образ *дети*, образуя структурно-семантическую модель **У богатого – богатство, у бедного – дети**: рус. *Богатому деньги, а бедному – дети; У богатого (богатому) телята, [а] у бедного (бедному) ребята*; латышск. *Nabagam daudz bērnu, bagātam – lopu* ‘У бедного много детей, у богатого – скота’; карельск. *Lapsissa – köyhien bohatus* ‘В детях – бедного богатство’. Здесь подчеркивается тот факт, что в бедных семьях детей, как правило, больше, чем у богатей.

В традиционных кочевых культурах главным материальным богатством человека является скот, поэтому и богатство, и бедность зависят от количества скота. В пословицах этих народов образ скота появляется намного чаще, чем денег, например: тув. *Хойлуг кижжи каас* ‘Богат имеющий отару’. Так переведена эта пословица в словаре «Пословицы и поговорки тувинского народа» Б.К. Будупа. Буквально *хойлуг* – прилагательное от слова *хой* ‘овца’, что переводится

как ‘имеющий овец’. По-тувински *каас* буквально – ‘нарядный, пышный’. Соответственно, считаем, что более адекватным для словаря будет перевод ‘Имеющий овец – нарядный’. Нарядный, пышно одетый – признак богатства.

В алтайском языке зафиксирована пословица: *Бала азыраганныг бууры жылу, / Мал азыраганныг оозы үстү* ‘Кто ребенка взрастил – у того душа добрая, / Кто скот вырастил – у того рот в масле’. В ней использован фразеологизм *бууры жылу* ‘печень теплая’, который относится к добросердечным людям. Соответственно, по представлениям алтайцев, *баары соок* ‘холодная печень’ у человека с черствой душой (Ойноктинова 2012: 105). При переводе данной пословицы необходим лингвокультурологический комментарий.

В монгольских пословицах оппозиция концептов БОГАЧ и БЕДНЯК проявляется также через понятия социального статуса человека, наличия или отсутствия родственников, семьи, детей, друзей, а также личных качеств [Кульганек 2017: 79].

Символом бедности в монгольских паремиях является отсутствие седла, что, возможно, значит и отсутствие коня: *Эмээлгүй хүн өдрийн гуйлгачин, эхнэргүй хүн шөнийн гуйлгачин* ‘Не имеющий седла – дневной нищий, а не имеющий жены – ночной нищий’. В тувинской лингвокультуре символом бедности также является отсутствие седла. В словаре «Пословицы и поговорки тувинского народа» Б.К. Будупа паремия *Чаи дээш базымма, / Чавыдак дээш шоотта* дается в переводе ‘Не обижай малого, Не унижай бедного’. Буквально слово *чавыдак* означает неоседланный (о коне), а *чавыдактаар* – ехать верхом без седла. Поэтому вторую часть паремии можно перевести как ‘Не унижай бесседельного’ с добавлением соответствующего комментария.

В ряде рассматриваемых языков обнаружилась группа пословиц, которые вербализуют концепты БОГАЧ и БЕДНЯК через концепты ЗДОРОВЬЕ, ЖИЗНЬ: рус. *Лучше быть бедным и здоровым, чем богатым и больным*; японск. *死しての長者より生きての貧人* ‘(Уж лучше) Живой бедняк, чем мертвый богач’. Распространена также русская антипословица: *Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным*.

В ходе работы нам встретились пословицы с моделью **Бедняк подражает богачу**. Кхмерская пословица в словаре, составленном Ли Тхайли, говорит:

អ្នកក្រព្រួញអស់កម្លាំង អ្នកមាន ‘Бедняк напрягается, выбиваясь из сил, живя рядом с богачом’. При переводе нужен комментарий. Эта паремия о человеке небольшого достатка, который стремится подражать богатым, тратя деньги на модные вещи, чтобы выглядеть не хуже. Автор словаря кхмерских пословиц Ли Тхайли в комментарии к этой паремии осуждает такое поведение, подчеркивая, что вещи у такого бедняка в основном из секунд-хенда и все равно видна его бедность.

Но, видимо, есть смысл напрягаться, старясь модно одеваться, так как согласно калмыцкой пословице *Ке нуульһичиг байнд эндүрдэ, / Келмрч муңхиге цецнд эндүрдэ* ‘Нарядного нищего принимают за богача, / Красноречивого глупца принимают за умного’. Английская пословица прямо советует *Be it for better, be it for worse, do you after him that bears the purse* ‘Будь то к лучшему, будь

то к худшему, иди за тем, кто несет кошелек’.

Сопоставительный анализ дал возможность выявить общие и специфические черты семантических моделей, образов и понятий, репрезентирующих оппозицию концептов БОГАЧ и БЕДНЯК в пословицах 11 разноструктурных языков. Также анализ показал необходимость наличия у переводчика лингвокультурной компетенции для понимания значений пословиц и снабжения словарных статей лингвокультурологическими комментариями. Адекватный перевод позволяет ввести в научный оборот паремии при типологическом описании пословиц европейских и восточных языков. Работа может быть полезной для изучения репрезентации концептосферы национальной картины мира в паремиологических фондах разных языков, а также при составлении двух- и многоязычных пословичных словарей.

Литература

Бредис М.А., Иванов Е.Е. Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 17-36.

Кульганек И.В. Монгольские пословицы и поговорки. Исследование, перевод, комментарий. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017.

Ремхе И.Н. Переводческий процесс в аспекте когнитивного моделирования. М.: Флинта, 2015.

Ойроткинова Н.Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров: дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2012.

Проектный словарь-справочник когнитивных терминов / под ред. Т.В. Романовой. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2022.

Mikhail A. Bredis (Moscow, Russia)

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

FEATURES OF TRANSLATING PROVERBS OF TYPOLOGICALLY DIFFERENT LANGUAGES WITH THE OPPOSITION OF THE CONCEPTS “RICH MAN – POOR MAN”

The paper presents the results of a comparative analysis of metaphors in proverbs reflecting the opposition of the concepts RICH MAN – POOR MAN in 11 typologically different languages (inflectional, agglutinative and isolating). Proverb dictionaries and collections were used for the study. The features of the dictionary translation of some proverbs, their general and ethnospecific metaphors are considered. The commonality of the semantics of proverbs from typologically different languages is revealed. The results obtained can be used in the compilation of bilingual and multilingual proverb dictionaries.

Key words: proverb, concept, rich man, poor man, comparative studies, metaphors, common components, ethno-specific components

О.Д. Вишнякова (Москва, Россия)

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Vishnyakova ol-vish@mail.ru*

А.А. Липгарт (Москва, Россия)

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
a_lipgart@mail.ru*

ТРАНСЛИРУЕМОСТЬ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Когнитивное моделирование как вид мыслительной операции, успешно применяемый в процессе перевода научно-технической литературы, характеризуется ограничениями в своем применении при переводе художественного текста. В качестве значимых лингвокогнитивных составляющих в данном случае выступают концептуальный анализ как процесс выделения ключевых концептов литературно-художественного пространства и транслируемость как способность концептуальных содержаний к культурогенной трансляции.

Ключевые слова: когнитивно-сопоставительное моделирование, транслируемость, концепт, перевод художественного текста

Разрабатываемая сегодня область когнитивного моделирования в гуманитарных науках, направленная на оптимизацию различных процессов и представленная как на уровне теоретического знания, так и в сфере человеческой практики, находит свое применение в лингвистике в качестве одного из способов комплексного осмысления языковых структур и соответствующих операций по их порождению и обработке. Одним из наиболее актуальных направлений может считаться изучение когнитивно-сопоставительной проблематики, непосредственно связанной с переводческой деятельностью. Важнейшей задачей является решение вопроса о дифференциации процессов моделирования по отношению к разным типам дискурса и функционально-стилистическим разновидностям текста. В переводческом плане особое место принадлежит положению о роли когнитивного моделирования в ходе выявления структурно-содержательной специфики речевого произведения и лежащих в его основе ключевых структур – фреймов и концептов универсального и культуроспецифического порядка [Вишнякова 2002; Огнева 2013].

Данная проблематика требует обращения к вопросам транслируемости концептуальных содержаний и репрезентирующих их языковых значений из одной лингвокультуры в другую на уровне языка оригинала и языка перевода. В терминах культурогенной трансляции речь идет о возможности представления исходного предметного значения концепта посредством определенной редуцированной формы соответствующего содержательно-смыслового инварианта. В основе смысловой экспликации данного инварианта лежит совокупность когнитивных и собственно лингвистических процедур, направленных на преобразование исходного предметного значения языковой единицы [Ляпин 1997: 31]. Данный процесс может сопровождаться транспредметным смысловым переносом, который обуславливает эвристическое развертывание смысла с учетом специфики соответствующей лингвокультуры. В случае художественного перевода про-

цессы трансляции концептуальных содержаний и репрезентирующих их значений естественным образом осложняются спецификой литературно-художественного дискурса, с учетом особенностей идиостиля автора, лежащих в основе порождаемого текста, нацеленного на его адекватное восприятие предполагаемым читателем (или слушателем), на базе согласования концептуальных сфер коммуникантов. Участие переводчика в данном случае представляет собой еще более высокую степень сложности в первую очередь вследствие нелинейности переводческого процесса, особой специфики осуществления культуросгенной трансляции, направленной на построение собственной схемы преобразования и экспликации смыслов на основе определенной исходной точки отсчета в целях истолкования и реконструкции концептуальных и предметных областей, где последние могут быть представлены ситуативными и классификационными фреймами. Исследователи справедливо отмечают, что «основная трудность при создании текстов на другом языке заключается в совмещении смыслов, сформированных в сознании в результате работы с исходным текстом, со значениями слов и словосочетаний языка перевода» [Минченков 2007: 261].

Основополагающим этапом в процессе когнитивной обработки языкового материала при переводе художественного текста является концептуальный анализ, направленный на выявление ключевых концептуальных структур универсального и культуроспецифического характера с учетом их возможной регулятивности, свойственной данной лингвокультуре. Вместе с тем в качестве особого аспекта анализа выступает специфика языковой репрезентации как каждого из рассматриваемых концептов, так и всего концептуального комплекса в художественном пространстве данного произведения и художественного мира его автора. Например, такие значимые ключевые сущности в литературно-художественном пространстве Франца Кафки, как концепт «СМЕРТЬ» («ИТОГ», «ПУСТОТА», «НИЧТО»), тесно связанный с концептом «СВОБОДА» (ОСВОБОЖДЕНИЕ), в ряде случаев непосредственно коррелирующий с концептами «ОДИНОЧЕСТВО», «ВЛАСТЬ» («ОТЯГОЩЕНИЕ», «НЕИЗБЕЖНОСТЬ», «ПРИВОДЯЩИЙ К ИТОГУ СУД», «ПРОЦЕСС») на уровне перевода могут быть представлены различными языковыми единицами и концептуальными структурами с различными ассоциативными областями, отражающими лингвокогнитивную и лингвокультурную специфику соответствующих языков. Приведем для сравнения ряд примеров из романа Ф. Кафки «Процесс» на немецком, чешском, русском и английском языках: (1) Was ich geleistet habe, ist nur ein Erfolg des Alleinssins (Tagebücher); Vše, co jsem vykonal, je jen úspěchem samoty (Deníky); Все, что мною создано, – это плоды одиночества (Дневники); What I accomplished was the result of being alone (Diaries); (2) Der Geist wird erst frei, wenn er aufhört, Halt zu sein (Aphorismen); Duch se osvobodí, až když přestane být oporou (Aforismy); Дух лишь тогда делается свободным, когда он перестает быть опорой (Афоризмы); The spirit becomes free only when it ceases to be a support (Collected aphorisms); (3) Das Urteil kommt nicht mit einem mal, das Verfahren geht allmählich ins Urteil über (Der Prozeß); Rozsudek nepřichází naráz, soudní řízení pozvolna přechází v rozsudek (Proces); Приговор не выносится сразу, разбирательство постепенно переходит в приговор (Процесс);

The verdict is not so suddenly arrived at, the proceedings only gradually merge into the verdict (The Trial) [Kafka v obrazech malíře 2001].

Выявление ключевых концептуальных структур в процессе анализа и перевода художественного текста может рассматриваться как одна из ступеней процесса когнитивного моделирования. Вместе с тем следует подчеркнуть, что данный вид мыслительной операции, достаточно успешно применимый к области специальной, научно-технической литературы [Ремхе 2007], в отношении художественного текста выступает лишь как один из способов упорядочения его структуры, имеющий характер формализованной абстракции, которая служит воспроизведению основных, ключевых аспектов художественного целого в первую очередь в аналитических целях, существующий наряду с традиционно принятыми принципами переводческого анализа [Липгарт 1999]. Данное положение подтверждается и тем фактом, что выделяемые в качестве ключевых сущностей литературно-художественного пространства концепты в разных языках имеют разную содержательную наполняемость и могут передаваться в процессе перевода наиболее близкими в семантическом плане языковыми единицами, выявляемыми на основе транслируемости, охватывающей как процессы вычленения наиболее общих адекватных смыслов как результата оптимизации языковых значений, так и процедуры реконструкции, экспликативного и эвристического развертывания универсальных и культуроспецифических концептов. Именно это обстоятельство обеспечивает возможность достижения адекватности перевода при реализации наиболее оптимальных переводческих решений.

Литература

- Вишнякова О.Д.* Язык и концептуальное пространство: на материале современного английского языка. М.: МАКС-Пресс, 2002.
- Липгарт А.А.* Поэтические произведения А.С. Пушкина в переводах Уолтера Арндта // Русский Исторический Вестник. Международный ежегодник. 1999. С. 26-32.
- Ляпин С.Х.* Концептология: к становлению подхода // Концепты: науч. тр. Центроконцепта. 1997. Вып. 1. С. 11-35.
- Минченков А.Г.* Когнитивно-эвристическая модель перевода: к постановке вопроса // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 9. 2007. Вып. 2. Ч. II. С. 208-217.
- Огнева Е.А.* Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. М.: Эдитус, 2013.
- Ремхе И.Н.* Когнитивные особенности перевода научно-технического текста (на материале текстов металлургической промышленности): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007.
- Kafka v obrazech malíře.* Prague: Economics and Life International Ltd, 2001.

Olga D. Vishnyakova (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University
Andrey A. Lippart (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

TRANSFERABILITY AND CONCEPTUAL ANALYSIS AS LINGUOCOGNITIVE CONSTITUENTS OF TRANSLATION PROCESS

Cognitive modelling as the type of mental operation being successfully applied in the course of translating technical scientific texts is characterized by certain limitations when applied to literary texts anal-

ysis and translation. Conceptual analysis as the process of the basic concepts of literary space identification and transferability as the ability of conceptual meanings to be transferred into other linguocultural spheres are regarded as significant linguocognitive constituents of the process under consideration.

Key words: cognitive-comparative modelling, transferability, concept, translation of literary text

О.В. Глухова (Ростов, Россия)

Ростовский государственный экономический университет

olga_glukhova_@mail.ru

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА»)

В исследовании приводится обоснование использования метафорических моделей при осуществлении перевода. Предлагается алгоритм моделирования концептуальных метафор на языке оригинала и языке перевода на примере метафорических проекций концепта ЖЕНЩИНА на материале двуязычных (англо-русских) текстов СМИ.

Ключевые слова: концептуальная метафора, метафорическая модель, перевод, концепт, женщина

Развитие когнитивной науки, обусловленное стремлением постичь суть феномена человеческого познания, вызвало стремление исследователей во многих научных областях использовать в своих работах ее методы и модели. Не стала исключением и теория перевода, обратившаяся первоначально к методологическому аппарату когнитивной психологии с целью изучения процессов, происходящих в сознании переводчика в момент осуществления перевода (преимущественно устного). Первые междисциплинарные исследования были ориентированы на процесс (process-oriented) [Routledge 2009: 212], и способствовали распространению таких методов как «Думай вслух» и интроспективный переводческий анализ. В дальнейшем развитие получили изыскания, ориентированные на результат (product-oriented), и когнитивная теория перевода оформилась в самостоятельное направление [Halverson 2010]. С точки зрения данного направления *перевод* рассматривается как «эвристический процесс объективации средствами языка перевода концептуальной структуры, сформированной в сознании на базе исходного текста» [Минченков 2008: 9]. Ввиду того, что вербализация концептуальных структур возможна с привлечением различных языковых средств, результаты перевода могут быть вариативными в зависимости от степени близости концептуальных систем и универсальности концептов, требующих передачи на язык перевода.

В перспективе современной когнитивной лингвистики *концепт* представляет собой «сложный феномен, включающий имажинативную, нейронную, моторную, перцептивную и аффективную составляющие» [Бородай 2023: 230], а концептуальная система понимается «в тесной связи с сенсомоторной информацией» [там же: с 229]. Таким образом, концептуальные системы представляют собой набор ментальных моделей, обусловленных непосредственным опытом человека. Дж. Лакофф выделяет четыре типа когнитивных моделей: пропозициональные, схематические, метафорические и метонимические [Лакофф 2011:

203], которые описывают основные механизмы мышления и становления концептуальной системы человека. В данном исследовании мы обратимся к рассмотрению метафорических моделей в аспекте перевода.

В процессе перевода восприятие метафорических моделей исходного текста осложнено концептуальной системой родного языка и неизбежно приводит к возникновению «помех» в его понимании. Именно поэтому сопоставительное исследование и описание когнитивных моделей, вербализованных в языке, представляется крайне актуальным для практического использования переводчиками.

Исследованию метафорических моделей с позиций перевода посвящены работы И.В. Плотникова [2018], который предлагает классификацию лингвокогнитивных способов и стратегий перевода когнитивной метафоры; Е.С. Лаврентьевой [2015], исследующей трудности перевода концептуальных метафор, которые приводят к выбору одной из двух стратегий: доместикации или форенизации. В исследовании Я.А. Евстафовой описываются закономерности перевода концептуальных моделей и выявляются их лингвокультурологические особенности [Евстафова 2011: 23]. Несмотря на значимый вклад указанных выше исследований в развитие когнитивной теории перевода и теории когнитивной метафоры проблема выявления и классификации соответствий метафорических моделей в языке оригинала и языке перевода представляется недостаточно освещенной. Полагаем, что разработка подобного рода параллельных корпусов метафорических моделей, аналогичных репозиторию MetaNet [MetaNet: URL], могла бы значительно облегчить работу переводчиков.

В настоящем исследовании предлагается алгоритм выявления соответствий метафорических моделей концепта ЖЕНЩИНА, вербализованных в английском языке и переводах на русский язык, который основывается на методике, использованной при создании вышеупомянутого репозитория и подробно описан в одном из наших исследований [Глухова 2023б]. Моделирование концептуальной метафоры в целях перевода состоит из нескольких этапов: определение целевого концепта; выборка языковых метафорических репрезентаций, вербализующих данный концепт на языке оригинала; анализ языковых метафор на языке перевода; проверка концептуальных оснований метафор оригинала и перевода в корпусах и ассоциативно-вербальных сетях [Глухова 2023а: 932-933]. Материалом исследования стали тексты СМИ и их переводы, представленные на портале ИноСМИ [inosmi.ru: URL].

Таблица. Сопоставительный анализ метафорических моделей в оригинале и переводе

Языковые репрезентации	Концептуальная область	Метафорическая модель оригинала	Перевод	Метафорическая модель перевода
<i>Mother Nature</i>	<i>fertility</i>	Woman is fertility	Мать-Природа	Женщина – плодородие
<i>the fair sex Goddess a rose</i>	<i>beauty</i>	Woman is beauty	Прекрасный пол Роза Богиня	Женщина – красота

<i>the backbone of the family</i> <i>the heart of the home</i>	centre	Woman is center	Опора семьи Сердце дома	Женщина – начало
<i>the iron lady</i> <i>Queen</i>	strength	Woman is power	Железная леди Королева	Женщина – сила
<i>a guiding light</i>	mentor	Woman is mentor	направляющий свет	Женщина – спутник
<i>steering wheel</i>	drive	Woman is drive	двигатель прогресса	Женщина – двигатель
<i>spark plug</i>	inspiration	Woman is inspiration	искра	Женщина – муза

Обращение к концепту ЖЕНЩИНА обусловлено его значимостью в современном обществе, характеризующемся в свете аксиологических трансформаций особой гендерной чувствительностью. Результаты последующих этапов представлены в Табл.

Результаты проведенного исследования показывают ряд расхождений в концептуальных основаниях метафорических репрезентаций оригинала и перевода (*Woman is centre – Женщина есть начало; Woman is mentor – Женщина есть спутник*). В процессе валидации с использованием материала русского ассоциативного словаря [РАС], где из 528 реакций на стимул *женщина* самой частотной является реакция *мужчина* (71), указывающая на крепкую ассоциативную связь с противоположным полом. Реакции *жена* (6), *и мужчина, друг* (2), *подруга* (1) также свидетельствуют в пользу справедливости выбора метафорической модели женщина – спутник для вербализации концепта в русской культуре. В том случае, когда при передаче языковой метафоры *woman is guiding light* осуществляется калькирование (*направляющий свет*), с одной стороны, наблюдается альтернативная концептуализация как результат стратегии форенизации, а с другой – словосочетание *направляющий свет* ассоциируется с путеводной звездой, указывающей путь и сопровождающей путника в дальнем странствии, и происходит смешение концептуальных областей.

Таким образом, метафорическая модель представляется достаточно эффективным инструментом в работе переводчика, а его знание, понимание и использование такой модели приводит к более осознанному выбору стратегии перевода и достижению желаемой цели. Дальнейшие исследования в этом направлении, а также создание на их основе параллельных баз данных метафорических моделей, представляются крайне перспективными как для практического использования, так и в целях обучения переводу.

Литература

- Бородай С.Ю. Язык и познание: пострелятивистская исследовательская программа. Осознать смысл, осмыслить сознание: манифест Другой философии / отв. ред. А.В. Смирнов. М.: ООО «Садра», 2023. С. 213-263.
- Глухова О.В. Метафоризация концепта «слово» в русском ассоциативном тезаурусе // Этнопсихоллингвистика. 2023а. № 4 (15). С. 7-21.
- Глухова О.В. Цифровые инструменты анализа концептуальной метафоры (на примере базы данных METANET) // Когнитивные исследования языка. 2023б. № 4 (55). С. 931-934.

Евстафова Я.А. Лингвокогнитивные аспекты перевода антропоцентрических концептуальных метафорических моделей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011.

ИноСМИ. URL: <https://inosmi.ru>.

Лаврентьева Е.С. Способы перевода метафорических моделей в поливекторном дискурсе // Вестник Московского ун-та. Серия 22: теория перевода. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-perevoda-metamoricheskikh-modeley-v-polivektornom-dis-kurse>.

Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Гнозис, 2011.

Минченков А.Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале англ. яз.): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2008.

Плотников И.В. Сопоставительное исследование метафорических моделей в переводах поэтических текстов Иосифа Бродского: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2018.

РАС – Русский ассоциативный словарь. URL: <http://thesaurus.ru/dict>.

Halverson S. Cognitive translation studies. Developments in theory and method // ed. by G. Shreve, E. Angelone. Translation and cognition. Amsterdam: John Benjamins, 2010. Pp. 349-370.

MetaNet Metaphor Wiki. URL: <https://metaphor.icsi.berkeley.edu/pub/en>.

Routledge encyclopedia of translation studies / ed. by M. Baker, G. Saldanha. L.: Routledge Taylor & Francis Group, 2009.

Olga V. Glukhova (Rostov, Russia)
Rostov State University of Economics

THE METAPHORICAL MODELLING IN TRANSLATION (ON THE BASIS OF THE CONCEPT “WOMAN”)

The study provides a justification for the use of metaphorical models for translation purposes. It presents the algorithm for conceptual metaphors modeling in the original language and the translation language. The paper deals with the concept WOMAN as an example to model its metaphorical projections. The material used for analysis is retrieved from bilingual (English-Russian) media texts.

Key words: conceptual metaphor, metaphorical model, translation, concept, woman

К.В. Голубина (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
k.v.golubina@linguanaet.ru

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕВОДА РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье обсуждается возможность построения когнитивной модели перевода русского жестового языка. С опорой на модель распределения когнитивных усилий Д. Жилия, модель С. Пойнтюрье-Пурнен для перевода с использованием французского жестового языка и на основе анализа специализированной литературы и опроса слышащих переводчиков русского жестового языка исследуется расширение когнитивной модели для русского жестового языка, учитывающее как особенности последнего, так и социокультурные характеристики российского сообщества глухих.

Ключевые слова: когнитивная модель, жестовый перевод, русский жестовый язык (РЖЯ), визуально-пространственная модальность, модель распределения когнитивных усилий Д. Жилия, модель С. Пойнтюрье-Пурнен

Моделирование процесса перевода является одним из ключевых вопросов переводоведения. На протяжении длительного времени особое внимание теоретиков и практиков перевода привлекает моделирование процесса синхронного

перевода и создание единой теоретической модели синхронного перевода для звуковых языков, иначе говоря, одномодального перевода (в рамках аудиальной модальности). К настоящему моменту разработаны следующие модели: деятельностная модель А.Ф. Ширяева, интерпретативная модель Д. Селескович, психолингвистическая модель Г.В. Чернова, психологические модели Д. Гервера и Б. Мозер, модель распределения когнитивных усилий Д. Жилия, когнитивно-динамическая концепция Д.В. Балаганова и другие [Балаганов 2020].

Однако с признанием самостоятельного лингвистического статуса жестовых языков и становлением профессии переводчика жестового языка в России и за рубежом возникает вопрос: насколько существующие модели синхронного перевода и какие конкретно применимы к жестовому переводу как кроссмодальному переводу между естественными языками разной модальности (аудиальной и визуально-пространственной)? Каким образом следует учитывать такие факторы как уникальность жестовых языков и, как следствие, недостаточную изученность лингвистики жестовых языков, особенно русского жестового языка, зависимость от понятийно-терминологического аппарата лингвистики и переводоведения звуковых языков, социокультурные особенности сообщества глухих и, как результат, наличие разнообразных взглядов на деятельность переводчика жестового языка?

Остановимся более подробно на двух ключевых моментах – специфике жестового перевода и различных ролях переводчика жестового языка, которые отражают понимание его деятельности одной из целевых аудиторий – глухими и слабослышащими. В специализированной англоязычной литературе можно встретить определение жестового перевода и как межязыкового перевода, и как транскодирования, поскольку, по мнению Уинстон, переводчики жестовых языков работают не только с парой языков, но и с двумя формами языка – звуковой и визуально-жестовой [Roberson 2018]. Последнее толкование не получило признания в отечественной профессиональной переводческой среде, где превалирует теория трех видов перевода Р. Якобсона. Очевидно, что процесс жестового перевода несколько отличается от звукового тем, что визуально-пространственная модальность жестового языка влияет на когнитивные механизмы переводческого процесса, придавая ему дополнительную специфику. Эта специфика включает такие параметры как первостепенность визуального канала передачи информации, требование к переводчику все время быть «на виду», синхронность, высокая степень визуальной конкретизации, использование жестового пространства адресанта и акцент на гиперо-гипонимических отношениях [Голубина, Кумуржи 2022].

На протяжении достаточно долгого периода менялось представление о сути деятельности переводчика жестового языка. В связи с тем, что раньше, как правило, переводческие функции выполняли не имевшие профессионального образования слышащие дети глухих родителей (CODA или бимодальные билингвы) или сурдопедагоги, роль переводчика жестового языка приравнивалась к роли социального помощника. Позже переводчик жестового языка рассматривался в широком смысле как канал передачи информации или «расшифровщик» информации, затем как бимодальный бикультурный медиатор [Wilcox, Shafer 2005]. Если рассматривать жестовый перевод как когнитивно-дискурсивный процесс, в

который вовлечены языки разных модальностей, и учитывать тот факт, что жестовый перевод – это в первую очередь синхронный перевод, то, соответственно, необходимо пересмотреть существующие взгляды на деятельность переводчика жестового языка и проанализировать когнитивные модели перевода для выработки собственной модели жестового перевода.

Наиболее близко к этой цели подошла переводчик и исследователь французского жестового языка Софи Пойнтюрье-Пурнен, разработавшая на основе модели распределения когнитивных усилий по синхронному переводу между звуковыми языками Д. Жилия и его же гипотезы «каната» свою эмпирическую модель перевода с использованием французского жестового языка. Автор проанализировала совокупность ограничений, сопутствующих осуществлению жестового перевода, которые отличаются от тех, что обычно наблюдаются при устном переводе между звуковыми языками, а именно, социально-экономические, лингвистические и пространственные ограничения. Затем автор рассмотрела эффективность транспонирования когнитивной модели Д. Жилия на перевод с использованием французского жестового языка. Для лучшего понимания когнитивных механизмов перевода и предварительного анализа когнитивной нагрузки переводчика французского жестового языка исследователь использовала концепцию построения сценария Серо-Гийома. Пойнтюрье-Пурнен искала ответ на вопрос, является ли способность к визуальному синтетическому представлению большей или меньшей, если принять во внимание степень абстрагированности жестовой речи, технику изложения, отсутствие лексических соответствий во французском жестовом языке, контекст устного перевода (педагогический, лекционный и т. д.), а также подготовку переводчика. Далее она описала специфические тактики, к которым прибегли переводчики французского жестового языка – перефразирование, построение сценария, заимствование, дактилирование и транскодирование, и представила их в виде новых компонентов когнитивных усилий в жестовом переводе. Полученные в результате эмпирического исследования перевода с использованием французского жестового языка данные позволили автору выделить ключевые элементы для дальнейшего понимания когнитивного процесса жестового перевода с использованием французского жестового языка. [Pointurier-Pournin 2014]

Для верификации данных по когнитивным операциям, к которым прибегают переводчики жестового языка, нами был проведен опрос семи слышащих переводчиков русского жестового языка в возрасте до 30 лет, четверо из которых имеют профильное переводческое образование, а трое получили образование в других гуманитарных областях, включая сурдопедагогику. Опрос происходил в формате управляемой дискуссии и профессионального нарратива, что позволило выявить общие переводческие трудности и когнитивные усилия, которые участникам опроса приходится предпринимать для преодоления этих трудностей. В частности, было установлено, что одним из важнейших факторов, влияющих на когнитивную нагрузку переводчика русского жестового языка, является социально-аффективный, выраженный в трудноизмеримом уровне доверия глухой

аудитории к слышащему переводчику. Немаловажным является и фактор гетерогенности целевой аудитории жестового перевода, которая может быть одновременно представлена тотально глухими носителями русского жестового языка, позднооглохшими и слабослышащими, имеющими различные ожидания в отношении действий переводчика. Это осложняет выбор адекватных переводческих тактик – переводчик русского жестового языка должен мгновенно переключаться с русского жестового языка на дактилирование или калькирующую жестовую речь, но не всегда такая комбинация тактик находит понимание среди целевой аудитории. Часто дактилирование рассматривается глухими как вторжение звукового национального языка в жестовый язык, даже если это и влечет за собой потерю информации. Третьим фактором указывалась высокая вариативность русского жестового языка, связанная с отсутствием общепринятой языковой нормы. Переводчики русского жестового языка также упоминали значительное количество лексических лагун в РЖЯ, особенно в области абстрактной лексики и специальной терминологии, а поиск эквивалентов значительно увеличивал когнитивную нагрузку переводчика.

В целом, однако, можно утверждать, что на фундаментальном уровне когнитивные задачи, стратегии подготовки и способы преодоления трудностей в синхронном звуковом и жестовом переводе схожи. Для разработки когнитивной модели перевода русского жестового языка в качестве основы можно взять модель распределения когнитивных усилий Д. Жилиа и эмпирическую модель Пойнтюрье-Пурнен, дополнив их когнитивными операциями, обусловленными спецификой функционирования русского жестового языка и социокультурными особенностями российского сообщества глухих.

Литература

- Балаганов Д.В.* Процесс синхронного перевода с точки зрения когнитивно-динамической концепции // Современное педагогическое образование. 2020. № 7. С. 111-115.
- Голубина К.В., Кумуржи Э.В.* Особенности жестового перевода как кросс-модального перевода между естественными языками // Перевод как профессия, наука, творчество: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Похолкова, М.В. Полубоярова, К.И. Таунсенд. М.: Р. Валент, 2023. С. 252-261.
- Gile D.* Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009.
- Pointurier-Pournin S.* L'interprétation en Langue des Signes Française: contraintes, tactiques, efforts // Linguistique. Université de la Sorbonne nouvelle. Paris III, 2014. URL: <https://theses.hal.science/tel-01077924>.
- Roberson L.* Interpreting: An Overview // Signed Language Interpreting in the 21st Century: An Overview of the Profession / ed. by L. Robertson, Sh. Shaw. Washington: Gallaudet University Press, 2018. Pp. 1-22.
- Wilcox Sh., Shaffer B.* Towards a cognitive model of interpreting // Topics in Signed Language Interpreting / ed. by T. Janzen. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2005. Pp. 135-164.

Ksenia V. Golubina (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

TOWARDS A COGNITIVE MODEL OF RUSSIAN SIGN LANGUAGE INTERPRETING
The article looks into the possibility of developing a cognitive model of Russian Sign Language Interpreting. The author makes use of Gile's Efforts Model, Pointurier-Pournin's Model of French Sign

Language Interpreting and, based on the analysis of the literature and a survey of hearing Russian Sign Language interpreters, considers a possible extension of the cognitive model to accommodate the specifics of the Russian Sign Language and of the Russian Deaf Community.

Key words: cognitive model, signed language interpreting, Russian Sign Language (RSL), visual-spatial modality, Gile's Cognitive Efforts Model, Pointurier-Pournin's Model

*Л.Ю. Губочкина (Москва, Россия)
Государственный университет просвещения
glubov09@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО ПЕРЕВОДА АНТРОПОМОРФНЫХ ОБРАЗОВ

В статье рассматриваются характеристики лингвистического антропоморфизма и способы интерпретации антропоморфных образов в переводном художественном произведении. Цель работы заключается в определении роли микроконтекстной и макроконтекстной интерпретации в процессе перевода антропоморфных понятий. Текстологический анализ проводится на примере художественных произведений. Комментируются решения переводчика в отношении использования способов интерпретационного перевыражения антропоморфных образов.

Ключевые слова: поэтический антропоморфизм, интерпретационный перевод, микроконтекстная и макроконтекстная интерпретация, художественный текст

Поэтический антропоморфизм и интерпретация антропоморфных образов являются дискурсивными вопросами в теории и практике перевода.

Цель работы заключается в рассмотрении способов интерпретационного выражения антропоморфизма в литературном переводе.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения лингвистического антропоморфизма и важностью рассмотрения способов перевода антропоморфных понятий в литературном произведении.

Новизна исследования состоит в том, что впервые интерпретация как способ перевода рассматривается в рамках воссоздания образов поэтического антропоморфизма.

Методами исследования являются сравнительно-сопоставительный и описательный анализ отрывков оригинального текста и переводного произведения.

Практическая и теоретическая значимость работы определяются использованием результатов исследования в переводоведении, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии и в области интерпретации художественного текста.

Вопросы интерпретации антропоморфных образов в произведении занимают ключевую позицию в проблематике художественного перевода и рассматриваются под контрастивным углом зрения.

Интерпретация как средство помогает воссоздать образ антропоморфизма в художественном произведении [Губочкина 2022: 52]. Существует несколько способов интерпретационной передачи образов антропоморфизма: **микроконтекстная интерпретация образа** (термин наш – Л.Г.) и **макроконтекстная интерпретация образа** (термин наш – Л.Г.).

Микроконтекстная интерпретация – вид интерпретации, который используется автором перевода в пределах одного предложения или абзаца (Л.Ю. Губочкина). ‘...I can never look at a *confirmed bachelor*’ [Уайльд 2001: 42] // «Я не могу смотреть на *неисправимых холостяков и старых дев*» (пер. Т. Габбе) [Английские сказки 2009: 123]. В произведении О. Уайльда «Преданный друг» антропоморфный персонаж *the old Water-rat* представлен в образе мужского персонажа. В англоязычной антропоморфной системе сущ. *крыса* соотносится с м. р. в отличие от сущ. *крыса* в русском языке. Возникает лингвокультурологический диссонанс между восприятием образа у представителей англоязычной культуры и представлениями русскоязычного читателя. Для того, чтобы восстановить связь образа подлинника и образа переводного текста, переводчик прибегает к интерпретации. Переводчик вынужденно интерпретирует антропоморф в соответствии с грамматической системой языка перевода, применяет прием расширения значения, и в переводе имеем обобщенную единицу «*неисправимые холостяки и старые девы*».

В вышеуказанном примере интерпретации подвергается один абзац текста. Соответственно, автор перевода не меняет смыслодержательную часть всего произведения. Преобразования антропоморфных образов происходят в микроконтекстном окружении единицы перевода.

Макроконтекстный вид интерпретации – это вид интерпретационного преобразования в условиях целого текста (Л.Ю. Губочкина). Понятие макроконтекстной интерпретации затрагивает рассмотрение сразу нескольких единиц перевода в едином индивидуально-авторском контексте. Например, в произведении О. Уайльда «Счастливый Принц» образ *Ласточки* в англоязычной картине мира представлен характеристиками мужского рода и мужскими характеристиками, в то время как образ *Тростника* имеет женские черты и свойства в антропоморфной системе английского языка. ‘... *he (the Swallow) felt lonely*’ [Уайльд 2001: 10] // «*Ласточка* почувствовала себя сиротой». ‘*She (the Reed) is a coquette*’ // «... *он* очень *ветрен...*» (пер. К. Чуковского) [там же: 150].

Антропоморфные образы переплетаются в сюжете авторской сказки. Персонаж *Ласточки* с мужским характером и намерениями удачно фигурирует в тексте первоисточника, наделен мужественностью и влюблен в *Тростник*, который, в свою очередь, наделен женскими качествами. В тексте перевода происходит замена гендерных качеств образов в соответствии с грамматической системой языка перевода [Губочкина 2019: 52]. *Ласточка* перевоплощается в женский образ, а *Тростник* – в мужской. Происходит зеркальное отображение образов в языковой плоскости. Переводчик вынужден интерпретировать образы в диаметрально противоположном направлении. Соответственно, меняется идея автора первоисточника, сюжетная линия приобретает новую экспликацию. Функция, значение и характеристики образов приобретают другое назначение в переводе. Способ перевода определен макроконтекстной интерпретацией, которая охватывает весь сюжет и вносит изменения в полный объем текста.

При выборе способа передачи образов антропоморфизма переводчик руко-

водствуется экстралингвистическими, фоновыми знаниями и творческой интуицией. В основе интерпретационной модели перевода лежит индивидуально-авторское мировосприятие.

Образы поэтического антропоморфизма содержат в себе яркие эмоциональные характеристики, витиеватые смысловые структуры и стилистические штрихи художественного наполнения. Согласно исследованиям Л.Ю. Губочкиной и Д.С. Лукина, культурно-языковые особенности образов антропоморфизма играют значительную роль в воссоздании подлинника [Губочкина, Лукин 2021: 247]

Художественный абрис (термин наш – Л.Г.) исследуемых образов наполнен одухотворенностью самого автора оригинала и автора переводного произведения. Благодаря интерпретационному изображению поэтических образов при переводе с английского языка на русский образы становятся понятными реципиенту и сливаются с культурно-национальным наследием того или иного народа. В результате интерпретации образов в процессе прочтения переводного произведения в сознании читателя рождаются новые поэтические образы, персонажи и художественные герои, наполненные яркими свойствами и содержащие иные категории.

В момент интерпретации образов реализуются задачи лингвокультурологического назначения. Образы переносятся в инокультуру, приобретают иноязычные черты и свойства через призму интерпретационного перевода.

Интерпретируемые образы влекут за собой и интерпретацию подлинника, так как перевыражение качеств образов оригинала, гендерных и внешних характеристик антропоморфных персонажей происходит в тесной связи со смысловой частью произведения. Соответственно, смена рода и замена качеств персонажей влияет на взаимосвязь и взаимодействие героев в тексте. Любой трансформационный алгоритм действий влечет за собой модификацию самого произведения [Василевич и др. 2021: 45]. Искусство интерпретационного перевода определяет значимость самого произведения в контексте двух диаметрально противоположных культур. Воссоздание подлинника в контексте интерпретации происходит через индивидуально-авторское восприятие действительности и мировоззренческую концепцию автора перевода. В интерпретации происходит слияние экстралингвистических знаний, лингвокультурологических закономерностей и философско-мифологических представлений о мире. Процесс интерпретации художественного произведения можно сравнить с процессом развития сложного, многогранного, ступенчатого организма. Ментальная составляющая народа и культурно-языковая традиция прослеживаются в способах интерпретации художественных образов антропоморфизма.

Резюмируя вышеприведенные факты сравнительно-сопоставительного анализа текста первоисточника и текста перевода, делаем следующие выводы. Автор перевода выбирает способы интерпретации в зависимости от лексико-семантического объема и стилистического назначения антропоморфной единицы, ориентируясь на языковую возможность выражения этой единицы в созданном переводном тексте. Интерпретация образа может быть как микроконтекстной, так и макроконтекстной в зависимости от семантикосмысловых условий исходной

единицы. Главной задачей переводчика является воссоздание целостности антропоморфного образа в переводном произведении с помощью интерпретационной трансформации.

Таким образом, интерпретационная трансформация играет важную роль в переводоведческой деятельности. Способы интерпретации антропоморфных персонажей являются контекстологическим мостом между образами оригинала и образами переводного произведения. Воссоздание целостной картины произведения через интерпретацию возможно в условиях лингвокультурологического компонента [Губочкина 2019: 200]. В пространстве двух культур возникает невидимый диалог автора и переводчика, в основе которого лежит интерпретационная теория перевода. Автор перевода создает уникальное произведение, используя законы интерпретации и ее лингвистические функции. Пересечение двух миров в англоязычном и русскоязычном художественном пространстве текста происходит благодаря интерпретации и возможности ее использования в новом амплуа.

Исследование способов интерпретационного воссоздания образов антропоморфизма имеет перспективы продолжения и развития в науке о языке, в переводоведении, лингвокультурологии и когнитивной лингвистике.

Литература

- Английские сказки / под ред. Т.А. Комзалова. Смоленск: Русич, 2009.
- Василевич А.П., Фунтова И.Л., Губочкина Л.Ю. Проблема противоречивости между английской орфографией и произношением / Язык и культура. 2021. № 56. С. 44-61.
- Губочкина Л.Ю. Трансформационные способы художественного перевода и их роль в развитии лексикографии // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф. М.: МГОУ, 2019. С. 200-203.
- Губочкина Л.Ю. Гендерная и функциональная дифференциация антропоморфических образов в лимнологической лингвопоэтике // Лингвистическая лимнология. М.: МГОУ, 2019. С. 51-54.
- Губочкина Л.Ю., Лукин Д. С. Художественный перевод эмотивных характеристик антропоморфизма (на материале английского языка) // Современное педагогическое образование. 2021. № 4. С. 246-250.
- Губочкина Л.Ю. Переводческая интерпретация художественного произведения (на примере воссоздания образов поэтического антропоморфизма) // Пражский лингвистический кружок и развитие лингвистики XX века (к 140-летию со дня рождения В. Матезиуса). М.: ПЕРО, 2022. С. 49-54.
- Уайльд О. Сказки / на англ. и русск. яз. М.: Радуга, 2001.

*Lyubov Yu. Gubochkina (Moscow, Russia)
State University of Education*

INTERPRETING TRANSLATION OF ANTHROPOMORPHIC CHARACTERS

The article deals with the features of linguistic anthropomorphism and the ways of interpreting anthropomorphic characters in literary translation. The purpose of the work is to determine the role of microcontext and macrocontext interpretation in the translation of anthropomorphic concepts. The analysis of the text is carried out in literary works of art. The translator's decisions and the use of interpretation technique are commented on in the scientific paper.

Key words: poetic anthropomorphism, interpreting translation, microcontext and macrocontext interpretation, literary translation

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ

В статье рассматриваются проблемы лингвистического переноса синтаксических структур английского языка в текст перевода на русский язык. Когнитивные основы такого переноса часто не учитывают различий между семантическим мышлением носителей английского и русского языков, иначе говоря, различий в семантической упаковке передаваемой информации. В фокусе рассмотрения находится синтаксическая структура агенс – действие, как структура типичная для обоих языков.

Ключевые слова: перевод, лингвистический перенос, семантическое мышление, упаковка

С точки зрения современной когнитивной науки информация в нашей памяти хранится в виде определенных пакетов, которые получили название фреймов, схем и сценариев. Поступающая вновь информация упорядочивается в соответствии с хранящимися в памяти данными пакетами информации. Такие пакеты информации обеспечивают адекватное понимание и адекватную обработку стандартных ситуаций. Понимание вновь поступающей информации об объекте или какой-либо ситуации сводится к попытке отыскать в памяти знакомую ситуацию, либо поместить новый объект в класс уже получивших свою классификацию знакомых объектов, т. е. происходит своего рода упорядочивание информации в соответствии с уже имеющейся в памяти. Поскольку наши представления о действительности имеют нерасчлененный характер, вербализация внеязыковой информации и понимание этой «упакованной» информации представляют собой сложные процессы [Болдырев 2009: 11].

Единственным средством «упаковки» и передачи информации является ее вербализация, т. е. для упаковки мы используем естественный язык. По определению У. Чейфа процессы вербализации можно разделить на три типа: 1) процессы, связанные с организацией содержания; 2) «упаковка» содержания в соответствии «с оценкой говорящим состояния ума адресата... и его рабочих возможностей в пределах конкретного контекста речи»; 3) синтаксические процессы «навязываемые» конкретным языком. Например, один язык может требовать согласования глагола с подлежащим в лице, числе и роде, тогда как в другом языке такое требование может отсутствовать [Чейф 1983: 35]. Иными словами, семантическое мышление у носителей различных языков может отличаться во многих аспектах.

Указанные синтаксические процессы часто отличаются в различных языках при неизменном передаваемом содержании, и поэтому этот аспект «упаковки» необходимо учитывать при переводе с одного языка на другой.

Можно сказать, что перевод – это процесс когнитивной обработки информации в иностранном языке, процесс сохранения исходного смыслового содержания в иной системе языковых знаков, т. е. в ином семантическом мышлении [Кривоносов 227: 356]. Для выражения одной и той же формы мысли в исходном

языке и языке перевода избираются различные языковые знаки.

В когнитивной обработке и заключается трудность адекватного перевода. С целью сохранения логического смысла при переводе могут привлекаться иные языковые средства, описания, перефразирования. И все для того, чтобы найти в своем языке соответствующие (далеко не аналогичные) языковые формы, которые могут не совпадать с формами оригинала, но служат для полного и точного выражения мысли оригинала [Кривоносов 2017: 357].

При переводе необходимо учитывать это различие в семантической упаковке в силу того, что выбранная «упаковка», иными словами, переведенный текст, запускает в действие когнитивные механизмы обработки поступающей информации у получателя перевода. Структуры хранения информации могут не совпадать у носителей разных языков. Определенные языковые структуры и выражения, которые с точки зрения переводчика должны активировать у получателя перевода именно определенную ситуацию, не обязательно активируют эту ситуацию в том аспекте, в каком ее хочет передать переводчик. И могут активировать совершенно неожиданные аспекты описываемой ситуации.

В статье речь пойдет о синтаксическом аспекте упаковки информации на языке перевода, в частности, о переводе с английского на русский язык структур, типичных для обоих языков, а именно структур с активным подлежащим, которое совершает определенные действия.

Как русский, так и английский языки строят свои высказывания схожим способом: на первое место ставится субъект высказывания на второе совершаемое этим субъектом действие. И такая схема хранится в памяти носителей обоих языков. Новая, построенная по этой модели ситуация обрабатывается без особых проблем и укладывается в такую же схему на языке перевода (в нашем случае русском). Однако именно в этом и может состоять проблема перевода указанной структуры, поскольку обработка такой структуры не вызывает трудностей у получателя перевода, в силу присутствия аналогичной структуры в русском языке. Поэтому переводчики часто автоматически сохраняют исходную синтаксическую английскую структуру, справедливо в каком-то смысле полагая, что русская упаковка не требует изменения, поскольку в русском языке информация часто упаковывается точно таким же способом. Тем не менее, это часто не соответствует реальному положению дел.

Проблема кроется в том, что область семантического охвата указанной схемы в английском языке значительно шире, нежели чем в русском, в том смысле, что в русском языке, как правило, определенные действия могут совершать только одушевленные сущности. Например, действие говорения, восприятия и многие другие, в то время как в английском языке указанные действия могут совершать сущности неодушевленные.

В английском же практически любой семантический агент может быть носителем любого действия. В силу широкой распространенности указанной модели, английские тексты часто строятся с постоянным ее употреблением. Особенно это заметно в текстах определенных жанров: публицистических, научных. Хотя указанная модель не чужда и художественным текстам.

Следует также отметить, и то, что и в русском, и в английском языках часто имеет место субъективная оценка с точки зрения одушевления субъекта действия. А поскольку любой субъективизм не подлежит строгому описанию, то такое положение вещей может приводить к определенным трудностям. В том смысле, что носители языка по-разному воспринимают персонафицированные субъекты. То, что одушевляется для носителей английского языка, не обязательно одушевляется для носителей русского.

Проиллюстрируем высказанные соображения на примерах. Приведенные отрывки взяты из книги по переводу «In other words». This book *addresses* the need for a systematic approach to the training of translators and *provides* an explicit syllabus which reflects some of the main intricacies involved in rendering a text from one language into another. It *explores* the relevance of some of the key areas of modern linguistic theory and *illustrates* how an understanding of these key areas can guide and inform at least some of the decisions that translators have to make. It *draws on* insights from current research in such areas as lexical studies, text linguistics and pragmatics to maintain a constant link between language, translation, and the social and cultural environment in which both language and translation *operate* [Baker 1992].

В приведенном отрывке можно увидеть, что весь текст построен по указанной синтаксической структуре: агент – действие. Все существительные, выполняющие роль агента действия, являются неодушевленными: book, language, translation, но в тексте они «одушевляются», т. е. сами совершают определенные действия. В русском языке указанные агенты, как правило, не «одушевляются».

В рассмотренных примерах можно заметить, что синтаксический и семантический субъекты высказываний не совпадают. Реальными агентами являются не упоминаемые в высказываниях субъекты. Поэтому такого рода структуры легче распознаются и передаются в переводе в надлежащей семантической русской упаковке.

Аналогичные структуры используются и в следующих примерах, в которых роль носителя действия выполняют неодушевленные агенты: Arabic, grammatical structure, English, The use of conjunction, climate change, weather.

Arabic *uses* a number of devices which cannot be easily represented in back-translation [Baker 1992: 189].

The grammatical structure of Arabic therefore *favours* pronominal reference as a common device for tracing participants and establishing cohesive links in general [Baker 1992: 190].

Однако нередки случаи, когда синтаксический субъект совпадает с семантическим. Например:

Climate change *affects* everything from geopolitics to economies to migration. It *shapes* cities, life expectancies and wine lists. And because it *touches* everything *The Economist reports on*, we examine it from every angle imaginable [Economist.com].

It's the good weather that *makes* Spain such a popular tourist destination [LDOCE].

Такие структуры сложнее распознаются как нетипичные для русского языка, поскольку в русском языке, как и в английском существует широкий спектр

неодушевленных агентов, которые могут производить определенные действия: можно сказать, что изменение климата влияет и затрагивает все аспекты жизни, но нельзя сказать, что изменение климата формирует города и винные карты.

Приведенные примеры имеют целью показать высокую частотность указанной семантической упаковки в английском языке. Игнорирование этого фактора часто приводит к переводным русским текстам, содержащим избыточное число предложений, построенных по указанной модели. Это делает текст дефектным, воспринимаемым как переведенный, причем носители языка часто говорят о такого рода текстах как о плохо переведенных, в том смысле, что текст воспринимается как дефектный, т. е. не соответствующий нормам русского языка.

Следует отметить еще один важный аспект восприятия, а именно психолингвистический аспект, связанный с синестезией. Этот аспект заключается в том, что у части людей (так называемых синестетиков) структуры с одушевлением могут реально персонифицироваться в русском языке, т. е. приводить к незапланированному анимационному эффекту. Это, в свою очередь, негативно влияет на воспринимаемость текста перевода.

Литература

Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Кривоносов А.Т. Слово и мысль (вопросы взаимодействия языка и мышления). М.; Нью-Йорк, 2017.

Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С. 35-73.

Baker M. In Other Words. A coursebook in translation. London; New York: Routledge, 1992. Longman Dictionary of Contemporary English. London: Longman, 2014.

Our latest coverage of climate change // The Economist. URL: <https://www.economist.com/climate-change>.

Kira V. Gudkova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

COGNITIVE BASIS OF LINGUISTIC TRANSFER OF ENGLISH SYNTACTIC STRUCTURES INTO RUSSIAN TRANSLATION

The article discusses the problems of the linguistic transfer of English syntactic structures into Russian translations. The cognitive bases of this transfer lie in the leaving out of consideration the difference between the semantic thinking of Russian and English native speakers, that is leaving out of consideration the semantic packaging of the conveyed information. The article focuses on the typical syntactic structure for both languages, namely the structure: agent – action.

Key words: translation, linguistic transfer, semantic thinking, packaging

О ВОЗМОЖНОСТИ КОРПУСНОГО СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА СКРЫТОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

Работа посвящена обсуждению возможности использования параллельных корпусов для межъязыкового сопоставления механизмов скрытой языковой категоризации на примере сравнения результатов криптоклассного анализа в англо-русском параллельном подкорпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Ключевые слова: скрытая категоризация, криптоклассный анализ, корпусная лингвистика, метафорология, НКРЯ, параллельные тексты

Одним из способов анализа языковой категоризации мира, применяемым Воронежской лексико-типологической группой, является криптоклассный анализ: «Языковая Категоризация Мира – это уникальное для каждого этноса разрешение противоречия между дискретностью формы и континуальностью содержания языковых знаков через систему языковых категорий, как явных, так и скрытых (криптоклассов), обусловленное «наивной» систематизацией вербализованного человеческого опыта» [Борискина, Кретов 2003: 6]. А.А. Кретов и В.Т. Титов дают следующее определение криптоклассу: «скрытая лексико-грамматическая категория существительного, состоящая в распределении имен по классам в соответствии с некоторым категориальным признаком при обязательной выраженности классной принадлежности имени в структуре предложения через классификатор (конструкцию или словоформу) и имеющая соответствие в явной (морфемно-выраженной) грамматической категории хотя бы одного языка мира» [Кретов, Титов 2010: 9]. Выделение криптоклассов выступает важным этапом получения знания о «законах реального мира в том виде, в каком они отражены сознанием носителей языка, так называемой языковой картиной мира» [Щепотина 2014: 128].

На сегодняшний момент при помощи формализованной методики, описанной в работе [Борискина 2011], было выделено восемь криптоклассов английского языка [Борискина 2009, 2014; Донина 2017; Голикова 2018; Задобрицкая 2019]: *Res Parvae* («Рукоятное»), *Res Liquidae* («Жидкое»), *Res Longae Penetrantes* («Длинно-тонкий предмет стабильной формы»), *Res Acutae* («Острое»), *Res Rotundae* («Круглое»), *Res Filiformes* («Нетивидное»), *Res Planae* («Плоское») и *Res Continens* («Вместилище»). Также ранее предпринимались попытки описать криптоклассы в других языках мира [Борискина, Кретов 2003; Донина 2015], но они скорее основывались на исследовательской интуиции, а не на корпусных данных. В рамках данной работы мы предлагаем использовать параллельные тексты для поиска русскоязычных эквивалентов англоязычных криптоклассных примеров с целью более объективного выделения криптоклассов и определения их классификаторов в русском языке.

В нашем исследовании мы проверяли описанную возможность, анализируя

один из классификаторов криптокласса Res Parvae, т. е. класса небольших объектов, способных поместиться в руке, а именно классификатора *cast*. При помощи англо-русского параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) была проанализирована сочетаемость 517 абстрактных имен, взятых из оригинальной работы О.О. Борискиной [Борискина 2011], с указанным классификатором.

В ходе исследования удалось обнаружить корпусные примеры только для 37% имен из указанного списка. Анализ 1957 выявленных таким образом примеров показал, что только 5% рассматриваемых английских предложений содержат криптоклассную сочетаемость – было обнаружено 104 примера криптоклассных вхождений 27 абстрактных английских имен: *Account, Burden, Care, Caution, Convention, Doubt, End, Glory, Hope, Life, Light, Mind, Number, Operation, Politics, Secret, Shame, Sin, Smile, Spell, Spirit, Story, Suspicion, Terror, Thought, Vote, Way*.

На следующем шаге мы проанализировали русские переводы обнаруженных криптоклассных примеров. Оказалось, что в 17% русскоязычных примеров также содержится криптокласс Res Parvae, о чем свидетельствует наличие таких классификаторов этого класса как: *бросить, сбросить, отбросить, возложить, откинуть, закинуть, дать, отдать держать* (примеры 1-5). Таким образом, метафоронимами криптокласса Res Parvae в русском языке оказались такие имена как: *бремя, забота, условность, сияние, надежда, свет, луч, блик, история, голос*, проявившие в сочетаемости с указанными выше классификаторами свойства мелкого объекта, которым можно управлять рукой.

(1) *He felt he had **cast** off that fearful **burden** that had so long been weighing upon him, and all at once there was a sense of relief and peace in his soul.* – Он почувствовал, что уже **сбросил** с себя это страшное **бремя**, давившее его так долго, и на душе его стало вдруг легко и мирно.

(2) *Cast all your **care** upon Him for He careth for you.* – **Возложите** на него все **заботы** свои, ибо он печется о вас.

(3) «*May I, as they say, **cast** aside **convention**...*» – Позвольте мне, так сказать, **отбросить** в сторону **условности**?

(4) *In the evening, when the sun was dipping down behind the hills, casting them into dark shadow, but gilding the sands and **casting** a great **glory** over the sea, I went, as is my custom, for a stroll along the beach.* – Вечером, когда солнце скрылось за холмами, окутав их мрачную тенью, но золотя пески и **бросая** над морем яркое **сияние**, я пошел по обыкновенно пройтись по берегу.

(5) «*Yet do not **cast** all **hope** away. Tomorrow is unknown*» – Но не **отбрасывайте** прочь всю **надежду**, неизвестно, что будет завтра.

Также в русскоязычных эквивалентах были обнаружены примеры встречаемости криптокласса Res Liquidae, т. е. Жидкое (3% от общего количества рассматриваемых криптоклассных примеров), на что указывают такие классификаторы как *заливать, проливать*, но подобные вхождения характерны только для имени *свет* (примеры 6-7).

(6) *The very last rays of the setting sun were **casting** a bloody **light** over the*

long-shadowed grounds. – Последние лучи заходящего солнца **заливали** землю кровавым **светом**, в полях залегли длинные черные тени.

(7) *I transcribe them here only because they **cast** a fascinating **light** on his attitude toward the subject.* – Я переписываю их здесь только потому, что они **проливают** интереснейший **свет** на его отношение к этому предмету.

Также был обнаружен один пример вхождения имени убеждение в класс Res Acutae (Острое) (пример 8).

(8) *Do you think it either very wise or very witty to **cast** my **politics** in my teeth?* – Ужель вы ничего умнее и забавней не нашли, чем **колоть** мне глаза моими **политическими убеждениями**?

Примеров других ранее выделенных криптоклассов в переводах обнаружить не удалось, но были выявлены семантические группы (9% примеров), которые в дальнейшем могут поспособствовать описанию новых криптоклассов. Так, можно **наложить** заговор или заклинание; **послать** улыбку и **наслать** порчу; **пораскинуть** мозгами; **подвести** итоги; свет может **падать** и **исходить** (примеры 9-10).

(9) *She was still in front of the mirror, but turned now to **cast** a fetching **smile** on all, particularly Clyde.* – Гортензия все еще стояла у зеркала и теперь обернулась, чтобы **послать** обольстительную **улыбку** всем и особенно Клайду.

(10) *I **cast** up her **accounts**, and examined into the state of her canisters and tumblers.* – Я **подвела** **итоги** в ее счетной книге и проверила состояние жестяных ящичков и стеклянных ваз.

В оставшихся 71% проанализированных примеров криптоклассных вхождений в английском языке были переведены на русский язык одним глаголом (примеры 11-18).

(11) *«I am Russian, Russian! An airman. The Germans shot me down» Alexei **cast** all **caution** to the winds now.* – Я русский, русский, я летчик, меня немцы сбили. Теперь Алексей **не осторожничал**.

(12) *Her father had **cast** **doubts** upon the innocence of my friendship; and these.* – Ее отец **усомнился** в чистоте моих дружеских чувств к ней.

(13) *Dawn **cast** a pale **light** on the face of the moneyed martyr who had been prevented from disporting himself.* – Рассвет бледно **осветил** лицо богатого страдальца, так и не сумевшего развлечься.

(14) *«Now, Monsieur, **cast** your **mind** back,» said Poirot encouragingly.* – А теперь, месье, попробуйте **вспомнить**, – голос сыщика звучал ободряюще.

(15) *I reckoned them up; and such was the hurry of my mind, I had to **cast** the **numbers** twice.* – Я стал считать, но у меня так скакали и путались мысли, что пришлось **пересчитывать** заново.

(16) *Ages to come will never **cast** a **thought** on me or on Mr. Pope either.* – Грядущие века даже не **вспомнят** про меня, да и про мистера Попа.

(17) *Thy gaze **casts** a **spell** over me....* – Взгляд твой **околдовывает** меня...

(18) *Later, as members **cast** their **votes** to impeach him in Washington, Mr. Trump took the stage to roars of adulation from his supporters at an arena-style campaign*

rally in Battle Creek, Mich. – Позже, когда палата в Вашингтоне уже **проголосовала** за импичмент, Трамп вышел на сцену в Батл-Крике, штат Мичиган, под восторженные выкрики своих сторонников.

Полученные данные межъязыкового сопоставления показали, что несмотря на большой процент примеров, не содержащих криптоклассной сочетаемости, параллельные корпуса могут выступать важным инструментом для поиска криптоклассов в еще не описанных с точки зрения криптоклассного анализа языках, а также для сравнения криптоклассных вхождений в различных языках мира.

Литература

Борискина О.О. Криптоклассные проекции мира непредметных сущностей: опыт криптоклассного анализа словосочетаемости // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация, 2009. № 1. С. 32-37.

Борискина О.О. Криптоклассы английского языка. Воронеж: Истоки, 2011.

Борискина О.О. Познание скрытой категориальности в языке: теория и методология // Когнитивные исследования языка. 2014. № 16. С. 112-120.

Борискина О.О., Кретов А.А. Теория языковой категоризации. Национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2003.

Голикова О.А. Именная классификативность в языке: криптокласс «Res Planae»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2018.

Донина О.В. Криптоклассные данные для определения меры межъязыковой эквивалентности // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. С. 108-110.

Донина О.В. Скрытая категоризация эмоции в вариантах языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2017.

Задоривская О.Ф. Эмоции как «вместилище» в вариантах английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2019.

Кретов А.А., Тутов В.Т. Роль скрытых категорий в типологическом описании грамматики романских языков // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 7-12.

Щепотина Е.В. К вопросу о выявлении криптоклассных систем (на примере английского и немецкого языков) // Филология и лингвистика в современном обществе. М.: Буки-Веди, 2014. С. 128-131.

Olga V. Donina (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

ON THE POSSIBILITY OF CORPUS-BASED COMPARATIVE ANALYSIS OF HIDDEN LINGUISTIC CATEGORIZATION

This paper is devoted to the discussion of the possibility of using parallel corpora for interlingual comparison of hidden language categorization mechanisms on the example of comparing the results of cryptotype analysis in the English-Russian parallel subcorpus of the Russian National Corpus (RNC).

Key words: hidden categorization, cryptotype analysis, corpus analysis, metaphor studies, RNC, parallel texts

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ НАЗВАНИЙ БРЕНДОВ

Когнитивный потенциал прецедентных женских образов в переводе названий брендов позволяет обнаружить смысловое и ментальное соответствие между оригиналом и его переводом, а также проанализировать творческие решения переводчика.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, переводоведение, прецедентные имена, женский образ, бренд, реклама

В китайской литературе существует множество прецедентных женских образов, отражающих положительные или отрицательные маркированные признаки женского характера в разные эпохи. Прецедентные женские образы в рекламных текстах, выраженные прежде всего вербальными средствами, имеют огромное значение для понимания рекламного послания.

При отборе, классификации и оценке концептуального содержания исходного текста и выборе способа его репрезентации переводчику необходимо не только сохранить культурно обусловленное содержание, но и гарантировать его правильное восприятие в других культурах [Болдырев, 2018: 35]. В этом отношении переводчик уже не только механически передает функцию и смысл текста на язык перевода, но и берет на себя ответственность за принятие решений, профессиональное суждение и интерпретацию [Ремхе 2015: 17].

Рассматривая перевод с позиций когнитивной науки, можно предположить, что когнитивные способности переводчика реализуются при создании текстов на языке перевода как в виде ряда формально-логических операций, так и творческих (нестандартных) решений [Миронова 2013: 80]. Прецедентные тексты как «готовые, интеллектуально-эмоциональные блоки»... хорошо известны в обществе и постоянно используются в коммуникации [Караулов 2007: 216], они обладают когнитивным потенциалом. Прецедентные образы аксиологически детерминированы и выступают в качестве символов. При транслитерации и транскрипции семантика имени может активировать уже существующие в сознании переводчика прецедентные имена, и переводчик сознательно выбирает прецедентное имя для обеспечения полноценного восприятия целевой аудиторией иной лингвокультуры интенций бренда.

Категоризация концепта ЖЕНЩИНА может осуществляться по внешности, возрасту, занятию, характеру и т. д., так оформляется особая когнитивная зона.

Название бренда косметики Revlon на китайском языке обозначается «露华浓» (Лу хуа нон, в знач. «Цветы стали более насыщенными от росы»). Оно было взято из стихотворения «清平乐» («Стихи на мелодию Цин Пин»), написанного известным поэтом Ли Боем в похвалу красоте 杨玉环 (Ян Юйхуань), которая является одной из четырех красавиц в древнем Китае. Прецедентный образ подчеркивает внешность (красоту) женщины, что соответствует целевому воздействию

косметики бренда Revlon.

Бренд торговой сети ИКЕА, войдя на китайский рынок, выбрал иероглифы 宜家 (И Цзя) при передаче названия своего бренда. Прецедентным текстом «宜家» служит «桃夭» (Песнь о невесте) из древнейших памятников китайской литературы «诗经» («Ши цзин» / «Книга песен»)*. Отсюда происходит и фразеологизм «宜室宜家» (yíshìyǐjiā) в значении «приносить счастье всей семье». В этой песне описывается образ невесты, которая убирает дом и горницу, относясь к категории добродетельной женщины [Го 2022: 143]. Совпадение категорий прецедентного образа и идеального образа в сознании целевой аудитории ИКЕА обеспечивает апеллятивную функцию названия бренда как составной части рекламного текста.

Разные культурные фоны, обычаи и ценности народов приводят к разному выбору прототипов в рамках одной и той же категории, в то же время один и тот же прототип может находиться в разных категориях. Производитель сухого молока китайская компания «飞鹤» (Летающий журавль) назвала свой бренд в честь журавля, символа долголетия и здоровья, предполагая, что потребление сухого молока данного бренда приведет к долгой жизни. Переводческое решение обозначения бренда столкнулось с проблемами при выходе на рынок Франции, так как «une grue» по-французски означает не только «журавль», но и женщину легкого поведения.

Когнитивное направление в переводоведении позволяет обнаружить смысловое и ментальное соответствие между текстом-оригиналом и его переводом, а также проанализировать творческие решения переводчика. Отмечаем, что совпадение категорий прецедентного образа и идеального образа в сознании целевой аудитории обеспечивает реализацию апеллятивной функции названий брендов, а несовпадение – затрудняет их восприятие.

Литература

- Болдырев Н.Н. Перевод как проблема выбора когнитивных доминант // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 33-37.
- Го Тинтин. Образ женщины в литературных произведениях древнего Китая // Litera. 2022. № 10. С. 141-147.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: УРСС, 2007.
- Миронова Н.Н. Когнитивные аспекты перевода художественной литературы // Вестник Московского ун-та. Серия 22: теория перевода. 2013. № 3. С. 77-83.
- Ремхе И.Н. Переводческий процесс в аспекте когнитивного моделирования. М.: Флинта, 2015.

Du Kangze (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

COGNITIVE POTENTIAL OF PRECEDENT FEMALE IMAGES IN BRAND NAME TRANSLATION

The cognitive potential of precedent female images in the translation of brand names makes it possible to detect semantic and mental correspondence between the original and its translation, as well as to analyze the translator's creative decisions.

*桃之夭夭，灼灼其华，之子于归，宜其室家。(Персик прекрасен и нежен весной –// Ярко сверкают, сверкают цветы. // Девушка, в дом ты вступаешь женой –// Дом убираешь и горницу ты).

Key words: cognitive linguistics, translation studies, precedent names, female image, brand, advertising

*А.С. Епимахова (Архангельск, Россия)
Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
a.epimahova@narfu.ru*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СВОД СИГНАЛОВ – 1931 КАК ЯЗЫК-ПОСРЕДНИК

В статье рассматривается Международный свод сигналов (версия 1931 г.) как особая система знаков, позволявшая закодировать сообщение на одном естественном языке и распознать его с использованием другого естественного языка. Интересно рассмотреть решения, принятые разработчиками МСС-1931 с целью сделать его универсальным средством коммуникации моряков. *Ключевые слова:* профессиональная коммуникация, морская коммуникация, Международный свод сигналов, МСС

В наши дни многочисленные исследования посвящены технологиям и алгоритмам автоматического перевода, позволяющим получить на входе сообщение на одном естественном языке и на выходе – сообщение на другом естественном языке. В данном контексте интересно рассмотреть одно из средств перекодирования, возникшее задолго до цифровой эпохи – Международный свод сигналов (МСС), используемый для коммуникации между судами или судами и берегом с использованием флажной сигнализации. Сигнал, состоящий из нескольких флагов, поднимается на фал, затем с принимающего сигнал судна должны подтвердить, что приняли его.

МСС восходит к системам знаков, которая изначально не была предназначена для целей перевода. Когда флажная сигнализация была средством передачи информации на одном языке, пословный набор сообщения не вызывал тех трудностей, которые появились при межъязыковой коммуникации с использованием МСС. Как показал опыт Первой мировой войны, пословный перевод сообщения с использованием сигнального свода очень часто приводил к непониманию [INTERCO 1937: III]. Поэтому была разработана система, где сигналы соответствуют единицам языка различного уровня: звук / буква (для транскрипции / транслитерации имен, адресов), слово / словосочетание (передача конкретной информации), предложения (важные и частотные сообщения) [Епимахова 2023]. Получается, что при разборе и наборе сообщений с использованием МСС-1931 в качестве единицы перевода выступает «минимальный отрезок текста на исходном языке, соответствующий такому набору элементарных значений в языке-посреднике, который может быть поставлен в соответствие с некоторым отрезком текста на выходном языке» [Нелюбин 2003: 52]. Перевод на уровне предложения = текста (как в современной версии МСС) наиболее эффективен, однако в 1930-е гг. ограничить ряд передаваемых с использованием МСС сообщений было еще невозможно.

МСС-1931 как система знаков может быть сопоставлен с языком-посредником, поскольку он отвечает основному требованию о том, что единицы такого языка должны соответствовать смысловым единицам, выделяемым в языке оригинала и языке перевода [Ревзин, Розенцвейг 1964: 68]. В наши дни использование языка-посредника связывается с машинным переводом, при котором искусственный или естественный язык позволяет закодировать информацию входного текста на исходном языке и декодировать ее на языке выходного текста [Нелюбин 2003: 253-264]. В случае с МСС-1931 кодирование и распознавание происходило, разумеется, без использования средств автоматизации.

Несмотря на то, что МСС изначально задумывался как универсальное средство коммуникации, создать особую грамматическую систему не получилось. При разработке МСС-1931 (параллельно на разных 7 языках: английском, французском, немецком, итальянском, японском, испанском и норвежском) было принято решение взять за основу английский язык и ориентироваться на английскую грамматику при наборе и разборе сигналов на других языках [International Code of Signals 1937: 29-30]. Чтобы подчеркнуть важность грамматики, приведем пример из другой системы знаков: отмечается, что при использовании международного языка жестов жестуно, не имеющего собственной грамматики, люди оперировали одним набором жестов, но не могли понять друг друга [Зайцева 2020: 13].

Грамматические категории представлены в МСС в упрощенном виде. Во-первых, не различаются некоторые части речи (например, прилагательное и наречие). Для существительных не различается форма единственного / множественного числа.

Интересно решена проблема глагольных форм. Несколько глаголов (*be*, *have*, *can* и т. п.) сопровождаются в словарной части списками форм. Однако большинство глаголов имеют две обобщенные формы, соотносящиеся с планом настоящего и прошедшего (активный залог изъявительного наклонения), иногда добавляется третья форма будущего времени, например: *MEB Remain-s // Am-Is-Are-Remaining // MEG Has-Have-ing-Remain // MEH Shall, Will, Remain*. Используемые окончания и вспомогательные глаголы указывают на то, что форма настоящего времени объединяет Present Indefinite и Present Continuous, форма прошедшего времени – Present Perfect и Past Indefinite, а также перфектного причастия, форма будущего времени – Future Indefinite. На русский язык они переводятся с использованием инфинитива и указания на время в скобках: *Оставаться (наст. вр.)*, *Оставаться (прош. вр.)*, *Оставаться (буд. вр.)*.

Если возникает необходимость использовать иные формы глагола, необходимо обратиться к специальной таблице и создать «аналитическую форму» из двух сигналов: нужная форма глагола-образца *glean / собирать* + смысловой глагол. Глагол-образец не имеет в МСС лексического значения и используется только для указания на нужную временную форму.

Интересно сопоставить данную таблицу в оригинале и в переводе [INTERCO 1937: 48; МСС 1952: 640-641]. Это редкий случай, когда переводчик столкнулся с необходимостью передать только грамматические значения. Набор

форм дается в трех вариантах: утвердительные, отрицательные и вопросительные. Наборы включают повелительное наклонение: *ADW Glean. (An order) = Собирайте (приказание)*, формы изъявительного наклонения, относящиеся к плану настоящего, прошедшего и будущего. Формы настоящего времени объединены в английском варианте попарно фигурной скобкой: *ADX I glean. // I am gleaning = Я собираю; ADZ He, She, It, or ---, glean. // He, She, It, or ---, is gleaning. = Он, она, оно или --- собирает* и т. д. для всех форм лица и числа (кроме второго лица единственного числа, так как в английском языке она совпадает с формой множественного числа, а в русском не используется в профессиональной коммуникации). Затем приводятся формы плана прошедшего: *AEC I was gleaning. = Я собирал* и т. д.; *I gleaned. // I have gleaned. = Я собирал // Я собрал* и т. д. В английском варианте не разделяются формы, соответствующие Past Indefinite и Present Perfect, которым противопоставляется Past Continuous. В русском же варианте получается, что формы частично повторяют друг друга (несовершенный и совершенный вид). План будущего представлен в английском варианте Future Indefinite, а в русском – формой несовершенного вида: *AEM I will glean. = Я буду собирать* и т. д. Далее следует форма Future Indefinite in the Past/Second Conditional: *AER I would glean. = Я собирал бы* и т. д., что не передает всех значений английской формы. Утвердительные формы спряжения глагола-образца различаются последней буквой; от соответствующих отрицательных и вопросительных форм они отличаются средней буквой.

Поскольку использование грамматических средств в МСС ограничено, рекомендуется эксплицировать свою мысль посредством лексических средств, например, не *Agent's telegram*, а *Telegram from Agent*, *Telegram sent by agent*; не *Passengers' luggage*, а *Luggage belonging to passengers* [INTERCO 1937: 29]. В то же время технические возможности при передаче сообщений с использованием МСС также ограничены. Каждый дополнительный элемент передается с использованием нескольких сигнальных флагов, это делает сообщение более громоздким, увеличивает время его передачи, поэтому рекомендуется выбирать самую сжатую формулировку.

МСС как искусственная система знаков не соответствует подходам при конструкции языка-посредника, предполагающим либо создание нового языка со своим словарем и грамматикой, либо использование абстрактной сетки соответствий и набора универсальных для всех языков синтаксических отношений [Резвин, Розенцвейг 1964: 45]. Можно сказать, что словарь создан с нуля (лексемы представлены сочетаниями флагов), а грамматика заимствована из английского языка. Набор и разбор сообщений с использованием МСС-1931 требует знания не только сигнальных сочетаний, но и опоры на правила английской грамматики. Выбор единицы перевода при этом определен не только лингвистическими параметрами, но и важностью сообщения для профессиональной морской коммуникации. Некоторым сигналам и сигнальным сочетаниям соответствуют целые предложения (наиболее частотные), другим – словосочетания или слова. Существует также возможность закодировать один и тот же сигнал несколькими разными способами, которая вызывает дополнительные трудности [Епимахова

2022] при работе с МСС-1931.

МСС-1931 более адаптирован для международной коммуникации, чем предыдущие версии, однако и он содержит внутреннее противоречие, поскольку, с одной стороны, призван быть универсальным средством общения, а, с другой – опирается на английский язык как основной. Использование языка-посредника в данном случае не позволяет обойтись без знания английского языка (даже если он не является одним из языков коммуникации). Язык-посредник, следовательно, не выполняет в полной мере свою основную функцию. Обращение к английскому языку необходимо, когда перевод осуществляется на уровне слова или словосочетания. Впрочем, в начале 1930-х гг. еще не существовало научной базы, которая могла бы стать основой для разработки эффективного языка-посредника. МСС-1931, безусловно, является интересной попыткой создания универсальной искусственной системы знаков.

Противоречие, связанное с тем, что искусственная система знаков опирается на грамматику естественного языка, было преодолено в МСС-1965 благодаря тому, что развитие технических средств коммуникации позволило передавать основную часть информации иными способами открытым текстом, оставив МСС только для срочных и чрезвычайно важных сообщений, переводимых целиком.

Литература

Епимахова А.С. Международный свод сигналов и перевод: проблема выбора единицы перевода // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Мурманск: МАГУ, 2023. С. 47-52.

Епимахова А.С. Словарь как средство снижения когнитивной нагрузки в международной профессиональной коммуникации моряков (на материале рукописного словаря 1940–1942 гг.) // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 787-791.

Зайцева Г.В. Жестовая речь. Дактилология. Учебник для вузов. М: Владос, 2020.

МСС – Международный свод сигналов. 1931. Кн. 2. М.: Морской транспорт, 1952.

Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука 2003.

Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю. Основы общего и машинного перевода. М.: Высшая школа, 1964.

INTERCO – The 1931 International Code of Signals, American Edition, Reprinted 1937, Vol. 1. For Visual and Sound Signaling. Washington: Government Printing office, 1937.

Aleksandra S. Epimakhova (Arkhangelsk, Russia)
Northern (Arctic) Federal University

THE 1931 INTERNATIONAL CODE OF SIGNALS: A PIVOT LANGUAGE?

This paper examines the 1931 International Code of Signals (INTERCO) as a special system of signs that made it possible to encode a message in one natural language and recognize it using another natural language. It is interesting to consider the decisions made by the INTERCO developers who conceived it as a universal means of communication for sailors.

Key words: professional communication, sea communication, International Code of Signals, INTERCO

А.А. Загоруй (Орел, Россия)

*Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
zagoruy.alena@mail.ru*

О.Б. Абакумова (Орел, Россия)

*Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
abakumova-ob@mail.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ПОСЛОВИЦАХ О ВРЕМЕНИ: АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

В статье предлагается исследование проблемы перевода пословиц, основанных на концептуальной метафоре как одном из способов когнитивной концептуализации и категоризации действительности в определенном языковом социуме. В данном случае нами рассматривалась тематическая группа пословиц о времени в английском и русском языках.

Ключевые слова: пословица, метафора, концептуальная метафора, пословичный концепт, перевод

Целью работы было исследование пословиц и их переводческих эквивалентов в русском и английском языках, на примере паремических единиц с компонентом «время». Вопрос адекватного перевода фразеологических единиц и пословиц по сей день является актуальной и непростой задачей, так как они являются культурно-маркированными и во многом отражают особенности концептуализации и категоризации явлений окружающей действительности в том или ином языковом сообществе.

Стоит отметить, что концепт «время» сам по себе находится на стыке объективной реальности и его представления в языке как абстрактного понятия, что представляет дополнительную трудность. Именно поэтому, когда мы рассматриваем отражение данного феномена в языковых формах, мы можем наблюдать здесь обилие метафор, особенно в сфере фразеологической репрезентации данного феномена.

Прежде всего необходимо рассмотреть некоторые ключевые понятия, которыми мы будем оперировать: фразеологизм, пословица, пословичный концепт, переводные эквиваленты. Также мы рассмотрим некоторые виды концептуальной метафоры (по Дж. Лакоффу и М. Джонсону).

Пословица определяется нами как сложный знак гибридного типа, фразеологизм со структурой предложения, с текстовыми характеристиками и прагматическими функциями [Абакумова 2020]. В статье мы рассматриваем пословицы в неактуализованном режиме функционирования.

Говоря о метафоре, следует отметить, что она как явление неоднородна. В лингвистике существуют различные подходы к определению видов метафоры, которые, в свою очередь, основываются на различных ее аспектах. В своих исследованиях Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют следующие виды концептуальных метафор, основанные на их когнитивной сущности: ориентационные метафоры, структурные, онтологические, метафоры типа «контейнер» и некоторые другие [Lakoff, Johnson 2003]. Согласно представлениям Дж. Лакоффа и М. Джонсона,

метафора представляет собой один из основных для языкового сообщества способов осмысления многих явлений окружающей действительности и последующего отражения их в системе языка [там же]. Иными словами, метафора является одним из инструментов концептуализации и категоризации действительности, что объясняет включение ее Лакоффом и Джонсоном в систему не столько собственно языковых, но в большей степени когнитивных явлений.

Поскольку представление и отношение ко многим явлениям действительности не одинаково для различных языковых картин мира, что особенно касается многих абстрактных категорий, а время, как мы уже сказали, находится на стыке абстрактного и объективного, в культурно-маркированных единицах языка мы можем наблюдать отражение этих различий. Фразеологизмы и пословицы являются одними из наиболее национально-специфических единиц в языке, помимо этого они зачастую обладают высокой степенью абстракции и метафоричности, что создает достаточно большую трудность при попытке поиска адекватного способа их перевода. Для этого необходимо провести анализ значения пословицы, выявив концептуальные сходства и различия в двух заданных языках.

Пословицы, таким образом, также являются носителями определенных пословичных концептов в зависимости от их тематической группы. Под тематической группой в данном случае понимаются пословичные единицы, объединяемые закрепленным в них знанием и передаваемым ими отношением к одному определенному явлению действительности.

По мнению В.И. Карасика, центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип [Карасик 2002]. При этом О.Б. Абакумова предлагает различать два вида пословичных концептов. Первый связан со смыслом, реализуемым индивидуальной пословицей в речи / дискурсе [Абакумова 2020]. Второй тип пословичного концепта имеет обобщенную природу, он опирается на пословичный фонд культуры и определяется как «совокупность семантических ролей, выполняемых именем концепта в пословичных предложениях-высказываниях» [там же]. Второй пословичный концепт при этом отражает культурно обусловленное представление о каком-либо абстрактном понятии, в то время как первый – индивидуальное представление говорящего, его видение ситуации и его коммуникативную стратегию [там же].

Для выявления сходств и различий в восприятии репрезентируемого пословицами концепта *Время* и их последующего адекватного перевода предлагается рассмотреть пример: «An hour in the morning is worth two in the evening». У этой пословицы в русском языке зачастую выделяется два основных переводческих эквивалента, предлагаемых словарями: «Утро вечера мудренее» и «Кто рано встает, тому Бог подает» [Котова 2000; Маргулис, Холодная 2000].

В первом случае аксиологическая направленность пословиц совпадает: подчеркивается большая ценность начала дня в сравнении с его завершением при принятии решений и совершении каких-либо действий.

В английском варианте мы можем увидеть представление времени посредством онтологической метафоры-опредмечивания, а в русском же аналоге время

концептуализируется с помощью метафоры-персонификации.

При этом в английской лингвокультуре понятие времени, репрезентируемое здесь посредством лексической единицы «hour» (часть вместо целого), отождествляется с некой материальной субстанцией, имеющей определенную ценность и цену.

В русской же пословице мы наблюдаем антропное представление о времени как о некоем живом существе, наделенном присущим человеку (в данном случае положительным) качеством – мудростью. При этом в русском аналоге понятие времени также выражается посредством лексических единиц «утро» и «вечер», что также является представлением части как целого.

Можно сказать, что в данном случае в английском пословице делается упор в большей степени на материальную сторону ценности времени, нежели в русском аналоге.

В случае со вторым аналогом мы также наблюдаем совпадение аксиологического аспекта двух пословиц, при этом в русском аналоге ценность также реализуется ценность выполнения определенных действий (правил) для того, чтобы получить одобрение и милость высших сил, в данном случае – Бога, который способен даровать определенную награду за знание ценности утреннего времени. В русском аналоге при этом сам концепт ВРЕМЯ представлен большей степени имплицитно, из эксплицитных средств здесь наблюдается только слово «рано». В русской пословице акцент сделан на приписывании времени некой «сакральности», ведь чтя время (в данном случае утреннее) посредством определенных ритуалов (таких как ранний подъем), можно заслужить покровительство высших сил (Бога). Иначе говоря, не праздное, бережливое отношение ко времени показывается достойным поведением.

При этом с точки зрения аспекта получения какой-либо выгоды или награды, второй эквивалент видится более удачным при переводе, так как отражает материальную сторону ситуации, выраженную в английском языке словом «worth».

Таким образом, для наиболее адекватного перевода таких культурно-маркированных единиц как пословицы, необходимо уделять особое внимание анализу репрезентируемых ими концептов, зачастую выраженных посредством метафоры как когнитивного инструмента концептуализации действительности.

Литература

- Абакумова О.Б.* Метафоры в пословицах о любви: универсальное и специфическое // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (45). С. 411-422.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
- Котова М.Ю.* Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. СПб.: СПбГУ, 2000.
- Маргулис А., Холодная А.* Русско-английский словарь пословиц и поговорок. Лондон: McFarland & Company, 2000.
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 2003.

*Alyona A. Zagoruy (Orel, Russia)
I.S. Turgenev Orel State University
Olga B. Abakumova (Orel, Russia)
I.S. Turgenev Orel State University*

CONCEPTUAL METAPHOR IN PROVERBS ABOUT TIME: ASPECTS OF TRANSLATION

The article proposes a study of the problem of translating proverbs based on conceptual metaphor as one of the ways of cognitive conceptualization and categorization of reality in a certain language group. In this study, we considered a thematic group of proverbs about time in English and Russian.
Key words: proverb, metaphor, conceptual metaphor, proverbial concept, translation

*О.Д. Зубков (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
stabh7@gmail.com*

ВЛИЯНИЕ КАЧЕСТВА ИСХОДНОГО СТИМУЛА НА ГЛАЗОДВИГАТЕЛЬНОЕ И РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ СИНХРОННЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

В рамках работы анализируется глазодвигательное и речевое поведение синхронных переводчиков в рамках удаленной работы как определяемое качеством подачи исходного стимула (звука и видео). Установлено, что большее влияние качество стимула оказывает на речевое поведение переводчика.

Ключевые слова: глазодвигательное поведение, речевое поведение, удаленный синхронный перевод, полимодальный анализ, качество стимула

Как известно, процесс устного синхронного перевода сопровождается ростом мыслительных усилий, иначе – возрастанием «когнитивной нагрузки» («cognitive load» в англоязычных трудах; см. например, в [Чистова 2022; Seeber, Kerzel 2011]). Исследования когнитивных процессов, происходящих в ходе переводческой деятельности, представляют особый интерес прежде всего по той причине, что к настоящему моменту распределение когнитивной нагрузки в переводе слабо поддается прогнозированию (ср. с метафорой «черного ящика», введенной в отечественном переводоведении для описания когнитивных процессов переводчика). В современных условиях для анализа распределения когнитивной нагрузки, в том числе и при переводе, успешно применяется полимодальный эксперимент [Ирисханова и др. 2019; Kiose et al. 2023].

Работа выполнена в рамках более крупного исследования, посвященного изучению полимодального поведения переводчиков-синхронистов при удаленной работе [Зубков 2023]; в ходе общего исследования рассматривается совместная реализация трех модальностей: жестовой, речевой и глазодвигательной. В статье мы исследуем влияние качества стимула на глазодвигательное и речевое поведение переводчиков. При анализе глазодвигательного поведения мы обращаемся к длительности пребывания взгляда испытуемого в той или иной зоне

интереса на экране. Предыдущие исследования в области айтрекинга установили, что общая длительность пребывания взгляда в той или иной зоне интереса может свидетельствовать о процессе обработки визуальной информации [Holmqvist et al. 2015]. При этом стоит упомянуть о непрямом характере связи между движением глаз и когнитивными процессами [Hvelplund 2014], однако технология айтрекинга все же считается достоверным источником данных относительно когнитивных процессов человека в тот или иной момент деятельности. Также к анализу привлекается речевое поведение переводчиков, а именно, наличие в нем «речевых маркеров трудностей» (термин впервые использован в работах научной школы О.К. Ирисхановой, например, в [Ирисханова и др. 2019]). К маркерам речевых трудностей отнесены такие явления как звуки хезитации, продолжительные паузы, самоповторы и т. д., которые свидетельствуют о наличии определенной затруднительной ситуации в деятельности переводчика-синхрониста и необходимости ее преодоления.

Для получения исходных данных для исследования был проведен эксперимент, тестирующий речевую, жестовую и глазодвигательную модальности поведения переводчиков-синхронистов при удаленной работе. Испытуемым (переводчиком, практикующим синхронный перевод в качестве своей профессии) было предложено синхронно перевести с английского на русский две видеозаписи, представляющие собой записи научно-популярных выступлений спикеров на платформе для проведения видеозвонков и видеоконференций Zoom на тему экологии. Общая длительность двух видеозаписей составила 7 минут и 15 секунд. Была произведена видеозапись речи и жеста участников на камеру, глазодвигательное поведение было зафиксировано с помощью отдельной камеры айтрекера (SMI Red-x), установленной на монитор. Стимульные видеозаписи отличались качеством: у первой записи был звук высокого качества, спикером были предоставлены видеоматериалы в виде слайдов презентации. Во второй качество звука было заметно ниже (тише, местами прерывалось или наоборот, громкость резко возрастала). Видеоматериалы предоставлены были, но в определенный момент выключались с целью имитации плохого качества связи от спикера. В соответствии с исследованиями о влиянии частого пользования платформами для проведения видеозвонков на здоровье удаленных сотрудников (феномен под названием «зум-выгорание» или же «Zoom burnout») [Bailenson 2021], перед переводчиками-синхронистами также было установлено небольшое зеркальце, призванное имитировать наличие изображения с веб-камеры испытуемого. Считается, что подобное изображение может стать еще одним источником роста когнитивной нагрузки, что повышает требования к труду удаленных синхронных переводчиков. Таким образом, в качестве зон интереса рассмотрены 1) зона слайдов, 2) зона спикера, 3) зона зеркала (см. Рис.).

Исследования глазодвигательного поведения переводчиков-синхронистов (например, в [Seeber 2012]) установили, что переводчики, работающие синхронно, предпочитают зрительно фокусироваться в первую очередь на лице оратора, а после – на видеоматериалах (при наличии таковых). В рамках статьи мы предполагаем, что качество подачи исходного стимула приведет к смене предпочитаемой

зоны интереса: если при работе со стимулом высокого качества переводчики будут фокусироваться на видеоизображении оратора, то при ухудшении качества они сконцентрируются на видеоматериалах. Для проверки данной гипотезы была проведена серия парных t-тестов Стьюдента с целью установить наличие или отсутствие значимого различия между длительностью пребывания взгляда испытуемых в одной из трех зон интереса (лицо спикера, слайды презентации, зона зеркала) при работе со стимулом высокого и низкого качества. Для длительности взгляда на зону видеоматериалов не было обнаружено значимых различий (среднее значение при работе со стимулом высокого качества = 109,8 секунд; низкого качества = 113,5 секунд; значение $p = 0,816$). При анализе длительности взгляда на зону спикера различий также не обнаружено (среднее значение для хорошего стимула = 24,9 секунд; для плохого стимула = 27,4 секунды; $p = 0,755$). При обсуждении результатов анализа взгляда в зону зеркального отображения отметим, что испытуемые практически не смотрели в нее (среднее значение для стимула №1 = 0,125 секунды; стимула №2 = 2,225 секунды; значение $p = 0,327$). При том, что в целом время пребывания в зонах интереса стимула с низким качеством все-таки выше, предполагаем, что привлечение данных в отношении индивидуальных различий переводчиков поможет уточнить эти особенности.

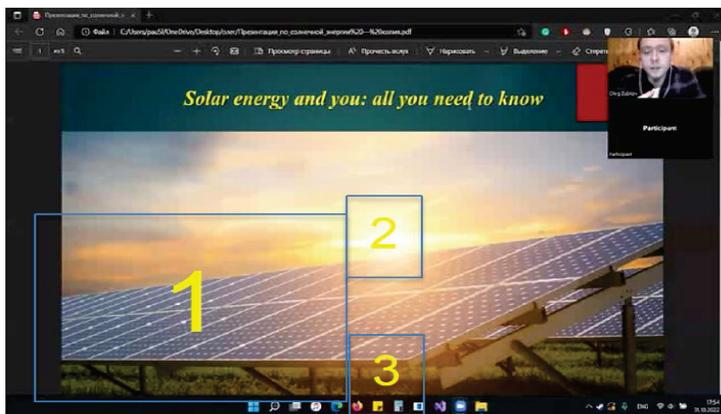

Рис. Зоны интереса: зона слайдов, зона спикера, зона зеркала

В отношении речевого поведения проведен анализ маркеров речевых трудностей, используемых переводчиками при просмотре записи высокого и низкого качества. Установлено, что качество подачи стимула влияет на количество речевых маркеров трудностей: с ухудшением качества стимула их количество растет (84 и 106 для стимула № 1 и № 2 соответственно). При этом мы обратили внимание на то, что для выхода из ситуаций повышенной когнитивной нагрузки переводчики используют ряд стратегий. Так, в примере (сначала приводится оригинал, потом перевод) (1) *Because of this modular structure, PV systems can be built to meet almost any electric power need, small or large.* = *потому что эти структуры... // самоповтор // потому что эти структуры могут быть- // усечение + самоповтор // могут использовать любую электрическую энергию, малую или*

большую после использования маркера речевой трудности (самоповтора) переводчик использует усечение, которое можно рассматривать как переводческую модификацию смысла, направленную на преодоление ситуаций повышенной когнитивной нагрузки с целью продолжения переводческой деятельности. В следующем примере (2) *There are two main types of solar technologies, which are photovoltaics on your right and concentrated solar power systems on your left.* = *Есть несколько способов получения солнечной энергии, одни из них это // хезитация // солнечные панели. // опущено* // обнаружено применение переводчиком стратегии опущения: путем удаления определенного сегмента исходного сообщения переводчик снижает когнитивную нагрузку с той же целью – продолжать перевод.

Таким образом, качество подачи исходного стимула на выбор зоны интереса удаленных синхронных переводчиков значимого влияния не оказывает (хотя в целом время пребывания во всех зонах стимула с низким качеством выше), но оказывает на речевое поведение переводчиков. Это может свидетельствовать о том, что (по меньшей мере) у тестируемых переводчиков вербальное поведение оказывается более уязвимым. Возможно, при определенной тренировке глазодвигательных навыков именно глазодвигательное поведение могло бы «принять на себя» эту нагрузку и компенсировать речевые трудности. Помимо этого, отметим, что, вопреки предыдущим исследованиям о влиянии собственного изображения в углу экрана на способность фокусировать внимание на рабочем процессе, испытуемые практически полностью игнорировали зону интереса, в которой находилось зеркало. Это может указывать как на то, что процесс синхронного перевода является настолько когнитивно затратным, что у переводчиков-синхронистов не было возможности обратить внимание на данный отвлекающий фактор, так и на то, что профессиональные переводчики-синхронисты владеют навыками грамотного когнитивного менеджмента, что позволяет им не отвлекаться на подобные зоны интереса.

Литература

Зубков О.Д. Полимодальное поведение переводчиков-синхронистов при удаленном переводе: результаты пилотного эксперимента // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки, 2023. Вып. 2 (870). С. 92-99.

Ирисханова О.К., Петров А.А., Маковеева А.И., Леонтьева А.В. Когнитивная нагрузка в условиях синхронного перевода: опыт полимодального анализа // Когнитивные исследования языка, 2019. № 38. С. 100-116.

Чистова Е.В. Когнитивный менеджмент мультимодальной коммуникации синхронных переводчиков: монография. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2022.

Bailenson J. Nonverbal overload: A theoretical argument for the causes of Zoom fatigue // Technology, Mind, and Behavior, 2021. Vol. 2. URL: <https://doi.org/10.1037/tmb0000030>.

Holmqvist K., Nyström M., Anderson R., Dewhurst R., Jarodzka H. & van de Weijer J. Eye tracking. A comprehensive guide to methods and measures. Oxford University Press, 2015.

Hvelplund K.T. Eye-tracking and the translation process: reflections on the analysis and interpretation of eye-tracking data // MonTI 1. 2014. Pp. 201-223.

Kiose M.I., Rzheshhevskaya A.A., Izmalkova A.I., Makeev S.D. Foregrounding and accessibility effects in the gaze behavior of the readers with different cognitive style // Computational Linguistics and Intellectual Technologies. 2023. Issue 22. Pp. 225-232.

Seeber K., Kerzel D. Cognitive load in simultaneous interpreting: Model meets data. *International Journal of Bilingualism*, 2011. 16 (2). Pp. 228-242.

Seeber K.G. Multimodal input in simultaneous interpreting: An eye-tracking experiment // *TRANSLATA: Translation & Interpreting Research: yesterday – today – tomorrow*. Innsbruck, Austria / ed. by L. Zybatov, A. Petrova & M. Ustaszewski. Frankfurt a/M.: Peter Lang, 2012.

*Oleg D. Zubkov (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University*

EYE-TRACKING AND SPEECH BEHAVIOR OF SIMULTANEOUS INTERPRETERS MEDIATED BY THE STIMULUS QUALITY

The paper analyses the eye movement and speech behaviours of simultaneous interpreters in a remote work environment in correlation to the quality of the original stimulus (both audio and video). Results show that stimulus quality has a greater influence on the interpreter's speech behaviour.

Key words: eye movement behaviour, speech behaviour, remote simultaneous interpretation, multi-modal analysis, stimulus quality

*В.И. Ильминская (Орел, Россия)
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
vera245prue5@mail.ru*

АВТОРСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ ДЖОНА Р.Р. ТОЛКИНА В РОМАНЕ «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ»

Статья посвящена анализу авторской идиоматики Джона Р.Р. Толкина на страницах романа «Властелин колец» с помощью когнитивно-дискурсивной модели актуализации смысла пословиц в дискурсе, ее влиянии на трактовку общего содержания коммуникативных эпизодов художественного текста и всего романа в целом и особенностям перевода паремий.

Ключевые слова: художественный текст, пословица, перевод, коммуникативный эпизод, авторские пословицы

В 70–80-е гг. XX в. ученые начали обращать внимание на функции фразеологизмов в синтагматике. И.И. Чернышева отмечала, что «для фразеологических единиц особенно важен их анализ не только в контексте, но и прежде всего в тексте», и ввела термин «текстообразующие потенции фразеологизмов – реализация лингвистических свойств фразеологизмов, позволяющая им генерировать элементы текстовой структуры, которые в отдельных случаях могут быть и средствами когезии для отдельных фрагментов текста» [Чернышева 1980: 93].

Помимо фразеологов, переводчики (В.Н. Комиссаров, Т.А. Казакова, О.В. Петрова) тоже заговорили о необходимости рассматривать функционирование фразеологизмов в контексте, как коммуникативного эпизода, так и всего произведения, потому что столкнулись с проблемами адекватной передачи смысла данных языковых единиц при переводе. Для этого исследователи стали вырабатывать определенные стратегии перевода. Например, Т.А. Казакова предлагает следовать следующим правилам при переводе фразеологизмов: поиск идентичной паремиологической единицы в переводящем языке; выбор паремиологической единицы, которая имеет общее с исходной значение, но построенное на

иной словесно-образной основе; калькирование или пословный перевод; параллельный или двойной перевод, при котором во фразе передается фразеологизм в буквальном значении и дается объяснение его значения в кратком виде; перевод-объяснение переносного значения фразеологизма в виде его трансформации из устойчивой единицы в свободную [Казакова 2006].

Однако в своих произведениях авторы не всегда используют устоявшиеся в языке фразеологизмы, а предпочитают создавать собственные для большей выразительности. Такие случаи авторских устойчивых коммуникативных единиц представляют особый интерес для фразеологов и переводчиков, потому что в этих случаях уровни лингвостилистического, фразеологического и дискурсивного подходов переплетаются между собой, и это позволяет исследователям установить скрытые имплицитные смыслы, важные для адекватного понимания любого художественного текста.

Одним из ярчайших авторов, придумавших большое количество пословиц и вложивших их в уста своих персонажей, является Джон Р.Р. Толкин. На основе его романа «Властелин Колец» было решено посмотреть на влияние авторской пословицы на контекст ситуации и то, как переводчики справились с ее адекватной передачей на русский язык. Для анализа пословицы применялась когнитивно-дискурсивная модель актуализации смысла пословиц в дискурсе, предложенная О.Б. Абакумовой [Абакумова 2022] и разработанная на основе работ Ю. Хабермаса, А.Н. Кибрика, Т.С. Зевахиной, Р. Ван Валина, Г.Л. Пермякова и др., в состав которой входят четыре параметра:

– *Kommunikativa* (коммуникативная составляющая) подразумевает коммуникативное действие / стратегию говорящего, направленные на установление взаимопонимания или достижение цели без внимания к интересам адресата речи. Она включает дейктический и «упаковочный» компоненты, где проявляется иерархия участников коммуникативного акта и фокус интереса адресанта речи. *Оператор: желая, чтобы вы...*;

– *Konstativa* (когнитивная составляющая) предполагает анализ пропозиции фразеологизма и наложение фреймов ее реализации (образного, обобщенного и конкретно-ситуативного). На основе этого появляется возможность установить семантический тип предиката, тематические отношения между компонентами пословицы и определить перспективу (актор или претерпевающий), описать логический компонент, включающий пресуппозицию и ассерцию, соотнести пословичное выражение с ситуацией действительности (референтной ситуацией) и актуализировать форму высказывания, что образует референциальный компонент. *Оператор: я говорю, что...*;

– *Representativa* (экспрессивная составляющая) отражает личные оценки участника речевого акта, которыми он либо делится со своим партнером, либо пытается навязать ему. Сюда входят иллюкутивный, модальный и оценочный компоненты высказывания. В пресуппозицию высказывания входит аксиологический предикат фразеологизма, который не находит выражения на уровне поверхностной структуры. *Оператор: я думаю, вы понимаете, что...*;

– *Regulativa* (регулятивная составляющая), где выделяются два компонента

пословичного высказывания: нормативный и инференциальный, которые зависят от коммуникативной и культурной компетенции коммуникантов и от результата воздействия фразеологизма и перлокутивного эффекта высказывания. Эта составляющая отражает взаимодействие участников речевого акта, которое строится на нормах социального поведения, характерных для конкретной культуры. *Оператор: сделай вывод.*

В качестве примера была взята поговорка, вложенная в уста эльфа Леголаса, созданная Толкином, но преподнесенная как поговорка, распространенная и привычная в мире Средиземья среди эльфов.

«*Up with your beard, Durin's son!*» he said. *“For thus is it spoken: **Oft hope is born, when all is forlorn**”* But what hope he saw from afar he would not tell. *When night came it did but deepen the darkness, and our hearts were hot, for away in the North we saw a red glow under the cloud, and Aragorn said: “Minas Tirith is burning”*» [Tolkien 2007].

Коммуникативная ситуация: Леголас и Гимли рассказывают хоббитам про свой поход и успешный захват кораблей, на которых отправились в город, чтобы отбить вражескую атаку, но они плыли против течения, и не было попутного ветра, из-за чего их продвижение было медленным, и гном совсем уж отчаялся, что они не успеют на помощь, когда это заметил Леголас и произнес поговорку.

Коммуникативная составляющая: говорящий использует поговорку, чтобы показать, что не стоит отчаиваться, даже если кажется, что все обстоятельства против тебя, и надежды нет. Поговорка Леголаса несет в себе собственно-коммуникативное действие: эльф показывает, что понимает нерадостный настрой гнома, учитывая его положение, и пытается подбодрить его. *Оператор: желая, чтобы вы не теряли надежду.*

Когнитивная составляющая. Пропозиция высказывания выражена предикатами «*is born*» и «*is forlorn*». Логическая структура: Что рождается? Когда все кажется потерянным?

Семантический класс глагола: предикат действия. «*bear – [v] to give birth to*» [OALDCE 2005: 119], предикат состояния: «*forlorn – adj. unlikely to succeed, come true, etc.*» [OALDCE 2005: 609].

Образный фрейм: в центре ситуации надежда, которая рождается в момент отчаяния. Окациональный фрейм: гном теряет надежду на то, что они успеют вовремя оказать помощь союзникам, а эльф убеждает его, что нельзя терять надежду в то, что все сложится благополучно.

Обобщенный фрейм: положительный исход событий может произойти даже в момент, когда надежды не осталось. По классификации Г.Л. Пермякова, это четвертый класс поговорок: «Если две вещи связаны, и одна обладает каким-то свойством, а другая нет, то первая вещь предпочтительнее второй» [Пермяков 1979]. Правильно поступает тот, кто не впадет в отчаяние, а надеется на счастливый исход дела. *Оператор: я говорю, что надежда часто рождается тогда, когда все отчаялись и потеряли всякую надежду.*

Экспрессивная составляющая. Говорящий хочет подбодрить своего това-

рища, впавшего в отчаяние, используя для этого пословицу с заложенным жизнеутверждающим смыслом. Модальность высказывания аксиологическая (положительная оценочная). Иллокутивная сила высказывания представляет собой констатив. Косвенный директив: не стоит отчаиваться, следует верить в удачу. *Оператор*: я думаю, вы понимаете, что это правильно.

Регулятивная составляющая. Деонтические нормы, которые имплицитно содержатся в семантике пословицы и передаются в результате косвенного речевого акта, это этические нормы жизнеобеспечения: «Следует надеяться на лучшее» [Карасик 2004: 28]. Перлокутивный эффект: Гимли продолжает предаваться мрачным думам, особенно после того, как Арагорн говорит, что город горит, однако после полудни внезапно появляется попутный ветер, и путешественники успевают вовремя добраться и отбить город. Гимли признает, что Леголас был прав: «А к полуночи надежда и впрямь заново родилась». *Оператор*: *сделай вывод: никогда не нужно отчаиваться*.

Перевод 1. А. Кистяковский и В. Муравьев создают окказиональную авторскую пословицу и добавляют в нее образ пропасти, которого не было в оригинале, сохраняют ритм и рифму, которые также наблюдаются в оригинале:

«Выше бороду, отпрыск Дарина! – сказал он. – Говорят ведь: как будешь к пропасти катиться, надежда заново родится». С чего бы ей заново родиться – этого он объяснять не стал. Ночью было не темнее, чем днем, только тоскливо до смерти; далеко на севере в тучах играло зарево, и Арагорн сказал: «Минас-Тирит горит» [Перевод А. Кистяковского и В. Муравьева 2001].

Перевод 2. Н.В. Григорьева и В.И. Грушецкий создают окказиональную авторскую пословицу, где сохраняют изначальный образ надежды и передают первую часть паремии с помощью калькирования, а вторую трансформируют.

«Выше бороду, сын Глоина! — сказал он. — Не зря говорят: надежда часто рождается, когда ее уже не ждешь». Но какую надежду он высмотрел — так и не сказал. Настала ночь, мрак сделался еще непроглядней, и тогда на севере проступило зарево. Арагорн сказал: «Это горит Минас Тирит» [Перевод Н.В. Григорьевой и В.И. Грушецкого 2003].

Анализ пословицы и ее переводных эквивалентов в дискурсе показал, что созданная автором пословица гармонично вписывается в повествуемые события, помогает глубже раскрыть взаимоотношения между персонажами и погружает читателя в культуру созданного мира, однако переводчики сталкиваются с трудностями во время работы с текстом и прибегают к разным методам перевода для передачи заложенного автором послания без искажения целостности системы obrazов и семантической макроструктуры текста.

Литература

Абакумова О.Б. Пословицы и их окказиональные трансформы в семантической микро- и макроструктуре художественного текста // Актуальные вопросы филологии и лингводидактики». Орел: ОГУ им. И.С. Тургенева; «Картуш», 2022. С. 55-60.

Казакова Т.А. Практические основы перевода. English – Russian. СПб.: Союз, 2006.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. М.: Наука, 1979.

Толкин Дж.Р.Р. Властелин Колец. Третья часть. Возвращение короля / пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. М.: АСТ, 2014.

Толкин Дж.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Т. 3. Возвращение короля / пер. с англ. В. Муравьева, А. Кистяковского. М.: АСТ, 2015.

Чернышева И.И. Устойчивые словесные комплексы в языке и речи (на материале немецкого языка). М.: Высшая школа, 1980.

OALDCE – Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings. London, 2007.

Viktoriya I. Ilminskaya (Orel, Russia)

I.S. Turgenev Orel State University

JOHN R.R. TOLKIEN’S PROVERBS IN “THE LORD OF THE RINGS”

The article is devoted to the analysis of J.R.R. Tolkien’s proverbs in the novel “The Lord of the Rings” which is made with a cognitive-discursive model of actualization of the meaning of proverbs in discourse, its influence on the interpretation of the general content of communicative episodes and the whole novel. It also deals with the peculiarities of translating these proverbs.

Key words: literary text, proverb, translation, communicative episode, author’s proverbs

О.А. Казенас (Курган, Россия)

Курганский государственный университет

oxana.kazenas@yandex.ru

А.Б. Григорьева (Курган, Россия)

Курганский государственный университет

alyona-grigoreva@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТОВ «EAU / WASSER» ВО ФРАНЦУЗСКИХ И НЕМЕЦКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Статья посвящена некоторым аспектам интерпретационного поля концептов EAU / WASSER во французских и немецких народных сказках. Проведенный анализ кластера вода свидетельствует о том, что универсальный характер концепта сохраняется в образном компоненте и информационном содержании, но содержит множество специфичных компонентов в интерпретационном поле.

Ключевые слова: концепт, структура концепта, языковое сознание, этнокультурная специфика, народная сказка

Цель работы – выявить специфику содержания интерпретационного поля одного из важнейших универсальных концептов человечества *вода* на материале немецких и французских народных сказок. О значимости воды в жизни человека мы уже писали в работе «Фразеологические единицы с компонентом *вода* (на материале разноструктурных языков)» [Казенас и др. 2020].

Материалом для нашего исследования послужили сборники французских [Massignon 1983] и немецких [Grimm 2015] народных сказок.

Под концептом в данной работе понимается оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальная система мозга, всей

картины мира, отраженная в человеческой психике [Кубрякова 1996: 90].

Концепт *вода* считается «константой» любой культуры. Для исследования объективации концептов EAU / WASSER во французских и немецких народных сказках мы использовали модель З.Д. Поповой и И.А. Стернина, представленную ими в работе «Семантико-когнитивный анализ языка» [Попова 2007]. В соответствии с предложенной моделью в структуре концепта выделяются образный компонент, информационное содержание и интерпретационное поле.

Образный компонент концептов EAU / WASSER может быть представлен следующей формулировкой: бесцветная прозрачная жидкость, без вкуса и запаха.

Сопоставительный анализ словарных дефиниций лексем *eau / Wasser* позволяет выявить основные компоненты, отражающие информационное содержание исследуемых концептов. Так, общими для исследуемых лингвокультур являются обозначение бесцветной прозрачной жидкости без запаха и вкуса; скопления жидкости, образующей ручьи, реки, озера и т. д.; напиток, минеральной воды, алкогольного напитка; жидкости, используемой для утоления жажды; водянистой жидкости, образующейся в организме (пот, слезная жидкость, урина). Образный компонент и информационное содержание заявленных концептов оказываются достаточно близкими в силу универсальности исследуемых концептов. Останемся более детально на рассмотрении компонентов интерпретационного поля.

В составе интерпретационного поля концептов EAU / WASSER в текстах французских и немецких народных сказок нами были выявлены 4 зоны.

Оценочная зона объединяет когнитивные признаки, выражающие общую оценку (хороший/ плохой). Данная зона представлена только в немецких сказках.

Положительные оценки: правильная (*das rechte Wasser*), прозрачная (*das klare Wasser*).

Отрицательные оценки: тяжелая, плотная (*das dichte Wasser*).

Мифологическая зона. В немецких народных сказках в воде живут существа с магическими способностями: *der Meerkönig* (морской король), *der Teufel* (черт), *das Meerhäuschen* (морской зайчик), *der verwunschene Butt* (заколдованная камбала), в отличие от французских народных сказок, в которых нет магических существ, хотя некоторые обитатели водной стихии персонифицируются: рыбы разговаривают и общаются с человеком.

Энциклопедическая зона объединяет когнитивные признаки, характеризующие признаки концепта, требующие знакомства с ними на базе опыта, обучения, взаимодействия с денотатом концепта и т. д. [Попова 2007: 78].

Так, в немецких и французских народных сказках вода имеет ряд физических особенностей.

Вода может замерзать при 0° градусах. В сказках данная группа представлена следующими лексемами: франц. *geler* (замерзать), *la glace* (лед), *un flocon de neige* (снежинка), *la neige* (снег); нем. *frieren* (замерзать), *abkühlen* (охлаждать). Если в немецких сказках данная группа представлена только глаголами, то во французских наряду с глаголами фигурируют существительные, называющие различные агрегатные состояния воды.

Вода кипит при температуре 100° градусов: франц. *bouillir* (кипеть), *la*

vapeur (пар); нем. *kochen* (кипятить). Аналогично предыдущей группе специфика французских сказок проявляется в использовании существительного, обозначающего соответствующее агрегатное состояние воды.

Вода обладает текучестью: франц. *couler* (течь); нем. *quellen* (литься), *einlaufen* (втекать), *fließen* (течь), *fließend* (текучий, проточный) и др. В немецких сказках указанная группа является более разнообразной.

В сказках для воды характерна плавучесть, так как в ней могут плавать люди, животные, корабли: франц. *nager* (плавать), *se baigner* (купаться), *flotter* (плыть по воде), *naviguer* (плавать на корабле), *aborder* (причаливать) и др.; нем. *schwimmen* (плавать), *baden* (купаться). Если глаголы немецкого языка относятся только к человеку, говоря о его способности передвигаться в воде, то во французских сказках используются также глаголы, указывающие на маневры плавучих средств, которые не только плавают по воде, но еще и причаливают.

Утилитарная зона объединяет когнитивные признаки, выражающие утилитарное, прагматическое отношение людей к денотату концепта, знания, связанные с возможностью и особенностями его использования для каких-либо практических целей [там же].

1. Вода является основным элементом жизнедеятельности человека наряду с питанием. Сказочные герои испытывают жажду: нем. *dürsten*, франц. *avoir soif*. Отличительной особенностью немецких сказок является употребление лексемы *das Trinkwasser* (питьевая вода), отсутствующая во французских сказках.

2. Вода в немецких и французских сказках используется для приготовления пищи: франц. *cuir* (варить); нем. *kochen* (варить).

4. Для воды всегда нужна емкость для хранения и использования воды. Как в немецких, так и во французских сказках мы встречаем ведро (нем. *der Eimer*, франц. *un seau*); горшок, кастрюлю (нем. *der Topf*, франц. *une marmite*); котел (нем. *der Kessel*, франц. *un chaudron, une chaudière*); бутылку (нем. *die Flasche*, франц. *une bouteille*) и др. Однако данная группа содержит множество специфических лексем, характеризующих особенности быта. Так, для французских сказок характерно наличие таких лексем, как *une burette* (кувшинчик для воды (церк.)), *un cuveau* (кадка); *une gourde* (фляжка) и некоторые другие, которые не встречаются в исследованных нами немецких сказках. Специфичным для немецких сказок является присутствие таких лексем как *das Bad* (ванна), *die Waschschüssel* (таз), *der Krug* (кружка), которые, в свою очередь, не были обнаружены во французских сказках.

7. Количество воды может оцениваться как много / мало воды. Для сказок обоих исследуемых языков характерно употребление таких лексем, как капля воды (нем. *der Tropfen*, франц. *une goutte d'eau*); течение, поток (нем. *der Strom*, франц. *une ravine*). Показательным для немецких сказок является употребление лексемы *der Schluck* (глоток) для обозначения небольшого количества воды.

8. Вода в сказках используется как место для жизни. Животный мир сказок богат и разнообразен. Общим для немецких и французских сказок является наличие лексем, обозначающих представителей водного животного мира: рыба (нем. *der Fisch*, франц. *un poisson*); ракушка (нем. *die Muschel*, франц. *un coquillage*);

утка (нем. *die Ente*, франц. *une cane, un canard* (утка-самец)); лягушка (нем. *der Frosch*, франц. *une grenouille*) и др. Несмотря на то, что во французских сказках встречается особенная лексема *une moule* (мидия), в целом водный животный мир в сказках совпадает.

9. Вода связана с определенным растительным миром. В исследуемых немецких сказках мы не обнаружили лексем, обозначающих растительный мир, в то время как во французских сказках он представлен такими лексемами как *une vase* (тина), *un saule* (ива).

10. Вода в французских и немецких сказках является транспортным каналом. По воде плавают лодки, корабли: нем. *das Schiff*, франц. *un bateau, une barque, un navire*.

11. Вода обладает свойством очищать, делать чистым. Как в немецких, так и во французских сказках герои умываются, моются, купаются: нем. *waschen* (умываться, мыть), *baden* (купаться); франц. *laver* (мыть), *se laver* (мыться, умываться). Однако во французских сказках вода используется также для мытья посуды (*laver la vaisselle*) и стирки белья (*faire la lessive, laver le linge*).

12. Вода используется для ухода за растениями. Данная группа представлена только в немецких сказках, в которых используются глаголы *giessen* (поливать), *benetzen* (орошать), *spritzen* (опрыскивать).

13. Вода в сказках может быть опасной. Об опасностях, которые таит водная стихия, говорится, главным образом, во французских сказках: *noyer* (топить), *ébouillanté, échaudé* (ошпаренный кипятком).

14. Вода может быть святой, отгонять нечистую силу. Несмотря на единичность употребления в немецких и французских сказках употребляются лексемы *das Taufwasser* (крещенская вода) и *une eau bénite* (святая вода), указывающие на религиозный аспект.

15. Вода может заживлять раны, лечить, т. е. быть целебной. Показательным для немецких сказок является употребление лексемы *das Lebenswasser* (живая вода). Данная лексема употребляется достаточно часто в немецких сказках и полностью отсутствует в исследуемых французских сказках.

Таким образом, проведенный анализ лексем кластера вода во французских и немецких народных сказках подтверждает гипотезу о том, что универсальный характер концепта сохраняется в образном компоненте и информационном содержании. Интерпретационное же поле содержит множество специфичных компонентов, что свидетельствует о специфике категоризации действительности представителями различных языковых культур.

Литература

Казенас О.А., Григорьева А.Б., Исакова К.Э. Фразеологические единицы с компонентом вода (на материале разноструктурных языков) // Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах: материалы 5-й международной научной конференции (13 ноября 2020 года) / отв. ред. Н.Н. Бочегова. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та. 2020. С. 235-244.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996.

Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007.

Brüder Grimm. Aschenputtel und andere Märchen. СПб.: КАРО, 2015.

Brüder Grimm. Das tapfere Schneiderlein und andere Märchen. СПб.: КАРО, 2015.

Dictionnaire Français. URL: <https://www.linternaute.fr/dictionnaire/fr>.

Duden Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de/woerterbuch>.

Massignon G. De bouche à oreilles // Berger-Levrault, coll. Territoires. 1983.

Oxana A. Kazenas (Kurgan, Russia)

Kurgan State University

Alyona B. Grigoreva (Kurgan, Russia)

Kurgan State University

SOME ASPECTS OF THE INTERPRETATIVE FIELD

OF THE CONCEPTS “EAU / WASSER” IN FRENCH AND GERMAN FOLK TALES

The article is devoted to some aspects of the interpretative field of the concepts EAU / WASSER in French and German folk tales. The analysis of the water cluster indicates that the universal character of the concept is preserved in the figurative component and information content. But this concept contains many specific components in the interpretative field.

Key words: concept, structure of the concept, interpretative field, ethnocultural specificity, folk tale

А.Ю. Калинин (Москва, Россия)

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

a_kalinine@mail.ru

ДЕТЕРМИНАНТЫ ВАРИАТИВНОСТИ ВЫБОРА

ЕДИНИЦ ОРИЕНТИРОВАНИЯ ПРИ МЕЖЪЯЗЫКОВОМ ПЕРЕВОДЕ

В статье рассматривается проблема одной из краеугольных категорий переводоведения – единицы перевода. Анализ различных подходов к определению содержания данного термина приводит к заключению о том, что он номинирует теоретический конструкт, призванный вобрать в себя идеализированные представления о переводческой практике. Применительно к описанию процесса перевода предлагается использовать альтернативные термины «единица ориентирования» или «операциональная единица», под которыми понимается отрезок исходного текста, соответствующий первичному переводческому решению. Объем таких единиц в терминах языковых знаков на практике детерминируется целым рядом объективных и субъективных факторов. *Ключевые слова:* межъязыковой перевод, единица перевода, процесс перевода, единица ориентирования, переводческая когниция, детерминанты выбора операциональной единицы

В процессе осуществления перевода с одного языка на другой независимо от формы существования исходного текста (ИТ) переводчик осуществляет когнитивную обработку информации в порядке ее поступления, с возможностью вернуться в ту или иную точку текстового пространства или без таковой, и оперируя при этом ограниченными фрагментами текстового материала. Протяженность таких фрагментов ограничена прежде всего объемом оперативной памяти и предметно-тематической компетентностью переводчика, характером поступления ИТ (интегральное или прогредиентное), а также особенностями логико-синтаксической структуры исходного сообщения. Принятие решения о переводе и его реализация представляют собой сложную когнитивную процедуру, которая предполагает как подсознательно-интуитивные, так и осознанно контролируемые операции. Практически никем не отрицается тот факт, что процесс перевода может быть описан

как последовательность таких операций над фрагментами ИТ большего или меньшего объема, основанная на способности переводчика сегментировать исходное высказывание и вычленять в его структуре элементы, для которых при порождении переводного текста (ПТ) необходимо подобрать межъязыковое соответствие или создать окказиональный эквивалент. В то же время это очевидное умозаключение получило в специальной литературе эпистемологическое развитие в виде концепта *единицы перевода* (ЕП), который, пожалуй, стал одним из наиболее противоречивых и дискуссионных топосов переводоведения.

Сам термин (фр. *unité de traduction*) был предложен в 1958 г. канадскими исследователями Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, которые рассматривали ЕП как лексический (и отчасти фразеологический) компонент поверхностной структуры ИТ. В дальнейшем представители «лингвистической теории перевода» Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, О. Каде и др. развивали схожие представления о ЕП: «...единица перевода – это наименьшая единица исходного языка, которая имеет соответствие в переводящем языке...» [Бархударов 1975: 174]. Такой подход вызывает ряд вопросов. Если инвариантные ЕП могут быть *a priori* обнаружены в ИТ, означает ли это, что ПТ, в котором воспроизведены не все их межъязыковые соответствия, должен быть признан некачественным? Какой показатель асимметрии элементов поверхностной структуры между ИТ и ПТ следует рассматривать как приемлемый? И, наконец, обладают ли языковые единицы, идентифицируемые в ИТ, одинаковой релевантностью для разных видов перевода и форм предъявления переводного контента получателем?

Альтернативным по отношению к узколингвистическим воззрениям на природу ЕП предстает подход, который можно было бы определить как ономасиологический. Л.А. Черняховская, В.С. Виноградов, М. Ледерер и ряд других исследователей настаивают на первичности смысловой нагрузки любого высказывания, подлежащего переводу, и отождествляют ЕП с квантами смысла, заложенного в структуре ИТ. Сложно поспорить с утверждением о примате смыслового содержания в переводе, вместе с тем уязвимость такого подхода к определению ЕП кроется в интерпретационном способе вычленения элементарных смыслов, который выливается в более или менее арбитрарную смысловую сегментацию ИТ переводчиком «здесь и сейчас».

Не менее острые дискуссии развернулись и вокруг вопроса о гипотетических границах ЕП. Здесь спектр подходов варьирует от признания в качестве таких единиц отдельных морфем до всего текста, сколь бы обширным он ни был. Некоторые авторы полагают, что базовой и наиболее естественной ЕП письменных текстов является предложение [Newmark 1981]. В переводоведении представлен и весьма радикальный, хотя и не лишенный аргументативных оснований, взгляд, согласно которому, например, при межъязыковом трансфере художественной литературы «...фактической единицей перевода являются не слово и даже не текст, а вся культура», к которой относится ИТ [Lefevere, Bassnett 1990: 8]. Любопытно, что такая точка зрения в целом разделяется и исследователями перевода в рекламной сфере [Munday 2004].

Известный французский переводовед М. Баляр полагал, что ЕП не имеет

материального выражения ни в ИТ, ни в ПТ, а представляет собой элемент переводческой когниции, имеющий герменевтическую природу [Ballard 2006], а А.Д. Швейцер вообще отрицал целесообразность рассмотрения категории ЕП, мотивируя такую позицию прежде всего отсутствием какой бы то ни было изоморфности между отрезками текстов, которым обычно приписывается подобный статус [Швейцер 1973].

Как следует из краткого обзора подходов к определению рассматриваемой категории, по мере развития транслатологической рефлексии на данную тему, ЕП все больше превращается в довольно диффузный теоретический конструкт и все больше отдалается от изначальной мысли о поиске отрезка текста, «обрабатываемого» переводчиком одновременно. Поэтому во избежание недоразумений мы в дальнейшем будем говорить об операциональной единице процесса перевода, которая может быть обозначена как *рабочая единица* (working unit) [Fontanet 2021] или *единица ориентирования* [Ширяев 1979], т. е. одновременно и «фаза осмысления некой «порции» исходного текста», и его отрезок [Гарбовский 2004: 259, 262].

Очевидно, что существует целый ряд факторов, под воздействием которых переводчик принимает решения о начале перевода каждой такой последовательности. С известной долей осторожности они могут рассматриваться как *детерминанты выбора* – впрочем, отнюдь не всегда свободного – единицы ориентирования (ЕО) в процессе перевода. Рассмотрим эти факторы подробнее.

1. Характер ИТ в широком смысле данного слова (тип дискурса, функциональный стиль, жанр, особенности синтаксической организации и т. п.)

Общезвестно, что для текстов, относящихся к научному, техническому юридическому и подобным видам институционального дискурса, огромное значение имеют термины, причем как элементы определенной терминосистемы [Чистова 2015]. Они обычно номинируются отдельными словами или словосочетаниями, которые и будут составлять ЕО. При переводе устных публичных выступлений в сходном качестве часто выступают речевые клише (обращения, протокольные формулировки, способы выражения благодарности и т. д.). Кроме того, важным фактором может выступать «прозрачность» синтаксической структуры и особенности синтаксического развертывания в том или ином языке (например, финальная позиция предикативной информации, выраженная глагольными формами в немецком языке). В переводе художественной литературы в качестве единицы ориентирования зачастую выступает не слово или словосочетание, а образ, для адекватной передачи которого, традиционное словарное соответствие может оказаться нерелевантным (см. пример, который приводит В.А. Нуриев [Нуриев 2008: 267]).

2. Способ получения переводчиком информации (зрительно / на слух, интегрально / прогредиентно).

В устном последовательном переводе объем информации подлежащей переводу, может быть задан оратором, периодически прерывающим свою речь. Если такие реплики носят краткий характер (ограничены пределами фразы) то каждая из них может образовывать отдельную ЕО. В синхронном переводе ИТ представлен в

виде континуума, членение которого осуществляется с учетом возможностей оперативной памяти переводчика и вероятностного прогнозирования на микро- и макроуровнях. Обычно считается, что наиболее «комфортной» для синхрониста является синтагма (S+V), однако при увеличении информационной избыточности высказывания объем единицы ориентирования может также существенно расти. В письменном переводе объем операциональной единицы может определяться лимитами зрительного охвата ИТ глазом при чтении (с чем связана популярность исследований процесса перевода с привлечением методов окулографии [O'Brien 2009]).

3. Моно- (поли-) кодовость и моно- (поли-) модальность ИТ.

В современных условиях переводчик редко имеет дело с полностью монокодовым текстом, т. е. последовательностью графем идентичного шрифта и кегля. Любой способ выделения части текста, равно как и его типография (табличная, альбомная и т. п. презентация) является семиотическим ресурсом, который может делимитировать границы единиц ориентирования. Наличие изобразительных элементов (фото, иллюстрации, инфографика) также вносят свои коррективы в последовательность восприятия ИТ субъектом перевода и сегментацию поступающей информации. В полимодальных (аудиовизуальных текстах) вербальная информация может быть представлена как в звуковой дорожке, так и в видеоряде. Поскольку при восприятии таких текстов задействованы обе перцептивные модальности, единица ориентирования также может носить комплексный характер, а в некоторых случаях требовать особых кроссмодальных операций: диамезический и интермодальный перевод (см. [Калинин 2023]).

4. Наконец объем единицы ориентирования в значительной степени зависит от уровня сформированности предметно-тематической компетентности субъекта перевода. Так, для синхронного перевода экспериментально установлено, что начинающие переводчики как правило стремятся сохранить минимальное отставание от оратора (т. е. минимизировать объем ЕО), тогда как их более опытные коллеги используют подобную тактику обычно лишь в начале перевода выступления [Lederer 1978]. Хотя в письменном переводе, где временные ограничения не сопоставимы с переводом устным, обычно есть возможность обратиться к различным источникам дополнительной информации; тенденция к парцелляции восприятия информации также чаще наблюдается у тех переводчиков, чей опыт в заданной предметной области невелик.

Приведенный список потенциальных детерминант выбора ЕО не является исчерпывающим: определенную роль в этом смысле, по всей вероятности, могут сыграть индивидуальные особенности восприятия текста переводчиком (чтения и аудирования), равно как и индивидуальные особенности подачи информации автором / оратором, наличие шума (помех) в канале связи и т. п.

Литература

Бархударов Л.С. Язык и перевод. М. Международные отношения, 1975.

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: МГУ, 2004.

Калинин А.Ю. Интермодальные операции в переводе материалов аудиовизуальных СМИ

// Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2023. № 3. С. 61-75.

Нуриев В.А. Единица перевода, единица ориентирования, переводема: различные подходы к определению одной категории // Известия Российского гос. педагогического ун-та им. А.И. Герцена. 2008. № 76-1. С. 265-268.

Чистова Е.В. Когнитивный подход в выделении единицы перевода в профессионально-ориентированных текстах // Когнитивные исследования языка. 2015. № 20. С. 437-444.

Ширяев А. Ф. Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979.

Ballard M. À propos des procédés de traduction // Palimpsestes, 2006. Hors série. Pp. 113-130.

Fontanet M. Revisiting the Unit of Translation from the Hermeneutical Perspective // Cognition and Comprehension in Translational Hermeneutics. Bucharest: ZETAbooks, 2021.

Lederer M. Simultaneous Interpretation – Units of Meaning and Other Features // Language Interpretation and Communication. New York: Plenum Press, 1978. Pp. 323-332.

Lefevre A., Bassnett S. Proust's Grandmother and the Thousand and One Nights // Translation, History and Culture. Salisbury: Cassel, 1990. Pp. 1-13.

Newmark P. A Textbook of Translation. New York: Prentice-Hall International, 1988.

O'Brien Sh. Eye tracking in translation process research: methodological challenges and solutions // Technology and Innovation in Translation Process Research. 2009. No. 38. Pp. 251-266.

Vinay J.-P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Montréal: Beauchemin, 1958.

*Andrei Yu. Kalinin (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

DETERMINANTS OF VARIABILITY IN CHOOSING WORKING UNIT IN INTERLINGUAL TRANSLATION

The paper focuses on one of the cornerstone categories of Translation studies – the unit of translation. The analysis of various approaches to defining the core of this concept leads to the conclusion that the term “unit of translation” is used as diffuse umbrella construct which is intended to describe idealised translation practices. When depicting the translation process, we suggest to use the alternative terms of “unit of decision” or “working unit”, which are understood segments of the source text on the basis of which the primary translation decision is taken. The size of such units in terms of linguistic signs in practice varies depending on a range of objective and subjective factors that can be regarded as determinant.

Key words: interlingual translation, unit of translation, translation process, unit of decision, translational cognition, determinants of unit of decision choice

*Е.А. Карамышев (Магнитогорск, Россия)
Магнитогорский государственный университет им. Г.И. Носова
О.Л. Зимарева (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный
химико-фармацевтический университет
olgalatushkina87@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЭНАНТИОСЕМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Статья посвящена вопросу об особенностях перевода английской энантиосемической лексики на материале диалектов. Явление энантиосемии вызывает ряд проблем на уровне семантического перевода. Это связано с тем, что основной характеристикой энантиосемии является семантическая поляризация значений в пределах лексической единицы.

Ключевые слова: энантиосемия, лексическая единица, способ перевода, семантическая поляризация, диалект

Термин «энантиосемия», о котором пойдет речь в данной статье, представляет собой многогранное явление в языке. Вслед за Д.Н. Шмелевым мы рассматриваем энантиосемию как явление языковое, которое характеризуется наличием у одной лексемы нескольких значений подобно полисемии. Однако эти значения впоследствии могут вытеснить друг друга за счет полярных семантических компонентов [Шмелев 1977]. По мнению О.С. Ахмановой, энантиосемия (латинское *en-* «в», *an-* «против» и *sema* «знак») рассматривается как поляризация значения на уровне антонимии в пределах одной лексической единицы [Ахманова 2004; Свиридова 2015]. Трудность исследования представленного явления заключается в том, что энантиосемия находится на пограничном семантическом пересечении полисемии и антонимии. Так, например, существительное *defeat* имеет два полярных значения: 1) победа (*In the American Civil War, the North's defeat of the South involved tremendous loss of life on both sides.*), 2) поражение (*This latest defeat means that she's no longer a contender for the world title*).

Некоторые ученые полагают, что это явление в языке представляет наследие древних эпох языка и может являться результатом дуализма человеческого мышления и асимметрии языкового знака [Пышненко 2023: 43]. Другими словами, чем древнее язык, тем более насыщена семантическая структура слова. Чем более развитой становится цивилизация, тем более развитым становится язык, что выражено в развитии категорий и дифференциации значений и способствует постепенному исчезновению данного явления. В этом ключе, как мы полагаем, энантиосемия может быть разновидностью синкретичности, свойственной семантике древних языков.

Ряд лингвистов, в числе которых Л.Е. Бессонова, Л.И. Климова, Л.А. Новиков, О.М. Соколов, трактуют энантиосемию как особый тип антонимии [Климова 1975; Кудрявцева 1991; Маковский 2005; Новиков 1982]. Следует добавить, что это явление встречается также в современном русском языке. Например, «лихой казак» и «лихая беда», «одолжить кому-нибудь деньги» и «одолжить у кого-нибудь денег» [Горелов 1986; Климова 1975; Кудрявцева 1991]. В этих примерах можно видеть, что одна и та же лексема означает противоположные значения, т. е. возникает внутренняя антонимия семантической оболочки слова.

Некоторые исследователи считают, что внутренняя природа явления энантиосемии представляет собой семантику морально-этической или оценочной характеристики [Бродский 1998; Банина 2001; Пышненко 2023]. Согласно представленной характеристике энантиосемии, можно предположить, что в основе данного явления также лежит стилистическая составляющая, которая вносит соответствующие коррективы в процессе когнитивного осмысления переводческой эквивалентности энантиосемической лексики. Что касается перевода энантиосемической лексики, то такое соотношение «положительных» и «отрицательных» значений одного слова может привести к искажению смысловой нагрузки и ошибочному переводу в рамках неправильного выбора соответствующего эквивалента.

В предлагаемой работе основным объектом для изучения семантического явления энантиосемии являются территориальные говоры (диалекты) британского варианта современного английского языка. Необходимо отметить, что к основным

характеристикам территориальных диалектов относят вариативность и консервативность. Здесь следует заметить, что говор национального языка не должен восприниматься как нечто застывшее или архаичное, в его недрах также происходит поступательное эволюционное движение, что проявляется в наличии тех или иных явлений (форм), не характерных для литературного нормативного языка.

В связи с этим необходимо сказать, что в языковой материи взаимные контакты между литературным (стандартным) языком и его диалектами осуществляются на основе процесса выравнивания, в результате которого или литературный стандарт непосредственно влияет на диалект, или этот процесс происходит в обратном направлении. Интересно отметить, что такие современные английские слова как *one, sound, lend, thunder* восходят к диалектным формам. Это также свидетельствует о том, что взаимные контакты всегда происходят не только в соотношении «литературный язык – говор», но и сами диалекты взаимодействуют между собой. Диалектные формы могут проявляться на всех уровнях шкалы лингвистических единиц: звук, лексема, словоформа, грамматическая конструкция (предложение). Особенно ярко диалектизмы проявляются на лексическом (семантическом) уровне.

В отношении перевода данное явление может вызывать понятные сложности, так как требует от переводчика расширенных знаний о языковой системе. Однако явление энантиосемии, иногда встречающейся в диалектизмах, может значительно усложнить задачу переводчика. Такие трудности особенно возникают на уровне перевода художественного текста.

В качестве иллюстрации приведем следующий пример энантиосемии Йоркширского диалекта: *bare* (= *audacious*): *To go and say that – a bare hussy: It's a bare piece o' business* (Йоркшир) ~ *bare* (= *base, mean*): *A bare un (one), a base fellow* (Йоркшир) [EDD 1898].

Другими примерами актуализации явления энантиосемии являются следующие лексемы.

1. *Bolter* (= *to cohere, to form*): *Dirt collected on the hairs of a horse's lag and forming into hard masses is said to bolter* (Нортгемптоншир, Уорикшир) ~ *bolter* (= *to chip or splinter*): *The fire-bricks always bolter in a frost* (Лестершир).

2. *Cradden* (= *a coward*): *One boy refusing to fight another after a challenge will hear, «Yo'r a crawdon».* (Шотландия, Нортумберленд) ~ *cradden* (= *brave*): *I'll set thee a crawden, my lad* (северные графства, Йоркшир, Чешир, Линкольншир).

3. *Feck* (= *worth, value*): *Your laddie here's owre young to be o'ony fek in the way o'war* (Шотландия) ~ *feck* (= *nothing of importance*): *Waesuck for him wha has na feck o't* (Шотландия, Нортумберленд, Дургам, Камберленд, Йоркшир).

4. *Heartful* (= *in high spirits, cheery*): *The heatful prayers, the fireside blaze and bliss* [OED 2009]. В данном значении эта лексема широко используется в литературном британском английском языке. Что касается диалектного использования, то в этом значении можно найти в говоре графств Шропшир, Херефордшир, Хартфордшир ~ *heartful* (= *sorrowful, sad-hearted*): *Dinna look sae sour an'heartfu'* (Шотландия).

Подобные примеры являются редким явлением в английском языке. Тем не менее переводчику следует с вниманием относиться к неоднозначным значениям, которые могут встретиться в литературе.

Для решения вопроса относительно перевода английских энантиосемических слов необходимо указать, что основным способом переводческого процесса является дифференциация значения на основе определения контекста [Ривелис 2020]. Контекстуальность в этом случае играет ключевую роль в процессе перевода лексики такого рода. Наряду с принципом определения контекста следует добавить, что переводчик должен проанализировать стилистический фон энантиосемического слова на смысловом уровне. Особенно это касается художественной литературы. Этот фактор переводческого процесса непосредственно связан с лексическими единицами, содержащими оценочную семантику. Переводчику также необходимо учитывать данное явление, работая с диалектной лексикой, так как энантиосемия в данном случае сильно усложняет работу переводчика.

Литература

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004.
- Банина Е.Н. Оценочный компонент значения в семантике метафоры (на материале современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2001.
- Бродский М.Ю. Лексическая энантиосемия в сопоставительном аспекте (на материале современного английского и французского языков): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998.
- Горелов И.Н. Энантиосемия как столкновение противоречивых тенденций языкового развития // Вопросы языкознания. 1986. № 4. С. 86-96.
- Гриценко Е.С. Эмоционально-оценочная энантиосемия в разговорной речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький: ГГПИИЯ, 1989. С. 14-22.
- Загоровская О.В., Фомина З.Е. Экспрессивные и эмоционально-оценочные компоненты значения слова // Семантические процессы в системе языка. Воронеж: ВГУ, 1984. С. 31-40.
- Климова Л.И. Полярная эмоциональная оценка в пределах одного слова // Филологические науки. Лингвистика. XXVIII Герценовские чтения. Ленинград: ЛГПИ, 1975. С. 82-88.
- Кудрявцева В.А. Соотношение явных и скрытых значений в семантике производного слова. Алма-Ата: Гылым, 1991.
- Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982.
- Пышненко О.А., Егорова О.В. Явление энантиосемии в современном английском языке. Основные теоретические положения // Язык как структура и дискурсивная практика. 2023. № 3 (3). С. 40-50.
- Ривелис Е.И. Переводы не слова, а смысл. Мастер-класс по письменному переводу нехудожественного текста. М.: Флинта, 2020.
- Свиридова Л.К. Теория и практика перевода в схемах и диаграммах (английский язык). М.: Ленанд, 2015.
- Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977.
- OED – Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- EDD – Wright J. The English Dialect Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 1898–1905.

Eugene A. Karamyshev (Magnitogorsk, Russia)
Nosov Magnitogorsk State Technical University
Olga L. Zimareva (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University

SOME FEATURES OF TRANSLATING ENANTIOSEMIC WORDS

The given article is devoted to some features of translating English enantiosemic dialectic words. The phenomenon of enantiosemia causes a number of problems at the level of semantic translation. This is due to the fact that the main characteristic of enantiosemia is the semantic polarization of meanings

within a lexical unit.

Key words: enantiosemy, lexical unit, translation method, semantic polarization, dialect

Е.А. Нильсен (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет
janenilsen@mail.ru*

В.О. Николаев (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет
tenn11054@gmail.com*

К МЕТОДАМ ВЫЯВЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ ПЕРЕВОДЧИКА

В статье рассматриваются подходы к определению понятия индивидуального переводческого стиля, перечисляются его лингвистические и экстралингвистические составляющие, описываются существующие подходы к выявлению идиостиля переводчика. На основании проведенного исследования перевода романа У. Голдинга «Lord of the Flies», выполненного Е. Суриц, делается вывод о целесообразности применения корпусного подхода в определении индивидуального стиля переводчика.

Ключевые слова: индивидуальный стиль переводчика, корпусный подход, паратекстуальный подход, стилометрия, У. Голдинг «Повелитель мух», Е. Суриц

В лингвистике стиль традиционно рассматривается как проявление оригинальности автора текста [Cureton 1973], в то время как перевод традиционно считается вторичным по отношению к оригинальному тексту продуктом, подразумевающим воспроизведение, а не творчество [Saldanha 2005: 34]. Таким образом, переводчик не должен обладать стилем по определению, поскольку его целью является наиболее точная передача особенностей стиля автора переводимого произведения. В связи с этим исследовательский интерес к допустимой степени присутствия переводчика в тексте, в том числе к признакам его присутствия, возник сравнительно недавно.

В англоязычных трудах по переводоведению для обозначения совокупности признаков, позволяющих идентифицировать присутствие переводчика в тексте, используется несколько терминов. Т. Германс, указывая, что «прозрачность» переводчика (термин, введенный Л. Венути) фактически невозможна, и в тексте неизбежно останется его след, использует понятие «голоса» переводчика (translator's voice) [Saldanha 2005: 37-38]. М. Бейкер использует термин «индивидуальный стиль переводчика» (individual translator's style) по аналогии со стилем автора и определяет его как «своего рода отпечаток пальца, выраженный в ряде лингвистических и нелингвистических особенностей» [Baker 2001: 245]. По ее мнению, под стилем переводчика также можно понимать предпочитаемый им материал для перевода, а также решения относительно метаязыковой презентации текста – использование сносок, предисловия, послесловия, глоссирование текста и т. д.

В целях точности определения стиля переводчика М. Бейкер предлагает абстрагироваться от отдельных случаев его вмешательства на том или ином уровне

и сосредоточиться на характерных для переводчика манере и средствах использования языка, его индивидуальном профиле языковых привычек по сравнению с другими переводчиками. Выявление стиля, как пишет М. Бейкер, должно происходить путем рассмотрения закономерностей использования языковых средств в переводе [Baker 2001: 244-245].

Кроме того, ввиду общераспространенного за редкими исключениями (см. Culler 1973) мнения о презумпции сознательности выбора стилистического средства автора, исследователи рассматривают мотивацию как характеристику стиля и обязательное условие для причисления того или иного решения переводчика к его идиостилю [Baker 2001: 258-260].

Таким образом, в наиболее полном виде индивидуальный стиль переводчика определяется как «способ перевода, прослеживающийся в других работах данного переводчика, отличающий его от других переводчиков, отражающий последовательность мотивированного, или функционального, выбора» [Saldanha 2005: 54].

На данный момент уже был проведен ряд исследований, направленных на выявление индивидуального стиля переводчика. Подходами в данных исследованиях являлись:

- корпусный подход (corpus-driven approach);
- паратекстуальный подход (paratextual approach).

Корпусный подход, предложенный М. Бейкер, осуществляется посредством выявления коэффициента лексического разнообразия и анализа лексических и синтаксических особенностей двух переводов произведения с их последующим сопоставлением с оригинальным текстом.

М. Бейкер обратила особое внимание на специфику перевода конструкций прямой и косвенной речи в художественных произведениях [Baker 2001: 211-255], К. Лю и М. Афзаал фокусировались на анализе наиболее частотных лексических пучков разной длины [Liu, Afzaal 2021], а М. Уинтерс сосредоточила свое исследование на переводе перформативных глаголов отчетности [Wallaert 2010].

Корпусный подход предполагает, во-первых, либо наличие корпусов с исследуемым произведением и его переводами, либо создание таковых, во-вторых, выбор закономерностей, связанных с сюжетным контекстом и нарративом в наименьшей степени.

Паратекстуальный подход был предложен А. Берманом и подразумевает сбор экстралингвистической информации о переводчике (его лингвистический статус, т. е. нативное / ненативное владение исходным и переводным языками; переводческую позицию, т. е. мнение о наиболее «правильном» подходе к переводу; степень погруженности в литературу и языки) с последующим формированием вопросов-гипотез о переводе и, наконец, анализом текстов и ответами на поставленные вопросы [Wallaert 2010].

Примером анализа, основанного на данном подходе, служит исследование перевода Ш. Бодлера рассказа Э. По «The Fall of the House of Usher» на французский язык. В работе были поставлены вопросы-гипотезы о том, какие черты про-

изведения характеризуют рассказчика в переводе на французский язык как изобретательного, более эмоционально уязвимого и нестабильного, а также о том, что могло вызвать несоответствие перевода оригиналу в проявлении неопределенности [Wallaert 2010].

В паратекстуальном подходе куда сильнее, нежели в корпусном, проявляется литературоведческая составляющая исследования стиля, поскольку он предполагает в том числе сбор экстралингвистической информации и анализ оригинального произведения на предмет нарративных и стилистических особенностей для последующего сопоставления с переводом. Паратекстуальный подход не требует наличия нескольких переводов одного произведения.

Помимо перечисленных подходов, представляется возможным применение стилометрических методов определения авторства с целью выявления индивидуального стиля переводчика.

Кроме того, уже проводились исследования, направленные на установление авторства перевода. В этих целях использовались следующие методы:

- выявление наиболее частотных единиц номинативных частей речи;
- метод n-грамм: выявление наиболее частотных и характерных для текста коллокаций с выявленными единицами;
- фреймовый метод: анализ фреймов выявленных единиц [Hedegaard, Simonsen 2011: 67; Shaukat Tamboli, Prasad 2013: 11].

В целях нивелирования разницы в размерах текста, как правило, используется K-индекс лексического разнообразия (Yule's K vocabulary richness index), применяется коэффициент лексического разнообразия, учитывается процент гаптаксов и дислегомонов (лексических единиц, частотность употребления которых в корпусе равна 1 или 2) [Mikros 2020: 75-77].

В рамках корпусного подхода авторами данного исследования был проведен анализ перевода романа У. Голдинга «Lord of the Flies», выполненного Е. Суриц [Голдинг 2017; Голдинг 2009]. Изучение фактического материала позволило выявить следующие статистически значимые переводческие решения: диминутивизация имен существительных и снижение стиля речи в переводе Суриц. В большинстве случаев решения Суриц о снижении стиля речи и диминутивизации лексических единиц нельзя назвать оправданными, поэтому их можно считать маркерами нарушения адекватности перевода. В наибольшей мере это затронуло перевод авторской речи, для которой в оригинале свойственен нейтральный стиль, а в переводе во многих контекстах – разговорный.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что применение методов корпусного подхода в ходе анализа перевода дает возможность не только определить степень адекватности перевода, но и выявить черты индивидуального стиля переводчика.

Литература

- Голдинг У. Повелитель мух. М.: АСТ, 2009.
- Baker M. Towards a Methodology for Investigating the Style of a Literary Translator // Target. 2001. Vol. 12.
- Culler J. Literary Style: A Symposium by Seymour Chatman // Journal of Linguistics. 1973.

Vol. 9. Pp. 356-360.

Cureton R. Literary Stylistics // Oxford International Encyclopedia of Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 1992.

Golding W. Lord of the Flies. СПб.: Антология, 2017.

Mikros G. Finding the Author of a Translation. An Experiment in Authorship Attribution Using Machine Learning Methods in Original Texts and Translations of the Same Author // Words and Numbers. In Memory of Peter Grzybek (1957–2019). 2020. Pp. 71-82.

Hedegaard S., Simonsen J.G. Lost in Translation: Authorship Attribution Using Frame Semantics // Proceedings of the 49th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies: Short Papers. Portland: Association for Computational Linguistics, 2011. Pp. 65-70.

Liu K., Afzaal M. Translator's Style Through Lexical Bundles: A Corpus-Driven Analysis of Two English Translations of Hongloumeng // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12.

Saldanha G. Style of Translation: An Exploration of Stylistic Patterns in the Translations of Margaret Jull Costa and Peter Bush: PhD thesis. Dublin City University, 2005.

Shaukat Tamboli M., Prasad R. Authorship Analysis and Identification Techniques: A Review // International Journal of Computer Applications. 2013. Vol. 77 (16). Pp. 11-15.

Wallaert I. The Elephant in the Dark: Corpus-Based Descriptions of Translators' Style // Cahiers du plurilinguisme européen, 2010. DOI: 10.57086/cpe.205.

Evgeniia A. Nilsen (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University of Economics
Vadim O. Nikolaev (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University of Economics

ON THE METHODS OF TRANSLATOR'S INDIVIDUAL STYLE IDENTIFICATION

The article considers approaches to defining translator's individual style. Its linguistic and extra-linguistic components are listed. The existing approaches to the identification of the translator's individual style are described. On the basis of the research of E. Suritz's translation of W. Golding's novel "Lord of the Flies" it is concluded that it is advisable to use corpus-driven approach to determine the individual style of a translator.

Key words: translator's individual style, corpus-driven approach, paratextual approach, stylometry, W. Golding's "Lord of the Flies", E. Suritz

И.М. Петрова (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
miinna@yandex.ru
Я.А. Глотова (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
glotovaja@mgpu.ru

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ АНТОНИМИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЫ РУССКИЙ-АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ)

В статье рассматривается когнитивный аспект приема антонимического перевода на материале пары языков русский – английский. Материалом исследования выступают примеры антонимического перевода фраз из пьесы А.П. Чехова «Чайка», где использование данного приема связано с причинно-следственной метонимией. Исследование основывается на теории когнитивного фокусирования и подчеркивает важность когнитивных навыков переводчика при использовании данного приема.

Ключевые слова: антонимический перевод, прием перевода, стратегии перевода, когнитивный фокус, теория когнитивного фокусирования

Процесс перевода непосредственно сопряжен с когнитивной деятельностью человека, поскольку внимание, восприятие, воображение, память, мышление и языковые навыки являются той когнитивной составляющей, которая и определяет успешность данного процесса. Современные когнитивные исследования перевода направлены на осмысление матричного формата модели перевода [Ремхе 2023], а также на изучение проблемы воссоздания национально-культурной специфики концептов при переводе [Волкова, Бабина 2023]. Данная проблематика открывает новые возможности для осмысления переводческих трансформаций с позиций когнитивного подхода. В частности, рассматривая метонимические преобразования при использовании антонимического перевода, исследователи выявляют корреляцию между особенностями культурно-исторического развития наций и структурными особенностями языков [Галичева, Карданова-Бирюкова 2021]. При этом современные переводоведы делают акцент на том факте, что при антонимическом переводе изменяются не только конструкции, но в некоторых случаях происходит замена лексики словами противоположного значения [Самарин 2017].

Это обстоятельство позволяет рассматривать данную переводческую трансформацию в контексте теории когнитивного фокусирования [Петрова 2020]. Теория когнитивного фокусирования постулирует, что когнитивный фокус высказывания позволяет акцентировать внимание реципиента на наиболее значимом аспекте действительности, формально это действие реализуется посредством порядка следования элементов в структуре. При использовании приема антонимического перевода происходит не только изменение порядка следования элементов, но и замена ключевого элемента структуры на противоположный. Для осуществления данного действия необходимо совершить несколько операций, в частности, выявить ключевой элемент структуры в языке оригинала и подобрать аналогичный элемент в языке перевода, при этом используя противоположное значение.

Цель статьи – рассмотреть когнитивную составляющую приема антонимического перевода и установить, какие аспекты подвергаются когнитивному переосмыслению. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: 1) анализировались стратегии антонимического перевода; 2) отбирались примеры использования приема антонимического перевода в языковой паре русский – английский; 3) выявлялись особенности распределения когнитивного фокуса при использовании приема антонимического перевода при переводе с русского языка на английский.

Антонимический перевод является комплексным преобразованием конструкции в регистре утверждение-отрицание. Данный прием может быть актуализирован в языке посредством следующих стратегий: **стратегия негативации** (единица без формально выраженного отрицательного компонента при переводе заменяется на слово с приставкой *не-* или словосочетание с частицей *не*): *to keep – не бросать*; **стратегия позитивации** (единица с формально выраженной отрицательной семой при переводе заменяется на слово или словосочетание без формально выраженного отрицательного компонента): *unsafe – опасный*; **стратегия**

аннулирования (при переводе два отрицательных компонента нивелируются): *not innocent – виновный*. Наличие данных стратегий показывает, что их осуществление сопряжено со смещением когнитивного фокуса с одного значения слова на другое, при этом другое значение слова подвергается переосмыслению в противоположном ключе.

Рассмотрим примеры смещения когнитивного фокуса при использовании приема антонимического перевода на материале официального перевода пьесы А.П. Чехова «Чайка». Представляется важным отметить, что в большинстве случаев данная переводческая трансформация осуществляется на основе причинно-следственной метонимии, которая может быть продемонстрирована посредством следующего примера:

Старик каждую минуту все спрашивает, где Костя, где Костя... Жизнь без него не может... [Чехов 2018].

Вариант переводчика Т. Стоппарда: *The old man keeps asking for him, 'Where's Kostya?, where's Kostya?' — every minute. He's lost without him* [Stoppard 2001].

В словарной статье Oxford English Dictionary отмечается, что предикат состояния *to be lost without somebody* имеет значение: *unable to deal successfully with a particular situation* [Oxford English Dictionary: URL], т. е. «быть неспособным справиться с чем-то». При переводе произведена частеречная замена предиката действия *не может жить* на предикат состояния *to be lost*. Таким образом, наблюдается смещение когнитивного фокуса в регистре **отрицание – переосмысление**, при этом используется стратегия позитивации.

Анализ отобранного материала показал, что при использовании приема антонимического перевода в паре русский – английский языки тенденция использования рассмотренной выше стратегии достаточно устойчива.

Так, при переводе следующего примера *Пьеса не понравилась, вы презираете мое вдохновение, уже считаете меня заурядным, ничтожным, каких много...* [Чехов 2018] Стоппард использовал предикат состояния *to be a failure*: *My play was a failure, you despise my inspiration, now you think I'm just another insignificant nobody just like they all* [Stoppard 2001].

Для проведения семантического анализа обратимся к словарю Oxford English Dictionary с целью выявления семантики существительного *failure*. Были найдены следующие дефиниции: 1. *lack of success in doing or achieving something*; 2. *a person or thing that is not successful*; 3. *an act of not doing something, especially something that you are expected to do*; 4. *the state of not working correctly or as expected*; 5. *a situation in which a business has to close because it is not successful*; 6. *a situation in which crops do not grow correctly and do not produce food* [Oxford English Dictionary: URL]. В данном контексте речь идет о втором значении, т. е. «пьеса, не увенчавшаяся успехом». Если «пьеса не понравилась», значит «она была провальной и потерпела неудачу».

Кроме того, тенденция использования приема антонимического перевода также прослеживается при переводе высказываний, содержащих конструкцию двойного отрицания, которая находит отражение в следующем примере:

Уже нет никого. [Чехов 2018]

Вариант Стоппарда: *Cleared off already* [Stoppard 2001]. Применив стратегию аннулирования, переводчик отдал свое предпочтение фразовому глаголу *to clear off*.

Обратимся к словарной статье Oxford English Dictionary с целью выявления его семантики. Данный фразовый глагол имеет значение: *to go or run away* [Oxford English Dictionary: URL], т. е. «уходить или сбежать». Перевод произведен на основе причинно-следственной метонимии. Если «никого нет», значит «все уже ушли».

Таким образом, проведенное исследование использования приема антонимического перевода в паре русский – английский языки показало, что когнитивная составляющая данного приема заключается в смещении когнитивного фокуса с действия, как правило, в отрицательном регистре на переосмысление данного действия в предикат состояния. Чтобы эффективно использовать данный прием на практике переводчику необходимо иметь хорошо развитый навык когнитивного фокусирования, умение видеть категориальные смещения при трансформации.

Литература

Волкова А.Л., Бабина О.И. Лингвокогнитивная реконструкция национально-культурной специфики при переводе // Когнитивные исследования языка. 2023. 4 (55). С. 970-974.

Галичева И.В., Карданова-Бирюкова К.С. Сдвиг метонимического фокуса в англо-русском антонимическом переводе // В многомерном пространстве современной лингвистики: Сборник работ молодых ученых. М.: ПРИНТИКА, 2021. С. 40-44.

Петрова И.М. Механизм когнитивного фокусирования: (на примере реляторных структур русского и английского языков. М.: Языки Народов Мира, 2020.

Ремхе И.Н. В поиске современных характеристик когнитивного моделирования перевода // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 1007-1010.

Самарин Д.А. Антонимический перевод как особый переводческий прием // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. 11-1 (77). С. 158-161.

Чехов А.П. Чайка, Дядя Ваня, Три сестры, Вишневый сад: пьесы. М.: Время, 2018.

Stoppard T. Translation of A.P. Chekhov's play "The Seagull". London; NY: Farrar, Straus and Giroux, 2001.

Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>.

Inna M. Petrova (Moscow, Russia)

Moscow City University

Yana A. Glotova (Moscow, Russia)

Moscow City University

THE COGNITIVE ASPECT OF ANTONYMIC RUSSIAN-ENGLISH TRANSLATION

This paper examines the cognitive aspect of antonymic translation within the context of the Russian-English language pair. The study focuses on examples of antonymic translation generated by continuous sampling from A.P. Chekhov's play "The Seagull", where the use of this technique is related to causal metonymy. The research is based on the theory of cognitive focusing and emphasizes the importance of cognitive skills for translators when employing this technique.

Key words: antonymic translation, translation technique, translation strategies, cognitive focus, theory of cognitive focusing

СЕНСОРНАЯ ЛЕКСИКА ЗДОРОВЬЯ В РАССКАЗЕ А.К. ДОЙЛА «ОТСТАЛ ОТ ЖИЗНИ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье предпринята попытка перцептивного анализа структуры и средств выражения категории HEALTH / ЗДОРОВЬЕ в рассказе А.К. Дойла «Отстал от жизни» в английском и русском языках. Контекстуальный анализ лексем, фразеологизмов, словосочетаний, репрезентирующих категорию HEALTH / ЗДОРОВЬЕ, позволяет определить зрительные, слуховые и осязательные образы в рамках сенсорных диктема.

Ключевые слова: категория, здоровье, сенсорика, лексема, фразеологическая единица, словосочетание, сенсорная диктема

В работе исследуется сенсорная лексика по традиционной системе пяти органов чувств [Харченко 2012]. Данные лексем, фразеологизмы, словосочетания являются средством выражения категории HEALTH / ЗДОРОВЬЕ. Элементарной единицей речевого выражения таких категорий можно считать сенсорную диктему. Цель настоящего исследования – определить особенности сенсорного выражения категории HEALTH / ЗДОРОВЬЕ в рассказе А.К. Дойла «Отстал от жизни» в английском и русском языках [Doyle 1894; Дойл 2023] с позиции диктемной теории текста.

Главный герой рассказа вспоминает о том, как он заболел свинкой в детстве, а доктор Джеймс Винтер помогал ему выздороветь: *I kicked him twice on the white waistcoat and knocked off his gold spectacles, while he, with the aid of a female accomplice, stifled my angry cries in a flannel petticoat and thrust me into a warm bath* [Doyle 1894: 1]. Мальчик сопротивлялся процедурам. Он лягался (*kicked*), сшибал очки с носа врача (*knock off*). Доктор же старался приглушить гневные вопли ребенка (*stifled my angry cries*) и купать его (*thrust me into a warm bath*). Глагол *kick* актуализирует значение «пинать / лягать», включает осязательный акцент. Фразовый глагол *knock off* имеет значение «сшибать / сбивать», также представлен осязательным сигналом. Далее наблюдается переключение с осязательного акцента на слуховой сигнал: *stifled my angry cries*. Глагол *stifle* указывает на подавление слухового сигнала, а словосочетание *angry cries* усиливает слуховой образ. Акцент слуха сменяется зрительным сигналом с помощью глагола *thrust*, который дополняется осязательным образом при поддержке прилагательного *warm*. Н. Высоцкая в своем переводе этого произведения смещает сенсорные сигналы, выдвигая на первый план слуховой образ: *Пока доктор с помощью женщины заглушал фланелевой юбкой мои гневные вопли...* [Дойл 2023: 3]. Затем автор-переводчик включает в повествование зрительный и осязательный акценты: *...и купал меня в теплой ванне...* [там же].

Доктор Винтер описывает внешность данного больного свинкой следующим образом: *A fluffy head, a body like a trussed goose, very bandy legs, and feet with the soles turned inwards...* [Doyle, 1894: 1-2]. Лексема *fluffy* в составе словосочетания *fluffy head* указывает не только на внешний растрепанный вид человека, но

и на его ослабленное болезнью состояние. В официальном переводе интероцептивные ощущения персонажа не переданы, хотя зрительный сигнал сохранен: *Голова лохматая...* [Дойл 2023: 3]. Примечательно, что на месте сенсорной метафоры *a body like a trussed goose* со зрительно-осязательным образом – «тело, как у перевязанной для запекания гусиной тушки» (здесь и далее – перевод автора, если нет ссылки на официальный перевод) – возникает другой зрительно-осязательный сигнал: *...как у общипанного гусенка* [там же]. Зрительный сигнал репрезентирован также в итоговой части диктемы: «очень кривые ноги с повернутыми ступнями». В переводе Н. Высоцкой зрительный образ сохранен лишь словосочетанием *ноги кривые* [там же].

Поскольку все визиты врача сопровождалось тесным контактом с пациентом, осязательный компонент наблюдается в каждой сенсорной диктеме. Например: *From this time onwards the epochs of my life were the periodical assaults which Dr Winter made upon me. He vaccinated me, he cut me for an abscess, he blistered me for mumps* [Doyle 1894: 2]. Лексема *assault* в составе фразеологизма *make periodical assaults* включает осязательный сигнал в контексте этого примера; он предполагает прикосновения врача, указывает на экстеро- и интероцептивные ощущения персонажа. Глагол *vaccinate* актуализирует значение «делать прививку», имеет осязательный образ, включает внутренние неприятные ощущения у главного героя. В переводе данный глагол представлен прямым соответствием – «делать прививку». Осязательный акцент также наблюдается в фразеологической единице *cut me for an abscess*, в русском языке тактильность сохраняется посредством глагола *вскрывать*: *...вскрывал нарывы* [Дойл 2023: 3]. Глагол *blister* в сочетании *blister for mumps* представлен значением «ставить компрессы» [там же] и зрительным сигналом.

В истории о докторе встречаются диктемы, где наблюдается переключение со зрительного образа на слуховой: *But at last there came a time of real illness – a time when I lay for months together inside my wicker-work basket bed, and then it was that I learned that that hard face could relax, that those country-made, creaking boots could steal very gently to a bedside, and that that rough voice could thin into a whisper when it spoke to a sick child* [Doyle 1894: 3-4]. Зрительный акцент включен в повествование, когда речь заходит об обострении болезни: *came a time of real illness* (когда разболелся по-настоящему). Зрительный образ также поддерживается в следующей части диктемы, в которой упоминается о том, что герой провел несколько месяцев в постели: *I lay for months...* [там же]. Внутреннее состояние пациента улучшалось при виде доктора: *...that hard face could relax...* [там же]. Однако зрительный сигнал в переводе на русский язык включает новые визуальные характеристики: *...суровое лицо доктора может быть приветливым* [Дойл 2023: 3]. Словосочетание *creaking boots* представлено в переводе прямым соответствием, актуализирует значение «скрипучие башмаки», включает слуховой сигнал. Глагол *steal* в сочетании с наречием *gently* также включен нами в ряд номинации слуха, когда речь заходит о ботинках, которые могут: *...осторожно приближаться к постели* [там же: 4]. В финальной части диктемы представлен слу-

ховой акцент. Голос врача меняется, когда он общается с приболевшим маленьким пациентом: ...*грубый голос его смягчается до шепота* [там же].

Сенсорный сигнал может указывать не только на состояние здоровья, но и на возраст. Маленький пациент, страдавший от свинки, вырос и сам стал врачом, а доктор Винтер постарел. Зрительный образ становится центральным при описании внешности мистера Винтера в годах: *Широкая спина его столько раз склонялась над ложем больных, что и не может уже распрямиться* [Дойл, 2023: 4]. Зрительный сигнал передан в русском переводе при поддержке глаголов *склоняться* и *распрямиться*, в то время как в оригинале зрительный образ формируется при помощи фразового глагола *set in* и существительного *shape* в значении «принимать форму»: *That big back of his has curved itself over sick beds until it has set in that shape* [Doyle 1894: 2]. На возраст врача указывает и слуховой сигнал. Доктор Винтер по-старчески страдает от глухоты, но носит с собой стетоскоп: ...*he is very hard of hearing, so that it makes little difference whether he uses it or not* [там же: 4]. В ряд номинации слуха включена фразеологическая единица *be very hard of hearing*. В целом вся диктема указывает на возрастную проблему героя повествования. В переводе примарной языковой единицей, указывающей на слуховой образ, является фразеологическая единица *туг на ухо*: ... *но он туг на ухо, и потому не имеет никакого значения...* [Дойл 2023: 5].

Доктор Винтер насмехался над теорией распространения болезней: ...*Он едко иронизировал над теорией распространения болезней посредством микробов и любил шутя повторять у постели больного: «Закройте дверь, не то налетят микробы»* [там же]. В этой диктеме основным перцептивным источником выступает зрительный канал, однако выделяются и второстепенные сенсорные сигналы. Звуковой образ репрезентирован с помощью глаголов *иронизировал*, *шутя повторять*. Ряд номинации слуха дополнен в английском языке словосочетанием *set chuckling* (посмеиваться) и *his favourite joke was to say* (его излюбленной шуткой было сказать): ...*The germ theory of disease set him chuckling for a long time, and his favourite joke in the sick-room was to say, «Shut the door, or the germs will be getting in»* [Doyle 1894: 4].

В рассказе «Отстал от жизни» А.К. Дойла выделяются зрительные, слуховые и осязательные сигналы. Выявлены примеры сенсорного переключения со зрительного на слуховой образы, а затем на зрительный акцент в оригинале произведения, а также представлено переключение со слухового на зрительный и осязательный сигналы в переводе. Контекстуальный анализ позволил определить случаи: а) совпадения сенсорного переключения со зрительного на слуховой сигналы в оригинале и переводе; б) замены зрительно-осязательного образа в оригинале на другой зрительно-осязательный образ в переводе; в) генерализации сенсорного значения в переводе; г) отсутствия передачи интероцептивных ощущений в переводе; д) наличия экстеро- и интероцептивных ощущений при рассмотрении осязательных сигналов в оригинале и переводе. Сенсорные сигналы указывают на связь категорий HEALTH / ЗДОРОВЬЕ и AGE / ВОЗРАСТ посредством рядов номинации слуха и зрения.

Литература

Доyle А.К. Записки врача общей практики. М.: АСТ, 2023.

Харченко В.К. Лингвосенсорика. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Doyle A.C. Round the red lamp; being facts and fancies of medical life. London: Methuen, 1894.

Alexander S. Ptashkin (Tomsk, Russia)
National Research Tomsk Polytechnic University

SENSORY MEANS OF EXPRESSING HEALTH IN THE STORY “BEHIND THE TIMES” BY A.C. DOYLE IN RUSSIAN AND ENGLISH

The article aims at the perceptual analysis of the structure and means of expressing the category of HEALTH in the story “Behind the times” by A. C. Doyle in English and Russian. The contextual analysis of lexemes, phraseological units, collocations, representing the category of HEALTH made it possible to define visual, auditory and tactile images in the framework of sensory dictemes.

Key words: category, health, sensorics, lexeme, phraseological unit, collocation, sensory dicteme

Е.В. Разумных (Москва, Россия)
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
amilano80@mail.ru

SCHUBLADENDENKEN VS OUTSIDE THE BOX THINKING: КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ КОНЦЕПТА «МЫШЛЕНИЕ» В НЕМЕЦКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Целью статьи является сопоставительный анализ некоторых фразеологизмов немецкого, английского и русского языков, связанных с концептом МЫШЛЕНИЕ. Выявляется их единая концептуальная метафора, а также универсальные и уникальные компоненты, связанные с внутренней формой и актуальным значением. Делаются выводы о единстве картины мира для носителей разных языков и возможности индивидуального осмысления ими различных сущностей одних и тех же явлений.

Ключевые слова: фразеологизмы, мышление, концептуальная метафора, картина мира, универсальные и уникальные компоненты метафор

Сравнительный анализ фразеологизмов и метафор с целью выявления их концептуальной основы, внутренней формы и значения в разных языках является одной из излюбленных тем когнитивной лингвистики. При всем интересе и внимании к данному рода исследованиям их объем представляется еще недостаточным с учетом практической пользы для когнитивной науки, психолингвистики и переводоведения. Взяв за основу теорию концептуальной метафоры, предложенную Г. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff 1980], мы попытались проанализировать некоторые из фразеологических единиц в рамках концепта МЫШЛЕНИЕ в немецком, английском и русском языках, выявить суть лежащей в их основе метафоры, а также обнаружить универсальные и уникальные компоненты фразеологизмов в разных языках.

Одним из наиболее выразительных немецких фразеологизмов, изображающих определенный тип человеческого мышления, является *Schubladendenken*. С

точки зрения внутренней формы [Баранов 2019: 130], он восходит к денотату *Schublade* – «выдвижной ящик стола, комода и т.п.». Этот фразеологизм описывает стереотипное, консервативное, косное мышление и часто встречается во многих областях современного дискурса. Ср. примеры из СМИ: *Denn genau so ticken wir Menschen; Schubladendenken macht es uns leichter, gibt uns eine klare Struktur* (www.computerwoche.de); *Dieses Schubladendenken entspricht Klischees* (www.braunschweiger-zeitung.de); *Menschen sind Meister im Schubladendenken – und daher oft nicht fähig, faire Entscheidungen zu treffen* (www.geo.de); *Stattdessen wünsche sie sich Akzeptanz und weniger Label und Schubladendenken* (www.stuttgarter-nachrichten.de).

Очевидно, что мышление по типу *Schubladendenken* изображается ограниченными стенками некоего виртуального мебельного ящика. Подобно тому как выдвижные ящики служат для организации и хранения вещей, такое мышление упрощает восприятие действительности за счет четкой структуры всех событий и явлений окружающего мира. Вместе с тем приведенные примеры убедительно демонстрируют, что понятие *Schubladendenken* имеет отрицательную коннотацию: с ним связаны идеи о навешивании ярлыков, клише и штампов, о наличии устаревших предубеждений, о невозможности отступить от привычного порядка вещей и принимать правильные решения. Представляется, что основополагающая концептуальная метафора в данном случае может быть описана как «МЫШЛЕНИЕ – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ» [Lakoff 1980: 56]. Оставаясь исключительно в его стенках без подпитки новыми идеями извне, человек обречен мыслить стереотипно в соответствии с усвоенными ранее стандартами.

С немецким фразеологизмом *Schubladendenken* соотносится английское выражение *to think outside the box* (также *to think out of the box, to think beyond the box*), которое означает «мыслить нестандартно, творчески, нешаблонно, за рамками общепринятого и т. п.». В отличие от немецкого выражения, корни его английского аналога предположительно связаны с головоломкой с девятью точками (*nine dots puzzle*). Несмотря на иную внутреннюю форму в английском выражении можно усмотреть все тот же метафорический образ «коробки» или «ящика», где человеческое мышление замкнуто как в ловушке без возможности объективно взглянуть на вещи. Соответственно, стоит только выйти за пределы этой коробки, и человек уже смотрит на мир свежим взглядом, открывающим простор креативности и новым решениям. Ср.: *Advertising agencies must think outside the box to come up with new ideas that will grab consumers' attention; Scheduling walking meetings rather than sitting around a table is a good example of how corporate America started thinking outside the box about group discussions; Parents who homeschool their children often think outside the box when creating educational activities* (www.oysterenglish.com).

Несложно заметить, что немецкое и английское выражения делают акцент на разных сторонах одного и того же образа: *Schubladendenken* подчеркивает внутреннее пространство метафорического «ящика» и связанную с ним стереотипность мышления, в то время как *to think outside the box* указывает на выход за

пределы «коробки» как путь к новому восприятию действительности. Таким образом, к описанной выше концептуальной метафоре вместилища добавляется еще пространственная ориентация, причем суть ее остается одинаковой для двух языков. Подобные факты подтверждают давно и неоднократно высказанную в литературе мысль о том, что носители разных языков мыслят по большей части одинаково, а вариативность языкового представления действительности – это всего лишь разные пути ее познания [Колшанский 1990; Павлова 2015]. Иными словами, картина мира остается для всех неизменной, однако разные языки выбирают и фиксируют альтернативные свойства предметов или явлений окружающего мира, высвечивая или затемняя какие-либо из их характеристик [Скребцова 2018; Langacker 1991].

В связи с этим интересно отметить, что фразеологизмы *Schubladendenken* и *to think outside the box* противопоставлены друг другу еще и по оценочному параметру: в немецком языке подчеркивается внутреннее пространство вместилища, оцениваемое отрицательно, в то время как в английском акцент сделан на выходе за его пределы, т. е. на положительном аспекте. По наблюдениям Л. Виссон, английский язык в целом является языком оптимистов: в нем отражена традиция быть активным и своими действиями направлять жизнь в положительное русло [Виссон 2005: 29].

Среди других выражений, образно рисующих человеческое мышление как замкнутое пространство, можно упомянуть, к примеру, *stereotyped thinking* (мышление, ограниченное стереотипами), *thinking in narrow-minded categories* (мышление узкими категориями), *pigeonhole thinking* (мышление, ограниченное ящиком для бумаг в письменном столе). В немецком языке обращает на себя внимание выражение *quer denken*, т. е. мыслить, пересекая некие воображаемые границы (ср. с глаголом *queren* – пересекать, переходить на другую сторону). Такая регулярность, выражающаяся в некотором числе устойчивых выражений, подтверждает наличие в их основе соответствующей концептуальной метафоры [Скребцова 2018: 52].

В русском языке, как может показаться на первый взгляд, фразеологических эквивалентов выражений *Schubladendenken* или *to think outside the box* нет. Тем не менее, анализ возможных вариантов их перевода позволяет усмотреть образ некой ограничительной линии, предела, преодоление которого помогает приобрести новый, нестандартный взгляд на вещи. Ср.: *выходить за рамки обыденного, посмотреть за горизонт, расширять границы мышления, иметь широкий взгляд на вещи, преодолевать стереотипы, подняться над стереотипами* и т. п.

Рассуждая о фразеологических интерпретациях концепта МЫШЛЕНИЕ в русском языке, нельзя не упомянуть также выражение *разложить по полочкам*, в котором усматривается аналогия с немецким *Schubladendenken*: оба отсылают к некоторой полке, ящику или шкафу, назначение которых состоит в рационально организованном хранении предметов. Семантическая связь указанных выражений подтверждается также тем, что одним из возможных вариантов перевода фразеологизма *разложить по полочкам* на немецкий язык является *in eine*

bestimmte Schublade stecken, т. е. «положить в определенный ящик, на определенную полку». Для носителей русского языка *разложить по полочкам* означает «доступно объяснить» либо «досконально разобрать какую-то ситуацию и понять ее суть». Таким образом, к основополагающему образу мышления как вместилища добавляется еще идея внутренней организации, порядка в мыслях, что само по себе не может оцениваться негативно. Ср.: *Ленька, как всегда, ничего не понял в подвеске-треугольнике, и, даже когда Алеша Сотников разложил все по полочкам, объяснил все связи и смыслы, Курмышов и ухом не повел* [Александра Маринина. Последний рассвет].

Тем не менее в некоторых контекстах становится видно, что русское выражение по своей сути приближается к представлению о стереотипном мышлении – так, как это было показано в случае с *Schubladendenken*: *В школе нас учат мыслить паттернами: электромагнетизм – это физика; реакции и изменения веществ – химия; развитие, размножение – биология. Удобно, когда все по полочкам. Иногда, конечно, в этом классификаторе возникают спорные моменты* [А. Акшинцев. Закон «джунглей»]. Очевидно, что организация мыслей «по полочкам» оказывается плохо применимой для познания всех сложностей окружающего мира.

Таким образом, во всех показанных в данной статье фразеологизмах, взятых из разных языков и восходящих к одной и той же концептуальной метафоре, усматривается, по меткому выражению Лангакера, некое «дразнящее сходство» [цит. по: Скребцова 2018: 174]. Оно может либо лежать на поверхности самого выражения за счет отсылки к схожему денотату (нем. *Schublade*, англ. *box*, рус. *полочки*), либо выявляться с помощью контекста. Анализ материала нескольких языков раскрывает суть когнитивных механизмов человека и способы осмысления им окружающей действительности, а также показывает универсальные и уникальные компоненты фразеологизмов в разных языках. В качестве универсального компонента можно считать при этом некоторый единый фрагмент картины мира и соответствующую ему концептуальную метафору, а в качестве вариативных компонентов – выделение одних и затемнение других сущностей предметов или явлений. Перспективы дальнейших исследований видятся нам в расширении набора концептуальных метафор и круга анализируемых языков, а также в применении полученных результатов к сфере психолингвистики и переводоведения.

Литература

- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии. М.: Флинта, 2019.
- Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. М.: Р. Валент, 2005.
- Колианский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990.
- Павлова А.В., Светозарова Н.Д. Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода. СПб.: Антология, 2015.
- Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Языки славянской культуры, 2018.
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Langacker R. W. *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991.

*Elena V. Razumnykh (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

**SCHUBLADENDENKEN VS OUTSIDE THE BOX THINKING:
THE COGNITIVE ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS REPRESENTING
THE CONCEPT OF THINKING IN GERMAN, ENGLISH AND RUSSIAN**

The article focuses on the comparative analysis of certain German, English and Russian idioms within the concept of THINKING. Apart from the underpinning conceptual metaphor, their universal and unique components related to the inner form and actual meaning are highlighted. Conclusion is drawn as to the universal worldview of people speaking different languages yet their ability to come up with individual interpretations of the same things, events and ideas.

Key words: phraseological units, thinking, conceptual metaphor, worldview, universal and unique components of metaphors

*М.Р. Сафина (Нижегород, Россия)
Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова
Marinasafina22@gmail.com*

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТОНИМИЯ КАК МЕХАНИЗМ ПЕРЕВОДА

В статье на примере отрывка из романа Сьюзан Коллинз «Баллада о змеях и певчих птицах» и его перевода Д.Н. Целовальниковой демонстрируется роль механизма концептуальной метонимии на уровне синтаксической структуры высказывания, или синтаксической метонимии, в переводе. Обсуждаются причины производимых изменений в составе актантов пропозиционных моделей.

Ключевые слова: концептуальная метонимия, синтаксическая метонимия, когнитивная модель перевода, синтаксис английского языка, синтаксическая интерференция

Механизм концептуальной метонимии подразумевает репрезентацию одного концепта через другой смежный с ним концепт либо в случае, когда мы имеем дело с композитивными концептами, фреймами или сценариями, через один из составляющих его элементов [Сафина 2020]. Представляется, что этот же механизм можно назвать одним из основополагающих и в процессе перевода.

Сообщение, подлежащее переводу, является языковой репрезентацией идеального образа, являющегося отражением той или иной ситуации действительности либо того, что выдается автором за действительность. Сообщение девербализуется читателем-переводчиком, который заново структурирует полученный идеальный образ, либо выделяя в нем те же термы и сирконстанты, что и в оригинале, либо меняя состав пропозициональной модели. Решение зависит от структуры оригинала, особенностей языкового узуса переводящего языка, необходимости экономии речевых средств и т. д.

В некоторых случаях причиной модификаций структуры пропозиции выступают различия в синтаксических традициях двух языков. Например, английскому языку свойственна репрезентация события – действия, свойства, состояния – как признака активного субъекта [Рахманкулова 2022: 261]. В том числе высока частотность предложений, построенных с использованием структурных

моделей ингерентно статических ситуаций, состоящих из подлежащего и составного именного либо адвербиального сказуемого. Так, для выражения эмоциональной реакции CRYING помимо традиционной модели с подлежащим и сказуемым *He is crying* могут быть задействованы и следующие модели: свойства *his face was soaked with tears* (Atkinson); местоположения *There are silly, proper tears now* (Osman); *The receptionist was nearly in tears by this point* (Hannah). В некоторых случаях модели использованы в своем базовом, физическом, значении, в других мы имеем дело с синтаксической метафорой (напр., реакция *tears* как местоположение экспериенсера реакции).

Притом, что в английском языке в качестве прототипической глагольной части сказуемого выступает глагол *to be*, который в понимании многих лингвистов является единственным собственным вспомогательным, для русского языка, описание даже ингерентно статических ситуаций, напротив, часто предполагает не использование глагола «быть» или безглагольных конструкций, а лексико-семантических вариантов предикатов, обладающих разнообразными оттенками значения и различной, часто единичной, лексической сочетаемостью: *стоять, расположиться, чернеть* и т. д. [Волохина, Попова 2003: 22]. Динамические ситуации в русском языке, как правило, также описываются с использованием динамических моделей. Следовательно, русский текст в целом более динамичен.

Подобные различия стоит учитывать при переводе во избежание синтаксической интерференции, которую можно определить как «взаимодействие языковых систем, приводящее к отклонениям от способов выражения мысли, предпочитаемых в контактирующих лингвокультурах» [Рахманкулова 2020: 40].

Обратимся к примеру. Ниже представлен отрывок из романа Сьюзан Коллинз «Баллада о змеях и певчих птицах» и его перевод, выполненный Д.Н. Целовальниковой для издательства «Neoclassic».

(O-1) Another girl, a typical girl, would be impressed, but there was nothing typical about Lucy Gray Baird. In fact, (O-2) there was something intimidating about a girl who could pull off such a brazen performance on the heels of the mayor's assault. And that, just after she had dropped a venomous snake down another girl's dress. Of course, he didn't know that (O-3) it was venomous, but that was where the mind went, wasn't it? (O-4) She was terrifying, really. (O-5) And here he was in his uniform, clutching a rose like some lovestruck schoolboy (Collins).

(П-1) Обычная девушка наверняка бы обрадовалась, однако Люси Грей Бэйрд – совсем иное дело. (П-2) Кориолан вздрыгнул, вспомнил подробности Жатвы в Дистрикте-12: дерзкое выступление Люси Грей после оплеухи мэра, змею, сунутую за шиворот рыжеволосой... Разумеется, никто не знал, (П-3) ядовита змея или нет, но ведь это первое, что приходит на ум, не так ли? (П-4) Ему стало жутко. (П-5) И вот Кориолан стоит посреди перрона в форме Академии, с розой в руке, как влюбленный школьник (Целовальникова).

В приведенном фрагменте преобладают описательные предложения, в том числе передающие эмоциональное состояние. Для репрезентации используются типичные для английского языка статические модели с составным именным (O-1, O-3, O-4) и адвербиальным (O-2, O-5) сказуемыми. В переводе, в свою очередь,

использованы конструкции, более естественные для русского языка: статичные по своей сути ситуации выражены при помощи полнозначных глаголов или более характерных для русского языка глаголов-связок.

В П-1, П-3, П-5 состав пропозициональной модели сохраняется, меняется только характер языковых средств: структурная модель статической ситуации заменяется на модель динамической (*would be impressed* → *наверняка бы обрадовалась*) или используется более органичная для русского языка статическая модель (*it was venomous* → *ядовита змея или нет; here he was* → *И вот Кориолан стоит посреди неррона*). При этом в переводах П-2 и П-4 меняется не только используемая структурная модель, но также и состав актантов пропозициональной модели.

Так, в сообщении О-2 *there was something intimidating about a girl who could...* описывается эффект, производимый девушкой и ее действиями на окружающих и в частности на рассказчика. Опираясь на грамматические характеристики используемой лексики (например, валентность глагола *to intimidate*) и знание контекста, можно смоделировать следующую ситуацию (или, вернее, ее концептуальный образ, сценарий): неагентивный субъект-источник эффекта *a girl* и дефокусированный экспериенцер эмоциональной реакции (люди в целом и рассказчик Кориолан в частности). При этом каузантом эмоционального воздействия является, по сути, не сама упомянутая девушка, но скорее связанное с ней событие, о котором размышляет главный герой. Эмоциональное воздействие подразумевает скрытую реакцию, о которой знает лишь сам человек, ее переживающий, или явную, которая выражается неконтролируемой мимикой, жестами или иного рода рефлекторными проявлениями. Таким образом, было построено следующее предложение на русском языке: *Кориолан вздрогнул, вспомнив подробности Жатвы*. Экспериенцер в фокусе внимания и поставлен в позицию грамматического субъекта, оказанное на него эмоциональное воздействие передано через наблюдаемую реакцию «вздрогнул», каузант реакции передан при помощи сирконстанта — деепричастного оборота с глаголом «вспомнил» и указанием на событие «Жатву»; участница события-каузанта выведена вне фокуса. Каждый актант, появившийся в переводе, но отсутствующий в оригинале, не противоречит действительности: можно с уверенностью утверждать наличие всех этих элементов в сценарии. Небольшого отступления заслуживает только конкретизация реакции до «вздрогнул», впрочем, лексема для этого выбрана самая нейтральная. К тому же нередко в русском языке «вздрогнуть» используется именно с упором на испытываемый эффект неожиданности или эмоциональное воздействие, а не на сопровождающее его неконтролируемое движение.

Высказывание О-4 *She was terrifying* также подразумевает статичную ситуацию, в которой есть актант *She* и производимый ею эмоциональный эффект *be terrifying / to terrify*. В ситуации, очевидно, предполагается и экспериенцер эмоционального состояния, однако он дефокусирован. В переводе состав пропозициональной модели меняется: *Ему стало жутко*. Подсвечивается экспериенцер *Ему*, а источник производимого эффект, напротив, оказывается вне фокуса.

Представляется, что приведенные изменения, включающие фокусирование

и дефокусирование актантов, в том числе и рассказчика, не нарушают и художественной задумки. В отрывке показано испытываемое героем душевное смятение, неуверенность, даже страх, которые только подчеркиваются, если ввести героя в поле зрения как экспериенцера эмоций.

Безусловно, переводчику нет необходимости так подробно анализировать каждое подлежащее переводу предложение. В большинстве случаев описанный выше процесс происходит интуитивно, автоматически в результате девербализации сообщения. И учитывая, что производимые изменения происходят не на уровне отдельных лексических или морфологических элементов, а имеют более глобальный, структурный характер, когнитивный механизм, лежащий в основе этого процесса, можно обозначить как механизм концептуальной метонимии на уровне синтаксической структуры высказывания или, сокращенно, механизм синтаксической метонимии.

Литература

Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1999. (второе издание – 2003 г.).

Рахманкулова С.Е. Репрезентация события в англоязычном высказывании как признака активного субъекта: лингводидактический аспект // Актуальные проблемы филологии, переводоведения и лингводидактики в системе современного гуманитарного знания. Барнаул: Алтайский гос. педагогический ун-т, 2022. С. 261-264.

Рахманкулова С.Е. Узуальная синтаксическая интерференция: проявления и пути преодоления (на материале английского и русского языков) // Вестник Томского гос. ун-та. 2020. № 450. С. 40-48.

Сафина М.Р. Концептуальная нереференциальная метонимия на уровне синтаксической структуры высказывания (на материале английского языка) // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2020. Т. 16. № 4 (50). С. 47-54.

Marina R. Safina (Nizhny Novgorod, Russia)
Nizhny Novgorod State Linguistics University

CONCEPTUAL METONYMY AS A TRANSLATION MECHANISM

A passage from Susan Collins' "The Ballad of Songbirds and Snakes" and its Russian translation by D.N. Tselovalnikova are analysed to show the role of conceptual metonymy at the utterance structure level, or syntactic metonymy, in translation. The reasons why certain changes to the proposition models were made are discussed.

Key words: conceptual metonymy, syntactic metonymy, cognitive model of translation, English syntax, syntactic interference

И.Г. Серова (Санкт-Петербург, Россия)

*Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
irina_serova@list.ru*

Е.А. Поднекс (Веспрем, Венгрия)

*Паннонский университет
Podneks 567p02@mail.ru*

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В. ВЫСОЦКОГО В ПЕРЕВОДАХ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматривается поэтическое творчество В. Высоцкого как транскультурный феномен на основе анализа двух когнитивных подходов к переводу текста его песни «Кони приведут редливые» К. Хэмилтон и В. Астрахана с точки зрения целевой аудитории и традиции поэтического перевода на английский язык.

Ключевые слова: транскультура, традиция поэтического перевода на английский язык, разговорность, литературность, эквивалентный перевод

Творчество В.С. Высоцкого было важной вехой в культурной жизни СССР в предперестроечное время. Однако при всей фантастической популярности поэта-барда его произведения не осознавались как элементы транскультуры и скорее рассматривались как уникальные тексты, понятные только homo sovieticus. Но в настоящее время стало ясно то, что не афишировалось. Высоцкий много гастролировал: в 70-е гг. в странах Европы, а в 80-е благодаря активности его супруги Марины Влади – в США, Канаде, Мексике и даже на Таити. Везде у поэта были свои поклонники, которые переводили и исполняли его песни.

Высоцкий написал около 700 произведений, из которых 400 являются песнями, 300 – стихотворениями. По данным Интернет-сайта «Владимир Высоцкий на разных языках», посвященного творчеству и переводам Высоцкого, его произведения были переведены на 157 языков.

Одна из основных характеристик произведений Высоцкого – «блатной» фольклор, уличная и уголовная тематика творчества. При этом произведения автора носят комический характер: в его сюжетах комически представлены речевые и идеологические клише, используемые советской пропагандой. Таков оригинальный способ, используемый Высоцким для обращения к традиционной для русской литературы теме – проблемам маленького человека.

В разные годы жизни Высоцкий обращался к различным темам, при этом темы его произведений передаются с помощью образов, помещенных в ситуации реального, мифологического или сказочного характера. В произведениях Высоцкого выделяются два типа лирических героев – шут и рыцарь, что определяет использование определенных литературных приемов. Например, для произведений с повествованием от имени шута бард использует иносказание, стилизацию, травестию и гротеск. Героика характеризует творчество Высоцкого, посвященное войне и мужским профессиям (альпинист, летчик), и затрагивает этические и общечеловеческие вопросы [Sergay 2010: 29-30].

Высоцкий часто обращается к каламбурам, основанным на трансформации

различных фразеологических единиц, что было одним из самых популярных литературных приемов в 1960-е гг. На лексическом уровне творчество Высоцкого характеризуется исчерпывающим использованием фразеологии и терминологии той области, которая описывается в стихотворении. Для грамматики характерны авторское словообразование (примером является стихотворение, построенное на морфемном повторе *недо-*), контаминация, а также полиплоты (употребление одного и того же слова в разных падежах). В стихотворениях используется каламбурная рифма, олорифма (рифмование всех слов в нескольких строках), теневая рифма (близость рифмующихся слов в строке). Произведения Высоцкого также отличаются интертекстуальностью, включая цитаты и множественные отсылки к другим текстам.

На фонетическом уровне Высоцкий использует звукоподражание, словесную инструментовку и звуковой символизм [Хаззагеров 1998].

Известны переводы стихов и песен Высоцкого на английский язык, причем, ориентированные как на британскую, так и на американскую аудиторию. Трудности перевода русской поэзии на английский язык связаны с некоторыми традиционными особенностями перевода поэтических текстов. На лексическом уровне в течение последних пятидесяти лет поэтическая лексика используется в основном только для архаизирования или для передачи комического эффекта, что, как подчеркивает Эвалд Озерс, встречается чаще. Переводчики также приходят к выводу, что рифма в целом – более характерное явление для русского языка, чем для английского. Благодаря флективности, русские слова (как и слова в других славянских языках) могут рифмоваться с большим количеством слов, чем английские. На более широкую возможность создания рифм в русском языке оказывает влияние и более свободный порядок слов. Благодаря этому, повышается возможность срифмовать две строки, не нарушая при этом нормативный порядок слов [Озерс 1998: 114-116].

Задача перевода песенной лирики значительно усложнена по сравнению с переводом обычного поэтического текста: следование мелодии и ритму оригинала накладывают дополнительные ограничения на создание текста-транслята. Некоторые переводчики даже предпочитают не называть текст перевода песни собственно переводом. Песенный текст, максимально приближенный по смыслу и музыкальным характеристикам к оригиналу, является результатом так называемого эквиритмического перевода [Мхитарьян 2021: 376-377].

В настоящем исследовании мы пытаемся проиллюстрировать два различных когнитивных подхода к переводу песенного текста на материале переводов известной песни Высоцкого «Кони привередливые».

Вадим Астрахан уехал в Соединенные Штаты Америки из России в возрасте 14 лет. Он является музыкальным исполнителем, выступающим в жанре русского шансона, и переводчиком авторских песен Высоцкого, переводы которых были сделаны самим Астраханом и выпущены на диске в 2017 г.

О переводчице Кэтрин Хэмилтон практически нет информации, однако судя по лексике, использованной в переводах стихотворений и общей стратегии

перевода, она родом из Великобритании. Хэмилтон является носителем английского языка и единственной женщиной-переводчицей из известных нам переводчиков поэзии Высоцкого.

На первом этапе необходимо проанализировать название произведения. Высоцкий в качестве заглавия использует авторский эпитет, называя коней «привередливыми», что необычно, так как в русском языке данная лексема как правило, не соотносится с лошадьми. В переводе Хэмилтон название переведено как *unruly horses*, что переводится как «необузданные кони», и является вполне употребительным словосочетанием. В то же время Астрахан сохраняет образность, передав название как *ornery horses*, что может быть переведено на русский язык как «злые кони». При этом лексема *ornery* принадлежит к разговорному пласту лексики (согласно Oxford Dictionary), что подчеркивает разговорность стиля Высоцкого и относится к американскому варианту английского языка.

Первые строчки песни:

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю /Я коней своих нагайкою стегаю, – погоняю Хэмилтон переводит, следуя синтаксической структуре текста и игнорируя характер экспрессивности лексики автора:

*Along the chasm's edge, upon the precipice's brink
I urge my horses onward, I coerce them whiplash flying.*

Глаголы *urge* и *coerce* впечатляют специалиста как абсолютно неуместные в данной ситуации вследствие своей формальности: их функционально-стилистическая отнесенность явно контрастирует со страстностью текста оригинала.

Более близок к исходному тексту выбор Астрахана:

*On a cliff over a chasm, in my sled and nearly slipping, I am lashing at my horses.
I am rushing, I am whipping.*

Использование «инговых» форм (*ing forms*) создает внутреннюю рифму, к тому же их повтор придает тексту перевода необходимую эмоциональность. На этом фоне простительными представляются небольшие отступления от авторского синтаксиса, такие как использование риторического вопроса и перемещение строк в переводе:

*Чую с гибельным восторгом – пропадаю, пропадаю! –
It's the end! I see it clear with a jubilant despair.*

В последних строках второй строфы (она же является припевом):

*Но что-то кони мне попались привередливые,
И дожить не успел, мне допеть не успеть!*

наблюдаются те же сходства в подходе к переводу. Хэмилтон продолжает придерживаться нейтрального стиля; так можно переводить и прозу:

*Slower, slower, oh my horses, slowly run, slowly run!
Pay no heed to the lash's taut thong.
The horses that fell to my lot are unruly ones...
I've not lived out my life, I can't finish my song.*

Астрахан верен разговорной интонации и стремлению к эквиритмичности перевода: он использует инверсию, опускает подлежащее в последней строке, а также повторяет дважды слово *finish*, которого, строго говоря, нет в исходном тексте:

But I wound up with these horses so ornery...

Didn't finish my life, will not finish my song.

Во втором куплете исходного текста наблюдаются два восклицательных предложения в финальных строках:

Вы на шаг неторопливый перейдите, мои кони!

Хоть немного, но продлите путь к последнему приюту!

Но, как видим, Хемилтон остается достаточно бесстрашной в соответствии с английской поэтической традицией:

Be patient, patient, wayward horses, make the journey slowly,

And delay if but a while before we reach the final shelter.

Астрахан делает текст более эмоциональным и экспрессивным по сравнению с оригиналом, добавляя еще один восклицательный знак в переводе предпоследней строки:

Bring it down to a walk, my horses! – We can make it there later! –

Won't you stave off my arrival at the final destination!

Он находит и дополнительную возможность придать разговорную тональность тексту, используя инверсию в восклицательном предложении *Won't you stave off my arrival at the final destination!* и фразовый глагол *to stave something off*, который можно перевести как «предотвратить что-либо».

Важно, что оба переводчика бережно сохранили библейскую аллюзию в строке: *Мы успели – в гости к богу не бывает опозданий*. Хемилтон: *It's all over: guests to God cannot delay until the morrow*. Астрахан: *We have made it. Can't be late, when you're invited to God's table*.

Ориентированность на американского читателя обнаруживается у Астрахана в применении слова *tornado* для перевода существительного *буря*, которое более понятно для американского читателя.

Итак, делая вывод о двух переводах поэтического произведения «Кони привередливые», следует отметить, что перевод Хемилтон является более литературным, и он выполнен в соответствии с классической английской стратегией перевода поэтического текста. Переводчица явно озабочена в основном трансляцией содержания песни. Этот перевод не рассчитан на концертное исполнение.

Иначе представлен текст Высоцкого в эквиритмическом переводе Астрахана, который является переводчиком-исполнителем песен. В трансляте сохранены эмоциональная насыщенность, образность и разговорность лирики поэта.

Интересно отметить, что в ходе концертного исполнения Астрахан придает звучанию текста песни русский акцент, в то время как в повседневной реальности для него характерна чистая английская артикуляция и правильное произношение. Вероятно, русский акцент вводится специально, чтобы подчеркнуть иностранное происхождение песен Высоцкого для американского слушателя.

Литература

Мхитарьян Г.С. Некоторые приемы эквиритмического перевода (на материале русскоязычных кавер-версий иностранных песен) // Ученые записки Казанского ун-та. Серия: гуманитарные науки. 2021. С. 81-92.

Озерс Э. Некоторые проблемы перевода русской поэзии на английский язык // Поэтика

перевода / сост. С.Ф. Гончаренко. М.: Радуга, 1998. С. 112-123.

Хаззагеров Г.Г. Две черты поэтики В. Высоцкого // Мир Высоцкого. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 1998.

Franzon J. Choices in song translation. Singability in print, subtitles and sung performance // The Translator. 2008. Vol. 14. No. 2. Pp. 373-399.

Sergay T. Singer Sailor Soldier Spirit: Translations of Vladimir Vysotsky by Vadim Astrakhan // The Slavic and East European Journal. 2010. Vol. 54. No. 4. Pp. 728-730.

V. Vysotsky in different tongues. URL: <https://vysotsky.com/0002/008.asp?n=71&lang=1033>.

Irina G. Serova (Saint Petersburg, Russia)
Pushkin Leningrad State University
Ekaterina A. Podneks (Veszprém, Hungary)
University of Pannonia

COGNITIVE MODELLING OF THE AUTHOR'S POETIC WORLD VIEW IN THE TRANSLATIONS OF V. VYSOTSKY'S POETRY INTO ENGLISH

The article discusses Vysotsky's poetry as a transcultural phenomenon analyzing the use of the two cognitive approaches in the translation of the text of his song "The Unruly Horses" by K. Hamilton and V. Astrakhan from the point of view of the target audience and traditions of poetic translation into English.

Key words: transculture, cognitive approach, tradition of poetic translation into English, conversational style, literary style, equirhythmic translation

Я.А. Скворцов (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
SkvortsovYA581@mgu.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ДИСКУРСИВНЫХ ФОРМУЛ ТИПА «КАК БЫ ДА» В РУССКО-АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ)

В работе рассматриваются особенности передачи дискурсивных формул (ДФ) типа *Как бы да* в русско-английском переводе. Приводятся результаты анализа семантики и структурных особенностей рассматриваемых дискурсивных формул, а также наиболее регулярные способы перевода анализируемых единиц на английский язык.

Ключевые слова: дискурсивные формулы, русско-английский перевод, *как бы да*, теория речевых актов, стимульные речевые акты

Введение

В статье представлены некоторые результаты анализа особенностей передачи дискурсивных формул типа *Как бы да* в русско-английском переводе. Под дискурсивными формулами понимаются неоднословные реплики, реагирующие на предшествующий дискурс [Жукова, Орехов, Рахилина 2019].

В качестве объекта исследования выступают дискурсивные формулы русского языка типа *Как бы да*. Предметом исследования являются структурные и семантические особенности рассматриваемых единиц, а также способы их перевода на английский язык (см. также описание начальных этапов исследования в [Скворцов 2022]).

В сфере современной лингвистики существует значительный интерес к исследованию дискурсивных формул русского языка, что обуславливает актуальность проводимого исследования. Так, разработан путеводитель по дискурсивным словам русского языка [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993]; в [Козюк 2020] представлено сравнительное описание дискурсивных формул отказа и отрицания в русском и английском языках; автор работы [Цуй 2021] проводит анализ функционально-семантических характеристик дискурсивной формулы *Да нет* в русском языке; создана база дискурсивных формул русского языка «Прагматикон» (см. подробнее о данном ресурсе в [Яскевич и др. 2022]).

Методология

В основу методологии исследования легли работы, связанные с рассмотрением принципов и методов семантических исследований [Сулейманова, Фомина, Тивьяева 2020]; теории речевых актов как лингвистической категории [Рахилина, Бычкова, Жукова 2021]; опыта контекстно-семантического описания дискурсивных формул [Киселева, Пайар 1998].

Сформулированная цель и задачи исследования определили его методику.

Первый этап исследования состоит в формировании эмпирической базы из примеров употребления анализируемых дискурсивных формул, отобранных на основе сетевых ресурсов и из корпусов текстов. Примеры двуязычных соответствий отбираются в двуязычном корпусе НКРЯ – в строку поиска вводится одна из рассматриваемых дискурсивных формул (например, *Так-то оно так*). Из результатов поискового запроса вручную удаляются примеры, не содержащие анализируемые единицы. Параллельно формируется выборка примеров употребления выбранных формул на основе примеров, предложенных информантами. Материал исследования составил более 100 высказываний с рассматриваемыми единицами. На втором этапе исследования выполняется анализ структурных и семантических особенностей изучаемых дискурсивных формул в русском и английском языках, выявляются наиболее частотные способы передачи изучаемых единиц в русско-английском переводе.

Результаты

В результате исследования были предложены уточненные семантические описания дискурсивных формул типа *Как бы да: Так-то оно так* и *Как бы да*. Для единицы *Так-то оно так* в ресурсе «Прагматикон» приводится следующий фон: А соглашается с конкретным аргументом Б, но не с общей идеей [pragmaticon.ruscorgo.ru]. Такое описание оказывается верным для большинства примеров с описываемой дискурсивной формулой, отобранных из НКРЯ:

– *Нет, но ведь это фарс! – продолжал гнуть свою линию Джеф. – «Отец-хаос», «истинная свобода»... Фарс!*

– *Так-то оно так... – задумчиво проговорил Глинка. – Но ведь вот что удивительно... Вся жизнь считалось: что смешно – то не так уж и страшно* [НКРЯ].

Однако анализ набранных примеров с дискурсивной формулой *Так-то оно так* позволил выделить контексты, для описания которых требуется уточнить формулировку, предложенную в ресурсе «Прагматикон»:

- *Видишь: скул не видеть.*
- *Да под бородой же, а ежели прощупать глазом...*
- **Так-то оно так**, но только... *Запой, что ли, у него бывает?* [НКРЯ].

В приведенном примере говорящий Б частично соглашается с аргументом А о том, что скулы мужчины скрыты бородой, а затем переключается на информацию, не связанную с аргументом говорящего А и которую считает более релевантной.

Таким образом, проведенное исследование позволило уточнить семантическое описание дискурсивной формулы *Так-то оно так*. Формула вводит частичное согласие с мнением говорящего А – после ДФ при помощи противительного союза (*но, да, только, однако, зато, хотя*) вводится информация о более релевантной по мнению говорящего Б характеристике / свойстве рассматриваемого объекта / ситуации, наличие которой не позволяет говорящему Б в полной мере согласиться с мнением, высказанным говорящим А.

Представленное в ресурсе «Прагматикон» описание дискурсивной формулы *Как бы да* также представляется достаточно лаконичным – что вполне соответствует целям и задачам самого ресурса – и может быть уточнено. Так, проведенное исследование показало, что дискурсивная формула *Как бы да* может вносить информацию о том, что:

1) говорящий Б неоднозначно относится к предмету разговора:

– *Ты как, играл уже в новую демо-версию?*

– **Ну как бы да...** *Не сильно понравилось* (здесь и далее приводятся примеры, предложенные информантами);

2) говорящий Б частично подтверждает сказанное говорящим А или частично соглашается со сказанным, однако делает акцент на более релевантной для него информации, которая мешает ему в полной мере согласиться с говорящим А:

– *Думаю, имеет смысл купить билеты заранее.*

– **Как бы да**, но цены еще могут упасть;

3) говорящий Б недоволен тем, что говорящий А озвучивает очевидную по мнению говорящего Б информацию:

– *Ты сейчас занят?*

– **Ну как бы да**, если ты не заметил;

4) говорящий Б считает очевидным ответ на вопрос говорящего А, так как у него есть аргумент, исключающий релевантность иных версий:

– *Они умудрились сделать все за час?*

– **Ну, как бы да.** *Они очень умные.*

В результате проведенного исследования выделены следующие особенности передачи дискурсивной формулы *Так-то оно так* в русско-английском переводе:

– **Так-то оно так**, но придется рискнуть, – сказал Косматый. – ‘**True; but we must take that risk,**’ decided the Shaggy Man, bravely;

– **Так-то оно так**, мистер Пиннер, – сказал я, – но не все обо мне такого высокого мнения. – ‘**Well,**’ said I, ‘other people don’t think quite so much of me as

you seem to do, Mr. Pinner [НКРЯ].

Так, высказывание, содержащее дискурсивную формулу *Так-то оно так* передается на английский язык при помощи слов *true, well, maybe, perhaps*, после которых вводится (при помощи союзной или бессоюзной связи) информация о более релевантной по мнению говорящего Б характеристике / свойстве рассматриваемого объекта / ситуации, наличие которой не позволяет говорящему Б в полной мере согласиться с мнением, высказанным говорящим А.

В результате исследования были также рассмотрены особенности передачи дискурсивной формулы *Как бы да* в русско-английском переводе: информация, которую может получить говорящий Б за счет расшифровки вклада интонационных средств и анализа более широкого контекста, зачастую не передается в английском тексте.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что у описываемых дискурсивных формул нет фиксированного переводного эквивалента в английском языке и что в каждом конкретном случае перед переводчиком встает задача подбора максимального соответствующего аналога русской дискурсивной формулы в зависимости от фона и стимульного речевого акта.

Перспективу исследования составляет дальнейшее более глубокое исследование особенностей семантики и употребления дискурсивных формул типа *Как бы да*, а также поиск их наиболее релевантных аналогов в английском языке.

Литература

Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993.

Жукова С.Ю., Орехов Б.В., Рахилина Е.В. Дискурсивные формулы русского языка: диахронический подход // Труды Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова. 2019. № 21. С. 142-164.

Киселева К.Л., Пайар Д. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М.: Метатекст, 1998.

Козюк Е.Ю. Сравнительное описание дискурсивных формул отказа и отрицания в русском и английском языках. М.: НИУ ВШЭ, 2020.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>.

Рахилина Е.В., Бычкова П.А., Жукова С.Ю. Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы // Вопросы языкознания. 2021. № 2. С. 7-27.

Скворцов Я.А. Анализ семантики дискурсивных формул типа *Как бы да* (на материале корпуса параллельных текстов) // Лига исследователей МГПУ. М.: МГПУ, 2022. С. 552-556.

Судейманова О.А., Фомина М.А., Тивьяева И.В. Принципы и методы лингвистических исследований. М.: Языки Народов Мира, 2020.

Цуй Л. Функционально-семантическая характеристика дискурсивной формулы *Да нет* в русской речи // Вестник СПбГУ. 2021. № 4 (18). С. 863-871.

Яскевич А.А., Бычкова П.А., Слепак Е.А., Рахилина Е.В. База дискурсивных формул русского языка «Прагматикон» // Труды Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова. 2022. № 2 (32). С. 45-63.

RUSSIAN DISCOURSE FORMULAE SUCH AS “KAK BI DA” IN RUSSIAN-TO-ENGLISH TRANSLATION

The paper offers a linguistic overview of Russian-to-English translation of discourse formulae such as *Kak bi da*. The author provides the results of semantic and structural analysis of the units as well as their pragmatic features that stem from the analysis of stimulus speech acts. Most regular translation patterns employed in Russian-to-English translation of the units are offered.

Key words: discourse formulae, Russian-to-English translation, *kak bi da*, speech acts, semantics

*A.B. Соколова (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
Angelina.V.Sokolova@gmail.com*

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ХЕДЖ-МАРКЕРОВ, СОДЕРЖАЩИХ ГЛАГОЛЫ МЕНТАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Исследование выполнено в рамках одного из динамично развивающихся направлений лингвистических исследований – когнитивной научной парадигме в переводческой перспективе и представляет собой анализ стратегий последовательного англо-русского перевода хедж-конструкций, содержащих глаголы ментальных действий.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, хеджирование, глаголы ментальных действий, последовательный перевод, политический дискурс

Одним из ключевых инструментов предотвращения возможных коммуникативных неудач является хеджирование, которое позволяет оптимизировать представление информации для последующего достижения адекватной интерпретации текста реципиентом, что особенно актуально в массовой коммуникации.

В статье особенности функционирования и последовательного англо-русского перевода (далее АЯ-РЯ УПП) хедж-маркеров будут рассмотрены на примере материалов политического дискурса. Представляется важным отметить, что в фокусе будут находиться хеджи, содержащие глаголы мыслительной деятельности, а именно глаголы мнения, в то время как иные вводные конструкции, выступающие в роли элементов хеджирования, требуют отдельных специальных исследований и являются перспективой дальнейшей работы.

Группа глаголов мнения является крайне сложной для семантического анализа и интерпретации, что объясняется прежде всего объективной сложностью самих когнитивных процессов человека. Глаголы мнения, которые могут входить в структуру хедж-высказывания, выборочно попадали в поле зрения лингвистов (см., например, в [Арутюнова 1989; Зализняк 1991; Селиверстова 2004; Ильчук 2004]), однако в большинстве случаев семантическое описание рассматриваемых лексических единиц основывалось не на их реальном языковом употреблении, а на словарных толкованиях, что затрудняло смысловое разграничение тех или иных глаголов, поскольку зачастую в словарных статьях одна единица языка трактуется через другую и наоборот. В качестве основных глаголов

нения, подвергающихся рассмотрению в составе выражений, снижающих категоричность высказывания, выбраны одни из наиболее частотных лексических единиц, а именно *think, believe, consider, suppose*. Изыскания О.Н. Селиверстовой и Е.В. Ильчук [Селиверстова 2004; Ильчук 2004] позволили определить русские корреляты для данных глаголов: *think* – *думать*; *believe* – *верить / казаться*; *consider* – *считать*; *suppose* – *полагать*.

На этапе сбора примеров АЯ-РЯ УПП из созданной на кафедре языкознания и переводоведения ИИЯ МГПУ базы данных «Переводческий корпус (синхронный и последовательный перевод – тексты и видеозаписи)» (запатентовано в августе 2022 г.) [Сулейманова и др. 2022] было взято 50 скриптов (134 страницы) выступлений зарубежных политиков, а также видео, содержащие запись речи спикера и его переводчика. Общая продолжительность необходимой для исследования звучащей речи составила более 6 часов. Материалы охватывают промежуток в 27 лет.

На следующем этапе выполнена сплошная выборка примеров употребления исследуемых лексических единиц, входящих в состав хедж-конструкций. Таким образом, найдено 65 хеджей, выраженных такими фразами, как *I think, I don't think, we think, we thought, I believe, we believe*. При этом конструкций, содержащих глаголы *suppose* и *consider*, не было обнаружено.

Анализ частотности употребления рассматриваемых глаголов показал, что в подавляющем большинстве, а именно в 55 высказываниях (85%), спикеры использовали лексему *think*, в то время как *believe* присутствует лишь в 10 предложениях (15%). В 25 скриптах (54 страницы) не найдено исследуемых хедж-конструкций. Иными словами, 40% материалов АЯ-РЯ УПП являются «пустыми» на предмет содержания рассматриваемых в рамках работы хедж-выражений.

Далее хеджи объединены в 4 группы согласно их переводу. В первую группу входят предложения, в русских коррелятах которых отсутствует перевод рассматриваемой конструкции – 71% (46 высказываний). 12% (8 случаев) употреблений хеджей, в состав которых входит глагол мыслительной деятельности, переведено при помощи других глаголов и конструкций типа *на мой взгляд / уверен / наблюдая / насколько известно / кстати говоря* и др., не являющихся объектом исследования и не во всех случаях функционирующих как элемент хеджирования. На третьем месте по частотности расположена трансформация, в результате которой выражение неуверенности преобразовано с помощью одного из исследуемых в рамках настоящей работы глагола, однако перевод не является эквивалентным. В данную группу вошло порядка 9% примеров, а именно 6 высказываний. Эквивалентный перевод – четвертая группа – представлен лишь в 8% случаев (5 предложений).

В результате изучения переводов отобранных примеров выявлено, что наиболее частотным русским глаголом, используемым в составе хедж-маркера, является *думать* (7 из 11 высказываний), на втором месте *считать*, при этом ни в одном случае хедж не был передан с помощью *верить, полагать* или *казаться*.

Так, к эквивалентам были отнесены высказывания типа: *I think we have managed to establish a very good working relationship. – Я думаю, что мы смогли*

установить прочные контакты между нами (Скрипт 16).

Следующее высказывание было отнесено ко второй группе, однако следует прокомментировать не только ошибку в выборе русского глагола ментальной деятельности, но и некоторые другие аспекты перевода: *We always thought that Russia, India and China have a huge destiny and that we, small Mauritius, can in some way play a role into opening the way to the African market and African countries.* – **Мы считаем**, что у России и Китая есть особая судьба, и мы как Маврикий готовы открыть Африканские рынки для этих стран (Скрипт 30). Во-первых, следует обозначить глагол, который с точки зрения семантики в наибольшей степени подходит для передачи хедж-конструкции с *think*. Наиболее близкими по смыслу русскими лексическими единицами для этого глагола являются *думать*, *пожалуй*, *по-моему*, *скорее всего*. Перечисленные слова и выражения отражают особенность глагола *think*, связанную с оценочностью суждения, основанной на анализе денотативной ситуации и дополнительной опорой на личные ранее сформированные представления и желания индивида о будущем. Во-вторых, представляется важным заострить внимание на временной форме глагола *think*. Конструкция *we always thought* подчеркивает тот факт, что до разговора с собеседником спикер имел определенное представление, которое в данный момент речи не является актуальным. Широкий контекст при этом дает основания предположить, что говорящий имел в виду, что вывод, сделанный ранее, соответствует и текущей ситуации, однако в силу того, что автор высказывания не является носителем английского языка, он ошибочно выбрал простую прошедшую форму глагола вместо перфектной. Вместе с тем перевод глаголом в форме настоящего времени также не кажется верным, поскольку в таком случае отсутствует отсылка к продолжительности преобладания определенной точки зрения в сознании англоязычного спикера. В-третьих, переводчик в некотором роде искажил смысл высказывания, касающегося африканских рынков. Фраза Министра иностранных дел Маврикия С. Лачминараиду *we can in some way play a role into opening the way* подразумевала не доминирующую роль Маврикия, а содействие (наряду с другими государствами) страны в открытии рынков Африки для России и Китая.

Третью группу составляют фрагменты речей, в которых хедж-фраза переведена с помощью прочего глагола, т. е. не являющегося объектом настоящего исследования, или конструкции. В то же время в некоторых случаях передача хеджа, предложенным переводчиком выражением, возможна, например, *However, I think that this visit is at a critical time and in terms of our relationship and where we need to take it too.* – ...однако **на мой взгляд** этот визит особенно важен, потому что он состоится в столь важный для развития наших отношений момент, когда мы можем определить дальнейшие направления развития таких отношений (Скрипт 8). Существуют также высказывания, при переводе которых коммуникативная интенция автора не была учтена, например: *And when we can, I think we can find possibilities of cooperation on issues.* – И там, где это необходимо **я уверен** мы можем найти возможности для сотрудничества по вопросам, в частности, представляющим взаимный интерес... (Скрипт 9).

President Medvedev and I have I think successfully established the reset of U.S. Russia relationships the U.S. Russian relationship over the last several years. – Мы вместе с Президентом Медведевым успешно «перезагрузили» взаимоотношения между США и Россией (Скрипт 22). В этом и 45 других примерах перевод хеджера отсутствует, что искажает смысл исходного высказывания.

К данной группе также отнесен случай, когда был опущен перевод не только хеджа, но и целого предложения, что допустимо в процессе устного синхронного перевода, однако нецелесообразно в рамках последовательного. *As the President said, these have been good talks, purposeful talks. I believe we've made some real progress. – Я полностью согласен с тем, что у нас были на самом деле хорошие, плодотворные переговоры* (Скрипт 43). Несмотря на то, что во втором предложении спикер фактически повторяет ранее озвученную идею, высказывание, содержащее хедж *I believe*, не следовало опускать, потому что в первой части пропозиции Д. Кэмерон делает отсылку на мнение В.В. Путина, а далее соглашается с выводами Президента Российской Федерации. Британский политик осознанно не объединяет два высказывания (как это делает впоследствии переводчик), чтобы дополнительно подчеркнуть как идею согласия с утверждением собеседника, так и утверждение о плодотворности переговоров.

Таким образом, выявлено, что хеджи, описывающие когнитивные операции говорящего, являются одним из основных элементов снижения категоричности высказывания на пути к склонению получателя сообщения на сторону автора пропозиции, что обуславливает необходимость передачи данных единиц на язык перевода. При этом выявление релевантных особенностей коммуникации носителей английского и русского языков [Сулейманова и др. 2015], а также учет семантических характеристик эпистемических глаголов, безусловно, является значимой частью процесса выбора стратегии перевода, поскольку неверный выбор предиката может в той или степени изменить смысл высказывания на исходном языке и, как следствие, вызвать реакцию реципиента, расходящуюся с ожиданиями спикера.

Литература

Арутюнова Н.Д. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 7-31.

Зализняк А.А. Считать и думать: два вида мнения // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 187-194.

Ильчук Е.В. Мышление и восприятие сквозь призму языка (на материале английского языка). М.: Прометей; МПГУ, 2004.

Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий. Комплексный анализ переводческого процесса / О.А. Сулейманова, К.С. Карданова-Бирюкова, Н.В. Лягушкина [и др.]. М.: УРСС; Ленанд, 2015.

ПК – Переводческий корпус (синхронный и последовательный перевод – тексты и видеозаписи): Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022622085 Российская Федерация: заявл. 02.08.2022: опубли. 18.08.2022 / О.А. Сулейманова, А.А. Водяницкая, А.В. Соколова, М.А. Фомина.

Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.

HEDGE STRUCTURES WITH MENTAL VERBS: CONSECUTIVE TRANSLATION PROBLEM

The research focuses on the strategies of English-to-Russian consecutive translation of hedge structures describing the speaker's cognitive operations. The findings showed that in most cases due to ignorance / failure to take into account the semantic differences of mental activity verbs, interpreters make mistakes in hedge-structures translation, which leads to misunderstanding and, with regard to political discourse, prevents settling disagreements, establishing rapport, etc.

Key words: cognitive linguistics, hedging, mental verbs, consecutive translation, political discourse

О.А. Сулейманова (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
SouleimanovaOA@mgpu.ru

РУССКИЕ ИНФИНИТИВНЫЕ БЕЗЛИЧНЫЕ МОДЕЛИ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В статье рассматривается типология русских безличных синтаксических моделей, определяется их семантика и предлагается анализ стратегий их перевода на английский язык. Переводческое решение в целом определяется требованием структурной законченности английского предложения и восстановлением опущенного в оригинале обозначения субъекта, чаще всего в форме местоимения / существительного. В ряде случаев допустимы варианты с изменением структуры высказывания.

Ключевые слова: инфинитив, безличная конструкция, русско-английский перевод, семантика предиката

На настоящем этапе развития теории перевода лингвисты все чаще обращаются к синтаксическим структурам, которые составляют корпус «малого синтаксиса» (по терминологии Ю.Д. Апресяна) и чаще всего представляют собой односоставные (бесподлежащие) структурные образования. Продолжаются исследования общей категории безличности [Березина 2014], рассматриваются более частные вопросы категории [Зеликов 2014], причем не только на материале русского языка [Guiraud-Weber, Kor Chahine 2013]. В представляемой работе исследуются структуры, не получившие на данный момент описания в пособиях по переводу, неучет которых способен порождать переводческие ошибки, что в свою очередь приводит к искажениям смысла сообщения в языке перевода. Так, анализ английских структур с инфинитивом последующего / сопутствующего действия – они не упомянуты в пособиях по переводу – показал, что данные структуры часто переводятся инфинитивом цели, например, фраза *he coughed to attract our attention* // он кашлянул, чтобы / желая привлечь наше внимание действительно содержит инфинитив цели, тогда как высказывания *he rose to go* // он поднялся, собираясь уходить, или *she woke up to see that the sun was shining* // она проснулась и увидела что всюду светит солнце вносят информацию о сопутствующем действии, и потому нельзя сказать *она проснулась, чтобы увидеть, что

солнце уже взошло, поскольку в таких случаях не предполагается какое-либо целеполагание [Souleimanova 2014; Сулейманова, Карданова-Бирюкова 2021]. Инфинитивные структуры в переводческой перспективе специально не получили к настоящему моменту исчерпывающего описания. Таким образом, **актуальность** данной работы определяется неизученностью теоретических оснований и отсутствием практических стратегий перевода безличных инфинитивных структур в русско-английском переводе за исключением общего указания на введение «формального» подлежащего в английском тексте для передачи в целом русской категории безличности.

Методика и методологические предпосылки исследования

На первом этапе работы выстроена типология инфинитивных конструкций в русском языке на основе [Русская грамматика 1982; Сулейманова 2010] с учетом ряда критериев, а именно, исходя из понимания синтаксической структуры как имбрикации базовой модели и предикативного компонента, в нашем случае – инфинитивного предиката. В качестве базовой структуры выступает пространственная (*у меня в ухе звенит*), дативная (*мне снится*) и аккузативная (*костей не собрать / костей не соберешь*) составляющая, тогда как предикативный инфинитивный компонент в силу своего лексического и аспектуального значения допускает значительную вариативность, например, можно сказать *вам решать* но не **вам решить*. Отметим сразу, что среди инфинитивных моделей преобладают дативные структуры, вносящие информацию в своей базовой части о затронутости действием субъекта и его личной сферы, ср. «потенциальное отношение к лицу» [Лекант 2017: 18], который в русском языке представлен как объект данного события. Далее устанавливается корреляция структуры оригинала и перевода. При этом в результате перевода в английском языке ситуация представлена более иконично, и данный актор становится и синтаксическим субъектом. В ходе исследования сопоставляются результаты ручного перевода и машинного переводчика, оценивается экспланаторный потенциал машинного переводчика и выявляются его проблемные зоны.

В качестве **эмпирической базы** работа опирается на совокупность высказываний из НКРЯ, учтены примеры высказываний из «Русской грамматики» и предыдущих работ автора.

Результаты исследования

Анализ переводческого корпуса выявил несколько возможных стратегий перевода, которые, на наш взгляд, в значительной степени опираются на характеристики английского языка как языка аналитического строя, что сказывается на требовании структурной законченности предложения, достигаемой в переводе за счет «восстановления» обязательного структурного элемента с опорой на контекст или введения формальных субститутов, причем чаще всего в русско-английском переводе восстанавливается подлежащее. (Можно допустить, что вербоцентристский характер английского языка обусловлен в том числе именно большей информативностью сказуемого, его невозможно системно опустить без полной потери смысла). Иными словами, в большинстве случаев появляется

либо личное местоимение-обозначение семантического субъекта, либо часто адресата и др. Общий тренд состоит в преобразовании русского безличного (неопределенного) субъекта в английское двусоставное предложение

Модели типа *Мне решать, Вам сдавать экзамены в этом семестре* с предикатом в форме несовершенного вида в переводе сохраняют ключевую предикативную сему, представление о некой провиденциальности, или ситуация сложилась так, что у протагониста нет выбора [Сулейманова 2010: 325]. Изменения происходят в сфере семантики дативного субъекта, который претерпевает семантико-грамматическое изменение в виде восстановленного местоименного грамматического субъекта (интересно, что дативная модель неопределенно-личного типа претерпевает сходное дативное базовое изменение в местоименное / или из контекста обозначение семантического субъекта). Возможны при этом по крайней мере два варианта перевода: либо *It is up to / for you to decide*, если протагонист способен контролировать положение дел, и *It's you who have to V (take the exam)*, если актер не определяет событие. Системы машинного перевода также предлагают данные варианты, однако без учета семы контролируемости в семантике предиката, при этом могут добавить спорные варианты, возможные только в специально обозначенных контекстах типа *only you decide* (Google Translator).

В модель типа *Вам не решить всех проблем, тебя не узнать*, где используется глагол в форме совершенного вида, вносится информация об отсутствии у адресата предпосылок к совершению действия, о потенциальной невозможности совершить действие. В переводе имеет место трансформация дативного субъекта в полноценное подлежащее (*you won't solve all the problems*), при этом на первый план выходит сема предопределенности, практически высокой уверенности говорящего в исходе события, тогда как в оригинале речь идет о потенциальной возможности.

Сослагательная модель типа *Вам бы только смеяться / You should (could) just laugh* теряет свою сослагательность и трансформируется в модальность возможности или даже рекомендации.

Модель *быть вам в раю*, вносящая информацию о неотвратимости события вне зависимости от волеизъявления адресата, трансформируется в описание уже свершившегося события *Welcome to paradise*, в сферу действия которого приглашается адресат. При этом исчезает прямая адресация к дативному адресату.

В высказывании *Вам ли жаловаться / is it worth complaining* вносится информация об отсутствии оснований для осуществления действия и исчезает указание, кем именно, причем этот вариант предлагают и системы машинного перевода.

Фразы образца *тебе бы лучше нам помочь / You'd better help us*, предлагающие дативному адресату выбор из по крайней мере двух вариантов действий, имеют устойчивый переводческий эквивалент во всех системах перевода.

Фраза *Костей не собрать* неверно толкуется машинными переводчиками как *There are no bones to collect*, при возможном переводе через восстановление потенциального адресата *You would not / cannot gather the bones*, ср. тж. *вопрос не решить // the issue cannot be resolved*.

Ручной перевод безусловно предпочтителен в силу максимального сохранения семантики высказывания, машинный перевод допускает в ряде случаев вариативность и приемлемые варианты передачи инфинитивной составляющей оригинала, а также предлагает структурные трансформации, необходимые при переводе русских безличных структур в двусоставные английские предложения.

Литература

- Березина О.А.* К вопросу о языковой репрезентации категории безличности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. 4 (025). С. 39-51.
- Зеликов М.В.* Пересмотр конструкции «Безличного пассива» // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 9: язык и литература. 2014. Вып. 1. С. 144-151.
- Лекант П.А.* Безлично-инфинитивные предложения в современном русском языке // Вестник МГОУ. Серия: русская филология. 2017. (4). С. 18-25.
- Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1982.
- Сулейманова О.А.* Особенности семантики безличных инфинитивных конструкций // Язык. Закономерности развития и функционирования. Сб. к юбилею Н.Н. Семенюк. М.; Калуга: Эйдос. 2010. С. 320-327.
- Сулейманова О.А., Карданова-Бирюкова К.С.* Контрастивный анализ русских и английских «периферийных» синтаксических структур в переводческой перспективе // Русистика и компаративистика. 2021. № 15. С. 297-315.
- Guiraud-Weber M., Kor Chahine I.* Impersonal and beyond Slavic // Current Studies in Slavic Linguistics, Studies in Language Companion Series. 2013. 146. Pp. 1-21.
- Souleimanova O.A.* English-to-Russian Translation: Traduttore. Traditore (The Day of the Trifids) // Humanities & Social Sciences. 2014. 7. 2. Pp. 312-319.

Olga A. Suleimanova (Moscow, Russia)
Moscow City University

RUSSIAN IMPERSONAL INFINITIVE SENTENCES IN RUSSIAN-TO-ENGLISH TRANSLATION PERSPECTIVE

The paper focuses on Russian impersonal infinitival sentences, offers their typology and suggests interpretation of the sentence model as an imbrication of the basic component such as spacial, dative or genitive, accusative, and a predicative component. In translating Russian impersonal infinitive sentences into English translator follows the strategy determined by the regular correlations between (S)P Russian sentences vs English SP sentences. In English the semantic subject is restored from the context. The research revealed that machine-translated versions in most cases coincided with those of human-translated ones.

Key words: infinitival sentences, dative, translation, Russian, English

Т.В. Устинова (Москва, Россия)
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
utanja@mail.ru

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩАЯ И ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ: ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье с опорой на понимание концепта грамматического времени как когнитивной схемы языковой интерпретации рассматриваются возможности эквивалентного выражения грамматических смыслов средствами переводящего языка. На примере перевода рассказа О. Генри

«Кактус» анализируются переводческие решения, позволяющие компенсировать отсутствие изоморфизма в содержании грамматических форм английского и русского языков.

Ключевые слова: грамматический концепт, когнитивное переводоведение, реконцептуализация, переводческие трансформации, повествовательная форма

Н.Н. Болдырев относит концепт грамматического времени, включающий представления о моменте речи и его отношении к настоящему, прошлому и будущему, к «многомерным» грамматическим концептам [Болдырев 2018: 180]. Описывая структуру такого концепта, он указывает, что в качестве его когнитивного основания выступает «наиболее общее понятие, характеризующее результаты познания окружающего мира человеком» [там же: 181]. В структуру многомерного концепта грамматического времени также входит содержание грамматических форм и общие языковые понятия (момент речи, говорящее лицо и др.), соотносящие реалии окружающего мира с содержанием грамматических форм [там же]. Поскольку английский и русский языки обладают разными наборами языковых понятий, по-разному конструирующими содержание грамматических форм времени, межъязыковое перевыражение таких грамматических смыслов представляет собой одну из трудностей перевода.

Если исходить из обоснованного в когнитивном переводоведении понимания процесса перевода как реконцептуализации [Lewandowska-Tomaszczyk 2010; Tabakowska 2013], то межъязыковое перевыражение грамматических смыслов исходного языка (ИЯ) можно описать с точки зрения альтернативного способа конструирования когнитивной сцены (образа предметной ситуации) в процессе переводческого трансфера и подбора компенсирующих средств для выражения грамматических значений, отсутствующих в языке перевода (ПЯ). Так, для переводной пары английского и русского языков передача грамматических смыслов, входящих в структуру концепта грамматического времени, требует адаптации закрепленного в ИЯ варианта восприятия событий относительно момента речи, переживаемого / наблюдаемого говорящим лицом, к выразительным возможностям ПЯ. Анализируя грамматические переводческие трансформации, необходимо принимать во внимание те функции, которые грамматические концепты выполняют в интерпретации знаний о мире. Н.Н. Болдырев подчеркивает, что, выступая в качестве когнитивных схем языковой интерпретации грамматические концепты «интерпретируют знания об объектах и событиях мира, их характеристиках и взаимосвязях в соответствии с законами и принципами языковой коммуникации, т. е. представляют их в качестве конкретных и абстрактных, физических и ментальных субъектов, объектов, действий, процессов, состояний, отношений, статических и динамических признаков» [Болдырев 2018: 310].

С опорой на такую трактовку грамматического времени как многомерного грамматического концепта и понимание его интерпретирующей функции рассмотрим подход к межъязыковому перевыражению временных форм и значений средствами ПЯ на примере рассказа О. Генри «Кактус» [О. Генри 2014]. Перевод этого рассказа на русский язык был выполнен Зиновием Львовским [О. Генри 2006].

Два вида времени – онтологическое и психологическое – являются сюжетообразующими доминантами данного рассказа. Рассказ начинается со следующего утверждения автора: «*Наиболее характерной особенностью времени является его относительность. <...> И вот почему легко допустить, что иной человек переживает вновь весь период своей влюбленности в тот короткий миг, когда он расстегивает свои перчатки*» (О. Генри «Кактус»). Главный герой рассказа Трисдалд возвращается в свою холостяцкую квартиру с церемонии венчания своей бывшей возлюбленной и, находясь в состоянии глубокого потрясения, пытается найти ответы на вопросы, как и почему он ее потерял.

Повествовательная форма данного рассказа – свободный косвенный дискурс, когда повествователь (во всем тексте или в существенных его фрагментах) отсутствует или играет пониженную роль в композиции, «частично уступая персонажу свое право на речевой акт» [Падучева 1995: 43]. Рассказ построен как сложная совокупность внутренней прямой речи персонажа, кратких комментариев повествователя и больших отрезков несобственно-прямой речи, представляющей собой синтез речи повествователя и персонажа. Текст О. Генри служит прекрасным материалом для иллюстрации возможностей, предоставляемых системой английского языка для конструирования актуального момента времени и развертывания событий относительно этого момента – действий и состояний, параллельных этому моменту (быстро сменяющихся друг друга или длящихся), предшествующих и последующих. Соответственно грамматическое время выполняет текстообразующую функцию в нарративном развертывании сюжета. Сложная совокупность англоязычных глагольных форм обозначения действий в прошлом (past indefinite, past continuous, past perfect, past perfect continuous, historic (narrative) present), а также модальных глаголов и неличных форм глагола используется для выстраивания повествования относительно начальной точки зрения – момента, когда герой, войдя в комнату, останавливается у стола и медленно расстегивает перчатку, чтобы снять ее с руки.

В русском языке в структуру концепта времени не входит строгая привязка переживаемого / наблюдаемого момента речи (а также его отношения к описываемым событиям) к содержанию грамматической формы. Для конструирования когнитивной сцены эквивалентной той, что задана автором англоязычного текста, переводчик исходит из объективной необходимости использования трансформаций, позволяющих избежать потерь в передаче дискурсивных функций английского глагола и предоставляющих читателю доступ ко всем фокусным точкам и точкам референции конструируемой когнитивной сцены. Одним из действенных переводческих приемов в таком случае является лексическая компенсация, позволяющая средствами русского языка распределять внимание адресата между основной фокусной точкой повествования (моментом расстегивания героем перчаток) и ретроспективными эпизодами, в которых содержатся сменяющие друг друга сцены воспоминаний героя. Например, в ИТ переход от актуального состояния героя к ретроспективному эпизоду маркируется через использование грамматической формы past perfect: *It seemed that in his nostrils was still the scent of the*

flowers <...> As she had slowly moved up the aisle toward the altar he had felt an unworthy, sullen exultation <...> (О. Генри. «The Cactus»). В ПТ используется компенсация путем добавления лексического указания на момент времени: *Ему казалось, что в его ноздрях все еще держится аромат цветов <...> Когда два-три часа назад* Эллис медленно повернула за угол придела и направилась к алтарю, он почувствовал низменную, болезненную радость <...> (О. Генри. «Кактус»). Или: *The scene was the night when he had asked her to come up on his pedestal <...>* (О. Генри. «The Cactus»). – **По ассоциации он вспомнил тот вечер, когда он предложил Эллис подняться к нему на пьедестал <...>** (О. Генри. «Кактус»).

Руководствуясь принципом мотивированности переводческих трансформаций, переводчик лексически компенсирует несоответствие грамматических смыслов в ИЯ и ПЯ и дополнительно маркирует практически все «перемещения» героя по оси времени, используя лексические показатели протекания действий относительно друг друга: *она сейчас думает, но тотчас же он лишился; в тот момент, когда она устремила взгляд; было время, когда Эллис точно так же* и др. В ряде случаев для более направленного управления вниманием читателя переводчик в работе с исходными грамматическими смыслами использует не только лексические добавления, но и синтаксическую реорганизацию всего нарративного эпизода, которая сопровождается стилистическим выдвиганием отдельных высказываний или их частей. Подобную стратегию можно наблюдать, например, в переводе следующего отрывка: *How she fluttered like a snared bird when he laid his mightiness at her feet! He could have sworn, and he could swear now, that unmistakable consent was in her eyes, but, coyly, she would give him no direct answer* (О. Генри. «The Cactus»). – *Она забилась, как пленная птичка, когда он сложил к ее ногам свою великую мощь, и он готов был поклясться в ту минуту (да и теперь тоже!), что прочел в ее глазах несомненное согласие. Но, слишком робкая и скромная, она не дала ему прямого ответа на месте* (О. Генри. «Кактус»).

Таким образом, используя лексико-грамматическую компенсацию, переводчик стремится добиться в ПТ той же степени детализации когнитивной сцены, которая имеется в ИТ. В оригинале сложное темпоральное устройство диегезиса «Кактуса» естественным образом организуется видео-временно-таксисными средствами английского языка (например, формами perfect, continuous, perfect continuous, шестью формами инфинитива в сочетании с модальными глаголами и т. п.), которые не имеют полноэквивалентных соответствий в русском языке. Дополнительные усилия переводчика по фокусированию внимания читателя на содержании исходных грамматических форм особенно важно для такой повествовательной формы как свободный косвенный дискурс, в котором мена повествовательных инстанций и соответствующее употребление эгоцентрических элементов (в том числе дейктических грамматических категорий, таких как вид и время) выполняют структурно-смысловую текстообразующую функцию.

Литература

- Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.
- О. Генри Кактус // О. Генри. Собрание сочинений в 5 т. Т. 5. М.: Литература, Престиж

книга; РИПОЛ классик, 2006.

Падучева Е.В. В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1995. Т. 54. № 3. С. 39-48.

Lewandowska-Tomaszczyk B. Re-conceptualization and Emergence of Discourse Meaning as a Theory of Translation // Meaning in Translation / ed. by B. Lewandowska-Tomaszczyk, M. Thelen. Frankfurt am Main, 2010. Pp. 105-148.

O. Henry The Cactus // O. Henry. Waifs and Strays. Twelve Stories. New York: Simon and Schuster Start Classics, 2014.

Tabakowska E. (Cognitive) Grammar in Translation: Form as Meaning // Cognitive Linguistics and Translation: Advances in Some Theoretical Models and Applications / ed. by A. Rojo I. Ibarretxe-Antuñano. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2013. Pp. 229-250.

Tatiana V. Ustinova (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

INTERPRETATIVE AND TEXT-FORMING FUNCTIONS OF GRAMMATICAL TIME: A TRANSLATION-STUDY PERSPECTIVE

The article views the GRAMMATICAL TIME concept as a cognitive scheme of linguistic interpretation and examines the possibilities of equivalent interlanguage transfer of such grammatical meanings as tense, aspect, duration, etc. In the case-study analysis of O. Henry's story "The Cactus", translation decision making is described with the focus on the techniques compensating for the conceptual non-equivalence of the grammatical forms and meanings in the English and Russian languages.

Key words: grammatical concept, cognitive translation studies, reconceptualization, translation transformations, narrative form

С.В. Чертоусова (Саранск, Россия)
Национальный исследовательский Мордовский университет им. Н.П. Огарева
pippi-langstrumpf@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК ИНСТРУМЕНТ ОБУЧЕНИЯ УСТНОМУ ПЕРЕВОДУ

В статье выявляется дидактический потенциал концептуальной метафоры при обучении устному последовательному переводу с испанского языка на русский язык. Рассматривается концептуальное содержание лексемы *verde* и предлагается методика установления значения фразеологизмов в современных текстах СМИ и поиска их функциональных эквивалентов в русском языке.

Ключевые слова: лингводидактика, концептуальная метафора, устный перевод, прогнозирование, метафорический перенос, фразеологизм

В настоящее время когнитивный подход активно применяется в самых разных областях науки, в том числе и в лингводидактике. Он позволяет обучающимся не только освоить определенный набор лексических единиц и получить общую информацию о грамматическом и синтаксическом строе, но и овладеть языком как системой, содержащей сведения об окружающей реальности с позиций его носителя, освоить ключевые модели концептуализации и категоризации объектов этой реальности. Изучение языка как когнитивной структуры акту-

ально и для транслатологии. В письменном переводе важно рассмотрение концептуального содержания языковых единиц для более точной передачи заключенных в них смыслов – концептов, а для устного переводчика, на наш взгляд, важным представляется понимание концептуальной картины мира, которая формирует навык прогнозирования, т. е. предугадывания метафорического значения неизвестных слов и выражений при отсутствии возможности обращения к справочным источникам.

Исследователями уже предлагалась реализация когнитивного подхода в преподавании языков. Так, предприняты попытки разработки когнитивной модели обучения для турецко-русской языковой пары [Козан 2019]. Проанализированы трудности перевода на русский язык метафорического употребления английских адвербиальных частиц *on / off* [Кульчицкая 2016]. На материале английского и испанского языков проводился сопоставительный анализ концептуальных метафор, выраженных глаголами [Казарян, Григорян 2021].

В испаноязычной лингводидактике также высок интерес к внедрению методов когнитивной лингвистики в образовательный процесс, однако отмечается нехватка теоретических и эмпирических исследований для языковых пар, не включающих английский язык (в том числе для пары русский – испанский) [Ibarretxe-Antuñano 2019: 23]. В настоящей статье предложена методика использования концептуальных метафор при отработке практических навыков устного перевода с испанского языка на русский язык на примере метафорических выражений с компонентом-прилагательным *verde* («зеленый»).

Выбор практического материала обусловлен ментальной природой цветового языка. Как отмечает В.А. Маслова, «за цветом люди видят смыслы» [Маслова 2001: 105]. А значит, лексемы обозначения цвета (в том числе и испанское прилагательное *verde*) полисемантически и их значения образованы и связаны между собой посредством метафорических переносов. Совокупность этих значений является отображением когнитивных структур, в том числе когнитивных моделей образования концептуальных метафор, в которых осуществляется «понимание одного концептуального поля в терминах другого концептуального поля» [Lakoff, Johnson 1980: 65]. Таким образом, овладев механизмами появления подобных метафорических выражений, переводчик сможет антиципировать значения фразеологических оборотов с аналогичными лексемами.

Итак, на подготовительном (предпереводческом) этапе предлагается уточнить семантическую структуру многозначной лексемы и представить ее концептуальное содержание в виде схемы или ассоциограммы (см. ниже). С этой целью можно использовать современные лексикографические источники, например, Словарь Королевской академии испанского языка DRAE [DRAE: URL].

Прилагательное *verde* является компонентом двух концептуальных метафор, основанных на метафорическом переносе его основного значения – обозначения цвета травы: это «незрелый, молодой» (*inmaduro*) и «связанный с экологией» (*ecológico*). В основе еще одной продуктивной модели построения фразеологических сочетаний лежит переносное значение прилагательного «непристойный»

(*indecente*): например, *chiste verde* – «анекдот ниже пояса» или *viejo verde* – «старый волокита». Кроме того, в словарях зафиксировано достаточно большое количество номинативных словосочетаний с прилагательным *verde*, в которых не всегда прослеживается метафорический перенос или связь с прямым значением слова. Составленная на занятии схема концептуального содержания лексемы может в дальнейшем послужить справочным материалом для обучающихся.

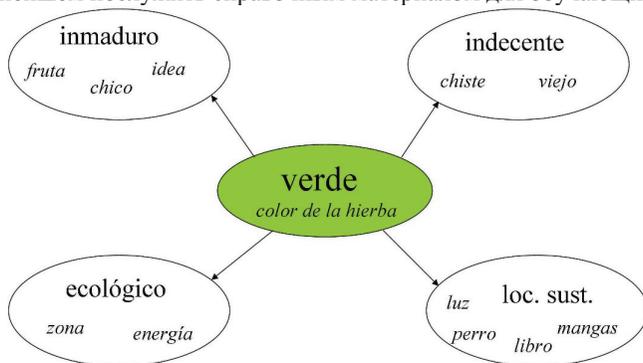

Рис. Концептуальное содержание лексемы *verde*

На этапе собственно перевода студентам даются предложения или короткие отрывки из статей современных испаноязычных СМИ, содержащие концептуальные метафоры с компонентом-прилагательным *verde*. Форма представления материала может быть текстовая (в таком случае предложения выводятся на экран и отрабатываются навыки письменно-устного перевода) или звуковая (абзачно-фразовый перевод с голоса преподавателя). Наиболее оптимальный набор примеров, по нашему мнению, для такого рода упражнений позволяет подобрать электронный Корпус испанского языка XXI в. (CORPES) [CORPES: URL], в котором можно выбрать тематическую область и региональную принадлежность текста (что особенно важно для полицентричного испанского языка), вид источника (устный или письменный) и временной промежуток, а также производить поиск по сочетаемости лексем.

Представленное ниже задание заключается не только в переводе предложения с фразеосочетаниями, но также в установлении типа использованной концептуальной метафоры в соответствии с построенной ранее ассоциограммой и в определении устойчивости употребленных словосочетаний с компонентом-прилагательным *verde*:

- 1) Este nuevo *plástico «verde»* será utilizado en las industrias de caramelos, envases y alfombras «biodegradables», compitiendo con otras fibras;
- 2) Añazco *está aún muy verde* para asumir la responsabilidad de ser el líder del equipo;
- 3) El dibujante Dave Gibbons ha dado vida a Batman, Superman y *Linterna Verde*;
- 4) Los ambientalistas suelen mostrarse escépticos ante algunos de estos anuncios que consideran «greenwashing» o «*engaño verde*»;

5) El presidente cubano anunció que esta reevaluación fijará una tasa de cambio para la venta y la compra del *billete verde*;

6) El Gobierno *ha dado luz verde* a las reformas tributarias;

7) El paciente resulta ser un *viejo rabo verde* que hace la corte a la enfermera;

8) Jonathan Greenwood es el *perro verde* cuya formación musical comenzó hacia los cinco años;

9) Wall Street *abrió en verde* este martes y su principal indicador, el Dow Jones de Industriales, subía un 1,19% al comienzo de la jornada;

10) El grupo «*marea verde*» se manifiesta a favor de la aprobación de la ley del aborto legal en la Argentina.

Примеры 1, 2, 5, 6, 7, и 8 содержат концептуальные метафоры с лексемой *verde*, зафиксированные в толковых словарях испанского языка. При устном переводе студенты должны подобрать для них функциональные эквиваленты в русском языке. Перевод предложения 9 не должен вызвать затруднения у обучающихся, поскольку метафора «открыться / закрыться / торговать в зеленой зоне» применительно к бирже широко распространена в русскоязычном экономическом дискурсе, а значение испанского выражения ситуативно обусловлено (именно зеленым цветом обозначаются индексы, показывающие положительную динамику). Общекультурная информация необходима также для правильного перевода названия серии американских комиксов «Зеленый Фонарь» в примере 3 и закрепившегося в сфере экологического маркетинга неологизма «зеленый камуфляж» (пример 4). Для правильной передачи словосочетания *marea verde* (досл. «зеленая волна»), пока не зафиксированного в официальных справочниках, переводчик должен быть осведомлен о спорном законопроекте в Аргентине, предлагающем легализацию абортов. Активисты этого движения носят зеленые банданы. Именно об этом идет речь в отрывке в примере 10, который может вызвать наибольшие трудности при устном переводе. Обсуждение вариантов перевода на русский язык предложений с окказиональными концептуальными метафорами является завершающим (постпереводческим) этапом работы над данной лексической темой.

Представленный материал показывает, что концептуальная метафора может служить эффективным инструментом обучения устному переводу. Семантическая структура многозначного слова отражает опосредованное языком видение мира представителей той или иной лингвокультуры. Понимание переводчиком функционирования моделей метафорического переноса способствует усовершенствованию навыка прогнозирования, что особенно важно при работе с современными текстами СМИ, изобилующими окказионализмами и прочими тропическими средствами. Представляется рациональным рассмотрение языка как механизма познания не только в лингводидактике, но и в методике преподавания перевода.

Литература

Казарян Ш.Е., Григорян А.Э. Концептуальная метафора в обучении языку // Право и практика. 2021. № 4. С. 262-265.

Козан О. Когнитивный подход в обучении иностранному языку и переводу: турецко-русская языковая пара // New Language, New World, New Thinking. Вып. II. М.: Дипломатическая

академия МИД РФ, 2019.

Кульчицкая Л.В. Теория концептуальной метафоры в обучении переводу // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического ун-та. Серия: проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 4. С. 118-126.

Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.

CORPES – Corpus del Español del Siglo XXI. URL: <https://www.rae.es/corpes>.

DRAE – Diccionario de la lengua española. URL: <https://dle.rae.es>.

Ibarretxe-Antuñano I. Lingüística cognitiva y español LE/L2. London: Routledge, 2019.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: Chicago University Press, 1980.

Svetlana V. Chertousova (Saransk, Russia)
Ogarev National Research Mordovia State University

CONCEPTUAL METAPHOR AS A TOOL IN INTERPRETER TRAINING

The present article reveals the didactic potential of conceptual metaphors in interpreter training from Spanish into Russian. The conceptual content of the lexical item *verde* is examined and a technique for establishing the meaning of phraseological units in modern media texts and searching for their functional equivalents in the Russian language is proposed.

Key words: linguodidactics, conceptual metaphor, interpreting, prediction, metaphorical transfer, phraseological unit

Ю.О. Швецова (Пермь, Россия)

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Shvetsova.yu.o@gmail.com

А.В. Перевалова (Пермь, Россия)

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Perevalova.a.v@yandex.ru

ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО МЕТАКОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА

В статье раскрывается значимость метакогнитивного компонента осуществления переводческой деятельности. Подробно описывается алгоритм психолингвистического эксперимента по моделированию процесса как устного, так и письменного перевода. Представлены профессиональные метакогнитивные стратегии переводчика, зафиксированные в ходе проведения эксперимента.

Ключевые слова: переводческая деятельность, переводчик, метакогниции, когниции, метакогнитивные стратегии, моделирование перевода

С позиций когнитивного подхода переводческая деятельность может быть представлена как эвристический процесс нелинейного поиска верного профессионального решения путем соотнесения информации, поступающей из сложного ситуационного контекста с уже сформированной системой когнитивного опыта специалиста [Швецова 2022]. При этом осознанно или неосознанно будут неизменно применяться метакогнитивные стратегии, влияющие на качество выполнения профессиональной задачи.

В нашей работе метакогниция, вслед за представителями эксперименталь-

ной психологии познания, определяется как «психическая деятельность человека, в процессе которой осуществляются изучение, контроль и управление собственными познавательными процессами» [Flavell 1979].

Когниции помогают человеку реализовать конкретный познавательный интерес, в то время как метакогниции регулируют успешность достижения этой цели и позволяют исправить ситуацию, когда познание не удается [Карпов 2018; Арпентьева 2019]. Например, при подготовке к ситуации перевода переводчик может менять стратегии своего поведения в зависимости от успешности или неуспешности предыдущего профессионального опыта. Таким образом, являясь когнициями второго порядка, метакогниции осуществляют функцию мониторинга когнитивных процессов, сопровождая опыт познания. Этот мониторинг может происходить как с точки зрения декларативного знания, способствуя осознанию индивидуальных особенностей функционирования когнитивных механизмов, так и процедурного знания, к которому отнесем механизмы планирования, регуляции и оценки процесса мышления [Schneider, Lockl 2002; Литвинов, Иволина 2013].

Цель проведенного психолингвистического эксперимента заключалась в фиксации и описании индивидуальных, личностно обусловленных метакогнитивных стратегий, влияющих на принятие профессионального переводческого решения испытуемыми – учащимися бакалавриата по направлению подготовки «Лингвистика» и магистратуры по направлению подготовки «Теория перевода и переводоведения».

Основные методы исследования: метод интроспекции, метод мышления вслух, метод моделирования профессиональных ситуаций письменного и устного перевода, глубинные интервью.

Алгоритм проведения психолингвистического эксперимента был разделен на следующие этапы: 1) подготовительная работа с испытуемыми, включающая тестовые задания, а также объяснение цели и задач эксперимента; 2) подготовка ситуаций сначала письменного, а затем устного перевода, максимально приближенных к реальным условиям осуществления деятельности; 3) создание текстов и других материалов, отвечающих цели и задачам эксперимента и необходимых для реализации ситуации перевода; 4) разработка лингвистических, экстралингвистических, композиционных и других сложностей, которые помогут экспериментатору зафиксировать метакогнитивные проявления в переводе; 5) разработка сценариев для глубинных интервью с испытуемыми на этапе предпереводческого и постпереводческого анализа; 6) аудио- и видеофиксация ответов испытуемых в ходе глубинных интервью и процесса перевода; 7) последующий анализ ответов испытуемых и предложенных переводов, с целью выявления индивидуальных метакогнитивных стратегий деятельности.

Эксперимент показал значимую разницу в понимании испытуемыми задач переводческой деятельности на каждом из этапов ее осуществления и, как следствие, в самоопределении как специалистов в переводе. Существенные различия проявились в прогнозировании профессиональных трудностей, анализе неточно-

стей в передаче смысла текста на языке перевода, понимания их причин и способов преодоления. У подавляющего большинства испытуемых возникали сложности в осознании индивидуальных конструктивных профессиональных стратегий, из-за чего испытуемые не были способны перенести данные стратегии в следующие ситуации письменного или устного перевода.

Проведенный эксперимент показал, что набор профессионально значимых метакогнитивных стратегий одинаков как для письменного, так и устного перевода, однако одна и та же метакогнитивная стратегия будет проявлять себя по-разному в письменном и в устном переводе с учетом различий в условиях осуществления перевода письменно и на слух. Степень проявления этих особенностей у каждой метакогнитивной стратегии будет своя.

В заключении приведем основные метакогнитивные стратегии, наиболее повлиявшие на принятие верного переводческого решения испытуемыми в ходе проведения психолингвистического эксперимента: 1) стратегия прогнозирования ситуации профессионального взаимодействия; 2) стратегия непрерывного мониторинга когнитивного контроля деятельности; 3) стратегия оценки возможности опоры на профессиональный опыт; 4) стратегия отслеживания эффективности использования профессиональных переводческих инструментов; 5) стратегия оценки возможности опоры на внутренние ощущения.

Литература

- Арпентьева М.П.* Современная метакогнитивная психология: проблемы исследования метакогниций // Язык и культура. Томск: Нац. исслед. Томский гос. ун-т, 2019. С. 276-283.
- Карпов А.В.* Структура метакогнитивной регуляции управленческой деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 2018.
- Литвинов А.В., Иволина Т.В.* Метакогниция: Понятие, структура, связь с интеллектуальными и когнитивными способностями // Современная зарубежная психология. 2013. № 3. С. 59-70.
- Швецова Ю.О.* Профессиональная эрудиция устного переводчика // Развитие языковой личности в профессиональном дискурсе. Екатеринбург: Уральский гос. юридический ун-т им. В.Ф. Яковлева, 2022. С. 174-182.
- Flavell J.H.* Metacognition and Cognitive Monitoring: A New Area of Cognitive Developmental Inquiry // American Psychologist. 1979. 34 No. 10. Pp. 906-911.
- Goleman D.* Emotional Intelligence. New York: Penguin Random House, 1995.
- Hilgard E.R.* The Trilogy of Mind: Cognition, Affection, and Conation // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 1980. 16 No. 2. Pp. 107-117.
- Schneider W., Lockl K.* The Development of Metacognitive Knowledge in Children and Adolescents // Applied metacognition. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. Pp. 224-258.

Yulia O. Shvetsova (Perm, Russia)

Perm National Research Polytechnic University

Anna V. Perevalova (Perm, Russia)

Perm National Research Polytechnic University

EXPERIMENTAL RESEARCH OF METACOGNITIVE MODELING IN TRANSLATION

The paper reveals the metacognition's importance of the translation process. It describes in detail the algorithm of the conducted psycholinguistic experiment on modeling the process of translation and interpretation. Translator's professional metacognitive strategies captured during the experiment are revealed.

Key words: interpretation; interpreter; metacognition; cognition; metacognitive strategies; modeling of translation

*Д.Н. Шлепнев (Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
shlepnyev@gmail.com)*

РЕЛЕВАНТНОСТЬ: СОДЕРЖАНИЕ И ЗАКОННОЕ МЕСТО В ТЕОРИИ

В статье утверждается, что категория релевантности является одной из центральных для переводоведения, причем независимо от любой теории или подхода. При этом в отличие от традиционных подходов релевантность трактуется в самом общем виде как двойственный феномен, который относится не только а) к релевантным свойствам исходного текста (ИТ), подлежащим выявлению с целью их перевыражения в переводе, но и б) к любому релевантному вмешательству переводчика в переводной текст (ПТ) с целью обеспечить его должное функционирование. Сказанное имеет также значение и с точки зрения дидактики.

Ключевые слова: релевантность, релевантный, категория перевода, категория переводоведения, супермен перевода, теория перевода

I. С понятием «релевантность» / «релевантный» в теории перевода сложилась в известной степени парадоксальная ситуация. Термин употребляется по делу и чрезвычайно широко – как, кстати, и в практической деятельности, и в обучении (так, при обсуждении переводов на занятиях преподаватели и студенты оперируют этим понятием постоянно: «релевантно ли это?», «а что релевантно?»). Более того, семантика понятия не претерпевает принципиальных изменений ни от теоретика к теоретику, ни у практиков и преподавателей, что большая редкость для теории перевода: стоит напомнить, что «эквивалентность» обросла множеством толкований вплоть до отрицания термина; толкования «адекватности» можно свести к двум противоположным значениям; «стратегии» с незавидным постоянством скачут по двум разным уровням, а что такое «перевод» никто ни с кем и вовсе договориться не может. В зависимости от предмета, к которому термин «релевантности» приложен, может меняться лишь его наполнение, но, как правило, не значение как таковое, основанное на идее *уместности*, соответствия, значимости для чего-либо, способности дифференцировать... – как килограмм остается килограммом, взвешиваем ли мы пух или свинец.

При этом само это понятие, встречаясь на множестве страниц, будучи предметом обсуждений и массы иллюстративного материала, как правило, не преподносится в теории как некая основополагающая, базисная категория, заслуживающая в этом качестве отдельного раздела в учебнике, монографии и т. п. (в зависимости от архитектуры данного учебного труда) – в отличие от тех же вышеупомянутых «эквивалентности», «адекватности» и т. д.

Исключением являются теория релевантности Э.-А. Гутта [Gutt 2010] и некоторые теоретические построения в сфере устного перевода [REIS 2015: 341-344]. Но тут принципиально иная ситуация: эти концепции опираются непосредственно и эксплицитно на теорию релевантности Д. Спербера и Д. Уилсона. Как

же релевантности не быть тут центральным понятием...

Ценным свидетельством для нас служат словари по теории перевода [REIS 2015; RETS 2009; ТТ 1999; Palumbo 2009; Shuttleworth, Cowie 2014; Нелюбин 2003]. В них мы со всей отчетливостью обнаруживаем подтверждение сказанному: само слово встречается часто (что закономерно), но не выносится в отдельную словарную статью. Исключение 1: теория релевантности. Исключение 2 (частичное, но отградное): *signification pertinente* и *relevant meaning* в [ТТ 1999: 74, 173], что связано с интерпретативной теорией, разделяемой авторами словаря. Исключение же 3 является еще более наглядным антисвидетельством: в словаре Л.Л. Нелюбина отдельная статья «*релевантный*» имеется [Нелюбин 2003: 180], но толкование (скопированное, как и в случае с рядом иных лингвистических терминов, из словаря О.С. Ахмановой [Ахманова 1969: 383]) нерелевантно для перевода!

II. Как представляется, следует твердо и однозначно заявить: **категория релевантности является одной из центральных в переводе / переводоведении.** Не единственной, не «самой главной» (хватит с нас «самых главных»), но **одной из ключевых.** Если угодно, по своему статусу соотносимой с тем, что С.А. Семко обозначил как «переводоведческая категория» [Семко 2005], а Э. Честерман – как «супермем» [Chesterman 1997: 7-14]. Как известно, «назначить» что-либо мемом в исходном, докинсовском, понимании нельзя: это определяется только реальной практикой; но при этом – в чем, повторяюсь, и заключен парадокс – по частотности использования в сфере перевода это понятие легко оправдывает такой статус.

III. Сложно утверждать, что релевантность в полной степени имманентна переводу *всякому* иначе, чем на уровне презумпции: плохой перевод обязательно обнаружит в чем-то нерелевантность (по-видимому, неизбежно). Но релевантность оказывается необходимым условием перевода хорошего, а стремление к релевантности – залогом качественной работы. **Презумпция же релевантности, по-видимому, оказывается презумпцией перевода (и наоборот)** (ср. [Шлепнев 2021: 793-794]).

При этом сомневаюсь, что перевод можно определить через стремление к *максимально полной* передаче коммуникативно-релевантных свойств текста, как это делает Д.М. Бузаджи [Бузаджи 2011: 52-55]: его правило действует лишь в определенной системе взглядов (иными словами, его определение я склонен рассматривать как прескриптивное). Различная оценка полноты приводит нередко к спорам. Возможна ситуация, когда переводчик сознательно отказывается от отображения каких-либо коммуникативно-релевантных свойств ИТ и/или воспроизводит признаки, которые можно считать коммуникативно-нерелевантными для ИТ, не из стремления к буквализму, а по иным соображениям – от поставленных задач до чего угодно... Но и в этом случае отображаемые им черты ИТ, нерелевантные в одной системе координат, становятся релевантными в другой.

Сам характер релевантности разнится в зависимости от различных факторов (что также приведет нас к замечанию, высказанному в пп. V-VI).

IV. Важное примечание. Когда – и если – мы постулируем центральный характер категории релевантности, это делается **без привязки к какой-либо конкретной теории – перевода или неперевода**. Иными словами, это диктуется самой практикой: уже имеется понятие (нет нужды его изобретать: бритва Оккама в действии), которое позволяет описать некое наблюдаемое явление и которое именно с этой целью используется в жизни. Конкретная же теория или подход могут по-своему это явление преподносить, описывать, пытаться обобщить или же – если подход прескриптивный – дать соответствующие полезные (как минимум, на взгляд автора) рекомендации различной степени строгости.

В своем учебнике по теории перевода я попытался осветить это понятие как одно из априори важнейших, причем не ставя его в зависимость от каких-либо «самых правильных» теорий, моделей или подходов [Шлепнев 2020].

V. «Центры тяжести» релевантности. В отечественной традиции (да и не только) концепт релевантности соотносится с текстом оригинала: переводчику предстоит выявить и по мере возможного отобразить (воспроизвести и т. п.) коммуникативно-релевантные свойства (признаки, элементы, черты) ИТ. Подобная концепция не ограничена узколингвистическим подходом (хотя при большом желании возможно и такое – так мы приблизимся, вероятно, к Кэтфорду) и ориентирована на смысл(ы) и смыслоформирующие, коммуникативно-значимые элементы. Нет оснований признавать ее неверной или устаревшей. Но является ли она *единственно* правомочной?

Для начала обратимся к Э.-А. Гутту [Gutt 2010]. В рамках его подхода релевантность определяется переводчиком исходя из целевой аудитории. Центр тяжести однозначно перемещен на сторону получателя. Кстати, интересно, что концепция Э.-А. Гутта способна в принципе покрывать все поле перевода, в том числе перевод в самой широкой трактовке. Или была бы способна, если бы не некоторые (на мой взгляд, напрасные) налагаемые ученым ради стройности концепции (!) ограничения – но это уже тема для иной работы.

VI. Полагаю, что в общем виде категорию релевантности следует описывать как *явственно двоящуюся*, но задать второй элемент иначе:

– с одной стороны, речь идет, действительно, о **выявлении и передаче релевантных смыслоформирующих свойств / смыслов ИТ**. Центр тяжести на стороне отправителя и ИТ, а переводчик задает себе вопрос: **что релевантно в ИТ (и подлежит отображению)**;

– с другой стороны, центр тяжести перемещается на противоположное поле. Переводчик задается (должен задаваться) вопросом: **что релевантно для правильного / нормального функционирования производимого мною ПТ**, и именно ПТ. Подразумевается: для данных задач, для таких-то материалов (от жанра до любой их прочей специфики), для такой-то аудитории, в таких-то условиях (ситуации) и даже с учетом таких-то моих собственных установок и намерений. Сказанное подразумевает **любую релевантную в рамках перевода манипуляцию с ПТ, необходимую для должного его функционирования**.

VII. В теоретическом, собственно научном плане это вопрос корректного научного описания и, как представляется, корректной расстановки акцентов –

упорядочения научного знания. Что представляется существенным, релевантность – в названных ипостасях – оказывается важнейшей категорией (теории) перевода не потому, что так хочется или нужно теоретику ради определенной (лучшей на свете) теории, а лишь в силу фактов. При этом теоретик не лишается возможности увидеть и описать предмет на свой лад. Кроме того, сказанное имеет практическое, в частности, дидактическое значение, помогая структурировать объяснение тех аспектов, которые переводчику необходимо осознать для производства качественного продукта.

Литература

- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская Энциклопедия, 1969.
- Бузаджи Д.М.* К вопросу об определении понятия «перевод» // *Мосты*. 2011. № 2 (30). С. 44-55.
- Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта; Наука, 2003.
- Семко С.А.* Лекции по теории перевода. Нижний Новгород: НГЛУ, 2005.
- Шлепнев Д.Н.* Теория перевода: введение в ремесло. М.: Р. Валент, 2020.
- Шлепнев Д.Н.* К вопросу об определении перевода: дескриптивный подход // *Когнитивные исследования языка*. 2021. № 3 (46). С. 791-795.
- Chesterman A.* Memes of translation. The spread of ideas in translation theory. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1997.
- Gutt E.-A.* Translation and Relevance: Cognition and Context. London; New York: Routledge, 2010.
- Palumbo G.* Key Terms in Translation Studies. London; New York: Continuum, 2009.
- REIS – Routledge Encyclopedia of Interpreting Studies / F. Pöchhacker (ed.). London; New York: Routledge, 2015.
- Shuttleworth M., Cowie M.* Dictionary of translation studies. London; New York: Routledge, 2014.
- RETS – Routledge Encyclopedia of Translation Studies / M. Baker, G. Saldanha. London; New York: Routledge, 2009.
- TT – Terminologie de la traduction / sous la direction de J. Delisle, H. Lee-Jahnke, M. Cormier. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999.

Dmitry N. Shlepnev (Nizhny Novgorod, Russia)
Nizhny Novgorod State Linguistics University

RELEVANCE: ITS SUBSTANCE AND LEGITIMATE PLACE IN TRANSLATION STUDIES

‘Relevance’ is argued to be one of the central categories of Translation Studies, regardless of any translation theory or approach used. In contrast to traditional views, relevance, in the most general way, is regarded as a dual phenomenon dealing with not only a) the relevant features of the ST (which need to be) identified by the translator in order to re-express them, but also b) any relevant intervention by the translator with the TT in order to make it work as intended. This also has didactic implications.

Key words: relevance, relevant, Translation Studies key term, translation category, Translation Studies category, translation supermeme

ГИПАЛЛАГА В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ПЕРЕВОДЕ ДЖ. ФЕЙЛЕНА

Исследование нацелено на изучение стратегий и тактик передачи гипаллагы в художественном переводе. Гипаллага трактуется в лингвокогнитивном ключе как семантико-синтаксическая перестановка, которая мотивирована переосмыслением статических и процессуальных признаков предмета, характеризует своеобразие авторского мировосприятия и составляет переводческую трудность. В предложенном Дж. Фейленом переводе романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» выявлено реконструирование, конструирование и деконструирование исходных гипаллаг при доминировании последнего способа.

Ключевые слова: гипаллага, алогизм, художественный перевод, когнитивный диссонанс, реконструирование, деконструирование, конструирование

Актуальность исследования перевода гипаллагы связана с изучением ключевой для транслатологии проблемы объективации целостности оригинала в принимающей культуре. Заявленная тематика соотносится с такими вопросами как передача специфики образного мышления автора, его идиостиля и лингвокреативности, решение которых позволяет частично проследить когнитивные процедуры, выполняемые переводящей личностью при постижении сущности художественного произведения, и выявлять своеобразие индивидуального переводческого метода. Предметом рассмотрения в данной статье являются способы репрезентации гипаллагы в одном из известных английских переводов романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин», выполненном Дж. Фейленом.

Гипаллага определяется нами как семантико-синтаксическая перестановка, основанная на переосмыслении статических и процессуальных признаков объекта. Во-первых, свойство предмета может трактоваться как характеристика действия, что выражается посредством не прилагательного в функции определения, а наречия в функции обстоятельства образа действия («На синих, иссеченных льдах / Играет солнце; **грязно тает** / На улицах разрытый **снег**» [Пушкин 1969: 219]). Во-вторых, наоборот, характеристика действия предстает в качестве свойства предмета и воплощается с помощью не наречия, а прилагательного («**И неотвязчивый лорнет он обращает** поминутно / На ту, чей вид напомнил смутно Ему забытые черты» [там же: 205]). Это мотивировано диалектикой субъективного и объективного в процессе понимания и универсальными закономерностями познания, в котором взаимосвязаны микрогенез восприятия, стратегии распределения внимания, деривация значения [Величковский 1982: 145], что объясняет формирование индивидуальной картины мира, в частности, художественной.

Поскольку гипаллага базируется на перераспределении признаков объекта, то она относится, согласно концепции Л.Н. Мурзина [1984], к гомогенному виду семантического смещения. При его рассмотрении мы полагаем необходимым дифференцировать нередко отождествляемые понятия гипаллагы и эналлагы: своеобразие последней заключается в перераспределении некоторого признака

между взаимосвязанными объектами («Про одно именье / **Наследников сердитый хор** / Заводит непристойный спор» [Пушкин 1969: 174]). В свою очередь, в отличие от гомогенного семантического смещения гетерогенное, как отмечает Л.Н. Мурзин, предполагает изменение субординации между признаком и актантом: первый оформляется посредством доминантного в словосочетании существительного, второй – с помощью зависимого существительного в форме родительного падежа («Зимой **на чугуне камина**» [там же: 30]).

Результаты индивидуальной интерпретации признаков предмета объективируются на поверхностном уровне текста в позициях, сдвинутых относительно нормативного лексико-грамматического окружения, что позволяет причислять семантическое смещение к языковым аномалиям, в частности алогизмам [Арутюнова 1989; Апресян 1990]. В случае гипаллаги (например, «грязно тает снег») возникает противоречие между семантикой смещенного определения «грязно» и грамматического определяемого («тает»). Прилагательное, от которого производно указанное наречие, обозначает свойство объекта или вещества, а не действия («покрытый грязью, запачканный, нечистый», «серовато-мутный») [Ожегов 1987: 120], и поэтому требует сочетания с соответствующими существительными, а не глаголом, называющим физический процесс «обращения в жидкое состояние под влиянием тепла» [там же: 645]. Семантическая и грамматическая сочетаемость лексических единиц оказывается разнонаправленной, семное согласование слов в предложении ослабевает. С одной стороны, это способствует актуализации смещенного компонента и репрезентируемого им признака, с другой – дезавтоматизирует восприятие художественного текста. Тем самым гипаллага выполняет в нем эстетическую функцию: во-первых, гипаллага связана с формированием художественной концепции автора и ее вербальной объективацией, во-вторых – с воздействием произведения искусства на реципиента.

В романе «Евгений Онегин» А.С. Пушкин использует все виды семантического смещения, включая гипаллагу. Сопоставительный анализ оригинала и его английских переводов позволяет трактовать пушкинскую гипаллагу как переводческую трудность, связанную с пониманием ее деривационного механизма и назначения, а также с поиском приемов их воссоздания. Так, в переводе, выполненном Джеймсом Фейленом, большинство пушкинских гипаллаг (70%) подвергаются деконструированию, 30% – реконструированию, которое в определенных контекстах сопровождается и конструированием новой гипаллаги. Это свидетельствует о том, что Дж. Фейлен усматривает в гипаллаге своеобразие художественного мышления автора, пытается передать его, но преимущественно испытывает затруднения, которые обусловлены «алогичностью» самой гипаллаги, гетерогенностью языков, стиховых традиций, культур, сознаний автора и переводчика.

Деконструирование означает полную редукцию исходной гипаллаги вследствие непреодоленного когнитивного диссонанса, который связан со сложностью освоения гипаллаги как способа акцентуации авторских смыслов и/или с их репрезентацией на ПЯ в стиховой форме. Гипаллага утрачивает свою алогичность, актуализированный в оригинале признак выражается в соответствии с ре-

чевыми нормами. Например, рассмотренная выше гипаллага в переводе нивелируется: она заменяется структурой, лишенной противоречия между значениями смещенного определения и грамматического определяемого «**The rutted snow had turned to slush**» [Пушкин 2008: 481].

Гипаллага «**Глазами беглыми читает / Простую надпись**» [Пушкин 1969: 164] основана на переосмыслении процессуального признака, характеризующего действие («скорость чтения»), как свойства глаз. Это объективируется посредством структуры, построенной на разнонаправленных семантических и грамматических отношениях: прилагательное «беглыми» семантически связано с глаголом «читает», а грамматически – с существительным «глазами». В переводе данный алогизм репрезентируется посредством нормативной структуры, где действие описывается с помощью причастного оборота, включающего наречие «...she'll read / The plain inscription, **skimming lightly**» [Пушкин 2008: 447].

Примером деконструкции может служить перевод и следующих гипаллаг:

1) «**Кипя враждой нетерпеливой, / Ответа дома ждет поэт**» [Пушкин 1969: 151] – «At home the poet, **seething, paces** / And waits impatiently to hear» [Пушкин 2008: 431];

2) «Но так и быть – **рукой пристрастной / Прими собрание пестрых глав**» [Пушкин 1969: 11] – «But let it be. **Take this collection** / Of sundry chapters as my suit» [Пушкин 2008: 321];

3) «Так точно старый инвалид / Охотно **клонит слух прилежный** / Рассказам юных усачей» [Пушкин 1969: 57] – «Just so a soldier, old and lame, / Forgotten in his wretched dwelling, / **Will strain to hear** with bated breath / The youngbloods' yawns of courting death» [Пушкин 2008: 373].

Реконструирование предполагает преодоление переводчиком когнитивного диссонанса как на этапе понимания гипаллагы, так и при передаче идейно-эмотивной основы, образности и художественной формы произведения. В данном случае переводчик осваивает и моделирует на ПЯ свойственное гипаллаге противоречие между значениями смещенного определения и грамматического определяемого, вследствие чего в принимающую культуру транслируется соответствующая особенность образного мышления автора.

Так, аналогично оригиналу Дж. Фейлен передает следующие гипаллагы:

1) «Мечтая с ним когда-нибудь / **Свершить смиренный жизни путь!**» [Пушкин 1969: 211] – «she'd nourished / A tender dream that she someday / **Might walk with him life's humble way!**» [Пушкин 2008: 471];

2) «То стан совет, то разовьет / **И быстрой ножкой ножку бьет**» [Пушкин 1969: 23] – «Then spins and twists and **stops to beat / Her rapid, dazzling, dancing feet**» [Пушкин 2008: 335];

3) «**И неотвязчивый лорнет он обращает** поминутно / На ту, чей вид напомнил смутно / Ему забытые черты» [Пушкин 1969: 205] – «...And **he directed / A curious and keen lorgnette** / For several minutes in succession / Upon the lady whose expression / Called up a face from long ago [Пушкин 2008: 463].

При этом реконструирование авторских гипаллаг «быстрой ножкой ножку бьет» и «неотвязчивый лорнет он обращает» сопровождается в переводе Дж.

Фейлена конструированием новых гипаллаг, отсутствующих в оригинале: «stops to beat her **dancing** feet» и «he directed a keen lorgnette».

Таким образом, если при деконструировании гипаллагы в ПТ возникает диссонанс относительно идейности, эмотивности, образности и художественной формы оригинала, то реконструирование и конструирование создают консонанс, поскольку способствуют репрезентации гипаллагичности как характеристики авторского мышления. По сравнению с деконструированием они ведут к более полной передаче сущности оригинала и ее меньшей рефракции в принимающей культуре.

Литература

Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3-19.

Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica: Филологические исследования. Памяти академика Георгия Владимировича Степанова (1919–1986) / под ред. Д.С. Лихачева. М.; Л.: Наука, 1990. С. 50-71.

Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. М.: МГУ, 1982.

Мурзин Л.Н. Основы дериватологии. Конспект лекций. Пермь: Пермский ун-т, 1984.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1987.

Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1969.

Пушкин А.С. «В надежде славы и добра...» = «In Hopes of Fame and Bliss to Come...»: избранная поэзия = roetical works [на русском языке с параллельным переводом на английский язык]. М.: Вагриус, 2008.

Natalia V. Shutemova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

HYPALLAGE IN “EUGENE ONEGIN” BY A.S. PUSHKIN: REPRESENTATION IN TRANSLATION BY J. FALEN

The research considers how the hypallage is represented in literary translation. The hypallage is defined in the cognitive perspective as a semantic and syntactic shift which is grounded in the mental procedure of reinterpreting subject's static and dynamic features. It characterizes the author's individual worldview and constitutes a translation difficulty. Three main tactics of representing source hypallages were used by J. Falen to translate the novel in verse “Eugene Onegin” by A.S. Pushkin: reconstruction, construction and deconstruction, with the latter being dominant.

Key words: hypallage, alogism, literary translation, cognitive dissonance, reconstruction, deconstruction, construction

В.И. Яременко (Москва, Россия)
Национальный исследовательский университет «МИЭТ»
veraj@mail.ru
О.Г. Чурьина (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
ochuryna@yandex.ru

ПОСТЕРНЫЙ ДОКЛАД И TED TALK КАК СТРАТЕГИИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ УСТНОМУ АКАДЕМИЧЕСКОМУ ДИСКУРСУ

В статье рассматриваются особенности и образовательный потенциал форматов постерного (стендового) доклада и TED talk с позиции стратегий и тактик воздействия и взаимодействия с аудиторией в процессе публичного выступления. Кратко рассматривается специфика устного дискурса, приводятся основные принципы подготовки к данным форматам устной коммуникации и практические рекомендации из опыта подготовки студентов к данным разновидностям академического дискурса.

Ключевые слова: устный дискурс, коммуникативная стратегия, постер, TED talk

Овладение стратегиями устного академического дискурса в таких форматах как доклад, подготовленное сообщение, лекция, презентация, вебинар и т. п. представляет собой амбициозную демонстрацию владения элементами ораторского искусства специалистами всех областей деятельности, связанных с публичностью. В значительной мере это относится к лингвистам-переводчикам и лингвистам-преподавателям, в процессе подготовки которых одной из важных задач является обучение овладению коммуникативными стратегиями, основанными на тактиках манипулирования аудиторией.

В исследованиях последних лет уделяется широкое внимание особенностям устного дискурса. Так, О.А. Сулейманова [Сулейманова 2016] выделяет ряд общих факторов, характерных для успешного устного выступления, таких как наличие мультимедийного сопровождения по ходу изложения содержания текста сообщения, обращение к новым формам свободного обмена информацией (онлайн-форумы, теле- и видео конференции), учет интереса, подготовленности и возможных культурных особенностей слушателей, борьба за внимание и мотивированность аудитории, умелое владение не только вербальными, но и невербальными тактиками манипулирования аудиторией через жесты, хорошо поставленный голос и четкую дикцию, харизматическое влияние, зрительный контакт с аудиторией, и даже то, как выступающий одет, какая у него / нее прическа и выражение лица – все это будет косвенно определять успешность и продуктивность коммуникативной ситуации.

Особая роль в успехе устного дискурса принадлежит содержательной стороне текста выступления, в котором содержится необходимое и достаточное количество информации по теме доклада, от которой не следует отклоняться или отвлекаться, чтобы не нарушать структуру сообщения. Используемые языковые средства должны быть направлены на вовлечение слушающего в когнитивный

процесс при соблюдении баланса между тем, что вербализовать, а что не облечь в словесную форму. Очевидно, что необходимо выражать мысли ясно, избегая неоднозначности и многословия, прибегая к хорошо зарекомендовавшим себя речевым стратегиям, которые системно отрабатываются на занятиях по практике устной речи в течение всего курса обучения.

Учитывая вышесказанное, но не ограничиваясь только отмеченными теоретическими положениями об особенностях устного дискурса, рассмотрим учебный потенциал жанров публичного выступления в форматах постерного доклада и TED talk как мотивирующих стимулов для совершенствования у студентов-лингвистов старших курсов стратегий и тактик публичных выступлений. Можно предполагать, что на данном этапе обучения эти жанры основываются на уже в достаточной степени сформированных навыках и опыте культуры речевого общения в современных условиях коммуникации. Например, выступление с презентацией в качестве промежуточной или итоговой формы отчетности стало универсальным инструментом проверки усвоенных знаний по большинству теоретических дисциплин. При этом во многих случаях студент просто наполняет слайды текстом и зачитывает его с ошибками в произношении (если текст на иностранном языке), игнорируя грамматические и стилистические погрешности в речи, не пытаясь осмысливать или интерпретировать содержание.

Выступление в формате постерного доклада можно считать одним из наиболее удачных и эффективных способов оперативного отображения результатов выполненного академического задания. Сам постер представляет собой плакат, включающий максимум наглядной и минимум текстовой информации, что требует от студента демонстрации умения использовать речевые навыки для устных комментариев по определенным рубрикам постера. Необходимое требование по включению средств графической визуализации не только сопровождает когнитивный аспект постера, но и творчески дополняет языковое воображение студента. По своей структуре текст постера содержит все необходимые для научной статьи разделы – введение, основную часть, выводы, корректно оформленный библиографический список.

В рамках изучения дисциплины «История и культура стран изучаемого языка» данный вид отчета по отдельным темам активно используется в разных форматах, например, мини-презентация содержания постера в течение одной минуты на занятии, в виде конкурса мини-презентаций, отправление постера в формате А4 на почту преподавателя для зачета по теме. Популярным мероприятием стал Парад постеров, когда красочно оформленные плакаты в типографском исполнении в масштабе А1 выставляются в холле университета на несколько дней на общее обозрение всех студентов и преподавателей. Каждый плакат сопровождается QR-кодом со ссылкой на аудиофайл с текстом на английском языке и в результате открытого голосования всеми, кто проявил интерес к выставке постерных докладов, выносятся решение по самому удачному сочетанию текстовой составляющей и аудиосопровождению. Широкая публичность так называемого Парада постеров и его длительность во времени поддерживают настроение соревновательности среди студентов и осознание ответственности за качество предъявленного материала.

Несомненным достоинством данного формата устного дискурса является практическая простота его подготовки при условии четко сформулированных требований к оформлению, творческой обработке массивов информации по заданной теме, ее адаптация и интерпретация, а также подготовка аудиофайла в комфортной обстановке. Некоторые работы представляют собой произведения искусства с точки зрения дизайна оформления и сопровождающего аудиотекста (иногда в стихотворной форме), а сочетание когнитивных, прагматических и социокультурных факторов в языковом содержании является отражением мотивации у студентов к высокой оценке их работы и достижению успеха в практическом освоении профессионально значимых умений.

Выпускной экзамен по дисциплине «Практический курс иностранного языка» – это демонстрация студентами достигнутого уровня коммуникативной компетенции в соответствии с требованиями государственного образовательного стандарта по данному направлению. Студент не просто показывает, что он свободно владеет изучаемым языком, он способен строить коммуникацию в различных ситуациях общения. Как сформировавшийся специалист, студент умело оперирует прагматическими параметрами высказываний, адаптируя языковые единицы к предмету и условиям ситуации, учитывая речевые отношения и культурно специфические особенности изучаемого языка. Последнее вызвано тем, что неучет возможных кросс-культурных различий может привести к межкультурному конфликту.

В течение итогового года обучения все задания и упражнения по культуре речевого общения подчинены вышеупомянутым требованиям. Накопленный богатый арсенал языковых средств находит свое практическое выражение в умении структурировать коммуникацию с использованием стратегий аргументирования точки зрения, выражения предпочтений, комментирования мнения других участников обсуждения без нарушения при этом норм поведения и правил этикета и в рамках базовых эмоциональных реакций на события.

Одним из примеров вдохновляющих и стимулирующих воображение заданий может быть подготовленное выступление в формате TED (от ‘Technology, Entertainment, Design’ – платформа для представления интересных идей, научных исследований и экспертных теорий). Многие публикации последних лет посвящены жанру TED talk. Е.Ю. Викторова [2019] подробно описывает специфику данного вида публичного выступления, что может служить отправной теоретической основой для практической подготовки сообщения. Самое важное в выступлении TED – это четкость и конкретность сообщения, в котором спикер делится не только запоминающейся информацией, но и своими чувствами и опытом. Динамичность выступления обеспечивается громкостью и модуляцией голоса, правильно расставленными акцентами и уместными паузами, языком жестов и мимикой. Визуализация темы презентации в виде слайдов, графиков, фотографий или видеороликов помогает слушателям понять интерес и увлеченность выступающего предметом обсуждения. Выступление в формате TED как мощное средство коммуникации и эталон ораторского искусства доставляет интеллектуальное удовольствие выступающему и эмоциональное удовлетворение аудитории.

Очевидно, что такое задание может представляться вызовом для студентов,

а для преподавателя это дополнительная нагрузка, связанная с необходимостью оказания помощи в редактировании текста выступления, многократного прослушивания подготовленного для презентации материала, временными затратами. Дополнительно отметим важность организационно-методического аспекта данного мероприятия. Плохая акустика помещения, маленький размер мультимедийного экрана, сбой в работе оборудования и т. п. могут затруднить выступление, лишить его театральности и артистизма презентации. Поэтому живое выступление может быть заменено заранее записанными видеороликами, которые выкладываются на платформе университета, и тогда заинтересованные слушатели могут не только делиться своим мнением о выступлении, но и обсуждать поднятую тему друг с другом.

Невозможно переоценить воспитательную роль таких мероприятий, когда студенты задаются вопросами «Хочу ли я, чтобы ИИ писал за меня диплом?», «Ключ к успеху: соревновательность или сотрудничество?» «Есть ли место новому в век информационных технологий или все уже придумали?» «Портрет моего поколения» и т. п. Рассуждения студентов по интересующим их проблемам с использованием языковых средств высокого уровня сложности в рамках усвоенных на занятиях стратегий устного дискурса не оставляют места для сомнений в необходимости вовлечения студентов в когнитивные виды речевой деятельности на основе тактик, обеспечивающих эффективность коммуникации, таких как TED talk. Дополнительной мотивацией к участию студентов выпускного курса бакалавриата в мероприятиях такого уровня сложности может служить поощрение в виде дополнительных баллов к итоговой аттестации по дисциплине «Практика речи иностранного языка».

Литература

Викторова Е.Ю. Дискурсивно-прагматическая специфика жанра лекции TED talk // Жанры речи. 2019. № 4 (24). С. 254-266.

Сулейманова О.А., Лукошус О.Г., Яременко В.И. Стратегии устного академического дискурса: выступление с докладом // Актуальные вопросы профессионального образования. 2016. № 4 (5). С. 37-42.

Vera I. Yaremenko (Moscow, Russia)

National Research University of Electronic Technology

Olga G. Chupryna (Moscow, Russia)

Moscow City University

POSTER PRESENTATION AND TED TALK AS STRATEGIES OF ACADEMIC DISCOURSE

The poster presentation and TED talk are considered in terms of strategies and tactics of manipulating and interacting with the audience. The specific features, the basics of preparing, and some considerations on practical experiences of employing the discourses in the process of training would-be linguists are discussed at some length.

Key words: discourse, communicative strategy, poster presentation, TED talk

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

*Л.М. Алексеева (Пермь, Россия)
Пермский государственный национальный исследовательский университет
larissapsu@gmail.com*

*О.Б. Бурдина (Пермь, Россия)
Пермская государственная фармацевтическая академия
burdina-pfa@yandex.ru*

*С.Л. Мишланова (Пермь, Россия)
Пермский государственный национальный исследовательский университет
mishlanovas@mail.ru*

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ МЕДИЦИНСКОЙ И ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье определен дискурсивный подход к исследованию терминологии. Рассмотрено проявление когнитивной, коммуникативной и номинативной функции термина в дискурсе. Проанализирована взаимосвязь когнитивных и коммуникативных аспектов медицинской и фармацевтической терминологии в дискурсе

Ключевые слова: термин, дискурс, функции термина, профессиональная коммуникация

Для современного терминоведения аксиомой является представление о термине как о дискурсивной единице, образующейся на стыке когниции и коммуникации [Голованова 2013, Гринев 2002; Лейчик 2007, Манерко 2021, Новодранова 2003 и др.] и развивающейся за счет постоянного приращения знания в процессе развития компетенций личности в усложняющихся видах профессиональных деятельности [Алексеева, Мишланова 2002, 2023]. Большую роль в формировании такого подхода сыграли исследования специальных предметных областей, в фокусе которых находятся лингвистические средства, обеспечивающие адекватную коммуникацию в определенной профессиональной области.

В логике дискурсивного терминоведения процесс когниции осуществляется в дискурсе – вербально опосредованной деятельности в предметной области – и получает вербальную объективацию в виде текстов, а также их производных – терминов. Считается, что «чем совершеннее описана определенная область знаний или деятельности, тем более точный характер будут носить термины, входящие в нее, и тем в более полной мере будут реализованы номинативная и сигнификативная функции термина» [Финикова 2012: 100]. Иными словами, в дискурсе взаимосвязаны три основные функции термина – когнитивная, коммуникативная и номинативная [Татаринов 2006: 337].

В статье нам хотелось бы подчеркнуть, что вышеотмеченные процессы в дискурсе приобретают и иную направленность, раскрывая тем самым этимологический компонент значения термина «дискурс», акцентирующий челночные, или разнонаправленные, движения. Полагаем, что дискурс можно рассматривать

не только как среду порождения и функционирования термина, в котором меняется значение последнего. Изменения термина оказывают влияние на характер дискурса, в том числе могут способствовать его развитию или исчезновению.

В качестве примера рассмотрим терминологию медицины и фармации в когнитивно-коммуникативном аспекте. Как известно, терминологический фонд многих предметных областей базируется на латиноязычных терминоэлементах. В университетских программах обучения специалистов вплоть до конца XX века были курсы латинского языка, поскольку его изучение в значительной мере расширяло профессиональный кругозор, способствовало формированию терминологической базы и успешной профессиональной коммуникации.

Неоценимую роль в профилизации латинского языка для медицины и фармации сыграл М.Н. Чернявский, автор «Энциклопедического словаря медицинских терминов» (в III томе словаря представлен «Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии») и первого в отечественной лексикографии «Словаря греко-латинских терминоэлементов». В течение многих лет М.Н. Чернявский заведовал кафедрой латинского языка и основ медицинской терминологии Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова, был председателем Центральной Проблемной методической комиссии по латинскому языку и медицинской терминологии при Центральном методическом кабинете ГУУЗа (Главного управления учебными заведениями) Минздрава СССР, членом Фармакопейного комитета Минздрава СССР, Терминологической комиссии АМН СССР, вел активную работу в комиссиях по упорядочению Международной анатомической и гистологической номенклатур на латинском и русском языках [Новодранова 2021], т. е. активно занимался терминологией для практического применения в сфере медицины и фармации.

В 70-х гг. XX в. М.Н. Чернявский впервые представил курс латинского языка, в котором, по сути, применил дискурсивный подход к преподаванию терминологии в области здравоохранения. Исследователь определил, что в медицинской и фармацевтической коммуникации задействуется лишь ограниченное число коммуникативных ситуаций, в которых функционируют определенные модели терминов, реализующие, как правило, отношения паритивности, посессивности, признаковости. На этом основании он выделил из всей грамматической системы латинского языка определенный набор форм (из системы падежей – *Nominativus* для номенклатуры, *Genetivus* для рецептуры; из глагольных форм – применяемые в рецептуре *Imperativus* и *Conjunctivus*), т. е. «редуцировал» потенциал латинского языка, превратив его в надежный инструмент профессиональной коммуникации. Отметим, что в последние десятилетия латинский язык исключается из образовательных программ гуманитарных направлений университетской подготовки, тогда как в сфере здравоохранения он составляет базовую часть обучения, поскольку формирует язык специальности.

Принятие латинского языка как профильного предмета позволило сохранить его в сфере здравоохранения нашей страны вплоть до пандемии COVID-19, когда встал вопрос о переходе рецептуры с латинского языка на национальный.

Курс терминологической латыни современных медицинских и фармацевтических вузов сейчас носит упрощенное название («Латинский язык», вместо «Латинский язык и основы медицинской / фармацевтической терминологии»), однако фактически в авторитетных учреждениях высшей медицинской школы по-прежнему преподается курс латинской терминологии специальности.

Во многих странах отказ от латинского языка в пользу национальных и английского языков начал происходить гораздо раньше, из-за чего в профессиональном фармацевтическом и медицинском сообществе разных стран отмечается непонимание латинской терминологии, что затрудняет профессиональную коммуникацию и разрушает когнитивную связь между специалистами сферы здравоохранения разных стран.

Другим примером может послужить исследование когнитивных процессов в фармацевтическом дискурсе. Последние выпуски отечественных фармакопей (XIII и XIV издание Государственной фармакопеи Российской Федерации) демонстрируют трансформацию структурно-семантических моделей терминов: транспозицию, в результате которой смысловое ядро термина, связанное со знанием технологического процесса, смещается в периферийную зону; расхождение терминологических моделей латинского фармакопейного термина и его русского дублета, что свидетельствует о складывающейся терминологической тенденции, еще не сформировавшейся в устойчивую терминологическую модель; устранение терминологического разнообразия, связанного со спецификой производства лекарственного препарата или использования растительного сырья и стремление к выработке единой терминологической модели; доминирование семантической генерализации, терминологическую декомпрессию словообразовательных моделей. Динамические процессы в фармакопейном терминологическом образовании на рубеже XX-XXI вв. указывают на изменение условий выполнения профессиональной деятельности, а также типа социального взаимодействия внутри института фармации [Бурдина 2022; Мишланова, Бурдина 2023].

Таким образом, синтез когниции и коммуникации регулирует процесс терминологического образования, способствует формированию терминологических моделей, удовлетворяющих потребностям профессионального взаимодействия между «носителями» и «потребителями» профессионального знания в дискурсе.

Литература

Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2002.

Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Мобильность современной терминологии // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 8. С. 9-27.

Бурдина О.Б. Терминология фармации: формирование и развитие фармакопейного стандарта. Пермь: ФГБОУ ВО ПГФА Минздрава России, 2022.

Бурдина О.Б. Социокогнитивный контекст развития фармакопейной терминологии // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 189-192.

Бурдина О.Б., Мишланова С.Л. Динамика терминологического образования в Российском фармацевтическом стандарте (на материале текстов отечественных фармакопей рубежа XX-XXI веков) // Лингвистика и образование. 2023. Т. 3, № 4 (12). С. 70-79.

Голованова Е.И. Когнитивное терминоведение: проблематика, инструментарий, направления и перспективы развития // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 13-18.

Гринев С.В. Когнитивное терминоведение // Научно-техническая терминология. 2002. № 1. С. 11-15.

Манерко Л.А. Профессиональный дискурс на пересечении общесемиотических проблем когниции и коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2021. № 1 (44). С. 32-40.

Новодранова В.Ф. Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте // Лексикология. Терминоведение. Стилистика: сб. науч. тр., посвящ. юбилею В.М. Лейчика. Рязань: Пресса, 2003. С. 150-155.

Новодранова В.Ф. История деятельности научно-методической комиссии по латинскому языку // Методические и лингвистические проблемы LSP. Самара: СамГМУ, 2021. С. 93-97.

Новодранова В.Ф. Памяти выдающегося латиниста, профессора Максима Наумовича Чернявского. 2016. URL: <http://librarius-narod.ru/articles/mnche.pdf>.

Татаршинов В.А. Общее терминоведение. Энциклопедический словарь / Российское терминологическое общество РоссТерм. М.: Московский Лицей, 2006.

Фишкова И.В. Функциональный спектр терминологических единиц // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 1. С. 98-102.

*Larissa M. Alekseeva (Perm, Russia)
Perm State National Research University*

*Olga B. Burdina (Perm, Russia)
Perm State Pharmaceutical Academy*

*Svetlana L. Mishlanova (Perm, Russia)
Perm State National Research University*

COGNITIVE-COMMUNICATION ASPECTS OF MEDICAL AND PHARMACEUTICAL TERMINOLOGY

A discursive approach to the terminology studies is defined. The manifestation of the cognitive, communicative and nominative functions of the term in discourse is considered. The relationship between cognitive and communicative aspects of medical and pharmaceutical terminology is analyzed.

Key words: term, discourse, term functions, professional communication

*Д. Арыджан (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
deryaarican962@gmail.com*

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ НЕГЛАГОЛЬНОЙ ПРЕДИКАЦИИ

Исследование посвящено анализу неглагольной предикации в русском языке с учетом когнитивного аспекта. Целью исследования является выявление специфики выражения мыслительных операций через различные формы неглагольных высказываний, объединенных связкой. В работе рассматриваются грамматические и семантические признаки неглагольной предикации, а также роль этого явления в сбережении когнитивных ресурсов при передаче информации.

Ключевые слова: неглагольная предикация, связка, неглагольная конструкция, когнитивная грамматика, когнитивная семантика

Предикация в когнитивном аспекте представляет собой уникальный процесс, где языковые конструкции становятся отражением внутренних когнитивных ме-

ханизмов человеческого мышления. Этот процесс начинается с концептуализации, где абстрактные идеи преобразуются в языковые формы. Говорящий активизирует когнитивные схемы, классифицируя и категоризируя представления о мире.

Предикацией обычно называют соотнесение субъекта и предиката при создании суждения (пропозиции) [ЛЭС 1990: 393]. В античной философии возникло понятие предикации, использованное Платоном и Аристотелем для разрешения философских споров о существовании общих свойств объектов. Это понятие отмечено как инструмент, напоминающий логический анализ предложения, но античные логики рассматривали предикацию «в аспекте не столько акта, сколько результата» [ЛЭС 1990]. Так сформировалось новое понятие «завершенной предикации», которое предполагает соотнесение суждения с действительностью по параметрам времени и модальности. Оно впоследствии легло в основу лингвистического понятия предикативности. В средневековой схоластике впервые формируется понятие предикации «как акта познания» [там же]. В «Кратком словаре лингвистических терминов» предикация это – «устанавливаемая посредством речемыслительного акта и выражаемая в структуре предложения связь между предметами мысли: соотношение между некоторой сущностью и ее проявлением (акциденцией) в виде другой сущности, признака или действия, отображающее в рамках высказывания реальное или воображаемое положение дел» [Васильева, Виноградов, Шахнарович 2003: 90]. В логических словарях предикация по-прежнему интерпретируется как мыслительное действие, т. е. отношение предикации – это «отношение между индивидуальным концептом и предикатным концептом некоторого суждения» [ЛС 1994: 171-172]. В лингвистике при этом понятие предикации «тесно сближается с понятием предложения» [Дымарский 2013: 82]. Так, согласно определению, данному в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова, предикация представляет собой «установление предикативной связи между главными членами предложения», поскольку, установка предикации начинается с формирования предложения, в котором субъект и предикат работают совместно для выражения смысла. Этот процесс является основой для передачи информации и коммуникации, где субъект выступает инициатором, а предикат – средством выражения действия, состояния или отношения. Предложение выражает какой-то смысловой фрагмент, и для этого необходимы главные члены предложения, такие как субъект и предикат. Субъект предложения обозначает того, кто совершает действие или о ком идет речь. Он представляет собой главный элемент, который непосредственно связан с участником коммуникации. В контексте установки предикации субъект можно рассматривать как исходную точку, откуда начинается выражение мысли. Предикат указывает на действие, состояние или отношение и служит связующим звеном между субъектом и тем, что происходит в предложении. М.Я. Дымарский понимает предикацию как ментальный акт, воплощаемый, но не осуществляемый в высказывании [Дымарский 2015: 41]. Тем не менее в русистике прочно закрепилось положение В.В. Виноградова, о том, что предикативность соотносит высказывание с действительностью и реализуется с помощью категорий времени, лица и модальности [Виноградов 2001].

Соответственно, неглагольная предикация представляет собой способ передачи мыслей и концепций включая все виды предложений, в которых отсутствуют эксплицитные глагольные формы, а выражение смысла осуществляется с использованием интонации и других языковых средств, т. е. предполагается, что отсутствие глагола соответствует форме изъявительного наклонения, настоящего времени и 3-го лица (*Этот человек – мой отец* [Русская грамматика: 1980]). Неглагольная предикация представляет собой эффективный способ передачи информации, обеспечивая экономию когнитивных ресурсов. Отсутствие явных глагольных форм позволяет сосредоточиться на сущности высказывания, что способствует более точному и лаконичному выражению мыслей. Этот лингвистический подход обеспечивает легкость восприятия информации. Интонация вместе с другими невербальными элементами играет ключевую роль в передаче эмоциональной окраски высказывания, что способствует более глубокому и эмоциональному восприятию содержания. При этом неглагольная предикация акцентирует внимание на семантических элементах, обогащая выражение мыслей. В области общей лингвистики неглагольная предикация объединяет несколько видов предикатов, таких как «именные сказуемые», а также экзистенциальные, possessивные и локативные предложения. Их общие черты – в использовании бытийных глаголов как полноценных сказуемых или в форме связки, опущенной в настоящем времени индикатива. В оформлении данного вида в сказуемом, помимо глагола, участвуют именные части речи, такие как существительные, прилагательные, числительные и местоимения. В предложениях с неглагольным сказуемым часто присутствует пустой глагол-связка, который обеспечивает глагольную структуру и имплицитно выражает семантику времени, вида и модальности, характерные для глаголов.

Одной из наиболее часто употребляемых конструкций неглагольной предикации является дуономиальная конструкция, включающая два имени [Haspelmath 2022:]. Эта конструкция семантически распадается на два типа: классификационная конструкция выражает принадлежность определенного предметного референта к классу, обозначаемому нереферентным предикативным именем, в то время как эквативная конструкция в некотором смысле «приравнивает» две определенные номинации. Она активно участвует в мыслительных процессах, предоставляя разнообразные смысловые вариации, способствуя категоризации окружающего мира в уме говорящего и выделяя его способность устанавливать аналогии и связи между различными объектами или понятиями. Примеры из «Красной планеты»: *Я оптимист; Ты шут, плут; Вы драматург; Она тень, ты господин; Вы плохой артист*. Семантические роли этой конструкции, представляют собой следующие: объект характеристики и класс объектов или конкретное понятие, с которым устанавливается отношение включения, психологические характеристики, оценочные категории, названия профессий или социальные роли. Такая конструкция отражает когнитивные стратегии мышления, позволяя говорящему выражать сложные концепции и взаимосвязи, и подчеркивает ее способность варьировать смысловые значения в зависимости от контекста, что является важным элементом в языковой коммуникации.

Кроме того, связки в неглагольных предложениях играют ключевую роль, выполняя несколько важных функций: передачу предикативных значений модальности и времени; установление формальной связи между сказуемым и подлежащим; действуя в роли посредника, способность селективно связывать предмет с его предикативным признаком, а также квалифицировать семантические отношения, лежащие в основе предикативных структур [Лекант 2017: 132]. В качестве основного элемента грамматического поля связок выступает связка *быть*, которая обладает высокой экспрессивностью при передаче предикативных значений и не имеет ограничений в выражении объективной модальности и временных отношений [Герасименко 2012]. В настоящем времени она часто встречается как нулевая связка, например, *Брат – учитель; Москва – столица; Дом – у дороги; Ребенок умный*. Глагол-связка *есть* в этих примерах не ставится (опускается), но это не значит, что его нет, он не привносит в предложение никакого дополнительного смысла, а только осуществляет грамматическую связь и выражает грамматические признаки сказуемого: время и наклонение. В таких суждениях ум спонтанно восполняет вербальные недостатки и формирует осмысленную форму предложения. В свою очередь, связка *есть* используется для указания на настоящее время, но в современном русском языке она приобрела стилистическую окраску книжности и ограничена в употреблении. Например, *почти всегда есть или дождь, или температура* (В.Ф. Панова); она возможна и в разговорных конструкциях типа *вот и есть выходной (а отдохнуть не удастся)*; в тавтологических предложениях типа *дети есть дети* связка выражает вневременную семантику, сообщая о соответствии предмета самому себе. В прошедшем времени связка *быть* в предложении *Этот человек был твой друг / твоим другом* падеж именной части сказуемого после связки *быть* имеет форму творительного падежа, что способствует передаче семантики временного признака, а именительный падеж способствует передаче постоянного признака. В будущем времени: *я буду самой несчастной женщиной на свете* (О. Памук). Связки часто характеризуют признак, присущий персонажу, как внешний и необязательно соответствующий действительности.

Таким образом, неглагольная предикация, объединяя разнообразные грамматические и семантические признаки, является мощным средством для отражения различных мыслительных операций. Основным инструментом выражения этого вида высказывания является связка, играющая важную роль в передаче грамматических значений. Этот лингвистический подход, лишенный явных глагольных форм, обеспечивает эффективный способ передачи информации, сосредоточивая внимание на сути высказывания и обеспечивая легкость восприятия. Отсутствие явных глагольных форм в неглагольной предикации позволяет более точно и лаконично выражать мысли, что способствует экономии когнитивных ресурсов.

Литература

Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. М.: Русский язык, 2003.

Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения. URL: <http://project.phil>.

spbu.ru/lib/data/ru/vinogradov/syntax.html.

Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование. М.: МГОУ, 2012.

Дымарский М.Я. Способы воплощения предикативного отношения // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ин-та лингвистических исследований. 2015.

Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М.: ИИУ МГОУ, 2017.

ЛС – Логический словарь. М.: Мысль, 1994.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Derya Arican (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

COGNITIVE ASPECT OF NON-VERBAL PREDICATION

This study is devoted to the analysis of non-verb predication in Russian language considering the cognitive aspect. The aim of the study is to reveal the specifics of expressing thought operations through various forms of non-verbal utterances united by a copula. The paper considers grammatical and semantic features of non-verbal predication, as well as the role of this phenomenon in saving cognitive resources in the transmission of information.

Key words: non-verb predication, copula, non-verb construction, cognitive grammar, cognitive semantics

Г.В. Беликова (Москва, Россия)
Московский педагогический государственный университет
gv.belikova@mpgu.su

ФРЕЙМОВАЯ СЕМАНТИКА ПРОЗВИЩНОЙ НОМИНАЦИИ КАК СРЕДСТВО ЭКСПЛИКАЦИИ КОДОВ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Обсуждается вопрос экспликации в языке культурологически обусловленных схем интерпретации социально значимых феноменов. На примере избранных французских прозвищных имен проиллюстрированы фреймовые структуры знаний, «свернутые» в значениях актуальных прозваний некоторых политических фигур Франции. Показано, что правильный выбор из альтернативных фреймов и использование элементов релевантного фрейма определяет адекватное понимание неоднозначной референции прозвищного номината и целостного смысла предикации.

Ключевые слова: прозвищная номинация, прозвание, президент, фрейм, неоднозначная референция, понимание

Изучение фактов концептуализации различных аспектов опыта человека и вместе с этим экспликации этих «схематизаций опыта» [Филлмор 1988: 54] в языке позволяет подойти к исследовательской проблеме с позиций интегративного знания. Такой подход опирается на понимание языка как развивающейся вариативной системы с ее «дихотомическими антиномиями», флуктуациями и «синергетическим поведением» [Пиотровский 2006], которое имманентно представлению о прежде всего отражательной функции языка, заключающейся, как известно, в том, что язык выступает средством дискретизации информационного

пространства, его организации и хранения в когнитивных структурах различного свойства и формата, а также средством «извлечения из памяти» информем и «воздействия на знания и с помощью знаний» [Болдырев 2004: 23].

Прозвищное имя, как и любой языковой знак, выполняет как номинативную, так и референциальную функции, однако референция прозвищного, как правило, иносказательного номината указывает на существование некой общей для коммуникантов области знаний, с опорой на которую реципиент, как рассчитывает адресант, должен правильно интерпретировать это прозвище и, соответственно, смысл всего выражения. Например, хорошо известное франкофонам историческое прозвище Франции «Hexagone» (гексагон, шестиугольник) – результат метафтонимической схематизации – отсылает к символьному обозначению страны на основании представления о ее границах, напоминающих форму шестиугольника. О популярности и «комфортности» этого топонимического прозвища косвенно свидетельствуют те неудавшиеся попытки оспорить его целесообразность, которые предпринимали некоторые известные деятели Франции XIX в. Так, апеллируя к геометрической «справедливости» Жан Лавалле во времена Второй империи и Эммануэль де Мартонн ассоциировали Францию скорее с пятиугольником, а географ Элизе Реклю видел в ней восьмиугольник; другие утверждали, что форма французской территории – это скорее неправильный многоугольник, квадрат или даже круг и пр. [Pourquoi dit-on que la France: URL]. Почему именно прозвище «Hexagone» закрепилось во французской языковой культуре сказать сложно, возможно сыграл свою роль временной фактор, поскольку уже в средние века Франция приобрела более или менее шестиугольную территорию, а вместе с ней национальное самосознание и, позднее, четкое представление о границах. Именно это коллективное представление вербализуется посредством номината «Hexagone», заимствованного из регулярного, геометрического фрейма. Любопытно, что начиная с 1868 г. это символическое имя Франции было включено во все школьные учебники и больше ни разу не пересматривалось, несмотря на то, что значение данного прозвища несправедливо «исключает» из состава Франции как Корсику, так и ее заморские департаменты и территории. Таким образом, предложение «*Pour cette émission conso, l'épouse de Maxime Chattam sera accompagnée d'une bande d'experts, issues de différentes générations, et venant des quatre coins de l'Hexagone...*» (букв. «В этом потребительском шоу к супруге Максима Шаттама присоединится группа экспертов – представителей разных поколений, приехавших с четырех углов Гексагона...») может быть правильно понято адресатом при условии, что ему знаком термин *Hexagone*, существующий как часть суперфрейма «Франция» (т. е. обозначающий понятие, составляющее «задание» терминала суперфрейма «Франция»), а не «родного» геометрического фрейма «Гексагон». Забавный оксюморон в составе пропозиции «приехавших с *четырёх углов Гексагона*» («...*venant des quatre coins de l'Hexagone...*») – геометрической фигуры, которая по определению имеет шесть углов и шесть сторон, – также свидетельствует о привычности трактовки номината *Hexagone* в рамках суперфрейма «Франция», который активируется этим прозвищем в данном коммуникативном контексте.

Особенностью функционирования фреймов, как подчеркивал создатель теории фреймов М. Минский [Минский 1979: 1], является то, что они могут включать в свой состав одни и те же структуры знаний, т. е. различные фреймы могут иметь общие терминалы (ср. на нашем материале: историческое прозвание Франции *Patrie des Lumières* (букв. Родина света, т. е. «Родина Просвещения») является именем общего терминала для таких основных (т. е. самых частотных ассоциатов данного прозвания) фреймовых структур знаний, как «France» («Франция»), «Paris» («Париж»), «Patrie» («Родина»), «Lumières» («Свет / Просвещение»), «Siècle» («Век»), «Philosophes» («Философы»). Это свойство фреймов опосредует возможность человека оперировать одновременно различными структурами данных, т. е. выбирать и координировать релевантную информацию из разных когнитивных областей, что обуславливает, как представляется, понимание реципиентом неоднозначной референции в том или ином речевом построении. Так, в случае прозвищной номинации особенно показательны в этом плане те ее варианты, которые представлены антропонимическими прозвищными именами известных общественных деятелей различных эпох (ср., например, *Le Roi Soleil* («король-солнце»), *Dieudonné* («богом данный») или *L'Etat, c'est moi!* («Государство, это я!») прозвищные имена Людовика XIV, *le Petit Caporal* («Маленький капрал»), *Usurpateur* («Узурпатор») и *Grand Général* («Великий генерал») о Наполеоне Бонапарте, *Le Grand Charles* («Великий Шарль») и *sot en hauteur* (букв. «высокий глупец») о Шарле де Голле, *Sphinx* (Сфинкс), *Rastignac* (Растиньяк), а также *François Jupiter* (Франсуа-Юпитер) и *Dieu* (Бог) о Франсуа Миттеране, *Monarque éclairé* («просвещенный монарх») и *le Roi fainéant* («ленивый король») о Жаке Шираке и т. п.

Сам факт того, что такие «личные» прозвания транслируются из поколения в поколение свидетельствуют о значимости этих фигуральных способов представления (зачастую контрарного) социальных феноменов, а также о стабильности некоторых культурных кодов. Остановимся еще на одном примере актуальной прозвищной номинации, иллюстрирующем устойчивость определенных концептуальных метафор / метонимий, на основе которых происходит понимание и интерпретация данных прозваний.

Действующий президент Франции Эмманюэль Макрон является обладателем такого внушительного «набора» прозваний, что может поспорить с самыми знаменитыми в этом плане общественно-политическими деятелями Франции. Как и в большинстве случаев прозвищные имена Э. Макрона изображают пуантилистический и контрастный портрет президента (ср., *Homme parfait* («Идеальный мужчина»), *le golden boy qui lit Goethe* («золотой мальчик, читающий Гете»), *le Barack Obama français* («французский Барак Обама»), *le nouvel empereur de l'Europe* («новый император Европы»), *ma petite encyclopédie* («моя маленькая энциклопедия»), *Jupiter* («Юпитер»), *le Maître des horloges* («хозяин часов»), *la petite Ferrari* («маленький Феррари»), *le petit Mozart de la finance* («маленький Моцарт финансов»), *le Macaron* («макарон», т. е. печенье) *le Président des riches* («Президент богачей») и т. д.). Среди этих прозвищных имен президента широко известным и наиболее частотным является *Jupiter* («Юпитер»).

Это вполне «говорящее» образное имя явно активизирует представление о «юпитероподобном» президенте и реализует тем самым образный потенциал базовой концептуальной метафоры «БОГ / БОЖЕСТВЕННОСТЬ – МОНАРХ / ПРЕЗИДЕНТ» (ср. в этом плане вышеприведенные прозвищные имена других политических деятелей Франции).

Другие прозвания Э. Макрона, например, *le Maître des horloges* («хозяин часов») или *Dark Vador* («Дарт Вейдер»), встречаются не так часто, а их правильная интерпретация требует знания определенных фреймов-сценариев, «свернутых» в значениях этих номинатов. Действительно, общее понимание того, что при актуализации этих прозваний речь идет о президенте Э. Макроне не проясняет логики их употребления, смысла этих антономастических прозвищ, каждое из которых профилирует те или иные характерные черты в портрете президента. Так, прозвищный номинат *le Maître des horloges* («Хозяин часов») – результат метонимического трансфера – фиксирует выражение, употребленное президентом, чтобы показать, что он не позволит никому навязать себе ритм работы, и что только он сам определяет свой «календарь». Возможно, также, что Э. Макрон цитировал некогда данную им самим характеристику Франсуа Олланду – «C'est lui qui est le maître des horloges. C'est lui qui décide du calendrier» («Он – хозяин часов. Он определяет календарь»), или же здесь можно увидеть переосмысление метафоры Вольтера о великом часовщике – Боге [Qui est le «maître des horloges»: URL]. Так или иначе, но выражение получило популярность и стало прозвищем президента, конотирующим именно эту независимую власть и решительную «автономию» главы государства. Что же касается мрачного, но хорошо «читаемого» образного прозвища *Dark Vador* («Дарт Вейдер»), то так окрестили президента эколога Гринпис во время своей новой кампании: в видеоролике по мотивам саги «Звездные войны», «господин президент» переходит на «темную сторону» [Greenpeace: Emmanuel Macron en Dark Vador: URL]. Благодаря использованию образа известного персонажа «тьмы» Дарта Вейдера смысл послания был очевиден всем, кто знаком с вселенной «Звездных войн».

В заключение отметим, что прозвищная номинация, являясь языковым «отпечатком» когнитивных процессов ментального проецирования и взаимодействия элементов определенных категорий мышления человека, выполняет функцию «индивидуации» явления повседневности, сообщая ему уникальность и неповторимость. Прозвание становится одной из форм речевого поведения, оно характеризует не только феномен действительности, но и то, как интерпретатор взаимодействует с языком, выражая свое толкование данного факта, а также и то, каким методом конструируемый смысл получает свое выражение в структуре значения прозвищного номината.

Литература

Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18-36.

Минский М.Л. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.

Пиотровский Р.Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы. СПб.: СПбГУ, 2006.

Филлмор Ч.Дж. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52-92.

Pourquoi dit-on que la France est un hexagone? URL: <https://www.caminteresse.fr/culture/pourquoi-dit-on-que-la-france-est-un-hexagone-148195>.

Qui est le «maitre des horloges» invoqué par Emmanuel Macron? URL: https://www.liberation.fr/politiques/2017/05/17/qui-est-le-maitre-des-horloges-invoque-par-emmanuel-macro_n_1569931.

Greenpeace: Emmanuel Macron en Dark Vador dans leur nouvelle campagne choc. URL: https://www.gentside.com/news/greenpeace-emmanuel-macron-en-dark-vador-dans-leur-nouvelle-cam-pagne-choc_art93489.html.

*Galina V. Belikova (Moscow, Russia)
Moscow State Pedagogical University*

FRAME SEMANTICS OF NICKNAME NOMINATION AS A MEANS OF EXPRESSING CULTURAL CODES

The article discusses the issue of expressing in language culturally conditioned schemes of interpretation of socially significant phenomena. The example of selected French nicknames illustrates the frame structures of knowledge “rolled up” in the meanings of actual nicknames of some French political figures. It is shown that the correct choice from alternative frames and the use of elements of the relevant frame determines an adequate understanding of the ambiguous referentiality of the nickname nominative and the holistic meaning of the predication.

Key words: nickname nomination, nickname, president, frame, ambiguous reference, understanding

*Е.А. Бочарникова (Астрахань, Россия)
Астраханский государственный технический университет
Bocharnikova2006@bk.ru*

АКТУАЛИЗАЦИЯ ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТИ В НАУЧНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье описывается категория интердискурсивности как категория дискурса, интегрирующая смыслы и реализующая когнитивную функцию смыслообразования. Представлен краткий анализ исторического дискурса, описаны представления лингвистов об интердискурсивности. Рассмотрен фрагмент исторического текста, взятый из англоязычной научной исторической книги А. Полларда «A Short History of the Great War», в котором, на наш взгляд, в результате взаимодействия знаний медицинского, статистического и экономического типов дискурса происходит актуализация категории интердискурсивности, и формируется новое знание. Отмечается, что интердискурсивность может рассматриваться как смыслоформирующая категория.

Ключевые слова: дискурс, знание, концепт, концептуализация, исторический, интердискурсивность

Человечеству всегда было важно постичь смысл жизни, научиться понимать мотивы действий людей, оценивать результаты их деятельности и всех тех явлений, которые происходят в ходе определенных событий. Совокупность последовательно развивающихся событий формирует историю, которая, обрастая объемом знаний, мнений, фактов и представлений, формирует исторический дискурс.

Исторический дискурс – это сложное образование, представляющее резуль-

таты взаимодействия человека с миром, выразившиеся в событиях, обусловленных влиянием и деятельностью определенных лиц / персонажей, сыгравших свои роли в конкретные исторические эпохи. Исторический дискурс, таким образом, включает многообразие информации, взглядов и оценок фактов, имевших место в конкретное время в определенных социальных, экономических, культурных и политических условиях.

Роль языка как смыслообразующего фактора в формировании и исследовании исторического дискурса и текста как результата данного дискурса довольно велика, так как именно язык позволяет определить и историческое мышление, и сам исторический дискурс, и процесс его осмысления, понимания и выражения в тексте.

Учитывая вышеприведенные особенности исторического дискурса, можно предположить, что категория интердискурсивности, понимаемая нами как категория дискурса, реализующаяся в результате формирования знания отдельной дисциплины «силами» информации, привлеченной из разных типов дискурса, играет большую роль в процессе создания и интерпретации знаний истории.

Отметим, что в современной лингвистике ряд исследователей изучают проблему актуализации категории интердискурсивности (О.В. Магировская, Н.Г. Горбунова, А.А. Гордиевский, В.А. Андреева, В.Е. Чернявская, Е.А. Гончарова, Е.А. Белоглазова, Н.В. Данилевская, О.А. Мельникова, Н.С. Олизько, Ю.В. Сургай, В.Д. Шевченко, Т.А. Ленкова, Н.Д. Пелевина), усматривая проявление данного явления как в особой организации смысла текста [Данилевская 2006], признании связи какой-либо цитаты или аллюзии со сведениями, встречавшимися в других текстах и, соответственно, дискурсах [Архипов 2008], так и в метафоричности человеческого мышления, способного проводить неожиданные смысловые параллели, приводящие к образованию субъективных смыслов [Белоглазова 2009]. Таким образом, интердискурсивность действительно следует рассматривать как дискурсивную категорию, реализующуюся на ментальном уровне в результате интегрирования смыслов и имеющую следствием своей актуализации трансформацию в концептуальной структуре понятия.

Рассмотрим проявление интердискурсивности на примере концептуализации исторических понятий в отрывке из научной исторической книги английского автора А. Полларда «A Short History of the Great War». На наш взгляд, данный фрагмент представляет интерес тем, что актуализация категории интердискурсивности не только осуществляется в рамках имеющихся представлений о ней, но и создает перспективы дальнейшего изучения ее когнитивных и дискурсивных возможностей.

*Medical science prolonged the war by reducing disease and restoring the sick and wounded; and the military **statistician** went as far astray in his **prophecies of the exhaustion of Germany's man-power as the economist in his predictions of its bankruptcy and starvation by blockade** [Pollard 2011: 57].*

Не вызывает сомнений тот факт, что, концептуализируя понятие военного дискурса «war», автор обращается к сведениям дискурса медицины, дискурса статистики и дискурса экономики. По-видимому, именно соучастие знаний данных дискурсов позволяет автору выразить мысль и подтвердить ее состоятельность.

Исходя из того, что объективировавшиеся лексемы «medical science», «disease», «starvation», «exhaustion» и коллокация «restoring the sick» эксплицитно указывают на присутствие элементов (лексических единиц и их сочетаний) медицинского дискурса; данные дискурса статистики представлены понятиями «predictions», «prophecies» и «predictions»; лексемы «economist» и «bankruptcy» восходят к области знания экономики, нельзя не заметить феномен взаимодействия дискурсов и актуализации категории интердискурсивности в данном фрагменте.

Следует отметить, что, поскольку в настоящей работе исследуется отрывок из научного текста, то термины «концепт» и «понятие» рассматриваются нами синонимично. Данная концепция подтверждается также мнением Н.Н. Болдырева о том, что понятие отражает наиболее общие, существенные признаки предмета / явления, тогда как концепт отражает «не обязательно существенные признаки объекта» [Болдырев 2014].

Если рассмотреть концепт WAR в классическом отношении, как его трактует специализированный источник – «armed fighting between two or more countries or groups» [<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/war>], то основным признаком, характеризующий данное понятие, представлен коллокацией «armed fighting», и смысл понятия завязан на представлениях о вооруженных столкновениях.

Феномен интердискурсивности, позволивший выявить иные смыслы, формировавшиеся в концептуальной системе автора в процессе кодирования определенной информации (описания концепта WAR в данном случае) дает ключ к пониманию важной роли данной категории – создавать новые значения, обогащая описываемый / изучаемый концепт / понятие дополнительными характеристиками и расширяя представление о нем.

Так, объективация понятий из области медицины способствует появлению идеи о том, что медицинская наука продлевает войну, снижает заболеваемость и способствует восстановлению здоровья раненых и просто больных и, таким образом, лишает достоверности прогнозы военных экспертов и экономистов; при этом объективация признаков медицинских понятий «starvation» («the state of having no food for a long period, often causing death») [<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/starvation>], и «exhaustion» – («the state of being extremely tired») [<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/exhaustion>] характеризует физическое и моральное состояние людей во время войны.

Из анализа фрагмента также можно предположить, что развитие медицины во время войны сыграло положительную роль в состоянии дел экономики: вопреки прогнозам экономистов, предвещавших неминуемое банкротство («bankruptcy») вследствие голода и блокады, ситуация выправлялась за счет успеха фармакологии.

Дискурс статистики, реализовавшийся в данном фрагменте, на наш взгляд, в употреблении понятий «statistician», «prophecies», «predictions», где два последних напрямую не указывают на данный дискурс, но, контекстуально имплицитно понятие статистики «statistical forecast», вероятно, могут быть рассмотрены как

репрезентирующие статистическое знание.

Таким образом, концептуализируя понятие из области военного дискурса («war»), автор синтезирует знания из других типов дискурса (медицинского, экономического и статистического), в результате чего, с точки зрения когнитивной лингвистики и теории дискурса, происходит реализация категории интердискурсивности, а в ментальных системах автора и интерпретатора текста – совмещение смыслов, позволяющее дополнить представление о репрезентируемом концепте другими признаками и раскрыть новые стороны его содержания через призму «багажа» других научных дисциплин.

Таким образом, понятие из области военного дискурса («war»), приняв в свое концептуальное содержание смыслы фрагментов знаний перечисленных дискурсов, приобрело новый признак – «зависимость от возможностей медицины». Можно предположить, что течение и исход военных действий зависят в том числе от развития медицинской науки и способностей людей внедрять и применять ее достижения в военное время. В период описываемого исторического времени (первая половина XX в., начало Первой мировой войны), как известно, в Германии медицинская наука развивалась довольно успешно и ее успехи как в теоретическом, так и в практическом отношении обнулили предсказания военных статистиков и экономистов того же времени.

Анализ представленного фрагмента, на наш взгляд, подтверждает наблюдение В.Е. Чернявской о том, что «интердискурсивность запускает в действие иные механизмы тексто- и словообразования...» [Чернявская 2014: 23], которые, добавим, способны раскрывать скрытый семантический потенциал известных и существующих значений и выступать особым когнитивным способом смыслопостроения и познания.

Литература

- Архипов И.К.* Язык и языковая личность. СПб.: Книжный дом, 2008.
- Белоглазова Е.В.* Полидискурсивность как особый исследовательский фокус // Известия Санкт-Петербургского ун-та экономики и финансов. 2009. № 3. С. 66-71.
- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.
- Данилевская Н.В.* Познавательный интердискурс как отражение динамики научной картины мира // Вестник МАПРЯЛ. 2006. № 50. URL: <http://www.mapryal.org/vestnik/vestnik50/index.shtml>.
- Чернявская В.Е.* Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность-дискурсивность-интердискурсивность // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. СПб.: СПбГУЭФ, 2007. С. 22-23.
- Pollard A.* A Short History of the Great War. History of Economic Thought Books. Hamilton: McMaster University, 2011.
- URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/starvation>.
- URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/war>.
- URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/exhaustion>.

*Ekaterina A. Bocharnikova (Astrakhan, Russia)
Astrakhan State Technical University*

INTERDISCURSIVITY ACTUALIZATION IN A SCIENTIFIC HISTORICAL TEXT

The article describes the category of interdiscursivity as a category of discourse that integrates meanings and implements the cognitive function of meaning formation. A brief analysis of historical discourse is presented; the ideas of linguists about interdiscursivity are described. A fragment of the historical text taken from the English-language scientific historical book by A. Pollard's "A Short History of the Great War", in which, in our opinion, as a result of medical, statistical and economic types of discourse interaction, the category of interdiscursivity is actualized and new knowledge is formed. It is noted that interdiscursivity can be considered as a meaning-forming category.

Key words: discourse, knowledge, concept, historical, conceptualization, historical, interdiscursivity

Е.В. Голубкова (Москва, Россия)

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
Elenavg07@gmail.com*

КОНЦЕПТ И ФРЕЙМ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА

В статье рассматриваются когнитивные структуры концепт и фрейм как инструменты дискурсивного анализа, в связи с чем дается краткая их характеристика и отмечаются противоречия в их описании. Противоречия объясняются как особой логикой каждого исследования, так и гибкостью и взаимозаменяемостью данных структур.

Ключевые слова: концепт, фрейм, когнитивная единица, дискурсивный анализ

В отечественных исследованиях в рамках когнитивной лингвистики уделяется большое внимание категориям Концепт и Фрейм как ментальным единицам, инструментам, помогающим структурировать знания.

В своем исследовании мы основываемся на изучении значительного числа работ российских языковедов, которые излагают свое понимание терминов «концепт» и «фрейм». Мы анализируем их, применяя методы дедукции и индукции, и проводим свой дискурс-анализ. Материалом для анализа послужили тексты статей на тему «Детство», из журнала «The Economist». Мы рассматриваем тексты как результат и способ реализации дискурса в публичном пространстве с помощью языковых средств.

Результатом исследования стал анализ дискурса, который показал эффективность Концепта и Фрейма как когнитивных единиц.

Термин **Концепт** получил широкое распространение в трудах российских ученых в конце прошлого века. Были разработаны теории Концепта такими учеными как А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, Е.С. Кубрякова, М.В. Никитин, З. Д. Попова, И.А. Стернин, и многими другими. Влиятельной среди российских ученых в области концептов стала теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа.

Концепт является основным объектом исследования когнитивной лингвистики, тем не менее, единое определение Концепта не выработано. В то же время

выделены главные его признаки: 1. Концепт имеет ментальную природу, это квант знания. 2. Он является единицей ментального пространства и структурирует знания. 3. Он также является базовой единицей культуры, ее концентратом. 4. Он представляет собой как минимум трехмерное образование и имеет предметно-образную, понятийную и ценностную составляющие. [Карасик 2004: 129]. 5. Концепт не имеет жесткой структуры, он объемный, и поэтому не может быть выражен полностью [Попова, Стернин 2000: 28-29].

При изучении **Фрейма** большинство российских лингвистов в качестве отправной точки своих исследований избирают положения, выдвинутые такими зарубежными учеными как М. Минский, Ч. Филлмор, Дж. Лакофф, Р. Лангакер и другие.

Термин Фрейм впервые был применен М. Минским, который исследовал способы структурирования знаний человека при разработке искусственного интеллекта. Для него Фрейм – это статическая информационная структура, которая репрезентирует стереотипную ситуацию. Он также описал структуру Фрейма как иерархическую, состоящую из смысловых узлов верхнего уровня, (имманентные смыслы), и нижнего (смыслы характерные для конкретной ситуации) [Минский 1979]. Заслуга Ч. Филлмора состоит в том, что он впервые использовал понятие Фрейм в качестве лингвистического термина, создав фреймовую семантику, а в дальнейшем рассматривал фреймы как особые ментальные структуры для схематизации опыта человека [Филлмор 1988]. Огромное значение для нашей когнитивной лингвистики имела фреймовая теория Р. Лангакера. Согласно этой теории, при осуществлении успешного общения эмитент и адресат сообщения должны иметь одно и то же концептуальное поле. Для этого необходимо добиться ситуации, при которой оба участника общения фокусировались бы на одних и тех же сущностях, т. е. как бы смотрели на мир через одно и то же окно (viewing frame).

В последние два десятилетия шло интенсивное обсуждение вопроса о соотношении между собой категорий Концепт и Фрейм. Сомнению не подвергался лишь общий для них сущностный признак – их ментальная природа, остальные их свойства рассматривались как различительные, а утверждения одних исследователей часто противоречили другим.

1. Концепт и Фрейм противопоставляются как «сложное» и «простое». Для Н.Н. Болдырева Фрейм выступает как род сложного, объемного многомерного концепта, в то время как Концепт отражает какой-нибудь объект, образ, а потому прост по отношению к Фрейму» [Болдырев 2001: 36]. Но есть и иное мнение: «Главное в концепте – это многомерность и дискретная целостность смысла» [Карасик 2004: 136].

2. Утверждается, что Концепт и Фрейм находятся в родовидовых отношениях, где Концепт является родовым понятием, а Фрейм видовым. В концепции А.П. Бабушкина [Бабушкин 1996: 104], выделяется обобщенный Концепт и его виды, такие как концепт-фрейм, концепт-инсайт и др. Но есть и иное мнение: Фрейм является структурой более высокого порядка, чем Концепт, типом взаимодействия между концептами [Тарасова: 2004; Мурашова 2021: 70].

3. Есть также мнение, что Концепт и Фрейм не находятся в родовидовых отношениях, а являются равнозначными структурами одной природы и подпадают под гипероним «когнитивная структура». У них есть нечто общее и различное [Соколова 2007: 237].

4. Одно из важных различий между Концептом и Фреймом состоит в архитектонике их структуры. Структура Концепта имеет вид полевой модели с ядром внутри и периферией, в то время как фрейм выстроен иерархически вглубь с узлами признаков на разных уровнях [там же].

5. Одни ученые настаивают, что Фрейм статичная когнитивная структура, где доминируют стереотипные, признаки ситуации, а другие отмечают, что фрейм имеет динамичную структуру [Ковалев 2022: 20].

Указанные противоречия отнюдь не являются нарушением логики кем-либо из лингвистов, каждый следовал своей логике. Но мы допускаем, что все противоречия снимаются сами, если к анализу дискурса применить диалектический подход: в зависимости от того, какой способ эффективнее для представления элемента знания, его можно структурировать в виде фрейма, т. е. как типичную ситуацию, либо в виде концепта, иначе говоря, понятия со всеми ассоциативными смыслами. Для фрейма обязательна предикация, хотя описание не исключается. Для создания концепта обязательны описательные номинативные средства, но и предикация не исключена.

Рассмотрим наш пример анализа, где в статьях (дискурсе) о детстве формируется концепт ДЕТСТВО. Он настолько сложный, разветвленный и многокомпонентный, что нам придется представить лишь небольшую серединную его часть: «Подготовка детей к школе в США», которая тоже комплексная и многоуровневая. Разобьем указанный *гиперконцепт* на две части по линии «времени» и получим 2 *концепта*: «ПОДГОТОВКА ДЕТЕЙ К ШКОЛЕ В США В ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI в» (K1) и «ПОДГОТОВКА ДЕТЕЙ К ШКОЛЕ В США ВО ВТОРОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI в» (K2). Далее K1 разобьем на субконцепты K1.ск1 с признаком «в обеспеченных семьях» и K1.ск2. с признаком «в малоимущих семьях». Их содержание структурируется на три сегмента: «свойства семьи», «свойства подготовки», «дополнительные ресурсы». Репрезентация субконцептов осуществляется в основном описательными средствами. **СубКонцепт K1.ск1 сег. № 1:** «Крепкие семьи с двумя родителями, имеющими университетское образование; наличие денежных средств; наличие свободного времени; ребенок защищен от опасностей; условия жизни хорошие». Сег. № 2: «Интенсивное воспитание; требовательные родители; ребенок всегда занят чем-то полезным». Сег. № 3 «хорошие школы; требовательные учителя; большие задания; частные уроки». **СубКонцепт K1.ск2 сег. 1:** «Семьи с одним родителем, как правило, матерью, без университетского образования; нехватка денежных средств; недостаток времени; плохие условия жизни». Сег. № 2: «Дети предоставлены сами себе; они менее защищены от опасностей; родитель/ли больше, чем раньше проводят с ними время, но не намного». Сег. № 3: «правительственные программы помощи; бюджетные детские заведения для младших детей; благотворительные организации».

Однако, можно представить данные знания не в виде (суб)Концепта, а в форме (суб)Фрейма, чья репрезентация осуществляется преимущественно предикативными средствами. Вынужденно ограничимся только одним примером. **Фрейм Ф1 сф1 слот № 1:** «Дети имеют двух родителей, получивших университетское образование. Семья располагает достаточными денежными средствами и может уделить много времени ребенку. Живут в хороших условиях». Слот № 2: «Родители интенсивно занимаются воспитанием детей. Требуют, чтобы дети всегда были заняты делом». Слот № 3: «дети посещают хорошие школы. Им дают большие задания. Они учатся дополнительно». К сожалению, за рамками статьи остался также материал на английском языке, отражающий национальный колорит, образность и оценочность. Подводя итог сказанному, можно утверждать, что как концепт, так и фрейм являются эффективными инструментами структуризации дискурса; выбор одного из них может диктоваться спецификой объекта анализа, особенностями адресата, конкретными задачами и условиями проведения анализа и личными предпочтениями лица, проводящего анализ.

Таким образом, Концепт и Фрейм – гибкие, динамичные когнитивные структуры, обладающие общей природой и рядом особенностей, но не имеющие четких границ, способные к взаимопроникновению и взаимозаменяемости.

Литература

- Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка // Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1996.
- Болдырев Н.Н.* Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 25-36.
- Карасик В.И.* Лингвокультурные концепты: Подходы к изучению // Социалингвистика вчера и сегодня. М.: ИНИОН РАН, 2004. С. 132-162.
- Карасик В.И.* Языковой круг: Личность. Концепты. Дискурс. М.: Гнозис, 2004.
- Ковалев Н.А.* Концепт 'New Cold War' на фоне вызовов современности // Филологические науки в МГИМО. 2022. Т. 8. № 2. С. 18-28.
- Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 12-51.
- Langacker R.W.* Discourse in Cognitive Grammar // Cognitive Linguistics. 2001. Vol. 12. No. 2. Pp. 143-188.
- Минский М.* Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.
- Мурашова Л.П.* Особенности актуализации периферийных зон концептуально-когнитивного фрейма» Woman» // Филологические науки в МГИМО. 2021. Т. 7. № 1 (125). С. 68-82.
- Полова З.Д., Стернин И.А.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2000.
- Соколова О.В.* Категория фрейма в когнитивной лингвистике // Вестник АГТУ. 2007. № 1 (36). С. 236-238.
- Тарасова И.А.* Фреймовый анализ в исследовании идиостилей // Филологические науки. 2004. № 4. С. 42-49.
- Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52-92.
- Чоциян Ван, Дашишимаева П.П.* Фрейм, гештальт и образ: равнозначность или смежность категоризации? // Вестник НГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация, 2022. Т. 20, № 2. С. 30-35.

*Elena V. Golubkova (Moscow, Russia)
Moscow State Institute of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*

CONCEPT AND FRAME AS TOOLS OF DISCOURSE ANALYSIS

This article examines the cognitive structures of concept and frame as tools of discourse analysis in connection with which a brief description of them is given and contradictions in their description are noted. The contradictions are explained both by the special logic of each study and by the flexibility and interchangeability of these structures.

Key words: Concept, frame, cognitive structure, discourse analysis

*И.А. Даниленко (Белгород, Россия)
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
danilenko_ia@bsu.edu.ru*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ-ДОМИНАНТА КАК КОГНИТИВНЫЙ ТЕКСТОВЫЙ АТТРАКТОР

В статье рассматриваются милитарные концепты-доминанты как когнитивные текстовые аттракторы. Художественный концепт, приобретая статус доминантного, становится и когнитивным текстовым аттрактором. Концепт-доминанта является «основной характеристикой» отдельного художественного произведения, творчества одного автора или целого литературного периода, которая и привлекает потенциального читателя. Читатель обращает внимание в первую очередь на наличие определенного концепта-доминанта без учета его коннотативного значения. *Ключевые слова:* концепт-доминанта, когнитивный текстовый аттрактор, художественный текст

Хороший творец является «зеркалом» окружающей его действительности. Автор художественного текста обладает неограниченным количеством художественных средств для отображения действительности, которыми он пользуется при создании художественных произведений. Писатели XX в. отражали в своих произведениях события того периода и идеи, овладевавшие умами людей того времени, преобразовывая их в художественные концепты. Художественные концепты, вызывавшие наибольший интерес среди авторов, со временем приобретали статус концептов-доминант [Даниленко 2022: 157]. Одним из художественных концептов-доминант XX в. стал художественный концепт ВОЙНА и его эквиваленты в других языках.

Художественный концепт может занимать доминирующие позиции на любом уровне: на уровне одного художественного текста, на уровне всего творчества одного писателя или на уровне литературного периода. Получая наибольшую степень реализации по сравнению с другими художественными концептами на одном из уровней, концепт-доминанта одновременно становится и отличительной чертой отдельного художественного текста, писательского стиля или литературного периода.

«Концепты, свойственные определенному автору, выражают его взгляд на мир» [Тугуз 2022: 126] и становятся основой для формирования концепта-доминанты. Так, художественный концепт KRIEG является характерной чертой как для

всего творчества Э.М. Ремарка, так и для большинства его отдельных произведений. Современник Ремарка Э. Юнгер, тоже участник Первой мировой войны и писатель, реализует в своих произведениях много художественных концептов, но на первый план ставит концепт KRIEG, возводя его в статус концепта-доминанты. Произведения этих двух писателей достаточно сильно разнятся в оценке, которую они дают войне, и в том, как эти произведения воспринимаются читателями. Если романы Ремарка задумывались как однозначно антивоенные, осуждающие любой аспект войны, то автобиографический роман «In Stahlgewittern» («В стальных грозах») Юнгера не только абсолютно лишен антивоенного настроения, но зачастую воспринимается как милитаристский роман, восхваляющий войну. Однако, когнитивно-герменевтический анализ этих двух произведений показывает доминантную позицию художественного концепта KRIEG: этот концепт реализован наибольшим количеством лексических единиц, по сравнению с другими.

Среди немецких писателей есть и ветераны Второй мировой войны: Л. Буххайм, принявший участие в войне в качестве военного корреспондента и участника похода на подводной лодке, и Г. Дорфмайстер, оборонявший немецкий городок в составе «Гитлер-югенд» в возрасте 16-ти лет. Произведения этих двух писателей «Das Boot» («Подводная лодка») и «Die Brücke» («Мост») полностью посвящены войне. Художественный концепт-доминанта в этих произведениях – KRIEG. Номинативные поля других концептов полностью или частично включены в номинативные поля концепта-доминанты KRIEG.

Оба этих произведения имеют антивоенную направленность, но в отличие от романов о Первой мировой войне в номинативном поле концепта-доминанты KRIEG в этих романах выявлен субконцепт TÄUSCHUNG (обман). В процессе когнитивно-герменевтического анализа было зафиксировано значительное количество лексики, формирующей номинативное поле субконцепта TÄUSCHUNG. Л. Буххайм и Г. Дорфмайстер отражают в своих произведениях господствовавшее в 50-х гг. в немецком обществе мнение, что немецкий народ был обманут своим же правительством.

Рассмотрим для сравнения художественный концепт-доминанту WAR в англоязычных художественных произведениях. Одним из известнейших военных писателей является Э. Хемингуэй. Его роман «A Farewell to Arms» («Прощай, оружие!»), хотя и реализует антивоенную идею, но концепт-доминанта WAR в значительной степени отличается от эквивалентного ему художественного концепта KRIEG того же периода. Положительное или отрицательное отношение главного героя к войне обусловлено личным отношением: его личным желанием отправиться добровольцем на фронт и его же личным решением дезертировать из армии в Швейцарию. Художественный концепт-доминанта WAR не выступает как изолированный, и часть его номинативного поля пересекается с номинативными полями других художественных концептов, таких как LOVE, LIFE, HONOUR, образуя с ними дуальные художественные концепты [Даниленко 2019]. Общие для двух концептов лексические единицы позволяют представить концепт-доминанту WAR в динамике: отношения главного героя к войне меняются под влиянием событий.

Концепт WAR реализован как когнитивная доминанта и в современных англоязычных художественных произведениях. Так, в современном романе австралийского писателя-реконструктора Т. Кенелли «The daughters of Mars» («Дочери Марса») концепт-доминанта WAR реализован автором как исторический фон, на котором разворачиваются события личной жизни главных героинь. Номинативное поле этого концепта лишено оценочных суждений: ужасы войны и трудности службы военных медсестер формируют приядерную зону; дальняя периферия, где находится оценочная лексика, практически отсутствует. Тем не менее концепт WAR является одним из концептов-доминант романа и привлекает потенциального читателя.

Роман современного американского писателя Т. Обрайена «The things they carried» («Вещи, которые они несли с собой») посвящен событиям Вьетнамской войны. Номинативное поле концепта-доминанты WAR включает значительное количество оценочной лексики, но вся она носит индивидуальный характер: герои романа каждый по-своему воспринимают события. Здесь война не носит глобального характера, здесь – это личная трагедия каждого солдата. Концепт-доминанта WAR реализован в романе как диадный, в котором «присутствует одно ядро, но номинативное поле подразделяется на два сегмента, номинирующих две грани одного репрезентируемого явления» [Огнева 2023: 245].

Одни из наиболее известных русскоязычных писателей, в творчестве которых доминантой выступает концепт ВОЙНА являются М.А. Шолохов и В.С. Пиккуль. Произведения обоих этих писателей посвящены событиям как Первой, так и Второй мировой войны.

Наиболее значимым отличием художественного концепта-доминанты ВОЙНА от эквивалентных ему WAR / KRIEG является наличие в его номинативном поле субконцептов РОДИНА и ГЕРОИЗМ. Такая разница обуславливается, разумеется, различным пониманием одних и тех же событий разными народами, а романы являются лишь отражением общественного настроения.

Несмотря на различную лексическую наполняемость номинативных полей рассмотренного концепта-доминанты ВОЙНА и его эквивалентов в разных языках, отличительной чертой творчества всех рассмотренных писателей считается милитарная направленность, и именно она выступает решающим фактором при выборе их романов. Потенциальных читателей привлекает само наличие художественного концепта-доминанты ВОЙНА / KRIEG / WAR, а не то, в каком ключе он реализован.

Художественные концепты-доминанты задумываются как когнитивные аттракторы самими авторами. Писатель намеренно придает выбранному концепту статус доминанты, чтобы с его помощью привлекать потенциального читателя.

Литература

Даниленко И.А., Замуленко Э.Ю. Дуальный концепт как двухъядерный конструкт в концептосфере художественного произведения // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 44-52.

Даниленко И.А. Выявления концептов-доминант в художественном тексте // Вестник МГОУ. 2022. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Огнева Е.А. Диадный художественный концепт как компонент текстового когнитивного кода // Когнитивные исследования языка. 2023. № 5 (56). С. 243-247.

Тугуз Т.Р. Особенности использования различных типов когнитивных сцен (на материале произведения Г. Джеймса «Крылья голубки») // Лексикография и коммуникация – 2022 / отв. ред. А.П. Седых. Белгород: Белгородский гос. национальный исследовательский ун-т, 2022. С. 124-129.

Иля А. Danilenko (Belgorod, Russia)
Belgorod State National Research University

LITERARY DOMINANT CONCEPT AS A COGNITIVE TEXT ATTRACTOR

The article examines military literary dominant concepts as cognitive text attractors. The literary concept once having acquired the status of a dominant one becomes a cognitive text attractor as well. The dominant literary concept is the “main characteristic” of an particular literary work, the oeuvre of one author or of an entire literary period, which attracts a potential reader. The reader pays attention to the literary concept itself regardless its connotation.

Key words: literary dominant concept, cognitive text attractor, literary text

Е.В. Дзюба (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
dzyuba_ev@spbstu.ru

ВЕКТОРЫ ЛИНГВОКОГНИТИВНОЙ АСИММЕТРИИ И КАРТИНА МИРА

Отмечается, что процессы языковой асимметрии можно рассматривать в разных аспектах, в том числе лингвокогнитивном: как соотношение языка и когниции. Подчеркивается, что лингвокогнитивная асимметрия имеет два вектора развития: от языка к когниции и, наоборот, от когниции к языку. Выделяются виды лингвокогнитивной асимметрии: неинтенциональная и интенциональная.

Ключевые слова: лингвокогнитивная асимметрия, языковая картина мира, научная картина мира, профессиональная картина мира, наивная картина мира, язык и когниция

Асимметрия как одна из важнейших антиномий, лежащих в основе сущностных и функциональных свойств языкового знака, отмечается в работах лингвистов-классиков и современных ученых (В.Г. Гак, С.О. Карцевский, Н.Н. Амосова, В.В. Колесов, З.И. Комарова, Б.Ю. Норман, В.С. Юрченко и др.). Традиционно *асимметрия языкового знака* рассматривается в аспекте различения ядра и периферии, изучения разных типов соотношения означаемого и означающего, осмысления функциональной несоразмерности речевых единиц, понимания неравномерности исторического развития языковых элементов или отдельных сторон языка (динамическая асимметрия), сопоставления расхождений между языками на разных уровнях (сопоставительная асимметрия) [ЛЭС].

С.О. Карцевский подчеркнул: «Обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по «наклонной плоскости реальности... Обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обознача-

емое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак... Именно благодаря этому асимметричному дуализму структуры знаков лингвистическая система может эволюционировать: «адекватная» позиция знака постоянно перемещается вследствие приспособления к требованиям конкретной ситуации» [Карцевский 1965: 93]. З.И. Комарова указала на возможность рассмотрения «асимметричного дуализма языкового знака» не только в его традиционном для семасиологии понимании как феномена, приводящего «к образованию полисемии, омонимии и синкретизма языковых единиц» но также в концептуальном плане, предполагающем асимметрию концептосферы (системы понятий) и терминосферы (терминосистемы)» [Комарова 2012: 674].

Исходя из положения о вариативности языковой картины мира [Дзюба 2016] как одного из важных принципов когнитивной лингвистики, рассматривающей процессы категоризации и концептуализации мира в языковом сознании, можно говорить о двух векторах лингвокогнитивной асимметрии, определяемых направлением процесса познания и «овнешнения» знания в вербальной форме: от языка к когниции и наоборот. Рассмотрим некоторые русскоязычные примеры, иллюстрирующие разнонаправленные процессы развития лингвокогнитивной асимметрии.

Упомянутая А.Д. Шмелевым на конференции «Язык и мир» (Москва, ИЯ РАН, 2023) единица *тело*, по замечаниям исследователя, в медицинском и физическом смысле обозначает совершенно разные объекты. Действительно, *тело* является языковым фактом разных картин мира: научной, профессиональной, бытовой. В разных вариантах научной картины мира тело может быть физическим: *твердые тела, жидкие тела*; астрономическим: *небесные тела (планеты, звезды)*, математическим, или точнее – геометрическим: *геометрические тела, тела вращения*; биологическим – как целое (живой организм) или часть (туловище, корпус): *тело животного, тело человека, части тела человека, строение тела*, в т. ч. в значении «умерший»: *мертвое тело*. В разных вариантах профессиональной картины мира можно наблюдать развитие вторичных значений: так, лексико-семантический вариант «б. Основная часть чего-либо» [МАС] способствует широкому употреблению единицы в разных профессиональных языках: *тело статьи* (типограф.), *тело плотины* (гидрол.), *тело артиллерийского орудия, пушки, пулемета* (о стволе, воен.), *инородное тело* (мед.), *антитела* (во мн. ч., микробиол.), *тело кредита* (финанс.) и т. п. В бытовой картине мира развиваются значения, нередко стилистически маркированные: *тело* как «мясо, мышцы (в т. ч. о дородности: *быть в теле*)» [МАС] или слабохарактерности: *мякотелый* [БТСРЯ]. При этом первичным было слово именно естественного языка: по данным словаря М. Фасмера, *тело* является собственно славянским и восходит к корню со значением «образ, тень, изваяние, остов» и глаголу с семантикой «придавать форму» [Фасмер 1987]; в словаре Н.М. Шанского устанавливается этимологическая связь слова с корнем *tail-*, общим с единицами *тесто, тискать, тесный*; *«тело* буквально – «масса (на костях), которую можно тискать, мять» [ЭСРЯ], т. е. воспринимать предмет и воздействовать на него физически. Заметим попутно, что большая часть значений, которые бытуют в современном языке

и находят свое отражение в научной и наивной картинах мира, фиксируются в толковых словарях русского языка [ТСРЯ, МАС, БУСРЯ], специальные значения, как правило, не приводятся в лексикографических источниках. Таким образом, одна языковая единица, функционирующая в разных картинах мира: научной, профессиональной, бытовой, – может выступать и термином, и профессионализмом, и единицей естественного языка в зависимости от «когнитивного контекста». Н.Н. Болдырев подчеркивает, что направление когнитивной интерпретации зависит от когнитивного контекста, и приводит целый ряд показательных примеров. Так, выражение *избавиться от долгов* приобретает разные значения в академической, финансовой, бытовой сферах; слово *уголовница* может быть общеупотребительным в значении ‘преступница’, но и профессиональным – ‘специалист в области уголовного права’; *маска* может быть «театральной, карнавальной, защитной, противовирусной, косметической, кислородной, для подводного плавания, сталевара, сварщика» (см. подробнее в: [Болдырев 2016: 13-14]).

Противоположный процесс (движение от когниции к языку) обнажается при анализе единиц, функционирующих в разных картинах мира, но референциально относящихся к одному объекту. Классическими стали примеры Н.Н. Болдырева, также иллюстрирующими данный тип асимметрии, при котором существует множество номинаций одного объекта: механизм, посредством которого человек может управлять техническими средствами, в разных областях назван по-разному: *руль, штурвал, пульт управления*; одно и то же вещество в бытовой сфере называется *пищевой содой*, его терминологические названия: *гидрокарбонат натрия, двууглекислый натрий, бикарбонат натрия* [Болдырев 2014]. И этот факт объясняется отнюдь не развитием синонимии, но именно тем, что та или иная единица в данном случае является элементом единой системы – терминологической (в научной картине мира) или номенклатурной (в профессиональной картине мира).

Наличие нескольких наименований (языковых единиц) у одного объекта реального мира может быть характерно для целых групп объектов (категорий): наименования лекарственных препаратов (название фармакологическое и торговое), лекарственных трав (народное и медицинское), минералов (народное, профессиональное – у камнерезов, например, и геологическое) и т. п. Приведем примеры из названных лексических категорий: *алоэ древовидное (aloe arborescens)* имеет также народное название *столетник*, *Ива белая (Salix alba)* по-народному называется *ветла*; *метамизол натрия* известен как *анальгин*, *дротаверин* как *но-шпа*, *хлоропирамин* как *супрастин*; известное многим быденное название камня *фианит* представляет собой сложносокращенное образование от наименования Физического института Академии наук (ФИАН), в научной сфере этот минерал называется диоксидом циркония (за рубежом минерал известен как *цирконит*); наименование ткани *лавсан* является аббревиатурой от названия Лаборатории ацетатных волокон Сибирского отделения Академии наук. В кулинарной картине мира имеются разные наименования одного и того же продукта: *душица* и *орегано*, *тимьян* и *чабрец*, *аспарагус* и *спаржа*, *тархун* и *эстрагон*. При этом

можно наблюдать устойчивую закономерность: при приготовлении напитков используется одно название, в приготовлении блюд – другое (*чай с чабрецом — соус с тимьяном*).

Важно заметить, что процессы развития асимметрии языка и когниции могут быть как естественными (неинтенциональными), обусловленными закономерностями развития научной отрасли и ее терминосистемы, так и намеренными (интенциональными). Интенциональная номинация, как правило, обусловлена сложностью научных наименований и большей доступностью вторичного наименования для понимания широкой аудиторией неспециалистов. Подчеркнем еще раз: лингвокогнитивная асимметрия (асимметрия языка и когниции) в данном случае не то же самое, что процессы развития лексической синонимии и полисемии. Вряд ли целесообразно называть синонимами *хлоропурамин* (*Chloropyraminum*) и *супрастин*, ведь это названия одного того же объекта реального мира, но номинация в данном случае обусловлена именно спецификой картины мира: в фармакологии используются корни наименований химических элементов (это требование терминосистемы в целом), в торговой номенклатуре выбираются иные наименования, более простые и легче запоминающиеся для неспециалистов.

Итак, процессы языковой асимметрии целесообразно рассматривать в лингвокогнитивном аспекте – как корреляцию (часто неравномерную) языка и когниции. Лингвокогнитивная асимметрия имеет два вектора развития: от языка к когниции (язык предоставляет готовые лексические ресурсы для выражения нового знания) и наоборот: от когниции к языку (процесс познания объекта и наделяния его именем осуществляется строго в рамках отдельной картины мира, в соответствии с ее закономерностями). На этот процесс оказывают влияние разные факторы как естественного характера (неинтенциональная асимметрия), так и искусственного, заданного условиями той или иной картины мира (интенциональная асимметрия).

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. Тамбов: ТГУ им. Г.П. Державина, 2014.

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovjy-slovar>.

БУСРЯ — Большой универсальный словарь русского языка / В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-universalnyj-slovar-russkogo-yazyka>.

Гак В.Г. Об использовании идеи симметрии в языкознании // Лексическая и грамматическая семантика романских языков. Калинин: КГУ, 1980.

Дзюба Е.В., Чудинов А.П. Типы лингвокогнитивной категоризации в русской языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. 2016. № 24. С. 238-247.

Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. С. 85-93.

Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в

лингвистике: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 4. М.: ГИС, 1940.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М.: Прогресс, 1987.

ЭСРЯ – Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. М.: Прозерпина: ТОО «Школа», 1994.

Elena V. Dziuba (Saint Petersburg, Russia)

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University

VECTORS OF LINGUOCOGNITIVE ASYMMETRY AND THE WORLDVIEW

It is noted that the processes of linguistic asymmetry can be considered in different aspects, including linguocognitive: as a correlation between language and cognition. It is emphasized that linguocognitive asymmetry has two directions in its development: from language to cognition and vice versa, from cognition to language. The following types of linguocognitive asymmetry are distinguished: nonintentional and intentional.

Key words: linguocognitive asymmetry, linguistic worldview, scientific worldview, professional worldview, naive worldview, language and cognition

М.А. Духнова (Пермь, Россия)

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
mariya.dukhnova@yandex.ru*

Е.В. Ерофеева (Пермь, Россия)

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
elena.v.erofeeva@yandex.ru*

КОГНИТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ ГАРМОНИИ И ФОРМЫ В СТИХОТВОРЕНИЯХ МАНДЕЛЬШТАМА «РАКОВИНА»

В статье рассматриваются когнитивные метафоры гармонии и формы в стихотворении О. Мандельштама «Раковина». Наиболее значимыми фреймами областей-источников для метафоры гармонии является СВЯЗЬ, а для метафоры формы – ВМЕСТИЛИЩЕ и ВОДА. Связь метафор в поэтическом тексте осуществляется за счет фрейма РЕЛИГИЯ, который входит в область-источника обеих метафор.

Ключевые слова: Мандельштам, поэзия, «Раковина», когнитивная метафора, структура

Введение

Метафора в поэтическом тексте выполняет без преувеличения текстообразующую функцию, поскольку поэзия по своей сути – это речь метафорическая. «В искусстве создание образа, в том числе и метафорического, венчает творческий процесс. Художественная мысль не отталкивается от образа, а устремляется к нему. Метафора – это и орудие, и плод поэтической мысли... Метафора органически связана с поэтическим видением мира. Само определение поэзии иногда дается через апелляцию к метафоре» [Арутюнова 1999: 380]. Поэтическая метафора

изучалась огромным количеством искусствоведов, литературоведов и лингвистов, однако в основе ее лежат те же когнитивные механизмы, которые обеспечивают процесс познания мира и возможность переноса известного на неизвестное. Поэтому в современной лингвистике изучение поэтической метафоры в рамках когнитивного подхода не является редкостью (см., например, в [Рябых, Фесенко 2006; Толочин 1996]).

Когнитивная метафора позволяет осмыслить одну область знаний через другую, при этом моделирование когнитивной метафоры предполагает выделение области, из которой берутся определенные представления (т. е. области-источника), и области, на которую эти представления переносятся (т. е. области-мишени), а также анализ структур этих областей и связей между их элементами [Джонсон, Лакофф 2021] (см. также [Болдырев 2007; Кубрякова, Демьянков 2007]). Именно в этом ключе рассматриваются в данной статье поэтические метафоры у О. Мандельштама.

Метафоры в поэтических текстах Мандельштама играют огромную роль: по замечанию Б.А. Успенского, «поэзия Мандельштама насыщена метафорами – настолько, что метафоры могут составлять... фактуру мандельштамовского стиха» [Успенский 2018: 8]. В.М. Жирмунский отмечает, что в метафорах и сравнениях Мандельштам сопоставляет самые отдаленные друг от друга понятия, фантастически неожиданные, относящиеся к по существу своему отдельным областям бытия [Жирмунский 2001: 94]. Сам же Мандельштам, вполне в духе когнитивной парадигмы, писал о метафоре следующее: «...Для нашего сознания (а где взять другое?) только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть – сравнение» [Мандельштам 1987: 161]. Поэтому изучение метафоризации в поэзии Мандельштама актуально не только для исследования роли метафоры в русской поэзии XX в., но и для понимания механизмов когниции в целом. Конкретным предметом исследования в настоящей работе является структура когнитивных метафор гармонии и формы в стихотворении Мандельштама «Раковина» (1911 г.), а также связей между этими метафорами в данном поэтическом тексте. Гармония и форма рассматривались как области-мишени когнитивных метафор.

Методы исследования

В стихотворении «Раковина» были выделены все компоненты текста (лексические единицы и их сочетания), которые служили для выражения идей гармонии и формы. Например, само название «Раковина» и упоминание раковины в стихотворении – это выражение идеи формы; эту же идею выражают и такие лексемы как *риза, оденешь, колокол, стены, дом* и др. Идея гармонии выражается через лексемы *петь, полюбить, рядом, свяжешь, наполнишь* и др. Всего было выделено 9 компонентов, выражающих идею гармонии, и 22 компонента, выражающих идею формы.

Выделенные компоненты текста анализировались с помощью контекстного семантического анализа: производилось отнесение компонентов текста к семантическим группам, которые рассматривались как фреймы области-источника

(при этом один компонент мог быть отнесен сразу к нескольким фреймам). Оценивался объем фреймов и их включенность в обе или только в одну из когнитивных метафор и связь метафор в рамках одной строки стихотворения.

Когнитивная метафора гармонии

Идея гармонии воплощается в следующих отрывках стихотворения: *И неговорчиво поешь, / Но ты полюбишь, ты оценишь; Ты на песок с ней рядом ляжешь, / Оденешь ризою своей, / Ты неразрывно с нею свяжешь / Огромный колокол зыбей; Наполнишь шепотами пены...*

Гармония выражается здесь лексемами, входящими в следующие семантические группы (фреймы): МУЗЫКА (*поешь, колокол*); ЭМОЦИЯ (*полюбишь, оценишь*); СВЯЗЬ (*полюбишь, рядом, оденешь ризою своей, свяжешь, неразрывно*); РЕЛИГИЯ (*оденешь ризою своей, колокол*); НАПОЛНЕНИЕ (*наполнишь*). Объемы фреймов представлены в Табл. 1.

Таблица 1. Объемы фреймов области-источника в когнитивной метафоре гармонии, абс.

Фрейм	Объем
СВЯЗЬ	5
МУЗЫКА	2
РЕЛИГИЯ	2
ЭМОЦИЯ	2
НАПОЛНЕНИЕ	1

Как видим, частотность фреймов невелика, что и понятно, так как мы имеем дело только с одним не слишком большим текстом. Тем не менее видно, что наиболее важным фреймом области-источника метафоры гармонии является фрейм СВЯЗЬ, который иногда выражается совместно с другими фреймами, такими как ЭМОЦИЯ и РЕЛИГИЯ.

Таким образом, чаще всего идея гармонии выражается в тексте стихотворения через установление связи и поддерживается с помощью упоминаний музыки, религии и эмоций (в первую очередь – любви).

Когнитивная метафора формы

Идея формы реализуется в стихотворении «Раковина» в большей части строк стихотворения. Например: *Ночь; из пучины мировой, / Как раковина без жемчужин, / Я выброшен на берег твой. / Ты равнодушно волны пенишь...; Огромный колокол зыбей, / И хрупкой раковины стены, / Как нежилого сердца дом... и др.*

Здесь выделяются такие фреймы области-источника как ВОДА (*из пучины мировой, берег, волны, пенишь, зыбей, пены, туманом, дождём*), ВМЕСТИЛИЩЕ (*из пучины мировой, раковина, раковины – 2, оденешь ризою своей, колокол, стены, дом, наполнишь*), ПУСТОТА (*без жемчужин, ненужной, ложь, хрупкой, нежилого*), РЕЛИГИЯ (*оденешь ризою своей, колокол*). Объемы фреймов представлены в Табл. 2.

Из Табл. 2 видно, что, во-первых, метафора формы реализуется в исследуемом поэтическом тексте очень часто (можно сказать, является ведущей в данном тексте), а во-вторых, четко выделяются два основных фрейма области-источника этой метафоры – ВМЕСТИЛИЩЕ и ВОДА, к которым примыкает достаточно

часто реализуемый фрейм ПУСТОТА.

Таблица 2. Объемы фреймов области-источника в когнитивной метафоре формы, абс.

Фрейм	Объем
ВМЕСТИЛИЩЕ	9
ВОДА	8
ПУСТОТА	5
РЕЛИГИЯ	2

Таким образом, идея формы реализуется через ее предназначение быть заполненной, что поддерживается образами воды, которая, с одной стороны, может принимать любую форму, с другой – не может хранить форму без сосуда-вместилища.

Взаимосвязь метафор гармонии и формы

Взаимосвязь метафор гармонии и формы обеспечивается в поэтическом тексте через общий фрейм области-источника, которым является фрейм РЕЛИГИЯ, объединяющий обращение одновременно и к форме, и к гармонии.

Кроме того, связь между метафорами осуществляется и за счет компонента *наполнишь*, который попадает в разные фреймы области-источника у метафор гармонии и формы: в структуре метафоры гармонии он относится к фрейму ДЕЙСТВИЕ, а в структуре метафоры формы – к фрейму ВМЕСТИЛИЩЕ.

Выводы

Метафоры гармонии и формы являются важными для стихотворения Мандельштама «Раковина». Структура когнитивной метафоры формы показывает, что основными фреймами области-источника являются фреймы ВМЕСТИЛИЩЕ, ВОДА и ПУСТОТА. Структура метафоры гармонии включает как наиболее значимый фрейм СВЯЗЬ, наименее значимым, используемым только один раз является фрейм НАПОЛНЕНИЕ. Возможно, его единичность показывает, что достижение гармонии возможно только при наполнении пустоты формы. При этом фрейм РЕЛИГИЯ связывает метафоры гармонии и формы, будучи использованным как фрейм области-источника в обоих.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (013). С. 17-27.
- Жирмунский В.М. Поэтика русской поэзии. СПб.: Азбука, 2001.
- Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 8-16.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. М.: ЛКИ, 2021.
- Мандельштам О. Слово и культура. М.: Советский писатель, 1987.
- Рябых Е.Б., Фесенко Т.А. Способы метафоризации концептов природных явлений в русскоязычном поэтическом дискурсе // Вестник Тамбовского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2006. Вып. 2 (42). С. 213-217.
- Толочин И.В. Метафора и интертекст в англоязычной поэзии: лингвостилистический аспект. СПб.: СПбГУ, 1996.

Успенский Б.А. Исследования по русской литературе, фольклору и мифологии. М.: Common place, 2018.

*Mariia A. Dukhnova (Perm, Russia)
Perm State National Research University
Elena V. Erofeeva (Perm, Russia)
Perm State National Research University*

COGNITIVE METAPHORS OF HARMONY AND FORM IN MANDELSTAM'S "THE SHELL"

The article discusses the cognitive metaphors of harmony and form in Mandelstam's poem "The Shell". In the source areas the most important frame for the metaphor of harmony is CONNECTION, and the most important frames for the metaphor of form are CONTAINER and WATER. The connection of metaphors in a poetic text is actualized due to the frame of RELIGION, which is included in the source area for both metaphors.

Key words: Mandelstam, poetry, "Shell", cognitive metaphor, structure

*Дяо Жуй (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
st112868@student.spbu.ru*

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЕННОСТИ И РОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВА «ФЕРЗЬ»)

В статье рассматривается категория одушевленности и рода в русском языке с точки зрения персонификации. Примерами из НКРЯ подтверждается вариативность категории одушевленности и рода в слове *ферзь*, указывается динамичное развитие вариативности этих категорий. Показан существующий элемент персонификации и ее роль в понимании вариативности в категории одушевленности и рода.

Ключевые слова: категория одушевленности, категория рода, женский род, персонификация, ферзь

Грамматическая категория одушевленности / неодушевленности связана с разделением человеком окружающего мира на живое / неживое с лексико-семантической точки зрения. А с точки зрения грамматической формы, одушевленность определяется формой винительного падежа. Следует отметить, что существует несовпадение между лексическим и грамматическим значением среди некоторых групп слов, к которым относится группа игровой лексики. Категории рода и одушевленности в некоторой степени связаны друг с другом. Обе они отражают способы познания человеком окружающего мира в отношении наделяния предметов человеческими свойствами, т. е. персонификацией: «многие лингвисты объединяют оппозиции по роду и по одушевленности-неодушевленности в один разряд родовых категорий, основываясь на их тесном формально-семантическом переплетении» [Гин 1992: 16].

Персонификация трактуется Т.В. Жеребило как «олицетворение, наделяние животных, предметов, явлений природы человеческими свойствами, а также вы-

ражение отвлеченных понятий в образе человека; широко распространена в мифах, притчах и сказках народов мира; близкий метафоре троп, связанный с перенесением на неживой предмет функций живого лица» [Жеребило 2010: 260]. Ее рассматривают как подвид метафоры в соответствии с утверждением Дж. Лакоффа и М. Джонсона, что «к наиболее очевидным онтологическим метафорам относятся случаи, когда материальный объект интерпретируется как человек» [Лакофф 2004: 59]. Как наиболее очевидная онтологическая метафора, персонификация, без сомнения, является фундаментальным и важным механизмом познания человеком окружающего мира.

Ферзь – название самой сильной фигуры в шахматной игре, королева [МАС: 558]. Являясь фигурой в шахматной игре, ферзь лексико-семантически понимается как неживой предмет, а на грамматическом уровне он выражается противоречиво: *пожертвовать ферзя, взять ферзя*. Иначе говоря, грамматически он выступает как одушевленное слово.

Материалом анализа в работе являются письменные примеры со словом *ферзь*, которые были собраны в НКРЯ (Национальный корпус русского языка) методом сплошной выборки.

По примерам видно, что человек склонен познавать мир с помощью персонификации, наделять признаками и чувствами предметы, которые тесно связаны с ним или играют важную роль в жизни. Например:

Но коварная ферзь противника внезапно находит путь откуда-то сбоку... погибает слабый и скверный игрок – получает его деревянный король мат. [М.А. Булгаков. Белая гвардия (1923–1924)]. *Порой, с того места, где мы сидели в холодном моем кабинете, я мог слышать..., слово пугая эти отдаленные стуки с ужасными ударами, наносимыми ему тараном моего грозного ферзя.* [В.В. Набоков. Лолита [автоперевод с английского] (1967)].

В этих примерах ферзь выступает как фигура шахматной игры, но уже с человеческими признаками: *коварная* и *грозный*. А в первом примере ферзь уже действует как человек, который *находит путь*.

Как мучительна бывала борьба с ферзем белых, когда нужно было ограничить его мощь во избежание двойного решения! [В.В. Набоков. Другие берега [переработанный автоперевод с английского].

В этом примере ферзь является активным участником человеческого действия. В качестве участника борьбы, ферзь совершает действие самостоятельно как человек. Персонифицированный ферзь в шахматной игре объясняется тем, что в особом игровом пространстве, изолированном от реального мира, фигура представляет собой главного героя в нем: «определяющим здесь является не сама характеристика действительности, а позиция говорящего, его фокус зрения» [Мкртычян 2021]. Игра создает условие для того, что ферзь понимается и функционирует как человек.

В вышеупомянутых примерах ферзь выступает как фигура шахматной игры, т. е. в своем прямом значении. Кроме того, существуют случаи, когда ферзь понимается и употребляется в переносном значении: *Хорошо также отправить к чертям собачьим босса Михаила, посылающего меня в тюрьму мановением*

длани, а также и весь бизнес, высасывающий душу, гнобящий совесть, – и без того она вся в дырах... Но нет, нельзя; не сумею; не решусь. Пешки назад не ходят. Они или гибнут, или обращаются в могущественных **ферзей** [Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)]. Ленин больше не был **ферзем** – и, наверное, его и в самом деле можно было увозить из комнаты с газетами, даже если он требовал там остаться: режим есть режим. [Л.А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок (2017)].

В этих примерах ферзь уже превратился в существительное, обозначающее человека с определенными свойствами. Можно сказать, что в процессе переноса значения проявляется стремление человека к введению предметов окружающего мира в познание для описания какого-то свойства человека по образному методу, процесс которого, по сути своей, персонифицирован.

Важно отметить, что этому несколько противоречит тот случай, когда в конструкции «глагол + в ферзи» ферзь употребляется как неодушевленное существительное. Например: *Им играли, как шахматной пешкой, и то, что пешке удалось выйти в ферзи, – всего лишь случайность.* [Борис Васильев. Вещий Олег (1996)]. *Братъ на d4 белые не могут из-за 37...e3, и пешка проходит в ферзи.* [Борис Гельфанд. Бермудское постоянство (2004) // «64 — Шахматное обозрение», 15.02.2004].

Подобная конструкция также типична для существительных, обозначающих человека (*выйти в люди*). А что касается показателя неодушевленности в такой конструкции, то считают, что «форма множественного числа стимулирует нарастание степени отвлеченности значения [Нарушевич 2006].

Лексико-грамматическая категория рода является «наиболее характерным морфологическим признаком» [Лысков 1926: 23] имен существительных и «наименее логичной и самой неожиданной из категорий» [Мейе 1938: 202].

Существует несколько точек зрения на происхождение данной категории. Одни лингвисты полагают, что категория рода в языке соответствует биологическим полам и отражает признак пола. По Я. Гримму, «все большое, быстрое, активное относилось к мужскому роду, все малое, спокойное, пассивное — к женскому, а все искусственное, собирательное — к среднему» [цит по: Гин 1992: 17]. Подобно точке зрения Гримма, Г. Пауль утверждает, что род представляет собой распространение биологического пола на любую вещь с помощью фантазии, «воспринимающей эти явления по аналогии с человеческой личностью» [Пауль 1960: 316]. Другие ученые отмечают, что в категории рода проявляется «система пережившей себя догмы, догмы бессознательного» [Сепир 1993: 2]. Кроме того, лингвисты пытались объяснить категорию рода с морфологического (род рассматривается как формальная категория, в которой род определяется соответствующими окончаниями) и синтаксического аспектов (род тесно связан с другими частями речи, он определяется в зависимости от других частей речи).

В словарях русского языка (МАС, словарь Ушакова, словарь Ожегова) *ферзь* фиксируется как слово мужского рода. Однако заметим, что существует вариативность категории рода в слове *ферзь*: *В замешательстве, едва дыша, я*

взяла *ферзь*, двинула его куда-то через всю шашечницу. [И.С. Тургенев. Несчастливая (1868)]. Но коварная *ферзь* противника внезапно находит путь откуда-то сбоку, проходит в тыл и начинает бить по тылам пешки и коней и объявляет страшные шахи, а за ферзем приходит стремительный легкий слон – офицер, подлетают коварными зигзагами кони, и вот-с, погибает слабый и скверный игрок – получает его деревянный король мат. [М.А. Булгаков. Белая гвардия (1923–1924)]. Он молчал, трудясь над задачей, которую я поставил ему *ферзью* и конем. [А.С. Грин. Бегущая по волнам (1926)].

Отметим, что ферзь в женском роде появляется и употребляется лишь как отдельное явление. Примеры показывают, что ферзь в женском роде является устаревшим вариантом, который уже не встречается после первой четверти XX в.

Основываясь на вышесказанном, можно заключить, что в слове *ферзь* существует вариативность как категории одушевленности, так и категории рода. Данная вариативность находится в динамичном развитии. Вариативность в категории одушевленности до сих пор существует и оказывает активное влияние на строение и функционирование языка в морфологическом и синтаксическом аспекте. В основе данной вариативности лежит персонификация: человек одушевляет неживую фигуру игры и сближает фигуру с личными существительными в грамматических конструкциях. Что касается вариативности в категории рода, то можно сказать, что закончился путь слова *ферзь* к однородности, т. е. мужскому роду. Устаревшим вариантом стал *ферзь* в женском роде, в котором также проявлялся элемент персонификации.

Литература

- Гин Я.И. Поэтика грамматического рода. Петрозаводск: КГПИ, 1992.
Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пиллигрим, 2010.
Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004.
Лысков И.П. О частях речи. Опыт характеристики их природы морфологической, синтаксической и семасиологической. М.: Изд. авт. И.П. Лыскова, 1926.
Мкртычян С.В. Грамматическая категория одушевленности / неодушевленности в прагматическом аспекте // Вестник Тверского гос. ун-та. 2021. № 2 (69). С. 45-51.
Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938.
Нарушевич А.Г. Проявление категории одушевленности-неодушевленности имен существительных в предложно-падежных формах // Известия ТРТУ. 2006. № 2 (57). С. 54-59.
Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Высшая школа, 1960.
Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993.
Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1999.

Diao Rui (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

COGNITIVE ANALYSIS OF THE CATEGORY OF ANIMATION AND GENDER IN THE RUSSIAN LANGUAGE (BY THE EXAMPLE OF THE WORD “FERZ”)

In the article the category of animacy and gender in the Russian language are being considered from the point of view of personification. Examples from the Russian National Corpus confirm the variability of the category of animation and gender in the word *ferz*, and the dynamic development in the variability of these categories is indicated. The existing element of personification and its role in

understanding variability in the categories of animation and gender are shown.

Key words: category of animacy, category of gender, feminine gender, personification, ferz

Ю.Н. Епринцева (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
eprintsevajulie1989@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКА СУБЪЕКТА»

В статье рассматриваются семантические и структурные особенности фразеологизмов, выражающих эмоциональную оценку субъекта. Акцент делается на динамическом аспекте исследования, а именно: важным представляется сам процесс образования фразеологизмов (фразеологизация). Делается попытка обнаружить когнитивные причины образования фразеологических единств и фразеологических сращений. Выявляется связь между процессом концептуальной интеграции и фразеосемантической деривации.

Ключевые слова: фразеологизация, эмоциональная оценка, соматизм, фразеологическая деривация, фразеосемантическая деривация, базовый компонент, формирующая часть

Французская лексика, отражающая эмоциональную оценку субъекта, является в высокой степени продуктивной для образования французских фразеологизмов. Соматизмы являются той группой лексем, в которой в процессе фразеологизации, эксплицируются компоненты значения «эмоциональная оценка». Именно поэтому объектом исследования являются соматизмы как составляющие фразеологизмов.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что несмотря на многочисленные работы отечественных и зарубежных ученых отдельные аспекты функционирования фразеологизмов-соматизмов требуют дополнительного углубленного изучения. В частности, важной задачей является изучение композиционной семантики фразеологизмов. В большинстве предыдущих исследований акцент делался на изучении уже сформированных фразеологизмов, в то время как сам процесс конструирования фразеологизма оставался малоизученным. Цель статьи – обнаружить когнитивные причины ориентации процесса фразеологизации в сторону фразеологических единиц или фразеологических сращений. Достижение этой цели предполагает решение следующих задач: 1) осуществить семантический анализ фразеологизмов; 2) дифференцировать фразеологическую и фразеосемантическую деривацию; 3) проанализировать процесс концептуальной интеграции и процесс дефокусирования.

Прежде чем перейти к описанию результатов исследования, необходимо уточнить некоторые понятия. В качестве объекта исследования нами были выбраны фразеологизмы с компонентами-соматизмами, которые репрезентируют эмоциональное состояние / оценку субъекта, поскольку относятся к наиболее продуктивным фразеобразующим компонентам во французском языке.

Необходимо отметить, что существует немало работ, посвященных изуче-

нию фразеологизмов с целью выделения в них отдельного компонента. Существует несколько терминов для определения такого компонента. Одним из них является термин фразеолекса, а также недавно появившиеся в теории фразеологии термины базовый компонент фразеологизма (далее – БК) и формирующая часть (далее – ФЧ) [Поляничук 2013; Черникова 2016]. Так, под фразеолексой (термин Н.Н. Кирилловой) принято понимать лексему в несамостоятельной функции, с утраченными и приобретенным во фразеологизме свойствами [Кириллова 2003: 86]. Например, *avoir le coeur gros* «грустить, жить с тяжелым сердцем». В этом фразеологизме фразеолекса «*coeur*» представляет собой ядро внутренней формы, в котором, как представляется, и заключен национальный компонент, образная составляющая. БК отражает общее категориальное значение как в плане семантики, так и в плане синтаксиса, иными словами, представляет собой общую семантическую категорию. БК фразеологизма – это тот компонент, который несет на себе основную семантическую нагрузку. Благодаря своим способностям к метафорической аттракции БК занимает семантически более сильную позицию по сравнению с другим будущим компонентом фразеологизма. БК может совпадать с фразеолексой, например, *les bras lui en tombent* «у него руки опускаются, у него все из рук валится», где существительное *les bras* и БК, и фразеолекса; а может и отличаться от нее, например, *être en (entrer) de bonnes mains* «быть в хороших руках», где *être (entrer)* – БК, а *de bonnes mains* – фразеолекса. Та часть фразеологизма, которая формирует его специфику, называется формирующей частью фразеологизма. Например, *aimer comme les yeux de la tête* «любить без памяти», БК будет глагол *aimer*, а ФЧ здесь представлена словосочетанием *comme les yeux de la tête*.

Процесс образования фразеологизмов достаточно сложен. Процесс фразеологизации вслед за А.М. Мелерович можно охарактеризовать как особый когнитивно-семантический процесс формирования и языкового выражения фразеологических концептов [Мелерович 2008: 21]. Фразеологический концепт представляет собой когнитивную основу развития фразеологического значения, которая имеет сложную многокомпонентную структуру. Проводя анализ такого рода, мы указываем на тот факт, что процесс фразеологизации является процессом вербализации определенных когнитивных признаков, которые изначально структурируют концепты «эмоциональное состояние / оценка» индивидуума. Когнитивные процессы определяют процессы семантического дефокусирования. Применяя механизмы дефокусирования к фразеологическим единицам языка, заметим следующее: переход свободного словосочетания во фразеологическую единицу сопровождается изменением фокуса внимания: понижается степень салиентности некоторых элементов (компонентов) комплексного знака, т. е. происходит их перемещение во вторичный фокус или фон [Ирисханова, 2014].

Перейдем к решению первой задачи, связанной с анализом фразеологизмов в соответствии с семантическим критерием. В данном исследовании нас интересуют фразеологические сращения и фразеологические единства, обладающие высокой и частичной степенью идиоматичности. Приведем примеры фразеоло-

гических единств с компонентом-соматизмом, репрезентирующие эмоциональную оценку субъекта: *un visage de bois* «невозмутимое лицо»; *le visage en compote* «подбитая, расквашенная физиономия»; *coeur d'acier* «безжалостное сердце», «стальной человек» и др. Приведем примеры фразеологических сращений: *rompre la tête à qn* «надоедать кому-либо»? *coeur de lion* «храбрец», *dérider son front* «почувствовать умиротворение» и др. В качестве примера рассмотрим лексическую единицу *le visage*. Исследуемая семема представлена во фразеологических единствах в составе БК (*un visage de bois* «невозмутимое лицо»), где семантический компонент «*visage*» входит в состав БК, а ФЧ представлена существительным «*bois*», которое является зависимым в данной конструкции; в составе ФЧ (*avoir deux visages* «быть двуличным»), в котором БК представлен глаголом *avoir*, а семантический компонент «*visage*» входит в состав ФЧ («*deux visages*»).

Исходя из вышеизложенного, мы можем говорить о наличии следующих возможностей фразеологизации на базе семантических компонентов исследуемого типа: БК (соматизм) + ФЧ (не соматизм); БК (не соматизм) + ФЧ (соматизм).

Таким образом, в зависимости от того, с каким компонентом «будущего» фразеологизма соотносится семантика фразеологизма (с БК или с ФЧ), определяется степень переосмысления семантики фразеологизма и вид семантического дефокусирования: тип 2 в фразеологических единствах, тип 1 в фразеологических сращениях. Семантический сдвиг обеспечивается ассоциативными механизмами, которые включаются в процессе концептуальной интеграции.

В соответствии со следующей из поставленных задач нам необходимо разграничить фразеологическую и фразеосемантическую деривацию. Важным для нас является определить, является ли семантический признак, связанный с соматизмом (концептуализированный признак на когнитивном уровне), релевантным для процесса семантической деривации семемы до ее включения в процесс фразеологизации (фразеологическая деривация), либо он эксплицируется в самом процессе фразеологизации (фразеосемантическая деривация). Как мы увидим в дальнейшем, фразеосемантическая деривация представлена фразеологическими сращениями. Приведем пример такого типа. В состав фразеологического сращения *casser les pieds* «надоедать», входит глагол *casser* «сломать, разбить» (в данном случае мы берем за основу этимологическое значение, так как именно оно лежит в основе метафоры, являющейся механизмом фразеологизации). В процессе фразеологизации происходит переосмысление компонентов ФЕ, которое связано с актуализацией потенциальных сем, не связанных конкретно ни с БК ни с ФЧ, а возникающих как результат семантического дефокусирования, предполагающего наличие не двух, а одного фокуса. Такая фразеоединица демонстрирует высокую степень семантической интегративности и салиентности, а исходная семантика ее составляющих становится потенциальной. БК и ФЧ становятся имплицитными в данном случае. Таким образом, семантические компоненты, отражающие эмоциональное состояние, изначально не присутствуют в свободном словосочетании, лежащем в основе ФЕ, а появляются в самом процессе фразеологизации.

Формула фразеосемантической деривации может быть представлена следующим образом: НОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ + БК р + ФЧ р.

В результате исследования мы пришли к следующим выводам.

1. Семантические компоненты, отражающие эмоциональное состояние, могут не присутствовать в свободном словосочетании, лежащем в основе ФЕ, а появляться в самом процессе фразеологизации как результат актуализации латентных признаков соответствующих концептов.

2. Процесс фразеологизации представлен двумя вариантами: фразеологическая и фразеосемантическая деривация. Критерием их разграничения является наличие семантического сдвига до или после образования фразеологизма.

3. В зависимости от степени концептуальной интеграции определяется степень салиентности компонентов, входящих в состав фразеологических единиц. В свою очередь, на степень спаянности компонентов также влияет перемещение фокуса по отношению к тому или иному компоненту фразеологизма, что представлено во фразеологических единствах, либо полное дефокусирование, что мы видим на примере фразеологических сращений.

Литература

Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Кириллова Н.Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2003.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008.

Поляничук О.Б. Композиционная семантика многозначного производного слова. Воронеж: ВГУ, 2013.

Черникова А.Э. Концептуализация компонентов как основа процесса фразеологизации // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 287-289.

Yulia N. Yepintseva (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

FEATURES OF CONSTRUCTION OF FRENCH PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT “EMOTIONAL ASSESSMENT OF THE SUBJECT”

The article examines the semantic and structural features of phraseological units expressing the emotional assessment of the subject. The emphasis is on the dynamic aspect of the study, namely, the process of formation of phraseological units (phraseologization) itself seems important. An attempt is made to discover the cognitive reasons for the formation of phraseological unities and phraseological fusions. The connection between the process of conceptual integration and phraseosemantic derivation is indicated.

Key words: phraseologization, emotional assessment, somatism, phraseological derivation, phraseosematic derivation, basic component, formative part

КОНЦЕПТ «СОЧИ» В ЗЕРКАЛЕ ГОДОНИМОВ

Статья посвящена изучению концепта СОЧИ сквозь призму годонимии города. Исследуются адресные линейные объекты, воплощающие такие ассоциативные ряды концепта как город-курорт, город-сад, город-госпиталь, город-мечта, туристический город, город у моря, Сочи Олимпийский. Представленное в работе описание топонимического ландшафта предоставляет исследователю возможность для более комплексного и интегрального изучения концепта.

Ключевые слова: линвокультурный концепт, Сочи, годоним, город, улица

Сегодня город Сочи привлекает большое внимание людей, особенно после проведения в 2014 г. Зимней Олимпиады. Он значительно изменился и преобразился за счет реконструктивных мероприятий, проводимых перед Олимпийскими играми. В сознании людей сложились и определенные стереотипы, ассоциации и понятия, связанные с этим городом.

Целью нашего исследования является изучение концепта СОЧИ с точки зрения его топонимической идентификации, а именно через годонимы – линейные адресные объекты. *Методами* исследования послужили картографический, историко-сравнительный, аналитический, были использованы энциклопедические, словарные и архивные *материалы*.

В нашем понимании концепт СОЧИ тесно связан с лингвокультурологией. Ученый лингвист Ю.С. Степанов интерпретирует концепт как культурно-ментально-языковое образование, «сгусток культуры» или «пучок» представлений, понятий, знаний и воображений, которым сопровождается слово [Степанов 1997: 14]. Он также подчеркивает, что не только культура воспринимается индивидом через концепт, но и он сам служит своеобразным доступом к культуре. Годоним, как вид урбанонима, представляет собой линейный адресный объект и находится сегодня под пристальным вниманием лингвокультурологов. Л.В. Егорова пишет о том, что изучении годонимов основывается на его анализе в качестве культурно-мотивированной единицы с учетом его функционирования в рамках лингвокультурного пространства конкретного региона, который сформирован на основе фоновых знаний и представлений о языке местных жителей и характеризуется культурно-историческим своеобразием [Егорова 2018: 226]. Исследователи в области топонимии М.В. Голомидова и А.В. Дмитриева считают, что урбанонимы «вписаны в социокультурный контекст городской жизни и благодаря своей семантике служат носителями целой системы образов и представлений – пространственных, культурных, символических, идеологических, ценностных и др. Они функционируют как средства трансляции культурно-исторической памяти народа и являются частью его культурного капитала [Голомидова, Дмитриева 2023: 145].

Таким образом, при исследовании годонимов в качестве репрезентантов лингвокультурного пространства города Сочи, складывается определенная система представлений о Сочи, его культуре, быте, языке, жителях. И наоборот,

при упоминании о Сочи возникают следующие ассоциации: море, солнце, экскурсии, отдых, пляж, курорт, водопады, кавказская кухня, гостеприимство и др., которые также репрезентированы в названиях улиц. Поэтому при изучении концепта СОЧИ сквозь призму топонимии необходимо рассмотреть историю города, его местоположение и рельеф, население и род занятий, проживающих на данной территории людей.

Город Сочи расположен на Черноморское побережье России в Краснодарском крае. Он является крупнейшим курортным городом и важным транспортным узлом, а также крупным экономическим и культурным центром России. История Сочи началась в 1838 г. с военного поселения времен Кавказской войны. Вокруг названия города ходят легенды и существует много версий. По одной из них он был назван в честь обитавшего в этой местности племени адыгов «соча» (по версии турецкого историка и географа Э. Челеби). Город протянулся практически на 100 км вдоль живописных гор Западного Кавказа и разделен на четыре внутригородских района: Лазаревский, Центральный, Хостинский и Адлерский. В Сочи проживает более 700 тысяч человек, из которых представители более ста национальностей: белорусы, украинцы, греки, армяне, грузины, абхазы, евреи, эстонцы, татары и многие другие. На территории курорта расположено и функционирует около 60 санаториев и пансионатов, свыше 200 памятников истории и археологии, включая загадочные дольмены, средневековые крепости и византийские храмы. Более 80% всей территории города расположены на особо охраняемых природных территориях Кавказского государственного природного биосферного заповедника и Сочинского национального парка. Во время Великой Отечественной войны на курорте была создана госпитальная база на основе санаторно-курортных учреждений, за подвиг медиков и вклад в Победу Сочи награжден орденом Отечественной войны I степени. Круглый год на курорте проводятся многочисленные международные совещания, симпозиумы, выставки, фестивали и спортивные соревнования. В 2014 г. в Сочи успешно были проведены XXII зимние Олимпийские игры, а в 2018 г. город принял матчи Чемпионата мира по футболу. Этот колоритный южный город постоянно притягивает большое количество туристов и разрастается изо дня в день, ежегодно появляются новые дома, улицы, жители.

Отсюда мы делаем выводы о том, что в сознании народа это: 1) город-курорт; 2) культурно-экономический центр России (существует еще одно негласное название – южная столица России), где ежегодно проводятся разнообразные мероприятия мирового масштаба (вследствие возникновения федеральной территории Сириус); 3) город, расположенный среди живописных гор Кавказа; 4) многонациональный город, помимо русских преимущественно заселен адыгами, абхазами, армянами, дагестанцами, чеченцами и др.; 5) город, где можно пройти санаторно-курортное лечение; 6) город-сад с богатой природой и достопримечательностями (национальные парки, заповедники, дендрарий, дольмены, ущелья, водопады и др.); 7) город-госпиталь, поскольку в годы войны на базе санаториев были открыты госпитали; 8) Сочи Олимпийский (после проведения

Зимних олимпийских игр в 2014 г.); 9) туристический город, так как тысячи туристов ежегодно приезжают посмотреть и отдохнуть в Сочи.

Исследуя годонимию Сочи, мы встречаем такие названия улиц как: 1) *Курортный проспект* – главная улица города Сочи, *ул. Гостеприимная*, *ул. Мечтателей*, *ул. Романтиков* *ул. Пляжная ул. Солнечная* – все эти названия связаны с курортом и отдыхом. Так как город-курорт Сочи находится на Черноморском побережье, с этим связан и ряд следующих улиц: *ул. Черноморская*, *ул. Дивноморская*, *ул. Парусная*, *ул. Матросская*, *ул. Моряков*, *Морской переулок*, *Морской бульвар*, *ул. Прибрежная*, *Прибрежный переулок*, *ул. Приморская*, *ул. Прозрачная*, *ул. Набережная ул. Водораздельная*, *Корабельный переулок*; 2) *ул. Санаторная*, *ул. Гостеприимная*, *ул. Медицинская*, *ул. Больничная*, *Лечебный переулок*, *Амбулаторный переулок*, *Минеральный переулок* – эти названия связаны с городом-госпиталем где расположено огромное количество санаториев и пансионатов; 3) Сочи Олимпийский ассоциируется с такими годонимами как *ул. Международная*, *ул. Олимпийская*, *Олимпийский проспект*, *ул. Фигурная ул. Спортивная ул. Хоккейная*; 4) *ул. Туристская* возникла в сознании людей в следствии большого количества туристов, приезжающих в город; 6) улицы *Черкесская*, *Шапсугская*, *Кавказская*, *Черкесский переулок*, *Адыгейский переулок* свидетельствуют о кавказских народах, проживающих на этой территории много лет назад – адыги, шапсуги, абхазы, адыгейцы, черкесы, кабардинцы; 7) улицы *Хадзыженская*, *Хобзинская*, *Нижнехобзинская*, *Хостинская*, *Мацестинская*, *Адлерская*, *Краснополянская*, *Туапсинская* – это названия населенных пунктов, расположенных вблизи Сочи (его административные районы – Лазаревский (*ул. Лазарева*), Хостинский, Адлерский и Центральный); 8) разнообразный горный рельеф Сочи стал причиной возникновению огромного количества улиц с таким названием как *ул. Высотная*, *ул. Высокая*, *ул. Нагорная*, *ул. Подгорная*, *Подгорный переулок*, *ул. Новогорная*, *ул. Верхний тупик*, *ул. Альпийская ул. Гористая*, *ул. Лысая гора*, *ул. Ломанная*, *ул. Поперечная*, *ул. Параллельная*, *ул. Линейная*, *ул. Круговая*, *Нагорный переулок*, *Горный переулок*, *ул. Нагорный тупик*, *ул. Перевальная* и отдельно хотелось бы выделить улицы, связанные с ассоциативным рядом городсад – *ул. Гранатная*, *ул. Вишневая*, *ул. Абрикосовая*, *ул. Виноградная*, *ул. Ромашек*, *ул. Роз*, *ул. Кипарисовая*, *Миндальный переулок*, *ул. Клубничная*, *ул. Фруктовая* и др. Всего насчитывается более 80 годонимов. Поскольку город разрастается день за днем, отследить появление новых улиц достаточно сложно, вот лишь несколько интересных названий улиц, возникших недавно: *ул. Мятная*, *ул. Оливковая*, *ул. Пальмовая* и др. Следует также сказать и о годонимах, посвященных деятелям искусств, революционерам, героям войн и др., тесно связанных с историей региона и страны: *ул. Орджоникидзе*, *ул. Суворова*, *ул. Войко*, *ул. Ленина*, *ул. Разина*, *ул. Малышева*, *ул. Лизы Чайкиной*, *ул. Гагарина*, *ул. Гастелло*, *ул. Калараи*, *ул. Павлова ул. Союзная*, *ул. Советская*, *ул. Октябрьская*, *ул. Коммунистическая*, *ул. Коммунаров* и др. Как и в любом другом городе, известные личности, память о которых должна быть увековечена, непосредственно связана с годонимией определенного региона.

Таким образом, исследуя топонимы города Сочи мы пришли к определенным выводам. Концепт СОЧИ включает следующий ассоциативный ряд понятий: 1) город-курорт (включая и горнолыжный курорт); 2) город-сад; 3) город-госпиталь; 4) город-море; 5); город-горки (связан с гористой местностью); 6) город-бизнес-центр (связан с Сириусом); 7); кавказский город; 8) туристический город; 9) гостеприимный город; 10) олимпийский город; 11) город-мечта.

В заключение хочется отметить, что для более комплексного и интегрального изучения определенного лингвокультурного концепта, связанного с топонимическим ландшафтом, необходимо проанализировать топонимию региона, поскольку она накладывает определенный отпечаток на видение действительности в ментальном пространстве человека и способствует более полному раскрытию языковой картины мира, национального менталитета и культурно-исторической специфики определенного региона.

Литература

Голомидова М.В., Дмитриева А.В. Отражение территориальной идентичности в топонимическом ландшафте малых городов Урала // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20. № 2. С. 144-173.

Егорова Л.В. К вопросу изучения топонимов в современной парадигме лингвистических исследований // Вестник Чувашского гос. ун-та. 2018. № 2. С. 224-233.

Зубцов А.С. Лингвистическая периферия концепта «Курорт Сочи»: данные ассоциативного поля // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2005. № 6. С. 56-67.

История улиц города курорта Сочи: презентация / сост. С.В. Попова, Ю.И. Машанова, Т.В. Салова. URL: <https://library-sochi.ru/pic/f-640.pdf>.

Самситова Л.Х. Байназарова Г.М. Понятие концепта в лингвокультурологии: история развития, структура, классификация // Вестник Башкирского гос. ун-та 2014. Т. 19. № 4. С. 1373-1378.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997.

Tatyana L. Zenkova (Sochi, Russia)
Sochi State University

THE CONCEPT “SOCHI” IN THE MIRROR OF GODONYMS

This work is devoted to the study of the concept SOCHI through the prism of the city's godonymy. The studied address linear objects represent such associative series of the concept as resort city, garden city, hospital city, dream city, tourist city, city by the sea, Sochi Olympic. The presented description of the toponymic landscape gives the researcher an opportunity for a more comprehensive and integral study of the concept.

Key words: linguacultural concept, Sochi, godonym, city, street

МНОГОЯЗЫЧНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ СТАНДАРТИЗАЦИИ И УНИФИКАЦИИ

Статья посвящена проблеме сравнительно-сопоставительного изучения терминосистем, обслуживающих потребности современной лингвистики. Изучение терминологии в этом аспекте дает возможность в перспективе найти решения, обосновывающие принципиальную возможность стандартизации и унификации лингвистической терминологии, используемой как в русском, так и в зарубежном языкознании.

Ключевые слова: терминология, термин, метаязык, унификация, стандартизация

Интерес к терминологии восходит еще к временам античности. Древние говорили: «Ignoratis terminis artis, ignoratur et ars» («Если терминология данного предмета неизвестна, неизвестен и сам этот предмет»), подчеркивая тем самым важность изучения терминологического аппарата науки, без знания которого невозможно усвоение ее базовых положений.

В наши дни исследование терминологии представляет интерес как с позиций осмысления процессов терминообразования, так и с практической точки зрения, ибо оно предполагает решение задач, «связанных с упорядочением терминосистем, стандартизацией терминов, с необходимостью переиздания существующих терминологических словарей, справочников, перечней и т. д.» [Потапова 2001: 289].

Терминология является краеугольным камнем метаязыка любой области человеческого знания, в том числе и языкознания, однако эти понятия не тождественны. Метаязык лингвистики представляет собой сложный, многосоставный пласт языка, ориентированный на выполнение ряда прикладных задач, стоящих перед лингвистикой как наукой. Он включает помимо единиц общенаучной лексики номенклатурные знаки-номены, число которых необозримо велико и с трудом поддается систематизации, а также терминологию, представляющую собой стержень всякого функционально ориентированного формализованного языка, обслуживающего потребности соответствующей отрасли науки. Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что изучение метаязыка научной отрасли начинается с анализа и систематизации терминологии и заканчивается ее стандартизацией и унификацией. Практическим результатом такой работы являются одно- или многоязычные отраслевые словари специальных терминов, ориентированные на достижение различных целей: репрезентацию базового терминологического корпуса какого-либо отдела науки или же изложение основных положений этой науки через дефинирование понятий, номинируемых посредством терминологии.

Очевидно, что причина, по которой лингвистика, как и любая другая научная дисциплина, на известном этапе своего развития стала нуждаться как в собственной терминологии, так и в своем метаязыке, состоит в том, что в ходе своей

эволюции накопленное ею научное знание, достигнув определенной стадии зрелости, вынуждено было искать знаковую систему, язык своего выражения. А.С. Герд отмечает, что существуют и различаются между собой разные формы знакового представления научного знания: «1) сам код, язык для записи содержания знания в виде символов, слов, словосочетаний, предложений, знаков их связи и т. п.; 2) различные типы текстов, в которых находит свое оформление научное знание в том или ином языке; 3) логико-понятийная система знания; 4) терминосистема» [Герд 1993: 30].

Полемика среди лингвистов, связанная с проблемами унификации и стандартизации терминологического языка лингвистики, имеет давнюю историю и представлена целым спектром точек зрения на самую возможность унификации лингвистической терминологии, зачастую совершенно полярных. На начальном этапе становления лингвистики как науки в части формирования ее терминологического аппарата преобладал прескриптивный подход, в рамках которого, как тогда казалось, можно совместить применяемую терминологию с универсальным набором понятий по принципу «один к одному», тем более что элементарные понятия и их лексико-терминологические эквиваленты были разработаны еще во времена античности. Позднее, когда бурный рост знаний о языке привел к появлению множества новых понятий и терминов, вводимых приверженцами различных лингвистических направлений и школ, повсеместно укрепилось мнение о практической невозможности унификации терминологии языкознания как в целом, так и в какой-либо его части. Преобладающей стала точка зрения дескриптивистов, полагающих наиболее рациональным способом решения терминологической проблемы фиксирование и описание уже имеющейся терминологической базы. В практическом плане такой подход предопределил появление целого ряда словарей лингвистических терминов, объектом описания в которых явились терминологические обозначения, во множестве встречающиеся в лингвистической литературе.

В настоящее время в развитии терминологии языкознания достаточно четко просматриваются две тенденции: 1) неуклонный рост числа новых терминов, связанный с появлением не существовавших ранее направлений в лингвистике, и 2) расширение количества и объема понятий, выражаемых через посредство уже существующих терминов. Обе эти тенденции, будучи реализованы на практике, приводят к появлению большого количества терминов-дублетов (материальный результат неконтролируемого терминотворчества ученых-лингвистов), непоследовательности в употреблении уже существующей терминологии.

Выход из ситуации, сложившейся в сфере лингвистического терминообразования и терминопользования, видится, на наш взгляд, в поиске таких путей, следование которым позволило бы доказательно обосновать принципиальную возможность унификации и стандартизации терминологического массива, применяемого не только в русском, но – шире – и в европейском языкознании. Теоретическая актуальность такой работы определяется в числе прочего тем, что до сих пор еще остаются недостаточно разработанными вопросы, связанные со сравнительно-сопоставительным изучением лингвистических терминосистем. В

первую очередь это касается проблем терминологической номинации и терминологического образования в сфере отечественной и зарубежной лингвистики. В более широком смысле можно говорить и о недостаточной изученности всей метаязыковой лингвистической сферы, исследование которой не может ограничиваться только собственно терминологией языкознания, но должно включать также вопросы глобального характера, как-то: установление лингвистического статуса метаязыка лингвистики, выявление его онтологических и иных особенностей, анализ взаимоотношений метаязыка и языка-объекта, определение дальнейших путей развития и перспектив метаязыка и т. д. Решение этих проблем напрямую связано с общей оценкой современного состояния лингвистики как науки, с потребностями формирования единой научной и методологической базы среди множества существующих лингвистических теорий и направлений, с необходимостью выявления «некоего глубинного сходства в понимании языка и закономерностей его организации» [Кубрякова 1995: 146].

Между тем, анализ существующей научной литературы по интересующему нас кругу вопросов свидетельствует об отсутствии среди лингвистов единого мнения о том, что, каким образом и с применением какой методологической базы следует изучать и систематизировать в первую очередь. Такое положение дел на практике приводит к тому, что имеющиеся работы зачастую носят разрозненный, системно не выраженный характер, ограничиваясь описанием отдельных групп терминов, отобранных по принципу равной предметной отнесенности, изучением единичных фактов, связанных с онтологией и функционированием терминологической лексики. Публикуемые исследования содержат большое количество типологических данных, не обобщенных и не проанализированных в полной мере. На фоне ситуации, сложившейся в сфере сопоставительного изучения разноязычной лингвистической терминологии, все более очевидной становится необходимость реализации комплексного подхода, заключающегося в параллельном многоаспектном анализе лингвотерминосистем. Подобный подход обусловлен в первую очередь потребностями информационного поиска, необходимостью создания общей многоязычной лингвотерминологической базы, выполняющей словарно-справочные функции и организованной по типу уже существующих терминологических баз (банков) данных (ТБД), которые содержат стандартизованную терминологию различных областей науки и техники (см. подробнее о ТБД в [Беляева и др., 1996]). С другой стороны, такой подход может быть с достаточной эффективностью применен при создании научно обоснованных методик, на базе которых должна производиться качественная подготовка специалистов в сфере лингвистики.

Литература

- Потапова Р.К.* Речь: коммуникация, информация, кибернетика. М.: УРСС, 2001.
Герд А.С. Научное знание и система языка // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 1993. Серия 2. Вып. 1 (№ 2). С. 30-34.
Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Прогресс, 1995. С. 144-238.
Беляева Л.Н., Герд А.С., Убин И.И. Автоматизация в лексикографии // Прикладное языкознание. СПб.: СПбГУ, 1996. С. 318-333.

MULTILINGUAL LINGUISTIC TERMINOLOGY AS A POTENTIAL OBJECT OF STANDARDISATION AND UNIFICATION

The article is devoted to the problem of comparative study of terminological systems serving the needs of modern linguistics. The study of terminology in this aspect makes it possible in the future to find solutions substantiating the fundamental possibility of standardisation and unification of linguistic terminology used both in Russian and foreign linguistics.

Key words: terminology, term, metalanguage, unification, standardisation

И.П. Исаева (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный педагогический университет
isaeva_ip@inbox.ru

МЕТАФОРА В ЗЕРКАЛЕ АНАЛОГИИ

В статье рассматривается функционирование когнитивного механизма аналогии при метафорическом переносе. Автор описывает природу аналогии с позиций когнитивной парадигмы. На основе анализа метафорических единиц английского языка раскрываются особенности установления смысловых связей между разнородными понятиями.

Ключевые слова: аналогия, когнитивный механизм, метафора, сходство, подобие, сравнение

Когнитивный подход к метафоре предполагает ее рассмотрение как базиса концептуальной системы человеческого сознания, который определяет мышление и вербальное поведение субъекта [Lakoff, Johnson 1980; Elhindi 2009]. Природа метафоры понимается как набор устанавливаемых сознанием соответствий между двумя областями опыта – между познанным и познаваемым.

Упорядочивание поступающей информации и ее вписывание в образ моделируемой сознанием реальности во многом имеет метафорический характер. Субъект может воспринимать «жизнь как путешествие» или «жизнь как игру», что в конечном итоге результируется в различных образах реальности [Kövecses 2020: 7]. Данное утверждение свидетельствует о том, что всякий раз, когда имеющийся опыт проецируется на новый целевой домен, субъект получает новое видение фрагмента воспринимаемой реальности.

В основе метафоризации лежит когнитивный механизм аналогии, который регулирует процесс структурирования информации по схожим признакам на основе переноса уже имеющихся знаний в новую сферу «концептуального смешения» («conceptual blending») [Fauconnier, Turner 2003]. В результате возникает новая ментальная структура – ментальное пространство блендированного типа, представляющее собой сферу концептуального смешения схожих признаков. При этом аналогия способствует раскрытию креативного потенциала человеческого мышления, поскольку она генерирует новые связи между ментальными конструктами, фиксируемые в абсолютно новых формах языковой репрезентации.

Установление связей по аналогии предполагает *сравнение* наличного знания, выступающего в качестве когнитивной опоры, с новой информацией об объекте,

ситуации и т. п. Обработка новой информации предполагает ментальное моделирование фрагмента реальности в сознании субъекта, т. е. «человек, конструируя окружающий мир в своем сознании, интерпретирует как сам этот мир в его многообразии объектов, событий и их характеристик и проявлений, так и знания о мире в контексте личного языкового и неязыкового опыта» [Болдырев 2016].

Аналогия – один из механизмов человеческого мышления, позволяющий упорядочивать хаос поступающей информации. Именно аналогия обеспечивает поступательное движение человеческой мысли от хаоса к порядку, что, по сути, также позволяет связывать конкретное и абстрактное за счет использования существующих языковых знаков в новых функциях при метафорическом переносе. Способность человеческого сознания проводить аналогии определяет метафорический характер языка [Беляев 2015: 45].

Аналогия обеспечивает установление связей между разнородными явлениями и объектами через выделение (на основе ассоциаций) схожих / подобных признаков, благодаря чему в сознании возникают новые связи между хранящимися в нем информационными блоками. В случае с метафорой сознание фиксирует сходство не отдельных свойств объектов, а сходство комплекса свойств сравниваемых объектов [Казиминова 2008: 118].

В качестве когнитивной опоры при сравнении объектов субъект может отталкиваться от хранящихся в сознании образов-схем, которые по сути выступают непрерывными аналоговыми шаблонами. Термин «непрерывный» в нашем понимании предполагает переключение с одного объекта на другой через перенос гештальтированных типажей на основе ассоциаций, обусловленных личностным опытом человека, имеющим универсальный характер, т. е. разделяемый большинством представителей культурно-языковой общности. В данном случае образ не членится на составные части, а извлекается в готовом виде и проецируется на новый объект, уподобляя сравниваемые объекты друг другу (см. пример (1)).

(1) *But whatever our Else wore she would have looked strange. She was a tiny wishbone of a child, with cropped hair and enormous solemn eyes – a little white owl* (K. Mansfield).

На языковом уровне в данном случае образ-схема репрезентируется через номинацию понятия (в примере (1) – *a little white owl*) с вербализацией его типичной характеристики, наличие которой фиксируется сознанием у двух сравниваемых объектов (*enormous eyes*). Указанная выделяемая характеристика является доминантной ассоциацией, связанной с понятием, и имеет универсальный статус, что позволяет реципиенту считать аналогию, проводимую говорящим и дешифровать метафорические смыслы, представленные в высказывании.

В случае если метафора строится на переносе по аналогии нескольких характеристик с их явной детализацией, то имеет место опора на фреймовые структуры знаний о мире, соотносимые с заданной предметной областью. Подобная репрезентация более информативна, и на языковом уровне представляется в виде развернутой метафоры (см. пример (2)).

(2) *«We all want a little patching and repairing from time to time,» he [the local practitioner] chirped. «Like a ship, my dear – exactly like a ship. Sometimes the hull*

is out of order, and we consult a surgeon; sometimes the rigging, and then I advise; sometimes the engines, and we go to the brain specialist; sometimes the look-out on the bridge is tired, and we see an oculist. I should recommend you to see an oculist. A little patching and repairing from time to time is all we want. An oculist, by all means (R. Kipling).

Развернутая метафора отражает многовекторное движение человеческой мысли, активирующее в сознании всю систему смысловых связей и ассоциаций, обеспечивающих перенос характеристик объекта по аналогии из одной предметной области в другую (ср. в примере (2): *a human body, like a sheep, needs repairing*).

Роль аналогии в порождении метафорического смысла двойственна. С одной стороны, аналогия предполагает оперирование ментальными конструктами и активирование связи между ними через вычленение схожих или подобных признаков, поскольку в широком смысле в когнитивной науке аналогия определяется как зафиксированное сознанием сходство / подобие: «Analogy is a special kind of similarity» [Holyoak 2005: 117]. Подобие зафиксированных сознанием характеристик результируется в уподоблении одного объекта другому (см. пример (3)):

(3) *The sea was a sheet of burning tinsel and glass* (R. Bradbury) // *Море было листом горящей мишуры и стекла* (перевод наш – И.И.).

С другой стороны, сравнение, лежащее в основе аналогии, позволяет сознанию зафиксировать не только сходства, но и различия между сопоставляемыми фрагментами реальности. Поэтому можно сказать, что аналогия базируется на способности человеческого мышления фиксировать сходство в различии, так как для аналогии требуется «не любое совпадение, а сходство в существенных признаках при несущественности различий, которое служит основой для уподобления двух материальных или идеальных объектов» [Азначеева 2017: 110].

В примере (4) *The drive was a ribbon now, a thread of its former self, with gravel surface gone, and choked with grass and moss* (D. du Maurier) метафора построена на сравнении дороги с лентой. Однако в данном случае значимы не только совпадающие характеристики: сознанием фиксируются также свойства, формирующие отличительные характеристики одного объекта от другого, что предполагает не полное их уподобление, а лишь установление общего сходства. Аналогия выступает при этом «мостом», связывающим похожее с непохожим, она обеспечивает реализацию креативного потенциала человеческого мышления и отражает индивидуально-авторское восприятие ситуации.

В целом можно сказать, что аналогия обеспечивает связь между языковой и концептуальной картиной мира. Будучи механизмом порождения новых смыслов, аналогия обеспечивает метафорический перенос и в дальнейшем участвует в распознавании скрытых смыслов реципиентами.

Литература

Азначеева Е.Н. Аналогия как средство речевого воздействия в публицистическом дискурсе // Аналоговые процессы в лингвокреативной деятельности личности. Челябинск, 2017. С. 109-140.

Беляев В.В. Аналогия и метафора // Логико-философские штудии. 2015. № 2. С. 37-46.

Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.

Казимирова Е. Метафора и аналогия: междисциплинарный подход // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. М.: ИФ РАН, 2008. С. 111-119.

Elhindi Y. Metaphor // Key Ideas in Linguistics and the Philosophy of Language. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. Pp. 131-134.

Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2003.

Holyoak K.J. Analogy // The Cambridge Handbook of Thinking and Reasoning / ed. by K.J. Holyoak and R.G. Morrison. New York: Cambridge University Press, 2005. Pp. 117-137.

Kövesces Z. Extended Conceptual Metaphor Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 2003.

Irina P. Isaeva (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University

METAPHORS IN THE MIRROR OF ANALOGIES

The article examines the functioning of the cognitive mechanism of analogy during the metaphoric transference. The author describes the nature of analogy from the perspective of the cognitive paradigm. Analyzing the metaphorical units of the English language, the author reveals the main features of establishing semantic connections between heterogeneous concepts.

Key words: analogy, cognitive mechanism, metaphor, similarity, comparison

И.В. Кожухова (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
vinantov@mail.ru

ЭЛЕМЕНТЫ КАРНАВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ*

В работе описывается применимость идей М.М. Бахтина, описывающих карнавальную культуру в Интернет-комментировании региональных СМИ. Следующие элементы карнавала имеют свои параллели с Интернет-комментированием: темпоральность, отмена социальной иерархии, отсутствие дистанции. Также приводится параллель с «весом» ликоугрожающего речевого акта П. Браун и С. Левинсона.

Ключевые слова: карнавал, Интернет-комментарий, импозитивность, ликоугрожающий речевой акт

Явление карнавала насчитывает не одну сотню лет; карнавализация, описанная в работах В.В. Бахтина [1990], хоть и касается Средневековья и Ренессанса, однако находит свое яркое отражение в современных реалиях, сохраняя идентичные карнавальные категории на протяжении столетий. Несомненный элемент шутовства и веселья очевиден во многих сферах жизни: усиление игрового компонента образовательного процесса, создание иллюзии простоты и легкости; повышение уровня зрелищности спортивных мероприятий и др.

Элементы карнавала обнаруживаются и в сетевом общении. Возможность

* Работа выполнена при содействии Фонда поддержки научных инициатив Челябинского государственного университета.

надеть на себя маску, притвориться, играть роль характерна, в частности, для форумного общения. В рамках данной работы нам интересна идея карнавала и диалогичности в Интернет-комментировании, т. е. при анализе Интернет-комментариев, или, другими словами, «комментов» (сообщение-реакция читателя, которая следует за статьей). Представленный интерес формирует объект и предмет исследования: объектом исследования становятся идеи диалогичности и карнавализации, представленные в работах М.М. Бахтина. Предмет исследования: описание некоторых характеристик данных категорий в процессе Интернет-комментирования.

Материалом послужила статья на региональном новостном портале 74.ru «S7 перестанет летать из Челябинска в Москву: когда и почему отменяют прямые рейсы» [URL], опубликованная 3 декабря 2023 г. Эта новость носит локальный характер, она актуальна для жителей Челябинской области, отчасти – соседних областей. Отметим, что апелляция к примерам в рамках данного исследования является опциональной, однако в некоторых случаях она может подчеркнуть приводимые нами параллели. Также отметим, что орфография и пунктуация всех примеров авторские.

Основным принципом карнавала является его диалогизация. Так, в процессе Интернет-комментирования мы видим ветки обсуждений: диалоги и полилоги, которые могут уходить в сторону от предмета обсуждения. Диалогичность Интернет-комментирования существует в какой-то степени в самой основе своей формы: комментарий является реакцией на новость-стимул.

Близость карнавала к театрально-зрелищным формам в связи с «конкретно-чувственным характером и наличием сильного игрового элемента» [Бахтин 1990: 11] позволяет нам провести аналогию и с Интернет-комментированием. Именно комментарий становится основным предметом интереса, сокращая новость до заголовка и лида.

Темпоральность карнавала и официального праздника также находят свои параллели с комментированием. Официальные праздники не уводят «из существующего миропорядка <...> они освящали существующий строй и закрепляли его» [там же: 14]. Наиболее популярными новостными стимулами для комментариев нередко становятся, как и в карнавале, «кризисные, переломные моменты в жизни природы, общества и человека» [там же]. Иначе говоря, карнавалом становится новость, находящая свое эмоциональное отражение в сознании комментирующих. Официальный праздник подчеркивает стабильность, а карнавал, т. е. определенная ситуация в нашей интерпретации, временность, непостоянство, определенную волатильность:

ЭТО ПРОРЫВ ИЛИ ВСЕ ТАКИ НАРЫВ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ЕЕ «ЧУДНЫХ» РЕФОРМАТОРОВ ...?

Зато санкции сделают нас сильнее)))

Темпоральность комментария также проявляется в том, что новость, повод комментария привлекает к себе внимание комментирующих в течение первых одного-трех дней. Эта особенность отличает Интернет-комментирование новостей от комментариев на музыкальные, культурные, «вневременные» новости. Так, например, нередко можно встретить ветки комментариев по типу «я из 2023

года и до сих пор слушаю эту песню». Новостные комментарии к конкретной новости, как правило, «затихают» с течением времени: приводимая в качестве материала исследования статья была опубликована 3 декабря, последний комментарий к статье датируется 5 декабря. «Продолжительность» карнавала составила три дня. Еще одним ярким примером являются новости о низкой температуре и отмене занятий в школах. Комментирование подобных новостей обычно ограничивается одним днем, основная концентрация комментариев приходится на первую половину дня. Нередко в Интернет-комментариях к подобным новостям разыгрывается вполне стандартная совокупность сюжетов, которые касаются, например, следующих тем: «холода настали неожиданно», «общественный транспорт», «отмена занятий в городах области», «у кого холоднее» и другие вполне ожидаемые сюжеты.

Комментарии на региональном портале отменяют социальную иерархию: оставить комментарий может любой, в том числе анонимный пользователь. Авторитетность комментария субъективна, убедительность нередко зависит от используемых (персуазивных) стратегий: «Здесь вырабатываются особые формы площадной речи и площадного жеста» [там же: 16]. Использование разговорной лексики, экспрессивный синтаксис, вариативная и ненормативная (в том числе по причине спонтанности) пунктуация – вот некоторые признаки «особой формы» комментариев:

Да как ты смеешь! 🤔 Новый прорыв тебе не по нраву? Да он изобрел ТЕЛЕПОРТ. Скоро, на днях, мы им начнем пользоваться 🤔🤔🤔

Комментарии, как и карнавал, отличает амбивалентный смех: с одной стороны, новость низводят до шутки, с другой – новость высмеивает, отрицает:

Через новосибирск??? А че не через владивосток??...

Нужно продлить 2 автобус из Чурилово до Москвы, и проблема с баландинским аэропортом отпадет сама собой.

В примерах выше за счет описанных приемов реализуется саркастический настрой комментаторов: предложение создать автобусный маршрут из Челябинска до Москвы, предложение летать из Челябинска в Калининград не через Новосибирск (как предлагалось в случае, описанном в новости), а через Владивосток – предложенные варианты низводятся до фарса.

Еще одна специфика карнавала характеризуется тем, что «это вольный фамильярно-площадной контакт между людьми, не знающих никаких дистанций между ними» [там же: 22]. Здесь мы видим очень уместное (для нашего исследования) употребление лексемы «дистанция», которая отсылает нас понятию угрозы лицу говорящего и слушающего. Практический любой речевой акт имеет шанс стать ликоугрожающим. «Вес» ликоугрожающего речевого акта, по [Brown, Levinson 1987], является суммой трех компонентов, которые могут по-разному проявлять себя в каждой конкретной ситуации общения. К этим компонентам относятся две относительно универсальные переменные, которые долго время считались универсальными для большинства языков и культур и одна культурозависимая переменная. Итак, ликоугрожающий речевой акт – сумма дистанции власти, социальной дистанции и степень импозиции, которая реализуется в конкретном речевом акте. Иными

словами, ликоугрожающий речевой акт = вертикальная дистанция + горизонтальная дистанция + коммуникативная (не)импозитивность.

Интересно, что при переходе на уровень (анонимного) Интернет-комментирования в региональных СМИ (акцентируем внимание на том, что нами в данном случае рассматривается именно эта сфера) из формулы ликоугрожающего речевого акта будут исключены два из трех компонентов: дистанция власти и социальная дистанция. Таким образом, угроза лицу будет зависеть только лексико-синтаксической, экстралингвистической формы выражения, все личностные характеристики будут нивелированы возможностью анонимного общения, возможностью надеть «маску» и играть роль.

Интернет-комментирование и карнавал, имея разное основание, могут описываться в том числе одинаковыми характеристиками. В рамках статьи была предпринята попытка использования карнавальных характеристик к формату Интернет-комментария. В качестве смежных характеристик были описаны темпоральность, отмена социальной иерархии, отсутствие дистанции между людьми.

Литература

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990.

Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press. 1987.

S7 перестанет летать из Челябинска в Москву: когда и почему отменят прямые рейсы. URL: <https://74.ru/text/transport/2023/12/03/72973820>.

Irina V. Kozhukhova (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

ELEMENTS OF CARNIVAL CULTURE IN INTERNET COMMENTS

The paper describes the applicability of M.M. Bakhtin's ideas describing carnival culture in Internet commentary in regional media. The following elements of carnival have their parallels with Internet commenting: temporality, abolition of social hierarchy, absence of distance. A parallel is also given to the "weight" of the face-threatening speech acts, suggested by P. Brown and S. Levinson.

Key words: carnival, Internet comment, imposition, face-threatening speech act

А.Ю. Кутимская (Иркутск, Россия)

Иркутский национальный исследовательский технический университет
alina.kutimskaja@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ БАЗОВОГО КОНЦЕПТА «KREDIT / КРЕДИТ» В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В статье описаны некоторые механизмы терминологизации лексики немецкой и русской банковской экономики, тесно связанные с фундаментальным понятием когнитивной лингвистики – категоризацией.

Ключевые слова: терминологизация лексики, когнитивные механизмы, банковская терминология, категоризация

Механизмы терминологизации – сфера когнитивного терминоведения, занимающаяся изучением процессов обработки информации, формирования понятий и выражения их посредством специализированной терминологии. Механизмы терминологизации тесно связаны с понятием *категоризации* человеческого опыта, что является фундаментальным понятием в характеристике когнитивной деятельности [Голованова 2024]. Систематизация поступающей информации в зависимости от ее общих характеристик и свойств присуща человеческому разуму. Этот процесс способствует организации человеческого сознания, что, в свою очередь, помогает в определении ключевых понятий / терминов.

Исследователи терминологизации лексики специальных языков обращаются к материалам различных языков и терминосистем, исследуя организацию знания и коммуникацию на специализированном уровне в различных областях науки (В.Ф. Новодранова, С.Л. Мишланова, Е.И. Голованова). Они указывают на такие механизмы терминологизации лексики как метафора, метонимия, профилирование, переопределение, моделирование, префиксация и суффиксация, словосложение.

Моделирование как когнитивный механизм используется для создания новых терминов на основе аналогии с уже существующими моделями или прототипами.

Переопределение – механизм, который применяется для создания новых терминов путем переопределения уже существующих слов или понятий.

Префиксация и суффиксация – механизмы, которые употребляются для создания новых терминов путем добавления префиксов и суффиксов к уже существующим понятиям.

Когнитивный механизм профилирования – это процесс «высвечивания» конкретного участка в пределах соответствующей когнитивной области. Профилирование – это когнитивный механизм, который используется для создания новых терминов путем присвоения им значения, связанного со специфическим контекстом использования.

Когнитивный механизм словосложения – механизм, который используется для создания новых терминов путем сложения слов.

Рассмотрим механизмы терминологизации базового концепта банковской терминологии КРЕДИТ на примере немецкой и русской лингвокультур.

Лексема *Kredit* происходит от латинских *credere* (верить) и *creditum* (вверенный по совести) (производное от фр. *crédit*, ит. *credito*). Значением этого слова является предоставление на определенный срок суммы (называемой также ссудой). Лексема *Kredit* в языке немецкого банковского дела среднего рода и обозначает имущественную сторону банковского счета. В этом случае также происходит процесс ассимиляции латинского понятия *credere* в немецком языке с профилированием концептуального смысла «доверие».

Рассмотрим некоторые примеры терминологизации немецкого концепта KREDIT, представленные в Корпусе современного немецкого языка [dwds.de/Kredit: URL].

1. *Sie finanziert sich durch die Geldaufnahme an den Kapitalmärkten (zum Beispiel Weltbankanleihen).* Он финансируется за счет кредитов на рынках капитала (например, облигации Всемирного банка) [Der Tagesspiegel 15.06.2003]. Здесь использован механизм словосложения (GELD + AUFNAHME).

2. *Regelmäßig hat der Unternehmer ein eigenes wirtschaftliches Interesse an der Erfüllung der Schuld.* На регулярной основе заемщик имеет собственный экономический интерес в погашении кредита [Zimmermann 1968: 158]. В этом случае использован механизм метонимического переноса (SCHULD – долг как кредит).

3. *Die Wirtschaftskrise macht auch vor Niederösterreich nicht halt: Im 7,4 – Milliarden-Budget für 2010 sind 490 Millionen Euro Abgang vorgesehen.* Экономический кризис не останавливает процесс и в Нижней Австрии: в бюджете на 2010 год на 7,4 миллиарда предусмотрено 490 миллионов евро кредитных средств [Der Standard 15. 12. 2009]. Здесь используется метафора (ABGANG – спад, убыль как кредит).

4. *Da davon ausgegangen würde, daß mal die eine und mal die andere Seite im Debet sein würde; blieb der Überziehungskredit zinslos.* Поскольку предполагалось, что в кредитовании будет участвовать как одна, так и другая сторона, овердрафт оставался беспроцентным [Die Zeit 1982, Nr. 20]. В этом примере используется метонимический перенос (DEBET – расход как кредит).

5. *Dabei handelt es sich um hochverzinsliche Schuldverschreibungen, mit denen die Übernahme von Unternehmen finanziert wird.* Это высокодоходные долговые обязательства, которые используются для финансирования поглощения компаний [Aktuelles Lexikon 2000]. Здесь использован когнитивный механизм словосложения (SCHULD + VERSCHREIBUNG как кредит).

6. *Das billige Geld feuerte den Konsum an, eine Expansion auf Pump.* Дешевые деньги стимулировали потребление, взрыв на «подсосу» [Die Zeit 2008, Nr. 06]. В этом случае использован когнитивный механизм метафоризации (PUMP – насос, подающий кредиты и позволяющий увеличивать потребление товаров).

В русской лингвокультуре концепт КРЕДИТ выступает не только как финансовый инструмент, но и как социокультурное явление, отражающее отношения между людьми, их ценности и приоритеты, в том числе и в области финансов, и имеет следующие особенности.

1. Значение доверия и ответственности: концепт КРЕДИТ в русской лингвокультуре связан с понятием доверия и ответственности. Заемщик берет на себя обязательство вернуть заемные средства в определенный срок с учетом процентов и других условий. Это предполагает взаимное доверие между кредитором и заемщиком.

2. Экономическое развитие и финансовые возможности: концепт КРЕДИТ также отражает важность заемных средств для экономического развития и инвестиций. Кредиты позволяют физическим и юридическим лицам расширять свои финансовые возможности и осуществлять различные проекты, такие как покупка недвижимости, развитие бизнеса или финансирование образования.

3. Потребительская культура и уровень жизни: в русской лингвокультуре концепт КРЕДИТ связан с потребительской культурой и уровнем жизни. Кредиты позволяют людям приобретать товары и услуги, на которые они временно

не имеют достаточной наличности. Кредиты могут использоваться для покупки автомобилей, электроники, туристических поездок и других благ потребления.

4. Банковская и финансовая система: концепт КРЕДИТ связан с банковской и финансовой системой России. Банки играют основную роль в предоставлении кредитов и других финансовых услуг для физических и юридических лиц. Этот концепт также отражает законодательные и регулирующие нормы, связанные с кредитными отношениями и защитой прав потребителей. Рассмотрим некоторые примеры употребления концепта КРЕДИТ в классической русской литературе и современном русском языке, представленные в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ: URL].

1. *Никифор по-прежнему болтал в лавочке, куда посылали его брать в кредит разную мелочь, что господа должны ему триста рублей и не думают платить* [Чехов (1974-1982)]. В этом случае использован метонимический перенос. *Брать в кредит мелочь* – метонимическим представлением здесь является сам концепт КРЕДИТ как часть целого. *Брать мелочь в кредит* означает занимать небольшие суммы денег.

2. *«И, конечно, бежать, спешить брать сейчас ипотечный кредит, наверное, не стоит, надо смотреть, какие индивидуальные условия у каждой семьи», – отметила Набиуллина.* [Парламентская газета 2021. 12. 28]. В этом примере также использован метонимический перенос части КРЕДИТ и создан новый смысл ИПОТЕЧНЫЙ КРЕДИТ, т. е. кредит для покупки квартиры, использована модель целое / часть.

4. *Ставки очень выросли, и сам кредит стал накладен!* [Липчинская 2008]. В этом случае КРЕДИТ представлен как целое в когнитивном механизме метонимического переноса (модель часть / целое).

Таким образом, приведенные примеры показывают, что в русской лингвокультуре создание новых терминов с концептом КРЕДИТ более разнообразно и социологизировано.

Литература

- Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение. М.: Флинта; Наука, 2024.
Новодранова В.Ф. Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте. Лексикология. Терминоведение. Стилистика. Рязань: Пресса, 2003.
Мишланова С.Л. Метафора в медицинском дискурсе. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2002.
НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <http://www.dwds.de>.

*Alina Ju. Kutimskaja (Irkutsk, Russia)
Irkutsk National Research Technical University*

COGNITIVE MECHANISMS OF TERMINOLOGIZATION OF THE BASIC CONCEPT OF “KREDIT / CREDIT” IN GERMAN AND RUSSIAN LINGUISTIC CULTURES

The article describes some mechanisms of terminologization of the vocabulary of the German and Russian banking economy, which are closely related to the fundamental concept of cognitive linguistics-categorization.

Key words: terminology of vocabulary, cognitive mechanisms, banking terminology, categorization

С.Л. Кушнерук (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
svetlana_kush@mail.ru

М.А. Курочкина (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
kma1974@yandex.ru

МИРОМОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ*

Систематизированы основные направления исследования миромоделирования в отечественной лингвистике. Доказано, что метанаучная широта когнитивно-дискурсивной парадигмы специализируется и это приводит к появлению дискретных направлений, аккумулирующих индивидуальную систему понятий. Представлено обобщенное понимание миромоделирования как явления ментально-языковой природы.

Ключевые слова: миромоделирование, репрезентация, когнитивные структуры, дискурс, направления лингвистики

В первое двадцатилетие XXI в. понятие миромоделирования относится к числу активно разрабатываемых в филологии, формируя две магистральных линии исследования. *Художественное миромоделирование* восходит к эстетике творчества и понятию модели мира литературного произведения Ю.М. Лотмана (Г.Т. Гарипова, М.А. Дубова, Л.Г. Кихней, В.А. Суханов и др.). *Когнитивно-дискурсивное миромоделирование* получает разработку в науке о языке (Л.М. Гриценко, С.В. Волошина, Т.А. Демешкина, А.В. Дмитриева, Е.С. Курукалова, Е.А. Огнева, З.И. Резанова, Ю.А. Эмер и др.).

В парадигмальном «климате» лингвистики понятие миромоделирования трактуется иначе, чем в литературоведении, что требует осмысления и определяет актуальность настоящей работы. *Цель* авторов — систематизировать дискретные направления исследования феномена в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы и установить обобщенное понимание объекта в лингвистике. Материалом послужили 334 публикации, отобранные методом сплошной выборки из НЭБ Elibrary в период с 2002 по 2022 г.

Господствующая в науке о языке когнитивно-дискурсивная парадигма, с одной стороны, обеспечивает теоретическую платформу для разноаспектного изучения миромоделирования в коммуникации, с другой, — формирует «рамочную» конструкцию, которая ограничивает способы и образцы решения исследовательских задач. Общим местом большинства лингвистических исследований, посвященных проблемам миромоделирования, является признание того, что языковые средства «овнешняют» ментальные структуры, и это определяется следующими установками: 1) изучение коммуникации предполагает учет собственно языковых факторов и стоящих за ними структур знания; 2) структуры сознания пребывают

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ», 2024. The study was financially supported by the Foundation for Advanced Scientific Research of ChelSU, 2024.

вают в активном взаимодействии со структурами языка; 3) языковые знаки активируют концептуальные структуры и «запускают» мыслительные процессы; 4) актуализация концептуальных признаков в дискурсе предопределена контекстом коммуникации; 5) функционируя в дискурсе, языковые знаки обеспечивают миромоделирование; 6) когнитивный аспект миромоделирования соотносится с ментальными процессами обработки информации, дискурсивный – с репрезентацией знаний в формах текстuality; 7) миромоделирование в дискурсе служит цели упорядочения социальной реальности.

В системе взглядов, ориентированной на исследование когнитивных феноменов в речевых практиках, **миромоделирование** трактуется как **структурирование информации о среде и человеке в дискурсе, которое приводит к образованию репрезентационных структур, определяющих мировидение адресата**. Заметно, что «под зонтиком» когнитивно-дискурсивной парадигмы развитее получают дискретные направления исследования объекта, аккумулирующие свою систему понятий (ниже указаны в скобках после названия направления).

Ядерную зону исследований миромоделирования в отечественной лингвистике формируют концептуальное, лингвокогнитивное, функциональное, лексико-семантическое, аксиологическое направления.

Концептуальное направление (концепт, концептуализация, концептуальная структура, миромоделирующий потенциал концепта, ценностно-концептное миромоделирование). Миромоделирование осмысляется в связи с процессами образования когнитивных структур и их языковой объективацией (А.В. Курьянович, Е.А. Серебrenникова, Ю.А. Эмер и др.). Концепт преимущественно рассматривается не в статике, а в динамике, т. е. на первый план выходят его вариативные характеристики. Это способствует пониманию значимых трансформаций ментальной единицы в дискурсе.

Особую важность приобретает разработка понятия *миромоделирующего потенциала концепта* – его способности формировать фрагмент картины мира за счет актуализации понятийной, образной и ценностной составляющих в процессах ассоциативно-смыслового развертывания в дискурсе (О.В. Орлова).

Лингвокогнитивное направление (модель мира, языковая картина мира, метафорическая картина мира, концептуальные смыслы, метафорическое миромоделирование, принципы миромоделирования, миромоделирующий потенциал). Понимание миромоделирования выстраивается на том, что воплощенная средствами языка модель мира задает систему ценностных ориентаций человека и оказывает регулирующее воздействие на его поведение (Д.А. Катунин, Н.А. Мишанкина, З.И. Резанова и др.). Внимание специалистов главным образом концентрируется на фрагментах языковой картины мира, способах представления информации о мире средствами языка, жанровом миромоделировании, пространственных моделях мира и языковых моделях пространства [Картины русского мира 2007].

Функциональное направление (миромоделирующая функция, функциональная специфика жанров, концептуальных структур, функциональная вариативность, онимическое миромоделирование). Ставится вопрос о месте, статусе и роли

языка в мироздании. Во главе угла – реализация миросозидающей функции, которая заключается в конструировании мира при его «портретировании» [Кубрякова 2009: 5-12].

Рассмотрение языка в действии определяет значимость миромоделирующей функции разных языковых единиц, функциональной специфики жанров, концептуальных структур, функциональной вариативности средств, используемых в дискурсе. Под *миромоделирующей функцией* широко понимается «имманентное» свойство языка конструировать в текстовых формах фрагменты картины мира. Разработка обозначенной проблемы является перспективной для углубления знаний о механизмах воздействия в убеждающих дискурсах.

Лексико-семантическое направление (образное миромоделирование, миромоделирующая активность слов, оценочный компонент лексического значения). Миромоделирование связывается с механизмами кодирования и декодирования информации на уровне лексики (соматизмов, образных слов, эвфемизмов и др.) через описание содержательной многослойности слов (М.Е. Бохонная, Х. Ван, В.В. Лабутина).

Акцент на семантической многомерности и функционировании лексических единиц в речи приводит к разработке понятия *миромоделирующей активности* слов, которая проявляется в качестве реализации миромоделирующей функции, что ведет к формированию фрагмента картины мира в языке и тексте. Особый интерес представляет изучение образных слов в аспекте миромоделирования. Признание того, что в семантической структуре образного слова можно выделить аксиологический компонент, отражающий субъективную оценку обозначенных феноменов, выводит на первый план понятие *образного миромоделирования*.

Аксиологическое направление (аксиологическая картина мира, аксиологическое миромоделирование, ценностно-концептный анализ, миромоделирующий потенциал прецедентного феномена). В поле внимания специалистов — ценностная картина мира, которая изучается с точки зрения смыслов, отражающих наиболее значимые для представителей культуры доминанты, конструируемые в дискурсе (Л.М. Гриценко, В.Н. Еремкина, Л.И. Ермоленкина, Ю.А. Эмер и др.). Большой интерес в этом отношении представляют работы, посвященные исследованию прецедентных феноменов.

Изучение прецедентной основы миромоделирования обеспечивает жизнеспособность понятия *миромоделирующего потенциала прецедентного феномена* — способности единицы индуцировать концептуально-сложные ментальные репрезентации посредством отсылки к хорошо известным явлениям, фактам, событиям, ситуациям, представления о которых имеют сверхличностный характер и хранятся в коллективном сознании представителей лингвокультуры [Кушнерук, Васильева 2023].

В пределах «ближней» периферии исследований миромоделирования прогрессируют лингвопрагматическое, лингвоидеологическое, лингвостилистическое, лингвокультурологическое, социокультурное направления. «Дальнюю» пе-

риферию научного пространства формируют лингвоперсонологическое, семантико-синтаксическое, психолингвистическое направления. Они претендуют на научную самостоятельность, но нуждаются в системном подходе [<https://discourseworld.ru>].

Выводы. В лингвистике формируется самостоятельная (отличная от литературоведения) магистраль научных исследований миромоделирования. Когнитивно-дискурсивная парадигма охватывает широкий спектр проблем, рассматриваемых в синтезе когниции и коммуникации, и служит рамочной конструкцией для изучения феномена. Такое положение дел способствует постепенному выделению ряда дискретных направлений, акцентирующих внимание на моделях реальности, конструируемых в дискурсе средствами языка. Междисциплинарность делает естественным сочетание нескольких векторов анализа сложного когнитивно-дискурсивного явления.

Анализ новейших научных достижений позволяет условно выделить в пространстве отечественной лингвистики ядерную и периферийную зону исследований миромоделирования. Понятийный аппарат находится в процессе активного становления. Несмотря на то, что имеющиеся в распоряжении работы отличаются характером предпосылочного знания, теоретических установок, методами и конкретными методиками анализа, обобщенным объектом выступает миромоделирование как процесс и результат представления фрагментов мира в языке и коммуникации. Перспективно изучение стратегического использования языка в целях миромоделирования.

Литература

Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / под ред. З.И. Резановой. Томск: UFO Plus, 2007.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 5-12.

Кушнерук С.Л., Васильева Е.О. Миромоделирующий потенциал прецедентных феноменов в песенном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2023. № 1 (52). С. 272-281.

Огнева Е.А., Даниленко И.А. Дуальность художественного концепта как текстовый информативный код. М.: Эдитус, 2021.

Svatlana L. Kushneruk (Chelyabinsk, Russia)

Chelyabinsk State University

Maria A. Kurochkina (Chelyabinsk, Russia)

South-Ural State Pedagogical and Humanitarian University

WORLD-MODELING AS OBJECT OF RESEARCH IN MODERN LINGUISTICS

The directions of the study of world-modeling in Russian linguistics are systematized. It is proved that the meta-scientific breadth of the cognitive-discursive paradigm, which dominates in linguistics, is specified, thus, leading to the emergence of a number of discrete directions of research that accumulate their individual system of terms. It is proved that world-modeling is considered as a phenomenon of mental and discursive nature.

Key words: world-modeling, representation, cognitive structures, discourse, directions of linguistics

А.В. Леонтьева (Москва, Россия)

*Московский городской педагогический университет
lealesya1979@yandex.ru*

Е.Б. Савельева (Орехово-Зуево, Россия)

Государственный гуманитарно-технологический университет

Е.Г. Котова (Орехово-Зуево, Россия)

Государственный гуманитарно-технологический университет

«GREY / GRAY LITERATURE»: СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИФFUЗНОСТЬ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ

В работе представлен анализ словарных дефиниций и толкований в справочных материалах термина «grey / gray literature», а также особенностей употребления термина и реализуемой семантики цвета в Интернет-публикациях на тему специфики научно-исследовательской работы. Имплицитные значения рассмотренной цветономинации отражают не только этимологическое основание, но и коннотации в рамках языковой игры.

Ключевые слова: цветообозначение, серая литература, номинация, семантика, языковая игра

Неоднозначность интерпретации номинации цвета в термине «grey literature» («gray literature») – в американском варианте орфографии) обусловлена, с одной стороны, прямой отсылкой к серому веществу (grey matter) как к показателю интеллектуальности искомого вида литературы, с другой – диффузностью семантики слова «серый». Сильной ассоциативной связью обладает мыслимое визуальное восприятие цвета мозга именно серым ввиду имеющихся вербальных репрезентаций: серое вещество (grey matter), серые клетки (little grey cells). Распространенное восприятие головного мозга в сером цвете может отражать и часто тиражируемую картинку, изображающую головной мозг в специальном растворе, который также способствует окрашиванию в серый цвет, в то время как живая ткань мозга включает и другие цвета.

В источниках справочного характера, например, на сайте библиотеки Дюкского университета, а также на платформе англоязычной базы научных публикаций ScienceDirect постулируется, что термин «grey literature» был использован впервые Чарльзом Огером (Charles Auger) в 1978 г. в ходе выступления на научной конференции, который подразумевал под ним широкий спектр материалов, представляющих сложности для работников библиотек в ходе их ранжирования и учета как документов временного или постоянного хранения. Впоследствии Чарльз Огер использовал данный термин в своих работах. В Оксфордском словаре в разделе этимологии данного термина дается несколько размытая формулировка о первых упоминаниях словарной единицы в 1970-х гг.

В англоязычной научной среде существует целый ряд определений термина «grey / gray literature», характеризующихся уточнениями, дополнениями в разные временные периоды: в частности, люксембургское определение 1997 г., Нью-Йоркское толкование 2004 г., но все они описывают формы такого вида литературы, возможности доступа к ней и характерные черты без указаний на этимологическое основание термина, заложенный символизм серого цвета. Отдельно

следует отметить статьи, посвященные проблемам серой литературы и толкованию термина «grey literature», которые содержат метафорическое описание, имеющее отношение к цветообозначению и символике серого цвета. Так, анализируя термин «grey literature», М.К. Мейсон свидетельствует о том, что возможные ассоциации, связанные с блеклостью (bleakness), апатией (apathy), безразличием (indifference), сомнительностью (questionable authority), едва ли имеют отношение к транслируемым нюансам смысла в исследуемом термине, если только в интерпретации нет отсылки к «скучному исследованию» [Mason 2009]. Исследователь также упоминает метафорическое описание термина «grey literature» в журнале «Information World Review» в 1996 г.: «the unsung hero, the foot soldier, the foundation of the building» [Mason 2009] – «невоспетый герой, солдат, фундамент» (здесь и далее перевод наш – А.Л.), тем самым речь идет о литературе, которая не идет в широкий доступ, а предназначена для служебного или специализированного пользования, прежде всего для научного круга читателей, при этом обладает значимостью. В статье приводятся и другие формулировки разных авторов, связанные с использованием термина: «easier to describe, rather than to define grey literature» [Debachere 1995: 94] – термин «серая литература» легче описать, нежели дать ему определение; «неопубликованные материалы, включающие доклады, материалы и программы конференций»; «диссертации»; «переводы научной и технической литературы, прежде всего на английский язык» [Augur 1989: 63], препринты. В целом данный собирательный термин подразумевает широкий круг материалов, как правило, представляющих оригинальные исследования последних лет. Кроме того, Мейсон напоминает, что в течение многих лет термин «grey literature» использовался для обозначения отчетов, данных опытно-исследовательских работ, не предназначенных для публикации в открытом доступе.

Примеры употребления термина «grey / gray literature» в текстах научного содержания и Интернет-публикациях, а также заголовках к ним на тему научно-исследовательской деятельности представляют интерес с точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода к анализу термина и прагмалингвистики. Нами была проанализирована специфика употребления искомого термина и реализуемой в нем семантики цвета в Интернет-публикациях и заголовках к ним на тему специфика научно-исследовательской работы. Всего было изучено 138 англоязычных текстов, который выдал поиск в сети Интернет по ключевым словам: «grey/gray literature». Выявленная специфика имплицитного содержания демонстрирует способность выражать различные коннотации, реализуемые не только через употребление термина как стабильного бинарного терминологического словосочетания, но и посредством передачи заложенной символики серого цвета в английском языке. Для подтверждения рассмотрим ряд примеров. *There is no gray literature now: Everything is a magnet for immediate attention and misunderstanding* («В наши дни не существует серой литературы: все мгновенно привлекает всеобщее внимание и вызывает непонимание»). Серая литература изначально не была предназначена для обывателя, неспециалиста, неуполномоченного лица и традиционно противопоставляется белой (издательской) литературе

(*white literature*). В данном предложении наблюдается нюансирование смысла изначальной закрытости серой литературы для общего доступа и понимания. Проанализируем другой пример, взятый из названия статьи, аргументирующей пользу внеиздательской (серой) литературы для исследователя: *Not just black and white: using grey literature in your research*. В примере наблюдаются элементы языковой игры и присутствует косвенная отсылка к серому цвету как активатору таких смыслов как некатегоричность, малоизвестность, нетрадиционность. В данном случае серый противопоставляется черному и белому как показателям противоположных значений: категоричность, известность, шаблонность, традиционность. При этом наблюдается определенная степень двойственности в самом семантическом контуре серого цвета, поскольку серый также является сочетанием черного и белого: предполагает «оппозиционное единство» [Серов 2019: 48]. Таким образом, в употреблении данного термина имеются имплицитные значения неопределенности, размытости, неясности идентификации: *The term ‘grey’ refers to the uncertainty of the status of this information*. Например, в названии одной из публикаций встречаем: *Grey literature and what exactly is so grey about it*. Или: *Grey matters! Finding grey literature*. В данных заголовках есть отсылки к номинации и символизму цвета в термине и, соответственно, реализации имплицитного содержания. Серый традиционно близок к понятию «туманный», под которым понимается «неясный, невыразительный, тусклый, непонятный, неопределенный» [Серов 2019: 45]. Внеиздательская литература характеризуется отсутствием тиражированности и традиционного формата доступа, что наблюдается также при употреблении синонимичных описаний термина, встречающихся в проанализированных опубликованных материалах об актуальных проблемах серой литературы: *semi-published literature*, *quasi-published*, *half-published communication medium* (не предназначенный для коммерческого и тиражируемого издания); *ephemeral* (эфемерный; временный), *non-conventional* (нетрадиционный), *underground* (предназначенный для узкого круга). Серая литература как изначально не предназначенная для всеобщего пользования, отличающаяся закрытостью доступа и характеризующаяся неоднозначностью отражает символику серого цвета, реализацию которого мы также находим в других идиомах и языковых реалиях английского языка: *grey/gray area* (неясность, серая зона), *Dorian Gray* (Дориан Грей), *all cats are grey at night/all cats are gray by night/in the dark/after dark* (ночью все кошки серы), *shades of grey* (оттенки серого, полутона). В вербализуемой символике серого цвета, таким образом, присутствуют подтексты скрытности, неопределенности, неоднозначности, нетрадиционности, завуалированности.

Проанализированные примеры употребления термина «grey/gray literature» преимущественно свидетельствуют о технической трактовке специфики, формата и характера доступа к данному виду материалов в публикациях об актуальных проблемах серой литературы. Кроме того, рассмотренные определения термина в англоязычных словарях демонстрируют прежде всего попытку классифицировать данный тип литературы без раскрытия этимологии и мотивированности языковой единицы кроме упоминания о первичных употреблениях термина.

Таким образом, в вышеназванных проанализированных источниках термин фигурирует как стабильное бинарное терминологическое словосочетание, обладающее целостностью при употреблении. Однако в Интернет-среде встречаются примеры употребления данной терминологической единицы с отсылкой к имплицитным значениям присутствующей цветономинации: *grey*. В речетворчестве термин «*grey / gray literature*» демонстрирует семантическую диффузность. Определенная размытость семантического контура термина регистрируется при актуализации символизма серого цвета и уточняется в контексте. Серый цвет способен вскрыть как этимологическое основание с актуализацией нюансов смысла, имеющих отношение к интеллектуальности, мозгу, так и разнообразные коннотации в рамках языковой игры, обусловленные символикой цвета.

Литература

Леонтьева А.В. Рефлексия в ментальном и языковом конструировании действительности: предпосылки и грани семантической диффузности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2 (43). С. 40-45.

Серов Н.В. Символика цвета. СПб: Страта, 2019.

Augur Ch.P. 1989. Information Sources in Grey Literature. London: Bowker-Saur.

Debachere M.C. Problems in Obtaining Grey Literature. IFLA Journal. 1995. Vol. 21, No. 2. Pp. 94-98.

Garousi V., Rainer A., Felderer M., Mäntylä M. Introduction to the Special Issue on: Grey Literature and Multivocal Literature Reviews (MLRs) in software engineering, Information and Software Technology. 2022. Vol. 141. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S095058492100152X>.

Mason M. Grey Literature: History, Definition, Acquisition, and Cataloguing. URL: <https://www.moyak.com/papers/grey-technical-literature.html>.

About Grey Literature: Getting Started. URL: <https://guides.library.duke.edu/c.php?g=1369174>.

Grey literature. URL: https://www.oed.com/dictionary/grey-literature_n?tl=true.

Gray literature. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/gray%20literature#dictionary-entry-1>.

What is grey literature? URL: <https://paperpile.com/g/grey-literature/#:~:text=Grey%20literature%20is%20materials%20and,the%20status%20of%20this%20information>.

Alesya V. Leontieva (Moscow, Russia)

Moscow City University

Elena B. Saveleva (Orekhovo-Zuyevo, Russia)

State University of Humanities and Technology

Elena G. Kotova (Orekhovo-Zuyevo, Russia)

State University of Humanities and Technology

“GREY / GRAY LITERATURE”:

SEMANTIC AMBIGUITY OF COLOUR DESIGNATION

The article focuses on the peculiarities of dictionary and reference materials' definitions of “grey / gray literature” term as well as its colour symbolism revealed in the survey of internet articles and posts on scientific and research problems. The implicit information of colour designation tends to elicit not only the roots of naming but also various connotations within language game.

Key words: colour designation, grey literature, gray, naming, semantics, language game

О.Б. Мангова (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
o_kassandra@mail.ru*

Е.А. Дегтярева (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
petitcheval@mail.ru*

АКРОНИМЫ-ОМОНИМЫ КАК ОСОБЫЕ НОМИНАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ В АНГЛАЗЫЧНОМ ВОЕННОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются особенности акронимов как номинативных единиц. Особое внимание уделяется акронимам-омонимам, используемым в качестве метафорических номинаций в военном дискурсе: выявляются тематические группы терминируемых объектов и наиболее продуктивные области-доноры, используемые для создания метафорических терминов. Далее анализируется пример употребления акронима-омонима в заголовке статьи СМИ.

Ключевые слова: акроним-омоним, военный дискурс, термин, номинация, метафора

В современном научном сообществе возрастает интерес к изучению акронимов как единиц номинации. Примечательной чертой современных акронимов является свойство омонимии, когда акроним, являющийся вторичным обозначением, совпадает по звучанию и написанию с первичной номинацией. Рассуждая об особенностях акронимов-омонимов, В.М. Лейчик подчеркивает их двойную мотивированность, отмечая, что они мотивированы как изначальным словосочетанием, так и словом, чьим омонимом они являются, сочетая в себе тем самым смысловое значение обоих затрагиваемых единиц языка [Лейчик 2007: 55].

Это свойство акронимов-омонимов обуславливает тенденцию к их расширяющемуся использованию в военном дискурсе, где они занимают особое место в качестве номинативных терминологических единиц. В результате динамично меняющейся геополитической ситуации и в ходе развития военных технологий возникает необходимость создания эффективных номинаций для военно-промышленного комплекса и вооруженных сил. При этом отмечается стремление к совершенствованию системы обозначений и поиск оптимальных средств ослепления сложных понятий. Акронимичные номинации способны реализовать принцип рационализации коммуникации и компрессии, «упаковывая» многокомпонентные термины в емкие языковые единицы, удобные для произношения и запоминания. Еще более эффективными представляются метафорические акронимичные номинации. Известно, что метафору можно рассматривать как когнитивный механизм создания терминов. Метафорический термин является продуктом процесса заимствования из определенной области-донора, в результате которого номинация входит в состав специальной терминологии. По мнению М.Н. Володиной, именно в сфере терминологии проявляется когнитивно-познавательная функция языка [Володина 1993: 7]. Как считает М. Минский, основанные на когнитивной метафоре аналогии позволяют увидеть предмет или идею в свете другого предмета или идеи, что дает возможность использовать знание и опыт, приобретенный в области-доноре, для решения проблемы в области-мишени [Минский 1988: 282].

В ходе исследования был проанализирован корпус терминов ВС и ВПК США как одного из ключевых международных акторов на военно-политической арене. Среди них было обнаружено значительное количество акронимов-омонимов, которые можно разделить на несколько основных тематических групп:

1) вооружение и боевая / военная техника: HAWK (от англ. Hostile Activity Watch Kernel – центр наблюдения за вражескими действиями), BOAR (от англ. Bombardment Aircraft Rocket – бомбардировочная авиационная ракета);

2) военная стратегия и тактика: STRIKE (от англ. Software for Targeting Requirements, Information Operations and Kinetic Effects – программное обеспечение для определения требований к таргетингу, информационным операциям и кинетическим эффектам), CAESAR (от англ. Communications Electronic Attack with Surveillance and Reconnaissance, программа Министерства обороны США);

3) договоры о контроле над вооружением: SALT (от англ. Strategic Arms Limitation Talks – переговоры об ограничении стратегических вооружений), SORT (от англ. Strategic Offensive Reductions Treaty – Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов);

4) военные подразделения: FAST (от англ. Fleet Antiterrorism Support Team – группы обеспечения антитеррористической безопасности флота), SEAL (от англ. Sea, Air, Land – тактическое подразделение Сил специальных операций ВМС США). Оперативные группы, выполняющие боевую или связанную с обеспечением безопасности задачу, часто получают название-акроним, омонимичный обозначению животного, ассоциирующегося с их деятельностью, или прилагательному, подчеркивающему их качество.

Далее обратимся к рассмотрению областей-доноров акронимов-омонимов. В результате анализа отобранного нами корпуса акронимов-омонимов военных терминов были выявлены следующие области-доноры, используемые для метафорических номинаций: животный мир, природные явления, мифология и античность.

Животный мир	BAT (Battlefield Assessment Team), BOA (Battlefield Ordnance Awareness), CLAW (Close Air Support Weapon), MOOSE (Mobile On Orbit Support Equipment), ORCA (Operational Requirement-based Casualty Assessment), ROAR (Resource Optimization and Alignment Review), ROE (Remote Operating Equipment), STAG (Special Task Air Group), WASP (War Air Service Program), WOLF (Warrant Officer Liberation Front)
Природные явления	STORM (Simulation Testing Operations Rehearsal Model), BLAST (Battlefield Laser Acquisition Sensor Test), HEAT (High-explosive Anti-Tank), HAIL (Hydro Acoustic Information Link)
Мифология и античность	MARS (Multi-warfare Analysis and Research System), SPARTA (Softskill Performance and Real-Time Assessment), SPEAR (Standardized Patriot Evaluation and Assessment Reporting (US Army Air Defense Artillery))

Эти метафорические номинации являются результатом целенаправленной работы коллективов специалистов разных областей (психологов, лингвистов, конструкторов и других), «подгоняющих» именуемое понятие под уже существующее слово, которое может быть использовано как метафора. Таким образом, создаваемые метафоричные акронимы-омонимы призваны репрезентировать наиболее зна-

чимые качественно-характеризующие признаки терминируемых объектов: функциональные характеристики боевой техники, эффективность штурмовых бригад и тактики военных действий, продуктивность и мощность оружия.

LION (от англ. Lightweight Infrared Observation Nightsight – легкий инфракрасный прицел ночного видения). В метафоре используется отсылка к хищническим навыкам льва, позволяющим ему выследживать и ловить жертву.

THOR (от англ. Tactical High-powered Operational Responder – тактическое оружие противодействия высокой мощности). Функция противодействия данного вида оружия, т. е. защиты, отождествляется со скандинавским богом грома и молний Тором, защитником богов и людей.

SWORD (от англ. Submarine Warfare Operations Research Division – отдел исследований операций подводных лодок). Метафора иллюстрирует роль отдела как карающего меча, готового пресечь любую военную активность вражеских подводных лодок.

Среди акронимов-омонимов были отмечены случаи использования имен прилагательных, обозначающих важнейшие качества в военном деле: BEST (от англ. Basic Essential Skills Test (US Army) – система тренировки основных навыков американских солдат). Данный акроним-омоним призван создавать идею о превосходном уровне подготовки армии США. Другие примеры: SMART (медкомиссия армии США), FAST (бригада ВМФ США), RAPID (процессор разведанных).

Способность акронимов-омонимов привлекать внимание и выразительно представлять номинируемое явление (аттрактивная функция) является одной из причин частого использования их в заголовках статей. Двусмысленность, порожденная употреблением акронима-омонима, придает заголовку оттенок комизма:

How MAD can they be? («The Economist», February 8th, 2007) Акроним MAD (от англ. Mutual Assured Destruction – взаимное гарантированное уничтожение; mad – безумный), используемый в контексте обзора израильско-иранского конфликта, делает акцент на катастрофических последствиях его нарастания для всего мирового сообщества. Обе стороны обладают ядерным оружием, однако применить его может решиться лишь безумец.

Таким образом, акронимы-омонимы в военном дискурсе имеют выраженную и разнообразную прагматическую мотивированность, что позволяет сделать вывод о перспективности омонимов-акронимов в качестве номинаций, в том числе метафорических, в военном дискурсе.

Литература

Володина М.Н. Национальное интернациональное в процессе терминологической номинации. М.: МГУ, 1993.

Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: ЛКИ, 2007.

Минский М. Остроумие и логика когнитивного и бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М.: Прогресс, 1998. С. 281-309.

Oksana B. Mangova (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

Elena A. Degtyareva (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

ACRONYMS-HOMONYMS AS SPECIAL NOMINATIVE UNITS IN ENGLISH MILITARY DISCOURSE

The article describes the features of acronyms as nominative units. Special attention is given to acronyms-homonyms used as metaphorical nominations in military discourse: thematic groups of terminable objects are identified as well as the most productive donor domains for metaphorical terms. Further, an example of the use of an acronym-homonym in the title of a media article is analyzed.

Key words: acronym-homonym, military discourse, term, nomination, metaphor

Л.М. Месропян (Ростов, Россия)

Южный федеральный университет

mesropianl@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СХЕМЫ КАК КОНСТРУКТЫ ВОЗДЕЙСТВУЮЩЕЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье отражена попытка представления всей сложной системы речевого воздействия как эмоционально-когнитивной модели, основными конструктами которой являются когнитивные и эмоциональные схемы, которые представляют собой взаимообусловленное единство. Механизмы, определяющие набор задействованных когнитивных и эмоциональных схем, обозначаются как когнитивные стратегии.

Ключевые слова: речевое воздействие, эмоционально-когнитивная модель, когнитивные и эмоциональные схемы, когниции, эмоции

В научной психологической литературе понятия *когнитивная модель*, *когнитивная структура*, *когнитивные и эмоциональные схемы*, *когнитивная стратегия* часто выступают объектом обсуждения и основными конструктивными элементами той или иной научной гипотезы. Многообразие подходов определяет многообразие их трактовок и присвоение им зачастую различного категориального значения, во-первых, ввиду абстрактности данных представлений и явлений, во-вторых, по причине разности научных подходов к исследованию и описанию эмпирического материала.

В первую очередь обратимся к понятию **когнитивная модель**. Когнитивная модель в рамках когнитивной психологии рассматривается как некая метафора, отражающая специфику и механизмы психологических процессов, которые невозможно выявить и описать путем прямого наблюдения; можно лишь формировать представления путем опосредованного диагностирования. Когнитивная модель является прерогативой концептуальной науки, которая призвана описывать и выявлять закономерности явлений, не имеющих прямого материального выражения. Р.Л. Солсо дает такое определение когнитивной модели: «Когнитивная модель – это особая разновидность научных концепций, и они имеют те же задачи. Определяются они обычно по-разному, но мы определим когнитивную модель как метафору, основанную на наблюдениях и выводах, сделанных из этих

наблюдений, и описывающих, как обнаруживается, хранится и используется информация» [Солсо 1996: 44]. Итак, в рамках когнитивной психологии когнитивную модель можно назвать удобной «метафорой», необходимой для постижения опосредованно наблюдаемых когнитивных процессов.

Т.А. ван Дейк определяет модель как «специфический вид структурной организации знания в памяти» [Дейк 1989: 68]. При этом в концепции ван Дейка когнитивная модель ситуативно детерминирована. Он представляет когнитивную модель как когнитивный коррелят конкретной ситуации, описывающий когнитивные процессы с учетом фоновых знаний человека об этой ситуации и имеющегося у него жизненного опыта [Дейк 1989: 69]. Отсылка к когнитивной модели как некоему способу оперирования информацией содержится в работах В.А. Цепцова и П. Куарье [Цепцов, Куарье 1997: 81-85], которые в качестве компонентов когнитивной модели видят когнитивную канву, образующуюся в процессе коммуникации, с соответствующими репрезентативными маркерами правдоподобия; поиск дополнительной информации по заданной теме или ситуации. При этом в качестве когнитивной стратегии рассматривается такой механизм как установление причинно-следственных отношений, которые позволяют по результатам верификации установить степень правдоподобия и приемлемого для субъекта основания.

Отдельно следует обратиться к понятию **когнитивная стратегия**. Когнитивная стратегия видится как путь решения когнитивных задач, причем эта траектория не является априорной, а формируется в процессе речемыслительной деятельности, спонтанна, ситуативно обусловлена и зависит от наличия фоновых и эмпирических знаний субъекта об объекте мысли. В связи с этим когнитивные стратегии носят вероятностный характер, обладают гибкостью, зависят от ситуации и могут быть трансформированы в зависимости от смены мотивов и целей говорящего [Анохин 1980; Герасимов 2001]. С.Ю. Нарциссова называет когнитивную стратегию единицей когнитивной деятельности, опираясь на определение Л.С. Выготского о свойствах целого, и отмечает, что когнитивная стратегия и когнитивный стиль зачастую выступают в научной литературе как синонимы [Нарциссова 2010].

Интересным представляется понимание **когнитивной схемы**, принятой в психотерапевтическом направлении. Так, по мысли М. Падун и Н. Тарабриной, «схемы – это когнитивные структуры, которые организуют опыт и поведение; убеждения и правила отражают содержание схем и, следовательно, определяют содержание мышления, эмоций и поведения» [цит. по: Падун, Тарабрина 2003: 121].

Ж. Пиаже представил наиболее полную концепцию когнитивных схем, описав процессы их взаимодействия с поступающей информацией в виде двух механизмов: ассимиляции и аккомодации. Исходя из положения о том, что любая, даже абсолютно новая для субъекта информация обрабатывается сознанием с учетом уже имеющихся схем, накопленных в течение всей жизни, Пиаже рассматривал процесс принятия информации как соотнесение с имеющимися в сознании схемами и называл их ассимиляцией [цит. по: Glasersfeld 1996]. Так, в

теориях когнитивных процессов схемы рассматриваются как собственно когнитивные конструкты, которые определяют восприятие и познание.

Следует также уделить внимание понятиям **когнитивной модели** и **эмоциональной схемы**, которые активно используются в рамках когнитивно-поведенческой терапии. В частности, стоит обратиться к работам Р. Лихи, одного из основоположников когнитивной терапии, автора социально-когнитивной модели эмоций и эмоциональной регуляции [Лихи 2020; Лихи 2021], в которых негативные эмоциональные состояния активизируются и усугубляются из-за когнитивных искажений, а сами эмоции рассматриваются не как побочное действие, а как объект когнитивной рефлексии. Описывая принцип когнитивной психотерапии, Лихи пишет: «Я предложил идею, что компонентом разворачивающегося процесса переживания эмоции является интерпретация и оценка этой эмоции, а также использование полезных и бесполезных стратегий эмоциональной регуляции. Я обозначил эти понятия и процессы как эмоциональные схемы» [Лихи 2020: 18]. Таким образом, исследователь термином «эмоциональная схема» обозначает процесс когнитивной оценки субъектом своего эмоционального состояния, зафиксированного в виде постоянной и повторяющейся структуры в сознании субъекта. Исходя из этого положения, можно говорить о том, что эмоциональные схемы по Лихи – это те же когнитивные схемы, с той лишь разницей, что содержанием данных схем является рефлексия на собственные эмоции.

Анализируя представленную выше информацию, мы пришли к выводу о том, что необходимо представить некую универсальную модель речи, которая охватила бы, по возможности, основные компоненты всей сложной системы познания.

Мы исходим из того, что когниции представляют собой процесс распознавания и отождествления объектов с некими представлениями в сознании. Эмоции представляются собой субъективное отношение человека к воспринимаемому и познаваемому объекту или явлению, представляют собой результат оценки субъектом объекта познания. Эмоции и когниции тесно взаимосвязаны и представляют две стороны одного и того же процесса – познания. Язык является средством отражения эмоциональных и когнитивных процессов в сознании человека и в то же время выступает инструментом упорядочивания и систематизации приобретенных, обрабатываемых и хранимых знаний. Воздействуя на одну из сторон этого процесса, можно изменить и вторую, а значит, и итог всего познания в целом.

С учетом принятых оснований наиболее рациональным представляется рассматривать процесс речевого воздействия как эмоционально-когнитивную модель, представляющую собой целостную систему, состоящую из когнитивных и эмоциональных схем, связанных между собой неразрывными и ситуативно-обусловленными отношениями, определяющими траекторию функционирования, т. е. выбор когнитивных стратегий.

Эмоционально-когнитивная модель в нашем представлении является той самой концептуальной метафорой, которая описывает наше представление о процессах познания. Мы не используем понятие модели как обозначение единицы восприятия субъектом конкретной ситуации. Для описания этих относительно

устойчивых компонентов мы используем термин «когнитивная и эмоциональная схема». Причем под когнитивной схемой мы понимаем имеющиеся когнитивные конструкты, сформировавшиеся на базе фоновых знаний и личного опыта субъекта. Эмоциональные схемы рассматриваются нами как устойчивые аффективные паттерны, сформировавшиеся в сознании субъекта также в результате собственных эмоциональных переживаний. Когнитивные и эмоциональные схемы в каждом конкретном случае образуют взаимообусловленное единство. При этом следует отметить, что как когнитивные, так и эмоциональные схемы могут быть социально и культурно детерминированными, обусловленными в отдельных случаях, в том числе и особенностями используемого языка. Механизмы, определяющие набор задействованных когнитивных и эмоциональных схем, мы называем когнитивными стратегиями.

Литература

- Анохин П.К. Узловые вопросы теории функциональной системы. М.: Наука, 1980.
- Герасимов В.И. К становлению «когнитивной грамматики» // Когнитивные исследования в языкознании и зарубежной психологии: Хрестоматия / под ред. В.А. Пищальниковой, Е.В. Лукашевич, А.Г. Сониной. Барнаул: АГУ, 2001. С. 51-57.
- Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
- Лихи Р. Терапия эмоциональных схем. СПб.: Питер, 2021.
- Лихи Р. Техники когнитивной психотерапии. СПб.: Питер, 2020.
- Нарциссова С.Ю. Когнитивная модель и когнитивные стратегии // Наука и современность. 2010. № 6-1. С. 393-397.
- Падуи М.А., Тарабрина Н.В. Психическая травма и базисные когнитивные схемы личности. // Московский психотерапевтический журнал. 2003. Т. 11, № 1. С. 121-141.
- Солсо Р.Л. Когнитивная психология. М.: Тривола, 1996.
- Цетцов В.А., Куарье П. Когнитивная модель аргументации // Психологический журнал. 1997. Т. 18, № 1. С. 81-85.
- Glaserfeld E. Radical Constructivism. A Way of Knowing and Learning // Studies in Mathematics Education Series 6. London; Washington: The Palmer Press, 1996. Pp. 53-75.

Lilit M. Mesropyan (Rostov, Russia)
Southern Federal University

COGNITIVE AND EMOTIONAL SCHEMAS AS CONSTRUCTS OF INFLUENCING COMMUNICATION

The article reflects an attempt to represent the entire complex system of speech influence as an emotional-cognitive model, the main constructs of which are cognitive and emotional schemes, which represent an interdependent unity. The mechanisms that determine the set of cognitive and emotional schemes involved are referred to as cognitive strategies.

Key words: speech impact, emotional-cognitive model, cognitive and emotional schemes, cognition, emotions

МЕТОНИМИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ДВУХКОМПОНЕНТНЫХ ЗООНИМОВ

В статье рассматриваются метонимические модели формирования двухкомпонентных сложных слов-зоонимов. Отмечен ряд характеристик, когда происходит метонимический перенос. Даны примеры использования метонимического переноса при формировании семантики английских двухкомпонентных зоонимов.

Ключевые слова: зооним, сложное слово, метонимия, метонимическая модель, концептуальная характеристика

Метонимия укореняется в сфере когнитивных исследований. Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что наравне с метафорой метонимия выходит за рамки языкового явления. Метонимические выражения в концептуальной системе человека взаимодействуют и выражаются в виде константных, устойчивых метонимических концептов, структурирующих и организующих хаотичность мысли и взаимоотношений с окружающими и действий, направленных на познание. Подобная системность получает отражение в культуре посредством языка. Источником в процессе метонимического проецирования являются представления о таких объектах или явлениях, которые представляются для человека более наглядными и функционально значимыми. Метонимия считалась фигурой речи, в которой одно значение слова служит отсылкой к другому значению того же слова. Например, в предложении «The chicken was tasty», курица в контексте животного понятия передается как мясное понятие. С тех пор как появилась теория концептуальных связей, метонимию чаще стали рассматривать как когнитивный феномен, а не просто языковое явление [Lakoff, Johnson 2008]. Некоторые метонимии кажутся произвольными и демонстрируют определенный уровень систематичности, как, например, в предыдущем примере ANIMAL FOR MEAT: мы можем сказать «ягненок был вкусным», «рыба была вкусной», «индейка была вкусной» и т. д. В отличие от этого знаменитый пример Дж. Нанберга (1995) «Сэндвич с ветчиной находится за столом 7», напротив, подчеркивает другой вид метонимии, часто называемой «косвенной», которая понятна только в ограниченном диапазоне ситуаций.

Анализ двухкомпонентных зоонимов показал, что при их создании может быть использована метонимическая когнитивная модель PART – WHOLE. Как правило, по характерному свойству (цвет, форма, рисунок) какой-то части тела называется животное. В основу метонимического переноса положен ряд характеристик, таких как **'body part of a certain colour'**, **'body part of a certain form'**, **'body part which contains something'**, **'body part of certain quality'**.

Рассмотрим некоторые примеры, в которых некая часть тела имеет определенный оттенок **'body part of a certain colour'**: *greenhead* «a biting horsefly with *green eyes*» [COED 2006], «as a type of biting fly with a green-colored head, by 1837»

[<https://www.etymonline.com/word/greenhead>] (у данного вида мух голова зеленого цвета); *yellow underwing* «a moth with hindwings that are yellow with a black terminal band» [там же] (наличие желтых крыльев у этого вида моли легло в основу при формировании семантики зоонима); *whitethroat* «a migratory warbler with a grey head and white throat» [Merriam-Webster's Collegiate English vocabulary]; *bluegill* «an edible North American freshwater fish with a deep body and bluish cheeks and gill covers» [там же]; *Blue Eyes* или *rainbowfish* «small freshwater fish of South America and the West Indies; often kept in aquariums» [<https://www.thefreedictionary.com/rainbow+fish>] (яркий радужный окрас рыбки отражен в семантике данного зоонима); *blackface* «a type of sheep with a black face» [там же] (название этого вида овцы сформировано благодаря наличию одного характерного признака – морды черного цвета).

Нами выявлены примеры, в которых метонимическая модель имеет двойное использование, например, в ходе создания двухкомпонентных зоонимов, где колороним является одним из компонентов (метонимическая когнитивная модель WHOLE – PART). Используются две метонимические модели PART – WHOLE и WHOLE – PART. Например, *ruby-tail* «a parasitic wasp with an orange-red tip to the abdomen, which lays its eggs in bees' nests» [там же] (все насекомое получило название за счет яркого оранжево-красного хвоста); *bloodworm* «the bright red aquatic larva of a midge» [там же]; *firecrest* «a very small songbird with a red and orange crest, related to the goldcrest» [там же]; *bloodfin* «a small South American freshwater fish with bright red fins, popular in aquaria» [там же] (ярко-красные плавники рыбки дают отсылку к цвету крови и отражены в названии всего зоонима); *cottonmouth* «a large, dangerous semiaquatic pit viper of the south-eastern US, which opens its mouth wide to display the white interior when threatening» [там же], «venomous serpent of the U.S. South» 1849, so called for the white streak along its mouth [<https://www.etymonline.com/word/cottonmouth>] (характерная белая полоска вдоль рта отражена в названии).

Интересный пример представляет собой двухкомпонентный зооним *liver chestnut* «a horse of a dark chestnut colour» [COED 2006] лексической категории «mammals». При его создании для обозначения оттенка цвета используется метонимическая когнитивная модель WHOLE – PART, а затем при помощи метонимической когнитивной модели PART – WHOLE называется животное.

Среди примеров **'body part of a certain form'** нами выявлены: *broadbill* «a small, colourful songbird of the Old World tropics, with a large head and a wide, flattened bill» [там же]; *flathead* «an edible tropical marine fish that has a pointed flattened head with the eyes on the top» [там же] (плоская форма головы сформировала семантику данного зоонима).

Следует отметить еще одну группу примеров, в которых **'body part which contains something'**: *ringneck* «a bird with a ring of colour round the neck, especially a common pheasant with a white neck ring» [там же]; *keelback* «a harmless Australian snake which lives close to water, so named because each scale on the back has a keel» [там же].

И заключительная группа выявленных примеров **‘body part of certain quality’**: *wryneck* «the bird so called from the singular manner in which it can twist the neck» [<https://www.etymonline.com/word/wryneck>]; *bighorn* «a stocky brown wild sheep with large horns, found in the Rocky Mountains» [там же].

Как показывает исследование, при формировании семантики сложных слов-зоонимов, активно применяется метонимическая когнитивная модель PART – WHOLE. Метонимическое переосмысление направлено на второй компонент сложного слова, в то время как первый компонент передает представление об определенной характеристике части тела, обозначенного вторым компонентом. В процессе формирования семантики с учетом метонимической когнитивной модели WHOLE – PART переосмысляться может первый компонент сложного слова, а при помощи модели PART – WHOLE – второй компонент.

Литература

COED – Concise Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 2008.

*Lyudmila E. Naldeeva (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

METONIMICAL FORMATION OF TWO-COMPONENT COMPOUND WORDS – ZOONYMS

The paper deals with formation metonymic models of two-component compound words-zoonyms. Characteristics of metonymical transfer examples are noted. Examples of metonymic transfer usage in the formation of the semantics of English two-component zoonyms are given.

Key words: zoonym, compound word, metonymy, metonymic model, conceptual characteristic

*Н.Ю. Нелюбова (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
nat.nelubova@mail.ru*

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ «ЕДА» ВО ФРАНЦУЗСКИХ И РУССКИХ ПАРЕМИЯХ

В статье приведены результаты сопоставительного исследования гастрономических компонентов во французских и русских паремиях, формирующих концептуальное поле ЕДА. Анализ материала авторской картотеки, полученный путем сплошной выборки из французского и русского паремиографических источников, позволил дать характеристику особенностей употребления универсальных и специфических компонентов.

Ключевые слова: гастрономическая лексика, концептуальное поле ЕДА, универсальные компоненты, специфические компоненты, французские паремии, русские паремии

Изучение паремиологического материала различных языков иллюстрирует тот факт, что образование и сохранение ассоциативных связей в памяти и языковом сознании человека происходит благодаря наличию в семантической струк-

туре пословиц определенных ключевых понятий, выраженных соответствующими лексическими компонентами. Такие понятия часто имеют образное воплощение и могут подвергаться коннотативному осложнению, «именно ключевые понятия, в том числе в своем образном выражении, выступают маркерами этнонациональной картины мира» [Иванов и др. 2021: 238].

В данном ракурсе интерес представляет анализ ключевых элементов разноязычных пословиц, составляющих концептуальное поле, выступающее как маркер национальной идентичности, каковым является, в частности, еда, представляющая собой этническую и национальную константу [Павловская 2022: 285]. Исследование французского [Montreupaud и др. 2006] и русского [Мокиенко, Никитина 2011] материала позволило выявить около 110 компонентов, обозначающих гастрономические понятия во французских паремиях и более 70 – в русских, среди которых можно выделить как общие, так и специфические. Отметим, что по сравнению с предыдущими исследованиями [Нелюбова и др. 2020; Нелюбова 2023а; Нелюбова 2023б] нами были уточнены некоторые данные по количественному составу французских пословиц (всего выявлено 311 единиц) и содержащимся в них гастрономическим компонентам.

Эти единицы представляют собой в основном существительные-наименования еды как общего понятия, а также продуктов и предметов быта, связанных с приемом пищи, большинство из которых могут выступать как отдельные концепты с определенной символикой; глаголы, связанные с приготовлением и приемом пищи; прилагательные, выражающие состояние продуктов и их вкусовые качества.

Выявленные компоненты не обладают на фоне общего числа паремий высокой частотностью употребления, но показательны с точки зрения традиций питания. Приведем ниже компоненты-наименования продуктов, напитков и процент их употребления во французских и русских паремиях (см. Табл.).

Таблица. Общие и специфические гастрономические компоненты-продукты питания и напитки с частотностью их употребления во французских и русских паремиях

	Общие компоненты и % их частотности	Специфические компоненты и % их частотности
Французские паремии	<i>le vin</i> (9,3) / вино (7,1); <i>le pain</i> (9) / хлеб (8); <i>le miel</i> (3,5) / мед (1,6); <i>l'oeuf</i> (3,2) / яйцо (0,8); <i>la farine</i> (2,5) / мука (0,2); <i>le lait</i> (2,3) / молоко (0,5); <i>la chair / la viande</i> (2,3) / мясо (0,6); <i>le lard</i> (2,3) / сало (0,2); <i>la soupe</i> (2,3) / суп (0,3); <i>le blé</i> (1,9), <i>le froment</i> (0,6) / пшеница (0,2); <i>le manger</i> (1,3), <i>la nourriture</i> (0,3) / еда (0,9); <i>le fromage</i> (1,3) / сыр (0,1); <i>le poisson</i> (1,3) / рыба (0,7); <i>le(s) chou(x)</i> (1,3) / капуста (0,2); <i>l'os</i> (1,3) / кость (2,3); <i>le sel</i> (1) / соль	<i>le boeuf (viande de boeuf)</i> / бык (говядина) (1,6); <i>la sauce / соc</i> (1,6); <i>le fruit</i> / фрукт, плод (1,6); <i>la poire</i> / груша (1,3); <i>l'anguille</i> / угорь (1,3); <i>le perdriz</i> / куропатка (1); <i>le veau</i> / телятина (1); <i>le boire</i> / питье (1); <i>le melon</i> / дыня (1); <i>le chapon</i> / каплун (0,6); <i>le poulet</i> / курица, цыпленок (0,6); <i>l'omelette</i> / омлет, яичница (0,6); <i>le lièvre</i> / заяц (0,6); <i>le(s) hareng(s)</i> / сельдь (0,6); <i>la truite</i> / форель (0,6); <i>la cerise</i> / вишня (0,6); <i>(chair de) mouton</i> / баранина (0,3); <i>le jambon</i> / окорок (0,3); <i>la sole</i> / морской язык (0,3); <i>le bouillon</i> / бульон (0,3); <i>la bécasse</i> / бекас (0,3); <i>l'agneau</i> / ягненок (0,3); <i>la carpe</i> / карп (0,3); <i>le brochet</i> / щука (0,3); <i>le saumon</i> / лосось (0,3); <i>le vairon</i> / пескарь (0,3); <i>le piment</i> / острый перец (0,3); <i>la salade</i> / салат (0,3); <i>le vinaigre</i> / уксус (0,3); <i>l'amande</i> / миндаль

	(1,6); <i>la pomme</i> (1) / яблоко (0,3); <i>le beurre</i> (1) / сливочное масло (0,3); <i>l'eau</i> (1) / вода (3,2); <i>le pâté</i> (0,3), <i>la tourte</i> (0,3) / пирог(и) (2,9); <i>la moutarde</i> (0,3) / горчица (0,1);	(0,3); <i>la carotte</i> / морковь (0,3); <i>les ciboules</i> / зеленый лук (0,3); <i>les mûres</i> / шелковица (0,3); <i>le raisin</i> / виноград (0,3); <i>la boisson</i> / напиток (0,3); <i>la gaufre</i> / вафля (0,3); <i>les épiluchures</i> / очистки (0,3); <i>le rhum</i> / ром (0,3); <i>le rouge</i> / красное вино (0,3); <i>le blanc</i> / белое вино (0,3)
Русские паремии	<i>la noix</i> (0,3) / орех(и) (0,36); <i>l'oignon</i> (0,3) / лук (0,1); <i>l'ail</i> (0,3) / чеснок (0,1); <i>le levain</i> (0,3) / дрожжи (0,1); <i>le biscuit</i> (0,3) / печенье, сухарь(ик) (0,36); <i>le seigle</i> (0,3) / рожь (0,7); <i>l'avoine</i> (0,3) / овес (0,1)	<i>пив(у)о</i> (3,8); <i>щи</i> (1,4); <i>каша</i> (1,4); <i>брага</i> (1,3); <i>гриб(ок)ы(и)</i> (1,1); <i>водка</i> (0,9); <i>блин(ок)ы(и)</i> (0,8); <i>малина</i> (0,8); <i>калач</i> (0,7); <i>ломоть</i> (0,6); <i>каравай</i> (0,4); <i>ягоды</i> (0,4); <i>квас(ок)</i> (0,4); <i>кисель</i> (0,4); <i>пряник</i> (0,36); <i>сметана</i> (0,36); <i>редька</i> (0,36); <i>медовуха</i> (0,36); <i>краюх(шк)а</i> (0,2); <i>крошка</i> (0,2); <i>корка</i> (0,1); <i>оладьи</i> (0,1); <i>срузди</i> (0,1); <i>клюква</i> (0,1)

Общие компоненты отражают универсальные кулинарные реалии, а специфические – в большей степени присущие или французской, или русской кулинарной традиции. Универсальные компоненты (около 30), среди которых самыми частотными в двух языках являются *le vin* / вино и *le pain* / хлеб, как правило, обладают сходной символикой в двух лингвокультурах, однако могут различаться частотностью употребления в паремиях двух языков и играть разную роль в кухне двух стран. Количество специфических компонентов во французских паремиях (40) более чем в полтора раза превышает число специфических компонентов в русском паремиологическом материале (24).

В среднем частотность компонентов-существительных, обозначающих продукты питания и напитки, во французских паремиях превышает частотность аналогичных компонентов в русских. В 5 раз чаще встречаются следующие компоненты: *le fromage*, чем соответствующий ему компонент *сыр* в русских паремиях; *le lard* – чем *сало*; *le blé* – чем *пшеница*, при этом еще употребляется единица *le froment*; *la soupe* – чем компонент *суп* и *le(s) chou(x)* – чем *капуста*. В этом перечне компоненты указаны в порядке убывания соотношения.

В русских паремиях только компоненты *пирог(и)*, *вода* и *рожь* по частотности превышают соответствующие им компоненты *le pâté* и *la tourte*; *l'eau* и *le seigle*. Полученная картина в полной мере отражает специфику французских и русских кулинарных традиций.

Необходимо обратить внимание на наличие в русском материале достаточно большого количества форм, образованных аффиксальным способом за счет прибавления уменьшительных суффиксов: *Куму блинками*, а *Фому пинками*; *Счастье не пирожок: на тарелочке не поднесут*; *Удастся – бражка, не удастся – квасок* и др., что не наблюдается во французском языке. Этот факт может объясняться тем, что аффиксация как способ словообразования шире представлен в русском языке, на что обращал внимание В.Г. Гак, как и на доминирование в русском языке оценочной суффиксации [Гак 1989: 238]. В данном случае уменьшительные суффиксы, особенно в составе лексем, обозначающих специфические русские гастрономические компоненты, выполняют важную эмоционально-оценочную функцию.

Среди специфических компонентов французских паремий обращают на себя внимание обозначения различных видов мяса, птицы и рыбы, упоминания

соуса и приправ, а также различных видов напитков, которые могут служить образной основой паремий, что связано с многообразием продуктов, использующихся во французской гастрономической традиции: *Il ne faut pas mettre le lièvre en sauce avant de l'avoir attrapé* / Не следует класть зайца в соус, пока не поймаете его; *Il faut perdre un vairon pour pêcher un saumon* / Нужно потерять пескаря, чтобы поймать лосося; *Si on avait toujours des cerises et des raisins, on pourrait se passer de médecin* / Если бы всегда были вишни и виноград, можно было бы обойтись без врача и др.

Анализ гастрономических понятий как основы формирования концептуального поля ЕДА в паремиях двух языков позволил выявить значительное большее разнообразие продуктов питания во французском материале и в целом его большую насыщенность пищевыми компонентами по сравнению с русским ввиду развитой гастрономической традиции во Франции. Максимальной распространенностью в двух языках обладают универсальные компоненты, причем они могут различаться частотностью употребления в паремиях двух языков и местом в кухне двух стран.

Литература

Гак В.Г. Сравнительная типология русского и французского языков. М.: Просвещение, 1989.

Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 232-248.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Народная мудрость. Русские пословицы. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011.

Нелюбова Н.Ю., Семина П.С., Казлаускене В. Гурманство в иерархии ценностей французов и бельгийцев (на материале пословиц и поговорок). *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 4. С. 969-990.

Нелюбова Н.Ю. Метафорическое представление гастрономического культурного кода во французских, русских и тувинских паремиях: аксиологический аспект // Когнитивные исследования языка. 2023а. № 2 (53). С. 458-465.

Нелюбова Н.Ю. Репрезентация концепта ЕДА в русских и французских пословицах: лингвоаксиологический анализ // Когнитивные исследования языка. 2023б. № 3 (54). С. 767-772.

Павловская А.В. Человек есть то, что он ест. Пищевые системы мира. М.: Ломоносовъ, 2022.

Montreynaud F., Pierron A, Suzzoni F. Dictionnaire de proverbes et dictions. P.: Le Robert, 2006.

Natalia Yu. Nelyubova (Moscow, Russia)

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

GASTRONOMIC VOCABULARY AS THE BASIS FOR THE FORMATION OF THE CONCEPTUAL FIELD OF "FOOD" IN FRENCH AND RUSSIAN PAREMIAS

The article presents the results of a comparative study of gastronomic components in French and Russian paremiads that form the conceptual field of FOOD. Analysis of the material from the author's card index, obtained through a continuous selection from French and Russian paremiographic sources, make it possible to characterize the features of using universal and specific components.

Key words: gastronomic vocabulary, conceptual field of FOOD, universal components, specific components, French paremiads, Russian paremiads

ПОЛИТИЧЕСКИ КОРРЕКТНАЯ ЛЕКСИКА КАК ЛАТЕНТНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ В США

В статье рассматриваются лексическая индикация скрытых форм расовой дискриминации и причины ее сохранения в обществе на примере между белым и афроамериканским населением США, которые находят отражение в философии движений Intellectual Dark Web (IDW), Black Lives Matter и идеологии wokeism, social justice warriors (SJW). Автором принимается точка зрения, что избыточная политическая корректность является бустером расовой дискриминации.

Ключевые слова: расовая дискриминация, лексическая индикация, межрасовый дискурс, политически корректная лексика, wokeism, интеллектуальная темная паутина

Расовая сегрегация США, которая проявляется в привилегированном положении известного этнического сообщества – белых англосаксонских протестантов, началась в 1865 г. с принятия 13-й поправки к американской конституции, которая запрещает рабство [tenBroek: 1951]. Расистская идеология формулируется элитными группами и получает широкое распространение благодаря целому ряду форм публичного дискурса. Тотальная сегрегация XIX в. американских индейцев, афроамериканцев, романского этноса, монголов (общий термин для восточноазиатских этнонимов) [Leupp: 2003; Афанасьева и др: 2019] в XXI в. трансформируется в гипертрофированную эфемизацию лексического фонда во всех сферах жизни в США. И, как представляется, трансформации ценностей, поведенческих стратегий и социальных норм в современном обществе – предмет изучения как лингвистики, так и смежных наук.

В рамках статьи исследуются изменения ценностей и социальных норм на материале сети Интернет языка таких движений как Intellectual Dark Web (IDW), Black Lives Matter и идеологии wokeism, social justice warriors (SJW). В связи с этим представляется важным выделить междисциплинарное явление *политическая корректность*, которое возникло в США с конца XX века и является предметом дискуссий лингвистов, философов и культурологов [Адлер1994; Уолкер 1993; Тер-Минасова 2000]. Вследствие этого подходы к анализу политической корректности различны: в определении В.В. Панина, термин трактуется как особая идеологическая реальия, языковое движение, культурно-поведенческая и языковая тенденция, языковая толерантность и др. [Панин 2002]. Политическая корректность трактуется как тенденция, проявляющаяся в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. п. [Тер-Минасова 2000]. Следовательно, поведенческие ритуалы непосредственно находят отражение в языке. С.Г. Тер-Минасова отмечает, что «Язык и идеология взаимодействуют друг с другом: идеология оказывает большое влияние на язык, но и язык влияет на идео-

логию» [там же: 121]. А.Н. Себрюк подчеркивает, что «система взглядов и идеалов того или иного общества, закрепленная в языке и эмоционально-оценочная окраска языковых единиц находятся в прямой связи с нравственным и социально-экономическим состоянием общества» [Себрюк 2019: 136]. Таким образом, выделяются два аспекта политической корректности: во-первых, культурно-поведенческий аспект (идеология и политика); во-вторых, языковой аспект политической корректности, который проявляется в поиске новых средств языкового выражения и корректировке языкового кода [Панин 2002; Afanasjeva et al. 2020; Баранова 2021].

Расизм XXI в. выражается преимущественно имплицитно; так называемый *covert racism*, который включает проявление излишней вежливости или выражается в нестандартном употреблении эвфемизмов. Более того, являясь средством выражения основных идеологических позиций, язык является мощным инструментом воздействия на общественное сознание [Себрюк 2019]. Целью исследования является изучение социально-политических, расово-этнических, гендерных и физиологических политически корректных терминов и их семантическая оценка. Исследование политики движений *Intellectual Dark Web (IDW)* и *Black Lives Matter* наглядно показывает, что утриванная защита афроамериканцев провоцирует еще больший расово-этнический раскол нации. Благородная цель либеральной общественности – создание инклюзивного общества, предоставляющего равные права и возможности всем своим гражданам вне зависимости от их социально-политических, расово-этнических, гендерных и физиологических особенностей – фактически не находит адекватной реализации ни в поведенческом аспекте, ни в языковом.

Intellectual Dark Web (Темная сеть интеллектуалов) – американское движение, основанное экономистом Э. Вайнштейном, которое начало свою деятельность с прецедента в государственном колледже Эвергрин в США (Evergreen State College) в 2017 г. с введения так называемой социальной справедливости «Дня отсутствия» для белых студентов, которым необходимо было покинуть территорию университета на сутки в знак солидарности со студентами других рас, в частности, с афроамериканцами, которых раньше не допускали на учебу в вузы. Б. Вайнштейн посчитал, что такая акция является имплицитным расизмом и написал открытое письмо своим коллегам: «Право говорить или присутствовать в университете не должно даваться на основании цвета кожи». Впоследствии профессор был уволен с должности. Данный прецедент стал основой формирования движений против доминирования политической корректности и культуры отмены.

Black Lives Matter («Жизни черных важны») является общественным движением, выступающим против расизма и насилия в отношении чернокожих, в особенности против полицейского насилия. Активисты движения привлекают внимание к социальной несправедливости по отношению к чернокожим, а также к общественным институтам и законам, направленным на закрепление сложившейся несправедливости. Акции движения (массовый вандализм и ритуалы преклонения колена в знак солидарности с чернокожим населением) приобрели массовый экзальтированный характер после гибели Дж. Флойда.

Wokeism, social justice warriors (SJW) – идеологии, направленные на «*позитивную дискриминацию*», целью которой является активное презентация меньшинств и четкое разделение общества на «жертв» и «обидчиков». Следование концепции *equity* (равенство результата); экзальтация политкорректности; отрицание индивидуализма и распространение положения, что человек является лишь продуктом культуры, при этом биология личности вторична. Таким образом, можно заключить, что концепция пропагандирует «культуру отмены».

В лингвистической традиции уже давно утвердилось положение, что язык – это система знаков, совокупность «означаемого» и «означающего», следовательно, первостепенной задачей лингвистической семантики является описание означаемого этих знаков, и именно значение составляет суть семантического содержания языкового знака [Никитина 2020: 238]. В настоящей работе представлен анализ значения политически корректных терминов и лингвистическая оценка их целесообразности с точки зрения функциональности при естественной экономии языка, сформулированной А. Мартине. Согласно этому принципу, изменение языка является компромиссом между потребностями коммуникации и стремлением человека к минимизации усилий [Мартине 1963] и постулатам Г.П. Грайса [Грайс 1985].

Лингвистическая оценка гендерных и физиологических политически корректных терминов: *Theybe* – существительное, обозначающее младенца, родители которого хотят воспитывать его в гендерно нейтральной манере (*gender-neutral fashion*): *Don't call me baby: the birth of the gender-neutral 'theyby' / Не называйте меня малышом: рождение гендерно нейтрального малыша-оно (theyby)* [theguardian.com: http]. Данный термин появился вопреки языковой экономии, поскольку в слове *baby, babe* отсутствует указание на половую принадлежность ребенка. В толковом словаре Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD) в семантической структуре слова *baby* выделяется два значения: очень маленький ребенок или животное и самый младший член семьи или группы. Этимология слова *baby, babe* звукоподражательная и является типичной ранней детской вокализацией [OALD: http]. Тогда как при употреблении нового слова *theybe* данная функция исчезает. Следовательно, языковой потребности для введения нового термина, даже несмотря на реалии гендерно нейтрального воспитания, не существует.

Лингвистическая оценка социально-политических политически корректных терминов. Опираясь на группы, выделенные В.В. Паниным, применительно к теории политический корректности, появление политически корректных терминов *financially challenged, deprived, unprivileged*, заменяющих слово *poor* представляется обоснованным, в то время как, например, замещение *foreign languages / иностранные языки* словосочетанием *modern languages / современные языки* затрудняет использование слова, поскольку в терминологическом плане под современными языками понимают языки, которые функционируют в настоящее время, в противоположность мертвым (латыни и т. д.); *house plants / домашние растения* замещается термином *botanical companions / ботанические компаньоны*, так же как и *pet / домашний любимец* становится *animal companion / животное-компаньон*; *father / mother / мать / отец* преобразованы в *parent 1 / parent*

2 / родитель № 1 / родитель № 2; slums / трущобы – *substandard housing* / не отвечающий требованиям стандарта жилищные условия; гендерно нейтральные местоимения *He / she / they / Он, она, оно – E / AE / EY / EE / EM*.

Лингвистическая оценка расово-этнических корректных терминов. Далее выделяем пары, связанные с расово-этническими нормами *Oriental – Asian; Jew – Jewish; Hispanic – Latino; Eskimo – Native Alaskan; Tribe – people*.

При этом примечательно, что авторы публикаций на официальном сайте движения *Black Lives Matter* игнорируют общепринятую межрасовую толерантность и употребляют такие термины как, *black people, black women, black teen, a zero-tolerance, white-supremacist-capitalism, white supremacy lives* [blacklivesmatter: <https://blacklivesmatter.com/>]. Анализ текстов показал, что основатели движений требуют толерантности от всех рас и этносов, кроме афроамериканской. Следовательно, агрессивная политика на устранение расовой дискриминации приводит к дискриминации англо-саксонского населения США и не решает вопрос искоренения расовой дискриминации в США.

Литература

Афанасьева О.В. Американская культурно-языковая картина мира XIX века: время, свобода, судьба, одиночество, достоинство. М.: Диона, 2019.

Баранова К.М. Эвфемизация речи на современном этапе развития английского языка // Вестник МГПУ. Серия: филология. Теория языка. Языковое образование. 2021. № 1 (41). С. 32-41.

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. С. 222-229.

Никитина В.В. Проблема разграничения: значение vs смысл vs понятие vs концепт как метаязык описания семантической структуры языкового знака // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 6. С. 238-242.

Себрюк А.Н. Лингвистическая дискриминация и лингвистическая апроприация как примеры феномена двойственного сознания в США // Вестник НГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17. № 1. С. 134-148.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.

Панин В.В. Эвфемия в системе средств идеологического воздействия // Коммуникация и язык. Тюмень: Академия, 2002. С. 85-86.

Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М.: Прогресс, 1963. С. 366-566.

Adler J. *Testimony* Trust, Knowing // *Journal of Philosophy*. 1994. Vol. XCI. Pp. 264-275.

Афанасьева О.В. Precedent Phenomena as Symbols of Cultural Identity in YA Fiction // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2020. Vol. 95. Pp. 1098-1106.

Garber M.A. Foreword: Plus or minus one: the Thirteenth and Fourteenth Amendments // *Maryland Law Review*. 2011. Vol. 71. No. 1. Pp. 12-20.

Leupp G.P. *Interracial Intimacy in Japan: Western Men and Japanese Women* // A&C Black, 2003.

tenBroek J. Thirteenth Amendment to the Constitution of the United States: Consummation to Abolition and Key to the Fourteenth Amendment // *CALIF. L. REV.* 1951. 171. Pp. 189-194.

The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/books/2018/apr/26/steven-pooles-word-of-the-week>.

Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com>.

Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD). URL: <http://www.oxford-learners-dictionaries.com>.

**POLITICALLY CORRECT VOCABULARY
AS A LATENT MANIFESTATION OF RACIAL PROFILING IN THE USA**

The paper aims to indicate the hidden lexical forms of racial profiling and why they preserve in society on the example between white and African-American population of the USA, which are reflected in the philosophy of Intellectual Dark Web (IDW), Black Lives Matter movements (BLM) and ideology of wokeism, social justice warriors (SJW). The author claims that excessive political correctness is a booster of racial profiling.

Key words: Racial discrimination, racial profiling lexical indication, interracial discourse, politically correct vocabulary, wokeism, intellectual dark web

*Е.Г. Озерова (Белгород, Россия)
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ozeroval@bsu.edu.ru*

**КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВОПОЭТИКА
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ**

В статье рассматриваются термины и понятия когнитивной лингвопоэтики, центральным понятием которой является эготоп как сущность авторского Я и репрезентант целостного ценностно-смыслового восприятия действительности, которая кодируется субъективными интенциями автора текста лирической прозы.

Ключевые слова: когнитивная лингвопоэтика, текст лирической прозы, архитектоника, эготоп

Когнитивная лингвопоэтика в настоящее время переживает этап теоретического осмысления и становления терминологического аппарата, которые обусловлены исследованием ценностно-смыслового пространства художественного текста как репрезентанта индивидуально-авторского мировосприятия, чувственного и эмотивного восприятия действительности. Когнитивная поэтика в текстах лирической прозы направлена на выявление когнитивной базы чувственного восприятия действительности, фокусирующей авторское лирическое сознание и способствующей порождению лирикопрозаического текста. Для нашего исследования принципиально важным представляется написание данного термина слитно, что обуславливается подчинительной связью частей сложного слова – это лирика в прозе. Под лирикопрозаическим текстом мы понимаем «продукт дискурсивной деятельности: произведение прозаической формы лирического жанра, наполненное чувственным авторским восприятием жизни» [Озерова 2012: 10], поскольку в образах отображается «многое в них не заключённое, где даже без умысла автора или наперекор ему появляется иносказание» [Потебня 1976: 373].

Лирическое слово относится к понятию «поэтика», обозначавшему словесное творчество. Слово как главный элемент речевой архитектоники – это эстетически мотивируемый компонент создаваемой автором образно-эстетической палитры единого художественного целого. Отбор и синтагматическая фиксация слова в ли-

рической форме художественной речи детерминируется смысловым, дискурсивным, ассоциативно-образным и эстетическим потенциалом архитектоники.

В нашей концепции когнитивной лингвопоэтики понятие архитектоники художественного слова интерпретируется как гармоническое сочетание в его ассоциативно-образной траектории различных смысловых элементов: а) когнитивно-прагматических; б) дискурсивно-модусных; в) семантических; г) эстетико-стилистических. Они не только проецируются, но и обогащаются дискурсивным сознанием автора, читателя и персонажа.

Доминирующая роль в порождении лирической архитектоники принадлежит эготопу как антропоцентрическому маркеру субъективно-индивидуального мировосприятия.

Объект и субъект эготопы являются интегративным синтезом всех потоков лирического мировидения автора, благодаря которым лирическая проза способна фокусировать ценностно-смысловые и духовно-нравственные смыслы, порождаемые процессом познания и преломлённые через призму авторского Я.

Эготоп как носитель когнитивных знаний, апперцептивных номинаций, культурно-языковых ценностей, авторских интенций наполняет смысловое поле текста лирическими универсалиями через призму субъективного мировосприятия. Когнитивные факторы лингвопоэтики проявляются в архитектонике текстов лирической прозы через вербализацию поэтических фразеологизмов, функционирование которых активизирует следующие процессы: 1) метафоризацию индивидуально-авторских сочетаний; 2) когнитивный потенциал субъекта лирико-прозаического текста; 3) апперцептивную номинацию объективированных культурных значений в процессе порождения текста лирической прозы.

Лингвопоэтика текста лирической прозы демонстрирует сложную когнитивно-коннотативную систему, антропоцентричность которой формируется эготопом, порождающим дискурсивно-модусную архитектонику слова. Природа модусно-познавательной архитектоники слова обусловлена дискурсивными канонами речепорождения, поскольку семантика словесного знака определяется своеобразной конфигурацией значения и смысла [Алефиренко 2009: 90-91].

Именно эготоп является центральным термином при исследовании дискурсивного пространства русской лирической прозы, однако следует сказать о таких терминах и понятиях как 1) апперцептивная номинация – обозначение объема вторично воспринимаемых субъективных понятий, представлений (в процессе воспоминания) и чувственного впечатления; 2) апостериорная коннотация – трансформация лично и эмоционально значимых ассоциаций, образов, эксплицируемых на основе опыта субъекта; 3) дискурсивное пространство русского лирикопрозаического текста – нелинейная система прозаических текстов, речевой жанр которых характеризуется субъективным речемыслительным отображением действительности в его авторском чувственно-ассоциативном восприятии; 4) интерпретация протодискурсивной среды – зарождение и порождение философско-психологического смысла произведения, который для автора становится основным предметом художественной вербализации, а для читателя – главным предметом декодирования; 5) интертекстуальный код в дискурсе лирической

прозы – носитель культурной памяти о прецедентном феномене, информационно-этнокультурный модуль, хранимый в языковом сознании автора и читателя; 6) когнитивно-культурный код – комбинация вербальных и невербальных знаний, передающихся из поколения в поколение и представляющих собой вековые культурно-исторические ценности народа; 7) когнитивная прамбула – восприятие действительности в зависимости от жизненного, духовно-нравственного опыта писателя, а также от эмоционального состояния автора в момент субъективного восприятия действительности; 8) когнитивное пространство художественного текста – синтез психолого-философских, ментальных информационных систем, кодов, определяющих своеобразие субъективной авторской репрезентации действительности; 9) этнокультурные энграммы – элементы культурной памяти, воспринятые в семантическом и ценностном аспектах. Понимание этнокультурной энграммы в культурно-когнитивной интерпретации лирико-прозаического текста обусловлено тем, что творческим субъектом культурного творчества и созидания становится языковая личность, осознающая ценность и бесконечность процесса познания.

Итак, процессы понимания когнитивной поэтики связаны с декодированием лирической сущности знака, продуцируемого в художественном тексте вербализуемым дискурсивно-модусным концептом, являющимся когнитивным субстратом слова. Лингвистический способ такого декодирования – выявление в содержании ассоциативно-образного знака закономерностей интеграции в его значении дискурсивно-модусных смыслов. Проблема интерпретации словесной образности основывается на осмыслении речевой однозначности ассоциативно-образного знака и многозначности истолкования порождающего его дискурса.

Литература

- Алефиренко Н.Ф.* «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 344.
- Озерова Е.Г.* Дискурсивное пространство русского лирикопрозаического текста. Белгород: Изд-во НИУ «БелГУ», 2012.
- Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. М.: Наука, 1976.

Elena G. Ozerova (Belgorod, Russia)
Belgorod State National Research University

COGNITIVE LINGUOPOETICS THROUGH THE PRISM OF TERMS AND CONCEPTS

The article examines the terms and concepts of cognitive linguopoetics, the central concept of which is the egotope as the essence of the author's Self and a representative of the holistic value-semantic perception of reality, which is encoded by the subjective intentions of the author of the lyrical prose text.

Key words: cognitive linguopoetics, lyrical prose text, architectonics, egotope

СОЦИОКОГНИТИВНАЯ СПЕЦИФИКА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ В ГЕНДЕРНЫХ КООРДИНАТАХ

Целью исследования является выявление социокогнитивной специфики употребления различных метафорических конструкций юристами мужчинами и юристами женщинами на базе текстов судебных заседаний.

Ключевые слова: англоязычный юридический дискурс, концептуальная метафора, гендер, когнитивная лингвистика, юрислингвистика

Англоязычный юридический дискурс как дискурс законодательной и правоприменительной деятельности, представляет собой комплексную коммуникативную систему, сложную для восприятия людьми, не имеющими юридического образования. Использование в данном дискурсе метафоры как «ассоциативно-когнитивной модели убеждения» [Романова 2020: 214] и средства концептуального восприятия мира призвано помочь юристам передать информацию, опуская сложные юридические реалии, но сохраняя при этом концептуальное содержание. Здесь важно отметить, что когнитивная лингвистика уже многие годы исследует специфику метафор и их влияние на концептуальное восприятие людьми в различных типах дискурса. Согласимся с Т.А. Ширяевой в том, что «обычно метафоризации подвергаются понятия, важные в идеологическом, экономическом отношении» [Ширяева 2022: 283], следовательно, степень восприятия метафорических моделей реципиентами напрямую связана с их фоновыми знаниями.

В ходе рассмотрения когнитивных особенностей использования метафор специалистами различных профессий Е.П. Суханов приходит к выводу о том, что когнитивная метафора является точным инструментом, который формирует представление о восприятии человеком определенных социальных объектов на бессознательном уровне. Он считает, что «когнитивные метафоры открывают доступ к особому, феноменологическому, изучению представлений людей» [Суханов 2016]. Рассматривая метафорическую составляющую юридического дискурса, можно зачастую увидеть перенос общепризнанных мужских и женских признаков на неодушевленные предметы и явления. Однако необходимо отметить, что английский язык, не имеющий формально-грамматических признаков рода, представляет особый интерес для исследования гендерной специфики метафор, так как данный критерий основывается на гендерных стереотипах, существующих в картине мира определенной группы лиц (деление профессий на мужские и женские, восприятие мужчины как главы семьи, женщины как хранительницы очага).

В современном научном мире отмечается рост гендерных исследований в различных типах дискурса. Е.А. Здравомыслова определяет гендер как «систему межличностного взаимодействия, посредством которого создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категорий социального порядка» [Здравомыслова 1998: 116]. Стоит

отметить, что предпочтение выбора термина «гендер» (от англ. gender – грамматическая категория рода) с целью замены им термина «биологический пол» (англ. sexus) объясняется желанием исследователей подчеркнуть не природные, а социокультурные межполовые различия единиц. Существующая теория актуализации мужского и женского в языке привела к появлению нового термина – *гендерлекта*, который К.С. Шаров характеризует как «особый социолингвистический феномен, отражающий мужскую и женскую речь» [Шаров 2012: 38].

Целью работы является анализ 15 выступлений юристов-женщин и 15 юристов-мужчин в ходе судебных заседаний, размещенных на сайтах Верховного суда Великобритании (www.supremecourt.uk) и Верховного суда Австралии (www.hcourt.gov.au), и выявление основных социокогнитивных тенденций англоязычного юридического дискурса посредством анализа наиболее частотных метафорических моделей, ориентационных, строительных, контейнерных, военных, спортивно-игровых, которые употребляются мужчинами и женщинами-юристами. Несмотря на институциональный характер юридического дискурса его авторы, мужчины и женщины, вносят собственные и личные коррективы в юридические тексты, что, безусловно, накладывает отпечаток на дискурс этой сферы. Анализируя речи юристов-мужчин и юристов-женщин, мы выделили следующие закономерности.

1. **Ориентационные метафорические модели**, рассматривающие ситуации в пространственно-ориентационных координатах, употребляются как мужчинами юристами (324 ед.), так и женщинами юристами (312 ед.). При рассмотрении архетипа «движение вперед-назад», мы обнаружили, что юристы-мужчины чаще используют в своих речах метафорические модели, связанные с движением вперед (муж. – 100 ед., жен. – 60 ед.), например, «*the respondent has not put forward any evidence to support that contention having been advanced by the Crown at trial*» – юрист-мужчина, «*which the stage of testing probative force without then going on to enunciate the purpose for which that is deployed in a common law scenario*» – юрист-женщина. В то время как женщины-юристы чаще употребляют метафорические модели, связанные с движением назад (муж. – 80 ед., жен. – 106 ед.), например, «*leaving aside the premise of whether striking similarity is required in every case*» – юрист-мужчина, «*there was, in the mistaken diagnosis of aspiration sepsis, a reverting back to the prior note*» – юрист-женщина. Полагаем, что употребление метафорических моделей вышеупомянутого архетипа связано с существованием давно укоренившихся гендерных стереотипов, согласно которым мужчины чаще выступают с позиции нападения, в то время как женщины преимущественно используют тактики защиты.

В то же время употребление архетипа «вверх-вниз» юристами разных полов примерно одинаково (вверх – 68 ед., вниз – 60 ед.), например, «*I have difficulty understanding how the Court of Criminal Appeal could apparently water it down*» – юрист-мужчина, «*It seems that the sentencing judge has gone down the right path*» – юрист-женщина.

2. **Метафорические модели, связанные со строительством**, являются одними из наиболее употребляемых в юридическом дискурсе. Важно подчеркнуть,

что юристы-мужчины чаще используют в своих выступлениях такие метафорические модели. Квантитативный анализ показывает, что мужчины-юристы прибегают к строительным метафорическим моделям 86 раз, в то время как женщины-юристы используют их только 64 раза, например, «*the question of principle of legality is relevant to **construction** choices about the degree or extent of impact on **fundamental rights***» – юрист-мужчина, «*as a result of the entire **build up** that impacted on his emotions and made him feel panicked and fearful*» – юрист-женщина. Согласно нашему исследованию, юристы-мужчины чаще прибегают к употреблению метафор с участием строительной лексики ввиду сложившихся гендерных стереотипов мужчина – строитель, мужчина – глава семьи, согласно которым строительство – это основное мужское занятие.

3. Что касается частотности употребления **контейнерных метафорических моделей** в юридическом дискурсе, то нами была отмечена тенденция, демонстрирующая, что женщины-юристы гораздо чаще прибегают к употреблению данных моделей в своих выступлениях по сравнению с мужчинами (муж. -16 ед., жен. – 58 ед.), как, например, «*the **notes are full**, as well as the references to impairment in the deceased's cognitive capacity*» – юрист-мужчина, «*he was attempting to **keep the deceased at bay** until they arrived*» – юрист-женщина. Мы полагаем, что активное использование контейнерных метафор женщинами-юристами также обусловлено существующими гендерными стереотипами: женщина – хозяйка, хранительница очага.

4. **Метафорические модели, связанные с военной сферой**, популярны в употреблении юристами обоих гендеров в равных долях (муж. – 35 ед., жен. – 30 ед.), например, «*we say that **nonetheless it is abundantly clear** that the intent of the scheme is to **safeguard** against risks*». Нам кажется, что выбор военных (милитарных) метафор обусловлен постепенным размытием гендерных стереотипов; юристы обоих гендеров используют данные когнитивные модели чтобы подчеркнуть доминирование в выступлении, усилить линию защиты, донести до аудитории свои идеи как изначально верные при проведении судебных разбирательств. Не вызывает сомнений, что именно милитарные метафоры в англоязычном юридическом дискурсе помогают передать достаточно агрессивный и конкурентный характер юридической работы, где каждый из юристов вне зависимости от пола стремится создать образ сильного и уверенного специалиста, готового бороться за победу.

5. Наконец, **метафорические модели, связанные со спортивно-игровой деятельностью**, не имеют существенных различий в частотности употребления юристами различных полов (муж. – 16 ед., жен. – 14 ед.), хотя и не являются столь частотными как в других типах дискурса, например, «*but the basic proposition is to present the question, ..., **masking the fact** that there is a third possibility **in play***». Выбор этих когнитивных моделей юристами обоих полов также обусловлен желанием доминирования и победы каждой из сторон.

Изучив наиболее употребляемые в англоязычном юридическом дискурсе метафорические модели, рассмотрев количественные результаты употребления

этих моделей юристами-мужчинами и юристами-женщинами, мы пришли к выводу о том, что в современном англоязычном юридическом дискурсе существуют определенные гендерные предпочтения при выборе метафорических моделей: мужчины-юристы чаще употребляют строительные метафоры, в то время как женщины-юристы чаще используют контейнерные. Данный выбор, по нашему мнению, обусловлен существующими гендерными стереотипами, а также различиями в концептах речевой и мыслительной деятельности юристов обоих гендеров. Мы полагаем, что несмотря на институциональную тенденцию ухода от четких гендерных установок в обществе мужское и женское восприятие на бессознательном уровне по-прежнему отражается в их речевой деятельности, что еще раз подтверждает идею мужского и женского языков [Шаров 2012: 38]. Тем не менее важно отметить, что границы между этими языками становятся менее четкими, юристы обоих гендеров употребляют как мужские, так и женские когнитивные метафорические модели с целью оказания наибольшего коммуникативного воздействия на реципиентов.

Литература

Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальное конструирование гендера: феминистская теория // Введение в гендерные исследования. Ч. I. / под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков; СПб.: Алетейя, 2001.

Романова И.Д. Когнитивные модели убеждения как основа механизма персуазивного воздействия в исследовании институционального дискурса (на материале английского языка) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2020. № 11 (840). С. 207-217.

Суханов Е.П. Когнитивная метафора как инструмент для изучения представлений о своей работе у различных профессиональных групп // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 2. С. 126-141.

Шаров К.С. Мужчины и женщины в вербальной коммуникации: проблема гендерлекта // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 38-51.

Ширяева Т.А. Специфика метафоризации в современном англоязычном бизнес-медиа дискурсе как отражение современных экономических реалий // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 281-286.

Irina A. Ostapenko (Pyatigorsk, Russia)
Pyatigorsk State University

GENDER SPECIFIC METAPHOR USAGE IN ENGLISH LEGAL DISCOURSE

One of the key directions in the development of society today is the trend towards gender neutrality, which leads to the transformation of modern English legal discourse, and, consequently, to a change in the specifics of the usage of various metaphorical constructions by lawyers of both genders.

Key words: English legal discourse, conceptual metaphor, gender, cognitive linguistics, legal linguistics

С.А. Песина (Магнитогорск, Россия)

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
spesina@bk.ru*

О.Н. Санжарова (Санкт-Петербург, Россия)

*Северо-Западный институт управления
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
goodfriend1978@yandex.ru*

РЕГИОНАЛЬНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК ОБЪЕКТ КОГНИТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

В статье с когнитивных позиций рассмотрена региональная терминология как древнейший пласт богатого лексического наследия, представленного на территории Южного Урала. Этимолого-сопоставительный анализ позволил определить топонимы с явной и скрытой этимологией. Представлено двойное кодирование топонимов, впитавших в себя лексический материал различных тюркских и славянских языков.

Ключевые слова: терминологическая система, поликультурность, топонимы, лингво-культурное пространство, когнитивная лингвистика, двойное кодирование

Как интегративная научное направление топонимика находится на стыке различных наук, и полученные знания широко используются в когнитивной и фундаментальной лингвистике, истории, географии и др. Особенно важна региональная терминология в изучении языковой культуры далекого прошлого, не оставившего о себе письменных источников, но закрепившегося в исторических названиях населенных пунктов и природных географических объектов.

Топонимический материал отражает специфику ментальности народа, населяющего конкретную территорию. Такие исследования позволяют пролить свет на особенности мировосприятия людей, населяющих конкретные территории, на когнитивные механизмы номинации важнейших природных объектов [Песина, Волкова, Малекко 2023].

Региональные топонимы как уникальную терминологическую систему можно и нужно изучать с когнитивных позиций как средство реализации механизма двойного кодирования. Оно представляет собой, во-первых, указание на объект номинации (гора, река, ручей, лес и т. п.), выраженный в форме денотата и представляющий собой, собственно, оним как разновидность термина. Одновременно происходит накладывание онима на сигнификат, относящийся к другому когнитивному домену. Это имеет место в огромном числе топонимов, воплощенных в метафорах, говорящих именах, символах, игре слов, когда номинации осуществляются не напрямую, а через некую культурную отсылку. При этом происходит как бы палимпсестное наложение двух образов, их просвечивание (термин Б.М. Гаспарова [Гаспаров 1996: 263]). Чем неожиданней столкновение накладываемых образных представлений, чем ярче эффект, производимый таким наложением, тем более ярким и свежим ощущается троп. Главные вопросы,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20022, <https://rscf.ru/project/22-18-20022>.

в связи с этим волнующие лингвистов, заключаются в том, каков характер исходного и конечного образов и к какой сфере значения относятся признаки, лежащие в основе переноса [Песина 2020].

Когнитивная нагруженность подобных территориальных терминов может быть весьма существенной. Помимо стилистической эмоционально-экспрессивной окраски, в них могут быть зашифрованы диалектные особенности жителей конкретной местности, отголоски исторических событий, культурно-обиходные и мировоззренческие реалии [Песина, Баклыкова, Козлова 2021]. Поэтому важна этимология подобных номинаций, их дальнейшая когнитивная модификация в условиях длительного использования в языке или местном диалекте.

Однако толкование региональных топонимов в ряде случаев может быть затруднено, например, в силу утерянности мотивации названия, многозначности термина, ложной аналогии. Далее название может пережить сам объект номинации, так как природный объект может исчезнуть к настоящему времени. Кроме того, в силу сильной закодированности сигнификат может быть и вовсе не понятен, выступая как заимствование или экзотизм.

Топонимическая лексика номинируют важнейшие понятия, концепты и целые концептуальные сферы, без которых жизнь конкретного социума немислима. Их можно семантически структурировать с учетом словообразовательных и этимологических процессов, имевших место в соответствующих диалектизмах и культурах. Поэтому топонимы как уникальные территориальные маркеры помогают восстановить лакуны в языковой картине мира, сформировавшейся в древнем сознании, выявить соотношенность субъектно-объектных отношений мира и человека в доисторическую эпоху и на ранних этапах истории.

Нами собран и семантически структурирован богатый топонимический материал Южного Урала с учетом словообразовательных и этимологических процессов, прошедших в соответствующих языках. С представленных выше позиций нами рассмотрены разновидности топонимов (оронимы, ойконимы и гидронимы), соответствующие историко-социальной, культурной и ландшафтной специфике Южного Урала. Исторически сложилось так, что на этой территории начали формироваться и развиваться три мощных языковых слоя – славянский, тюркоязычный и угро-финский. При этом нет оснований считать носителей какого-либо языка в крае безоговорочно коренным. Все живущие ныне на территории Южного Урала народы – пришлые.

Именно топонимы свидетельствуют о том, что Южный Урал уже с момента его активного заселения формировался как поликультурное пространство. Русскоязычное население появилось здесь достаточно поздно (колонизация уральского края началась в XVI в. и особенно активизировалась с начала XVIII в.). При этом среди современных народов, живущих на Южном Урале, первыми обитателями края явились башкиры, поэтому начало изучения современного Южного Урала с башкир ничуть не искажает исторической правды, не умаляя также роли других народов.

Поликультурность края и его языковое многообразие привели к тому, что в настоящее время функционирует целый ряд топонимов разного происхождения,

закрепившихся в географии Южного Урала и в современном языке [Малеко 2015]. Это, в основном, славянские и тюркоязычные топонимы. Топонимика Южного Урала в языковом отношении уникальна. На протяжении всей истории своего существования топонимические термины проходят определенные этапы развития: генезис, трансформацию и адаптацию, что детерминировано его свойствами. Они выполняют номинативную функцию, позволяя выделить именуемый объект из группы подобных [Волкова, Кривошлыкова, Назарычева 2017].

Приведем только несколько примеров из многочисленных названий, каждый из которых в когнитивном плане имеет двойное кодирование, выступая как географический термин – метафора:

- *Лешачья* – гора в Верхнеуральском районе Челябинской области. Название происходит от имени мифического древнеславянского языческого бога лесов: лешего или деда лесовика;

- *Лоб Медвежий* – природный памятник Южного Урала в виде массивной скалы, венчающей каменный гребень Айской долины на реке Ай над старинной русской деревней Верхнеайской Саткинского района Челябинской области.

Приведем пример топонима с непрозрачным (закодированным) сингификатом, который выступает как заимствование: гора на Южном Урале *Яшкурт* (*Яш-Куз*). Имеются версии перевода этого антропоморфного топонима метафоры как «Молодой Глаз», или «Глаз со слезами». Причина такого перевода может быть отдаленно связана с языческими культовыми обрядами туземных племен.

- *Касли* – название Южно-Уральского города, которое до сих пор не имеет точного толкования. Немотивированность топонима позволяет лишь предположить, что он имеет отношение к мансийскому слову «хасли», что буквально означает «мох».

- *Сайма* – поселок в Аргаяшском районе Челябинской области. Однозначного объяснения топоним не имеет, но его название имеет сходство с русским словом «шайма» – болотистое, сырое место и с аналогом в финно-угорских языках.

Исследованный нами языковой материал позволил сделать выводы о том, что в региональном культурно-языковом пространстве воплощена особая региональная когнитивно-языковая картина мира как определенное устройство в системе топографических понятий, отражающее специфические многонациональные и многовекторные пути освоения окружающего мира коллективом носителей разных языковых семей [Песина 2023]. Все это не могло не способствовать сохранению и развитию особой толерантности на территории Южно-Уральского края.

В процессе своей жизнедеятельности народности фиксируют в топонимах результаты своего обыденного, зачастую наивного познания. Вскрывая огромный пласт языкового материала, исследователи получают стимул к восстановлению логических взаимосвязей в рамках лингво-культурных и исторических своих изысканий. Поэтому региональная топонимика представляет несомненный интерес для исследователей когнитивной лингвистики.

Литература

Волкова В.Б., Кривошлыкова М.В., Назарычева А.И. Русско-башкирские культурные контакты как фактор динамики культуры Южного Урала // Культура и цивилизация. Т. 7 № 2А.

2017. С. 359-368.

Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

Малеко Е.В. Гора Магнитная (Атач) как хронотоп культуры Южного Урала // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5 (55). Ч. II. С. 102-105.

Песина С.А. Полисемия в когнитивном аспекте: монография. М.: Флинта, 2020.

Песина С.А., Баклыкова Т.Ю., Козлова К.А. Метафора как модель когниции и конвенциализации смысла // Гуманитарно-педагогические исследования. 2021. Т. 5. № 1. С. 45-50.

Песина С.А., Волкова В.Б., Малеко Е.В. Особенности генезиса топонимов в поликультурном пространстве Южного Урала // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 4. С. 99-107.

Svetlana A. Pesina (Magnitogorsk, Russia)

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Olga N. Sanzharova (Saint Petersburg, Russia)

North-Western Institute of Management, branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

REGIONAL TERMINOLOGY AS AN OBJECT OF COGNITIVE RESEARCH

The article tackles the problems of regional terminology from a cognitive perspective as the oldest layer of the rich lexical heritage represented in the territory of the Southern Urals. Etymological-comparative analysis made it possible to identify toponyms with obvious and hidden etymology. The cognitive mechanism of double encoding of toponyms was illustrated with examples from Turkic and Slavic languages.

Key words: terminological system, multiculturalism, toponyms, linguistic-cultural space, cognitive linguistics, double coding

Т. Е. Петрова (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный университет

t.e.petrova@spbu.ru

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ГЛАГОЛЫ ТЕЛА: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД*

В статье представлены результаты когнитивно-дискурсивного анализа 82 русских глаголов телесного воздействия, переносные значения которых выражают эмоции, чувства и состояния человека. Глаголы классифицированы по локации источника воздействия (внешний и внутренний) и снабжены самостоятельно сформулированными дефинициями в значении эмотивности, а также примерами из толковых словарей и НКРЯ.

Ключевые слова: глаголы физического воздействия, эмотивность, русский язык

Одной из центральных задач современной когнитивной лингвистики является изучение способности языка выражать эмоциональные состояния человека. Несмотря на универсальность эмоций формы и способы их выражения обладают ярко выраженной национальной спецификой, что делает эмотивную лексику объектом лингвокультурологических исследований. В русском языке значительную часть

* Работа выполнена при поддержке Санкт-Петербургского государственного университета, проект ID 94034584.

эмотивной лексики составляют глаголы [Бабенко 1999]. Использование семантики тактильных ощущений для описания эмоционального состояния или реакции (например, во фразе меня это задело) становится возможным благодаря использованию определенного сектора человеческого опыта, в частности, опыта ощущения своего тела. Выраженная в языке ощутимая двуплановость когнитивного переноса значений тактильности на выражение эмоций представляет интерес с точки зрения когнитивистики, так как она указывает на специфичность отношения между человеком с его органами чувств и предметами, людьми и окружающим миром.

Цель исследования состоит в анализе функционально-семантических особенностей глаголов группы воздействия, переносные значения которых выражают эмоции, чувства и состояния человека. Впервые предпринимается попытка раскрыть функционально-семантический потенциал данной группы глаголов.

Материалом исследования послужили данные толковых словарей русского языка («Толковый словарь русских глаголов» [Бабенко 1999], «Большой толковый словарь русского языка» [Кузнецов 2000], «Толковый словарь русской разговорной речи» [Крысин 2000]. Особый интерес представляли лексико-семантические группы «Глаголы физического воздействия на объект», «Глаголы качественного состояния» и «Глаголы эмоционального состояния». Из этих групп были отобраны эмотивные глаголы, которые в прямых значениях относятся к группе физического воздействия или телесных ощущений, а в переносном – выражают чувства и эмоциональные состояния. Дополнительный материал был извлечен методом сплошной выборки из контекстов корпуса Araneum Russicum III Maximum системы NoSketch Engine (URL) и «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ). Всего было выделено 82 глагола.

Когнитивно-дискурсивный и лексикографический анализ отобранных единиц показал, что 1) субъектно-объектная структура глагольных эмотивов представляет собой сложную систему, которая находится в четкой зависимости от контекста; 2) сложная семантика эмотивных глаголов затрудняет их распределение по существующим лексико-семантическим группам, глаголы часто дублируются и входят в разных значениях в группы «Глаголы физического воздействия на объект» и «Глаголы качественного состояния», а также входящую в нее подгруппу «Глаголы эмоционального состояния»; 3) наиболее часто эмотивная семантика физического воздействия передается с помощью глаголов, использующихся с местоимением в винительном падеже (тронуло, поразило, не касается, вставляет); 4) у ряда глаголов в словарях не зафиксировано значение эмотивности. Приведем примеры из НКРЯ:

вставить – *вставлять, кого*. Производить сильное впечатление. Должно быть что-то важное в жизни... Меня ничего не радует, не вставляет, не вдохновляет.

добивать – *добить, кого*. Окончательно сломить, морально уничтожить. Когда изможденные непосильной дорогой и холодами британские полярники увидели норвежский флаг, это добило их окончательно.

задирать – *задрать, кого*. Разг. надоесть кому-либо; сильно, утомить, измучить кого-либо чем-либо. А если совсем уж задрало, всегда можно уехать на природу, полюбоваться на что-нибудь красивое!

переть – *пропереть*, кого. Разг. Нравиться, радовать, доставлять удовольствие, вызывать ощущение эйфории. *Меня от этого просто прет.*

торкать – *торкнуть*, кого. Разг. Производить сильное впечатление. *Не уверен даже, что меня торкнуло именно от таблеток.*

тяжелеть – *потяжелеть*. Испытывать тяжелое, гнетущее чувство. *У меня на секунду потяжелело где-то под ложечкой, и ответа я не придумал, вдруг задохнувшись.*

Анализ корпусных данных показал, что несмотря на отсутствие словарной фиксации рассматриваемые глаголы в современном русском языке активно употребляются в эмотивном значении, причем в некоторых случаях процент эмотивного употребления составляет 100% (для глаголов *проперло* и *задолбало*). Стилистически эти словоформы могут носить как разговорный характер (*Но уже как то не вставляет. Фансервис балансирует на грани с откровенной пошлостью и похоже палку он все же перегнул; Хорошо, что эти не слышат, засмеяли бы, забодали бы вконец*), так и иметь нейтральную окраску (*При этом у него и у нее внутри кольнуло, не стыдное, а тепляющее; Мое сердце вдруг потяжелело, как будто налитое свинцом*).

С целью определения семантики рассматриваемых глаголов и их места в ментальном лексиконе носителей русского языка дополнительно был проведен свободный ассоциативный эксперимент в письменной форме. Участникам (49 носителей русского языка в возрасте от 16 до 46 лет, средний возраст – 20 лет (SD = 1,6). 84% женщин) предлагалось подобрать ассоциацию к глаголам-стимулам. В качестве стимулов участникам предлагались эмотивные глаголы в безличной форме, форме повелительного наклонения (для глагола *забей*), форме инфинитива. В ходе эксперимента определялись наиболее частотные реакции на глаголы-стимулы и подсчитывался процент «эмотивных» ассоциаций (примеры пар S–R: *вставляет* – наркотики, *штырит*, музыка; *добило* – расстроило, достало, депрессия). Анализ полученных данных показал, что для некоторых глаголов (*вставлять*, *добить*, *задрать*) прослеживается четкая корреляция между используемой формой и эмотивным употреблением. Так, неопределенная форма глагола *бодать* вызвала лишь 2% эмотивных ассоциаций, в то время как этот показатель для формы *забодало* составил 71%. Это соотносится с корпусными данными, согласно которым эмотивные употребления глаголов в безличной форме значительно превышают эмотивные употреблений инфинитивов.

Сложность семантики эмотивных глаголов затрудняет их классификацию. Необходимо учитывать характер смысловых связей между отдельными глаголами внутри каждого класса. В исследовании И.А. Гусейн-Заде эмотивы, выраженные глаголами физического воздействия, рассматриваются в рамках двух групп метафорических моделей: модель движения и модель воздействия. Выделяется два класса метафор. Метафоры субъектного типа характеризуют чувство как субъект, способный оказывать воздействие на человека: тоска придавила. В метафорических единицах объектного типа реализуется противоположный сценарий, согласно которому человек активно воздействует на чувство: *подавит*

досаду, разбить надежду [Гусейн-Заде 2011]. Эта классификация видится целесообразной, однако она имеет определенные недочеты. Например, *разбить надежду* выражает не столько то, что субъект активно воздействует на чувство, сколько воздействие внешних обстоятельств, в результате которых надежда оказывается разбитой. В прототипической ситуации, выраженной эмотивным глаголом, можно выделить деятеля в виде: активного участника (инициатора или того, кто контролирует действие) и пассивного участника (того, что подвергается действию) [Калуга 2005]. Следует отметить, что деятелем может выступать не только человек, группа людей и организация, но и внешняя, неподвластная человеку, высшая сила. Таким образом, концептуализация эмоций, а, соответственно, и их лингвистическое проявление, зависит от того, рассматриваем ли мы причину эмоции, как исходящую из внешнего источника или же как личное отношение к кому-либо или чему-либо. В выдвигаемой в нашей работе классификации предлагается сместить фокус внимания с объектно-субъектных отношений как основы эмоционального действия на источник, инициирующий эмоциональный процесс. Так как рассматриваемые в работе эмотивные глаголы в прямом значении имеют семантику «воздействия», классификация по источникам воздействия может быть разделена на следующие категории:

1) 38 глаголов, выражающих внешнее воздействие (например, *бодать–забодать, вытягивать–вытянуть* (жилы, душу), *долбать–задолбать, мотать – вымотать* (нервы), *колоть – уколоть, напрягать – напрячь*);

2) 32 глагола, выражающих внутреннее воздействие (например, *впадать – впасть, переполнять–переполнить, сжиматься–сжаться, держать–сдерживать* (себя в руках));

3) 12 глаголов, способных в разных контекстах выражать воздействие со стороны как внешних, так и внутренних источников (например, *перекашивать–перекосить, кружить–вскружить* (голову), *колоть–кольнуть*).

Эта классификация отражает семантическую сложность группы эмотивов, выраженных глаголами воздействия / телесного ощущения; в то же время приведенные примеры указывают на то, что функционирование этих глаголов находится в прямой зависимости от контекста и от интенции говорящего. Трудности, связанные со сферой языкового выражения чувств и эмоций человека, предопределяют многоплановость предложенной классификации.

Общие результаты исследования свидетельствуют о том, что проанализированные глаголы актуализируют метафорический потенциал перцептивных концептов посредством формирования переносных значений эмотивности и демонстрируют целесообразность выделения глаголов, которые в прямых значениях выражают физическое воздействие на человека и телесные ощущения, а в метафорически-производных значениях выражают чувства и эмоциональные состояния, в отдельную лексико-грамматическую группу.

Литература

- Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь русских глаголов. М.: АСТ-Пресс, 1999.
Гусейн-Заде И.А. Метафорические образы эмоциональных состояний в русской языковой картине мира: модели движения и воздействия // Вестник Томского гос. ун-та. 2011. № 347.

С. 11-14.

Крысин Л.П. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 3. М.: Языки славянской культуры, 2019.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000.

Kalyuga M. Russian Verbs for emotions // *New Zealand Slavonic Journal*. 2005. No. 39. Pp. 139-149.

Tatiana E. Petrova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

WHAT DO BODY VERBS SAY: A COGNITIVE-DISCURSIVE APPROACH

The article presents the results of discourse analysis of 82 Russian verbs of body influence, the figurative meanings of which express emotions, feelings and human states. The verbs are classified according to the source of influence (external and internal), provided with independently formulated definitions, as well as the examples from Russian National Corpus.

Key words: verbs of physical impact, figurative meaning, Russian language

М.С. Петросян (Краснодар, Россия)
Кубанский государственный университет
marina.sarkisyan84@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ФОБИИ, В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена изучению семантики неологизмов, характеризующих фобии, в англоязычном дискурсе. Группа неологизмов подразделяется на подгруппы, в зависимости от факторов, вызвавших появление того или иного страха. В статье раскрывается понятие «антропоцентризм».

Ключевые слова: дискурс, фобия, неологизм, семантика, антропоцентризм, интенсификаторы семантики

Начиная с Нового времени, антропоцентризм становится доминирующей идеологией в западноевропейской теории познания. Антропоцентризм – это воззрение, согласно которому человек является центром и высшей степенью мироздания. Мир иерархичен и на вершине стоит человек [Вершков 2014: 309].

Обозначив себя «вершиной», дав себе право неразумно потреблять, уничтожать, использовать дары природы, человек, столкнувшись с последствиями своей деятельности, ощущает зыбкость своего положения в этом мире, незащищенность. Часто это ведет к возникновению фобий.

Фобические расстройства занимают значительную часть среди современных невротических состояний и вносят существенный вклад в формирование психопатологических переживаний [Ганзин 2016: 17].

Лексический состав языка динамичен и меняется исторически в соответствии с новыми задачами коммуникации и практическим использованием языка. Новая лексика отражает все инновации как в социальной, экономической, политической, так и в культурной, духовной областях, что может быть включено в

понятие культурологического пространства [Катермина, 2017: 85]. Таким образом, семантический анализ неологизмов позволит воссоздать концептуальную картину мира.

Материалом исследования послужили неологизмы, взятые из современных лексикографических источников Cambridge Dictionaries Online и Urban Dictionary.

Проведенный анализ позволил выделить следующие группы неологизмов.

В первой группе неологизмы, касающиеся страха лишиться

– вакансий по своей специальности: *panic master's* – a postgraduate degree that someone studies for because they cannot find a job after completing their first degree, rather than because they want to continue their studies;

– сна: *orthosomnia* – the inability to sleep well, caused by thinking too much about getting enough sleep and by using apps and other technology to measure how much sleep you get;

– уверенности в завтрашнем дне, особенно перед началом чего-то нового *Janxiety* – feelings of unhappiness and worry that people often have at the beginning of a new year;

– пространства и достаточных знаний: *stuffocation* – a feeling of stress caused by having so many things that you do not know how to use or store them all.

Ведущие лексемы: *panic, inability, unhappiness, worry, stress*. Следует обратить внимание на многократное повторение синонимов одной из ведущих лексем *inability: cannot (find), do not (have), do not (know)*.

Все эти состояния (*panic, inability, unhappiness, worry, stress*) свидетельствуют о внутренних противоречиях, потребительском отношении (*stuffocation*), страхе не соответствовать нормам, например, продолжительности сна, (*orthosomnia*) или стремления к новым знаниям не по собственному желанию, а из-за чувства страха и неуверенности в себе, в своей ценности (*panic master's*). Интенсификация семантики (*too much, so many*) лишь указывает на серьезность проблемы. Также лексемы *panic, inability, unhappiness, worry, stress* обозначают точку, в которую прибывает человек из-за неадекватного восприятия себя, своих возможностей и окружающего мира.

Во всех регионах мира наблюдается рост распространенности (болезненности) и заболеваемости населения психическими расстройствами, особенно депрессивными и тревожными. Современные социально-экономические условия жизни населения не способствуют в достаточной мере стабилизации состояния психического здоровья населения. Наименее стабильная ситуация наблюдается в государствах с низким уровнем доходов населения [Митихина и др. 2011: 14].

Следующая группа (группа заимствованных неологизмов) подтверждает, что проблема фобий не ограничивается какой-то определенной страной. Сбор материала производится из англоязычных источников; там же обнаружены неологизмы, характеризующие фобии или попытки смягчить их деструктивный эффект в разных странах, например, в Дании и Норвегии:

– *pyt exclamation* – a Danish word used in response to a stressful situation to tell oneself or someone else not to worry;

– *koselig* – a Norwegian word for a quality of cosiness that comes from doing

simple things such as lighting candles, eating nice food or spending time with friends in a warm, comfortable place.

Следует отметить, что для жителей скандинавских стран слова *not to worry, cosiness, eating nice food or spending time with friends in a warm, comfortable place* – это не просто слова, это философия их жизни.

Хюгге, лагом, фрилуфтслив и люкке – философия жителей счастливейших стран мира, согласно рейтингу ООН от 20 марта 2023 г. Основы данного мировоззрения – это умеренность, баланс, внутренний уют, семья, друзья, любовь к природе, прививаемая с детства, бережное отношение к природным ресурсам, активный отдых, свежий воздух. Удовлетворенные жизнью люди щедро делятся «рецептом счастья». Оценка когнитивно-прагматического аспекта неологизмов данной группы позволяет понять их картину мира. Как видим, здесь нет места антропоцентризму и эгоизму.

Группа неологизмов, характеризующих попытки нивелировать эффект фобий. Данную группу можно разделить на две подгруппы: 1) методы борьбы с фобиями, предполагающие использование ресурсов природы; 2) использование всех доступных средств для облегчения состояния.

Первая подгруппа: *nature prescription* — an instruction from a doctor to a patient to engage with nature and spend time outdoors as a way of helping to treat physical and mental illnesses without the use of medication; *therapet* – an animal, usually a dog, that is specially trained to calm people who are stressed or anxious, or to visit ill or elderly people; *forest bath* – an activity similar to meditation that involves sitting in a forest and focusing on your surroundings; *slow adventure* – a type of holiday involving outdoor activities that allow you to appreciate the natural environment and are not physically demanding.

Вторая подгруппа: *sadwear* – clothes that make the wearer feel less sad; *rage room* – room where people can pay to smash up objects with the aim of feeling less stressed afterwards; *mental health gym* – a gym that offers activities designed to improve the mental health as well as the physical health of its members; *immersive yoga* – a type of yoga accompanied by relaxing sounds and image; *sound healing* – a type of meditation that involves listening to the human voice and different objects that produce sound.

Анализ первой группы неологизмов позволил выделить ключевые лексемы: *nature, pet, animal, dog, forest, outdoor activities, environment*. *Nature* – all the animals and plants in the world and all the features, forces, and processes that *exist or happen independently of people*, such as the weather, the sea, mountains, reproduction, and growth, *environment* – an area of space that people, animals and other living organisms live, exist or share, *forest* – a large area full of trees, usually *wild*. В ходе семантического анализа обращают на себя внимание следующие фразы и слова: *exist or happen independently of people; space that people, animals and other living organisms live, exist or share; wild*.

Семантический анализ показывает, что человек лишь часть природы, он разделяет одно пространство с другими живыми существами; в природе есть явления, не зависящие от него. Но если внимательно изучить дефиницию «processes

that exist or happen independently of people, such as the weather, the sea, mountains, reproduction, and growth» то можно не согласиться с этим: человек своими действиями давно и активно вмешивается в законы природы и поэтому сейчас так громко звучит экологическая повестка.

Вторая группа неологизмов – это также доказательство того, что для гармонии человеку много не требуется: одежда, повышающая настроение (*sadwear*), место, где можно дать волю чувствам (*rage room*), приятные звуки (*sound healing*), а позаботиться о своем ментальном здоровье можно при помощи комплекса специальных упражнений (*mental health gym*). И через призму неологизмов данной группы можно заметить готовность человека перейти к осознанному потреблению ресурсов природы.

Таким образом, анализ английских неологических единиц, связанных с фобиями, извлеченных из электронных лексикографических источников, свидетельствует о новых тенденциях. Очевидно, что потребительская практика человечества, диктуемая традиционным антропоцентризмом, изжила себя. Эта идеология породила множество глобальных проблем. Об этом свидетельствует наличие различных дискурсивных полей, в которых встречаются английские неологизмы, описывающие фобии: экологический, спортивный, медицинский, экономический и другие виды дискурса. Данные неологизмы выполняют прагматическую роль, содержат определенный образный, эмоциональный заряд. Это свидетельствует о несомненной их значимости в структуре языка и в оценке картины мира.

Литература

Вериков А.В. Антропоцентризм и современность // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 5-1. С. 309-315.

Ганзин И.В. Исследование распространенности и топологии фобических расстройств // Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 11-19.

Катермина В.В. Культурно-интерпретирующий потенциал массмедийных неологизмов в английском дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 1. С. 84-90.

Митихина И.А., Митихин В.Г. и др. Психическое здоровье населения мира: эпидемиологический аспект (зарубежные исследования 2000-2010 гг.) // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2011. Т. 111. С. 4-14.

Cambridge Dictionaries Online. URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms>.

Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com>.

Marina S. Petrosyan (Krasnodar, Russia)
Kuban State University

SEMANTIC FEATURES OF ENGLISH NEOLOGISMS DESIGNATED PHOBIAS IN MEDICAL DISCOURSE

This article is devoted to the study of the semantics of neologisms that characterize phobias in the English discourse. The group of neologisms is divided into subgroups, depending on the factors that caused the appearance of a particular fear. The article reveals the concept of anthropocentrism.

Key words: discourse, phobia, neologism, semantics, anthropocentrism, semantic intensifiers

А.В. Таскаева (Челябинск, Россия)

*Южно-Уральский государственный институт искусств им. П.И. Чайковского
Челябинский государственный университет
taskaeva_anna@bk.ru*

С.А. Питина (Челябинск, Россия)

*Челябинский государственный университет
sap.pitina@rambler.ru*

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ТОПОНИМЫ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ЧАСТЬ ГЕРОИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ РЕГИОНА*

В работе проанализированы названия коммеморативных топонимов – наименований учреждений культуры Челябинской области, структурной частью которых является имя выдающегося деятеля. В результате исследования было обнаружено, что региональная составляющая представлена слабо и в названиях учреждений культуры и искусства Челябинской области преобладают имена общепризнанных творческих деятелей. Выявлена необходимость в создании и закреплении в массовом сознании региональных идеологем в целях сохранения исторической памяти и духовных традиций, создания культурно-исторического брендинга региона.

Ключевые слова: героическая парадигма, Челябинская область, коммеморативные микротопонимы, названия-посвящения, выдающийся деятель культуры и искусства

Героическая парадигма – открытая сложная система концептов, в которой реализуются представления о героическом и отражаются ценностные, историко-культурные, общественно-политические, идеологические и экономические особенности общества. Героическая парадигма может быть рассмотрена как на уровне страны, так и региона. Героическая парадигма региона представлена как многообразие героев конкретного лингвокультурного пространства, так как «жизнь каждого народа протекает в только ему присущей природной и историко-культурной (материальной и духовной) реальности» [Ковшова 2016: 90] и может обладать как универсальными, так и уникальными чертами.

В нашем исследовании предпринята попытка представить героическую парадигму региона на примере выдающихся деятелей сферы культуры и искусства Челябинской области. Выдающийся деятель культуры и искусства – это герой конкретной профессиональной деятельности, так как плоды его творчества являются культурным наследием человечества, а созданные им произведения способны влиять на души и умы людей, признаны широкой общественностью. Подчеркнем, что имена выдающихся деятелей культуры и искусства прошлого или настоящего приобретают статус личностных героических идеологем (выраженных и актуализированных в языке отсылок к коллективным представлениям о героическом в определенном временном и культурном контексте), реализуя историко-культурные ценности и идеологические установки общества, выполняя функцию действенной передачи накопленного опыта и ценностей от поколения к поколению.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Челябинской области № 23-28-10278, <https://rscf.ru/project/23-28-10278>.

Для выявления универсальных и уникальных особенностей героической парадигмы Челябинского региона были исследованы коммеморативные топонимы – наименования учреждений культуры Челябинской области, структурной частью которых является имя выдающегося деятеля.

В научной литературе существует ряд терминов, обозначающих названия-посвящения: антропотопонимы (термин А.В. Уразметовой), мемориальные топонимы (термин М.Ю. Романюк), героические меморативы (термин С.А. Попова). Под ними автор понимает «названия, данные географическим объектам в честь выдающихся военачальников, рядовых воинов и тружеников тыла, совершивших ратные и трудовые подвиги в период военного времени, в память о воинских соединениях, участвовавших в освобождении населенных пунктов от врага» [Попов 2021: 597-598]. В наших работах мы используем термин «коммеморативные топонимы» (коммеморативы) и рассматриваем их как составляющие языковой картины мира, «героические идеологемы, образованные в результате процесса коммеморации знаковых для общества личностей в целях закрепления в коллективном самосознании образцов героического поведения и реализующие ценностные и идеологические установки общества» [Таскаева 2021: 138]. Кроме того, наименования, переименования и доименования топонимических объектов являются идеологически обусловленными процессами, так как «мемориальные топонимы возникают не только стихийно, но и в силу законодательных актов» [Романюк 2016: 84]. Изучение процессов наименования, переименования и доименования топонимических объектов является ценным источником для фиксации изменений в героической парадигме той или иной лингвокультуры.

Всего было проанализировано более 400 наименований учреждений культуры Челябинской области как в областных центрах, так и в небольших городах региона, среди которых 50 наименований являются названиями-посвящениями. Среди узнаваемых микротопонимов перечислим такие как Челябинский государственный академический театр драмы им. Наума Орлова, Челябинский государственный театр кукол им. В. Вольховского, Магнитогорская государственная академическая хоровая капелла им. С.Г. Эйдинова, Магнитогорская Центральная детская библиотека им. Н.Г. Кондратковской.

Среди выдающихся деятелей культуры и искусства, чьи фамилии увековечены в названиях топонимических объектов региона, известные творческие работники, уральские поэты и писатели: художественный руководитель Челябинского академического театра драмы *Наум Юрьевич Орлов*; главный режиссер Челябинского театра кукол *Валерий Аркадьевич Вольховский*; основатель и первый художественный руководитель Магнитогорской хоровой капеллы *Семен Григорьевич Эйдинов*; советский кинорежиссер, сценарист, киноактер, уроженец Чебаркульского района Челябинской области *Сергей Аполлинариевич Герасимов*; уральские поэтессы *Людмила Константиновна Татьяначева* и *Нина Георгиевна Кондратковская*; челябинский учитель, писатель, прозаик и краевед *Ася Борисовна Горская*; русский советский поэт, первостроитель Магнитки *Борис Александрович Ручьев*; южно-уральский детский писатель и педагог *Николай Петрович Шилов*; уроженец Верхнеуральска, писатель-этнограф, поэт, переводчик

Петр Михайлович Кудряшев; поэт, публицист, литературный краевед, долгое время работавший на Южном Урале, *Валерий Николаевич Кузнецов*.

В результате исследования было обнаружено, что региональная составляющая представлена слабо: только 10% названий содержат фамилии выдающихся творческих личностей, деятельность которых связана с регионом или являющихся уроженцами Челябинской области. Среди локальных личностных идеологов в названиях учреждений культуры и искусства Челябинской области преобладают имена общепризнанных творческих деятелей – великих композиторов, писателей, поэтов (к примеру, Челябинский государственный академический театр оперы и балета им. М.И. Глинки, Магнитогорский драматический театр им. А.С. Пушкина, Челябинская областная детская библиотека им. В.В. Маяковского и др.).

Современные тенденции региональной героизации отражают в большей степени универсальные особенности этого сложного процесса и соответствуют общероссийской коммеморативной практике. Результаты исследования продемонстрировали необходимость в создании и закреплении в массовом сознании региональных идеологов в целях сохранения исторической памяти и духовных традиций, создания культурно-исторического брендинга региона.

Литература

Ковинова М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологизмов и вопросы экспликации их культурных смыслов // Вопросы психолингвистики. 2016. № 4 (30). С. 90-102.

Попов С.А. Героические меморативы в российском топонимиконе // Неофилология. 2021. № 28. С. 596-604.

Романюк М.Ю. Этимологический анализ топонимики США (на примере штата Аляска) // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2016. № 2. С. 83-87.

Справочник организаций. URL: <https://www.orgpage.ru>.

Таскаева А.В. Реализация героической парадигмы в национальной языковой картине мира: дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2021.

Уразметова А.В. Английская топонимика как лексическая подсистема языка (на материале топонимической лексики Великобритании и США): дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2016.

Svetlana A. Pitina (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

Anna V. Taskaeva (Chelyabinsk, Russia)

P.I. Tchaikovskiy South Ural State Institute of Arts
Chelyabinsk State University

COMMEMORATIVE TOPONYMS OF CHELYABINSK REGION AS A PART OF HEROIC PARADIGM

The work analyzes the names of commemorative toponyms – names of cultural and artistic institutions of the Chelyabinsk region. As a result of the study it was found that the regional component is poorly represented. The names of cultural and artistic institutions in the Chelyabinsk region are represented by the names of generally recognized prominent figures of culture and art. The need for consolidation of regional ideologemes in the mass consciousness has been identified in order to preserve historical memory and spiritual traditions and create cultural and historical branding of the region has been identified.

Key words: heroic paradigm, Chelyabinsk region, commemorative microtoponyms, dedication names, outstanding cultural and artistic figure

СЕНСОРИКА СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ «HEALTH» В ШОТЛАНДСКОЙ СКАЗКЕ О ТРЕХ ЗЕЛЕННЫХ ТРОЛЛЯХ ИЗ ГЛЕН НЕВИСА

В статье исследуются структура и сенсорные средства выражения категории HEALTH в шотландской сказке о трех зеленых троллях из Глен Невиса. Рассматриваются лексемы, фразеологизмы и словосочетания, указывающие на семантическое пространство категории HEALTH и смежных ментальных единиц и включающие зрительные, слуховые, тактильные, обонятельные образы в рамках сенсорной диктемы.

Ключевые слова: сказка, категория, здоровье, сенсорика, лексема, фразеологическая единица, сенсорная диктема

В работе учитываются принципы классификации перцептивной лексики по пяти органам чувств, которая дополняется или дублируется внешними, внутренними и кинестетическими ощущениями [Нагорная 2017: 24; Харченко 2012: 6]. Пропоземы-суждения, включающие такие лексические единицы, на уровне текста являются сенсорной диктемой. Диктема, в свою очередь, становится элементарной единицей речевого выражения ментальных единиц различного уровня абстракции: концептов, категорий и др. [Блох 2011: 17]. Цель настоящего исследования – определить особенности сенсорного выражения категории HEALTH в шотландской сказке «о трех зеленых троллях из Глен Невиса» в редакции Джорджа Дугласа [Douglas 1900].

У вдовы из Ранноха было три сына: Дональд, Дугалд и Дункан. В доме не осталось еды, и она отправила их на поиски счастья в надежде, что в старости они наконец-то позаботятся о ней: *...don't forget your old mother, for she's tried to do her best by you for many a long day*. [там же: 35]. В рамках данной сенсорной диктемы лексема *old* указывает на семантическое пространство ментальных единиц HEALTH и AGE в английском языке. О том, что речь идет не только о возрасте, но и о состоянии здоровья женщины, подтверждает иллюстративный материал книги: старая дама, облокотившись о порог, провожает взрослых сыновей. Таким образом, зрительный образ представлен вербально и невербально. Вторая часть диктемы является интерпретационным средством выражения категории HEALTH, также указывая на возраст.

Преодолевая болото, Дональд пел песню, а когда он выбился из сил, то Дуглас начал рассказывать историю: *Over the moor they trudged, and Donald sang a song to cheer Dougald and Duncan; and, when he was tired, Dougald told a story to while away the time for Donald and Duncan* [там же: 36]. Глагол *trudge* в данном примере актуализирует значение «идти с трудом из-за болота» и включает зрительный и тактильный сигналы. Данные сенсорные акценты переключаются на звуковой образ (*sang a song*). Фразеологическая единица *be tired* репрезентирована своим прямым значением «устать», указывающим на физическое состояние персонажа. Зрительный сигнал в этом случае является центральным сенсорным

акцентом.

В семье Дункан считался самым умным из братьев. Он принимал важные решения: *So, as Duncan was **the clever one** of the family...* [там же: 37]. Лексема *clever* указывает на ментальный компонент категории HEALTH, а также имеет зрительный и слуховой сигналы в составе данной диктемы и предшествующего диалога братьев, в котором Дональд и Дуглас не спорят с Дунканом. Братья решились заглянуть в хижину ведьмы, которую они заприметили на болотах, но она вскоре вернулась, и им пришлось прятаться: *...disclosed the horrid hag entering with upturned and snorting nose, for she had smelt food a long way off, and could not make out whence came the scent* [там же: 39]. Лексема *horrid* в составе словосочетания *horrid hag* актуализирует значение «страшный / неприятный», указывает на связь категории HEALTH (здоровье) с ментальной единицей BEAUTY (красота), а также репрезентирована зрительным образом, который поддерживается глаголами *diclose* (показываться), *enter* (входить). Прилагательные *upturned* (вздернутый) и *snorting* (фыркающий) включают разные сенсорные сигналы. Наблюдается переключение со зрительного на обонятельно-слуховой сигнал. Обонятельный акцент также представлен в финальной части диктемы глаголом *smell* (учуять) и сочетанием *the scent came* (откуда исходил запах). Фразеологизм *make out* в контексте данного примера репрезентирован значением «понять». Ведьма не ожидает, что три брата закидают ее камнями насмерть. Они неожиданно нападают на нее: *...the brothers, leaping down from the table, seized the large stones ... and flung them down with all their force on to the top of the old hag below* [там же: 40]. Вторая часть диктемы, включающая фразовый глагол *flung down*, представлена зрительным образом, указывает на семантическое пространство ментальной единицы FATAL INJURY (смертельная травма) как на компонент высших понятийных категорий DEATH и HEALTH. Следующая диктема подтверждает, что ведьма погибла от рук братьев: *...the old hag was safely settled once and for all this time...* [там же]. Лексема *settle* актуализирует прямое значение «разделаться с кем-либо», может выступать средством выражения ментальных единиц HEALTH и DEATH, включает зрительный акцент.

Дугалд, средний брат, решил искать сокровища вокруг хижины ведьмы, но вскоре устал: *...getting tired of seeking...* [там же: 43]. Фразеологическая единица *get tired* указывает на физиологическую составляющую категории HEALTH, репрезентирована зрительным акцентом. Дугалд повстречал курицу, которая издала ужасный крик. Он настолько был поражен этим криком, что даже не мог соображать некоторое время: *To say that he was astonished at the terrific crow the fowl emitted is not an adequate expression: he was startled out of his wits* [там же: 44]. В этой диктеме наблюдается сенсорное переключение со зрительного образа (*was astonished*) на слуховой (*the terrific crow the fowl emitted*), а затем вновь представлен зрительный сигнал (*he was startled out of his wits*). Фразеологическая единица *be startled out of one's wits* имеет значение «потерять способность соображать от испуга» в данном контексте. В своих поисках сокровищ младший брат Дункан заметил розовую свинку. Та попросила поцеловать ее между глаз, он исполнил ее

желание, но в тот же миг упал на землю из-за невероятного громкого рыка, который издала свинка. Рык был настолько ошеломляющим, что когда он встал, лицо его было перекошенным, а на локтях виднелись ссадины: ...*getting up with a wry face and bruised elbows* [там же: 47]. Лексема *wry* в составе словосочетания *wry face* актуализирует значение «кривой», а лексема *bruised* в словосочетании *bruised elbows* репрезентирована значением «ободранный». Словосочетание *wry face* указывает на внутреннее перенапряжение персонажа, включает зрительный образ. Словосочетание *bruised elbows* характеризует внешнюю, незначительную травму, в этой лексической единице также представлен зрительный акцент.

Собрав живые артефакты, громкоголосых свинку, курицу и цветочек, братья отправились в путь вновь. Дональду выпала честь столкнуться с первым зеленым троллем: *There he saw an ugly Troll, squatting by a turf fire...* [Douglas, 1900: 50]. Лексема *ugly* репрезентирована значением «уродливый», указывает на семантическое пространство ментальных единиц BEAUTY и HEALTH, включает зрительный сигнал, поддерживаемый глаголом *see*. Тролль в то утро чувствовал себя плохо, поскольку слышал гром, а он для троллей губителен: ...*he felt too sick to go on arguing...* [там же: 51]. Фразеологическая единица *feel sick* актуализирует значение «чувствовать себя плохо», описывает интероцептивное ощущение персонажа. Дональд посадил гром-цветок у дома тролля, а затем стал звать хозяина понюхать это ароматное растение. После долгих уговоров тролль согласился, подошел и втянул своим уродливым носом воздух: ...*took a good long sniff with his ugly snout* [там же: 53]. Словосочетание *ugly snout* включено нами в ряд номинаций зрения. Тролль так сильно испугался грома, что побежал обратно в дом, ударился об косяк и замертво упал: ...*he dashed his brains out on the lintel and fell dead on the threshold, and that was the end of him* [там же]. Фразеологизм *dash one's brains out* указывает на интероцептивные ощущения персонажа, включает зрительный сигнал, актуализирует значение «удариться головой», является средством выражения категории TRAUMA. Травма оказывается смертельной: *fall dead*; данная лексическая единица указывает на семантическое пространство категории DEATH. Финальная часть диктемы *that was the end of him* также является интерпретационным средством выражения категории DEATH. Второй брат, Дугалд, отправился к следующему троллю, представился поваром, ищущим работу, с трудом уговорил тролля появиться: «*In the name of all that's ugly...*» said the Troll, ...*showing his hideous green face to Dougald* [там же: 54]. Лексема *ugly* в речи тролля выражает возмущение как перефразированное словосочетание «ради всего уродливого» от «ради всего святого». Словосочетание *hideous green face* актуализирует прямое значение «отвратительная зеленая морда», репрезентировано зрительным сигналом. Тролль решает, что сможет сварить самого Дугалда: ...*it won't take long to destroy him and stew him...* [там же]. Глаголы *destroy* и *stew* могут рассматриваться как средства выражения категорий DEATH и HEALTH со зрительным акцентом. Тролль угрожает, если Дугалд не сварит похлебку: ...*off goes your head in a trice* [там же]. Выявленный фразеологизм включает зрительный акцент, указывает на экстеро- и интероцептивные ощущения. Дугалд посадил на дно котелка гром-курицу, поэтому, когда тролль дотронулся до нее ложкой, та издала дикий вопль. Тролль в испуге побежал

прочь, ударился об косяк и замертво упал: ...*he lay dead and still on the threshold...* [там же: 56]. Эта диктема указывает на полученную травму и последующую смерть персонажа. Дункан со своей свинкой отправился к третьему троллю, но тот не открывал дверь. Дункан предположил, что тролль или глухой, или невоспитанный: *This Troll must be either deaf or very uncivil* [там же: 58]. Лексема *deaf* актуализирует значение «глухой», включен нами в ряд номинаций слуха. Дункан подложил гром-свинку в постель жены тролля. Тролль поцеловал свинку между глаз и вновь громкий рык испугал тролля. Он, как и его братья, побежал к двери, ударился об косяк, получил смертельную травму: ...*fell dead, crumpled up in an ugly mass on the threshold...* [там же: 62]. Фразовый глагол *crumple up* актуализирует значение «рухнуть», имеет зрительный и слуховой акценты.

Сенсорные средства выражения категории HEALTH, представленные в старых шотландских сказках, указывают на особенности языковой картины мира Джорджа Дугласа. Выявлены зрительные, слуховые, тактильные, обонятельные образы, а также смешанный, обонятельно-слуховой акцент. Определены следующие типы сенсорного переключения: а) со зрительного на обонятельно-слуховой сигнал; б) со зрительного и тактильного на звуковой сигналы; в) со зрительного на слуховой, а затем вновь на зрительный образ. Лексические единицы, репрезентирующие семантическое пространство категории HEALTH в произведении, также могут выступать в качестве средств выражения категорий TRAUMA, DEATH, BEAUTY, AGE.

Литература

Блох М. Я., Капитанова И. И. Проблема дискурсного выражения концепта // Вестник МГОУ. Серия: лингвистика. 2011. № 2. С. 14-18.

Нагорная А.В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований. М.: РАН ИНИОН, 2017.

Харченко В.К. Лингвосенсорика. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Douglas G. Scottish folk and fairy tales. New York: A. L. Burt Company Publishers, 1900.

Alexander S. Ptashkin (Tomsk, Russia)
National Research Tomsk Polytechnic University

SENSORICS OF THE MEANS OF EXPRESSING THE CATEGORY OF “HEALTH” IN THE SCOTTISH FAIRY-TALE ABOUT THE THREE MEN OF GLEN NEVIS

The article examines the structure and sensory means of expressing the category of HEALTH in the Scottish fairy tale about the three green men of Glen Nevis. Lexemes, phraseological units, collocations with reference to the semantic space of the category of HEALTH and other closely related mental units are under consideration. These lexical units include visual, auditory, tactile and olfactory images in the framework of the sensory diceme.

Key words: fairy tale, category, health, sensorics, lexeme, phraseological unit, sensory diceme

В.А. Родин (Санкт-Петербург, Россия)

*Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
rodin.valentin2014@yandex.ru*

С.В. Киселева (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет
svkiseljeva@bk.ru*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ЯДРА ТЕРМИНОВ СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНА «BUCKET»)

Статья посвящена описанию проблемы полисемии в терминологии. Актуализируется проблема отсутствия достаточного количества когнитивных исследований в сфере строительной терминологии, описывается способ определения содержательного ядра одного из терминов строительной техники – bucket (ковш экскаватора).

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, полисемия, содержательное ядро, термин, строительная техника

Когнитивная лингвистика представляет собой активно развивающееся направление. Фокус внимания исследователей направлен на изучение содержательных параметров языка [Кубрякова 2008: 39].

В современной науке исследования многозначного слова заключаются в определении механизмов, лежащих в основе различия отдельных значений лексических единиц (ЛЕ), с одной стороны, а также в поиске общего звена, связывающего все значения одного слова, с другой [Песина и др. 2021: 249]. Явление полисемии имеет непосредственную связь с психикой человека. С.В. Киселева утверждает, что в основе появления многозначности лежит фактор многообразия человеческих мыслей и чувств, поскольку значения ЛЕ непосредственно создаются языковой личностью [Киселева 2007: 13].

Особенность человеческой психики состоит в том, что на подсознательном уровне каждый индивид стремится к обобщению и систематизации информации об окружающей действительности. Значения слов всегда имеют отношение к определенным когнитивным контекстам или фреймам, которые передают знание о мире [Болдырев 2014: 108]. Явление многозначности – это способ выражения ассоциативного ряда идей и смыслов [Никитин 2003: 13].

Явление полисемии носит как положительный, так и отрицательный характер. Все значения многозначного слова напрямую связаны с СЯ, которое строится на их материале [Киселева 2007: 16]. Положительная сторона заключается в том, что содержательное ядро (СЯ) той или иной ЛЕ, связанное с его вторичным значением, способствует более быстрому усвоению знаний об окружающей действительности. Общие признаки, встречающиеся как в производном, так и во вторичном значении, облегчают процесс вышеупомянутой систематизации. Отрицательная сторона полисемии видится в естественном процессе «разрушения» СЯ по мере отдаления от исконного образа к периферии [там же: 17]. В случае, когда в процессе образования вторичного значения слова участвует метонимия, существует риск полной потери мотивационных связей с когнитивным

образом первого значения. Подобная ситуация способна запутать индивида и приводит к необходимости уточнения значения слова в словарях (что не всегда может быть уместно в контексте построения высказывания в отдельно взятой ситуации) или же к некорректному употреблению ЛЕ в устной или письменной [Киселева, Росянова 2013: 116].

Когда речь заходит об узкой области знания, требующей от индивида корректной передачи одного из значений термина, явление полисемии оказывает исключительно положительное влияние на процесс речепорождения [Песина и др. 2021]. Вторичные значения термина имеют метафорический, метонимический или, в некоторых случаях, метафтонимический потенциал. СЯ, связывая все имеющиеся лексико-семантические варианты (ЛСВ) слова (термина), способствует облегчению усвоения специфических знаний и позволяет человеческой психике делать нужные «отсылки» к уже известной информации [Киселева 2007: 15].

Специфическая область знаний, в данном случае – «строительная техника», незаслуженно обделена вниманием лингвистов-когнитологов. Сейчас в науке существуют исследования, посвященные таким близким областям знаний как «строительство» и «архитектура». Однако до сих пор не написано достаточное количество работ, в которых бы описывались явления полисемии, характерные для терминологических единиц, относящихся к строительным машинам.

В целях актуализации данной проблемы, необходимым видится описание способов определения СЯ одного из терминов строительной техники – bucket (ковш экскаватора). Релевантной является следующая последовательность действий: на основе анализа данных англоязычных словарей общеупотребительной лексики, а также специальных словарей определяется усредненное номинативно-непроизводное значение (ННЗ) ЛЕ; анализируются вторичные значения термина строительно-технической области как в общеупотребительных, так и в специальных словарях с целью поиска компонентов, лежащих в основе метафорического переноса; формируется СЯ термина, полученное на основе анализа нескольких типов словарей; выделяются особенности СЯ терминологической единицы bucket; обобщаются СЯ полисеманта bucket в контексте общеупотребительной и терминологической лексики.

В качестве исходного значения bucket в общеупотребительных словарях приводятся следующие дефиниции: «an opened container with a handle, used for carrying and holding things, especially liquids» [Longman: URL]; «a container with an open top and a handle, often used for carrying liquids» [Cambridge: URL]; «a typically cylindrical vessel for catching, holding, or carrying liquids or solids» [Merriam-Webster: URL].

На основе полученных данных выделим основные семантические компоненты, благодаря которым у индивида формируется образ данного предмета: «an opened container with a handle», «used for carrying things and liquids», «cylindrical vessel». Здесь речь идет о приспособлении, называемом «ведро». На это указывает цилиндрическая форма данного предмета, наличие у него ручки, а также цель его использования (для переноски вещей и воды).

Итак, на основе проведенного анализа по нескольким словарям, сформируем

усредненное (ННЗ, которое будет отражать образ предмета в голове человека: An opened cylindrical container with a handle used for carrying things and liquids.

Далее обратимся к производным значениям, где в фокусе внимания находятся только те, которые имеют помету «Machinery» и являются терминологическими единицами данной области.

В качестве ЛСВ приводятся следующие значения слова bucket: «a specialized container attached to a machine, adapted for manual use by a human being» [Cambridge: URL]; «a part of a machine shaped like a large bucket and used for moving earth, water etc. [Longman: URL]»; «any of various bucket-like parts of a machine, such as the scoop on a mechanical shovel [Merriam-Webster: URL]».

При разложении данных дефиниций на семантические компоненты, получаем следующее: «a specialized container attached to a machine»; «a part of a machine shaped like a large bucket used for moving earth, water etc.»; «any of various bucket-like parts of a machine».

Метафора позволяет осмыслить имеющиеся в сознании абстрактные понятия. В связи с этим необходимо определить, какой образ лежит в основе метафорического переноса [Лакофф, Джонсон 2004: 56]. Анализ выделенных компонентов показывает, что в основе метафорического переноса лежит принцип внешнего сходства приспособления, называемого «ведро» с ковшом экскаватора (shaped like a large bucket; bucket-like parts). Стоит отметить, что при образовании метафоры принцип внешнего сходства превалирует над областью применения. Это можно объяснить тем фактом, что предметы и материалы, для переноски которых задействуется ковш экскаватора, могут значительно отличаться от материалов, переносимых в ведре. Сходство по форме будет являться более очевидным для обывателя.

Приведем формулировку СЯ, полученного на основе связи усредненного ННЗ и всех вторичных значений в общепотребительных словарях: a container.

Далее обратимся к техническим словарям. Имеем следующие значения термина bucket: «Digging attachments can be fixed with an excavator» [Construction Machinery Glossary: URL]; «A bucket is a specialized container attached to a machine» [там же]; «An excavator bucket is a digging part of the excavator» [Construction Equipment and its Management]. На основе полученных значений сформулируем усредненное ННЗ: A digging attachment of a machine.

Обратим внимание на производные значения термина bucket в тех же словарях: «A bucket is one of the most common excavator accessories, helping to dig or clean the surrounding area» [Construction Machinery Glossary: URL]; «A digger bucket is a removable attachment from a diggers arm» [там же]; «A removable attachment designed to work with an excavator» [Construction Equipment and its Management]. Семантические компоненты «excavator accessories»; «diggers arm»; «to work with» создают образ ковша как некоего дополнения к основной машине. Особо подчеркивается отсутствие независимости данного оборудования, что является крайне важным для понимания конструкции и принципа действия любой составной части строительной машины.

Приведем формулировку СЯ, полученного на основе связи усредненного

ННЗ и всех вторичных значений в технических словарях: an attachment.

Таким образом, можно утверждать, что СЯ одной и той же терминологической единицы будут отличаться в зависимости от вида словарей, на основе которых проводится анализ. СЯ, сформированное на основе узкоспециализированных технических словарей, зависит от необходимых факторов, влияющих на корректную и безопасную эксплуатацию конкретного оборудования или механизма.

В заключение на основе схожих компонентов двух выведенных СЯ термина bucket (a container), (an attachment) сформулируем усредненное – an attached container. Полученное СЯ осмысляет все значения bucket, присутствующие как в общеупотребительных, так и в специальных словарях.

В статье была актуализирована проблема отсутствия достаточного количества когнитивных исследований в сфере строительно-технической терминологии, а также продемонстрирован механизм поиска и описания СЯ одного из терминов данной области знаний. Перспективы исследования видятся в изучении явления различия СЯ синонимического ряда некоторых терминов строительной техники.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: Курс лекций. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2014.

Киселева С.В. Предикаты партитивной семантики со значением становления и исчезновения партитивных отношений в современном английском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2007.

Киселева С.В. К построению типологии многозначности терминов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 4. С. 115-122.

Кубрякова Е.С. Части речи в ономастологическом освещении. М.: ЛКИ, 2008.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004.

Никитин М.В. Основания когнитивной семантики. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2003.

Pesina S.A., Vinogradova S.A., Kiseleva S.V., Trofimova N.A., Rudakova S.V., Baklykova T.Yu. Functioning of metaphor through the prism of invariant theory of polysemy / Applied Linguistics Research Journal. 2021. Т. 5. № 4. С. 247-252.

Pesina S.A., Rubert I.B., Kiseleva S.V., Trofimova N.A., Vinogradova S.A., Savateeva O.V. Revealing of Representations and Images as Conceptualization of Semantic Experience // Revista EntreLinguas, 2021, v. 7 esp. 8.

Longman dictionary of contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/bucket>.

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/bucket>.

Merriam Webster dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/bucket>.

Construction Machinery Glossary. URL: <http://www.theconstructionmachinery.com/glossary>.

The Contractors' Dictionary of Equipment Tools and Techniques for Civil Engineering Construction. URL: <https://www.paperbackswap.com/Contractors-Dictionary-Equipment-L-F-Webster/book/0471115231>.

Construction Equipment and its Management. URL: <https://readersend.com/product/construction-equipment-and-its-management>.

*Valentin A. Rodin (Saint Petersburg, Russia)
Pushkin Leningrad State University
Svetlana V. Kiseleva (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University of Economics*

DEFINITION OF THE SUBSTANTIVE CORE OF CONSTRUCTION EQUIPMENT TERMS (BASED ON THE EXAMPLE OF THE TERM “BUCKET”)

This article is devoted to describing the problem of polysemy in terminology. The problem of the lack of a sufficient number of cognitive studies in the field of construction technical terminology is updated, and a method for determining the substantive core of one of the terms of construction equipment – bucket (excavator bucket) is described.

Key words: cognitive linguistics, polysemy, substantive core, term, construction equipment

*T.С. Росянова (Санкт-Петербург, Россия)
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского
rosyanova@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ИРЛАНДСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТАНЦЕВ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с описанием терминосистем, относящихся к хореографии. Ирландская танцевальная культура предоставляет уникальную возможность изучать терминологию, построенную на принципах билингвизма. Анализ проводится с точки зрения когнитивного подхода, подразумевающего концентрацию исследования на основных понятиях, относящихся к специальному знанию.

Ключевые слова: когнитивное терминоведение, термин, хореографическая терминология, терминосистема

Танцевальное наследие человечества настолько разнообразно, что с трудом поддается кодификации. Особенности эмоционального и выразительного языка танца, запись движений и их классификация до настоящего времени создают сложности экспертам.

Истоки происхождения танца восходят к глубокой архаической древности, но танцевальная терминология сложилась в XVII веке, когда во Франции была создана Королевская Академия танца и первый балетный словарь. По сей день терминология балета основана на терминах французского языка.

Согласно В.З. Демьянкову, «тенденция к сближению культур предвещает в ближайшем будущем радикальные изменения в становлении понятий, которыми люди пользуются в обыденной и научной жизни» [Демьянков 2015: 56]. Действительно, достижения в сфере коммуникации и возможности культурного обмена сокращают дистанцию между языками и культурами и возводят отдельные феномены (например, национальный танец) в ранг достояния всего человечества.

В современных терминоведческих исследованиях ценным представляется когнитивный подход к описанию терминосистем. По мнению В.Ф. Новодрановой, «терминосистема строится на *ключевых понятиях*, и их описанию нужно уделить наибольшее внимание» [Новодранова 2007: 139]. На основе данного утверждения и строится данная работа.

В задачу исследования входит рассмотрение терминологии ирландских танцев, которые приобрели особую популярность с середины 90-х гг. и любимы во всем мире не только самими ирландцами, но и многими поклонниками ирландской культуры. Кроме того, широкая сеть танцевальных школ и система сертификации преподавателей позволила организовать обучение ирландскому танцу во всемирном масштабе и превратить занятие энтузиастов в массовую профессию.

Своеобразие ирландских народных танцев обусловлено неординарными *экстралингвистическими факторами*, которые на протяжении веков играли значимую роль в истории Ирландии. Несомненно, следует упомянуть несколько фактов и ярких событий, которые повлияли на современную уникальную ситуацию.

Во-первых, архаика ирландских танцев, которая прослеживается до культуры кельтов и обрядов друидов привлекает своим мистицизмом. Во-вторых, гонение и официальный запрет обучать ирландцев танцам и музыке (XVII в.) привело к тайному обучению танцам на протяжении полутора веков. В-третьих, голод в Ирландии 1840-х гг. вызвал длительную эмиграцию населения, распространив народные обычаи и традиции по континентам. Для спасения ирландского языка и культуры в 1893 г. была создана Гэльская лига, деятельность которой ознаменовалась «гэльским возрождением» в начале XX в.

И, наконец, была создана специальная Комиссия по ирландским танцам, занимавшаяся исследованием традиций, чтобы отобрать лучшие образцы народного творчества, и популяризировать их среди населения путем публикации специальных сборников «An Rince Foirne».

Таким образом, в результате ряда исторических перипетий формирование ирландских танцев происходило на протяжении XVIII–XX вв., когда они записывались и коллекционировались энтузиастами, унифицировались и стандартизировались. Подобные *экстралингвистические факторы* привели и к совершенствованию соответствующей терминологии.

Уникальность *лингвистических факторов* современной терминосистемы ирландского танца видится в том, что она обладает признаками англо-ирландского двуязычия, будучи несомненно международной в силу не только сильной ирландской диаспоры, но и огромного числа обучающихся танцам по всему миру.

Для исследовательских целей настоящей работы изучаемая терминология была условно подразделена на несколько тематических областей:

- виды танцев и мелодий;
- танцевальные шаги;
- танцевальный реквизит;
- музыкальные инструменты;
- организации и общества;
- танцевальные традиции;
- фестивали и танцевальные шоу.

В рамках небольшой публикации представляется рациональным обсудить термины, связанные с категорией популярных ирландских танцев и музыки.

Поскольку все виды ирландских танцев исполняются под традиционные танцевальные мелодии с различным ритмом (*джиги, рилы, и хорнпайны*), то

предполагается рассмотреть дефиниции и примеры функционирования именно этих терминологических единиц.

1. Британская энциклопедия предоставляет следующее толкование термина *jig*, возводя популярность танца к XVI в.

- **Jig**, folk dance that was popular in Scotland and northern England in the 16th and 17th centuries and in Ireland since the 18th century. It is an improvised dance performed with rapid footwork and a rigid torso. At the court of Elizabeth I, the northern jigs became fashionable in the 16th century [britannica.com].

- **Irish jigs** are performed by one or more soloists or by couples dancing the solo dance. The music is in 6/8 time. The hop, or slip, jig is a similar step dance (solo dance) in 9/8 time. ... Related to the jig is the Italian *giga*, a lively couple dance still popular in the folk tradition [britannica.com].

Найденные раритетные издания начала XX в. позволили дополнить историческую перспективу на *джигу* как музыкальный ритм и народный танец. В знаменитом «Руководстве по ирландским танцам» («Handbook of Irish Dances», 1902), Дж.Г. О'Кифа и А. О'Брайана сказано, что джига несет специфический музыкальный размер и приобрела популярность в Ирландии, начиная с XVIII в.

- The word *jig* has been derived from the Italian *Giga*, a musical measure which was very popular in Ireland in the eighteenth century [O'Keeffe, Brien 1902: 6].

- There is certainly no evidence to show that the *jig*, as it has been danced in Ireland for the past century, is of great antiquity ; on the contrary, all evidence points rather to the fact that it is comparatively modern, and that in its earliest form it was a *Round*, or *Long dance*, a *Hey de Gigue* in fact, as it is termed in literature [O'Keeffe, Brien 1902: 7].

В авторитетном музыкальном словаре «Dictionary of Music and Musicians» (DMM 1906) приводится толкование термина **Jig** в варианте французской и итальянской орфографии *Gigue*, *Giga*, восходящей к названию старинной скрипки с необычной выпуклой формой.

- *Gigue*, *Giga* – is an old Italian dance that derives its name (or vice versa) from the *Giga*, *Gigue*, *Geige*, or early fiddle... English jigs seem to have no special characteristics. The word came to be synonymous with any light irreverent rhythm... [DMM 1906: 169].

Как сольный танец современная ирландская джига имеет несколько разновидностей, которые номинируются двухкомпонентными терминологическими единицами с главным компонентом терминологического словосочетания *jig*: *The Slip Jig* (или *The Hop Jig*), *The Single Jig*, *The Double Jig*, *The Treble Jig*, *The Heavy Jig*.

Необходимо отметить, что вышеперечисленные танцы отличаются специфическим музыкальным ритмом и их можно танцевать в мягкой обуви (*soft shoes*, *ghillies*) или жестких ботинках (*hard shoes*, *Hardies*) с отбиванием ритма.

2. Объяснение термина **reel** из Британской энциклопедии отмечает его кельтское происхождение и возможность исполнения сольного или несколькими танцорами:

- **Reel**, genre of social folk dance, Celtic in origin...Reels may be for sets of two

or more couples. ... **The Irish reel**, or *cor*, is distinguished by more complex figurations and styling and may be either a solo or a set dance to reel music. Reels are danced, less commonly, in England and Wales and, as the *ril*, in Denmark [britannica.com].

Танцевальные шаги рила также подразделяются в соответствии с ритмикой и видом обуви: *single reel*, *double reel*, *treble reel*.

3. Термин *hornpipe* относится не только к собственно танцу, но также к древнему духовому музыкальному инструменту середины XIII в.

• **Hornpipe**: a lively folk dance of the British Isles originally accompanied by hornpipe playing [merriam-webster.com].

• **Hornpipe** refers also to several dances that Renaissance courtiers believed were once performed to the rustic instrument.... As an Irish, Scottish, or English solo dance, the hornpipe is in 4/4 time and is related to the *jig* and *the solo reel*. It has intricate steps and often imitates a sailor's dance [britannica.com].

Таким образом, в результате рассмотрения **ключевых терминов Jig, Reel и Hornpipe** и связанных с ними терминологических единиц, была выявлена вся полнота системных явлений в терминологии:

• синонимия *Slip Jig (или Hop Jig) (soft shoes или ghillies) (hard shoes или hardies)*

• антонимия *soft shoes VS hard shoes*

• полисемия *hornpipe* (музыкальный инструмент и танец)

• градация *Single Jig, Double Jig, Treble Jig*

• гипо-гиперонимические отношения *Reel* и *Irish reel*.

Следовательно, идея когнитивного подхода В.Ф. Новодрановой о необходимости концентрации на ключевых и основополагающих понятиях специальной области плодотворна в том числе и применительно к локальным участкам терминосистем. Отметим также, что терминология ирландского танца нуждается в дальнейших исследованиях.

Литература

Демьянков В.З. Терминология, культура и эмпирический когнитивизм // Когнитивные исследования языка. 2015. № 20. С. 49-58.

Новодранова В.Ф. Типы знания и их репрезентация в языке для специальных целей (LSP) // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания. 2007. Вып. 5. С. 136-140.

O'Keefe J. C., Brien A. Handbook of Irish Dances, Dublin: O'Donochue, 1902.

DMM – Dictionary of Music and Musicians. Vol. II. London: The Macmillan Company, 1906.

*Tatiana S. Rosyanova (Saint Petersburg, Russia)
Russian Christian Academy for the Humanities*

COGNITIVE ASPECTS OF STUDY IN TERMINOLOGY OF IRISH FOLK DANCES

The article discusses issues related to the description of systems of terms related to choreography. Irish dance culture provides a unique opportunity to study terminology built on the principles of bilingualism. The analysis is carried out from the point of view of a cognitive approach, implying the concentration of research on basic concepts related to special knowledge.

Key words: cognitive terminology studies, term, choreographic terminology, system of terms

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ СЛАВЯНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕШСКОЙ И РУССКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

Предпринятый в работе когнитивный подход к сопоставительному анализу чешской и русской грамматической терминологии позволил по-новому взглянуть на номинацию лингвистических терминов в двух языках. Установлено, что национальная чешская терминология в когнитивном плане обнаруживает существенные отличия от русской, в большей степени концептуально ориентирована, что является важным в лингводидактике.

Ключевые слова: грамматическая терминология, чешский язык, русский язык, сопоставительный анализ, номинация, когнитивное содержание термина, лингводидактика

На современном этапе развития терминоведения можно констатировать активное распространение когнитивного подхода к изучению терминов. В частности, выделяется самостоятельная исследовательская область – когнитивное терминоведение, главным объектом которого стало соотношение термина и понятия, а также соотношение терминосистемы и стоящей за ней структуры специального знания [Голованова 2013: 13-14]. Когнитивное терминоведение представляет собой новую систему взглядов на термин, так как «в парадигме когнитивного терминоведения термин понимается как информационно-когнитивная структура, аккумулирующая специальные знания, необходимые в процессе научной коммуникации и профессионально-научной деятельности» [Комарова 2010: 17].

Потребности активно развивающихся в лингвистике сопоставительных и типологических исследований, теории и практики перевода, лингводидактики делают весьма важной разработку сопоставительного терминоведения на материале современных славянских языков, которые переживают в первой половине XXI века своего рода ренессанс. В сопоставительном славянском терминоведении остаются актуальными и теоретические проблемы, и практические вопросы, требующие целенаправленных исследований на основе новых идей и методологических подходов; наблюдается понятийная и терминологическая неопределенность [Бауер 1972: 32-34]. Когнитивный подход, несомненно, открывает новые перспективы в сопоставительном изучении славянской терминологии, позволяет по-новому взглянуть на номинацию терминов в славянских языках, выявить специфическое смысловое содержание терминов в сопоставительном плане и их отличительные особенности.

Особый интерес с точки зрения когнитивной представляет *грамматическая терминология* (ГТ), которая в сопоставительном плане на материале славянских языков, в том числе чешского и русского, изучена недостаточно. Фактически отсутствуют обобщающие работы, посвященные системному сопоставительному

анализу чешской и русской ГТ.

Грамматические терминологии и в русском, и в чешском языках представляют собой весьма развитые терминосистемы, которые формировались на протяжении нескольких столетий, начиная с XVI–XVII вв., путем буквального перевода (калькирования) соответствующих древнегреческих и латинских терминов на русский и — соответственно — на чешский языки, путем заимствований из древних языков, а также в результате влияния западноевропейской лингвистической традиции, в частности трудов Ф. Меланхтона — с его логико-семантическим подходом к грамматическим категориям и особым вниманием к их семантике [Дюбо 2005: 138-139]. Так что и чешская, и русская ГТ выражают систему понятий традиционной грамматической науки и обнаруживают значительную общность. С другой стороны, ГТ, несомненно, отражает концептуальный аппарат национальных грамматических школ, национальные научные традиции, национально-специфическую ментальность. Это ярко проявляется в чешской ГТ, которая занимает совершенно особое место, поскольку – в силу ряда исторических факторов – была ориентирована прежде всего на собственные (славянские) языковые ресурсы.

Когнитивному анализу были подвергнуты чешские грамматические термины (простые и составные), выражающие основные понятия морфологии и синтаксиса, – в сопоставлении с эквивалентными им русскими ГТ. Основанием сопоставления (*tertium comparationis*) чешской и русской терминологической единицы является их понятийная релевантность. Цель исследования – выявить национально-специфические особенности когнитивного содержания чешских ГТ в сопоставлении с эквивалентными русскими ГТ, показать их важную роль в лингводидактике, в преподавании чешского языка как иностранного в русской аудитории. Источником чешской ГТ послужили «Slovník lingvistických termínů pro filologii» E. Lotko [Lotko 2003], «Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost» [Slovník 2005], а также новейшие учебники чешского языка, изданные в Чешской республике. Всего проанализировано в когнитивном плане около 600 термино-единиц, в т. ч. 46 общеграмматических, около 320 терминов морфологии, 230 терминов синтаксиса.

Как показал проведенный анализ, значительная часть чешских ГТ представляет собой оригинальные образования на базе *собственно чешского языка*, хотя и имеют дублиеты – иностранные по происхождению (интернациональные) термины. Исконные термины более информативны; имеют, как правило, ясную содержательную мотивацию, ярко выраженную ментальную характеристику. Мотивированность собственно чешских грамматических терминов – это важный фактор проявления самобытности чешской ГТ, выражение *национальной ментальности*. Ввиду мотивированности собственно чешские термины прозрачны, сообщают о сущности понятийного содержания, в той или иной мере *ориентируют* на обозначаемые ими понятия, отражают своей языковой формой необходимые и достаточные признаки понятия, позволяют лучше понимать значение термина, не прибегая к его дефиниции.

Наш опыт показывает, что когнитивный подход к грамматической терминологии, учет национальной специфики чешской ГТ целесообразны и необходимы в преподавании чешского языка как иностранного русским студентам-филологам. Именно *собственно чешский*, нередко представляющий собой кальку на славянской почве, а не иноязычный термин имеет ясную содержательную мотивацию, что помогает студентам его лучшему освоению, способствует осознанному представлению понятийной отнесенности термина, а тем самым – овладению сущностью самого языкового явления (процесса), обозначенного термином.

Таковы собственно чешские названия структурных уровней языковой системы, частей речи, членов предложения, многих грамматических категорий и форм, ср. чешские и эквивалентные русские термины: *hláskosloví* (< *hláska* ‘звук’) ~ *фонетика*, *názvosloví* (< *název* ‘термин’) ~ *терминология*, *mluvnice* (< *mluvit* ‘говорить’) ~ *грамматика*, *tvarosloví* (< *tvar* ‘форма’) ~ *морфология*, *skladba* (‘то, что складывается в последовательность’) ~ *синтаксис*, *zájmeno* ~ *местоимение*, *sloveso* ~ *глагол*, *příslovce* ~ *наречие*, *citoslovce* (< *cit* ‘чувство’) ~ *междометие*, *přísudek* (‘то, что пишется подлежащему’) ~ *сказуемое*, *příklonka* ~ *энклитика*, *předklonka* ~ *проклитика*, *časování* (< *čas* ‘время’) ~ *спряжение*, *souvěti* (< *sou* + *věta*, образованное от устаревшего чешского глагола *věti* ‘mluvit’ (‘говорить, разговаривать’) [Rejzek 2001: 708], т. е. ‘совокупность связанных между собой предложений’) ~ *сложное предложение* и др. Как можно видеть, чешские ГТ оказываются прозрачными в когнитивном плане; эквивалентные же им русские ГТ в большинстве случаев являются заимствованными или кальками и не имеют содержательной мотивации (нулевая мотивация).

Показательным когнитивным примером являются чешские грамматические термины *stupňování*, *první stupeň*, *druhý stupeň*, *třetí stupeň*, которые своей внутренней формой отчетливо выражают, в отличие от русской грамматики, сам *алгоритм* образования соответствующей формы имен прилагательных (или наречий), а именно, ‘последовательную ступенчатость процесса’: ср.: *krásný* → *krásnější* → *nejkrásnější*. В русском языке при образовании этих форм не проявляется последовательная ступенчатость, так как превосходная степень образуется чаще всего от формы положительной степени, ср.: *самый быстрый* < *быстрый*. Интересно, что когнитивное содержание и исходного однословного термина *stupňování* (отглагольное образование при помощи суффикса *-ní* со значением процессуальности) отчетливо выражает ‘определенную ступенчатость, последовательность’ данного грамматического процесса. В русском языке нет прямого эквивалента чешскому термину *stupňování*, которому могут соответствовать и «степени сравнения в целом», и «образование степеней сравнения», и «изменение по степеням сравнения».

Итак, когнитивный подход к сопоставительному анализу чешской и русской грамматической терминологии позволил установить, что чешская ГТ, для которой типичным является номинирование одного и того же понятия, наряду с заимствованным, «своим», собственно чешским, термином, в когнитивном плане обнаруживает существенные структурные и семантические отличия от русской

ГТ. Национальная чешская ГТ, в сравнении с русской, в большей степени *концептуально ориентирована* и обладает прозрачным когнитивным содержанием. Это важно в лингводидактическом плане. Как показывает наш опыт, «проникновение» в когнитивное содержание чешской ГТ необходимо в преподавании чешского языка как иностранного. Именно собственно чешский, а не иноязычный термин имеет ясную содержательную мотивацию, что помогает студентам его лучшему освоению, способствует осознанному представлению понятийной отнесенности термина. Таким образом, когнитивный аспект лингвистической терминологии составляет важную часть грамматической и коммуникативной компетенции обучающихся. Использование когнитивных характеристик собственно чешских лингвистических терминов в преподавании чешского языка может и должно стимулировать творческую и учебно-научную активность студентов.

Литература

Голованова Е.И. Когнитивное терминоведение: проблематика, инструментарий, направления и перспективы развития // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 13-18.

Дюбо Б.А. Филипп Меланхтон и русская грамматическая традиция. СПб.: СПбГУ, 2005.

Комарова З.И. Проблемы языка науки // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. Ч. 1. Екатеринбург: Уральский гос. педагогический ун-т, 2010. С. 7-24.

Bauer J. Konfrontační a srovnávací studium české a polské syntaxe // Jaroslav Bauer. Syntactica slavica. Vybrané práce ze slovanské skladby. Brno: Universita J. E. Purkyně, 1972. С. 31-34.

Lotko E. Slovník lingvistických terminů pro filology. Olomouc: Univerzita Palackého, 2003.

Rejzek J. Český etymologický slovník. Praha: LEA, 2001.

Slovník — Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha: Academia, 2005.

Stanislav A. Rylov (Nizhny Novgorod, Russia)

N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

COGNITIVE APPROACH TO COMPARATIVE SLAVIC TERMINOLOGY

(ON THE MATERIAL OF CZECH AND RUSSIAN GRAMMATICAL TERMINOLOGY)

The cognitive approach to the comparative analysis of Czech and Russian grammatical terminology undertaken in this paper allowed to take a new look at the nomination of linguistic terms in the two languages. It was found that the Czech national terminology is cognitively significantly different from the Russian terminology and is more conceptually oriented, which is important in linguodidactics.

Key words: grammatical terminology, the Czech language, the Russian language, comparative analysis, nomination, cognitive content of a term, linguodidactics

Н.А. Сергиенко (Сургут, Россия)

Сургутский государственный университет
sergienko_na@surgu.ru

В.М. Глушак (Москва, Россия)

Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
glushakvm@mail.ru

А.С. Литовченко (Сургут, Россия)

Сургутский государственный университет
litovchenko_anastasiya@surgu.ru

ЦЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Статья посвящена исследованию феномена ценностей как объекта междисциплинарного научного познания. Особое внимание уделяется двум подходам к изучению ценностей – лингвокогнитивному и лингвокультурологическому. Рассматриваются существующие классификации ценностных категорий и их роль в структурировании языкового сознания.

Ключевые слова: ценности, категории, ценностная картина мира, лингвокогнитивный, лингвокультура

Особенности отношения человека к объекту, зафиксированные в его сознании, являются ценностями, или ценностным пониманием [Сахно 1991: 95-101]. К. Клакхон одним из первых описывает понятие «ценность» как определяющее выбор индивидуальных или групповых целей представление о желательном, характерное для индивида или группы индивидов и являющееся осознанным или неосознанным [Kluckhohn 1951: 395]. В соавторстве с Ф. Стрелбеком К. Клакхон дает позднее иное определение ценностям. В понимании ученых ими являются сложные, определенным образом поделенные на группы принципы, которые направляют разные мотивы мышления и деятельности человека в процессе решения общечеловеческих проблем [Kluckhohn 1961].

В процессе когнитивной деятельности в сознании человека возникают ценностные категории. Человек формирует ценностное отношение к миру в процессе постижения действительности и отмечая для себя весомое и несущественное. Из этого следует, что отношение к окружающему миру, строящееся на имеющейся у человека информации, его опыте, является ценностным ориентиром человека [Гуревич 1995: 120].

В лингвистической науке не существует единого мнения касательно вопроса о происхождении ценностей. Ценности, с одной стороны, имеют связь с реальными предметами действительности, с другой – данная связь, равно как и возможность постижения ценностей опытным путем, отрицаются, т. е. ценностям не приписывают такие свойства как реальность и субъективность [Дробницкий 1967: 305-306]. Дж. Серль, напротив, считает, что ценности напрямую связаны с человеком, в противном случае они не имели бы права на существование в качестве ценностей, а представляли бы одну из составляющих объективной реальности [Searle 1976: 175].

Как утверждает Н.Д. Арутюнова, ценности одновременно существуют

внутри мира и за его пределами [Арутюнова 1999: 131]. Такой подход к определению природы ценностей позволяет заключить, что ценности координируют, регулируют и направляют деятельность человека в объективном мире [Арутюнова 1988: 60; Маслова 2001: 50].

В общей теории ценностей различают несколько классификаций ценностей, отражающих многогранность данного феномена. Так, благодаря тому, что человек находится в непрерывном взаимодействии с окружающим его миром, ценностное пространство предстает как совокупность двух сфер ценностей – биологической и социальной, в которых происходит формирование ценностей личности и общества [Сергеева 2003: 50]. С опорой на данный подход в настоящей работе исследуется взаимосвязь человека и его окружающей действительности, где особое внимание в структуре антропосферы уделяется рассмотрению эмоциональной, социальной и ценностной субсфер.

Не подвергается сомнению актуальность исследования ценностей в рамках лингвокультурологических учений, так как ценности, выступая основным культурным принципом, определяют взаимоотношения человека и общества [Сахно 1991: 95-101]. Некий набор ценностей, существующих в том или ином социуме и участвующих в повседневной коммуникации человека за счет их интеграции в коллективный образ жизни [Хабермас 2000: 170], определяет лингвокультурное своеобразие данного социума [там же: 268-269]. Благодаря ценностям происходит образование различных узлов ценностных ориентаций (исторических и биографических), а тождество действующих индивидуумов и групп позволяет им интегрироваться в ту или иную культуру или личность [там же].

В узком смысле ценности определяются как общие для народа и наследуемые новыми поколениями людей социальные идеи, присущие определенной культуре [Стернин 2006: 108], из чего следует, что ценности являются составляющими высших поведенческих ориентиров, наиболее фундаментальных признаков культуры [Карасик 1996: 3-16]. Культурные ценности как «квинтэссенция культуры» складываются из духовных идей и устойчивых обобщений и познаются в процессе освоения той или иной культуры [Сахно 1991: 95-101].

В существующих типологиях культурных ценностей можно столкнуться с различными подходами к рассмотрению понятия «ценности». В.И. Карасик, например, различает индивидуальные, микро- и макрогрупповые, этнические и общечеловеческие ценности [Карасик 1996: 3-16]. В.А. Маслова дополняет данную типологию ценностей общественными, личностными и абсолютными ценностями, которые могут быть постоянными или временными [Маслова 2001: 51]. Несмотря на выделение различных групп в общем корпусе наблюдается единство исследователей во мнении, что границы между этими группами сильно размыты.

Существующая в сознании человека совокупность культурных ценностей складывается в систему, представляющую собой иерархию ценностей (от менее к более значимым). Любой культуре присуща ее собственная ценностная система, элементы которой участвуют в формировании доминантных проявлений культуры, определяющих поведенческую деятельность человека, что способствует существованию лингвокультурного разнообразия в мире [Kluckhohn 1961].

Одновременно с наличием доминирующих ценностных ориентаций, детерминированных национально-культурными и идеологическими традициями общества [Караулов 1987: 37], в каждом социуме существуют ценности, не коррелирующие с национальной идентификацией (добро, истина, красота, справедливость, трудолюбие и т. п.). Определяющими в ценностной иерархии (от ценностей личности к социальным, этническим и общечеловеческим ценностям) являются ценности крупных общественных образований. Более того, зачастую отмечается диаметрально противоположное несоответствие личностных ценностей с ценностями социума, что ведет к возникновению столкновений между ними (как универсальными, так и определенными лингвокультурными ценностями).

Ценностная картина мира является своего рода моделью оценочных суждений, связанных друг с другом и соотносимых с различными кодексами (моральными, религиозными, юридическими), с общепринятыми суждениями, а также традиционными литературными сюжетами [Карасик 1996: 5].

Ценностная картина является ничем иным, как частью языковой картины мира, складывающейся из общественных представлений о мире. В ценностной картине мира множество оценочных суждений, отражающих ценностные общественные ориентации, упорядочено в виде системы, включающей присущие определенной лингвокультуре национально-специфические черты [Трипольская 1999: 13-14], сформированные принципами, которые реализуются в принятых социумом нормах и правилах [Касьянова 2003: 398, 416-417].

Опираясь на вышесказанное, можно сделать вывод, что ценности, зафиксированные в языковом сознании и коммуникативном поведении, важны как для этнической языковой личности в частности, так и для этнической языковой картины мира в целом. В связи с этим особую актуальность приобретают исследования в области формирования аксиологических доминант в лингвоментальной антропосфере, под которой понимается совокупность множества субсфер – социальной, эмоционально-чувственной, ценностной, интеллектуальной и т. д., в которых посредством лингвокогнитивных процессов отражаются и вербализуются конвенциональные и этнонациональные представления человека об окружающем мире [Сергиенко 2022: 94]. Лингвоментальный потенциал таких доминант выполняют регуляторную функцию модификации и адаптации лингвокультуры под новые реалии, что является вопросом дальнейшего изучения.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Гуревич П.С.* Философия культуры. М.: Аспект Пресс, 1995.
- Дробницкий О.Г.* Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия. М.: Политиздат, 1967.
- Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. Волгоград; Архангельск: ВГПУ; ПМПУ; Перемена, 1996. С. 3-16.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
- Касьянова К.* О русском национальном характере. М.: Академический Проект, 2003.
- Маслова В.А.* Введение в лингвокультурологию. М.: Академия, 2001.
- Сахно С.Л.* «Свое – чужое» в концептуальных структурах // Логический анализ языка.

Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 95-101.

Сергеева Л.А. Проблемы оценочной семантики. М.: МГОУ, 2003.

Сергиенко Н.А. Linguoamental anthroposphere in focus of comparative linguocultural analysis // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. № 1. Т. 8. С. 93-104.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. М.: Восток-Запад, 2006.

Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. Новосибирск: НГПУ, 1999.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000.

Gluckhohn C. Values and Value Orientations in the Theory of Action: An Exploration in Definition and Classification // Toward General Theory of Action / ed. by T. Pamsons, E. Shils. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1951. Pp. 388-433.

Searle J. Speech Acts: An essay in philosophy of language. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

Natalia A. Sergienko (Surgut, Russia)

Surgut State University

Vasily M. Glushak (Moscow, Russia)

Moscow State Institute of International Relations (University)

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Anastasiya S. Litovchenko (Surgut, Russia)

Surgut State University

VALUES AS AN OBJECT OF LINGUOCOGNITIVE AND LINGUOCULTURAL ANALYSIS

The article is devoted to the study of the phenomenon of values as an object of interdisciplinary scientific research. Linguocognitive and linguocultural approaches to the study of values are particularly highlighted. The existing classifications of value categories and their role in the structuring of linguistic consciousness are considered.

Key words: values, categories, value picture of the world, linguocognitive, linguoculture

П.Е. Топорков (Калуга, Россия)

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

ptoporkovnewnew@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СИТУАЦИЙ В БИНОМИНАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ КОНСТРУКЦИЙ С ПРЕДИКАТИВАМИ – ОЦЕНОЧНЫМИ ИМЕНАМИ)

В работе представлен анализ понятия предикативности в контексте биноминативных предложений с предикативом – оценочным именем. Рассмотрены параметры концептуализации участников ситуации в рамках субъектно-предикатных отношений, а также некоторые особенности синтаксического маркирования оценочных имен в рамках предикативной синтагмы.

Ключевые слова: предикатив, оценочное имя, цитация, предикация, концептуализация

Цель нашей работы – проанализировать возможности концептуализации различных типов характеристик объекта в рамках предикативной (биноминативной структуры).

1. Субъектно-предикатные отношения мыслятся как движение от референтного значения к нереферентному, от имени объекта к имени класса объектов. Как отмечает Н.А. Герасименко, «В типичном бисубстантивном предложении субъект выражается именем существительным с конкретно-предметным значением в референтном употреблении; нереферентное употребление существительных с конкретно-предметным значением способствует их предикатному функционированию» [Герасименко 2012: 197].

Принадлежит ли класс объектов тому же концептуальному «уровню реальности», что и единичный объект?

Класс объектов – это: а) результат обобщения и категоризации, т. е. ментальная структура *par excellence*, ср. классы объектов: *профессионал, жулик* и др.; б) результат проекции из одной модели категоризации объектов реальности в другую (~ метонимия), напр. МГУ *выпускает* студентов → *выпускники МГУ*, т. е. класс объектов, именуемый так не по так называемой «внутренне присущей» (качественной) характеристике, а на основе «переноса» в самом широком смысле этого слова (грамматического, функционального, семантического...);

б) имя класса мыслится как количественная характеристика: именной предикат – это не только объект ментального уровня и результат категоризации того или иного вида, но и результат количественного обобщения.

В значительном количестве работ идея иерархизации субъектно-предикатных отношений мыслится в логике изменения референтного статуса имени; ср.: по мнению А.А. Герасимовой, «общим практически для всех исследователей оказывается противопоставление более и менее референтной именной группы: в специфицирующих биноминативных предложениях ИГ1 является менее референтной, чем ИГ2, в предикативных – напротив, ИГ2 более референтная, чем ИГ1» [Герасимова 2022: 37]. В.А. Курдюмов характеризует предикацию следующим образом (с использованием очень удачного естественнонаучного термина «среда», который снимает вопрос экзистенциального статуса тех уровней «реальности», которые объединяет субъект и предикат): «Предикация, в наиболее общем понимании, есть форма организации (форма существования) коммуникации, заключающаяся в перманентном последовательном воспроизводстве изоморфных бинарных структур в разных средах в виде последовательности действий: порождение структуры — попадание структуры в следующую среду — порождение (изменение) структуры и т. д.» [Курдюмов 1993: 19].

Каким образом устроена предикация в сфере признаковой (в том числе стальной) лексики?

Наиболее очевидный тип маркирования «субъекта» – цитация (этот + оценочное имя); см. в [Вежбицкая 1982].

Ср. примеры предикативной координации характеристик:

Причем, сам этот *gad* – бывший *пьяница* и *неудачник*, выбранный невежами-шавками [https://stihi.ru/2015/12/21/5829].

Какие предикаты наиболее характерны в качестве цитатных, а какие – в своей основной синтаксической роли?

Распределение именных предикатов возможно по трем типам отношений.

1. По соположению таксономических характеристик: Мой сосед – декан факультета vs Декан факультета – мой *soced* (традиционное тема-рематиическое членение);

2. По ранжированию характеристик от таксономических к оценочным (Мой сосед – дурак предпочтительнее и более частотно в общем случае, чем Этот дурак – мой *soced*).

3. Соположение оценочных характеристик. Этот вариант реализуется крайне редко (см. пример выше), предпочтительнее варианты с несколькими предикатными оценочными именами при субъекте уровня таксономии. Что же может быть причиной нераспространенности конструкций с двумя оценками, концептуализированными в рамках субъектно-предикатного отношения?

Один референт, как правило, не получает в рамках одной синтагмы более одной оценочной характеристики, оформленной оценочным именем. Более того, статус высказываний типа *Он красивый подлец* (оценочное имя + оценочное прилагательное) также сомнителен. Оценка прагматизирована – но если для оценочных предикативных метафор своеобразный запрет на развертывание до синтагмы был описан (Ср. **Он медведь* тем, что... [Арутюнова 1990: 27-28]), то прототипические оценочные имена мыслятся как потенциальные компоненты ситуации с различными дополнительными характеристиками (модально-временными, локально-ограничительными и т. д.: Я был *дурак*, когда...; Она у нас *красавица*...). При этом сама оценка остается своеобразным семантическим ядром ситуации: введение других оценок возможно только как синтагматическое наращение в рядах однородных членов (*пьяница, дурак, негодяй!*), но не как парадигматическая система ранжирования более и менее значимых характеристик объекта, отражающаяся в структуре предикативной синтагмы. Ср.: Увы, Настасья Филипповны, которой *красавец подлец* Ганя уготован в женихи, на съемочной площадке не видно, она включится в работу через неделю [<https://www.kp.ru/daily/22506/15820>].

Обратим внимание на характерное орфографическое оформление в авторской речи таких соположенных оценок как «оценочный предикат + приложение»: *Красавец-подлец* с неудобным именем легко преодолевает конфликтный потенциал и на рефлексию у зрителя не остается ни минуты – успевать бы жевать этот прекрасно склеенный плакат о настоящей советской любви [<https://okko.tv/movie/letjat-zhuravli/reviews>].

Еще один вопрос: как распределяются «традиционные» предикаты в конструкциях с цитатным оценочным именем в позиции субъекта?

Цитатные оценочные имена не являются полноценными субститутами имен таксономических классов и могут замещать субъектную позицию при описании ситуаций, так или иначе представляющих собой аргументацию оценки. Ср.: Этот *негодяй* мне и *говорит, приходит* вчера... vs ^{??}Этот *негодяй* *рыбачит* у пирса, *вышел* на пенсию и др.

Таким образом, концептуализация имен в биноминативной конструкции в качестве субъекта или предиката связана с рядом факторов, связанных как с па-

раметрами грамматической системы языка, так и с общими закономерности языкового функционирования таксономических классов.

Литература

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5-32.

Вежбицкая А. Описание или цитация // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Лингвистика и лингвистика (Проблемы референции). М.: Прогресс, 1982. С. 237-262.

Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование. М.: МГОУ, 2012.

Герасимова А.А. К вопросу о типах биноминативных предложений в русском языке // Rhema. Рема. 2022. № 2. С. 32-66.

Курдюмов В.А. Предикация, природа коммуникации, норма и типология языка // НТИ. Информационные процессы и системы. 1993. № 9. С. 16-22.

*Pyotr E. Toporkov (Kaluga, Russia)
Tsiolkovsky Kaluga State University*

CONCEPTUALIZATION OF SITUATIONS IN BI-NOMINATIVE SENTENCES (BASED ON CONSTRUCTIONS WITH PREDICATIVES – EVALUATIVE NOUNS)

The paper dwells on the concept of predicativity in the context of bi-nominative sentences with evaluative noun predicative. The author discusses some parameters of conceptualization of the participants in the situation within the framework of subject-predicate relations, as well as certain ways of syntactic marking of evaluative names in the predicative syntagma.

Key words: predicative, evaluative noun, citation, predication, conceptualization

Е.В. Федяева (Новосибирск, Россия)

*Новосибирский государственный технический университет
fedyaeva_lena@mail.ru*

А.А. Тарабакина (Новосибирск, Россия)

Новосибирский государственный технический университет

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «АРХЕТИП» И «ОБРАЗНАЯ СХЕМА» КАК ЭЛЕМЕНТОВ ПРЕД-ЗНАНИЯ

В статье рассматриваются подходы к изучению предконцептуальных структур, существующие в аналитической психологии и когнитивных науках. Как показывает сопоставление понятий «архетип» и «образная схема», ключевое различие между указанными подходами связано с оценкой роли наследственных и эмпирических факторов в познавательном процессе. На основе анализа фактического материала делается вывод о том, что конвенциональные образы сознания, традиционно рассматриваемые как «архетипические», имеют опытное происхождение.

Ключевые слова: архетип, базовая схема-образ, аналитическая психология, эволюционная психология, врожденные структуры, предконцептуальные структуры

Исследование языка через призму его когнитивной функции предполагает, что в круг проблем, рассматриваемых современной лингвистикой, включаются и основные предпосылки формирования знания. Идея существования предструктур сознания, задающих образцы членения опыта, как известно, является одной из «изотем» (термин Ю.С. Степанова) в общей матрице гуманитарной

науки. Закономерно в связи с этим, что современные представления о так называемых «когнитивных примитивах» были во многом подготовлены научными и философскими концепциями предшествующих эпох. Особого внимания в этом отношении заслуживает понятие архетипа, введенное основоположником аналитической психологии К.Г. Юнгом.

Поскольку философские воззрения Юнга складывались под влиянием различных научных, религиозных и мистических теорий, традиционная трактовка архетипа характеризуется внутренней неоднородностью. Согласно классическому определению, под архетипом понимается потенциальная пред-структура, «форма без содержания, представляющая всего-навсего возможность определенного типа восприятия или действия» [Юнг 2023: 97]. Вместе с тем наименования архетипических праформ (Анима / Анимус, Мудрый старец, Мать, Ребенок; архетипы стихий: Огонь, Вода, Земля, Воздух) явно указывают на наличие у них имплицитного *содержательного* компонента, что сближает их с единицами общечеловеческого кода культуры. Это, в свою очередь, вступает в противоречие с постулатом о врожденном статусе архетипов, локализуемых в «той части нервной системы, которая издавна называется “симпатической”» [там же: 38]. Иными словами, главный парадокс юнгианской теории заключается в том, что часть психического содержания, приобретенная человеком на заре эволюции и «кристаллизованная» во множестве символических форм, впоследствии может наследоваться в свернутом виде и активироваться под влиянием внешнего триггера.

Тем не менее несмотря на амбивалентность центрального понятия в рамках теории архетипов были высказаны важные идеи, ставшие отправной точкой для дальнейшего изучения внутренней предрасположенности человека к познавательной и символической деятельности. Так, по словам Дж. Нокс, явный параллелизм наблюдается между архетипом и понятием образной схемы, которое используется в современной эволюционной психологии и когнитивных науках [Knox 2003: 12].

С позиций эволюционной психологии никаким видам когнитивных структур не может быть приписан врожденный статус. Генетическим фактором познавательной деятельности становятся не наследуемые праформы сознания, а врожденная предрасположенность к считыванию закономерностей (patterns) в различных типах опыта [там же: 48]. На основе этой генетической предпосылки при погружении человека в естественную физическую и социальную среду формируются базовые схемы-образы (image schema). Среди таких предконцептуальных структур или первичных «следов» взаимодействия с миром, запечатленных в сознании, традиционно выделяют схемы OBJECT, CONTAINER, PART – WHOLE, LINK, SOURCE – PATH – GOAL и др. (см., например, в [Johnson 1987; Mandler 1988]). Указанные схемы становятся необходимым условием дальнейшей интериоризации опыта, однако сами по себе не осознаются и реализуются только при наполнении конкретным концептуальным содержанием. Очевидно, что это свойство сближает их с архетипами. Тем не менее в отличие от архетипов образные схемы не наследуются, а имеют опытное происхождение. Соответственно, процессы формирования знания и порождения смыслов предполагают не активацию свернутого врожденного содержания сознания, а динамическое развертывание

базовых форм схематизации опыта за счет установления метонимических и метафорических проекций.

Сказанное выше позволяет иначе взглянуть на природу некоторых конвенциональных эталонов сравнения, лежащих в основу метафорического осмысления абстрактных феноменов. Рассмотрим в качестве примера фрагмент из романа Х. Янагихары «Люди среди деревьев», где интерпретация времени осуществляется с привлечением образа моря:

...There would be no speeches to give, no articles to edit or write, no students to instruct, no children to look after, no research to conduct; only a blank, flat expanse of open time, which he would be free to clutter with whatever he wished. Norton had always spoken of time as a sea, a mirrorlike, endless stretch of emptiness, and indeed this dream – «sea time.» he called it – became a sort of joke, a shorthand for talking about subjects he hoped one day to pursue but had no way of engaging in at the present moment. And so he would make vows: he would breed tropical ferns in sea time. He would read biographies in sea time. He would write his memoirs in sea time. ...But time, I've come to realize, is not for us to fill in such great, blank slabs: ...our lives are filled with busyness because those thin chinks of time are all we can truly master (H. Yanagihara. «The People in the Trees», 2013, pp. 7-8).

С водными пространствами, как известно, связан наиболее универсальный, общечеловеческий опыт. На этапе пренатального развития вода является естественной средой существования организма, а в постнатальный период становится неотъемлемой составляющей природного ландшафта и бытовой деятельности человека. Вне зависимости от «глубины» реконструируемого опыта с водой устойчиво ассоциируются некоторые базовые ощущения: органическая слитность со средой (в случае погружения в воду), ее однородность и непрерывность, циклическое движение. Эти перцептивные данные становятся естественными предпосылками формирования таких предконцептуальных структур как RHYTHMICAL MOVEMENT, CYCLE, ROTATION, WHOLENESS. Регулярно воспроизводясь в усложняющихся познавательных процессах, перечисленные базовые схемы приобретают следующие импликации: 'исходная целостность', 'потенциальность', 'пребывание вне дискретной последовательности'. Вследствие этого актуализация образа моря при осмыслении темпорального опыта приводит к формированию представлений не о движущемся линейном времени, а о *вне-временном*, или до-временном, состоянии. На это указывает в первую очередь негативное определение времени как лишённого актуального содержания, неупорядоченного пространства (*There would be no speeches to give, no articles to edit or write...*). Примечательно, что аналогичным образом, преимущественно негативно, определяется состояние довременного Хаоса в космогонических мифах различных культурных ареалов (см. подробнее в [Топоров 2010: 27]). С другой стороны, бессодержательность открывает бесконечный потенциал возможностей, заключённых во вне-временном состоянии, что подчеркивается использованием параллельных синтаксических конструкций с модальным глаголом *would* (*...he would breed tropical ferns in sea time. He would read biographies in sea time...*). Вместе с тем значение ирре-

ального желания, выражаемое данным глаголом, акцентирует внимание на недостижимости вне-временного существования. Последнее связано с тем, что наблюдающее, рефлексирующее сознание значительно лучше приспособлено к оперированию линейными, дискретными последовательностями и не предрасположено к длительному переживанию синхронности и равноценности множества возможностей (*because those thin thinks of time are all we can truly master*).

Важно также заметить, что среди языковых средств, служащих экспликации метафорического смысла, особую роль играют синтаксические средства выразительности. Так, ряды однородных членов, анафора и синтаксический параллелизм создают особый ритмический контур текста, являющийся альтернативной формой реализации схемы RHYTHMICAL MOVEMENT. Следовательно, базовые формы схематизации опыта могут быть одновременно воплощены как на концептуальном уровне текста в ключевых образах, так и на уровне его структурной организации.

С современной точки зрения представляется очевидным, что в данном случае речь не идет об активации врожденного архетипа Вода, хранящегося в подсознании в свернутой форме. Напротив, порождение метафорических смыслов происходит в процессе развертывания динамической эмерджентной структуры, основанной на базовых схемах «опытного» происхождения. При этом между индивидуально-авторскими смыслами и символическим значением воды как элементом культурного кода наблюдается закономерный параллелизм (ср. одну из универсалий мифологических систем – представление об «изначальных водах», которые предшествуют сотворению мира и, следовательно, всякой дискретной форме). Естественное обоснование этому видится в том, что культура является сферой кристаллизации базового опыта. Иными словами, по замечанию В.Н. Топорова, «космическое имеет своим субстратом «психофизиологические» данные, сублимируемые и высветляемые до уровня стихий и энергий вселенского масштаба» [Топоров 1995: 577].

В заключение подчеркнем, что переосмысление некоторых положений классической теории архетипов с позиций когнитивных наук позволяет предложить более гибкую модель пред-знания, составляющего основу познавательной и символической деятельности человека. Так, представления о врожденных праформах сознания с имплицитным содержанием заменяются концепцией эмерджентных пред-структур, которые формируются и функционируют в контексте взаимодействия человека с окружающей средой. С этой точки зрения иначе трактуется и смысловой параллелизм продуктов индивидуальной символической деятельности и универсальных культурных форм. Источником такой согласованности становится общечеловеческий характер некоторых типов опыта и, следовательно, базовых форм его схематизации.

Литература

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс, 1995.

Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010.

Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2023.

Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1987.

Knox J. Archetype, Attachment, Analysis. Jungian Psychology and the Emergent Mind. Hove and New York: Brunner-Routledge, 2005.

Mandler J. How to Build a Baby: II. Conceptual Primitives // Psychological Review. 1992. Vol. 99. No. 4. Pp. 587-604.

Elena V. Fedyaeva (Novosibirsk, Russia)

Novosibirsk State Technical University

Anastasiya A. Tarabakina (Novosibirsk, Russia)

Novosibirsk State Technical University

ON CORRELATION BETWEEN THE NOTIONS OF “ARCHETYPE” AND “IMAGE SCHEMA” AS ELEMENTS OF PRECOGNITION

The article deals with cognitive primitives from the perspective of analytical psychology and cognitive science. The analysis of the notions of archetype and image schema shows that the above mentioned perspectives differ due to the role played by hereditary and environmental factors in the cognitive processes. Based on the empirical material, it is demonstrated that conventional mental images traditionally viewed as archetypal are grounded in sensory-motor experience.

Key words: archetype, image schema, analytical psychology, evolutionary psychology, innate structures, pre-conceptual structures

Е.Г. Хомякова (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный университет

e.khomyakova@spbu.ru

НОМО SAPIENS В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

В работе рассматриваются закономерности появления, место и роль лингвокогнитивных разработок в современной антропоориентированной лингвистической парадигме, понятийно-терминологическая составляющая, методы, категории и объект исследований с учетом новых целей и задач, которые актуальны и востребованы научным сообществом.

Ключевые слова: эгоцентризм, перцепция, рефлексия, язык, восприятие, картина мира

Когнитивная лингвистика, доминирующая в настоящее время в гуманитарном пространстве социума, ее категории, языковые репрезентации и инструменты анализа имеют долгую и непростую историю, возникнув в результате трансформации и становления различных школ и направлений, объединенные общим интересом к роли и месту человека в окружающем мире. Не вызывает сомнения тот факт, что научная мысль не хаотична и следует в своем развитии определенным закономерностям [Кун 1977]. В первую очередь это касается знаковых систем, к которым относится язык, что проявляется в формировании языковых способностей человека, как носителя знаковой системы, а также в существующей последовательности появления научных течений, посвященных изучению его функционирования. Стадиальный характер развития знаний можно проиллюстрировать на примере зарождения и смены основных лингвистических парадигм, которые следуют определенному порядку. Семантическая парадигма,

изучающая отношение знаков к объектам действительности, сменяется синтаксической, исследующей отношение между знаками, которая затем уступает место прагматической, вскрывающей отношение знаков к их интерпретаторам и ведущей к пониманию когнитивно-философской триады: *человек, язык, мир*. Именно в этих трех измерениях, характеризующих развитие систем знакового порядка, язык описывается в семиотике: содержательном / семантическом, формальном / структурном и функциональном/прагматическом. Ю.С. Степанов подчеркивает, что именно эти лингвистические парадигмы составляют три основных измерения пространства реального бытия языка [Степанов 2021]. Они же сопровождают становление языкового сознания индивида, формируя эгоцентризм его речемыслительной деятельности, последовательное развитие номинативных, предикативных и эгореференциальных способностей. Эгоцентризм речемыслительной деятельности в данном контексте понимается как особая способность *Homo sapiens* отражать в своем сознании, преломляя сквозь призму мыслящего и говорящего *Я*, образ окружающего мира, который он воспринимает и оценивает, частью которого себя сознает и языковую картину которого создает в процессе речемыслительной деятельности [Хомякова 2002].

Важно отметить, что каждая из обозначенных лингвистических парадигм отличается объектом, методами и задачами проводимых исследований, решение которых поэтапно приближает ученого к пониманию сути проблемы. Следует подчеркнуть, что в период доминирования лексико-семантического направления особое внимание уделяется анализу слова / имени [Лосев 1993]. Отдельные труды в области синтактики и прагматики в это время не находят поддержки представителей научного сообщества.

Появлению системных синтактико-ориентированных исследований в рамках структурной лингвистики и трансформационной грамматики, объектом которых является предложение, предшествует достаточно долгий межпарадигмальный период сравнительно-исторического языкознания, явившегося своеобразным генератором развития структурно-синтаксического подхода к изучению языка. В сфере научных интересов компаративистов оказываются и культура народа, его национальные традиции, т. е. темы, которые привлекут дескриптивистов, представляющих американский структурализм, а позднее послужат основой для формирования лингвокультурологии.

Стремление дешифровать древние тексты в ходе развития компаративистики стимулирует поиски структурных закономерностей, что способствовало формированию синтаксической парадигмы. Исследование предикативных параметров предложения, глагола, как его вербцентрического узла приводит на смену лексико-семантическому описанию номинативных характеристик имени. Подобный ход развития лингвистики не был случайным и явился результатом того, что в научно-философской и общественно-политической жизни Европы XIX–XX вв. в естественных науках уже были накоплены значительный опыт и конкретные знания, которые позволили изучать целое, определять иерархию его частей, вдохнуть жизнь в первые универсальные классификации и синтаксиче-

ские таксономии. Структурная лингвистика в Европе и ее американский дескриптивный вариант, оформив в середине XX в. синтаксическую парадигму, выступили предтечей прагма-коммуникативного, когнитивно-семантического, а затем и лингвокультурологического направлений в исследовании языка. Межпарадигмальным этапом, связывающим синтактику и прагматику, явился семантический синтаксис, который, используя достижения семантических теорий психо-философского толка, сообщил смысл синтаксическим структурам, наделив их, наряду с предикативными, номинативными характеристиками.

На начальном этапе своего становления антропоориентированная прагмалингвистика обращается к изучению диалогического текста с точки зрения коммуникативного синтаксиса и теории речевых актов, выявляя роль *Homo sapiens* и *Homo loquens* в процессе коммуникативного взаимодействия. Дейктическая триада *Я-здесь-сейчас* занимает в трудах философов, социо- и психолингвистов место десемантизированного вербального центра структуралистов, расширяя междисциплинарные границы лингвистики данными психологии, социологии, философии, антропологии. В ходе дальнейших исследований языковой репрезентации когнитивно-семантических параметров языка на последующем этапе формирования прагматики особое внимание уделяется изучению понятий концепта, картины мира, особенностям актуализации оценочно-эмотивных и аксиологических параметров высказывания и дискурсивных образований, а также разработке таких инструментов когнитивного анализа как схема, фрейм, сценарий [Болдырев 2018; Карасик 2009].

Когнитивная культурология [Режабек, Филатова 2010] как самостоятельное направление, развивая идеи когнитивной лингвистики, изучает взаимодействие культуры, языка и мышления в междисциплинарном пространстве таких научных дисциплин как когнитивная психология, когнитивная социология, когнитивная антропология, философия познания. Если основным объектом лингвокультурологических исследований является экспликация культуры народа в языке [Маслова 2004; Хомякова, Петухова 2014], то для когнитивной культурологии важным является изучение культуры с учетом лингвокогнитивного своеобразия ее носителя. В отличие от когнитивной лингвистики данное направление характеризуется особым вниманием к человеку не как самостоятельной личности, а репрезентанту культурных, национальных, геополитических, социально-исторических ценностей общества. Этот подход проявляется в изучении понятия национального типажа, анализе разновидностей дискурса, позволяющих исследовать языковую актуализацию социокультурного своеобразия человека. Считается, что истоки когнитивной культурологии заложены в теоретических положениях, разработанных в рамках культурно-исторической школы Л.С. Выготского и трудов А.П. Лурии, посвященных изучению влияния культуры на процессы перцептивной и мыслительной деятельности человека [Выготский 1996; Лурия 1998].

Вопрос получения знаний и формирования на их основе информационной картины мира представляет собой чрезвычайно важную проблему, непосредственно связанную с познавательной деятельностью человека, неотъемлемой ча-

стью которой является процесс восприятия. По мнению В.А. Лекторского, в понимании восприятия в большинстве направлений современной философии и психологии существует нечто общее: это истолкование восприятия как вида знания [Лекторский 1980]. Восприятие, по его мнению, будучи знанием, обеспечивает наиболее прямой контакт с окружающим реальным миром и возможностью его непосредственного обследования. Именно восприятие способствует формированию картины мира индивида и возможности оценки им окружающей действительности.

Современные когнитивные исследования направлены на выявление взаимодействия перцептивных и рефлексивных процессов в ходе восприятия, последующей ментальной деятельности и оценки мира сквозь призму *Я*. Изучается также роль восприятия в познавательной деятельности человека на разных этапах становления его сознания в процессе формирования языковой картины мира этносоциальной и антропокультурной по своей природе. Продуктивным лингвокогнитивным механизмом исследования восприятия окружающего мира, его оценки и вербальной реакции (*перцепция-рефлексия-язык*) может служить понятие когнитивно-информационной ситуации [Хомякова 2010], в рамках которой на уровне языка можно проследить процессы лингвофилософского уровня, объединяющие функционирование категорий сознания, познания, речи и языка.

Таким образом, именно исследования языка в русле когнитивной лингвистики позволяют прийти к выводу, что информацию об окружающем мире, его структуре, ценностной и событийной составляющих индивид как представитель определенного этно-культурного социума получает в виде смыслового образа органами восприятия, которые, выполняя роль информационных рецепторов, влияют через ментальный план на формирование его когнитивно-познавательного потенциала, а позднее находят отражение в дискурсивном пространстве языка.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. М.: Языки славянской культуры, 2018.
Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1996.
Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009.
Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание. М.: Наука, 1980.
Лосев А.Ф. Философия имени. М.: МГУ, 1993.
Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: МГУ, 1998.
Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2004.
Режабек Е.Я., Филатова А.А. Когнитивная культурология. СПб.: Алетей, 2010.
Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Ленанд, 2021.
Хомякова Е.Г. Эгоцентризм речемыслительной деятельности: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2002.
Хомякова Е.Г. Когнитивно-информационная ситуация как инструмент исследования познавательной функции языка // Перцепция. Рефлексия. Язык. СПб.: СПбГУ, 2010.
Хомякова Е.Г., Петухова Т.И. Лингвокультурология. Истоки и проблемы. СПб.: СПбГУ, 2014.

HOMO SAPIENS IN MODERN LINGUISTIC PARADIGM

The paper considers the regularities of emergence, place and role of cognitive works in modern anthropo-oriented linguistic paradigm, conceptual and terminological components, methods, categories and object of research taking into account relevant goals and tasks demanded by the scientific community.

Key words: egocentrism, perception, language, concept, world view

Цзинь Тао (Москва, Россия)

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
jintao-m@yandex.ru

КАРТИНА МИРА: УДАЧНЫЙ ЛИ ТЕРМИН ДЛЯ ЛИНГВИСТИКИ?

В статье на основе анализа метафоры «картина мира» делается вывод о том, что в лингвистике при ее трактовке как «мир в виде картины» лишь констатируется факт вариативности знания, а при трактовке как «язык по-разному репрезентирует мир» формируется эпистемологическая петля в силу того, что «мир» уже является результатом познания. Предложена метафора «многоуровневая реальность» для построения объяснительной модели вариативности знания.

Ключевые слова: картина мира, реальность, метафора, язык, знание, познание

Эвристическая (познавательная) функция метафоры получила сегодня широкое признание в научном мире. За многими научными терминами стоит метафора. Отмечается, что «метафора в языке науки выполняет функцию конституирования и выражения (представления) элементов нового знания» [Силантьев 2012: 212], «метафора служит в науке интуитивным средством построения первичных гипотез, способствует творческому поиску, поскольку сопоставляет ранее несравнимое и обнаруживает глубинное единообразие в природе» [Анишина 2015: 62].

Парадигмальная метафора, лежащая в основе научной гипотезы, эпистемологически значима особенно тогда, когда зарождаемая в определенной области науки метафора становится метанаучной и оказывает влияние на формирование подходов у исследователей к рассматриваемым ими вопросам. А по мере возрастания такого влияния эпистемологически значимая метафора может стать предметом дискуссии, когда на практике выявляются вопросы, не разрешаемые в рамках научной модели, заданной этой метафорой.

Так, например, «компьютерная метафора», которая дала мощный импульс развитию искусственного интеллекта, подвергается критике в философии когнитивных наук в силу того, что «естественные принципы формирования знания остаются недостижимыми для машинных интеллектуальных процедур» [Барышников 2016: 14]. И мы наблюдаем ситуацию, когда одни считают «компьютерную метафору» полезным и перспективным аналитическим инструментом при всех ее методологических ограничениях [Барышников 2016], а другие определяют основанную на «компьютерной метафоре» когнитивную науку как первый,

пройденный, этап ее развития [Иванов 2016].

Метафора, породившая термин «картина мира», безусловно, является одной из эпистемологически значимых метафор. Собственно говоря, само представление о смене парадигмы тоже связано с метафорой «картина мира». Термин впервые появился в труде по физике в начале XX в. во время «релятивистской революции», когда Эйнштейн понял, что ньютоновская концепция пространства и времени содержит изъяны. Со временем изменился и взгляд у физиков на изучаемый ими мир. Квантовая физика показала, что реальность остается неоднозначной до ее восприятия [Грин 2011: 23-26]. Появилось понимание того, что «невозможно исключить наблюдателя – нас самих – из нашего восприятия мира, которое создается с помощью наших чувств и путем мышления и рассуждения» [Хокинг, Млодинов 2018: 53].

Метафора «картина мира», таким образом, стала катализатором для «антропологического поворота» в науке. По сути, метафора «картина мира» изменила наше отношение к реальности и знанию. Реальность для человека переплетена с ним самим, реальность не столько исходный объект для познания, сколько результат этого познания. Реальность и есть совокупность знания, которое зависит от его творца. В ходе этого поворота в философии науки намечается изменение парадигмы, основными линиями изменений представляются переход «от метафор отображения реальности к метафорам конструирования нового уровня реальности» [Мартишина, Акишина 2019: 78], переход от осмысления роста научного знания к осмыслению роли различных научных сообществ в развитии науки, к трактовке «знания как убеждения членов научного сообщества» [Огурцов 2011: 11].

Термин «картина мира», крайне популярный в наши дни, порой уже не воспринимается как «термин». Добавляются различные определяющие элементы к нему: научная, социальная, религиозная, информационная, художественная, детская, демократическая, европоцентричная, общая, верная, искаженная, уникальная, своеобразная, простая, привычная, новая и т. д. Термин прочно вошел в лингвистический дискурс: помимо всеобъемлющего понятия «языковая картина мира», рассматривается «картина мира какого-то конкретного языка», обсуждается соотношение между понятиями «картина мира», «языковая картина мира», «концептуальная картина мира», «фольклорная языковая картина мира», «фразеологическая картина мира» и т. д.

В то же время, на наш взгляд, упускается из виду одна важная вещь: во всех вышеуказанных понятиях с добавлением определяющего элемента смысл «МИР» вообще не идентичен смыслу «мир» в первоначальном варианте, когда речь шла о физическом мире, об объекте познания для физиков. Ближким к первоначальному варианту смыслом обладает лишь «мир» в понятии «естественно-научная картина мира». Несмотря на то, что квантовая физика говорит о неоднозначности реальности до ее восприятия, убеждение в наличии «объективного мира» с его «собственными» закономерностями просто необходимо для физиков, да и для всех, кто занимается естественной наукой. В этом случае «картина мира» указы-

вает на совокупность знаний, полученных на основе и в рамках определенных первоначальных, общепринятых для конкретного круга ученых доктрин. При смене набора доктрин (научной теории или модели) получается иное знание об изучаемом объекте, иная «картина» о нем. И в этом смысле логично говорить о «научной картине религии», «научной картине психологии человека и общества» «социологической картине общества», «лингвистической картине языка» и т. п.

Что касается «языковой картины мира», то ее следует понимать как «мир» в виде «языковой картины», видимой (осознаваемой) для определенного языкового коллектива, т. е. введение этого понятия свидетельствует о формировании понимания о том, что каждый язык соотнесен со своим миром, причем «мир» («реальность») в данном случае совпадает с «осознанным + осознаваемым» с помощью языка: то, что названо (выражено) языком, реально для носителей этого языка в том смысле, что они способны что-то при этом осознавать. «Языковая картина мира» – это со-знание определенного языкового коллектива, а у каждого языкового коллектива – своя картина мира, свое со-знание. В самом деле, огромное количество исследований, направленных на изучение содержания языка или содержание сознания, доказывает вариативность этого содержания. Тем самым обсуждение национальной специфики языковой картины мира, этнического фактора в языковой картине мира и могло стать актуальным вопросом для современной лингвистики.

Однако признание факта наличия разных «миров» не приводит автоматически к объяснению, почему они разные. И именно в плане объяснительных возможностей термин «картина мира» оказался, на наш взгляд, неудачным для лингвистики из-за того, что метафора может быть трактована как треугольная модель «мир – человек – язык», где «мир» представляется как «натура», человек – «творец», язык – «инструмент», а результат работы творца – «языковая картина». «Мир» может указывать как на внешний мир вещей, так и на внутренний мир, ментальное пространство человека. Из такой трактовки логично вытекает идея о функции языка как репрезентирующей, а в качестве исходного объекта для репрезентации по умолчанию рассматривается мир (включая и внешний, и внутренний).

Проблема заключается в том, что трактовка «картина мира» как «произведение, созданное с природы разными людьми» может обладать объяснительной силой только при «общности» природы для всех, ибо отталкиваясь от единого начала, мы бы могли выяснить, почему «единое» по-разному репрезентируется. Но на практике мы убеждаемся в том, что каждый язык соотнесен со своим миром, наш мир не отделен от языка. В итоге мы видим, что лингвистика фактически оказалась в эпистемологической петле. Об этом можно судить потому, что «мотивированность» языка трактуется как взаимообусловленность различными внешними и внутренними факторами («к важнейшим, трактуемым как мотивационные, современные исследователи относят взаимосвязи языка с действительностью, мышлением и психофизиологической организацией человека, с обществом и культурой») [Хазимуллина 2015: 151]). Вместо причинно-следственной цепочки (однако направленной обусловленности) получается взаимообусловлен-

ность (циклическая обусловленность) факторов, изначально тесно переплетенных между собой.

Для выхода из этой петли требуется новая метафора. На наш взгляд, может быть предложена метафора «многоуровневая реальность». Реальность первого (доязыкового) уровня определяется геоклиматическими условиями планеты и приблизительно одинаковыми возможностями сенсорной и моторной системы человеческого организма, и потому она условно едина (т. е. объективна) для всех людей. Реальность второго уровня сотворена (ментально и физически) людьми в ходе их взаимодействий со средой и между собой. Вариативность реальности второго уровня (включая культурную, социальную и языковую) – наблюдаемое явление на фоне сравнения разных языков, но для одного и того же языкового коллектива она условно едина. Реальность третьего уровня – реальность, общая для определенного круга людей в силу общности их убеждений. Наука, в частности, творит эту реальность. Реальности второго и третьего уровней intersubъективны. И если для реальности третьего уровня можно установить первоначальные условия (например, в виде набора доктрин), обуславливающие ее intersubъективность для определенного круга людей, то и для реальности второго уровня установить условия, обеспечивающие ее intersubъективность для языкового коллектива – вполне выполняемая задача.

Литература

- Силантьев И.В.* Семантика метафоры в языке науки // Критика и семиотика. 2012. № 17. С. 200-212.
- Акишина Е.О.* Роль метафоры в формировании языка науки и философии Нового времени // Вестник Сибирского гос. ун-та путей сообщения. 2015. № 4 (35). С. 62-68.
- Барышиников П.Н.* Критика компьютеризации и семантические аспекты феноменального сознания // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2016. № 2 (12). С. 14-30.
- Барышиников П.Н.* Метафорические основания компьютеризации в когнитивных науках и философии сознания // Философия науки и техники. 2018. Т. 23, № 2. С. 61-72.
- Иванов Д.В.* Энактивизм и проблема сознания // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49, № 3. С. 88-104.
- Грин Б.* Ткань космоса, пространство, время, текстура реальности / под ред. В.О. Малышенко и А.Д. Панова. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.
- Хокинг С., Млодинов Л.* Высший замысел. М.: АСТ, 2018.
- Мартишина Н.И., Акишина Е.О.* Философский образ классической и неклассической науки: смена ключевых метафор // Манускрипт. 2019. Т. 12, № 8. С. 78-81.
- Огурцов А.П.* Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы. В 3 ч. Ч. 3. Философия науки и историография. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2011.
- Хазимуллина Е.Е.* Общая лингвистическая теория мотивации: к постановке проблем // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2 (43). С. 144-154.

Tszin Tao (Moscow, Russia)

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

PICTURE OF THE WORLD: IS THE TERM APPROPRIATE FOR LINGUISTICS?

This article examines the metaphorical concept of PICTURE OF THE WORLD. Picture of the world as “world in picture form” merely acknowledges variability of knowledge. However, when interpreted as “language representing the world differently” it engenders an epistemological loop due

to the reality as already being a product of cognition. To address this, the article proposes the metaphor of a “multilevel reality” as a framework for constructing an explanatory model for the variability of knowledge.

Key words: picture of the world, reality, metaphor, language, knowledge, cognition

*А.Е. Шрамко (Краснодар, Россия)
Кубанский государственный университет
Alexander.shramk@gmail.com*

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ДИСКУРС КАК ПРОСТРАНСТВО ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ИНТЕЛЛЕКТ»

Статья посвящена особенностям языковой реализации концепта ИНТЕЛЛЕКТ в пространстве англоязычного научно-популярного дискурса. Проведен анализ лексикографических источников и научно-популярных видео с видеохостинга YouTube, в результате которого была сконструирована полевая модель концепта ИНТЕЛЛЕКТ.

Ключевые слова: концепт, интеллект, научно-популярный дискурс, вербализация, концептуальный анализ

В рамках антропоцентрической парадигмы фокус внимания лингвистов остановился на человеке и его деятельности, что привело к тому, что теория дискурса закрепила свою значимость в исследованиях в современном языкознании, так как сам дискурс является таким термином, который изначально основан на антропоцентрической идее взаимодействия индивида с текстом. Именно данная парадигма способствовала развитию междисциплинарного характера исследования в лингвистике и, в частности, появлению лингвокогнитивного подхода.

Лингвокогнитивный подход в современном языкознании включает ряд методов, которые позволяют отследить, каким образом устроен процесс человеческого мышления на основе концептуального, фреймового, прототипического и других видов анализа. Эти сопутствующие методы помогают справиться с огромным количеством лингвистических и экстралингвистических факторов, которые усложняют процесс анализа дискурса.

В нашем исследовании ключевым методом является концептуальный анализ, в рамках которого основным понятием выступает концепт. Е.С. Кубрякова определяет концепт как разносубстратную единицу оперативного сознания человека, т. е. как некоторую систему представлений о материальных и нематериальных сущностях, которые хранятся и динамически изменяются в виде образов и понятий [Кубрякова и др. 1996]. Сопутствующими методами являются лексикографический, контекстуальный и компонентный анализ, которые считаются неотъемлемой частью исследований в области концептологии [Хутыз, Шрамко 2023].

Введение термина «концепт» при изучении различного рода дискурса позволяет четче структурировать и описывать особенности таких текстов. Концепт также позволяет отслеживать изменения в картине мира, поведении и языке индивидуума или группы лиц на основе изучаемого дискурса. Так, научно-популярный дискурс является широким пространством для вербализации концептов,

а также это релевантная область исследований в современной лингвистике, потому что данный вид дискурса становится все более популярным по всему миру и приобретает новые формы. Примером может служить видео на YouTube.

Научно-популярный дискурс – это совокупность текстов, которые по форме и содержанию находятся на стыке научного и публицистического дискурса, и лингвистических и экстралингвистических факторов, которые составляют уникальность данного вида дискурса. Цель и аудитория научно-популярного дискурса определяется его основной идеей соответствия таким коммуникативным категориям как доступность и наглядность [Егоров 2020]. Цель научно-популярного дискурса – популяризация научных знаний, а круг реципиентов максимально широк, так как получатель информации не обязан владеть значительным багажом знаний и научным языком, чтобы адекватно переработать текст. Основными характеристиками научно-популярного дискурса считают междисциплинарность аргументации, опущение важной базовой аксиоматики той или иной науки в процессе нарратива, примитивизированное толкование, бесконфликтное стремление соответствия текста к информационной определенности, переизбыток данных и формирование у реципиента иллюзии системного восприятия информации [Гавриш и др. 2023].

Цель исследования – определить структуру концепта ИНТЕЛЛЕКТ в пространстве научно-популярного дискурса английского языка. Рассмотрение концепта ИНТЕЛЛЕКТ в научно-популярном дискурсе позволяет определить границы вербализации такого сложного научного термина, сущность которого необходимо донести до массового зрителя.

Материалом исследования послужили 6 научно-популярных видео длительностью до 15 минут на английском языке, которые были загружены на видеохостинг YouTube в период с 2019 по 2023 гг. Материал был отобран по тематическому принципу, все видео принадлежат к теме «Интеллект» и раскрывают разные аспекты данной сферы. Выбор мультимедийного формата дискурса обусловлен тем, что такие составляющие как креолизация текста, экстралингвистические и паралингвистические факторы расширяют границы анализа, что способствует более полному и точному моделированию концептуального поля.

Для проведения первого этапа концептуального анализа традиционно был использован метод лексикографического исследования, который показал, что ядерными значениями концепта ИНТЕЛЛЕКТ в английском языке являются «способность», «понимание», «качество человека», «мыслительный процесс» и «ум» [Collins Dictionary: URL; Webster's Dictionary: URL; The Cambridge Essential American English Dictionary: URL]. Хотя концепт ИНТЕЛЛЕКТ и имеет языковое выражение в виде научного термина, на основе результатов изучения материала были выделены лексические единицы, которые контекстуально подходили под понятие синонима: *mind*, *IQ*, *brain* и *toolbox*.

Вербализация концепта ИНТЕЛЛЕКТ в научно-популярном дискурсе происходит на разных уровнях. На стадии определения термина было выделено основополагающее значение ближней периферии «многокомпонентное понятие», кото-

рое закреплялось по мере анализа этими самыми компонентами и их метафоризацией. Так, например, данное значение было представлено в виде механизма: «In a nutshell, intelligence is a mechanism to solve problems» [What Is Intelligence? Where Does it Begin?: URL]. Как и любое многомерное явление, точное определение интеллекта остается трудноразрешимой задачей, поэтому мы разделили элементы его репрезентации в научно-популярном дискурсе. Таким образом, интеллект был представлен в ближней периферии в виде набора конкретных способностей, качеств и характеристик, а крайнюю периферию составляли разнообразны образы, отличающиеся степенью отдаленности от ядра.

Интеллект как набор способностей в научно-популярном дискурсе противопоставлен человеческим чертам. Способности обладают яркой метафоризацией в научно-популярном дискурсе и выражены, например, такими словесными единицами как: tool – инструмент, toolbox – ящик для инструментов, basic tools – базовые инструменты, toolkit – набор инструментов, mental duct tape – мысленная клейкая лента. Способности обладают характеристикой «то, что можно улучшить», но представления об этом в научно-популярном дискурсе варьируют. Так, например, метафорическая дихотомия fluid intelligence – подвижный интеллект и crystallized intelligence – кристаллизованный интеллект состоит в том, что кристаллизованный интеллект можно развить, а подвижный интеллект дан нам с рождения [Fluid and Crystallized Intelligence: URL]. Также данное противопоставление можно обнаружить в значениях «то, что не статично», «продукт генов» и «инстинкт, запрограммированное действие».

Интеллект как набор качеств отличается от способностей тем, что при его вербализации появляется оценочная составляющая, которая зачастую существует в образах. Так, в одном из видео личность с высоким интеллектом рисуется умным, но не приспособленным к жизни человеком с явно негативной окраской. Также интеллект как черта отождествляются с другими особенностями личности, например, с харизмой.

Характеристики интеллекта, представленные в научно-популярном дискурсе, подчеркивают многокомпонентность этого концепта. Обнаруженные нами характеристики включали такие значения как «то, что высоко оценено людьми», «то, что имеет связь с сознанием», «то, что помогает справляться с проблемами», «то, что реально», «что-то сильное» и «что-то опасное».

Так как одной из характеристик научно-популярного дискурса является наглядность, авторы видео используют различные образы для более популярного донесения информации научного типа для массового адресата. Однако данные образы составляют крайнюю периферию концепта ИНТЕЛЛЕКТ, так как отличаются высокой метафоричностью. Найденные метафоры: «интеллект – это оружие», «интеллект – это мягкие вещи», «интеллект – это человек», «интеллект – это сила». Отдельно можно выделить интертекстуальную метафору, отсылающую к фильму «Человек дождя»: «I keep trying to explain to people that the archetype of intelligence is not Dustin Hoffman in Rain Man» [The Power of Intelligence: URL].

Таким образом, концепт ИНТЕЛЛЕКТ в научно-популярном дискурсе имеет

следующую полевою модель: ядро составляют значения «способность», «понимание», «качество человека», «мыслительный процесс» и «ум», в ближнюю периферию входят значения, вербализирующие конкретные способности, качества и характеристики, а крайняя периферия включает различные образы, которыми представлен интеллект в научно-популярном дискурсе.

Литература

Гавриш А.Д., Гуляева Е.В., Компанеева Л.Г. Характеристики современного научно-популярного дискурса // Филология: научные исследования. 2023. № 10. С. 37-49.

Егоров Н.В. Способы взаимодействия адресанта и адресата в научно-популярном дискурсе // Вестник Полоцкого гос. ун-та. 2020. № 2. С. 90-95.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996.

Хутыз И.П., Шрамко А.Е. О некоторых актуальных подходах к исследованию языковых явлений в лингвистике // Когнитивно-дискурсивное пространство в современном гуманитарном знании. 2023. С. 133-145.

9 Multiple Intelligences by Howard Gardner EXPLAINED!? // Sharp Cookie. URL: https://youtu.be/_ocUjtB6-4Q?si=6dHcKfYplpCfDtC9.

Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary>.

Fluid and Crystallized Intelligence // Sprouts. URL: <https://youtu.be/VJVA19DQXGA?si=oJOaLoZyYJO8g97>.

How IQ and Intelligence Affect Our Life (or Not!) // Sprouts. URL: https://youtu.be/17T3fZIpT8I?si=bTR001CN_SrsdH3d.

The Cambridge Essential American English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/essential-american-english>.

The Power of Intelligence // Rational Animation. URL: <https://youtu.be/q9Figerh89g?si=DYOoIgcGzhAn6pms>.

Webster' Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary>.

What Is Intelligence? Where Does it Begin? // Kurzgesagt – In a Nutshell. URL: <https://youtu.be/ck4RGeoHFko?si=OSUBbJkxYemj0una>.

You Think You Are Smart? There Are 9 Types of Intelligence! // Sprouts. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Au0z3EtUiBg&ab_channel=Sprouts.

*Alexander E. Shramko (Krasnodar, Russia)
Kuban State University*

POPULAR SCIENTIFIC DISCOURSE AS A SPACE FOR VERBALIZATION OF THE CONCEPT “INTELLIGENCE”

The article is devoted to the peculiarities of the linguistic implementation of the concept INTELLIGENCE in the space of popular science discourse in English. An analysis of lexicographic sources and popular science videos from YouTube was carried out, as a result of which a field model of the concept INTELLIGENCE was constructed.

Key words: concept, intelligence, popular science discourse, verbalization, conceptual analysis

*Л.М. Генералова (Волгоград, Россия)
Волгоградский государственный университет
l.m.generalowa@volsu.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СОБЫТИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЛОГОСФЕРЕ

Статья представляет собой анализ использования концептуальной метафоры немецкими политиками в личных блогах. В качестве теоретической базы выступает концептуальная теория метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Делается вывод о функции и роли концептуальной метафоры в политической риторике.

Ключевые слова: концептуальная метафора, концептуализация, когнитивно-лингвистическая единица, политическая риторика, когнитивная стратегия

Использование современными политиками собственных блогов с целью обмена политической информацией с электоратом стало инновационной практикой электронной демократии для агрегации мнений и принятия совместных решений. Контент, создаваемый в блогах, доступен каждому, предполагает свободный доступ в Интернет, нахождение необходимых сведений в информационном потоке, культуру открытого обсуждения. Политические блоги представляют собой полифункциональную, самореферентную систему, которую политики и партии используют для реализации всеобъемлющих организационных целей [Генералова 2020: 27].

Выражая собственную позицию по декларируемому событию, каждый политик использует не только различные ресурсы сетевой изобразительности (смайлики, мемы и т. д.), но и всевозможные языковые средства, где одним из базовых механизмов концептуализации и категоризации в процессе формирования языковой картины мира является концептуальная метафора. Поскольку читатели блога ожидают от политиков выразительного дискурса, последние концептуализируют (репрезентируют на ментальном уровне) политические события с помощью метафор. Для политических заявлений, решения насущных проблем, продвижения своих взглядов, выражения проективных интенций, ответов оппонентам они активно пользуются метафорами, которые не только обогащают язык, но и помогают манипулятивно воздействовать на сознание потенциальных избирателей. При этом метафора имеет когнитивный аспект (когнитивная метафора, концептуальная модель) и коммуникативно-лингвистический аспект (метафорическое выражение). Эти аспекты работают интерактивно как единое целое. С лингвистической точки зрения, метафоры хороши тем, что создают «образную» речь, в которой слова передают не свое «действительное», «буквальное» значение, а более абстрактное, «неподлинное», «перенесенное». С ментальной точки зрения метафора

является результатом «проекции» элементов когнитивно-лингвистической единицы (обычно из конкретной области происхождения) к другой когнитивно-лингвистической единице (обычно более абстрактной целевой области) [Kohl: 2007].

В своих работах Дж. Лакофф и М. Джонсон открыли новый взгляд на исследование метафоры с учетом когнитивных процессов. Свою теорию они формулируют в рамках когнитивной лингвистики, идея которой состоит в том, что метафоры – это не просто украшение языка, они формируют всю нашу концептуальную систему. Метафорический образ мышления априори присущ культуре людей, с ним связаны наши мысли и поступки. При ментальной репрезентации типовой ситуации внеязыковой действительности символы из своего привычного лексикона, связываются с конкретными персонажами, чтобы охарактеризовать новые свойства просматриваемого объекта. Эффективность метафоры заключается в том, что она допускает новые коннотации описываемой речи, человека, объекта или процесса. Анализ речи немецких политиков показал, что в политических дебатах решающее значение имеют не факты сами по себе, а скорее интеллектуальные рамки интерпретации и средства персуазивности. У хорошего политика в речи всегда есть что-то новое и неожиданное, что делает ситуацию нагляднее, информативнее, ярче. Язык политика всегда варьирует в зависимости от социального класса, к которому он обращается, и намерений – должен ли текст быть более информативным, событийно-ориентированным, формирующим мнение или политически агитационным, с целью привлечения многочисленных сторонников.

Концептуальные метафоры с давних пор относятся к важнейшим элементам политической риторики и выполняют следующие функции в политическом дискурсе: облегчают обсуждение сложных вопросов, вызывают сильные эмоции, используются часто как иронические средства для высмеивания оппонентов [Wilson 1990: 104].

Чтобы лучше понимать политические метафоры, мы нуждаемся не только в общем представлении о политической ситуации, но и в знании специальных функций политической метафоры. Согласно классификации Франчески Риготти, для политической метафоры характерны следующие функции в языке:

- 1) убеждающая (метафоры должны влиять на точку зрения избирателя);
- 2) декоративная (служит эстетическому аспекту, очарование, привлекательность и убедительный потенциал идей зависят от красочной подачи);
- 3) эвокативная (направлена на создание ситуаций в сознании читателя, которые их вовлекают и затрагивают лично);
- 4) конститутивная (политические метафоры являются конститутивным элементом политического означающего, поскольку они неотделимы от политических тезисов) [Rigotti: 1994].

Знание вышеперечисленных функций позволяют понять и проанализировать когнитивные стратегии, которые политики применяют при мышлении, хранении информации, понимании и воспроизведении речи.

Далее мы проиллюстрируем теорию концептуальной метафоры примерами

из блогов Кристиана Линднера (немецкий политик, лидер либеральной Свободной демократической партии Германии) и Сары Вагенкнехт (председатель парламентской фракции Левой партии Германии)

Wir verteidigen gegen die Gefahr..., die von echten Feinden, nämlich der... AfD ausgeht (мы защищаем от опасности, исходящей от реальных врагов, партии АдГ).

В данном высказывании существует противоречие, поскольку партии могут иметь разные взгляды, но не врагов. Общий контекстуальный смысл понятен, Линднер критикует идеи и программу оппозиционной партии АдГ, убеждая потенциальных избирателей не голосовать на выборах за эту партию. Через концептуальную метафору он создает конкретный образ врага – партию «Альтернатива для Германии».

Ich könnte länger sprechen über Bürokratie, ein Hemmnis für uns alle (я мог бы дольше говорить о бюрократии, препятствии для всех нас).

Критикуя несостоятельность реформ Меркель в миграционной политике, Линднер сравнивает работу органов государственной власти в этом направлении с огромным препятствием, которое мешает нормальному функционированию Федерального ведомства по делам миграции и беженцев.

Unser Hauptgegner ist die neoliberale Politik, unser Hauptgegner ist eine Politik, die von Wirtschaftslobbyisten gesteuert wird (Наш главный оппонент — неолиберальная политика, наш главный оппонент — политика, контролируемая бизнес-лоббистами).

Вагенкнехт использует лексическую единицу «оппонент», которая обозначает кого-то несогласного или выступающего против. В данном примере контекстуальное значение тоже является метафорическим, так как указанная в контексте «неолиберальная политика» всегда подвергается самой сильной критике партией «Левые», что, в свою очередь, накладывает негативный отпечаток на политическую ситуацию и политический климат в стране. Цель выступления состоит в том, что партия «Левые» скептически относится к Меркель и проводимой ею политике и имеет смелость ее критиковать. Неолиберализм имеет сильный неблагоприятный контекст, и политики должны принять срочные меры. Реципиент получает в этом контексте посыл на негативное отношение к либералистам.

Wie viele Ohrfeigen muss sich Deutschland vom türkischen Despoten noch gefallen lassen? (Сколько еще пощечин Германии придется вытерпеть от турецкого деспота?)

В этом контексте Вагенкнехт использует метафору «турецкий деспот», под которой подразумевает президента Турции Эрдогана. Это ответ политика на вопрос подписчика по поводу культурно-религиозных разногласий между немцами и турецкими мигрантами. Президент Турции настаивает на интеграцию турков в Германии, строительство турецких кварталов, школ и т. д., а население Германии обеспокоено поведением турецких мигрантов, обычаями и конфликтами с ними. Метафора «турецкий деспот» характеризует Эрдогана как прямолинейного, жесткого политика, который осуществляет произвол по отношению к Германии (тиранит ее).

Korruption ist wie eine Krankheit in die globalisierte Wirtschaft eingezogen (Коррупция вошла в глобализированную экономику как болезнь).

В этом примере мы наблюдаем междоменный перенос между двумя сферами: с конкретной и известной сферы-источника (коррупция) на абстрактную и неизвестную сферу-мишень (болезнь). Эта концептуальная метафора проясняет позицию партии «Левые» за социальную справедливость в стране и поддержку малоимущих. С давних времен коррупция считается аморальной, ассоциируется у людей не только с подкупом, но и разрушением, разложением, болезней. Это одна из основных причин бедности, насилия, безнадежности в обществе. Поэтому необходимо принимать строгие меры против коррупции на всех уровнях власти.

Подводя итог вышеизложенному, хотелось бы отметить, что концептуальные метафоры прочно интегрированы в наше мышление. Политики сознательно используют их в своей политической риторике как средство воздействия на аудиторию для привлечения внимания электората, получения высокого рейтинга, достижения желаемой интерпретации политических событий.

Литература

Генералова Л.М. Интегративные характеристики современного протеста (на материале немецкоязычной политической блогосферы) // *Modern Studies of Social Issues*. 2020. Vol. 12, No. 4. Pp. 27-42.

Kohl K. Metapher. Stuttgart: Metzler, 2007.

Rigotti F. Die Macht und ihre Metaphern. Über die sprachlichen Bilder der Politik. 1994. Frankfurt am Main: Campus-Verlag.

Wilson J. Politically speaking. Oxford: Blackwell, 2009.

Larisa M. Generalova (Volgograd, Russia)
Volgograd State University

CONCEPTUAL METAPHOR AS A MEANS OF CONCEPTUALIZING EVENTS IN THE POLITICAL BLOGOSPHERE

Abstract: This article represents the analysis of the use of conceptual metaphor by German politicians in personal blogs. The theoretical basis is the conceptual metaphor theory by G. Lakoff and M. Johnson. The conclusion is made about the function and role of conceptual metaphor in political rhetoric.
Key words: conceptual metaphor, conceptualization, cognitive-linguistic unit, political rhetoric, cognitive strategy

Е.В. Дмитриенко (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
lizadmtr99@mail.ru

КОМБИНАТОРНЫЕ ДЕВИАЦИИ И ДЕВИАНТЫ В МЕЖЪЯЗЫЧИИ

Статья посвящена комбинаторным девиациям или процессу появления речевых ошибок, нарушающих сочетаемость языковых единиц с точки зрения межъязычия (системы промежуточных знаний). Дается определение межъязычия и рассматривается его взаимосвязь с комбинаторными девиациями.

Ключевые слова: комбинаторные девианты, межъязыковая интерференция, межъязычие, комбинаторная лингвистика, комбинаторная девиатология

Исследование проводится в рамках комбинаторной лингвистики, изучающей синтагматические связи языковых единиц и их комбинаторный потенциал [Влавацкая 2017: 21], а точнее комбинаторной девиатологии – раздела комбинаторной лингвистики, изучающего комбинаторные девиации и девианты, возникающие по причине межязыковой интерференции и связанные с нарушением синтагматических и парадигматических отношений слов при переводе.

Цель исследования – определить понятие «комбинаторная девиация» с точки зрения межъязычия («системы промежуточных знаний»). Для этого необходимо: определить понятийное содержание терминов «комбинаторная девиация» и «межъязычие», рассмотреть комбинаторные девианты с точки зрения межъязычия.

Актуальность темы заключается в необходимости определения понятия «комбинаторная девиация» с точки зрения межъязычия.

Межъязыковой девиацией называют отклонение от языковой нормы в процессе перевода, которое можно определить как когнитивный процесс, реализуемый в системе межъязычия – одной из когнитивных систем сознания, сосуществующей с первичной языковой системой в результате интерферентного игнорирования системно-коммуникативных свойств единиц системы второго языка на всех его уровнях [Дебрэнн 2006: 35]. На появление таких отклонений могут влиять разные факторы, такие как сходства и различия между языками, уровень их владения, ситуационный контекст и т. д.

Комбинаторная лингвистика исследует проблемы сочетаемости единиц языка, природу сочетаемости, комбинаторные свойства языковых единиц и т. д. [Влавацкая 2012]. Исходя из этого, речевые ошибки, нарушающие сочетаемость языковых элементов мы называем термином «комбинаторные девианты», т. е. в основе этих типов ошибок лежит нарушение синтагматических или парадигматических связей слов (например, *to do mistakes** вместо *to make mistakes*; *high cuisine** вместо *haute cuisine* и т. д.).

Комбинаторные девианты относятся к языковым выражениям или конструкциям, которые отклоняются от типичных моделей сочетания слов в рамках данного языка, которые могут проявляться в различных формах:

– *нарушение норм сочетаемости*: комбинаторные девианты могут возникать, когда слова или фразы сочетаются таким образом, который противоречит типичным коллокационным моделям языка (**quick car* вместо *fast car* в значении «машина, которая может достичь очень высокой скорости»; **hard coffee* вместо *strong coffee* и т. п.);

– *семантическое несоответствие*: комбинаторные девианты могут включать слова, которые в словосочетании не сходятся по значениям (**cool wind* вместо *cool breeze* в значении «прохладный ветерок» и т. п.);

– *синтаксические нарушения*: признаком проявления комбинаторных девиантов также являются нарушения в порядке слов, структуре фраз или синтаксических шаблонах (**He speaks on Russian* по аналогии с русским вариантом «Он говорит **на** русском»; **In the forest was getting darker*, что является дословным переводом предложения «В лесу становилось темнее» и т. п.);

– использование *неправильного стиля речи в словосочетаниях*: комбинаторные девианты могут возникать, когда слова или фразы используются в несоответствующем стиле (**to perform a purchase* в значении «произвести покупку», вместо *to make a purchase*; **to hoist up a question* вместо *to raise a question* и т. п.);

– лексическое несоответствие во фразеологизмах, или же неправильный их перевод (например, перевод выражения «Break a leg» как *«Сломай ногу» вместо подбора аналога «Ни пуха, ни пера» и т. п.).

Важно отметить, что концепт комбинаторных девиаций тесно связан с изучением межъязыковой интерференции – отрицательного явления отклонения от языковых норм из-за влияния первой языковой системы на усвоение и использование второй, что оказывает негативное влияние на овладение иностранными языками [Вайнрайх 1979: 27], поскольку девиации демонстрируют, как интерференция одного языка может повлиять на структуру предложений и сочетание слов в другом языке. Изучая эти девиантные комбинации, можно получить представление о процессах, лежащих в основе овладения языком и явления двуязычия.

Концепция «межъязычия» нашла свое теоретическое обоснование в когнитивных науках. Однако вопросы, связанные с межъязыковыми различиями, рассматривались задолго до появления когнитивистики, особенно если взглянуть на межъязычие через призму билингвального осознания [Дебрэнн 2006: 20]. Исследования билингвизма в разных науках (психолингвистика, лингводидактика и др.) привели к созданию разнообразных билингвистических типологий, которые были структурированы согласно различным критериям и позже оказались полезными для когнитивистики. К таким критериям относились, например, связь языка с мышлением, определение уровня владения вторым языком, количество освоенных языковых функций, способы взаимодействия языковых механизмов и их стабильность, степень различия между контактирующими языками, условия формирования билингвизма, характер коммуникативных ситуаций и другие.

Проанализировав различные определения понятия «межъязычие», мы можем обозначить этот термин как *совокупность промежуточных знаний, включающих освоенные правила и правила, составленные на основе тех, которые субъект, изучающий второй язык, имеет на данный момент*. Большинство исследователей говорят о системном характере межъязычия.

Основными процессами, характерными для межъязычия, являются регресс, фоссилизация [Selinker 1972] и проницаемость [Дебрэнн 2006: 23].

Регресс может проявиться, например, на промежуточном этапе изучения иностранного языка, когда субъект уже достиг среднего уровня и вместо повторения выученных паттернов переходит к собственным высказываниям, допуская при этом больше ошибок.

Фоссилизация – процесс укоренения ошибки и превращения ее в речевую привычку во втором языке субъекта, изучающего неродной язык [Панарина 2013: 1] – может проявиться на любом этапе изучения языка. Данный процесс затормаживает переход между первым и вторым языками, и может наблюдаться даже у субъектов, которые постоянно взаимодействуют со вторым языком [Нап 2004: 13]. Фоссилизация часто происходит у взрослых, изучающих язык, когда

они успешно могут поддерживать коммуникацию с их текущим уровнем владения вторым языком. Без необходимости исправлять форму или структуру, определенный тип ошибочных представлений сохраняется у человека даже при достаточно высоком уровне языка.

Проницаемость, в свою очередь, наоборот, характеризует процесс, когда при необходимости выразить информацию, для которой не хватает средств выражения, субъект допускает расширение существующих правил [Coianiz 1996]. Все эти процессы, функционирующие в межъязычии, приводят к появлению комбинаторных девиантов, изучение которых позволит расширить понимание когнитивных аспектов межъязыкового общения:

– *перенос шаблонов первого языка*: комбинаторные девиации часто являются результатом прямого переноса синтаксических или лексических шаблонов с родного языка, что подчеркивает когнитивную стратегию опоры на существующие лингвистические знания;

– *межъязычие как динамичная система*: наличие комбинаторных девиаций показывает, что межъязычие – это не статичная, а динамичная и развивающаяся система. По мере того как изучающие иностранный язык получают больше информации, количество девиантов со временем может уменьшиться, отражая когнитивные процессы обучения и реструктуризацию лингвистических знаний. Здесь показателями станут увеличившийся словарный запас субъекта, знание большего количества коллокаций и идиом, владение правильными грамматическими конструкциями;

– *анализ ошибок и преподавание языка*: выявление комбинаторных девиантов может послужить основой для преподавания языка с выделением областей трудностей, характерных для носителей с разным уровнем подготовки. Понимание этих ошибок с когнитивной точки зрения может привести к новым стратегиям обучения, которые решают основные проблемы перевода;

– *внутренний лексикон*: девиации позволяют изучить организацию ментального лексикона и то, как хранятся словосочетания и осуществляется доступ к ним, например, отсутствие или наличие эквивалентных идиоматических выражений, соотношение фразовых глаголов с предлогами (**to depend from*, **to get good with* и т. п.).

Понимание комбинаторных девиаций в рамках межъязычия дает представление о когнитивных механизмах, работающих во время овладения языком, и о постоянном влиянии родного языка субъекта на его овладение вторым языком.

Таким образом, термин «комбинаторный девиант» мы будем определять как речевую ошибку, нарушающую сочетаемость языковых элементов. В основе типов ошибок лежит нарушение синтагматических или парадигматических связей слов. Для того, чтобы определить, относится ли речевая ошибка к комбинаторным девиантам, необходимо учитывать такие критерии как *нарушение норм сочетаемости, семантическое несоответствие, синтаксические нарушения, лексическое несоответствие во фразеологизмах* или *использование неправильного стиля в словосочетаниях*. Их появление вызвано некоторыми процессами межъязычия –

фоссилизацией, регрессом или проницаемостью, при этом комбинаторные девиации, в свою очередь, могут повлиять на когнитивные аспекты и механизмы.

Литература

- Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев: Вища школа, 1979.
- Влавацкая М.В. Комбинаторная лингвистика: теоретико-методологические основы зарождения и развития // Научный диалог. 2012. № 3. С. 8-23.
- Влавацкая М.В. Языковая комбинаторика: аспекты изучения // Научный диалог. 2017. № 5. С. 21-32.
- Дебрени М. Теоретические и прикладные аспекты межъязыковой девиатологии: дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2006.
- Панарина М.А. Проблема дефоссилизации на продвинутом этапе изучения иностранного языка // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. А.В. Аграшенкова. СПб.: Филиал РТА, 2013. С. 379-382.
- Han Z.H. Fossilization in adult second language acquisition. Clevedon: Multilingual Matters. 2004.
- Selinker L. The elicitation of interlanguage // IRAL. 1972. No. 10. Pp. 209-231.

Elizaveta V. Dmitrienko (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University

COMBINATORIAL DEVIATIONS AND DEVIANTS IN INTERLANGUAGE

The article examines combinatorial deviations, or the process of the appearance of speech errors that violate the compatibility of linguistic elements, from the point of view of interlanguage (system of mediate knowledge). A definition of interlanguage is given and its relationship with combinatorial deviations is considered.

Key words: combinatorial deviation, interlanguage interference, cognitive aspect, combinatorial linguistics, combinatorial deviatology

Н.В. Закурдаева (Орел, Россия)
Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации
zakurdaeva.n@inbox.ru

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье применен синергетический подход к моделированию процесса передачи информации в политическом медиадискурсе. Любое резонансное политическое событие порождает кризисную коммуникацию, имеющую четыре этапа. Сначала формируется дискурс конкретного события, нарушающий равновесность дискурсивного пространства и приводящий к бифуркации смысла, на втором этапе дискурс политического события начинает самоорганизовываться под влиянием внутренних параметров порядка – функциональных аттракторов. На третьем этапе включается в работу управляющий параметр дискурса, который управляет дискурсом как синергетической системой и приводит ее в равновесное состояние. На последнем этапе дискурсивными элитами формируется пертинентный нарратив как репрезентация события в политическом медиадискурсе.

Ключевые слова: событие, медиадискурс, нарратив, параметры порядка, управляющий параметр

Медиадискурс является синергетической системой [Кривко 2017: 53; Олизко 2015: 64; Якоба 2019: 94]. Любое политическое событие, которое нахо-

дит отражение в дискурсе, порождает кризисную коммуникацию, поскольку появляется одновременно несколько версий интерпретации события. Любой кризис идеологизируется, так как именно в это время СМИ легче всего корректировать картину мира / реальность адресата. Сложность политической кризисной ситуации – в ее новизне, мы не готовы к ней, поэтому требуется управление пониманием ситуации. «Кризис разрывает информационные потоки. Они осуществляются, но оказываются не в состоянии выполнять свои обычные функции» [Почепцов 2001: 504]. В кризисной коммуникации мы наблюдаем непредсказуемое развитие событий (синергетичность).

Кризисная коммуникация, отражающая конкретное политическое событие, состоит из четырех этапов. На первом формируется дискурс события (множество разнородных высказываний на тему события), вследствие этого нарушается равновесное состояние системы, возрастает информационная энтропия – мера непредсказуемости информации. Равновесная система при изменении нескольких параметров может стать неравновесной, порядок измениться на хаос, поэтому так важно производство согласия в обществе.

В состоянии кризиса (внутреннего неравновесия) политическая система вступает в бифуркационную фазу своего развития, предполагающую множественность вариантов развития событий. Вдали от состояния равновесия достигаются точки бифуркации – пути интерпретации событий в нужном направлении, которое задают аттракторы (точки притяжения смысла). Содержание события имеет концептуальную основу. Концепт – динамичное образование, его содержание и структура меняются в зависимости от личности интерпретатора и самого события, аттрактор демонстрирует устойчивое состояние смысла концепта в конкретный период времени (сейчас это надо понимать так...).

На втором этапе кризисной коммуникации дискурс политического события начинает самоорганизовываться под воздействием внутренних параметров порядка (согласно действию законов синергетической системы). Происходят автоколебания смысла, известная информация о событии (качественная определенность) дополняется неизвестной, новая трактовка приводит к фазовому скачку системы (резкому изменению параметров), неопределенности смысла. В каждом конкретном тексте о политическом событии (текст – репрезентация дискурса) начинают работать *функциональные аттракторы* – область притяжения «всех элементов системы... дискурса, определяемого на основании той авторской цели и интенции, ради которой дискурс... эволюционирует, обеспечивая реализацию своей ведущей функции – воздействия» [Бронник 2009: 21]), аттракторы «притягивают» доминантный смысл текста, исключая множественность интерпретации смысла и бифуркацию, они задают вектор интерпретации смысла текста. Адресат начинает приходить к определенному пониманию событий. Однако дискурс события обладает резистентностью (каждый журналист отстаивает истинность своей точки зрения). Процесс самоорганизации системы происходит быстрее при наличии внешних и внутренних шумов, следовательно, чем более резонансное политическое событие обсуждают СМИ, тем быстрее дискурсивные элиты должны стремиться дать адресату «правильный» взгляд на событие.

Важная особенность синергетических систем состоит в том, что ими можно управлять извне, изменяя действующие на систему факторы. На третьем этапе кризисной коммуникации для того, чтобы избежать нежелательных вариантов интерпретации событий, включается в работу управляющий параметр (дискурсивные элиты), который определяет скорость и направление движения в фазовом пространстве (медийном дискурсе).

В отличие от параметров порядка, управляющий параметр не меняется при изменении системы. Флуктуации управляющего параметра определяют направление развития системы в точках бифуркации (критических точках). Управляющий параметр корректирует интерпретацию события, соотнося его смысл с когнитивной матрицей российской постидеологии [Закурдаева 2022: 32]. Дискурсивные элиты (термин Т. ван Дейка) принимают управленческие решения и представляют приоритеты, формируют повестку дня. Самоорганизующиеся системы нельзя контролировать и жестко управлять ими, можно помогать / подталкивать / показывать направление развития.

Синергетическая система – система с обратной связью. Сигнал о превышении некоего критического смысла, необходимости уменьшить его концентрацию приводит к включению в работу управляющего параметра, его задача – сфокусировать / акцентировать необходимый смысл из всего спектра сообщений, а «лишнюю», информацию рассеять, блокировать, т. е. подвергнуть неуютный смысл диссипации (рассеивание информации, процесс перехода энергии в бесполезную форму). Как известно, в синергетической системе при фазовом переходе теряется энергия. Чем больше диссипация, тем быстрее увеличивается энтропия системы, поэтому в критической коммуникации дискурсивным элитам необходимо быстро привести смысл события в соответствие с когнитивной матрицей постидеологии, чтобы избежать хаоса и социальной напряженности. На этом этапе критической коммуникации происходит фазовый переход, в пространстве событийного дискурса действует медианный аттрактор, который формирует концепты-интерполенты, манифестирующие необходимый адресанту смысл.

На четвертом этапе кризисной коммуникации система (политический медиадискурс) стабилизируется, происходит формирование нарратива – официальной версии рассказа о событии, которая выгодна адресанту и не вызовет отторжения у адресата. Переход от дискурса к нарративу – это фазовый переход в синергетической системе. В этом случае состояние одной фазы отличается от состояния другой фазы параметрами порядка. Нарратив, обработанный управляющим параметром, в отличие от конкретных текстов первого этапа кризисной коммуникации не обладает резидентностью, т. е. способностью сопротивляться внешнему воздействию. Именно эта трактовка событий войдет в учебники истории, в различных СМИ нарратив политического события может варьировать (флуктуации смысла), но вектор интерпретации будет задан однозначно, исключая множественные трактовки.

В медиасфере дискурс представлен прежде всего как дискурс события – «создающий или сопровождающий ситуацию, планируемую в качестве события» [Серебренникова 2018: 42]. Медиадискурс не только информирует о событии, но

и создает инфоповоды, конструирует события, оценивает их, идеологизирует. «Сферы медийного пространства являются аксиологически насыщенными и отражают центры социальной напряженности» [Якоба 2019: 94]. Дискурс и нарратив отражают политические события кризисной коммуникации, но по-разному. Событие является референтным основанием нарратива как личностно интерпретируемое происшествие. Репрезентацией дискурса является *релевантный текст*, т. е. текст, имеющий отношение к событию. Но данный текст может быть оценен адресатом неоднозначно. Он может описывать политическое событие, но не интересен адресату, излагаемая информация может быть воспринята адресатом как недостоверная, необъективная, неполная, не соответствующая уровню его когнитивной сложности и т. д. Нарратив же представляет собой *пертинентный текст*. Пертинентности информации – субъективно оцениваемое соответствие полученной информации информационной потребности пользователя (релевантная информация – «об этом», пертинентная – «о том, что меня интересует в этом»).

Следовательно, медиадискурс, описывая конкретное политическое событие, функционирует как синергетическая система. На разных этапах кризисной коммуникации формируется различный по качеству дискурс: сначала он репрезентирован релевантным, но резистентным текстом, после фазового перехода (работы внутренних и внешних параметров порядка) меняется качество фазового пространства дискурса – он репрезентируется нерелевантным, но пертинентным нарративом.

Литература

- Бронник Л.В. Типы аттракторов концептов в дискурсе // Вестник Майкопского гос. технологического ун-та. 2010. № 4. С. 91.
- Закурдаева Н.В. К вопросу об использовании понятия «когнитивная матрица» // Лингвостилистика. Лингвопозитика. Лингводидактика / отв. ред. В.В. Никульцева. М.: МФЮА, 2022. С. 31-36.
- Кривко И.П. Политический дискурс в рамках теории самоорганизации // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2017. № 4 (27). С. 53-60.
- Олизько Н.С. Синергетика языка // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2015. № 15 (370). С. 64-68.
- Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2001.
- Серебренникова Е.Ф. Эффективность дискурса: взаимодополнительность событийности, аттрактивности, дестинации // Язык-культура, мышление-познание. Интегративные исследования / отв. ред. Л.М. Орбодоева. Улан-Удэ: Бурятский гос. ун-т, 2018. С. 41-48.
- Якоба И.А. Внешние и внутренние параметры медийного дискурса // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2019. № 3 (180) С. 94-100.

Natalia V. Zakurdaeva (Orel, Russia)
Russian Federation Security Guard Service Federal Academy

SYNERGIC MODEL OF INFORMATION TRANSMISSION IN POLITICAL MEDIA DISCOURSE

The article applies a synergetic approach to modeling the processes of information transmission in political media discourse. Any high-profile political event provides crisis communication, which has four stages. Initially, discourse is based on events, disturbing the equilibrium of the discursive space and leading to bifurcations of meaning; at the second stage, the discourse of political events begins to self-organize under the influence of internal parameters of order – constant attractors. At the third

stage, the control parameter of discourse is included in the work, which controls the discourse as a synergetic system and brings it to an equilibrium state. At the last stage, the discursive elites form a persistent narrative as a representation of the event in political media discourse.

Key words: event, media discourse, narrative, order parameters, control parameter

Д.В. Кирюхин (Нижегород, Россия)

Нижегородский государственный агротехнологический университет

bagerlock@gmail.com

Е.А. Мухина (Нижегород, Россия)

Национальный исследовательский Нижегородский государственный

университет им. Н.И. Лобачевского

helen_loky@mail.ru

МЕТОДЫ КОРРЕКЦИИ КОГНИТИВНЫХ НАРУШЕНИЙ У СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Статья посвящена проблеме снижения познавательной активности у студентов на примере обучающихся иностранным языкам (английский, латынь) в неязыковом вузе. Авторы рассматривают сферу диагностики и коррекции когнитивных функций студентов и наиболее актуальные причины, связанные с этим – тревожно-депрессивные расстройства и социальные факторы.

Ключевые слова: когнитивные нарушения, тревожно-депрессивные расстройства, познавательная активность, преподавание иностранных языков, ошибки обучающихся

Нарушения когнитивных функций (познавательной активности) встречается при большинстве неврологических заболеваний, связанных в той или иной мере с головным мозгом. При этом встречаются и так называемые психогенные когнитивные нарушения, вызванные расстройствами тревожно-депрессивного ряда [Захаров 2012: 23-28]. Тревожные расстройства и депрессия являются одними из самых распространенных психических заболеваний современного мира. Ежегодно число людей, страдающих от данного типа расстройств, неуклонно растет. При этом у людей, находящихся в той или иной степени тяжести депрессивном или тревожном состоянии, можно выявить различные нарушения адаптационных процессов и изменения в когнитивной сфере [Изнак 2001].

Согласно когнитивному подходу, депрессия является состоянием, при котором происходят специфические нарушения анализа и синтеза информации. Информация не только селективно отбирается, но и обрабатывается односторонне и неполно [Бобров 2014: 10-14]. Кроме того, при депрессии обнаруживается так называемый «депрессивный сдвиг», который затрагивает сферу внимания, мышления, памяти и прогнозирования. Особое значение при депрессии имеют нарушения мнестических процессов (процессы памяти). Рассматривая тему влияния тревоги на когнитивные функции, стоит остановить свое внимание на неоднозначности влияния тревоги и тревожного состояния на когнитивные функции. Так, легкая тревога способна повышать продуктивность и активность человека, но сильная, клинически значимая тревога значительно снижает производительность деятельности [Карелин 2009].

Касательно диагностики наличия когнитивных нарушений в последнее время становится актуальным использование информационных технологий как альтернативы стандартным используемым нейропсихологическим инструментам. Такой вариант может быть доступнее и помогает цифровизации процесса [Мухина 2023: 94-96]. К примеру, Интернет-платформа Когнитом (<http://cogni-nn.ru>), разработанная на кафедре психофизиологии ННГУ им. Н.И. Лобачевского под руководством проф. С.А. Полевой для диагностики и коррекции когнитивных функций [Полевая 2019: 125-132]. На платформе возможно проводить тесты для определения особенностей восприятия, селективного внимания, способности к обучению, оперативной памяти и др., в основе при этом лежит метод измерения сенсомоторной активности. В целом подобная технология дает возможности для регистрации объективных показателей текущего функционального состояния когнитивных функций и выявления устойчивых маркеров их нарушений.

В учебной деятельности у студентов, склонным к тревожным и депрессивным состояниям, могут так же проявляться психогенные когнитивные нарушения. Так, например, очень наглядно и ярко нарушения когнитивных функций обуславливают разнообразные ошибки обучающихся, возникающие при выполнении ими учебных заданий, контрольных и самостоятельных работ. На наш взгляд, наиболее наглядно это проявляется на занятиях по иностранному языку, зачастую даже тому, который студенты начинают изучать с нуля, не имея предварительной школьной подготовки (например, латинский язык у медиков, ветеринаров, юристов и пр.). Однако, снижение познавательной активности может быть вызвано не только подобными расстройствами. Разумеется, часто причиной являются социальные факторы, связанные с недостаточно грамотной организацией процесса обучения (неграмотно составленное расписание с отсутствием промежутков между занятиями по иностранному языку, слишком большие языковые группы при норме в 10–12 человек, необорудованные аудитории, отсутствие возможности полноценного приема пищи) [Кириухин 2021]. В целом несмотря на неизбежность процесса совершения ошибок обучающимися и усилия педагога по их предотвращению (а порой и недопущению) можно отметить сравнительно небольшой интерес исследователей к этой теме, что связано в целом с непростой, но необходимой работой по классификации ошибок, поиска их причин. Впрочем, отметим положительное стремление в ряде публикаций использовать подобный материал в качестве дополнительных и творческих заданий [Кириухин 2022: 122-125].

За время работы одного из авторов на кафедре «Иностранные языки» Нижегородского ГАТУ (до 2023 г. – Нижегородская ГСХА) с 2015–2016 уч. г. по настоящее время было собрано множество как оригинальных, так и повторяющихся и типичных ошибок студентов первого курса ветеринарного факультета, возникших при освоении ими дисциплин «Иностранный (английский) язык» и «Латинский язык», которые легли в основу проекта «Chronica Magistri». Среди основных групп ошибок можно выделить неверное чтение (распознавание букв и буквосочетаний), ошибочные написания в письменных работах (в терминологических минимумах, самостоятельных и контрольных работах) и ряд других. К

сожалению, в качестве универсального решения по недопущению подобных ошибок в дальнейшем педагог может предложить студенту лишь быть внимательнее и усерднее, а также чаще практиковаться, учить и повторять учебный материал. Но что если в дополнение к этому попробовать ряд методов, используемых психофизиологами? Прежде всего необходимо понять причины снижения познавательной активности у студентов: это социальные факторы, которые вызывают вынужденное, но кратковременное ее снижение; или это устойчивые нарушения психогенного характера, требующие диагностики и более длительной коррекции.

Что касается методов коррекции депрессивных и тревожных состояний, то некоторые зарубежные исследователи говорят об изменении образа жизни: добавлении физических упражнений (существует предположение, что физические упражнения положительно влияют на структуру и работу мозга [Culpepper 2017: 1383-1394]), изменении диеты, выделении времени на отдых и качественный сон, поддержании социальных контактов и использование медитативных техник, основанных на осознанности [Sarris 2014: 107].

В Европе и США все большее распространение в борьбе с депрессивными состояниями получает световая терапия. Воздействие света на сетчатку вызывает нейробиологические, психические и поведенческие эффекты, такие как подавление секреции мелатонина, уменьшение депрессивных симптомов и улучшение когнитивных функций [Madsen 2022]. Для медикаментозного лечения тревожных состояний чаще всего применяют, как и при лечении депрессивных состояний, селективные ингибиторы обратного захвата серотонина (СИОЗС) и бензодиазепины [Краснов 2013: 1-6].

Среди наиболее эффективных психотерапевтических методов можно выделить психодинамическую, поведенческую и когнитивную терапию. Специалисты склоняются к мнению, что успешность психотерапевтических методов во многом определяется качеством отношений между пациентом и психотерапевтом [Грехов 2017: 35-43].

Метод биологической обратной связи (БОС) имеет широкое клиническое и прикладное применение. Он является одним из методов, который не только позволяет исследовать головной мозг, но и имеет терапевтическое значение, позволяя человеку научиться управлять процессами и регулировать параметры собственной биоэлектрической активности мозга, которые эволюционно не предназначены для осознанного контроля. Произвольная регуляция человеком данных параметров часто положительно влияет на когнитивную деятельность человека [Столетний 2016: 19-30]. Интернет-платформа Когнитом может использоваться в качестве тренажера для тренировки когнитивных функций; при этом ее можно сочетать с другими методами, например, БОС-тренингом и психотерапией, получать объективные данные о динамике прохождения тестов.

Литература

Бобров А.Е., Краснослободцева Л.А., Мутных Е.М., Курсаков А.А. Когнитивные нарушения при депрессии и перспективы применения антидепрессантов с прокогнитивным эффектом // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Спецвыпуски. 2014. № 114 (11–2).

С. 10-14.

Грехов Р.А. Медико-биологические аспекты депрессии // Science of VolSU. Natural Sciences. 2017. Vol. 7. № 2. С. 35-43.

Захаров В.В., Вахнина Н.В. Недементные когнитивные нарушения // Медицинский совет. 2012. № 4. С. 23-28.

Изнак А.Ф. Современные представления о нейрофизиологических основах депрессивных расстройств. Депрессии и коморбидные расстройства. М.: НЦПЗ РАМН, 2001.

Карелин А. Большая энциклопедия психологических тестов. М.: Эксмо, 2009.

Кирюхин Д.В., Полозова В.П., Радкевич А.В. Преподавание латинского языка на ветеринарном факультете: ошибки обучающихся как источник вдохновения для педагога // Проблемы современного педагогического образования. 2022. Вып. 74. Ч. 3. С. 122-125.

Кирюхин Д.В., Полозова В.П., Скрипко Е.С., Соколова С.Л. Проблемы и трудности преподавания латыни в неязыковом вузе (опыт Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии последних лет) // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/18PDMN521.pdf>.

Краснов В.Н. Взаимосвязи когнитивных и эмоциональных нарушений при депрессиях (обзор литературы) // Доктор.Ру. 2013. № 5 (83). С. 1-6.

Мухина Е.А., Текеева А.А., Циркова М.М., Полевая С.А. Особенности когнитивных функций пациентов с ОНМК // Нелинейная динамика в когнитивных исследованиях. Нижний Новгород: Ин-т прикладной физики РАН, 2023. С. 94-96.

Полевая С.А., Буланов Н.А., Парин С.Б. Компьютерные технологии для скрининга, диагностики и цифрового отображения когнитивных нарушений. М.: МФТИ, 2019. С. 125-132.

Столетний А.С. Взаимосвязь психологических и психофизиологических свойств личности с эффективностью ЭЭГ-БОС тренинга // Северо-Кавказский психологический вестник. 2016. № 2. С. 19-30.

Culpepper L., Lam R.W., McIntyre R.S. Cognitive Impairment in Patients with Depression: Awareness, Assessment, and Management // Journal of Clinical Psychiatry. 2017. No. 78 (9). Pp. 1383-1394.

Madsen H.Ø., Straszek S.P., Kragh M., Volf C., Hageman I., Martiny K. Light therapy for depression // UgeskrLaeger. 2022. No. 184 (14). V10210801.

Sarris J., O'Neil A., Coulson C.E., Schweitzer I., Berk M. Lifestyle medicine for depression // BMC Psychiatry. 2014. No. 14. Pp. 107.

Dmitry V. Kiriukhin (Nizhny Novgorod, Russia)

Nizhny Novgorod State Agrotechnological University

Elena A. Mukhina (Nizhny Novgorod, Russia)

N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

METHODS OF CORRECTION OF COGNITIVE IMPAIRMENTS IN STUDENTS STUDYING FOREIGN LANGUAGES AT A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

The article is devoted to the problem of reducing cognitive activity among students on the example of students studying foreign languages (English, Latin) in a non-linguistic university. The authors consider the scope of diagnosis and correction of students' cognitive functions and the most relevant causes related to this – anxiety and depressive disorders and social factors.

Key words: cognitive impairment, anxiety and depressive disorders, cognitive activity, teaching foreign languages, students' mistakes

ЯЗЫКОВЫЕ РЕФЛЕКСЫ КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ

Когнитивные искажения, репрезентируются вербально в виде высказываний, обладающих системой сложноструктурированных эксплицитных и имплицитных смыслов, взаимодействие которых может явиться основанием собственно когнитивного искажения. В докладе рассматриваются языковые выражения с определенными признаками, позволяющими квалифицировать данные единицы как средство вербальной фиксации когнитивных искажений.

Ключевые слова: Когнитивные искажения, метарепрезентации, мемы, фразеологические единицы

Знаковая природа языка (а иным язык быть не может) имеет как плюсы, так и минусы, при этом одни и те же характеристики языка, восходящие к его знаковой сущности, могут как способствовать, так и затруднять выполнение языком его ключевой функции – когнитивно-дискурсивной. Одним из таких признаков является интерпретационный характер языка и речевой деятельности.

В настоящей работе мы принимаем, вслед за Н.Н. Болдыревым, так называемую «узкую» трактовку интерпретации – как языковую познавательную активность индивида, раскрывающую в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации [Болдырев 2011: 11]. Отмечаемый Н.Н. Болдыревым преимущественно индивидуальный, индивидуалистский характер интерпретации оказывается исключительно значимым в оценке как собственно когнитивно-вербальных результатов интерпретации, так и дальнейшем их функционировании. Субъективная природа интерпретации тесно связана с лабильностью интерпретации значения языковых выражений. Процесс интерпретации значения языковых выражений зависит от целого ряда когнитивно-коммуникативных факторов, среди которых можно выделить собственно когнитивные (интеллектуальные / интеллективные), ситуативно-дискурсивные, социокультурные, аксиологические (в зависимости от степени дробности, глубины проработки каждого из факторов типология может быть представлена и в более подробной версии). В иной терминологии можно квалифицировать эти установки как фон (когнитивно-дискурсивный, социокультурный) или как базу (база знаний, социокультурная база), как систему координат, а также как компетенции определенного рода. Вне зависимости от характера номинации данных факторов сохраняется общий принцип влияния определенных параметров личности и ситуации на итоговый результат – формирование смысла.

Указанные факторы можно дифференцировать не только по источнику / сфере возникновения (когниция, ситуация коммуникация, система ценностей индивида, принадлежность определенному социуму и культуре), но и по параметру изменчивости. Так, уровень знаний, образование, социальный статус, система ценностей, уровень владения коммуникативным кодом и уровень развития коммуникативных навыков, принадлежность к национальной культуре можно счи-

тать относительно устойчивыми, стабильными факторами, которые можно оценить как константы интерпретации. Напротив, такие параметры, как эмоциональное состояние интерпретатора, ситуативно-зависимые особенности восприятия изменчивы, что представляет интерес для исследователей (лингвистов, преподавателей, социологов, культурологов) с точки зрения создания оптимальных условий и устранения помех для достижения адекватной интерпретации, выявления интерпретационных модусов, квалифицируемых как когнитивные искажения.

Собственно говоря, интерпретационный характер языка и есть основания для возникновения когнитивных искажений. Представление о языке, языковых выражениях, речевых продуктах как знаковых аналогов внешнего по отношению к языку мира изначально несет определенные риски смешения мира и его описания, мира и его знакового аналога, что далее может привести к подмене мира его описанием. Известно, что язык описывает не мир, а наше восприятие мира, описание мира и – далее – понимание описаний носит интерпретационный характер, поскольку факт принадлежит языку, а не миру; фактов, по сути, нет, но есть интерпретация положения дел в мире, представленная в формате языкового высказывания. Неслучайно в лингвистике принято выделять особого рода категории, которые обеспечивают «субъективизацию» / «субъектификацию», интерпретационную индивидуальность высказывания, а именно – интерпретационные, или модусные категории [Болдырев 2006; Болдырев 2008].

Под когнитивным искажением в когнитивной психологии принято понимать регулярные ошибки / отклонения в мышлении или интерпретации воспринимаемого объекта [Bishop, Trout 2004; Кожаринов и др. 2022]. Такого рода ошибки могут как способствовать более эффективным действиям или оптимизировать процесс принятия решений, так и мешать корректной оценке внешней действительности, формируя искаженную картину мира. Существующие типологии когнитивных искажений представляют обширный репертуар такого рода ошибок, к которым относятся социально обусловленные искажения (эффект ложной уникальности, иллюзии консенсуса, ошибки атрибуции, ингрупповой фаворитизм и др.), ошибка согласованности, эффект авторитета, приукрашивание прошлого, селективность восприятия.

Естественным форматом фиксации когнитивного искажения является фразеологические единицы, мемы, псевдо-прецедентные высказывания, цитаты, любые иные метарепрезентативные форматы представления знаний, например: *где родился, там и пригодился; все к лучшему; нет дыма без огня; все, что меня не убивает, делает меня сильнее; то ли он украл, то ли у него украли; в споре рождается истина; я художник – я так вижу* и т. п.

Вербальные номинации, однажды возникнув, преодолев жесткую фильтрацию на предмет требований коммуникативной востребованности, адекватности, экспланаторности, работают в качестве формата знания и тем самым начинают выполнять категориально-регулятивную функцию, систематизируя, нормализуя, оптимизируя работу сознания, формируя картину мира, закрепляя тем самым когнитивные искажения как когнитивно-дискурсивные шаблоны и в значительной степени функционируя как инструменты внушения, инструменты воздействия на

общественное сознание [Бехтерев 2022]. Представляется, что исследование фразеологических и близких к ним по характеру номинаций может стать мощным инструментом анализа природы, функционирования когнитивных искажений, выявления их позитивных / негативных признаков, преодоления стереотипов восприятия и поведения, стимулирования метакогнитивного механизма эпистемической бдительности [Клепикова, Толмачева 2021].

Значимыми для понимания природы суггестивного потенциала вербальных форматов когнитивных искажений являются ряд признаков, характерных для мемов и общих, на наш взгляд, в целом с номинациями фразеологического характера и цитациями. Е.В. Троценкова отмечает, что данные единицы суть «элементы конститутивной системы: имитативно воспроизводятся и вирусно распространяются, подвергаясь разнообразным трансформациям формы и содержания так, что их циркуляция в медиа создает разделяемый лингвокультурным сообществом культурный опыт [Троценкова 2022: 75-76]. Тем самым «разделяемое» языковое сознание в значительной степени оказывается сформированным за счет результатов искаженного восприятия действительности.

Литература

- Бехтерев В.М.* Внушение и его роль в общественной жизни. СПб.: Питер, 2022.
- Болдырев Н.Н.* Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 11-16.
- Болдырев Н.Н.* Оценочные категории как формат знания // Когнитивные исследования языка. 2008. № 3. С. 25-37.
- Болдырев Н.Н.* Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5-22.
- Клепикова Т.А., Толмачева И.Н.* Интерпретационные механизмы эпистемической бдительности: вторичная репрезентация языковых структур. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2021.
- Кожаринов А.С., Кириченко Ю.А., Афанасьев И.В., Власов А.И., Лабуз Н.П.* Методы анализа когнитивных искажений и концепция автоматизированной интеллектуальной системы их детектирования // Нейрокомпьютеры: разработка, применение. 2022. № 4. С. 38-74.
- Кузнецов И.С.* Мемы. Научный взгляд на феномен поп-культуры, захвативший мир. М.: Бомбора, 2022.
- Троценкова Е.В.* Мемы как средство деконструкции манипулятивных медиа приемов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 2. С. 74-86.
- Bishop M., Trout J.D.* Epistemology and the Psychology of Human Judgment. New York: Oxford University Press, 2004.

Tatiana A. Klepikova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University of Economics

COGNITIVE DISTORTIONS AS REPRESENTED IN LANGUAGE

Cognitive distortions, or cognitive / logic traps are represented in language in the form of linguistic expressions which explicit and implicit senses may interplay in such a way as to trigger a cognitive distortion. The report deals with a certain class of linguistic expressions representing cognitive distortions due to a number of cognitive-semantic and socio-cultural properties.

Key words: cognitive distortions, metarepresentations, memes, phraseological units

МЕТАСТРУКТУРЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КАК СРЕДСТВО РАССТАНОВКИ СМЫСЛОВЫХ АКЦЕНТОВ

Статья посвящена рассмотрению метаструктур, используемых для расстановки смысловых акцентов в жанре англоязычной монографии (сфера робототехники). Выделяются основные способы таких акцентных расстановок в научно-техническом дискурсе, осуществляется анализ примеров с применением корпусного подхода и метода критического дискурс-анализа.

Ключевые слова: монография, метаструктура, корпус, метод корпусно-ориентированного дискурс анализа, смысловой акцент

Монография как жанр была подробно описана с точки зрения разных языковых явлений [Берсенева 2018; Доткулова 2019; Сабанчиева 2017; Чан 2015]. Она представляет собой один из самых крупных рецензируемых жанров научного стиля речи и определяется как научный труд в виде книги, отражающий результаты углубленного изучения одной или несколько связанных между собой тем, отличающийся высокой степенью обобщения, материалы которого могут также использоваться в учебном процессе [Монография 2003: 35].

Материалом исследования в данной статье в широком смысле выступают англоязычные монографии [Joseph 2018, Lynch 2017, YoonSeok 2017], а в узком смысле – метаструктуры, присутствующие в исследуемых монографиях и используемые авторами для расстановки смысловых акцентов. Жанр монографии представлен созданным вручную корпусом научно-технического дискурса (общий объем корпуса составляет примерно 350 000 слов). В статье были применены метод сплошной выборки на начальном этапе, метод корпусно-ориентированного дискурс анализа и метод критического анализа при разборе примеров. В ходе анализа было отобрано 818 метаструктур, используемых для расстановки смысловых акцентов.

Метаструктуры текстов разных дискурсов рассматривались многими исследователями, преимущественно в рамках лингвистики текста [Ведрева 2000; Лукина 2009; Перфильева 2006; Шаймиев 2016]. В статье под метаструктурами понимаются несущие дополнительное значение лексические единицы, облегчающие читателю процесс восприятия текста. Процентное соотношение способов расстановки смысловых акцентов через использование метаструктур было вычислено с применением метода корпусно-ориентированного дискурс анализа, используемого в корпусной лингвистике (инструмент AntConc) [Захаров, Богданова 2013; Баранов 2003; Мамонтова 2010].

Создавая текст, автор мысленно проговаривает его с определенной интонацией, при этом расставляя смысловые акценты. Акцентное выделение рассматривалось такими учеными как Н.Б. Вольская [2009], Т.М. Николаева [2004], Е.В. Падучева [2018], Н.Д. Светозарова [1982] и др. Существует несколько способов передачи смыслового ударения в тексте, а, именно: инверсия, парцелляция, пунктуация и экспрессивные слова.

Первый включает перестановку компонентов предложения, при которой происходит смещение смыслового акцента. Второй представляет собой разделение предложения на части и намеренное выделение смысловых единиц предложения (парцеллятов). Третий предполагает использование знаков препинания для обозначения пауз и интонации. Последний способ позволяет привлечь внимание читателя за счет использования эмоционально окрашенной лексики.

При осуществлении анализа текста англоязычной монографии было установлено, что авторы монографии применяют только два из перечисленных выше способов расстановки смысловых акцентов: инверсию и экспрессивную лексику. Рассмотрим примеры.

Инверсия

(1) *Below is a broad overview of some of the many motion planners available* [Kevin 2017: 356]. В примере (1) за счет инверсии автор смещает смысловой акцент с того факта, информацию какого именно характера он передает, на то место в тексте, где с этой информацией можно ознакомиться (*below* – ниже).

(2) *The main device we should have before working with ChefBot is a good wireless router* [Lentin 2018: 212]. В данном примере автор не просто сообщает читателю название прибора (*wireless router* – беспроводной роутер), а обращает особое внимание, что он является обязательным, основным – *the main*, а только потом поясняет кому и с какой целью прибор необходим.

Эмоционально окрашенная лексика

Говоря о частеречном составе такой лексики, важно отметить, что, как показал анализ, к ней относятся имена прилагательные в положительной степени, имена прилагательные в превосходной степени и наречия.

(3) *Finally, and most importantly, we thank our wives and families, for putting up with our late nights and our general unavailability, and for supporting us as we made the final push to finish the book* [Kevin 2017: xvi]. В примере (3) автор монографии выражает особую благодарность своим близким за поддержку в ходе написания монографии через использование наречия в превосходной степени.

(4) *Perhaps the most fundamental question one can ask about a robot is, where is it?* [Kevin 2017: 11] В этом примере автор напрямую обращается к читателю, предлагая ему поразмыслить над самым основным (*the most fundamental*) вопросом, относящимся к сфере робототехники.

(5) *It is remarkably useful for finding errors because programs that are divided into minimal functions can be debugged separately* [YoonSeok 2017: 5]. В примере 5 автор дополнительно к экспрессивному прилагательному «полезный» (*useful*) употребляет наречие «в высшей степени» (*remarkably*), особо отмечая преимущества описываемой им технологии.

Итак, в результате анализа метаструктур научно-технического дискурса как средства расстановки смысловых акцентов были сделаны следующие выводы.

1. Существует два основных способа расстановки смысловых акцентов: инверсия и использование эмоционально окрашенной лексики.

2. В жанре монографии преобладает экспрессивная лексика (97%) относи-

тельно инверсии (3%), что связано с особенностями научно-технического дискурса, который отличается строгостью, в том числе и грамматических структур. К экспрессивной лексике автор монографии прибегает, желая дать литературный обзор по теме исследования и стремясь особо выделить какую-то научную идею.

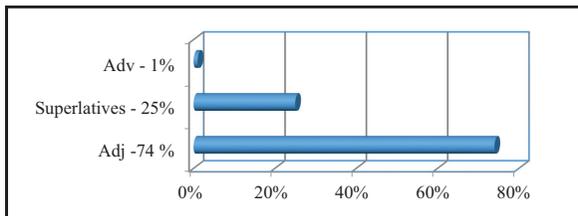

Диаграмма. Частность употребления экспрессивной лексики в жанре монографии

3. Как видно из Диаграммы, к самой частной эмоционально окрашенной лексике относятся имена прилагательные в положительной степени (Adj), за ними со значительным отрывом следуют имена прилагательные в превосходной степени (Superlatives), и крайне редко авторы монографии используют наречия (Adv), которые позволяют дополнительно усилить смысловой акцент.

Литература

- Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику. М.: УРСС, 2003.
- Берсенева Н.С.* Когнитивно-прагматические особенности реализации словообразовательных моделей в жанре научной монографии // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 615-618.
- Вепрева И.Т.* Метаязыковая ориентация языковой личности в условиях языковой перестройки // Активные языковые процессы конца XX века. М.: МГУ, 2000. С. 26-28.
- Вольская Н.Б., Скрябин П.А.* Система интонационных моделей для автоматической интерпретации интонационного оформления высказывания: функциональные и перцептивные характеристики // Труды семинара АР 3. СПб.: Санкт-Петербургский ин-т информатики и автоматизации РАН, 2009. С. 28-40.
- Доткулова З.О.* Сопоставительный анализ жанров научной монографии и статьи (на материале монографий и статей по фармации) // Актуальные вопросы науки. М.: Спутник+, 2019. С. 27-41.
- Захаров В.П., Богданова С.Ю.* Корпусная лингвистика. СПб.: СПбГУ, 2013.
- Лукина Н.В.* Проблема выделения метатекста в художественном тексте // Вестник РУДН. Серия: русский и иностранные языки и методика их преподавания. М., 2009. № 3. С. 35-41.
- Мамонтова В.В.* Корпусная лингвистика в современной языковедческой парадигме // Актуальные вопросы современной науки. 2010. Вып. 12. С. 230-238.
- Монография // Новая иллюстрированная энциклопедия. Т. 12. Мо-Но. М.: Большая российская энциклопедия, 2003.
- Николаева Т.М.* Семантика акцентного выделения. М.: УРСС, 2004.
- Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: ЛКИ, 2018.
- Перфильева Н.П.* Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск: Новосибирский гос. педагогический ун-т, 2006.
- Сабанчиева А.К.* Особенности функционирования терминов сферы астрономии в жанре научной монографии // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке. Новосибирск: АНС «СибАК», 2017. С. 82-87.
- Светозарова Н.Д.* Интонационная система русского языка. Л.: ЛГУ, 1982.
- Чан Т.Н.* Жанр научно-технической монографии на русском и английском языках (на

материале текстов по геологии) // Коммуникативные аспекты языка и культуры. Томск: ТПУ, 2015. С. 144-146.

Шаймиев В.А. Метадискурсивные предикаты научного текста: компоненты содержания // Проблемы современной филологии и аспекты преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе. Уфа: УГНТУ, 2016. С. 221-225.

Joseph L. Learning Robotics using Python. Design, simulate, program, and prototype an autonomous mobile robot using ROS, OpenCV, PCL, and Python. Birmingham: Packt Publishing, 2018.

Lynch K.M., Park F.C. Modern Robotics. Mechanisms, Planning and Control. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

YoonSeok P., HanCheol Ch., Ruywoon J., TaeHoon L. ROS Robot Programming. ROBOTIS Co.,Ltd., 2017.

Inna I. Konkova (Saransk, Russia)
Ogarev National Research Mordovia State University

METASTRUCTURES IN SCIENTIFIC AND TECHNICAL DISCOURSE AS MEANS OF SEMANTIC ACCENTS PLACEMENT

This article is devoted to the examination of metastructures used for semantic accents placement in the genre of the English monograph (robotics sphere). The main ways of such accents placements are figured out in the scientific and technical discourse. The examples analysis is performed by means of the corpus-oriented discourse analysis and the critical discourse analysis method.

Key words: monograph, metastructure, corpus, corpus-oriented discourse analysis, semantic accent

М.В. Мишукова (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
cameliemimika@gmail.com

ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ АТРИБУТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА, ОПИСЫВАЮЩИХ КОНЦЕПТ «ПРИРОДА»

В статье приводится описание концепта ПРИРОДА в японской культуре, рассматриваются работы касательно особенностей восприятия природы в японской культуре, а также приводятся результаты анализа атрибутов, связанных с концептом ПРИРОДА, с целью более подробно изучить особенности восприятия природы.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, корпус, японский язык, природа

Изучение сложившихся в культуре концептов и их отражения языке не теряет актуальности и по сей день, а изучение описаний, например, выраженных атрибутами или атрибутивными конструкциями, позволяет сформировать более точное представление о концепте. При исследовании атрибутов наиболее актуально использовать корпусный анализ, который в последнее время становится все более распространенным видом лингвистического анализа [Сулейманова 2022]. Выбор корпусного анализа обусловливается возможностью как можно точнее настраивать запрос, что крайне важно для анализа атрибутов и атрибутивных структур [Петрова 2020]. В рамках анализа лексем на японском языке уточнение порядка и формы лексемы представляется крайне необходимым в связи с особенностями строения языка.

Многие ученые, изучавшие природные явления в японском языке, отмечают много уникальных для японского языка аспектов, таких, как наличие большого количества лексем, относящихся к категориям «вода» или «ветер» [Алпатов 2008: 71-72]. Самой «природе» как явлению в японской культуре внимание уделяют в основном японские исследователи, однако большее внимание уделяется изучению восприятия природы японцами с точки зрения вовлеченности природы в жизнь японцев [Ватанабэ 2001]. В изучении этого явления заключается актуальность нашего исследования. Задача исследования: проанализировать семантическую и когнитивную составляющие атрибутов и атрибутивных конструкций, описывающих концепт ПРИРОДА.

В качестве определения концепта ПРИРОДА в японском языке нами было определено слово 自然 *сидзэн*, которому даются следующие определения:

- 1) исходное состояние, на которое не оказал влияние человек;
- 2) общее понятие для всего сущего:
 - а) все существующие отдельно от человека объекты во вселенной;
 - б) весь мир, включающий человека; физический мир [Ёсино, 2009].

Необходимо отметить, что само понятие «природа» как явление в японской культуре исторически развивалось под влиянием западной культуры. М. Ватанабэ отмечает, что «в культурах стран Запада природа противопоставляется человеку; в японской культуре считается, что человек един с природой» [Ватанабэ 2001: 33]. Некоторые словари современного японского языка описывают особенность восприятия природы японцами как сочетание восприятий природы как объекта духовного и сознательного познания (что присуще западным философам и ученым) и природы как естественного состояния (что присуще восточным странам и Японии) [Майпэдия, цит. по: Котобанку 2005]. Последнее подтверждается и анализом употребления слова *сидзэн* в исторических памятниках японского языка – в корпусе 日本語歴史コーパス («Исторический корпус японского языка») ранние употребления данного слова имеют первое значение и выступают скорее определением со значением «естественный», «натуральный».

В ходе исследования атрибутов, использующихся для описания концепта «природа», был проведен анализ с помощью корпуса. Для анализа атрибутов в японском языке нами был выбран корпусный менеджер NINJAL-LWP (NINJAL-LagoWordProfiler) для корпуса BCCWJ (Balance Corpus of Contemporary Written Japanese), разработанный Национальным институтом японского языка (国立国語研究所) и Языковым институтом Lago (Lago言語研究所).

Атрибутами в японском языке могут выступать глаголы в определительной позиции и образованные с их помощью глагольные словосочетания, предикативные и непредикативные прилагательные в определительной позиции (последнее в данной позиции требует после себя послелог ず *на*), а также имена (с использованием послелога の *но* или без него как часть сцепления) [Алпатов и др. 2008: 61-64]. Анализ сочетаемости лексемы показал следующие результаты (см. Табл.).

Таблица. Сочетаемость лексемы *sidzen*

Сочетание	Частотность
Имя + の + 自然	905
Имя + 自然	659
Непредикативные прилагательные + 自然	584
Глагол в простой форме + 自然	479
Глагол в форме прош. вр. + 自然	341
Предикативные прилагательные + 自然	230

Источник: корпус BCCWJ.

1. В самой частотной категории, имя с последующим послелогом *no* (1), представлены обозначения места, характера и даже количества, с большим кол-вом совпадений в первой категории:

地域の自然を調べよう *chiiki no shizen o shirabe-yo* (регион GEN природа ACC ознакомиться-HOR) ‘Давайте ознакомимся с природой регионов (Японии)’.

2. Среди атрибутов, выраженных именем без дополнительных союзов (2), были выявлены похожие результаты.

3. Атрибуты, выраженные непредикативными прилагательными (3), больше всего используются для передачи оценки и размера, однако встречаются и некоторые обозначения места:

豊かな自然を守る *yutaka-na shizen o tamo-ru* (обильный ATR природа ACC защитить-PRS) ‘Защитим пышную зеленую природу’.

4. Атрибуты, выраженные глаголами в настоящем-будущем (4) и прошедшем (5) времени, представляют собой сложные глагольные словосочетания, которые используются для описания характеристики или места:

恵まれた自然はいのちの泉である *megu-mareta shizen wa inochi no izumi de ar-u* (благословлять-PASS-PAST природа TOP жизни GEN источник COP.CNV AUX-PRS) ‘Богатая природа – источник жизни’.

5. Среди предикативных прилагательных (6) больше всего выражены прилагательные оценки:

美しい自然を未来に残そう！ *utsukushi-i shizen o mirai ni noko-so* (красивый-PRS природа ACC будущее DAT оставить-HOR) ‘Оставим красивую природу для будущего!’

Примечательно, что для обозначения размера существует несколько непредикативных прилагательных, в то время как среди предикативных прилагательных встречаются лишь две антонимичные единицы – «большой» и «маленький». Это обусловлено наличием в японском языке большого количества лексем китайского происхождения, которые являются непредикативными прилагательными. Разнообразие описательных средств позволяет сделать описание природы более точным.

Итак, в ходе исследования атрибутов для описания концепта ПРИРОДА нами был проведен анализ атрибутов и атрибутивных конструкций, встречающихся с лексемой *sidzen*. В рамках японской культуры концепт ПРИРОДА воспринимается как нечто естественное, не тронутое человеком, что отражается в

определениях, представленных в нескольких словарях, а также подтверждается японскими учеными. Исследование сочетаемости атрибутов со словом *сидзэн* показывает, что в основном эта лексема используется с локативными или описательными атрибутами, где во втором случае превалирует характеристика природы или описание ее размера; частое использование непредикативных прилагательных в описании размера еще раз доказывает, что для описания природы используются дополнительные характеристики, которые идут рука об руку с понятиями об необъятности и неподконтрольности природы человеку. Большое количество отглагольных предложений в атрибутах говорит о том, что для более подробного описания природы используются расширенные предложения, которые включают природные явления и их описания, в связи с чем мы видим возможным в дальнейшем произвести более подробный анализ атрибутов слова *сидзэн* для определения наиболее часто встречающихся природных явлений, а также рассмотреть все отмеченные учеными распространенные в японском языке понятия, связанные с концептом ПРИРОДА – погодные и природные явления, а также лексику, связанную со сменами сезона.

Литература

Алтаев В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. М.: Наталис, 2008.

Алтаев В.М. Япония: язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008.

Ватанабэ М. Транскрипт лекции *Токубэцу ко: эн Нихондзин-но сидзэнкан сэйе: -то-но хикаку* «Специальная лекция: Японский взгляд на природу (в сравнении с западом)» // *Дзинбун сякай кагаку энкюдзе нэнпо* «Сборник исследований в гуманитарной области за год». Ин-т *Кэйва Гакуэн*, 2001 г. С. 11-34. URL: <https://iss.ndl.go.jp/books/R100000002-I000007375558-00>.

Сулейманова О.А. Методика лингвистического исследования как актуальный раздел современной научной публикации // *Вестник МГПУ. Серия: филология. Теория языка. Языковое образование*. 2022. № 4 (48). С. 88–101.

Ёсино Т. Материалы лекции по предмету *Сидзэн-но кагаку-тэки киси* «Основа химии природы», раздел *Сидзэн-то-ва нани ка?* «Что такое природа?» // *International Christian University (ICU)*, 2009 г. URL: <https://subsites.icu.ac.jp/people/yoshino/nature.html>.

Петрова И.М. Механизм когнитивного фокусирования (на примере реляторных структур русского и английского языков). М.: Языки народов мира, 2020.

Электронная библиотека словарей *Котобанку* «Банк слов»; статья *сидзэн* «природа». URL: <https://kotobank.jp/word/%E8%87%AA%E7%84%B6-74616>.

NINJAL-LWP for BCCWJ. URL: <https://nlb.ninjal.ac.jp/search>.

Margarita V. Mishukova (Moscow, Russia)
Moscow City University

RESEARCH ON COGNITIVE COMPONENT OF ATTRIBUTE STRUCTURES USED TO DESCRIBE THE CONCEPT OF “NATURE” IN JAPANESE LANGUAGE

This article contains descriptions of concept of NATURE in Japanese culture, examines works on the topic of unique Japanese perception of nature, as well as the details of the research on attributes which are used to describe “nature” which was done in order to further study perception of nature in Japanese culture.

Key words: cognitive linguistics, concept, corpus, Japanese language, nature

СПЕЦИФИКА САМОКРИТИКИ ВО ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ ГЕРОЕВ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

В статье рассматривается специфика паттернов самокритики в изображенной внутренней речи героев с расстройствами аутистического спектра. Предпринимается попытка междисциплинарного подхода к изучению феномена самокритики, сочетающего лингвистический и психологический аспекты.

Ключевые слова: самокритика, саморефлексия, метакогниция, внутренняя речь, расстройства аутистического спектра (РАС)

Изучение аутизма и его проявлений началось еще в прошлом веке, однако в связи с разнообразными манифестациями когнитивных и языковых нарушений целостной картины данного психологического расстройства не было сформировано. Расстройства аутистического спектра (РАС) представляют собой комплексные, мультифакториальные состояния развития нервной системы [Cruijsen, Woer 2021: 350-351], характеризующиеся трудностями в социальном взаимодействии и коммуникации, узким кругом интересов, а также повторяющимся стереотипным поведением [Murtagy et al. 2005].

Существует множество исследований, посвященных внутренней речи и самокритике, тем не менее отмечается заметный пробел в изучении феномена самокритики во внутренней речи у индивидов, у которых был выявлен РАС. Основной целью данного исследования является изучение лингвокогнитивных аспектов самокритики во внутренней речи аутичных персонажей в романах, написанных авторами-нейродивергентами. Такие произведения предоставляют уникальную возможность понять, как индивиды с расстройствами аутистического спектра анализируют информацию, управляют внутренними состояниями и конструируют внутренние монологи, которые могут заметно отличаться от монологов нейротипичных людей из-за различных когнитивных и коммуникативных паттернов.

Материалом для исследования послужили произведения английской писательницы Х. Смейл (7 наименований), у которой было диагностировано нарушение нервного развития в 39 лет. Эмпирическую базу исследования составляют фрагменты текста из внутренней речи персонажей, отобранные методом сплошной выборки, в которых субъект и объект, выражающий отрицательную оценку, совпадают.

Внутренняя речь (далее – ВР) играет ключевую роль в коммуникативных и когнитивных процессах, выполняя такие функции, как саморегуляция и саморефлексия, а также участвует в планировании и решении проблем [Вьготский 1999; Carruthers 2002]. Она позволяет людям оценивать поступки, характер, внешность, корректировать свое поведение в соответствии с принятыми нор-

мами, отрабатывать способы социального взаимодействия и формулировать личные убеждения. Первые исследования форм и функций ВР у людей с расстройствами аутистического спектра выявили ее отсутствие или сниженное использование, однако результаты более современных экспериментов указывают на то, что ВР имеет не вербальное представление, а связана с визуальными образами [Bled et al. 2021; Sahuoun et al. 2010]. Существует также ряд исследований, направленных на изучение использования ВР при выполнении задач, которые не выявили различий в использовании ВР между аутичными и нейротипичными детьми [Mulvihill et al. 2020]. Представленное варьирование результатов может быть связано с различными проявлениями РАС, возрастным, гендерным факторами, а также с индивидуальными особенностями испытуемых.

Исследование ориентировано на анализ самокритики во ВР в художественных произведениях, вследствие чего более корректно будет использовать термин изображенная внутренняя речь (ИзВР). Стоит отметить, что ИзВР может рассматриваться как аналог естественной ВР, поскольку писатели стремятся воссоздать речь своих персонажей как можно более реалистично, чтобы сделать ее похожей на естественную речь.

Анализ фактического материала, а также предыдущие исследования позволяют утверждать, что ИзВР героев с РАС в сопоставлении с ИзВР нейротипичных героев характеризуется более частым использованием самокритических высказываний, интенсивностью отрицательной оценки, руминацией в связи с высокой чувствительностью к негативной оценке. Представляется возможным выделить следующие типичные паттерны самокритики в ИзВР:

- **чрезмерная неуверенность, сниженная самооценка** («*Why didn't I just keep walking? What's wrong with me? Other than a gold face and an entire lack of survival instinct, obviously*» [Smale 2015: 235]);
- **частотное использование сравнений** («*like a plastic horse on a merry-go-round*» [Smale 2023: 41], «*I'm like a caterpillar that's gone back to being an egg, or an unemployed Cinderella without even a hearth to scrub*» [Smale 2015: 159]);
- **частые противопоставления другим людям** («*Will is a handsome thirty-four-year-old man with a serious, nearly-got-married relationship under his belt; I'm still collecting our used cinema tickets and keeping count of exactly how many dates we've been on*» [Smale 2023: 20]);
- **интернализованная критика** («*<...> and I massively overreacted. (Cassandra has an unpleasant tendency to catastrophize)*» [там же: 22]);
- **гиперболическая негативная реакция на неудачи, ошибки** («*Oh God Oh God Oh God Oh God Oh God Oh God ... How could I have just left her? How could I have been so distracted by my Elizabethan ambitions that I let a bunch of strangers walk off with the person in the entire world I love most? I am the worst big sister ever*» [Smale 2016: 166]);
- **самобичевание** («*Unless... Unless I'm just reading things wrong again. Unless I'm taking all the clues and piecing them together incorrectly, like a jigsaw rammed together by an impatient child: a nose where an eye should be, a tail on a forehead, a table in the sky. It doesn't make sense because it's not supposed to*» [Smale

2023 : 141])).

Рассмотрим характерные особенности самокритических суждений в ИзВР в нескольких коммуникативных ситуациях.

«I was so busy focusing on what was going on inside my head that I completely forgot to notice anything around me. I wish I could say that's unusual, but it's really, really not».

В приведенном фрагменте главная героиня критикует себя за то, что в очередной раз не обратила внимание на окружающую обстановку и не заметила явных изменений. Самокритика реализуется при помощи отрицательно-оценочных лексем «*busy*» и «*forgot*», а также посредством сослагательного наклонения «*I wish I could...*». Используемые наречия «*so*», «*completely*» и лексический повтор «*really, really*» направлены на интенсификацию отрицательной оценки. Обращает на себя внимание глагольное словосочетание «*forgot to notice*» свидетельствующее о том, что девушка прилагает усилия для концентрации на внешнем мире. Погружение во внутренний мир, сосредоточенность на внутренних переживаниях, затмевающая внешние стимулы, является характерным признаком аутизма. Данная коммуникативная ситуация отражает осведомленность героини о ее особенностях, однако становится очевидным, что девушка не способна контролировать себя.

«I hesitate, studying him carefully. His colors and his words and his face don't match, and it's incredibly confusing. Last time he said I was reading it all wrong, taking it the wrong way, and I do it so often – destroy so many relationships, romantic and otherwise – that I believed him. I'm still not sure, it's all very confusing...» [Smale 2023: 137].

Этот фрагмент иллюстрирует замешательство и неуверенность героини в правильности определения эмоций и намерений ее знакомого. Представляет особый интерес высказывание «*His colors and his words and his face don't match*», которое служит примером проявления такого нейрологического феномена, как синестезия. В данном случае синестезия проявляется в интерпретации эмоций при помощи цвета. Девушка ожидает, что цвета, которые она видит, будут соответствовать слуховому вводу (произнесенным словам мужчины) и визуальному вводу (эмоциям мужчины), однако этого не происходит, что приводит ее в замешательство. Такие фразы, как «*I hesitate, studying him carefully*», «*it's incredibly confusing*», «*I'm not sure, it's all very confusing*» свидетельствуют о внутреннем конфликте, произошедшем из-за несоответствия сенсорной реакции и стимула. Немаловажную роль в усугублении конфликта играет интернализированная критика: «*he said I was reading it all wrong, taking it the wrong way*». Причина, по которой героиня полагается на мнение своего знакомого, кроется в том, что люди с РАС менее склонны доверять своим собственным представлениям, вместо этого считая, что другие люди могут оценить ситуацию лучше, чем они сами [Schriber et al. 2014]. Таким образом, можно утверждать, что интернализированная критика отрицательно влияет на индивидов с РАС, приводя к снижению самооценки и заставляя подвергать сомнению корректность самовосприятия.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что проявление самокритики во внутренней речи напрямую связано с изменением психоэмоционального фона индивида и зачастую сопровождается негативными эмоциональными состояниями. Изучение самокритики в ИзВР героев с РАС через призму когнитивной лингвистики подчеркивает сложную взаимосвязь между языком, познанием и идентичностью, а также наглядно демонстрирует, что исследования в этой области способствуют более глубокому пониманию переживаний и вызовов, с которыми сталкиваются лица с РАС в их интраперсональной и интерперсональной коммуникации. В настоящее время исследования, направленные на изучение форм и проявлений РАС у детей и взрослых, а также влияния аутизма на различные сферы деятельности, проводятся преимущественно в области психологии, психиатрии, нейролингвистики и педагогики. Однако не подлежит сомнению тот факт, что лингвистический анализ может пролить свет на сложное взаимодействие между языком, когнитивными способностями и представлением аутизма в литературе, способствуя более глубокому пониманию нейроразнообразия в художественной литературе.

Литература

- Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999.
- Bled C., Guillo, Q., Soulieres I., Bouvet L.* Thinking in pictures in everyday life situations among autistic adults. PLoS One. 2021. 16 (7), e0255039.
- Carruthers P.* The cognitive functions of language // Behavioral and Brain Sciences. 2002. No. 25 (6). Pp. 657-674.
- Crujisen R. van der, Boyer B.E.* Explicit and implicit self-esteem in youth with autism spectrum disorders // Autism. 2021. 25 (2). Pp. 349-360.
- Mulvihill A., Carroll A., Dux P.E., Matthews N.* Selfdirected speech and self-regulation in childhood neurodevelopmental disorders: Current findings and future directions // Development and Psychopathology. 2020. 32 (1). Pp. 205-217.
- Murray D., Lesser M., Lawson W.* Attention, monotropism and the diagnostic criteria for autism // Autism 2005. 9. Pp. 139-156.
- Sahyoun C., Belliveau J.W., Mody M.* White matter integrity and pictorial reasoning in high-functioning children with autism // Brain and Cognition. 2010. 73 (3). Pp. 180-188.
- Schriber R.A., Robins R.W., Solomon M.* Personality and self-insight in individuals with autism spectrum disorder // Journal of Personality and Social Psychology. 2014. 106 (1). Pp. 112-130.
- Smale H.* Geek Girl e-Books 1-3 Collection. London: HarperCollins, 2015.
- Smale H.* Head Over Heels. London: HarperCollins, 2016.
- Smale H.* The Cassandra in Complex. London: Penguin, 2023.

Natalia D. Novikova (Nizhny Novgorod, Russia)
Nizhny Novgorod State Linguistics University

THE SPECIFICS OF SELF-CRITICISM IN THE INTERNAL SPEECH OF CHARACTERS WITH AUTISM SPECTRUM DISORDERS

The article examines the specifics of self-criticism patterns in the depicted inner speech of characters with autism spectrum disorders. An attempt is made to take an interdisciplinary approach to the study of the phenomenon of self-criticism, combining linguistic and psychological aspects.

Key words: self-criticism, self-reflection, metacognition, inner speech, autism spectrum disorders (ASD)

«ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ДИСТРИБУЦИЯ» КАК ФАКТОР КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ КОНФЛИКТНОСТИ

Предлагается понимание терминопонятия «ономастическая дистрибуция», рассматривается конструктор дистрибуции – правописание антропонима с нарушением нормативно-орфографического аспекта в сетевом сообщении как показатель фактора конфликтности. Утверждается, что интерпретация семантики фамилий, используемых в электронных сообщениях, может определяться когнитивными механизмами формирования смысла.

Ключевые слова: когнитивная ономастика, ономастическая дистрибуция, конфликтность

Знания об именах собственных, или ономастические знания, которые объективируются языковыми знаками, имеет носитель любого языка. Ономастические знания существуют в языковом сознании как отдельной личности, так и целого коллектива. Этот человеческий фактор становится главенствующим при исследовании онимов с позиций антропоцентризма и когнитивизма.

«Современный антропоцентризм, несомненно, дал новый стимул для изучения собственных имен» [Матвеев 2008: 134]. И этим стимулом стало развитие когнитивной ономастики, о чем свидетельствует первая хрестоматия по когнитивной ономастике, опубликованная в 2016 г. [Васильева 2017: 210-221].

«Терминология современной ономастики обладает рядом особенностей, которые во многом определяют ее облик» [Васильева 2023: 27]. Этот облик формируют ономастические термины и понятия, которые являются не только частью лингвистической терминологии, отраженной в наименованиях денотативных объектов, которые широко представлены в двух изданиях «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской, но и частью когнитивной терминологии.

Поскольку имена собственные – это определенный способ концептуализации мироздания, отражение определенного способа «кодировки» мира, а основные параметры ономастической концептуальной и языковой картин мира носителей любого языка иллюстрируют процессы номинации онимов, вовлекающие многочисленные элементы картины мира, то фиксация метаязыка ономастики получает свое отражение в когнитивной терминологической сфере, и, как правило, с использованием прилагательного «ономастический», например, «ономастический концепт», «ономастическая категоризация», «ономастическая категория», «ономастический знак», «ономастическая репрезентация», которые являются терминами для способов описания ономастических фактов [Щербак 2013]. В области изучения имен собственных активно используются термин «когнитивный» («когнитивный топоним», «когнитивная топонимика») [Мартыненко 2023], когнитивные механизмы, например, механизм выделенности [Робустрова 2023], рассматриваются когнитивные структуры организации имен собственных во всей их совокупности, так как они являются организованным ономастическим фрагментом языковой картины мира.

Функционирование языка в новой коммуникативной реальности (сетевая коммуникация, медиатексты) и осмысление имен собственных в когнитивном аспекте может способствовать появлению нового терминопонятия «ономастическая дистрибуция».

Традиционно под термином «дистрибуция» понимается микроконтекст (окружение слова слева и справа). В когнитивном аспекте понимание дистрибуции расширяется за счет осмысления функционально-смысловой нагрузки ономалексемы. В понятие «ономастическая дистрибуция» входит не только вербальное окружение имени собственного, но и расширительное его понимание: окружение имени собственного слева / справа, контекст сообщения, ситуация, т. е. широкие фоновые знания (событие, ассоциация, национальная культура, стилистический параметр и другие показатели). Иными словами, терминопонятие «ономастическая дистрибуция» отражает ту коммуникативную ситуацию, в которой имя собственное было реализовано и в которой проявилось, закрепилось и расширилось его концептуальное содержание. При этом когнитивный механизм фокусирования формирует смысл понимания ономастического объекта.

Один из возможных конструкторов ономастической дистрибуции, скажем, в электронной коммуникации находит отражение в орфографии, когда можно наблюдать отсутствие прописной графемы в имени собственном, например, в публичном сообщении, размещенном в сети Интернет, если речь идет о человеке в третьем лице. «Нормонарушающий характер общения всегда связан с риском провоцирования конфликтных языковых ситуаций» [Болдырев 2023: 21-22].

Так, в случае написания фамилии «иванов» отражается намеренная маркированность строчной буквы в фамилии, которая, как правило, предваряет событийную (фактологическую, фактуальную) информацию сообщения, относящуюся к человеку, который является субъектом коммуникативной установки (замысла) адресанта. Подобное написание предполагает явное использование эмоционально-экспрессивной оценки с целью создания конфликтной ситуации.

Написание фамилии «иванов» с нарушением нормативно-орфографического аспекта используется адресантом как стилистический прием и эксплицитно задает тональность конфликтного содержания всему тексту, поскольку отражает определенное отношение адресанта к субъекту речи. При этом значительная часть информации остается «за кадром», т. е. имплицитно формирует семантику высказывания и подтекст.

В лингвистике для подобных явлений используется термин «пресуппозиция» как необходимое условие существования речевого акта, поскольку таким образом автор текста говорит не только то, о чем не хотел сказать прямо, но и то, что вообще не может быть полно и точно выражено эксплицитно – делает публично известной личную неприязнь адресанта к Иванову, отражает субъективное оценочное мнение о человеке по фамилии Иванов и активизирует негативную эмоцию языком – выдвигается уничижение (унижение, признание Иванова ничтожным). Коммуникативное намерение автора текста (интенция) – передать этот негативный смысл адресату, массовому читателю. Из этого следует, что дистрибуция антропонима выкристалливывает свой коммуникативный смысл. Ср:

Наполеон (но наполеончик).

Таким образом, дистрибуция антропонима «иванов» отражает конфликтность, в то время как бесконфликтность «любого вида языковой коммуникации обусловлена ее непосредственной соотнесенностью с нормой как в плане ее структуры и содержания, так и с точки зрения ее организации и оформления» [Болдырев 2023: 21].

Конфликтный характер языковой коммуникации находит отражение в когнитивном механизме фокусировании и языковом механизме – правописание антрополексемы. Ономастическая дистрибуция в нашем случае отражает показатели, которые служат фактором установления конфликтности между адресантом сообщения и адресатом, а именно:

- 1) нарушено нормативное использование правил орфографии антропонима в письменной речи в сети Интернет;
- 2) сфокусировано внимание адресанта на одном объекте высказывания;
- 3) нацелено на негативную оценочную характеристику носителя фамилии Иванов.

Литература

Болдырев Н.Н. Учет коллективного и индивидуального знания в бесконфликтной языковой коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2023. Ч. 1. С. 21-26.

Васильева Н.В. Когнитивная ономастика: взгляд из Европы. Рец. на кн.: *Cognitive Onomastics: A Reader* / ed.by S. Brendler. Hamburg: Baat, 2016 // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3. С. 210-221.

Васильева Н.В. Метафорические термины в метаязыке ономастики // Ономастика Поволжья / под ред. И.Н. Хрусталева, В.И. Супруна. Рязань: Рязанский гос. ун-т, 2023.

Мартыненко И.А. Испаноязычная топонимия мира: лингвопрагматика и лингвогеография: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2023.

Матвеев А.К. Эволюционные процессы в ономастике // Вопросы ономастики. 2008. № 6. С. 130-136.

Робустрова В.В. Когнитивный механизм выделенности в топонимических прозвищах // Когнитивные исследования языка. 2023. Ч. 2. С. 200-204.

Щербак А.С. Базовые положения теории когнитивной ономастики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 14. С. 143-148.

Antonina S. Shcherbak (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

“ONOMASTIC DISTRIBUTION” AS A FACTOR CONCEPTUAL OF CONFLICT

An understanding of the term “onomastic distribution” is proposed, and the distribution construct is considered – the spelling of an anthroponym with a violation of the normative orthographic aspect in a network message as an indicator of the conflict factor. It is argued that the interpretation of the semantics of surnames used in electronic messages can be determined by cognitive mechanisms of meaning formation.

Key words: cognitive onomastics, onomastic distribution, conflict

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Н.Н. Балабас (Москва, Россия)

*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
balnani@mail.ru*

Д.С. Шмарев (Москва, Россия)

*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
tarsio2023@mail.ru*

ТЕЛЕСКОПИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Целью статьи является анализ случаев пополнения словаря посредством телескопных слов на материале французского и испанского языков. Исследование проведено в русле когнитивной лингвистики. Язык использует разные средства пополнения своего словарного состава. Телескопия является одним из способов, использующих внутренний потенциал языка, без обращения к внешним источникам.

Ключевые слова: пополнение словарного состава, когнитивный потенциал словаря, телескопия, телескопическая единица, внутренний источник развития словарного состава, метод лексико-семантического анализа

Целью статьи является исследование явления телескопии на материале аутентичной прессы. «Актуальная аутентичная пресса отражает те изменения в словарном составе, которые еще не зафиксированы словарем» [Балабас 2015: 55]. Использование методов лексико-семантического и контекстного анализа дает возможность не только понять механизм образования слов, созданных подобным способом, но и выявить особенности употребления подобных неологизмов.

Этот феномен в языке может быть объяснен законом наименьшего усилия и принципом экономии в языке, сформулированным А. Мартине, согласно которому человек стремится свести к минимуму свои физические и умственные усилия [Мартине 2004: 188-189]. Происходит пополнение словарного запаса не за счет заимствования, а употребления уже известных слов, но в новом, непривычном виде, что способствует привлечению внимания читателя и повышению образности представленной информации.

Лингвистический знак, не застывший элемент, ему присуща подвижность [Карцевский: URL], а его семантическая наполняемость может расширяться, при появлении нового значения.

Деривационной базой телескопных новообразований являются, в основном, многосложные существительные. Подобные слова встречаются как в прессе, художественной литературе, так и в разговорной речи, о чем свидетельствуют многочисленные примеры.

Телескопия – неоднозначное явление в языке, нет унифицированной терминологии для его обозначения. Слова, образованные при помощи телескопии, на-

зывают в русском языке телескопными словами, телескопами, контаминированными образованиями, *mots-valise* во французской терминологии [Балабас 2015: 2135]. Механизм образования телескопных слов представляет собой сложение двух усеченных основ, а именно, апокопы, сокращение конечных фонем, и афрезы, усечение начальных фонем. Происходит соединение семантики двух компонентов, претерпевших усечение. Само явление тоже не имеет единого названия, встречаются термины телескопия, контаминация лексических единиц, словосложение, словослияние, осложненное усечение.

Существуют разные мнения об этимологии происхождения данного явления. Одни считают, что впервые телескопные слова употребил Льюис Кэрролл в своем романе «Алиса в стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье». С тех пор это лингвистическое явление активно используется в разных языках, можно сказать, что Кэрролл запустил своеобразную игру слов, которая разошлась по миру. Сначала телескопные слова применялись исключительно в художественной литературе для игры слов и поэтической выразительности. Другие считают, что такой способ словообразования существует давно. В любом случае сейчас телескопные слова активно используются в прессе для сарказма, иронии или аллюзии, чтобы заинтересовать читателя и привлечь внимание к статье.

Необходимо отметить, что при образовании телескопных слов сокращение исходных слов, производится вне морфемного деления, т. е. произвольно.

Примеры телескопии во французском языке – **glamping** – **glamour** + **camping** (кемпинг класса люкс). Интересен тот факт, что теперь это слово используется и в русском языке.

Нередко к телескопным словам прибегают журналисты в политических статьях для проявления иронии и сарказма – **Merkozy** – **Merkel** + **Sarkozy** (политический тандем немецкого экс канцлера Ангелы Меркель и французского экс президента Николя Саркози).

За последние годы Французская Академия включила в словарь много слов, образованных при помощи телескопии и с каждым годом их количество возрастает, о чем свидетельствуют ежегодные списки новых слов и статьи с конкретными примерами, публикуемые в *Le Monde* на эту тему. Так, например, в 2020 г. вошли слова: **vlog** – **vidéo** + **blog** – видеоблог; **coronapiste** – **coronavirus** + **piste cyclable provisoire** – временная велодорожка в городе во время коронавируса.

В 2024 г. в словарь вошло слово **complosphère** – **complotiste** + **sphère** – сообщество, распространяющее на просторах Интернета заговорщицкие идеи. Интересен тот факт, что обычно телескопные слова образуются при усечении двух основ, но последние приведенные примеры, официально признанные как телескопные новообразования, образованы при усечении только одного слова, другое же используется полностью ввиду односложности использованной лексической единицы. Такие значения следуют из контекстного анализа текстов. Эти значения пока еще не зафиксированы словарями, хотя решение на их счет уже принято, но данные слова уверенно вошли в употребление, что показывает актуальная пресса.

Примеры из испанского языка, подтверждающие выявленные тенденции на материале французского языка: **electrolinera** – **electricidad** (электричество) +

gasolinera (бензоколонка) – станция для зарядки машин с электродвигателем), электрозаправка; **infoxicación** – **intoxicación** (отравление) + **información** (информация) – перенасыщение информацией, когнитивная перегруженность; **tranquiler** – **tranquilidad** (спокойствие) + **alquiler** (аренда) – спокойная аренда (ее оформляет третье лицо, специально для этого нанятое); **maravipendo** – **maravilloso** (чудесный) + **estupendo** (замечательный) – восхитительный; **digilosofia** – **digital** (цифровой) + **filosofia** (философия) – цифровая философия; **viejombre** – **viejo** (старый) + **hombre** (мужчина) – инфантильный мужчина или молодящийся пожилой человек (используются оба значения, в зависимости от контекста); **basuraleza** – **basura** (мусор) + **naturaleza** (природа) – загрязнение природы.

Телескопные слова являются излюбленным приемом в рекламе товаров, названии самих товаров или компаний в маркетинговых целях. Так, например, появились названия испанских продуктов: **yolado** – **yogur** (йогурт) + **helado** (мороженое) – коммерческое название товара – йогуртовое мороженое; **vitalinea** – **vital** (жизненная) + **linea** (линия) – виталиния – коммерческое название товара; **pastelicias** – **pasteles** (пирожные) + **delicias** (вкусности) – коммерческое название товара – вкусные (нежные) пирожные.

Телескопия используется и при названии компаний, например, **imaginación** – **imaginación** (воображение) + **acción** (действие) – включи воображение – консультационная компания в Чили.

Телескопные образования применяются в рекламе разных стран, так как кратко и информативно передают назначение товара или услуг, привлекают внимание потребителей необычным словом и запоминаются. Именно такие новообразования особенно сложны при переводе, требуют творческого подхода и могут значительно отличаться от исходного варианта.

Итак, в современном французском и испанском языках прослеживается устойчивая тенденция пополнения словарного состава телескопными новообразованиями. Проведенный лингвистический анализ свидетельствует об активном использовании подобных единиц в современной французской и испанской прессе, разговорном языке и позволяет сделать вывод о том, что телескопия является довольно продуктивным способом словообразования на данный момент.

Телескопия – источник пополнения словарного состава, свойственный европейским флективным языкам. Наличие телескопных неологизмов в языке свидетельствует о расширении когнитивного потенциала словаря. Тенденция к использованию телескопных новообразований прослеживается в разных языках и стремительно нарастает, о чем свидетельствует увеличение числа таких слов и частотность их употребления.

Этот способ относится к внутренним источникам развития словарного состава и объясняется подвижностью лингвистического знака и принципом экономии усилий в языке, т. е. создается новое слово, но для его образования используется уже известные слова, в усеченном, свернутом виде. Происходит своего рода семантическая компрессия. Для фиксации подобных слов в словаре нужно время. Неологизмы проходят проверку временем и рассматриваются Академиями наук соответствующих стран прежде чем стать частью официального словаря и быть

внесенными в него. Многие из них уже активно используются в разговорной речи и прессе. Важно помнить, что для понимания таких слов базовым является, как правило, последний компонент: он содержит основное значение, а предыдущее слово дополняет его значение. Данные слова представляют определенную сложность в их идентификации, что особенно затруднительно для людей, изучающих данные языки. Для понимания подобных новообразований и их достоверного перевода необходимо распознать базовые слова, подвергшиеся усечению.

Телескопные новообразования активно проникают в разные виды дискурса. Их назначение заключается в быстром привлечении внимания читателя или собеседника; они часто носят экспрессивно-стилистический характер, с оттенком аллюзии, юмора или даже сарказма. Исследуемый фактический материал убедительно показал, что телескопия в современных европейских языках становится одним из основных типов словообразования. Замечено большое количество употреблений телескопных единиц в рекламе, что представляется интересным направлением для продолжения исследования темы.

Литература

Балабас Н.Н. Тенденции развития словарного состава французского языка (на материале современной французской прессы) // В мире научных открытий. 2015. № 7-5 (67). С. 2125-2136.

Балабас Н.Н. Усечение как средство пополнения словарного состава французского языка (на материале современной французской прессы) // Вестник МГОУ. Серия: лингвистика. 2015. № 3. С. 54-60.

Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. URL: <https://uploads.philology.by/logo/ref/kartsevsky.pdf>.

Мартине А. Основы общей лингвистики. М.: УРСС, 2004.

Natalia N. Balabas (Moscow, Russia)
Plekhanov Russian University of Economics
Dmitry S. Shmarev (Moscow, Russia)
Plekhanov Russian University of Economics

TELESCOPING AS A TREND OF MODERN WORD FORMATION

The purpose of this article is to analyze the cases of replenishment of the dictionary by means of telescopic words on the material of the French and Spanish languages. The study is carried out in the context of cognitive linguistics. The language uses different means of enriching its vocabulary. Telescoping is one of the ways that uses the internal potential of the language, without recourse to external sources.

Key words: vocabulary replenishment, cognitive potential of the dictionary, telescoping, telescopic unit, an internal source of vocabulary development, method of lexical and semantic analysis

РАСШИРЕНИЕ КОГНИТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА СЛОВА

Целью исследования является выявление и анализ случаев расширения когнитивного потенциала слова на материале французского и испанского языков. Исследование проведено в русле когнитивной лингвистики, относящейся к современным направлениям науки. Фонд словарного состава языка постоянно обогащается. Язык ищет разные пути пополнения своего словарного состава. Расширение когнитивного потенциала слова является одним из способов, использующих внутренний потенциал языка. Глобальные мировые процессы заставляют страны задуматься о сохранении своей культурной и языковой идентичности. Расширение когнитивного потенциала слова позволяет пополнить словарный состав языка без обращения к внешним источникам.

Ключевые слова: пополнение словарного запаса языка, подвижность лингвистического знака, когнитивный потенциал слова, приращение объема слова, внутренний источник развития словарного состава, метод лексико-семантического анализа, метод контекстного анализа

Целью статьи является изучение процессов семантической неологии, а именно, изменения объема слова. Использование методов лексико-семантического и контекстного анализа позволили не только установить интересные случаи неологизмов, но и понять механизм их образования, что позволило прийти к выводам об обоснованности происходящих в языке процессов. Язык претерпевает регулярные изменения, что неизбежно находит отражение в словаре [Балабас 2015: 2125; Балабас 2015: 54]. Постоянно развиваясь, он использует разные способы пополнения своего словарного запаса. В художественной литературе и в прессе встречаются все чаще и чаще случаи, когда слова, ставшие уже привычными, приобретают новый смысл благодаря контексту, который раскрывает и расширяет когнитивный потенциал слов. Это явление может быть объяснено законом наименьшего усилия и принципом экономии в языке. Человек всегда ищет возможности «свести к минимуму свои умственные и физические усилия... расстрачивает свои силы лишь в той степени, в какой это необходимо для достижения определенной цели» [Мартине 2004: 188-189]. Таким образом происходит пополнение словарного запаса не за счет заимствования или создания новых слов, а употребления уже известных слов в новом, непривычном контексте, что благоприятствует привлечению внимания читателя и способствует повышению образности представленной информации.

Природе лингвистического знака свойственна подвижность, т. е. он не является застывшим элементом, а его семантическая наполняемость может сужаться, если значение устарело и вышло из употребления или расширяться, если появилось новое значение. Подвижность лингвистического знака заключается в изменении его семантического объема. Слово в контексте может раскрывать свой когнитивный потенциал, что сказывается на изменении его объема, его приращении.

Существуют различные способы раскрытия когнитивного потенциала слова. **Контекстуальный способ** позволяет приобретать слову новое значение

за счет контекстуальных связей. Выявить данные случаи позволяет метод контекстного анализа. Например, в одном из отрывков романа В. Гюго «Собор парижской богоматери» описывается танец Эсмеральды и восхищение толпы, наблюдавшей за этим зрелищем. «Dans son corsage d'or, sa robe bariolée avec ses épaules nues, ses jambes fines, ses cheveux noirs, ses yeux de flamme, **c'était** une surnaturelle créature». (она **казалась** сверхъестественным созданием). В оригинале употреблен глагол быть, но она не являлась сверхъестественным существом, а лишь казалось таковой в танце. В словаре в перечислении значений слова «être» нет значения казаться, но контекстуально это значение подходит к данной ситуации идеально, т. е. слово «être» приобретает дополнительное значение, происходит раскрытие когнитивного потенциала слова.

В испанском языке глагол **tensar** имеет значение напрягать, однако в последнее время замечено использование словосочетание **zona tensionada** для обозначения района, где резко возросла аренда квартир. Такое значение вытекает из контекстного анализа текстов. Это значение не зафиксировано на данный момент словарями, но данное словосочетание прочно вошло в употребление, что показывает актуальная пресса.

Переосмысление значения устаревшего слова. Для этого используются историзмы, слова, которые обозначают названия исчезнувших явлений и предметов. Такие слова относят к пассивному словарю. Они являются своего рода маркерами эпохи, используются только при описании этого времени, соответственно, используются крайне редко в современном языке. Их можно сравнить со спящим вулканом. Может наступить его пробуждение и об этом слове вспомнят и вновь начнут упоминать, но уже в другом значении. Снова срабатывает закон наименьшего усилия и принцип экономии в языке А. Мартине и закон С.И. Карцевского «об асимметричном дуализме языкового знака». Знак способен приспособиться к конкретной ситуации и частично измениться. Омнимичный ряд является открытой системой, так как сложно предвидеть, куда может этот знак привести игра ассоциаций [Карцевский: URL]. Не образуется новое слово, используется старое, внешний вид вулкана, т. е. написание и звучание слова, а вот значение, смысл, получает уже другое. Происходит расширение когнитивного потенциала слова. Например, слово, вошедшее во французский словарь в своем новом значении в 2024 г.: **disquette** – 1. un support de plastique sur lequel on stockait des données informatiques – историзм; 2. une formule de drague un peu lourd – неологизм, новое значение – грубая лесть с целью обольщения.

Этот способ пополнения словаря присущ разным языкам и прослеживается как общая тенденция. Так, **azafata** в современном испанском языке обозначает **бортпроводницу**; раньше так называли придворную даму, которая отвечала за одежду и украшения королевы, камеристку. Нынче слово используется не только для обозначения стюардесс в самолете, на корабле, но проводниц в любом виде сухопутного транспорта, в поезде или автобусе и даже девушек, которые обслуживают участников на конференциях, симпозиумах и подобных мероприятиях, разносящих разные закуски, воду и т. п. Это слово происходит от **azafate**, сейчас

– **плоская корзинка**, раньше – большой поднос с украшениями, с которым придворная дама стояла возле королевы, во время ее церемонии одевания, позднее оно обозначало шкатулку для украшений. В XVI в. это слово вошло в испанский язык из арабского, где обозначало маленькую плетенную корзинку. Сейчас в Чили до сих пор сохраняется значение «большое блюдо, поднос». **Coche** – машина, автомобиль, в последнее время в языке молодежи обозначает **дискотека**. Слово **ordenador** сейчас в испанском языке означает компьютер, но еще в середине XIX в., согласно академическому словарю того времени, означало «тот, кто отдает приказы» или «тот, кто распоряжается», «распорядитель» и образовалось от слова «ordenar» – приказывать, командовать. **Bombilla** – **электрическая лампочка**, раньше имело значение «трубочка для напитков». Сегодня такое значение сохраняется в Латинской Америке, «тонкая трубка для питья мате». **Semaforo** – **светофор**, до последней четверти XIX в. так называлась разновидность светлячков. В значении **семафор** (морское) зафиксировано в 1884 г., а в современном значении включено в словарь в 1970 г. **Servidor** – раньше означало **слуга**, а также в значении «**ваш покорный слуга**», «**к вашим услугам**» – заключительная формула в письме, сегодня – **сервер**. **Coche** – раньше означало **экипаж**, теперь – **автомобиль**.

Итак, одним из развивающихся способов пополнения словарного состава языка является расширение когнитивного потенциала слова, который раскрывается в контексте и, таким образом, происходит приращение объема слова. Этот способ относится к внутренним источникам развития словарного состава и объясняется подвижностью лингвистического знака и принципом экономии усилий в языке, т. е. не создается новое слово, а используется уже известное, но объем значений слова увеличивается. Когнитивный потенциал слова раскрывается за счет контекста.

Другим внутренним источником развития словарного состава является переосмысление значения устаревшего слова, когда предмет или явление перестают быть актуальными и превращаются в историзмы, а с течением времени это же слово начинают употреблять, но уже в другом значении, т. е. сохраняется лишь внешний вид слова, но оно приобретает новое актуальное значение.

Описанные в статье механизмы пополнения словарного состава. контекстуальный способ и переосмысление значения устаревшего слова, свидетельствуют о расширении когнитивного потенциала слова. Тенденция к использованию таких механизмов прослеживается в разных языках.

Литература

Балабас Н.Н. Тенденции развития словарного состава французского языка (на материале современной французской прессы) // В мире научных открытий. 2015. № 7-5 (67). С. 2125-2136.

Балабас Н.Н. Усечение как средство пополнения словарного состава французского языка (на материале современной французской прессы) // Вестник МГОУ. Серия: лингвистика. 2015. № 3. С. 54-60.

Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. URL: <https://urloads.philology.by/logo/ref/kartsevsky.pdf>.

Мартине А. Основы общей лингвистики. М.: УРСС, 2004.

*Natalia N. Balabas (Moscow, Russia)
Plekhanov Russian University of Economics*

EXPANDING THE COGNITIVE POTENTIAL OF THE WORD

The purpose of the study is to identify and analyze cases of expanding the cognitive potential of a word based on the material of the French and Spanish languages. The study is carried out in line with cognitive linguistics, which is related to modern areas of science. The vocabulary of the language is constantly being enriched. The language is looking for different ways to enrich its vocabulary. Expanding the cognitive potential of a word is one way to use the intrinsic potential of language. Global world processes are forcing countries to think about preserving their cultural and linguistic identity. Expanding the cognitive potential of a word allows you to replenish the vocabulary of the language without resorting to external sources.

Key words: replenishment of the vocabulary of the language, mobility of the linguistic sign, cognitive potential of the word, increment of the volume of the word, internal source of vocabulary development, method of lexical and semantic analysis, method of contextual analysis

*С.Э. Гусева (Краснодар, Россия)
Кубанский государственный университет
konsyelo1986@gmail.com*

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В КОМПЬЮТЕРНОМ ДИСКУРСЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена анализу единиц англоязычного компьютерного дискурса с точки зрения функционирования в них метафорических номинаций. Материал исследования был отобран методом целевой выборки из лексикографических электронных источников. Метафорические неологические номинации были разделены с точки зрения их образования.

Ключевые слова: информационные технологии, неологизм, метафора, компьютерный дискурс, заимствование

Ввиду технологического прогресса в последние годы планомерно растет число углубленных исследований, направленных на изучение способов и принципов формирования новых слов в информационных технологиях. Учитывая свой всеобъемлющий характер, компьютерный дискурс в значительной мере обособлен в своих характеристиках от всех остальных дискурсивных подвидов. В результате изучения компьютерного дискурса становится понятно, что компьютерная неология и является его неотъемлемой частью. Очевидно, что динамика развития терминосистемы отражает динамику научного познания, поэтому и современный этап образования неологизмов компьютерного дискурса, которые позднее часто становятся терминами данной сферы, можно охарактеризовать как этап «терминологического взрыва» [Акимова 2004: 24].

Изучение неологизмов компьютерного дискурса позволяет нарисовать более полную картину современных тенденций развития языка и говорящего на нем общества. Данному виду научного анализа посвящено довольно много работ и исследований, которые рассматривают новые слова с разных сторон и аспектов (Е.И. Галичкина, М.Ю. Касумова, П.Е. Кондрашов, В.Б. Поповская). Появление

большого числа новообразований в терминологии данного подязыка обусловлено тем, что неологизм дает название новой реалии – объекту, механизму, инструменту, явлению [Гусева 2023: 79].

На первый взгляд, понятия метафоры и неологизма диаметрально противоположны в языковой структуре и речевой практике: метафора образна, многозначна, экспрессивна, тогда как *неологический термин* требует конкретности, однозначности, стилистической и эмоциональной нейтральности. Тем не менее метафорический перенос является продуктивным способом образования новых номинаций. Можно выделить **два основных способа метафоризации** в процессе неологического словообразования.

Первый способ – *использование общеупотребительных слов и выражений* в переносном смысле по принципу сходства. Благодаря употреблению лексем в новых контекстах, устанавливаются новые ассоциативные связи. Неологизмы могут встречаться в семантической группе *программирования и разработки обеспечения*.

screen scraper – *noun a piece of software that extracts character-based information from other applications and presents it in a more user-friendly format* (часть программного обеспечения, которая извлекает символьную информацию из других приложений и представляет ее в более удобном для пользователя формате). Данное значение является метафорическим благодаря присутствию лексической единицы **scrape** – *to remove an unwanted covering or a top layer from something, especially using a sharp edge or something rough* (удалить с чего-либо нежелательное покрытие или верхний слой, особенно с помощью острого края или чего-то грубого). Таким образом, с экрана буквально соскребается неудобный интерфейс и предоставляется более удобный, благодаря программному обеспечению.

В узкоспециализированной компьютерной сфере также есть термины, которые образованы путем метафорического переноса. В процессе исследования подобных лексем мы убедились в творческом подходе IT-специалистов к созданию терминов. Термин **super cookie** – *noun a cookie that is intended to be stored on a computer and cannot be deleted in the usual way*, который обозначает небольшие фрагменты данных, полученные компьютером из браузера и сохраняемые для идентификации пользователя, которые к тому же нельзя просто так удалить. В общеупотребительном языке переводится как ‘суперпеченье’.

Метафоры из общеупотребительного языка настолько активно используются в технической неологии, что могут не восприниматься пользователями как образы с переносным значением.

infinity machine – *noun a mocking reference to a smartphone or similar device, particularly one connected to the Internet and its seemingly infinite resources* (**бесконечная машина** – *насмешливая ссылка на смартфон или подобное устройство, особенно подключенное к Интернету и его, казалось бы, бесконечным ресурсам*). В целом неологизмы подобного типа вызывают определенные ассоциации и легко запоминаются.

Образная метафора используется для неологического наименования одной из важнейших деталей любого компьютера: хранилища данных.

data lake – *noun a massive amount of data stored and readily accessible in its pure, unprocessed state* (**озеро данных** – *сущ. огромный объем данных, который хранится и легко доступен в исходном, необработанном виде*). Лексема **lake** (*озеро*) подчеркивает обширный масштаб информационного хранилища и опирается на традиционные ассоциации с этим словом в общеупотребительной лексике.

Не менее продуктивным является второй способ метафоризации – переосмысление образующего слова из языка-источника в процессе формирования термина, что ведет к образованию **этимологической метафоры**, одного из видов метафор в системе языковых уровней в соответствии с классификацией М.Я. Блоха. Этимологическая метафора исторически функционировала на уровне морфемы; утратив мотивацию со стиранием границ между морфемами, она утрачивает всякую метафоричность, всякий намек на перенос значения. По образному выражению В.Г. Гака, язык является кладбищем мертвых метафор [Гак 1988: 13].

В профессиональной лексике информационных технологий активно используются латинский и греческий языки, что связано с интернациональностью ИТ-терминологии. Словообразовательные компоненты этих языков позволяют использовать английские термины без перевода.

cybersickness – *noun a feeling of nausea brought about by looking at the screens of electronic devices* (**киберболезнь** – *сущ. чувство тошноты, возникающее при взгляде на экраны электронных устройств*).

Приставка **cyber-** является частью древнегреческого слова κυβερνητική «искусство управления» и была заимствована в английский язык. Следует отметить, что приставка *кибер-* присоединяется к самым обычным словам, образуя их аналоги в виртуальном пространстве (о формировании двойственной реальности в цифровом пространстве) [Маринова 2023: 156].

Следующий неологизм также этимологически восходит к древнегреческим корням слова ἀμνησία (*amnēsia* «*forgetfulness*» – *забывчивость*), **digital amnesia** *noun the inability to remember basic things, such as telephone numbers, dates, etc. as a result of over-reliance on mobile phones, the Internet etc. for storing information* (**цифровая забывчивость** – *сущ. неспособность запомнить основные вещи, такие как номера телефонов, даты и т. д., в результате чрезмерного использования мобильных телефонов, Интернета и т. д. для хранения информации*). Коннотация слова негативно окрашена за счет значения слова *забывчивость* (*амнезия*), что подчеркивает отрицательное влияние цифровых гаджетов на работу головного мозга.

Еще один пример этимологической метафоры отражен в следующем неологизме компьютерного дискурса:

screen apnoea *noun the situation where someone stops breathing properly when they are looking at the screen of their mobile phone or similar device* (**экранное апноэ** – *существительное: ситуация, когда кто-то перестает нормально дышать, когда смотрит на экран своего мобильного телефона или аналогичного устройства*).

Апноэ (др.-греч. *ἄπνοια* – отсутствие дыхания, букв. «безветрие») – остановка дыхательных движений. Коннотация данной лексемы имеет отрицательную окраску, ввиду того, что задержка дыхания может привести к угрожающим жизни последствиям. Сочетание данной лексемы со словом *screen* (экран) позволяет сделать вывод, что время, проведенное за экраном, негативно влияет на здоровье, вследствие чего возникают неологизмы компьютерного дискурса с отрицательной коннотацией.

Подобное количество новых лексических единиц дает нам право сделать вывод о частотности возникновения проблем со здоровьем в связи с высоким ростом цифровизации в последние 20 лет. Как показывает исследование, каждый первый неологизм компьютерного дискурса подгруппы **здоровье** образован при помощи этимологической метафоры. Такие результаты могут быть объяснены тем, что медицинская терминология формируется часто при помощи калькированного перевода на английский язык слов, заимствованных из греческого и латинского языков.

Литература

Акимова О.В. Термин как единица терминологического поля и профессионального дискурса в разноструктурных языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004.

Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 11-26.

Гусева С.Э. Англоязычные неологизмы дискурса компьютерных технологий словообразовательный аспект // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 3 (50). С. 78-87.

Маринова Е. В. Эволюция понятия «виртуальная личность» в цифровую эпоху (социолингвистическое исследование на материале русских текстов) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 1. С. 151-169.

Svetlana E. Guseva (Krasnodar, Russia)
Kuban State University

METAPHORICAL NEOLOGISMS IN COMPUTER DISCOURSE OF THE ENGLISH LANGUAGE

The article is devoted to the analysis of units of English-language computer discourse from the point of view of the functioning of metaphorical nominations in them. The research material was selected using a targeted sampling method. Metaphorical neological nominations were divided from the point of view of their formation: on the basis of commonly used vocabulary and in the process of borrowing Latin and Greek roots.

Key words: information technology, neologism, metaphor, computer discourse, borrowing

*С.С. Калинин (Москва, Россия)
Международный славянский институт
rage_of_gods@inbox.ru*

*М.М. Шарнин (Москва, Россия)
Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление»
Российской академии наук
mc@keywen.com*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИМИТИВОВ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПРИМИТИВОВ «ДОБРО» И «ЗЛО» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

В работе представлены результаты анализа репрезентации семантических примитивов ДОБРО и ЗЛО в современном русском языке с использованием методов обработки естественного языка. Для анализа использовалась, в частности, векторная модель лексических единиц, основанная на предсказании частоты употребления того или иного слова в различных контекстах, для визуализации данных – метод анализа главных компонент. Показано, что эти методы позволяют четко вычлнить представления данных примитивов на лексическом уровне.

Ключевые слова: обработка естественного языка, машинное обучение, векторные модели слов, метод анализа главных компонент, семантические примитивы, естественный семантический метаязык, оценочная лексика

Языковое выражение понятийных категорий ДОБРО и ЗЛО, по всей вероятности, является универсальным, поскольку данные категории принадлежат к числу основных категорий, общих для всех человеческих социумов и культур на всем протяжении истории человечества. В частности, данные категории входят в перечень базовых семантических примитивов в работе А. Вежбицкой и К. Годдарда [Wierzbicka, Goddard 2014: 12]. На этом основании здесь и далее эти категории будут рассматриваться как соответствующие примитивы, имеющие собственное вербальное воплощение в различных языках.

В рамках подхода, связанного с исследованием естественного семантического метаязыка постулируется, что вышеуказанные семантические примитивы принадлежат к группе базовых примитивов, входящих в класс тех примитивов, которые связаны с оценкой явлений окружающей действительности. Это подтверждается исследованиями Л.М. Васильева, который в своем «Системном словаре русского языка» относит лексику, выражающую рассматриваемые семантические примитивы, к группе базовых общеоценочных предикатов [Васильев 2005: 72-73]. Следовательно, для анализа такого типа лексических единиц становится возможным применение семантического анализа в сочетании с методами обработки естественного языка, основанными на машинном обучении. Работы, посвященные анализу оценочной лексики на ином материале, известны в компьютерной лингвистике: среди таковых можно упомянуть исследование М.И. Ананьевой и соавторов, где анализируется лексический состав текстов экстремистской направленности [Ананьева и др. 2016], а также работу Й. Боллена и соавторов [Bollen et al. 2011], в которой анализ эмоционально-оценочной лексики в новостных лентах соцсетей используется для прогнозирования состояния фондовых рынков.

В рамках данного исследования использовалась модель, построенная по Национальному корпусу русского языка (НКРЯ) и текстам русскоязычной «Википедии», содержащим в общей сложности 788 миллионов слов. Эксперименты проводились с использованием сервиса RusVectoġęs, на модели, обученной по объединенному корпусу НКРЯ и корпусу на основе текстов русскоязычной «Википедии» (с препроцессингом, в частности, морфологической разметкой и морфологическим анализом). Эта модель описана в работе А. Кутузова и Е. Кузьменко [Kutuzov, Kuzmenko 2017]. Ее принцип работы заключается в предсказании частоты употребления тех или иных лексических единиц в различных контекстах, что позволяет представить слово как совокупность таких прогностик (в виде многомерного векторного пространства). В настоящий момент в модели имеется всего 300 измерений с контекстным интервалом [-2; 2].

Для визуализации и построения семантических карт использовался метод главных компонент (principal component analysis, PCA). Этот алгоритм выбирает наиболее важное направление (компонент, признак, черту, особенность), которая максимально сохраняет информацию о введенных терминах / лексических единицах/данных. PCA является одним из основных способов уменьшения размерности данных с наименьшей потерей количества информации, что позволяет находить взаимосвязи между большим количеством переменных в массиве текстовых данных.

Анализируемая лексика была разделена на четыре группы: группа 0 – положительно-оценочные субстантивы; группа 1 – отрицательно-оценочные субстантивы; группа 2 – положительно-оценочные адъективы; группа 3 – отрицательно-оценочные адъективы. Группы выделялись как на основании тематических признаков (связь с определенной понятийной категорией / определенным примитивом – ДОБРО или ЗЛО, в каждую группу входил конкретно определенный набор лексем), так и на основании семантических признаков (положительная / отрицательная коннотация, грамматическая семантика).

При помощи алгоритма PCA было получено графическое представление каждой из групп анализируемых субстантивов и адъективов (см. Рис.).

Полученные результаты интерпретируются следующим образом. Исходя из анализа графического представления рассматриваемых семантических примитивов, можно убедиться в том, что они достаточно четко выделяются в языке. При этом репрезентации этих примитивов на лексическом уровне противопоставлены друг другу, что можно видеть на Рис. Так, лексика, связанная с семантическим примитивом ДОБРО, группируется преимущественно в нижней части изображения, лексика же, связанная с примитивом ЗЛО, – в верхней. Следовательно, наличие данных примитивов в языке и их вербальных репрезентаций представляет собой универсалию, что может быть подтверждено и средствами компьютерного анализа. При этом графическое представление лексических единиц, репрезентирующих данные примитивы, обнаруживает и противопоставление соответствующих групп лексем. Вероятно, это связано с тем, что рассматриваемые примитивы образуют бинарную оппозицию, которая находит выражение и на лексическом уровне.

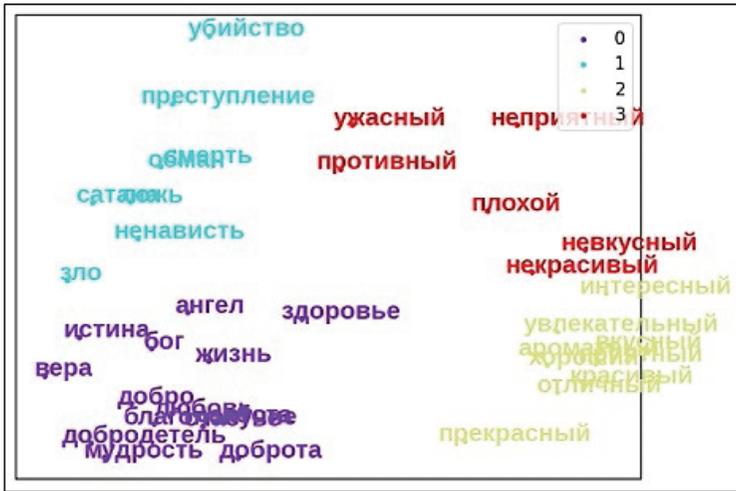

Рис. Графическое представление языковой репрезентации семантических примитивов ДОБРО и ЗЛО

Лексемы, представляющие данные примитивы, связаны между собой разнообразными отношениями, как на уровне лексической семантики, так и на уровне ассоциативной и деривационной семантики. Этим, в частности, может объясняться, почему на полученном изображении лексемы *добро*, *доброта* и *добродетель* располагаются относительно близко. Первые две из них связаны между собой деривационными отношениями (суффиксальная деривация), которая, в свою очередь, влечет за собой семантическую деривацию. Первая и третья лексемы из вышеприведенного ряда также связаны между собой деривационными отношениями (основосложение и суффиксальная деривация), что аналогичным образом приводит к развитию нового значения.

Полученная схема показывает также ряд семантических отношений в системе языка, в частности, гипо-гиперонимические отношения. Примером таких могут быть отношения между парами адъективов *плохой* – *некрасивый* и *плохой* – *невкусный*, в которых первый член пары может считаться гиперонимом по отношению ко второму, так как выражает более общее, негативно-оценочное значение. Таким образом, на основании проделанного анализа можно установить, какие именно семантические взаимоотношения возникают между лексемами, репрезентирующими каждый из примитивов.

В ряде случаев лексемы, соотносящиеся с какой-то из лексико-тематических групп, одноименных рассматриваемым примитивам, входят также и в одно ассоциативное поле. Так обстоит дело в случае с парами лексем *сатана* / *ложь*, *ароматный* / *вкусный*, *добро* / *благо*, *Бог* / *истина*. На основании вычленения этих и подобных им пар, входящих в лексическую репрезентацию анализируемых примитивов, можно предположить, что предложенный алгоритм способен не только выявлять способы их выражения в языке, но и выявлять те ассоциативные поля, куда входят лексемы, которые представляют эти примитивы.

Литература

Ананьева М.И., Кобозева М.В., Соловьев Ф.Н., Поляков И.В., Чеповский А.М. О проблеме выявления экстремистской направленности в текстах // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: информационные технологии. 2016. Т. 14, № 4. С. 5-13.

Васильев Л.М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Т. 1. Уфа: Гилем, 2005.

Bollen J., Mao H., Zeng X.-J. Twitter mood predicts the stock market // Journal of Computational Science. 2011. Vol. 2, Iss. 1. Pp. 1-8.

Kutuzov A., Kuzmenko E. WebVectors: A Toolkit for Building Web Interfaces for Vector Semantic Models // Analysis of Images, Social Networks and Texts. AIST 2016. Communications in Computer and Information Science. 2017. Vol 661. Springer, Cham.

Wierzbicka A., Goddard C. Words and meanings: lexical semantics across domains, languages and cultures. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Stepan I. Kalinin (Moscow, Russia)

International Slavic Institute

Mikhail M. Charnine (Moscow, Russia)

Federal Research Center of Computer Science and Control of the Russian Academy of Sciences

A MACHINE LEARNING-BASED APPROACH FOR ANALYZING THE EVALUATIVE SEMANTIC PRIMES

(ON THE EXAMPLE OF PRIMES “GOOD” AND “BAD” IN CONTEMPORARY RUSSIAN)

The paper presents the results of analysis of how represent the semantic primes “good” and “bad” in the contemporary Russian language. As a main tool, the methods of natural language processing are engaged. In particular, a vector model that based on predicting the frequency of usage of particular word in a variety of contexts of lexical items has been applied. Data has been visualized with help of principal component analysis method. It is shown that these methods make it possible to clearly distinct the representations of the mentioned semantic primes at the lexical level.

Key words: natural language processing, machine learning, vector word models, principal component analysis, semantic primes, natural semantic metalanguage, evaluative lexical items

A.V. Kашеева (Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

kashcheeva@mail.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ ТЕКСТОВ ДЛЯ ЧТЕНИЯ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируются учебные тексты для формирования умений чтения электронного ресурса Британского Совета. Выявлено, что электронные тексты структурированы в соответствии с жанром; их содержание систематизировано по доминантному и категориальному принципам. Отмечается схожесть структурно-семантических особенностей текстов традиционного и электронного форматов и влияние электронного формата на визуальное оформление текста.

Ключевые слова: учебный текст, структурно-семантические особенности, когнитивный потенциал, традиционный формат, электронный формат, смысловые доминанты, смысловые категории

Цифровые образовательные инструменты прочно вошли в практику обучения иностранному языку наряду с учебниками и учебно-методическими комплексами. Традиционные и электронные средства обучения объединяет текстовый формат, который изучается лингвистами и методистами. Учебные тексты в

традиционном и электронном виде используются для формирования языковых навыков и речевых умений и стимулируют познавательную активность обучающихся, тем самым проявляя свой когнитивный (познавательный) потенциал. В данной статье рассматриваются структурно-семантические особенности электронных учебных текстов на английском языке, отражающие их когнитивный потенциал. Материалом для анализа послужили тексты для формирования умений чтения на уровне A2, используемые образовательным ресурсом *Learn English Online*. Выбор уровня и данной группы умений обусловлен достаточной репрезентативностью учебных текстов.

Понятие и классификация учебных текстов в отечественных исследованиях в настоящее время недостаточно унифицированы. Основной функцией, присущей разным типам учебных текстов, признана дидактическая, что объясняется спецификой тематической области их использования [Ведякова 2016; Яхшибаева 2008]. К учебным текстам относят тексты учебных и учебно-методических пособий, справочников, словарей и энциклопедий, создаваемые для учебных целей, а также тексты, создаваемые обучающимися [Александров 2015]. Представляют интерес исследования текстов, которые приобретают статус учебных, изначально не являясь таковыми [Александров 2015; Ведякова 2016]. Смена статуса текста происходит, на наш взгляд, из-за того, что автор пересматривает цель использования текста.

Немногочисленные исследования особенностей электронного текста не выявили значительной разницы его структурно-смысловых характеристик по сравнению с традиционным форматом [Смирнова 2017]. Исключения составляют символические и графические метатекстовые особенности. Понимание текстов электронного формата облегчает их компактность, эксплицитность и однозначность интерпретации информации, а также четкая структура. Когнитивными доминантами смысловой структуры электронного текста являются основные понятия в рамках темы (научные основы, описания явлений и процессов) и элементы композиции. Указанные особенности призваны способствовать правильному пониманию учебного электронного текста, выделению главной информации, ее структурно-смысловой переработке и самостоятельному использованию в учебных целях [Смирнова 2017].

Рассмотрим некоторые структурно-семантические особенности электронных учебных текстов для чтения. Основной целью формирования умений смыслового чтения на уровне A2 является извлечение специфической информации из текстов жанров электронных сообщений, приглашений, рекомендаций и подсказок, заметок, объявлений и уведомлений – всех простых текстовых форматов, используемых в повседневной коммуникации [Learn English Online]. Извлечение специфической информации, которая одновременно является ключевой, способствует пониманию текстов указанных жанров. Альтернативные задачи по извлечению основной идеи и детальному его детальному анализу вытекают из жанра текста (сообщить, уведомить, пригласить и т. д.) или излишни.

Учебные тексты уровня A2 для обучения чтению используются указанным образовательным ресурсом в жанрах электронного письма другу, уведомления,

информационного проспекта, отчета в виде комбинированного текста, включая нелинейный (таблица академических результатов и график результатов исследования), а также рекомендации / подсказки. Все учебные тексты обладают четкой композиционной структурой, типичной для каждого жанра. Например, тексты электронных сообщений и уведомления включают приветствие, заключительную фразу, подпись, при необходимости дату и тему сообщения: *Hi Samia / Lucia, Dear Grace, Bye for now, See you soon! Best regards, Mikel, Anna Green Human Resources Assistant.*

Смысловые блоки в текстах электронных сообщений и уведомлений соответствуют абзацам. Например, первый абзац содержит вопросы о прошедшей совместной поездке, ответ на вопрос предыдущего сообщения, а второй абзац сообщает о новом месте работы и новом городе, объясняет дорогу к дому пишущего. Отметим, что содержание абзацев имеет свои смысловые доминанты, выраженные ключевыми словами в форме глагольных и номинативных сочетаний, например: *come here, see the new flat; difficult to find, turn left, keep going past; the interview will last, you will also need to show.* В некоторых случаях ключевые слова повторяются или перефразируются: *new offices, nice offices, perfect location, there lots of restaurants in the area; small handbag, can fit under the seat; your bag is too big or too heavy, pay extra.*

Тексты информационных проспектов содержат несколько заголовков и подзаголовков, отражающих основные мысли смысловых блоков: *General English, Exam Preparation, Part-time Course, Prices.* В тексте отчета выделены смысловые блоки *Skills / Area, Maximum mark, Pass mark, Mark obtained* и др. Некоторые тексты содержат обобщенные блоки сопоставляемой информации, озаглавленные соответственно: *Maria vs Emily, Elizabeth School of English vs Charles School, The International Centre vs The Great West.*

Краткий анализ структурно-семантических особенностей учебных текстов показал, что их формат соответствует жанру текста, а содержание разделено на смысловые блоки, имеющие свои доминанты. Для привлечения внимания читателя смысловые доминанты выделены графически абзацем или с помощью заголовков, которые используют языковые способы передачи информации, а также визуальное увеличение или изменения качества и цвета шрифта. Указанные особенности способствуют правильному структурированию информации читателем и облегчают поиск им специфической информации.

Решению указанной дидактической задачи во многом способствуют послетекстовые упражнения. На уровне A2 данный ресурс использует задания на определение верных и неверных утверждений; составление предложений из слов и словосочетаний; заполнение пропусков / ответы на вопросы с помощью ключевых слов.

Задания на выбор правильных утверждений направлены на понимание специфической ключевой информации, выраженной иными языковыми способами, например: *Good language learners notice their mistakes and learn from them* (формулировка в тексте) – *Good language learners don't make mistakes* (формулировка задания). В данном примере перефразирована только рематическая часть, в то время как тематическая часть не изменена, что упрощает поиск информации.

Задания на заполнение пропусков и ответы на вопросы предполагают поиск или выбор ключевых слов с опорой или без нее, например: *Mikel's new offices are...; Mikel used to live...; You can only take... tablets on board; What job did Grace apply for? – Head of sales, Sales manager, Sales assistant, Human resource assistant.* Ключевые слова и словосочетания в данном виде заданий не перефразируются по сравнению с текстом, что способствует однозначному пониманию специфической информации.

Анализируемый ресурс также использует задания на категоризацию для правильного структурирования информации учебного текста по ключевым словам. Для репрезентации категорий используется механизм номинации. Например, категории «события», «оборудование», «типы номеров» выделены для распределения лексики в информационном проспекте о выборе места проведения конференции. В задании к тексту профессионального резюме выделены категории лиц, претендующих на вакансии. В задании к тексту проспекта о выборе языковой школы предлагается отнести информацию к одной из школ.

В задании к тексту о языковых школах запрашиваемая информация кратко сформулирована в самом задании, а в тексте она выражена словосочетаниями, которые ее объясняют и конкретизируют. Например, требуется определить, для какой из школ верно утверждение *Has the most choice when to study.* В тексте А – *Intensive course 31 hours per week, Monday – Thursday 9 a.m. – 5 p.m. and Friday 9 a.m. – 12 p.m.; Part-time course 15 hours per week, Monday – Friday, mornings, afternoons or evenings.* В тексте В – *Hours: Monday to Friday 9 a.m. – 9 p.m. Saturday 9 a.m. – 1 p.m.* При выполнении данного задания, помимо процессов категоризации, задействована инференция, обобщение специфической информации по ключевому сочетанию *the most choice.*

Очевидно, что примеры иллюстрируют категориальный и доминантный принцип организации содержания в учебных текстах, что облегчает их понимание на уровне А2 и выполняет ориентирующую функцию по отношению к содержанию. Смысловыми доминантами учебных текстов являются заголовки, подзаголовки, ключевые слова и словосочетания. Категоризация информации в текстах и заданиях происходит эксплицитно путем номинации, что облегчает процесс ее структурирования и систематизации читателями. Представляется, что отмеченные структурно-образовательные особенности электронных текстов анализируемого образовательного ресурса стимулируют познавательную активность обучающихся и являются универсальными для формирования умений смыслового чтения на уровне А2. Тем не менее, влияние электронного формата проявляется в визуальном оформлении текста, метатекстовых характеристиках.

Литература

- Александров Е.П. Учебный текст и текстовая деятельность в образовательном процессе // Вестник ТИУиЭ. 2015. № 2 (22). С. 130-136.
- Ведякова Н.А. Учебный текст – научный текст? // *Lingua mobilis.* 2016. № 1 (54). С. 19-26.
- Смирнова И.Э. Особенности подготовки учебных текстов к использованию в системе дистанционного образования // Научный журнал ГАОУ ВО МГПУ «Известия ИППО» № 1, 2017. М.: «Известия ИППО» ГАОУ ВО МГПУ, 2017. С. 50-54.

Яхшибаева Л.М. Учебный текст как особый вид вторичного текста и составляющая учебного дискурса // Вестник Башкирского гос. ун-та. 2008. Т. 13. № 4. С. 1029-1031.
Learn English Online. British Council. URL: <https://learnenglish.britishcouncil.org>.

Anna V. Kashcheyeva (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

STRUCTURAL-SEMANTIC FEATURES OF ELECTRONIC TEXTS FOR READING IN ENGLISH

The article analyzes educational texts for developing reading skills used by the British Council online resource. It reveals genre-based structure of electronic texts along with the dominant and categorical principles of their content system. It emphasizes the similarity of structural and semantic features in traditional and electronic texts and the influence of the electronic format on the visual design of the text.

Key words: educational text, structural and semantic features, cognitive potential, traditional format, electronic format, semantic dominants, semantic categories

Т.Е. Литвиненко (Иркутск, Россия)
Иркутский государственный университет
littatiana0424@gmail.com

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЦИФРОВОЙ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются гибридные формы художественной и Интернет-коммуникации, в которых базовым метафорическим концептом является *цифровая личность*. Затрагиваются проблемы идентичности и (само)идентификации субъекта в «возможном» мире. Анализируются средства и способы актуализации когнитивных метафор в произведениях, квалифицируемых как гипертексты и интертексты.

Ключевые слова: цифровая идентичность, цифровое отчуждение, когнитивная метафора, гипертекст, интертекст

Освоение новых коммуникативных пространств, связанных с погружением *homo* в гетероморфную цифровую реальность, ставит перед ним задачи сложной языковой адаптации и создания цифрового образа человека имманентного этой реальности своими знаками.

Такие знаки как единицы семиотики «возможного» Интернет-мира имеют свой синтаксис, формирующий многомерный, иерархически устроенный гипертекст, в котором порядок элементов утрачивает базовый принцип линейности / синтагматики. Их семантика, обусловленная цифровой природой субъектов, изменяет привычные представления о денотации и ведет к пересмотру параметра мотивированности, вызванного свойствами обозначаемой кибер среды. В свою очередь, прагматика сообщений, построенных из знаков такого кода, непосредственно связана с образуемой цифровой идентичностью, понимаемой как цифровая проекция или след в сети, включающий весь комплекс данных о личности в Интернете [Кондаков, Костылева 2019].

Между тем, такой коммуникативный код, взятый во всей совокупности вербальных и невербальных элементов, демонстрирует и ключевую особенность единиц естественного языка – их способность быть средствами представления когнитивных метафор – ментальных операций, при которых концептуализация познаваемых объектов осуществляется по аналогии с уже сложившимися понятиями [Калашникова 2011].

По справедливому утверждению Дж. Лакоффа и М. Джонсона [2004: 25], язык обеспечивает нам «доступ к метафорам, структурирующим наше восприятие, наше мышление и наши действия». И он же, будучи средством коммуникации, объективирует сложные метафорические образы, к каковым относятся и цифровые личности. В процессе создания и став частью дискурса каждый подобный образ воспроизводит фрагмент картины мира говорящего как члена данного лингво-когнитивного сообщества, и выражает социокультурный концепт «человек», преобразуемый по законам виртуальной реальности.

Известно, однако, что такого рода преобразования уже имеют прецеденты в аналоговом мире. Примером этого может служить художественная коммуникация, позволяющая создавать иную версию себя вне жесткой связи с «базовой онтологией».

И действительно, этот тип коммуникации дает простор не только для трансформаций пространственно-временных координат бытия, критериев живого и биологически стандартного, но и для изменений его смыслов и ценностей, при которых возможны обратимые метафоры «я – это другой» и «другой – это я».

Эти когнитивные метафоры, отражающие сложность феноменов идентичности и (само)идентификации, и породившие определенные модели репрезентации *я как другого*, получили максимальное использование и в Интернет-коммуникации, где аватары и профили маскируют не столько дихотомию *бытия* и *иногобытия*, сколько угрозу коммуникативного и физического *небытия*.

Проблема цифрового отчуждения на фоне формально успешной социализации наследует практики барочно-романтического одиночества и отверженности; создание идеальной версии себя и своей повседневности в метареальности отсылает к многовековому жанру утопии или к традициям эскапизма в поисках прекрасной (комфортной, безопасной) действительности и, в конце концов, той же райской топики.

Отметим, что попытки найти ответы на вечные вопросы *от кто я и зачем я до как стать счастливым*, неизбежно сближают литературную и Интернет-коммуникацию, нередко порождая весьма специфические гибриды. Подтверждением этому служит современная эпистолярная проза, полностью перешедшая на формат электронных сообщений: «Магазин счастья» (La tienda de la felicidad) Р. Муньоа Авиа [Muñoz Avia 2021], «Жизнь в окне» (La vida en las ventanas) А. Неумана [Newman 2016] и «Текстовое преследование» (Acoso textual) Р. Вальехо [Vallejo 2014] и др.

Обращение к структуре и содержанию первой и второй повести показывают, что уже сами их заглавия – это метафоры, объективирующие концепт нестабильной цифровой личности, ее попыток стать кем-то *другим* и прожить жизнь *другого* в

«возможном» мире. В первом случае речь идет о суррогате счастья, получаемого в виде рекламных писем Интернет-магазина и оплачиваемого как товар электронным чеком. Во втором случае метафорическое значение возникает благодаря полисемии слова *ventanas* – испанского эквивалента имени операционной системы Windows, поскольку жизнь главного героя, примечательно названного автором *Net* ('сеть'), протекает именно в этих окнах – на экране компьютера.

Важным композиционным элементом обоих текстов служит их графическое оформление в виде потока электронных писем, имеющих специальные маркеры этого типа коммуникации:

▲	PARA: Mari Carmen Gómez	Re: Su pedido	23: 16
---	-------------------------	---------------	--------

Pues escribirme a mí, ¿te parece poco? A lo mejor tienes dudas de si yo soy una persona o no. Pero puedes estar segura de que lo soy.

▼	DE: Mari Carmen Gómez	Re: Su pedido	23: 18
---	-----------------------	---------------	--------

Me consta, los robots no hacen paellas. Buenas noches, Carmelo. [Muñoz Avía 2021: 28]

▲	Кому: Мари Кармен Гомес	Re: Ваш заказ	23: 16
---	-------------------------	---------------	--------

Ты ведь мне пишешь, разве этого мало? Возможно, ты сомневаешься, человек я или нет. Можешь быть уверена, что это так.

▼	От кого: Мари Кармен Гомес	Re: Ваш заказ	23: 18
---	----------------------------	---------------	--------

Насколько мне известно, роботы не готовят паэлью. Спокойной ночи, Кармело. (Перевод наш. – Т.Л.)

В данном примере, относящемся к переписке героя с менеджером центра обслуживания клиентов, первоначально в соответствии с жанром анонимной (De: Carrefour Online; Centro de Atención al Cliente / Número de contacto 302 290 300 / <http://www.carrefour.es>), а затем перешедшей с институциональных на личные сообщения как Мари Кармен, видна смена коммуникативных ролей персонажей. Сам герой из безличного потребителя масс-маркета превращается в конкретного адресата и наделяется индивидуальными чертами. Более того, в результате персонификации его цифровой личности, ставшей возможной при актуализации метафоры «я – это другой» как я – *это Кармело*, он утрачивает статус бота – виртуально робота, функционирующего на основе программы и не имеющего референта в реальном мире. Впрочем, сам факт наличия настоящих референтов не делает настоящими чувства и желания героев и не помогает им избежать отчуждения ни в одном из доступных им миров. Письма счастья оказываются в спаме-небытие, коммуникация прекращается, свидетельствуя, перефразируя слова Р. Барта, о смерти адресата.

Что же касается третьего произведения, то в нем тема цифрового отчуждения дана через метафору деперсонализации героя, получающего вместо имени собственного только имя пользователя <*banano*>. Идентичность персонажа меняется в зависимости от адресатов, также лишенных «аналоговых» антропонимов. При общении с жительницей Барселоны, называемой в письмах <*azucena*> ('лилия'), он предстает в виде милого и романтического юноши, способного влюбить в себя виртуальную подругу по переписке. В письмах к феминистке и ин-

теллекулалке <*sabrina*> он играет роль студентки, разделяющей ее идеологические пристрастия, споря с ней о свободе и личных границах. Для техасской домохозяйки по имени <*enquirer*> он конструирует образ студента-журналиста, специализирующегося на теме сексуальности. Для аргентинского предпринимателя и «донжуана» <*nostálgico*> («тоскующий») он становится ищущим любви студентом-политологом из Эквадора. Наконец, для преподавателя из Стэнфорда <*bicho*> («насекомое») <банан> – это персонаж женского пола, ведущий беседы на академические и литературные темы.

В результате этой коммуникативной игры герой становится *всем и никем*, оставаясь *другим* не только для получателей своих писем, но и для себя самого, намеренно раскалывающего свое я. Его общение превращается в «текстовое преследование», лишенное эмпатии и обесценивающее любого собеседника, а его личность становится симулякром – копией того, кого на самом деле не существует.

Между тем, создание подобных копий, не имеющих никаких оригиналов, а точнее, копий с фиктивными референтами-конструктами, также свидетельствует о сходстве практик построения художественного и цифрового образов. Их сходство связано с метафорической природой самих этих вымышленных референтов, отсылающих в силу неустранимой в таких случаях кореференции к референтам мира действительности. Наличие же (по крайней мере) двух уровней отсылок к источникам, как например, цифрового образа к художественному или цифровой личности к персонажу делает эти метафорические концепты интертекстуальными [Литвиненко 2008]. Другими словами, метафора цифровой личности есть цитата всего того, что мы не просто знаем, а того, что и как мы множество раз рассказали о себе, используя для этого художественную коммуникацию.

Литература

Кондаков А.М., Костылева А.А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия: информатизация образования. 2019. Т. 16. №. 3. С. 207-218.

Калашишкова Л.В. Познавательный потенциал метафоры // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. №. 13. С. 20-23.

Лакофф Дж., Джосонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004.

Литвиненко Т. Е. Метафоры интертекста // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. №. 20. С. 175-181.

Muñoz Avia R. La tienda de la felicidad. Madrid: Alfaguara, 2021.

Newman A. La vida en las ventanas. Madrid: Alfaguara, 2016.

Vallejo R. Acoso textual. Barcelona: Seix Barral, 2014.

Tatiana E. Litvinenko (Irkutsk, Russia)
Irkutsk State University

DIGITAL PERSONALITY METAPHORS IN MODERN FICTION

The article examines hybrid forms of artistic and Internet communication and reveals the role of a digital personality as a cognitive metaphor. The problems of the subject's identity and their (self)identification in the possible world are discussed. The means of cognitive metaphors representation in hypertexts and intertexts are analyzed.

Key words: digital identity, digital alienation, cognitive metaphor, hypertext, intertext

*М.Н. Ляшева (Ростов, Россия)
Южный федеральный университет
З.В. Резжук (Ростов, Россия)
Южный федеральный университет
zrezhuk@sfnedu.ru*

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗООМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ В ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛАХ

В статье предпринимается попытка проанализировать информационно-новостные сообщения, распространенные в телеграм-каналах. Описываются общие стилистические особенности данных текстов, подробно анализируется роль анималистической лексики. Делается вывод, что, с одной стороны, использование зооморфизмов отражает тенденцию Интернет-коммуникации на грубость и циничность, с другой стороны, повышает конфликтный потенциал текста.

Ключевые слова: зооморфная метафора, конфликтоген, маркер конфликтогенности, социальные сети

В последние годы стремительно развиваются мессенджеры, которые уже вышли за рамки сервисов по обмену сообщениями. В настоящий момент каждый из них совмещает несколько функций – от организации межличностного и межгруппового общения до информирования и развлечения. В качестве такой платформы особенно стоит отметить Telegram, в котором набирают популярность различные информационно-новостные каналы. Хотя они не относятся к официальным СМИ, однако по охвату аудитории порой превосходят их. Информация в таких группах, как правило, представляет собой короткое, законченное, легкое для восприятия высказывание, лишенное глубокой аналитики. Для привлечения новых подписчиков, особенно из числа молодых людей, авторы используют многочисленные развлекательные компоненты (мемы, видео и пр.). Все перечисленное влияет также на стиль изложения, который тяготеет к разговорному жанру, иногда с использованием бранной лексики. По замечанию Г.Н. Трофимовой, «в определенных коммуникативных Интернет-ресурсах, популярных среди молодежи, возникла мода на хамство, грубость и оскорбления в диалогах» [Трофимова 2020: 15].

В качестве примера рассмотрим следующий контекст (прим. здесь и далее сохранены авторские орфография и пунктуация).

*А теперь к новостям из мира моды: Heinz выпустили коллекцию **шмота** с пятнами кетчупа – выглядит так, будто вы только что **похавали** и запачкались. Зачем платить больше, если **ты свинья**, которая и так запачкается* (<https://t.me/righthigh/10700>, последняя дата обращения: 27.11.2023).

В первую очередь обращают на себя внимание лексемы *шмот* и *похавать*, которые относятся к молодежному сленгу и, следовательно, маркируют текст как адресованный преимущественно молодежной аудитории. Далее пример содержит лексему наименование животного (*свинья*), которое применительно к человеку обладает отрицательной коннотацией. В русской лингвокультуре свиной могут назвать грязного, нечистоплотного человека, для которого пачкать, делать грязным является чем-то естественным, не требующим усилий.

Использование обобщенно-личного предложения с зооморфизмом демонстрирует всю абсурдность факта платить за то, что может быть сделано без труда.

Использование анималистической лексики – не редкость для информационного Интернет-текста, что делает его конфликтогенным, поскольку «в конфликтных текстах максимально распространенными являются зоосемантические метафоры» [Макаренко 2018: 88].

Важную роль в публикациях любого периодического или онлайн-издания играют заголовки. Однако в новостных сообщениях в мессенджерах их роль выполняют небольшие предложения, которые отражают суть последующей новости. Чем интереснее и привлекательнее будет начальная фраза, тем больше шанс, что сообщение будет прочитано. В следующем примере используется зооморфизм, конфликтный потенциал которого раскрывается только после прочтения всей новости.

В мире животных.

*В американском метро чернокожие дамочки решили доеб*ться до двухметрового бугая. Тот долго стоял терпел, но когда задела его шапку-ушанку – мужик ушел в разнос (<https://t.me/topor/23596>, дата обращения: 27.11. 2023).*

Выражение *в мире животных* по праву можно назвать прецедентным, поскольку для большинства представителей русской лингвокультуры оно известно в качестве названия популярной просветительской телепередачи, выходившей на советском телевидении. Прочитав первую фразу, можно подумать, что речь пойдет о животных, но ознакомившись со всей новостью, читатель понимает, что это метафора. Лексема «животное», в «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой обозначает грубого человека с низменными инстинктами, с неразвитыми нравственными понятиями. Автор использует эффект обманутого ожидания, что усиливает ее воздействие. Иронически-пренебрежительное отношение прочитывается в выборе номинаций. В словаре Ефремовой лексема «дамочка» зафиксирована как разговорная форма от слова «дама» и употребляется с оттенком неодобрения или иронии. Следующая номинация – обозначение мужчины-участника происшествия. «Бугай» – разговорное слово, которое также может быть употреблено как бранное, крупный, крепкий мужчина [Ефремова 2000]. Несмотря на то, что участники описанного события вряд ли прочтут текст, его можно отнести к потенциально конфликтогенным, поскольку использованные лексические средства содержат радикальные оценки и могут способствовать разжиганию межнациональной розни и ненависти.

Рассмотрим следующий пример, в котором зооморфизм также является номинацией.

Блохастая обезьяна решила бросить вызов на бой Владимиру Зеленскому (<https://t.me/righthigh/11294>, дата обращения: 27.11.2023).

Зооним *обезьяна* обладает несколькими значениями, но все они имеют пейоративную окраску. В «Словаре русского арго» данная зооморфная метафора – это этнофолизм, т. е. оскорбительное обозначение представителя другого этноса. Так называют жителей кавказских стран, а также темнокожих [Елистратов 2000:

289]. Эпитет «блохастая» еще больше усиливает конфликтогенность зооморфизма, так как создает образ зараженного, грязного животного и, следовательно, вызывающего брезгливость.

Однако номинации-зооморфизмы используются и по отношению к жителям своей страны. Рассмотрим следующий пример, где обманутый человек уподобляется животному, жившему много тысячелетий назад. В этом значении делается упор на некомпетентности в современных реалиях, отсталости от актуальных тенденций общества. Далее другое оскорбительное слово усиливает это значение.

*Мошенники придумали новую схему по на*бу мамонтов. Выглядит это так: человеку внезапно приходят на карту деньги, следом звонит незнакомый номер, и говорит что это он перевел их по ошибке. В процессе разговора мошенник узнает, сколько денег мамонт держит на карте, после чего заявляет, что уже решил вопрос с поддержкой: сейчас придет СМС от банка, просто скажите мне код, и банк отменит ошибочный перевод. Идиот сообщает код мошеннику, и тот списывает с карты деньги. Причем не только «переведенные по ошибке», а вообще все. Отправь своему другу, который вечно ведется (https://t.me/topor/23520, дата обращения: 27.11.2023).*

Интересен для сравнения следующий пример, в котором мы встречаем уже проанализированный ранее зооморфизм, однако маркерами конфликтогенности здесь является не только лексема, но и морфемы, образующие ее.

Дочь бывшего губернатора Челябинской области Дубровского, отдала мошенникам 168 млн рублей. <...>

Не мамонтиха, а мамонтиищеее (https://t.me/topor/32244, дата обращения: 27.11.2023).

Конфликтоген расположен в финальной части новости – кратком выводе, в котором содержится и авторская оценка. Одним из маркером конфликта здесь выступает суффикс -ищ-, который имеет значение увеличения, а также его графическое оформление. Мамонт в данном контексте – это не просто человек, который отстал от современности, но и глупый, наивный человек. А графическая редупликация усиливает это значение. При помощи метафоры автор не просто иронизирует, а высмеивает наивность и глупость «героини» новости.

Как видим из примеров, зооморфная метафора в телеграм-каналах употребляется как к представителям своей культуры, так и к представителям чужой. Однако если по отношению к своим оскорбление, как правило, используется для порицания действия, то по отношению к чужим оно затрагивает личностные характеристики (внешность, происхождение и пр.) и в меньшей степени то, что они совершают.

Стоит также отметить, что зачастую основной интенцией автора не является прямое оскорбление. Использование зооморфизмов также выступает отражением более глобальной тенденции, характерной для русского коммуникативного стиля времен Интернет-эпохи, – карнавализации, циничности, сарказму и игнорированию этических норм.

Литература

Будаев Э.В. Зооморфные метафоры в оппозиционном дискурсе белорусских телеграм-каналов // Политическая лингвистика. 2022. № 2 (92). С. 25-34.

Елистратов В.С. Словарь русского арго: материалы 1980–1990 гг. М.: Русские словари, 2000.

Ефремова Т.Ф. «Новый толково-словообразовательный словарь русского языка». М.: Русский язык, 2000.

Клушина Н.И. Медиастилистика: монография. М.: Флинта, 2018.

Макаренко Г.С. Конфликтный текст как объект лингвистического исследования: структурно-семантический и прагматический аспекты): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2018.

Трофимова Г.Н., Барабаи В.В. Языковое послевкусие Интернет-эпохи в России: эффект бумеранга (актуальные процессы в русскоязычной цифровой медиакоммуникации): монография. М.: РУДН, 2020.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. Екатеринбург: Уральский гос. педагогический ун-т, 2003.

Marina N. Liasheva (Rostov, Russia)
Southern Federal University

Zinaida V. Rezhuk (Rostov, Russia)
Southern Federal University

FUNCTIONAL-PRAGMATIC ASPECT OF THE USE OF ZOOMORPHIC METAPHOR IN INFORMATIONAL TELEGRAM CHANNELS

The article attempts to analyse information and news messages disseminated in Telegram channels. The general stylistic features of these texts are described, the role of animalistic lexicon is analysed in detail. It is concluded that, on the one hand, the use of zoomorphisms reflects the tendency of Internet communication to rudeness and cynicism, on the other hand, it increases the conflict potential of the text.

Key words: zoomorphic metaphor, conflictogen, marker of conflictogenicity, social networks

A.C. Макарова (Москва, Россия)

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
aleste_63@mail.ru

ПРИЕМ СИНТАКСИЧЕСКОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА КАК СПОСОБ СЕМАНТИЗАЦИИ КОНЦЕПТОВ В ПРАВОСЛАВНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

В статье на материале текстов православной журналистики анализируется прием синтаксического параллелизма, используемый для семантизации концепта КРЕСТ. Новым в исследовании является изучение центрального христианского концепта на материале текстов, написанных православной медийной личностью, – журналистом. Семантическая динамика исследуемого концепта расширяется, приобретая дополнительные значения, что объясняется лингво-прагматическими целями и интенциями автора.

Ключевые слова: православная журналистика, медиатекст, православный концепт, Крест, прием синтаксического параллелизма

В силу экстралингвистических факторов все более значительным становится взаимодействие Русской Православной Церкви и российских СМИ, что позволяет говорить о православной журналистике как о новом альтернативном медийном жанре в сфере отечественных медиа. «Потребность анализа многоуровневого и многообразного взаимодействия религии, общества и СМИ актуальна по ряду причин, как фундаментальных (принципиальная конкуренция религии и медиа за

влияние на индивидов и общности), так и ситуативно-поверхностных (когда в публичной сфере разворачивается дискуссия по поводу событий и явлений, связанных с религией)» [Хруль 2018: 3]. Процесс медиатизации религии является результатом усилившейся в последние годы роли массмедиа в обществе, а в совокупности с пониманием журналистским сообществом особенностей медиатизации духовной стороны жизни человека данные факторы влияют на религиозность сознания индивида и должны рассматриваться как важный элемент профессиональной культуры журналиста, вследствие чего появляются нестандартные, далекие по стилю и содержанию от секулярных медиатекстов, представляющих собой «феномен с многоуровневой структурой, которая определяется четкой системой параметров, что позволяет детально описать это явление, исходя из особенностей его производства, лингвопрагматических признаков и канала распространения информации» [Макарова 2021: 566], публикации на религиозные темы в российских массмедиа. Данный феномен можно объяснить свободой слова СМИ и растущим интересом российского общества к православной тематике.

В связи с отмеченными тенденциями в изучении текстов православной журналистики, в которых актуализируется православная концептосфера, особое значение приобретают методы когнитивной лингвистики в сочетании с широким спектром методов смежных дисциплин, используемых в рамках интегрированного подхода, чем характеризуются современные лингвистические исследования, т. е. комплексным подходом и междисциплинарной методологией. «Когнитивная лингвистика, пришедшая на смену генеративной, характеризуется тенденцией к изучению не только отдельных единиц, или квантов знаний — концептов, но и целых структур знаний, лежащих в основе формирования языковых значений» [Болдырев, Федяева 2023: 689].

Эмпирическим материалом для анализа послужил медиатекст Б.В. Корчевникова от 12.11.2023 в его «Телеграм-канале». Корчевников – телеведущий, актер, медиаменеджер. Член Академии российского телевидения с 2010 г.

При анализе отобранного медийного текста мы руководствовались следующими методами: 1) контент-анализ (анализ содержания медиатекста); 2) дискурсивный анализ; 3) концептуальный метод (выявление содержания концепта); 4) лингвокультурологический анализ.

Основная группа авторов православного медиадискурса представлена тремя категориями: священник (духовенство), журналист и воцерковленный представитель «мирской» профессии (например, блогер), которые объединены православным вероисповеданием. Уровень воцерковленности православного журналиста влияет на авторскую прагматику, интенцию, а значит, и на речевую стратегию автора, которая может быть семантической, диалоговой, прагматической, риторической и т. д., формируя его языковую личность.

Начнем анализ концепта с дефиниционного анализа лексемы *крест* по «Словарю русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой, так как в силу жанровой специфики рассматриваемого медийного контента мы не приводим определения данной лексемы из религиозных лексикографических источников (см. [Макарова

2023]): *«КРЕСТ, -а, м. 1. Символ и предмет христианского культа в виде вертикального стержня, пересеченного у верхнего конца перекладиной (по евангельскому сказанию, на таком кресте был распят Христос); 2. Изображаемый движением правой руки ото лба к груди и от правого плеча к левому знак, повторяющий форму такого предмета»; 3. Фигура из двух пересекающихся под углом линий; 4. Знак отличия, имеющий форму такого предмета»* [МАС 1982: 127].

Анализируемое медийное высказывание композиционно представляет собой диалог с воображаемым собеседником и начинается вопросом *«Ты спрашиваешь, почему мы защищаем кресты?»*, тем самым сразу определяя тему медиатекста, который завершается итоговым ответом на поставленный вопрос *«А поздно – это ад. И именно для того, чтобы он не ждал нас после смерти и не наступил еще здесь, при нашей жизни – мы и защищаем Крест»*, представляя кольцевой тип композиции. Следуя лингвопрагматическим целям медийного дискурса, автор употребляет предложение *Мы защищаем Крест* 11 раз таким образом, что оно проходит через всю «ткань» высказывания с первого вопросительного предложения до последнего, реализуя текстообразующую и смыслообразующую функции, являясь своеобразным концентром всей публикации.

Главный стилистический прием здесь – синтаксический параллелизм с некоторыми модификациями: репрезентированная парцелляция, анафора, неполный синтаксический параллелизм, вопросно-ответная форма. Перейдем к анализу контекстуальных примеров.

1. Синтаксический параллелизм + анафора + вопросно-ответная форма + парцелляция.

«Ты спрашиваешь, почему мы защищаем кресты? Мы защищаем Крест, потому что Он защищает нас. Без креста над Россией не будет России. Без креста над Россией никакие сверхзвуки и искандеры не спасут от крушения и гибели страны»;

«Мы защищаем Крест, потому что и на фронте сейчас Его защищают. А многие там его впервые надели, приняв крещение перед боем. Мы защищаем Крест, потому что он нам дорог».

2. Синтаксический параллелизм + анафора + репрезентированная парцелляция.

«Мы защищаем Крест, потому что в Нем источник нашей силы и русской мудрости. Потому что в Кресте и в Распятом на нем – ответы на все вопросы вообще обо всем. Мы защищаем Крест, потому что и на фронте сейчас Его защищают. <...> Мы защищаем Крест, потому что он нам дорог. <...> Мы защищаем Крест, потому что любим Его»;

«И если мы стыдливо снимем крест с себя, если не будем дорожить своей верой, культурой, традицией, тем, кто мы есть, Господь попустит, что на место нашей веры и нашей культуры придет иная вера и иная культура или иное бескультурье, но умеющие себя хранить и защищать»;

3. Синтаксический параллелизм.

«Храм без креста – это хуже, чем просто дом: это поруганный и оскверненный дом Божий <...> Наш герб без крестов и святого в его сердце – это

просто неумная и опасная птица ...»;

«**Мы защищаем крест** на памятниках, гербах и храмах, потому что **крест** – это главное в них. **Крест** – это то, ради чего и вокруг чего они созданы»

Актуализация семантики лексемы *крест* происходит благодаря использованию рассмотренных стилистических приемов, главным из которых выступает синтаксический параллелизм, но также за счет единства видовременных форм сказуемых (настоящее время), одинакового лексического выражения (лексема *крест*), параллельная связь которого подчеркивается анафорой и благодаря которой «параллелизм предложений усиливается одинаковым лексическим выражением члена предложения, стоящего соответственно в начале или в конце составляющих строфу предложений» [Солганик 2006: 280]. В результате мы наблюдаем значительное расширение семантики лексемы *крест*, приобретение ею новой семантики и, соответственно, новых дополнительных экспрессивных оттенков:

1. ‘Защита’ – «Мы защищаем Крест, потому что **Он защищает нас**»; 2. ‘Оружие’ – «Мы защищаем Крест, потому что **Он – оружие. Потому что “Сим победиши”**» (цитата из Священного Предания, употребленная для подчеркивания авторитетности медиатекста); 3. ‘Сила’ и ‘мудрость’ – «Мы защищаем Крест, потому что в Нем **источник нашей силы и русской мудрости**»; 4. ‘Любовь’ – «Мы защищаем Крест, потому что любим Его. **И Он учит нас Любви – этой тайне будущего века**»; 5. ‘Жизнь’ – «Он – то самое **Древо жизни**, которое узнать и к которому привыкнуть лучше сейчас, здесь, пока мы на земле. Потому что потом узнавать будет поздно».

Проведенный анализ показал, что целью когнитивного подхода в исследовании языковых феноменов является не только реконструкция и актуализация, но и моделирование семантических процессов формирования глубинных смыслов. Когнитивный аспект в описании религиозной языковой картины мира способствует раскрытию ее особенностей в сфере концептуализации и категоризации, вместе с тем изучение православного медиадискурса с коммуникативной точки зрения «сосредоточено на присущих ему жанровых, функциональных и прагматических особенностях, например, основных речевых стратегиях, характерных для данного дискурса» [Малафеев 2013: 37].

Итак, в данном медиатексте концепт КРЕСТ реализует, помимо текстообразующей, в первую очередь концептообразующую и смыслообразующую функции через процессы актуализации и расширения семантики.

Литература

- Болдырев Н.Н., Федяева Е.В. Когнитивные методы исследования в лингвистике: концептуально-инференционный анализ // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 686-703.
- Макарова А.С. Вербализация концепта крест в православной медиапроповеди // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3 (54). С. 725-729.
- Макарова А.С. Концепт РАЙ в православном медиадискурсе: когнитивно-дискурсивный аспект // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 565-568.
- Малафеев А.Ю. Современная православная проповедь: лексика и прагматика // Вестник Сургутского гос. педагогического ун-та, № 5 (26). 2013. С. 37-42.
- МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 2. К–О / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: АН

СССР, 1981–1984.

Солганик Г.Я. Парадигматика стилистическая. Параллельные прозаические строфы // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 279-280.

Хруль В.М. Религия в текстах массовой коммуникации: структурно-семантические, функциональные и этические аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2018.

*Alexandra S. Makarova (Moscow, Russia)
St. Tikhon's Orthodox University*

METHOD OF SYNTACTIC PARALLELISM AS A WAY OF SEMANTIZATION OF CONCEPTS IN ORTHODOX MEDIA TEXTS

The article, based on the texts of Orthodox journalism, analyzes the method of syntactic parallelism used to semantize the concept CROSS. What is new in this study is the study of the central Christian concept on material written by an Orthodox media personality, but not a priest, but a journalist. The semantic dynamics of the concept under study expands, acquiring additional meanings, which is explained by the author's linguopragmatic goals and intentions.

Key words: Orthodox journalism, media text, Orthodox concept, Cross, the method syntactic parallelism

*С.А. Маник (Иваново, Россия)
Ивановский государственный университет*

ПРАКТИКИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Статья посвящена рассмотрению и краткому описанию основных подходов к функционально-когнитивной классификации лексики с точки зрения концептуализации и обобщения ментального опыта и «упаковки» информации с помощью лексических средств в современной англо- и русскоязычной лексикографии. Дальнейшая работа по поиску вариантов систематизации лексики и выработке методики идеографической классификации лексических единиц с опорой на когнитивное содержание и речевое употребление языковых единиц помогут разработать и предложить персонализированные, обновляемые и качественные словарные продукты.

Ключевые слова: Когнитивная лексикография, функционально-когнитивная классификация, лексика

Использование принципов когнитивной лингвистики в процессе составления словарей позволяет обеспечивать системный подход к языку, в частности, к систематизации и контейнеризации соответствующей информации о конкретных словах и их значениях, прямых и переносных, а также о том, как они используются и почему именно таким образом. Лексическая система представляет собой сложную многоуровневую информационную базу, которая передает опыт и знания предыдущих поколений. Поэтому справедливо утверждение, что в словаре отражается лишь малая часть реального языка, однако попытки лексикографов это исправить продолжают. Как справедливо отмечает С. Остерманн, широкое внедрение практик когнитивной лингвистики привело к появлению новой междисциплинарной области исследований, получившей название «когнитивная лексикография» [Ostermann 2015]. Целью настоящей работы является краткое

описание основных подходов к функционально-когнитивной классификации лексики с точки зрения концептуализации и обобщения ментального опыта и «упаковки» информации с помощью лексических средств в современной англо- и русскоязычной лексикографии.

Как известно, практическая лексикографическая наука значительно опережала свою теоретическую основу: глоссарии и словари составлялись интуитивно на основании собственного опыта, знаний и предпочтений ученого при отборе лексических единиц, их переводных эквивалентов и иллюстративных примеров для конкретных целей и по определенным параметрам, без опоры на какие-либо принципы, метаязык. В некоторой степени можно утверждать, что подобные попытки передачи способов и форм познания мира человеком (= лексикографом), формирования и передачи знаний, накопленного опыта и вариантов коммуникации реализуют принцип когнитивности. Первые двуязычные справочники XII–XIII вв., систематизировавшие переводные эквиваленты, исходные слова и словосочетания по главам переводимой книги, являлись идеографическими. Подобный способ описания словарного состава считается одним из самых древних. Во времена становления национальных литературных языков и появления первых словарей национального языка принципы лексикографического описания лексики меняются, начинают складываться различные пути классификации лексики, объединения слов в смысловые разделы, блоки, системы. Такие справочники называют «тезаурусами» (thesaurus).

В настоящее время известно довольно большое количество определений тезауруса: от «полного систематизированного набора данных (понятий) о какой-нибудь области знаний, который позволяет человеку или вычислительной машине в ней ориентироваться» до «словаря с дополнительной информацией о (семантических) связях терминов, таких как синонимы, омонимы, родовидовые отношения, часть/целое» или «упорядоченного управляемого словаря, структурированного таким образом, что в нем между терминами четко определены и идентифицированы отношения эквивалентности, гомографии, иерархии и ассоциации с использованием стандартизированных индикаторов этих отношений» [Словарные статьи сибирского отделения РАН]. Можно заключить, что основополагающим в тезаурусе является выделение неких связей, общих / мелких понятийных групп с целью упорядочивания и наглядной репрезентации заданного лексического пласта.

Первым серьезным опытом систематизации словарного состава языка, как отмечает Г.В. Гафарова, был опубликованный в 1852 г. тезаурусный словарь английских слов и выражений П.М. Роже, или «квалификационный каталог слов», как определил его сам автор [Гафарова 2019]. Так, в лексикографическом справочнике рассмотрены 6 основных классов и 24 входящих в их состав подкласса (например, Abstract Relations (Existence, Relation, Quantity, Order, Number, Time, Change, Causation); Space; Matter; Intellect и т. п.). В немецком языке стоит выделить «Ситуативно-тематический словарь» немецкого языка Ф. Дорнзайфа (1934), во французском – словарь французского языка Р. Халлига и В. фон Вартбурга

(1952) [Гафарова 2019]. Целесообразно подчеркнуть, что все данные проекты составлялись лексикографами вручную и представляют колоссальный и время затратный труд. С корпусной революцией 60-70-х гг. XX в. произошел прорыв в семантизации лексики в лексикографии, поскольку ученые получили доступ к значительному объему аутентичных языковых данных и быстрой машинной обработке этой информации. Главным становится контекст, который исследуется в динамическом аспекте лексической системы, в отличие от более ранних идеографических словарей, в которых языковой материал описан без опоры на живое употребление слов в статике.

Подобный эмпирический подход к изучению языка способствовал развитию контекстуального взгляда на лексическое значение, изменив не только источник данных (кроме художественной литературы стали использоваться публицистические и учебные тексты, медиатексты, научные публикации, а также устные тексты и т. п.), но и их представление в словарях, чтобы продемонстрировать использование слова в контексте (= реальной ситуации употребления), т. е. предложить более реалистичное представление о семантической структуре в духе когнитивного подхода к лексике.

Так, известны проекты WordNet, FrameNet, VerbNet, EuroWordNet, Pattern Dictionary of English Verbs, Russnet, Лексикограф, которые представляют собой лексические базы данных. Все эти новаторские для своего времени проекты стремятся определить и описать стереотипные контексты для вычленения и группировки семантических фреймов. Каждый семантический фрейм состоит из определенных «элементов фрейма», т. е. «различных участников, свойств и других концептуальных ролей», вовлеченных в схематическое представление ситуации [Fillmore, Petruck 2003: 359]. Фреймовая семантика связывает эти ситуативно-специфические семантические роли с их синтаксическими реализациями (грамматическими функциями и типами фраз), тем самым определяя валентность как в семантическом, так и в синтаксическом плане. Базовой структурной единицей подобных проектов является лексикализованное понятие – синонимический ряд (сокращенно «синсет», *synset*), который имеет лексическое оформление в описываемом естественном языке и построен, как правило, из лексико-семантических вариантов слов, в порядке исключения они могут включать устойчивые словосочетания, которые заполняют лексические лакуны в языке [Азарова: URL].

Интересным с позиции когнитивного подхода к описанию лексической системы является также *Reverse dictionary*, в котором поиск осуществляется не по главному слову, а по краткому описанию предмета / феномена / явления. Данный проект просматривает большое количество словарных определений и выбирает те, которые наиболее точно соответствуют поисковому запросу пользователя. Этот проект ближе к тезаурусу в том смысле, что он предлагает синонимы по запросу слова (или короткой фразе), а также выдает много связанных по смыслу слов, которые не включены в тезаурусы. Таким образом, обратный словарь помогает объективировать предметный мир, формировать и выражать идеи, воззрения, выполняет фасилитацию при наименовании.

Выделяя лексикографические практики в семантизации лексики с учетом когнитивного подхода важно описать еще один вариант, когда функционально-когнитивная сфера словаря базируется на одном концепте, который выступает в качестве детерминирующего центра в представлении знаний и включает различные аспекты актуализации общего понятия в процессе речевой деятельности. Мы говорим про словарь С.Н. Гагарина «Толковый словарь вербализации универсального смысла «противодействие» в общественно-политических текстах англоязычных СМИ» (2009). Он полностью реализуется через комплекс типов знаний, которые извлекаются из памяти говорящего и активизируются в речевой коммуникации. Разноаспектные и разнонаправленные типы знаний создают картину ситуации в широком смысле слова. Глобальный концепт покрывает обширное семантическое пространство словаря и при употреблении в речи полностью «высвечивает» разные когнитивные модели актуализации. Структура описываемого универсального смысла выстраивается автором издания как иерархически упорядоченная логико-семантическая пирамида: от представлений о противодействии как логико-семантическом макроконцепте, через его подконцепты, находящиеся с описываемым смыслом в отношениях части и целого, до развернуто описанных спектрами лексем, вербализующих концепты среднего уровня. Таким образом, как отмечает С.Н. Гагарин, данный словарь отражает внутреннюю логико-семантическую структуру универсального смысла как неразрывно связанную с детальной картиной его вербализованного полиморфизма [Гагарин 2009: 5].

Таким образом, функционально-когнитивный подход к описанию лексики в современной лексикографии выходит на первый план, поскольку ученые вместе с пользователями ищут новые интересные форматы для реализации главных функций языка: номинативной, когнитивной, коммуникативной, интерпретирующей и коннотативной. Когнитивность, безусловно, позволяет по-новому интерпретировать содержание слов и смысловых групп лексических единиц, осуществлять иерархическое строение лексем, поскольку предусматривает систематизацию всех типов знаний, имеющих опору на познавательную деятельность человека. В свете когнитивности языковые единицы рассматриваются как отражение определенных пластов человеческого опыта, зафиксированных в языке. Дальнейшие изыскания лингвистов относительно вопросов систематизации лексики с точки зрения концептуализации, генерализации ментального опыта человека, а также сохранения и контейнеризации информации в памяти с помощью лексических средств помогут разработать и предложить персонализированные, обновляемые и качественные словарные продукты.

Литература

Азарова И. В. Выявление лексикализованных понятий в RussNet с использованием контекстной информации из корпуса текстов. URL: http://project.phil.spbu.ru/RussNet/bibliography_ru.shtml.

Гафарова Г.В. Роль когнитивности в развитии идеографической лексикографии // Доклады Башкирского гос. ун-та. 2019. Том 4. № 6. С. 654-660.

Гагарин С.Н. Толковый словарь вербализации универсального смысла «противодействие» в общественно-политических текстах англоязычных СМИ. М.: Дрофа, 2009.

Колоколова Л.П. Функционально-когнитивный словарь – новый тип идеографического

словаря // Филология и человек. 2013. № 1. С. 53-64.

Лексикограф. URL: <http://lexicograph.ruslang.ru>.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. Т. I. М.: Азбуковник, 1998.

Словарные статьи Сибирского отделения РАН. URL: http://db4.sbras.ru/elbib/data/show_page.phtml?20+61.

Функционально-когнитивный словарь русского языка. Языковая картина мира / под рук. Т.А. Кильдибековой. М.: Гнозис, 2013.

EuroWordNet. URL: <https://archive.illc.uva.nl/EuroWordNet>.

Fillmore C., Petrucci M. FrameNet glossary // International Journal of Lexicography. 2003. No. 16 (3). Pp. 359-361.

FrameNet. URL: <http://framenet.icsi.berkeley.edu>.

Ostermann C. Cognitive Lexicography: A New Approach to Lexicography Making Use of Cognitive Semantics // Lexicographica. Series Maior 149. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015.

Pattern Dictionary of English Verbs. URL: <https://pdev.org.uk>.

RussNet. URL: http://project.phil.spbu.ru/RussNet/index_ru.shtml.

VerbNet. URL: <https://verbs.colorado.edu/verbnet>.

WordNet. URL: <https://wordnet.princeton.edu>.

*Svetlana A. Manik (Ivanovo, Russia)
Ivanovo State University*

PRACTICES OF FUNCTIONAL-COGNITIVE CLASSIFICATION OF VOCABULARY IN CONTEMPORARY LEXICOGRAPHY

The article considers major approaches to functional-cognitive classification of vocabulary from the perspective of conceptualization and generalization of mental experience and information pack by means of lexical units in contemporary English and Russian lexicography. Further work on searching variants to systematize the vocabulary and develop methodology of ideographic (= conceptual) lexis classification taking into consideration cognitive content and peculiarities of usage of words will contribute to promotion of personalized, up-dated and high-quality dictionaries.

Key words: Cognitive lexicography, functional-cognitive classification, vocabulary

*Н.С. Олизько (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
olizko@yandex.ru*

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ МЕДИАДИСКУРС: ПРОПАГАНДА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ*

В современном цифровом обществе университетский медиадискурс является эффективным средством пропаганды. Анализ контента университетских социальных сетей с целью выявления прагматического потенциала языковых единиц, выступающих средствами пропаганды, проводится на материале группы ВКонтакте и Телеграм-канала Челябинского государственного университета.

Ключевые слова: университетский медиадискурс, медиaprостранство вуза, прагматингвистические средства пропаганды

* Исследование выполнено при поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2024 г. The study has been made by support of the Foundation for Advanced Scientific Research of the Federal State Educational Institution of Higher Education "CSU" 2024.

Университетский медиадискурс, обеспечивающий информирование преподавателей и студентов вузов, абитуриентов и их родителей, а также широкой общественности, интересующейся вопросами высшего образования, служит эффективным средством пропаганды, так как обладает всеми необходимыми критериями источника массового распространения информации. В связи с этим важным является изучение лингвистических особенностей университетского медиаконтента, выступающего неотъемлемой частью информационной политики современного вуза. Челябинский государственный университет (ЧелГУ) – один из ярких примеров успешного использования медиaprостранства вуза с целью формирования положительного образа университета.

Медиaprостранство вуза играет «важную роль в формировании мировосприятия студентов» [Дунас 2020: 2]. Социальные сети ЧелГУ (группа ВКонтакте и Телеграм-канал) публикуют новости о научных достижениях, конференциях, культурных мероприятиях, спортивных победах и других важных событиях, происходящих в университете. Материалы о значимости образования, о развитии навыков и профессиональных компетенций, о важности активного участия в общественной жизни способствуют формированию у студентов ценностных ориентиров и воспитанию гражданской позиции. Медиaprостранство ЧелГУ предоставляет возможность для диалога и обратной связи между администрацией вуза и студентами. Социальные сети вуза предлагают студентам возможность задавать вопросы, высказывать свои мнения и предложения, а также получать ответы от администрации. Такой подход способствует созданию открытой и доверительной атмосферы в вузе, позволяет студентам чувствовать себя важными и услышанными, формирует у студентов и общественности положительное отношение к вузу и его деятельности.

Прагмалингвистический анализ средств пропаганды позволяет выявить способы формирования общественного мнения и создания определенной атмосферы посредством изучения языковых (лексических, грамматических, стилистических) средств и коммуникативных стратегий воздействия на аудиторию с целью убеждения в определенной идее или действии.

Одной из основных задач медиaprостранства вуза является формирование положительного образа университета. Челябинский государственный университет использует свои медиаресурсы для активного воздействия на массовое сознание студентов, чтобы побудить их к созидательной деятельности и гордости за свой вуз. Пропаганда осуществляет «систематическое и организованное воздействие на массовое сознание студентов с целью формирования определенных взглядов, убеждений и представлений» [Бреслер, Галиуллина 2020: 66]. Функции пропаганды сводятся к следующему:

- формирование идентичности: пропаганда помогает создать единый имидж университета и способствует формированию чувства принадлежности студентов к университетской общности;
- продвижение университета: пропаганда помогает поддерживать имидж университета, привлекать новых студентов и представлять преимущества обучения в вузе;

– распространение ценностей и идеалов: пропаганда в университетском медиадискурсе может служить средством распространения и продвижения определенных ценностей и идеалов, которых придерживается университет;

– поддержка научно-исследовательской работы: пропаганда помогает популяризировать научные исследования, проводимые университетом, и обеспечивает распространение результатов этих исследований;

– привлечение внимания общественности: пропаганда в университетском медиадискурсе может привлекать внимание общественности к деятельности и событиям, связанным с университетом, и способствовать созданию долгосрочных партнерств и связей.

Названные функции пропаганды наглядно реализуются в материале, представленном на странице официальной группы ЧелГУ в ВКонтакте. В шапке профиля содержится следующая информация о вузе:

Челябинский государственный университет

Первый университет на Южном Урале

Добро пожаловать в атмосферу ЧелГУ!

У нас принято:

Вдохновляться успехами.

Слушать экспертов.

Дискутировать конструктивно.

Чувствовать и мыслить.

Прагмалингвистический анализ позволяет установить:

– контекст и цель: целью данного приветственного обращения к посетителям группы ЧелГУ в ВКонтакте является привлечение внимания и создание положительного впечатления о ЧелГУ;

– лексико-стилистическое оформление: используется лексика, доступная широкой аудитории, с акцентом на позитивные аспекты и ценности. Фраза «Первый университет на Южном Урале» устанавливает идентичность университета, подчеркивает, что ЧелГУ является первым университетом в данном регионе. Это создает образ университета с богатой историей и традициями, вызывает ассоциации с высоким качеством образования, престижем и лидерством, привлекает внимание потенциальных студентов и академического сообщества;

– упоминание ценностей: описание деятельности вуза осуществляется через перечисление глаголов, передающих ценности университетской культуры. Выражения «вдохновляться успехами», «слушать экспертов», «дискутировать конструктивно» и «чувствовать и мыслить» подчеркивают важность активного участия в образовательном процессе, поощрение критического мышления и развития личности;

– создание атмосферы: данный текст создает атмосферу дружелюбия и открытости. Восклицательное предложение «Добро пожаловать в атмосферу ЧелГУ!» приглашает посетителей группы ВКонтакте почувствовать себя частью сообщества и погрузиться в уникальную атмосферу вуза.

Рассмотрим пост от 09.12.2023 г., пропагандирующий научные исследования, проводимые в Челябинском университете (<https://vk.com/csu76>). Прагмалингвистический анализ текста, повествующего о разработках ученых ЧелГУ в сфере

изучения депрессии и загрязнения окружающей среды на аквариумных рыбах *Danio rerio*, позволяет установить идентичность вуза как ведущего научного центра. Это вызывает доверие и интерес у широкой аудитории. Актуальность проводимых экологических исследований привлекает внимание специалистов в области экологии и медицины. Междисциплинарный характер проекта, осуществляемого командами факультета фундаментальной медицины и факультета экологии ЧелГУ, укрепляет имидж университета и привлекает абитуриентов, интересующихся такими направлениями знаний, как биомедицина и нейропсихология. Упоминание о том, что данная биологическая модель применяется впервые в регионе, подчеркивает значимость исследований для Челябинской области и может стать основой создания долгосрочных партнерств и связей с экологическими и медицинскими организациями г. Челябинска. Таким образом, пропаганда научных исследований, проводимых в Челябинском государственном университете, помогает поддерживать имидж университета, привлекать новых студентов и обращать внимание общественности на деятельность вуза.

При этом пропаганда может строиться на манипуляции эмоциями и предложении альтернативных вариантов. В период приемной кампании вузы активно борются за внимание абитуриентов и используют в своем медиапространстве различные приемы привлечения внимания поступающих и их родителей. Рассмотрим пост в Телеграм-канале ЧелГУ (<http://t.me/csu76>) от 16.08.2023 г.

Ректор Челябинского государственного университета С.В. Таскаев пропагандирует положительный образ вуза через привлечение внимания к проблемам в системе высшего образования и представления авторской колонки в качестве ответа на эти проблемы. Пост открывается рядом провокационных вопросов («Почему вузы вынуждены не отчислять двоечников?», «Как ЕГЭ ухудшает качество подготовки абитуриентов?», «Что делается в Челябинской области для преодоления кризиса в системе высшего образования?»), подчеркивающих важность и актуальность представленного материала. Данные вопросы призваны вызвать активный эмоциональный отклик аудитории. Предположительно, аудитория может разделиться на два лагеря – одни поддерживают единый государственный экзамен, другие выступают категорически против. Альтернатива традиционной точки зрения призвана создать образ передового вуза, отвечающего вызовам современности. Невербальные элементы поста в виде фотографии ректора ЧелГУ с невозмутимым выражением лица в позе человека, уверенно отстаивающего свою позицию, призваны подчеркнуть незыблемость мнения ректора, готового защищать интересы вуза. Ссылка на авторскую колонку на сайте «Полит74», содержащую ответы на озвученные вопросы, помогает привлечь внимание широкой аудитории, облегчает доступ к информации, устанавливает идентичность университета и создает доверие к представленному материалу.

В целом прагматингвистические средства пропаганды используются для создания эффекта убеждения и воодушевления аудитории, акцентирования внимания, эмоциональной подачи информации и установления контакта с аудиторией для создания положительного имиджа вуза. Важно отметить, что эффективность

прагмалингвистических средств пропаганды может зависеть от контекста, аудитории и целей коммуникации. При выборе и использовании этих средств необходимо учитывать специфику ситуации и адаптировать их под потребности и ожидания аудитории. Медиапространство университета является эффективным инструментом пропаганды, влияющим на молодое поколение. Путем создания позитивного образа вуза, распространения ценностей и идеалов, а также обеспечения возможности для диалога и обратной связи, социальные сети ЧелГУ способствуют формированию у студентов интереса к образованию, развитию навыков к активному участию в общественной жизни.

Литература

Бреслер М.Г., Галиуллина С.Д. Сетевые коммуникации в цифровом обществе: агитация и пропаганда. Уфа: УГНТУ, 2020.

Дунас Д. Медиа для российской молодежи – это социальная среда и культурное пространство // МедиаТренды: Экспертный взгляд факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова на события в СМИ. 2020. № 1 (73). С. 2-3.

Natalya S. Olizko (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

UNIVERSITY MEDIA DISCOURSE: PROPAGANDA IN THE AGE OF DIGITALISATION

In the modern digital society university media discourse is an effective means of propaganda. The content of university social networks is analyzed in order to identify the pragmatic potential of linguistic units that act as propaganda tools on the material of the VKontakte group and the Telegram channel of Chelyabinsk State University.

Key words: university media discourse, university media space, pragmalinguistic means of propaganda

Н.А. Осмак (Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Nataliaosmak@herzen.spb.ru

СИБИРЬ КАК ОПЫТ: ОБРАЗ РЕГИОНА В ФИННОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ)*

Статья представляет результаты анализа финноязычного публицистического дискурса, основанного на материале корпуса заголовков Rossica-T-Fi. К выявленным особенностям относится представление Сибири как личного опыта в широком разнообразии жанров и с разных ракурсов, что отражается как на поверхностном, так и на глубинном уровне дискурса.

Ключевые слова: ксеноним, интерлингвокультурология, дискурс, Сибирь, финский язык

Особенности репрезентации концепта СИБИРЬ и построения дискурса, ориентированного на ее представление, уже давно являются предметом интереса исследователей испанской [Carisio 2023] и английской лингвокультуры. При этом материалом для анализа становится и дискурс художественной литературы

* Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена (проект № 1ВГ).

[Rubert, Nilsen, Timralieva 2021], и путевые заметки [Bolshakova 2016], и источники СМИ [Терских, Маленова 2012], и данные корпусов [Muchkina, Bitner 2021]. Несмотря на сложившуюся традицию изучения образа России и русских в финноязычном тексте [Песонен 2011; Gurova, Ratilainen 2016] Сибирь и специфика связанного с ней дискурса не становилась объектом подробного изучения, хотя сам регион на протяжении многих лет являлся предметом описания в научно-популярной, мемуарной, путевой и художественной литературе финских авторов.

Целью настоящего исследования является определение специфики конструирования образа Сибири в финноязычном публицистическом дискурсе.

Теоретический фундамент работы основан: на трудах В.В. Кабакчи по интерлингвокультурологии, рассматривающей иноязычный (в нашем случае финноязычный) руссоцентрический дискурс как результат вторичной культурной ориентации языка и занимающейся изучением ксенонимов, т. е. «культуронимов, закрепленных за специфическими элементами «чужой», иноязычной, внешней культуры» [Кабакчи, Белоглазова 2020: 29]; теории сильных позиций текста, согласно которой заголовок представляет собой «компрессированное нераскрытое содержание текста» [Гальперин 2007: 133], однако находится за пределами текста, предваряет его, обладая таким образом, определенной степенью независимости; теории дискурса, структура которого, по Т. Ван Дейку, состоит из двух уровней: макроструктуры (глубинный ментальный уровень) и микроструктуры (языковой уровень) [Ван Дейк 1989].

Материалом исследования стал корпус Rossica-T-Fi, в настоящий момент состоящий из 280 заголовков публицистических произведений на финском языке. Если говорить о временных рамках представленного корпуса, то они затрагивают период с 1840 по 2023 гг., что связано с требованием максимальной аутентичности источников.

В процентном соотношении публикации, затрагивающие проблематику Сибири, составляют 38,5% от общего объема корпуса, что лишний раз подчеркивает интерес финноязычных писателей-публицистов к региону.

Анализ структурных схем заголовков показал, что наиболее частотной (47,2%) является двухчастная модель, включающая тезис и пояснение по схеме [тезис : пояснение], например, *Siperia: taigan ja tundran kansoja* (букв. Сибирь: народы тайги и тундры). При этом зачастую пояснение включает указание на жанр произведения (45% от количества двухчастных заголовков). Интересной особенностью материала является, с одной стороны, широкая вариативность предлагаемых жанров (эссе, воспоминания, путевые заметки и пр.), а с другой – их ориентация на личностное впечатление от региона и ракурс рассмотрения, например, *Kamtsatka: nuoren erämiehen muistoja* (букв. Камчатка: воспоминания молодого охотника). Таким образом, Сибирь предстает в финноязычном публицистическом дискурсе как предмет исследований и воспоминаний этнографов, охотников, путешественников, ветеринаров, журналистов, политиков (например, первого президента Финляндии) и заключенных.

В лексическом отношении, кроме введения в название заголовка указания на жанр, обращает на себя внимание широкое употребление ксенонимов, даже более

частотное (151 ксеноним на 108 заголовков) чем в остальной части корпуса Rosica-T-Fi, не затрагивающей тематически Сибирь. Абсолютное большинство ксенонимов представляют собой топонимы – 115 вхождений, позволяющих в ряде случаев «локализовать» конкретную область в столь обширном регионе. Как пишет Ю. Конттинен, «В России название «Сибирь» используют немного иначе, чем в других странах: географически миллионный город Екатеринбург – это не Сибирь, а Урал. <...> Называть Сибирью все, от Урала до Тихого океана, могут по мнению русских, только недалекие иностранцы» [Конттинен 2021: 9]. Поэтому среди топонимов, кроме безусловного лидера *Siperia* (64 упоминания) можно встретить также *Kamsatka*, *Ural*, *Hakassia*, *Altai*, *Ob*, *Jenisei*, *Anadyr*, *Novosibirsk*, *Omsk*, *Tomsk* и пр. Зачастую топоним употребляется в составе другого ксенонима (например, *Trans-Siperia*) или стилистической фигуры (см.: *Kolyman verinen kulta* – букв. Кровавое золото Колымы; *Siperian sylissä* – букв. В объятиях Сибири).

Представленные антропонимы в большей степени относятся к финской культуре и представляют собой имена известных финских деятелей, каким-то образом связанных с Сибирью. Среди них и первый президент Финляндии Свинхувуд (*Svinhufvudin kertomukset Siperiasta* – букв. Рассказы Свинхувуда о Сибири), и филолог-исследователь финно-угорских языков и народов Матиас Кастрен (*Siperian kutsu: kertomus M. A. Castrénin kahdesta tutkimusmatkasta* – букв. Зов Сибири: рассказ о двух научных экспедициях М.А. Кастрена), и другие ученые и бизнесмены (J.G. Gränö, Fridolf Höök, Kauri Mikkola) и заключенные и ссыльные финны (Juho Waino, Juho Punkka, Eino Hietala, Matti Unhuri и пр). Все это способствует тому, что создается ощущение калейдоскопичности изображения региона. Образ Сибири складывается из целого комплекса «личных Сибири»: Сибири исследователей финно-угорских родственных народов, Сибири предпринимателей, Сибири сосланных финнов и ингерманландцев, Сибири добровольно отправившихся жить туда журналистов.

Из антропонимов русской культуры встречаются всего два (Сталин и Берия) в составе устойчивых коллокаций. Так, антропоним Сталин представлен неоднократно в сочетании *Stalinin Siperia* (букв. Сибирь Сталина), что придает топониму метафорическое звучание, отсылая одновременно и к определенной исторической эпохе, и к политическому режиму, и к конкретной локации – сталинским лагерям. Для этих же целей используется и антропоним Берия, который встречается в составе метафоры *Berijan tarhat* (букв. Сады Берии), относящейся также к описанию лагерей для заключенных.

Остальные ксенонимы представляют собой названия коренных народностей Сибири (например, *ostjakkeja* – остяки), отличительные особенности их культуры (например, *samaanit* – шаманы), наименования природных зон (*taiga*, *tundra*) и отсылку к политическому строю (например, *Seikkailuissa bolshevikien maassa* – букв. В приключениях в стране большевиков).

Стилистические решения, кроме упоминаемых метафор, включают также аллитерацию (например, *Muistelmia muilta mailta* – букв. Воспоминания из других стран), антитезу (*Siperiaan – vapaaehtoisesti* – букв. В Сибирь – добровольно), эпи-

тетты (*Rakas Siperia* – Любимая Сибирь). Особый интерес представляет использование и обыгрывание фразеологизма *Kyllä Siperia opettaa* (букв. Конечно, Сибирь научит), который по данным фразеологического словаря используется в случае, когда суровые испытания меняют мировоззрение и взгляды на жизнь [Muikku-Werner, Jantunen, Kokko 2008: 315]. В анализируемом материале встречается 8 названий, использующих либо полностью фразеологизм, либо его короткую версию (*Siperia opettaa* – Сибирь научит) в разных временных формах, как часть заглавия, сопровождающаяся пояснением с указанием жанра книги или ракурса рассмотрения. При этом коннотативный фон контекстов с фразеологизмом не является однородным. Безусловно, ряд книг затрагивает лагерную проблематику, однако часть касается впечатлений от жизни (непростой, но интересной и насыщенной), путешествий, природы и экологии. Кажется, что Сибирь становится в глазах финноязычного читателя подходящим местом для испытания финской стойкости – *sisu* – и потому не воспринимается как что-то однозначно негативное.

Наконец, анализ содержательных доминант материала показал, что отличительной чертой финноязычного публицистического дискурса является объективация Сибири в рамках личных впечатлений, что характерно и для остальной части *Rossica-T-Fi*. Такие традиционные составляющие образа региона как холод, мерзлота, удаленность, протяженность становятся частью этих личных впечатлений.

Сделанные наблюдения позволяют сделать предварительный вывод о специфике конструирования образа Сибири как источника опыта, воспринимаемого как испытание, но не всегда как наказание, что реализуется в рамках публицистического финноязычного дискурса как на уровне микроструктур (лексический, синтаксический, стилистический аспекты), так и на уровне макроструктур (основные содержательные доминанты).

Литература

- Ван Дейк Т.А. Анализ новостей как дискурса // Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 111-160.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: УРСС, 2007.
- Кабачки В.В., Белоглазова Е.В. Введение в интерлингвокультурологию. М.: ЮРАЙТ, 2020.
- Конттинен Ю. Сибирь научит: как финский журналист прожил со своей семьей год в Якутии. М.: ЭКСМО, 2021.
- Песonen П. Россия как мифологизированное пространство в финской современной литературе // *Studia Russica* XII, 2011. С. 184-203.
- Терских М.В., Маленова Е.Д. Специфика метафорической объективации концепта «Siberia» в современном американском медиадискурсе // *Политическая лингвистика*. 2012. № 4 (2). С. 211-220.
- Bolshakova L.P.* Conceptualization of the Image of Siberia in Contemporary Travel Literature // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2016. № 9 (3). P. 551-558.
- Carisio A.* Stereotypical Representations of Siberia in Seventeenth Century Translations // *Translation Studies: Theory and Practice*. 2023. № 3-2 (6). Pp. 5-15.
- Gurova O., Ratilainen S.M.* From shuttle traders to middle-class consumers: Russian tourists in Finnish newspaper discourse between the years 1990 and 2014 // *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. 2016. No. 16 (1). Pp. 51-65.
- Muchkina E.S., Bitner M.A.* Image of Siberia and Siberians in English: linguistic interpretation of axiological meanings // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2021. No. 14 (4). Pp. 459-465.

Muikku-Werner P., Jantunen J.H., Kokko O. Suurella sydämellä ihan sikana: Suomen kielen kuvaileva fraasisanakirja. Helsinki: University of Jyväskylä, 2008.

Rubert I.B., Nilsen E.A., Timralieva Yu.G. Representation of SIBERIA linguacultural Concept in the English Fiction of the 18th – early 20th Centuries // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2021. No. 14 (10). Pp. 1455-1467.

*Natalia A. Osmak (Saint Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University*

SIBERIA AS AN EXPERIENCE: THE IMAGE OF THE REGION IN FINNISH-LANGUAGE DISCOURSE: A CORPUS-BASED STUDY

The paper represents the results of discourse analysis, based on material of corpus Rossica-T-Fi, which includes titles of nonfiction books. The identified features include the representation of Siberia as a personal experience in a wide variety of genres and from different angles, which is reflected both on the surface and on the deep level of discourse.

Key words: xenonym, interlinguoculturology, discourse, Siberia, Finnish language

*Н.С. Пак (Архангельск, Россия)
Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
n.pak@narfu.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В АНГЛИЙСКОМ ОСЛОЖНЕННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ КАК ФАКТОР ВЫБОРА ПРИЕМА ПРЕДРЕДАКТИРОВАНИЯ ТЕКСТОВ ДЛЯ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

В статье рассматривается реализация механизма концептуальной интеграции при формировании смысла английского осложненного предложения. Характер концептуальной интеграции при объединении пропозиций, репрезентируемых первично-предикативной и вторично-предикативными структурами, анализируется как фактор, позволяющий подобрать релевантные приемы предредактирования указанных предложений для машинного перевода.

Ключевые слова: осложненное предложение, вторично-предикативные структуры, концептуальная интеграция, предредактирование текстов для машинного перевода, английский язык

Английское осложненное предложение представляет собой особую полипредикативную компрессированную структуру, образованную путем интеграции первично-предикативной структуры (предикативной линии подлежащее-сказуемое) и вторично-предикативных структур (предикативных линий с «неканонической» [Николаева 2019] предикативностью). Формирование смысла английского осложненного предложения происходит путем объединения пропозиций, репрезентируемых первично-предикативной и вторично-предикативными структурами. В основе такого объединения лежит механизм концептуальной интеграции [Fauconnier, Turner 1998], при которой образовывается иное концептуальное пространство, содержащее проекции отдельных элементов исходных концептуальных структур, но не являющееся их простой суммой. Образованное концептуальное пространство составляет, по определению Н.Н. Болдырева, «особый формат языкового знания, и... может рассматриваться как когнитивная схема разной языковой интерпретации концептуального содержания» [Болдырев 2016: 18].

Несмотря на то, что осложненные предложения выделяются в разных языках, между ними нет однозначного соответствия. Этим обусловлена их сложность для перевода, и, в частности, для машинного перевода, так как поиск эквивалента в каждом конкретном случае должен осуществляться не на формальном языковом уровне, а на уровне концептуального содержания предложения-высказывания. Так, предложениях 1) *While in the water, keep swimming as muscular activity helps generate heat* [Manolis 2019: 403] и 2) *While holding the belt, gently rock back and forth three times* [Doyle 2015] формальная структура является схожей: WHILE + номинативная конструкция и WHILE + конструкция с неличной формой глагола. Системы машинного перевода МП1 (заявлена разработчиками как система нейронного машинного перевода) и МП2 (заявлена разработчиками как гибридная система, сочетающая машинный перевод на основе нейросетей с переводом на основе правил) выдают идентичные конструкции при переводе этих предложений.

МП1:

1.1) *Находясь в воде, продолжайте плавать, так как мышечная активность способствует выделению тепла.*

1.2) *Удерживая ремень, осторожно покачайте его вперед-назад три раза.*

МП2:

2.1) *Находясь в воде, продолжайте плавать, так как мышечная активность помогает генерировать тепло.*

2.2) *Держа пояс, аккуратно качайте его туда-сюда три раза.*

Оба варианта, предложенные системами машинного перевода для каждой из конструкций, содержат ошибки, влияющие на интерпретацию смысла предложения-высказывания. В МП 1.1 и 2.1 некорректно интерпретированы темпоральные отношения между двумя пропозициями: деепричастный оборот в русском языке охватывает весь период нахождения в воде, при этом *продолжать* плавать можно, только если действие уже продолжалось какое-то время. В МП 1.2 и 2.2 объектив, входящий в пропозицию, репрезентируемую вторично-предикативной структурой, ошибочно интерпретирован как относящийся и к первично-предикативной структуре. Нужно не качать *его* (ремень или пояс), а выполнить раскачивающие движения самому адресату. Ошибка на формальном уровне (лишнее местоимение *его*) является следствием неверной интерпретации пропозиционального содержания всего предложения-высказывания.

Для того, чтобы избежать указанных ошибок и улучшить качество результата машинного перевода, целесообразно выполнить предредактирование, т. е. внести изменения в исходный текст перед загрузкой в систему машинного перевода [Коканова, Пак 2022]. В связи с тем, что имплицитная предикативная связь во вторично-предикативной структуре является источником выявленных ошибок, для их предотвращения необходимо осуществить декомпрессию, т. е. развертывание структуры с экспликацией свернутых элементов. При этом дополнительные смыслы и связи, образованные в процессе концептуальной интеграции, не должны быть утеряны. Проанализируем пример 1. В основе интеграции пропозиций, репрезентируемых первично-предикативной и вторично-предикативной структурами,

лежат а) общность агента: адресат сообщения находится в воде, и он же продолжает плавать; б) роль локатива и темпоратива в пропозиции, репрезентируемой первично-предикативной структурой, которую берет на себя вся вторично-предикативная структура: ситуация происходит (где?) в воде, и (когда?) все время, пока в ней находится адресат сообщения; в) потенциальная неоднократность возникновения ситуации ввиду того, что темпоратив задает не абсолютное, а относительное время: адресат может находиться в воде неограниченное количество раз, и всякий раз, все время, пока он в ней находится, ему необходимо плавать. Максимальное сохранение выявленных смыслов обеспечивает прием развертывания вторично-предикативной структуры до придаточного предложения, предикат которого будет выражен глаголом в форме абсолютного настоящего времени:

While you are in the water, keep swimming as muscular activity helps generate heat.

МП1: *Пока вы находитесь в воде, продолжайте плавать, так как мышечная активность способствует выделению тепла.*

МП2: *Пока вы находитесь в воде, продолжайте плавать, так как мышечная активность помогает генерировать тепло.*

Иным образом происходит интеграция пропозиций, репрезентируемых предложением-высказыванием в примере 2. В основе также лежит общность агента: адресат сообщения держит ремень, и он же выполняет раскачивающие движения. При этом роль темпоратива для пропозиции, репрезентируемой вторично-предикативной структурой, не профилируется. На первый план в образованном концептуальном пространстве выходит само действие: необходимо удерживать ремень и только в таком положении выполнить раскачивающие движения. В данном случае при предредактировании целесообразно разделить предложение на два простых для того, чтобы обеспечить равноправность пропозиций и отсутствие общего объектива:

Hold the belt. Gently rock back and forth three times.

МП1: *Возьмитесь за ремень. Аккуратно покачайте взад-вперед три раза.*

МП2: *Держи ремень. Аккуратно качаться туда-сюда три раза.*

Таким образом, анализ характера концептуальной интеграции как когнитивного механизма формирования смысла английских осложненных предложений позволяет выбрать приемы предредактирования, максимально сокращающие количество ошибок машинного перевода. Тем не менее результат машинного перевода даже предредактированного текста нуждается в постредактировании человеком, поскольку только человек способен увидеть за идентичной формальной структурой разное концептуальное содержание и корректно интерпретировать его средствами другого языка.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.

Коканова Е.С., Пак Н.С. Предредактирование текстов для машинного перевода как метод исследования английских конструкций с причастием в медицинском дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 676-680.

Николаева Т.Г. Предложения английского языка с конструкциями незавершенной предикации: семиологический подход: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2019.

Doyle G.R. Clinical procedures for safer patient care. BCcampus, 2015. URL: <https://open-textbc.ca/clinicalskills>.

Fauconnie G., Turner. M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. 1998. Vol. 22. No. 2. Pp. 133-187.

Manolis A. Winter Swimming: Body Hardening and Cardiorespiratory Protection Via Sustainable Acclimation // Current sports medicine reports. 2019. Vol. 18. Pp. 401415.

*Natalya S. Pak (Arkhangelsk, Russia)
Northern (Arctic) Federal University*

CONCEPTUAL INTEGRATION IN ENGLISH SEMI-COMPLEX SENTENCE AS A FACTOR FOR CHOOSING PRE-EDITING TECHNIQUES

The article deals with the mechanism of conceptual integration in English semi-complex sentences. The conceptual integration of propositions represented by primary-predicative and secondary-predicative structures is analysed as a factor for choosing relevant techniques of pre-editing the semi-complex sentences for machine translation.

Key words: semi-complex sentence, secondary-predicative constructions, conceptual integration, pre-editing texts for machine translation, English

*М.А. Пильгун (Москва, Россия)
Российский государственный социальный университет
pilgunm@yandex.ru*

*И.В. Ерофеева (Казань, Россия)
Казанский (Приволжский) федеральный университет
erofeeva89@mail.ru*

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

В статье представлены результаты анализа использования манипулятивных технологий в медиaproстранстве в когнитивном аспекте на примере реализации градостроительного проекта (строительства станций метро «Ул. 800-летия Москвы» и «Лианозово» в г. Москве). В исследовании применялся мультимодальный подход с использованием нейросетевых технологий. *Ключевые слова:* когнитивный подход, нейросетевые технологии, цифровой контент, манипулятивные технологии, социальные медиа

Введение

Когнитивный подход представляется наиболее корректным для анализа манипулятивных технологий, которые используются в медиaproстранстве. Исследование манипуляционных тактик в различных коммуникативных сферах, продолжает оставаться актуальной задачей и представлен многочисленными исследованиями. Так, степень и характер манипуляций, осуществляемых в психотерапевтических практиках описан в [Sachse et al. 2019: 23-29]. Исследование стратегии межличностного представлено в [Sorlin 2016]. Развитие технологий искусственного интеллекта перевело дискуссии о манипуляции на принципиально но-

вый уровень. Все больше растет обеспокоенность тем, что искусственный интеллект (ИИ) может использоваться для манипулирования людьми с нежелательными последствиями как для конкретного человека, а также для общества в целом, что играет ключевую роль в дебатах об этике ИИ [Stahl et al. 2023]. Среди последних научных работ, посвященных указанной теме, можно назвать также [Wang et al. 2023; Pacilli et al. 2023].

Цель исследования: анализ социального напряжения вокруг строительства объекта АО «Мосинжпроект» станций метро «Ул. 800-летия Москвы» и «Лианозово» и выявление манипуляторных технологий, которые используются в контенте, генерированном пользователями.

Дата сбора материала: 1 Январь 2019 – 30 Ноябрь 2020.

Метод: в исследовании применялся мультимодальный подход с использованием нейросетевых технологий, нейросетевой текстовый анализ, анализ лексических ассоциаций, контент-анализ, сентимент-анализ (подробнее см. в [Kharlamov, Pilgun 2023]).

Инструментарий: для сбора данных применялась система Brand Analytics. Анализ контента проводился с помощью нейросетевой технологии TextAnalyst 2.3. и AutoMap. Для визуальной аналитики использовалась платформа Tableau.

Результаты

Анализ общей базы позволил выявить, что самая высокая степень информационной активности авторов (4 117) и максимальное количество сообщений (5 484) приходится на 11.11.2019 (Рис. 1). Пик генерации сообщений (282), так же, как и пик просмотров (7 561 935), пришелся на 25.05.2020. Между тем, анализ уникальных сообщений и просмотров показывает принципиально иную картину (Рис. 2).

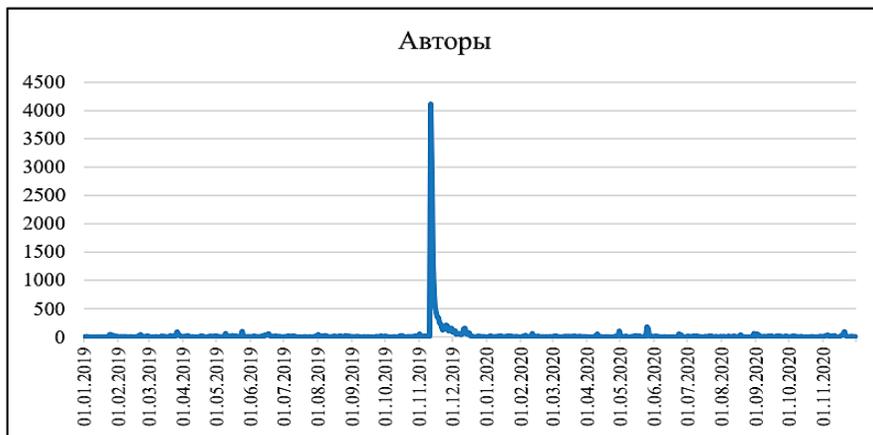

Рис. 1. Динамика активности авторов

Рис. 2. Динамика уникальных сообщений

Сентимент-анализ контента и формирование рейтингов, позволяет выделить конфликтогенные зоны, оценить уровень агрессии (при его наличии) и проанализировать отношение пользователей к проблеме (Рис. 3).

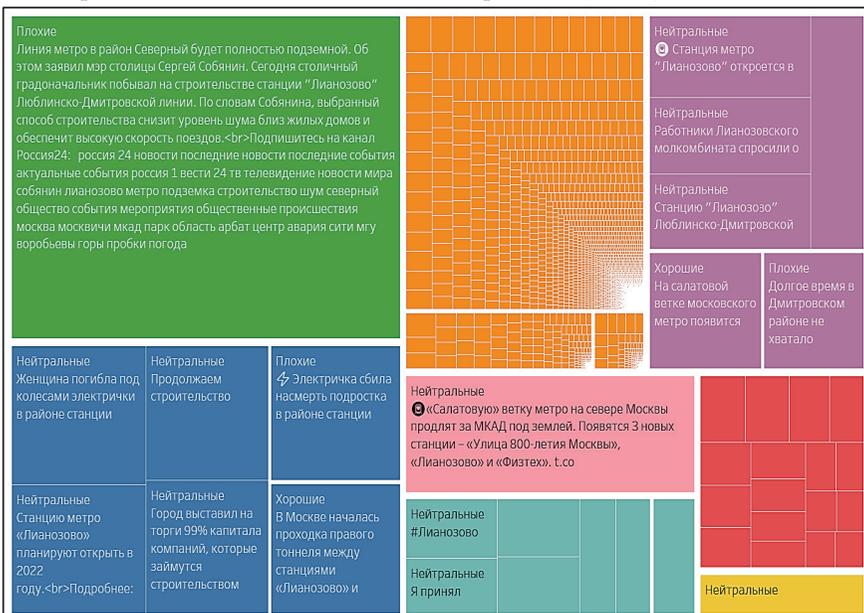

Рис. 3. Тональность текстов, получивших наибольший охват

Анализ тональности цифровых следов акторов показал преобладание нейтральных комментариев, лайков и репостов (Рис. 4), что свидетельствует о положительном восприятии реализации проекта, который воспринимается пользователями как нужный и полезный.

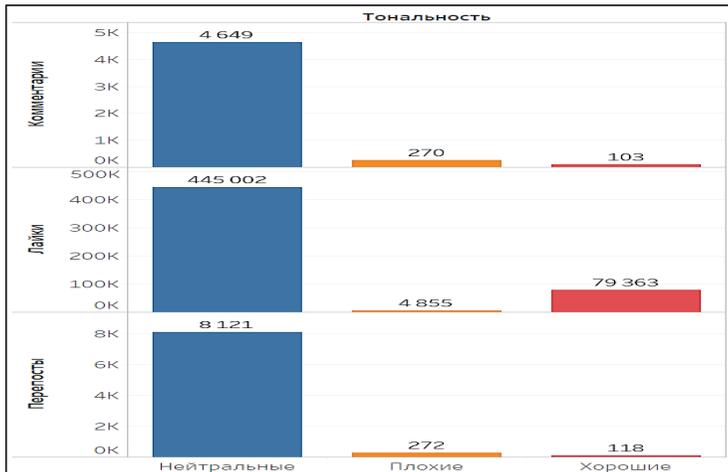

Рис. 4. Тональность цифровых следов акторов

Положительные и нейтральные реакции акторы генерировали по большей части в микроблогах. Отрицательные реакции преобладают на видеохостингах (Рис. 5).

Тип источника	№	Тональность		
		Нейтральные	Плохие	Хорошие
Микроблоги		7 555 210	1 251 436	1 304 292
Видео		787 881	4 981 909	2
Социальные сети		1 802 509	35 021	310 603
Мессенджеры		1 423 580	1 284	254 471
Блоги		106 652	1 088	195
Интернет СМИ		1 620	128	475
Тематические порталы		68	6	18
Магазины		68		
Форумы		40	3	
Другое		6		1
Телевидение		1		

Рис. 5. Тональность сообщений на различных платформах

Следует отметить уменьшение количества позитивных и нейтральных реакций, которое можно объяснить снижением интереса к строительству станций метро «Ул. 800-летия Москвы» и «Лианозово» и общим изменением ситуации, связанной с пандемией. После решения основной проблемы, которая волновала жителей – смены наземного на подземный вид метро, проект положительно воспринимается жителями, как запланированное улучшение транспортной ситуации. С учетом того, что жители района не одно десятилетие ждали строительства станции метро, проект получает закономерное социальное одобрение. Незначительное количество негативных реакций следует отнести к специфической реакции определенного типа пользователей и использованию механизмов манипуляций (Рис. 6, 7).

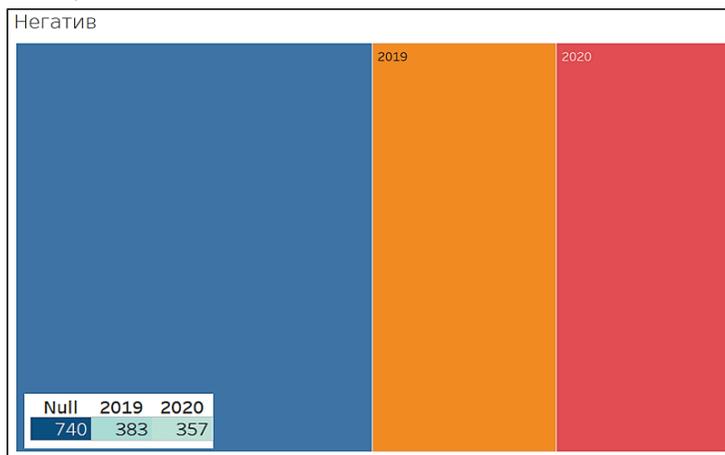

Рис. 6. Негативные сообщения

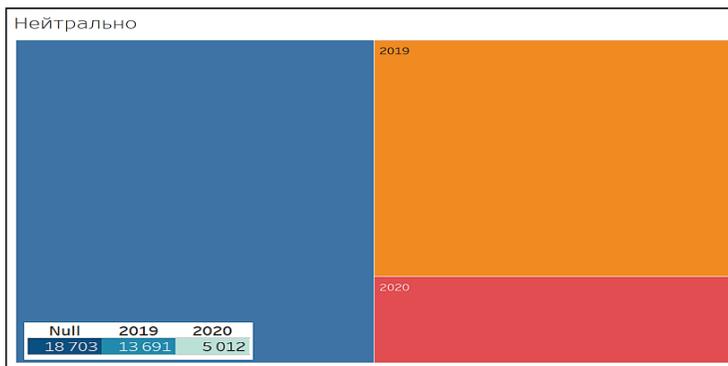

Рис. 7. Нейтральные сообщения

Заключение

Анализ контента, генерированного пользователями, позволил выявить отношение жителей к реализации проекта и сформировать перечень претензий, связанных с реализацией проектов строительства станций метро «Ул. 800-летия Москвы» и «Лянозово». В результате исследования были выделены технологии манипуляций, связанные с созданием нестандартной социальной ситуации и с выбором «мишени воздействия»: побудители активности; регуляторы активности; когнитивные комплексы; операциональные комплексы; психические состояния.

Литература

- Kharlamov A.A., Pilgun M.* Perception of the Situation: Social Stress and Well-Being Indices. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 544 LNNS, 2023. Pp. 778–790.
- Pacill, M.G., Spaccatini F. & Roccato M.* You Look So Beautiful... But Why Are You So Distressed?: The Negative Effects of Appearance Compliments on the Psychological Well-being of Individuals in the Workplace // *Sexuality & Culture*. 2023. No. 27. Pp. 5-20.
- Sachse R., Franqué F.* Manipulation // *Interaktionsspiele bei Psychopathie, Antisoziale Manipulation erkennen und konstruktiv bewältigen* / ed. by R. Sachse; F. Franqué. Heidelberg: Springer, 2019.
- Sorlin S.* Language and Manipulation in House of Cards; A Pragma-Stylistic Perspective. London: Palgrave Macmillan, 2016.
- Stahl B.C., Schroeder D., Rodrigues R.* Manipulation // *Ethics of Artificial Intelligence; Springer Briefs in Research and Innovation Governance*. Cham: Palgrave Macmillan, Springer, 2023.
- Wang. C., Tang F., Zhang Y.* et al. Towards harmonized regional style transfer and manipulation for facial images // *Computational Visual Media*. 2023. No. 9. Pp. 351-366.

Maria A. Pilgun (Moscow, Russia)

Russian State Social University

Irina V. Erofeeva (Kazan, Russia)

Kazan (Volga Region) Federal University

MANIPULATIVE TECHNOLOGIES IN THE MEDIA LANDSCAPE: THE COGNITIVE ASPECT

The report presents the results of an analysis of the use of manipulative technologies in the media space in the cognitive aspect using the example of the implementation of the urban planning project (construction of the metro stations “St. 800th anniversary of Moscow” and “Lianozovo” in Moscow). The study used a multimodal approach using neural network technologies.

Key words: cognitive approach, neural network technologies, digital content, manipulative technologies, social media

*А.М. Плотникова (Екатеринбург, Россия)
Уральский федеральный университет
имени первого президента России Б.Н. Ельцина
annaplotnikova@urfu.ru*

«ЦИФРОВАЯ УСТАЛОСТЬ» В КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ И ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНАХ МИРА

В статье предлагается методика реконструкции образного фрагмента русской языковой картины мира, связанного с интерпретацией цифровой усталости. Анализируется семантика новых лексических и фразеологических единиц, относящихся к идеографической сфере «цифровое общество». Характеризуются метафоры цифровизации как болезни, пищевая метафора потребления вредного, а также некоторые пространственные метафоры, конструирующие цифровую среду.

Ключевые слова: когнитивная метафора, концептуализация, языковая картина мира

В современных толковых словарях неологизмы, связанные с охватившими в последние годы весь мир процессами цифровизации, постепенно приобретают словарную фиксацию. Лексика и фразеология цифрового общества оказывается негомогенной в семантическом отношении, она пронизывает многие денотативные сферы, например, человек (*цифровые аборигены, миллениалы, виртуальная личность*), интеллект (*искусственный интеллект, нейросеть*), образование (*онлайн-лекция, дистанционное обучение*), техника (*веб-сервис, софт, кибербезопасность*), СМИ (*мессенджер, фиджитал*), общие социальные понятия (*цифровизация, цифрократия*). Прилагательное «цифровой» (и его аналог «диджитал») характеризуется семантической диффузностью и приобретает широкую сочетаемость, которую Е.В. Маринова называет комбинаторной экспансией [Маринова 2023а]. Высокая словообразовательная активность единиц гнезда с доминантой «цифра» служит показателем значимости этой сферы для жизни современного общества. В последний год нарастает частотность единицы «нейросеть» в цифровом, а не биологическом значении.

Дискурсивные особенности «цифровой» лексики и фразеологии ярко проявляются в публицистике протестного в отношении распространения цифровых технологий характера, а также в современной художественной литературе, где искусственный интеллект становится главным героем произведения (романы А. Горбуновой, К. Буржской и др.), построенного на развернутой метафоре человеко-машинной коммуникации. Е.В. Маринова пишет об общей идее «антицифровых» номинаций – «идее несвободы (цифровое рабство, цифроматрица, цифрофашизм, цифровой концлагерь, цифроколонизовать, цифрократия и др.). По-видимому, именно в ограничении личной свободы, как со стороны «цифрового государства», так и со стороны «человекоподобной техники», критически настроенные в отношении цифрового общества медиа-авторы видят основную

гуманитарную угрозу как в ближайшем будущем, так и в дальнейшей перспективе [Маринова 2023б, 33].

Такого рода дискурсивная оптика определяет и тот факт, что влияние цифрового контента на человека осмысливается в терминах уставания, усталости.

Универсальное для всего человечества свойство уставать концептуализируется в языке и дискурсе в разные исторические эпохи многообразно, что легко объясняется изменениями труда, быта, духовной жизни человека, его отношения к себе и миру. В работе Ж. Вигарелло «История усталости от Средневековья до наших дней» показано, как меняются общественные представления об усталости, как на смену усталости от тяжелого физического труда приходит усталость, вызванная борьбой с самим собой, как появляются в системе координат современного человека представления о психической нагрузке, выгорании, тревожности, т. е. иных видов усталости [Вигарелло 2024]. За пределами внимания автора оказываются важные для современного человека представления об информационных перегрузках, цифровой усталости, которые отображаются в языке и в которых закрепляются некоторые представления современного человека об устройстве цифрового мира.

Следует отметить, что словари русского языка связывают усталость преимущественно с физиологической сферой. Так, в Универсальном словаре-тезаурусе русского языка под ред. Л.Г. Бабенко слово «усталость» и семантически связанные с ним лексические единицы отнесены в группу «Физиологические процессы и состояния живого существа, их признаки» [Бабенко 2015]. В результате исследования М.В. Дудоровой (автором-составителем этой группы слов в идеографическом словаре) установлено, что «в семантике лексем отражены следующие когнитивные признаки: степень усталости (слабая – средняя – сильная); причины возникновения состояния (чрезмерная работа; физиологическая неспособность осуществлять деятельность; длительная невозможность восстановления сил; многозадачность субъекта); уровень возникновения состояния (физический – физический и психический) и проявление состояния во внешнем виде субъекта» [Дудорова 2022].

Не останавливаясь подробно на обширной психологической и философской литературе, в которой демонстрируется, как цивилизационный слом привел к переносу усталости из физиологической сферы в область душевных переживаний и социального самосохранения, рассмотрим, как язык реагирует на информационное воздействие, которое оказывает на человека цифровая среда.

Поскольку воздействие цифровой среды на человека связано в первую очередь с изменениями представлений об объемах информации, слова *цифровой* и *информационный* в ряде словосочетаний выступают как синонимичные, например, *цифровая усталость – информационная усталость*, *цифровая перегрузка – информационная перегрузка*. В этих сочетаниях и слово «цифровой», и слово «информационный» характеризуется семантической диффузностью, неопределенностью, размытостью смыслового содержания.

Для концептуализации цифровой или информационной усталости как явле-

ния не всегда наблюдаемого, осознаваемого и трудно описываемого, сформировались определенные метафорические модели с донорской и реципиентной зонами. Поскольку тематика цифровой усталости актуализируется во время пандемии коронавируса, то наиболее заметным становится представление цифровой усталости как болезненного состояния, охватившего человечество.

1. Метафорическая модель цифровизации как болезни, вируса.

Даже в контекстах, отрицающих статус цифровой усталости как болезни, видно использованием единиц этого семантического поля (поразить, вирус, страдать): «*“Информационная усталость” или, в современных реалиях, “цифровая усталость” – не болезнь, не расстройство личности, не особенность психики. Этой дефиниции не встретить в медицинских справочниках и рекомендациях ВОЗ. Тем не менее от нее страдают миллионы людей. В пандемию это состояние со скоростью вируса поражало “новых удаленщиков”. <...> И что можно противопоставить очередной “болезни поколения”?*» (URL: <https://vc.ru/services/148205>).

Развитием этой метафоры является метафорическое словосочетание *цифровая гигиена*, приобретающее также устойчивый характер.

К наименованиям психологических синдромов и психических болезней способно присоединяться прилагательное *цифровой* (*цифровое выгорание, истощение, слабоумие, цифровая деменция*).

2. Метафорическая модель цифровизации как переедания, потребления чего-либо вредного. Хотя пищевая метафора востребована в дискурсивных практиках, и ей посвящена обширная научная литература, однако лексика, называющая продукты питания или вкус продукта, не используется для обозначения цифрового потребления. В основе метафоры лежит признак вреда, который приносит цифровизация, а избавление от этого вреда связано с соблюдением здорового образа жизни: *цифровая диета, цифровой детокс*. Например: «*...как проходит моя жизнь в цифровом хмелю*» (социальные сети), «*Такой детокс принимает разные формы. Люди уходят из онлайн с вечера пятницы до вечера субботы (это называется цифровой шаббат), чтобы насладиться общением с семьей*» (URL: <https://t-i.ru/articles/33612>).

Несоблюдение правил метафорически представлено как «цифровое ожирение» или при помощи бленда «*инфоксикация*» (словообразовательной контаминации единиц «*информация*» и «*интоксикация*»).

3. Метафорическая модель цифровой среды как зоны, куда человек погружается. В неологизмах *думскороллинг* или *думсерфинг* эта метафора не ощущается, так как не всегда осознается внутренняя форма слов, а общежаргонные единицы *зависнуть, залипнуть* хорошо отражают ориентационные метафоры нахождения где-либо. При описании способов преодоления цифровой усталости используется метафора удаления лишнего, ненужного (*цифровая уборка*).

Информация также предстает как физический объект, способный давить на человека (*информационная перегрузка*), создавать некомфортную звуковую среду (*информационный шум*).

Как видно из приведенных примеров, метафорическая экспансия широкого

круга лексических единиц для описания негативных последствий воздействия на человека элементов цифровой среды оказывается способом когнитивного конструирования двух миров, как будто бы противопоставленных друг другу? Мира реального и мира цифрового, называемых иногда с использованием слов *онлайн* и *офлайн*. Исходные сферы метафорических моделей, используемых для концептуализации цифровой усталости обладают общим семантическим признаком вреда, приносимого душевному и физическому здоровью человека, его благополучию.

Литература

Бабенко Л.Г. Синописис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) // Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Москва; Екатеринбург: Каб. ученый, 2015. С. 22-42.

Вигарелло Ж. История усталости от Средневековья до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 2024.

Дудорова М.В. Концептуализация состояния усталости в русском языке // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 107-111.

Маринова Е.В. Русский язык цифрового общества: семантика, сочетаемость, прагматика ключевых слов // Русский язык за рубежом. 2023. № 2 (297). С. 24-28.

Маринова Е.В. Идея несвободы в новообразованных русскоязычного антицифрового дискурса // Медиа в современном мире. 62-е Петербургские чтения: сборник материалов ежегодного 62-го Международного научного форума: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. А.А. Малышев. СПб.: Медианапринт, 2023.

Anna M. Plotnikova (Yekaterinburg, Russia)

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

“DIGITAL FATIGUE” IN THE CONCEPTUAL AND LANGUAGE WORLDVIEWS

A method for reconstructing a figurative fragment of the Russian language worldview related to the interpretation of digital fatigue is suggested in this article. The semantics of new lexical and phraseological units relating to the ideographic sphere “digital society” is analyzed. The metaphors of digitalization as an illness, food-related metaphors and some spatial metaphors which construct a digital environment are characterized.

Key words: cognitive metaphor, conceptualization, language worldview

Е.В. Суворина (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

SuvorinaEV@mgpu.ru

Е.О. Шевелева (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

shevelev28@mail.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ТРИПЛЕТА «POWER – STRENGTH – FORCE»

В статье представлены результаты дескриптивного анализа коллокатов лексического триплета *power–strength–force*, характеризующего смысловое пространство POWER, на материале лингвистического корпуса NOW. Проведено сравнение полученных данных с ранее выявленными на основе дефиниционного анализа концептуальными признаками указанных единиц и описаны дополнительно обнаруженные аспекты семантического содержания анализируемых слов.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, смысловое пространство, ментальный конструктор, семантическое портретирование, лингвистический корпус, коллокация

Современные лингвистические исследования, выполненные в рамках когнитивной лингвистики, нацелены на многоплановое изучение ментальных конструкторов, которые отличаются разной степенью сложности структуры и содержания, а также разным характером самих отображаемых объектов действительности. На постижение сущности подобных ментальных конструкторов – смысловых пространств (далее – СП) – нацелен весь арсенал приемов и методов изучения воплощающих их лингвистических объектов, т. е. многочисленных и разнообразных средств объективации данных ментальных образований в языке.

Одним из наиболее крупных смысловых пространств, составляющих англоязычную картину мира, является СП POWER, представленное на ментальном уровне несколькими концептуальными разновидностями (*ability, control, energy, force, influence, strength*) и реализующееся в языке в виде системы макро- и микрополей, наполненных лексическими репрезентантами соответствующих субконцептов [Шевелева 2015]. Такие концептуальные составляющие POWER как *strength* и *force* служат важнейшими смысловыми узлами POWER и объективируют представления о POWER как о статической сущности, определяющей POWER с одной стороны (в разновидности *strength*), как «полученной из определенного источника физической, психической или социальной способности субъекта» [Шевелева 2015: 127], с другой (в разновидности *force*) – как «способности субъекта применять силу в отношении объекта» [там же: 133]. При этом важно отметить, что на концептуальном уровне в отличие от *strength*, чье смысловое содержание базируется на концептуальных доминантах «источник», «субъект» и «способность», представление о *force* детерминировано такими доминантными признаками, как «субъект», «способность», «активная деятельность» и «объект».

Выявленные концептуальные разновидности POWER составляют лишь общий концептуальный каркас исследуемого СП и сами служат номинантами соответствующих концептов, которые реализуются в языке в виде обширных лексических полей, обладающих различной номинативной плотностью и семантическим содержанием. Таким образом, для установления концептуальных оснований разграничения данных единиц как синонимов особую актуальность и значимость приобретает изучение концептуальных различий единиц-номинантов концептов.

В настоящее время в рамках лингвистических исследований, посвященных, в частности, вопросам синонимии, широко применяется термин «портретирование языковых единиц». Речь может идти о семантическом портретировании, лексическом портретировании, прагматическом портретировании и т. д. Под «семантическим портретированием» мы понимаем выявление набора семантических компонентов и выражаемых ими признаков, составляющих смысловое содержание исследуемых лексических единиц. Как правило, такие исследования проводятся с применением классической методики компонентного анализа, входящего

в инструментарий структурной лингвистики. Очевидно, что подобные исследования не ограничиваются рамками изучения семантики лишь одной лексической единицы. Предметом анализа всегда оказываются целые группы лексики, те или иные семантические (тематические) области [Беляевская 2023]. Кроме того, как отмечает Е.Г. Беляевская, необходимо учитывать семантику единиц одной семантической области, «чтобы установить сходства и различия в их смысловом содержании» [там же: 20]. Полученные таким образом семантические признаки служат параметрами разграничения между синонимами. Установление семантических доминант СП POWER велось в большей степени посредством дефиниционного анализа с применением компонентного портретирования.

Важным инструментом анализа смыслового содержания лексических единиц, репрезентирующих те или иные концепты, можно также считать их «лексическое портретирование», а именно изучение коллокатов этих единиц в корпусах естественного языка. Данная методика позволяет построить лексические профили единиц и выявить когнитивные особенности процессов употребления тех или иных конструкций [Суворина 2011; Позднякова 2012]. Кроме того, изучение смыслового содержания лексических единиц в режиме реального функционирования в языке позволяет решить проблему так называемого «семантического разрыва», или существенной разницы между семантикой единицы, закреплённой в лексикографических источниках, и ее концептуальным содержанием в процессе контекстуального функционирования.

Цель статьи – провести дескриптивный анализ коллокатов лексического триплета *power – strength – force* и сравнить полученные данные с ранее выявленными на основе дефиниционного анализа концептуальными признаками указанных единиц. Это позволит верифицировать полученные ранее данные относительно специфики представлений о СП POWER в английском языковом сознании.

Общие статистические представления об употреблении анализируемого триплета лексем *power – strength – force* получены из анализа результатов работы корпусного менеджера корпуса NOW (News on the Web). Данный корпус содержит на дату обращения 17.6 миллиардов слов, аккумулированных из сетевых версий газет и журналов за период с 2010 г. по 1 июля 2023 г. Корпус постоянно обновляется, увеличиваясь в размере на 180–200 миллионов слов каждый месяц, что соответствует обработке примерно 300000 статей. В корпус включаются англоязычные источники следующих стран: США, Канада, Великобритания, Ирландия, Австралия, новая Зеландия, Индия, Шри Ланка, Пакистан, Бангладеш, Малайзия, Гонконг, ЮАР, Нигерия, Гана, Кения, Танзания и Ямайка. Доступ к интерфейсу корпусного менеджера осуществляется по адресу <https://www.english-corpora.org/now>. Обращение к массивной электронной базе данных является необходимым условием современного лингвистического исследования, основными принципами которого являются объективность, достоверность и воспроизводимость полученных результатов [Сулейманова 2017; Сулейманова 2020; Сулейманова 2022].

Для дескриптивного анализа были сформированы запросы к корпусному менеджеру на поиск коллокатов следующих конструкций: *adj + power*, *adj +*

strength, adj + force строго в (-1) позиции слева от анализируемого слова и *power + of + noun, strength + of + noun, force + of + noun* строго в (+1) позиции справа. Отбор коллокатов проводился по первичной (raw) частотности употребления в корпусе. Первоначально мы ограничились тридцатью первыми коллокатами, однако дальнейший анализ показал резкий спад частотности употребления для коллокатов с номерами выше десяти для отдельных комбинаций, в частности, для конструкции *force + of + noun* частотность для коллокатов выше десяти становится исчезающе малой.

Перейдем к анализу полученных результатов. Начнем с конструкций *adj + power, adj + strength, adj + force*, указав наиболее значимые коллокаты (в скобках даны числовые показатели частотности). Так, для лексической единицы (далее ЛЕ) *power* характерны такие коллокаты как: *nuclear* (90173), *solar* (67686), *political* (37113), *electric* (32106), *coal-fired* (29407), *thermal* (17438), *new* (15177), *renewable* (14837), *great* (14843), *economic* (13977), *soft* (13843). Для ЛЕ *strength: full* (17989), *relative* (12441), *financial* (11873), *mental* (9303), *physical* (6693), *greatest* (6069), *inner* (5055), *economic* (4831). Для ЛЕ *force: driving* (56054), *full* (24276), *excessive* (21932), *military* (17547), *deadly* (13740), *blunt* (10649), *dominant* (10540), *political* (9459), *powerful* (8231).

Анализируя полученные списки коллокатов, можно отметить следующее: для ЛЕ *power* характерны коллокации, связанные с энергетикой (*nuclear, solar, electric*), а также с внешнеполитической деятельностью и «весом» страны на международной арене (*political, economic*). Для ЛЕ *strength* – коллокации, связанные с экономикой (*sanctioned, overall, growing*), а также с психической деятельностью человека (*emotional, true, superhuman, mental*). Для ЛЕ *force* характерны коллокации, представленные в научных или учебных текстах (*driving, full, excessive, joint, gravitational, mobile, physical, dominant, nuclear*), а также связанных с политико-милитаристскими включениями.

Пересечения полученных множеств представлены следующими коллокатами: в паре *power – strength: great, real, high*; для пары слов *power – force: nuclear, major*; в паре *force – strength* пересечение наблюдается в коллокате *physical*. Коллокатами, встречающимися во всех трех множествах, являются: *political/full/military*. Важно отметить, что для каждого анализируемого слова вышеупомянутые общие коллокаты имеют разные значения частотности употребления и разную упорядоченность, а именно: для коллоката *political: political power, political force, political strength*; для коллоката *full: full strength, full force, full power*; для коллоката *military: military force, military power, military strength*.

Перейдем к рассмотрению конструкций *power / strength / force + of + any noun*. Для ЛЕ *power* наиболее частотными являются следующие коллокаты: *attorney* (13390), *love* (3954), *music* (3801), *technology* (3612); для ЛЕ *strength: character* (5309), *schedule* (3538), *women* (735), *feeling* (572); для ЛЕ *force: nature* (8786), *law* (3182), *will* (1636), *gravity* (1427).

Очевидно, что привлечение корпусных данных позволяет исследователю обнаружить дополнительные аспекты семантического содержания анализируе-

мых единиц и таким образом дополнить полученные ранее данные об их концептуальном содержании.

Литература

Беляевская Е.Г. Дефиниционный анализ в когнитивных исследованиях языка // Когнитивные исследования языка. 2023. № 5 (56). С. 19-24.

Позднякова Е.М. Моделирование участка ментального лексикона: компьютерно-корпусный подход // Когнитивные исследования языка. 2012. № 11. С. 173-177.

Сулейманова О.А. К вопросу о нормативности письменного академического дискурса // Вестник МГПУ. Серия: филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 2 (26). С. 52-61.

Сулейманова О.А. Принципы и методы лингвистических исследований. М.: Языки народов мира, 2020.

Сулейманова О.А. Методика лингвистического исследования как актуальный раздел современной научной публикации // Вестник МГПУ. Серия: филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 4 (48). С. 88-101.

Суворина Е.В. Построение лексического профиля слова по различным статистическим критериям (на материале Британского Национального корпуса) // Вестник МГОУ. Серия: лингвистика. 2011. № 5. С. 163-167.

Шевелева Е.О. Семантические доминанты смыслового пространства «POWER» («СИЛА») в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.

*Ekaterina V. Suvorina (Moscow, Russia)
Moscow City University*

*Evgeniia O. Sheveleva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University*

LINGUOCOGNITIVE STUDY

OF THE LEXICAL TRIPLET “POWER – STRENGTH – FORCE”

The results of the descriptive analysis for the collocates of the words *power – strength – force* based on NOW corpus are presented. The data are compared with the previous results of the definitional analysis, namely with the derived conceptual features. New evidence of the semantic extension of the triplet is discussed.

Key words: cognitive linguistics, conceptual space, mental construct, semantic portrait, linguistic corpora, collocation

*А.О. Чупахина (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)
alexandra.chupakhina@mail.ru*

ФРЕЙМ «ARTIST» КАК КОГНИТИВНОЕ ОСНОВАНИЕ ДИСКУРСА ИНТЕРВЬЮ О ЦИФРОВОМ ИСКУССТВЕ

В статье исследуется фрейм ARTIST как основание когнитивного уровня дискурса интервью о цифровом искусстве. Выявляется сложная структура фрейма, особое внимание уделяется описанию этапов воссоздания структуры фрейма в рамках интервью. Анализируются основные компоненты фрейма и определяется его дискурсообразующий характер.

Ключевые слова: дискурс интервью, дискурсообразующий фрейм, структура фрейма, когнитивное основание, цифровое искусство

Цифровые медиа и технологии стали неотъемлемой частью практически любой деятельности человека, не обходя и искусство. Неудивительно, что художники, которые используют высокотехнологические формы творческого выражения, вызывают интерес даже у людей, не являющихся специалистами в мире искусства, не говоря уже об искусствоведческих изданиях и агентствах, которые не только описывают произведения и выставки, задействующие цифровую эстетику, но и берут интервью у художников, которые данную эстетику создают.

Интервью представляет собой формализованную диалогическую форму взаимодействия. Анализируя коммуникативную ситуацию интервью, А.А. Кибрик выявляет ее основных участников: интервьюер – инициативное лицо, задающее форму диалога и его общую структуру, респондент – лицо, которое не только подчиняется заданной интервьюером последовательности вопросов и ответов, но и проявляет собственную волю, и аудитория – группа лиц, воспринимающая и интерпретирующая содержание коммуникации между интервьюером и респондентом. Ученый отмечает, что перед взаимодействием с респондентом у интервьюера формируется коммуникативное намерение, являющееся стимулом для взятия интервью. Интервьюер предполагает, что в сознании аудитории имеется формат структурированного знания, некий фрейм, связанный с определенной предметной областью, в котором есть незаполненные слоты. Заполнение пустых слотов представляет интерес для аудитории, поэтому интервьюер обращается к респонденту, благодаря которому данные слоты можно заполнить [Кибрик 1991].

Представляется логичным заключить, что, общаясь с респондентом, интервьюер стремится наиболее полно воссоздать всю структуру интересующей его и аудиторию предметной области. Фрейм, актуализирующий иллюкутивную цель интервьюера, является когнитивным основанием дискурса интервью; восстановление его исходной структуры и его дальнейшая вербализация выполняются с опорой как на устный, так и на письменный текст интервью.

Для исследования мы обратились к дискурсу интервью о цифровом искусстве, в котором беседа с одним и тем же художником представляется разными искусствоведческими изданиями и агентствами. Таким образом, материалом для настоящего анализа послужили письменные диалогические тексты интервью с художником Кейси Риз, который создает свои работы в сфере цифрового искусства. Учитывая сферу профессиональной деятельности респондента, справедливо утверждать, что одним из доминантных фреймов, выступающим когнитивным основанием рассматриваемого нами дискурса, является фрейм ARTIST.

Как было отмечено выше, участниками интервью являются интервьюер, респондент и аудитория. Однако, на наш взгляд, аудитория и интервьюер могут понимать семантическую пресуппозицию фрейма не одинаковым образом, поскольку не вся аудитория интервью является целевой. Чаще всего интервьюер имеет более широкий фонд общих знаний с респондентом, чем аудитория, поэтому интервьюер перед представлением интервью и непосредственно во время него расширяет или дополняет знания аудитории, чтобы в дальнейшем избежать

коммуникативной неудачи. Это обуславливает особенность процесса воспроизведения и восстановления фрейма ARTIST.

В своей структуре фрейм ARTIST имеет заполненные и пустые слоты. У интервьюера есть примерный вариант заполнения пустых слотов (терминалов), который можно проследить в вопросах для реципиента. В процессе коммуникативного взаимодействия с респондентом, интервьюер, исходя из структуры фрейма, пытается заполнить терминалы фрейма.

Воссоздание структуры фрейма ARTIST можно проследить в рамках текста интервью. Так, содержание некоторых слотов фрейма вербализируется уже в зачине. Интервьюер в зачине текста интервью с художником, как правило, вербализует слоты фрейма ARTIST, представляющие собой пресуппозиции: в них содержится та базовая информация, которая необходима для адекватного восприятия и понимания речи респондента со стороны аудитории. Остальные слоты вербализируются в основной части интервью, состоящей из диалогического развития темы беседы. Стоит отметить, что пресуппозиционная составляющая фрейма выявляется и дополняется и в основной части интервью.

Исследование показывает, что фрейм ARTIST обладает достаточно сложной структурой. В процессе анализа языкового материала было выявлено, что фрейм состоит как из простых слотов, содержащих в себе конвенциональные знания о художнике, так и из слотов, представляющих собой субфреймы, которые образуют свою подструктуру.

Таким образом, стержневой фрейм ARTIST имеет такие простые слоты, как OCCUPATION – содержит информацию о деятельности художника, помимо творчества в области цифрового искусства, и PLACE OF WORKING – содержит пространственно-фактуальную информацию о деятельности художника, актуальную на момент разговора. Рассматриваемые слоты тесно связаны и являются своего рода «анкетными данными», поэтому их актуализация обнаруживается в зачине проанализированных интервью. Рассмотрим следующий дискурсивный фрагмент: *Casey Reas is a renowned software artist and a professor of Media Arts at UCLA. With Ben Fry, he co-founded Processing, an open-source programming language for artists. He is also the co-creator of Feral File, an online gallery for digital art exhibitions* [Dalos Dov: URL].

Следующий простой слот рассматриваемого фрейма – ART TOOL. Слот содержит информацию о средствах творческого выражения художника: *I've trained dozens and dozens of models on custom data sets over the last year and a half and I've experienced images generated from the models that have no clear relationship to the training images. For me, this is the primary excitement and reason to be working with GANs* [Studio International: URL].

Другой выявленный слот – ARTWORKS, содержит информацию о творческой сфере художника и его работах: *Reas' body of work consists mainly of a series of pieces developed from different versions and applications of software that he creates* [там же].

Слот ARTWORKS является субфреймом и образует свою собственную под-

структуру, в которую входят субслоты, представляющие собой терминалы, поэтому их актуализация происходит в вопросе интервьюера, а заполнение обнаруживается в ответе художника. Это субслоты:

CREATING PROCESS – содержит информацию об особенностях творческого процесса художника: *I have many different ways of making things, but ideas usually bang around in my head for a long time <...> Then, I sketch and draw and start to code* [Dalos Dov: URL].

UNDERLYING IDEAS – содержит информацию об идеях, лежащих в основе работ художника: *I was interested in the idea of the Brakhage films, of directly collaging natural materials to construct a film, and how this idea would translate from analogue film to digital video. I wanted to see how the media emerged differently* [Studio International: URL].

BACKGROUND – содержит пространственно-временную информацию о работах художника: *I was working through the Pre-Process ideas for the first time in 2003, and the resulting work was shown in the «Process / Drawing» exhibition at bitform gallery in New York in 2005* [Artblocks: URL].

Обращает внимание и тот факт, что неотъемлемым компонентом слотов фрейма является оценка. Она носит исключительно положительный характер, что обусловлено как заинтересованностью интервьюера в художнике и его творчестве, так и любовью художника к своему делу и его стремлением представить свое творчество с наилучшей стороны.

Интересно, что интервьюеры, рассматриваемых текстов интервью, не актуализируют такие важные слоты как ARTIST'S AGE и ORIGIN. Лишь в [Studio International: URL] вскользь упоминается год рождения художника и его культурная принадлежность: *For the American artist Casey Reas (b1972), programming is a way of thinking* [там же].

Данная особенность может быть связана с тем, что дискурс интервью о цифровом искусстве не подразумевает акцентирование внимания на биографических фактах о художнике. Фокусировка фрейма направлена лишь на деятельность художника в сфере цифрового искусства, о чем свидетельствует пример выше.

Таким образом, проведенное исследование позволило определить, что одним из когнитивных оснований дискурса интервью о цифровом искусстве является фрейм ARTIST. Фрейм имеет сложную структуру, основные элементы которой – слоты, могут выступать в качестве самостоятельных субфреймов и образовывать собственную подструктуру. На наш взгляд, на структуру стержневого фрейма значительное влияние оказывает специфика дискурса интервью, в котором большое значение имеет как коммуникативное намерение интервьюера, так и то, каким образом на это намерение отвечает респондент. Заполнение терминалов фрейма происходит неравномерно, а также не актуализируются некоторые слоты, наличие которых, на наш взгляд, является необходимым для раскрытия героя интервью.

Стоит отметить, что в текстах некоторых анализируемых интервью, например, в [Medium: URL] или в [Dalos Dov: URL], выявляются и другие слоты фрейма ARTIST. В статье мы сфокусировались на общих закономерностях и

предприняли попытку определить обязательные компоненты (слоты) фрейма. Поскольку данный фрейм в коммуникативной ситуации интервью с художником является дискурсообразующим, актуальным представляется дальнейший анализ с целью выявления его полной структуры.

Литература

Кибрик А.А. О некоторых видах знаний в модели естественного диалога // Вестник языкознания. 1991. № 1. С. 61-68.

Artblocks in Conversation with Casey REAS on Pre-Process. URL: <https://www.artblocks.io/info/spectrum/in-conversation-with-casey-reas-on-pre-process>.

Dalos Dov Casey Reas: Open Source, Community & Software (Interview). URL: <https://www.dalos-dov.com/writing/casey-reas-interview>.

Medium Coding as a way of thinking – Interview with Casey Reas. URL: <https://medium.com/progetto-grafico/coding-as-a-way-of-thinking-interview-with-casey-reas-cbb9ecdbb980>.

Studio International Casey Reas – interview: ‘There is an increased understanding that software is central to our lives’. URL: <https://www.studiointernational.com/casey-reas-interview-computer-art-coding>.

*Aleksandra O. Chupakhina (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”*

THE FRAME “ARTIST” AS A COGNITIVE BASIS OF THE INTERVIEW DISCOURSE ABOUT DIGITAL ART

The research focuses on the frame “artist” as the cognitive basis of the interview discourse about digital art. The complex structure of the frame is revealed. The description of the stages of recreating the frame structure within the interview is provided. The main components of the frame are analyzed and its discourse-forming character is determined.

Key words: interview discourse, discourse-forming frame, frame structure, cognitive basis, digital art

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

*Л.А. Велис (Пятигорск, Россия)
Пятигорский государственный университет
lolla-99@mail.ru*

БОЛЬШИЕ ЯЗЫКОВЫЕ МОДЕЛИ И ОЛЬФАКТОРНЫЙ ОПЫТ: ПРОБЛЕМА РЕЛЕВАНТНОГО ИМЕНОВАНИЯ*

В статье рассматриваются особенности языкового представления ольфакторного опыта методами больших языковых моделей. Сопоставляются познавательные возможности человека и машины в контексте исследований ольфакторного опыта. Также обсуждается влияние системы языка на построение перцептивных дескрипций.

Ключевые слова: ольфакторный опыт, ольфакторная лексика, машинные технологии

Развитие искусственного интеллекта и нейронных сетей дало человечеству сложные алгоритмы, способные сортировать, анализировать и порождать различные типы данных, начиная с текстов и заканчивая видеорядом. Если перед философией встает вопрос о наличии подобия сознания у искусственного интеллекта [Михайлов 2023], то для лингвистики и когнитивных наук интерес представляет сопоставление познавательных возможностей человека и машины. Определенную сложность в этом случае представляет перцептивный опыт, особенно ольфакторный (запаховый) модус, поскольку данный вид опыта, с одной стороны, тесно связан с осознанными процессами восприятия окружающей среды (и такими понятиями как феноменальное сознание, феноменальное суждение и т. п. [Барышников, Атакуев 2022]), с другой – указывает на сложность описания действительности посредством языка (проблема именования запахов). Таким образом, рассмотрение машинных достижений и неудач в области восприятия, именования, классификации и т. д. запахов может объяснить ольфакторный опыт человека и роль языка в этом процессе.

Сегодня некоторые исследователи говорят о переоцененности роли языка, указывая на слабую связь между языком и запоминанием запахов [Herz 2000], и ухудшении запоминания запахов при попытке вербализации [Arshamian Larsson 2014]. Однако, возможно, что это не столько свидетельствует о слабой связи, сколько об отсутствии привычки именовать запахи и говорить о них в принципе. Более того, многие исследования подтверждают, что язык способствует воссозданию ольфакторных образов [Gonzales 2005], т. е. язык является кратчайшим путем к воспоминанию о перцептивном опыте. Вероятно, связь «язык-запах» осуществ-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00540, <https://rscf.ru/project/24-28-00540>. The research was funded by Russian Science Foundation No. 24-28-00540, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00540>.

ляется лучше, чем обратный процесс «запах-язык», поскольку язык вскрывает помимо воспоминаний цепочку ассоциаций, которые в момент проживания перцептивного опыта человеку сложно охарактеризовать одним-двумя словами. Развитие высоких технологий, позволило сделать различные открытия в процессе восприятия окружающего мира человеком. В попытке создать электронные устройства, способные реализовывать ольфакторный опыт, были разработаны такие как «электронный нос» (E-nose). Его основной задачей является распознавание запахов с помощью электронных датчиков [Zarra 2019]. Отдельные исследования направлены на совершенствование такой технологии путем добавления концептуально-семантического анализа, позволяющего не только описывать молекулы аромата, но и подбирать слова, характеризующие аромат. В данном случае интересно то, что модели, показывающие наилучший результат в обработке запахов, основаны на совместной работе семантических и оценочных систем [Gutierrez 2018]. В это же время опыты, проведенные совместно со специалистами в области парфюмерии, не указывают на решающую роль языка в припоминании запахов [Arshamian, Larsson 2014]. Объяснение этих различий кроется в наличии феноменального опыта. У человека на ольфакторный опыт (помимо самого факта ощущения того или иного запаха) обычно накладывается оценочный компонент. Также нередко запах ассоциативным путем связывается с ситуацией, человеком, окружением и т. д. Иначе говоря, запах становится причиной автоматического подключения эмоционального аспекта. В случае с машинами результаты анализ запахов (будь то с помощью датчиков или за счет анализа ароматической номенклатуры) представляются в виде набора данных, который необходимо обозначить программными средствами (разметить) для дальнейшей обработки. Таким образом, одним из различий в машинной и человеческой обработке является психоэмоциональная составляющая, включенная в опыт.

Говоря о месте и роли языка в описываемой проблеме, стоит отметить, что помимо проблемы именованности встает вопрос «жестких десигнаторов». «Жесткие десигнаторы представляют функцию кросс-идентификации объектов в системе возможных миров и противопоставляются описаниям» [Суровцев 2011: 38]. Этот вопрос стал особенно актуален с развитием синтетических ароматов. Так, некоторые исследователи считают, что, к примеру, называть определенный синтетический аромат «ароматом розы» было бы неправильно, поскольку в данном случае нет никакой розы, производящей такой аромат, из чего следует, что стоит пересмотреть всю систему именованности запахов, принимая во внимание вопрос источника аромата [Young 2016]. В этом случае при правильных настройках лексической базы данных машина непременно покажет хорошие результаты в именовании запахов, так как разные датчики реагируют на разные химические молекулы. Иначе говоря, достаточно снабдить машину базой данных имен, строго коррелирующих с формальным описанием каждого отдельного химического элемента или их комбинаций. Однако среднестатистический человек воспринимает аромат комплексно и прибегает к анализу состава, только если перед ним ставится такая задача. Например, при анализе компонентов сложных составных ду-

хов. Поэтому в описании ольфакторного опыта человек чаще прибегает к дескрипции, пытаясь не просто указать на источник запаха, но дать ему эмоциональную или символическую окраску. Идея именованья запахов с помощью химической формулы представляется невозможной еще и потому, что подобный способ не допускает использования стилистических приемов (например, метафоры), без которых человек не способен привнести эмоционально-оценочный компонент в свое высказывание.

Итак, машинные когнитивные технологии в новом ракурсе раскрывают классическую проблему именованья перцептивного опыта. На что указывает ольфакторная лексика? На молекулы ароматического вещества, на телесное событие, вызванное воздействием этих молекул, или на сложный мультимодальный комплекс субъективных эмоционально-ассоциативных репрезентаций?

Представленная проблема по-новому раскрывается в контексте бурного развития больших сетевых моделей (Large Language Models – LLM). На сегодняшний день LLM, обученные на огромных массивах данных, анализируют и пишут «человекоподобные» тексты. Можно ли отдать приоритет машинам в вопросе установления вероятностных зависимостей в отношениях имени и вещи, имени и ощущений? С одной стороны, попытка сравнения человеческих и машинных текстов, насыщенных ольфакторной лексикой может указать на ключевую роль перцептивного опыта при написании текста. А с другой стороны, известно, что LLM генерирует наиболее вероятную последовательность токенов по запросу из той или иной предметной области, описанной людьми, что едва ли может служить доказательством необходимости перцептивного опыта для порождения феноменальных суждений. Стенерированные машиной перцептивные описания не позволяют говорить об ольфакторной лексике в эмоциональном, культурном или историческом контекстах. Поскольку невозможно определить вкладывает ли алгоритм в использованные слова ассоциативно-метафорические значения, либо же имитирует, составляя культурные шаблоны в причудливый «лексико-синтаксический узор», а смысл тексту приписывает сам реципиент.

Литература

- Барышников П.Н.* Семантика суждений о внутреннем опыте: от нормы к аномалиям // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59, № 2. С. 218-233.
- Михайлов И.Ф.* Искусственное сознание: философия, науки и технологии // Сознание, тело, интеллект и язык в эпоху когнитивных технологий. Пятигорск: ПГУ, 2023. С. 51-52.
- Суровцев В.А.* Жесткие десигнаторы и проблема следования правилу // Именованье, необходимость и современная философия. СПб: Алетеия, 2011. С. 34-44.
- Arshamian A.* Same same but different: the case of olfactory imagery // *Frontiers in Psychology*. 2014. No. 5. Pp. 1-8.
- González J.* Reading cinnamon activates olfactory brain regions // *NeuroImage*. 2006. Vol. 32, No. 2. С. 906-912.
- Herz R.S.* Verbal coding in olfactory versus nonolfactory cognition // *Memory & Cognition*. 2000. Vol. 28, No. 6. Pp. 957-964.
- Predicting natural language descriptions of monomolecular odorants // *Nature Communications*. 2018. Vol. 9, No. 1. Pp. 429.
- Young B.D.* Smelling matter // *Philosophical Psychology*. 2016. Vol. 29, No. 4. Pp. 520-534.
- Zarra T. et al.* Environmental odour monitoring by electronic nose // *Global NEST Journal*.

*Lolita A. Velis (Pyatigorsk, Russia)
Pyatigorsk State University*

**LARGE LANGUAGE PATTERNS AND OLFACTORY EXPERIENCE:
THE PROBLEM OF RELEVANT NAMING**

This paper examines the features of the linguistic representation of olfactory experience using the methods of large language models. The cognitive capabilities of humans and machines are compared in the context of studies of olfactory experience. The influence of the language system on the construction of perceptual descriptions is also discussed.

Key words: olfactory experience, olfactory vocabulary, machine technologies

*Т.В. Дроздова (Астрахань, Россия)
Астраханский государственный технический университет
drozdova@astu.org*

**ДВОЙСТВЕННОСТЬ КАТЕГОРИАЛЬНОГО СТАТУСА
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ
ПРИЗНАК РЕАЛИИ И ЕГО ОБЪЕКТИВАЦИЯ В ТЕКСТАХ СМИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)**

В статье показано, что одним из результатов осмысления искусственного интеллекта (ИИ) в процессе обыденного познания оказывается выявление двойственности его категориального статуса, рассматриваемого здесь как один из концептуальных признаков, формирующих знание об ИИ. На основе анализа информации об ИИ в текстах СМИ сделан вывод об антиномичности как одной из характеристик организации содержания данного концепта.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), концептуализация, категоризация, концептуальный признак, двойственный категориальный статус, антиномия

История развития человечества свидетельствует о том, что разнообразные достижения научно-технического прогресса постепенно и неотвратно становятся неотъемлемым элементом жизнедеятельности общества, частью повседневности. Исходя из того, что «всякому знанию предшествует онтологическая реальность, хотя и преобразованная человеческим мозгом» [Кубрякова 2008: 11], подчеркнем, что необходимое знание о подобных реалиях, к которым относится в настоящее время искусственный интеллект (ИИ), обычный представитель социума, не связанный с соответствующей научно-технической сферой, получает как на основе некоторого собственного практического опыта, так и через восприятие, понимание и усвоение информации, предназначенной для широкой аудитории. Такая информация/знание, транслируемая текстами СМИ, по сути репрезентирует результат осмысления реалии или мнение о ней авторов текстов и, в свою очередь, служит основой формирования лингвоментальной единицы хранения нового знания в концептуальной системе субъекта обыденного познания.

Ставя целью исследования определение элементов содержания концепта ИИ, объективированных в текстах СМИ и осмысляемых среднестатистическим

представителем русскоязычного социума, мы акцентируем внимание на информационно-аналитических статьях, которые не только выполняют прагматическую функцию: осуществляют популяризацию научного знания, «поставляют» социально-ориентированную информацию об ИИ, но и предлагают адресату ознакомиться с дискуссией по ряду вопросов, касающихся свойств, функций, областей использования ИИ, описывают определенные ситуации с участием ИИ, включая их анализ, знакомят с мнением авторитетных представителей различных сфер деятельности об ИИ и т. п.

Применение элементов концептуального, контекстуального, семантического типов анализа, методов умозаключения / инференции и количественного подсчета к произвольной подборке статей из ведущих СМИ (в т. ч. полученных с их Интернет-сайтов) общим объемом более 6500 слов, доминантной темой которых или их отдельных разделов являлся искусственный интеллект (см. [Борта 2023; Кузнецов 2023; Терентьев 2023; Угланов, Ушаков 2023; Яшлавский 2023]), позволило определить концептуальные признаки, формирующие содержание понятия ИИ на уровне индивидуального и коллективного сознания адресатов данных текстов. Анализ языкового материала позволил также установить, что отдельные объективированные концептуальные признаки и репрезентируемая в текстах оценка ИИ как реалии, определяющей настоящее и будущее социума, демонстрируют отношения, которые в лингвистических работах обозначаются заимствованными терминами логики и философии *антиномия*, *дихотомия*, *противопоставление*, а также собственными единицами: *контрадикторность*, *бинарная оппозиция*, *концептуальная оппозитивность*.

В статье используется термин *антиномия*, обозначающий «противоречие между двумя суждениями, каждое из которых само по себе представляется вполне обоснованным» [https://bigenc.ru/c/antinomiia-e2659d?ysclid=lqw8cxp6u_7557404235]. Именно такие суждения достаточно широко эксплицированы или имплицитно в содержании анализируемого текстового материала, причем в одной и той же статье и даже абзаце, например: *«Захватить человечество» у умных машин не получится. Но они могут здорово помочь в оптимизации рутинных процессов и повысить эффективность многих производств* [Кузнецов 2023].

Будучи ограничены объемом статьи, мы ставим здесь своей задачей продемонстрировать определенную смысловую противоречивость элементов в содержании концепта ИИ на языковом материале объективации только одного классификационного концептуального признака – *категориальный статус ИИ*. В данном случае мы подразумеваем отражение в концептуальной системе автора (и каузально – обычного человека/адресата) текста СМИ категоризацию действительности: отнесенность ИИ к какой-либо (лингво)когнитивной категории как результат интерпретации информации о данной реалии на уровне сознания и языка, а также как результат вторичной интерпретации научного знания при его репрезентации массовой аудитории (ср. [Болдырев, Ефименко 2020]).

Отметим, что репертуар терминологической лексики и терминологизованных единиц, используемых в проанализированных текстах СМИ, невелик. Наиболее

употребляемым оказывается родовое имя концепта в полной форме (*искусственный интеллект* – 86 словоупотреблений) и в виде аббревиатуры (*ИИ* – 41 словоупотребление). Синонимичными обозначениями концепта выступают следующие языковые единицы: *нейросеть* (18), *технология искусственного интеллекта / ИИ-технология* (13 в целом), *чат-бот (с искусственным интеллектом)* (11 в целом). Для следующих терминов и контекстуальных синонимов родового имени отмечено 1-2 словоупотребления: *искусственный разум, цифровой двойник, (умная) машина, робот (с искусственным интеллектом), система, технология*. В одной из статей используется даже авторский термин *цифровой ангел* [Угланов, Ушаков 2023].

Уже сама семантика родового имени анализируемого концепта *искусственный интеллект (ИИ)*, заимствованного в русский язык как калька с английского *artificial intelligence (AI)*, равно как и редко употребляемого в современных специальных и медийных текстах русского обозначения *искусственный разум*, имплицитно лежащую в основе категоризации концепта сложную когнитивную метафонилическую модель. Первоначально осмысляемый артефакт (искусственно созданный технический объект) по модели персонификации уподобляется субъекту (человеку) на основании сходства выполняемых действий. Одновременно субъект репрезентируется через его опредмеченное свойство, что позволяет обозначать артефакт именем этого свойства: АРТЕФАКТ – ЭТО СУБЪЕКТ/ЧЕЛОВЕК → СУБЪЕКТ/ЧЕЛОВЕК – СВОЙСТВО СУБЪЕКТА/ЧЕЛОВЕКА → АРТЕФАКТ – ЭТО СВОЙСТВО СУБЪЕКТА/ЧЕЛОВЕКА (*интеллект, разум*). Другое часто используемое обозначение артефакта *ИИ – нейросеть* – также имплицитно подразумевает концептуализацию реалии на основе интерпретации строения/структуры артефакта через сходство со строением головного мозга человека как комплекса нейронов (метонимический перенос по модели «часть-целое»).

Имплицитная семантикой родового имени категоризация *ИИ* как сущности, обладающей субъектностью, демонстрирующей характеристики субъекта/человека, подтверждается смысловым содержанием синтаксических структур, объективирующих пропозиции, в которых аргументу, репрезентированному одним из обозначений *ИИ*, приписывается семантическая функция агенса. При этом семантика предиката указывает на возможность совершения обозначаемого действия только человеком разумным (*ИИ добивается результатов, распознает подделку, (не)принимает решения, (не)следит за всем и всеми, спасает человечество; нейросети обучаются, видят; чат-бот дает советы; машина написала увертюру и т. д.*).

Искусственный интеллект по небольшому видеофрагменту может сказать о человеке очень важные вещи – про его состояние, про его когнитивные способности, про его личные характеристики и т. д. [Угланов, Ушаков 2023].

Настоящий искусственный интеллект сможет создать собственную компанию, а советы директоров будут строиться вокруг его возможностей [Терентьев 2023].

Более того, отдельные языковые и когнитивные контексты не просто имплицитно интерпретируют *ИИ* как реалии, демонстрирующей определенную тождественность субъекту / человеку (*Во взаимодействии искусственного интеллекта и человека могут быть разные сценарии* [Угланов, Ушаков 2023]), но

как обладающей потенциалом превращения в «сверхчеловека» (*По мере развития искусственного интеллекта, предупреждают эксперты, он будет становиться все более умным, вероятно, превосходя возможности человеческого мозга* [Яшлавский 2023]).

В то же время в других синтаксических структурах аргументу, репрезентированному лексической единицей, обозначающей ИИ, приписывается семантическая роль инструмента (и реже – пациенса), что вполне естественно, исходя из понимания его сущности как созданного человеком артефакта (*технологии ИИ используются; искусственный интеллект применяется, внедряется в отрасли экономики; нейросети разрабатываются; чат-бот проектируется, отключается и т. п.*):

Нейросеть – это вовсе не комплекс нейронов, подобно имеющемуся в нашем мозге. Скорее это упрощенная модель мозга, созданная для решения определенной задачи [Терентьев 2023].

Завершая рассуждения о двойственности концептуального признака *категориальный статус ИИ*, можно сделать вывод о том, что содержанию концепта ИИ присуща определенная внутренняя антиномичность, а восприятие и категоризация реалии субъектом основывается на выбранной им перспективе в каждом конкретном коммуникативном, когнитивном и языковом контекстах. Исходя из этого, категоризация реалии ИИ и ее языковая объективация могут рассматриваться как в определенной степени релятивные.

Литература

Болдырев Н.Н. Ефименко Т.Н. Вторичная интерпретация научного знания в дискурсе СМИ // Медиалингвистика, 2020. Том 9. № 4. С. 355-368.

Борта Ю. Для чего нужны нейросети? Искусственный интеллект – это помощник человека, а не наоборот // Аргументы и факты. № 36. 2023. С. 11.

Кубрякова Е.С. О соотношении языка и действительности и связи этой проблемы с трактовкой понятия знания // Когнитивные исследования языка. 2008. № 3. С. 11-24.

Кузнецов А. Искусственный интеллект рубль бережет: Как новые технологии повышают эффективность различных отраслей российской экономики // Комсомольская правда. 24-31 мая 2023. С. 9.

Терентьев Д. Как «обаяние прогресса» сменилось страхом перед ним // Аргументы недели. № 28 (874), среда 19 июля 2023. С. 8-9.

Уланов А., Ушаков Д. Искусственный разум спасет человечество. Цифровой ангел // Аргументы недели. № 29 (875), среда 26 июля 2023. С. 7.

Яшлавский А. От безработицы до ядерной войны: названы главные угрозы искусственного интеллекта. URL: https://www.mk.ru/science/2023/06/03/ot-bezraboticy-do-yadernoy-voyny-nazvany-glavnye-ugrozy-iskusstvennogo-intellekta.html?ysclid=lr0os5lrh972128_0514.

Tatiana V. Drozdova (Astrakhan, Russia)
Astrakhan State Technical University

DUAL CATEGORY ATTRIBUTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A CONCEPTUAL FEATURE AND ITS OBJECTIFYING IN RUSSIAN MASS-MEDIA TEXTS

It is argued that artificial intelligence (AI) conceptualization results in its dual category attribution which is viewed in the paper as a conceptual feature representing knowledge about this phenomenon. The analysis of mass-media texts devoted to AI revealed antinomy to be one of the principles of the

concept content organisation.

Key words: artificial intelligence (AI), concept, conceptualization, categorization, conceptual feature, dual category attribution, antinomy

О.Г. Дубровская (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

o_dubrovskaya@inbox.ru

ЭВФЕМИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ КОНФЛИКТОГЕННЫХ СМЫСЛОВ: ЕСТЕСТВЕННЫЙ VS ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

В работе выявляется отличительная особенность, которая присуща естественному интеллекту в отличие от искусственного интеллекта. Эвфемизация рассматривается как способ нейтрализации конфликтогенных смыслов.

Ключевые слова: эвфемизация, естественный интеллект, искусственный интеллект

Обзор научных работ наглядно демонстрирует глубокую изученность явления эвфемии как прерогативы естественного интеллекта: от традиционной лингвистики, в рамках которой эвфемизация рассматривалась наряду с синонимией, обеспечивающей вариативную интерпретацию действительности, до когнитивного подхода к языку, изучающего эвфемизацию как «вторичную репрезентацию знаний в языке, как особый механизм мышления наряду с концептуальной метафорой, концептуальной метонимией» и др. Выявлены и достаточно убедительно описаны семантические («семейно-бытовые», «профессиональные» и др.), структурные особенности эвфемизмов как однословных единиц (лексических единиц), так и сверхсловных единиц (устойчивых сочетаний, фразеологизмов, пословиц и поговорок, афоризмов и др.). Продемонстрирован прагматический потенциал эвфемизмов, установлена функциональная особенность эвфемизации, определены когнитивные основы формирования эвфемизмов в языке (см., например, в [Болдырев, Алексикова 2010: 5]). Так, М.Л. Ковшова замечает, что эвфемизмы «осуществляют этико-этикетную, эмоционально-психологическую, эстетическую, общекультурную функции, играя важную роль в создании эмоционально позитивного, доброжелательного, культурного, наконец, просто успешного общения» [Ковшова 2007: 11].

В эпоху роста технологий и больших данных, появления чатов и разнообразных сервисов, которые «научились» выполнять разные виды интеллектуальной деятельности (переводить с языка на язык, сочинять музыку и стихи, писать картины и курсовые работы и др.), возникает острая необходимость изучить особенности естественной (человеческой) коммуникации с точки зрения сравнительно-сопоставительного анализа результатов интеллектуальной деятельности естественного и искусственного интеллектов (см. в [Рябцева 2005]). Индуктивный подход – от конкретных дискурсивных примеров к обобщениям – позволяет выявить существенные отличия, присущие человеческому интеллекту, креа-

тивно интерпретирующему коллективные знания о мире в рамках индивидуальной концептуальной системы, которая, в свою очередь, представляет собой субъективный образ объективного мира.

Цель работы – определить эвфемизацию как когнитивную основу исключительно человеческой интерпретации, ориентированную на нейтрализацию конфликтогенных смыслов (в самом общем виде порождающих конфликтную / неэффективную коммуникацию).

В данной работе приведем два примера, краткий анализ и предварительные выводы, основанные на анализе дискурсов разных типов (бытового, политического, юмористического, переводного и др.):

(1) Муж (по телефону): *Девушка / это бюро добрых услуг? // А у вас есть переводчик с женского на мужской? // Есть? // Отлично! // Адрес записывайте // (Приезжает женщина-переводчик).*

Жена: *Изо дня в день / изо дня в день / вчера и позавчера // Что ты сидишь? // Вот что ты сидишь? // Хватит! //*

Муж (обращаясь к переводчику): *Вот что она говорит? //*

Переводчик (обращается к мужу): *Она сказала / что зашла сегодня в магазин и увидела итальянские сапоги за пятнадцать тысяч рублей / которые она не может себе позволить // Как десять лет назад не могла себе позволить / так и сейчас не может // Где поступательное движение вперед? //*

Муж (обращается к переводчику): *Так / есть у меня пятаха // Переводи //*

Переводчик (обращается к жене): *Любимая / ты самое дорогое / что есть у меня на свете // Я ни секунды не жалею / что связал свою судьбу с тобой // Мне не жалко для тебя никаких денег // Так пойдешь и купи себе те сапоги / которые тебе нравятся //*

(2) Из воспоминаний А.Д. Швейцера о том, как ему пришлось «не перевести генерала Зарянова» по совету коллеги-переводчика после того, как генерал «опрокинет две-три рюмки» (см. подробнее в [Швейцер 1996: 8]):

– *Здравствуйте, генерал, – приветствовала Зарянова жена английского генерала, вполне соответствовавшая моим представлениям о великосветских английских леди. Где это вы пропали? Давно вас не видела.*

– *И я вас давно не видел, – отвечал Иван Михеевич с лукавой усмешкой. – уж подумал, что не иначе, как вы подцепили какого-нибудь япончика.*

Вспомнив наставления коллеги, я стал судорожно придумывать, чем тут можно заменить проклятого «япончика», и неуверенно пробормотал:

– *И генерал тоже не понимает, куда вы пропали. Решил, что вы где-нибудь путешествуете.*

– *Да нет, – спокойно отвечала англичанка. – последнее время я почти нигде не ездила. Была только в Йокогаме, Камакуре, Дзуси...*

И, на мое несчастье, она стала перечислять японские географические названия.

– *Ты что-то не то переводишь, – перебил меня Зарянов. – Я ее про япончика, а она про Йокогаму.*

– *Вот именно, – отвечал я, неожиданно обретая наглую уверенность. – Она*

и говорит, что побывала только в Йокогаме и Камакуре и поэтому еще не успела подцепить япончика [Швейцер 1996: 8].

Когнитивным основанием эвфемизации выступает потребность субъекта интерпретировать знания о мире, структурировать концептуальную систему собеседника за счет выделения конкретных концептуальных признаков – когнитивных доминант (важность покупки обуви для жены в (1); неформальное, фамильярное общение в (2)), а также ценностных ориентиров и определенных связей между концептами и категориями («любовь – забота – покупка» в (1); «путешествие по Японии – знакомство с японцем» в (2)). Эта потребность обеспечивается возможностью человеческого сознания «контролировать поступление информации и оперировать ею в ходе мыслительной и вербальной деятельности» [Кубрякова и др. 1996: 175] в виде смены и «перехода» из одной области определения в другую (БЕЗДЕЙСТВИЕ (мужа) – ЛЮБОВЬ (к жене) и ЗНАКОМСТВО (с женщиной) – ПУТЕШЕСТВИЕ (по стране), а также фокусировке внимания на конкретных концептуальных признаках.

Эвфемизация – это всегда проявление креативной природы человеческого сознания, умение адаптировать коммуникацию под нужды общения, а также выбирать языковые единицы (суффикс -чик в «япончик» как маркер фамильярного общения) и формировать конкретные смыслы. Значимую роль играют нейтрализация потенциально неэффективных и конфликтогенных смыслов (женщине-переводчику удалось выстроить гармоничные взаимоотношения между мужем и женой, а А.Д. Швейцеру удалось сменить регистр общения, сохранив «лицо» участника коммуникации Зарянова). В целом, можно говорить о том, что эвфемизация как когнитивный механизм формирования смысла обеспечивается высоким культурным уровнем субъекта коммуникации, большую роль в котором играет образованность человека, глубина его знаний (ср. также точку зрения на эвфемизацию как лицемерие, «ужимки жеманности» у Б.А. Ларина [Ларин 1977]).

Примечательно, что искусственный интеллект «не способен» творчески завершить диалог и на запрос: «Продолжи следующий диалог:

– И я вас давно не видел. Уж подумал, что не иначе, как вы подцепили какого-нибудь япончика» предлагает следующую версию:

«– Да, встречи бывают редкими в последнее время. Но нет, я не подцепил япончика. Честно говоря, я больше заинтересован в партнерстве и дружбе, независимо от национальности или происхождения человека. В конце концов, культурное разнообразие может быть очень обогащающим и интересным опытом, который расширяет наш кругозор и помогает лучше понять друг друга.

А вы встречались с японцами или другими иностранцами? Если да, каковы были ваши впечатления?» (ChatGPT).

Таким образом, примеры наглядно демонстрируют способность естественного интеллекта к вторичной интерпретации знаний о мире. Эвфемизация выступает одним из способов нейтрализации потенциально конфликтных ситуаций. Оригинальный характер лингвокреативных единиц без усилий распознается человеком, но не получает адекватной интерпретации искусственным интеллектом.

Литература

Болдырев Н.Н., Алексикова Ю.В. Когнитивный аспект эвфемизации на материале английского языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2 (023). С. 5-11.

Ковишова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. М.: Гнозис, 2007.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996.

Ларин Б.А. Об эвфемизмах // История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. С. 101-114.

Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005.

Швейцер А.Д. Глазами переводчика. М.: Стелла, 1996.

Olga G. Dubrovskaya (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

EUPHEMIZATION TO NEUTRALIZE NEGATIVE MESSAGES: NATURAL VS ARTIFICIAL INTELLIGENCE

The paper reveals a distinctive feature inherent to natural intelligence as opposed to artificial intelligence. Euphemization is considered as a way to neutralize negative messages.

Key words: euphemization, natural intelligence, artificial intelligence

Е.С. Зорина (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
e.zorina@spbu.ru

Я.В. Мызникова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
y.myznikova@spbu.ru

РАБОТА С БОЛЬШИМИ ЯЗЫКОВЫМИ МОДЕЛЯМИ В ХОДЕ КЛИНИЧЕСКИХ ПРАКТИК СТУДЕНТОВ (ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ СПбГУ)

Санкт-Петербургский государственный университет развивает инновационный подход к практическому обучению – клинический формат организации практик студентов. Особое внимание уделяется формированию востребованных на рынке труда компетенций специалистов. В статье описан опыт работы Лингвистической клиники СПбГУ над продуктом искусственного интеллекта на основе большой языковой модели.

Ключевые слова: большие языковые модели, искусственный интеллект, когнитивная лингвистика, практики по модели клиники

Вектор практико-ориентированного образования требует особого внимания к организации практик обучающихся. В Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ) активно развивается инновационный клинический формат организации практик. (Подробнее о практиках см. [Васильева, Зорина, Мызникова 2022]). Клиники СПбГУ – это учебные подразделения, которые обеспечивают студентам возможность получать практический опыт в ходе работы над заказами, получаемыми от реальных заказчиков. Таким образом, название формата проведе-

ния практик является оправданным: клиники предполагают выполнение студентами реальных практических функций в ходе обучения.

Заказчиками клиник могут выступать внешние организации и физические лица и подразделения и службы СПбГУ. Клиники работают на безвозмездной основе. Особое внимание уделяется работе со школами и благотворительными организациями. Такая работа является важной для реализации «Третьей миссии университета» (социально значимая деятельность), а также для воспитания социально ответственных специалистов.

Клиники обеспечивают практическое взаимодействие студентов, преподавателей, работодателей, заказчиков и экспертов рынка труда, которое открывает ряд возможностей для всех участников. Студенты получают полноценный профессиональный опыт; улучшают профессиональные и надпрофессиональные навыки; владеют актуальной информацией с рынка труда. Заказчики обращаются за лингвистическими продуктами, выполненными на высоком профессиональном уровне. Гарантией качества продукта являются академические традиции СПбГУ в сочетании с новейшими методами подготовки специалистов. Все заказы выполняются с экспертным участием руководителей практик – преподавателей из числа профессорско-преподавательского состава, имеющих опыт научной и практической работы. Подобное взаимодействие открывает перспективу трудоустройства студентов в организациях-партнерах клиники, а партнерам клиники – возможность подготовить кадры в соответствии с актуальными запросами. Важной является возможность корректировать содержание образовательного процесса, исходя из потребностей рынка труда.

Клинические практики Лингвистической клиники предусмотрены на основных образовательных программах магистратуры Кафедры русского языка СПбГУ «Русский язык», «Юридическая лингвистика», «Лингвистическое обеспечение государственной службы» и на программе бакалавриата «Отечественная филология (русский язык и литература)».

Развитие искусственного интеллекта (ИИ) сегодня не может оставаться вне внимания лингвистов. Под искусственным интеллектом мы понимаем «одно из направлений информатики, целью которого является разработка аппаратно-программных средств, позволяющих пользователю-непрограммисту ставить и решать свои, традиционно считающиеся интеллектуальными задачи, общаясь с ЭВМ на ограниченном подмножестве естественного языка» [Гаврилова, Хорошевский 2001: 15]. Создание больших языковых моделей – перспективная область применения лингвистического знания.

Достижения когнитивной лингвистики сегодня позволяют изучать специфику работы ИИ, раскрывать его лингвокогнитивные возможности, выявлять определенные «барьеры» в его коммуникации с человеком [Рябцева 2005; Дубровская, Зыкова 2023]. Как показали исследования, ИИ и ментальные способности человека имеют принципиально различную структуру. «Как результат, лингвистическая задача, представляющая определенную сложность для человека, может быть быстро и качественно разрешена машиной», в то же время, очевидные

для носителя языка случаи нередко заводят программу в тупик. Разумное распределение задач между компьютером и человеком позволит повысить эффективность совместной работы ИИ и человеческого разума [Чухарев, Худяков 2004: 104]. Создание больших языковых моделей требует разноаспектной предварительной работы с текстовым материалом. Когнитивный подход в данной работе имеет особую важность, так как позволяет расширять функциональные возможности ИИ.

Лингвистическая клиника совместно с партнером-заказчиком реализовала проект по созданию большой языковой модели в рамках клинической практики обучающихся II-го курса программы магистратуры «Русский язык».

Целью проекта было создание ИИ, который будет способен отвечать на вопросы, связанные с педагогической деятельностью и воспитанием, давать советы или предлагать решения в той или иной ситуации. В Год педагога и наставника (2023 год – год реализации проекта) представлялось особенно важным именно данное содержание. Одним из принципиальных аспектов является связь клинической работы студентов и их научной деятельности. В основу проекта были положены идеи А.С. Макаренко, изложенные в «Педагогической поэме», текст которой является материалом для выпускной квалификационной работы студентки, выполнявшей функции руководителя проекта. Итог проекта: веб-сайт, генерирующий идеи решений конфликтных и сложных ситуаций согласно педагогической концепции А.С. Макаренко. Работа проводилась в несколько этапов.

1. Обсуждение цели и задач с Заказчиком; заполнение заявки Заказчиком.
2. Установочные семинары для студентов (с участием Заказчика).
3. Составление плана работы; формирование проектной группы.
4. Выполнение и контроль всех этапов проекта.
5. Получение и анализ обратной связи.

Лингвистическая часть работы предполагала решение следующих задач:

1) отбор показательных с точки зрения реализации педагогической концепции автора фрагментов текста «Педагогической поэмы»; так как текст имеет очень большой объем, было принято решение отобрать ряд фрагментов;

2) дискурсивный аспект работы: выявление языковых маркеров педагогического дискурса в тексте; был предопределен жанровым своеобразием текста А.С. Макаренко, который не является собственно научным трудом с четко сформулированной концепцией. Так, например, были выделены следующие идеи А.С. Макаренко:

– уважение педагогов основывается на том, что педагоги не являются враждебной силой по отношению к воспитанникам. Педагоги демонстрируют это в своей самоотверженной и трудной работе, а интересы воспитанников для них более значимы, чем их собственные;

– личность можно и нужно воспитывать в коллективе, только тогда она сможет избавиться от «одичалости», одиночества, своеволия, социальных и культурных предрассудков»;

– напоминание воспитанникам об их неправильных поступках не идет на

пользу педагогическому взаимодействию; важно давать возможность анализировать свое поведение самостоятельно;

3) работа с потенциальными историями пользователей: данный этап предполагал работу с «фильмами» по параметрам соответствия / несоответствия теме воспитания, полноты / неполноты истории и работу с перечнем уточняющих вопросов, ответы на которые необходимы для работы ИИ;

4) проверка работы ИИ: для проверки был выбран известный фрагмент из мультипликационного фильма «Трое из Простоквашино», в котором родители главного героя – дядя Федора – спорят о причинах его исчезновения (как известно, дядя Федор уехал со своим новым другом – котом Матроскиным – в деревню, потому что мама была против того, чтобы кот жил у них в квартире; папа же говорил о необходимости разного рода шалостей для детей). Для выполнения данного этапа «история» была рассказана от лица героев: мамы, папы, Матроскина;

5) подготовка технического задания для программирования алгоритма взаимодействия пользователей с ИИ, которое составлялось на основе следующего обращения к пользователю «Опишите проблему, с которой вы столкнулись в воспитательном процессе. Ждите ответ «Помощника», который расскажет, как решал бы этот конфликт педагог А.С. Макаренко».

Для иллюстрации приведем пример обращения и ответа. Обращение: «Мой друг Александр – действительно мой друг, но он не умеет выражать свои чувства как нормальный человек. Вместо обычного общения он разговаривает на языке сарказма и всегда подкалывает меня. Что делать?». Ответ: «Я бы предложил следующее: 1. Попробуйте выяснить причины поведения вашего друга. Возможно, за его сарказмом скрывается какое-то недовольство или непонимание. 2. Поддерживайте открытый и искренний разговор, попытайтесь выразить свои чувства и пригласите его сделать то же самое. 3. Попытайтесь наладить диалог на более конструктивной основе, выявить общие интересы и постепенно преодолевать напряжение. 4. Если это не помогает, может быть полезно обратиться за помощью к педагогу, психологу или другому профессионалу, который сможет помочь в решении проблемы».

Участие в проекте позволило студентам получить опыт практической деятельности в рамках культурологического и семантико-когнитивного направлений когнитивной лингвистики. Клиническая работа СПбГУ – способ подготовки специалистов с уникальным набором компетенций, готовых полноценно и эффективно функционировать в профессиональном сообществе. Обращение к наследию А.С. Макаренко позволяет говорить о лингвокультурологическом аспекте и воспитании патриотически настроенных молодых специалистов, что безусловно имеет особое социальное значение.

Литература

Васильева О.В., Зорина Е.С., Мызникова Я.В. Компетентностно-ориентированные практики в подготовке филологов: опыт СПбГУ // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 6 (129). С. 65-75.

Гаврилова Т.А., Хорошевский В.Ф. Базы знаний интеллектуальных систем. СПб.: Питер, 2001.

Дубровская О.Г., Зыкова И.В. Искусственный интеллект сквозь призму лингвокогнитивной деятельности // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 938-942.

Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005.

Чухарев Е.М., Худяков А.А. Когнитивная лингвистика и искусственный интеллект: результаты и тенденции взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 2-3. С. 93-105.

Ekaterina S. Zorina (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

Yanina V. Myznikova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

LARGE LANGUAGE MODEL IN CLINICAL PRACTICE

(THE CASE OF THE LINGUISTIC CLINIC OF SAINT PETERSBURG UNIVERSITY)

The purpose of the paper is to describe the case of students' work under the Large language model in the clinical practice format, which is the innovative practical study format developing in St. Petersburg University. The aim of the clinical practice is to provide students with the practical experience, as they are involved in work under the real clients' requests.

Key words: large language models, artificial intelligence, cognitive linguistics, clinical practice

Ю.А. Ненашева (Челябинск, Россия)

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
nenajalex@gmail.com

ПРОСОДИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СИНТЕЗИРОВАНИИ РЕЧИ

Просодическая организация – главная проблема в получении искусственной, максимально приближенной к человеческой, звучащей речи (Text-to-Speech). Автор предлагает использовать вероятностный подход к составлению набора правил просодической организации речи, используемых в моделях обучения нейронных сетей – членения на синтагмы в соответствии с коммуникативным замыслом говорящего.

Ключевые слова: синтез речи, просодия, аудиокнига, членение / квантование звуковой последовательности, вероятностный подход, дискурс, процедурное знание

Современные технологии синтеза речи далеко продвинулись в области создания звучащей речи при помощи технологий и искусственного интеллекта, однако существуют два момента, накладывающих ограничения на широкое применение этих технологий: 1) ориентация методов синтеза речи на изолированные отдельные предложения (конкатенация и параметризация), 2) необходимость привлечения дополнительных ресурсов – экспертов / инженеров, для обеспечения правдоподобной просодической организации продолжительной речи, что не только не упрощает процесс синтеза речи, но и делает его высокочеловеческим.

Среди перспективных направлений следует отметить метод параметризации, используемый в технологиях синтеза речи на основании моделей обучения нейронных сетей. В отличие от традиционных моделей обучения нейронных сетей – ручного транскрибирования и аннотирования подобранного набора обучающих текстов с последующим обучением нейронной сети установлению соответствий

между знаками и соответствующими фонемами / аллофонами, метод параметризации предполагает использование вероятностного подхода к описанию просодических правил, используемых в моделях обучения; другим преимуществом параметризации становится возможность максимального приближения синтезированной речи в человеческой (Expressive TTS) [Hanglei Zhang et al. 2023].

Поскольку параметризация – это вероятностный подход к созданию моделей обучения нейросетей, мы считаем, что применение вероятностного подхода к исследованию просодии человеческой речи позволит более эффективно решать проблему создания моделей обучения нейросетей на основе набора правил просодической организации речи человека. Обзор литературы посвященной данной тематике представлен в работе [Kurumada, Roettger 2021]. Мы хотели бы отметить, что снятие неопределенности и принятие решений в условиях неопределенности составляют основу дискурсивной деятельности, и, следовательно, любое описание функционирования языковых единиц в дискурсе должно происходить с опорой на вероятность и успешность использования того или иного языкового средства в дискурсивной деятельности для выражения необходимого коммуникативного значения.

Просодическая организация речи – это последний этап дискурсивной деятельности для говорящего и первый – для слушающего. Высокая вариативность просодии речи обусловлена как индивидуальными различиями в речевых механизмах участников дискурса, так и психо- и социолингвистическими факторами, определяющими дискурсивную деятельность в целом. А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьев отмечали, что просодия функционирует в речевой деятельности согласно тем же принципам, что и лексическая и грамматическая подсистемы языка. Отличием просодии является особый формат знаний – языковых категорий на этом уровне языковой системы. Языковые категории на этом уровне языковой системы носят процедурный / операциональный характер [Холодная 2016; Овчинникова 2016; Солсо 2011; Андерсон 2002]; такие знания формируются имплицитно через самостоятельное действие или подражание действиям других [Величковский 2006; Цейтлин 2021].

Процедурные знания – языковые категории просодической подсистемы языка – представляют собой динамический аспект концептуализации: дискурсивные значения, выражаемые просодическими единицами, реализуются непосредственно в процессе дискурсивной деятельности. Н.Н. Болдырев обозначает их как «ситуативные, или операционные концепты» [Болдырев 2013: 9]. Специфика процедурного знания состоит в том, что процедурное знание исходит из действий по решению проблем, в ходе этих действий исходное состояние проблемы меняется: решающий проблему все время работает в условиях неопределенности с помощью «операторов» – сигналов, указывающих наиболее эффективный способ решения проблемы в данных условиях. Эта концепция поиска используется в области когнитивной психологии и в области искусственного интеллекта, что подтверждает необходимость вероятностного подхода к описанию просодической подсистемы языка для построения набора правил набора правил просодической организации речи [O'Mahony et al. 2021].

Материалом исследования послужили два корпуса по 11 художественных текстов (письменный текст и аудиовариант), общим объемом более 2,5 миллионов слов. Исследование просодической организации речи проводилось на материале повелительных высказываний, основанием для выборки послужили: 1) иллокутивный характер высказываний, 2) специфическая грамматическая форма, 3) особый порядок формирования в онтогенезе человеческой речи [Ахутина 2013; Jary, Kissine 2014].

Синтез речи, просодически максимально приближенной к человеческой (Expressive TTS), имеет целью воссоздание в первую очередь интонационных характеристик. Таким образом, создание набора правил просодической организации речи должно характеризоваться преемственностью. Опорой для создания правил просодической организации речи является членение текста на отрезки (chunking), позволяющая опираться на уже существующие модели обучения нейросетей, ориентированные на отдельные предложения. Членение непосредственно связано с правдоподобным звучанием речи, поскольку выполняет несколько функций: 1) отражает информационную структуру дискурса, 2) помогает выделить значимые с точки зрения говорящего отрезки в соответствии с коммуникативным замыслом и мотивацией, 3) определяет локализацию тональных просодических компонентов, непосредственно участвующих в выражении эмотивных / эмфатических значений [Baumann et al. 2021], 4) определяет характер ритмической организации синтагмы [Calhoun 2010].

Проведенное исследование позволило вывести следующий набор правил просодической организации речи на основании полученных данных.

Авторские ремарки, предвещающие монологическую / полилогическую речь персонажей в художественном тексте, выполняют роль лексических праймеров / маркеров, активирующих процедуральные знания в момент дискурсивной деятельности [Nenasheva 2023]. Эти праймеры / маркеры могут выполнять роль аннотаций в модели обучения нейросетей для Expressive TTS [Jianhong Tu et al. 2022].

Наличие лексических праймеров / маркеров с выраженным эмотивным / эмфатическим значением, а также формулаичный характер повелительной структуры предполагает использование двух стратегий членения, определяемых коммуникативной задачей говорящего: 1) повелительная структура выделяется в отдельную синтагму крайне малого размера, что приводит к превращению повелительного высказывания в дискурсивный маркер (до 8% случаев в выборках исследования) [Nenasheva 2023], 2) повелительная структура присоединяется в качестве энклитика / проклитика к другим фонетическим слогам более крупной синтагмы, при этом размер синтагмы превышает 7 фонетических слогов (около 20% случаев в выборках).

При отсутствии лексических праймеров / маркеров с выраженным положительным / отрицательным эмотивным / эмфатическим значением, а также при наличии лексических праймеров / маркеров с невыраженным / неопределяемым эмотивным / эмфатическим значением, происходит членение звуковой последовательности на отрезки, содержащие от двух до семи фонетических слогов (около 80 случаев в выборках).

В случаях членения на синтагмы с количеством фонетических слогов более семи, в синтагме наблюдается пульсообразная ритмическая организация тональных параметров – в каждом третьем фонетическом слоге тональные значения характеризуется меньшей степенью вариативности, что очевидно позволяет реализовать информационную структуру крупной звуковой последовательности просодическими, но не паузационными средствами.

Членение речи на крупные звуковые последовательности (более семи фонетических слогов) также обнаруживает прямую корреляцию с увеличением количества сложных тональных движений, т. е. тональных движений в пределах одного слога. Если распределение сложных тональных движений в высказываниях с количеством фонетических слогов от двух до семи приблизительно равное, то в высказываниях с большим количеством фонетических слогов оно составляет 1: 3. Это свидетельствует о том, что именно тональные просодические средства участвуют в распределении элементов информационной структуры синтагмы, выделяя наиболее значимый элемент достаточно быстрым и значимым движением в пределах одного фонетического слога.

Таким образом, оценивая апостериорную вероятность использования дикторами-людьми просодических средств в дискурсивной деятельности, можно определить наиболее и наименее вероятные средства, соответствующие определенным дискурсивным условиям. Операторами для применения этих средств могут служить праймеры / маркеры, активирующие соответствующие процедурные знания. Операторы и вероятностное распределение просодических средств в дискурсивной деятельности представляют набор просодических правил речи – основу модели обучения нейросети.

Литература

- Андерсон Дж.* Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2002.
- Ахутина Т.В.* Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Болдырев Н.Н.* Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1 (034). С. 5-13.
- Величковский Б.М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 2. М.: Смысл: Изд. центр «Академия», 2006.
- Овчинникова И.Г.* Переводческий билингвизм. По материалам ошибок письменного перевода. М.: Флинта, 2016.
- Солсо Р.* Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2011.
- Холодная М.А.* Развивающие учебные тексты как средство интеллектуального воспитания учащихся. М.: Ин-т психологии РАН, 2016.
- Цейтлин С.Н.* Язык и ребенок. Освоение ребенком родного языка. М.: Владос, 2021.
- Baumann S. Mertens J., Kalbertodt J.* The influence of informativeness on the prosody of sentence topics // *Glossa: a journal of general linguistics*. 2021. 6 (1): 95. Pp. 1-28.
- Calhoun S.* The Centrality of Metrical Structure in Signaling Information Structure: A Probabilistic Perspective // *Language*. 2010. 86 (1). Pp. 1-42.
- Hanglei Zh. et al.* Expressive TTS Driven by Natural Language Prompts Using Few Human Annotations // arXiv: 2311.01260 [eess.AS].
- Jary M., Kissine M.* Imperatives. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Jianhong Tu et al.* Contextual Expressive Text-to-Speech // arXiv: 2211.14548 [eess.AS].

Kurumada C., Roettger T.B. Thinking probabilistically in the study of intonational speech prosody // Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science. 2021. e1579.

Nenasheva Iu. A. Functional Hybridization in Discourse: Turning Imperatives into Discourse Markers // Philologia. 2023. 21 (1). Pp. 21-40.

O'Mahony J. et al. Factors Affecting the Evaluation of Synthetic Speech in Context // The Proceedings of the 11th ISCA Speech Synthesis Workshop (SSW 11). 2021. Pp. 148-153.

Yuliia A. Nenasheva (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State Humanitarian Pedagogical University

PROSODIC FACTOR IN TEXT TO SPEECH SYNTHESIS

Prosodic organization of artificial speech presents the main stumbling block in acquiring incredibly lifelike speech through TTS technology. The author suggests the probabilistic approach to building a prosody rule-set for converting texts into spoken speech to be used in neural network learning models. The rule-set refers to chunking the text syntagms in accordance with the communicative aim and motivation of the speaker.

Key words: Text-to-Speech synthesis, prosody, audiobook, chunking, probabilistic inference under uncertainty, discourse, procedural knowledge

A.B. Новиков (Орел, Россия)
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
artemnovikov57@yandex.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПОВ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В МАШИННОМ ПЕРЕВОДЕ

В рамках статьи рассмотрено использование принципов когнитивной лингвистики в машинном переводе. Излагаются подходы к применению основ когнитивной лингвистики в переводе, описаны основные принципы работы нейронного машинного перевода, в частности, системы Google, даны примеры, иллюстрирующие использование принципов когнитивной лингвистики в машинном переводе. Сформулирован краткий вывод по теме исследования.

Ключевые слова: когнитивная обработка, семантический фрейм, исходный язык (ИЯ), язык перевода (ПЯ), машинный перевод, нейросеть, контекст

Когнитивная лингвистика, сосредоточившись на взаимоотношениях между языком и сознанием, разработала набор теоретических инструментов, которые могут быть применены не только к монолингвальным данным, но и к двуязычной или многоязычной практике, такой как перевод [Xiao 2021].

Основные постулаты, которых придерживаются когнитивисты, связаны с такими понятиями как когнитивное обязательство, значение как концептуализация, представление о лексике и грамматике как о символической единице и т. д. Они обеспечивают надежную основу для теоретических построений, необходимых в когнитивном переводоведении [там же].

Перевод – это двуязычная или многоязычная деятельность, которая, как известно, включает операции над языком [Catford 1965]. Однако традиционные понятия эквивалентности, переводческих сдвигов, соответствия текста на исходном языке (ИЯ) и текста на языке перевода (ПЯ) слабо обоснованы в когнитивно-

лингвистическом понимании перевода, поскольку в когнитивной парадигме перевод – это не статичный перенос с одного языка на другой, а скорее динамическое осмысление смыслопорождающего акта, в котором исходный текст служит лишь устройством, подсказывающим знания, необходимые для смыслопорождения. Иными словами, смысл содержится не только в исходном тексте, но генерируется в сознании переводчика в процессе перевода посредством активизации соответствующих знаний и интерпретируется для формирования смыслового потенциала, который может быть сформирован читателями при чтении целевого текста. Так, между текстами на ИЯ и ПЯ нет ни сходств, ни различий; они лишь концептуально связаны между собой как потенциалы смыслопорождения. Именно в этом смысле С. Халверсон разделяет понятия «эквивалентность источника и цели» и называет текст на ИЯ «предшествующим текстом», а «переводческие приемы» – «операциями конструирования» [Halverson 2013].

По сути, перевод – это процесс концептуализации или реконцептуализации. С. Халверсон определяет концептуализацию в переводе как операцию толкования, аналогичную монолингвальному акту в том смысле, что и в монолингвальном, и в переводческом акте концептуальное содержание истолковывается как связанное с лингвистической формой. По мнению Халверсон, перевод как операция толкования включает контекстуальную интерпретацию переводчиком предшествующего текста (т. е. текста на ИЯ в традиционной терминологии), знание переводчиком конвенциональных конструктивов и творческое порождение перевода в режиме онлайн. Иными словами, перевод – это концептуализация посредством двух или более языковых переводов и толкований [Halverson 2013].

Применяя когнитивный подход к переводу, важно упомянуть такое понятие как фреймовая семантика. Фрейм определяется как когнитивная структура, знание, которое (предполагается) ассоциировано с концептом, представленным тем или иным словом [Филлмор 1988: 87]. К. Сяо использует семантический фрейм в качестве аналитического инструмента для создания модели фреймовых операций при переосмыслении текста. Эта модель предполагает, что когнитивная обработка при переводе включает активацию переводчиком знаний ИЯ через чтение исходного текста и их переконцептуализацию в смысловые потенциалы ПЯ для восприятия получателями текста на ПЯ. Фрейм как ментальная репрезентация знаний предлагает хороший аналитический инструмент для реконцептуализации. Модель работы с фреймами в переводе включает случаи соответствия фреймов и беспроблемную работу переводчика с ними. Фреймовое соответствие возникает, когда в культурах ИЯ и ПЯ могут быть задействованы соответствующие или сходные фреймы. Когда прямое соответствие труднодостижимо из-за различий между культурами ИЯ и ПЯ, переводчик может модифицировать такие фреймы, обнаруженные при чтении текста на ИЯ, например, сократить или добавить элементы фрейма, произвести корректировку уровней фреймов или осуществить перенос фреймов ИЯ [Xiao 2017].

Говоря о современных системах машинного перевода, наиболее прогрессивными можно считать те из них, в основе которых лежат нейросети. Прообразом

искусственных нейронных сетей является человеческий мозг, точнее, его биологические нейроны, хотя мозг человека имеет намного более сложное устройство, и в настоящее время воссоздать его в полной мере невозможно [Что такое нейросети и как они работают: URL].

Нейронный машинный перевод (Neural Machine Translation – NMT) относится к области искусственного интеллекта и представляет собой использование нейронных сетей для достижения высокого качества автоматического перевода. Этот подход направлен на то, чтобы уловить семантическое и контекстуальное значение слов и словосочетаний на одном языке и точно передать их на другом, преодолевая ограничения традиционного машинного перевода, основанного на правилах или статистике. Применение методов глубокого обучения позволяет системам нейронного машинного перевода обучаться и совершенствоваться на основе огромных объемов двуязычных текстовых данных, что приводит к более беглому и контекстуально точному переводу [Lark Editorial Team 2023].

В основе нейронного машинного перевода лежат сложные алгоритмы на базе нейронных сетей, предназначенные для обработки и создания переводов. В этих системах используются архитектуры кодировщика-декодировщика, где кодировщик анализирует входной текст и преобразует его в формат, пригодный для обработки (word-embedding – векторное представление слова – набор чисел, характеризующий слово с точки зрения семантики), а декодировщик генерирует переведенный текст на основе закодированной информации. Использование механизмов внимания еще больше повышает контекстную осведомленность моделей нейронного машинного перевода, позволяя им улавливать соответствующие детали и нюансы, присутствующие в исходном тексте, и создавать связные переводы [там же].

С помощью систем глубинного обучения стало возможным создание алгоритмов, благодаря которым система могла бы самостоятельно выбирать наиболее подходящий вариант перевода, опираясь на собственную базу данных.

В качестве примера рассмотрим систему Google Neural Machine Translator (GNMT), которая «базируется на принципе работы рекуррентных двунаправленных нейронных сетей, благодаря чему система способна распознавать значение слова или фразы на основе предыдущих значений в последовательности. Это позволяет системе учитывать контекст и выбирать необходимое значение слова из разных вариантов его перевода. Двунаправленность означает, что нейросеть разделена на два потока — анализирующий и синтезирующий. Важно то, что анализирующая сеть «читает» предложение не только слева направо, но и справа налево, что позволяет в полной мере понять контекст» [Как работает нейросеть Google Translate, 2018].

Чтобы проиллюстрировать, как происходит понимание текста на ИЯ нейронным машинным переводчиком Google, мы отобрали несколько примеров, в которых использованы устойчивые выражения – идиомы, так как они помогут лучше пронаблюдать те самые культурные различия между ИЯ – английским языком и ПЯ – русским языком, о которых писал Сяо в своей работе.

Оригинал: Don't bring beer to the pub; it is like carrying coals to Newcastle.

Google: Не приносите пиво в паб; это все равно, что везти уголь в Ньюкасл. Видно, что машинный переводчик справился с первой частью предложения, так как для всех слов на ИЯ были найдены эквиваленты на языке ПЯ. Однако во второй части предложения есть фразеологический оборот «to carry coals to Newcastle», с переводом которого система машинного перевода не справилась и осуществила перенос фрейма с ИЯ на ПЯ и перевела фразеологизм дословно как «возить уголь в Ньюкасл». Это объясняется тем, что система машинного перевода не была обучена русскоязычному аналогу этой фразеологической единицы, которым является «ехать в Тулу со своим самоваром». Из-за такого экстралингвистического фактора как различие культур, о которой писал Сяо, системе машинного перевода не удалось корректно истолковать этот оборот на ПЯ. Однако благодаря глубинному обучению нейронный машинный переводчик может быть обучен правильному переводу конкретной фразеологической единицы.

Обратимся к еще одному примеру.

Оригинал: My son always misplaces things, so looking for his car keys that day was like looking for a needle in a haystack.

Google: Мой сын всегда теряет вещи, поэтому искать ключи от машины в тот день было все равно, что искать иголку в стоге сена.

В этом примере мы наблюдаем фреймовое соответствие, т. е., если говорить об английском фразеологизме «to look for a needle in a haystack», то в русском языке есть полный эквивалент этой идиоме, которым является «искать иголку в стоге сена». Здесь система машинного перевода Google справилась с задачей и истолковала эту идиому на ПЯ верно, так как в этом случае в культурах ИЯ и ПЯ задействованы соответствующие фреймы. Мы проанализировали еще 10 предложений с английскими идиомами, 6 из которых были истолкованы на русском языке верно системой машинного перевода Google.

Таким образом, хотя с точки зрения когнитивистики перевод рассматривается как динамическое осмысление смыслопорождающего акта, в котором исходный текст служит лишь устройством, подсказывающим знания, необходимые для смыслопорождения, в нейронном машинном переводе система осуществляет трансформацию текста с ИЯ на ПЯ не как человек (посредством слов), а через формализацию слов в векторном их представлении – наборе чисел, а также механизмов внимания. Корректность текста на ПЯ также зависит от культурных сходств или различий ИЯ и ПЯ, которые машинный переводчик не в силах распознать, но которым, благодаря глубинному обучению, он может быть обучен для последующего механического распознавания и воспроизводства.

Литература

- Как работает нейросеть Google Translate. URL: <https://www.cossa.ru/152/196086>.
Филмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52-92.
Что такое нейросети и как они работают. URL: <https://gneuro.ru/statia1>.
Catford J.C. A linguistic theory of translation. Oxford: Oxford University Press, 1965.
Halverson S.L. Implications of Cognitive Linguistics for translation studies // Cognitive Linguistics and translation: Advances in some theoretical models and applications / A. Rojo, I. Ibarretxe-Antuñano (eds). Berlin: Mouton de Gruyter, 2016. Pp. 31-73.

Lark Editorial Team Neural Machine Translation, 2023. URL: https://www.lark-suite.com/en_us/topics/ai-glossary/neural-machine-translation.

Xiao K. Frame operation in poetic translation: A cognitive study on the English translation of classical Chinese poetry. Beijing: Science Press, 2017.

Xiao K. Cognitive Linguistics and Translation Studies // The Routledge Handbook of Cognitive Linguistics. New York; London: Routledge, 2021.

Artem V. Novikov (Orel, Russia)
I.S. Turgenev Orel State University

APPLYING THE PRINCIPLES OF COGNITIVE LINGUISTICS TO MACHINE TRANSLATION

This paper will discuss the use of cognitive linguistics principles in machine translation, basic principles of neural machine translation, in particular of the Google system. Then, it will present some examples illustrating the use of cognitive linguistics principles in machine translation and reflect on the key aspects of the given topic.

Key words: cognitive processing, semantic frame, source language (SL), target language (TL), machine translation, neural network, context

И.В. Скрынникова (Волгоград, Россия)
Волгоградский государственный университет
i.skrzynnikova@volsu.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ LLM: ЗАГАДКИ ОБРАЗНОГО ЯЗЫКА

В статье обосновывается важность разрешения проблемы интерпретации в LLM метафорического языка как уникального человеческого способа самовыражения на основе мышления по аналогии. Вопрос о том, как научить систему автоматически понимать метафору и наделять ее способностью делать инференции, до сих пор остается открытым. Выявлено, что неспособность систем ИИ мыслить по аналогии ввиду отсутствия у них физического тела, неумение делать умозаключения и их низкий предиктивный потенциал препятствуют пониманию метафорического языка большими языковыми моделями.

Ключевые слова: большие языковые модели, образный язык, интерперетация, инференция, эмбодимент

Образный язык остается малоизученной областью в области обработки естественного языка (НЛП), и вопрос о способности больших языковых моделей интерпретировать небукальные фразы, остается открытым. Оценка результативности современных языковых моделей для этой задачи показала, что несмотря на значительные успехи по распознаванию, интерпретации и порождению метафорических выражений они все еще далеки от аналогичных способностей человека.

Принцип работы НЛП изменился с момента его создания в 1950-х гг. Первоначально НЛП использовало запрограммированные вручную правила для понимания языка. Однако ввиду большого количества исключений из правил ими стало сложно управлять, и иногда они взаимодействовали непредсказуемо [Nadkarni 2011: 545]. В результате увеличения вычислительной мощности и про-

блем синтаксического анализа языка в 1980-х гг. методы изменились. Большое количество правил было заменено машинным обучением с использованием обучающих данных из больших аннотированных текстов, в которых идет поиск наиболее вероятного смысла предложения. Этот метод, основанный на вероятности, имеет большую гибкость и точность при вводе большого количества данных.

ИИ на современном этапе анализирует и генерирует язык и, соответственно, метафоры при помощи НЛП, направления в машинном обучении на стыке искусственного интеллекта и лингвистики, посвященного распознаванию, генерации и обработке устной и письменной человеческой речи. Однако ИИ все еще считают слабым, так как он полагается на определенные человеком параметры алгоритмов в своих возможностях и требует обучающих данных, чтобы его результаты были точными. С другой стороны, сильный ИИ обладает самосознанием и может решать проблемы, обучаться решению новых проблем, планировать будущее и учиться сам. Если бы он существовал, нам не нужно было бы создавать алгоритмы, позволяющие ИИ распознавать знаки остановки, играть в шахматы или, обрабатывать язык, поскольку ИИ мог бы научиться делать это самостоятельно.

Причина того, что распознавание и понимание метафорического языка до сих пор остается нерешенной задачей для систем ИИ, по нашему мнению, кроется в неспособности машин мыслить по аналогии. Метафорическое мышление выступает «одной из ипостасей аналогического мышления», а метафоричность является неотъемлемым свойством современного социального мышления [Ильин 2013: 22]. Поэтому мы будем говорить о метафорическом мышлении как о способе выражения аналогического мышления.

Современные нейронные сети достаточно успешно справляются с многими задачами, но плохо умеют использовать то, чему научились в одной ситуации, и переносить это на другую, в чем и заключается суть аналогии. Человеку свойственно мыслить абстрактно и строить аналогии, распознавать две и более различные ситуации как в сущности схожие. Но как же мы можем наделить этой способностью машины? Компьютеры не могут гибко и быстро обобщать информацию, которую получили, и применять ее к новым ситуациям. Аналогии, которые мы постоянно и неосознанно проводим, помогают нам понять что-то новое и ранее неизвестное. Способность проводить аналогии, интуиция и здравый смысл и является мостом между глубокими нейронными сетями и человеческим интеллектом. До тех пор, пока мы не научим машины размышлять по аналогии, их нельзя назвать надежными и достаточно гибкими.

Но почему проведение аналогий так важно для ИИ? Важность для ИИ проведения аналогии как фундаментального механизма мышления стала очевидна только сейчас, когда стало понятно, что законов логики, статистики и программирования в разработке «правил поведения» машины для решения новых задач недостаточно. Можно показать глубокой нейронной сети миллионы изображений мостов, и она сможет распознать изображение моста через реку. Но она никогда не сможет абстрагировать понятие «мост», скажем, применительно к нашему пониманию его как средства преодоления разрыва между поколениями

(*generation gap*).

За последние десятилетия предпринималось множество попыток научить машину мыслить по аналогии, например, включая создание механизма структурного картирования на основе программы когнитивной симуляции для изучения обработки, основанной на аналогии, информации [Falkenhainer et al. 1989]. В его основе лежат слова, наполненные «человеческим смыслом» (например, «*Земля вращается вокруг Солнца*» и «*электрон вращается вокруг ядра*»), но при этом отсутствует некая внутренняя модель того, что именно означает «*вращаться вокруг*». Другие системы типа *Corusat* справлялись с этой задачей, но не могли найти способов обобщить и распространить их на более абстрактные домены [Hofstadter, Mitchell 1994]. Однако из этих систем практически был исключен сам впрок обучения.

Несмотря на обилие исследований когнитивной науки в области аналогического мышления современные методы искусственного интеллекта не были адаптированы к этой масштабной задаче. Модели ИИ в основном основывают свои прогнозы на предыдущем опыте, но у них отсутствуют механизмы аналогических инференций, т. е. механизмы выделения паттернов высокого уровня, таких как целые ситуации или события на основе данных образца. Это мешает нейронным методам эффективно обучаться на основе небольшого количества данных, понимать и объяснять новые ситуации [Chen et al. 2019]. Большие языковые модели BERT [Devlin et al. 2018] и GPT-3 [Brown et al. 2020], вероятно, будут малоэффективны с более сложными аналогиями между двумя ситуациями или областями.

Новые подходы, такие как мета-обучение, обучение с самоконтролем, учатся заполнять предложения, в которых отсутствует одно из слов, что позволяет, на первый взгляд, очень убедительно генерировать язык. Подобные системы при наличии достаточного количества данных, научатся выполнять задачу проведения аналогий. Но присутствует некий «смысловой барьер» – системы ИИ могут имитировать понимание при определенных условиях, но вне их становятся хрупкими и ненадежными. Они не понимают, ни в каком человеческом смысле, данные, с которыми они имеют дело. Нет единого мнения относительно того, что же значит «понимать» смысл высказывания. На наш взгляд, механизм абстракции и аналогии является ключом к тому, что мы, люди, называем пониманием. Аналогии позволяют нам оставаться гибкими и не вести себя как роботы. Благодаря мышлению по аналогии человек способен взять за основу предыдущий опыт и сопоставить его с новым, ранее неизвестным или непонятным. Одна из теорий о том, почему люди обладают именно этим типом интеллекта, заключается в том, что мы – существа социальные. Мы способны моделировать то, что думают другие люди, понять их цели и предсказать, что они собираются делать по аналогии с самим собой, ставя себя на место другого человека и сопоставляя свое мнение с его мнением.

Есть мнение, что глубокое обучение более эффективно в создании осмысленных аналогий, и глубокие нейронные сети творят чудеса между входными и выходными слоями. Но это требует создания одного большого набора данных для обучения и тестирования нейронной сети. Дело в том, что исследователь уже

проиграл, если ему приходится обучать систему на тысячах примеров. Но суть абстрактного представления не в этом, а в том, что специалисты в области машинного обучения называют «обучением за несколько шагов» (англ. «few-shot learning») [Mitchell 2021], т. е. обучение на небольшом количестве примеров. Так, к примеру, Abstraction and Reasoning Corpus (ARC) представляет собой крайне сложную задачу по обучению за нескольких шагов, поскольку построена на «базовых знаниях», с которыми люди, по сути, рождаются. Как заставить машины учиться и рассуждать, используя эти базовые знания, которыми обладает ребенок, – это то, чего не может сделать ни одна из этих систем. Причина кроется в том, что машина не обладает телом, которое наделяет человека этими базовыми знаниями, на основе которых человеческий мозг способен строить все новые и новые аналогии. Мы не сможем научить машину размышлять по аналогии, подобно человеку, без какого-либо эмбодимента. Наличие тела имеет решающее значение, поскольку решение множества задач требует мышления в трех измерениях, что, в свою очередь, означает взаимодействие с окружающим миром, постоянное движение головой и понимание того, как вещи связаны в пространстве.

Неспособность систем ИИ мыслить по аналогии как следствие отсутствия у них физического тела в его взаимодействии с окружающей действительностью, неумение без помощи человека делать умозаключения, основанные на здравом смысле, низкий предиктивный потенциал – это лишь некоторые причины, которые не позволяют машинам в полном смысле понимать метафорический язык. Между человеческим мышлением и искусственным интеллектом все еще лежит онтологическая пропасть, которая на сегодняшний день представляется непреодолимой. Природа человека подразумевает присутствие творчества, в том числе и при восприятии и понимании текста, что не свойственно ИИ, подкрепляя мысль о том, что имитация разумного ответа и разум, творчески подходящий к решению проблемы, – это в корне разные вещи.

Литература

- Ильин Г.Л.* Современное мышление: от логики к аналогии // Образовательные технологии. 2013. № 2. С. 21-33.
- Brown T., Mann B., Ryder N.* et al. Language models are few-shot learners // Advances in neural information processing systems. 2020. 33. Pp. 1877-1901.
- Chen K., Rabkina I., McLure M.D., Forbus K.D.* Human-like sketch object recognition via analogical learning // Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence. 2019. Vol. 33. Pp. 1336-1343.
- Devlin J., Chang M.-W., Lee K., Toutanova K.* Bert: Pre-training of deep bidirectional transformers for language understanding // arXiv preprint arXiv: 1810.04805. 2018.
- Falkenhainer B., Forbus K.D., Gentner D.* The Structure-Mapping Engine: Algorithm and Examples // Artificial Intelligence. 1989. 41. Pp. 1-63.
- Hofstadter D.R., Mitchell M.* The Copycat project: A model of mental fluidity and analogy-making // *Analogical connections* / K.J. Holyoak, J.A. Barnden (eds.). Ablex Publishing, 1994. Pp. 31-112.
- Mitchell M.* Abstraction and analogy-making in artificial intelligence // Annals of the New York Academy of Sciences. 2021. 1501 (1). Pp. 79-101.
- Nadkarni P.M.* et al. Natural language processing: an introduction // Journal of the American Medical Informatics Association: JAMIA. No. 18 (5), Sep. 2011. Pp. 544-551.

LLM INTERPRETATION PROBLEMS: MYSTERIES OF FIGURATIVE LANGUAGE

The paper substantiates the importance of resolving the problem of LLM interpretation of metaphorical language as a unique human way of self-expression based on analogical reasoning. The question of how to train a system to automatically interpret metaphor and to make inferences still remains open. The study reveals that the inability of AI systems to reason by analogy due to the absence of a physical body, the inability to make inferences, and their low predictive potential hinder the understanding of metaphorical language by LLMs.

Key words: large language models, figurative language, interpretation, inference, embodiment

И.Г. Томарева (Москва, Россия)

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
tomareva@bk.ru*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИИ И КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ: АКТУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И БУДУЩИЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Искусственный интеллект (ИИ) и когнитивная лингвистика – две разные области, которые в последние годы стремительного развития создают прочный союз в изучении человеческого и искусственного интеллекта. В статье рассматривается связь между ИИ и когнитивной лингвистикой, подчеркивающая, каким образом эти две дисциплины информируют и дополняют друг друга.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), когнитивная лингвистика, человеческое познание, концептуальное моделирование, когнитивные процессы, мультимодальная обработка, когнитивная нейронаука

ИИ добился значительных успехов в обработке естественного языка, машинном обучении и когнитивном моделировании, а когнитивная лингвистика внесла свой вклад в наше понимание человеческого языка и познания. Взаимодействие этих областей имеет большой потенциал для развития как технологий ИИ, так и нашего понимания человеческого познания.

Когнитивная лингвистика предлагает ценные знания о структуре и обработке человеческого языка, которые могут быть использованы при разработке систем ИИ. Изучая то, как люди концептуализируют и выражают смысл с помощью языка, когнитивная лингвистика закладывает основу для создания более человекоподобных моделей ИИ. Кроме того, теории когнитивной лингвистики, такие как теория концептуальной метафоры и фреймовая семантика, были интегрированы в системы ИИ для улучшения понимания и генерации естественного языка.

Когнитивная лингвистика и ИИ – две разные области, которые пересекаются в нескольких важных аспектах. Когнитивная лингвистика фокусируется на понимании языка с точки зрения человеческого познания, подчеркивая роль ментальных процессов, концептуальных структур и построения смысла в использовании языка. С другой стороны, ИИ охватывает широкий спектр технологий и методологий, направленных на создание интеллектуальных систем, способных

выполнять задачи, которые обычно требуют человеческого интеллекта.

Когнитивная лингвистика в искусственном интеллекте выполняет следующие функции:

1) информационное обеспечение обработки естественного языка (NLP): Когнитивная лингвистика дает ценные сведения о когнитивных механизмах, лежащих в основе понимания, производства и усвоения языка. Эти знания могут послужить основой для разработки более сложных систем НЛП, которые будут лучше имитировать человеческое понимание и создание языка;

2) концептуальное моделирование. Когнитивная лингвистика предлагает богатую теоретическую базу для понимания того, как люди концептуализируют и представляют смысл. Исследователи ИИ могут использовать эти концептуальные модели для улучшения представления и манипулирования семантическими знаниями в системах ИИ, что приведет к более тонкой и контекстуально подходящей обработке языка;

3) когнитивно-инспирированные модели ИИ. Когнитивные лингвистические теории могут вдохновить на разработку моделей ИИ, имитирующих когнитивные процессы человека, связанные с пониманием языка. Интегрируя принципы когнитивной лингвистики в систему ИИ, исследователи могут разработать системы ИИ с расширенными когнитивными возможностями.

Очень важная роль отводится ИИ в когнитивной лингвистике, а именно:

1) анализ данных и распознавание образов: Технологии ИИ, такие как алгоритмы машинного обучения, могут анализировать большие объемы лингвистических данных, чтобы выявить скрытые закономерности, взаимосвязи и структуры. Эта возможность неоченима для когнитивных лингвистов, стремящихся выявить когнитивные и лингвистические закономерности в различных языках и контекстах;

2) когнитивное моделирование: ИИ может моделировать когнитивные процессы, связанные с пониманием языка, что позволяет когнитивным лингвистам проверять гипотезы о том, как люди понимают и интерпретируют язык. Модели ИИ могут дать ценные сведения о когнитивных основах лингвистических явлений, обогащая наше понимание языка и познания;

3) эмпирическая проверка теорий: ИИ служит мощным инструментом для проверки и уточнения когнитивных лингвистических теорий с помощью вычислительного моделирования и симуляции. Используя технологии ИИ, когнитивные лингвисты могут эмпирически подтвердить или опровергнуть существующие теории, что приведет к более глубокому пониманию языка и познания.

Взаимодействие когнитивной лингвистики и ИИ представляет собой благодатную почву для междисциплинарного сотрудничества, способного привести к развитию обеих областей. Интегрируя идеи когнитивной лингвистики в исследовании ИИ и используя технологии ИИ для изучения когнитивных лингвистических теорий, ученые смогут открыть новые горизонты в понимании человеческого языка и познания.

Необходимо отметить огромный потенциал ИИ в когнитивной лингвистике. Технологии ИИ способны расширить наше понимание человеческого познания

и языка. Алгоритмы машинного обучения могут анализировать масштабные лингвистические данные, выявляя закономерности и структуры, которые могут быть не очевидны для исследователей. Потенциал ИИ в когнитивной лингвистике огромен и предлагает множество возможностей для углубления нашего понимания языка и познания. Вот несколько ключевых областей, в которых ИИ может существенно повлиять на когнитивную лингвистику [Simsarian 2000: 2].

В целом, потенциал ИИ в когнитивной лингвистике заключается в его способности предоставить вычислительные инструменты, эмпирические методологии и теоретические основы, которые дополняют и обогащают традиционные подходы в когнитивной лингвистике. Используя технологии ИИ, когнитивные лингвисты смогут исследовать сложные когнитивные явления в языке с большей точностью и масштабом, что в конечном итоге продвинет наше понимание сложной взаимосвязи между языком, познанием и культурой.

Кроме того, ИИ может моделировать когнитивные процессы, такие как усвоение и понимание языка, позволяя по-новому взглянуть на то, как человек пользуется языком.

Последние исследования посвящены интеграции когнитивных лингвистических теорий в системы ИИ, например, разработке вычислительных моделей понимания метафор и реализации алгоритмов семантического разбора на основе фреймов. Кроме того, растет интерес к использованию технологий ИИ для исследования когнитивных лингвистических явлений, например, для изучения того, как нейронные сети усваивают языковые репрезентации, и моделирования эволюции языка.

Современные тенденции исследований в области когнитивной лингвистики и ИИ находятся на переднем крае междисциплинарных изысканий, используя потенциал ИИ для углубления нашего понимания языка и познания. Некоторые ключевые направления исследований в этой области включают:

1) вычислительное моделирование языка и познания. В настоящее время все больше внимания уделяется использованию методов ИИ, таких как машинное обучение и глубокое обучение, для построения вычислительных моделей, имитирующих когнитивные процессы, связанные с пониманием, созданием и усвоением языка. Эти модели направлены на проверку гипотез о том, как люди обрабатывают и понимают язык, что приводит к новому пониманию когнитивных механизмов, лежащих в основе лингвистических явлений;

2) когнитивная нейронаука и ИИ: растет интерес к интеграции когнитивной нейронауки с подходами ИИ для изучения нейронных основ языка и познания. Исследователи используют инструменты ИИ для анализа данных визуализации мозга и разработки вычислительных моделей, которые устраняют разрыв между когнитивными лингвистическими теориями и результатами нейронаучных исследований.

В целом пересечение когнитивной лингвистики и ИИ является движущей силой инновационных исследований, которые способны существенно повлиять на наше понимание языка, познания и культуры. Используя возможности техно-

логий ИИ, исследователи расширяют границы традиционных когнитивных лингвистических исследований и открывают новые пути для междисциплинарного сотрудничества и открытий [Janda, Trousdale 2010: 5].

Будущие направления в когнитивной лингвистике и ИИ открывают большие перспективы для углубления нашего понимания языка, познания и разработки интеллектуальных систем. Некоторые потенциальные области исследования и развития включают:

1) воплощенное и расположенное познание: будущие исследования могут быть направлены на интеграцию знаний из области эмбодированного познания с подходами ИИ для создания более контекстуально обоснованных и эмбодированных систем понимания языка. Учитывая роль тела и окружающей среды в формировании языка и познания, модели ИИ смогут лучше отражать локальную природу человеческого общения;

2) мультимодальная обработка языка: растет интерес к разработке систем ИИ, способных обрабатывать и понимать язык в различных модальностях, включая речь, жесты и визуальные сигналы;

3) когнитивная семантика и представление знаний: будущая работа может включать использование методов ИИ для разработки более сложных моделей представления и манипулирования семантическими знаниями, основанных на принципах когнитивной лингвистики. Это может привести к созданию систем ИИ, способных рассуждать о значении и концептуальных отношениях более человекоподобным образом.

4) усвоение и изучение языка: когнитивная лингвистика и ИИ могут сотрудничать в изучении того, как люди приобретают и изучают язык, что приведет к разработке моделей, управляемых ИИ, которые будут имитировать когнитивные процессы, связанные с приобретением языка;

5) кросс-культурные и кросс-лингвистические исследования: будущие исследования могут изучить возможности использования ИИ для анализа различных лингвистических и культурных наборов данных, выявления универсальных когнитивных моделей и культурных вариаций в использовании языка;

6) этические и социальные последствия: по мере развития технологий ИИ необходимо рассмотреть этические и социальные последствия интеграции когнитивных лингвистических теорий в интеллектуальные системы.

Пересечение ИИ и когнитивной лингвистики открывает захватывающие возможности для развития обеих областей. Используя знания когнитивной лингвистики, ИИ может разработать более человекоподобные возможности обработки языка, а технологии ИИ могут внести вклад в наше понимание человеческого познания и языка. Поскольку исследования в этой области продолжают развиваться, междисциплинарное сотрудничество будет иметь решающее значение для раскрытия всего потенциала этого перекрестка.

Литература

- Barsalou L.W.* Embodied Language Processing: Constructing and Using Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Evans V.* Cognitive Semantics for Natural Language Processing. Edinburgh: Edinburgh University

Press, 2006.

Janda L.A. Trousdale G. Cognitive Linguistics and AI: From Theory to Practice. International Journal of Translation. 2010. No. 22 (1).

Simsarian K.T. Cognitive Linguistics and Computational Linguistics. Stockholm: Swedish Institute of Computer Science, 2000.

Irina G. Tomareva (Moscow, Russia)

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

THE INTERACTION OF AI AND COGNITIVE LINGUISTICS: CURRENT SITUATION AND FUTURE DIRECTIONS

Artificial intelligence (AI) and cognitive linguistics are two distinct fields that, in recent years of rapid development, are forging a strong alliance in the study of human and artificial intelligence. This article examines the relationship between AI and cognitive linguistics, emphasising how the two disciplines inform and complement each other.

Key words: artificial intelligence (AI), cognitive linguistics, human cognition, conceptual modeling, cognitive processes, multimodal processing, cognitive neuroscience

A.B. Трубочкин (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

nalugu@mail.ru

МЕТОД ЯЗЫКОВОГО СИНТЕЗА В АНАЛИЗЕ РАСШИРЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ОБЪЕМА ЗНАЧЕНИЙ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗОВО-ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ *X OUT*

В статье рассматриваются мотивационно-номинативные признаки фразово-глагольной конструкции *X out* с точки зрения синтеза естественного языка. Триангуляция методов нейросетевого анализа с методами когнитивной семантики позволяет установить признаки семантического расширения значения в процессе языкового синтеза, облегчая понимание явления полисемии при решении задач референциального выбора.

Ключевые слова: полисемия, конструкция, семантика, языковой синтез, нейросеть, искусственный интеллект

Статья посвящена проблеме полисемии фразовых глаголов (ФГ) на материале фразово-глагольных конструкций (ФГК) *X out* в английском языке. Принимая во внимание словообразовательную активность языковых конструкций, среди которых часто встречаются лексические единицы схожей типологии *X out*, такие как полисемичные *bring out*, *take out*, менее полисемичные *move out*, *lead out*, *help out* кластера ФГ с общим лексическим значением оказания помощи или содействия покинуть определенное место или выйти из ситуации, можно предположить, что существует общая модель *X out*, обладающая потенциалом не только аналогического словообразования, но и полисемии. Отметим, что в процессе аналогии имеет место явление лексической аттракции [Голубкова, Трубочкин 2019: 605-607], приводящей к продуцированию новой номинативной единицы, значение которой мотивировано не только значением порождающей конструкции, но и облегчением референциального выбора. Это поднимает вопрос о

границах расширения семантического объема конструкции, за пределами которых целостность ее семантического содержания начинает распадаться [Некипелова 2011: 36], приводя к возникновению эффекта полисемии.

Попробуем рассмотреть этот вопрос через призму возможностей искусственного интеллекта с опорой на нейросетевую модель референциального выбора [Кибрик и др. 2010: 174]. Результаты предыдущего исследования процесса расширения семантического объема ФГК *X out* нейросетевым методом [Трубочкин 2023: 302-307] продемонстрировали возможность определения его границ через анализ сета визуальных метафор, сгенерированного нейросетью Midjourney в ответ на заранее подготовленные определенным образом языковые данные, поданные на вход нейросети.

Опираясь на полученные результаты, на данном этапе поставим нейросети задачу о возможном синтезе ФГК при применении метода Sentence Simplification с условием сохранения семантики подаваемых на вход нейросети языковых данных. При этом метод Sentence Simplification применим рекурсивно, где каждую его итерацию назовем семантическим приращением к значению синтезируемой лексической единицы, в случае успеха ее синтеза.

В качестве инструмента будем использовать нейросеть ChatGPT-3.5, выбор которой обусловлен обученностью ее NLP-модели на базе знаний обрабатывать входные языковые данные с высокой степенью когнитивной адекватности [Grüning, Kibrik 2005: 186-191].

В качестве входных языковых данных использовались контексты корпуса BNC или сети Интернет, содержащие прецедентные имена. Выбор контекстов с прецедентными именами обусловлен не только их богатым потенциалом запуска таких когнитивных процессов как метонимическое проецирование, метафорический перенос, фокусирование или дефокусирование определенных характеристик объекта, но и низкой частотностью употребления или ее отсутствием в корпусах. Последнее важно для уменьшения вероятности того, что продуцируемый нейросетью окказионализм в составе ФГК *X out* в результате эксперимента окажется ей знаком. Например, от подачи на вход нейросети контекста *He performed a rescue of his son from the prison like James Bond*, мы ожидаем на ее выходе не только получить окказиональный глагол *to James Bond*, но его согласованную форму в составе фразово-глагольной лексико-грамматической конструкции *X out* в случае успешного синтеза. Кроме того, вышеозначенные когнитивные процессы являются характерными механизмами развития полисемии лексической единицы, в частности ФГК, изменение объема семантики которой, мы попробуем продемонстрировать далее механизмом семантических приращений.

По результатам предыдущих исследований [Трубочкин 2023: 302-307] установлено, что когнитивной модели конструкции *X out* определена фреймовая структура *X OUT* с концептуальным основанием направленности вектора движения или действия из контейнера, вербализуемая через частицу *out* и значение глагольного слота *X* конструкции одноименного слота фрейма, модифицирующего манеру осуществления действия, которое вербализуется целостной фра-

зово-глагольной конструкцией *X out*, где глагольный слот *X* открыт для заполнения лексическими единицами. Так, например, представитель *to help out* рассматриваемого ФГ кластера встречается в корпусе BNC во всех грамматических формах 368 раз (пример запроса к корпусу: *HELP_v out*) или *to lead out* – 127 раз, при этом предполагаемый окказионализм *to James Bond out* – 0 раз, поэтому контекст с прецедентным именем *James Bond* подходит для эксперимента по его синтезу искусственным интеллектом на базе собственных знаний и языковой модели.

Далее определяется концептуальное содержание прецедентных имен в предварительно отобранных контекстах: сопоставляется фрейм и определяются его слоты. Так, например, Джеймс Бонд и его характеристики будут отличаться от Золушки, Шрека или Гарри Поттера [Захарова 2020: 16-130].

Затем выбранной нейросети ставится задача эксперимента: транспозиция прецедентного имени на лексическом и грамматическом уровнях, в случае распознавания его семантики, используя метод *Sentence Simplification*.

После этого проанализированный методами когнитивной семантики контекст подавался на вход нейросети и проводился семантический анализ текста результата выдачи (см. Рис.).

Default (GPT-3.5) ⓘ	
A	He performed a rescue of his son from the prison like James Bond
1/2 >	He <u>James Bonded his way into rescuing</u> his son from the prison.
2/2 >	He <u>James Bonded his son out of</u> the prison.

Free Research Preview. ChatGPT may produce inaccurate information about people, places, or facts. [ChatGPT August 3 Version](#)

Рис. Результат NLP, где *A* – входные языковые данные, *1/2* и *2/2* – выходные языковые данные первой и второй итераций *Sentence Simplification*

Так, контекст, поданный на вход нейросети *He performed a rescue of his son from the prison like James Bond*, был представлен на выходе первой итерации *1/2* как *He James Bonded his way into rescuing his son from the prison*, а на выходе второй итерации *2/2* уже как *He James Bonded his son out of the prison*.

Как видим, синтезированная номинация *James Bonded* является вторичной и обладает свойствами метонимического переноса стереотипного образа: *He* – типовой агент спецслужб, выполняющий опасные операции, а также метафорического фокусирования характеристик успешности выполнения опасной миссии. Сравните, результаты обеих итераций *1/2* и *2/2* выдачи нейросети тождественны с точки зрения искусственного интеллекта: *He James Bonded his way into rescuing...* = *He James Bonded out...*

В результате первой итерации *1/2*, кроме синтезированного глагола *to James Bond*, мы видим употребление искусственным интеллектом дополнительного к полученному окказионализму идиоматичное выражение *make one's way*, которая с позиции грамматики конструкций восходит к общей модели *X makes X's way*, что в частном случае – *X made X's way*, где лексическая единица *made*, глагол, в

открытом глагольном слоте конструкции вытесняется прецедентным именем и вынужденно наследует грамматические свойства слота конструкции, демонстрируя явление коэрзии или вынужденного приспособления [Голубкова, Трубочкин 2019: 605]. В результате действия эффекта коэрзии, глагол *James Bonded* также вынужденно изменяет свою семантику под семантику конструкции *X makes X's way* – ‘иметь успех, преуспеть в чем-либо, пробивая себе дорогу’, мотивированное идиомой *make one's way*, что в свою очередь приводит к приращению семантического объема глагола *James Bonded* на семантику конструкции *X makes X's way* на второй итерации 2/2 эксперимента. Иначе говоря, номинативная единица ‘*James Bonded*’ не просто имеет значение ‘осуществить спасательную миссию’, но формирует новое значение с коннотацией заведомо положительного исхода этой миссии, которое мотивировано не только процессами метафорического и метонимического проецирования, но и коэрзивным эффектом конструкции *X makes X's way*. Заметим, что продемонстрированный метод языкового синтеза позволяет наблюдать расширение семантического объема значения лексической единицы в режиме реального времени. Кроме того, конечным результатом эксперимента явилась синтезированная искусственным интеллектом фразово-глагольная единица *to James Bond out*, совпадающая не только с когнитивной моделью X OUT конструкции, но и с лексико-грамматической моделью *X out* рассматриваемого ФГ кластера.

Таким образом, триангуляция корпусных, когнитивных и нейросетевых методов анализа позволяет установить мотивационно-номинативные признаки конструкции, допускающие расширение семантического объема до новых значений по ее когнитивной модели или создание новых номинаций, облегчая задачу референциального выбора, в которой процесс развития полисемии опирается не только на метонимическое проецирование – перенос стереотипного образа на денотат метафорического проецирования – транспозиция фокусируемых характеристик на денотат как в целом метафорический перенос, но и на эффект коэрзии.

Литература

- Голубкова Е.Е., Трубочкин А.В. Фразовые глаголы как грамматические конструкции (на материале английского языка) // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 604-609.
- Захарова А.Г. Лингвокогнитивное моделирование семантики производных слов, образованных от прецедентных имен (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2020.
- Кибрик А.А., Добров Г.Б., Залманов Д.А., Линник А.С., Лукашевич Н.В. Референциальный выбор как многофакторный вероятностный процесс // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2010. Вып. 9 (16). С. 173-180.
- Некителова И.М. К вопросу о разграничении понятий семантическая деривация и семантическое словообразование в диахроническом аспекте // Вестник ТГУ. Серия: филология. 2011. № 2 (14). С. 33-46.
- Трубочкин А.В. Нейросетевой метод в анализе прагматического соответствия синсетов концептуальному содержанию значения на материале английских фразово-глагольных конструкций *X out* // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3 (54), ч. 1. С. 302-307.
- Grüning A., Kibrik A. Modeling referential choice in discourse: A cognitive calculative approach and a Neural Networks approach // A. Branco, T. McEnery and R. Mitkov (eds.). Anaphora processing: Linguistic, cognitive and computational modelling. Amsterdam: Benjamins, 2005.

Рр. 163-198.

The British National Corpus (BNC). URL: <https://english-corpora.org/bnc>.

The neural network ChatGPT 3.5. OpenAI. URL: <https://chat.openai.com>.

*Alexander V. Trubochkin (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University*

NATURAL LANGUAGE SYNTHESIS IN THE STUDY OF SEMANTIC EXTENSION OF THE LEXICAL MEANING OF *X OUT* CONSTRUCTIONS IN MODERN ENGLISH

The article views motivational features of *X out* lexico-grammatical constructions from the viewpoint of natural language processing (NLP). The triangulation of methods of the neural network analysis and cognitive semantics allows us to identify the features of semantic meaning extension under the natural language synthesis which facilitate the study of polysemy and referential choice.

Key words: polysemy, construction, semantics, NLP, neural network, artificial intelligence

*В.Я. Шабалина (Казань, Россия)
Институт развития образования Республики Татарстан
sh_ver@mail.ru*

ПРИЗНАКИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕТОДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Возможности искусственного интеллекта в последние годы стремительно расширяются и становятся доступными любому создателю текста. В статье на примере авторских материалов для научно-методического журнала выявляются признаки, свидетельствующие о том, что текст сгенерирован нейросетью. Отмечается, что можно говорить об особом адресанте речи в методическом дискурсе – искусственном интеллекте.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросеть, методический дискурс, атрибуция текста

Цифровые ресурсы давно стали частью нашей жизни. По данным Digital 2023, в России 88,2% населения пользуются Интернетом, а среднее время нахождения в Сети составляет ежедневно 8 часов [Чуранов: 2023]. С невероятной скоростью развиваются и технологии в области искусственного интеллекта, которые применяются в медицине, дизайне, текстовой и иной аналитике, других сферах деятельности человека. Искусственный интеллект (ИИ) в числе прочих задач научился генерировать вполне правдоподобные тексты, преобразовывать текст в речь, «используя» голос любого человека, создавать достоверные цифровые видео, фото и даже осуществлять «цифровую реинкарнацию» людей. Возникает необходимость в междисциплинарных проектах с участием представителей когнитивных наук, представителей ИИ и нейроинформатики [Кузнецов 2020]. Создатели ИИ встревожены тем, к каким последствиям может привести его развитие.

В то же время появление систем, позволяющих делать анализ большого объема данных и генерировать тексты, многими встречено с энтузиазмом, поскольку экономит время. Двадцать лет назад исследователи предполагали, что совместная деятельность ИИ и человека будет весьма эффективной в решении лингвистических задач [Худяков, Чухарев 2004], в том числе в атрибуции текста.

В сфере образования, где неперменной составляющей профессионализма

педагога является его умение делиться своим опытом в различных формах, в том числе посредством публикации методических материалов, важное значение имеет языковая компетенция учителя, которой обладают далеко не все специалисты. Факты свидетельствуют, что некоторые авторы прибегают к помощи ИИ, применяя на практике свои цифровые навыки. Атрибуция текстов, поступающих в редакцию журнала «Современное образование: актуальные вопросы и инновации», показывает, что современные педагоги испытывают определенные трудности при языковом оформлении результатов своего опыта в письменном виде. Так, к публикации в четвертом номере журнала за 2023 г. из 38 материалов не было допущено 10, созданных при участии ИИ и отклоненных системой «Антиплагиат». Причем высокий процент оригинальности текста (от 74 до 99%) не обязательно свидетельствует об авторстве текста: текст в данном случае не копируется, не переводится, а создается нейросетью (следует отметить, что здесь в подавляющем большинстве адресантами методического дискурса являются преподаватели математики, физики и информатики).

Можно отметить, что методический дискурс, являющийся подвидом педагогического в рамках образовательного дискурса (подробнее см.: [Шабалина 2023: 363-366]), обретает еще одного продуцента – искусственный интеллект. Однако сгенерированные нейросетью тексты имеют особенности, которые отрицательно влияют на качество материала. К ним, в частности, относятся дословно воспроизводимые фразы или фрагменты; повторяющиеся, слегка перефразированные мысли. Могут быть нарушены связность частей текста и логика изложения материала, присутствуют некорректные ссылки либо ссылки на источники, не вызывающие доверия или являющиеся не самыми авторитетными в рассматриваемом вопросе. Эти признаки указывают на создание текста ИИ.

Так, например, в тексте «Наставничество как эффективный метод обучения» преподавателей математики и физики (81,03% оригинальности) встречаются не только дословные повторы (например, фраза «*Это позволяет применять персонализированный подход, адаптированный к уникальным потребностям и способностям каждого ученика*» встречается 3 раза), но и слегка видоизмененные предложения: (наставник) *встречает своих подопечных на пути их личного и профессионального роста; система работы, способствующая личностному росту и профессиональному становлению студентов; наставничество способствует развитию не только профессиональных навыков, но и личного роста; наставничество является эффективным методом обучения, который способствует развитию компетенций, укреплению самодисциплины, приобретению профессиональных навыков и личностному росту*. Кроме того, в тексте присутствуют ряды избыточных синонимов (Он выполняет роль *учителя, гуру и тренера* одновременно... *выступает в качестве гида; Отношения между наставником и его подопечными основаны на доверии, уважении, взаимопонимании и взаимной поддержке*), излишние эпитеты и метафоры (он становится для своих подопечных *надежным компасом во вселенной знаний и навыков; Педагог-наставник благородно творит, наполняет мир но-*

выми знаниями и вдохновляет других на преодоление себя). Не всегда прослеживается логика в изложении мыслей, а, по мнению специалистов компании «Антиплагиат», именно «модуль обнаружения логических ошибок – незаменимый компонент для идентификации машинно-сгенерированных текстов» [Gritsay 2023]. Так, рассуждая о наставничестве как эффективном методе обучения (применительно к сельскохозяйственному техникуму), авторы заявляют: «Во многих областях, таких как искусство, спорт или бизнес, наставник является неотъемлемой частью процесса обучения». Участие в чемпионатном движении «Профессионалы», отмеченное в аннотации как пример реализации наставничества, в тексте не раскрыто. В целом в материале следует отметить «жонглирование» общими фразами вокруг заявленной темы.

В тексте «Наставничество как неотъемлемая часть педагогической корпоративной культуры и кадровой политики образовательной организации» (автор – учитель физики) (93,13% оригинальности) отмечено отсутствие связи аннотации с содержанием статьи, употребление нетипичного для темы наставничества термина *новичок* вместо *молодой педагог, начинающий учитель* и т. п., при представлении форм наставничества нет единообразия в подходе к их определению (указано, что это *процесс, вид, форма, практика, подход, техника*). Из 1103 слов статьи почти 2% составляют однокоренные слова *помочь, помощь, помогать*, а фраза «**Опытные учителя, играющие роль наставников, чувствуют себя оцененными и ценными для образовательной системы**», помимо неоправданного употребления однокоренных слов, содержит фразеологизм «*играть роль*»: в данном контексте отсутствие когнитивного контроля приводит к двусмысленности, поскольку учителя не играют роль наставников, а реально ее выполняют.

В списке использованной литературы указаны исключительно иностранные авторы (Дж. Брэд, Р. Чарльз, М. Джон, Р. Фишер и У. Ури), при этом адресант методического дискурса, при отсутствии логической связи с предыдущими предложениями, указывает: «Из различных источников выяснилось, что внедрение системы наставничества поможет защитить начинающих учителей от эмоционального выгорания и раннего ухода из профессии. В то же время ученые МГПУ отметили, что на формирование профессиональной идентичности педагога напрямую влияет образ учителя в обществе». В целом материал не соответствует заявленной теме, содержит набор фрагментарных, не связанных с темой статьи сведений о наставничестве (в частности, приведен пример *персонального плана развития*, не встроеного в систему деятельности образовательной организации), опыт образовательной организации представлен перечислением *авторских разработок (программа «Наставник-плюс», подход «Наставничество 2.0», онлайн-платформа «Виртуальный наставник»)*, которые повторяют уже имеющиеся формы и практики наставничества.

Текст автора – учителя информатики «Успешное освоение современных цифровых инструментов и мобильных приложений: ключ к качественному образованию» (пунктуация автора сохранена – В.Ш.) имеет 98,9% оригинальности при том, что содержит описание цифровой платформы «Яндекс.Учебник», проектов «Цифровой образовательный контент», «Дай 5!», «Цифровая школа

“Учи.ру”», нескольких мобильных приложений и применяемых на уроках цифровых инструментов. Они занимают почти половину объема материала (46%). Подобные описания, безусловно, содержатся в Интернете, и при проверке текста в системе «Антиплагиат», как минимум, должны отражаться ссылки на их заимствование, что снижает процент оригинальности. Это указывает на то, что текст сгенерирован нейросетью. В тексте используются однотипные синтаксические конструкции и повторяющиеся слова *это позволяет, помогает, предоставляет, способствует, дает возможность* и др. Кроме того, отсутствуют список использованной литературы и ссылки на источники. С большой долей уверенности можно утверждать, что адресантом (автором) данного методического продукта является ИИ.

На первый взгляд, нет ничего страшного в генерировании нейросетью методического дискурса. Однако выдаваемые за образец или передовой опыт «фантазии» ИИ, не опирающиеся на научные педагогические теории и практику, могут тиражироваться в образовательных организациях и включаться в процесс обучения и воспитания, что может привести к непредвиденным последствиям; именно «непредсказуемость перспектив использования технологий искусственного интеллекта и отсутствие знаний о последствиях внедрения» [Корчагин 2021: 42] у многих вызывают негативное отношение к технологиям ИИ.

Многие исследователи выражают свою обеспокоенность по поводу возможностей ИИ «для создания эффективных текстовых и иных импульсов, способных трансформировать сознание и поведение целевых аудиторий» [Дзялошинский 2021: 25]. Возможно, в образовательной сфере необходимо ввести контроль за использованием нейросети, в частности, при создании методических материалов.

Литература

- Дзялошинский И.М.* Цифровые коммуникационные сервисы в эпоху формирования искусственного интеллекта // Журналист. Социальные коммуникации. 2021. № 1. С. 11-33.
- Корчагин С.А.* Анализ тенденций применения технологий искусственного интеллекта в образовательной сфере // Известия Саратовского гос. ун-та. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 37-42.
- Кузнецов О.П.* Искусственный интеллект и когнитивные науки – вместе или отдельно? // I Национальный конгресс по когнитивным исследованиям, искусственному интеллекту и нейроинформатике. М., 2020. С. 16-21.
- Худяков А.А., Чухарев Е.М.* Когнитивная лингвистика и искусственный интеллект: результаты и тенденции взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 2/3. С. 93-105.
- Чуранов Е.* Вся статистика интернета и соцсетей на 2023 год – цифры и тренды в мире и в России. URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cify-i-trendy-v-mire-i-v-rossii>.
- Шабалина В.Я.* К вопросу о методическом дискурсе как особом виде институционального дискурса // Современная лингвистика: от теории к практике. Труды и материалы. II Казанский международный лингвистический саммит. Казань, 2023. С. 363-366.
- German Gritsay.* За кулисами интеллекта ChatGPT: рассказ о том, как определяют тексты, созданные ИИ. URL: <https://habr.com/ru/companies/antiplagiat/articles/728112>.

*Vera Ya. Shabalina (Kazan, Russia)
Institute of Education Development of the Republic of Tatarstan*

SIGNS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE METHODOLOGICAL DISCOURSE

The possibilities of artificial intelligence have been rapidly expanding in recent years and are becoming available to any creator of the text. Using the example of author's materials for a scientific and methodological journal, the article identifies signs indicating that the text was generated by a neural network. It is noted that we can talk about a special addressee of speech in methodological discourse – artificial intelligence.

Key words: artificial intelligence, neural network, methodological discourse, text attribution

*Elena L. Iarkova (Tyumen, Russia)
Tyumen State University
e.l.yarkova@utmn.ru*

COGNITIVE LINGUISTICS AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE: TEACHING ENGLISH THROUGH COGNITIVE APPROACHES

English has become an essential language for global communication in the modern world. However, mastering it can be a challenging task, especially for students pursuing higher education. Cognitive linguistics offers new perspectives on language comprehension and fresh approaches to language learning. This article aims to explore the potential benefits of integrating cognitive linguistics with artificial intelligence to improve English language teaching at the university level.

Key words: cognitive linguistics, artificial intelligence, cognitive approaches, English language teaching

Cognitive linguistics, a branch of linguistics that focuses on the relationship between language and cognitive processes, has gained considerable attention in recent years. With the rapid development of artificial intelligence (AI), there is a growing interest in exploring how cognitive linguistic approaches can be applied to the field of language education, particularly English language teaching. This article aims to discuss the potential benefits of incorporating cognitive approaches into English language teaching, highlighting the role of AI in facilitating this process.

Cognitive linguistics views language as a reflection of human cognition, emphasizing the mental processes involved in language production and comprehension. It rejects the traditional view of language as a static system of rules and instead focuses on the dynamic nature of language use. Cognitive linguists argue that our understanding of language is deeply rooted in our conceptual systems and embodied experiences.

According to E.S. Kubryakova, the tasks of cognitive science “include both the description and study of systems of knowledge representation and processes of information processing and recycling, and, at the same time, the study of general principles of organization of human cognitive abilities into a single mental mechanism and the establishment of their interrelation and interaction” [Kubryakova 2004: 8-9].

While studying English at the university, students face a number of challenges in understanding grammar, pronunciation, and vocabulary. Cognitive linguistics offers a new approach to learning these aspects based on understanding the process of thinking and perception rather than simply memorizing rules.

Incorporating cognitive linguistics into the teaching of English offers several advantages for learners. Firstly, by emphasizing the connection between language and thought, cognitive approaches promote a deeper understanding of linguistic structures and meanings. Learners become more aware of the cognitive processes underlying language use, enabling them to communicate more effectively.

Secondly, cognitive approaches provide a framework for teaching vocabulary and grammar in a meaningful context. Rather than memorizing isolated words and rules, learners are encouraged to explore the conceptual connections between words and build their own mental networks. This approach increases retention and facilitates the application of knowledge in real-life situations.

Thirdly, cognitive linguistics promotes a holistic approach to language learning that integrates different skills such as reading, writing, listening, and speaking. By focusing on meaningful communication rather than isolated skills, learners develop a more complete and versatile language proficiency.

Thus, according to N.N. Boldyrev, “the cognitive approach to the study of language involves not so much the study of the objective characteristics of its units and categories but rather the ways of human perception of the world, represented in linguistic semantics, i. e. the study of language through the prism of the main cognitive processes - conceptualization and categorization. Accordingly, one of the main methodological principles of this approach is the position that man does not reflect the world in language but constructs it with the help of language in his consciousness” [Boldyrev 2016: 1].

Knowledge of the principles and approaches of cognitive linguistics can help a language teacher develop effective teaching methods that take into account the cognitive characteristics of learners. For example, active learning methods such as discussion, role play, and problem solving can be used to develop cognitive skills such as memory, attention and thinking. It is also possible to tailor teaching methods to individual learner characteristics by using a variety of learning materials and technologies, such as mobile applications and virtual reality. Finally, it is important to motivate learners by explaining the benefits of learning a foreign language.

Artificial intelligence has revolutionized many fields, including language education. AI-powered tools and platforms offer innovative ways to implement cognitive linguistic approaches in English language teaching. These technologies provide personalized and adaptive learning experiences that meet the needs and preferences of individual learners.

AI-powered chat bots and virtual language tutors simulate real-life conversations, allowing learners to practice language skills in a supportive and interactive environment. These systems use natural language processing algorithms to provide instant feedback and correction, improving learners' accuracy and fluency.

In addition, AI algorithms can analyze learners' language production data to identify specific areas for improvement. By recognizing patterns in learners' errors and difficulties, AI systems can tailor instruction to effectively address these areas. This personalized feedback encourages self-reflection and metacognitive awareness, facilitating the development of more accurate and natural language skills.

There are many AI programs that can be used by language teachers. Some of them

are designed for language learning, while others are designed for developing learning materials. Here are some examples of such programs: Babbel is a language learning software that provides interactive lessons and tests. Quizlet is a program for creating foreign-language flashcards. Memrise is a program for memorizing new words and phrases in foreign languages.

Our research has shown that one of the most effective AI tools for developing a cognitive approach to teaching English is Twee AI (<https://twee.com>). It helps create questions for any YouTube video in just a few seconds, motivating students to think about their own experiences and encouraging them to discuss topics relevant to their lives. By focusing students' attention on key vocabulary, Twee can help generate dialogues and prompt communicative situations where certain language patterns can be trained. Students can then use their own imagination and make their own associations with the words and phrases they have learned in a context that is meaningful to them. They rely on their cognitive skills to build different cognitive models of the foreign language they are learning. As a result, they tend to remember and retain the acquired knowledge better when it is presented in a more creative way.

When using cognitive linguistic approaches and artificial intelligence tools, students develop skills in analyzing language data, creating mental representations of language, using cognitive grammar and semantics to understand and express their thoughts in a foreign language.

Here are some cognitive strategy activities that can be recommended for integration with various AI tools:

- **Use visualization techniques to enhance student understanding and develop recall and communication skills.**

For example, students can act out a scene from a reading passage, develop poster presentations on a topic, draw pictures or diagrams, create mind maps, make associations, use mnemonics, underline key words, use color coding, all while learning new vocabulary and incorporating it into their own life stories to share with others [Mardoyan 2020: URL].

Dream Studio could be a very useful AI to create images based on student prompts and text that understands the relationship between words and images (<https://beta.dreamstudio.ai/generate>).

Midjourney (<https://www.midjourneyai.ai/ru>) can support the creation of art; students can compare their own drawings with the images generated by the AI and discuss the question: if it wasn't created by a human artist, is it still art?

Astica AI can write a composition using the generated image. Students can compare their own images and perceptions with the AI's description.

It works wonders by describing, moderating, and recognizing objects; synthesizing realistic human voices to speak or read a text; transcribing spoken words and recorded audio into text suitable for real-time conversation (<https://astica.ai>).

- **Ask students to recall previously learned information.**

An English teacher can develop Jeopardy games in the classroom using an AI chat bot. Students can also create their own game to review the material covered in the course. As they design a game, they engage in the conscious process of reviewing the concepts

they have learned, for example, (<https://jeopardylabs.com/play/revision-7390>).

• **Ask students to reflect on their experiences while working on a grammar topic, vocabulary set, project work, etc.**

One of the most important benefits of the AI Reflection Writer is that it helps users gain a better understanding of themselves. By reflecting on their experiences and answering thought-provoking questions, users can gain insight into their strengths, weaknesses, and areas for growth. This self-awareness can be incredibly valuable in both personal and professional contexts, helping users make better decisions and achieve their goals (<https://contentblock.ai/b/ai-reflection-writer>).

In summary, cognitive linguistics and artificial intelligence share some aspects, but they mainly focus on different areas of research.

Both disciplines study language and communication; cognitive linguistics studies how people understand and use language, and how language affects thinking and cognition. Artificial intelligence studies the ability of computers and other artificial systems to understand and process language.

Both fields use computational models and data analysis. Cognitive linguistics uses statistical methods and computer programs to analyze language data, while artificial intelligence applies linguistic knowledge to create systems capable of understanding and processing natural language.

Both disciplines are related to cognitive theory: cognitive linguistics studies how language is related to cognitive processes such as perception, attention, memory, and reasoning. Artificial intelligence studies how knowledge is represented and processed in computers to create intelligent systems.

Cognitive linguistics offers a promising framework for teaching English that promotes a deeper understanding of language structure and meaning. By incorporating cognitive approaches, learners can develop more holistic and meaningful language skills. The integration of artificial intelligence into language teaching further enhances the effectiveness of cognitive linguistic approaches by providing personalized learning experiences and facilitating accurate language production. As technology continues to advance, the synergy between cognitive linguistics and artificial intelligence has great potential to revolutionize language learning.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.

Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6-17.

Мардоян Л. Cognitive Approach to Learning.2020. URL: <https://skyteach.ru/2020/07/08/cognitive-approach-to-learning>.

**КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ:
ОБУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ НА ОСНОВЕ КОГНИТИВНЫХ ПОДХОДОВ**

В современном мире английский язык приобрел ключевое значение как средство международного общения. Однако его изучение традиционными методами может представлять сложность, особенно для студентов высших учебных заведений. Статья нацелена на демонстрацию потенциала сочетания когнитивной лингвистики и искусственного интеллекта в разработке новых когнитивных подходов к обучению английскому языку на университетском уровне.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, искусственный интеллект, когнитивный подход, преподавание английского языка

*А.А. Алешина (Орел, Россия)
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
batie08@mail.ru*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СОЛЬ» В РУССКИХ ЗАГОВОРНЫХ ТЕКСТАХ

В статье исследуется специфика концепта СОЛЬ в русской национальной картине мира на материале заговорных текстов. Анализ употребления лексемы *соль* в заговорах позволяет выявить особенности народного восприятия свойств соли, как реальных, так и приписываемых ей. Заговорные тексты демонстрируют символичные значения слова *соль* и систему ассоциаций, связанных с данным актуальным для носителей языка предметом.

Ключевые слова: концепт СОЛЬ, заговорный текст, символ, семантика, наивная картина мира

Тексты заговоров относятся к этапу раннетрадиционного фольклора и отражают древнейшие мифологические воззрения представителей русской лингвокультуры, сохранившиеся до настоящего момента практически в неизменном виде. Действительно, носители языка трактуют эти тексты как сакральные, а их трансформацию считают недопустимым, поскольку «изменение... сводит силу формулы на нет, и, соответственно, лишает заговор всякого смысла» [Романова 2000: 2]. Именно слово представляет собой ключевой компонент в указанных текстах, поскольку ему «приписывается тут с одной стороны совершенно практическое, с другой – чрезвычайное, могущественное значение» [Миллер 1865: 66]. Следовательно, выявление архетипа – некоего устойчивого и повторяющегося образа – на данном материале может служить основанием для определения и описания значимых для национального сознания концептов.

Материалом настоящего исследования послужили тексты заговоров с существительным *соль* в его первичном значении «белое кристаллическое вещество с острым характерным вкусом, употребляемое как приправа к пище» [Ожегов 1985: 648]. Многочисленные вхождения указанного значения слова в рассматриваемые тексты неслучайны и обусловлены различными факторами. Во-первых, эта единица относится к пищевому коду. Общеизвестно, что пища представляет собой неотъемлемую часть существования любого живого организма: она является не только средством обеспечения витальных потребностей человека, но и «становится знаком культуры, приобретает символическую интерпретацию» [Косицына 2023: 63]. Помимо воды и хлеба к ядерным символам пищевого кода в заговорах относится соль [там же]. Во-вторых, прагматическую значимость обозначаемой реалии сложно переоценить: как только еще в далекой древности люди познали вкус соли, начали ею дорожить: использовали как приправу, чтобы улучшать вкусовые качества пищи, как консервант для сохранения продуктов; из-за высокой стоимости долгое время она служила купцам источником дохода (например, семья Строгановых), в царской России соль входила в жалование

стрельцов, пушкарей, воротников, а ее нехватка вызывала народные восстания. Кроме того, с солью связано огромное количество суеверий и примет, ей всегда приписывали магические свойства и использовали в различных обрядах и ритуалах даже после прихода христианства.

Многие свойства соли, такие как резкий вкус, сыпучесть, цвет, способность растворяться в воде «способствуют развитию символических значений, порождают многочисленные поверья и богатую ритуальную практику» [СД 2012: 113]. При этом сама субстанция амбивалентна и «несет в себе два противоположных заряда, символизируя жизнь и смерть одновременно» [МС 2010: 11]. Благодаря двойственности соли возникло большое количество разнообразных заговоров: от болезней, пьянства, бессонницы, от порчи, сглаза и негативной энергии, на удачу и финансовое благополучие, различные обереги и любовные заговоры (от ссор в семье, от измен, для приворота, для поиска возлюбленного), а также заговоры на причинение вреда. Однако вне зависимости от цели применения в наивной картине мира соль мыслится как сгусток энергии, обладающий огромной созидательной или разрушительной силой: *соль могучая, соль магическая пересеки, переуби все боли* [там же: 58]; *как ... сильна всех солей соль* [там же: 128]; *через крепость чеснока да силу соли...* [там же] и др.

Наибольшая близость к первичному лексико-семантическому варианту слова *соль* сохраняется в заговорных текстах, где отражено такое общеизвестное и важное свойство, как предотвращать порчу продуктов, служить консервантом. В сакральных текстах антисептическое свойство соли переосмысливается, а данная приправа становится «знаком особого рода – символом, иконически выражающим идею обеззараживания и очищения» [Горбунов 2022: 7]: *...посредством соли сделавший Здоровую вредную воду!* [Радченко 2008: 32]. Восприятие соли как символа очищения связано также с ее белым цветом, который в национальном сознании соотносится с чистотой, непорочностью: *Как ныне соль белым-бела, Чистым-чиста...* [МС 2010: 25]. Наиболее ценной у славян считалась четверговая соль, которую особым способом прожигали в Чистый четверг. Такую соль используют для лечения различных болезней не только людей, но и животных: *Соль четверга сыплю черту на рога, рога отпадут, все недуги... уйдут* [там же: 127].

Согласно народным представлениям, соль служит магическим талисманом, оберегом от порчи, сглаза и любого другого потустороннего влияния. Соль, насыпанная вокруг охраняемого предмета, отвращает любое негативное воздействие и представляет собой непреодолимый барьер для нечистой силы. Для защиты дома щепотку соли кладут в каждый угол: *...я сыплю эту соль, чтобы не впускать в дом зло* [там же: 131]; а порог омывают соленой водой: *Солью присолено, водою размочено, соль не гниет, так и зло к дому моему не пристает...* [Быкова 2016: 33].

В дохристианскую эпоху русский человек воспринимал себя как часть природы, в которой многие объекты «были для него не менее живыми существами, чем он сам» [Архипова 2005: 121] и соотносились с разными образами, наиболее важным из которых считался образ родителей. Интересно, что образ матери в сознании носителей языка «оценивается даже выше роли отца» [СД 2004: 203].

Считается, что материнское благословение способно помочь ребенку даже в безвыходной ситуации: *Вынь, соль-матушка, желание к спиртному из всех уд его* [МС 2010: 52]; *Боль головную уйми, соль-матушка, сильная и всесильная* [там же: 32] и др.

Соединение двух культурологически значимых реалий *хлеб* и *соль* образует целостный, неделимый комплекс, в котором «проявляются смыслы, присущие каждому элементу по отдельности (сакральность хлеба и апотропеические свойства соли), и новые, возникшие при их совместном функционировании» [СД 2012: 434].

Прежде всего данный комплекс обозначает пищу вообще, пропитание, и в сознании человека являет собой неотъемлемую часть его жизни, витальную ценность: *Коль всякой человек не может жить без хлеба, без соли...* [Крючкова 2014: 105]. Большое количество заговорных текстов демонстрируют значимость соли как символа угощения и гостеприимства: *На золотом блюде хлеб и соль, заberi, стар человек* [Степанова 2007: 84]; *Земля, хлеб-соль прими* [там же: 8]; *вот вам 12 хлеб-соль, подарки мои съедайте* [там же: 17].

Поскольку соль долгое время была дорогим продуктом, недоступный для большинства простых людей, эта приправа стала ассоциироваться с достатком, финансовым благополучием: *Как на том столе хлеб-соль вечно будет стоять, как бы в дому... всегда было бы чего жевать* [Краснова 2009: 74]. Вероятно, именно поэтому она стала критерием благодарности: *вспомни... про наш хлеб-соль* [Степанова 2007: 187].

Кроме того, соль с хлебом используют и в свадебных обрядах, где он символизирует согласие и мир в семье: *два сердца соединяю на хлеб-соль за столом, на доброе житье* [Степанова 2007: 8] и взаимную любовь: *Как хлеб да соль люди любят, так бы муж жёну любил... Как хлеб да соль люди любят, так бы жена мужа любила* [там же: 172].

Помимо хлеба в исследуемых текстах соль также соединяется с водой, в народных верованиях представляющей собой одну из главных стихий мироздания. В основе данного единства лежит, во-первых, свойство соли растворяться в воде: *Как та соль в воде истает, исчезнет, так из сердца мужа исчезнет раба Божия (имя)* [МС 2010: 67], во-вторых, взаимоусиливающая семантика очищения: *Соль да водица, помоги мне исцелиться* [там же: 29].

Рассмотренные выше заговорные тексты передают преимущественно положительное отношение носителей языка к соли. Однако в наивной картине мира находит отражение переосмысление соли как символа отрицательного.

Прежде всего излишек соли в пище трактуется негативно и «символизирует нарушение социальных норм, ... жизненные трудности» [СД 2012: 114]. Действительно, хотя соль является важной добавкой, улучшающей вкус блюда, избыточное ее количество способно его испортить: *Как ты, соль, солена, так бы была солена и не вкусна раба (имя) моему мужу (имя)* [Степанова 2007: 219].

Множество поверий обусловливается связью соли со слезами, потом, что ассоциируется с болью и страданиями человека [СД 2012: 114]. Так, наговорен-

ную соль применяют как магический инструмент для причинения вреда недоброжелателю: *Я не соль сыплю, а боль кладу* [Владимирова 2009: 145]; *Соль – злomu, беда – плохому* [Степанова 2007: 161] и др. Согласно поверьям, «лица, переходящие через заколдованные предметы или прикасавшиеся к ним, подвергались «порче» [Виноградов 1977: 163]: *Лихому глазу – соль у глазу, перешагнуть нечистого духа* [Быкова 2016: 89].

Таким образом, в национальной картине мира соль представляется как нечто ценное, жизненно необходимое, при этом обладающее могущественной силой, которая несет жизнь и смерть одновременно. Анализ заговорных текстов позволяет раскрыть обширную систему ассоциаций, специфику восприятия носителями языка данного предмета, развившего множество разнообразных символических значений.

Литература

- Архипова Н.Г.* Из наблюдений над амурскими заговорами // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2005. № 2. Вып. 2. С. 114-126.
- Быкова М.* Заговоры большой силы. Шепот-шепоток на деньги и счастье. М.: АСТ, 2016.
- Виноградов В.В.* Основные типы лексических значений слова // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / отв. ред. В.Г. Костомаров. М.: Наука, 1977. С. 162-189.
- Владимирова Н.* 1000 заговоров, оберегов, обрядов на все случаи жизни. М.: Рипол-Классик, 2009.
- Горбунов С.Н.* Лингвокультурологический подход в экзегетическом анализе: на примере отрывка из Нагорной проповеди // Нива Господня. Вестник пензенской духовной семинарии. 2022. № 1 (23). С. 6-15.
- Косицына Н.О.* Пищевой код курских заговоров // Лингвофольклористика. 2023. № 38. С. 62-67.
- Краснова А.* Заговоры алтайской целительницы на деньги. М.: АСТ, 2009
- Крючкова О. Е.* Славянские обряды, заговоры и ворожба. М.: Велигор, 2014.
- МС — *Матушка Стефания.* Наговоры на соль для исцеления и исполнения желаний. СПб.: Питер, 2010.
- Миллер О.Ф.* Хрестоматия к опыту исторического обозрения русской словесности. Ч. 1. Вып. 1. СПб.: тип. И.А. Горчакова, 1866.
- Степанова Н.И.* Большая книга заговоров. М: Рипол-Классик, 2007.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1985.
- Радченко Т.А.* Заговоры на все случаи жизни. Солнечногорск: 1000 бестселлеров, 2008.
- Романова М.* Русская ворожба. СПб.: Дельта, 2000.
- СД — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 3: К. – П. Т. 5: С. – Я. М.: Международные отношения, 2004/2012.

Anna A. Aleshina (Orel, Russia)
I.S. Turgenev Orel State University

REPRESENTATION OF THE CONCEPT “SALT” IN THE TEXTS OF RUSSIAN SPELLS
The article deals with the concept SALT on the material of Russian spells. The analysis of the lexeme *salt* use in spells reveals the peculiarities of national understanding the characteristics of salt, real or attributed. Spell texts demonstrate symbolic meanings of the word *salt* and the system of associations connected with the object that seems to be important for native speakers.
Key words: concept SALT, spell text, symbol, semantics, naive world view

И.Д. Баландина (Челябинск, Россия)

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
Челябинский государственный университет
irfrish@mail.ru*

Л.П. Юздова (Челябинск, Россия)

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
uzdovalp@cspu.ru*

Т.Н. Москвитина (Челябинск, Россия)

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
moskvitinatn@cspu.ru*

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ТОПОНИМИЧЕСКОГО МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТОПОНИМОВ АНГЛИИ)

В статье рассматриваются различные подходы к структуре и функциям топонимов, а также освещается взгляд на топоним как продукт вторичной номинации. В когнитивно-культурологическом аспекте изучаются топонимы Великобритании, делается вывод о том, что топонимы не только называют географические объекты, но и являются одним из способов категоризации мира.

Ключевые слова: топоним, вторичная номинация, искусственная номинация, категоризация, топонимическая картина мира

До недавнего времени считалось, что функция топонимов сводится к утилитарной: название географических объектов. Однако с развитием междисциплинарных исследований и интересом к когнитивной функции языка, а также к тому, как различные уровни языка конструируют языковую картину мира, топонимия стала изучаться в рамках дискурсивных, когнитивных и даже культурологических исследований.

С.Г. Павлюк поясняет, что «...топонимика на микроуровне – важный элемент изучения форм пространственной самоорганизации общества» [Павлюк 2007: 64]. Другими словами, топонимы содержат знание о том, каким образом люди видят ту территорию, на которой они живут.

Интересный вывод о природе топонима делает М.В. Голомидова, считая топоним (равно как и антропоним) продуктом искусственной (творческой) номинации, сближая его, таким образом, с термином: «Искусственная номинация имеет приоритетные зоны влияния, к ним относится создание научной терминологии и номенклатуры, производство новых имен собственных, словотворчество в области художественной литературы» [Голомидова 1998: 12]. Нам представляется интересным данный подход к исследованию топонимии, особенно, если применять данный подход к семантической классификации топонимов.

Процесс топонимической номинации, особенно если мы исходим из гипотезы, что топоним – это продукт искусственной номинации, позволяет нам не только проследить исторические особенности развития общества, но и изучить топонимию в ее связи с картиной мира и когнитивной лингвистикой. Географические наименования, подвергаясь влиянию исторических эпох, особенностей этноса и культуры, изменяются, создавая топонимическую национальную кар-

тину мира, которая дополняется и уточняется по мере накопления знаний отдельным человеком и социумом. Некоторые топонимы могут меняться и сменять друг друга на памяти одного поколения в силу разных причин. Данный факт подчеркивает несколько свойств картины мира – изменчивость под воздействием внешних факторов, ее способность к динамике, локальность, при этом обязательно сохраняется ее системность, целостность и глобальность. С целью описания того, как происходит описание картины мира через естественный язык, используют три компонента: «окружающая действительность, отражение этой действительности в мозгу человека и выражение результатов этого отражения в языке» [Гвоздева 2004: 6]. Отражение объектов окружающего мира и связей между ними – это результат познания. Результатом этой деятельности является формирование наименования, которое несет некий смысл, скрываемый за звуковой оболочкой слова. Топонимическая картина мира отражает лингвистические, исторические, культурные и этнические особенности народа через наименования, используемые для обозначения географических объектов. Ценность топонима еще и в том, что он способен сохранять релевантную информацию об истории, культуре народа в течение длительного времени. Создание географических наименований можно рассматривать как попытку описания картины мира. Через географические наименования мы можем отследить важность тех или иных предметов, ценностей, элементов материальной культуры того или иного этноса. Топонимы можно рассматривать как специфический знак словесной культуры народа, как «единицу естественного языка с культурной семантикой культурного кода» [Фаткулина 2015].

Следовательно, топонимы можно рассматривать как зеркало языковой и культурной картины мира, в которой отражается история этноса, специфика его восприятия действительности, отношение к объектам природы, род занятий, культурные, экономические взаимодействия.

В качестве примера рассмотрим топонимику Великобритании. Преобладание англосаксонского или древнеанглийского пласта в топонимике Англии можно объяснить тем, что именно англосаксы стали родоначальниками английской народности. Проанализировав происхождение часто встречающихся в составе английских топонимов топонимических суффиксов, мы выяснили, что они в большинстве своем также имеют англосаксонское происхождение.

Вследствие исторических особенностей расселения данных племен на территории Англии, в английской топонимии присутствует региональная специфика. Так, кельтские топонимы сконцентрированы, в основном, в графствах Корнуолл и Нортумберленд, скандинавские топонимы сосредоточены, в основном, на территории под названием Данелаг («область датского права»), в то время как латинские и французские топонимы не являются частотными ни в одном из графств Англии.

В процессе этимологического анализа были выявлены топонимы-гибриды. В основном, сложились они либо при контакте кельтских языков с древнеанглийским и имеют в своем составе кельтское название реки и англосаксонский топонимический формант, либо при контакте языков скандинавов и англосаксов. Вследствие этого

можно сделать вывод о тесных контактах данных народов друг с другом, принятии или, наоборот, попытке вытеснить национально-культурное своеобразие другого народа в процессе культурной адаптации. Об этом свидетельствует не только факт взаимопроникновения языков данных народов друг в друга и создание единой топонимической системы, но и схожая семантика топонимов. Так, например, и топоформант скандинавского происхождения -*bu*, и англосаксонский топоформант -*ham* имеют значение «поселение, поместье, ферма, деревня». Еще один пример, но уже среди топоформантов, обозначающих топографические объекты, – это скандинавский топоформант -*twaithe* «участок земли, расчищенный под пашню» и англо-саксонский -*ley/le/lam* «просека, вырубка; участок земли, расчищенный под пашню».

Проведенный структурно-семантический анализ топонимов Англии подтвердил сосуществование в английском языке этимологически различных топоформантов со схожей семантикой. На наш взгляд, данная классификация отражает особенности образа жизни и культуры населения древней Англии.

Так, например, большое количество топонимов, связанных с именами людей, показывает, что древние поселенцы стремились обозначить свою собственность или принадлежность, как по отношению к природному, так и к искусственно созданному объекту. Это также подтверждает значительное количество топонимов, обозначающих «ограждение», «огороженная земля» и даже «межевой знак», свидетельствующее о том, что древние поселенцы стремились к обособлению от других представителей племени.

В обществе господствовал патриархальный уклад (возможно, с сохранением пережитков матриархата), что проявляется в следующем: топоосновы чаще отражают мужские имена, чем женские (105 топонимов в нашей выборке, связанных с мужским именем, и 19 топонимов – с женским именем).

Многообразие топонимов, обозначающих различные географические объекты, говорит о том, что древние жители Англии проживали, в основном, в сельской местности (топоформанты «ферма, поместье, деревня» преобладают над топоформантом «город») и большое значение уделяли природным объектам. Деревенские жители разбирались в вопросах флоры и фауны и использовали данные знания в быту (например, топоним *Abbotskerswell* «источник или ручей, где растет водяной кресс», свидетельствует о том, что данное растение, используемое в медицине и кулинарии, имело для жителей практическую ценность).

Значительное количество топонимов, используемых в значении «участок земли, расчищенный под пашню, обрабатываемая земля», указывает на основную вид деятельности сельского жителя Англии – сельское хозяйство, земледелие.

Наличие топонимов, имеющих в своем составе топоформанты -*church* «церковь» и -*minster* «церковь, монастырь» говорят о том, что отказ от языческих верований и принятие христианской веры оказало большое влияние на англосаксов.

Таким образом, мы видим, что функция топонима не сводится к банальному называнию географического объекта. Англоязычные топонимы отражают различные топонимические пласты, связанные с историческими аспектами и осо-

бенностями освоения земель. Они служат как маркеры когнитивного миромоделирования, раскрывая особенности категоризации мира в диахронии.

Литература

- Басик С.Н.* Общая топонимика: учебное пособие для студентов географического факультета. Минск: БГУ, 2006.
- Беленькая В.Д.* Очерки англоязычной топонимики. М: Высшая школа, 1977.
- Беляев А.Н.* О топонимическом концепте // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2019. № 1. С. 13-21.
- Гвоздева А.А.* Языковая картина мира: лингвокультурологические и гендерные особенности (на материале художественных произведений русскоязычных и англоязычных авторов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004.
- Голомидова М.В.* Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т., 1998.
- Королева Н.А.* Когнитивное моделирование топонимического пространства (на примере Центрального района г. Волгограда) // Вестник ВолГУ. Серия 9: исследования молодых ученых. 2008. № 7. С. 125-132.
- Мартыненко И.А.* О целесообразности введения термина «когнитивная топонимика» // Томский журнал лингвистики и антропологии. 2020. № 3 (29). С. 142-150.
- Павлюк С.Г.* Топонимика графств США: геокриптография идентичности // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2007. № 1. С. 53-65.
- Пашковская Н.Д.* Современные топонимы немецкого языка в лингвокультурологическом аспекте // Современный ученый. 2023. № 2. С. 76-79.
- Путина С.А.* Топонимы и народные топонимы Челябинской области // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2014. № 26 (355). С. 92-95.
- Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988.
- Туксаитова Р.О.* Топонимы в аспекте лингвокультурологического исследования // Актуальные научные исследования в современном мире. 2022. № 1–7 (81). С. 170-172.
- Фаткуллина Ф.Г.* Топонимы как компонент языковой картины мира // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18126>.
- Юздова Л.П.* Мемориальный ойконим как когнитивный механизм // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 252-256.

Irina D. Balandina (Chelyabinsk, Russia)

South Ural State Humanitarian Pedagogical University

Chelyabinsk State University

Lyudmila P. Yuzdova (Chelyabinsk, Russia)

South Ural State Humanitarian Pedagogical University

Tatiana N. Moskvitina (Chelyabinsk, Russia)

South Ural State Humanitarian Pedagogical University

COGNITIVE ASPECTS OF TOPONYMIC WORLD MODELING (BASED ON THE MATERIAL OF TOPONIMES OF ENGLAND)

The article examines various approaches to the structure and functions of toponyms, and also highlights the view of a toponym as a product of a secondary nomination. In the cognitive-cultural aspect, the place names of Great Britain are studied, the conclusion is made that place names not only name geographical objects, but are also one of the ways to categorize the world.

Key words: toponym, secondary nomination, artificial nomination, categorization, toponymic picture of the world

ПАРАМЕТРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ АЛЕКСЕЯ ВАРЛАМОВА «ГОРА»)

В статье рассматриваются особенности языкового моделирования параметров профессиональной социализации человека (деятельности, общения и самосознания). На материале повести Алексея Варламова «Гора» выявляются салиентные ценностные ориентиры для успешной профессиональной социализации.

Ключевые слова: профессиональная социализация, параметр, ценность, деятельность, общение, самосознание

Одной из форм социализации человека является профессиональная социализация, формирующая «потенциал успешного включения индивида в процесс трудовой деятельности и поддержания высокого уровня профессиональной мобильности в течение всей жизни» [Макарова 2008: 106]. Профессиональная социализация предполагает профессиональное обучение и самообразование человека, его участие в различных видах общественной и профессиональной активности, освоение им определенного профессионального поведения, ценностных ориентиров, принципов, социальных установок, социальных и профессиональных навыков в профессиональной среде. Динамичный характер профессионального пространства требует от человека особых социально-психологических свойств, в том числе адаптивности, гибкости.

Профессиональная социализация осуществляется в трех сферах – деятельности, общении и самосознании. Исследование языковых моделей данных параметров профессиональной социализации человека на материале современной русской прозы представляется актуальным, так как позволяет уточнить представление о профессиональной социализации в рамках национальной и определенной профессиональной культуры на современном этапе.

Повесть Алексея Варламова «Гора» (по названию одного из ветров на Байкале) рассказывает о взаимоотношениях небольшой группы людей, метеорологов и лесников, живущих на разных берегах, с разным восприятием мира, ищущих себя. Повесть отражает несколько моделей профессиональной социализации, имеющих как сходства, так и различия в системе ценностей, лежащих в основе процесса социализации. Так, главная героиня повести Катя второй месяц работает на метеостанции на берегу Байкала (она с детства мечтала о Байкале), но испытывает перепады в настроении и восприятии своей работы и быта. Героиня освоила базовые умения, но испытывает то жалость к себе из-за однообразия и одиночества и желание поплакать («день изо дня выполняла однообразную и скучную работу» [Варламов 2015: 106]), то восторг («она еще молода, все у нее впереди и жизнь будет обязательно прекрасной, таинственной, чуточку опасной, но счастливой» [там же]).

Юный возраст героини, начальный этап профессиональной деятельности показывают, что по всем трем параметрам профессиональной социализации она только адаптируется к профессиональной среде, общению, она еще «сама не

смогла понять, нравится ей эта жизнь или нет», осваивает ценностные установки, которые к концу повести найдут свое достойное воплощение в ее взаимоотношениях с представителями противоположного пола.

Зрелую, сформировавшуюся жизненную позицию демонстрирует другая героиня повести, теща метеоролога Курлова Алена Гордеевна. Она четко знает роли женщины в семье, дает прямые характеристики «мужикам» и наставления Кате:

«...Но мужика в строгости надо держать. Мужик нынче не тот пошел, дурной, гулящий, – так шо ты давай его далеко не отпускай...»

...Трудно, конечно, мужика тут найти...Что он [москвич Одоевский] тебе, пустомеля, и только... Знаю я этих столичных...» [Варламов 2015: 129-130].

Общение Кати с Аленой Гордеевной способствует формированию у молодой героини определенных ценностных принципов в непрофессиональной жизни (образ идеального мужчины, образ семьи), которые повлияют в дальнейшем на ее личные и профессиональные взгляды.

Мужские модели профессиональной социализации репрезентированы в повести при описании профессиональных траекторий начальника метеостанции Василия Андреевича Буранова, его коллеги Владимира Игнатьевича Курлова, лесника Александра Дедова и москвича Одоевского.

В разговоре с Катей Буранов, «спокойный, обычно сдержанный начальник», эмоционально рассказывает о своем становлении:

«Я нищим сюда приехал десять лет назад, и все, что у меня есть, – все своим горбом заколотил, радикулит нажил, замерзал, голодал, да что там говорить?» [там же: 120].

Выражение гнуть / ломать спину / хребет / горб (горбом добывать) основано на образе труженика, который испытывает физические нагрузки при выполнении тяжелой работы. Когнитивная модель пространства-источника «гнуть / ломать спину / хребет / горб» переносится в пространство-цель «выполнять сложную работу, выполнять работу, требующую физических усилий» [Бабушкина, Голованова 2012: 179].

Буранов называет себя «гордым дурнем», который в начале своего пути «идти на поклон ни к кому не захотел», был егерем, спасся от горы (огромной волны):

«Я только злостью и спасся. *Чтоб доказать всем*, что я не бич какой-нибудь и буду жить здесь, как человек. Я отвоюю это право, и я его отвоювал... И я вжился в тайгу, всю ее до малейшего сучка знаю... Я не ангел, и ко мне иногда прилетает охотиться эта жирная мразь – но что же делать? *Лучше терпеть их, чем давать взятки мелкой швали*» [Варламов 2015: 121-122].

Женильба Буранова на Кате, поставившей ему жесткие условия относительно его деятельности («Теперь так и будет. И хапать у меня больше ничего не будешь. Сеть не поставишь, капкана лишнего» [там же: 148]), смягчила нрав Буранова:

«...Так что *Буранчик наш совсем одомашился*. Сидит книжки читает и *такой довольный* – сколько его знаю, никогда таким не видел» [там же].

Взаимосвязь и взаимовлияние личной (семейной) и профессиональной сфер жизни является важным аспектом профессиональной социализации, успех / неудача в одной из них оказывают сильное воздействие на успешное / безуспешное

включение личности в другую.

Коллега Буранова Курлов выполняет все поручения начальника, зарабатывает деньги для семьи (жены, которая не живет с ним). Но его не радует жизнь в тайге:

«– Живешь как скотина, а я по-людски хочу, с квартиркой, с водой горячей, сортиром теплым....»

– Здесь подышать будешь – никто за тобой не приедет. И похоронить толком не похоронят» [Варламов 2015: 124].

Тяжелые бытовые условия, неудовлетворенность элементарными условиями жизни влияет на поведение работника и его взаимоотношения с коллегами.

Рассмотрим средства вербализации параметров профессиональной социализации человека на материале фрагментов описания жизни лесников, которые «на дух не переносили» метеорологов.

«Умница и книгоочей, идеалист, борец с браконьерами и лучший защитник Байкала... одичал-с в тайге» [там же: 113], «Дед – монах, Илья Муромец, он в тайге силу копит и ни на что не отвлекается» [там же: 126], «Дед-то наш хвилософ, у него, вишь ли, теория есть: ежели ты к тайге по-хорошему, так и она тоже» [там же: 133] – так характеризует своего коллегу Дедова Одоевский. Катя его называет «бурханом», правителем тайги [там же: 113].

Москвич Одоевский – интеллигент, которому жизнь в Москве стала не в радость. Нормой для мужчины считается иметь дело, приносящее доход, дающее статус, уважение в обществе.

«– Да что ж вы к Буранову-то все прицепились? Он хоть делом занят. А ты-то? Только ноешь да жалуешься, не мужик, а... – осеклась она.

Одоевский потемнел:

– Знаешь, моя радость, мне такие же слова жена бывшая говорила. *Что ты за мужик без дела?*» [там же: 127].

Освоение профессии, обретение гармонии с самим собой при выполнении профессиональных задач – не всем людям удается это в жизни. Так, Одоевский «не хочет никаким делом заниматься...тащи, тащи, ломай спину», сам о себе говорит следующее:

«– Я устал уже, Катенька, и не вижу смысла, зачем ее [силу] копить. – Одоевский вдруг загрустил. – Я, Катя, человек конченый. Пробовал быть инженером – скучно стало, пробовал поэтом – не получилось, занялся политикой и за то пострадал. Подался в дворники, потом в истопники, все на что-то надеялся, писал, размышлял, философствовал, был хорош собой и нравился дамам. Потом сам себе надоел, бросил все, уехал из Москвы, чтобы жизнь познать, там был, тут был, это попробовал, на другое поглядел – везде одно и то же. Ничего-то из меня не вышло...» [там же: 126-127].

Использование в речи Одоевского лексических единиц «устал», «загрустил», «скучно», «надоел», «бросил» указывает на кризис социальной идентичности личности (состояние его несоответствия желаемому профессиональному статусу), который должен стать импульсом профессиональной ресоциализации. Но для этого, вероятно, требуются волевые усилия, гибкость личности.

Лесники, «несмотря на различие в характерах, прожили в согласии, какое

редко бывает в тайге между двумя людьми» [там же: 138]. После трагической смерти москвича Одоевского Дедов сильно тоскует по погибшему товарищу. Смерть друга отняла у Дедова «и волю, и силы, и все желания», «он стал бояться тайги», «все ему стало вдруг безразлично» [там же: 139; 141]. Все это не может не сказаться на профессиональной деятельности Дедова.

Таким образом, исследование языковых средств репрезентации параметров профессиональной социализации человека на материале повести Алексея Варламова «Гора» позволило установить когнитивно выделенные ценностные ориентиры в различных областях жизнедеятельности человека в процессе его успешной профессиональной социализации, а именно семейное благополучие, дружба (параметр профессиональной социализации – общение), адаптивность к событиям жизни (параметр – самосознание), становление в профессии, получение дохода и статуса в обществе (параметр – деятельность).

Литература

Бабушкина О.Н., Голованова Е.И. Словарь английских и русских фразеологизмов, отражающих оценку профессиональной деятельности. Челябинск: Энциклопедия, 2012.

Варламов А.Н. Повести и рассказы. М.: Никея, 2015.

Макарова С.Н. Профессиональная социализация: исследование форм // Альманах современной науки и образования. 2008. № 10. Ч. 1. С. 105-109.

Olga N. Kovaleva (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

PARAMETERS OF PROFESSIONAL SOCIALIZATION (ON ALEXEY VARLAMOV'S STORY "THE MOUNTAIN")

The article views peculiarities of linguistic modeling of the parameters of professional socialization of a man (activity, communication and self-consciousness). On the material of Alexey Varlamov's story "The Mountain", the salient value guidelines for successful professional socialization are revealed.

Key words: professional socialization, parameter, value, activity, communication, self-consciousness

Л.В. Коцюбинская (Санкт-Петербург, Россия)
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
l.kocubinskaya@lengu.ru

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО МЕДИЙНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ О XXII ЗИМНИХ ОЛИМПИЙСКИХ ИГРАХ В БРИТАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ)

В статье рассматривается метафора как средство медийного информационного противоборства, выполняется сопоставление британских и российских метафор, функционирующих в медианарративе «XXII зимние Олимпийские игры», по идеологическому критерию, выявляются концептуально-метафорические основания манипулятивного воздействия, а также противодействия ему.

Ключевые слова: метафора, концептуализация, манипуляция, сопоставительный анализ, информационное противоборство

Обеспечение информационной безопасности является одним из приоритетных направлений государственной политики. В аспекте информационного противоборства особое значение приобретает вопрос противодействия информационной агрессии, направленной как на российское общество в целом, так и на сознание каждого индивида. Специальные наблюдения показывают, что в 2014 г. западные страны начали кампанию по дискредитации российского спорта. Есть все основания утверждать, что олимпиада в Сочи стала спусковым крючком длительной информационной атаки на российский спорт.

Выбор спортивного мероприятия в качестве мишени информационного противоборства является тщательно продуманным политическим ходом. Сегодня уже не вызывает сомнений, что спорт высших достижений – это не только составная часть физической культуры, но и политика, в том числе международная. Следует констатировать, что информационная атака на российский спорт была результативной [Коцюбинская 2018]. Ее последствия проявились на невербальном (поведенческом) уровне и заключались в лишении российских спортсменов флага, гимна, а затем и отстранении от международных соревнований.

В аспекте лингвокогнитивного исследования представляется важным выявить и проанализировать концептуально-метафорические основания дискредитации российского спорта, а также способы нейтрализации импликаций, наносящих ущерб интересам России. Для решения поставленных задач применяется методика сопоставительного анализа метафорических моделей [Будаев 2020, Чудинов 2001], методика лингвомедийного конструирования события-факта в СМИ [Добросклонская 2008], кейс-анализ. В качестве источников текстового материала используются статьи британских и российских широкополосных газет, опубликованные в период проведения XXII зимних Олимпийских игр с 31.01.2014 г. по 24.02.2014 г.

Проведенный анализ текстов британских СМИ показывает, что для описания крупнейшего международного спортивного мероприятия используется монархическая метафора: РОССИЯ – МОНАРХИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО. Россия, принимающая Игры-2014, представлена как монархическая империя: «... *Russia does not have a modern state. Russia is rather medieval. Putin controls a feudal court. His inner circle even call him “the tsar”*» [The Sunday Times, 09.02.2014]. Для описания бессилия органов власти используется метафора кастрации и импотенции: «*Putin smashed the modern institutions. To make him unchallengeable he castrated everything that could challenge him – parliaments, governors, elections, audit chambers – and filled them with impotent loyalists*» [The Sunday Times 09.02.2014].

В государстве не соблюдаются законы, в результате процветает коррупция, откаты, воровство: «*A project that has cost about \$51 billion ... between a third and a half of that sum has been attributed to corruption and kickbacks*» [The Times 07.02.2014]. Нарушаются права человека, что проявляется в дискриминации сексуальных меньшинств: «... *participants and spectators at the Sochi Games have been intimidated by strict Russian laws banning the propagation of homosexuality*» [The Times 07.02.2014].

Монархическое государство раздирают внутренние и внешние конфликты: «*Sochi is placed in a conflict zone*» [The Times 07.02.2014]. Поскольку Олимпиада

проводится в Сочи, то в первую очередь затрагивается проблема конфликтов (в том числе военных) на Северном Кавказе: «... *to host the Winter Olympics at the edge of the rebellious north Caucasus*» [The Times 07.02.2014]. Акцентируется внимание на событиях XVIII века, когда Черкесия оказалась в зоне интересов Российской империи: «*Sochi was the site of the war's last battles, and the port from which most of the Circassians were deported to the Ottoman empire*» [The Guardian 31.01.2014]. Что касается внешней политики, то РФ способствует нарастанию напряжения в отношениях с США: «*Also looked over: the tensions with the United States over neighboring Ukraine, NSA leaker Edward Snowden and Syria*» [The Times 07.02.2014].

Специалисты замечают, что мгновенно отразить информационную атаку чрезвычайно сложно. Это обусловлено тем, что атаку нужно вовремя зафиксировать, дать ей оценку, проанализировать и стратегически выстроить ответные действия с последующим их проведением [Стригунов 2021]. Анализ российских СМИ позволяет утверждать, что противодействие осуществлялось не путем опровержения информации, излагаемой британской прессой, а формированием иного образа – образа гостеприимной хозяйки, с заботой и радушием принимающей гостей. Противодействие осуществлялась посредством концептуальной метафоры «РОССИЯ – ГОСТЕПРИИМНАЯ ХОЗЯЙКА».

Гостеприимство – это основная черта русского национального характера. Гостей по традиции встречают хлебом-солью. Но в этот раз Россия подготовила особенное блюдо: «...*страна готовилась стать хозяйкой Игр. 7 февраля гости, внимательно оглядываясь по сторонам, вошли в дверь... Церемония открытия – первое блюдо от хозяйки. Его рецепт держался в секрете*» [АиФ.Ру 12.02.2014]. Церемония открытия осмысливается гастрономической метафорой. Поскольку над угощением трудились лучшие повара, а рецепт состоял из уникальных ингредиентов, оно не оставило никого равнодушным. Церемония открытия XXII зимних Олимпийских игр» описывалась такими эпитетами как: «*поражающая воображение*», «*захватывающая*», «*незабываемая*», «*великое шоу от великой нации*» [Независимая газета 08.02.2014].

В роли хозяина выступает президент РФ. Он лично проверял готовность дома к приему гостей, заботился об их комфорте: «...*глава государства... посетил дома болельщиков команд США и Канады. ...Президент России тут же поинтересовался, всех ли устраивают условия и организация. Американские олимпийцы ответили, что организация в Сочи блестящая*» [Известия 14.02.2014]. Поддерживал представителей «своей» семьи: «*Сборная России по фигурному катанию завоевала первое золото для нашей страны на домашней Олимпиаде. Осознать важность этой победы спортсменам помог президент страны Владимир Путин, спустившийся ко льду, чтобы поздравить всех лично*» [АиФ.Ру 09.02.2014].

Хозяйка зимних Игр позаботилась о досуге гостей: «*В рамках VII Зимнего фестиваля искусств под руководством Юрия Башмета в Зимнем театре Сочи прошел итальянский вечер. За пультом «Новой России» встал маэстро Клаудио Ванделли, солистами выступили Энрико Диндо (виолончель), Массимо Мерчелли (флейта), Лаура Бартолотто (скрипка) и Барбара Фриттоли (сопрано)*» [Известия, 14.02.2014].

Таким образом, в ходе медийного информационного противоборства стороня-инициатор (агрессор) внедряет в общественное сознание мысль о том, что Россия – это отсталая страна, в которой бездействуют органы власти, не соблюдаются законы, нарушаются права человека, разгораются внутренние и внешние конфликты, с помощью метафоры РОССИЯ – МОНАРХИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО. Противодействие осуществляется формированием представления о России как о современной, спортивной, открытой к взаимодействию и сотрудничеству стране с богатым историческим и культурным наследием. Носителем данной идеи выступает метафорическая модель РОССИЯ – ГОСТЕПРИИМНАЯ ХОЗЯЙКА.

Литература

Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология: монография. СПб.: Научные технологии, 2020.

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь). М.: Флинта: Наука, 2008.

Коцюбинская Л.В. Метафорическое представление информационного события «Спорт в России» в британских средствах массовой информации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2–1 (80). С. 87-90.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Уральский гос. педагогический ун-т, 2001.

Стригунов К.С. Технологии информационных операций, привязанных к политически значимым событиям // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 1 (19). С. 161-171.

Источники

Владимир Путин пообщался с болельщиками США и Канады // Известия. 14.02.2014. URL: <https://iz.ru>.

Путин лично поздравил фигуристов, добывших первую золотую медаль для России // АиФ.Ru. 09.02.2014. URL: <https://aif.ru>.

С олимпийским размахом. Как Сочи встречает гостей // АиФ.Ru 12.02.2014. URL: <https://aif.ru>.

Церемония открытия Олимпиады в Сочи стала телесобытием года. «Великое шоу от великой нации» // Независимая газета. 08.02.2014. URL: <https://www.ng.ru>.

5 reasons why Sochi's Olympics may be the most controversial Games yet // The Guardian. 31.01.2014. URL: <https://www.theguardian.com>.

Putin's Games // The Times. 07.02.2017. URL: <https://www.thetimes.co.uk>.

The ice tsar cometh, but anyone who can is leaving his ruined country // The Sunday Times. 09.02.2014. URL: <https://www.thetimes.co.uk>.

Winter Olympics Opening Ceremony: as it happened // The Times. 14.02.2014. URL: <https://www.thetimes.co.uk>.

*Lyubov V. Kotsyubinskaya (Saint Petersburg, Russia)
Pushkin Leningrad State University*

METAPHOR AS A TOOL OF MEDIA WARFARE (A CASE-STUDY OF BRITISH AND RUSSIAN PRESS PUBLICATIONS ON THE 22ND WINTER OLYMPIC GAMES)

The article deals with conceptual metaphorical basis of manipulation in media discourse. The analysis of British and Russian metaphors based on comparative study reveals dominant conceptual metaphors functioning in the media narrative “22nd Winter Olympic Games” and having a major impact on public opinion.

*Н.Н. Кошкарлова (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
studiumjuvenis@mail.ru*

РАСШИРЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ПРЕДЛОГА ‘ПРО’ КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ФЕНОМЕН

Статья посвящена анализу употребления предлога ‘про’ в новых значениях. Делиберативная функция предлога ‘про’ рассматривается как семантический и когнитивно-дискурсивный феномен. Автор приходит к выводу о том, что изучение новых значений предлога ‘про’ созвучно фундаментальным и прикладным лингвистическим эмпирикам.

Ключевые слова: предлог ‘про’, делибератив, семантика, дискурс, расширение значения

Рассмотрение новых значений того или иного предлога в семантическом и когнитивно-дискурсивном аспектах созвучно положениям лингвистики о взаимосвязи языка, мышления и сознания; об антропоцентризме языка, когда человек во всей совокупности его лингвистических и экстралингвистических выражений помещается в центр языковедческих эмпирик; о вариативности / инвариатности языковых единиц. Перечисленные лингвистические концепции соответствуют и расширяют основные принципы анализа предложных единиц (ПЕ), выработанных М.В. Всеволодовой, а именно: 1) лингвистические обоснования избранного подхода к категории предлога; 2) дефиниция и функции предлога; 3) операциональные методы категоризации ПЕ; 4) функционально-грамматическое поле ПЕ [Всеволодова 2010: 3]. Полагаем, что в свете когнитивно-дискурсивного подхода к анализу функционирования предлогов в современном русском языке принцип, связанный с функционально-грамматическим полем, может быть дополнен изучением бытования рассматриваемых единиц в конкретном типе дискурса и на материале определенных жанров.

Рассмотрение современного значения предлога ‘про’ следует начать с общих теоретических положений о разрядах и видах предлогов по значению. Предлоги русского языка в зависимости от их значения делятся на предлоги времени, места, причины, цели, уступки, объекта и образа действия. К предлогам времени относятся *в, к, до, по, в течение, в продолжение, в заключение* (например, к полудню, после обеда и т. д.). Предлоги места – это *в, до, из-за, перед, мимо, около* и т. д. (например, из-за гор, над морем, через поляну и т. д.). В группу «предлоги причины» входят *из-за, ради, благодаря, в силу, ввиду, вследствие* (например, из-за тумана, от страха, благодаря помощи и т. д.). К предлогам цели принадлежат *за, для, ради, в целях* (например, за цветами, в целях безопасности и т. д.). Предлоги уступки – это *вопреки, несмотря на* (например, вопреки совету, несмотря на угрозы и т. д.). Предлоги объекта действия – это *о, про, насчет* (например, обо мне, про погоду, насчет работы). В группу «предлоги сравнения» входят *с, вроде, напо-*

добие (например, животное вроде кошки, яркий как солнце и т. д.). Наконец, предлоги образа действия – это *с, без* и т. д. (например, с грустью, без стеснения и т. д.).

Как видно из приведенной классификации, предлог ‘про’ (равно как и синонимичный ему предлог ‘о’) входит в группу предлогов объекта действия. Е.В. Клобуков указывает, что данные предлоги реализуют делиберативное значение [Клобуков 2013]. Такая позиция созвучна представленной В.В. Виноградовым классификации видов отношений, реализуемых предлогами: локальные (пространственные); темпоральные (временные); комитативные; аблятивные (каритивные); трансгрессивные; инхоативно-финитивные (терминологические); квантитативные (количественно-определяющие); дистрибутивные (разделительные); лимитативные; посессивные (притяжательные); генетические (генетивные); компаративные; модальные; финальные (целевые); каузальные (причинные); инструментальные; отношения внутреннего содержания; отношения заместительства, функционального пребывания в роли кого-нибудь; отношения внутренней зависимости; отношения приблизительной меры; делиберативные отношения [Виноградов 2011]. При этом делиберативные отношения служат для указания на содержание, повод суждения, на предмет мысли, речи, чувства.

В современном русском языке делиберативные предложно-падежные конструкции претерпевают существенные изменения, вызванные размытостью языковых норм и коммуникативной свободой. Т.В. Шмелева выделяет три активных процесса в русской грамматике, связанные с функционированием делибератива: 1) унификация форм делибератива, которая выражается в повышении роли семантического фактора и снижении синтагматики глагола; 2) свободное функционирование делиберативных конструкций вне предложения, т. е. в пространстве текста; 3) «формирование новых конструкций, востребованных в позициях заголовка и подзаголовка» [Шмелева 2021: 895]. Выводы, сделанные автором в отношении унификации форм делибератива, подтверждаются и расширяются в другом исследовании, проведенном Т.В. Шмелевой совместно с Т.И. Стексовой. Ученые отмечают, что редуцирование делиберативных конструкций происходит активно в медийном и художественном типах дискурса, а «самым консервативным в этом плане оказывается научный дискурс» [Стеклова, Шмелева 2021: 149]. Действительно, современная русская разговорная речь допускает большую степень трансформации и даже расшатывания языковой нормы, что приводит к тому, что единицы языка и речи в различных типах дискурса начинают употребляться в несвойственных для них коллокациях, реализовывать новые значения, формировать новые конструкции. Сказанное будет верным о предлоге ‘про’, который употребляется в винительном падеже как синоним предлога ‘о’.

Приведем конкретные речевые примеры и их анализ. Как уже было указано выше, предлог ‘про’ реализует в норме изъяснительное значение, т. е. в конструкции с этим предлогом заложен смысл ‘рассказать про что-то или о чем-то; рассказ про что-то; история о чем-то’. Но в современных дискурсивных условиях и обстоятельствах такая замена в конструкциях с предлогом ‘про’ не является возможной: *Успешный бизнес – это не про деньги, это про что-то другое*

(*успешный бизнес – это не история о деньгах) [URL]. Другой пример: *Приглашение меня на такое мероприятие – это не про возвращение дружбы. Это про хайп* [URL]. В этом примере предлог ‘про’ выполняет функцию стилистического приема, автор как бы выражает значение ‘хозяйка вечеринки не имела искреннего желания видеть меня среди гостей, а лишь хотела привлечь внимание к этому событию’. Такое значение предлога ‘про’ контекстуально поддержано сленговым словом *хайп* и экстралингвистическими данными о нашумевшей «голой» вечеринке 21 декабря 2023 г. в московском клубе «Мутабор».

Безусловно, такое употребление предлога ‘про’ не является нормативным, придает ему несвойственное делиберативное значение, но в данном случае говорящий пытается добавить своему высказыванию дополнительную экспрессию, как бы играет со словами, с непривычной конструкцией, вовсе не думая о сниженной, вульгарной или разговорной оценке. Лингвисты до сих пор ломают копья в попытке найти ответ на вопрос, откуда взялась мода на употребление предлога ‘про’ в новом для себя значении. Как всякое новомодное явление, такие конструкции с предлогом ‘про’ через некоторое время, вероятно, уйдут на периферию языкового сознания носителей русского языка. Справедливости ради необходимо сказать, что Е.В. Клобуков свои рассуждения об изменении употребления предлога ‘про’ изложил в статье, опубликованной в 2013 г. Спустя десять лет после выхода этого материала делиберативный сегмент русской грамматики в отношении указанного предлога не только не сократился, но и значительно расширился в плане появления вторичных значений у предлога ‘про’. По мнению автора, причину появления таких конструкций следует искать в «содержательной «толерантности» этих предлогов, которая и создала возможности для появления у них новых значений» [Клобуков 2013: 266]. Е.В. Клобуков даже высказывает предположение, что это калька на английский предлог *about*, который употребляется с широким спектром глаголов – *think, speak, worry* и др.

В 2013 г. предлог ‘про’ в своем делиберативном значении еще не употреблялся с инфинитивом. Начиная с 2021 г. такая конструкция в русском языке широко распространяется, хотя и ощущается как абсурдная: *Психолог – это про поговорить? Инструменты работы психолога* [URL]. Не описывается такое «модное» употребление предлога ‘про’ и в работе И.В. Высоцкой, которая выявляет следующие коммуникативные интенции анализируемого феномена в медийной речи: фиксация актуальной темы, анонс, продолжение и развитие темы, возвращение к теме, смена темы, прогноз (предположение, предугадывание), уточнение, акцент на микротеме [Высоцкая 2021]. Как видно из приведенного списка, экспансия предлога ‘про’ характеризуется не только семантическим, но и когнитивно-дискурсивным наполнением.

Таким образом, обращение к новому употреблению предлога ‘про’ в полной мере отвечает задачам лингвистики в плане фундаментального изучения языковых и речевых явлений, а также в аспекте объяснения тех процессов, которые ученый имеет возможность наблюдать не постфактум, а в момент функционирования в рамках того или иного национально-культурного сообщества. По нашему мнению, ненормативное употребление предлога ‘про’ является маркером не только

языковых, но и социальных, возрастных и гендерных различий. В этом отношении подобные исследования реализуют одну из главных функций языка – накопление, сохранение и передача информации от одного поколения к другому.

Литература

- Виноградов В.В.* Русский язык: грамматическое учение о слове. М.: Русский язык, 2001.
- Всеволодова М.В.* Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010. № 4. С. 3-26.
- Высоцкая И. В.* Об экспансии предлога *про* в современной русской речи, или Новейшая русская риторика // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 238-258.
- Клобуков Е.В.* Поговорим про *ПРО* и *О*, или Особенности функционирования русских делиберативных предлогов в XXI веке // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС-Пресс, 2013. С. 255-268.
- Стеклова Т.И., Шмелева Т.В.* Свободный делибератив в разных дискурсах // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2021. № 1 (100). С. 140-152.
- Шмелева Т.В.* Делибератив на фоне активных процессов в русской грамматике // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное. М.: Флинта, 2021. С. 888-898.

Источники материала

- Психолог – это про поговорить? Инструменты работы психолога. URL: https://yandex.ru/q/white_rabbit/7727154690.
- Успешный бизнес – это не про деньги, это про что-то другое. URL: https://ikm.hse.ru/success-story_evgenij-klochkov-uspeshnyj-biznes-eto-ne-pro-dengi.
- «Это про хайп». Ида Галич пояснила, почему не пошла на вечеринку Ивлеевой. Ведущая была готова зарыть топор войны, но считает, что они очень разные URL: <https://www.rbc.ru/life/news/658d6b519a794770d5135852>.

Natalya N. Koshkarova (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

MEANING EXTENSION OF THE PREPOSITION “PRO” AS SEMANTIC, COGNITIVE AND DISCURSIVE PHENOMENON

The paper explores the usage of the preposition ‘pro’ in its new meanings. The deliberative function of the preposition ‘pro’ is viewed as a semantic, cognitive and discursive phenomenon. The author comes to the conclusion that the scrutiny of preposition ‘pro’ new meanings is coherent with the fundamental and applied linguistic empirics.

Key words: preposition ‘pro’, deliberative, semantics, discourse, meaning extension

И.С. Лебедева (Москва, Россия)
Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
lebedeva_irina_68@yahoo.com

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО МИРА В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена изучению конструирования социального мира в ходе судебного разбирательства в зале суда. Автор рассматривает аспекты социального мира, определяющие лингвистический выбор участников дискурса: формирование идентичности, определение границ

групп, распределение ролей участников в группе и определение их взаимоотношений, а также выражение оценки содержания дискурса.

Ключевые слова: судебный дискурс, конструирование дискурса, социальный мир, идентичность, роль

Дискурс судебного заседания на этапе перекрестного допроса представляет собой социальный конструкт, своего рода социальное взаимодействие, в результате которого создается социальный мир, опосредованный личными установками участников дискурса, их отношением к событию, а также множеством факторов психологического и социолингвистического характера, которые формируют это отношение. Говоря о неразрывной связи социального мира и дискурса Р. Уодак и М. Майер (2009) указывают, что социальная реальность существует только в том случае, если она сконструирована в дискурсе [Wodak & Meyer 2009]. В процессе конструирования нового социального мира ключевое значение приобретает *формирование идентичности* участников дискурса – «impression management» [Hobbs 2003: 273]. Говорящий может использовать слова, фразы, синтаксические и риторические формы, переключаться между жанрами, стилями или диалектами языка, которые имеют известные социальные ассоциации, для выражения интенций и расставления акцентов, необходимых для формирования собственной идентичности и социального мира в целом. Например, П. Хоббз (2003) описывает использование элементов афроамериканского варианта английского языка адвокатом в зале судебного заседания для конструирования идентичности во время выступления перед чернокожими присяжными заседателями. Говорящие также формируют представление о природе идентичностей, которые они конструируют для себя и слушателей, что позволяет более четко очертить их взаимоотношения [Koven 2007]. М. Ковен рассматривает три основных вида идентичностей, голосов [Bakhtin 1981; Koven 2007; Wortham 2001], положений (footing) [Goffman 1981]: рассказчик, собеседник и голос персонажа. (1) Голос рассказчика позволяет деперсонифицировать / обезличить повествование, ссылки на участников дискурса (в судебном контексте – адвокатов и присяжных заседателей) отсутствуют, равно как и явные формы оценки. Для адвокатов голос рассказчика имеет первостепенное значение, так как позволяет не акцентировать внимание на их роли как создателей дискурса. Л. Фелтон отмечает, что голос рассказчика используется в повествованиях о преступлении, расследовании, судебном процессе, о судебной системе, роли адвоката в ней, о законе, как все это применимо в данном случае, и другие связанные темы [Felton, 2015]. (2) Голос собеседника демонстрирует активную роль создателя дискурса, говорящий лично вовлечен в дискурс и несет ответственность за распространяемую информацию. Говорящий включает в высказывание элементы метадискурса и дает свой собственный оценочный и аффективный отклик на репрезентацию представляемого мира [Koven 2007]. Голос собеседника позволяет убедить присяжных предпринять определенные действия, сообщить им, о чем они должны в данный момент думать или что чувствуют сами адвокаты. (3) Голос персонажа используется при цитировании, что позволяет говорящему создать видимость объективности, снять с себя ответственность за представляемое событие и сослаться

на кого-то более авторитетного в этом вопросе, на источник или автора. В этом случае говорящий воспринимается как лицо, лишь передающее информацию, *animator* – [Goffman 1981], и не несущее ответственность за ее содержание. Адвокаты используют голос персонажа, чтобы продемонстрировать свои ораторские способности, сделать аргументы более яркими и увлекательными, а восприятие события более очевидным для присяжных заседателей [Tannen 2007].

Конструирование идентичности – один из аспектов создания социального мира. Другой – это *выражение говорящим отношения к своему сообщению, его оценка* [Thompson & Hunston 2000]. Выбор лексики, например, эпистемических наречий, хеджей, модальных глаголов и иных средств выражения модальности, синтаксических структур и риторических приемов, например, метафоры, указывают на отношение говорящего к сообщению и оценку его с точки зрения реальности. Большая часть сообщений включает ту или иную форму оценки. Оценка также выражается в личной ответственности за сообщение, которую говорящий берет на себя, и в том, насколько он рискует своим «лицом» [Brown & Levinson 2014]. Это определяет, будет ли он демонстрировать или скрывать свою заинтересованность в дискурсе, демонстрировать уверенность или нейтралитет, будет ли пытаться достичь согласия.

Еще одной важной частью конструирования социальной реальности является *распределение ролей участников* в дискурсе и определение их взаимоотношений. Например, включение вокативов в дискурс не только позволяет обратиться к слушателям, но и служит напоминанием, что они являются предполагаемыми адресатами дискурса [Велтистова 1963]. Вокатив не только идентифицирует адресата речи, но и очерчивает границы социальных и межличностных отношений между участниками дискурса, выполняя социально-регулятивную функцию, при этом семантическая функция адресации, идентификации адресата речи отходит на второй план [Проничев 1971]. Таким образом выражается равенство / неравенство участников дискурса, их половозрастные характеристики, степень знакомства, официальность / неофициальность отношений, особенности канала связи, отражается противопоставление или, наоборот, сближение точек зрения [Красикова, Соцкая 2014].

Необходимым условием конструирования социального мира является *определение границ групп*. Выбор лингвистического выражения указывает на принадлежность к определенной социальной группе и, как следствие, на характеристики, обычно присваиваемые членам этой группы. Например, в контексте судебного заседания использование термина *the jury* определяет границы группы людей, выполняющих одну и ту же работу и обладающих общей идентичностью, делает их единым целым, отводит их уникальный статус как личностей на второй план и противопоставляет другим, которые не являются членами группы. Различия между членами группы стираются, а их общие черты и идентичности акцентируются для обозначения свойств, связанных с членством в группе, или для распространения функций одного члена группы на всех участников. Л. Фелтон (2015) отмечает, что адвокаты защиты часто называют себя, присяжных заседателей и

подсудимых гражданами Соединенных Штатов, утверждая, что этот статус означает, что все они разделяют определенные права и обязанности. Следовательно, если присяжные заседатели являются гарантами справедливого судебного разбирательства и презумпции невиновности при предъявлении обвинения в совершении преступления, то подсудимые также заслуживают этого, поскольку принадлежат к той же категории людей [Фелтон, 2015: 35]. Следует отметить роль местоимений в определении границ групп, в частности использование адвокатом местоимения *we* для обозначения группы, включающей адвоката и присяжных заседателей [Stygall 1994]. Л. Фелтон (2015) отмечает, что при использовании *we know* местоимение *we* указывает на адвоката, присяжных заседателей и, возможно, но не обязательно, на других присутствующих в зале судебного заседания. Этот прием используется адвокатом, если положение, принятое группой, является спорным. Приписывая характеристику одного человека (адвоката) остальной группе (присяжным заседателям), адвокат демонстрирует общее согласие.

Конструирование социального мира представляет собой многоплановую деятельность участников дискурса, направленную на формирование идентичности, определение границ групп, распределение ролей участников в группе и определение их взаимоотношений, а также выражение оценки содержания дискурса. Данные аспекты социального мира определяют лингвистический выбор говорящего.

Литература

- Велтистова А.В. Обращение в современном русском языке: В сопоставлении с русским: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963.
- Красикова Е.Н., Соцкая Е.В. Функции вокатива в коммуникации // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. № 3. С. 193-195.
- Проничев В.П. Синтаксис обращения. Л.: Ленинградский гос. ун-т, 1971.
- Bakhtin M. Discourse in the novel. In The dialogic imagination: Four essays by M.M. Bakhtin / ed. by M. Holquist. Austin: University of Texas Press, 1981. Pp. 259-422.
- Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 2014 [1987].
- Felton Rosulek L. Dueling Discourses: The Construction of Reality in Closing Arguments (Oxford Studies in Language and Law). Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Goffman E. Forms of talk. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.
- Hobbs P. "Is that what we're here about?" A lawyer's use of impression management in a closing argument at trial // Discourse & Society. 2003. 14 (3). Pp. 273-290.
- Koven M. Selves in two languages: Bilinguals' verbal enactments of identity in French and Portuguese. Philadelphia: John Benjamins, 2007.
- Stygall G. Trial language: Differential discourse processing and discursive formation. Philadelphia: John Benjamins, 1994.
- Tannen D. Talking voices: Repetition, dialogue and imagery in conversational discourse. Cambridge: Cambridge University Press, 2007 [1989].
- Thompson G., Hunston S. Evaluation: An introduction // Evaluation in text: Authorial stance and the construction of discourse / ed. by S. Hunston and G. Thompson. Oxford: Oxford University Press, 2000. Pp. 1-27.
- Wodak R., Meyer M. Critical discourse analysis: History, agenda, theory, and methodology // Methods for critical discourse analysis / ed. by R. Wodak, M. Meyer. London: Sage, 2009. Pp. 1-33.
- Worham S. Narratives in action. New York: Teachers' College Press, 2001.

Irina S. Lebedeva (Moscow, Russia)
Moscow State Institute of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

SOCIAL WORLD CONSTRUCTION IN COURTROOM

The present research studies social world construction in courtroom discourse. The author reveals aspects of the social world that determine speakers' linguistic choices: identity, group boundaries delineating, distribution of roles within the group, discourse content evaluation and expression of stance.

Key words: courtroom discourse, discourse construction, social world, identity, role

С.А. Лямзина (Красноярск, Россия)
Сибирский федеральный университет
svetlana.lyamzin@mail.ru

ГОРИЗОНТ ТЕКСТОВОЙ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ КАК ФАКТОР ЯЗЫКОВОЙ БИОГРАФИИ, ИГРАЮЩИЙ ВАЖНУЮ РОЛЬ В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕЧЕВОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ У ПАЦИЕНТОВ С АФАЗИЕЙ

В статье представлены результаты исследования, позволяющие рассматривать горизонт текстовой прецедентности как один из факторов языковой биографии, формирующий связи единиц ментального лексикона человека. Подобные знания о типичной речевой продукции индивида играют важную роль в повышении эффективности речевой реабилитации у пациентов с афазией.

Ключевые слова: языковая личность, языковая биография, индивидуальное когнитивное пространство, горизонт текстовой прецедентности, афазия

XX век ознаменовался активным развитием антропоцентрического направления в лингвистике. Несмотря на разработанность различных аспектов теории языковой личности последняя практически не рассматривается в сопряжении с другим феноменом – языковой биографией.

Проанализировав ряд источников, мы пришли к выводам, что языковая биография исторична. Она представляет собой историю становления языковой личности в тесном переплетении с процессами приобретения, становления и эволюции когнитивного опыта, с мировоззрением и системой ценностей человека, а также историю изменения речевых привычек человека под воздействием социальных и профессиональных факторов в течение его активной сознательной жизни [Лямзина, Колмогорова 2018].

В ходе исследования также было выявлено, что языковая биография описывается через такие характеристики как горизонт текстовой прецедентности, смена языковой среды, письменно-речевая рецепция и продукция, профессиональный речевой опыт и смена коммуникативного регистра в течение жизни [Лямзина 2022].

Таким образом, мы полагаем, что горизонт текстовой прецедентности является одними из факторов, оказывающих влияние на языковую биографию.

В целом проводимое нами исследование посвящено изучению особенностей языковой биографии пациентов с афазией (с нарушением речи, которое возни-

кает при органических поражениях мозга). Это должно помочь в разработке более персонализированных упражнений по восстановлению речи у пациентов с афферентной и эфферентной моторной афазией. Подобные разработки помогли бы учесть особенности языковой биографии пациентов [Лямзина 2022].

Так, в рамках нашего исследования мы выделили целевые группы здоровых людей (см. Табл.), попадающих в группу риска по афазиям, для их дальнейшего интервьюирования. Это позволило смоделировать вокабуляры, в определенной степени отражающие реальный ментальный лексикон групп риска, обусловленный их языковой биографией. Опора на такой частотный вокабуляр позволяет нам разработать более персонализированный комплекс упражнений для речевой реабилитации пациентов с афазией.

Таблица. Целевые группы здоровых людей, попадающих в группу риска, прошедших процедуру интервьюирования

20 женщин с высшим образованием		20 женщин со средним специальным образованием	
Средний возраст	Профессия	Средний возраст	Профессия
50 лет	Документовед, провизор, преподаватель, юрист, инженер-строитель, главный бухгалтер, социальный педагог	57 лет	Официантка, воспитатель, бухгалтер, проводник поезда, медсестра, швея, бухгалтер, домохозяйка, железнодорожник, парикмахер

Согласно данным исследований, языковая личность характеризуется своим собственным индивидуальным когнитивным пространством, т. е. структурированной совокупностью знаний и представлений [Красных и др. 1997; Красных, 1997а; Красных, 1997б].

В свою очередь, индивидуальное когнитивное пространство представляет собой [Красных 1997а]:

1) коллективные когнитивные пространства – определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений социумов, включая языковую личность. Ядерными элементами когнитивного пространства являются культурные феномены;

2) когнитивную базу национально-лингвокультурного сообщества – определенным образом структурированную совокупность знаний и представлений национально-лингвокультурного сообщества, в которую входит языковая личность. Ядерными элементами когнитивной базы выступают прецедентные феномены.

Таким образом, каждая языковая личность обладает своим объемом индивидуального когнитивного пространства в зависимости от знаний и представлений социума и национально-лингвокультурного сообщества, в которые входит данная языковая личность, а, следовательно, и от горизонта прецедентности, формируемого совокупностью прецедентных феноменов, входящих в индивидуальное когнитивное пространство личности [Лямзина 2022].

Полученные в результате исследования данные показывают, что речь респондентов выделенных групп характеризуется активным использованием фразеологизмов и коллоквиализмов, пословиц и поговорок, прецедентных высказы-

ваний из фильмов, книг, стихотворений, песен, которые они используют в повседневной жизни: **женщины с высшим образованием** («Где родился, там и пригодился», «Не плачь куплю калач, будешь плакать, куплю лапоть», «Не вырастет от свиньи бобренок, тот же поросенок», «Мал золотник, да дорог», «У природы нет плохой погоды», «Не сыпь мне соль на рану...»), «Муля, не нервируй меня!»); **женщины со средним специальным образованием** («Потерял потрохами, не соберешь крохами», «По Фомке и шапка», «Велика Федора, да дура», «Баба с возу, кобыле легче», «Любви все возрасты покорны...», «Мы в ответе за тех, кого приручили», «Какая гадость это ваша заливная рыба!», «О-о тепленькая пошла!»).

Источником выявленных прецедентных высказываний являются советские прецедентные тексты, среди которых кинофильмы, мультфильмы, произведения художественной литературы и песни.

Следует отметить, что значительная часть фразеологизмов, пословиц и поговорок была усвоена респондентами в детском возрасте в процессе коммуникации со старшими членами семьи и представляет собой продукт «речевого донорства» [Штейнердт 2012]: информант С. (преподаватель, 35 лет): «В детстве отец часто говорил: «Не плачь, куплю калач, будешь плакать – куплю лапоть». Вот, запомнилось. Или, вот, еще мама часто говорила мне, когда я была маленькой: «Муля, не нервируй меня!». От бабушки часто слышала: «Мал золотник, да дорог».

Следовательно, можно сделать вывод, что под влиянием факторов языковой биографии формируются системные связи единиц ментального лексикона языковой личности: формируется его ядро, в котором группируются слова, имеющие наиболее прочные связи как между собой, так и с периферийными единицами ментального лексикона. Прочность такой связи обеспечивает ее относительную устойчивость даже в случае наступления системного расстройства речи – афазии. Поскольку, установлено, что речевая патология при афазии характеризуется выраженными чертами индивидуального «языкового портрета больных» [Визель 2002; Газизуллина 2011].

Следовательно, знания о типичной речевой продукции индивида до афазии играют важную роль в повышении эффективности восстановительной работы.

Так, совместно с логопедами центра нейрореабилитации ФМБА России по Красноярскому краю нами были составлены упражнения для пациентов с тяжелой степенью афазии, направленные на восстановление речи при помощи автоматизмов, где в качестве материала использовались пословицы, фразы из художественных произведений, фильмов и песен, которые встречаются в речи респондентов и представляют собой так называемый «горизонт прецедентности» целевой группы (пример – упражнение 1).

Упражнение № 1. Дополните пословицы, и фразы из фильмов и песен подходящими словами.

1. У природы нет плохой... .
2. Не сыпь мне соль на... .
3. Мал... , да дорог.

Литература

Визель Т.Г. Нейролингвистический анализ атипичных форм афазии (системный интегрированный подход): автореф. ... д-ра психол. наук. М., 2002.

Газизуллина Д.Ш. Особенности нарушений морфологического компонента речевой деятельности и методы их преодоления при разных формах афазии: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2011.

Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и коммуникации // Вестник Московского гос. ун-та. 1997. № 3. С. 62-75.

Красных В.В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) // Язык, сознание, коммуникация. 1997. Вып. 1. С. 128-133.

Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация. 1997. Вып. 2. С. 5-13.

Лямзина С.А., Колмогорова А.В. Личность в зеркале языковой / речевой биографии // Филология: научные исследования. 2018. № 4. С. 220-228.

Лямзина С.А. Метод моделирования ментального лексикона пациентов с афазией (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2022.

Штейнердт В.В. Опыт применения метода речевого донорства при реабилитации речи у двух больных с афазией в постстационарном периоде // Сибирское медицинское обозрение. 2012. № 2. С. 76-79.

*Svetlana A. Lyamzina (Krasnoyarsk, Russia)
Siberian Federal University*

HORIZON OF TEXTUAL PRECEDENT AS A FACTOR OF LANGUAGE BIOGRAPHY WHICH PLAYS AN IMPORTANT ROLE IN IMPROVING EFFECTIVENESS OF SPEECH REHABILITATION OF APHASIC PATIENTS

The report presents results of the study which make it possible to consider horizon of textual precedence as one of the factors of language biography that forms connections between units of a person's mental lexicon. Such knowledge about typical speech production of an individual plays an important role in improving effectiveness of speech rehabilitation of aphasic patients.

Key words: language personality, language biography, individual cognitive space, horizon of text precedence, aphasia

*Т.Н. Москвитина (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
moskvitinatn@cspu.ru*

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ТОПОНИМОВ (НА ПРИМЕРЕ АМЕРИКАНСКИХ ТОПОНИМОВ)

В статье анализируются американские топонимы и особенности топонимической номинации. В последнее время фокус изучения топонимии сместился с топографического утилитарного использования на когнитивный и лингвокультурологический. Семантическое и этимологическое изучение топонима позволяет проследить историю развития этноса, особенности концептуализации и категоризации, необходимые при описании образа мира.

Ключевые слова: топоним, картина мира, искусственная номинация, топонимический концепт

Междисциплинарность и комплексный подход к рассмотрению различных аспектов языка стали одним из маркеров современных лингвистических исследований. С этой точки зрения перспективным представляется когнитивное изучение топонимов.

Изначально топонимия относилась к разделам географии и истории. Так, с точки зрения географического описания, «Топонимика – это научная дисциплина, которая изучает географические названия, их происхождение, развитие, современное состояние, смысловое значение, написание и произношение» [Басик 2006: 6]. Несомненна связь топонима с историей, так как географические названия возникали в определенные исторические периоды, фиксируя не только название местности, но и определенные исторические события. Показательны с этой точки зрения топонимы-историзмы: топонимы, которые, подобно историзмам в языке, называют более не существующие географические или политические образования. Различные события, такие как миграции населения, этнические контакты, войны накладывают свой отпечаток на топонимию. Каждую историческую эпоху характеризует определенный набор топонимов. Они образуют своеобразные топонимические пласты. Эти пласты очень хорошо прослеживаются на топонимической карте любой страны. Многие топонимы упоминаются в исторических документах и являются объектами исторического изучения.

Согласно Н. Подольской, топоним (географическое название, географическое имя) — это разряд онимов, собственное имя природного объекта на Земле, а также объекта, созданного человеком на Земле, который четко зафиксирован в данном регионе (город, деревня, обработанный участок земли, территория как часть государства, коммунация и т. п.), в том числе гидроним, ойконим, ороним, спелеоним, хороним, урбаноним, дромоним, агрооним, дримоним, инсулоним, некроним [Подольская 1988: 127], т. е. функция топонима – называть природные объекты на Земле. Данная функция топонима неоспорима. Однако в последнее время появился ряд исследований, в которых топоним рассматривается в разных аспектах. Так, некоторые лингвисты выделяют отдельный топонимический концепт. Приводя различные способы исследования топонима, А.Н. Беляев считает, что «изучение топонимов в когнитивном аспекте открывает возможности для совершенствования самих приемов ономастических исследований» [Беляев 2019: 13].

Изучая топоним в разрезе когнитивной науки, Н.А. Королева считает топоним единицей реализации концепта [Королева 2008: 127]. По мнению И.А. Мартыненко, топонимы являются результатом ментальной деятельности людей, живущих в группах и сообществах. Они являются единицами коллективного знания, выделяя при этом наиболее важное для сообщества. Поэтому И.А. Мартыненко считает, что когнитивный аспект является основополагающим при изучении топонима [Мартыненко 2020: 146].

До прихода европейцев Северная Америка была заселена большими группами племен, обладающими своим языком, особенностями хозяйственной деятельности (охотники, собиратели, аграрии, кочевые или оседлые народы), а также определенной социальной структурой. Разумеется, племена, населявшие континент, должны были как-то обозначать географические объекты, отсюда в

топонимах США огромный слой географических названий из индейских языков (гора Денали, река Миссисипи и т. д.). Кроме того, с «открытием» Америки испанцами и последующим переходом части испанских колоний под юрисдикцию США, определенный слой топонимии составляют топонимы с испанскими корнями (Флорида, Санта Фе, Колорадо и т. д.). Следующим топонимическим пластом стали топонимы поселенцев, в основном английские и ирландские.

Топонимы США можно условно классифицировать на несколько групп.

1. **Описательные топонимы** – обозначения конкретных названий, определяющих и выделяющих данный географический объект среди других, акцентируя внимание на его дифференциальных признаках, описывая его:

– топонимы, обозначающие рельеф и ландшафты, содержащиеся в названии своеобразные семантические элементы «маркирующего» характера: озера, низменности, горы, возвышенности, долины, равнины, реки, полезные ископаемые и т. п.: шт. *Montana*, в переводе с исп. «гора»; шт. *Michigan*, с яз. оджибве «большое озеро»; шт. *Minnesota*, с яз. дакота «мутноватая вода»; город *Acampo*, шт. Калифорния с исп. «пастбище, лагерь»; город *Atascadero* «топь, болото», описывает окружающую местность; город *Oildale* (от англ. «oil» нефть и «dale» долина) прилагает к трем богатым нефтяным месторождениям;

– топонимика Америки ярко отражает ее флору: такие топонимы обычно содержат в своем составе фитонимические термины – обозначения деревьев: город *Alamo* в переводе с исп. «сосна», *Alisal* от исп. «aliso» ольха, а *Fresno* «ясень»; трав: округ *Tulare* от «*Los Tules*», с исп. камыши и т. д.;

– топонимика Америки отражает ее фауну: округ *Mariposa* (исп. «*mariposa*» бабочка) получил название благодаря испанским путешественникам, которые в 1806 г., у подножия гор Сиерра, обнаружили огромное количество бабочек.

2. **Ассоциативные топонимы** – определяют географический объект по ассоциации схожести или смежности с другим предметом. Этимологически они близки к описательным, но все же необходимо их различать. Например, город *Ahwahnee*, с яз. йокутс «глубокая травяная долина» не описывает город, а скорее определяет его по ассоциации племени йокутс с объектом, находящимся рядом, – Йосемитской долиной; возможно, что *Rhode Island* получил свое название за то, что итальянский исследователь Джованни да Верадзано, проезжая мимо, нашел сходство с греческим островом Родос, в Эгейском море.

3. **Притяжательные топонимы** несут в своем наименовании идею о принадлежности. Принадлежность при этом может быть персонализированной: *Marysvill* «город Мэри», назван в честь жены основателя города. Значительная часть названий этого типа возникла во время перемещения переселенцев на запад страны, следовательно, в названиях отражаются наименования стоянок индейцев или пионеров на пути движения в сочетании с именами собственными: например, город *Loleta* ранее назывался *Swauger's station*, в честь Самуэля Свугера – местного землевладельца и т. д.

4. **«Событийные» топонимы**, отразившие в своем названии некое событие, привлекающее внимание в определенном месте: *Suicide* (Самоубийство), *Calaveras* (Останку), *Battle* (Битва), *Cannibal* (Каннибал), *Murder Creek* (Залив Убийства),

Earthquake (Землетрясение). Этот тип номинации основан на метонимическом переносе, является довольно популярным и простым, при этом сами названия позволяют сохранять историческую память.

5. Памятные, мемориальные топонимы. Большинство из них:

– антропонимы (сюда относятся любые онимы: фамилии, личные имена, прозвища) и этнонимы – имена нарицательные, служащие для обозначения этноса (сюда включены этнические группы, племена, народы и т. д.), которые обязаны своим происхождением желанию сохранить воспоминание о человеке, племени, поселении или оказать кому-то честь [Юздова 2018: 253]. Так, в Америке, многие города названы по имени людей, которые помогали развивать населенные пункты: город *Weed* назван в честь основателя местной лесопилки и первопоселенца Эбнера Уида; *Atwater* – в честь Маршалла Атуотера (Marshall D. Atwater), фермера, выращивающего пшеницу и отдавшего свои земли для ж/д станции; шт. *Delaware* – в честь Лорда де ла Варра, первого колониального правителя шт. *Virginia*; шт. *Kansas* – в честь имени племени куапо; шт. *Oklahoma* с чоктавского «*Okla*» люди, племя, народность и «*homma*» красный, отсюда «краснокожий народ» и т. д. Последние примеры можно отнести к группе этнотопонимов, которые помогают сохранить и передать ценную информацию о сложной этнической системе населения современной Америки, храня историю формирования этнического состава, о направлениях миграций и характере межэтнических контактов племен, когда-то населявших континент.

– топонимы, отражающие жизнедеятельность населения, например, город *Manteca* (исп. «масло») назван в честь маслозавода, располагавшегося там;

6. **«Привлекательные» топонимы.** Большое количество городов, округов и штатов получили свои названия вследствие желания создать необычное название, т. е. то, которое будет привлекать внимание поселенцев и казаться подходящим и красивым, либо дерзким и вызывающим: например: *Eden, Texas (Пай)*, *Prosperity, Западная Вирджиния (Благоденствие)*, *Angels Camp, Алифорния (Лагерь ангелов)*, *Nice, California (Хороший)*, *Weddington, Северная Каролина (Свадебноград)*, *Kissimmee, Флорида (Поцелуйменяйск)* и т. д.

7. **Топонимы-штампы,** созданные сознательно из фрагментов других слов, имен собственных, инициалов, аббревиации и т. п. Подобные явления отражены в названиях: округ *Del Norte*, аббревиация от исп. «северная земля» («*la tierra del norte*»); *Los Angeles* – сокращение от «*El Pueblo de Nuestra Señora la Reina de los Angeles sobre El Río Porciúncula*» (с исп. «Селение Девы Марии, царицы ангелов, на реке Порсьонкула»).

Можно отметить, что топонимы США богаты на неординарные названия. Вероятно, это связано с укладом жизни американцев, их особенным мышлением и восприятием действительности, а также с их уникальным чувством юмора. Основная часть топонимов дает яркое представление о видах животных и растений, обитающих на определенной территории, о залежах полезных ископаемых, добавляет дополнительную экстралингвистическую информацию о географических объектах, о сложных исторических и экономических процессах на называемых территориях и особенностях развития и формирования этноса, что делает

их компонентами топонимической картины мира и позволяет ярче передать особенность представлений и ценностей народов, населяющих этот регион.

Литература

Басик С.Н. Общая топонимика: учебное пособие для студентов географического факультета. Минск: БГУ, 2006.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988.

Беляев А.Н. О топонимическом концепте // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2019. № 1. С. 13-21.

Королева Н.А. Когнитивное моделирование топонимического пространства (на примере Центрального района г. Волгограда) // Вестник ВолГУ. Серия 9: исследования молодых ученых. 2008. № 7. С. 125-132.

Мартыненко И.А. О целесообразности введения термина «когнитивная топонимика» // Томский журнал лингвистики и антропологии. 2020. № 3 (29). С. 142-150.

Юздова Л.П. Мемориальный ойконим как когнитивный механизм // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 252-256.

Tatiana N. Moskvitina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State Humanitarian Pedagogical University

COGNITIVE ASPECT OF STUDYING TOPONYMS (BASED ON THE EXAMPLE OF AMERICAN TOPONYMS)

The article analyzes American toponyms and features of the toponymic nomination. Recently, the focus of the study of toponymy has shifted from purely topographical use to cognitive and linguocultural use. The semantic and etymological study of a toponym allows not only to trace the history of the development of an ethnos, but also the features of conceptualization and categorization necessary when describing the image of the world.

Key words: toponym, worldview, artificial nomination, toponymic concept

М.Н. Николаева (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
nikolaevam@mgpu.ru

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В КУЛЬТУРНОМ ПОЛЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ИТАЛИИ

В статье рассматриваются итальянские пословицы и поговорки, в которых в образной форме представлена культурная память народа. Восприятие значения и осознание смысла пословиц и поговорок позволяют проникнуть в культурное поле социального пространства итальянской нации, получить впечатление об уникальности картины мира итальянцев.

Ключевые слова: культура, культурная память, пословицы, поговорки, социальное пространство, итальянский язык

Индивид, находясь в социальном пространстве, не только взаимодействует с другими индивидами и социумом, обмениваясь необходимой ему информацией, но и осуществляет выбор сообщаемой и обработку получаемой информации, активизируя свои познавательные функции – восприятие, мышление, память, внимание, прогнозирование и рефлекссию. Эти функции являются наиболее

сложными в сознании человека, с их помощью происходит процесс рационального познания мира и обеспечивается целенаправленное взаимодействие с ним.

Понятие социального пространства встречается в философии и социологии. Этим понятием обозначают особую среду, в которой осуществляются социальные отношения. Его также понимают как совокупность полей, специфических однородных подпространств (например, поле политики, экономическое поле, культурное поле, образовательное поле и др.).

Культурное поле тесно связано с понятиями «культура» и «культурная память», объективируемые в разных формах. Известны различные подходы к определению и осмыслению понятия «культура», сложного и многоаспектного феномена, например, деятельностный, антропологический, аксиологический, творческий, лингвистический, лингвокультурологический и др. Культуру возможно рассматривать с позиций индивидуалистского и коллективистского подходов. Согласно коллективистскому подходу, «культура – это комплекс обеспечивающего идентичность группы знания, объективированного в символических формах: мифы, песни, танцы, пословицы, законы, священные тексты, скульптуры, орнаменты, живопись и др» [Ассман 2004: 95]. Рассматривая корреляцию культуры и языка, отмечают, что «культура и язык являются формами сознания, отображающими мировоззрение человека; культура и язык существуют в диалоге между собой; субъектом культуры и языка является индивид или социум, личность или общество» [Ефименко 2009: 9].

В Словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой «память – это способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений, опыта» [Ожегов 1995: 482]. Под культурной же памятью понимают «совокупность значимых для коллектива ценностей, норм, идеалов, передающихся из поколения в поколение в образной форме и в различных формах наследия» [Кособуцкая 2017: 102].

Среди различных языковых «форм» проявления культуры и культурной памяти – лексических и фразеологических единицах, афоризмах, сентенциях, крылатых выражениях, формулах речевого этикета, невербальных средствах языка и т. д. [Николаева 2023: 773] – пословицы и поговорки вызывают особый интерес, так как являются формой образного выражения культурной памяти социума, сокровищницей народной мудрости и коллективного опыта человека в любой сфере жизни, в любой деятельности. «Пословица – это «прошлая ситуация, которая используется для объяснения и понимания ситуации настоящей» [Черданцева 2010: 145]. И.Г. Константинова, цитируя слова итальянского филолога Людовико Де Чезаре, отмечает, что «подобно некоторым винам, чьим ароматом можно наслаждаться только там, где был выращен, собран и отжат виноград, из которого они сделаны, поговорки, перенесенные в другой климат, в другую страну или культуру, теряют свою первоначальную свежесть» [Константинова 2010: 5].

Объектом данного исследования являются пословицы и поговорки, в которых в символически образной форме отражена культурная память народа. В итальянском языке, как и в любом другом, встречаются поговорки и пословицы, связанные с историей страны, укладом жизни, народными обычаями и традициями.

В таких пословицах, как правило, содержится национальный культурно-маркированный компонент, служащий символом культуры страны [Основы... 2019: 166] и обозначающий реалии, исторические факты и др.

Рассмотрим несколько итальянских пословиц и поговорок, содержащих культурные маркеры. Например, в поговорке *fare la politica del carciofo* [Черданцева 2010: 39] через описание *carciofo* (артишока), характерного для Италии овоща, образно передан смысл исторической фразы, приписываемой королю Сардинии Карлу Эммануилу III, в которой он сравнивал Италию с этим овощем и предлагал не торопиться, делать все постепенно и довольствоваться лишь одной частью. Пословица *Foglia per foglia si mangia il carciofo* [Larucci 2007: 260] (букв. артишок едят листок за листком) означает, что «постепенно можно добиться до сути сложного, утомительного или запутанного дела», и подтверждает смысл предыдущей поговорки.

В двух вариантах следующей пословицы *Se Cartagine piange Roma non ride* или *Se Roma piange Cartagine non ride* [Larucci 2007: 273] (букв. «Если Карфаген плачет, Риму не до смеха» и наоборот «Если Рим плачет, Карфагену не до смеха») присутствуют топонимы, обозначающие античные государства, Римскую Республику и Карфаген, которые являлись участниками исторических битв. Оба варианта данной пословицы означают, что если из двух претендентов один одерживает верх над другим, то эта победа является только внешней, показной, так как условия жизни обоих остаются прежними, тяжелыми. В обоих вариантах пословицы содержится отсылка к трем Пуническим войнам (лат. *Bella Punica*) между Римской республикой и Карфагеном («пунами», т. е. финикийцами), которые продолжались с 264–146 гг. до н. э. В конце третьей Пунической войны Риму удалось одержать победу над Карфагеном. Этой победой Рим укрепил свое положение в Западном Средиземноморье. Наличие двух вариантов у одной пословицы имплицитно мыслит об одинаковом печальном исходе для обоих государств как в случае поражения, так и в случае победы. Аналогичная ситуация передана в известном фразеологизме «Пиррова победа», в котором выражена парадоксальная ситуация о достижении победы слишком высокой ценой; или даже о победе, приведшей к общему поражению.

В поговорке *'dare (avere) il resto del Carlino'* «добавить тумачков, дать на орехи (букв. «дать, получить сдачу с Карлино»)» [Черданцева 2010: 40] встречается слово Карлино, обозначающее итальянскую золотую или серебряную монету, бывшую в обращении в Италии в XIII в. На монете изображен король Неаполитанского королевства Карл I Анжуйский, по имени которого монета получила название.

В пословице *Il bianco e il nero han fatto ricca La Venezia* «На белом (хлопке) и черном (перце) Венеция разбогатела» [Константинова 2010: 61] содержится отсылка к истории Венецианской республики, существовавшей с VII в. по 1797 г. В XI в. Венеция контролировала практически все торговые связи между Западом и Востоком. Через Венецию перевозили шелк, рис, хлопок, кофе, сахар и пряности, за ввоз которых Венеция взимала налог.

В церковном календаре католической Италии отмечаются много дат, посвященных почитанию святых. Встречается несколько пословиц, в которых упоминается имя или день святого Мартина, например, *L'estate di San Martino dura tre giorni e un pochino (pocolino o pochino)* [Lapucci 2007: 887], которая переводится как «Поздняя любовь недолговечна» [Константинова 2010: 205]. Для понимания смысла этой пословицы необходимо вспомнить о римском воине Мартине, укрывшем своим плащом от холода нищего, который, как полагают, был Христос. Этот праздник отмечают ежегодно 11 ноября. Как правило, в этот день постепенное наступление холодов прерывается и возвращаются на какое-то время несколько теплых солнечных дней.

В другой пословице *A san Martino tutti i becchi saltano e fan balletti* [Lapucci 2007: 887]. «В день Святого Мартина все роконосы скачут и танцуют» тоже присутствует отсылка к дню Святого Мартина. В ней говорится о народной традиции чтить святого Мартина как покровителя несчастных обманутых женами мужей, называемых в народе роконосами, и которые в честь праздника поют на площади и весело танцуют. Вплоть до XIX в. существовали общества роконосцев, которые без стыда и ложной скромности шествовали по площадям городов, весело празднуя свое исключительное положение. Это были так называемые счастливые роконосы: в Риме существовало несколько таких объединений.

Италия славится едой, уникальной кухней, разнообразием вин. В некоторых пословицах говорится о продуктах и блюдах, ассоциируемых с празднованием какого-л. народного праздника. Так, в день Святого Мартина открывают винные бочки, чтобы убедиться, насколько успешен процесс ферментации вина. Эта «всенародная дегустация» сопровождается блюдами из гуся, жареными каштанами, плодами экзотического зимнего фрукта мушмулы, полентой, приготовленной из кукурузной муки: *Per san Martino cadon le foglie e si spilla il vino / Per san Martino oca e vino / Oca, castagne e vino mangiale a san Martino / San Martin ti tenta: castagna, oca e polenta / Per san Martino nespole e buon vino* [Lapucci 2007: 887-889]. За осознанным выбором указанных продуктов и блюд в этот праздник тоже находится какая-нибудь легенда, история, традиция или обычай, связанный со Святым Мартином.

Таким образом, анализ итальянских пословиц и поговорок с культурно-маркированным компонентом показывает, что в них в образной форме отражена культурная память народа, получившая объективацию в фактах истории страны, укладе жизни нации, народных обычаях и традициях. Знакомство с особенностями проявления культурной памяти в пословицах и поговорках позволяет понять и осознать специфику социального пространства и уникальность картины мира итальянской нации.

Литература

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Ефименко Т.Н. Роль иноязычной лексики в объективации взаимодействия картин мира: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Константинова И.Г. Русские пословицы и поговорки и их итальянские аналоги. СПб.: КАРО, 2010.

Кособуцкая Н.Ю. Концептуальное наполнение феномена «культурная память» // Вестник культуры и искусств. 2017. № 3 (51). С. 99-104.

Николаева М.Н. Итальянские пословицы с компонентом «ОДЕЖДА»: когнитивный аспект // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3–1 (54). С. 772-777.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: АЗЪ, 1995.

Основы межкультурной коммуникации. Государственные и национально-культурные символы / Л.А. Борботько, Л.Г. Викулова, Л.А. Воробьева и др. М.: Флинта, 2019.

Черданцева Т.З. Язык и его образы: Очерки по итальянской фразеологии. М.: ЛКИ, 2010.

Lapucci C. Dizionario dei Proverbi Italiani. Milano: Mondadori DOC, 2007.

Marina N. Nikolaeva (Moscow, Russia)

Moscow City University

PROVERBS AND SAYINGS

IN THE CULTURAL FIELD OF THE SOCIAL SPACE OF ITALY

The article considers Italian proverbs and sayings, which express the cultural memory of the Italian people in a figurative manner. Perception of the meaning and comprehension of the sense of proverbs and sayings allows penetrating into the cultural field of the social space of the Italian nation to get an impression of the uniqueness of its world picture.

Key words: culture, cultural memory, proverbs, sayings, social space, Italian language

М.В. Пигалева (Пермь, Россия)

Пермский государственный национальный исследовательский университет

pigaleva-m@yandex.ru

ПРИЗНАКИ ИСКУССТВА

В НАИВНОМ ТОЛКОВАНИИ РУССКИХ ИНФОРМАНТОВ

В статье приводятся результаты эксперимента, направленного на выявление образа искусства в русской языковой картине мира. Эксперимент проводился в формате анкетирования, во время которого русские информанты возрастом от 18 до 35 лет называли наиболее значимые, по их мнению, признаки искусства. Полученные контексты были подвергнуты компонентному анализу с последующим выделением семантических компонентов.

Ключевые слова: искусство, семантический компонент, информант, анкетирование, эксперимент

Искусство – это общечеловеческая ценность, неразрывно связанная с деятельностью человека, которая пронизывает все сферы общественной жизни. Исследование концепта ИСКУССТВО в разных языковых картинах мира представляет особый интерес, так как сравнение представленности концептов может выявить как универсальное в восприятии искусства, так и характерное только для представителей той или иной лингвокультуры.

В научной литературе нет единого мнения в определении функций искусства и их иерархии. Укажем наиболее значимые из функций искусства: познавательная; коммуникативная; ценностно-ориентационная; воспитательная; идеологическая; творческая; эстетическая; гедонистическая; катарсическая [Эрен-

гросс, Апресян, Ботвинник 2007: 148]. Каждая из этих функций имеет свои особенности и направленность. Познавательная функция связана с возможностью искусства представлять новую информацию для реципиента, а коммуникативная функция позволяет устанавливать контакты между разными индивидами и социальными группами. Воспринимая произведения искусства и испытывая сильные эмоции, человек испытывает желание создавать нечто новое. Создавая произведение искусства, он дает художественное осмысление окружающей его действительности, отражая при этом собственные мировоззренческие установки. Искусство формирует вкус и эстетический идеал, который не только определяет параметры внешней красоты, но и существенно влияет на представления о нормах и ценностях. Эстетические представления тесно связываются с общественно-политическими установками человека и его мировоззрением, и человек стремится к реализации своего эстетического идеала во многих сферах жизни.

В связи с тем, что лингвокогнитивный подход рассматривает концепт как лингвокогнитивное образование, отраженное в человеческом сознании, исследование концепта ИСКУССТВО включает применение экспериментальных методик. Наиболее распространенными методами являются ассоциативный эксперимент (свободный, направленный, цепочечный) и анкетирование. Методы позволяют получить актуальные сведения от представителей разных лингвокультурных сообществ и разных социальных характеристик.

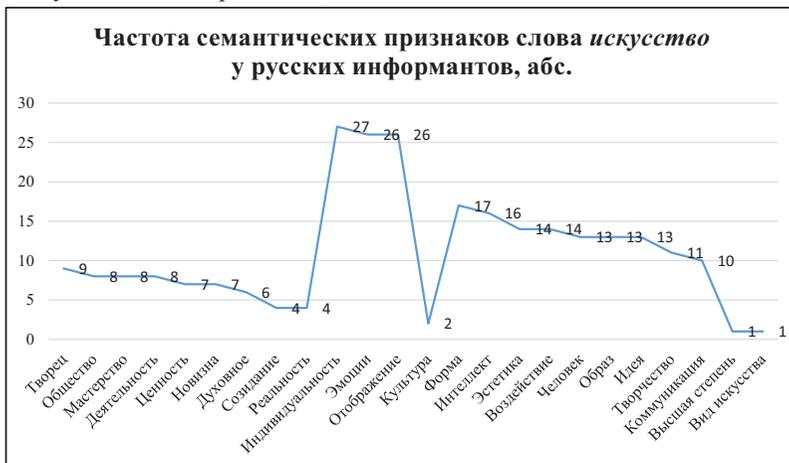
В «Русском ассоциативном словаре» Ю.Н. Караулова на стимул *искусство* совершеннолетними информантами обоих полов даются следующие ассоциации (указаны первые 20): *живопись, жизнь, картина, любви, красота, требует жертвы, для народа, говорить, театр, народу, петль, древнее, изобразительное, любить, наука, побеждать, прекрасно, слова, великое, живописи*. В ассоциативном ряде прослеживается, что искусство связывается прежде всего с творческой деятельностью и чаще воспринимается как изобразительное. Примечательна реакция *требует жертвы*, поскольку для русского национального сознания характерна ассоциация искусства с испытаниями лишений и душевными муками [Банькова 2015].

Нами было проведено анкетирование, в котором приняло участие 60 русских информантов возрастом от 18 до 35 лет, получающих или уже получивших высшее образование. В рамках эксперимента информантам было дано задание назвать несколько наиболее значимых признаков искусства. Анализ ответов осуществлялся в информационной системе «Семограф», в которой ответ каждого информанта рассматривался как отдельный контекст и подлежал компонентному семантическому анализу. Так как контексты были представлены преимущественно одним или несколькими предложениями, каждый контекст включал несколько компонентов, из которых в процессе анализа были выделены семантические признаки, актуализированные в ответах русских респондентов. В результате анализа ответов информантов нами было выделено 26 семантических компонентов. Частота актуализации признаков представлена на Диаграмме.

Как видно из Диаграммы, в ответах русских информантов наиболее ярко

выражены следующие семантические признаки: «Индивидуальность», «Отображение», «Эмоции», «Форма», «Интеллект». Меньше всего представлены семантические признаки «Реальность», «Созидание», «Культура», и «Вид искусства».

Семантический признак «Индивидуальность» представлен в большинстве ответов русских информантов: *Главный признак искусства – самовыражение автора; индивидуальность; новизна и оригинальность; уникальность*. Таким образом, для русских информантов ценность искусства заключается в его новизне и индивидуальности авторского видения.

В контекстах признак «Индивидуальность» чаще всего встречался в сочетании с признаком «Отображение»: *самовыражение; самовыражение как конечная цель; должно содержать в себе мироощущение человека*. Почти одинаковая представленность признаков «Индивидуальность» и «Отображение» (27 и 26 соответственно), а также малая представленность семантического компонента «Реальность» говорит о том, что для русских информантов – это прежде всего выражение творческого «я», а уже после – отображение окружающей действительности.

Для русских информантов искусство также связано с эмоциями: *эмоциональное воздействие на человека; эмоциональный отклик; выражает эмоции; эмоциональная отдача; уникальное произведение искусства приводит к катарсису*. Получение эмоций во время приобщения к произведению искусства способно вызывать катарсис – состояние внутреннего нравственного очищения, духовная разрядка. Стоит также отметить, что среди семантических признаков представлен признак «Воздействие», однако он не входит в число самых актуализируемых.

Выделение семантического признака «Интеллект» в ответах информантов отражает познавательную и идеологическую функцию искусства: *осмысленность; идейность; можно анализировать; в какой-то мере понятно*. Произведение искусства содержит в себе замысел творца, но также нуждается и в осозна-

нии зрителя. Важность формы для искусства также представлена в реакциях информантов: *результат творческого труда; законченность; образ может быть передан через разные формы (мелодия, слова, цвет)*.

Среди наименее представленных признаков искусства – «Реальность», «Созидание», «Культура» и «Вид искусства». Невысокий процент упоминания русскими информантами связи искусства и окружающей действительности кажется необычным, так как, согласно словарному определению, искусство – это «художественное творчество как особая форма общественного сознания, вид духовного освоения действительности» [Новая философская энциклопедия: URL]. Несмотря на то, что семантический признак «Созидание» выражен в реакциях информантов не столь ярко, как видно из диаграммы, более ярко выражен семантический признак «Творчество», что вполне соответствует словарному определению искусства.

Анкетирование выявило значительные различия между словарным определением искусства и восприятием искусства молодежью. Среди существенных признаков были названы индивидуальность замысла творца и восприятия произведения искусства зрителем, форма искусства, эмоциональная составляющая. Реже в ответах представлены понимание искусства как части культуры и как отражение реальности. Анкетирование демонстрирует несоответствие ответов информантов со свободными ассоциациями молодежи, зафиксированными в Русском ассоциативном словаре, что свидетельствует о многогранности восприятия искусства и его постоянном изменении.

Литература

Банькова Н.В. Концепт «искусство» / «art» в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.

Искусство // Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0124a45b27a14302d1c56924>.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. М.: Астрель: АСТ, 2002. С. 751-782.

Эренгросс Б.А., Апресян Р.Г., Ботвинник Е.А. Культурология. М.: Оникс, 2007.

Mariia V. Pigaleva (Perm, Russia)
Perm State National Research University

SIGNS OF ART IN THE NAIVE INTERPRETATION OF RUSSIAN INFORMANTS

The article presents the results of an experiment aimed at identifying the image of art in the Russian linguistic picture of the world. The experiment was conducted in the format of a survey, during which Russian informants aged from 18 to 35 years named the most significant, in their opinion, features of art. The resulting contexts were subjected to component analysis with subsequent identification of semantic components.

Key words: art, semantic component, informant, questioning, experiment

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ ГОРОДА ЧЕРЕЗ СЕМИОТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ И МЕДИАРЕСУРСЫ: ГДЕ ГРАНИЦА СПОНТАННОГО?

Семиотический ландшафт часто воспринимается как относительно объективное отражение межязыковых, межэтнических и социальных отношений на определенной территории. Тем не менее отдельные примеры успешного моделирования восприятия города посредством семиотического ландшафта ставят вопрос о степени объективности ландшафта, что, в свою очередь, ставит под сомнение спонтанность и независимость семиотического ландшафта.

Ключевые слова: языковой ландшафт, семиотический ландшафт, восприятие города, когнитивная карта, моделирование восприятия, когнитивная модель, Иннополис

Статья представляет собой попытку переосмыслить объективность языкового ландшафта как отражения лингвосоциальных отношений на определенной территории. Языковой ландшафт определяется как визуально значимые языковые единицы в общественных местах и на коммерческих вывесках [Landry, Bourhis 1997]. Тем не менее предмет исследования давно перерос сам термин и на смену ему предлагаются различные варианты. Одним из наиболее точных представляется понятие «семиотический ландшафт», который ранее был использован в нескольких работах [Leontovich 2019; Jaworski, Thurlow 2010]. При этом, конечно же, нельзя сказать, что термин в полной мере удачен. Видится, что «семиотический» ландшафт лишен определенных хронотопических координат, которые характерны для типичных единиц анализа в подобных исследованиях.

Довольно общим местом в исследованиях языкового / семиотического ландшафта является презумпция независимости ландшафта от направленного воздействия со стороны муниципалитетов. Такие исследования проводились, например, в США [Roeder, Walder 2016], Китае [Song, Yang, Ma 2022], России [Aristova 2016; Grishaeva 2015] и других странах и контекстах.

Тем не менее, как представляется, государственное регулирование ландшафта может в значительной степени повлиять на результаты его анализа. В исследовании языкового ландшафта в городе Уфа мы указывали на данное обстоятельство. В результате была предложена концентрическая модель анализа, которая предполагает необходимость исследования не только центральных, но и периферийных районов города, где влияние муниципального регулирования ослабевает. Разумеется, говоря о муниципальном регулировании мы имеем в виду преимущественно использование языков вывесок государственных и частных предприятий [Культурно-языковой ландшафт... 2021; Saduov 2021].

В настоящей работе мы рассматриваем пример города Иннополис, где влияние муниципалитета направлено не просто на регулирование языков на ландшафте: очевидна попытка сформировать модель восприятия города как самим его жителем, так и гостем.

Иннополис позиционируется как самый молодой город России. Градообразующими предприятиями являются технопарк и университет, который готовит инженеров в сфере информационно-коммуникационных технологий. Город спроектирован согласно концепции пятнадцатиминутного города с комфортной инфраструктурой. Характерной особенностью города является стремление мэрии заботиться о городских жителях. Забота о жителях не ограничивается только инфраструктурными благами: городские власти моделируют восприятие городского пространства. Можно выделить средства / каналы, посредством которых происходит моделирование, а также «опорные пункты» восприятия, которые мы приводим ниже.

Средства / каналы моделирования:

- медиаканалы города (например, Telegram-каналы);
- языковое разнообразие (в том числе искусственные языки);
- арт-объекты;
- объекты благоустройства города.

Модель восприятия города:

- гостеприимный город;
- самый молодой и технологичный город;
- город IT-специалистов;
- город, комфортный для жизни;
- город, заботящийся об окружающей среде;
- город в единении с природой.

Стоит отметить, что городские власти в своем стремлении создать модель восприятия города пытаются учитывать мнение жителей, вовлекая их в процесс со-создания ландшафта. В частности, мэрия организует опросы общественного мнения по поводу наименования городских объектов и выбора символов города, привлекает жителей к благоустройству города, в том числе созданию арт-объектов.

Таким образом, городское пространство Иннополиса представляет собой попытку сформировать модель восприятия города. Любая оценка данных действий в парадигме «хорошо / плохо» обречена на субъективность и, следовательно, на провал. Однако в контексте исследований языкового / семиотического ландшафта напрашиваются некоторые вопросы.

- Где граница спонтанности и обусловленности городского ландшафта?
- Насколько модель восприятия города отвечает представлениям жителей о городе?
- Что первично в построении модели восприятия города: представление жителя или намерение муниципальной власти создать определенный образ?
- Какой инструментарий может помочь определить, какая часть семиотического ландшафта явилась результатом спонтанной реакции жителя, а что – усилий мэрии?
- Насколько целенаправленные усилия городских властей в вопросах построения модели восприятия города могут быть успешны в более крупном городе?

Поставленные вопросы важны, поскольку они, по крайней мере, частично,

ставят под сомнение валидность некоторых результатов и методологию в исследованиях, посвященных языковому ландшафту. Дальнейшие исследования на эту тему должны быть основаны на экспериментальных методиках и эмпирических выводах.

Литература

Культурно-языковой ландшафт: на перекрестке исследовательских парадигм: коллективная монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 208-219.

Aristova N. English translations in the urban linguistic landscape as a marker of an emerging global city: The case of Kazan, Russia // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2016. No. 231. Pp. 216-222.

Grishaeva E.B. Linguistic Landscape of the City of Krasnoyarsk // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2016. No. 231. Pp. 216-222.

Jaworski A., Thurlow C. (eds.). *Semiotic landscapes: Language, Image, Space*. London: Continuum, 2010.

Leontovich O.A. The Semiotic Landscape of Volgograd in the Context of Urban Communication Studies // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2019. No. 12 (1). Pp. 97-105.

Roeder R., Walden B.C. The changing face of dixie: Spanish in the linguistic landscape of an emergent immigrant community in the New South // *Ampersand*. 2016. No. 3. Pp. 126-136.

Song H., Yang H., Ma E. Restaurants' outdoor signs say more than you think: An enquiry from a linguistic landscape perspective // *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2022. No. 68.

Saduov R.T. Cultural and linguistic landscape in a multi-ethnic city: a methodological turn // *Faces of urban cultural landscape* / ed. by J. Pecnikova. Banská Bystrica: KOPRINT / Department of European Cultural Studies FF UMB. 2021. Pp. 33-47.

Ruslan T. Saduov (Innopolis, Tatarstan, Russia)
Innopolis University

MODELING THE PERCEPTION OF A CITY THROUGH SEMIOTIC LANDSCAPE AND MEDIA RESOURCES: WHERE IS THE BOUNDARY OF THE SPONTANEOUS?

Semiotic landscape is often perceived as a relatively objective reflection of interlingual, interethnic, and social relations in a certain territory. Nevertheless, isolated examples of successful modeling of the city perception through semiotic landscape raise the question of the degree of objectivity of a landscape and its spontaneity.

Key words: linguistic landscape, semiotic landscape, city perception, cognitive map, modeling perception, cognitive model, Innopolis

В.М. Топорова (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
vtorogova@mail.ru

Н.Л. Беляева (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
nat.beljaewa@mail.ru

КОНЦЕПТЫ «ВЕРА» И «ПРАВДА» В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

На материале концептуально-семантического анализа номинаций концептов ВЕРЫ и ПРАВДЫ в диахроническом аспекте и на уровне современного знания рассматривается динамика межконцептуальных связей в сфере морально-ценностных установок сознания, выявляются когнитивные основания семантического пересечения компонентов рассматриваемого блока концептов.

Ключевые слова: концепт, концептуально-семантический блок, когнитивные связки, уровни знания

Динамика языкового сознания, интегрированного в когнитивную систему человека, проявляется в многогранности межконцептуальных связей и разнообразии концептуально-семантических пересечений языковых единиц, обусловленных разветвленной категориальной иерархией вербализуемых смыслов [Болдырев 2016]. Взаимодействие концептов, межконцептуальные связи проявляются на различных уровнях анализа языковой семантики – лексической, грамматической, фразеологической, на уровне анализа отдельных языковых единиц, словосочетаний, фразовых и сверхфразовых единств, лингвистики текста и т. д. Важную роль в структурировании семантического пространства языка и, соответственно, языкового сознания в целом играют устойчивые семантические объединения, выступающие в виде концептуально-семантических блоков, репрезентируемых когнитивными связками лексем.

Предметом нашего рассмотрения является концептуально-семантический блок «вера и правда», компоненты которого входят в число базовых культурных концептов, конструируют ментальный и ценностный образ русского мира. Они наделены особой культурной выделенностью тех комплексов смыслов, которые возникают в процессе их языковой репрезентации [Радбиль 2018: 23]. Мы ставим целью на основе семантического анализа данных лексем в диахроническом аспекте на различных уровнях репрезентируемого знания (мифологическом и современном) проследить динамику становления и направления развития их межконцептуальных связей в общем семантическом пространстве языка, а также выявить когнитивную значимость в процессе структурирования языкового сознания.

Этимологически понятия, составляющие блок «вера и правда», очень тесно связаны, что наглядно демонстрирует значения древних корней: авест. *va-*, д.-в.-н. *wa-* «правда, верность», лат. *verus* «истинный, правдивый», др.-русс. *правъ* «правильный» [Фасмер 1986: 401]. Уже на основе этимологических справок можно увидеть, что понятия веры, правды, истины настолько тесно сплетены, что на мифологическом уровне нам представляется трудным их разделить и определить, что первично. Правильнее будет сказать о размытых границах концептуального поля религиозно-мифологических воззрений, вследствие синкретичности мифологического мышления.

Развитие социальных контактов заложило концептуальную модель, лежащую в основе разных сфер деятельности, связанных с социальным взаимодействием и характеризующуюся поливалентностью [Антонов 2022: 50]. В процессе функционирования модели взаимодействия с божеством, которая была впоследствии перенесена на сферу социальных контактов, зарождается категория дара, основывающаяся на законах-табусах. По определению Ю. Степанова, признаки материального носителя, т. е. дара, абстрагируются и создают «плотную» сущность – веру [Степанов 2004: 406].

В связи с формированием новых видов деятельности внутри человеческого коллектива осуществлялось тематическое разведение, своего рода, «специализация» понятий. Согласно исследованиям средневековой литературы, проведенным

А.Л. Юргановым, центральными выступают вопросы веры и вероисповедания, правды и истины [Юрганов 1998: 28]. Так, у Ивана Пересветова «правда» является главным орудием «греков» (русских), «вера» лишь добавляется к правде («*Бог не веру любит – правду*»), но предпринимается попытка и соединить эти два понятия: «*Христос – истинная правда*», «*Христос есть правда, а вера в Христа – правая вера*» т. е. православие (цит. по: [Юрганов 1998: 35]). И все-таки, главным на тот момент выступает примат правды над верой. «*Вера, государь, церковная велика, а правды нет. Коли правды нет, то и всего нет*» [там же].

Несмотря на соединение понятий веры и правды имманентно присутствует некоторая «специализация» правды, когда она представляет не нечто санктuarное, а, напротив, весьма секулярную сферу деятельности общества («Русская правда» – название свода законов). Правда выступает основополагающей ценностью, которая регулирует жизнь средневекового человека и по горизонтали, и по вертикали. Внутри концептуального пространства правды формируются смыслы, которые становятся ядерными для формирования концепта веры. Трудно определить местоположение формирующегося концепта веры в пространстве концепта правды, занимает ли он часть ядра или находится на периферии.

В период Никоновских реформ (русская Реформация) намечается тенденция к взаимному сочетанию понятий веры и правды: *«Всяка правда нужна человеку, но без веры нет и верности Богу»*. Веком позже М.В. Ломоносов резюмирует: «*Правда и вера – две родные сестры, дочери одного всевышнего родителя ...*» [www.kartaslov.ru].

С течением времени наполнение понятия веры существенным образом изменилось, так, слово *вера* стала обозначать «личностные субъективные переживания» [Даль 1955: 60]. Появляются сочетания *сердечная вера, теплая вера*. Таким образом, вера становится морально-нравственным понятием, теперь она подчиняет и регулирует всю жизнь человека. Таким образом, концепт веры расширяется, но при этом не поглощает концепт правды. Правда же остается такой категорией, которая регулирует жизнь человека, но скорее простого человека, находящегося внизу социальной лестницы, и ввергает его в ее поиски, хоть результат поисков очевиден для представителей всех слоев общества. Пушкин устами Сальери утверждает: «*Нет правды на земле, но правды нет и выше*» [А.С. Пушкин. Маленькие трагедии]. Но народная мудрость гласит: *«За правду стой смело; Все минется, одна правда останется; Правда одна, а на всех людей хватит»*.

В XIX в. правда отделяется от веры, приобретает значения, обусловленные глубочайшим социальным расстройством общества. Так, интеллигенция использует слово *правда* со значением «истинное положение вещей», тогда как для простого человека (крестьянина) правда осталась «высшей справедливостью». Ф.М. Достоевский, анализируя национальные особенности русской души, пишет: *«Основная болезнь народная – жажда правды, но не утоленная»* [Ф.М. Достоевский. Дневник писателя]. Правда персонализированного употребления (у каждого своя правда) приобретает множественные характеристики (например, в названии сочинения «*Три правды в пьесе «На дне»: Луки, Сатина, Бубнова»*). Или у Н.А. Бердяева: «*В коммунизме есть своя правда*».

Понятие «справедливость», составляющее основу концептуального пересечения семантического пространства лексем «вера» и «правда», сохраняет когнитивную значимость при актуализации сферы морально-ценностных установок в целом и в пространстве религиозного восприятия веры: «вера, как некая система (порядок), который необходимо соблюдать» (*соблюсти веру, соблюдать веру христианскую*), или правда – «порядок, основанный на справедливости, честности» (*стоять за правду, страдать за правду, искать правду*) [Ожегов 1989: 574]

Современный цивилизационный период, характеризующийся высоким уровнем развития научного знания, обусловил когнитивную значимость и регулирующую роль концепта «истина, основанная на знании» в языковом сознании в целом, а также развитие нового значения в «светской» сфере употребления лексем «вера, основанная на знании» (= верить, проверить) в отличие от религиозного смысла веры, актуализируемого в сфере морально-религиозных установок сознания. Таким образом, признак «знание» интегрируется в концептуальное пространство лексем «вера» и «правда», расширяя основу семантического пересечения компонентов рассматриваемого концептуально-семантического блока, обуславливая динамику его развития.

Пересечение семантических пространств лексем, позволяющих интегрировать их в блок, выступает одной из когнитивных стратегий, формирующих концептуально-семантические блоки. На базе пересечения семантических пространств компоненты блока реализуют интегративный потенциал и могут формировать новые когнитивные связи: «истина и правда», «вера и совесть», «вера и надежда» (с потенциальным компонентом любовь).

Литература

- Антонов Д.И. Вотивные дары на Руси: предметы и практики // Вестник РГГУ. 2022. № 4. С. 50-59
- Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989.
- Радбиль Т.Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятия веры в разных языках и культурах. М.: Гнозис, 2018. С. 23-35
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986.
- Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998.

Valentina M. Toporova (Voronezh, Russia)

Voronezh State University

Natalya L. Belyaeva (Voronezh, Russia)

Voronezh State University

THE CONCEPTS OF “FAITH” AND “TRUTH” IN THE SEMANTIC SPACE OF THE RUSSIAN LANGUAGE

In this work, based on the material of the conceptual and semantic analysis of the nominations of the concepts FAITH and TRUTH in a diachronic aspect and at the level of modern knowledge, the dynamics of interconceptual connections in the field of moral and value attitudes is considered, the cognitive foundations of the semantic intersection of the components of the considered block of concepts are revealed.

Key words: concept, conceptual and semantic block, cognitive connectives, levels of knowledge

Г.М. Фадеева (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

galina_fadeeva@rambler.ru

ЯЗЫК ДИСКУРСА ВОССОЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ (1990) И ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

Статья посвящена взаимодействию социокультурных и языковых процессов в современной Германии, которые рассматриваются на материале устных воспоминаний граждан Германии и художественных текстов, посвященных воссоединению Германии (1990) как историческому событию. Данные корпусы понимаются в статье как частные дискурсы общего дискурса воссоединения в русле теории немецкого исследователя М. Юнга.

Ключевые слова: дискурс, модель дискурса, свидетели времени, достоверность, социолингвистика, когнитивная лингвистика

Дискурс понимается нами в русле теории немецкого исследователя М. Юнга, т. е. как виртуальный, постоянно развертывающийся во времени и в пространстве корпус высказываний на определенную тему, реализуемых в разнообразных типах текстов [Jung 1996]. Общий дискурс рассматривается как широкое / родовое понятие, следовательно, как наиболее крупная вышестоящая единица в иерархии. Из виртуального корпуса для исследования выбирается его репрезентативный сегмент, определяемый исследователем, и в объеме, который может быть проанализирован, т. е. доступен для анализа. При этом важно указывать на принадлежность исследуемого сегмента (части дискурса) к целому [Jung 1996; Фадеева 2009].

Такой подход позволяет четко определить место и границы исследуемых частных дискурсов в рамках общего дискурса «объединение / воссоединение Германии в 1990 г». Указанный общий дискурс во всем его многообразии и постоянном развитии во времени и пространстве понимается как совокупность высказываний на данную тему, реализуемых в разных сферах коммуникации и в разных типах текстов, т. е. состоит из множества частных дискурсов (публицистического, политического, научного, художественного, устных воспоминаний свидетелей времени и др.), объединенных данной темой.

Из сказанного следует, что можно рассматривать художественные произведения, посвященные объединению Германии в 1990 г., которые часто в определенной мере автобиографичны (например, опубликованные в 1992 г. роман Б. Ширмера «Жираф Шлевайна» и роман Э. Леста «Похмелье»), как один из частных дискурсов на эту тему наряду с политическими выступлениями, документами, ТВ-программами, художественными и документальными фильмами, а также наряду с устными воспоминаниями реальных людей, записываемыми в рамках различных проектов, называемых в Германии «рассказанная история» (*erzählte Geschichte*), «устные воспоминания» или *Oral History*, в ходе бесед, интервью и других форматов. Как говорят сами авторы художественных произведений, их свидетельства и высказывания, как и записываемые устные воспоминания-интервью на эту тему, преследуют цель сохранить и передать следующим поколениям некие сведения о жизни в определенное время в определенном обществе, т. е. они аутентичны [Twarck 1999]. В том и другом случае в фокусе находится индивидуум, рядовой человек с его биографией и его рефлексиями по поводу исторических событий, которые ему довелось пережить.

Первостепенная цель корпуса устных воспоминаний, рассказанной истории, *Oral History* заключается в восстановлении общей объективной исторической картины из множеств субъективных историй и биографий обычных людей. Корпус изначально устных, но впоследствии зафиксированных в письменном виде текстов, является сегодня источником информации для различного рода гуманитарных исследований. Например, в ходе немецкого научного проекта 2000 г. рядовые граждане бывшей ГДР рассказывали в интервью «свою историю» объединения Германии. Инициаторы проекта У. Фикс (Fix) и Д. Барт (Barth) определяют записанные ими беседы как «нарративнодискурсивные интервью» [Фадеева 2021].

Следует подчеркнуть, что грань между вымыслом и реальностью даже в исторических свидетельствах документального характера может быть очень условной. В этом вопросе мы разделяем мнение ученых, которые считают, что информация, зафиксированная в эго-документах мемуарного дискурса, к которому относятся записываемые тексты-интервью, не всегда может считаться абсолютно достоверной, поскольку человеческие воспоминания ненадежны и эфемерны. Человеку свойственно не только забывать, но и исказить информацию, так как слишком неприятные и болезненные воспоминания вытесняются или блокируются. На это указывает, в частности, исследователь мемориальной культуры и исторической политики А. Ассман, называя этот процесс «защитным механизмом человеческого мозга» [Ассман 2014].

С самого начала реализации подобных проектов ученые стремились дать в руки опрашиваемым (интервьюируемым) инструментарий, который помог бы им «самим написать свою историю», а для этого надо было выдвинуть на первый план условие «понять свою личную историю и сделать ее понятной для других». Об этом писала немецкая ученая Д. Вирлинг (Wierling), известная своими трудами в области социальной истории и так называемой «истории ментальности» (*Sozial- und Mentalitätsgeschichte*) конца XIX – начала XX вв. Таким образом,

Д. Вирлинг представляет научное направление, в рамках которого историки пытаются исследовать и объяснить установки, мысли и чувства людей определенной эпохи. Рассказанная история должна служить связующим звеном между прошлым и настоящим. Социолингвистические работы в данной области связаны в основном с экстралингвистическими аспектами воспоминаний (креативностью индивидуальной памяти, открытостью для интеграции мотивов культурной памяти и др.) [Andresen et al. 2015: 14].

Но речь идет и о языковом варьировании, обусловленном ситуацией, или контекстом, которое исследуется в лингвостилистике и в социолингвистике: «Стиль, как признают большинство ученых, выстраивается в *выборе языкового выражения*. Однако этот выбор не произволен, он контекстуально ограничен функциями (целями) сообщения, ситуацией, темой сообщения и другими контекстуальными параметрами» [Лузина 2004: 96]. Следует подчеркнуть, что лингвостилистика немецкого языка понималась в трудах профессора Э.Г. Ризель именно как социолингвистическая наука [Фадеева 2021].

Обсуждая проблему «точек соприкосновения и отталкивания» социолингвистики и когнитивной лингвистики, Н.Н. Германова также пишет об *объективном* и *субъективном* в речи и приходит к следующему выводу: «Что касается проблематики и методов исследования, когнитивная социолингвистика демонстрирует сближение с традиционной социолингвистикой. По-другому обстоит дело в области общелингвистической теории, где между двумя направлениями намечаются принципиальные разногласия. Эти разногласия касаются центральных для лингвистической теории вопросов, таких как *взаимодействие социального и индивидуального* в языке» [Германова 2018: 41].

Рассматриваемые в статье вопросы связаны с понятиями *память, культурная память / память культуры, коллективная память* и др. Крупнейшие филологи и культурологи исследовали память как одну из величайших основ, на которых зиждется культура, создаваемая многими поколениями людей. Изучая культуру с точки зрения семиотики, Ю.М. Лотман подчеркивал, что культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т. е. надиндивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых. В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти [Лотман 2010]. Художественные тексты, которые можно считать аутентичными свидетельствами о времени, и записанные устные воспоминания (рассказанные истории) вносят в пространство общей памяти огромный вклад.

Выбор авторами художественных произведений, посвященных воссоединению Германии (1990), или авторами устных воспоминаний на эту же тему тех или иных языковых средств всех уровней в данном дискурсе, позволяет рассматривать наиболее значимые структуры социального знания в долговременной памяти носителей социокультуры, а также значимость данных структур для текущего осмысления событий, в нашем случае воссоединения Германии (1990) как поворотного в ее послевоенной истории события.

Литература

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Германова Н. Н. Когнитивная лингвистика и социолингвистика: точки соприкосновения и отталкивания // Взгляд в будущее: новые перспективы когнитивных исследований языка / гл. ред. О.К. Ирисханова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 218. С. 37-43.

Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Чему учатся люди. Статьи и заметки. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2010. С. 249-255.

Лузина Л.Г. Социальный аспект лингвистических исследований. (Обзор) // Социолингвистика вчера и сегодня: сб. обзоров. М.: РАН ИНИОН, 2004. С. 94-106.

Фадеева Г.М. «Лексикон – текст – дискурс» с позиций исследовательской практики // Вестник МГЛУ. Вып. 559. Серия: языкознание: язык в мире дискурсов. Лексикон – текст – дискурс. М.: МГЛУ, 2009. С. 91-100.

Фадеева Г.М. Социостилистический потенциал текстов проекта Oral History // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 180-190.

Andresen K., Apel L., Heinsohn R. Es gilt das gesprochene Wort: Oral History und Zeitgeschichte heute // Es gilt das gesprochene Wort. Oral History und Zeitgeschichte heute. Göttingen: Wallstein, 2015. S. 7-22.

Jung M. Linguistische Diskursgeschichte // Öffentlicher Sprachgebrauch: Praktische und historische Perspektiven. Georg Stötzel zum 60. Geburtstag gewidmet. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. S. 453-472.

Twark J. E. „so Larmoyant Sind Sie Im Osten Gar Nicht: Gespräch mit Bernd Schirmer“ // GDR Bulletin. 1999. Vol. 26, Iss. 1.

*Galina M. Fadeeva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University*

LANGUAGE OF THE DISCOURSE OF GERMANY'S REUNIFICATION (1990) AND UNDERSTANDING HISTORICAL EVENTS

The article is devoted to the interaction of sociocultural and linguistic processes in modern Germany, which are examined on the basis of oral memories of German citizens and literary texts dedicated to the reunification of Germany (1990) as a historical event. These corpora are understood as private discourses of the general discourse of unification in line with the theory of the German researcher M. Jung. *Key words:* discourse, discourse model, time witnesses, reliability, sociolinguistics, cognitive linguistics

*Л.Л. Шевченко (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный педагогический университет
shevchenko_ll@altspu.ru*

АЛЛЮЗИВНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Статья посвящена изучению аллюзивной метафоры с точки зрения ее участия в репрезентации национально-культурной специфики авторской картины мира. Аллюзивная метафора в художественном тексте рассматривается как средство отражения национальной художественной традиции и национальной культуры в целом.

Ключевые слова: аллюзивная метафора, национально-культурная специфика, авторская картина мира, матрица формирования смыслов

Наше исследование ведется в русле когнитивно-культурологического направления, базовое положение которого сводится к тому, что процесс концептуализации происходит в контексте конкретной культуры, в результате чего в нашем сознании формируется и хранится в различных формах широкий инвентарь культурно детерминированных ментальных образов, включающих когнитивные модели, схемы, сценарии, фреймы и другие форматы знания [Palmer 1996; Sharifian 2011].

Сегодня все больше внимания уделяется различным способам отражения национального характера и мировосприятия в пространстве литературного произведения. Культурная специфика рассматривается как один из признаков, имманентных тексту, что обуславливает целесообразность «интерпретировать текст как проявление культурно-специфического членения информационного потока носителями конкретной культуры» [Гришаева 2018: 493].

В связи с вышесказанным представляется актуальным рассмотрение языковых явлений в аспекте отражения в них национально-культурной специфики авторской картины мира. Объектом исследования в статье выступает аллюзивная метафора, а предметом исследования – ее национально-культурная специфика и ее отражение в авторской картине мира. Цель исследования – выявление и описание роли аллюзивной метафоры в репрезентации национально-культурной специфики авторской картины мира. Основными методами исследования являются лингвокультурологический анализ и когнитивное моделирование. Материал исследования составляют примеры аллюзивной метафоры из романов Айрис Мердок, чье творчество испытало большое влияние английской художественной традиции и английской культуры в целом.

Среди разнообразных средств языковой репрезентации особенностей культуры особенная роль отводится метафоре, поскольку в ней как основном когнитивном механизме этнокультурная обусловленность когнитивии находит наиболее полное отражение, что выражается в степени метафорической насыщенности текста, специфике концептуальных областей, служащих сферой-источником метафор, а также в выборе объектов метафорического описания [Козлова 2020].

Как когнитивный механизм, лежащий на пересечении двух концептуальных доменов [Lakoff, Johnson 1980], ментальных пространств [Fausconnier, Turner 1998] или концептов [Никитин 2002: 261], метафора обнаруживает устойчивые связи в концептуальной системе. Специфичность процесса концептуальной интеграции состоит в наличии особых чувствительных участков в сознании, так называемых «магнитных полюсов», охваченных ключевыми концептами, которые определяют основные схемы метафорических переносов. Модели концептуального взаимодействия структурируют концептуальную картину мира и служат своеобразной матрицей формирования смыслов.

Поскольку метафорическое переосмысление человеческого опыта происходит под влиянием образов сознания, формируемых в контексте национальной культуры, метафору можно понимать как «когнитивную сеть, которая выходит за пределы индивидуального сознания и простирается в мир культуры» [Gibbs 1997: 146]. Как область-источник, так и область-цель в метафоре демонстрируют

предпочтения, обусловленные спецификой когнитивного контекста культуры, роль которого является наиболее для анализа метафорических моделей, когда речь идет о художнике слова.

Аллюзивная метафора – это метафора, в которой аллюзия выступает в качестве области-источника, что указывает на ее связь с интертекстуальностью, определяемую как «средство овнешнения памяти культур» [Кремнева 2017: 200]. Среди великих классиков английской литературы наибольшее количество примеров аллюзивной метафоры в романах Мердок содержат ссылки на У. Шекспира, Дж. Барри и Л. Кэрролла: ...*a deep undynamic stillness so unlike the fine dramatic silences of the theatre: **Tempest scene two, or the entry of Peter Pan*** [Murdoch 1978: URL]; *Sister Mavis had carried Dorina away into her **never never land, her fairy domain of false light*** [Murdoch 1971: URL]; ***Looking-glass man, he thought, trying vainly for the millionth time to flex the fingers of his right hand*** [Murdoch 1971: URL].

Свидетельством того, что интертекстуальные включения из английских произведений занимают особое место в гипертекстовом пространстве Мердок, является не только количество аллюзивных метафор, в которых они выступают в качестве области-источника, но и тот факт, что автор подчеркивает взаимосвязь актуализируемых ими образов. Здесь мы имеем дело с особой разновидностью интертекстуальности – автотекстуальностью, определяемой как интертекстуальность, которая функционирует «в структуре идиолекта определенного автора» [Фатеева 1997: 14].

Особенность реализации категории автотекстуальности в произведениях Мердок состоит в том, что межтекстовое взаимодействие опосредовано целым рядом образов, заимствованных писательницей у классиков английской литературы. К примеру, аллюзивная метафора LIFE IS THEATRE актуализируется посредством многочисленных ссылок на творчество Шекспира, доказывающих его неоспоримое влияние на художественный метод писательницы. Из шекспировской формулы *Весь мир – театр* проистекает игровое начало романов Мердок. Игра и чудачество как способ преодоления суровой реальности являются важными сюжетобразующими элементами ее произведений.

Юмор и ирония, являясь ответом на регулирующие структуры в обществе, в английской культуре находят воплощение в концепте ODDITY: «*Foreigners regularly commented admiringly on the oddity of Britain. Readers of English literature discovered from Chaucer to Trollope a moral attitude which they considered to be quintessentially English. And that notorious English oddity, the gentleman, understood as a kind of character rather than as a member of a social class, was universally acknowledged to be a moral phenomenon unknown elsewhere*» [Letwit 1993: 336]. Считается, что эксцентричность и чудачество – свидетельство природной склонности англичан к независимости. Человек, который не хочет поступать как все, чаще становится чудаком, а не бунтарем, и это не вызывает порицания [Карасик 2006: 122-123].

Герои Мердок становятся в один ряд с образами чудаков из произведений Шекспира, Фильдинга, Дикенса, Кэрролла. Таков, к примеру, Остин из романа

«Человек случайностей». Детская травма правой руки стала первой из многочисленных трагедий в его жизни: таинственная гибель первой жены, конфликт с братом, потеря работы, авария, повлекшая за собой смерть ребенка, исчезновение любимой женщины. Герой словно попал в зазеркалье и не мог найти выход: *He had fallen through the looking-glass and could never get back* [Murdoch 1971: URL].

Хилари Бэрд, герой романа «Дитя слова», постоянно сравнивается с Питером Пэном. Используемая автором аллюзия реализуется в онтологической и артефактной метафорах, в которых метафорический смысл содержится в действиях персонажей или предметах, окружающих их. Вместе с сослуживцами Хилари готовит к Рождеству пантомиму «Питер Пэн», повествующую о мальчишке, отказывающемся взрослеть. Одно из его излюбленных мест – статуя Питера Пэна в Кенсингтонском саду: *Even Peter Pan, heaped up with snow, a scarcely decipherable crystal mound with streaks of polished gold, seemed for once a monument to innocence...* [Murdoch 2002: URL]. Ссылка на сказку Дж. Барри используется в романе 15 раз. Питер Пэн, чей образ повсюду преследует героя, является воплощением той наивной детской одухотворенности, которая во взрослом человеке может перерасти в опасное помешательство.

Чарльз Эроуби из романа «Море, море» – известный театральный режиссер, который на пике своей славы уходит на покой и возвращается в город своей юности, где и встречает свою первую любовь Хартли Фич. Чарльзу кажется, что ничего важнее любви к этой женщине в его жизни не было. Теперь он всеми способами, включающими даже похищение, пытается вернуть Хартли в свою жизнь. Описывая героя, автор неоднократно использует аллюзию на персонажей шекспировских пьес, в особенности подчеркивая сходство между Чарльзом Эроуби и Просперо, могущественным волшебником из «Бури»: *Now you're old and done for, you'll wither away like Prospero did when he went back to Milan, you'll get pathetic and senile, and kind girls like Lizzie will visit you to cheer you up* [Murdoch 1978: URL].

Рассмотренные нами аллюзивные метафоры служат средством репрезентации той части авторской картины мира, которая сформирована под влиянием британской художественной традиции. Это особый слой в сознании каждого писателя, в котором содержится опыт всех предшествующих поколений художников слова, в первую очередь его соотечественников. Национальная литература как способ объективации культуры в целом оставляет наиболее глубокие следы в мировоззрении человека, причастного к литературе, известного писателя и мыслителя.

Литература

Карасик В.И., Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудак». М.: Гнозис, 2006.

Козлова Л.А. Метафора как отражение этнокультурной детерминированности когниции // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 4. С. 899-925.

Кремнева А.В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры. Барнаул: АлтГТУ им. И. И. Ползунова, 2017.

Никитин М.В. Метафора: уподобление vs. интеграция концептов // С любовью к языку. М.; Воронеж: Ин-т языкознания РАН; Воронежский гос. ун-т, 2002. С. 255-269.

- Фатеева Н.А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 5. С. 12-21.
- Fauconnier G., Turner M. Blending as a Central Process of Grammar // Conceptual Structure, Discourse and Language. Stanford: Stanford University Press, 1996. Pp. 113-130.
- Fowles J. Wormholes. Essays and Occasional Writings. New York: H. Holt, 1999.
- Gibbs R.W. Taking metaphor out of our heads and putting it into the cultural world // Metaphor in cognitive linguistics: selected papers from the fifth International Cognitive Linguistics Conference. Amsterdam: Benjamin Publishers, 1999. Pp. 145-166.
- Lakoff G. Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Letwit S.R. The Anatomy of Thatcherism. London: Fontana, 1993.
- Murdoch I. A Word Child. London, 2002. URL: <https://bookreadfree.com/book/36497>.
- Murdoch I. An Accidental Man. London, 1971. URL: <https://bookreadfree.com/35074/901010.amp>.
- Murdoch I. The Sea, the Sea. London, 1978. URL: <https://bookreadfree.com/all/107284>.
- Palmer G. Towards a Theory of Cultural Linguistics. Austin: University of Texas Press, 1996.
- Sharifian F. Cultural conceptualizations and language: Theoretical framework and applications. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2011.

*Lyudmila L. Shevchenko (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University*

ALLUSION-BASED METAPHOR AS A MEANS OF REPRESENTING NATIONAL SPECIFICS OF THE AUTHOR'S WORLDVIEW

The article considers metaphor's role in representing national specifics of the author's world view. Allusion-based metaphors are presented as the way in which national literary tradition and national culture find the expression in a literary text.

Key words: allusion-based metaphor, national and cultural specifics, author's worldview, cognitive web

*Т.А. Ширяева (Пятигорск, Россия)
Пятигорский государственный университет
shiryaevat@list.ru
Е.А. Гончарова (Пятигорск, Россия)
Пятигорский государственный университет*

БАЗОВЫЕ И КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА «SUCCESS» В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются базовые и категориальные признаки концепта SUCCESS / УСПЕХ профессиональной сетевой коммуникации. К базовым параметрам исследуемого концепта относятся антропоморфность и аксиологичность, к категориальным признакам концепта SUCCESS следует отнести оценочность, актуальность, динамичность, социометричность, темпоральность.

Ключевые слова: концепт SUCCESS / УСПЕХ, профессиональная коммуникация, сетевая коммуникация, базовые признаки концепта, категориальные признаки концепта

В работе предпринята попытка выявить и определить базовые и категориальные признаки концепта SUCCESS профессиональной англоязычной сетевой коммуникации, отражающие его образную структуру [Нестерова 2019: 24; Цыгулева

2019: 99; Беляевская 2022: 85; Гончарова 2023: 99]. К базовым признакам концепта SUCCESS относится прежде всего его **антропоморфность**, рассматриваемая как интерпретация субъектом окружающего мира через личностные представления, ценности, собственный опыт, эмоциональные, ментальные и социальные действия. В ходе исследования было выявлено, что для репрезентации эмоционального состояния успеха зачастую используются следующие языковые единицы: *to define success* (определять успех), *to desire success* (желать успеха), *to dream about success* (мечтать о достижении успеха), *to find success* (обрести успех), *to want success* (стремиться к успеху). У некоторых адресантов понятие «успех» вызывает достаточно противоречивые чувства опасения, страха, тревоги, что вербализируется в словосочетаниях: *a fear of success* (страх успешной деятельности), *to avoid success* (избегать успеха), *to be scared of success*, *to fear success* (бояться успеха), *to sabotage success*, *to overlook success* (игнорировать успех).

Концепт SUCCESS стоит отнести к группе общественно-значимых концептов, имеющих особое социальное значение для бизнеса и обозначающих ту действительность, которая доминирует в современном бизнес-сообществе, поэтому невозможно обойти вниманием **аксиологическую** составляющую изучаемого феномена [Marfuga 2015; Haverkate 1983], выраженную лексемами *achievement* (достижение), *freedom* (свобода), *progress* (прогресс), *security* (безопасность). Подчеркнем, что лексемы, находящиеся на периферии концепта SUCCESS, а именно: *life* (жизнь), *family* (семья) интегрированы в слоты *love* (любовь), *kindness* (доброта), *friendship* (дружба), *decency* (порядочность), что, в свою очередь, позволяет отнести исследуемый концепт к категории морально-ценностных концептов.

Ценностные категории концепта SUCCESS обладают оценочностью и актуальностью [Слышкин 2004: 30], позволяя профессионалам лучше понять и интерпретировать значение данного концепта в контексте деятельности профессионального сообщества. **Оценочность** исследуемого феномена в профессиональной англоязычной сетевой коммуникации представляется важным категориальным признаком понимания успешности в различных видах предпринимательской деятельности, что репрезентируется комбинированием лексемы *success* с многообразными оценочными эпитетами, транслирующими отношение адресанта к описываемому событию. Мы выявили, что оценочность концепта SUCCESS характеризуется как качественными, так и количественными признаками. **Качественные признаки** концепта SUCCESS, с одной стороны, наглядно и убедительно показывают национально-культурную специфику языка, с другой, репрезентируют все специфические аспекты объективации субъектом окружающего мира, иными словами репрезентируют значимость когнитивного восприятия действительности: *amazing success* (удивительный успех), *brilliant success* (блестящий успех), *considerable success* (значительный успех), *extraordinary success* (экстраординарный успех), *glorious success* (славный успех), *great success* (великий успех), *important success* (важный успех), *incredible success* (невероятный успех), *insignificant success* (незначительный успех), *insufficient success* (недостаточный

успех), *noteworthy success* (заслуживающий внимания успех), *obvious success* (очевидный успех), *overnight success* (внезапный успех), *overwhelming success* (ошеломляющий успех), *particular success* (особый успех), *significant success* (значительный успех), *transformative success* (преобразующий успех), *tremendous success* (потрясающий успех), *uninterrupted success* (непрерывный успех), *wild success* (дикий успех). Квантитативные признаки концепта SUCCESS характеризуются желанием индивида измерить понятие «успешность»: *big success* (большой успех), *complete success* (полный успех), *continued success* (продолжающийся успех), *enormous success* (огромный успех), *full success* (полный успех), *global success* (глобальный успех), *high success* (высший успех), *huge success* (огромный успех), *intense success* (необъятный успех), *limitless success* (безграничный успех), *massive success* (массовый успех), *total success* (тотальный успех). Здесь подчеркнем, выбор коммуникантами в профессиональной сетевой коммуникации именно оценочных прилагательных, которые явно акцентируют качественные и квантитативные признаки исследуемого концепта, не только демонстрирует понимание и принятие всех ценностных параметров феномена «успех» всеми профессионалами, но и подчеркивают привлекательность указанного понятия для современного бизнес-сообщества [Ширяева 2023: 118].

Еще одним категориальным признаком концепта SUCCESS является **актуальность**, которая реализуется в текстах профессиональных соцсетей посредством публикации общезначимых и оригинальных афоризмов. («*First they ignore you. Then they laugh at you. Then they fight you. Then you win.* Mahatma Gandhi») (Сначала они игнорируют вас. Затем они смеются над вами. Затем они сражаются с вами. Затем вы побеждаете. Махатма Ганди); («*Twenty years from now you will be more disappointed by the things that you didn't do than by the ones you did do. So throw off the bowlines. Catch the trade winds in your sails. Explore. Dream. Discover.* Mark Twain») (Через двадцать лет вы будете больше разочарованы тем, чего вы не сделали, чем тем, что вы сделали. Так что бросайте все дела. Ловите попутный ветер в свои паруса. Исследуйте. Мечтайте. Делайте открытия. Марк Твен). Использование афоризмов в данных высказываниях не только придает текстам актуальность и универсальность, но классифицирует и ранжирует понятие «успех», подчеркивая его всеобщий и неизменный характер, и, безусловно, акцентирует неизбежность неудач, поражений и провалов на пути к успеху.

Категориальный признак **динамичность** концепта SUCCESS вербализован следующими словосочетаниями, конструирующими новые образы и ассоциации: *to achieve success* (добиваться успеха), *to boost success* (способствовать успеху), *to build success* (наращивать успех), *to create success* (создавать успех), *to discuss success* (обсуждать успех), *to invest in success* (вкладывать в успех), *to lead to success* (вести к успеху), *to make success* (добиваться успеха), *to reach success* (достигать успеха), *to travel to success* (двигаться к успеху). При помощи данных лексических единиц описывается динамичный сценарий, подчеркивающий категориальный опыт адресанта в процессе порождения речи как смысловой каркас его дискурсивной деятельности, свидетельствующий возникновение

большого количества новых когнитивных признаков. Динамичная, поэтапная структура концепта SUCCESS также находит свое отражение в следующих словосочетаниях: *the driver of success* (движущая сила успеха), *the ladder to success* (лестница к успеху), *the path to success / the road to success / the step to success / the way to success* (путь к успеху).

Логичным видится рассмотреть **социометричность** как один из основных признаков концепта SUCCESS, передающий особенности восприятия коммуникантами как друг друга, так и своей профессиональной деятельности: *business success* (успех в бизнесе), *career success* (успех в карьере), *client's success / customer success*, (иметь успех у клиентов), *community success* (успех сообщества), *company's success* (успех компании), *entrepreneur's success* (успех предпринимателя), *investing success* (инвестиционный успех), *management success* (управленческий успех), *market success* (успех на рынке), *meeting success* (успех на встречах), *personal success* (личный успех), *sales success* (успех в продажах), *stock-market success* (успех на фондовом рынке), *team's success* (успех команды), *trade success* (успех в торговле).

Наконец, **темпоральность** концепта SUCCESS репрезентируется словосочетаниями *future success* (будущий успех), *later success* (более поздний успех), *limitless success* (безграничный успех), *long-game success / long-term success* (долгосрочный успех), *past success* (прошлый успех), *recent success* (недавний успех). Указанные лексемы фиксируют временную локализацию событий или описываемых явлений.

Проанализировав образную структуру концепта SUCCESS в профессиональной англоязычной сетевой коммуникации, мы выявили базовые параметры изучаемого концепта: **антропоморфность** (восприятие индивидом окружающей действительности через собственные ценности, представления, опыт); **аксиологичность** (совокупность ценностей адресанта); к категориальным признакам исследуемого концепта относятся: **оценочность** (способность коммуниканта выражать личностное отношение к важности понятия «успех»); **актуальность** (использование общезначимых и оригинальных афоризмов); **динамичность** (наполнение публикации динамическими, образными лексемами); **социометричность** (отношение участников коммуникации друг к другу и к своей профессиональной деятельности); **темпоральность** (фиксация временной локализации событий).

Литература

Беляевская Е.Г. Концептуальные основания языковой картины мира: типы когнитивных структур // Когнитивные исследования языка. 2022. № 1 (48). С. 80-105.

Гончарова Е.А. Языковая репрезентация концепта SUCCESS в англоязычной сетевой бизнес-коммуникации // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2023. № 16. С. 98-105.

Нестерова Т.Г., Ремизова В.Ф., Маркова Г.А. Содержание концепта «успех» в русской языковой картине мира // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. Т. 10. № 1. С. 23-27.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 1. С. 29-34.

Цыгулева М.В., Федорова М.А. Реконструкция концепта SELF-REFLECTION на материале лингвистического корпуса английского языка // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 4. С. 97-104.

Ширяева Т.А., Гончарова Е.А. Свойства сетевой коммуникации как основы нового формата профессионального общения // Научная мысль Кавказа. 2023. № 2 (114). С. 117-125.

Haverkate H. Strategies in linguistic action // Journal-of-Pragmatics. 1983. Vol. 7. Pp. 637-656. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/0378216683900887>.

Marfuga A. Structural and Substantive Characteristics of the Concept “Social Success” // Procedia – Social and Behavioral Sciences. July 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/282599533_Structural_and_Substantive_Characteristics_of_The_Concept_Social_Success.

Tatiana A. Shiryayeva (Pyatigorsk, Russia)

Pyatigorsk State University

Elena A. Goncharova (Pyatigorsk, Russia)

Pyatigorsk State University

BASIC AND CATEGORICAL FEATURES OF THE CONCEPT “SUCCESS” IN PROFESSIONAL ENGLISH NETWORK COMMUNICATION

The article examines the basic and categorical features of the concept SUCCESS of professional network communication. The basic parameters of the concept include anthropomorphism and axiology, the categorical features of the concept include evaluativeness, relevance, dynamism, sociometricity, temporality.

Key words: concept SUCCESS, professional communication, network communication, basic features of the concept, categorical features of the concept

Научное издание

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 2 (58)

МАТЕРИАЛЫ XII МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ПО КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ 30 МАЯ – 1 ИЮНЯ 2024 ГОДА

Часть II

Главный редактор

Болдырев Николай Николаевич

Ответственный редактор выпуска

Иванов Андрей Владимирович

Компьютерная верстка *А.В. Иванова*

Подписано в печать 10.03.2024. Дата выхода в свет 28.05.2024.

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 43,7. Уч.-изд. л. 51,5.

Тираж 500 экз. Изд. № 6528. Заказ №

Цена свободная

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина»

Общероссийская общественная организация
«Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания Российской академии наук

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17Б, офис 324.

Тел.: (495) 334-82-65, 336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»

127282, г. Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1

Тел.: (495) 859-48-62

Cognitive Linguistics

ISBN 978-5-9765-5519-7

9 785976 155516 7